

Rp 1057
XXXIV (1891.)
of. CCII
N 11-12.

ВОЕННЫЙ
СБОРНИКЪ

132979 /
ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

1891

Н О Я Б Р Ъ

№ 11

375
400

СОДЕРЖАНІЕ ОДИННАДЦАТОЙ КНИЖКИ.

I.

I. Самостоятельность частныхъ начальниковъ на войсѣхъ. (Статья третья). Генераль-лейтенантъ К. ВОЙДЕ.	5
II. Очеркъ дѣйствій западнаго отряда генераль-адъютанта Гурко. (Часть I). Ноябрь 1877 года. (Статья третья). (Съ планомъ). Генеральнаго штаба подполковникъ ЕПАНЧИНЪ.	35
III. Изслѣдованіе лѣсныхъ дѣйствій. III. Теорія лѣсныхъ дѣйствій. (Статья четвертая). Подполковникъ РЪЩИКОВЪ.	85
IV. Замѣтка о карьерѣ К. ВОЛЬФЪ.	111
V. По вопросу о перемѣнѣ позиціи артилеріи. (Окончаніе). А. ПАВЛОВЪ.	116
VI. Учебная подготовка прапорщиковъ запаса и заурядъ-прапорщиковъ. В. БАФТАЛОВСКІЙ.	159
VII. Къ вопросу объ офицерскихъ заемныхъ капиталахъ. Генеральнаго штаба капитанъ НИКОЛАЕВЪ.	167
VIII. О кухонныхъ очагахъ въ войскахъ и объ экономическихъ очагахъ системы капитана Кубаровскаго. Л. В. ГРИГОРЬЕВЪ.	174
IX. Краткій очеркъ занятія амурскаго края и его современнаго административнаго устройства. (Окончаніе). Генеральнаго штаба подполковникъ РАГОЗА.	183
X. Бухара. (Статья первая). (Краткій историческій очеркъ). П. ПОСЛАВСКІЙ.	237

II.

I. БИБЛИОГРАФІЯ. Собраніе сочиненій и воспоминаній генераль-фельдмаршала графа Гельмута фонъ-Мольте. («Gesammelte Schriften und Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Grafen Helmuth von Moltke. Dritter Band. Berlin 1891»). В. А.	1
II. РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Отчетъ о дѣйствіяхъ эмеритальной кассы военно-сухопутнаго вѣдомства въ 1889 г. Избранныя рѣшенія главнаго военнаго суда за 1891 годъ, №№ 70-й, 71-й и 79-й	18 38
III. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Большіе маневры германской, австро-венгерской и французской армій въ текущемъ году.—Двухсторонніе маневры 4-го, 11-го, 1-го и 2-го баварскихъ корпусовъ германской арміи.—Участіе въ маневрахъ 4-й резервной пѣхотной дивизіи.—Спеціальныя маневры.—Корпусныя маневры 2-го и 8-го корпусовъ австро-венгерской арміи.—Кавалерійскіе сборы.—Крѣпостныя маневры у Коморна.—Маневры армій и группы армій во Франціи.—Спеціальныя кавалерійскіе и артилерійскіе сборы. В. НЕДЗВѢЦКІЙ.	44

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ

132979

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ ССІІ.

С. - ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Департамента Удѣловъ, Моховая, № 40.

1891

305
257

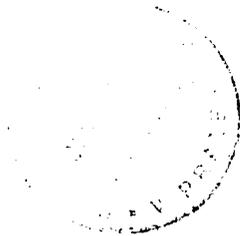
Рр 1057 / XXXII (1304) т. СС II № 11-12

На основані Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго 8-го марта 1862 года журналы правительственныхъ учрежденій изъяты отъ разсмотрѣнія общей цензуры, почему «Военный Сборникъ» издается главнымъ редакторомъ онаго подъ личною его отвѣтственностью и подъ наблюденіемъ Военнаго Министерства.

С.-Петербургъ. 31-го октября 1891 года.

Главный редакторъ «Военнаго Сборника»,

Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенантъ Лаврентьевъ.

I

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ЧАСТНЫХЪ НАЧАЛЬНИКОВЪ НА ВОЙНѢ.

(Статья третья) (1).

IV.

Суть «самостоятельности» частныхъ начальниковъ. Отношеніе къ ней начальниковъ старшихъ.

Самостоятельный починъ со стороны частныхъ начальниковъ смѣшиваются часто съ «манією атаковать» непріятеля, не взирая на обстановку, или же съ «принципіальнымъ хожденіемъ на выстрѣлы», хотя между подобными проявленіями съ одной стороны и дѣйствительною самостоятельностью—съ другой нѣтъ ничего общаго. Недоразумѣнія эти объясняются отчасти тѣмъ, что официально признавшіе принципъ самостоятельности нѣмцы, или, вѣрнѣе, прусаки, въ послѣднія свои войны дѣйствовали постоянно наступательно стратегически и тактически; почему войска ихъ дѣйствительно рвались въ бой и атаковали вездѣ, гдѣ представился къ тому случай. Но вовсе не въ этомъ состояла «самостоятельность» нѣмецкихъ начальниковъ.

Одинъ изъ военныхъ писателей замѣчаетъ вполне справедливо, что затѣянная иной разъ атака не только не будетъ плодомъ «самостоятельности» ея автора, но, напротивъ того, обличить въ немъ

(1) См. «Военный Сборникъ» 1890 г., № 7-й.

свойства, какъ разъ противоположныя, т. е. именно: пассивность и нерѣшительность. Такъ, напримѣръ, начальникъ двигающагося впередъ авангарда можетъ почти незамѣтно для себя, точно повинаясь силѣ «пріобрѣтенной скорости», ввязаться въ совершенно излишнюю, или просто, неосмысленную атаку на остановившагося противника. Слѣдовательно, подобная атака состоится потому именно, что начальникъ авангарда ничего во-время не обдумалъ, не сообразилъ, и ни на что «самостоятельно» не рѣшился.

Истинная самостоятельность не только не выражается непременно безусловнымъ «стремленіемъ впередъ», но она, наоборотъ, можетъ воплотиться просто въ «бездѣйствіе». Сраженіе 14-го августа 1870 года передъ Мецомъ представляетъ тому два разительныхъ примѣра.

Извѣстно, что это сраженіе, названное «при Колэмбе-Нуили», началось и разыгралось вслѣдствіе наступленія (на отходившихъ французовъ) части войскъ 1-й нѣмецкой арміи, генерала Штейнмеца, противно волѣ и желанію послѣдняго. Тѣмъ не менѣе Штейнмецъ, видя, что сраженіе загорѣлось нешуточное, что въ него ввязались уже значительныя части обѣихъ его передовыхъ корпусовъ, 1-го и 7-го, и, наконецъ, что прервать дѣло уже невозможно, отдалъ соотвѣтственныя приказанія въ видахъ продолженія сраженія, и, между прочимъ, 8-му корпусу, Гебена (сзади за двумя передовыми находившемуся), «перейти отъ Бюнвиля къ Варизь», ближе къ полю сраженія, въ видахъ поддержки войскъ, находившихся въ бою.

Такое приказаніе, данное, вѣроятно, около 6-ти часовъ пополудни, по невыясненнымъ исторіею причинамъ, дошло до генерала Гебена только около 9-ти часовъ вечера; Гебень, наблюдавшій за ходомъ боя издали, съ высотъ Пляпвиля, видѣлъ, что сраженіе прусаками уже выиграно и что, по случаю поздней поры дня, ничего существеннаго предпринять уже нельзя. Гебень не желалъ, безъ надобности, лишить свои войска ночнаго отдыха и насыженныхъ уже биваковъ; поэтому, рѣшивъ остаться на мѣстѣ, онъ ограничился только приказаніемъ, чтобы войска готовы были къ выступленію рано утромъ слѣдующаго дня, о чемъ и донесъ генералу Штейнмецу; послѣдній одобрилъ рѣшеніе своего подчиненнаго.

Нѣчто аналогическое случилось почти въ тоже время на самомъ полѣ сраженія. Тамъ 7-й корпусъ, генерала Цастрова, дѣйствовавшій на лѣвомъ крылѣ прусаковъ, въ жаркомъ бою съ французами подошелъ къ ночи чуть-ли не подъ пушки ближайшаго форта.

Меца. Генераль Штейнмецъ, опасаясь за свои, по его мнѣнію, слишкомъ впередъ выдавшіяся войска, отдалъ приказаніе, чтобы 7-й корпусъ возвратился на свои прежніе биваки. Однако, Цастровъ, ближе знакомый съ обстановкою, зналъ, что французы ушли и что опасности пока нѣтъ никакой, тѣмъ болѣе, что къ нему подошли свѣжія части 18-й пѣхотной дивизіи, Врангеля, 9-го корпуса. Не желая разстроенныя боемъ войска свои подвергать всѣмъ неудобствамъ и опасностямъ ночнаго отступленія, Цастровъ рѣшилъ провести ночь на полѣ битвы; этимъ онъ укрѣплялъ въ войскахъ своихъ сознаніе одержанной побѣды. И это распоряженіе подчиненнаго было одобрено Штейнмecomъ. Достоинно вниманія, что рѣшеніе Цастрова совершенно совпало съ воззрѣніями главной королевской квартиры, которая, по первому извѣстію о законченномъ тогда уже сраженіи, рекомендовала, «чтобы войска провели ночь на полѣ битвы для констатированія побѣды».

Если бы въ прусской арміи старшіе считали своимъ долгомъ «видѣть подчиненныхъ на помочахъ», а послѣдніе «исполнять приказанія по буквѣ, а не по дѣйствительному ихъ смыслу», то Цастровъ, отойдя ночью съ поля сраженія назадъ, подвергъ бы свои войска самымъ невыгоднымъ нравственнымъ впечатлѣніямъ; къ утру онъ недосчитался бы многихъ оставшихъ и разбредшихся въ темнотѣ, не говоря уже о напрасномъ утомленіи. Что же касается войскъ Гебена, то они легко могли бы всю ночь безъ нужды толкаться взадъ и впередъ, такъ какъ Штейнмецъ, при иной, «все приказывающей» системѣ командованія, пославъ Гебену одно приказаніе «идти къ Варизъ», не преминулъ бы дать потомъ другое «остаться у Біонвиля», изъ коихъ и второе приказаніе могло запоздать точно также, какъ опоздало первое. Остается еще прибавить, что приведенныя рѣшенія Гебена имѣли весьма вѣскія для нѣмцевъ послѣдствія. Благодаря своевременному сбереженію своихъ войскъ, Гебенъ далъ части ихъ возможность черезъ день вѣ-время достигнуть поля сраженія при Марсъ-ля-Турфъ, 16-го августа, гдѣ войска эти предотвратили пораженіе праваго крыла нѣмецкой боевой линіи.

Приведенные примѣры достаточно доказываютъ, что истинная самостоятельность можетъ иной разъ выразиться и въ «сознательномъ бездѣйствіи» и что безотчетное, несогласованное съ обстановкою стремленіе впередъ не имѣетъ съ ней ничего общаго.

Также мало общаго съ самостоятельностью имѣетъ «принципальное хожденіе на выстрѣлы». Начальникъ, дѣйствующій во имя принципа самостоятельности, обязанъ постоянно принимать въ раз-

счесть «всю» обстановку (а не одну лишь примѣту, т. е. слышную ему канонаду) и по соображеніи «всѣхъ» данныхъ рѣшиться на что либо совершенно «самостоятельно». Если бы начальникъ, напротивъ того, повинувась «одной» только канонадѣ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій двинулся въ ея направленіи, то онъ, во-первыхъ, вовсе не дѣйствовалъ бы «самостоятельно» и, во-вторыхъ, легко могъ бы попасть въ крупную ошибку. Подобный промахъ допущенъ былъ въ поименованномъ уже сраженіи передъ Мецомъ, 14-го августа, командиромъ 4-го французскаго корпуса, генераломъ Лямиро. Вотъ какъ это случилось.

Французская армія маршала Базена, сосредоточившись у Меца на правомъ, восточномъ берегу Мозеля, начала 14-го августа отступательную переправу черезъ эту рѣку. Начальники прусскихъ передовыхъ войскъ, какъ сказано выше, замѣтивъ движеніе французовъ, перешли въ наступленіе и атаковали стоявшія еще на позиціи войска французовъ (четыре пѣх. дивизіи 3-го корпуса и одну 4-го).

Весь стратегическій смыслъ этого наступленія прусаковъ, единственно оправдывавшій атаку силами, сравнительно очень слабыми, состоялъ именно въ стремленіи замедлить операцію, предпринятую французами. Не лишне тутъ припомнить, что въ тоже время войска 2-й нѣмецкой арміи, прикрываясь 1-ю, довершили свое фланговое передвиженіе и устремились къ переправамъ черезъ Мозель южнѣе Меца, съ цѣлью, по возможности, настичь французовъ, при дальнѣйшемъ отступленіи ихъ отъ этой крѣпости. Для французовъ слѣдовательно было въ высшей степени важно безостановочно продолжать разъ начатую ими отступательную переправу; однако, генералъ Лямиро поддакъ искушенію. Онъ перевелъ обратно черезъ Мозель на правый ея берегъ двѣ изъ своихъ дивизій, успѣвшихъ было совершить переправу на лѣвую сторону рѣки. Результатомъ было совершенно бесполезное утомленіе этихъ войскъ, а самое главное — потеря столь дорогаго времени.

Задержки двухъ дивизій корпуса Лямиро были едва ли не единственнымъ, фактическимъ и существеннымъ выигрышемъ, приобретеннымъ прусаками кровавымъ боемъ 14-го августа, такъ какъ въ остальномъ переправа французовъ замедлилась почти исключительно отъ собственной же неурядицы. Но за то замедленіе движенія помянутыхъ двухъ дивизій весьма вѣско и неблагоприятно для французовъ отозвалось въ послѣдующій роковой бой 16-го августа при Марсъ-ля-Турѣ.

Если бы 4-й французскій корпусъ совершилъ свою переправу,

какъ предполагалось, то онъ уже въ теченіе 15-го августа въ полномъ составѣ достигъ бы своего сборнаго пункта, Донкура. Когда же 16-го числа утромъ разыгралось сраженіе у Марсъ-ля-Тура, то корпусъ Лямиро очутился бы въ близкомъ разстояніи отъ нѣмцевъ и, такъ сказать, внѣ фланга общей ихъ боевой линіи; тогда самый естественный ходъ вещей долженъ былъ привести, даже, можно сказать, «заставить», французскій корпусъ (три пѣхотныя дивизіи) охватить и атаковать лѣвый флангъ нѣмцевъ. Полное пораженіе послѣднихъ было бы въ этомъ случаѣ неминуемо. На дѣлѣ же случилось, что одна изъ пѣхотныхъ дивизій Лямиро замѣшкалась въ долину Мозеля и присоединилась къ своему корпусу только къ ночи, послѣ боя 16-го числа, и только другія двѣ дивизіи въ теченіи того дня, 16-го августа, дошли кружнымъ путемъ до Донкура, у котораго могли быть уже 15-го числа; на поле сраженія онѣ появились довольно поздно и притомъ Лямиро, подъ предлогомъ утомленія своихъ войскъ, дѣйствовалъ только оборонительно. Въ концѣ концовъ, французы вмѣсто несомнѣнной побѣды (которую сулило имъ рѣшительное наступленіе) испытали при Марсъ-ля-Турѣ новую неудачу, въ послѣдствіяхъ своихъ для нихъ гибельную.

Таковы были плоды движенія генерала Лямиро «на выстрѣлы» и «на выручку своимъ» въ дѣлѣ переправы 14-го августа.

Какой разительный контрастъ представляетъ тутъ дѣйствія французскаго генерала сравнительно съ рѣшеніями прусскаго командира корпуса, Гебена. Первый, повинуясь «ходячему правилу» вопреки обстановкѣ, напрасно утомляетъ свои войска, теряетъ время и запаздываетъ принять участіе въ сраженіи у Марсъ-ля-Тура; послѣдній, наоборотъ, даже вопреки буквѣ полученнаго приказанія, счумѣлъ уберечь свой корпусъ отъ ненужнаго ночнаго передвиженія и этимъ далъ возможность части его (девять баталіоновъ) вѣ-время попасть въ бой 16-го августа и предотвратить тамъ, какъ уже сказано, пораженіе праваго крыла корпуса Альвенслебена.

По истинѣ самый усердный «прикладной, военный педагогъ» не въ состояніи «выдумать» столь поразительныхъ, дополняющихъ другъ друга примѣровъ (положительнаго и отрицательнаго), какъ-вые представляетъ намъ дѣйствительность и результатъ разныхъ противоположныхъ системъ и взглядовъ, господствовавшихъ въ двухъ противныхъ арміяхъ: въ одной «самостоятельность», основанная на знаніи дѣла, въ другой — подчиненіе рутинѣ и «ходячимъ правиламъ».

Истинная самостоятельность, какъ уже не разъ замѣчено, не

состоить въ исполненіи тѣхъ или другихъ правилъ или рецептовъ (напримѣръ: хожденіи на выстрѣлы). Она отнюдь не состоитъ и въ непремѣнной, такъ сказать, принципиальной горячечной дѣятельности. Напротивъ того, дѣйствительно самостоятельный начальникъ не только «спѣшить къ стати», но и «медлить во-время».

Самый принципъ «хожденія на выстрѣлы», теперь довольно распространенный, въ видѣ «ходячаго правила», по завѣренію Клаузевица, на-скоро сочиненъ генераломъ Ронья съ цѣлью оправдать Наполеона (допустившаго разные промахи въ кампанію 1815 года) и взвалить всю вину на его подчиненныхъ, въ особенности же на маршала Груши, будто виновнаго въ томъ, что онъ не вернулся къ императору на громъ Ватерлооской канонады. По этому поводу Клаузевицъ высказываетъ слѣдующее:

«Начальникъ отдѣльной колонны всегда долженъ брать направленіе туда, гдѣ сильная канонада указываетъ критическое время боеваго рѣшенія. Но правило это имѣетъ силу въ тѣхъ только случаяхъ, когда начальникъ отдѣльной колонны очутился въ положеніи неопредѣленномъ, когда прежняя ясность поставленной ему задачи затемнилась неизвѣстностью и противорѣчіемъ съ обстановкою (или съ цѣлями задачи). Это часто случается на войнѣ. Въ-мѣсто того, чтобы стоять безъ дѣла или блуждать безъ опредѣленной цѣли, такой начальникъ, конечно, лучше сдѣлаетъ, если поспѣшитъ на выручку сосѣду, когда сильная канонада указываетъ, что послѣдній въ опасности».

Далѣе Клаузевицъ находитъ, что для Груши, коему поставлена была особая задача, «преслѣдовать Блюхера, разбитаго за день до того у Линьи», канонада со стороны Ватерлоо не могла служить достаточнымъ поводомъ для того, чтобы бросить свою задачу и спѣшить на выстрѣлы. По мнѣнію Клаузевица, Груши, на основаніи общей извѣстной ему обстановки, долженъ былъ догадаться, что Блюхеръ перемѣнилъ направленіе и что онъ спѣшитъ на помощь Велингтону. Уяснивъ себѣ это, Груши, по мнѣнію Клаузевица, обязанъ былъ оставить преслѣдованіе Блюхера, такъ сказать, въ хвостъ, и устремиться ему наперерѣзъ, чтобы задержать прусаковъ на переправахъ черезъ рѣку Диле.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Клаузевица, Груши, съ одной стороны долженъ былъ бросить поставленную ему задачу (преслѣдованіе Блюхера), съ другой, онъ не былъ обязанъ возвращаться къ Наполеону; потому что ему, на основаніи «общей обстановки», приходилось избрать третье рѣшеніе: т. е. идти Блюхеру наперерѣзъ.

Нужно ли еще подчеркнуть, что подобное дѣйствіе со стороны Груши было бы прямымъ и самымъ типичнымъ примѣненіемъ къ дѣлу принципа «самостоятельности», въ томъ видѣ, какъ его понимаетъ современная военная наука и проводить на практикѣ современное военное искусство, по крайней мѣрѣ, у нѣмцевъ.

Не лишне еще добавить, что Клаузевицъ (писавшій около 1820 года) приведеннымъ выше разсужденіемъ своимъ вполне призналъ «принципъ самостоятельности частныхъ начальниковъ», хотя и не обобщилъ его въ своей теоріи войны.

Возвращаясь къ «принципіальному хожденію на выстрѣлы», не лишне прибавить, что слышная канонада есть весьма дѣльная примѣта, имѣющая въ ряду прочихъ иной разъ весьма важное значеніе, но не болѣе. Заслыша канонаду, необходимо прежде всего, на сколько возможно, дать себѣ отчетъ или даже просто провѣрить: какое собственно она имѣетъ значеніе? Засимъ сообразить это значеніе съ общою обстановкою; послѣ того только можно принять окончательное рѣшеніе. Слѣдующій примѣръ пояснить это болѣе наглядно.

Въ кампанію 1870 года, 6-го августа, баварская пѣхотная дивизія, генерала Ботмера, заслыша канонаду у Верта, произшедшую отъ усиленной развѣдки авангарда сосѣдняго, 5-го прусскаго, корпуса, сочла ее доказательствомъ предвидѣнной въ полученномъ на канунѣ особомъ приказаніи атакою французовъ на 5-й корпусъ. Исполняя буквально помянутое приказаніе («въ случаѣ канонады у Верта атаковать лѣвый флангъ непріятеля»), баварская дивизія пошла одна въ атаку на французовъ, была отбита и отброшена въ полномъ разстройствѣ. А между тѣмъ, если бы начальникъ дивизіи прежде атаки освѣдомился, что именно значить заслышанная канонада (впрочемъ и не такъ сильная), то онъ избѣжалъ бы напрасной, неудачной, атаки, подавшей между тѣмъ поводъ къ непредвидѣнному и неподготовленному нѣмцами сраженію при Вертѣ, въ которомъ они по этой именно причинѣ (неподготовленности) далеко не воспользовались своимъ громаднымъ превосходствомъ силъ, сравнительно съ корпусомъ маршала Макъ-Магона.

Не лишне еще добавить, что на слухъ не всегда можно положиться. Такъ, принцъ Гогенлоэ въ своихъ «Стратегическихъ письмахъ» упоминаетъ, что въ Богемскую кампанію 1866 года колоннѣ прусскихъ войскъ, при которой онъ находился, однажды мерещилась канонада нѣсколько часовъ сряду, между тѣмъ какъ долетавшій гулъ происходилъ отъ раскатовъ отдаленной грозы. И наоборотъ

ротъ, подъ Парижемъ въ 1870 году случалось не разъ, что надъ головами нѣмцевъ проносились французскія бомбы, между тѣмъ какъ выстрѣловъ не слышали. Любопытные, въ этомъ отношеніи, примѣры представляетъ сраженіе при Шпихернъ — Форбахъ 6-го августа 1870 года.

Въ день помянутаго боя прусскій генераль Гольцъ, слѣдуя въ авангардѣ 13-й пѣхотной прусской дивизіи, согласно приказанію, достигъ Фельклингена, на р. Саарѣ; тутъ онъ услышалъ канонаду отъ происходившаго лѣвѣе (восточнѣе) его боя у Шпихерна. Одновременно съ этимъ до Гольца дошло свѣдѣніе, что лежащій къ югу отъ Фельклингена (на кружной дорогѣ въ Форбахъ) пунктъ Клейнъ-Россель занятъ французами; туда Гольцъ и направился. Въ 4 часа пополудни прусаки достигли Клейнъ-Росселя; французовъ тамъ не оказалось; гулъ канонады съ поля сраженія туда не долеталъ, задерживаемый лѣсомъ и вѣтромъ (какъ объясняетъ прусская официальная военная исторія). Колонна Гольца остановилась и двинулась къ Форбаху (въ тылъ французамъ) только въ 7 часовъ вечера, по особому приказанію корпуснаго командира, генерала Цастрова, посланнаго послѣднимъ съ поля сраженія. Прусская колонна прибыла къ Форбаху поздно и при наступившей темнотѣ атаковать его не рѣшилась.

Совершенно схожее случилось въ тотъ же день и у французовъ.

Генераль Кастиньи, стоявшій со своею дивизіею, корпуса Базена, у Пютелянжа, версты 14 позади сражавшихся у Шпихерна войскъ генерала Фроссара, слыша канонаду, двинулся на выстрѣлы, но не попалъ въ должное направленіе. Казалось, что канонада стихла и Кастиньи вернулся въ Пютелянжъ; оттуда онъ двинулся впередъ вторично по запоздавшему приказанію Базена, но принять участія въ бою уже не могъ.

Канонада въ обоихъ поименованныхъ случаяхъ является для подлежащихъ начальниковъ не «частною примѣтою», а какъ будто всею сущностью дѣла. По звуку канонады они двигались, съ прекращеніемъ же его — бездѣйствовали. Тутъ слѣдовательно видимъ одно лишь пассивное, такъ сказать, «хождение на выстрѣлы», которое является совершенною антитезою «самостоятельнаго почина» (1).

(1) Не лишне добавить, что Гольцъ остановился у Клейнъ-Росселя по приказанію своего начальника дивизіи, приказанію, вызванному «усталостью» (какъ поясняетъ исторія) войскъ. Но на снмъ не видно, чтобы прусаки послали своевременно развѣды къ сторонѣ поля сраженія. Подобные развѣды, отъѣхавъ версты три отъ Клейнъ-Росселя, навѣрно разслышали бы канонаду.

Наконецъ, нельзя не добавить, что того, кто въ «хожденіи на выстрѣлы» видитъ безусловную аксіому, любая достаточно шумная демонстрація противника отвлечетъ отъ пунктовъ, у которыхъ противникъ видѣть его не желаетъ и притянетъ туда, гдѣ онъ для не-пріятеля совершенно безвреденъ.

Однимъ словомъ, «хожденіе на выстрѣлы», какъ уже неоднократно сказано, не имѣетъ ничего общаго съ «самостоятельностью». Это не болѣе какъ опять таки одно изъ тѣхъ «правиль», за которое точно за заборъ готовы хвататься тѣ, которые на собственныхъ ногахъ держаться не умѣютъ.

Отступленіе это съ нашей стороны было, однако, необходимо для того, чтобы покончить съ ходящими мнѣніями, которыя еще смѣшиваютъ «самостоятельность» со «стремленіемъ впередъ и въ бой» или же съ «принципіальнымъ хожденіемъ на выстрѣлы». Между тѣмъ какъ «самостоятельность», какъ уже сказано, вездѣ и всюду умѣетъ дѣйствовать кстати и медлить во-время.

Высказавъ, въ чемъ именно состоитъ отсутствіе самостоятельности, придется теперь дать ей опредѣленіе положительное.

Кто владѣетъ дѣломъ, тотъ, разбирая дѣйствительно свершившіяся событія, свободно и безъ затрудненія выдѣлитъ въ каждомъ данномъ случаѣ проявленія самостоятельности частныхъ начальниковъ. А между тѣмъ далеко не такъ легко дается ему краткое, но вмѣстѣ съ тѣмъ точное à priori опредѣленіе, въ которое столь же безошибочно умѣстились бы всѣ прежніе и пожалуй еще и будущіе примѣры «самостоятельности». Иными словами, что точное «научное» опредѣленіе «самостоятельности частныхъ начальниковъ» труднѣе распознанія ея или даже, пожалуй, примѣненія на дѣлѣ, въ каждомъ данномъ случаѣ.

Впрочемъ, подобное затрудненіе встрѣчается не только по отношенію одного затронутаго этого вопроса. Извѣстно, на примѣръ, что научное разграниченіе областей стратегіи и тактики даже въ настоящее время не можетъ считаться вполне и безспорно рѣшеннымъ. Однако, обстоятельство это ни чуть не мѣшало мастерамъ дѣла вести правильныя военныя операціи и одерживать побѣды, мало заботясь о томъ, въ какой именно области дѣйствовали они во всякую данную минуту: въ стратегической ли или же тактической?

Вышеприведенное высказано, впрочемъ, не для того, чтобы отдѣлаться отъ опредѣленія самостоятельности частныхъ начальни-

ковъ, а только въ видахъ предупрежденія, что «опредѣленіе» это быть можетъ потребуеъ нѣкотораго снисхожденія.

Кажется, что самостоятельность частныхъ начальниковъ, въ томъ видѣ, какъ она понимается современною военною наукою и проводится на войнѣ практически, можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ:

«Самостоятельность въ военномъ человѣкѣ есть то свойство или вѣрнѣе — свойства, которыя дѣлають его способнымъ схватывать умомъ правильно всякую данную на войнѣ обстановку; сообразно ей, принимать свои вполне самостоятельныя рѣшенія; исполнять эти рѣшенія на свою отвѣтственность».

Не трудно, однако, замѣтить, что выраженные выше требованія одинаково относятся къ верховному вождю, какъ и любому изъ подчиненныхъ ему начальниковъ. Да оно такъ и быть должно по самому существу дѣла, такъ какъ основныя свойства познаній и характера старшаго начальника и его подчиненныхъ должны быть совершенно однородны; разница можетъ быть развѣ только въ извѣстной степени этихъ свойствъ, но ни какъ не въ ихъ натурѣ. За всѣмъ тѣмъ, въ виду подчиненности частныхъ начальниковъ, придется по отношенію къ нимъ дополнить вышеприведенное опредѣленіе самостоятельности еще слѣдующимъ:

«Самостоятельныя рѣшенія, частнаго начальника, равно какъ и исполненіе рѣшеній, должны оставаться въ предѣлахъ полученныхъ свыше приказаній или же — цѣлей, поставленныхъ себѣ старшимъ начальникомъ». Къ этому не лишне добавить еще, что «цѣли», которыя поставилъ себѣ старшій начальникъ, могутъ быть имъ прямо указаны подчиненнымъ, или онѣ безъ того извѣстны (подразумѣваемы); или же, наконецъ, онѣ младшими начальниками только угадываются.

Старшій начальникъ, съ своей стороны, можетъ посвящать своихъ подчиненныхъ въ свои виды и намѣренія болѣе или менѣе обстоятельно; приказанія его могутъ быть болѣе или менѣе категоричны; просторъ, предоставляемый почину младшихъ — болѣе обширенъ или же ограниченъ. Весьма многое зависитъ отъ необходимаго такта и соблюденія должной во всемъ мѣры. Есть предѣлы въ обѣ стороны (простора или ограниченія), за которыя нельзя перейти безнаказанно. Однако, промахи въ этомъ отношеніи случались и съ лучшими полководцами; не убереглось отъ нихъ и нѣмецкое старшее начальство даже въ блистательнѣйшій для нѣмцевъ періодъ кампаніи 1870 года, столь справедливо прославившій знаменитаго ихъ стратега.

«На войнѣ все очень просто, но и самое простое—дается крайне трудно; точно война движется въ какой-то отягощающей стихіи» — говоритъ Клаузевицъ. Дѣйствительно, всевозможныя тренія и препятствія, непредвидимыя случайности, просто промахи или ошибки подчиненныхъ (не говоря, конечно, о противодѣйствіи противника), сами по себѣ въ состояніи значительно уменьшить результаты дѣятельности полководца. Ему не разъ приходится довольствоваться половиннымъ лишь успѣхомъ тогда, когда онъ, казалось, имѣлъ право рассчитывать на результаты самые полныя и рѣшительныя.

Но если подобныя стороннія обстоятельства, сами по себѣ, неожиданно, негаданно, въ состояніи стѣснить сферу полезной дѣятельности полководца, то самъ онъ отнюдь не долженъ уменьшать ее, произвольно отказываясь отъ своей командной воли и власти во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда появленіе ихъ полезно и необходимо.

Хотя съ перваго взгляда можетъ показаться мало вѣроятнымъ, чтобы старшій начальникъ, безъ нужды, отказался отъ своей власти и воли, но факты, тѣмъ не менѣе, показываютъ, что подобное, такъ сказать, «бездѣйствіе власти» случалось и у нѣмцевъ, именно, въ войну 1870 года, видимо, отъ излишняго упованія на самостоятельный починъ частныхъ начальниковъ. Вотъ тому примѣры.

Въ началѣ кампаніи, въ то время, когда 1-я и 2-я нѣмецкія арміи, подвигаясь впередъ, подходили уже къ предѣламъ Франціи, главное нѣмецкое начальство не позаботилось о точномъ разграниченіи раіоновъ наступленія обѣихъ армій. Результатомъ этого было столкновеніе между походными колоннами 4-го августа у Отвейлера. Когда же частное сношеніе между штабами армій не привело къ соглашенію, то королевская главная квартира 5-го числа предписала 1-й арміи очистить дорогу въ пользу 2-й. Это частное распоряженіе, какъ извѣстно, послужило командиру 1-й арміи, генералу Штейнмецу, поводомъ, или вѣрнѣе предлогомъ, выдвинуть на другой день, 6-го августа, часть своихъ войскъ прямо на пограничную рѣку Саару. Въ свою очередь, передвиженіе это повело къ совершенно безцѣльному и опасному для нѣмцевъ сраженію при Шпихернѣ, въ которомъ они, несмотря на прекрасныя дѣйствія многихъ своихъ начальниковъ, неминуемо испытали бы серьезное пораженіе, если бы противостоявшіе имъ французскіе генералы мало-мальски стояли на высотѣ представившейся имъ задачи (*). Къ этому, во всѣхъ от-

(*). Случай этотъ подробно разъясненъ въ сочиненіи «Побѣды и пораженія въ войнѣ 1870 года и проч.», т. I, стр. 48—54.

ношеніяхъ поучительному эпизоду (преждевременное наступленіе Штейнмеца на рѣку Саару) придется неоднократно возвращаться въ послѣдствіи и по другимъ вопросамъ.

Послѣ помянутаго сраженія, кончившагося побѣдою нѣмцевъ, арміи ихъ, 1-я и 2-я, перешли въ общее наступленіе, соединенное съ обходомъ Меца, къ которому стянулись отступавшіе французы. Нѣмцы стремились къ переправамъ черезъ рѣку Мозель повыше (южнѣе) Меца, въ надеждѣ настичь французовъ за этою рѣкою. Въ это время для нѣмцевъ въ высшей степени было важно узнать возможно точно: останутся ли французы у Меца, или же станутъ продолжать свое отступленіе и дальше, въ глубь страны? А въ послѣднемъ случаѣ, много ли успѣли французы въ своемъ отступленіи?

Понятно, что нѣмцы могли добыть нужныя имъ свѣдѣнія единственно посредствомъ своевременныхъ обширныхъ кавалерійскихъ поисковъ въ тылъ Мецу. Средства для исполненія было у нихъ болѣе нежели достаточно; они въ обѣихъ арміяхъ, 1-й и 2-й, имѣли 220 эскадроновъ конницы противъ 116 французскихъ, арміи маршала Базена; при томъ нѣмецкіе эскадроны были сильнѣе французскихъ (125 коней противъ 100). Наконецъ, организація нѣмецкой конницы, которая, независимо кавалеріи, бывшей постоянно при пѣхотныхъ дивизіяхъ, имѣла еще нѣсколько отдѣльныхъ кавалерійскихъ дивизій, въ общемъ составѣ 136 эскадроновъ, не говоря уже о многочисленной конной артиллеріи (въ обѣихъ нѣмецкихъ арміяхъ безъ малаго 150 орудій), какъ нельзя болѣе благопріятствовала обширнымъ поискамъ. Однако, главное нѣмецкое начальство, хотя и сознавало необходимость такихъ поисковъ, но упустило дать своевременныя достаточно категорическія для этого приказанія. Оно ограничилось скорѣе какими-то «намекami», какъ будто въ ожиданіи, что командиры армій сами догадаются, чего собственно отъ нихъ желаютъ и распорядятся «самостоятельно» прямо отъ себя; однако, на тотъ разъ этого не случилось. Со стороны 1-й арміи въ этомъ отношеніи не сдѣлано ровно ничего, а со стороны 2-й—далеко не достаточно (1).

Результатомъ «бездѣтельности власти» со стороны нѣмецкаго главнокомандовавшаго было полное его невѣдѣніе: куда собственно дѣвались французы. Предполагалось, что они ушли уже довольно далеко за Мець. Но между тѣмъ 3-й прусскій корпусъ, Альвенсле-

(1) Вопросъ о неумѣломъ употребленіи нѣмецкой конницы въ этотъ періодъ кампаніи подробно разобранъ въ главѣ IX тома I сочиненія «Побѣды и пораженія въ войнѣ 1870 г. и проч.».

бена, переправившись черезъ Мозель ночью съ 15-го на 16-е августа, къ утру послѣдняго дня наткнулся на всю армію Базена (14³/₄ пѣхотныхъ дивизій), собранную западнѣ Меца, вблизи этой крѣпости. Правда, что 10-й корпусъ, Фохтъ-Реца, скоро поддержалъ Альвенслебена; но за то остальные силы нѣмцевъ находились тогда еще за р. Мозелемъ и по причинѣ частныхъ промаховъ бывшія въ дѣлѣ нѣмецкія войска получили оттуда своевременную поддержку въ размѣрѣ не болѣе одной пѣхотной дивизіи. Впрочемъ, и при самыхъ лучшихъ распоряженіяхъ (т. е. возможно большей поддержкѣ со стороны войскъ, бывшихъ за Мозелемъ) крупное пораженіе нѣмцевъ было неминуемо; спасла ихъ опять бездѣятельность французскихъ начальниковъ (1).

Крoвавый урокъ Марсъ-ля-Тура не надоумилъ, однако, главное нѣмецкое начальство, которое съ 17-го августа, видимо, продолжало держаться теоріи «невмѣшательства» даже тогда, когда, по обстановкѣ приходилось ему проявить всю силу своей воли и власти. Вотъ какъ это случилось.

1329.49 Командиръ 2-й нѣмецкой арміи принцъ Фридрихъ-Карль находился 17-го августа утромъ подъ впечатлѣніемъ кроваваго и опаснаго боя, наканунѣ имъ выдержаннаго; онъ, въ ожиданіи подходившихъ подкрѣпленій, всецѣло поглощенъ былъ пока соображеніями оборонительными и частными интересами своихъ войскъ, а потому, естественно упустилъ изъ вида дѣла общія. Принцъ не позаботился о большой связной развѣдкѣ для раскрытія противника. Съ другой стороны и главное нѣмецкое начальство, тутъ же, на вчерашнемъ поле битвы съ ранняго утра присутствовавшее, тоже не взяло дѣла въ свои руки, видимо, полагаясь на командировъ армій (подошли уже два корпуса 1-й арміи). Вслѣдствіе всего этого случилось нѣчто совершенно невѣроятное и едва ли не просто невозможное, а между тѣмъ, въ дѣйствительности приключившееся. Французы, бывшіе на глазахъ у самаго короля Вильгельма еще рано утромъ 17-го августа, въ теченіе того дня какъ-то совершенно «исчезли» для нѣмцевъ и вовсе ими не отысканы, несмотря на то, что нѣмцы съ полудня того числа имѣли тутъ на лицо до 20,000 конницы, въ томъ числѣ большинство совершенно свѣжей. Нѣмцы и не узнали

(1) При самой большой удачѣ нѣмцы могли въ теченіе всего дня 16-го августа перевести за Мозель и употребить въ дѣло не болѣе какъ 8-й и 9-й корпуса, что съ 3-мъ и 10-мъ составило бы восемь пѣхотныхъ дивизій нѣмцевъ противъ 14³/₄ наличныхъ французскихъ; при томъ нѣмцы могли усиливаться только постепенно, между тѣмъ какъ французы были почти всѣ въ сборѣ на полѣ сраженія.

даже, что накануне имѣли противъ себя въ бою всю армію маршала Базена. Они вовсе не замѣтили, что армія эта, перемѣнивъ въ теченіе дня 17-го августа фронтъ (тыломъ къ Мецу), стала на грозной оборонительной позиціи. Все это тѣмъ менѣе понятно, что ближайшіе фланги противныхъ сторонъ (правый нѣмецкій и лѣвый французскій) стояли въ виду одинъ отъ другаго. Хотя слѣдующія затѣмъ части непріятельскихъ фронтовъ и расходились на дальнѣйшія ихъ точки (лѣвый флангъ нѣмцевъ и правый—французовъ) все-таки отстояли не болѣе какихъ-либо верстъ 15—18 другъ отъ друга (1).

Вовсе не раскрывъ противника въ теченіе 17-го августа, нѣмцы начали свои дѣйствія 18-го числа, находясь въ полномъ невѣдѣніи. Обстановка въ дѣйствительномъ ея видѣ представлялась ихъ глазамъ только постепенно; войска натыкались на противника неодновременно. Общаго начальнаго заранѣе обдуманнаго плана и расчета быть не могло. Въ разыгравшемся затѣмъ въ тотъ день Гравелотскомъ бою нѣмцы понесли потерю до 20,000 человекъ. При томъ они, несмотря на громадное превосходство силъ, едва не были отражены слабѣйшимъ противникомъ. Подобный результатъ, по крайней мѣрѣ, былъ вполне возможенъ и всецѣло лежалъ въ рукахъ французскаго главнокомандующаго.

Такимъ образомъ, плодомъ бездѣтельности главнаго нѣмецкаго начальства, нераспорядившагося своевременными кавалерійскими поисками и развѣдками, были два весьма опасныхъ для нѣмцевъ сраженія (Марсъ-ля-Туръ и Гравелотъ), выигранныя ими, главнымъ образомъ, благодаря французскимъ начальникамъ, независимо отличной распорядительности многихъ начальниковъ нѣмецкихъ и самоотверженію ихъ войскъ, которыя кровью своею искупили промахи тѣхъ, за которыми, однако, осталась потомъ вся слава успѣха.

Наконецъ главное нѣмецкое начальство проявило новое «бездѣйствіе власти» въ самомъ Гравелотскомъ сраженіи, бездѣйствіе, повлекшее за собою преждевременную фронтальную атаку со стороны корпуса Гебена, а за нимъ и корпуса Цастрова (оба 1-й арміи Штейнмеца). Вотъ какъ это случилось (2).

Начальникъ штаба 1-й арміи, генераль Шперлингъ, лично прибылъ къ королю утромъ 18-го числа и ознакомился съ общими видами и намѣреніями, которые, въ предѣлахъ неполнѣ тогда выяс-

(1) Подробно разобрано въ т. II гл. I сочиненія «Побѣды и пораженія въ войнѣ 1870 года и проч.».

(2) Приводится въ видѣ выдержки изъ сочиненія «Побѣды и пораженія въ войнѣ 1870 года и проч.».

нившейся обстановки, состояли въ томъ, чтобы изъ корпусовъ 2-й арміи—9-й атакował по направленію на Верневиль и лѣсъ Жениво, а гвардейскій и саксонскій—дѣйствовали еще лѣвѣе для прегражденія самаго сѣвернаго пути, на Бріей, или эвентуальнаго охвата праваго фланга французовъ (если они стали на позиціи тыломъ къ Меду). Что касается арміи генерала Штейнмеца, то она должна была «атаковать тогда, когда 2-я армія подвинется впередъ и будетъ готова къ дѣйствию».

Извѣстно, что приказаніе это передано было Гебену въ томъ видѣ, чтобы онъ «перешелъ въ наступленіе отъ Гравелота по обѣ стороны шоссе на позиціи, лежащія восточнѣе этого пункта, какъ только 9-й корпусъ вступитъ въ дѣло». Гебенъ же съ своей стороны еще упростилъ рѣшеніе данной ему задачи: онъ отдалъ приказаніе къ наступленію, то есть къ атакѣ, когда около полудня «послышалась» пушечная и ружейная пальба со стороны Верневилля.

Въ этихъ дѣйствіяхъ Гебена встрѣчается поразительное сходство съ неудачнымъ наступленіемъ Ботмера въ Вертскомъ сраженіи, вслѣдствіе «канонады у Верта». Какъ тамъ, такъ и тутъ канонада случайная, вовсе не входившая въ соображеніе старшаго начальника, послужила, такъ сказать, «исполнительною командою» для одинаково преждевременныхъ неудачныхъ дѣйствій.

Оставивъ въ сторонѣ Вертское дѣло, поставимъ вопросъ, какимъ образомъ произошло преждевременное наступленіе Гебена? Съ виду казалось бы, что всѣ тутъ правы. Да и въ самомъ дѣлѣ, чего же можно еще требовать отъ главнаго нѣмецкаго начальства? Оно достаточно обстоятельно объяснилось съ начальникомъ штаба арміи Штейнмеца и дало ему самыя рациональныя указанія. Извѣстно было, что 1-я армія должна атаковать тогда, «когда 2-я подвинется болѣе впередъ и будетъ готова къ дѣйствию». Засимъ Штейнмецъ предполагаемое «вступленіе въ дѣло» 9-го корпуса, сосѣдняго Гебену, считалъ лучшимъ доказательствомъ готовности 2-й арміи. Наконецъ, Гебенъ вывелъ заключеніе, что если 9-й корпусъ «стрѣляетъ», то, значитъ, «вступилъ въ дѣло» или по меньшей мѣрѣ въ него «вступаетъ».

Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ вышло бы, что всѣ заключенія, а слѣдовательно и зависящія отъ нихъ распоряженія и дѣйствія нѣмецкихъ начальниковъ были вполнѣ правильны и цѣлесообразны. Но этого всетаки никто не сказалъ, да и сказать не можетъ, хотя бы потому, что съ мѣста энергическая въ лобъ атака у Гравелота вовсе не входила въ виды и расчеты главнаго нѣмецкаго

начальства. А изъ этого слѣдуетъ, что въ приведенной выше вереницѣ оправданій нѣмецкихъ начальниковъ кроется какая-то фальшь или передержка. Дѣйствительно, не трудно замѣтить, что приведенныя (предполагаемыя) умозаключенія нѣмецкихъ начальниковъ, взятыя всѣ вмѣстѣ или порознь, построены на весьма шаткомъ основаніи, а именно, на предположеніи, что «все сойdetь совершенно гладко и безъ всякой запинки, такъ именно, какъ оно задумано»; но на подобныхъ же предположеніяхъ построены были, да и впредь строятся будутъ, всѣ оканчивающіеся собственнымъ пораженіемъ планы и маневры всевозможныхъ Мелясовъ и Альвинзиевъ. Между тѣмъ все практическое военное искусство состоитъ именно въ томъ, чтобы, не полагаясь на то, что «все сойdetь благополучно», умѣть предвидѣть, а засимъ устранить или обойти всевозможныя тренія и препятствія. Обязанность эта прежде всѣхъ лежитъ на главнокомандующемъ. Посмотримъ, какъ главное нѣмецкое начальство исполнило тутъ свои обязанности.

При самомъ даже высшемъ развитіи принципа «самостоятельности частныхъ начальниковъ» мы вправѣ ожидать и требовать, чтобы старшій начальникъ, во-первыхъ, указалъ общую «цѣль» дѣйствій, далѣе—распредѣлилъ «роли» и разграничилъ «сферу» дѣйствій между прямо подчиненными емл, независимыми другъ отъ друга начальниками, и, наконецъ, чтобы онъ «все время» согласовалъ дѣйствія этихъ же частныхъ начальниковъ въ видахъ достиженія общей цѣли.

Съ разъясненіемъ обстановки утра 18-го числа (присутствіе значительныхъ силъ французовъ на позиціи въ окрестности Гравелота) указана была нѣмецкимъ силамъ «общая цѣль», то есть атака и поражение противника посредствомъ охвата его праваго фланга. Уступной порядокъ наступленія, указанный Мольтке на 18-е августа еще наканунѣ, точно по внушенію вѣщаго ума истиннаго стратега дѣлалъ охватъ этотъ вполне возможнымъ. Далѣе, ясно разграничены «сферы» дѣйствій: Штейнмецу—отъ окрестностей Гравелота и вправо, а принцу Фридриху-Карлу—влѣво. Подобнымъ же образомъ «распредѣлены были и «роли» между обѣими арміями, а именно: для 2-й арміи—предварительное захожденіе, а главное—атака съ охватомъ праваго фланга противника, и для 1-й—выжиданіе до времени, а затѣмъ—вспомогательная атака.

Все это такъ; но куда же дѣлось «согласованіе дѣйствій» обѣихъ армій? Оно, очевидно, должно было бы состоять прежде всего въ точномъ опредѣленіи «времени», въ которое, въ зависимости отъ успѣ-

ха движенія и дѣйствій 2-й арміи, войска Штейнмеца должны были начать дѣло. Далѣе, самая «мѣра напряженія», такъ сказать, дѣйствій 1-й арміи должна была зависѣть отъ хода дѣлъ у принца Фридриха-Карла и регулироваться приказаніями или указаніями главной королевской квартиры. А между тѣмъ главное нѣмецкое начальство все это всецѣло ввалило на Штейнмеца, или, вѣрнѣе сказать, предало на произволь случая.

Дѣйствительно, какъ знать было Штейнмецу, что 2-я армія «достаточно уже подвинулась впередъ и готова къ дѣйствию», коль скоро въ то время не было еще въ точности извѣстно, гдѣ находятся главные силы французовъ и—гдѣ ихъ нѣтъ? Какъ соразмѣрить Штейнмецу силу своихъ ударовъ съ неизвѣстнымъ ему общимъ положеніемъ дѣлъ и успѣхами принца Фридриха-Карла? Конечно, Штейнмецъ могъ вступить въ предварительную связь съ принцомъ Фридрихомъ-Карломъ, равно какъ и Гебенъ съ Манштейномъ, командиромъ 9-го корпуса, чего они, сколько можно судить, не сдѣлали; но подобная связь между сосѣдями должна существовать вездѣ и всегда. Это обстоятельство, можно сказать, совершенно стороннее, никакъ не снимаетъ съ главнокомандующаго отвѣтственности за исполненіе прямой его обязанности, то есть за сохраненіе единства цѣли и должной связи между дѣйствіями разныхъ, независимыхъ другъ отъ друга начальниковъ. Очевидно, связь между независимыми начальниками и даже возможно лучшее согласованіе взаимныхъ дѣйствій всетаки никакъ не въ состояніи «замѣнить» вполне успѣшно единоличнаго управленія свыше.

Сколько можно понять, главное нѣмецкое начальство скоро, хотя и поздно для исправленія дѣла, почувствовало свою ошибку. Отпустивъ Шперлинга въ 11^{1/2} часовъ, Мольтке уже черезъ полчаса писалъ съ высотъ Флавины:

«Слышнѣй теперь бой передъ Верневилемъ только частный и не обусловливаетъ общей атаки 1-й арміи. Сильныхъ массъ войскъ показывать не надо,—эвентуально только артилерію для подготовки позднѣйшихъ дѣйствій».

Но въ то время покатились уже «желѣзныя кости» боеваго жребія, и пламя возгорѣвшагося сраженія пожирало все новыя и новыя, совершенно напрасныя жертвы.

Въ дѣйствіяхъ или, вѣрнѣе, въ бездѣйствіи главнаго нѣмецкаго начальства въ описанномъ случаѣ опять нельзя не видѣть неоднократно уже замѣченнаго «излишняго упованія» на принципъ самостоятельности частныхъ начальниковъ. Отъ него требовали или ожи-

дали того, чего онъ по самой сути дѣла дать не былъ въ состояніи; а вмѣстѣ съ тѣмъ видимъ упущеніе или, вѣрнѣе, нарушеніе другаго основнаго принципа, «единства мысли и воли» при приведеніи въ дѣло военныхъ операцій. А между тѣмъ относительно разныхъ принциповъ можно, кажется, сказать тоже самое, что теорія законовъ гласитъ по отношенію равноправности отдѣльныхъ личностей, а именно, что «сфера свободы одного лица оканчивается тамъ, гдѣ начинается сфера свободы (или скажемъ просто дѣйствія) другаго».

Но если главное нѣмецкое начальство ошибалось, увлекаясь своимъ излюбленнымъ «новымъ» принципомъ, то самый принципъ все-таки ни въ чемъ тутъ не повиненъ. Виноваты же тѣ, которые неправильно его примѣняли или, вѣрнѣе, сами еще не вполнѣ къ нему примѣнились.

А что въ войнѣ 1870 года далъ французамъ обратный ихъ принципъ узкой «централизаціи»?

Извѣстно, что французскіе старшіе начальники «старались», спутывать своихъ подчиненныхъ приказаніями самыми категорическими и мелочными. Они «хотѣли» распоряжаться лично всѣмъ, всегда и вездѣ. Но постоянно занимаясь частностями и мелочами, они, естественно, упускали свои главнѣйшія, единственно существенныя обязанности и ни съ чемъ въ-время справиться не успѣвали. Для подтвержденія можно бы привести сплошь всю исторію командованія императора Наполеона III⁽¹⁾. Ограничусь только нѣкоторыми примѣрами. Маршалъ Базенъ въ сочиненіи своемъ, изданномъ 13 лѣтъ послѣ кампаніи 1870 года, упоминаетъ съ негодованіемъ о томъ, что командиръ 4-го французскаго корпуса, генераль Лямиро, вслѣдствіе свѣдѣній о непріятелѣ, осмѣлился «безъ разрѣшенія» измѣнить ночлежный пунктъ одной изъ своихъ дивизій, между тѣмъ какъ обстоятельство это не имѣло, да и ни въ какомъ случаѣ не могло имѣть дурныхъ послѣдствій для французовъ. Точно также въ томъ же сочиненіи Базенъ упрекаетъ маршала Канробера въ томъ, что послѣдній въ день Гравелотскаго боя «вопреки инструкцій» занялъ и оборонялъ пунктъ Сентъ-Мари впереди своей позиціи у Сентъ-Прива. По мнѣнію Базена, на все должно быть «приказаніе» или «разрѣшеніе». Съ другой стороны, маршалъ лю-

(1) Подробно разобрано въ сочиненіи «Побѣды и пораженія въ войнахъ 1870 г. и проч..».

билъ «вникать», то есть просто «копаться въ мелочахъ». Такъ, онъ не разъ вспоминаетъ не безъ самодовольства, что при провѣркахъ ему приходилось «исправлять» бивачныя или аванпостныя расположенія своихъ войскъ. Между прочимъ, значительную часть дня Шпихернскаго боя провелъ онъ на аванпостахъ своего 3-го корпуса, хотя въ то время уже подчиненъ ему былъ и находившійся въ бою корпусъ Фроссара. Базенъ не разъ лично указывалъ мѣста отдѣльнымъ батареямъ; такъ было и въ сраженіи при Марсъ-ля-Турѣ, стратегическаго значенія коего онъ, однако, вовсе не понималъ, упустивъ изъ рукъ несомнѣнную побѣду. При Гравелотѣ отъ опять-таки лично ставилъ орудія на лѣвомъ своемъ крылѣ, но не зналъ ничего, что дѣлается на важнѣйшемъ—правомъ, у Сень-Прива, и упустилъ во-время направить резервы туда, гдѣ они могли повернуть судьбу дня въ пользу французовъ. Не преминулъ Базенъ ставить батарею и въ сраженіи при Нуассевилѣ, но о томъ, что оно потеряно (несмотря на значительное превосходство силъ французовъ), Базенъ узналъ только изъ записки Лебефа.

А вотъ еще примѣръ. Приказаніе 13-го августа объ отступательной переправѣ черезъ Мозель маршалъ Базенъ «сочинилъ» лично помимо штаба арміи, то есть взялся за дѣло, которое всецѣло лежало на штабѣ арміи. Согласно этому распоряженію, войска, переправлявшіяся по пяти отдѣльнымъ мостамъ, должны были отступать потомъ по двухъ шоссейнымъ дорогамъ, ведущимъ къ Вердену. Но означенныя шоссейныя дороги развѣтвлялись только у Гравелота, до этого же пункта велъ отъ Меца одинъ только шоссейный путь. Хотя за тѣмъ къ помянутымъ двумъ шоссейнымъ дорогамъ вели еще другіе болѣе или менѣе удобные пути (нешоссейныя) и вообще была полная возможность, при должномъ общемъ распоряженіи, въ порядкѣ развести колонны отъ переправъ къ сборнымъ пунктамъ на обѣихъ шоссейныхъ дорогахъ, но это обстоятельство въ приказаніи Базена совершенно упущено было изъ вида. Колоннамъ войскъ указаны сборные пункты уже за Гравелотомъ; но какими путями попадутъ онѣ туда отъ переправъ—объ этомъ вовсе не упоминалось. А такъ какъ штабъ арміи съ своей стороны не считъ обязанностью дополнить приказаніе главнокомандовавшаго, то при исполненіи переправы неизбѣжно произошла невыразимая сумятица и давка, значительно замедлившія всю операцію, при крайнемъ утомленіи войскъ. Все же это вмѣстѣ, обезахотивъ войска и начальниковъ, не осталось безъ вліянія на неудачный для французовъ исходъ сраженія при Марсъ-

ля-Турѣ, въ которомъ, впрочемъ, всѣ шансы были на ихъ сторонѣ (1).

Въ такомъ же духѣ мелочности и опеканія подчиненныхъ дѣйствовалъ и другой вождь французовъ, маршалъ Макъ-Магонъ.

Передъ самымъ вторженіемъ 3-й нѣмецкой арміи въ Эльзасъ маршалъ Макъ-Магонъ выдвинулъ 2-ю дивизію своего корпуса, генерала Абеля Дуэ, къ Вейсенбургу, съ подчиненіемъ ея командиру 1-й дивизіи, генералу Дюкро, которому, какъ «знакомому съ мѣстностью», поручено было «указать расположеніе, которое придется назначить разнымъ частямъ дивизіи Дуэ», что и было исполнено. «Важный» же вопросъ, можно или нѣтъ оставить одинъ баталіонъ въ самомъ Вейсенбургѣ, маршалъ предоставилъ себѣ лично. Съ этою цѣлью онъ къ вечеру, 4-го августа, прибылъ въ окрестности Вейсенбурга изъ Страсбурга, въ то время, когда сказанный баталіонъ, будучи окруженъ въ помянутомъ городѣ, взять былъ уже въ плѣнъ баварцами, а французская дивизія была разбита. Самъ Дуэ палъ на полѣ битвы, такъ и не узнавъ, зачѣмъ собственно поставленъ былъ у Вейсенбурга, чего отъ него требовали и чего, именно, ожидали? Потому что, позаботившись даже о подробной разстановкѣ войскъ Дуэ у Вейсенбурга, упустили, однако, сообщить ему, какая «цѣль» занятія этой, позиціи. Теряясь въ мелочахъ, Макъ-Магонъ упустилъ тутъ главное.

Точно также дѣйствовалъ или, вѣрнѣе, бездѣйствовалъ маршалъ и подъ Седаномъ; тамъ въ день битвы онъ оставилъ свои войска «безъ всякихъ предварительныхъ приказаній», обрекая ихъ, такимъ образомъ, на пассивное выжиданіе, которое, несмотря на геройскія усилія французовъ, должно было, и дѣйствительно окончилось полнымъ ихъ погромомъ. Единственное проявленіе командной воли и власти Макъ-Магона въ роковой день Седанской битвы было «воспреещеніе» генералу Дуэ предварительно, до боя, занять важный пунктъ Илли, ключъ французской позиціи; обстоятельство, значительно ослабившее оборону.

Впрочемъ, подобная характерная черта: бездѣйствіе тамъ, гдѣ надо дѣйствовать, замѣчается у всѣхъ поборниковъ безусловной «централизаціи». Но можно спросить, не есть ли это выводъ изъ одностороннихъ наблюденій, изъ случайнаго совпаденія явленій (централизаціи и упущенія главнѣйшаго)? Далеко нѣтъ; напротивъ того, всегдашнее совпаденіе этихъ явленій объясняется вполне рачіонально. Всякій занимается охотно тѣмъ, что ему сподручно и по си-

(1) Вопросъ о помянутой переправѣ подробно разобранъ въ сочиненіи «Побѣды и пораженія въ войнѣ 1870 года и проч.», т. I, стр. 280—289.

ламъ. Тотъ, кому свыше дано быть по способностямъ своимъ не болѣе какъ командиромъ роты или эскадрона, всегда будетъ теряться въ мелочахъ, хотя бы и очутился въ номинальномъ званіи начальника дивизіи. Точно также и тотъ, кому естественный предѣлъ быть полковымъ или хотя бы бригаднымъ командиромъ, никакъ не приравняется къ положенію корпуснаго. Наконецъ, даже хорошему корпусному далеко не всегда подъ силы роль главнокомандующаго. Не зная, за что собственно взятыя, поставленный не на свое мѣсто начальникъ станетъ «вникать» въ мелочи и подробности, упуская, конечно, общее, то есть самое главное.

Выскажусь еще яснѣе. Старшій начальникъ, занимающійся несущественными частностями и мелочами, теряетъ, конечно, время, нужное для соображеній и распоряженій общихъ, такъ сказать, вышшаго разряда, и онъ упускаетъ послѣднія. Однако, въ большинствѣ случаевъ, онъ «не потому упускаетъ общее, что занятъ мелочами», а наоборотъ, онъ «занятъ мелочами, потому именно, что просто не въ состояніи обнять общаго».

Высказавшись разъ въ этомъ отношеніи, нельзя не добавить, что окончательная пригодность къ занятію той или другой должности опредѣляется не только природными способностями и личнымъ развитіемъ, но и практическимъ во время службы воспитаніемъ. Послѣднее же всецѣло зависитъ отъ принятой въ данной арміи въ мирное время системы. Оставаясь въ предѣлахъ затронутаго вопроса, можно тутъ только констатировать, что широко довѣрительная нѣмецкая система мирнаго управленія и командованія воспитала и выдвинула начальниковъ со взглядомъ на дѣло обширнымъ и самостоятельнымъ, между тѣмъ какъ централизованная до мелочей система французская вывела людей безъ должнаго знанія и воли. «Долголѣтняя опытность» при такой или подобной ей служебной обстановкѣ, въ сущности, влечетъ за собою только пониженіе физической пригодности начальника, отнюдь не увеличивая его знанія и умѣнія; скорѣе наоборотъ. Подобная обстановка, во всякомъ случаѣ, ослабляетъ болѣе сильные характеры и рѣшительно подавляетъ болѣе слабые.

Изъ сказаннаго до сихъ поръ многое забываетъ нѣсколько впередъ, касаясь собственно вопросовъ, которые будутъ разбираемы въ послѣдствіи. Произошло это главнымъ образомъ отъ того, что цѣльныя явленія жизни никакъ не поддаются точному расчлененію, въ видахъ теоріи, которая, по роду своихъ задачъ, по необходимости, рассматриваетъ то одну, то другую часть предмета, или — сторону

его въ отдѣльности. Впрочемъ, какъ бы то ни было, приведеннаго до сихъ поръ совершенно достаточно, чтобы пояснить и оправдать тезу, что

«и въ виду новаго принципа самостоятельности частныхъ начальниковъ, старшіе отнюдь не вправѣ уклоняться отъ самаго категорическаго проявленія своей мысли и воли, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ это полезно и необходимо», ибо «излишнее увлеченіе въ сторону новаго принципа можетъ оказаться столь же гибельнымъ, какъ и упорство въ косномъ и отжившемъ свой вѣкъ принципѣ всепоглощающей централизаціи».

По поводу преждевременной въ лобъ атаки со стороны войскъ 1-й нѣмецкой арміи въ сраженіи при Гравелотѣ сказано было, что на обязанности старшаго начальника лежитъ, кромѣ указанія «общей (главной) цѣли», еще распредѣленіе «ролей» между частными начальниками (то есть назначеніе «частныхъ цѣлей»); далѣе разграниченіе сферъ дѣйствій (тамъ, гдѣ предвидится возможность столкновенія или хотя прикосновенія между разными отдѣлами войскъ) и наконецъ, старшій начальникъ обязанъ во время самаго исполненія постоянно, на сколько только въ его силахъ, «согласовать» дѣйствія разныхъ частныхъ начальниковъ, какъ между собою, такъ и по отношенію измѣняющейся общей обстановки.

Нечего, кажется добавлять, что все это одинаково относится, какъ собственно къ распоряженіямъ, имѣющимъ непосредственно въ виду боевыя встрѣчи, такъ и къ днямъ пріуготовительныхъ къ нимъ операцій.

Намѣченные выше вопросы по важности своей достойны особаго разбора и поясненія подходящими примѣрами.

При вторженіи нѣмцевъ въ предѣлы Франціи послѣ побѣды, одержанныхъ ими при Вертѣ и при Шпихернѣ, всѣ три ихъ арміи, подтянувшись надлежащимъ образомъ, должны были за тѣмъ подвигаться впередъ, совершая, вмѣстѣ съ тѣмъ, общее захожденіе направо съ переменной, такимъ образомъ, первоначальнаго, прежняго направленія фронтомъ на югъ, прямо западнымъ.

Въ этихъ видахъ 9-го августа состоялось распоряженіе, въ коемъ указано для всѣхъ трехъ армій одна общая цѣль — «преслѣдованіе французской арміи, отошедшей, какъ предполагалось, за р. Мозель, а можетъ быть за р. Сейль» (восточнѣе Мозеля). Такъ какъ пока ставились только маршевыя частныя цѣли, то особаго

распредѣленія ролей не требовалось. Но за то весьма точно разграничены районы наступленія для каждой арміи, а именно:

«3-й арміи дорога Саар-юніонъ—Діезъ и болѣе южныя».

«2-й—дорога Сенъ-Авольдъ—Номен и болѣе южныя».

«3-й—дорога Саарлюи—Буле—Лее-Этонъ и болѣе южныя».

Распоряженіе это, повидимому, имѣло силу въ теченіе трехъ послѣдующихъ дней (10-го 11-го и 12-го августа). «Согласованіе же дѣйствій» или, въ данномъ случаѣ вѣрнѣе, уравниеніе наступленія общаго связнаго фронта обусловлено было словами:

«Такъ какъ лѣвый флангъ (войска 3-й арміи) можетъ достигнуть рѣки Саары только 12-го августа, то корпуса праваго фланга должны соотвѣтственно укоротить свои переходы».

Общее это приказаніе предоставляло командирамъ армій широкое поле для самостоятельной въ частностяхъ распорядительности. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣмецкій главнокомандовавшій не переставалъ зорко слѣдить за ходомъ событій, готовый твердою рукою обезпечить и возстановлять «согласованіе» дѣйствій.

Дѣйствительно, уже 11-го августа, коль скоро выяснилось, что французы не отошли за Мозель, а напротивъ того, что они сосредоточиваются за р. Нидъ-Французской, то нѣмецкое главное начальство немедленно дало 1-й и 2-й арміямъ новыя приказанія. Сущность ихъ состояла въ слѣдующемъ:

Арміи предварялись о вѣроятности, что значительная часть неприятельскихъ силъ стоитъ впереди Меца, на лѣвомъ берегу рѣки Нидъ-Французской, и что поэтому необходимо болѣе тѣсная связь между обѣими арміями.

Опорной точкой связи назначенъ 3-й корпусъ (2-й арміи) у Фолькемона. Арміи Штейнмеца приказано съ утра 12-го августа двинуть два корпуса на линію Буле-Манжъ, а остальной притянуть къ Бушпорнъ.

Относительно 2-й арміи приказано: 9-й корпусъ двинуть къ Лѣнжевилъ, туда же направить и части 2-го корпуса, по мѣрѣ высадки. Корпусъ 10-й направить за 3-мъ. Наконецъ, корпуса 4-й и 12-й придвинуть къ лѣвому флангу указаннаго расположенія настолько, чтобы они, смотря по надобности, могли къ нему (лѣвому флангу) пристроиться, или же продолжать наступленіе къ Нанси. Распоряженія эти переданы въ 3-й и 9-й корпуса непосредственно изъ главной королевской квартиры.

Въ приведенныхъ распоряженіяхъ видимъ, прежде всего, заботу о исполнѣнн цѣлесообразномъ, вызываемомъ обстановкой согласованіи

дѣйствій (движеній) обѣихъ армій, которыя могли имѣть дѣло съ неприятелемъ (3-я армія была пока слишкомъ удалена). Въ самой диспозиціи ясно указаны мотивы («присутствіе значительныхъ силъ противника за рѣкою Нидъ»). Далѣе столь же опредѣлительно указана «цѣль» (болѣе тѣсная связь). Наконецъ, распредѣлены «частныя цѣли», въ данномъ случаѣ пока просто маршевыя. Опредѣленіемъ этихъ цѣлей и «разграничивались раіоны».

Однако, оказалось, что французы бросили свою часть даже укрѣпленную ими позицію на рѣкѣ Нидѣ и отступили къ самому Мецу. Тогда и нѣмецкимъ арміямъ указаны были «новыя цѣли и роли» съ соотвѣтственнымъ «разграниченіемъ раіоновъ дѣйствій».

Армія Штейнмеца нацѣлена была прямо на Мецъ; ей поставлена задача слѣдить за силами французовъ, собравшимися у крѣпости. Она служила заслономъ для остальныхъ нѣмецкихъ войскъ, которыя обходили Мецъ съ южной стороны его.

«Согласованіе» дѣйствій обезпечивалось особыми указаніями и мѣропріятіями; они клонились главнымъ образомъ къ тому, чтобы части 2-й арміи во всякое время могли поддержать 1-ю. Въ этихъ видахъ, на 14-е число приказано было 1-й арміи оставаться въ своемъ расположеніи на рѣкѣ Нидъ-Французской (наблюдая авангардами за противникомъ), а въ то же время двумъ правофланговымъ корпусамъ 2-й арміи, а именно, 3-му и 9-му, приказано: въ тотъ день дойти только до Паньи и Бюши, съ цѣлью подать помощь 1-й арміи, на случай наступленія французовъ.

Такимъ точно образомъ нѣмецкое начальство и при дальнѣйшемъ вторженіи послѣ Гравелотскаго боя сумѣло согласовать дѣйствія армій, не стѣсняя ихъ самостоятельности. Изъ цѣлаго ряда этихъ образцовыхъ распоряженій ограничусь тѣми, которыя непосредственно привели нѣмцевъ къ Седанской побѣдѣ (¹).

Вечеромъ, послѣ Бомонскаго боя, главною королевскою квартирою разосланы были приказанія арміямъ кронпринцевъ: прусскаго и саксонскаго, въ которыхъ, между прочимъ, значилось:

«...Наступленіе должно быть продолжаемо и завтра утромъ; неприятель долженъ быть энергически атакованъ вездѣ, гдѣ онъ останется по сю сторону рѣки Мезы, съ тѣмъ, чтобы согнать его на возможно тѣсное пространство между этой рѣкой и бельгійскою границею».

(¹) Объ этихъ распоряженіяхъ упоминалось въ главѣ I по поводу другихъ вопросовъ.

«На арміи его королевскаго высочества кронпринца саксонскаго падаетъ специальная обязанность не дозволить непріятельскому лѣвому крылу уйти на востокъ. Для этого можно рекомендовать, чтобы, «по возможности», два корпуса наступали по лѣвому берегу рѣки Мезы...».

«Подобнымъ же образомъ 3-й арміи обратиться на фронтъ и правый флангъ противника...».

Извѣстно, что это приказаніе, данное собственно на 31-е августа, осталось въ силѣ и на слѣдующій день, т. е. день Седанскаго боя, при значительно въ частностяхъ измѣнившейся обстановкѣ. Возможно это было потому именно, что приказанія 30-го августа, хотя вполнѣ точныя и опредѣлительныя, не вдавались въ излишнія частности; они ограничивались самымъ существеннымъ, а именно: постановкой главной общей цѣли, распредѣленіемъ ролей между арміями и разграниченіемъ раіоновъ ихъ дѣйствій.

Общая цѣль указана: «согнать непріятеля на возможно тѣсное пространство между рѣкою Мезою и бельгійскою границею». Роли армій распредѣлены такимъ образомъ, что 4-й арміи указанъ предметомъ дѣйствій лѣвый флангъ противника, а 3-й — фронтъ и правый флангъ. Наконецъ, раіоны разграничивались теченіемъ рѣки Мезы (повыше расположенія французовъ).

Дальнѣйшее согласованіе съ обстановкой состояло въ томъ, что когда въ главной королевской квартирѣ возбуждено было опасеніе, что французы уйдутъ изъ подъ Седана къ Мезіеру, пользуясь ночью съ 31-го августа на 1-е сентября, то главная королевская квартира, немедля, «предоставила соображенію кронпринца: не будетъ ли соотвѣтственно ночью еще переправить за рѣку Мезу 11-й корпусъ и виртембергскую дивизию».

Кронпринцъ прусскій съ своей стороны распредѣлилъ роли между своими четырьмя наличными корпусами слѣдующимъ образомъ: корпуса 5-й и 11-й, переправившись у Доншери (ниже, западнѣе Седана), должны были взять во флангъ предполагавшееся отступленіе французовъ. Баварскому корпусу Тонна, успѣвшему наканунѣ еще завладѣть переправой противъ Базейля (повыше и восточнѣе Седана), еще ночью атаковать этотъ послѣдній пунктъ, съ цѣлью задержать французовъ. Остальной корпусъ, 2-й баварскій, долженъ былъ оставаться противъ Седана по сю (лѣвую, южную сторону рѣки Мезы) и эвентуально служить резервомъ ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Остальной, 6-й, корпусъ 3-й арміи тогда отсталъ, при перемѣнѣ западнаго направленія (на Парижъ).

Дальнѣйшее за тѣмъ «согласованіе» дѣйствій съ обстановкою со стороны кронпринца прусскаго состояло въ томъ, что онъ, коль скоро утромъ 1-го сентября выяснилось, что французы не уходятъ, но, напротивъ того, принимаютъ бой у Седана, приказалъ корпусамъ 5-му и 11-му переменить сѣверное направленіе на восточное, чѣмъ и довершили окруженіе французской арміи. Нельзя, впрочемъ, не замѣтить, что согласованіе дѣйствій было бы обезпечено гораздо лучше, если бы самъ кронпринцъ лично переѣхалъ къ помянутымъ корпусамъ, тѣмъ болѣе, что противъ Седана безъ того находился король Вильгельмъ со своимъ штабомъ; но кронпринцъ, быть можетъ, рассчитывалъ на своихъ подчиненныхъ и въ нихъ не ошибся.

Вообще въ Седанской операціи видимъ, прежде всего, ясно поставленную цѣль; затѣмъ, правильное распредѣленіе ролей (указаніе частныхъ цѣлей), разграниченіе раіоновъ, наконецъ, согласованіе дѣйствій съ обстановкой. Что далеко не всегда бывало такъ и у нѣмцевъ даже въ кампанію 1870 года, видно, между прочимъ, изъ упомянутаго уже подхода Штейнмеца къ рѣкѣ Сааръ и далѣе изъ преждевременной въ лобъ атаки со стороны арміи Штейнмецъ въ бою у Гравелота, вызванной отсутствіемъ «согласованія дѣйствій» 1-й и 2-й армій со стороны нѣмецкаго главнокомандованія.

Не было подобнаго согласованія въ тотъ же день сраженія при Гравелотѣ, и на другомъ противоположномъ флангѣ нѣмецкихъ силъ. Извѣстно, что отсутствіе согласованія между дѣйствіями корпусовъ: саксонскаго и прусскаго гвардейскаго привело послѣдній къ преждевременной неудачной атакѣ на Сенъ-Прива. Эта неудача нѣмцевъ могла имѣть послѣдствіемъ потерю для нихъ сраженія, если бы французская гвардейская дивизія, Бурбаки, не запоздала, благодаря сбивчивымъ приказаніямъ Базена ⁽¹⁾.

Конечно, обязанность согласовать дѣйствія корпусовъ своей арміи и, въ особенности, на рѣшительной части поля сраженія, лежало прежде всего на командирѣ 2-й арміи, и, быть можетъ, настоящее мѣсто ему было именно противъ Сенъ-Прива. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что командиръ арміи, принцъ Фридрихъ-Карль, имѣя въ виду распорядиться и двумя резервными корпусами (2-мъ и 3-мъ), долженъ былъ, по возможности, слѣдить за всѣмъ полемъ сраженія. При такой обстановкѣ старшаго начальника должны были замѣнить младшіе.

⁽¹⁾ Подробно разобрано въ сочиненіи «Побѣды и пораженія въ войнѣ 1870 г. и проч.»; т. II, стр. 54—77.

Однимъ словомъ, можно сказать, что если бы между прусскимъ гвардейскимъ и саксонскими корпусами существовала надлежащая связь и общеніе, если бы командиръ перваго изъ нихъ все время слѣдилъ за ходомъ дѣлъ у подчиненныхъ ему войскъ (онъ находился на крайнемъ правомъ флангѣ своего корпуса, у принца Фридриха-Карла), то, не взирая на отсутствіе указаній свѣше, все-таки и тутъ могли установиться единодушныя удачныя дѣйствія, подобно тѣмъ, которыя замѣчаемъ у Седана въ корпусахъ 5-мъ и 11-мъ, на лѣвомъ крылѣ нѣмцевъ и въ такомъ же единодушіи на другомъ, правомъ крылѣ въ дружномъ бою баварцевъ, саксонцевъ и прусской гвардіи, при совершенно аналогичной обстановкѣ, т. е. отсутствіи общаго управленія въ частностяхъ.

Изъ сказаннаго не трудно вывести заключеніе и обобщеніе, что сфера самостоятельнаго почина младшаго непосредственно граничить со сферой распоряженій старшаго. Иными словами: если частный начальникъ очутится безъ приказаній или увидитъ пробѣлъ въ полученныхъ, то онъ долженъ заполнить его собственнымъ умомъ и собственнымъ починомъ.

Понятно, что правильное распредѣленіе ролей (указаніе частныхъ цѣлей), въ видахъ достиженія общей главной цѣли, возможно тогда только, когда существуютъ правильныя командныя отношенія; когда всякій знаетъ, кого онъ обязанъ слушаться и кому онъ можетъ и долженъ приказывать. При этихъ же только условіяхъ возможенъ частный починъ и товарищеская выручка.

Все это такъ просто и ясно, что, казалось бы, и говорить не о чемъ; оно само собою подразумѣвается. Однако, горькій для иныхъ опытъ показываетъ, что даже самыя простыя основныя истины далеко не всѣми сознаются и понимаются. Доказательствомъ служить примѣръ французской командной организаціи, или вѣрнѣе, дезорганизаціи въ началѣ столь печальной для Франціи войны 1870 г.

Силы французовъ къ началу этой войны, т. е. тѣ, которыя находились ближе къ угрожаемой границѣ, раздѣлялись фактически на двѣ группы: одна впереди Меца, въ Лотарингіи, другая—въ Эльзасѣ, съ первоначальнымъ центромъ въ Страсбургѣ. Однако, французская командная организація не соотвѣтствовала этому фактическому дѣленію.

Всѣ французскія дѣйствующія силы въ составѣ восьми дѣйствующихъ корпусовъ (частью еще въ формированіи), раскинутыя

на громадномъ пространствѣ отъ Страсбурга до Шалона и отъ Люна до Саарбрюкена, значились подъ общимъ, неопредѣленнымъ названіемъ «Рейнской арміи». Главнокомандующимъ этой арміи считался императоръ Наполеонъ, прибывшій въ Мецъ до открытія кампаніи.

Неестественное положеніе командныхъ отношеній не было сознано своевременно, и только 5-го августа, наканунѣ двойнаго пораженія при Вёртѣ и Шпихернѣ, сдѣлана была запоздалая, робкая попытка къ исправленію.

Повелѣніемъ императора Наполеона отъ 5-го августа маршалу Макъ-Магону (кромѣ его собственнаго 1-го корпуса) «подчинены корпуса: 5-й—генерала Фальи и 7-й—Феликса Дуэ, а маршалу Базену (кромѣ собственнаго 3-го корпуса) корпуса: 2-й—генерала Фроссара и 4-й—Лямиро въ томъ, что касается военныхъ операцій». Особыхъ штабовъ для каждой изъ этихъ группъ формировать не предполагалось и каждый изъ маршаловъ сохранялъ непосредственное командованіе своимъ корпусомъ или, вѣрнѣе, спутанъ былъ этой обузой.

Извѣстно, что «подчиненные» Макъ-Магону корпуса Фальи и Дуэ не спасли маршала отъ пораженія при Вёртѣ; въ бою они все не участвовали (за исключеніемъ одной дивизіи корпуса Дуэ) и все единство подчиненныхъ Макъ-Магону войскъ выразилось въ непонятномъ общемъ ихъ бѣгствѣ далеко назадъ, прямо въ Шалонъ. Такимъ образомъ, оставшіеся лицомъ къ лицу съ непріателемъ французы разомъ лишились 4¹/₂ совершенно нетронутыхъ пѣхотныхъ дивизій, со всею почти кавалеріей и артилеріей двухъ корпусовъ (1).

Упустивъ свои главнѣйшія обязанности, т. е. «согласованіе» дѣйствій двухъ группъ войскъ (Базена и Макъ-Магона; арміями ихъ назвать нельзя), французскій главнокомандовавшій не исполнилъ ихъ и по отношенію непосредственно управляемой или по меньшей мѣрѣ мелочно имъ опекаемой группъ Базена.

На маршала Базена съ самаго начала мобилизаціи французской арміи чуть ли не что день возлагались все иныя номинальныя званія, а въ сущности только давались ему новыя клички.

Еще 30-го іюня, Базену поручено было общее начальство надъ

(1) Какъ сказано, въ бою при Вёртѣ участвовала одна дивизія корпуса Дуэ, вѣроятно со своей артилеріей. А одна пѣшая бригада корпуса Фальи съ батареями и коннымъ полкомъ отстала отъ послѣдняго и присоединилась къ корпусу Фроссара.

войсками трехъ корпусовъ, долженствовавшими произвести наступленіе на р. Саару. Дѣло это окончилось 2-го августа стычкой у Саарбрюкена, а съ нимъ и номинальная власть Базена; но уже черезъ два дня Базену подчинены (какъ уже упомянуто было) корпуса Фроссара и Лямиро. Далѣе, 9-го августа Базенъ назначенъ «главнокомандующимъ 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ корпусами», а еще черезъ два дня, а именно 12-го августа — главнокомандующимъ «рейнской арміи», т. е. всѣхъ дѣйствующихъ войскъ Франціи. Но все это не мѣшало императору стѣснять Базена своими совѣтами или приказаніями. Отъ этой опеки маршалъ освободился только съ отъѣздомъ императора изъ арміи, совершившимся подъ громомъ канонады, возбѣщавшей кровавый день Марсъ-ля-Тура.

Понятно, что Базенъ, выступавшій все въ разныхъ роляхъ, не могъ войти ни въ одну изъ нихъ. Онъ не имѣлъ ни времени, ни возможности распорядиться благовременно впередъ чѣмъ бы то ни было. Наконецъ, и командиры корпусовъ не знали, кто собственно ихъ начальникъ. А между тѣмъ, самъ императоръ со своимъ начальникомъ штаба Лебефомъ, уступая постепенно свои права Базену (хотя и номинально), видимо, считали себя свободными и отъ обязанностей. Но крайней мѣрѣ, только подобнымъ взглядомъ на дѣло можно себя объяснить громадныя гибельныя для французовъ упущенія.

Выше уже сказано, что бѣгство въ Шалонъ значительныхъ нетронутыхъ силъ двухъ корпусовъ Дуэ и Фальи, присутствіе коихъ или хотя бы части ихъ у Меца (напримѣръ Фальи) могло дать иной оборотъ ходу событій. Далѣе, не сдѣлано никакихъ распоряженій о занятіи и оборонѣ желѣзнодорожной линіи Туль—Мець⁽¹⁾ вмѣстѣ съ переправами сопровождающаго ее Мозеля, вслѣдствіе чего отрѣзано отъ корпуса Канробера девять баталіоновъ, вся его кавалерія и почти вся артилерія, а также инженерный его паркъ; кромѣ того, всѣ артилерійскіе парки арміи Базена. Вмѣстѣ съ тѣмъ попали въ руки непріятеля и переправы черезъ р. Мозель, даже непопорченныя. Наконецъ, отступательная переправа у Меца вовсе не подготовлена, ни въ смыслѣ техническомъ, инженерномъ, ни въ смыслѣ ознакомленія съ мѣстной обстановкою. А все это порознь и вмѣстѣ взятое положило основаніе гибели не только прямо арміи Базена, но косвенно — арміи Макъ-Магона, спѣшившей выручить Базена изъ его опаснаго положенія.

Понятно, что при подобныхъ описанныхъ ненормальныхъ команд-

(1) Путь этотъ сообщался съ Шалонемъ и Парижемъ.

ныхъ отношеніяхъ не можетъ быть и рѣчи о надлежащемъ управленіи войсками. Невозможно распредѣлять роли (указывать частныя цѣли), по отношенію главной общей цѣли, если каждый въ отдѣльности начальникъ не знаетъ, что собственно онъ изъ себя изображаетъ, кого ему слушаться и кому приказывать. Наконецъ, не можетъ быть согласованія дѣйствій разныхъ начальниковъ, коль скоро самыя дѣйствія подвержены сомнѣнію. Если же возвратиться собственно къ французамъ эпохи войны 1870 года, то нельзя не замѣтить, что при господствовавшемъ у нихъ духѣ безусловной централизаціи каждый частный ихъ начальникъ лишень былъ права самостоятельности, а потому не мудрено, что онъ не умѣлъ толково выручать товарищей или собственнымъ починомъ дополнять и поддерживать усилія старшаго начальника.

Если мы въ заключеніе вернемся къ сравненію, приведенному выше по поводу нѣмецкой системы общаго управленія и частной самостоятельности, то увидимъ, что у нѣмцевъ сфера общаго управленія и частнаго почина всегда непосредственно прикасаются между собою, а потому они и въ совершенствѣ дополняютъ другъ друга. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда старшій начальникъ у нѣмцевъ не могъ или не хотѣлъ дать извѣстныхъ приказаній, пропустилъ въ нихъ частности или же, наконецъ, просто запоздалъ съ приказами, то младшіе «обязаны были заполнить этотъ пробѣлъ собственнымъ починомъ».

У французовъ наоборотъ, младшій начальникъ запертъ былъ въ своей крайне ограниченной сферѣ; онъ не имѣлъ права, такъ сказать, замѣнить старшаго, «войти въ его сферу», т. е. собственнымъ починомъ заполнить пробѣлъ въ полученныхъ приказаніяхъ и распорядиться самостоятельно. Поэтому-то «пробѣлъ въ приказаніяхъ» у французовъ всегда обращался «въ пробѣлъ и въ самомъ ходѣ дѣла».

К. Войде.

(Продолженіе будетъ).

О Ч Е Р К Ъ

ДѢЙСТВІИ ЗАПАДНАГО ОТРЯДА ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТА ГУРКО.

Часть I.

Н о я б р ь 1877 г о д а .

(Статья третья) (1).

С ъ п л а н о м ъ .

VI.

Результатомъ трехдневной работы (въ теченіе 10-го, 11-го и 12-го ноября) всѣхъ частей отряда генераль-адъютанта Гурко было овладѣніе входами въ Балканы. Колонны генерала Эллиса и Рауха, сбивъ турокъ съ правецкой позиціи, открыли выходъ въ Орханійскую долину, войска, подъ начальствомъ генерала Дандевила, заняли городъ Этрополь, весьма важный стратегическій пунктъ, откуда вели пути на Арабь-конакъ, на Шандорникъ и на Златицу и наконецъ, бой гвардейскихъ драгунъ подъ Новачиномъ принесъ ту пользу, что отвлекъ вниманіе и часть турецкихъ силъ отъ колонны генерала Рауха. Послѣ занятія Правца и Этрополя, турецкій главнокомандующій не считалъ возможнымъ оборонять орханійскую позицію; въ своихъ депешахъ отъ 11-го и 13-го ноября онъ сообщалъ, что войскъ его недостаточно для занятія всѣхъ укрѣпленныхъ позицій у Орханіэ, почему онъ займетъ только наиболѣе важныя изъ нихъ, причемъ принятое расположеніе не будетъ страдать недостаткомъ разброски силъ.

И дѣйствительно, превосходныя силы нашихъ войскъ угрожали фронту орханійской позиціи со стороны Правца и особенно пра-

(1) См. «Военный Сборникъ» 1891 г., № 10-й.

вому флангу со стороны Этрополя, изъ котораго мы могли въ сильнѣйшей степени угрожать пути отступленія непріятели отъ Орханіэ на арабь-конакскую позицію; въ этомъ отношеніи особенно опасно было положеніе шести баталіоновъ, стоявшихъ у д. Скривены и Лютикова.

Правда, эти войска могли воспользоваться для отступленія путемъ черезъ Лютиково и Огою, а войска, бывшія у Орханіэ, дорогою черезъ Врачешъ и Чурьякъ; но обѣ эти дороги были плохи, въ особенности вторая, такъ что перевозка орудій потребовала бы величайшихъ усилій и много времени и, кромѣ того, войска, двигаясь по этимъ дорогамъ, могли на неопредѣленное время запоздать своимъ прибытіемъ къ арабь-конакской позиціи, упорная оборона которой являлась въ настоящую минуту безусловно необходимой.

Позиція эта находилась на главномъ хребтѣ этропольскихъ балканъ по обѣ стороны софійскаго шоссе; правый флангъ позиціи расположенъ былъ на Шандорникѣ, возвышающемся на 5,446' надъ уровнемъ моря. Въ направленіи къ западу, къ лѣвому флангу, мѣстность понижается и у софійскаго шоссе имѣетъ только 3,300' превышенія надъ уровнемъ моря. Длина позиціи была около девяти верствъ и, благодаря трудамъ одного турецкаго инженера, была весьма хорошо укрѣплена, причемъ укрѣпленія были воздвигнуты заблаговременно и весьма прочно. Съ обѣихъ сторонъ шоссе было воздвигнуто семь главныхъ укрѣпленій, составлявшихъ опорные пункты; изъ нихъ правофланговое укрѣпленіе называлось турками «Гюльдись-табія», а у насъ извѣстно было подъ названіемъ Шандорникъ, по имени высоты, на которой оно было расположено; укрѣпленіе это, открытое съ горжи, имѣло брустверь высотой около 4-хъ метровъ, сложенный изъ дерна, такъ какъ скалистая почва не допускала выемки рововъ. Орудія — два круповскихъ полевыхъ и два горныхъ — были огорожены траверсами. Укрѣпленія №№ 2-го и 4-го вооружены были каждый двумя полевыми орудіями; въ укрѣпленіи № 6-го было шесть орудій, а въ редутѣ № 7-го — пять орудій. Шесть укрѣпленій находились восточнѣе софійскаго шоссе, а одно № 7-го западнѣе его. Между этими главными укрѣпленіями были устроены батареи и множество ложементовъ, дававшихъ многоярусную оборону впереди лежавшей мѣстности, особенно сильную на лѣвомъ флангѣ позиціи.

Тактическимъ ключемъ позиціи былъ Шандорникъ, съ захватомъ котораго открывалась внутренность почти всѣхъ турецкихъ укрѣпленій; стратегическимъ ключемъ былъ лѣвый флангъ, отъ ко-

тораго отходили пути отступленія на западъ къ Софіи и на югъ черезъ Дольніе Комарцы.

Недостатками этой позиціи слѣдуетъ считать затруднительность сообщенія между тыломъ ея и Шандорникомъ вслѣдствіе крутизны горъ въ этомъ мѣстѣ и присутствіе командующихъ высотъ противъ лѣваго ея фланга. Очевидно, что семи баталіоновъ, занимавшихъ эту растянутую на девять верстъ позицію, было совершенно недостаточно для упорной обороны и мы, сосредоточивъ значительныя силы у Этрополя, могли сравнительно легко перевалить черезъ этропольскіе или златицкіе Балканы, наступая долинами Сухой рѣки или Малаго Искера. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Мехмедъ-Али рѣшился сосредоточить возможно больше войскъ на арабь-конакской позиціи и вечеромъ, 11-го ноября, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія на 12-е число. Шакирь-паша съ пятью баталіонами и двумя батареями долженъ былъ оставаться у Врачеша для удержанія во что бы то ни стало входа въ ущелье, по которому идетъ софійское шоссе и для охраненія запасовъ, предназначенныхъ для плевненской арміи и собранныхъ въ Врачешѣ. Остальныя войска, а именно, 13 баталіоновъ, пять эскадроновъ и одна батарея должны были выступить въ 7 часовъ утра 12-го ноября изъ Врачеша на арабь-конакскую позицію, куда должны были прибыть и пять баталіоновъ изъ Златицы. Извлеченіе изъ этой диспозиціи было тотчасъ передано по телеграфу константинопольскому военному совѣту (дари-хура). Къ полудню, 12-го ноября, войска уже прибыли къ назначеннымъ мѣстамъ; Мехмедъ-Али расположилъ свою главную квартиру за редутомъ № 6-го и вечеромъ въ тотъ же день сдѣлалъ нѣсколько распоряженій, имѣвшихъ цѣлью улучшить укрѣпленія, введенныя на позиціи.

Въ это же время начался оживленный обмѣнъ депешъ съ военнымъ совѣтомъ, который, не соглашаясь съ представленными доводами, въ пользу очищенія орханійской позиціи, требовалъ отъ Мехмедъ-Али самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій, а именно: удержанія всей орханійской позиціи въ прежнихъ ея размѣрахъ, немедленнаго усиленія отряда Шакира-паши и, наконецъ, составленія плана для освобожденія Плевны; въ депешѣ отъ 14-го ноября военный совѣтъ полагалъ, что освобожденіе Плевны можетъ быть исполнено наступленіемъ къ ней Мехмеда-Али, а если мустахфисы его окажутся негодными для дѣйствій въ полѣ, и если окажется превосходство непріятельскихъ силъ, то Мехмедъ-Али долженъ былъ овладѣть Ловчей. Но такъ какъ отдѣльныя дѣйствія арміи Мехмеда-Али едва ли

будутъ достаточны для освобожденія Плевны, то часть силъ восточнаго отряда должна была направиться къ Систову, а другая — къ Тырнову, или же, если удобное время для наступленія къ Систову прошло, то направиться всѣми силами къ Тырнову на встрѣчу арміи Мехмеда-Али. Такимъ образомъ, въ половинѣ ноября турецкое правительство считало, что армія Мехмеда-Али вполне въ состояніи начать наступательныя дѣйствія.

Очевидно, что въ Константинополѣ не имѣли должнаго представленія объ истинномъ положеніи сторонъ въ этропольскихъ Балканахъ.

Съ своей стороны Сулейманъ-паша, получивъ извѣщеніе, что у Мехмеда-Али будто бы 67 таборовъ, тоже считалъ вполне возможнымъ, что отряду Мехмедъ-Али удастся освободить Плевну. Но Мехмедъ-Али, находясь на мѣстѣ, лучше понималъ обстановку; онъ доносилъ Сулейману, что армія его не только не можетъ наступать, но даже и обороняться.

И дѣйствительно, исполненіе всѣхъ требованій военнаго совѣта въ полномъ объемѣ разумѣется было невысказано, но Мехмедъ-Али все же рѣшилъ исполнить то, что еще было возможно, а именно, онъ приказалъ, чтобы 13-го ноября, въ 7 часовъ утра, восемь баталіоновъ и одинъ эскадронъ снова выдвинулись къ Врачешу и поступили подъ начальство Шакира, который и расположилъ ихъ между Врачешемъ и Лазаномъ.

Такимъ образомъ, распоряженія дари-хура крайне стѣсняли и безъ того нерѣшительнаго Мехмеда-Али.

Обращаясь къ оцѣнкѣ дѣйствій обѣихъ сторонъ съ 10-го по 12-е ноября включительно, мы видимъ, что вслѣдствіе потери турками ихъ позицій подъ Правцемъ и Этрополемъ, явилась невозможность задержать наступленіе нашихъ войскъ въ предгорьяхъ Балканъ и туркамъ пришлось отступить, съ цѣлью оборонять позиціи на гребнѣ главнаго хребта. Потеря же передовыхъ позицій была слѣдствіемъ вялой обороны ихъ и неискуснаго употребленія резервовъ, имѣвшихся у Лазана и Орханіа.

Съ нашей стороны 10-го ноября не было достигнуто рѣшительныхъ результатовъ: гвардейскіе драгуны потерпѣли неудачу, обходная колонна генерала Рауха не могла принять участія въ атакѣ правецкой позиціи, будучи задержана чрезвычайными затрудненіями при движеніи по горамъ, и отряды принца Ольденбургскаго и полковника Рызевскаго только къ вечеру могли дойти до непріятельскихъ позицій.

Но съ другой стороны нельзя не признать, что дѣйствія нашей конницы у Новачина были полезны въ томъ отношеніи, что отвлекли силы и вниманіе турокъ въ этомъ направленіи. По свидѣтельству турецкаго автора, 10-го ноября, 300 черкесовъ были выдвинуты изъ Орханіэ съ цѣлью сдѣлать развѣдку Ребрешской долины; весьма возможно, что этотъ отрядъ, если бы онъ не имѣлъ дѣла съ драгунами, могъ открыть движеніе колонны генерала Рауха, положеніе которой было особенно опасно въ ночь съ 10-го на 11-е ноября. Но упоенные успѣхомъ черкесы отступили въ Орханіэ и оставили мѣстность на лѣвомъ флангѣ безъ всякаго наблюденія.

Дѣйствія нашихъ войскъ въ теченіе 11-го и 12-го ноября были настолько успѣшны, что превзошли ожиданія начальника отряда. Такъ, не надѣясь, чтобы войска генерала Дандевила могли овладѣть Этрополемъ, генераль Гурко предполагалъ атаковать этропольскую позицію 13-го ноября, причемъ, рассчитывая, что турки упорно будутъ отстаивать этотъ важный стратегическій пунктъ, приказалъ назначить для атаки 24 баталіона, 48 пѣшихъ орудій, 11 эскадроновъ и сотенъ и 24 конныхъ орудія, раздѣленные на три колонны, которыя должны были произвести наступленіе на Этрополь въ слѣдующемъ порядкѣ: войска генерала Дандевила (лейбъ-гвардіи Гренадерскій и Великолуцкій полки, два баталіона Псковскаго полка, одна батарея лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады и двѣ батареи 3-й артилерійской бригады, Екатеринославскій драгунскій полкъ, три сотни кавказскихъ казаковъ и 16-я и 19-я конныя батареи), всего девять баталіоновъ, 14 пѣшихъ орудій, семь эскадроновъ и сотенъ и 12 конныхъ орудій должны были атаковать Этрополь съ восточной стороны. Отрядъ Его Высочества принца Ольденбургскаго (Преображенскій полкъ, два баталіона Измайловскаго полка, одинъ баталіонъ Псковскаго полка, 1-я батарея лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, три сотни кавказскихъ казаковъ и два конно-горныхъ орудія), всего семь баталіоновъ, восемь пѣшихъ орудій, три сотни и два конно-горныхъ орудія должны были атаковать Этрополь съ сѣвера, а войска, подъ начальствомъ генерала Рауха, должны были составить правую колонну и, слѣдуя по дорогѣ изъ Правца, атаковать этропольскую позицію съ сѣверо-запада, а если оказалось бы возможнымъ, то и съ западной стороны, начавъ дѣло около 10-ти часовъ утра. Въ этой послѣдней колоннѣ было восемь баталіоновъ, 16 пѣшихъ орудій, одна сотня и 10 конныхъ орудій (Семеновскій и Финляндскій полки, двѣ батареи лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады, донская казачья № 8-го батарея,

четыре орудія конно-горной батареи и одна сотня кавказскихъ казаковъ). Общее командованіе надъ правою и среднею колонною возложено было на графа Шувалова.

Для обезпеченія атаки Этрополя отъ возможныхъ покушеній турокъ со стороны Орханіэ, на правецкой позиціи былъ оставленъ отрядъ генерала Элліса, состоявшій изъ восьми баталіоновъ, 16-ти пѣшихъ орудій, восьми эскадроновъ и сотенъ и четырехъ конныхъ орудій (Московскій полкъ, гвардейская стрѣлковая бригада, двѣ батареи лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады, три эскадрона гусарскаго Его Величества полка, пять сотенъ кавказскихъ казаковъ, четыре орудія гвардейской донской батареи). Такимъ образомъ, 13-го ноября силы обѣихъ сторонъ сгруппировались слѣдующимъ образомъ: большая часть нашихъ войскъ, а именно, 24 баталіона, 11 эскадроновъ и 72 орудія сосредоточиваются у Этрополя; восемь баталіоновъ, 20 орудій и восемь эскадроновъ остаются у Правца для обезпеченія тыла ⁽¹⁾ и наконецъ, восемь баталіоновъ, 54 орудія и одинъ эскадронъ (лейбъ-гвардіи Егерскій и Павловскій полки, пять батарей лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, одна батарея лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады и одинъ эскадронъ лейбъ-гвардіи Уланскаго полка) составляютъ общій резервъ у Осикова подъ общимъ начальствомъ Свиты Его Величества генераль-маіора Эттера. Въ этотъ же день турки занимаютъ слѣдующее расположеніе: 13 баталіоновъ, 12 орудій, одинъ эскадронъ и отрядъ черкесовъ у Врачеша подъ начальствомъ Шакира, пять баталіоновъ у Златицы, а остальные войска 24 баталіона, 34 орудія и четыре эскадрона на арабъ-конакской позиціи подъ личнымъ начальствомъ Мехмеда-Али.

Для передачи приказаній по дорогѣ отъ Правца къ Этрополю была установлена конная почта отъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества полка. Остальные части конницы оставались въ Големы-Болгарскій-Изворъ и у Врацы.

Всѣ распоряженія для предстоявшаго подъ Этрополемъ 13-го ноября боя были сдѣланы, когда получено было извѣстіе, что Этрополь уже занятъ нашими войсками; тогда колонна генерала Рауха двинулась къ Этрополю и на проходъ 10—12 верстъ употребила почти цѣлый день, такъ какъ артилерія застревала нѣсколько разъ и задерживала движеніе колонны.

⁽¹⁾ Отъ этого отряда приказано было 13-го ноября, въ восемь часовъ утра выслать всю конницу съ конной артилеріей къ сторонѣ Орханіэ для производства усиленной развѣдки.

Такимъ образомъ, если бы колоннѣ генерала Рауха пришлось атаковать этропольскую позицію, то атака не могла бы состояться въ назначенный диспозиціей день, а вѣроятно не ранѣе 14-го числа.

Генераль Гурко, получивъ ночью на 13-е ноября донесеніе принца Ольденбургскаго о взятіи Этрополя, направился утромъ къ этому городу и былъ встрѣченъ при въѣздѣ въ него духовенствомъ и жителями съ величайшимъ восторгомъ; но наиболѣе вліятельные изъ жителей при этой встрѣчѣ не могли присутствовать, такъ какъ турки увели ихъ и нѣсколько священниковъ, какъ заложниковъ. Въ небольшой церкви Михаила Архангела было отслужено молебствіе, по окончаніи котораго, одинъ изъ жителей обратился къ генералу Гурко съ энергической привѣтственной рѣчью, принятой присутствовавшими съ большимъ воодушевленіемъ.

Между тѣмъ рано утромъ 13-го ноября были приняты генераломъ Дандевилемъ мѣры для преслѣдованія отступавшихъ изъ Этрополя турокъ. Съ этой цѣлью войска были двинуты по двумъ ущельямъ, идущимъ отъ Этрополя къ юго-западу; по правому пошли 4-й баталіонъ Преображенскаго полка съ двумя орудіями 1-й батареи лейбъ-гвардіи артилерійской бригады, а по лѣвому—баталіонъ Псковскаго полка также со взводомъ артилеріи. Въ правомъ ущельи по горамъ еще бродили толпы турокъ, которые были разогнаны шрапнельнымъ огнемъ двухъ орудій 1-й батареи; тогда генераль Дандевилъ приказалъ ихъ преслѣдовать полковнику Ребиндеру съ первымъ дивизиономъ Екатеринославскихъ драгунъ и взводомъ 16-й конной батареи, а по лѣвому ущелью приказалъ двинуться также для преслѣдованія отступавшихъ турокъ второму дивизиону того же полка съ четырьмя конными орудіями, подъ начальствомъ генераль-маіора Краснова.

Ущелье, по которому двинулся отрядъ генерала Краснова, выходило вправо на тотъ же путь, по которому двинулся полковникъ Ребиндеръ и, по соединеніи обѣихъ колоннъ, генераль Красновъ принялъ общее начальство надъ ними.

Не доходя деревни Равна, полковникъ Ребиндеръ получилъ донесеніе отъ своихъ развѣдочъ о движеніи невдалекѣ турецкаго обоза съ небольшимъ прикрытіемъ, и приказалъ командиру 1-го эскадрона маіору Верба овладѣть этимъ обозомъ. Настигнувъ транспортъ и будучи встрѣченъ ружейнымъ огнемъ и двумя орудійными выстрѣлами, 1-й эскадронъ въ конномъ строю атаковалъ турокъ, которые, не выждавъ удара, бросились бѣжать, оставивъ 40 повозокъ съ разнымъ продовольствіемъ и запасами.

По прибытіи къ тому мѣсту, гдѣ начинается подъемъ на главный хребетъ Балканъ и гдѣ узкая и крутая дорога, ведущая на переваль, оказалась загроможденной обломками повозокъ, полковникъ Ребиндеръ, видя невозможность взять съ собою орудія, приказалъ имъ вернуться на бивакъ, подъ охраной небольшого прикрытія.

Между тѣмъ, высланные впередъ разъѣзды донесли, что около трехъ таборовъ низама прикрываютъ поднимающійся въ гору съ большими усилиями обозъ. Спѣшивъ 1-й эскадронъ и прикрывъ фланги наѣздниками 2-го эскадрона, полковникъ Ребиндеръ продолжалъ преслѣдованіе обоза и вскорѣ между драгунами и турками завязалась перестрѣлка. Вслѣдствіе закрытой и пересѣченной мѣстности, турки не могли видѣть, сколько именно нашихъ войскъ ихъ преслѣдуетъ, а полковникъ Ребиндеръ, желая нагнать на турокъ больше страху приказалъ трубачамъ, поставленнымъ въ разныхъ мѣстахъ, играть наступной маршъ. Скоро драгуны бросились въ штыки на пѣхоту, овладѣли орудіемъ и частью обоза, причемъ въ крикъ «ура» приняли участіе даже коноводы. Турки, подъ влияніемъ паническаго страха, бросили ружья и продолжали бѣгство въ полномъ безпорядкѣ. Желая нагнать убѣгавшихъ, спѣшенные драгуны нѣсколько разъ садились на коней, догоняли турокъ и вновь спѣшивались для пальбы и ударовъ въ штыки. Такимъ образомъ обозъ, растянутый на протяженіе всей горы, постепенно переходилъ въ руки драгунъ, причемъ турки довольно упорно защищали два орудія, около которыхъ они находились въ болѣе сомнительномъ порядкѣ, но всякій разъ не выдерживали атаки драгунъ, ходившихъ въ штыки.

Послѣднее орудіе находилось въ головѣ обоза и, оставивъ его, турки разбѣжались по лѣсу; дальнѣйшее преслѣдованіе было прекращено вслѣдствіе наступившей темноты.

Весь отбитый обозъ состоялъ изъ трехъ стальныхъ полевыхъ круповскихъ пушекъ, двухъ зарядныхъ ящичковъ, одного ящика съ ружейными патронами и около 300 болгарскихъ повозокъ, нагруженныхъ патронами, телеграфными принадлежностями, шанцевымъ инструментомъ, палатками, разнымъ домашнимъ имуществомъ и пр.; кромѣ того, турки бросили около 200 ружей; много имущества и ружей было расхищено болгарами — подводчиками, бѣжавшими въ ночь съ 13-го на 14-е со своими волами, выпряженными изъ подвоя. Число убитыхъ турокъ доходило до 40; у насъ въ людяхъ потери не было, лошадей убитыхъ шесть и двѣ тяжело ранены. Не имѣя возможности спустить съ горъ все захваченное имущество,

полковникъ Ребиндеръ послалъ въ Этрополь къ генералу Дандевилю прапорщика Екатеринославскаго драгунскаго полка Григоровича съ просьбою прислать пѣхоту для исполненія этой работы. Прапорщикъ Григоровичъ, отыскивая ночью въ Этрополѣ генерала Дандевиля, попалъ на квартиру генерала Гурко, который прислалъ его къ генералу Дандевилю съ запискою, содержащею приказаніе дать пѣхотный полкъ въ распоряженіе генераль-маіора Краснова, съ тѣмъ, чтобы прикрыть обозъ и, пользуясь паникой турокъ, захватить переваль, если окажется возможнымъ.

Генераломъ Дандевилемъ отдано было прапорщику Григоровичу приказаніе, изложенное на той же запискѣ, «поднять съ бивака первый попавшійся при выѣздѣ его изъ Этрополя полкъ и провести его къ генералу Краснову». Выѣхавъ изъ города, прапорщикъ Григоровичъ наѣхалъ на бивакъ Преображенскаго полка; три баталіона этого полка (4-й баталіонъ стоялъ на сторожевыхъ постахъ впереди Этрополя), тотчасъ же поднявшіеся, были проведены имъ къ мѣсту отбитаго обоза вполнѣ успѣшно, несмотря на темную непроглядную ночь и весьма пересѣченную мѣстность.

По прибытіи преображенцевъ къ отбитому обозу, генераль-маіоръ Красновъ оставилъ одинъ баталіонъ для спуска обоза, а съ остальными баталіонами двинулся впередъ и съ замѣчательною быстротою до разсвѣта 14-го ноября вышелъ по неизвѣстной еще лѣвой дорогѣ лѣсистаго ущелья, по которой отступали турки, къ опушкѣ лѣса, откуда видно было укрѣпленіе, расположенное на вершинѣ Шандорника (Гюльдисъ-табія); мѣстность отъ опушки круто поднималась къ редуту и была почти совершенно открыта.

Генераль-маіоръ Красновъ лично произвелъ развѣдку позиціи турокъ съ разстоянія около 650 сажень и, найдя ее весьма сильною, не рѣшился производить усиленной рекогносцировки, имѣя въ своемъ распоряженіи только два баталіона безъ орудій, и принимая во вниманіе естественную силу непріятельской позиціи, укрѣпленія ее усиливавшія, и орудія, которыя были замѣчены въ этихъ укрѣпленіяхъ; число турецкихъ войскъ, занимавшихъ укрѣпленія, при этой развѣдкѣ не было выяснено. Оставивъ на опушкѣ лѣса драгунскіе посты, генераль Красновъ отошелъ съ преображенцами къ обозу, куда къ 2-мъ часамъ дня прибыли генераль Дандевиль и принцъ Ольденбургскій для полученія свѣдѣній о дѣйствіяхъ отряда генерала Краснова. Генераль Дандевиль приказалъ одному баталіону Преображенскаго полка составить прикрытіе при спускавшемся обозѣ, а остальнымъ двумъ вернуться въ Этрополь. По окон-

чаніи спуска обоза, Екатеринославскій драгунскій полкъ съ 16-ю конною батареею расположились на бивакъ въ шести верстахъ къ югу отъ Этрополя, подъ начальствомъ генераль-маіора Краснова (бивакъ этотъ получилъ съ этихъ поръ названіе «драгунскаго»).

Посмотримъ, что дѣлалось за это время у нашихъ противниковъ. 12-го ноября вечеромъ къ позиціи у Арабъ-конака прибыли изъ Босніи три баталіона редифовъ и одна батарея. На другой день 13-го ноября турецкія войска были расположены слѣдующимъ образомъ: между Лаженомъ и Врачешомъ—13 баталіоновъ, 12 орудій, одинъ эскадронъ и отрядъ черкесовъ подъ начальствомъ Шакира-паши, 24 баталіона, 34 орудія и четыре эскадрона регулярной конницы занимали арабъ-конакскую позицію, а пять баталіоновъ занимали гор. Златицу. Войска, занимавшія арабъ-конакскую позицію, были расположены такъ: два баталіона, два круповскихъ и два горныхъ орудія занимали редутъ Гюльдисъ-табѣя; къ сѣверо-востоку отъ него поставлены были отступившіе изъ Этрополя четыре баталіона мустахфизовъ подъ начальствомъ Ибрагима-паши. Для обороны остальныхъ редутовъ къ западу отъ шоссе были на готовѣ четыре баталіона, а къ востоку отъ него 11 и, наконецъ, три баталіона въ резервномъ лагерѣ въ комарційской котловинѣ.

Выше уже приведены соображенія Мехмеда-Али, вслѣдствіе которыхъ онъ не считалъ возможнымъ удержать позиціи у Орханіэ и Врачеша и считалъ нужнымъ сосредоточить свои войска на арабъ-конакской позиціи. И дѣйствительно, одновременно съ его распоряженіемъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, генераль-адъютантъ Гурко приказалъ сосредоточить значительныя силы у Этрополя, откуда предполагалъ двинуться далѣе на югъ, наступая къ правому флангу турецкой позиціи, составлявшему ея тактическій ключъ и обходя, такимъ образомъ, непріятельскія войска, бывшія у Врачеша. Слабая оборона турецкихъ сильныхъ позицій у Правца и Этрополя давала возможность надѣяться, что занятіе великихъ Балканъ не требуетъ особыхъ усилій и, вѣроятно, будетъ исполнено безостановочно.

Что такой взглядъ существовалъ въ штабѣ генерала Гурко, это доказывается нѣкоторыми распоряженіями, сдѣланными по занятіи Этрополя; въ нихъ уже упоминается о переходѣ черезъ Балканы, для чего и отданы были предварительныя приказанія. Отправляя три баталіона Преображенскаго полка въ распоряженіе генераль-маіора Краснова съ цѣлью убрать обозъ, захваченный Екатеринославскими драгунами 13-го ноября, начальникъ отряда счелъ возможнымъ приказать этимъ же войскамъ попытаться захватить

переваль, воспользовавшись паникой турокъ. Между тѣмъ въ это время еще не было произведено развѣдки турецкой позиціи на перевалѣ, и о ней имѣлись лишь свѣдѣнія, собранныя отъ жителей. Выпавшій снѣгъ размягчилъ почву, такъ что стоянка у подножія горъ не представляла ничего привлекательнаго, и всѣ чины отряда съ нетерпѣніемъ ждали движенія въ горы, въ непроходныя балканскія дебри, которыя представлялись нашему воображенію чѣмъ то таинственно привлекательнымъ. Но дальнѣйшія событія показали, что позиціи турокъ были сильнѣе, чѣмъ ихъ считали въ половинѣ ноября, и что отряду Гурко предстояла еще гигантская борьба для занятія горъ и тяжелая мѣсячная стоянка на высотѣ 5,000—6,000 футовъ при всѣхъ невзгодахъ суроваго зимняго времени. Генералъ-адъютантъ Гурко, прибывъ 13-го ноября въ Этрополь, приступилъ къ составленію плана перехода черезъ Балканы и, согласно первоначальнымъ предположеніямъ, генералъ Дандевиль получилъ приказаніе выдвинуться впередъ 15-го ноября для занятія врачешкаго перевала съ авангардомъ, состоявшимъ изъ полковъ 2-й бригады 9-й пѣхотной дивизіи, взвода 5-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады, Екатеринославскаго драгунскаго полка, 16-й конной батареи, двухъ сотенъ донскихъ казаковъ и команды изъ 20-ти человекъ гвардейскихъ саперъ при офицерѣ и съ динамитными выюками. Всѣ необходимыя для отряда припасы предполагалось подвозить изъ Этрополя на выючныхъ лошадяхъ, преобразованныхъ въ таковыя изъ подъемныхъ при помощи болгарскихъ сѣделъ.

Во всѣхъ частяхъ приступили къ заготовкѣ выючныхъ сѣделъ, къ покупкѣ ихъ у болгаръ, къ приему порціоннаго скота и сухарей. Такъ какъ колесный обозъ только съ трудомъ могъ добираться до Этрополя, то большая часть сухарей и прочихъ продовольственныхъ припасовъ была доставлена на людяхъ, которые для этой цѣли отправлялись большими командами (иногда цѣлыми баталіонами) къ деревнѣ Правецъ, гдѣ нагружались изъ обоза и доставляли запасы въ Этрополь.

На долю авангарда генерала Дандевила выпало выдержать первый ожесточенный бой на высотахъ великихъ Балканъ. Войска выступили изъ Этрополя 15-го ноября, и въ этотъ день успѣли пройти по горной каменистой и крайне неудобной дорогѣ, покрытой глубокой грязью, образовавшейся отъ таявшаго снѣга, только около шести верстъ, до такъ называемаго драгунскаго бивака, причемъ имъ пришлось пройти въ бродъ горный ручей до 20-ти верстъ. На этомъ

короткомъ переходѣ всѣ части войскъ авангарда встрѣтили не мало затрудненій, но особенно трудно было движеніе 9-ти-фунтовыхъ орудій, несмотря на то, что орудія эти были запряжены восемью лошадьми, а зарядные ящики 10-ю и что вдобавокъ пѣхота помогала лошадямъ везти тяжелый грузъ; подъ конецъ перехода, лошади не въ состояніи были везти орудія, какъ вслѣдствіе утомленія, такъ и чрезвычайно дурной дороги, и пришлось передки тащить на людяхъ, а въ пушки запречь буйволловъ, и только послѣ 10-ти-часовой усиленной работы артилерія была доставлена на драгунскій бивакъ. Отъ этого бивака идутъ два подъема на переваль—лѣвый, кратчайшій и болѣе удобный, выходящій къ редуту на горѣ Шандорникъ (такъ называемый Гюльдизъ-табія), по которому преслѣдовали турокъ Екатеринославскіе драгуны 13-го ноября, и правый, по старой, заброшенной нѣсколько десятковъ лѣтъ до войны, дорогѣ, выходящей на Врачевскій переваль, который, по увѣренію мѣстныхъ жителей, не былъ занятъ турками. 15-го ноября генераль-адъютантъ Гурко вмѣстѣ съ генераломъ Дандевилемъ выѣхалъ на развѣдку турецкой позиціи на переваль и, подѣхавъ на пушечный выстрѣлъ къ редуту Гюльдизъ-табія, выбралъ и указалъ генералу Дандевилю мѣста, гдѣ должны были быть поставлены орудія на другой день. Мало спали въ авангардѣ въ ночь съ 15-го на 16-е ноября: приготовленія къ подъему на горы, собраніе и распредѣленіе по орудіямъ болгаръ, канатовъ, лямокъ, постромокъ и воловъ не прерывалось всю ночь; до утра, подходили отставшіе вьюки съ фуражемъ, провіантомъ и другими предметами.

Выступать предполагалось очень рано и готовиться къ выступленію начали въ 3 часа ночи. Артилерія начала запрягать воловъ, по четыре и шесть паръ въ каждое орудіе, а лошади были оставлены на драгунскомъ бивакѣ, такъ какъ предвидѣлось, что они не въ состояніи будутъ поднять орудія на переваль.

16-го ноября, въ 4¹/₂ часа утра, авангардъ двинулся въ горы по обѣимъ вышеупомянутымъ дорогамъ двумя колоннами, составъ которыхъ былъ слѣдующій: правая, подъ личнымъ начальствомъ генерала Дандевила, 1-й и 2-й баталіоны Великолуцкаго полка, 4-й взводъ 5-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, одинъ эскадронъ драгунъ и команда изъ 10-ти саперъ при офицерѣ; и лѣвый, подъ начальствомъ командира Псковскаго полка, полковника Зубатова, изъ 1-го и 2-го баталіоновъ этого же полка, четырехъ орудій 16-й конной батареи, одного эскадрона драгунъ и команды изъ 10-ти саперъ при одномъ офицерѣ.

Въ резервъ на драгунскомъ бивакѣ остались третьи баталіоны обоихъ пѣхотныхъ полковъ, два эскадрона 16-й конной батареи, зарядные и патронные ящики. Войска имѣли сухарей на два дня и по 96 патроновъ на ружье; при войскахъ были только тѣ снаряды, которые помѣщались въ передкахъ, а на два 9-ти-фунтовыхъ орудія 5-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады еще 70 снарядовъ были несены на рукахъ.

Прослѣдимъ сначала за дѣйствіями правой колонны. Впереди этой колонны были посланы саперы, подъ начальствомъ подпоручика Николенко для разработки дороги. Ночь на 16-е ноября была холодная, къ утру морозъ достигъ 4° и вслѣдствіе этого дорога, накануне покрывшаяся густой грязью, отъ выпавшаго въ этотъ день и таявшаго снѣга, обледѣнѣла и сдѣлалась скользкой, но потомъ, благодаря теплomu солнечному дню и трудамъ саперъ, она стала болѣе удобной для движенія. Подъемъ орудій на высоты сопровождался величайшими затрудненіями и движеніе производилось вслѣдствіе этого столь медленно, что генераль Дандевиль, объѣхавъ всѣ части правой колонны, убѣдился въ невозможности достигнуть перевала ранѣе сумерекъ, и такъ какъ войскамъ предстояло ночевать въ виду турокъ, то, опасаясь, чтобы не встрѣтилось какого-либо затрудненія при вызовѣ резерва, онъ послалъ приказаніе, около 11-ти часовъ утра, третьимъ баталіонамъ присоединиться къ своимъ полкамъ. Въ то же время начальникъ авангарда приказалъ 2-й стрѣлковой ротѣ Великолудскаго полка, подъ начальствомъ командира 2-го баталіона маіора Беатера, слѣдовать впереди для занятія перевала еще засвѣтло.

Между тѣмъ колонна подвигалась впередъ крайне медленно, дорога отъ драгунскаго перевала поднималась круто вверхъ и сначала обозначалась колеями, но около 6-ти часовъ утра, по указаніямъ проводника, этотъ путь былъ оставленъ и движеніе уже производилось по едва замѣтной тропинкѣ съ чрезвычайно крутымъ подъемомъ. Ограниченная справа крутымъ скатомъ Греаты и слѣва обрывомъ въ глубокое ущелье Сухой рѣчки тропинка, все суживаясь, становилась, наконецъ, совершенно непроходимой, безъ предварительной обработки; съ обѣихъ сторонъ ея высился гигантскій, дѣвственный лѣсъ, самая тропа загромождалась глыбой камней отъ трехъ до четырехъ футъ толщины и была завалена деревьями, нарочно срубленными непріателемъ; при этомъ она дѣлала частые и крутые повороты, а крутизна подъемовъ иногда доходила до 20°. Вслѣдствіе такихъ условій, при орудіяхъ осталась одна рота велико-

лукцевъ и болгары, а остальные роты были выдвинуты впередъ для разработки дороги и для рубки лѣса подѣ руководствомъ гвардейскаго сапернаго баталіона подпоручика Николенко, причемъ въ этой работѣ динамитъ принесъ большую пользу. Но, несмотря на помощь пѣхоты, буйволы, впряженные въ орудія, скоро на столько утомились, что едва поднимали свой тяжелый грузъ, съ трудомъ цѣпляясь за таявшюю почву, скользя и часто падая.

Наконецъ, на томъ участкѣ дороги, гдѣ она часто мѣняла направление, буйволы оказались совершенно бесполезными: длинная вереница ихъ вытягивалась по зигзагамъ дороги и, такимъ образомъ, совершенно не могла двигать тяжести, несмотря на необычайныя усилія людей, помогавшихъ имъ въ этой работѣ, такъ какъ въ то время, какъ головная пара буйволовъ поворачивала направо, а средняя налѣво, коренная пара еще не дотягивала орудіе до перваго поворота. Тогда рѣшено было прибѣгнуть къ послѣднему средству—отдѣлать орудія отъ передковъ и, оставивъ передки на мѣстѣ, тащить далѣе одни орудія съ помощью людей и только пары коренныхъ буйволовъ.

Подвигаясь шагъ за шагомъ, отрядъ около 2¹/₂ часовъ пополудни достигъ самаго труднаго, неудобнаго мѣста подъема, приблизительно въ двухъ верстахъ отъ перевала; здѣсь дорога загромождена была массой камней и огибала крутой лѣсистый гребень Грехаты; къ этому времени люди крайне утомились и сильно проголодавшись, грызли сухари, размачивая ихъ въ снѣгу.

Вдругъ совершенно неожиданно впереди и правѣе раздались ружейныя выстрѣлы, быстро учащавшіеся. Вскорѣ майоръ Беатеръ донесъ, что онъ атакованъ значительными силами турокъ. Приказавъ остановить орудія и сложить снаряды, несенные на рукахъ въ передки, генераль Дандевиль выслалъ на поддержку 2-й стрѣлковой роты шедшія въ головѣ колонны двѣ роты 2-го баталіона Великолукскаго полка, которыя двинулись бѣгомъ, несмотря на сильную усталость. Вернувшіеся сверху драгуны были снѣшены и разсыпаны въ цѣпь вмѣстѣ съ великолукцами, примыкая къ лѣвому флангу 1-го баталіона, а коноводы были отправлены назадъ къ перевязочному пункту.

Частая пальба стала приближаться къ орудіямъ съ фронта и вслѣдъ затѣмъ турки, постепенно занимая гребень Грехотака, стали приближаться справа и осыпали пулями лѣсъ, въ которомъ находилась артилерія. По мѣрѣ приближенія ротъ 1-го баталіона, генераль Дандевиль направлялъ ихъ вправо по крутому скату гребня и туда

же былъ посланъ спѣшенный эскадронъ драгунъ; вскорѣ маіоръ Беатеръ донесъ, что хотя онъ и потѣсненъ турками съ потерей, но держится хорошо; въ прикрытіе у орудій еще оставалась одна полурота 1-го баталіона, окопавшаяся вправо на скатѣ; такимъ образомъ, почти всѣ войска колонны уже были введены въ дѣло, а 2-й баталіонъ, которому послано было приказаніе спѣшить, еще находился въ 4-хъ верстахъ позади. Между тѣмъ турки продолжали охватывать правый флангъ колонны и даже, зайдя въ тылъ, ранили на перевязочномъ пунктѣ двухъ лошадей у коноводовъ. Положеніе отряда стало весьма труднымъ и былъ моментъ, когда можно было опасаться за участь оставшихся въ лѣсу подъ прикрытіемъ только одной полуроты орудій; тогда 2 орудія 5-й батареи были заряжены картечью, а бывший при нихъ подпоручикъ Ермаковъ объявилъ людямъ, что они должны, въ случаѣ крайности, погибнуть на орудіяхъ, взорвавъ предварительно передки.

Наконецъ, положеніе отряда затруднялось тѣмъ обстоятельствомъ, что великолукцы израсходовали къ этому времени почти всѣ патроны; вслѣдствіе этихъ условій и не имѣя точныхъ свѣдѣній о силѣ турокъ, генераль Дандевиль послалъ записку генералу Гурко съ просьбою, о поддержкѣ и, опасаясь появленія турокъ въ тылу колонны, приказалъ всей цѣпи двинуться вправо, а маіору Беатеру атаковать турокъ въ правый флангъ, вдоль гребня, и объявилъ, что 3-й баталіонъ подходит, о чемъ только что получилъ донесеніе.

Получивъ, начиная съ 10¹/₂ час. утра, послѣдовательныя донесенія о наступленіи русскихъ долиною Сухой рѣки и восточнѣе ея, Мехмедъ-Али поспѣшилъ къ мѣсту, которому угрожала опасность и около 1 часа (вѣроятно позже) пополудни прибылъ къ редуту Гюльдиязъ-табія, откуда услышалъ съ сѣверо-востока оживленную перестрѣлку, изрѣдка сопровождаемую пушечными выстрѣлами. Какъ видно изъ предшествующаго разсказа, наши орудія въ это время еще не стрѣляли, такъ какъ еще не были выставлены на позиціи; весьма возможно, что за пушечные выстрѣлы Мехмедъ-Али принялъ взрывы динамита, при помощи котораго наши саперы, устраивавшіе дорогу къ перевалу, валили деревья. Впереди редута находилось 4 баталіона Ибрагима-паши, завязавшіе дѣло съ русскими, а въ самомъ редутѣ и около него было 3 баталіона редифовъ, изъ которыхъ одинъ былъ немедленно направленъ для подкрѣпленія лѣваго фланга баталіоновъ Ибрагима-паши; направляя подкрѣпленіе къ лѣвому флангу, Мехмедъ-Али хотѣлъ воспрепятствовать русскимъ утвердиться на перевалѣ Греата. Такимъ образомъ 2 баталіона Велико-

луцкаго полка (силою около 1,200 штыковъ) были атакованы 5 баталіонами турокъ.

Въ то же время Мехмедъ-Али послалъ въ резервный лагерь у Большой-Комарлы Ибрагимъ-пашу, поручивъ ему взять оттуда 10 баталіоновъ и 2 батареи и ударить во флангъ и тылъ русскимъ войскамъ, наступавшимъ долиною Сухой рѣки; но распоряженіе это черезъ $\frac{1}{2}$ часа было отмѣнено главнокомандующимъ, въ виду того, что Ибрагимъ-паша раньше наступленія темноты не могъ атаковать непріятеля, такъ какъ электрической аппаратъ для телеграфной линіи, устроенной между Гюльдизъ-табія и лагеремъ резерва у Большой-Комарлы, уже нѣсколько недѣль былъ испорченъ и сношенія производились черезъ ординарцевъ.

Между двумя и тремя часами пополудни голова войскъ лѣвой колонны, преодолевъ при подъемѣ такія же затрудненія, какъ и войска правой колонны, начала подходить къ редуту Гюльдизъ-табія; 2 орудія 16-й конной батареи появились на небольшой полянкѣ къ сѣверо-востоку отъ редута и открыли огонь съ разстоянія около 3,000 метровъ, причемъ наши орудія, по словамъ турецкаго автора, съ самаго начала опредѣлили дистанцію весьма вѣрно, несмотря на трудность стрѣльбы снизу вверхъ и затруднительность наблюденія за паденіемъ снарядовъ.

Около 3 часовъ пополудни подошли къ редуту Гюльдизъ-табія два баталіона редифа, прибывшіе изъ Босніи, и немедленно были выдвинуты впередъ, съ цѣлью разрѣзать наши войска, наступавшія по двумъ направленіямъ. Главнокомандующій лично повелъ эти войска, проводивъ ихъ до ложементовъ, расположенныхъ сѣвернѣе Гюльдизъ-табія, и приказалъ залегшему въ нихъ полубаталіону му-стахфизовъ присоединиться къ редифамъ. Но приказаніе это не сейчасъ было исполнено и только при помощи «фухтелей» удалось офицерамъ и унтеръ-офицерамъ заставить нижнихъ чиновъ этого полубаталіона (арабовъ) выйти изъ прикрытія, въ которое часть ихъ, впрочемъ, вскорѣ возвратилась.

Оба баталіона редифовъ съ крикомъ «аллахъ» двинулись впередъ, завязали оживленную перестрѣлку, но вскорѣ должны были ее прекратить, такъ какъ людямъ, вооруженнымъ снайдеровскими ружьями, розданы были патроны для ружей Генри-Мартини. Тогда командиры баталіоновъ приказали ударить въ штыки. Рѣшеніе это совпало съ приведеннымъ уже выше приказаніемъ генерала Дандевіля атаковать правый флангъ турокъ, которые, растягиваясь влѣво, по расчету начальника авангарда, должны были ослабить себя на

правомъ флангѣ. Почти одновременно раздались крики «аллахъ» и «ура» и завязалась отчаянная рукопашная схватка между турками и великолуцками; атака кончилась для турокъ неудачно: потерявъ баталіонныхъ командировъ, редифы начали отступать. Выбивъ турокъ со скалистой гряды перевала, майоръ Беатеръ погналъ ихъ по направленію къ редуту Гюльдизъ-таби; въ это время къ головнымъ баталіонамъ великолуцкевъ присоединился двигавшійся бѣгомъ 3-й баталіонъ и принялъ участіе въ преслѣдованіи. Въ это же время часть вернувшихся изъ боя людей 3-го баталіона и бывшіе при колоннѣ болгары быстро втащили головное 9-ти-фунтовое орудіе 4-го взвода 5-й батареи на площадку перевала, откуда открытъ былъ огонь съ дистанціи около 1,000 саж. съ весьма большой мѣткостью. Второе орудіе и передки остались въ лѣсу.

Вскорѣ турки отступили за редутъ, гдѣ были сдѣланы всѣ приготовления для отбитія ожидаемаго штурма.

Дѣло окончилось между 4-мя и 5-ю часами; на перевалѣ остался 2-й баталіонъ Великолуцкаго полка съ орудіями, а остальные вернулись въ лѣсъ, гдѣ и расположились на ночлегъ. Турки оставили на мѣстѣ боя до 200 труповъ, 8 убитыхъ лошадей и множество патроновъ и лопать. У насъ былъ убитъ Великолуцкаго полка подпоручикъ Щелканъ и раненъ подпоручикъ Леонтьевъ, нижнихъ чиновъ убито 33, ранено 107 человекъ и 3 пропали безъ вѣсти, кромѣ того Екатеринославскіе драгуны потеряли одного нижняго чина раненымъ. Нѣкоторые изъ нашихъ убитыхъ нижнихъ чиновъ были изувѣчены турками; такъ, между прочимъ, одинъ былъ найденъ съ обрѣзанными ушами, а другой съ глубоко перерѣзанной шеей. Пока правая колонна вела ожесточенный бой съ турками, въ войскахъ лѣвой колонны дѣло ограничилось перестрѣлкой, веденной двумя орудіями 16-й конной батареи подъ начальствомъ штабсъ-капитана Ильина съ артилеріей редута Гюльдизъ-таби, а съ наступленіемъ темноты огонь былъ прекращенъ съ обѣихъ сторонъ.

Въ теченіе ночи съ турецкой стороны были выставлены длинныя стрѣлковыя цѣпи для того, чтобы принять на себя разсыпавшихся во время боя людей и для устройства стрѣлковыхъ окоповъ, предназначавшихся для связи между редутами № 1-го и № 2-го и для обстрѣла сѣверныхъ скатовъ хребта.

По распоряженію Мехмеда-Али, войска, участвовавшія въ бою, были смѣнены 8-ю баталіонами резерва и отправлены въ лагерь у Большой-Комарлы, куда ночью прибыли еще 4 баталіона изъ Боснии и 3 баталіона съ Арабъ-конака. Утромъ, 17-го ноября, въ коман-

дованіе войсками, сосредоточенными у Гюльдизъ-таби, вновь вступилъ Ибрагимъ-паша.

Предполагая, что русскіе на другой день, 17-го ноября, поведутъ общую атаку, Мехмедъ-Али призналъ невозможнымъ удержать на мѣстахъ тѣ отряды, которые были выдвинуты къ Орханію; вслѣдствіе этого отправленъ былъ въ 11 часовъ вечера Кіамиль-паша съ 20-ю черкесами во Врачешъ для передачи Шакиру-пашѣ приказанія: сжечь собранные тамъ запасы и, оставивъ боевые припасы, назначенные для плевненской арміи, выступить немедленно со всѣми войсками на присоединеніе къ главнымъ силамъ у Баба-конака. Поздно ночью правая колонна генерала Дандевилля усилилась восемью ротами (1-я, 3-я, 4-я, 6-я, 7-я, 8-я, 15-я, 16-я), измайловцевъ, присланными изъ Этрополя генераль-адъютантомъ Гурко, вслѣдствіе просьбы генерала Дандевилля, изложенной въ вышеупомянутой запискѣ, посланной во время боя. Вмѣстѣ съ измайловцами прибылъ и генеральнаго штаба полковникъ Сухотинъ, получившій приказаніе отъ генерала Гурко, собрать на мѣстѣ свѣдѣнія для доклада начальнику отряда. Измайловскія роты совершили переходъ изъ Этрополя при крайне невыгодныхъ условіяхъ, по отвратительной дорогѣ, при непроглядной темнотѣ и подъ дождемъ со снѣгомъ; болгарскіе проводники съ полпути скрылись и измайловцамъ удалось найти отрядъ Дандевилля только благодаря распорядительности офицера Екатеринбургскаго полка, назначеннаго полковникомъ Ребиндеромъ, и казачьяго офицера, высланнаго генераломъ Дандевилемъ на встрѣчу измайловцамъ. По прибытіи на позицію Великолуцкаго полка, измайловцы укрѣпились на ней, вырывъ ложементы для орудій, такъ что къ утру, 17-го ноября, они стояли твердою ногою на вершинахъ Балканъ.

Ночью турки открыли частый огонь, обстрѣливая измайловцевъ гранатами въ густомъ лѣсу. Съ разсвѣтомъ 17-го ноября, второе орудіе взвода штабсъ-капитана Адасовскаго было подвезено къ перевалу и шрапнельный огонь этихъ орудій, открытый съ разсвѣтомъ, заставилъ турокъ очистить батарею и отойти къ редуту, а въ 9 часовъ утра оба орудія заняли позицію на перевалѣ, гдѣ уже расположены были великолукцы. Одновременно съ этимъ двинулись впередъ и войска лѣвой колонны, а два орудія 16-й конной батареи капитана Усова, еще наканунѣ открывшія огонь, были выдвинуты на опушку лѣса противъ редута Гюльдизъ-таби подъ прикрытіемъ 1-й и 2-й стрѣлковыхъ ротъ Псковскаго полка, имѣвшихъ въ резервѣ 1-ю и 2-ю линейныя роты. Занявъ позицію, наши 4 орудія

начали оживленную перестрѣлку съ редутомъ Гюльдизь-табію. Затѣмъ одно изъ орудій Адасовскаго было передвинуто вправо и начало обстрѣливать арабь-конакскій редуть, а другое продолжало огонь по редуту Гюльдизь-табіи. Въ теченіи дня, 17-го ноября, еще два орудія 16-й конной батареи были подняты на горы при участіи нижнихъ чиновъ Семеновскаго полка.

При подъемѣ на горы, начальникъ лѣвой колонны полковникъ Зубатовъ упалъ съ лошади въ оврагъ и вывихнулъ себѣ плечо, вслѣдствіе этого въ командованіе колонной вступилъ 3-го баталіона Псковскаго полка подполковникъ Штемпель.

2-я стрѣлковая рота, подъ начальствомъ капитана Янушевскаго, замѣтивъ, что турки очистили батарею (впереди редута) и получивъ донесеніе изъ цѣпи, что они отступаютъ и увозятъ обозъ, бросилась на батарею и увлекла за собою 10-ю и 12-ю роты; занявъ батарею, къ которой турки прекрасно пристрѣлялись съ редута, эти роты бросились впередъ противъ Гюльдизь-табіи.

Изъ резерва, стоявшаго въ лѣсу, были выдвинуты двѣ роты для поддержки передовыхъ, но роты эти едва успѣли подойти къ батарее, какъ передовыя были уже отбиты. Турки, которые и не думали уходить, а напротивъ, сосредоточили къ редуту 10 баталіоновъ и имѣли тутъ 4 орудія, открыли съ близкаго разстоянія убійственный огонь, но, несмотря на это, псковцы стремительно врываются черезъ брустверь вышиною въ 4 метра въ редуть, сбрасываютъ въ ровъ одно орудіе и завязываютъ рукопашную схватку съ турками, прижавшимися къ противоположному фасу; уже часть гарнизона бѣжала изъ редута, уstraшенная этой неожиданной и лихой атакой, остальные были остановлены однимъ турецкимъ офицеромъ, съ револьверомъ въ рукахъ заставившимъ людей прекратить отступление.

Махмедъ-Али, находившійся 17-го ноября въ Гюльдизь-табіи, съ часа дня принялъ на себя управленіе боемъ; по его приказанію, гарнизонъ редута получаетъ подкрѣпленіе, выбиваетъ вмѣстѣ съ нимъ три слабыхъ роты псковцевъ изъ редута со значительнымъ урономъ и высылаетъ для ихъ преслѣдованія три баталіона.

Съ Греата, откуда генераль Дандевилъ слѣдилъ за ходомъ атаки, никѣмъ не приказанной, видно было, какъ наши ослабѣвшія роты бросились на редуть; ружейная трескотня постепенно оживлялась, затѣмъ густое облако скрыло сражавшихся, трескотня усиливалась, обрисовываясь огоньками, сверкавшими въ темной мглѣ тучи и въ скоромъ времени снова появились изъ облаковъ разстроенные псковцы; они шли густою, неправильною цѣпью, спокойно, ша-

гомъ, ни одинъ солдатъ не бѣжалъ. Во время этой атаки на позицію генерала Дандевилья прибылъ генераль Раухъ съ 5-ю ротами измайловцевъ.

Атака псковцевъ была начата ими такъ неожиданно и окончилась такъ быстро, что не было возможности подкрѣпить этихъ удалцовъ, но для поддержанія ихъ и для задержки преслѣдовавшихъ турокъ генераль Дандевиль, посоветовавшись съ генераломъ Раухомъ, приказалъ выслать два баталіона измайловцевъ, изъ которыхъ второй выдвинулся противъ Шандорника, перестроился по-ротно въ двѣ линіи и подошелъ такъ близко къ Гюльдизъ-таби, что привлекъ на себя огонь турокъ и понесъ потери; въ это же время первый баталіонъ измайловцевъ направился къ сторонѣ Арабъ-конака, для отвлеченія вниманія турокъ отъ Гюльдизъ-таби. Всѣ эти мѣры привели къ тому, что псковцы могли отступить спокойно и подобрать своихъ раненыхъ и частью даже убитыхъ.

Штабсъ-капитанъ Адасовскій, замѣтивъ, что при движеніи впередъ измайловцевъ турки открыли по нимъ артилерійскій огонь съ редутовъ № 7, приказалъ участить пальбу противъ Арабъ-конака, и тѣмъ привлекъ на себя огонь шести непріятельскихъ орудій, а въ это время другое орудіе обстрѣливало редуть Гюльдизъ-табию и турокъ, преслѣдовавшихъ псковцевъ.

Потери наши въ этомъ дѣлѣ состояли изъ 90 раненыхъ, 19 убитыхъ и 30 безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ Псковскаго полка, и четыре убитыхъ, 28 раненыхъ и одного безъ вѣсти пропавшаго нижняго чина Измайловскаго полка; 4-й взводъ 5-й батареи и драгуны потеряли по одному раненому нижнему чину. Изъ офицеровъ контужены: Измайловскаго полка поручикъ Мейбаумъ и ранены Псковскаго полка штабсъ-капитанъ Тальковскій и поручикъ Некрасовъ. Вся потеря состояла изъ 3-хъ офицеровъ и 173 нижнихъ чиновъ. Потеря турокъ по ихъ счету состояла изъ 50 чело-вѣкъ, изъ которыхъ восемь убитыхъ.

По окончаніи дѣла канонада продолжалась съ обѣихъ сторонъ до вечера и даже ночью. Такимъ образомъ, въ теченіи двухъ дней, 16-го и 17-го ноября, несмотря на крайне неблагоприятныя мѣстныя условія, значительно превосходныя силы турокъ и силу ихъ позицій, доблестные полки 2-й бригады 3-й пѣхотной дивизіи съ боя заняли позицію на перевалѣ великихъ Балканъ и прочно на немъ утвердились, вполне обезпечивъ подъемъ остальныхъ частей отряда; наконецъ, эти дѣйствія дали важный стратегическій результатъ, такъ какъ вынудили турокъ очистить Орханіэ и Врачешъ,

вслѣдствіе того, что наши войска, утвердившись на Греатѣ, могли угрожать пути отступленія турокъ изъ этихъ пунктовъ по Софійскому шоссе къ Арабъ-конаку.

Въ первый день боя 16-го ноября, у непріятеля, по показанію турецкаго автора, было семь баталіоновъ, а во второй день 10 баталіоновъ, съ нашей же стороны 16-го ноября дрались два не полныхъ баталіона великолукцевъ (одна рота была на Златицкомъ перевалѣ), а 17-го ноября было въ дѣлѣ всего три роты. Въ этихъ дѣлахъ выгоды мѣстности были на сторонѣ турокъ, такъ какъ они занимали командующія высоты и, имѣя свои войска сосредоточенными у Гюльдизъ-таби, могли превосходными силами атаковать голову нашего отряда въ то время, какъ онъ растянулся на подъемѣ, подымая артилерію, въ томъ числѣ тяжелыя 9-ти фунтовыя орудія.

Что касается дѣйствій турокъ, то мы видѣли, что Мехмедъ-Али, зная (по показанію турецкаго автора) изолированное наступленіе нашихъ колоннъ, (силы которыхъ, по донесеніямъ турецкихъ передовыхъ постовъ, были значительно преувеличины), сознавалъ необходимость разбить ихъ по частямъ, но такъ какъ на вызовъ войскъ изъ резерва требовалось слишкомъ много времени, то контръ-атака турокъ была поведена недостаточными силами, причемъ во время этой атаки часть войскъ пришлось подгонять фухтелями, что, конечно, отозвалось неблагоприятно на веденіе боя.

По словамъ турецкаго автора, Мехмедъ-Али еще вечеромъ 16-го ноября считалъ вѣроятнымъ, что мы поведемъ атаку на другой день, а потому непонятно, почему онъ не сосредоточилъ къ Гюльдизъ-таби, къ ключу позиціи, больше войскъ и не принялъ энергическихъ мѣръ для отраженія атаки псковцевъ, веденной при томъ столь слабыми силами; отчасти это упущеніе можно было объяснить тѣмъ, что Мехмедъ-Али не былъ совершенно свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, завися отъ константинопольскаго военнаго совѣта, запросы котораго часто отнимали у него много необходимаго времени. Такъ это было и 17-го ноября, когда турецкій главнокомандующій до такой степени былъ забросанъ депешами изъ дари-хура, что едва имѣлъ время пообѣдать.

Съ нашей стороны нельзя не указать на то, что въ авангардѣ генерала Дандевилля можно было, повидимому, назначить больше пѣхоты изъ войскъ, сосредоточенныхъ въ Этрополѣ, гдѣ было 24 баталіона; тогда важное порученіе, возложенное на генерала Дандевилля, было бы лучше обезпечено. Во всякомъ случаѣ результатъ боя 16-го ноября, сила турецкой позиціи и степень сопротивленія,

выказанная нашимъ врагомъ, указывали на необходимость усилить авангардъ генерала Дандевилля болѣе чѣмъ двумя баталіонами измайловцевъ. Также полезно было бы въ авангардъ генерала Дандевилля назначить болѣе чѣмъ 20 человекъ саперъ (въ это время три роты (1-я, 2-я и 3-я) лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона находились на бивакѣ у Этрополя).

Дѣла 16-го и 17-го ноября ясно показали, что турки твердо рѣшились оборонять свою крѣпкую позицію и вслѣдствіе этого наши передовыя части стали постепенно усиливаться вновь подходившими войсками.

Между тѣмъ какъ отрядъ генерала Эллиса упрочивался на занятыхъ позиціяхъ противъ лѣваго фланга турокъ, на нашемъ лѣвомъ флангѣ происходило постепенное усиленіе войскъ, занимавшихъ переваль Греата гвардейскими частями, подъ начальствомъ генерала Рауха, который чтобы ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ, утромъ, 17-го ноября, отправился, къ генералу Дандевиллю на Врачешку. 17-го ноября гвардейскій саперный баталіонъ былъ передвинутъ изъ Этрополя на такъ называемый драгунскій бивакъ (въ шести верстахъ отъ Этрополя), и для осмотра подъемовъ былъ посланъ саперный офицеръ. 16-го ноября генераль Гурко отдалъ приказъ, которымъ опредѣлялся порядокъ предстоявшаго движенія въ горы. Приказъ этотъ оканчивался выраженіемъ надежды, что войска приложить все усердіе и стараніе, чтобы исполнить предстоящую имъ задачу—перешагнуть черезъ Балканы; вмѣстѣ съ тѣмъ, генераль Гурко высказывалъ, что, послѣ опытовъ у Правца и Этрополя, ввѣренные ему войска докажутъ, что горы не составляютъ препятствій для русскаго солдата.

18-го ноября, въ 4 часа пополудни, 2-я батарея лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, подъ прикрытіемъ двухъ ротъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, получила приказаніе перейти изъ Этрополя на драгунскій бивакъ съ тѣмъ, чтобы на другой день подняться на горы.

Переходъ этотъ, длиною только въ шесть верстъ, былъ крайне труденъ и утомителенъ, по случаю наступившей темноты и чрезвычайно дурной каменистой дороги, гдѣ приходилось переходить бродомъ одинъ и тотъ же ручей до 20-ти разъ. Люди и лошади были страшно утомлены, но тѣмъ не менѣе, вначалѣ 10-го часа вечера, батарея достигла драгунскаго бивака и стала на ночлегъ. Далѣе начинался подъемъ на главный хребетъ Балканъ, который въ этомъ мѣстѣ вообще считается удобопроходимымъ.

Конечно, это справедливо, но если только не принимать въ расчетъ время года, состояніе погоды, срокъ, въ теченіи котораго должно быть исполнено движеніе, числительность войскъ и тяжелой, находившейся при нихъ, артиллеріи и кромѣ того условія мѣстности, разумѣется, далеко не во всѣхъ частяхъ хребта, одинаковыя.

А между тѣмъ, въ военныхъ операціяхъ вышеупомянутыя условія имѣютъ первостепенное значеніе; мы это узнали личнымъ опытомъ, когда пришлось подниматься на Шандорникъ съ тяжелой 9-ти-фунтовой артиллеріей по дорогѣ, уже существовавшей и которой пользовалась турецкая пѣхота.

Верстахъ въ 7—8 отъ Этрополя дорога, идущая сначала въ западномъ направленіи, поворачиваетъ влѣво и здѣсь начинается подъемъ на Шандорникъ. Весь путь длиною 7—8 верстъ идетъ все время среди густаго, гигантскаго, буковаго лѣса. Дорога часто мѣняетъ свое направленіе, поднимается съ одного уступа на другой, и большею частью проходитъ по скатамъ очень крутымъ, часто лѣпясь вдоль края глубокаго оврага съ почти отвѣсными берегами. Вслѣдствіе густаго лѣса, крутизны, подъема и извилистости пути весьма часто кажется, что уже скоро достигнешь вершины и рѣдѣющій лѣсъ какъ бы указываетъ на конецъ пути, но оказывается, что дорога вышла на край оврага, дѣлаетъ здѣсь поворотъ и вновь лѣзетъ на гору.

Эти частые обманы, которымъ войска подвергались во время подъема по этому пути, вызывали чувства крайняго раздраженія; дорога казалась безконечною и тяжелый трудъ подъема невыносимымъ. Конечно, подобный путь могъ быть названъ дорогой только за немѣнимъ ничею лучшаго, но въ сущности тутъ никакой дороги не было.—это была тропа, едва замѣтная среди густаго лѣса.

Почва на всемъ протяженіи состояла изъ рыхлой глины, густо усыпанной опавшими листьями, и при малѣйшемъ дождѣ легко превращавшейся въ непроходимую грязь, которая послѣ прохода нашихъ и турецкихъ войскъ, образовала въ буквальномъ смыслѣ слова цѣлыя ручьи, состоявшіе изъ жидкой глины съ мелкими камнями, и часто потокъ этотъ, сворачивая съ пути, медленно спускался въ боковые овраги и глубокія лощины.

Для людей движеніе по такой дорогѣ было крайне утомительно, не легче было и лошадямъ; ступая въ жидкую и глубокую грязь, онѣ попадали ногою или на скользкій камень, или на круглую гальку, которая выворачивалась подъ копытомъ и такимъ образомъ требовалось величайшее усиліе, чтобы удержаться на ногахъ.

Вслѣдствіе этихъ причинъ, подъемъ артилеріи на лошадяхъ оказался совершенно невозможнымъ и она была частью поднята волами, а главнымъ образомъ благодаря геройскимъ усилямъ людей, тащившихъ орудія за дышла, лямки, отвозы, накатывавшихъ колеса и т. п.

Зарядныхъ ящиковъ и не пытались перевозить, такъ какъ движеніе ихъ и по дорогамъ лучшаго качества было въ высшей степени затруднительно, а снаряды носились на рукахъ. Для исправленія подъема въ горы была направлена 1-я и 3-я роты саперъ на лѣвую дорогу, ведущую на Шандорникъ, а вторая рота—на правую, къ позиціи генерала Дандевила.

Исправленіе правой дороги заключалось въ томъ, что нѣкоторыя каменныя глыбы, загромождавшія дорогу, выворачивались и откатывались въ сторону; въ двухъ мѣстахъ пришлось разработать совершенно новыя участки дороги въ 10 и 20 сажень длиною, чтобы обогнуть мѣста, гдѣ дорога пролегла по совершенно голой скалѣ, неровная поверхность которой сильно затрудняла втаскиваніе орудій. Разработка лѣвой дороги представляла менѣе трудностей, такъ какъ она была нѣсколько удобнѣе правой. 19-го ноября 2-я рота саперъ работала у начала подъема, который представлялъ топкое мѣсто на протяженіи сажень 50-ти, почему приходилось рубить хворостъ и укладывать его по дорогѣ. Во время начавшагося подъема орудій необходимо было постоянно возобновлять эту постилку, такъ какъ послѣ прохода каждой роты съ ввѣреннымъ ей орудіемъ хвороста какъ не бывало: онъ весь уходилъ въ жидкую глину. Наконецъ, во многихъ мѣстахъ дорога уширялась, а въ иныхъ прокладывались новыя болѣе удобныя участки. Нѣсколько дней подрядъ можно было видѣть медленное движеніе изогнувшихся въ поясъ людей, загрязненныхъ съ головы до ногъ и обливавшихся обильнымъ потомъ; орудія то двигались, то зацѣплялись за деревья, то попадали въ глубокія выбоины, то приходилось ихъ перетаскивать черезъ каменныя глыбы, загромождавшія дороги; обойти эти препятствія рѣдко удавалось, какъ потому, что по сторонамъ дороги скаты покрыты густымъ и крупнымъ лѣсомъ, такъ и вслѣдствіе крупныя ближайшихъ скатовъ.

Дорога эта послѣ подъема авангарда генерала Дандевила работывалась гвардейскими саперами, но работа эта ограничилась лишь исправленіемъ самыхъ крупныхъ недостатковъ, такъ какъ для устройства сноснаго пути необходимы были значительныя средства, а главное много времени.

Для прохожденія 7—8 верстнаго протяженія необходимо было не менѣе 12-ти часовъ непрерывной, усиленной работы, и нерѣдко при неблагоприятныхъ случайностяхъ и еще больше.

Утромъ, 19-го ноября, двинулся съ бивака у Этрополя въ горы весь Преображенскій полкъ, который, дойдя до драгунскаго бивака, долженъ былъ втащить на позиціи противъ Гюльдизъ-таби 2-ю батарею лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады.

Съ первыхъ же шаговъ пришлось отпречь всѣхъ уносныхъ лошадей и двигать далѣе орудія и зарядные ящики только на коренныхъ лошадяхъ и при помощи преображенцевъ, для чего весь полкъ былъ распределенъ по-ротно на всѣ орудія. Погода до 11-ти часовъ утра была пасмурная при сильномъ вѣтрѣ, съ 11-ти же часовъ утра полилъ сильный дождь, продолжавшійся до 9-ти часовъ вечера. Вскорѣ коренныя лошади на столько утомились, что не въ состояніи были продолжать работу; тогда рѣшено было ихъ выпречь, орудія отдѣлать отъ передковъ и везти отдѣльно, причемъ на каждое орудіе и каждый передокъ была пазначена особая команда, одна половина которой тащила грузъ, а другая—несла ружья товарищей. Движеніе по едва доступной, даже для пѣшехода, горной тропѣ и по неоконченной еще саперами дорогѣ было преисполнено невѣроятныхъ трудностей и люди утомлялись до полного изнеможенія, не будучи въ состояніи отходить отъ орудія ни на шагъ изъ опасенія, что послѣднее скатится въ кручу и тѣмъ будетъ уничтоженъ результатъ упорнаго, тяжелаго труда. Ночь застала батарею и преображенцевъ въ пути, причемъ переднія орудія были уже недалеко отъ предназначенной имъ позиціи, а такъ какъ люди окончательно выбились изъ силъ, то приказано было остановить движеніе, и батарея вмѣстѣ съ полкомъ остановилась тамъ, гдѣ застала ихъ темнота.

Дождь страшно распустилъ глиняную почву, а скаты горъ, по которымъ пролегалла дорога, были такъ круты, что недозволяли людямъ ложиться; вслѣдствіе этого почти всѣ они провели ночь вблизи орудій, которыя удерживались на мѣстахъ камнями, бревнами, а мѣстами были привязаны къ деревьямъ; почти всю ночь бушевалъ пронзительный и холодный вѣтеръ, а временами шелъ дождь, вслѣдствіе чего костры поддерживались съ большимъ трудомъ и люди провели всю ночь безъ сна; только радушное гостепріимство, оказанное офицерами 11-го Псковскаго полка гвардейцамъ, нѣсколько облегчило ихъ положеніе въ эту, по истинѣ, мучительную ночь; но,

конечно, эта помощь не могла быть велика, такъ какъ и у самихъ псковцевъ почти ничего не было.

На другой день, 20-го числа, погода была большею частью ясная, но по временамъ облачная; движеніе началось съ разсвѣтомъ и къ 11-ти часамъ утра первый дивизионъ батареи былъ поставленъ въ лѣсу, на площадкѣ горнаго хребта, занятаго нашими войсками, за устроенные уже 19-го ноября гвардейскими саперами ложементы на высотѣ 4,300', второй же дивизионъ былъ выдвинутъ на другую площадку, правѣе и на 200' выше первой, за скатомъ гребня.

Для подъема этихъ орудій была разработана въ теченіи трехъ часовъ дорога, и на самой позиціи устроены два полууглубленныхъ окопа на два орудія каждый.

Въ ночь съ 20-го на 21-е ноября гвардейскіе саперы обратили ложементы перваго дивизиона въ батарею, которая получила названіе «лѣсной», и построили новую батарею для 2-го дивизиона, которая была названа батареей Геринга, по фамиліи командира 2-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады.

На «лѣсной» батареѣ находились, кромѣ того, два орудія конной батареи подполковника Ореуса, который и принялъ общее начальство надъ всѣми орудіями этой батареи. «Лѣсная» батарея была расположена на уступѣ горы, въ густомъ и высокомъ, буковомъ лѣсу, не мѣшавшимъ стрѣльбѣ и прекрасно маскировавшимъ орудія; между нею и Шандорникомъ находился глубокій, поросшій лѣсомъ оврагъ, занятый окопавшимися по всей линіи нашими передовыми постами.

Для прикрытія дороги въ Этрополь, а также для обстрѣливанія подступовъ къ нашему лѣвому флангу и отчасти тылу, были поставлены на пригоркѣ, позади лѣваго фланга позиціи на высотѣ 3,900', два орудія 16-й конной батареи (такъ называемая батарея Ореуса) и при нихъ одинъ баталіонъ 11-го Псковскаго полка. Съ этой батареей орудія дѣйствовали по Гюльдизъ-таби, поверхъ всѣхъ нашихъ биваковъ и позицій, что не представляло никакой опасности, вслѣдствіе значительнаго превышенія Шандорника слишкомъ на 1,100' надъ этой батареей.

Къ 19-му ноября на позиціи противъ Шандорника собрался подъ начальствомъ генераль-маіора Рауха отрядъ, состоявшій изъ Преображенскаго, Семеновскаго и 11-го Псковскаго полковъ, лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона, 1-го эскадрона Екатеринославскаго драгунскаго полка, 2-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады и четырехъ орудій 16-й конной батареи. Войска эти расположились слѣдующимъ образомъ: одинъ баталіонъ Семеновскаго

полка сталъ на позиціи по обѣ стороны «лѣсной» батареи, гдѣ имъ вырыты были ложементы, а другой баталіонъ того же полка правѣе верхней батареи, также въ ложементахъ. На передовыхъ постахъ стояли, начиная отъ лѣваго фланга позиціи генерала Дандевилля до верхней батареи—одинъ баталіонъ Псковскаго полка, а далѣе до лѣваго фланга позиціи отряда генерала Рауха—три роты Семеновскаго полка и одна рота Псковскаго полка; наконецъ, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, взводъ Екатеринославскихъ драгунъ, который освѣщаль мѣстность къ востоку и югу отъ расположенія отряда. Всѣ остальные части стали бивакомъ на скатахъ горъ, за позиціями батарей, вдоль дороги въ Этрополь, а два орудія 16-й конной батареи на такъ называемомъ драгунскомъ бивакѣ. Войска, расположенныя на Врачешскомъ перевалѣ, были подчинены генералу Дандевиллю.

18-го ноября, желая, насколько можно, приблизиться къ отряду генерала Эллиса, занявшему позицію по обѣ стороны софійскаго шоссе противъ Арабь-конака, генераль Дандевиль продвинулъ свой правый флангъ вправо; съ высоты Врачешскаго перевала въ этотъ день были видны большія сомкнутыя части, подходившія къ туркамъ съ запада и частью направлявшихся къ Гюльдизь-таби, но недостатокъ снарядовъ не позволилъ артилеріи отряда генерала Дандевилля открыть по нимъ огонь. Въ 9 часовъ утра генераль Гурко, прибывъ на позицію, приказалъ выбрать мѣста для расположенія прибывающихъ 14 орудій, усилить позицію инженерными работами и подготовить все необходимое для обстрѣливанія на слѣдующій день турецкой позиціи артилерійскимъ огнемъ.

Вслѣдствіе этого приказанія, одинъ баталіонъ Преображенскаго полка былъ высланъ на передовую позицію и приступилъ къ устройству ложементовъ, лейбъ-гвардіи Финляндскій полкъ строилъ батарею для 4-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, а Великолуцкій полкъ рылъ траншеи для себя и для шести орудій 5-й батареи 1-й артилерійской бригады. Всѣ эти работы производились подъ рѣдкимъ артилерійскимъ огнемъ непріятели.

19-го ноября шесть орудій 5-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады были подняты на перевалъ Врачешку и поставлены за укрѣпленіе, получившее названіе № 5-й. Эти орудія выступили изъ Этрополя 17-го ноября, въ 4 часа пополудни, подъ прикрытіемъ пяти ротъ Измайловскаго полка и къ полуночи прибыли на бивакъ Екатеринославскаго драгунскаго полка, пройдя около шести верстъ въ 8 часовъ времени, несмотря на постоянную помощь пяти ротъ измайловцевъ, и на то обстоятельство, что орудія были запряжены

восемью лошадьми каждое и четыре изъ нихъ были уложены на особо устроенные салазки, а передки, двигавшіеся отдѣльно, везлись четырьмя и шестью лошадьми; вмѣстѣ съ орудіями было взято 258 шрапнелей и 242 гранаты. Послѣ непродолжительнаго отдыха въ 4 часа утра, 18-го ноября, батарея двинулась на переваль Врачешку по дорогѣ, по которой были уже провезены два орудія той же батареи 16-го ноября и которая уже описана выше. Отъ драгунскаго бивака подъемъ сдѣлался такъ труденъ, что не было возможности везти орудія на лошадяхъ, поэтому вся матеріальная часть батареи съ лошадьми была тамъ оставлена; снаряды понесли на рукахъ, а два орудія повезли на буйволахъ, остальные четыре везлись исключительно измайловцами, усилія которыхъ, однако же, оказались недостаточными, когда батарея вступила въ густой лѣсъ, гдѣ дорога, вслѣдствіе дождей и порчи отъ уже прошедшихъ по ней войскъ, обратилась въ глубокую топь, въ которую колеса уходили по ступицу; приходилось снимать орудія съ лафетовъ, вытаскивать лафеты и вновь накладывать тѣла орудій; мѣстами каменные глыбы, загоразивавшія дорогу, вынуждали подымать орудія на рукахъ, фута на два, на три отъ земли.

Узнавъ, что пяти ротъ Измайловскаго полка недостаточно для подъема орудій, генераль Дандевиль послалъ имъ на помощь одинъ баталіонъ Финляндскаго полка.

Невозможно передать всѣ трудности, которыя представлялись войскамъ при доставленіи на переваль грозныхъ для турокъ орудій: офицеры и солдаты утопали въ грязи, спотыкались о пни и камни, обрывались въ кручи; но бодро тащили орудія все выше и выше. Топоры тупились о крѣпкій балканскій лѣсъ, загромождавшій путь, кирки ломались о гранитныя глыбы, раскинутыя по дорогѣ, а люди все шли впередъ: много было препятствій—еще болѣе было усилій.

Такимъ образомъ, послѣ 42-хъ часовъ почти непрерывной работы, все время подъ дождемъ и при сильномъ холодномъ вѣтрѣ, 1,400 человекъ втащили шесть орудій на восьми-верстный подъемъ и въ 10 часовъ утра, 19-го ноября, орудія были поставлены на батарею № 5-й. Въ этотъ день отрядъ генерала Дандевиль имѣлъ слѣдующій составъ:

Измайловскій полкъ	4 баталіона (13 ротъ).
Финляндскій полкъ	4 » (16 »).
Великолупцкій полкъ	3 » (15 »).
5-я батарея лейбъ-гвардіи 1-й артилер. бригады.	8 орудій.

Два эскадрона Екатеринославскаго драг. полка	2 эскадр.
Одна сотня Донскаго № 21-го полка	1 сотня
» » » № 26-го »	1 сотня.

Всего 10¹/₄ батал., 8 пѣш. орудій, 2 эскадр., 2 сотни.

Войска эти заняли позицію слѣдующимъ образомъ: Финляндскій полкъ упирался правымъ флангомъ въ ущелье, по которому проходило софійское шоссе, а Измайловскій полкъ расположился лѣвѣе Финляндскаго полка до батареи № 5-й, лѣвѣе которой сталъ Великолуцкій полкъ, одинъ баталіонъ котораго поддерживалъ связь съ отрядомъ генерала Рауха, двѣ сотни казаковъ поддерживали сообщеніе съ отрядами генераловъ Эллиса и Рауха, и кромѣ того выставили пикеты и держали между ними разъѣзды впереди пѣхотной сторожевой пѣпи, выставляемой на ночь, а два другіе эскадрона держали сообщеніе съ драгунскимъ бивакомъ, гдѣ были оставлены артилерійскія и другія тяжести отряда. Къ 2-мъ часамъ пополудни на позицію были доставлены, также съ величайшими усиліями, два орудія 4-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады отчасти на буйволахъ, но главнымъ образомъ, съ помощью одной роты Семеновскаго полка и болгарь.

Такимъ образомъ, къ 20-му ноября противъ позиціи турокъ отъ софійскаго шоссе до Шандорника прочно утвердились наши войска подъ начальствомъ генераловъ Рауха и Дандевилля.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію событій на нашемъ правомъ флангѣ, на софійскомъ шоссе.

VII. Занятіе Орханіэ 17-го ноября.

Послѣ занятія правецкой позиціи на ней былъ оставленъ отрядъ подъ начальствомъ Свиты Его Величества генералъ-майора Эллиса 1-го, состоявшій изъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка, гвардейской стрѣлковой бригады, двухъ батарей лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады, трехъ эскадроновъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго Его Величества полка, пяти сотенъ кавказской казачьей бригады и четырехъ орудій 6-й донской гвардейской батареи, всего восемь баталіоновъ, 16 пѣшихъ орудій, восемь эскадроновъ, одна сотня и четыре конныхъ орудія.

Отряду этому было приказано занять укрѣпленную позицію у Правца для обезпеченія войскъ, направленныхъ къ Этрополю со сто-

роны могущаго послѣдовать наступленія турокъ отъ Орханіэ; конницу этого отряда съ конной артилеріей приказано было выслать 13-го ноября къ Орханіэ, съ цѣлью производства усиленной развѣдки. Выше уже было сказано, что 13-го ноября Мехмедъ-Али, вслѣдствіе предписанія дари-хура, усилилъ войска, стоявшія у Врачеша и Орханіэ, причемъ они занимали сильно укрѣпленную позицію у этихъ пунктовъ. Собственно у Орханіэ не было позиціи, а турки занимали высоты къ юго-востоку отъ этого города; другая часть непріятельскихъ войскъ находилась на позиціи у Врачеша, въ томъ мѣстѣ, гдѣ софійское шоссе входитъ изъ орханійской котловины въ длинное и узкое ущелье, по направленію къ Арабъ-конаку.

Для провѣрки собранныхъ свѣдѣній отрядъ генерала Элиса произвелъ цѣлый рядъ рекогносцировокъ турецкихъ позицій близъ Орханіэ.

15-го ноября для развѣдки были назначены 1-й и 4-й баталіоны Московскаго полка съ двумя орудіями и нѣсколькими эскадронами Гусарскаго Его Величества и Уланскаго полковъ; резервомъ для этихъ войскъ долженъ былъ служить 3-й баталіонъ Московскаго полка, оставшійся на позиціи у Правца. Съ разсвѣтомъ отрядъ двинулся къ д. Лажени и, пройдя ее, орудія открыли огонь съ дистанціи въ 2,200 сажень, подъ прикрытіемъ 4-го баталіона, а 1-й остался въ резервѣ; конница прослѣдовала впередъ. Турки, отвѣтивъ на первый же выстрѣлъ нашихъ орудій, тѣмъ обнаружили свое расположеніе; снаряды ихъ дѣлали значительный недолетъ. Около полудня въ непріятельскомъ расположеніи произошелъ пожаръ, а вскорѣ непріятельская батарея прекратила огонь. Съ наступленіемъ темноты нашъ отрядъ отошелъ назадъ, причемъ турки провожали его громкими криками.

На другой день, 16-го ноября, для рекогносцировки были назначены 2-й, 3-й и 4-й баталіоны Московскаго полка и 5-я батарея лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады; 1-й баталіонъ Московскаго полка остался на позиціи у Правца. Батарея снялась впереди д. Лажени, 4-й баталіонъ расположился въ прикрытіе къ ней, 2-й баталіонъ—лѣвѣе, а 3-й—въ резервѣ у Лажени. Турки ни чѣмъ не обнаруживали своего расположенія и допустили наши развѣзды до самаго Орханіэ; но какъ только былъ открытъ нами артилерійскій огонь, какъ въ отвѣтъ началась канонада и со стороны турокъ, причемъ снаряды ихъ, падавшіе съ замѣчательною мѣткостью у самыхъ орудій, по обыкновенію, не наносили почти никакого вреда, такъ какъ глубоко зарывались въ землю. Около 5-ти часовъ дня наши

войска начали отходить назадъ, причемъ, для маскированія своего отступленія, батарея двинулась по-взводно, прикрываясь дымомъ отъ произведеннаго залпа. Турки скоро замѣтили это и участили огонь, обстрѣливая батарею и шоссе къ Лажени; по отступленіи батареи отошли и баталіоны. Какъ и наканунѣ, громкіе крики «аллахъ» провожали отходившія войска и бруствера непріятельскихъ укрѣпленій казались окаймленными красной каймой отъ фесокъ турокъ, высыпавшихъ посмотреть на удаленіе ихъ враговъ.

16-го ноября, въ городъ Этрополь къ генералу Гурко отправился состоявшій при генералѣ Эллисѣ генеральнаго штаба подполковникъ Ставровскій для доклада выработаннаго плана атаки орханійской позиціи. Принимая во вниманіе, что путемъ отступленія для непріятели съ этой позиціи служило софійское шоссе, рѣшено было главную атаку вести въ направленіи къ юго-востоку отъ Орханіэ, съ тѣмъ, чтобы, наступая такимъ образомъ, выйти въ тылъ непріятельскаго расположенія и угрожать его пути отступленія; кромѣ того, наступая по этому направленію, войска отряда генерала Эллиса входили въ связь съ отрядомъ генерала Дандевила, наступавшимъ изъ Этрополя къ Врачешскому перевалу.

17-го ноября развѣдка орханійскихъ позицій была сдѣлана лейбъ-гвардіи Уланскимъ полкомъ, 1-мъ, 2-мъ и 4-мъ баталіонами лейбъ-гвардіи Московскаго полка и 5-й батареей лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады подъ общимъ начальствомъ Свиты Его Величества генераль-маіора Эттера. Когда отрядъ проходилъ мимо д. Лажени, то онъ былъ встрѣченъ массами жителей, выгнанныхъ турками изъ Орханіэ; по выходѣ изъ Лажени рекогносцирующей отрядъ перестроился въ боевой порядокъ, имѣя впереди цѣпь уланъ, въ 1-й линіи пѣхоты 2-й баталіонъ московцевъ, за нимъ 5-ю батарею и въ резервѣ 1-й и 4-й баталіоны Московскаго полка, 3-й баталіонъ котораго остался у д. Лажени; вскорѣ послѣ этого 1-му баталіону было приказано войти въ первую линію и удлинить фронтъ вправо отъ 2-го баталіона.

Молча подвигались впередъ наши войска, турки тоже сохраняли полное молчаніе и вскорѣ шедшая впереди пѣхоты цѣпь уланъ вступила въ Орханіэ, оказавшееся покинутымъ турками. Быстро прошли черезъ городъ уланы и 2-й, и 4-й баталіоны Московскаго полка и, не останавливаясь на противоположной его окраинѣ, продолжали движеніе впередъ. Брошенные вещи, солдатское имущество, запасы продовольствія, нагруженные и даже запряженные каруцы, найденныя въ городѣ и лагерѣ, свидѣтельствовали о успѣш-

ности отступленія турокъ. Между тѣмъ, генераль Эллисъ, прибывъ въ Орханіэ, приказаль войскамъ двинуться далѣе, съ цѣлью вызвать огонь турокъ съ позиціи у Врачеша. Вслѣдствіе этого, уланы были направлены преслѣдовать непріятеля по шоссе, 4-й баталіонъ московцевъ получилъ приказаніе занять д. Врачешъ, а затѣмъ двинуться на Лютиково и выйти въ тылъ непріятеlemъ укрѣпленіямъ у этой деревни. 1-й и 2-й баталіоны московцевъ съ 5-й батареей свернули съ шоссе вправо и двинулись тоже на Лютиково, откуда изъ редута турки открыли артилерійскій огонь.

При приближеніи нашихъ войскъ къ Врачешу, черкесы, бывшіе здѣсь, отошли назадъ и обнаружилось, что укрѣпленная позиція у этой деревни оставлена непріятеlemъ, вслѣдствіе чего лейбъ-гвардіи Уланскій полкъ немедленно двинулся впередъ по направленію къ Арабъ-конаку, но на протяженіи 12-ти верстъ, которыя онъ прошелъ, непріятеля не было обнаружено, за исключеніемъ нѣсколькихъ небольшихъ партій черкесовъ. Большіе склады различныхъ запасовъ не были уничтожены турками и достались въ наши руки; для охраненія этого имущества командующій 4-мъ баталіономъ Московскаго полка капитанъ Паскинъ оставилъ 16-ю роту, а съ остальными тремя двинулся далѣе къ Лютикову. Для указанія дороги былъ взятъ болгаринъ-проводникъ, который и повелъ московцевъ по горной дорогѣ, зигзагами подымавшейся на высоты.

Ширина этой дороги допускала движеніе только рядами, но въ нѣсколькихъ мѣстахъ она суживалась скалами съ одной стороны и пропастью съ другой, такъ что тутъ приходилось карабкаться по одиночкѣ. Вслѣдствіе этихъ причинъ, московцы наступали очень медленно и не успѣли еще дойти до редута, какъ съ наступленіемъ темноты услышали сигналъ «Московскій полкъ» и «сборъ». Между тѣмъ 1-й и 2-й баталіоны, двинутые съ двумя орудіями съ фронта подъ начальствомъ полковника Грипенберга, подошли къ лютиковской позиціи на пушечный выстрѣлъ и послѣ канонады съ обѣихъ сторонъ, съ наступленіемъ темноты, 1-й и 2-й баталіоны и 13-я, 14-я и 15-я роты отошли на бивакъ къ Орханіэ. Въ тотъ же день, 17-го ноября, вечеромъ, 1-й, 2-й и 4-й гвардейскіе стрѣлковые баталіоны были сосредоточены на софійскомъ шоссе у караулки, не доходя Лажени, а 3-й стрѣлковый баталіонъ былъ оставленъ на правецкой позиціи для спуска съ нея 14 орудій, втащенныхъ на эти высоты 11-го и 12-го ноября.

Въ тотъ же день отрядъ Шакира-паши, вслѣдствіе уже упомянутаго приказанія Мехмеда-Али отступить къ Арабъ-конаку, уни-

чтоживъ всѣ запасы, собранные во Врачешѣ, раннимъ утромъ прибылъ по назначенію, оставивъ на врачебской позиціи, для прикрытія своего отступленія, только партію черкесъ.

По прибытіи къ Арабь-конаку, войска Шакира заняли мѣста на лѣвомъ флангѣ этой позиціи по обѣ стороны софійскаго шоссе, а три табора были выставлены въ разстояніи около двухъ верстъ впереди, въ видѣ сторожеваго отряда.

Черкесы, оставленные во Врачешѣ, при наступленіи русскихъ, не успѣли зажечь собранные въ этой деревнѣ склады, которые такимъ образомъ и достались въ наши руки. По слованъ Бекера, склады не были уничтожены вслѣдствіе того, что Шакиръ опасался, произведя пожаръ, обнаружить свое отступленіе.

Нѣсколько позднее обнаруженіе начала отступленія турокъ лишило отрядъ генераль Элліса возможности преслѣдовать ихъ и на плечахъ непріятели дойти до арабь-конакской позиціи.

По присоединеніи отряда Шакира-паши, Мехмедъ-Али имѣлъ въ своемъ распоряженіи весьма значительныя силы, а именно: 44 баталіона (изъ нихъ вполнѣ свѣжихъ 38), 46 орудій и 1,000 всадниковъ.

Баталіоны, прибывшіе изъ Босніи, были наиболѣе сильными и имѣли около 600 челов. въ строю, остальные были болѣе слабого состава, но все же общая численность пѣхоты въ это время равнялась 20,000 челов. Изъ этого числа громадное большинство, именно 39 баталіоновъ и почти вся артилерія, были сосредоточены на арабь-конакской позиціи на протяженіи около 9 верстъ; 5 баталіоновъ по прежнему оставались у Златицы и, кромѣ того, 6 баталіоновъ занимали лютиковскую позицію. Такимъ образомъ, армія Мехмеда-Али была малочисленнѣе, чѣмъ предполагалось: къ половинѣ ноября турки надѣялись собрать у Арабь-конала не 44 баталіона, а 67. Но за то къ этому времени войска Мехмеда-Али были почти всѣ сосредоточены на сильной позиціи, будучи обеспечены съ праваго фланга златицкимъ отрядомъ, а съ лѣваго лютиковскимъ и чрезвычайно труднодоступной мѣстностью.

18-го ноября отрядъ Элліса двинулся къ Арабь-конаку въ слѣдующемъ порядкѣ: авангардъ, состоявшій подъ начальствомъ фл.-адъютанта полковника Грипенберга, имѣлъ впереди эскадронъ уланъ съ 2 орудіями гвардейской казачьей батареи, за ними шли 1-й, 2-й и 3-й баталіоны л.-гв. Московскаго полка со 2-й, 4-й и 5-й батареями л.-гв. 2-й артилерійской бригады.

Войска эти въ 8 час. утра выступили изъ Врачеша. Такъ какъ

отъ этой деревни софійское шоссе вступаетъ въ узкое ущелье, стѣсненное съ обѣихъ сторонъ высокими горами, то полковникъ Гринбергеръ приказалъ баталіонамъ авангарда слѣдовать не сплошною колонной, а на разстояніи часа одинъ отъ другого, для того, чтобы при встрѣчѣ съ непріателемъ они не несли напрасныхъ потерь при перестрѣлкѣ въ узкомъ ущельи.

Затѣмъ, въ 1 часъ дня двинулись по тому же пути 1-й, 2-й и 4-й гвардейскіе стрѣлковыя баталіоны съ 9-ти фунтовыми орудіями, три эскадрона уланъ и 4 орудія 6-й донской гвардейской батареи. 4-й баталіонъ Московскаго полка былъ оставленъ въ Врачешѣ для охраненія захваченныхъ складовъ, а л.-гв. Финскій баталіонъ—на позиціи противъ Лютиково. Софійское шоссе, по которому двинулись войска, было усыяно брошенными каруцами съ разнымъ имуществомъ, съ патронами и снарядами; трупы лошадей, разбитыя повозки и различные другіе предметы устилали путь нашихъ войскъ.

Около 4 часовъ дня авангардъ прибылъ къ Баба-кочаку и занялъ позиціи на высотахъ по обѣ стороны софійскаго шоссе: по лѣвую сторону сталъ 1-й баталіонъ московцевъ, по правую 2-й баталіонъ, а 3-й съ артилеріей остался въ резервѣ внизу на шоссе; впереди были выставлены уланская цѣпь, посты и дежурныя части отъ пѣхоты. Остальныя части отряда ген. Эллиса стали бивакомъ сзади, вдоль софійскаго шоссе.

Въ ночь на 19-е ноября, около 2 часовъ, уланская цѣпь, находившаяся впереди нашихъ пѣхотныхъ постовъ на шоссе, услышавъ стукъ колесъ и шумъ, отступила на полуроту 11-й роты Московскаго полка. Темнота ночи и слабость конныхъ постовъ не дозволили имъ узнать истинную причину шума, а потому командиръ полуроты 11-й роты подпоручикъ Комаровъ послалъ на бивакъ 3-го баталіона донесеніе о наступленіи непріателя, а полуроту рассыпалъ въ цѣпь по скатамъ высотъ.

Командующій 3-мъ баталіономъ капитанъ Красовскій, получивъ донесеніе подпоручика Комарова, послалъ для поддержки его 9-ю роту, которая и стала позади цѣпи 11-й роты шагахъ въ 50. Почти послѣ часоваго ожиданія вновь послышался шумъ, постепенно усиливавшійся и прекратившійся затѣмъ не вдалекѣ отъ нашей цѣпи: онъ походилъ скорѣе на плачь и на какой-то непривычный для слуха скрипъ, нежели на шумъ, производимый движущимися войсками.

Наконецъ, высланный вперёдъ взводъ 9-й роты привелъ нѣсколько запряженныхъ каруцъ, которыя оказались нагруженными болгарскими дѣтьми разныхъ возрастовъ, не свыше 5 лѣтъ. Доне-

сеніе объ этомъ прибыло на бивакъ только къ 5 часамъ утра и, благодаря фальшивой тревогѣ, 3-й баталіонъ простоялъ большую часть ночи подъ ружьемъ, лишившись необходимаго отдыха.

Слѣдующіе два дня были посвящены осмотру мѣстности, выбору позицій, укрѣпленію ихъ и поднятію орудій на горы. При этомъ полковникъ Грипенбергъ, оцѣнивъ всю важность позицій на высотахъ правѣе шоссе, значительно командовавшихъ лѣвымъ флангомъ турецкаго расположенія, и откуда хорошо видѣнъ былъ резервный лагерь непріятеля, приказалъ 3-му баталіону Московскаго полка, 19-го ноября, присоединиться ко второму, а въ ночь съ 20-го на 21-е были втащены на эти высоты 6 орудій. На высотахъ лѣвѣе шоссе была устроена батарея на 4 орудія. Производство инженерныхъ работъ было весьма затруднительно вслѣдствіе каменистаго грунта, а также и того обстоятельства, что ихъ приходилось иногда производить подъ непріятельскимъ огнемъ. При устройствѣ укрѣпленій на высотахъ правѣе шоссе былъ примѣненъ слѣдующій приемъ: прежде возведенія самаго бруствера впереди его втыкали въ землю рядъ срубленныхъ небольшихъ деревьевъ, образовавшихъ живую изгородь и скрывавшихъ работы отъ непріятеля.

Работы по укрѣпленію позицій, устройству сообщеній и подъему артилеріи продолжались не только днемъ, но и ночью, и были крайне утомительны: для подъема каждаго орудія приходилось назначать по 100 человѣкъ рабочихъ, а для подноса каждаго снаряда на батарею необходимо было $2\frac{1}{2}$ часа времени. Рядомъ съ этимъ часть отряда несла службу на передовыхъ постахъ и въ дежурныхъ частяхъ. Наконецъ, войска выдѣляли большія команды рабочихъ для устройства укрѣпленій и должны были исполнить весьма тяжелый трудъ проведенія просѣкъ въ лѣсу, который былъ настолько густъ, что роты Московскаго полка, занятая этой работой, не могли видѣть другъ друга, даже на небольшихъ разстояніяхъ.

Приказомъ ген.-адъютанта Гурко отъ 19-го ноября всѣ войска-собранныя на софійскомъ шоссе между Правцемъ и Арабъ-конакомъ, поступили подъ начальство ген.-адъютанта гр. Шувалова. Войска эти были слѣдующія: Московскій и Павловскій полки, гвардейская стрѣлковая бригада, 1-я, 3-я и 6-я батареи л.-гв. 1-й артилерійской бригады, 2-я гвардейская артилерійская бригада, двѣ батареи 3-й артилерійской бригады, л.-гв. Конно-Гренадерскій, Уланскій, Драгунскій и Гусарскій Его Величества и Астраханскій драгунскій полки, 2-я, 5-я и 6-я батареи гвардейской конно-артилерій-

ской бригады (14 орудій), 8-я и 15-я донскія казачьи батареи, всего: 12 баталіоновъ, 88 пѣшихъ орудій, 20 эскадроновъ и 26 конныхъ орудій.

На войска, ввѣренныя графу Шувалову, возлагалось вести наступленіе противъ позицій у Арабъ-конака и охранять орханійскую котловину съ праваго фланга, гдѣ на такъ-называемой лютиковской позиціи стоялъ турецкій отрядъ силою около 6 таборовъ съ нѣсколькими орудіями.

Начальникомъ авангарда войскъ графа Шувалова былъ назначенъ ген. Эллисъ 1-й.

Въ это же время, т.-е. къ 20-му ноября, войсками на позиціи противъ Шандорника командовалъ ген.-маіоръ Раухъ; здѣсь было сосредоточено: 11 баталіоновъ (Преображенскій, Семеновскій и Псковскій полки), 8 пѣшихъ и 4 конныхъ орудій (2-я батарея л.-гв. 1-й артилерійской бригады и 16-я конная батарея) и одинъ эскадронъ Екатеринославскихъ драгунъ. На Врачешскомъ перевалѣ подъ начальствомъ ген.-маіора Дандевилля находилось 11 баталіоновъ, 8 пѣшихъ орудій, 2 эскадрона и 2 сотни (Измайловскаго полка—13 ротъ, Финляндскій полкъ, Великолуцкій полкъ, 5-я батарея л.-гв. 1-й артилерійской бригады, Екатеринославскаго драгунскаго полка—2 эскадрона и по одной сотнѣ донскихъ казачьихъ № 21-го и № 26-го полковъ).

Такимъ образомъ, къ 20-му ноября наши войска утвердились на высотахъ Балканъ противъ всего фронта турецкихъ позицій и принимались мѣры для продолженія наступательныхъ дѣйствій. Важнѣйшимъ пунктомъ непріятельской позиціи былъ безспорно Шандорникъ, какъ тактическій ключъ ея, значительно господствовавшій надъ всей окружающей мѣстностью.

Занявъ этотъ пунктъ, мы пріобрѣтали возможность взять во флангъ всю позицію турокъ и продолжительная оборона ея послѣ паденія Гюльдизъ-табиі едва ли была возможна. Очевидно, что главную атаку слѣдовало повести на этотъ пунктъ.

Позиція турокъ на Шандорникѣ была сильна по естественному свойству и хорошо укрѣплена; однако, ходъ атаки исковцевъ 17-го ноября показалъ, что турки, несмотря на грозныя укрѣпленія, не особенно сильны на занятой ими позиціи, такъ какъ три роты Псковскаго полка едва не овладѣли важнѣйшимъ изъ ихъ укрѣпленій. Кромѣ того, подступъ къ редуту Гюльдизъ-табиі отчасти облегчался чрезвычайно крутымъ скатомъ, образовавшимъ довольно значительное мертвое пространство вблизи укрѣпленія. Наконецъ,

можно было воспользоваться густыми туманами, зачастую окружавшими Шандорникъ и подъ прикрытіемъ которыхъ войска могли подойти къ непріятелю безъ особыхъ потерь.

19-го ноября подпоручикъ гвардейскаго Сапернаго баталіона Романовъ съ десятью саперами былъ посланъ на развѣдку непріятельскаго расположенія; пользуясь туманомъ, подпоручикъ Романовъ прошелъ приблизительно половину разстоянія до непріятеля и, скрывшись въ оставленномъ турками люнетѣ, высмотрѣлъ непріятельскую позицію, снялъ кроки редута Гюльдизъ-таби, но затѣмъ принужденъ былъ отступить, такъ какъ туманъ къ этому времени разсѣялся.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній ген. Раухъ рѣшилъ атаковать Шандорникъ 20-го ноября. Съ этою цѣлью онъ обратился 19-го ноября съ просьбою къ генералу Дандевилю поддержать атаку, на что въ тотъ же день, въ 6^{1/2} часовъ вечера, былъ полученъ отвѣтъ генерала Дандевиля о полной готовности содѣйствовать атакѣ Шандорника огнемъ изъ десяти орудій и пѣхотою; кромѣ того, генералъ Дандевиль предполагалъ открыть огонь противъ Арабъ-конака изъ шести орудій, прибытія которыхъ онъ ожидалъ къ разсвѣту 20-го ноября.

Желая приготовить своихъ подчиненныхъ къ предстоявшему трудному дѣлу, генералъ Раухъ собралъ на передовую позицію всѣхъ старшихъ начальниковъ до баталіонныхъ командировъ включительно, и на мѣстѣ указалъ каждому направленіе, по которому каждая часть должна была двигаться, причемъ офицеры Псковскаго полка, бывшіе въ дѣлѣ 17-го ноября, вызвались показывать путь войскамъ, назначеннымъ для штурма. Въмѣстѣ съ этимъ былъ произведенъ цѣлый рядъ работъ по подготовкѣ атаки въ инженерномъ отношеніи. Въ окопахъ № 3-го приказано было устроить блиндированныя помѣщенія для орудій и, во избѣжаніе напрасныхъ потерь, работу эту рѣшено было произвести въ ночь съ 19-го на 20-е; остатокъ же дня былъ употребленъ на рубку лѣса. Необходимыя для бревенъ деревья сначала рвали динамитомъ, но эта попытка была неудачна, такъ какъ взрывы вызывали со стороны турокъ артиллерійскій огонь, срѣзанныя же деревья передъ употребленіемъ въ дѣло все равно должны были быть обрублены топоромъ, такъ какъ отъ дѣйствія взрыва комлевые концы ихъ были разщеплены на длину около сажени. Рубка деревьевъ подвигалась очень медленно по причинѣ крайне твердой породы лѣса (букъ), а отчасти и вслѣдствіе дурнаго состоянія топоровъ; медленность рубки лѣса была столь

значительна, что заставила отказаться отъ желанія устроить блиндируемые помѣщенія. Поэтому рѣшено было обезпечить батареи только отъ прицѣльнаго огня, а для этого необходимо было возвести брустверь въ 10 футовъ вышиною, который былъ сложенъ изъ принесеннаго дерна, такъ какъ скалистый грунтъ не позволялъ рыть ровъ. Затѣмъ окопъ № 2-й превращенъ былъ въ батарею, съ устройствомъ заслоновъ изъ бревенъ и земли, и наконецъ, построенъ пороховой погребъ.

Самую атаку предполагалось повести въ слѣдующемъ порядкѣ: съ утра должна была начаться бомбардировка турецкихъ укрѣпленій и продолжаться до 12-ти часовъ дня, затѣмъ должны были двинуться на правый флангъ турецкаго расположенія Преображенскій полкъ, а на лѣвый — Семеновскій полкъ, имѣя въ общемъ резервъ 11-й Псковскій полкъ. Для облегченія атаки, по предложенію полковника Скалона, рѣшено было ночью съ 19-го на 20-е ноября вырыть длинную траншею на мѣстѣ брошеннаго турками люнета, на половинѣ пути до редута Гюльдизъ-таби.

Всѣ приготовленія для штурма уже были сдѣланы, когда 20-го же числа была получена отъ помощника начальника штаба полковника Сухотина записка слѣдующаго содержанія: «генераль Гурко приказалъ: до особаго приказанія, движеніе къ Мирково не предпринимать», а начальникъ отряда, прибывъ къ Шандорнику 22-го ноября и лично осмотрѣвъ расположеніе турокъ, отмѣнилъ распоряженіе относительно штурма и приказалъ занять укрѣпленныя позиціи и усилить бомбардированіе противника.

Такимъ образомъ, на основаніи общихъ соображеній, войска генерала Гурко должны были ограничиться пребываніемъ на высотахъ въ виду непріятельской позиціи.

Посмотримъ теперь, что дѣлалось въ горахъ восточнѣе Шандорника, а именно, на Златицкомъ перевалѣ.

VIII. Занятіе Златицкаго перевала.

Въ то время какъ отряды генераловъ Дандевиля, Элліса и Рауха занимали позиціи на горахъ по обѣ стороны софійскаго шоссе, небольшая часть нашихъ войскъ дѣйствовала совершенно отдѣльно въ направленіи отъ Этрополя къ Златицѣ; сюда еще 14-го ноября была выдвинута изъ Этрополя 12-я рота Великолуцкаго полка, съ

цѣлью занять переваль. Турки, имѣвшіе на перевальѣ очень небольшой отрядъ, завидѣвъ наступленіе этой роты, отошли назадъ и дали ей возможность занять переваль, но, спустя немного времени, изъ турецкаго лагеря подъ городомъ Златицей подошли подкрѣпленія и заставили великолукцевъ очистить переваль и отступить внизъ вплоть до блокгауза, находившагося у подошвы сѣвернаго подъема, приблизительно въ полтора верстахъ отъ перевала. При отступленіи потеряно три нижнихъ чина ранеными.

Все 16-е ноября турки, подойдя къ блокгаузу на ружейный выстрѣлъ, производили стрѣльбу, не причиняя, впрочемъ, намъ никакого вреда; въ то же время они пригнали на переваль чловѣкъ 300 болгаръ изъ Златицы и сосѣднихъ деревень, и начали возводить укрѣпленія для усиленія и безъ того весьма хорошей позиціи.

16-го ноября рѣшено было выдвинуть изъ Этрополя къ златицкому перевалу, съ цѣлью овладѣть и прочно занять его, отрядъ изъ трехъ родовъ оружія, чтобы обезпечить со стороны Златицы наши операціи отъ возможныхъ покушеній турокъ въ направленіи къ Этрополю. Отрядъ этотъ состоялъ изъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка (не болѣе 1,000 штыковъ), двухъ сотенъ кубанцевъ и пяти сотенъ донской бригады подъ начальствомъ генераль-маіора Курнакова. Артилерія первоначально осталась въ Этрополѣ, такъ какъ дорога, по которой предстояло двинуться отряду, безъ предварительной разработки не годилась для провоза орудій.

Бросимъ бѣглый взглядъ на эту дорогу.

Первыя три версты отъ Этрополя дорога еще была сносною, но затѣмъ она постепенно превращалась въ тропинку, которая мѣстами была шириною не болѣе одного шага и проходила по крайне пересѣченной, гористой мѣстности, имѣя очень крутые подъемы и спуски, причемъ иногда полотно дороги состояло изъ каменныхъ, часто весьма высокихъ, ступеней, неправильной формы.

Съ одной стороны, западной, тропинка ограничивалась обрывистымъ берегомъ Малаго Искера, а съ другой — поднимались мѣстами почти отвѣсныя горы; масса камней и вырванныя съ корнями деревья, снесенныя потоками весенней воды, нерѣдко загромаждали путь, что вмѣстѣ съ ручьями, образовавшимися отъ таянія снѣга, дѣлало движеніе крайне затруднительнымъ даже для пѣхоты, артилерію же совершенно невозможно было провезти безъ предварительной разработки дороги. Зачастую почва обвалилась подъ ногами людей и они рисковали слетѣть въ пропасть, въ которой течетъ

Малый Искеръ, представлявшій во многихъ мѣстахъ кипящую пучину.

17-го ноября, въ 4^{1/2} часа утра, выступили изъ Этрополя, въ видѣ авангарда, 2-й баталіонъ, 14-я и 16-я роты Гренадерскаго полка и сотня казаковъ подъ начальствомъ капитана Засулича. При этомъ командующему 2-мъ баталіономъ Гренадерскаго полка капитану Засуличу были даны полковникомъ Любовицкимъ необходимыя инструкціи и кроки дороги на переваль, составленное генеральнаго штаба капитаномъ Протопоповымъ. Согласно развѣдки капитана Протопопова, атака перевала съ фронта, а также обходы его съ фланговъ являлись дѣломъ чрезвычайно труднымъ, вслѣдствіе крайне неблагоприятныхъ мѣстныхъ условій.

Сообразно съ этимъ, капитану Засуличу было указано рѣшить на мѣстѣ, какъ лучше атаковать переваль, причемъ стараться овладѣть и деревней Клиссикиой, лежащей по ту сторону Балканъ.

Около 10-ти часовъ утра, послѣ шестичасоваго перехода, отрядъ, дѣлая не болѣе двухъ верстъ въ часъ, дошелъ до полуразрушеннаго блокгауза, находившагося въ разстояніи полутора верстъ отъ перевала; здѣсь людямъ былъ данъ двухчасовой отдыхъ, во время котораго была произведена развѣдка мѣстности двумя офицерами Гренадерскаго полка, а затѣмъ были отданы приказанія для атаки перевала. Весь отрядъ, состоявшій изъ семи ротъ—шести гренадерскихъ и одной великолуцкой—былъ раздѣленъ на три колонны: правая, состоявшая изъ 5-й и 16-й ротъ Гренадерскаго полка подъ начальствомъ поручика Путилова 1-го, наступала по горамъ правѣе ущелья, средняя—изъ 6-й и 7-й ротъ, подъ начальствомъ поручика Савостина, двинулась прямо по ущелью и должна была держаться уступомъ позади шаговъ на 700 и, наконецъ, лѣвая—изъ 14-й роты Гренадерскаго полка и 12-й роты 12-го Великолуцкаго полка, подъ начальствомъ поручика Рудковскаго, направилась лѣвѣе ущелья, наконецъ, 8-я рота и сотня казаковъ образовали общій резервъ. Обходнымъ колоннамъ пришлось при этомъ идти по чрезвычайно труднодоступной мѣстности, карабкаясь на крутые скалы горъ.

Турки занимали сильную по природнымъ свойствамъ позицію, отчасти уже усиленную укрѣпленіями, а отчасти укрѣплявшуюся въ виду нашихъ войскъ, при приближеніи которыхъ рабочіе, рывшіе ложементы—болгары изъ Златицы и ближайшихъ деревень—бросили лопаты и быстро разбѣжались.

Между тѣмъ турки открыли частый ружейный огонь, но, не-

смотря на это, роты продолжали безостановочное, хотя и очень медленное наступление и успѣли занять высоты, командующія расположеніемъ непріятеля. Турки пытались охватить отрядъ съ фланговъ, но безуспѣшно, такъ какъ гренадеры и великолукцы, въ свою очередь, также угрожали имъ охватомъ, вслѣдствіе чего непріятель началъ постепенно отступать и къ 4-мъ часамъ дня переваль былъ уже въ нашихъ рукахъ, причемъ одна часть турокъ отступила по восточной окраинѣ ущелья, а другая—по западной; первыхъ мы не преслѣдовали, потому что ими заблаговременно были заняты высокія, обрывистыя скалы 2, влѣво отъ клиссокійскаго ущелья, которыя мы впослѣдствіи назвали «орлинымъ гнѣздомъ» и доступъ къ которому съ нашей стороны былъ совершенно невозможенъ, а для преслѣдованія второй были посланы три роты и одна сотня казаковъ, которыя, прогнавъ непріятеля, заняли гребень и частью даже спустились на южный склонъ горы.

Начало темнѣть и поднялась метель; въ это время на переваль прибыли остальные баталоны Гренадерскаго полка и казаки, и къ ночи заняли слѣдующее расположеніе: 13-я и 15-я роты смѣнили двѣ роты правой колонны, которыя значительно подались впередъ по южному склону Балканъ; 3-й баталіонъ сталъ бивакомъ въ резервъ за этими ротами, кромѣ 12-й роты, которая стала ближе къ перевалу для связи праваго фланга позиціи съ серединой ея; 1-й баталіонъ смѣнилъ роты лѣвой колонны, причемъ рота Его Величества и 2-я стали въ передовой линіи; части же авангарда, т. е. 2-й баталіонъ, 14-я и 16-я роты и 12-я рота Великолукцаго полка составили общій резервъ и заняли самый переваль; казачьи сотни остались ночевать у блокгауза. За ночь всѣ части, бывшія на позиціи, вырыли для себя ложементы.

При отступленіи турки побросали множество жестяныхъ ящиковъ съ патронами. Вечеромъ они пытались обойти нашъ правый флангъ, но, встрѣченные огнемъ, отошли назадъ. Всю ночь продолжалась перестрѣлка съ турками, ночь была очень холодная, снѣгъ уже покрывалъ вершины горъ, и всю ночь свирѣпствовала метель.

Турки, отброшенные гренадерами, хотя и отступили на всемъ протяженіи, но горъ все же не покидали: лѣвый флангъ непріятельскаго отряда засѣлъ у скалъ 6, и южнѣе на третьей терасѣ противъ 13-й и 15-й ротъ; центръ остановился частью въ самомъ клиссикійскомъ ущельи, и частью въ деревнѣ Клиссикіой, а правый флангъ—расположился на скалахъ 2 (орлиное гнѣздо), восточнѣе ущелья.

Позиція, занятая отрядомъ генераль-маіора Курнакова, тянулась вдоль хребта златицкихъ Балканъ на протяженіи около пяти верстъ.

Идущее поперекъ позиціи глубокое, почти съ отвѣсными боками, клисикіойское ущелье, раздѣляло ее на двѣ неравныя части, изъ которыхъ западная, длиною около трехъ верстъ, простиралась до челопеченскаго ущелья, а восточная—имѣла около двухъ верстъ длины. Западная часть позиціи спускается тремя терасами, причемъ послѣдняя тераса заканчивается почти отвѣснымъ, усѣяннымъ камнями спускомъ, въ златицкую долину. На склонахъ горъ въ предѣлахъ позиціи, во многихъ мѣстахъ торчали скалы, иногда весьма большихъ размѣровъ, какъ, напримѣръ, скала *в*, за которой свободно помѣщалась одна изъ ротъ 4-го баталіона Гренадерскаго полка.

Отъ праваго фланга нашей позиціи въ направленіи къ деревнѣ Челопечени тянулся длинный и узкій хребетъ, ограниченный съ западной стороны обрывистымъ челопеченскимъ ущельемъ, а съ восточной—глубокимъ оврагомъ, идущимъ отъ златицкой долины въ глубь, къ главному хребту. На южномъ концѣ этого кряжа возвышается коническая гора и здѣсь былъ воздвигнутъ турками небольшой редутъ № 3-й. Восточная половина позиціи имѣла тотъ же характеръ, что и западная, т. е. здѣсь, на южномъ склонѣ Балканъ, было тоже три терасы, причемъ оврагъ, тянувшійся съ сѣвера на югъ, раздѣлялъ ее на двѣ части, изъ которыхъ одна, прилегающая къ клисикіойскому ущелью, была у насъ въ рукахъ, а другая, восточная, впоследствии была занята турками. Эта послѣдняя часть, въ свою очередь, была ограничена съ востока весьма глубокимъ ущельемъ.

На плато средней терасы виднѣлась скала *г*, названная нами «орлинымъ гнѣздомъ», возвышавшаяся крутымъ конусомъ высоко къ небу, почти до высоты самаго перевала, а восточнѣе ея, подымалась скала *е* и *ж*. Кромѣ указанныхъ скалъ, по всей позиціи разбросано было множество камней, что, дѣлая мѣстность крайне пересѣченной, въ тоже время затрудняло ориентированіе. Что касается до сообщеній между разными участками позиціи, то въ этомъ отношеніи были встрѣчены большія затрудненія: необходимы были цѣлыя часы, чтобы передать приказаніе или донесеніе съ одного конца позиціи на другой, а движеніе войскъ, даже и пѣхоты, было весьма затруднительно, вслѣдствіе въ сущности полного отсутствія дорогъ, замѣнявшихся узкими тропинками, проходившими по кручамъ, среди скалъ, лѣсовъ и прочихъ препятствій.

Ориентироваться на такой мѣстности было крайне трудно, и чтобы войска не сбивались съ дороги, были сложены изъ камней ориентировочные знаки, которые, впоследствии, когда выпалъ снѣгъ, были замѣнены вѣхами.

Почти одновременно съ отрядомъ генерала Курнакова былъ двинуть къ златицкому перевалу другой отрядъ, изъ Тетевена.

18-го ноября, въ 3 часа дня, начальникъ тетевенскаго отряда, полковникъ графъ Комаровскій, получилъ отъ генерала Нагловскаго приказаніе генерала Гурко двинуть, если онъ найдетъ то возможнымъ, часть ввѣреннаго ему отряда къ златицкому перевалу, чтобы показать видъ, что и по этому направленію двигаются наши войска, и тѣмъ облегчить дѣйствіе колонны генераль-маіора Курнакова. При этомъ рекомендовалась особая осторожность и указывалось, что цѣль движенія колонны полковника Комаровскаго исключительно демонстративная. Въ тотъ же день полковникъ Комаровскій выступилъ съ семью ротами Новоингерманландскаго полка (1-й баталіонъ, 5-я, 8-я и 2-я стрѣлковая роты) и съ двумя неполными сотнями (2-й и 4-й) Донскаго № 24-го полка вверхъ по ущелью Чернаго Вида, имѣя съ собою четырехдневный запасъ провіанта и патроновъ, на выюныхъ лошадяхъ. Въ Тетевенѣ были оставлены двѣ роты и 50 казаковъ.

19-го ноября полковникъ Комаровскій, подъ прикрытіемъ 20-ти казаковъ, лично сдѣлалъ развѣдку позиціи непріятеля на перевалѣ и 20-го ноября, послѣ чрезвычайно утомительнаго движенія по гористой мѣстности, съ началомъ разсвѣта, отрядъ двинулся для атаки перевала. Турки, оказавъ незначительное сопротивленіе, бѣжали въ Златицу, бросивъ свой палаточный лагерь; отрядъ полковника Комаровскаго преслѣдовалъ ихъ, а затѣмъ остался ночевать въ захваченномъ лагерѣ.

Прослѣдимъ день за днемъ положеніе нашихъ войскъ на златицкомъ перевалѣ.

18-го ноября весь день шелъ дождь съ порывистымъ вѣтромъ; расположеніе частей оставалось безъ переменъ и также какъ наканунѣ между нашими войсками и непріятелемъ происходила оживленная перестрѣлка, а въ 3 часа дня турки начали возводить редутъ на своемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ, на горѣ, надъ деревней Челопечени; получивъ объ этомъ донесеніе отъ казачьяго поста, бывшаго на нашемъ правомъ флангѣ, полковникъ Любовицкій выслалъ 14-ю роту, которая, передвинувшись впередъ и вправо, своимъ огнемъ заставила турокъ прекратить работу. Вслѣдъ затѣмъ фли-

гель-адъютантъ полковникъ Любовицкій приказалъ съ наступленіемъ темноты приступить къ постройкѣ редута на командующей высотѣ, противъ возвышенности, занятой турками, и гдѣ они только что пытались построить редуть. Занятіемъ и укрѣпленіемъ этой высоты мы избавляли нашъ правый флангъ отъ продольнаго огня неприятеля, которымъ онъ могъ поражать нашу позицію, если бы ему удалось занять эту гору ранѣ насъ. Редуть, названный нами «русскимъ» № 1, былъ построенъ въ теченіи ночи двумя ротами 3-го баталіона, совершенно безпрепятственно, благодаря глубокой темнотѣ и густому туману, но съ другой стороны, эти же условія позволили противнику также окончить постройку своего редута и вооружить его горной пушкой.

19-го ноября перестрѣлка началась съ утра; замѣтивъ, что весьма важный въ тактическомъ отношеніи пунктъ занятъ нами въ теченіи ночи, неприятель рѣшился заставить насъ очистить это мѣсто. Съ этою цѣлью около полудня, турки пытались обойти нашъ правый флангъ; тогда правѣ редута нами быстро возведены были два ложемента (*a* и *b*), имѣвшихъ назначеніе противодействовать неприятельскому охвату. Въ этотъ же день, съ цѣлью болѣе прочнаго занятія перевала, мы возвели на немъ три ложемента (*v*), каждый на полуроту, для продольнаго обстрѣливанія клисикіойскаго ущелья и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вырубилъ часть лѣса по ущелью и изъ него же устроили засѣки. Дѣйствія обѣихъ сторонъ въ теченіи 19-го ноября ограничились перестрѣлкою, которая продолжалась до вечера. Весь день шелъ проливной дождь при сильномъ вѣтрѣ, а къ вечеру выпалъ снѣгъ и сдѣлалось очень холодно. Дождь и вѣтеръ настолько затрудняли разведеніе костровъ и поддержаніе огня, что отрядъ былъ почти лишень возможности сколько нибудь обсушиться и обогрѣться.

20-го ноября утромъ неприятель сдѣлалъ болѣе серьезную, чѣмъ наканунѣ попытку, отбросить нашъ правый флангъ, для чего онъ открылъ огонь изъ горнаго орудія (въ такъ называемомъ турецкомъ редутѣ), направляя выстрѣлы его нѣсколько во флангъ нашихъ ложементовъ, занятыхъ 4-мъ баталіономъ Гренадерскаго полка; но неприятельскія гранаты не причиняли намъ ни малѣйшаго вреда и войска наши остались на занимаемой позиціи. Около полудня, на той же горѣ, съ которой неприятель старался насъ поражать еще наканунѣ, была выдвинута имъ еще болѣе сильная цѣпь, которой удалось охватить нашъ правый флангъ и даже зайти въ тылъ людямъ, занимавшимъ правофланговый ложементъ (*a*), но защитники

этого окопа не очистили его, несмотря на то, что они понесли потери, какъ убитыми, такъ и ранеными. Благодаря находчивости начальника этого ложементъ, фельдфебеля 10-й роты Гренадерскаго полка Павла Никитина, удалось удержать этотъ пунктъ до прибытія подкрѣпленій; замѣтивъ появленіе турокъ въ тылу, Никитинъ приказалъ насыпать задній брустверь и тѣмъ обратилъ ложементъ въ редутъ, въ которомъ держался съ своей полуротой въ теченіи нѣсколькихъ часовъ. Первую помощь этой горсти молодцовъ оказали кубанцы: ихъ пикетъ, стоявшій у русскаго редута, спѣшившись, открылъ столь мѣткій огонь по непріятелю, что заставилъ его отступить. Во время этой перестрѣлки, турки, подъ прикрытіемъ своей цѣпи, двинули вдоль по челопеченскому оврагу незамѣтно для насъ довольно значительную колонну, состоящую изъ пѣхоты и конницы. Сначала на снѣжной вершинѣ хребта, почти въ тылу праваго фланга нашего расположенія, показалась довольно сильная конная партія съ красными значками; маневръ этотъ, повидимому, имѣлъ цѣлью еще болѣе рѣшительный охватъ нашего праваго фланга, а также какъ это потомъ оказалось и прикрытіе развѣдки нашей позиціи, производившейся въ это время Гусейнъ-пашей, начальникомъ златицкаго гарнизона со снѣжной высоты, командующей всѣмъ нашимъ расположеніемъ.

Для противодѣйствія этому новому охвату былъ высланъ одинъ взводъ кубанцевъ и 5-я рота гренадеръ, которые, частью разсыпались въ цѣпь, а частью, взобравшись на высокую скалу (к), бывшую противъ фронта наступавшей новой колонны, открыли огонь по непріятельской колоннѣ; въ тоже время была выдвинута и разсыпана въ цѣпь вся 12-я рота Гренадерскаго полка, которая, засѣвъ на восточномъ краѣ челопеченскаго ущелья, ниже русскаго редута (№ 1-й), открыла по непріятелю огонь во флангъ. Остальныя двѣ роты 9-я и 11-я были передвинуты съ бивака на правый флангъ, на высоту (и) и здѣсь имъ приказано было приступить къ постройкѣ редута. Какъ только роты эти прибыли по назначенію, такъ тотчасъ 11-я рота начала постройку новаго укрѣпленія № 2-й.

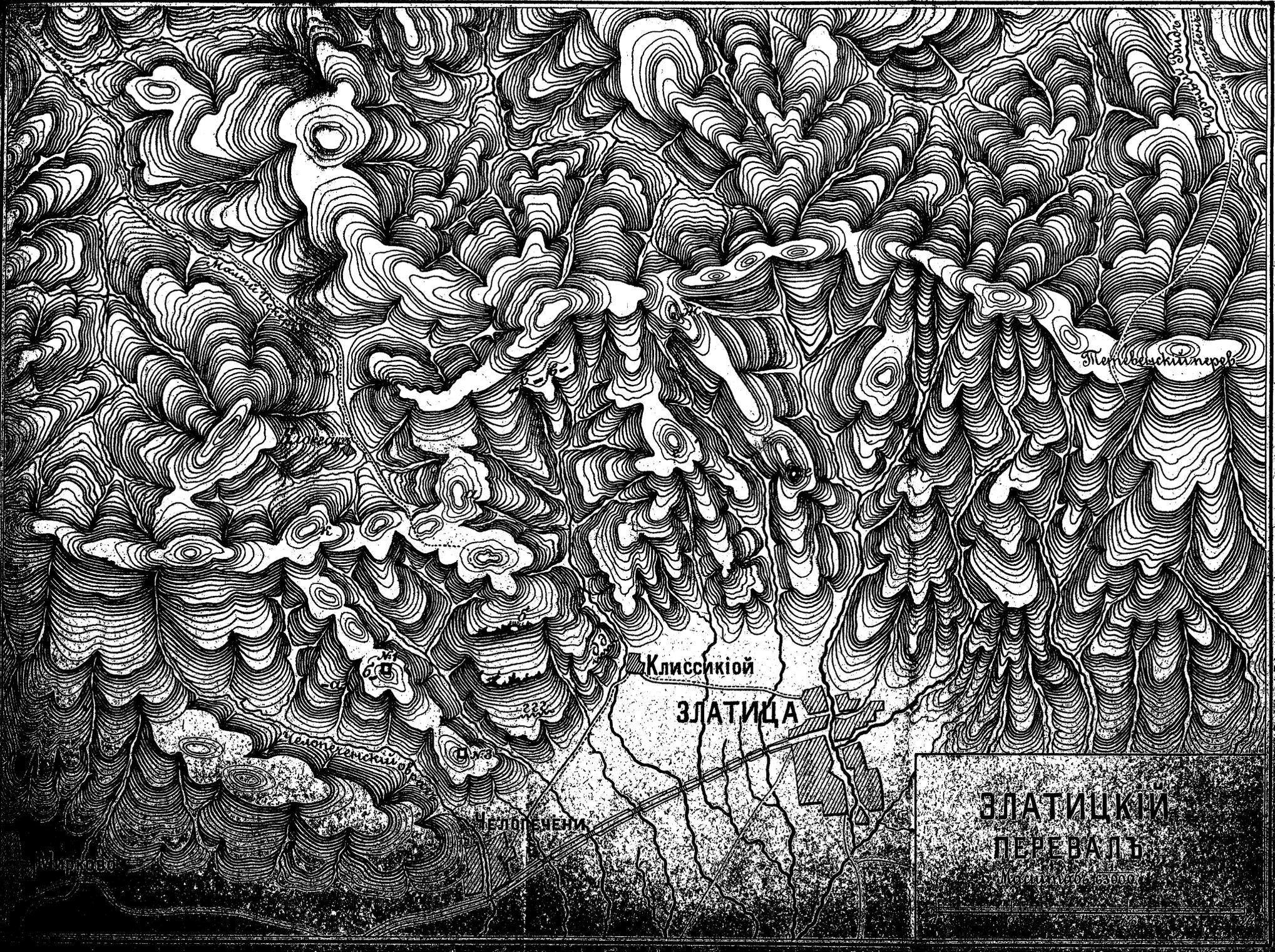
Непріятельская колонна, встрѣченная огнемъ какъ съ фронта, такъ и съ фланговъ, повернула назадъ и отступила въ полномъ безпорядкѣ, причемъ понесла значительныя потери убитыми и ранеными, въ томъ числѣ и одного изъ начальниковъ, лошадь котораго съ полнымъ снаряженіемъ осталась въ нашихъ рукахъ. Сотня кубанцевъ, стоявшая на правомъ флангѣ, была послана въ догонку за непріятелемъ.

Въ этотъ же день, какъ уже сказано выше, съ началомъ разсвѣта, со стороны Тетевена подошелъ отрядъ полковника графа Комаровскаго и, занявъ часть перевала восточнѣе гренадеръ, заставилъ турокъ отступить къ Златицѣ.

21-го ноября утромъ непріятель началъ постепенно очищать свои позиціи, наши войска перешли въ наступленіе и, спустившись по склону, расположились ближе къ подошвѣ хребта, а именно: 4-му баталіону гренадеръ со скалы *a* было приказано идти внизъ по скату къ послѣднему уступу, на крайней оконечности котораго и остановиться. По клиссикійскому ущелью были направлены 3-я и 4-я роты, а 3-му баталіону съ остальными ротами, бывшими на перевалѣ—перейти къ скалѣ *a*. Въ это же время 11-я рота, замѣтивъ, что турки очищаютъ редутъ № 3-й, также двинулась впередъ и заняла это укрѣпленіе. Около часу или двухъ пополудни генераль Курнаковъ, прибывшій на перевалъ съ казаками, получилъ отъ полковника графа Комаровскаго увѣдомленіе, что имъ заняты Тетевенскій перевалъ (восточнѣе Златицкаго); при этомъ полковникъ Комаровскій просилъ поддержать его при дальнѣйшемъ наступленіи съ горъ въ долину; еще ранѣе полученія этой записки съ позиціи Гренадерскаго полка при помощи бинокля были замѣчены дымки какъ будто отъ ружейной перестрѣлки. Исполняя желаніе графа Комаровскаго, полковникъ Любовицкій приказалъ капитану Засуличу съ 3-й и 4-й ротами, успѣвшими спуститься въ клиссикійское ущелье, подняться къ скалѣ *a* и идти далѣе на выстрѣлы, чтобы подать руку помощи тетевенскому отряду.

Подъемъ этихъ ротъ изъ ущелья на высоты былъ чрезвычайно затруднителенъ и производился вслѣдствіе этого очень медленно, такъ что, когда начало смеркаться, 3-я и 4-я роты еще далеко не дошли до отряда полковника Комаровскаго, а между тѣмъ вскорѣ прекратились выстрѣлы, на которые направлялись эти роты, и на мѣстѣ ихъ вспыхнули костры; однако же, нельзя было разобрать издали, чьи именно эти огни—наши или турецкіе; узнать это не удалось, несмотря на то, что капитаномъ Засуличемъ было послано для осмотра нѣсколько казаковъ. Вслѣдствіе этого, 3-я и 4-я роты остановились ночевать на высотахъ, близъ «орлиаго гнѣзда».

21-го ноября полковникъ Комаровскій замѣтилъ, что число турецкихъ войскъ подъ Златицей увеличилось и что тамъ появились два орудія; вслѣдствіе этого онъ предположилъ, что выходъ въ долину для колонны генерала Курнакова, вѣроятно, открытъ. Около 2-хъ часовъ дня, замѣтивъ, что изъ Златицы потянулись непріятель-

**ЗЛАТИЦКІЙ
ПЕРЕВАЛЪ**

1:100,000

100

скія войска къ деревнѣ Челопечени и предполагая, что у этой деревни турки завязали дѣло съ отрядомъ генерала Курнакова, полковникъ Комаровскій двинулся впередъ и въ 4-мъ часу, постепенно разсыпая 2-я стрѣлковую, 3-ю, 4-ю, 5-ю и 8-ю роты, вступилъ въ дѣло съ непріателемъ, занимавшимъ ложементы у подножія. Непріатель, очистивъ редуты и ложементы, сосредоточилъ всѣ свои силы въ укрѣпленномъ лагерѣ передъ городомъ Златицей, а деревни Кліссікійи Челопечени занялъ небольшими частями пѣхоты, подъ прикрытіемъ стрѣлковыхъ цѣпей; при этомъ въ интервалѣ между деревнями находилось (по нашему счету) отъ шести до семи сотенъ конницы.

Всѣ эти дѣйствія имѣли, повидимому, цѣлю, выманить насъ въ долину и навести на лагерь, сильно укрѣпленный и снабженный шестью орудіями, а равно и на Златицу, опушка которой была занята стрѣлками. Видя, что мы не продолжаемъ наступленіе, турки сами пытались не разъ подходить къ нашей позиціи, но, встрѣчаемые каждый разъ нашимъ огнемъ, уходили назадъ. Около 3-хъ часовъ дня, турецкая пѣхота начала стягиваться къ лагерю и къ Златицѣ, а отъ непріательской конницы отдѣлилось около сотни черкесовъ, съ гикомъ бросившихся на деревню Челопечени и начавшихъ въ ней грабежъ и избіеніе болгаръ на глазахъ нашего отряда. Для прекращенія этихъ неистовствъ были высланы четыре сотни казаковъ и 9-я рота Гренадерскаго полка; къ этимъ частямъ по собственному почину присоединилась и 11-я рота, занимавшая редуть № 3-й; черкесы были изгнаны, и къ вечеру деревня занята нами. Въ это же время, какъ сказано выше, и полковникъ Комаровскій, замѣтивъ движеніе непріателя къ Челопечени, двинулся впередъ съ пятью ротами и отвлекъ часть непріательскихъ войскъ. По отступленіи черкесовъ, турки выдвинули изъ Златицы одно или два орудія и открыли огонь по обѣимъ деревнямъ, при этомъ въ деревнѣ Челопечени имъ удалось зажечь нѣсколько домовъ.

Такимъ образомъ, къ вечеру 21-го ноябрю наши войска занимали слѣдующее расположеніе: 9-я и 11-я роты гренадеръ съ двумя сотнями казаковъ—въ Челопечени; 12-я рота Гренадерскаго полка и великолукская рота заняли турецкій редуть; 10-я рота стала у бывшихъ ложементовъ 4-го баталіона гренадеръ (2, 2, 1), 4-й баталіонъ на 3-й терасѣ, а полурота 13-й роты заняла деревню Кліссікій; 3-я и 4-я роты расположились на высотахъ вблизи «орлиного гнѣзда»; остальные роты составляли резервъ, а именно: 5-я—на перевалѣ, а 1-я и 2-я и остальные три роты 2-го баталіона—у скалы *a*; казаки у блокгауза. Все расположеніе имѣло по фронту около пяти верствъ, а въ глубину около четырехъ.

22-го ноября, турки демонстрировали одною колонною против нашего фронта, а другою—атаковали деревню Челопечени. Около 8-ми часовъ утра, наши разъѣзды дали знать отряду, занимавшему эту деревню, что изъ Златицы вышла колонна войскъ, которая, по-видимому, направляется къ Челопечени. Полковникъ Антоновъ, бывший начальникомъ гарнизона этой деревни, отдалъ слѣдующее приказаніе: 9-й ротѣ выдвинуться шаговъ на 200 впередъ деревни, причемъ первой полуротѣ приказано было разсыпаться правѣе шоссе, а второй полуротѣ—лѣвѣе его, такъ, чтобы между флангами обѣихъ полуротъ образовался интервалъ въ 500—600 шаговъ; 11-й ротѣ—выслать въ цѣпь одну полуроту лѣвѣе 9-й роты, а другую полуроту вмѣстѣ съ сотней кубанцевъ оставить, въ видѣ резерва, въ деревнѣ; другая сотня содержала передовые посты и разъѣзды. Турки, выйдя изъ Златицы, раздѣлились на двѣ колонны, причемъ одна изъ нихъ, въ числѣ одного табора и одного орудія, повернувъ къ деревни Кліссикіой, развернулась, выслала впередъ стрѣлковъ и остановилась въ значительномъ разстояніи отъ деревни. Отсюда турки открыли артилерійскій огонь по позиціи 4-го баталіона и 3-й и 4-й роты; тогда эти послѣднія роты, спустившись по скату ближе къ д. Кліссикіой, приступили къ постройкѣ ложементовъ (d, d) на послѣднемъ уступѣ горъ для лучшаго обстрѣла входа въ клиссикіойское ущелье. Другая непріятельская колонна, состоявшая изъ двухъ таборовъ, четырехъ или пяти сотенъ конницы и одного орудія, направилась къ деревнѣ Челопечени, имѣя впереди около сотни черкесовъ. Казаки, бывшіе на передовыхъ постахъ, начали мало по малу отходить подъ натискомъ черкесовъ, которые, несмотря на огонь нашей пѣхотной цѣпи, весьма близко подскакали къ деревнѣ, такъ что для отраженія ихъ пришлось вывести изъ деревни резервную полуроту и пальбой ея усилить нашъ огонь. Казаки, спѣшившись, частью залегли въ интервалѣ между 9-й и 11-й ротами, а частью за курганомъ впереди цѣпи 11-й роты. Между тѣмъ, турецкая пѣхота перестроилась въ боевой порядокъ и начала наступать, охватывая нашъ правый флангъ, а три или четыре сотни черкесовъ направились вправо и спрятались за холмомъ противъ нашего лѣваго фланга. Около полудня, турки подошли къ нашему расположенію шаговъ на 400, залегли и открыли сильный ружейный огонь, охвативъ частью своей пѣхоты нашъ правый флангъ; между тѣмъ, у насъ оставалась въ резервѣ только одна сотня казаковъ. Въ это время турки вновь произвели конную атаку; около двухъ сотенъ черкесовъ стремительно бросились на цѣпь 11-й роты, но, встрѣчен-

ные убійственными залпами, принуждены были отойти назадъ. Наконецъ, около часу дня вся непріятельская конница, стоявшая за холмами, опять бросилась частью на 11-ю роту, а частью въ интервалъ между 9-й и 11-й ротами на спѣшенныхъ казаковъ, но и эта атака не удалась. Отбитію этой послѣдней атаки много способствовалъ огонь 10-й роты, открытый по турецкой колоннѣ во флангъ. Эта рота, ночевавшая у ложементовъ (г), двинулась на выстрѣлы къ Челопечени по почину своего командира поручика Гадолина, такъ какъ онъ зналъ, что въ этой деревнѣ у насъ всего только двѣ роты и двѣ сотни.

Густой туманъ и незнакомство съ мѣстностью крайне затрудняли движеніе этой роты, но, направляясь все время на выстрѣлы, она прибыла къ послѣднему уступу горъ, какъ разъ во время послѣдней атаки турецкой конницы и, рассыпавшись, открыла сильный огонь во флангъ непріятеля. Почти одновременно съ этой атакой по шоссе, со стороны деревни Мирково, показалась сотня черкесовъ, быстро подвигавшаяся къ Челопечени; замѣтивъ это, фельдфебель 9-й роты Шаховъ, командовавшій 1-й полуротой, взявъ нѣсколько звеньевъ, занялъ ими опушку деревни и залпами отразилъ атаку конницы.

Около 2-хъ часовъ дня, огонь сталъ ослабѣвать и лѣвый флангъ турокъ началъ отходить назадъ, а около 3-хъ часовъ началось общее отступленіе, какъ отъ Челопечени, такъ и отъ Клысикіой. Тогда наши роты заняли прежнее расположеніе: 3-я и 4-я роты возвратились къ скалѣ г, оставивъ полуроту въ ложементахъ (д, д), 1-я и 11-я роты заняли д. Челопечени, а 10-я, поднявшись нѣсколько выше, стала бивакомъ въ разстояніи около одной версты отъ ложементовъ (г, г, г). Въ этотъ же день 22-го ноября, полковникъ Комаровскій рѣшилъ спуститься съ перевала въ ущелье Чернаго Вида, въ виду того, что у него вышелъ четырехдневный запасъ продовольствія, а также и вслѣдствіе недостатка топлива на горахъ. Кромѣ того, онъ считалъ свое присутствіе на перевалѣ уже излишнимъ, такъ какъ изъ дѣйствій предшествовавшихъ двухъ дней онъ заключилъ, что генералъ Курнаковъ не намѣренъ наступать на Златицу, свою же задачу онъ считалъ только демонстративною. Отрядъ полковника Комаровскаго уже спустился съ перевала, но въ 10 часовъ утра было получено сообщеніе отъ генерала Курнакова, что въ этотъ день въ 10 часовъ рѣшено предпринять наступленіе и потому, генералъ Курнаковъ проситъ ему содѣйствовать. Тогда отрядъ полковника Комаровскаго вновь вернулся на перевалъ, но такъ какъ уже было поздно, то дѣйствія были отложены до слѣдующаго дня. Вслѣдствіе этого, на другой день, 23-го ноября, полковникъ Комаровскій вновь спустился къ Златицѣ.

23-го ноября на позицію генерала Курнакова были доставлены изъ Этрополя два орудія казачьей № 19-го батареи и установлены въ укрѣпленіи на южномъ скатѣ надъ деревней Клиссикіой. Орудія были доставлены на переваль, главнымъ образомъ, при помощи людей, причеиъ способъ доставки былъ нѣсколько иной, чѣмъ въ другихъ отрядахъ. Тѣла орудій снимались съ передковъ, въ каналы ихъ вставлены были длинныя жерди, къ нимъ привязаны поперечныя жерди и приспособленныя, такимъ образомъ, орудія были перенесены на плечахъ. Около двухъ часовъ ночи на 24-е ноября, полковникъ Любовицкій получилъ отъ начальника отряда генерала Курнакова диспозицію на 24-е число, написанную на нѣсколькихъ клочкахъ бумаги и притомъ крайне неразборчиво.

Согласно этой диспозиціи, главныя силы должны были наступать на Златицу отъ деревни Клиссикіой, роты, расположенныя восточнѣе этой деревни, должны были двинуться въ тылъ туркамъ, а части, занимавшія Челопечени, составлять резервъ.

Такъ какъ до разсвѣта оставалось немного времени, и невозможно было своевременно сдѣлать необходимыя распоряженія, то полковникъ Любовицкій отправился къ генералу Курнакову и испросилъ у него разрѣшенія отложить атаку на другой день. Получивъ на это согласіе начальника отряда, полковникъ Любовицкій отправился въ Этрополь, чтобы сдѣлать нѣкоторыя распоряженія къ предстоящей атакѣ. Здѣсь онъ встрѣтился съ генераломъ Нагловскимъ, который предложилъ ему явиться генералу Гурко. Начальникъ отряда, выслушавъ донесеніе полковника Любовицкаго о положеніи дѣлъ на Златицкомъ перевалѣ, приказалъ передать генералу Курнакову, чтобы войска его отряда оставались на занимаемыхъ мѣстахъ и не предпринимали наступательныхъ дѣйствій. «Отъ Великаго Князя, Главнокомандующаго арміей, только что получено предписаніе остановить всякое движеніе впередъ до разъясненія обстоятельствъ, въ виду довольно серьезной неудачи, понесенной нашими войсками при Еленѣ» сказалъ генералъ Гурко полковнику Любовицкому. Согласно съ этимъ приказаніемъ, войска на Златицкомъ перевалѣ прекратили наступательныя дѣйствія и для нихъ началось балканское сидѣнье, продолжавшееся до 22-го декабря.

Такимъ образомъ, и здѣсь, у Златицкаго перевала, наши войска прочно утвердились на занятыхъ позиціяхъ.

Генеральнаго штаба подполковникъ Епанчинъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗСЛѢДОВАНИЕ ЛѢСНЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

(Статья четвертая) (1).

III. Теорія лѣсныхъ дѣйствій.

в) *Бой*. Лѣсной бой вообще представляет такое обширное поле для случайностей, даетъ такія рѣзкія уклоненія отъ чистой, такъ сказать, теоріи, основанной на изслѣдованіи основныхъ свойствъ и взаимодѣйствія элементовъ, что окончательный выводъ требуетъ крайней осторожности. Намъ совершенно непонятны абстрактные выводы, измышленные кабинетнымъ, теоретическимъ путемъ, въ родѣ, на примѣръ, того, что *«кратчайшимъ срокомъ сопротивленія слѣдуетъ считать тройное время, необходимое для прохода лѣса противникомъ безъ сопротивленія»* (2) или что *«тактической единицею лѣснаго боя, какъ по численности, такъ и по силѣ внутренней спайки, надо признать полкъ»* (3). Подобныя заключенія, какъ естественный результатъ увлеченія однимъ, много двумя, частными случаями, нельзя считать достаточно точными.

Для боевыхъ столкновеній вообще каждая изъ сторонъ принимаетъ удобный для боя порядокъ. Порядокъ этотъ, внѣ мѣстныхъ условій, долженъ въ настоящее время удовлетворять тремъ главнымъ требованіямъ: 1) широкому примѣненію принципа взаимной поддержки; 2) самостоятельности элементовъ боеваго порядка (частная инициатива) въ предѣлахъ общей дѣли, и 3) возможности регулировать бой, отражать случайности и на избранныхъ пунктахъ наносить рѣшительные удары. Въ зависимости отъ этихъ требованій современный боевой порядокъ состоитъ изъ боевой части (войска начинающія и поддерживающія бой), расчлененной по фронту на

(1) См. «Воен. Сборн.» 1891 г., № 8-й.

(2) Pz. «Taktik der Infanterie und Cavallerie».

(3) «Лѣсной бой» (Jahrbücher für die deutsche Armee) 1889 г., № 218.

самостоятельные боевые участки; общаго резерва (регуляторъ боя) и органовъ наблюденія за флангами. По отношенію къ условіямъ мѣстности отъ боеваго порядка требуется еще надлежащая гибкость и удобопримѣнимость къ характеру и свойствамъ поля сраженія, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ установленіи соответствующихъ мѣстности ширины и глубины боеваго порядка; эксплуатаціи мѣстныхъ предметовъ, какъ закрытій отъ взоровъ и выстрѣловъ противника; респредѣленіи различныхъ родовъ войскъ сообразно спеціальныхъ ихъ, по отношенію къ мѣстности, свойствъ; наконецъ, расположеніи заднихъ поддерживающихъ и регулирующихъ частей въ смыслѣ наименьшихъ затрудненій въ исполненіи своей роли. Такимъ образомъ, мѣстность и боевой порядокъ связаны неразрывными узами. Очевидно, что мѣстность вліяетъ только на частности послѣдняго, не затрагивая основныхъ формъ, составляющихъ его душу. Разъ какъ она исключаетъ возможность выполненія указанныхъ выше спеціальныхъ функцій боеваго порядка, она неудобна для боя.

Имѣя элементомъ мѣстности лѣсъ, мы должны выяснить: какое вліяніе послѣдній оказываетъ на боевой порядокъ при атакѣ и оборонѣ, въ какой мѣрѣ свойства лѣса отражаются на характерѣ и производствѣ дѣйствій при борьбѣ за его обладаніе, какими, наконецъ, искусственными мѣрами парализуются невыгодныя и усиливаются выгодныя стороны лѣса, какъ арены боя (1).

Значеніе лѣса на полѣ сраженія, независимо отъ его частныхъ свойствъ, обуславливается, какъ мы видѣли, и его положеніемъ:

1) Лѣсъ впереди фронта представляетъ закрытый подступъ, допускающій скрытное приближеніе къ позиціи обороняющагося. Если лѣсъ выводитъ на фронтъ позиціи, то наступающему, уже разстроенному лѣснымъ движеніемъ, придется имѣть дѣло съ наиболѣе сильнымъ участкомъ непріятельскаго боеваго порядка, что уменьшаетъ шансы успѣха; напротивъ, лѣсъ, выводящій къ флангу, т. е. слабѣйшему участку, даетъ атакѣ большія преимущества. Въ обоихъ случаяхъ боевые дѣйствія, вообще говоря, начинаются съ момента дебушированія и лѣсъ оказываетъ непосредственное вліяніе лишь на боевой порядокъ атакующаго; для обороняющагося же вліяніе это выражается необходимостью отодвинуться отъ лѣса на дистанцію хорошаго огня.

2) Лѣсъ на фронтѣ позиціи можетъ служить прекраснымъ опорнымъ пунктомъ въ томъ случаѣ, когда онъ удобенъ для обороны, и

(1) Послѣднее мы намѣрены выдѣлить въ особую главу.

напротивъ, крайне невыгоденъ, какъ разобщающая преграда, безъ пользы удлиняющая фронтъ боеваго порядка, если оборона въ немъ невозможна.

3) Лѣсъ въ тылу можетъ сослужить службу, какъ тыловая позиция на случай отступленія.

Очевидно, что только во второмъ изъ этихъ случаевъ лѣсъ является театромъ продолжительной и упорной борьбы, въ которой изслѣдователь найдетъ много данныхъ для всесторонней характеристики лѣснаго боя.

Обратимся къ военно-историческимъ фактамъ.

1) Въ 1769 г., по снятіи блокады крѣпости Хотина, русская армія Голицына расположилась у деревни Княгинино, на лѣвомъ берегу рѣки Днѣстра. Узнавъ о готовящейся переправѣ турокъ, Голицынъ, 14-го августа, придвинулъ армію къ деревни Гавриловцамъ; но уже въ 12 ч. дня турки въ значительныхъ силахъ появились у Браги. Передовой отрядъ князя Прозоровскаго къ этому времени былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: главныя силы у деревни Малиновцы, три гусарскихъ полка—за лѣсомъ, у деревни Бабишны и небольшой отрядъ пѣхоты съ артилеріею въ Рачевскомъ лѣсу и редутѣ на правомъ флангѣ лѣса (редутъ занятъ одною роткою Азовскаго полка съ артилеріею подпоручика Бишова; за редутомъ въ засѣкѣ—другая рота того же полка; лѣвѣе редута—егерскій баталіонъ маіора Фабриціана; на опушкѣ лѣваго края лѣса, у дороги, за засѣкою—два единорога, подъ прикрытіемъ егерскаго баталіона капитана Анрепа; внутри лѣса, за центромъ, двѣ роты гренадеръ маіора Розена). Лишь только турки двинулись къ лѣсу, какъ попали подъ огонь редута и единороговъ, и подались назадъ; но, оправившись, спѣшили и стремительно атаковали редутъ и Фабриціана. Атака отбита. Между тѣмъ силы ихъ все возрастали по мѣрѣ переправы и атаки возобновились. Прозоровскій выслалъ изъ главныхъ силъ на помощь редуту гусарскій полкъ Текелли. Гусары, обойдя лѣсъ, бросились въ тылъ турецкимъ толпамъ, атаковавшимъ редутъ, и вогнали ихъ въ лѣсъ. Однако, эта новая неудача не остановила турокъ: подкрѣпленные свѣжими силами, толпы ихъ насѣли на замаскированную батарею единороговъ и баталіонъ Анрепа. Послѣдній не выдержалъ стремительнаго натиска и отступилъ на резервъ Розена; единороги, отъѣзжая лѣсомъ по дорогѣ, отстрѣливались, подъ прикрытіемъ егерей, двигавшихся по сторонамъ. Турки совершенно окружили этотъ слабый отрядъ; но на помощь послѣднему двинулись баталіонъ Фабриціана и два баталіона (Боненберга

и Гудовича) изъ главныхъ силъ. Фабрицианъ и Боненбергъ выручили Анрепа; а Гудовичъ двинулся опушкою, въ тылъ праваго фланга противника. Замѣтивъ, что многочисленная турецкая конница готовится ударить на гусаръ у Бабишны, онъ развернулъ свой баталіонъ по опушкѣ, фронтомъ къ рѣкѣ, а когда непріятельская кавалерія поравнялась съ нимъ, открылъ пальбу взводами во флангъ и заставилъ турокъ повернуть назадъ; затѣмъ онъ вновь вступилъ въ лѣсъ, выстроилъ колонну и ударилъ въ тылъ турецкой пѣхотѣ. Это рѣшило дѣло въ пользу русскихъ.

29-го августа въ Рачевскомъ лѣсу произошелъ новый бой. Турки уже прочно утвердились на лѣвомъ берегу и ежедневно высылали партіи фуражировъ. Дабы этому воспрепятствовать, Голицынъ рѣшилъ, занявъ Рачевскій лѣсъ сильнымъ отрядомъ, выждать появленія новыхъ партій, атаковать и уничтожить ихъ. Лѣсъ былъ усиленъ тройнымъ рядомъ засѣкъ: 1-й рядъ занимали егеря; 2-й — отрядъ генерала Брюсса, занимавшій также и редутъ Бишова; 3-й рядъ, занимавшій тылъ и усиленный пятью флешами и люнетомъ, предназначался для обороны остальной части лѣса въ случаѣ отступленія. Для активныхъ дѣйствій назначенъ былъ особый отрядъ генерала Салтыкова (20 гренадерскихъ ротъ, пять карабинерныхъ полковъ и легкія войска Прозоровскаго). 28-го, вечеромъ, вся кавалерія и войска Прозоровскаго скрытно расположились за лѣсомъ у Бабишны; пѣхота же Салтыкова заняла переднюю часть лѣса, за передовыми постами, причѣмъ полковникъ Ржевскій съ четырьмя ротами былъ отряженъ въ уголь лѣса, обращенный къ Хотину, для наблюденія за противникомъ и обезпеченія праваго фланга.

Между тѣмъ 29-го турки рѣшили искать рѣшительнаго сраженія. На разсвѣтѣ, имѣя въ виду атаковать засѣки, они стали рыть траншейные подступы къ лѣсу у Браги, но Салтыковъ, не видя всѣхъ силъ противника и считая ихъ за фуражировъ, ничѣмъ себя не обнаруживалъ. Къ 7-ми часамъ утра турки открыли канонаду съ батарей праваго берега и двинулись противъ 2-й засѣки, лѣвый флангъ которой прорѣзался глубокимъ оврагомъ. Не имѣя достаточно силъ для прочнаго занятія этой линіи, Брюссъ растянулъ свой отрядъ въ двѣ шеренги по всей длинѣ засѣки, причѣмъ промежутки — мѣстами до 100 саж., заняты были одною цѣпью: на правомъ флангѣ стоялъ Куринскій полкъ съ однимъ орудіемъ (оно расположено было впереди засѣки, для сообщенія съ которою сдѣлана просьба); въ центрѣ — С.-Петербургскій полкъ съ двумя орудіями впереди, для продольнаго обстрѣливанія оврага; на лѣвомъ флангѣ, впереди по-

перечнаго оврага, 4-й гренадерскій полкъ. Въ 9 часовъ, до 10,000 турецкой пѣхоты, не замѣчая войскъ Салтыкова въ передней засѣлкѣ, двинулись мимо, вдоль западной опушки, и, несмотря на огонь двухъ орудій центра, стремительно атаковали Брюсса. Орудія эти были взяты. Орудіе праваго фланга начало отъѣзжать; но, по торпливости, ѣздовой задѣлъ за пень и оно было потеряно. Правая колонна турокъ прорвалась черезъ разобщающій оврагъ въ промежутокъ между центромъ и лѣвымъ флангомъ, окружила гренадеръ и бросилась во флангъ и тылъ С.-Петербургскаго полка. Въ такомъ отчаянномъ положеніи Брюссъ приказалъ, отстрѣливаясь и удерживая противника, отступить къ задней засѣлкѣ. Между тѣмъ и Салтыковъ, видя дѣло серьезнымъ, рѣшилъ дѣйствовать: генераль Каменскій съ восемью ротами былъ направленъ по опушкѣ къ лѣвому флангу 2-й засѣлки; полковникъ Ржевскій съ четырьмя ротами къ правому; остальныхъ Салтыковъ лично повелъ къ центру для атаки турокъ въ тылъ. Чтобы не приходилось блуждать по лѣсу, отъ средней колонны была выслана впередъ одна рота. Появленіе войскъ Салтыкова совпало съ тѣмъ моментомъ, когда 4-й гренадерскій полкъ, отрѣзанный, выбитый изъ засѣлкы, былъ окруженъ многочисленнымъ противникомъ. Салтыковъ стремительно атаковалъ послѣдняго въ тылъ и, при содѣйствіи гренадеръ, перешедшихъ въ наступленіе, турки были отброшены на роты Ржевскаго, который довершилъ пораженіе. Каменскій, слѣдуя по опушкѣ, долженъ былъ отбиваться отъ непрерывныхъ отчаянныхъ атакъ турецкой конницы, не разъ врывавшейся въ самый лѣсъ; въ этой борьбѣ ему много содѣйствовало присутствіе всей артилеріи, которая придана была правой колоннѣ, въ виду трудности движенія съ другими по лѣсу. Покончивъ съ правою колонною турокъ, Салтыковъ двинулся на помощь Брюссу къ 3-й засѣлкѣ и, благодаря этому, турки окончательно были выбиты изъ лѣса.

Независимо того интереса, который даютъ намъ описанные случаи лѣснаго боя, какъ матеріаль, оба они представляютъ еще и другую поучительную сторону: среди мертвой, рутинной линейной тактики съ ея условнымъ взглядомъ на мѣстность,—факты, подобные лѣснымъ боямъ у д. Браги, являются отраднымъ исключеніемъ. Въ противность существовавшимъ въ западно-европейской наукѣ взглядамъ, мы здѣсь видимъ полное уваженіе къ мѣстному предмету въ смыслѣ *опорнаго пункта*. Возлагая на лѣсъ эту роль, русскіе его не только занимаютъ, но и солидно укрѣпляютъ; причемъ и боевой ихъ порядокъ измѣняется примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ.

И линейная тактика западно-европейскихъ войскъ, и кареобразный боевой порядокъ русскихъ того времени—исключали употребленіе резерва; здѣсь въ бою 14-го мы видимъ: боевую часть (егеря, артилерія) и резервъ (гренадеры); сообразное употребленіе строя—развернутый для пальбы, колонна для атаки (Гудовичъ); видимъ, наконецъ, столь рѣдкое въ пѣхотѣ этой эпохи проявленіе инициативы (Гудовичъ 14-го и Салтыковъ 29-го) и разумное взаимодействіе всѣхъ трехъ родовъ оружія (содѣйствіе Текелли оборонѣ редута, содѣйствіе Гудовича кавалеріи, взаимопомощь пѣхоты и артилеріи Анрепа).

2) Въ 1812 г., послѣ сраженія у Полоцка, французы отступили за р. Двину и 18-го октября соединившіеся корпуса Удино и Виктора, заняли позицію у м. Чашники, упираясь правымъ флангомъ въ р. Улу и лѣвымъ, занимая лѣсъ впереди д. Примочино. 19-го Витгенштейнъ атаковалъ французовъ лѣвымъ флангомъ. М. Чашники было взято и французы, опираясь на лѣсъ, перемѣнили фронтъ правымъ флангомъ назадъ. Русскіе атаковали лѣсъ, первая атака, веденная малыми силами, была отбита; тогда, подготовивъ новую огнемъ 28-ми орудій авангарда, усиленныхъ двумя артилерійскими ротами, Витгенштейнъ двинулъ шесть баталіоновъ съ фронта, два баталіона и четыре эскадрона—въ обходъ лѣваго фланга и четыре эскадрона—въ обходъ праваго фланга лѣса. Эта охватывающая атака увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

3) Въ 1864 г., во время отступленія датской арміи къ Фленсбургу, арьергардъ ея (7-я бригада съ двумя орудіями) занялъ 6-го февраля позицію у Занкельмаркского озера: 1-й полкъ расположился въ рощахъ «Высокій» и «Низкій лѣсъ», огороженныхъ съ юга книжками (1); два орудія—на высотѣ, западнѣе шоссе; 2-й полкъ—во 2-й линіи. Шедшіе во главѣ австрійскаго корпуса генераль-фельдмаршала Габленца гусары встрѣчены здѣсь сильнымъ огнемъ и отступили на свою пѣхоту, около 3¹/₂ часовъ дня показавшуюся въ виду позиціи. Габленецъ рѣшилъ ее атаковать. Выдвинувъ батарею къ западу отъ шоссе, онъ приказалъ 9-му егерскому баталіону, снявъ ранцы, атаковать «Высокій лѣсъ» четырьмя ротами съ фронта и двумя, въ обходъ озера—съ фланга. Двѣ роты Датскаго № 1-го полка, бывшіе въ этой рощѣ, подпустили австрійцевъ на 10 шаговъ, дали залпъ и встрѣтили ихъ штыками. Начался упорный рукопаш-

(1) Земляные (иногда каменные) валики съ наружнымъ и внутреннимъ ровикомъ, обсаженные густымъ кустарникомъ или плетнемъ.

ный бой у книговъ и только появленіе обходной колонны рѣшило бой въ пользу атакующаго. Тѣмъ не менѣе, датчане отступали по лѣсу шагъ за шагомъ, по временамъ переходя отдѣльными кучками въ наступленіе; оба орудія отошли къ корчмѣ Бильшау. Между тѣмъ, замѣтивъ сосредоточеніе австрійцевъ противъ «Высокаго лѣса», командиръ № 1-го полка перевелъ большую часть своихъ войскъ въ «Низкій лѣсъ» и расположился впереди послѣдняго. Продолжая атаку въ прежнемъ направленіи, Габленць могъ бы отбросить противника отъ шоссе и отрѣзать отъ Фленсбурга; но онъ направилъ свой резервъ противъ выдавагоса лѣваго фланга и принудилъ послѣдній къ отступленію, причемъ часть датчанъ, засѣвшихъ въ «Низкомъ лѣсу», была отрѣзана. Однако, бой прекратился только ночью.

4) Въ Польскую войну 1830—1831 гг. мы находимъ замѣчательный образчикъ лѣснаго боя — борьба за Ольховую рощу въ Гроховскомъ сраженіи (13-го февраля 1831 г.). Позиція, занимаемая польскою арміею, представляла открытую равнину, изрѣзанную множествомъ канавъ. Фронтъ этой позиціи состоялъ изъ ряда мѣстныхъ предметовъ, среди которыхъ была и Ольховая роща. Роща эта до 1,000 шаговъ по фронту и около 750 шаговъ въ глубину, молодая и довольно рѣдкая, была перерѣзана двумя продольными канавами, глубиною около одной сажени: одна — по опушкѣ; другая — по срединѣ.

При такихъ свойствахъ ея, въ связи съ выдающимся положеніемъ на фронтѣ позиціи, роща должна была имѣть важное значеніе, какъ опорный пунктъ, тактическій ключъ позиціи. Поляки приняли всѣ мѣры къ упорной оборонѣ этого мѣстнаго предмета и ко времени боя роща была нѣсколько укрѣплена и сильно занята.

Оборона ея возложена на дивизію Жимірскаго, которая расположилась такъ: въ первой линіи — бригада Роланда стояла развернутыми баталіонами, позади передняго рва, имѣя впереди густую дѣль съ поддержками; во второй линіи, позади задняго рва, усиленнаго засѣками — бригада Чижевскаго. По сторонамъ рощи, въ окопахъ поставлены по двѣ батареи; сверхъ того позади, непосредственно за рощею, расположена была бригада Богуславскаго (дивизіи Скржинецкаго) съ дивизионною артилеріею, которая могла выстрѣлами пронизывать рощу насквозь. Преждевременное вступленіе въ бой Шаховскаго у Бялоленки заставило Дибича начать атаку 13-го числа. Розену приказано атаковать рощу. Въ 9 часовъ утра, 27 орудій VI корпуса открыли огонь противъ рощи и фланго-

выхъ батарей, а затѣмъ послѣдоваль рядъ упорныхъ атакъ. 1-я атака произведена пятью баталіонами 24-й дивизіи. Баталіоны ворвались въ рощу, отбросивъ поляковъ за 1-й ровъ; но, преслѣдуя, неожиданно наткнулись на внутренній ровъ, смѣшались и были выбиты изъ рощи. Розень подкрѣпилъ ихъ четырьмя баталіонами 25-й дивизіи и вновь двинулъ впередъ (2-я атака). Вновь удалось оттѣснить бригаду Роланда; но, со вступленіемъ въ бой остальныхъ частей дивизіи Жимірскаго, русскіе опять были вытѣснены изъ рощи. Къ этому времени подошли подкрѣпленія. Отступившіе баталіоны устроились и, вмѣстѣ съ прибывшими частями, стремительно бросились впередъ. Въ этой 3-й атакѣ участвовало восемь баталіоновъ 25-й дивизіи, пять баталіоновъ—24-й и четыре баталіона—3-й. Вся дивизія Жимірскаго выброшена изъ рощи и отступила въ промежутки наступавшихъ частей дивизіи Скржинецкаго; но и русскіе, разстроенные боемъ и понеся большія потери отъ артилерійскаго огня, не могли выдержать новой контръ-атаки свѣжихъ частей и отступили. Съ подходомъ резервовъ Дибичъ организоваль 4-ю атаку. Вся 3-я дивизія направляется на рощу съ юга: VI корпусъ и карабинерная бригада атакуютъ съ востока и сѣвера. Въ этой охватывающей атакѣ, кромѣ артилеріи VI корпуса, дѣйствуютъ 18 орудій I корпуса и восемь орудій литовской гренадерской бригады (всего 53 орудія). Карабинеры безъ выстрѣла ворвались въ рощу; генераль Толь съ обходящими частями праваго фланга достигъ большаго рва; генераль Нейгардъ съ частями 3-й дивизіи овладѣлъ южною опушкою. Наступаетъ критическая минута. Понимая рѣшающее значеніе рощи, генераль Хлопицкій—фактическій главнокомандующій польской арміею—бросаетъ въ бой все, что есть подъ рукою, и самъ во главѣ гвардейско-гренадерскаго полка идетъ впередъ. Поражаемые въ упоръ картечью, тѣснимые въ рощѣ войсками Скржинецкаго, атакованные во флангъ егерями Чижевскаго, русскіе не выдерживаютъ новаго стремительнаго натиска и отступаютъ на всѣхъ пунктахъ. Поляки дебушируютъ изъ рощи; но успѣхъ этотъ достигнуть полнымъ израсходованіемъ резерва, тогда какъ въ распоряженіи фельдмаршала Дибича, на этомъ участкѣ была прибывшая изъ Милосны 2-я гренадерская дивизія. Направивъ подкрѣпленія въ помощь карабинерамъ, Дибичъ лично ведетъ впередъ 3-ю дивизію; въ то же время, литовская гренадерская бригада, занявъ Меценасскую колонію и выставивъ двѣ батареи, фланкируетъ рощу. Эта 5-я атака увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, а съ паденіемъ рощи, тактическаго ключа, положеніе дѣлъ на полѣ сраженія рѣшительно

склонилось въ пользу русскихъ. Такимъ образомъ, небольшая роща притянула къ себѣ большую часть силъ атакующаго, сдѣлалась ареною кровопролитной (8,000 жертвъ) упорной пятичасовой (съ 9-ти часовъ утра до 2-хъ часовъ дня) борьбы, въ которой въ общей сложности участвовало около 60-ти баталіоновъ. Сопоставляя силы сторонъ при атакахъ, мы видимъ: въ 1-й — со стороны поляковъ участвуютъ 12 баталіоновъ, со стороны русскихъ — пять баталіоновъ; во 2-й атакѣ — у поляковъ — 12, у русскихъ — 9; въ 3-й атакѣ — у поляковъ — 18, у русскихъ — 17; въ 4-й атакѣ — у поляковъ — 25, у русскихъ — 27; въ 5-й атакѣ — у поляковъ — 25, у русскихъ — 34 баталіона и роща была взята.

5) Въ 1866 году вмѣсто активныхъ дѣйствій противъ разрозненныхъ прусскихъ армій, австрійцы сосредоточились въ окрестностяхъ Кениггреца и здѣсь вынуждены были принять бой при крайне невыгодной для нихъ стратегической обстановкѣ. Поле сраженія 3-го іюля представляетъ холмистое пространство между рѣками Быстрицею и Эльбою, наполненное деревьями, фермами и перелѣсками, изъ которыхъ укажемъ на «Свіепскій» лѣсъ и лѣсъ «Гола». Свіепскій лѣсъ съ весьма неправильнымъ очертаніемъ опушки тянется съ востока на западъ полосою въ 2,000 шаговъ длины и до 1,000 шаговъ ширины по хребту съ болѣе крутыми сѣверными скатами; часть лѣса къ австрійской сторонѣ представляетъ молоднякъ, въ которомъ тамъ и сямъ сложены сажени распиленныхъ бревень — лучшее закрытіе, чѣмъ лѣсъ; западная часть лѣса къ сторонѣ Быстрицы состояла изъ высокихъ лиственныхъ деревьевъ. Лѣсъ Гола — довольно высокій по опушкѣ, въ остальной части состоялъ изъ мелкихъ деревьевъ и густаго кустарника, проходимыхъ только по многочисленнымъ просѣкамъ. Австрійская армія занимала дугообразно-выпуклую позицію отъ Гареновеси до Примскаго лѣса; причѣмъ къ началу боя лѣса Гола и Свіепскій заняты были передовыми частями III корпуса. Пруссаки приближались къ полю сраженія двумя массами разновременно и потому, вначалѣ, вся тяжесть боя легла на 1-ю армію принца Фридриха-Карла и только съ прибытіемъ 2-й арміи послѣднаго принца и эльбской арміи обстановка измѣнилась въ пользу атакующаго. Не вдаваясь въ разсмотрѣніе хода боя вообще, остановимся только на интересныхъ для нашего изслѣдованія эпизодахъ. Въ 9¹/₂ часовъ утра, когда 8-я прусская дивизія атаковала Садовую, занимавшая ея бригада Прогаски очистила лѣсъ Скалка, Садовую, и отошла на главную позицію черезъ лѣсъ Гола; туда же отступила и бригада Аупіано изъ Свіепскаго

лѣса. Атакующій, встрѣченный огнемъ 20-ти батарей III корпуса, свернулъ въ лѣсъ Гола. Австрійскіе снаряды осыпали лѣсъ, ломая сучья и вырывая съ корнемъ деревья. Тщетно пытаются прусаки укрыться отъ губительнаго огня, который наноситъ имъ сильныя потери. Поддержанные подходившими частями, они дѣлають попытки дебушировать изъ лѣса; но всякій разъ отбиты. До полудня бой ограничивался канонадою, въ теченіе которой атакующій все болѣе утверждаетъ на р. Быстрицѣ. Къ этому времени лѣсъ Гола былъ занятъ частями 8-й дивизіи и двумя баталіонами 6-й дивизіи, собравшейся позади лѣса рядомъ съ 4-й дивизіею; причеъ на лѣвомъ флангѣ лѣса развернулись восемь батарей, на правомъ — 14 батарей. Съ подходомъ подкрѣпленій прусаки вновь пытаются дебушировать противъ позиціи III корпуса, но были отбиты дивизиономъ уланъ. Вслѣдъ за симъ два австрійскіихъ полка двинулись противъ лѣса, но, встрѣченные бѣглымъ огнемъ изъ опушки и фланговою атакою отъ Выгналова частями 5-й дивизіи, повернули назадъ подъ прикрытіемъ бригады Прогаски. Снова прусаки дебушируютъ и снова отбиты артилерійскимъ огнемъ. Только съ отступленіемъ III корпуса, вслѣдствіе общей обстановки боя, прусаки могли выйти изъ лѣса впередъ.

Одновременно съ наступленіемъ 8-й дивизіи къ Садовой, 7-я дивизія достигла Бенатека и части ея двинулись къ Свѣпскому лѣсу. Занимавшія этотъ лѣсъ части бригады Аппіано отступили еще до начала боя — оставался только одинъ баталіонъ, который не могъ задержать наступленіе четырехъ баталіоновъ прусаковъ и эти послѣдніе проникли въ высокую часть лѣса: три баталіона направились въ южный участокъ, одинъ — на сѣверный выступъ лѣса. Увидѣвъ усиленіе боя, генераль Аппіано двинулъ въ лѣсъ два баталіона и четыре егерскія роты; части эти наткнулись на ^{I, II} ₂₇ и, встрѣченныя сильнымъ огнемъ, охваченныя съ фланга ^{III} ₂₇, отступили частью на югъ, частью къ востоку. Преслѣдуя австрійцевъ, два баталіона прусаковъ достигли южной опушки и проникли въ Чистовесь. Между тѣмъ, остававшійся въ лѣсу баталіонъ бригады Бранденштейна, дошедшій было вновь до сѣверной опушки, послѣ упорнаго боя, угрожаемый съ лѣваго фланга, долженъ былъ отступить. Подкрѣпленный другимъ баталіономъ той же бригады, онъ вновь пытается продвинуться до сѣверной опушки; но, встрѣченныя убійственнымъ огнемъ изъ высокаго лѣса, оба баталіона отошли къ восточной опушкѣ, гдѣ находился уже третій баталіонъ

бригады Бранденштейна. Усиливъ эти части еще двумя баталіонами и четырьмя егерскими ротами, генераль Бранденштейнъ приказываетъ овладѣть потеряннымъ участкомъ лѣса; однако, и къ прусакамъ прибыли два свѣжихъ баталіона, вслѣдствіе чего всѣ усилія австрійцевъ были тщетны: въ полномъ разстройствѣ послѣдніе были отброшены и только егерямъ, со стороны Гареновеси, удалось проникнуть въ сѣверный выступъ. Одновременно съ этимъ егерскій баталіонъ бригады Флейшгакера проникъ въ юго-восточный уголь лѣса и, послѣ жаркаго боя, овладѣлъ значительною его частью. «Во время этого лѣснаго боя, обѣ стороны пришли въ разстройство; баталіоны разбрелись; даже крупныя единицы перемѣшались и дрались въ безпорядкѣ» (1). Постепенно австрійцы были вытѣснены изъ лѣса повсюду.

Хотя большая часть лѣса находилась на покатости, прекрасно обстрѣливаемой батареями съ командующихъ высотъ Хлума и Масловѣда, и слѣдовательно пруссаки должны бы въ лѣсу нести сильныя потери, тѣмъ болѣе, что молодыя деревья—закрытіе плохое; хотя опушка его отстояла въ 2,000 шаг. отъ Хлумскихъ высотъ и въ 700 шаг. отъ Масловѣда, и слѣдовательно лѣсъ не могъ имѣть для австрійцевъ серьезнаго значенія, тѣмъ не менѣе послѣдніе упорно стремятся имѣть его въ своихъ рукахъ. Въ результатъ: правофланговые (IV и II) корпуса измѣнили фронтъ на западъ и хотя въ концѣ концовъ австрійцы овладѣли лѣсомъ, но цѣною оголенія тыла позиціи подъ удары арміи кронпринца прусскаго.

Съ 9½ часовъ начинается рядъ кровопролитныхъ атакъ—начала IV, а затѣмъ II корпусами. Выдвинувъ по обѣимъ сторонамъ Масловѣда семь батарей, бригада Пека двинулась противъ юго-восточной части лѣса, бригада Флейшгакера—противъ южной опушки. Осыпаемые снарядами австрійскихъ батарей, пруссаки вынуждены отойти отъ опушки вглубь, что значительно облегчило атаку. Атака Флейшгакера была отбита бѣглымъ огнемъ съ фронта и залпами во флангъ частями 67-го полка (1 и 2 бб.); но, растянутые по опушкѣ семь прусскихъ баталіоновъ, ослабленныхъ артилерійскимъ огнемъ, не могли противодѣйствовать сосредоточенной атакѣ 1-й линіи бриг. Пека (5 бат.). Австрійцы ворвались въ опушку и хотя пруссаки отступаютъ шагъ за шагомъ, пользуясь каждымъ пнемъ, каждымъ деревомъ, дѣлая залпъ за залпомъ, но были выбиты и от-

(1) «Война Австріи противъ Пруссіи и Италіи въ 1866 г.» (Соч. австр. генер. штаба).

брошены частью на Бенатекъ, частью въ юго-восточный участокъ лѣса. 1-я линія Пека овладѣла почти всѣмъ лѣсомъ и проникла до западной опушки; но здѣсь, ранѣе чѣмъ полковникъ Пекъ успѣлъ собрать свои войска, которыя разбрелись въ лѣсномъ бою, онъ былъ атакованъ неожиданно во флангъ резервомъ 7-й дивизіи, вступившемъ въ лѣсъ съ сѣвера. Окруженные почти со всѣхъ сторонъ, австрійцы съ трудомъ штыками проложили себѣ обратный путь ко 2-й линіи, остававшейся внѣ лѣса. Прусаки снова заняли лѣсъ; но дебушировать подъ огнемъ австрійскихъ батарей не могутъ. IV корпусъ пока отказался отъ дальнѣйшихъ атакъ на лѣсъ, но въ это дѣло втянулись части II корпуса, измѣнившаго фронтъ на западъ. Къ этому времени въ лѣсу находилась уже вся 7-я прусская дивизія и два баталіона 8-й дивизіи изъ лѣса Скалка (всего 14 батал.). Подготовивъ атаку огнемъ 14-ти батарей, двѣ бригады II корпуса (Сафрана и герцога виртембергскаго) двинулись къ лѣсу со стороны Масловѣды, имѣя въ первой линіи—шесть баталіоновъ, во второй—четыре баталіона, въ третьей—57-й полкъ. Баталіоны первой линіи къ 11^{1/2} часамъ проникли въ лѣсъ. Атаку поддерживалъ огнемъ 57-й полкъ. Только одинъ баталіонъ, проходя по открытой полянѣ въ сѣверной части и встрѣченный перекрестнымъ огнемъ четырехъ прусскихъ баталіоновъ, отброшенъ назадъ; остальные продолжали подаваться впередъ.

Повторилось прежнее: атакующій несетъ огромныя потери; обороняющійся, отстрѣливаясь, отступаетъ въ разныя стороны. Съ трудомъ поднимаются австрійцы на вершину, откуда густыя массы прусаковъ посылаютъ залпъ за залпомъ. Герцогъ виртембергскій просить подкрѣпленій; но, вслѣдствіе подхода съ сѣвера колоннъ 2-й арміи, это оказалось невозможнымъ. Тѣмъ не менѣе обѣ австрійскія бригады продолжали атаку и прорвали центръ прусаковъ, которые отступили въ разныя стороны, потерявъ четверть людей. Кое гдѣ въ закрытыхъ и малодоступныхъ участкахъ лѣса держался еще противникъ; но вскорѣ и эти части были или выбиты, или захвачены въ плѣнъ. Такимъ образомъ, послѣ продолжительной борьбы, лѣсъ опять въ рукахъ австрійцевъ, но цѣною полного разложенія австрійскихъ войскъ внутри его, а главное—цѣною стратегическаго положенія всей арміи.

Война 1870—1871 гг. даетъ особенно много поучительныхъ примѣровъ лѣснаго боя.

б) Позиція французовъ въ Вертскомъ сраженіи отличалась довольно лѣсистымъ характеромъ; лѣвый флангъ ея упирался въ Лан-

гезульдбахскій лѣсъ; тылъ прикрывался полосою лѣсовъ—Нидер-бронскимъ, Гоффенскимъ, Эгертальскимъ и Гроссъ-вальдомъ, могущими служить тыловыми позиціями на случай отступленія; фронтъ разобцался большимъ лѣсомъ Нидервальдъ, сливающимся въ тылу съ Гроссъ-вальдомъ.

Лангезульмбахскій лѣсъ—шириною на всю глубину французской позиціи въ $1\frac{3}{4}$ версты—представлялъ мелкую, молодую и очень густую заросль—дубъ и ольха—мѣстами труднодоступную даже для одиночныхъ людей; рѣдко являлись участки, удобные для движенія разомкнутыхъ колоннъ; еще рѣже—поляны. Широкая—до 300 шаговъ лощина, свободная отъ заросли, раздѣляла лѣсъ въ меридіональномъ направленіи на два участка, изъ коихъ только южный—Фрошвилерскій участокъ былъ занятъ французами.

Представляя собою скрытный подступъ къ лѣвому флангу позиціи, лѣсъ этотъ имѣлъ ту невыгоду для обходящихъ колоннъ, что послѣднія были изолированы отъ фронтальныхъ и чащею лѣса, и ручьемъ Зульцбахъ. *Гроссъ-вальдъ*—длинная лѣсная полоса, идущая отъ вѣковыхъ Вогезскихъ лѣсовъ и состоящая изъ старыхъ лиственныхъ деревъ, не заросшихъ кустарникомъ, и потому допускающая движеніе даже крупныхъ колоннъ; мѣстами видно на 150—200 шаговъ, а въ центрѣ около шоссе—большая часть вырублена, заросла густымъ кустарникомъ, среди котораго кое-гдѣ поднимались рѣдкія молодые деревца. *Нидеръ-вальдъ*—около двухъ верствъ съ востока на западъ и до одной версты въ меридіальномъ направленіи—представлялъ неправильной фигуры высокій лиственный лѣсъ, довольно чистый и рѣдкій. Къ сѣверу онъ былъ мельче и затагивался кустарникомъ, не очень еще частымъ и потому доступнымъ движенію малыхъ колоннъ; въ сѣверо-восточной части кустарникъ еще рѣдокъ, на 20—30 шаговъ можно видѣть; но далѣе на востокъ—часть, мелокъ, закрытъ; западный участокъ—густой дубнякъ, перемежанный съ орѣшникомъ—обладалъ наибольшою запущенностью и недоступностью; что же касается южной опушки, то послѣдняя состояла изъ частаго молодаго лѣса, мѣстами чистаго и вполне доступнаго для небольшихъ разомкнутыхъ колоннъ, мѣстами густаго и труднодоступнаго. Значеніе этой опушки уменьшалось тѣмъ обстоятельствомъ, что большая ея часть закрыта была находившеюся впереди на 200—300 шаговъ высотой.

Бой начался въ 7 часовъ утра рекогносцировкой V корпуса къ Верту. Заслышавъ выстрѣлы, командиръ II баварскаго корпуса генералъ Гартманъ, въ $8\frac{1}{4}$ час. двинулъ къ Фрошвиллеру 4-ю бавар-
Т. ССII.—Отд. I.

скую дивизию. Авангардъ вступилъ въ лѣсъ: шедшій въ первой линіи егерскій баталіонъ разсыпался; за нимъ во второй линіи слѣдовали два баталіона въ ротныхъ колоннахъ; въ третьей линіи—одинъ баталіонъ въ сомкнутой колоннѣ. Когда баварцы достигли вышесказаннаго рубежа—лощины, то на опушкѣ были встрѣчены огнемъ французскихъ стрѣлковъ изъ фрошвиллерскаго участка и должны были остановиться; причеъ баталіоны второй линіи рассыпались для удлиненія цѣпи и заполнения разрыва, а задній баталіонъ, сильно разстроенный движеніемъ по лѣсу, рассыпалъ цѣпь по гребню лѣвѣе лѣса. Такимъ образомъ, всѣ линіи слились въ одну, безъ резерва.

Французы неоднократно пытаются атаковать; но всякій разъ отбиты бѣглымъ огнемъ. Къ 9^{1/2} часамъ линія нѣмцевъ усилена частями 8-й бригады: четыре баталіона удлинили лѣвый флангъ до Зегемюле и вошли въ связь съ двумя баталіонами, двигавшимися лѣсомъ между рѣками Зульцъ и Зауеръ и занявшими южную опушку. Резервъ оставался у Лангензульцбаху, за лѣсомъ, въ 1^{1/2} верстахъ. Бой выражался непрерывной трескотней перестрѣлки, въ теченіи которой лѣвому флангу баварцевъ удалось продвинуться къ французскому участку лѣса, благодаря обходу праваго фланга противника одною ротою, со стороны Зегемюле: французскіе стрѣлки отброшены вглубь, куда проникли и баварцы; но такъ какъ густой терновникъ дѣлалъ поддержку и управленіе невозможными, пришлось снова отступить. Снова началась перестрѣлка на опушкахъ. Артилерія ни той, ни другой стороны не могла принять участія въ дѣлѣ, ибо для успѣшнаго дѣйствія надо было расположиться на опушкѣ, въ сферѣ сильнаго ружейнаго огня. Въ 10^{1/2} час. генераль Гартманъ получаетъ приказаніе прекратить бой. Это было не легко: бой разгорался, войска въ лѣсу совершенно перемѣшались. Къ 11^{1/2} час. баварцы отошли къ Лангензульцбаху, кромѣ частей, занимавшихъ рошу между рѣками Зульцъ и Зауеръ; а такъ какъ въ это время получено приказаніе генерала Кирхбаху поддержать V корпусъ, то Гартманъ рѣшилъ возобновить бой. Повторилась прежняя исторія, и только къ 3-мъ часамъ, послѣ 6-ти-часоваго боя, съ прибытіемъ частей I баварскаго корпуса, ворвавшихся въ восточную часть Фрошвиллерскаго участка, нѣмцы могли продвинуться до опушки; причеъ части совершенно перемѣшались.

Лѣсъ Нидервальдъ былъ атакованъ частями V и XI корпусовъ. V корпусъ съ 10 часовъ, развернувъ на высотахъ лѣваго берега массу въ 84 орудій, начинаеть атаку, во время которой лѣвофлан-

говые баталіоны 5-го полка, перейдя рѣку у Шпахбаха, были поражаемы фланговымъ огнемъ французскихъ стрѣлковъ изъ Нидервальда; завязали перестрѣлку, причѣмъ 1-я рота проникла до самаго лѣса. Къ этому времени и XI корпусъ, выдвинувъ артилерію у Гунштедта, началъ вступать въ бой по мѣрѣ подхода частей къ полю сраженія: 6 ротъ 87-го полка, перейдя рѣчку у Шпахбаха — частью въ бродъ, частью по стволамъ срубленныхъ деревьевъ — бросились къ Нидервальду; французы отброшены въ глубь лѣса, куда за ними проникли 4 роты. Въ этомъ упорномъ лѣсномъ бою сильныя непріятельскіе отряды изъ южнаго участка лѣса двинулись во флангъ и тылъ нѣмецкимъ ротамъ, совершенно перемѣшавшимися въ лѣсу и дѣйствовавшихъ безъ всякаго управленія. Роты съ большимъ урономъ выбиты изъ Нидервальда и, отступая, увлекли резервъ (4 роты 80-го полка) за рѣку. Однако, съ прибытіемъ на помощь двухъ баталіоновъ 88-го полка, соединившихся съ частями 80-го и 87-го полковъ, прусаки вновь двинулись къ Нидервальду, ворвались въ лѣсъ и, заходя постепенно вправо, достигли, хотя и въ большомъ безпорядкѣ, сѣверной окраины. Французы отступили въ дубовую рощу у Эльзасгаузена и тамъ держались. Между тѣмъ, лѣвое крыло XI корпуса, овладѣвая одной за другою позиціями у Мосбронна и Альбрехтсгейзергофа, готовится атаковать съ юга Нидервальдъ, куда отступали части праваго французскаго фланга, когда, около 1-го часа, было само атаковано кавалерійскою бригадою Мишеля. Хотя эта атака и была отбита, но она остановила нѣмцевъ и дала время французской пѣхотѣ отступить къ Эбербаху и Нидервальду. Разстроенные предшествуемыми боями, не успѣвшіе еще устроиться для дальнѣйшихъ дѣйствій, прусаки должны были выдержать еще новую контръ-атаку со стороны Нидервальда: густыя колонны со стрѣлковыми цѣпями впереди выступили изъ лѣса къ Альбрехтсгейзергофу. Находившійся въ головѣ 11-й Егерскій баталіонъ, не выдержавъ удара, отступилъ, увлекая за собою и остальные части; но это отступление нѣмецкой пѣхоты открыло свободное поле для дѣйствія батарей съ высотъ Гунштедта, огонь которыхъ и остановилъ натискъ. Вскорѣ къ разстроеннымъ частямъ XI корпуса подошелъ свѣжій баталіонъ ($\frac{III}{95}$) и двинулся противъ юго-восточной опушки Нидервальда. Цѣпь съ поддержками проникла въ лѣсъ и, несмотря на контръ-атаки французовъ, медленно подвигалась впередъ. Примѣръ этотъ увлекъ и остальные части, которыя двинулись на штурмъ южной опушки, оборонявшейся густыми цѣ-

пями, артилерією и картечницами. Французы встрѣтили атаку убійственнымъ огнемъ; но когда атакующій приблизился шаговъ на 50, то отступили вглубь лѣса. Вся южная опушка была, такимъ образомъ, во власти нѣмцевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дер. Эбербахъ была очищена. Результатъ этотъ достигнуть безъ всякаго содѣйствія артилеріи и вся тяжесть боя легла исключительно на одну пѣхоту. 32-й полкъ занялъ деревню и двинулся по западной опушкѣ Нидервальда, аткуда, взявъ лѣвъѣ, вступилъ въ Гроссъ-вальдъ и продолжалъ движеніе къ Рейхсгофенскому шоссе. Между тѣмъ главная масса нѣмецкой пѣхоты двинулась по лѣсу, придерживаясь дороги въ Фрошвиллеръ. Это движеніе совершенно разстроило нѣмцевъ: цѣлые баталіоны безъ приказанія разсыпались, полки перемѣшались, образовалась мѣстами безпорядочная толпа; въ головѣ, по обѣ стороны дороги, двигались развернутымъ строемъ два баталіона 83-го полка; во второй линіи—5 баталіоновъ; въ третьей линіи—за лѣвымъ флангомъ—перемѣшанные части 95-го, 80-го и 87-го полковъ. Медленно и съ большими потерями двигались головные баталіоны, тѣсня передъ собою упорно сопротивлявшихся французскихъ стрѣлковъ. Скоро всѣ восемь ротъ растянулись въ одну стрѣлковую цѣпь, управленіе которою затруднялось густою зарослью. Къ 2^{1/2} часамъ нѣмцамъ удалось, наконецъ, достигнуть сѣверной опушки и войти въ связь съ бывшими тамъ частями 88-го полка; причѣмъ сзади идущія части вдвинулись въ промежутки и увеличили перемѣжку. Дальнѣйшее движеніе (дебушированіе) затруднялось небольшою рощею въ 200 шаг. отъ опушки, сильно занятою французами, уже отбившими атаку 88-го полка. Замѣтивъ на опушкѣ свѣжія силы, французы осыпали ихъ огнемъ и, не давъ устроиться и опомниться, перешли къ рѣшительному наступленію. Разстроенныя и утомленныя части первой линіи не выдержали удара. Французы ворвались въ лѣсъ; но, встрѣченныя здѣсь войсками второй линіи, въ свою очередь, были отброшены. Преслѣдуя ихъ *по пятамъ*, нѣмцы вышли изъ опушки, ворвались въ рощу и заняли ее. Однако, положеніе нѣмцевъ въ Нидервальдѣ и рощѣ, осыпаемыхъ градомъ снарядовъ, было невыносимымъ и только прибытіе на этотъ участокъ поля сраженія артилеріи XI корпуса вывело пѣхоту изъ затрудненія и обезпечило успѣхъ дальнѣйшихъ атакъ.

7) Одновременно съ Вертскимъ боемъ, на лѣвомъ флангѣ стратегическаго фронта французской арміи произошло столкновеніе у Шпихерна между корпусомъ Фроссара и войсками I и II германской армій. Французы занимали Шпихернскія высоты между р. Сааръ и

Штирингскимъ лѣсомъ. Сѣверные скаты этихъ высотъ покрыты лѣсами Гифертскимъ, Пфафенскимъ, Штифсъ-вальдомъ и Шпихернскимъ; отъ этого послѣдняго полоса лѣса заворачиваетъ на юго-западъ и тянется параллельно желѣзной дороги по западнымъ скатамъ, *разобщая*, такимъ образомъ, войска у Шпихерна и Штирингъ-Венделя. Къ западу отъ желѣзной дороги начинаются обширные и густые лѣса, проходимые только по дорогамъ и просѣлкамъ (Гейслаутернъ-вальдъ, Штирингскій, Форбахскій и Саарбрюкенскій лѣса), причемъ небольшой участокъ Штирингъ-вальда (Дратцугскій) переходитъ къ востоку отъ полотна желѣзной дороги, стѣсня просвѣтъ между лѣсами до 700—800 шаговъ и представляя собою скрытый подступъ къ опорному пункту лѣваго фланга—Штирингъ-Венделю. Всѣ эти лѣса совершенно скрывали расположеніе французскихъ войскъ и затрудняли нѣмцамъ развѣдку, давая въ то же время послѣднимъ возможность скрытнаго приближенія и обхода. Благодаря этому обстоятельству, дивизія Камеке (VII корпусъ) втянулась въ неравный бой, въ который, по мѣрѣ прибытія, постепенно вошли части VIII и III корпусовъ. Сѣверная опушка Гифертъ и Штифсъ-вальда не была занята французами; но подступы къ ней фланкировались съ высоты Ротеберга, примыкавшей къ западной сторонѣ Гифертскаго лѣса и занятой 10-мъ егерскимъ баталіономъ, саперною ротою и артилеріею. Внутри лѣса находился баталіонъ, имѣя во 2-й линіи 24-й полкъ; остальные два полка дивизіи Лавокупе (2-й и 63-й) — за лѣсомъ, въ общемъ резервѣ. Для первой атаки Гифертъ-вальда двинуты были два баталіона бригады Франсуа подъ начальствомъ полковника фонъ-Эскенсъ. Спустившись съ Риппертсберга, баталіоны развернулись въ строй по-ротно и двинулись, около 12-ти часовъ дня, ложиною къ Пфафенъ-вальду (рѣдкій лѣсъ между Штифсъ-вальдомъ и Гифертъ-вальдомъ). Не встрѣтивъ сопротивленія на опушкѣ, нѣмцы начали подниматься по густо заросшимъ скатамъ Гифертъ-вальда; но здѣсь на вершинѣ, среди лѣса, наткнулись на французскій баталіонъ. Переднія двѣ роты отбѣснили французскую цѣпь, продвинулись до юго-восточной опушки и здѣсь должны были остановиться подъ огнемъ изъ занятой французами углубленной дороги; заднія роты 1-го баталіона, принимая лѣвѣе по рѣдкому лѣсу, вмѣшались въ перестрѣлку. Намѣреваясь охватить правый флангъ противника, 4-я рота наткнулась въ просѣлкѣ на сильный французскій отрядъ и бросилась въ штыки; но тотъ, не принявъ атаки, отошелъ на опушку Штифсъ-вальда и, когда нѣмцы вышли на открытую мѣстность, сильнымъ огнемъ от-

бросилъ ихъ назадъ въ лѣсъ. Такъ же неудачна была и другая попытка къ охвату. Роты 2-го баталіона, двигаясь правѣе, то же проникли въ лѣсъ, но сильно терпѣли отъ фланговаго огня съ Ротеберга. Къ 2^{1/2} часамъ нѣмцы занимали только юго-восточную опушку и гребень высоты; въ то же время французы въ лѣсу усилены тремя баталіонами 24-го полка, а двѣ батареи у Шпихерна обстрѣливали нѣмцевъ при всякой попыткѣ продвинуться впередъ. Въ 3 часа, послѣ отбитія атаки на Ротебергъ, французы переходятъ въ наступленіе въ Гифертъ-вальдѣ цѣлою бригадою Мишеля, подкрѣпленною частью дивизіи Батайля. Нѣмцы упорно сопротивляются; но превосходство силъ противника, большія потери и полная невозможность управлять лѣснымъ боемъ на крутыхъ скатахъ, при отсутствіи подкрѣпленій — все это заставило ихъ отступить. Французы преслѣдуютъ ихъ до опушки и оттуда провожаютъ батальнымъ огнемъ. Только части баталіона удалось удержаться у сѣверной опушки. Для дальнѣйшей обороны въ лѣсу оставленъ одинъ 2-й полкъ; остальные отведены назадъ. Между тѣмъ, на поле сраженія начинаютъ прибывать части VIII и III корпусовъ. Къ Гифертъ-вальду, около 4-хъ часовъ, двинуты сначала пять ротъ 40-го полка, затѣмъ два баталіона 48-го полка, а въ 4^{1/2} часа и третій баталіонъ. Баталіоны двинулись тѣмъ же путемъ, какъ и 39-й полкъ, къ восточной части Гифертъ-вальда, быстро достигли опушки и стали подниматься по лѣсистому скату: въ головѣ шли 9-я и 12-я роты въ ротныхъ колоннахъ; во второй линіи — 10-я и 11-я роты въ общей колоннѣ; а баталіонъ 48-го полка остался временно въ резервѣ за лѣсомъ. Французы изъ-за канавъ и деревьевъ встрѣтили ихъ сильнымъ огнемъ; но когда 9-я рота стала охватывать флангъ, они отступили съ боемъ къ большому лѣсу. Около 5-ти часовъ части 3-го баталіона достигли южной опушки. Въ это время баталіонъ 48-го полка былъ двинутъ для охвата праваго неприятельскаго фланга и къ 5^{1/2} часамъ подошелъ къ южной опушкѣ въ то время, когда французы готовились атаковать фузилеровъ. Французы отброшены и прусаки окончательно утвердились на юго-восточной опушкѣ Гифертъ-вальда и южной — Пфафенъ-вальда; только западный участокъ оставался въ рукахъ французовъ, которые дѣйствовали и огнемъ, и контръ-атаками противъ лѣваго фланга войскъ, атаковавшихъ Ротебергъ. Необходимо выбить ихъ и изолировать послѣдній. Подходя къ сѣверной опушкѣ, баталіонъ 48-го полка перестроился по-ротно. Правофланговья роты ворвались въ лѣсъ, вытѣснили противника изъ крутаго и сильно заня-

таго оврага и, тѣсня французовъ, пошли вдоль западной опушки; остальные роты проникли въ лѣсъ восточнѣе и вмѣстѣ съ бывшими тамъ войсками взяли штурмомъ гребень высотъ внутри лѣса. Въ этомъ лѣсномъ бою приняли участіе и 1½ баталіона 40-го полка. Чѣмъ выше поднимались войска, тѣмъ ощутительнѣе былъ огонь французовъ и тѣмъ упорнѣе ихъ сопротивление. Хотя около 5-ти часовъ вечера прусаки вездѣ продвинулись къ южной опушкѣ, но внутри лѣса бой за высоту продолжался. По мѣрѣ подхода подкрѣплений та или другая сторона сдавали и бой непрерывно колебался. Этотъ упорный лѣсной бой стоилъ огромныхъ потерь. Даже роты перемѣшались, потому что отряды, лишившіеся своихъ офицеровъ, примыкали къ ближайшимъ частямъ. Однако, понемногу нѣмцы одолѣвали и къ 6-ти часамъ окончательно выбили противника изъ лѣса и только юго-западный участокъ долго оспаривался французами, которые могли дѣйствовать широкимъ фронтомъ при содѣйствіи артилеріи и картечницъ, тогда какъ у нѣмцевъ дѣйствовала одна лишь пѣхота. Когда, наконецъ, съ великимъ трудомъ удалось ввести двѣ батареи, нѣмцы окончательно утвердились на Шпихернскомъ плато, чему способствовало также и занятіе нѣмцами Шпихернскаго лѣса на флангѣ.

Одновременно съ движеніемъ двухъ баталіоновъ 39-го полка (бригад. Франсуа) къ Гифертъ-вальду два баталіона двинуты къ Дратцугу. Сѣверная опушка дратцугскаго участка Штирингскаго лѣса оказалась не занятаю; вслѣдствіе чего нѣмцы безпрепятственно вошли въ чащу, прикрываясь стрѣлковыми взводами; но внутри лѣса, цѣпи наткнулись на французскихъ (3-й егерскій баталіонъ) стрѣлковъ, также наступавшихъ. Началась оживленная перестрѣлка. Прусакамъ удалось проникнуть до середины лѣснаго участка: далѣе лѣсъ становился гуще, превосходство противника замѣтнѣе. Кое какъ, съ трудомъ, держатся три роты 39-го полка противъ многократныхъ контръ-атакъ французовъ. Между тѣмъ баталіонъ 74-го полка, перейдя по ленте желѣзной дороги, вошелъ въ незанятый противникомъ Штирингъ-вальдъ и шедшая въ головѣ въ разсыпномъ строѣ 7-я рота достигла южной опушки и ввязалась въ перестрѣлку съ частями бригады Жоливе (77-й полкъ), у Альтъ-Штиринга. Для усиленія цѣпи выдвинута вправо 6-я рота; остальные — повади въ ротныхъ колоннахъ. Такъ какъ баталіоны были разобщены, то для связи отослана назадъ къ Дратцугу 8-я рота, которая около переѣзда черезъ ленту наткнулась на французовъ, двигавшихся вдоль пруда въ обходъ роты 39-го полка, и

отбросила ихъ бѣглымъ огнемъ. Въ участкѣ къ этому времени бой принималъ для нѣмцевъ плохой оборотъ, но прибытіе свѣжихъ силъ возстановило бой и къ началу 4-го часа нѣмцы продвинулись до южной и западной опушки; причемъ двумя ротамъ 74-го удалось, перебѣжавъ поляну, овладѣть домою у Альтъ-Штиринга. Послѣ большихъ усилій нѣмцамъ удалось утвердиться въ нѣкоторыхъ зданіяхъ близъ Штирингъ-Венделя и на лѣсныхъ опушкахъ; но съ прибытіемъ къ французамъ свѣжихъ подкрѣпленій послѣдніе переходятъ въ наступленіе (около 6-ти час.). Забросавъ лѣсной участокъ снарядами, французы ворвались туда и утвердились, но неудачи ихъ на другихъ пунктахъ поля сраженія заставили отступить и на лѣвомъ флангѣ, что облегчило нѣмцамъ штурмъ Штирингъ-Венделя.

8) Въ сраженіи при Гравелотъ-С.-Прива (18-го августа 1870 г.) мы находимъ очень интересный бой въ лѣсу Жениво.

Лѣсъ этотъ долиною Манса дѣлится на двѣ части; находясь впереди фронта позиціи, онъ, скрывая отъ взоровъ приготовленія нѣмцевъ къ атакѣ высотъ, представляется очень невыгоднымъ для обороны; съ другой стороны—онъ до того густо проросъ кустарникомъ что внутри его немыслимы были ни бой, ни движенія: атакующій могъ пользоваться только дорогами-дефиле; но за то оврагъ Манса, съ сухимъ, твердымъ дномъ, невидимый съ высотъ, представлялъ удобный плацдармъ для сбора войскъ внутри лѣса къ атакѣ или послѣ неудачной атаки. Единственнымъ доступнымъ для всѣхъ родовъ оружія путемъ черезъ оврагъ было шоссе, врѣзанное въ скаты оврага и представлявшее тѣснину въ 1,500 шаговъ длиною. Обѣ опушки—восточная и западная—командовались высотами, образующими оврагъ и занятыми противниками. Къ началу боя части III французскаго корпуса (ген. Лебѣфъ) занимали восточную половину лѣса шестью баталіонами, имѣя въ резервѣ одну бригаду въ ротѣ ла-Фоли. Около 1 часа дня, когда загорался бой у Аманвилье, авангардъ 18-й дивизіи занялъ ф. Шантрень и семь ротъ вошли въ лѣсъ; но едва переднія роты достигли оврага, какъ встрѣчены съ противоположной стороны послѣдняго сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Это остановило нѣмцевъ. Началась перестрѣлка. Французы хотя и угрожали правому флангу, но въ наступленіе не переходили. Не могли продвинуться впередъ и части, занимавшія ф. Шантрень, ибо французы изъ сѣверо-восточнаго выступа лѣса Жениво и изъ роци ла-Фоли, совмѣстно съ артилеріею, на высотахъ Монтиньи и Фоли, держатъ подъ огнемъ все открытое про-

странство. Такъ какъ огонь изъ лѣса Жениво сильно беспокоилъ нѣмцевъ у фермы, то въ лѣсъ направлены оттуда двѣ роты. Онѣ ворвались, но удержаться не могли. Однако, съ 2-хъ часовъ, когда къ Шантрень подошли баталіоны 85-го полка, положеніе дѣлъ измѣнилось. Получивъ приказаніе занять сѣверо-восточный выступъ лѣса, баталіонъ 85-го полка въ ротныхъ колоннахъ двинулся къ нему и, несмотря на сильный перекрестный огонь, переднія двѣ роты ворвались въ лѣсъ и, съ трудомъ пробираясь сквозь густую чащу и медленно заходя налѣво, заняли восточную опушку, откуда, съ подходомъ заднихъ ротъ, бросились къ рошѣ ла-Фоли, но были отброшены и едва могли удержаться въ лѣсу Жениво. Попытки проникнуть по лѣсу къ югу были всѣ неудачны и большая часть лѣса оставалась въ рукахъ французовъ. Въ то время, когда 2-я армія развертывается противъ центра и праваго фланга арміи Базена, корпуса 1-й арміи уже съ 1-го часа ведутъ демонстративный бой съ лѣвымъ французскимъ крыломъ. Къ 1½ часу между лѣсомъ дез'Оньонъ и деревней Мальмезонъ развернулась артилерійская масса изъ батарей VII и VIII корпусовъ (108 орудій) и канонада началась. Южная часть лѣса Жениво занята была баталіонами корпуса Лебёфа, которые были расположены частью въ ближайшихъ къ шоссе участкахъ, частью за оврагомъ, поддерживая связь съ войсками, оборонявшими сѣверный участокъ лѣса. Правый флангъ VII корпуса занималъ лѣсъ де-Во; 15-я дивизія развернулась у м. Гравелота; отъ 27-й бригады (14-й дивизіи) въ лѣсъ де-Во двинутъ 13-й полкъ. Французскіе стрѣлки, занимавшіе опушку, вели перестрѣлку съ 33-мъ полкомъ, расположеннымъ въ м. Гравелотѣ. Послѣ непродолжительнаго огня баталіона 33-го полка съ разсыпанною впереди 9-ю ротой онъ бросился къ лѣсу. 9-я рота, перебѣжавъ открытое пространство, ворвалась въ опушку, но за оврагомъ встрѣчена сильнѣйшимъ огнемъ и отступила; остальнымъ удалось утвердиться въ каменоломняхъ у С.-Губеръ. Въ наступленіи этомъ вскорѣ приняли участіе и другіе баталіоны 33-го полка. Достигнувъ опушки участка лѣса де-Во къ югу отъ шоссе и захвативъ здѣсь въ кустахъ нѣсколько французскихъ стрѣлковъ дивизіи Вероке, роты собрались въ оврагъ и къ 2-мъ часамъ дня вышли безпрепятственно на противоположную опушку, гдѣ и были остановлены огнемъ съ каменоломень Пуанъ-дю-Журъ. Во время развертыванія къ сѣверу отъ Гравелота 30-й бригады, послѣдняя сильно обстрѣливалась французами съ опушки лѣса Жениво; вслѣдствіе чего два баталіона 67-го полка бросились къ ближайшему углу лѣса

и овладѣли имъ. Однако, на флангахъ ихъ французы удержали опушки, приспособленныя къ оборонѣ засѣками и грудами камня. Тѣмъ не менѣе обѣ роты стойко держались въ лѣсу до подхода остальныхъ частей бригады, которая въ боевомъ порядкѣ двинулась къ опушкѣ, стремительно атаковала и овладѣла послѣднею съ перваго удара. Французы отступили въ сѣверо-восточномъ направленіи черезъ лѣсъ, не останавливаясь для сопротивленія. Слѣдуя въ беспорядкѣ сквозь частый кустарникъ, нѣмцы спустились въ оврагъ и здѣсь возстановили тактическую связь и порядокъ. Такимъ образомъ, къ 3-мъ часамъ французы въ лѣсу Жениво находились между частями IX корпуса (въ сѣверномъ участкѣ) и VIII корпуса (въ южномъ); пользуясь этимъ свободнымъ промежуткомъ, они неоднократно проходили до западной опушки и беспокоили сильнымъ огнемъ лѣвый флангъ артилерійской массы. Это обстоятельство побудило выслать отъ 67-го полка три роты: 8-я рота вступила въ лѣсъ и, перестрѣливаясь съ противникомъ, достигла луговой долины Манса и далѣе продвинуться не могла; 6-я рота, слѣдуя долиною, достигла Шантрена и съ этихъ поръ дѣйствуетъ съ частями 18-й дивизіи. Къ 4-мъ часамъ пополудни нѣмцы овладѣли ф. Гюберъ—важнымъ опорнымъ пунктомъ впереди Гравелотскаго дефиле; въ то же время на лѣвомъ флангѣ маіоръ Ланге, пробираясь сквозь густой молодой лѣсъ, достигъ опушки; но здѣсь попалъ подъ фланговый огонь съ высотъ Моску; другія части 28-го полка совершенно въ лѣсу перемѣшались и остатки ихъ мало-по-малу спустились снова въ оврагъ Манса, гдѣ собрались, оправились и вновь вошли въ боевую линію. Въ виду опаснаго положенія лѣваго фланга 3-й бригады на подкрѣпленіе ей двинута 31-я бригада. Баталіоны 29-го полка, перейдя оврагъ, бросились на ф. Моску, но были отброшены частью въ лѣсъ, частью къ ф. Гюберъ. 69-й полкъ слѣдовалъ лѣвѣе; въ густой чащѣ нѣкоторыя части сбились съ направленія и роты разрозненно вступали въ бой большею частью у развѣтвленія оврага: двѣ роты, между прочимъ, двинулись сначала на Шантрень, затѣмъ снова вернулись, пытались проникнуть въ сѣверную часть лѣса, но потерпѣли неудачу. Короче—пробытіе свѣжихъ частей, смѣшавшихся съ частями 30-й бригады, увеличило путаницу и не измѣнило нерѣшительнаго характера боя. Съ 5-ти часовъ бой временно затихъ и только съ 7-ми часовъ, отбивъ рѣшительную контръ-атаку французовъ огнемъ съ ф. Гюберъ и опушекъ, 1-я армія вновь переходитъ въ наступленіе. Атака поведена уже въ сумеркахъ и ночь прекратила бой на этомъ флангѣ безъ рѣшительныхъ результатовъ.

3) Въ сраженіи при Бомонѣ (30-го августа) лѣсъ игралъ роль тыловой позиціи. По взятіи нѣмцами Бомона, французы отступили къ сѣверу подъ прикрытіемъ арьергарда, занявшаго южную опушку лѣса Живодо. Лѣсъ этотъ, около двухъ верстѣ по фронту и $1\frac{1}{2}$ версты въ глубину, покрывалъ высоты у ф. ла-Сартель, командующія Бомономъ. Упираясь восточною опушкою въ р. Маасъ, лѣсъ Живодо къ сторонѣ нѣмцевъ образовалъ два длинныхъ выступа, охватывающихъ позицію у фермы ла-Сартель, изъ коихъ правый былъ обезпеченъ отъ охвата уступнымъ расположеніемъ западнаго участка лѣса. Густо заросшій кустарникомъ, лѣсъ этотъ внѣ дорогъ представлялъ большія затрудненія для движенія войскъ и управленія ими; а въ тылу его находилась роща Вильмонтри, какъ новый опорный пунктъ для обороняющагося. Высоты и лѣсъ Живодо заслоняли всю мѣстность къ сѣверу. Двинутая для розыска противника кавалерія попала подъ огонь французскихъ орудій съ высоты у Ионка и фланговый огонь пѣхоты изъ лѣса Живодо; вслѣдствіе чего командиръ IV корпуса генералъ Альвенслебенъ двинулъ впередъ 7-ю дивизію. Какъ сказано выше, опушка была занята только арьергардомъ; главныя силы V французскаго корпуса собирались за лѣсомъ, впереди Музона, куда на помощь двинулась часть XII корпуса, одна дивизія котораго заняла также опушки лѣса Жизорь-Флавье на правомъ берегу р. Мааса, расположивъ сильныя батареи къ сѣверу отъ лѣса и на возвышенной полянѣ внутри лѣса. 13-я бригада (7-й дивизіи), выдвинувъ три роты въ лѣсъ ла-Фей для развѣдки и обезпеченія фланга, направилась къ лѣсу Живодо. Несмотря на сильный фронтальный огонь съ южной опушки и фланговый изъ восточнаго выступа, нѣмцы безостановочно наступали. Французы очистили позицію кромѣ частей, занимавшихъ лѣсной выступъ; но правофланговые баталіоны (26-й п.) повернули направо и широкимъ фронтомъ атаковали послѣдній. Съ громкимъ «ура» нѣмцы ворвались въ лѣсъ и сбили французовъ, которые густымъ кустарникомъ лѣса Живодо отступили къ сѣверу, куда послѣдовали и стрѣлки 26-го полка, причемъ поддержкамъ приказано держаться на южной опушкѣ, пока цѣль не продвинется достаточно впередъ. Съ трудомъ пробирались нѣмцы черезъ кустарникъ и удержать ихъ въ общей связи было невозможно; мало-по-малу они совершенно вышли изъ рукъ начальниковъ и только отдѣльные отряды случайно сходились въ болѣе доступныхъ частяхъ лѣса. Баталіоны 66-го полка, пройдя западный выступъ лѣса, достигли юго-западнаго угла, куда достигалъ огонь орудій и картечицъ съ высоты у Ионка и здѣсь вошми

въ связь съ 14-ю бригадою. Три роты 66-го полка, высланныя въ рошу ла-Фей, съ 2-мя ротами 8-й дивизіи двигались по выходѣ изъ роши долиною Мааса и вошли въ восточную часть лѣса Живодо, при движеніи коимъ внутренняя связь ослабѣла; а когда — въ 5 час. пополудни — роты начали дебушировать изъ лѣса, то атакованныя съ фронта и лѣваго фланга, подъ боковымъ огнемъ изъ лѣса Флавье, вынуждены отступить. Къ этому времени сѣверной опушки достигла и правая группа 26-го полка (9-я и 12-я роты со своими и 11-й роты стрѣлковыми взводами). Въ лѣсу французы не особенно сопротивлялись и только мѣстные препятствія задерживали движеніе нѣмцевъ; но теперь послѣдніе очутились противъ новыхъ позицій противника у Вильмонтри. Еще разъ они пытаются дебушировать изъ лѣса: но вновь отбиты огнемъ и контръ-атаками, и только прибытіе другихъ частей полка (8-я, 7-я, 4-я и 3-я роты со стрѣлковыми взводами 5-й, 7-й ротъ и I баталіона) позволило нѣмцамъ удержаться на опушкѣ, куда французы направили сильный артиллерійскій огонь. Лѣвая группа, двигавшаяся по лѣсу близъ дороги въ Музонъ, достигла каменоломень, гдѣ и была остановлена, какъ резервъ 14-й бригады, части которой занимали окружающій лѣсъ. 14-я бригада начала наступленіе къ лѣсу около 4 часовъ. 63-й полкъ, имѣя всѣ баталіоны на одной линіи, производитъ охватывающую атаку лѣсистой высоты къ сѣверо-востоку отъ м. Іонкъ, при содѣйствіи батареи капитана Дикмана у перекрестка дорогъ. Французы встрѣтили атаку убійственнымъ огнемъ орудій и картечницъ, но вынуждены отступить съ потерю двухъ орудій, до послѣдней минуты державшихся на позиціи; при дальнѣйшемъ же преслѣдованіи по западному участку лѣса захвачены еще 6 орудій и 4 картечницы, большею частью опрокинутыхъ въ лѣсу при поспѣшномъ отступленіи. Нѣмцы дошли до сѣверной опушки и провожали противника залпами. Въ началѣ 6-го часа бой на правомъ флангѣ IV корпуса временно пріостановился. До сихъ поръ XII корпусъ, вслѣдствіе того, что зона дѣйствій 7-й и 8-й дивизій стѣснялась рѣками Маасъ и Іонкъ, не могъ принять участіе въ дѣлѣ; но когда отъ генерала Альменслебена получено приглашеніе поддержать IV корпусъ, то принцъ Саксонскій двинулъ къ лѣсу 45-ю бригаду. Въ 5 часовъ 100-й полкъ подошелъ къ восточному участку лѣса Живодо и здѣсь попалъ подъ фланговый артиллерійскій и ружейный огонь съ праваго берега Мааса. Тогда пять саксонскихъ батарей развернулись у лѣса ла-Фей и, вмѣстѣ съ двумя батареями у ла-Сартель, открыли огонь противъ дивизіи Лакретеля (XII французскій кор-

пусь). Началась артилерійская борьба, которая отвлекла огонь французскихъ орудій и облегчила положеніе нѣмцевъ у лѣса. Однако, попытка дебушировать вновь была безуспѣшна и это привело нѣмцевъ къ мысли, что дальнѣйшее скопленіе войскъ въ лѣсу ни только не ведетъ къ удачѣ, но увеличиваетъ беспорядокъ, и, слѣдовательно, уменьшаетъ шансы успѣха. Рѣшено ограничиться оборонительными мѣрами и всѣ разсѣянные въ лѣсу отряды собрать у ла-Сартель. Таково было положеніе дѣлъ на правомъ флангѣ, когда лѣвый флангъ достигъ рѣшительныхъ результатовъ: около 6 часовъ была взята гора Брюнъ, а къ 7 часамъ Музонъ и мостъ были въ рукахъ нѣмцевъ. Теперь и правый флангъ переходитъ въ наступленіе и атакуетъ рошу Вильмонтри. Атакованные съ трехъ сторонъ, французы не выдержали охватывающей атаки и вынуждены были очистить рошу.

10) Чтобы закончить серію военно-историческихъ примѣровъ лѣснаго боя, укажемъ еще на весьма поучительный образчикъ артилерійской подготовки, предшествующей атакѣ лѣса въ сраженіи подъ Седаномъ (31-го августа). Поставивъ себѣ задачею тактическое окруженіе арміи Макъ-Магона, нѣмцы достигли къ полудню своей цѣли и начали стѣснять противника все болѣе и болѣе.

Около 1 часу части V корпуса овладѣли деревней Илли, а къ 2-мъ часамъ проникли даже въ сѣверо-восточный уголь Гарренскаго лѣса, откуда были отброшены къ Кальеръ д'Илли. Гарренскій лѣсъ былъ послѣднимъ убѣжищемъ для окруженной арміи; онъ состоялъ изъ лѣсныхъ группъ съ значительнымъ числомъ полянъ и покрывалъ возвышенное плато къ сѣверо-востоку отъ Седана. Имѣя внутри, на открытой полянѣ, ф. Керимонъ, какъ редюитъ, этотъ лѣсъ при выгодныхъ внутреннихъ свойствахъ могъ бы служить хорошимъ опорнымъ пунктомъ для небольшого отряда, но никакъ не для цѣлой арміи, которая на пространствѣ въ 1½ квадр. версты, окруженная со всѣхъ сторонъ, держаться, конечно, не могла. Къ 3-мъ часамъ дня, когда правый флангъ XII корпуса подался до Казала, а лѣвый флангъ баварцевъ занялъ предмѣстье Боланъ, французы ищутъ убѣжища въ Гарренскомъ лѣсу, который уже съ 12-ти часовъ забрасывался съ востока и юго-востока снарядами 60-ти орудій гвардейскаго корпуса и 11 орудій саксонской артилеріи. Начинается послѣдній актъ борьбы—бой за Гарренскій лѣсъ. Гвардейскія батареи направили теперь весь огонь противъ лѣса; сначала орудія обстрѣливали войска, показывающіяся на полянахъ, а затѣмъ весь лѣсъ былъ распределенъ по участкамъ между отдѣльными

батареями, такъ что въ немъ, наконецъ, не было мѣста, гдѣ бы французы могли укрыться отъ непріятельскихъ гранатъ. Находившаяся внутри лѣса мыза Керимонъ была подожжена. Вскорѣ густыя толпы французской пѣхоты хлынули изъ лѣса къ югу. Подготовивъ такимъ образомъ атаку, 1-я гвардейская дивизія двинулась къ Гарренскому лѣсу, гдѣ крупныя части различныхъ французскихъ корпусовъ бродили въ полномъ безпорядкѣ туда и сюда, тщетно отыскивая убѣжище отъ огня. Внутри и по близости лѣса стояли въ началѣ дивизіи Дюмона, Вольфа и Пелле; затѣмъ мало-по-малу онѣ были подкрѣплены дивизіями Консель-Дюмениля, л'Ерилье, бригадами Фонтанжа и Моссіона; здѣсь же искали себѣ убѣжище крупныя кавалерійскіе отряды.

Противъ этихъ скученныхъ массъ съ сѣвера и востока надвигались небольшія части XI и гвардейскихъ корпусовъ, опираясь на сплошную линію орудій и войскъ, заграждавшихъ выходъ французамъ. Дѣйствіе артилерійскаго огня было до того потрясающимъ, что, когда началась атака, французы были уже неспособны къ правильному сопротивленію и около 5-ти часовъ бой за Гарренскій лѣсъ былъ оконченъ.

Подполковникъ Рѣщиковъ.

(Продолженіе будетъ).

ЗАМѢТКА О КАРЬЕРѢ.

Нашъ уставъ рекомендуетъ употреблять галопъ и карьеръ только въ исключительныхъ случаяхъ. Со дня изданія устава взгляды на первый изъ упомянутыхъ аллюровъ измѣнился. Вездѣ и всюду требуется широкое распространеніе галопа, и въ этомъ отношеніи можно считать уставъ устарѣвшимъ, но наоборотъ, сказанное въ изданіи 1884 г. о карьерѣ сохранило понынѣ всю свою современность и остается сожалѣть, что на практикѣ встрѣчаются нерѣдко отступленія отъ высказаннаго въ уставѣ и что при эволюціяхъ считаютъ себя въ правѣ примѣнять карьеръ наравнѣ съ другими аллюрами. Весьма часто слышимъ, что карьеръ есть типичный кавалерійскій аллюръ, что онъ доказываетъ лихость, втянутость, а потому можно бы подумать, что примѣнять его, приучать къ нему конницу, пользоваться имъ въ мирное время при малѣйшей къ тому возможности слѣдуетъ во что бы то ни стало. При болѣе подробномъ, однако, изслѣдованіи этого вопроса получаются совершенно обратныя данныя, или же, по крайней мѣрѣ, указанія, говоряція противъ всякаго увлеченія этимъ аллюромъ, какъ въ рассыпномъ, такъ и въ особенностяхъ въ сомкнутомъ строѣ, а также при одиночной ѣздѣ.

Не надо забывать, что карьеръ есть полный ходъ лошади, вызывающій высшее напряженіе ея силъ. Въ силу этого, съ нимъ тѣсно связаны: короткое разстояніе, прямолинейное движеніе, невозможность равненія въ струнку, необходимость отдыха, передышки послѣ скачки. Отрицать это, утверждать обратное, значитъ прямо сознаться въ томъ, что въ виду имѣется не полный карьеръ, а полукарьеръ, или меньшій аллюръ, приближающійся къ просторному галопу. Тогда оно справедливо, но въ этомъ случаѣ будемъ называть его прямо «*большимъ галопомъ*», говорить объ этомъ аллюрѣ, на которомъ и равненіе, и эволюціи, и заѣзды возможны, лошадь не выбивается изъ силъ, всякія препятствія преодолеваются свободно и дальнѣйшее движеніе можно продолжать безъ отдыха на большія разстоянія.

Мы вовсе не имѣемъ въ виду ратовать за отмѣну карьера, но желали бы, чтобы тамъ, гдѣ командуются карьеръ, лошадь шла дѣйствительно полнымъ ходомъ. Не требуйте уже тогда управленія, равненія, заѣзда, а пусть всадникъ скачетъ: въ бою, покамѣстъ неприятель не дрогнетъ и не дастъ тыль, а на ученіяхъ $\frac{1}{2}$ версты или больше (1), прямо передъ собою, а тогда только пускай онъ начинаетъ сдерживать своего коня и плавно переводить его въ меньшій аллюръ; отнюдь не раньше, и не останавливая круто (2), иначе, опять таки не было, значить, полного карьера. Всякое другое требованіе уменьшаетъ махъ, скорость; всадникъ, боясь, что можетъ быть придется еще сдержать, для того, чтобы подравняться, измѣнить направленіе, или исполнить новую команду, пріучается оглядываться назадъ и не выпускать коня полнымъ ходомъ, а точная, и даже приблизительная повѣрка и устраненіе этого недостатка невозможны. Такимъ образомъ, мы поступаемъ подобно тому человѣку, который пытался бы измѣнить направленіе атаки пѣхотной части, бросившейся уже по командѣ «ура» въ штыки. А между тѣмъ мы видимъ, что карьеромъ, или, вѣрнѣе, сказать, одною ласкающею ухо командою «маршъ! маршъ!» злоупотребляютъ. Мы не будемъ говорить о выѣздѣ ординарцевъ, трубачей, лицъ, подѣвжающихъ къ старшимъ начальникамъ, и т. д.; вслѣдствіе прямолинейности движенія и короткихъ разстояній карьеръ тутъ, пожалуй, и возможенъ, хотя все-таки не полный, который и не практикуется; но онъ, можетъ быть, вреда не принесъ бы. Иначе стоитъ дѣло, когда строятъ изъ развернутаго фронта эскадронную сомкнутую колонну карьеромъ. Возможно ли, повернувъ отдѣленіями въ сторону, бросаться съ мѣста, въ колоннѣ по-шести и дѣлать еще, въ добавокъ, необходимые заѣзды плечми, аллюромъ, хотя приблизительно напоминающимъ карьеръ чѣмъ нибудь инымъ, какъ одною, эскадронными командирами эффектно произнесенною командою «маршъ! маршъ!» Эскадронъ, пустившій лошадей въ колоннѣ по-шести большимъ галопомъ, уже растянется довольно значительно и, вслѣдствіе этого, первая снаровка, которую передаютъ командирамъ головныхъ взводовъ—эскадронные командиры, унаслѣдовав-

(1) При этомъ нужно имѣть въ виду, что настоящій полный ходъ возможенъ лишь на ровной мѣстности. Всякая другая мѣстность пріучаетъ не выпускать лошади полнымъ ходомъ и является, значить, галопъ, а не карьеръ.

(2) Оставленная въ нашемъ уставѣ остановка на карьерѣ можетъ быть безвредна при длинныхъ срокахъ службы и основательной выѣздкѣ лошади, способствуетъ при отсутствіи этихъ данныхъ искалчиванію массы лошадей.

шіе ее по традиціи отъ своихъ предшественниковъ (командовавшихъ еще при 25-ти-лѣтнихъ срокахъ службы, гдѣ скорѣе можно было требовать искусства въ эволюціяхъ), это слѣдующая: «ни подъ какимъ видомъ не ведите большимъ ходомъ, оглядывайтесь назадъ, чтобы хвостъ не открывался, ведите галопомъ» и т. д. Та же справка передается всему эскадрону, передъ прохожденіемъ церемониальнымъ маршемъ: «если будетъ карьеръ, помните, полнымъ ходомъ не пускать!» и т. д. Затѣмъ, укажемъ еще на заѣздъ эскадрона въ карьеръ на $\frac{1}{4}$ часть круга, гдѣ карьеромъ, и то не полнымъ, скачетъ одинъ заѣзжающій фланговый унтеръ-офицеръ и гдѣ уставъ, послѣ исполненнаго заѣзда, требуетъ остановку. Лучше поворачивать или заѣзжать, хоть медленнѣе, а затѣмъ скакать, да сразу, безъ остановки туда, куда нужно; въ скорости всего движенія является, такимъ образомъ, даже выигрышъ. Точно также невозможно, да и не вызывается обстоятельствами развитіе полного хода при эволюціи, чисто смотровой, а именно: выскакиваніе офицеровъ на линію, на какіе нибудь 100 или 200 шаговъ въ карьеръ.

Намъ могутъ возразить, что если всѣ построенія на карьерѣ уничтожить, то явится опасность, что не втянутая въ карьеръ лошадь не будетъ умѣть скакать. Но тутъ никакого опасенія быть не можетъ. Не карьеръ развиваетъ у лошади способность скакать, а дѣлаетъ это, главнымъ образомъ, галопъ и вообще систематическая подготовка лошади (въ теченіе круглаго года) къ предстоящей продолжительной, а также и быстрой работѣ. Нѣсколькими проскачками, безъ предварительной подготовки всего организма къ такой работѣ (а въ этомъ отношеніи мы грѣшимъ поголовно), не достигнемъ никакихъ результатовъ. Для примѣра приведемъ работу тренера, готовящаго лошадь на дерби; онъ радъ бы все сдѣлать для развитія быстроты своего скакуна, между тѣмъ ни одна скаковая лошадь не пускается полнымъ ходомъ на утреннихъ галопахъ; карьеромъ не ведутъ даже самой скачки, а галопомъ, правда весьма большимъ. На одномъ финишѣ появляется настоящій полный ходъ данной лошади. Вслѣдствіе этого, терминъ «*карьеръ*» не существуетъ на ипподромахъ.

Наконецъ, мы уже выше указали, что не проповѣдуемъ полной отгѣны карьера, а ратуемъ лишь за ограниченіе случаевъ его примѣненія, за замѣну его при эволюціяхъ просторнымъ, но узаконеннымъ, систематически развиваемымъ полевымъ галопомъ, въ особенности тамъ, гдѣ вся быстрота и лихость сводится къ эффектной, обманывающей насъ командѣ, какъ выше было разъяснено. Вредъ,

происходящій отъ этого большой, ибо существуетъ, такимъ образомъ, одинъ карьеръ для атаки, другой, меньшей, но неопредѣленной скорости, для церемониальнаго марша; наконецъ, третій, еще болѣе тихій, также незаконный и неопредѣленный для различныхъ построений, и все это подъ общимъ названіемъ «карьеръ». Солдаты, слѣдовательно, должны думать, соображать и пріучается къ ничтожному значенію командныхъ словъ, долженствующихъ дѣйствовать на него подобно электрической искрѣ. Де-Бракъ совѣтуетъ не облажать даже сабель для атаки раньше, чѣмъ передъ командою «маршъ! маршъ!»

«Атакующій кавалеристъ—это существо, всецѣло поглощенное чувствомъ, похожимъ на опьяненіе. Не охлаждайте этого столь мимолетнаго чувства! Стараясь продлить его, воспроизводя по частямъ, вы убьете его! Выхватить саблю, дать шпоры коню, ударить на непріятеля—все это должно слиться въ одинъ общій порывъ». (Де-Бракъ. «Аванпосты легкой кавалеріи»).

Фронтъ пусть строится карьеромъ, хотя, если предстоитъ дальнѣйшее быстрое движеніе съ сомкнутостью и равненіемъ, то галопъ окажетъ большія услуги и, какъ намъ кажется, болѣе подходящій. Конечно, необходимо пускать часть полнымъ карьеромъ для продѣлыванія атакъ сомкнутой (но съ равненіемъ на середину, какъ единственной гарантіей сомкнутости и вѣрнаго направленія), а тѣмъ болѣе рассыпной, потому что тутъ-то еще удобнѣе развить полный ходъ, но опять-таки продѣлывать все это слѣдуетъ не слишкомъ часто, такъ какъ, во-первыхъ, галопъ, при правильномъ употребленіи его достаточно подготавливаетъ лошадь къ скачкѣ, во-вторыхъ, потому, что, какъ извѣстно, излишняя скачка на одностороннихъ маневрахъ и аже на ученіяхъ противъ флаговъ вредна, какъ всякая атака въ пустую или на цѣль и въ обстаповкѣ, все же недостаточно напоминающихъ дѣйствительную боевую. Нацѣливаніе на флаги на галопѣ,—вотъ что надлежитъ практиковать часто, ибо именно на этомъ-то алюрѣ трудно выбрать цѣль, дѣлать заѣзды, а это именно придется дѣлать въ военное время; пустивъ же въ карьеръ, уже не нацѣлишь и ошибки не исправишь.

Карьеръ при возвращеніи людей къ резерву, послѣ рассыпной атаки, какъ движеніе спиною къ противнику, могъ бы быть съ пользой замѣненъ галопомъ; другое дѣло, сборъ въ сторону къ эскадронному командиру для отраженія фланговой атаки; но и тутъ, ради общаго принципа, высказаннаго выше, сборъ этотъ можно исполнить, хотя и быстро, но не карьеромъ, послѣ котораго, опять-таки,

послѣдуетъ необходимая остановка, выравниваніе, а потомъ только атака; между тѣмъ, на основаніи сказаннаго нами въ началѣ этой замѣтки, ничто уже не должно, да и не можетъ остановить скачущую конницу раньше, чѣмъ произошла рукопашная свалка (которую надлежало бы изображать каждый разъ ѣздой врознь по всѣмъ направленіямъ).

Въ заключеніе не будемъ долго распространяться надъ скачкою по одному, такъ какъ она практикуется теперь рѣдко. Конечно, и тутъ всадникъ больше занятъ тѣмъ, чтобы держать посадку, держать правильно лѣвую руку, не оттянуть, но и не наскочить на товарища: развѣ это возможно на полномъ карьерѣ? Объ управленіи, если бы его даже признать необходимымъ на этомъ аллюрѣ, здѣсь не можетъ быть рѣчи, ибо лошади всѣ скачутъ въ одномъ направленіи, одна за другой, слѣдуя табунному инстинкту. Здѣсь, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, стремятся достигъ двухъ не совѣстимыхъ факторовъ, а именно, развитія полного хода и сохраненія дистанцій, но дѣло рѣшается въ концѣ концовъ всегда въ ущербъ первому. Вообще, картина эскадрона, скачущаго въ карьеръ справа по одному, представляетъ извѣстную изящность лишь передъ самимъ производящимъ смотръ. Подавшись на 200 или 300 шаговъ въ сторону, гдѣ стоитъ эскадронъ, начинающій это движеніе, мы увидимъ, что невымаханная продолжительными галопами лошади козлятъ, закидываются, поднимаются на дыбы и опрокидываются, сбиваютъ всадниковъ передъ началомъ скачки, на самой же скачкѣ, вслѣдствіе невымаханности, забиваютъ, засѣкаютъ ноги и вообще напоминаютъ стрѣлка, желавшаго бы, безъ предварительныхъ упражненій, приступить къ боевой стрѣльбѣ.

Заканчивая эту замѣтку, скажемъ еще одно, а именно то, что и иностранная, и наша военная литературы давно проповѣдуютъ замѣну карьера большимъ галопомъ. П. Гудимъ-Левковичъ въ своемъ курсѣ тактики даетъ много указаній, говорящихъ за болѣе широкое распространеніе большаго галопа и ограниченіе карьера. Розенбергъ прямо проповѣдуетъ отмѣну карьера въ мирное время. М. Драгомировъ справедливо приравниваетъ карьеръ патрону пѣхотнаго солдата, который нужно беречь, расходовать съ осмотрительностью ⁽¹⁾.

К. Вольфъ.

(1) «Этотъ аллюръ конницы должны беречь, какъ патронъ въ пѣхотѣ; пущенная карьеромъ часть ушла изъ рукъ начальника; ее не своротишь, какъ не своротишь выпущенную пулю». (Прим. по войскамъ {Кіевскаго военнаго округа с. г., № 132).

ПО ВОПРОСУ О ПЕРЕМѢНѢ ПОЗИЦІИ АРТИЛЕРІИ.

(Окончаніе) (1).

Всякій изъ опыта жизни знаетъ, что даже точныя постановленія закона иногда систематически нарушаются, если практическій взглядъ на жизнь извѣстнаго общества не сходится со взглядомъ законодателя по тому же вопросу. Приходится или измѣнять законъ, или упорной настойчивостью перерабатывать постепенно взглядъ общества. Такъ и въ военномъ дѣлѣ: тактика всегда требовала полной поддержки пѣхоты артилеріей; но даже въ ея учебникахъ часто очень условно высказывались взгляды, на какихъ дистанціяхъ артилерійскій огонь можетъ дѣйствительно подготовить успѣхъ атаки своей пѣхоты. Только опыты кампаній—для германской артилеріи 1870—1871 года, а для нашей 1877—1878 года выработали опредѣленнѣ эти взгляды, и ни въ нашей, ни въ германской арміяхъ теперь уже въ инструкціяхъ для употребленія артилеріи въ бою не подаются совѣты о занятіи позицій для серьезнаго артилерійскаго боя даже на 1,000 сажень, несмотря на введеніе дальнобойной артилеріи, а въ послѣднее время даже на введеніе бездымнаго пороха и магазинныхъ ружей, отчего должна увеличиться боевая мѣткость, какъ орудія, такъ и ружья, и способность пѣхоты нанести сильное пораженіе артилеріи съ болѣе дальнихъ дистанцій. Но до послѣдней турецкой кампаніи вопросъ стоялъ иначе: боевая дѣйствительность пѣхотной винтовки опредѣлялась шаговъ на 800, при стрѣльбѣ залпами на два прицѣла допускалось дѣйствительное пораженіе сажень до 400 и даже въ крайности до 500, а по мирной дѣйствительности стрѣльбы изъ полевыхъ орудій (основанное на таблицахъ стрѣльбы, выведенныхъ изъ полигонной практики) довольно сильное пораженіе приходилось на дистанціи, далеко превосходящія 1,000 сажень. Вотъ и случилось слѣдующее: нѣкото-

(1) См. «Воен. Сборн.» 1891 г., № 10-в.

рые изъ военныхъ начальниковъ забыли, что въ бою артилерія будетъ стрѣлять далеко не въ тѣхъ условіяхъ, какъ на полигонѣ и предъявили артилеріи требованія, основанныя на таблицахъ полигонной стрѣльбы. Артилерія этихъ требованій не выполнила, и на бѣду ея у противника явились орудія, бросающія снаряды дальше, чѣмъ она. Что бы кажется дѣлать? Вспомнить боевой опытъ кампаніи 1870 года, гдѣ ружье Дрейзе боролось съ ружьемъ Шаспо почти что на двойныхъ дистанціяхъ. Пруссаки рѣшили вопросъ такъ: Дрейзе не можетъ состязаться съ Шаспо въ дальности—ну, мы подойдемъ сразу значительно ближе безъ выстрѣла на дистанцію дѣйствительнаго огня изъ ружья Дрейзе. Какъ же мы рѣшили подходящій къ этому примѣру вопросъ? Мы встрѣтили у турокъ артилерію, бросающую снаряды дальше нашихъ и распорядились такъ: 1) 4-хъ-фунтовыми батареями, какъ стрѣляющими только на болѣе близкія дистанціи, сначала пренебрегли; 2) при вызовѣ на дальнія позиціи 9-ти-фунтовыхъ батарей подкапывали хобота и тѣмъ самымъ добрасывали снаряды, не нанося потерь, но портя наши орудія и лафеты; 3) изъ взятыхъ у турокъ батарей формировали новыя, называя ихъ дальнобойными, и тѣмъ самымъ подрывали довѣріе къ нашей артилеріи, и 4) вызвали на поле сраженія 20 осадныхъ орудій; для установки ихъ и прикрытія оторвали значительныя силы и безъ всякой пользы для дѣла, а только опять-таки подрывая этимъ довѣріе къ вполнѣ хорошей по конструкціи нашей полевой артилеріи. Но вотъ боевой опытъ начинаетъ учить насъ: оказывается, что и наши 4-хъ-фунтовыя батареи даже очень пригодны къ дѣлу, но только на *своихъ* дистанціяхъ. Приказъ по артилеріи Кавказскаго военнаго округа говоритъ объ этомъ дѣлѣ такъ: «совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ дала въ первый же день тотъ результатъ, что 21-го сентября двѣ 4-хъ-фунтовыя батареи на 700 сажень у Субботана въ четверть часа времени сбивали нѣсколько разъ съ позиціи ту артилерію, которую прежде называли дальнобойною, и сбивали тѣ самыя 4-хъ-фунтовыя орудія, которыя прежде считались въ загонѣ (1)».

Что же удивительнаго, что при такомъ взглядѣ на значеніе полевой артилеріи въ бою бывали отдѣльные случаи, гдѣ наши батареи не выказали необходимой стойкости. Какія убѣжденія я приобретаю вслѣдствіе вліянія окружающей меня обстановки, тѣ же убѣж-

(1) «Артилерійскій Журналъ» 1879 г., № 6.

денія я буду непременно проводить въ жизнь, несмотря даже на то, что это будетъ противорѣчить существующимъ правиламъ.

Хотя для пользы дѣла важно изученіе отдѣльныхъ примѣровъ неправильнаго употребленія артилеріи въ бою, но еще важнѣе выясненіе тѣхъ причинъ, почему мы въ послѣднюю турецкую кампанію не извлекали отъ употребленія нашей артилеріи далеко той пользы, которую должны бы получить отъ нея? Въ дѣлахъ подъ Плевной съ 26-го августа до 1-го сентября мы особенно неудачно пользовались имѣвшейся въ нашихъ рукахъ значительной силой — нашей артилеріей, и я положительно долженъ высказать мнѣніе, что причиною тому былъ распространенный въ средѣ высшихъ начальниковъ плевненскаго отряда взглядъ на артилерію, какъ на спеціальнѣй технически совершенный родъ оружія, способный нанести чувствительное пораженіе непріятелю съ дальнихъ дистанцій и потому не нуждающійся въ подъѣздѣ на ближнія, чтобы не нести потерь. вмѣстѣ съ тѣмъ, артилерія потеряла связь съ пѣхотой, а послѣдняя перестала надѣяться на ея помощь.

Прежде разбора дѣйствія артилеріи подъ Плевной попробую, на основаніи данныхъ, которыя дала послѣдняя кампанія, рѣшить вопросъ, какія дистанціи должны были считаться нормальными для стрѣльбы изъ нашихъ орудій той конструкціи, какую они имѣли въ послѣднюю турецкую кампанію, при этомъ разсмотрю отдѣльно боевую мѣткость и разрушительное дѣйствіе. Боевая мѣткость зависитъ отъ возможности пристрѣляться, т. е. наблюдать за паденіемъ снарядовъ и ихъ разрывомъ. Наблюденія эти при приближеніи къ 1,000 саж. становятся очень невѣрны, а потому боевая мѣткость съ этихъ дистанцій была всегда очень слаба и останется слабою, какъ бы не совершенствовалась система орудій и снарядовъ, ибо нельзя усовершенствовать человѣческой глазъ. Вотъ какое мнѣніе высказываютъ спеціалисты по этому вопросу:

«Дѣло въ томъ, что усовершенствованное оружіе не въ состояніи измѣнить природу боя ⁽¹⁾, и если въ полевой войнѣ должно преслѣдоваться уничтоженіе противника, то тутъ эта цѣль можетъ быть достигнута только на дистанціяхъ, съ которыхъ невооруженнымъ глазомъ можно наблюдать за результатами своей стрѣльбы, слѣдовательно, для которыхъ предѣлъ составляетъ отчетливая видимость цѣли при средней остротѣ зрѣнія». Другой практикъ артилерій-

(1) «Боевое значеніе бездымнаго пороха». «Артилерійскій Журналъ». 1890 г., № 11. *Баумгартенъ*.

скаго боя, принц Гогенлое, пишетъ, что орудійный выстрѣлъ составляетъ до сихъ поръ лучшій изъ изобрѣтенныхъ дальномѣровъ, если только возможно точное наблюденіе за паденіемъ снарядовъ; онъ находитъ, что на разстояніи 937 сажень при точной пристрѣлкѣ, дѣйствіе артилеріи можетъ быть уничтожающимъ, но тутъ же добавляетъ, что не всегда и на это разстояніе можно видѣть непріятеля, даже не стоящаго за закрытіемъ. Далѣе онъ прибавляетъ: «Мнѣ случалось видѣть, какъ очень опытные артиллеристы выпускали всѣ снаряды, не нанеся поражения ни однимъ выстрѣломъ, а въ одномъ изъ сраженій на моихъ глазахъ крупная артилерійская линія, по той же причинѣ, въ теченіе долгаго времени не добрасывала свои снаряды на 500 шаговъ и продолжала дѣлать это до тѣхъ поръ, пока я не сообщилъ ей мои наблюденія (1)». Таубертъ, въ своемъ сочиненіи «Употребленіе артилеріи въ полевой войнѣ», говоритъ, что при разстояніяхъ больше 2,000 шаговъ трудно даже приблизительно глазомѣромъ опредѣлить разстояніе, а при разстояніи болѣе 3,000 въ бою уже невозможно производить наблюденіе за паденіемъ снарядовъ (2). Наконецъ, Тюргеймъ высказываетъ мнѣніе (3), что въ бою и 60-ю выстрѣлами нельзя пристрѣляться такъ, какъ на ученьи шестью.

Затѣмъ я укажу боевыми примѣрами на то, какъ трудно наблюдать за паденіемъ снарядовъ при стрѣльбѣ на дальнія дистанціи.

Во время боя подъ Правцомъ 10-го ноября 1877 года въ отрядѣ графа Шувалова (2-я гвардейская дивизія) съ Шуваловской горы отлично была видна вся впередилежащая мѣстность и какъ своя, такъ и непріятельская позиція. Пристрѣлкой опредѣлили разстояніе до непріятельской батареи 1,200 сажень. Всѣмъ, смотрѣвшимъ съ этой горы, казалось, что снаряды отлично ложатся, но между тѣмъ, когда былъ посланъ офицеръ на лѣвый флангъ, то увидѣлъ, что снаряды далеко не достигаютъ до расположенія турокъ; когда же онъ снова вернулся на Шуваловскую гору, то опять ему показалось, что стрѣльба производится вѣрно (4).

Въ сраженіи подъ Горнимъ-Дубнякомъ 12-го октября 1877 г. на позиціи 6-хъ батарей 1-й и 2-й артилерійскихъ бригадъ въ 300

(1) «Полевая артилерія въ ея подчиненіи командирамъ корпусовъ». «Артилерійскій Журналъ». № 1.

(2) «Военная бібліотека», т. I.

(3) «Тактика полевой артилеріи». «Воен. Сборн.» 1879 г., №№ 1, 2, 6.

(4) «Воспоминаніе о времени, пережитомъ съ 2-й гвард. див.». *Аффиносичъ*. «Воен. Сборн.» 1880 г., №№ 11, 9—11 и 1881 г., №№ 10—11.

саженяхъ отъ турецкихъ редутовъ стали попадать шарохи 9-ти фунтовыхъ нашихъ орудій, стрѣлявшихъ по другую сторону Дубняка въ разстояніи 800—900 сажень⁽¹⁾, а слѣдовательно, при этомъ разстояніи ошибка въ наблюденіи за пристрѣлкой являлась на 300 сажень.

Въ бою подъ Ловчей 5-й батарее 2-й артилерійской бригады приказано было занять позицію на высотахъ къ юго-западу отъ деревни Присяки. Разстояніе до турецкихъ ложементовъ на высотѣ № 3-й было съ небольшимъ 1,000 сажень; снаряды давали большой недолетъ, что замѣчено было только слѣва въ колоннѣ генерала Скобелева, пославшаго объ этомъ записку⁽²⁾.

Подъ Ловчей же во время атаки генераломъ Добровольскимъ высотъ №№ 2-го и 3-го, съ 3-й батареей 9-й артилерійской бригады въ разстояніи 1,100 саж. отъ высоты № 2-го, затруднились обстрѣлять фланговымъ огнемъ высоту, занятую турками, боясь попасть въ своихъ. Послали по этому поводу справиться, и потеряли полчаса.

Въ томъ же сраженіи, послѣ очищенія турками нижнихъ траншей на Рыжей горѣ, мы стрѣляли по этимъ траншеямъ еще очень долго, не видѣвши, что таковыя уже оставлены. Разстояніе было отъ 930 до 1,050 сажень.

Въ томъ же сраженіи, по взятіи нами Рыжей горы, 2-я батарея 16-й артилерійской бригады пустила въ роты Казанскаго полка нѣсколько гранатъ съ разстоянія 1,250 сажень за ними.

Всѣ эти боевые примѣры доказываютъ, что съ разстоянія уже свыше 900 сажень очень трудно въ бою наблюдать за мѣстомъ паденія снарядовъ, а слѣдовательно трудно опредѣлить разстояніе пристрѣлкой. Что значитъ ошибиться въ опредѣленіи разстоянія даже на 20 саж. при пристрѣлкѣ на 950 саж., будетъ видно сейчасъ изъ приводимаго примѣра полигонной стрѣльбы, изъ котораго можно будетъ также понять, какая могла быть дѣйствительность выстрѣловъ изъ 9-ти фунтовой пушки, бывшей у насъ въ кампанію 1877 года.

На Волковомъ полѣ 19-го сентября 1878 года производилось сравнительное испытаніе прежней 9-ти фун. пушки и вновь введенной батареейной⁽³⁾. Разстояніе было опредѣлено пристрѣлкой въ 950 саж. и при этомъ на означенную пристрѣлку было употреблено для батареейной пушки отъ 6 до 8 выстрѣловъ, а для прежней 9-ти

(1) «Штурмъ Дубника». *Хитрово*. «Арт. Жур.» 1889 г., № 12.

(2) «Ловча, Плевна и Шейново». *А. Куропаткинъ*. «Воен. Сб.» 1881 г., № 4.

(3) «Артилерійскій Журналъ» 1878 г., № 11.

фунтовой отъ 8 до 10. Стрѣляли по группамъ щитовъ изъ трехъ мишеней на разстояніи 10 саж. одна позади другой. Мишени имѣли 25 шаговъ длины и 9 фут. вышины. На выстрѣль изъ батарейной пушки гранатой получило 22 пораженія, а шрапнелью 151 пораженіе. Но достаточно было нарочно отбѣхать орудіямъ на 20 саж. и стрѣлять при той же высотѣ прицѣла, и число пораженій получило такое: гранатой—5 и шрапнелью—62. Въ тоже время при стрѣльбѣ изъ прежней 9-ти фун. пушки на разстояніе 950 саж. на выстрѣль пришлось пораженія—гранатой—1,8, а шрапнелью—83, а при ошибкѣ на 20 саж. гранатой—0,4, а шрапнелью—31 пораженіе.

Примѣры неудачнаго разрывнаго дѣйствія снарядовъ при стрѣльбѣ на большія разстоянія приведены мною выше, а потому я здѣсь укажу только примѣры обратные—когда артилерія стрѣляла на дистанціяхъ, сравнительно нѣсколько меньшихъ, и наносила сильное пораженіе противнику.

Изъ вышеприведеннаго разсказа Киснемскаго мы уже видѣли, что когда турки вцѣтили орудіе на Сахарную голову, отстоящую отъ нашихъ батарей на 450 саж., то мы въ короткое время сбивали подъ рядъ три раза орудіе, а прежде съ разстоянія 900 саж. за цѣлый день не могли съ тѣхъ же батарей заставить турокъ прекратить работы на Девятиглазкѣ (¹).

27-го августа подъ Плевной румынскія батареи съ 700 сажень очистили своимъ огнемъ турецкія траншеи.

12-го октября 1877 года подъ Горнимъ Дубнякомъ 6-я батарея 1-й и 2-й гвардейскихъ артилерійскихъ бригадъ (²) выѣхали на позицію противъ главнаго редута у Горняго Дубняка со стороны Плевны на 850 саж. отъ редута, впереди котораго на 250 саж. были расположены ложементы. Вскорѣ послѣ открытія огня шрапнелью турки бросились бѣжать изъ траншей къ главному укрѣпленію. Батареи подались впередъ и заняли позицію въ 300 саж. отъ редута. Батареи эшелонами по-полубатарейно выѣхали карьеромъ на новую позицію, и при выѣздѣ понесли очень значительныя потери: одна лишилась около трети людей, а другая около четверти. Такъ какъ, по словамъ автора статьи, это происходило около десяти часовъ утра, то возможно согласиться съ нимъ, «что едва ли наше пѣхотное прикрытие могло поспѣть на поддержку тѣхъ нашихъ орудій, которыя

(¹) «Довча, Плевна и Шейново». А. Куропаткинъ.

(²) «Штурмъ Дубняка». Хитрово.

первыми двинулись на близкую дистанцію (1)». Но уже первая четверть орудія, выѣхавшія на эту позицію, осилили огонь турецкой пѣхоты, дѣйствуя шрапнелью, и заставили турокъ, спрятавшись за брустверъ, стрѣлять, не цѣлившись вверхъ, отчего на батареяхъ потери со всѣмъ прекратились, но за то назадъ, саженьхъ въ трехстахъ, полоса шириною въ 50 сажень, осыпалась вся непріятельскими пулями.

Противоположность этому составляетъ случай подъ Ловчей 22-го августа, гдѣ наши батареи отъ нижнихъ траншей на Рыжей горѣ, подъ Ловчей, были расположены на разстояніи около 930 саж., а отъ верхнихъ около 1,250 саж. Нижнія траншеи брошены турками, не допуская атаки, но верхнія оставлены уже тогда, когда пѣхота двинулась въ атаку, хотя не допуская рукопашнаго боя, несмотря на то, что противъ этихъ траншей стрѣляло 56 орудій въ продолженіи болѣе чѣмъ пяти часовъ. «Къ нашему удивленію мы не нашли на Рыжей горѣ того числа турецкихъ труповъ, которое ожидали (2)».

Наконецъ, Телишъ былъ взятъ однимъ огнемъ нашихъ 72 орудій гвардейской артилеріи, всѣ 9-ти фун. калибра въ продолженіи немного болѣе, чѣмъ двухъ часовъ, но съ разстоянія 950—850 саж.

Соображая все вышеизложенное, я прихожу къ слѣдующему заключенію: по конструкціи 9-ти фун. пушекъ, бывшихъ у насъ въ послѣднюю кампанію, мы могли разсчитывать на сколько нибудь порядочную мѣткость изъ нихъ и разрывное дѣйствіе при разстояніяхъ меньшихъ 900 саж., а при разстояніяхъ большихъ на очень слабое дѣйствіе, которое при разстояніяхъ большихъ 1,200 саж. переходило только въ случайное пораженіе. Для четырехъ фун. пушекъ предѣлъ дѣйствительности доходилъ не болѣе какъ на 750 саж. Изъ тѣхъ и другихъ орудій, при разстояніяхъ меньшихъ 600 саж., пораженіе было крайне сильное и турецкая пѣхота не выдерживала этого огня, если нашимъ батареямъ удавалось стать на позицію и пристрѣляться, а удача выѣзда батареи на позицію на близкихъ дистанціяхъ, какъ я ниже укажу, всецѣло зависитъ отъ дѣйствія совокупно съ нею пѣхотныхъ частей.

Принявши за основаніе приведенные только что выводы, посмотрю, какъ мы пользовались подъ Плевной очень серьезной своей силой—четырьмя стали полевыми и осадными орудіями, противъ шестидесяти турецкихъ, частью дальнобойныхъ.

Въ Плевненской арміи, какъ это всегда случается, одновременно

(1) Надо полагать, что это и была причина большихъ потерь при выѣздѣ.

(2) «Ловча, Плевна и Шейново». А. Куропаткинъ. «Воен. Сб.» 1881 г., № 4.

съ развитіемъ взгляда, что артилерія не должна нести потерь отъ пѣхотнаго огня, ибо имѣеть возможность нанести поражение противнику стрѣльбой съ дальнихъ дистанцій, невольно стали забывать, такъ сказать, азбуку военнаго дѣла: «драться надо всѣми родами оружія вмѣстѣ, а не каждымъ порознь». На тѣхъ разстояніяхъ, на которыхъ рекомендовалось вести артилерійскій бой, пѣхота не могла помогать артилеріи, а когда пѣхота подвигалась ближе для атаки противника, то артилерія бросала свою пѣхоту.

Старшее начальство своими распоряженіями какъ бы рекомендовало не совокупное дѣйствіе пѣхоты съ артилеріей, а обратно, отдѣльныя дѣйствія разныхъ родовъ оружія, что видно изъ диспозицій и приказаній для боя на 26-е и 30-е августа. По диспозиціи на 26-е августа артилерія должна была подготовить атаку пѣхоты своимъ огнемъ, но для этого надо было, во первыхъ, намѣтить пункты атаки, а во вторыхъ, нацѣливать туда пѣхотныя части, завязывая ими тоже бой. Тогда бы турки, во время артилерійской канонады, не могли уводить свои войска и укрывать ихъ отъ огня нашей артилеріи. На дѣлѣ вышло иначе: только въ первое время по открытіи огня 26-го августа турки нѣсколько встревожились, но, понявши, что это не подготовка атаки, а просто бомбардировка, стали укрывать и отводить войска, и мы вели борьбу только съ земляными насыпями, которыя турки за ночь чинили.

Батареи наши были расположены 26-го августа ⁽¹⁾ на разстояніяхъ отъ непріятеля: 31-й артилерійской бригады на 1,800 саж. 5-й — на 2,000, но затѣмъ переѣхала на высоту 16-й, 30-й артилерійской бригады отъ 1,000 до 1,400 саж. и 16-й отъ 1,250 до 1,500 саж. Хотя въ слѣдующіе дни мы нѣсколько и сблизились съ непріятелемъ, но только батареи, стрѣлявшія противъ редута Омаръ-бей-табиа, были подъ конецъ на дистанціяхъ боевого дѣйствительнаго выстрѣла. Такимъ образомъ вмѣсто атаки турецкихъ позицій подъ Плевной совмѣстно пѣхотой и артилеріей, мы 26-го, 27-го, 28-го и 29-го августа задавались совершенно другой задачей — бомбардировать окрестности Плевны и самый городъ на пространствѣ нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ полевой нашей артилеріей и поставивши ее на дальнія дистанціи внѣ дѣйствительности ея огня. Только румынскія батареи поняли задачу свою, какъ подготовку атаки и какъ слѣдовало понимать полевымъ батареямъ: они выѣхали къ турецкимъ ложеаментамъ впереди Гривицкаго редута на

(1) «Ловча, Плевна и Шейново». *А. Куропаткинъ*. «Воен. Сб.» 1882 г., № 10.

дистанцію боеваго дѣйствительнаго выстрѣла (на 700 саж.), однимъ огнемъ очистили эти ложементы и 27-го августа уже стояли на позиціи въ 700 саж. отъ Гривицкаго редута (1). 28-го августа одинъ взводъ румынской батареи попробоваль вынестись къ редуту на 400 саж., но успѣль сдѣлать только два три выстрѣла, какъ огонь вывелъ изъ строя командира взвода, почти что всю прислугу и лошадей и орудія были увезены пѣхотой. Послѣдняя неудача румынской батареи объясняется, впрочемъ, просто: дистанція въ 400 саж. могла быть выбрана только въ то время, когда пѣхота находится недалеко отъ непріятели и ведетъ рѣшительную атаку, тогда бы непріятель, по необходимости, обращаль главное вниманіе на пѣхоту, а не на артилерію. Румынская батарея зарвалась; она думала вести бой въ одиночку, безъ поддержки своей пѣхоты, но уже на тѣхъ дистанціяхъ, съ которыхъ все идетъ безостановочно въ атаку, и поплатилась за это, ибо атака не велась въ то время.

По диспозиціи на 26-е августа, въ распоряженіе 9-го корпуса (2) назначень осадный паркъ въ 20 орудій, и надо было надѣяться, что мы прочтемъ въ диспозиціи такъ: Гривицкій участокъ—9-й корпусъ и осадный паркъ въ 20 орудій; цѣль дѣйствій такая-то, начальникъ такой-то. Прибавлять, что постройка, вооруженіе и охраненіе возлагается на войска 9-го корпуса, было бы напрасно, ибо это явствовало само собою изъ дѣла. Но подъ Плевной, какъ я выше сказаль, рекомендовалось не совокупное дѣйствіе пѣхоты со своей артилеріей, а обратно, отдѣльныя дѣйствія разныхъ родовъ оружія. Поэтому, по диспозиціи, осадный паркъ не отданъ былъ въ составъ 9-го корпуса и не составили отдѣльнаго отряда изъ осаднаго парка съ присоединеніемъ къ нему нѣсколькихъ полковъ пѣхоты и саперныхъ ротъ подъ командою начальника осаднаго парка полковника Экстена. По диспозиціи осадный паркъ назначень въ раіонъ 9-го корпуса и потому пришлось упомянуть, «что постройка, вооруженіе и охраненіе возлагается на войска 9-го корпуса». Что должно было случиться, то и случилось: войска 9-го корпуса не признали артилерію своею, а артилерія чувствовала себя одинокою въ расположеніи 9-го корпуса. Начальникъ осаднаго парка былъ приглашенъ на военный совѣтъ, когда разбиралась въ немъ предполагаемая диспозиція на 26-е августа. Только, по выходѣ изъ совѣта, полковнику

(1) «Довча, Плевна и Шейново». *А. Куропаткинъ.*

(2) «Дѣйствіе артилеріи подъ Рущукомъ и Плевной». Подковникъ *Экстенъ.* «Военный Сборникъ» 1881 г., №№ 3, 6, 10, 11. «Довча, Плевна и Шейново». *А. Куропаткинъ.*

Экстену стало ясно, «что генералу Зотову предоставлена была полная власть распоряжаться даже и специальными частями войск». Но кому же изъ служащихъ въ строю и когда было неясно, что старшему начальнику на полѣ сраженія подчиняется все, что тамъ находится?

Тѣмъ не менѣ полковнику Экстену пришлось все-таки обратиться къ командиру 9-го корпуса, и тамъ дѣло не сладилось: «генералъ выразилъ нежеланіе вмѣшиваться въ его распоряженія, а онъ со своей стороны просилъ, чтобы работы имѣли со стороны корпуса достаточное прикрытіе, а въ случаѣ надобности и защиту». Такимъ образомъ, корпусный командиръ умылъ руки. Не лучше пошло дѣло и съ начальникомъ дивизіи, къ которому начальникъ осаднаго парка былъ направленъ просить рабочихъ и прикрытія. Выходить, что въ общемъ дѣлѣ подготовки къ очень серьезному бою начальникъ парка попалъ въ роль какого-то ходатая по частнымъ дѣламъ, которыя какъ будто бы могутъ исполнить и не исполнить? Неужели нельзя было прямо назначить, когда и куда долженъ явиться къ полковнику Экстену начальникъ пѣхотнаго прикрытія, а также и саперный начальникъ, да не мѣшало бы назначить хотя малую кавалерійскую часть для посылокъ во время ночнаго движенія. Начальникъ дивизіи выразилъ неудовольствіе по поводу ослабленія его дивизіи. Тогда, указавши ему на точное приказаніе генерала Зотова, и не согласившись на его желаніе выторговать одинъ полкъ, онъ (т. е. полковникъ Экстенъ) окончательнo просилъ къ четыремъ часамъ прислать оба полка. Самъ начальникъ осаднаго парка, по характеру сдѣланныхъ распоряженій, понималъ, что онъ есть только начальникъ 20-ти довольно сложныхъ и громоздкихъ машинъ; онъ не могъ признать себя на предстоящую ночь, во время очень труднаго ночнаго движенія, начальникомъ отряда, состоящаго изъ двухъ полковъ пѣхоты громоздкаго обоза съ осаднымъ паркомъ въ 400 подводъ и двухъ саперныхъ ротъ, а потому и не сознавалъ ответственности за ночное движеніе всего отряда. Онъ приготовилъ все для того, чтобы паркъ выступилъ на позицію въ полномъ порядкѣ и затѣмъ призналъ себя свободнымъ отъ заботъ за благополучное движеніе пѣхоты и саперъ, а потому счелъ себя въ правѣ заняться присканіемъ квартиры только что прибывшему начальнику артиллеріи плевненскаго отряда. Извѣстное тактическое правило, что тотъ только можетъ быть увѣренъ, что знаетъ дорогу въ темную ночь, кто ходилъ по этой дорогѣ въ такую же ночь, было забыто, о проводникахъ же позаботились и вышло во время движенія въ

ночь съ 25-го на 26-е августа, что сбились съ дороги, построили батарею наугадъ и турки утромъ на огонь одной изъ нихъ не отвѣчали. А вѣдь войска 9-го корпуса стояли на позиціи передъ Гривичкимъ редутомъ больше мѣсяца передъ тѣмъ; навѣрное много нашлось бы людей, бывавшихъ въ этомъ районѣ и на аванпостахъ, и въ дальнихъ разъѣздахъ ночью, изучившихъ каждую тропинку и могущихъ быть прекрасными проводниками. Но некому было заботиться о проводникахъ: корпусное и дивизионное начальство умывало руки, начальникъ отряда въ этомъ ночномъ движеніи назначенъ не былъ, по крайней мѣрѣ полковникъ Экстенъ не считалъ себя такимъ, ибо иначе, прежде чѣмъ заниматься частными порученіями, онъ навѣрное позаботился бы обо всемъ отрядѣ, а не объ осадномъ только паркѣ, по крайней мѣрѣ на это можно было бы надѣяться, имѣя въ виду, въ какомъ образцовомъ порядкѣ выступилъ осадный паркъ на позицію. Пѣхотные полки и саперы считали себя въ данномъ случаѣ рабочей командой, оторванной отъ своихъ частей, и потому не только не заботились объ обстановкѣ ночнаго движенія, но, по обычаю рабочихъ командъ, вызванныхъ на казенную работу, постарались опоздать, а саперы сбились съ дороги. Самъ начальникъ осаднаго парка пишетъ, что, не найдя мѣста для батарей, линия огня которыхъ разбита была имъ камнями заблаговременно по положенію Большой Медвѣдицы, ему ничего не оставалось, какъ только разбить новую линію огня «на ощупь», причемъ легко можно было построить батарею не только бокомъ, но и тыломъ къ туркамъ, чему и былъ въ ту ночь примѣръ съ одной изъ полевыхъ батарей.

На сколько мы мало заботились о подготовкѣ атаки пѣхоты артилерійскимъ огнемъ, видно, между прочимъ, изъ того, что командиру осадныхъ батарей 29-го августа не было извѣстно, что мы 30-го поведемъ атаку на редутъ Омаръ-бей-табію и потому онъ 29-го весь день стрѣлялъ по редуту Ибрагимъ-бей-табію, изъ котораго турки даже не отвѣчали на огонь осадныхъ орудій, и который 30-го мы не атаковали.

Въ диспозиціи на 30-е августа артилеріи предписывалось открыть огонь съ разсвѣтомъ, замолчать въ девять, затѣмъ стрѣлять отъ 10-ти до 12-ти и, послѣ перерыва до часу, открыть вновь огонь и продолжать стрѣльбу до начала штурма въ три часа. Во время штурма артилеріи продолжать обстрѣливать непріятельскія позиціи, пока пѣхота ее не закроетъ. Въ приказаніи, отданномъ собственно артилеріи 30-го утромъ, сказано нѣсколько иначе: во время штурма

вся артилерія должна молчать вплоть до выяснившася исхода штурма и отнюдь не открывать огонь до новаго приказанія (¹). Такимъ образомъ, въ самой диспозиціи и приказаніяхъ на 30-е августа рекомендовалось опять-таки не совокупное дѣйствіе пѣхоты со своею артилеріей, а отдѣльныя дѣйствія каждаго рода оружія, да и туркамъ, своими перерывами огня, мы ясно дали понять, что поддерживать артилеріей атаку пѣхоты не будемъ. Въ дѣйствительности такъ и вышло, напримѣръ: 2-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи потеряла въ этотъ день 680 человекъ, а 1-я, 2-я и 3-я батареи 16-й артилерійской бригады, поддерживавшія атаку этой бригады, не имѣли потерь потому, что съ утра былъ туманъ и слѣдовательно турки не могли наносить пораженія батареямъ, а когда туманъ началъ разсѣиваться, полки пошли въ атаку, батареи остались на мѣстахъ и потому потерь не могли нести. 30-го августа мы вели серьезныя атаки подъ Плевной въ двухъ мѣстахъ: противъ редута Омаръ-бей-таби и противъ Скобелевскихъ редутовъ. Въ первомъ случаѣ, какъ я выше сказалъ, артилерія не поддерживала атаку пѣхоты и отчасти потому атака была неудачна; во второмъ сначала тоже не поддерживала, какъ я докажу сейчасъ, тоже по причинѣ тумана, а равно потому, что стояла очень далеко, а потомъ, хотя и поддерживала, но очень слабыми силами. Поэтому войска отряда генерала Скобелева, хотя и взяли редуты 30-го августа, но понесли такія потери и были въ такомъ разстроенномъ состояніи, что безъ поддержки свѣжихъ силъ не могли отстоять ихъ 31-го августа. О дѣйствіи артилеріи противъ Скобелевскихъ редутовъ 30-го и 31-го августа я и буду говорить теперь.

На лѣвомъ флангѣ западнаго отряда войска находились подъ командою трехъ независимыхъ начальниковъ, изъ которыхъ у двухъ пѣхота и артилерія состояли не въ составѣ пѣхотныхъ дивизій и бригадъ съ соотвѣствующими пѣшими артилерійскими бригадами, но части были перемѣшаны. 30-го утромъ войска стояли такъ (²):

На второмъ гребнѣ въ отрядѣ генерала Скобелева: 1-я бригада 16-й дивизіи, 9-й и 10-й стрѣлковые баталіоны, 1-я и 2-я батареи 2-й артилерійской бригады, 4-я батарея 30-й бригады. Изъ этихъ батарей 2-я батарея съ утра уже стала на позицію въ шести-орудійномъ составѣ, а къ двумъ часамъ пришли въ негодность еще че-

(¹) «Дѣйствіе артилеріи подъ Русукомъ и Плевной». *Экспер.* «Воен. Сборн.» 1881 г., № 11.

(²) «Ловча, Плевна Шейново». *А. Куропаткинъ.*

тыре орудія. Въ 1-й батарее къ двумъ часамъ осталось годныхъ три орудія.

На артилерійской горѣ, принадлежавшія къ отряду генерала Скобелева: 3-я батарея 2-й артилерійской бригады и турецкая дальнобойная батарея. Въ послѣдней изъ четырехъ орудій къ утру 30-го было негодныхъ два.

Въ резервѣ за вторымъ гребнемъ: принадлежавшій къ отряду генерала Скобелева Ревельскій полкъ 2-й дивизіи, 11-й и 12-й стрѣлковые баталіоны и принадлежавшія къ отряду князя Имеретинскаго изъ 3-й батареи 3-й артилерійской бригады — шесть орудій.

Въ общемъ резервѣ въ отрядѣ князя Имеретинскаго: остальные три полка 2-й дивизіи, изъ которыхъ Эстляндскій, впрочемъ, съ утра находился уже на лѣвомъ флангѣ отряда генерала Скобелева. Затѣмъ, изъ артилеріи въ отрядѣ состояли: два орудія 3-й батареи 3-й артилерійской бригады; 5-я и 6-я батареи той же бригады и 4-я, 5-я и 6-я батареи 2-й артилерійской бригады.

Въ отрядѣ генерала Леонова: восемь эскадроновъ, 18 сотенъ и 18 конныхъ четырехъ-фунтовыхъ орудій.

Такимъ образомъ артилерія была вся перемѣшена въ отрядахъ: три батареи 3-й и одна 30-й артилерійской бригады не имѣли въ отрядѣ своихъ пѣхотныхъ частей, но за то 1-я бригада 16-й пѣхотной дивизіи не имѣла въ отрядѣ своей артилеріи. 2-я пѣшая артилерійская бригада была въ двухъ отрядахъ: генерала Скобелева — три батареи и князя Имеретинскаго — три батареи. Изъ этого генералъ Скобелевъ отдѣлилъ сразу одну батарею на артилерійскую гору, а получилъ вскорѣ въ свое распоряженіе отъ князя Имеретинскаго 4-ю батарею 2-й артилерійской бригады. Поэтому, хотя въ отрядѣ, дѣйствовавшемъ противъ Скобелевскихъ редутовъ, находилось 102 орудія, но артилерія не только не группировалась массами, но не имѣла даже общаго артилерійскаго начальника, да и бригадные командиры, каждый отдѣльно, не могъ руководить дѣйствіемъ артилеріи своей бригады. 2-я артилерійская бригада была разбита въ трехъ мѣстахъ и находилась въ рукахъ двухъ самостоятельныхъ начальниковъ отрядовъ. Изъ 3-й артилерійской бригады въ войскахъ лѣваго фланга западнаго отряда было только три батареи, а остальные три находились совершенно въ другомъ мѣстѣ. Изъ трехъ батарей 3-й бригады шесть орудій были въ резервѣ генерала Скобелева, два въ отдѣльномъ назначеніи и двѣ батареи въ отрядѣ князя Имеретинскаго; наконецъ, конная артилерія находилась въ рукахъ третьяго, совершенно отдѣльнаго и самостоятель-

наго начальника, а 4-я батарея 30-й бригады попала въ отрядъ совершенно одна, безъ своей пѣхоты и безъ своего спеціального артилерійскаго начальства. Чтобы возможно было управлять такой артилерійскою массою, необходимо было назначить одного артилерійскаго начальника и указать ему цѣль дѣйствія. Ничего подобнаго не было сдѣлано, да кромѣ того, въ приказаніи для боя на 30-е августа генераль Скобелевъ ничего не говоритъ объ артилеріи, такъ что батарейные командиры врядъ-ли знали въ началѣ боя, что имъ придется дѣлать.

Теперь разсмотрю, что дѣлали батареи на лѣвомъ флангѣ западнаго отряда 30-го августа, не имѣя общаго начальника, который бы руководилъ ихъ боемъ. До трехъ часовъ пополудни ни одна батарея не стрѣляла ближе 1,200 саж., а потому могла наносить непріятелю только случайныя пораженія. Въ виду этого, я и начну разсматривать дѣйствія батарей съ трехъ часовъ пополудни. Въ это время 102 орудія, бывшія въ отрядѣ, находились (1):

Попорченныя и потому не могшія быть употреблены въ дѣло: 1-й батареи—пять орудій и 2-й батареи—шесть орудій, а также турецкихъ—два орудія, а всего попорченныхъ—13.

Не бывшихъ въ употребленіи и стоявшихъ въ резервѣ: 5-я и 6-я батареи 2-й артилерійской бригады и 5-я батарея 3-й артилерійской бригады—всего 24 орудія (изъ нихъ два орудія стояли въ деревнѣ Берестовацъ, а шесть были вызваны на позицію на другой день).

Стрѣляли на позиціяхъ съ тѣхъ разстояній, на которыхъ, по поврежденію принца Гогенлоэ, можно только напрасно тратить заряды и бесполезно жечь порохъ: на артилерійской горѣ 10 орудій на 1,500 саж. противъ Скобелевскихъ редутовъ; на второмъ гребнѣ 6-я (т. е. четырехъ-фунтовая) батарея 2-й артилерійской бригады на 1,200 саж. противъ Скобелевскихъ редутовъ. 4-я батарея (т. е. четырехъ-фунтовая) 30-й артилерійской бригады на 1,200 саж. противъ Скобелевскихъ редутовъ, и потомъ на 1,500 саж. по туркамъ, отступающимъ изъ редута № 2-го въ лагерь. Наконецъ, сначала 12, а потомъ 18 конныхъ орудій (всѣ четырехъ-фунтовыя) на разстояніи 1,200 саж. отъ Кришинскаго редута. Всего напрасно жгло порохъ 44 орудія.

Стрѣляли съ разстояній, превышающихъ боевую дѣйствительность выстрѣла, но немного, а потому могли наносить непріятелю

(1) «Военный Сборникъ» 1883 г., № 7. А. Куропаткинъ.
Т. ССII.—Отд. I.

и нѣкоторое поражение: 4-я (т. е. четырехъ-фунтовая) батарея 2-й артилерійской бригады на разстояніи 850 саж. отъ Скобелевскихъ редутовъ, гдѣ она и показана въ три часа на планѣ, приложенномъ къ № 7-му «Военнаго Сборника» за 1883 годъ, и 3-я батарея 3-й артилерійской бригады на второмъ гребнѣ на разстояніи 1,200 саж. отъ Кришинскаго редута. Всего 16 орудій. Впрочемъ, надо полагать, что 3-я батарея могла наносить редутамъ только очень слабое поражение, во-первыхъ, по дальности разстоянія, во-вторыхъ, потому, что наступающія войска съ фронта должны были мѣшать ей дѣйствовать, и въ третьихъ, по невозможности хорошо пристрѣляться. Последнее подтверждается, впрочемъ, и фактами: командиръ 2-й бригады доноситъ ⁽¹⁾, что со второго гребня по пристрѣлкѣ разстояніе опредѣлилось въ 1,000 саж., а по снятымъ планамъ выходить 1,200 саж. и даже немного больше.

Наконецъ, вполнѣ на своихъ дистанціяхъ для подготовки атаки Скобелевскихъ редутовъ стояли въ три часа пять орудій сборной батареи, изъ остатковъ батарей 1-й и 2-й—2-й артилерійской бригады, ибо орудія были девяти-фунтовыя и стрѣляли на 850 саж.

Въ это же время непріятель съ батареи, расположенной въ Кришинскомъ редутѣ, поражаель наши 37 орудій фланговымъ огнемъ съ разстояній отъ 700 до 750 сажень.

Прежде, чѣмъ сдѣлаю заключеніе о подготовкѣ атаки на Скобелевскіе редуты въ три часа, замѣчу слѣдующее: 8-я донская конная батарея подъ Ловчей была въ отрядѣ полковника Тутолмина и первоначально занимала позицію противъ Зарѣчнаго редута на 1,200 сажень. Вотъ, что писалъ по поводу дѣйствія этой батареи полковникъ Тутолминъ ⁽²⁾: «Стрѣлять ли мнѣ по батареямъ для отвлеченія силъ отъ васъ? Или ждать результата вашей атаки и тогда преслѣдовать? Если стрѣлять по батареямъ, то надо подойти очень близко». Та же 8-я батарея 30-го августа подъ Плевной стрѣляла по Кришинскому редуту тоже для отвлеченія силъ непріятеля, но только съ разстоянія 1,200 саж. Между тѣмъ для конныхъ батарей была, какъ кажется, очень подходящая позиція на одной высотѣ съ Кришинскимъ редутомъ въ 500 саж. онъ него на юго-западъ, гдѣ на планахъ, приложенныхъ къ «Военному Сборнику» 1883 года № 7-й, въ 11 часовъ показано расположенными двѣ сотни, а въ три часа семь сотень.

⁽¹⁾ Рапортъ его. «Военный Сборникъ» 1879 г., № 3.

⁽²⁾ «Военный Сборникъ» 1881 г., № 4. А. Куропаткинъ.

Разсматривая положеніе артилеріи около трехъ часовъ дня, нельзя не придти къ заключенію, что она не могла подготовить атаки Скобелевскихъ редутовъ и потому пѣхота взяла ихъ безъ всякой помощи артилеріи. Отчаянная храбрость пѣхоты взяла редуты, но потери были на столько велики, и, что еще важнѣе, части на столько разстроились, что 31-го не могли отстоять взятыхъ редутовъ. Въ сочиненіи швейцарскаго военнаго писателя Ротплеца «Способы веденія боя трехъ родовъ оружія» ⁽¹⁾ проведенъ слѣдующій взглядъ на значеніе подготовки атаки укрѣпленной позиціи артилерійскимъ огнемъ: «Но рѣзкое различіе между условіями настоящей минуты и условіями, существовавшими 20 лѣтъ тому назадъ, заключается въ неодолимой почти силѣ фронта правильно укрѣпленной оборонительной позиціи. Теперь безъ энергической помощи артилеріи повторенныя атаки пѣхоты обыкновенно окажутся несостоятельными, тогда какъ до введенія орудій, заряжающихся съ казенной части, прорывъ штурмующихъ колоннъ, хотя и сопряженный съ громадными потерями, ни въ какомъ случаѣ не представлялъ рѣдкаго случая». Какъ примѣръ трудности атаки пѣхотою непріятельскаго укрѣпленія приведу свидѣтельство очевидца боя подъ Никоподемъ полковника Булгарина, который рассказываетъ ⁽²⁾, что мы понесли большія потери при атакѣ одного редута въ центрѣ непріятельской позиціи двумя баталіонами Тамбовскаго и одной ротой Галицкаго полковъ, который турки защищали отрядомъ въ 300 человекъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ. Атака на прочія турецкія укрѣпленія въ этомъ дѣлѣ была подготовлена артилерійскимъ огнемъ, но этотъ редутъ не былъ усмотрѣнъ во-время съ позицій нашихъ батарей, поэтому не былъ обстрѣленъ нашей артилеріей, и въ результатъ мы понесли при взятіи его большія потери, не смотря на большое превосходство въ силахъ; остальные же укрѣпленія, обстрѣленные артилеріей, были взяты сравнительно легко.

По взятіи нами Скобелевскихъ редутовъ мы не поддержали защитниковъ этихъ редутовъ нашей артилеріей въ той мѣрѣ, въ какой легко могли поддержать: атака началась въ три часа и мы, конечно, могли разсчитывать взять редуты только къ вечеру, а потому возможно было только за ночь позаботиться приспособить ихъ для артилерійской обороны, или построить ложементы для орудій. Но для этого надо было, во-первыхъ, назначить заранѣе, какія батареи должны вѣхтать вслѣдъ за атакующими войсками, а во-вторыхъ,

(1) «Артилерійскій Журналъ» 1859 г., № 12.

(2) «Военный Сборникъ» 1886 г., № 1.

въ распоряженіе старшаго артилерійскаго начальника заранѣе отдать команду саперъ, бывшихъ при отрядѣ и съ трудомъ разысканныхъ только 31-го августа, а также въ помощь саперамъ назначить рабочую команду отъ пѣхоты. Тогда старшій артилерійскій начальникъ, по взятіи редутовъ, навѣрное бы позаботился осмотрѣть ихъ, приспособилъ бы для артилерійской обороны за ночь и утромъ 31-го августа артилерія была бы укрыта въ редутахъ, отчего прислуга не была бы перебита, орудія не скатывались бы съ барбетовъ, и если бы и послѣдовалъ взрывъ заряднаго ящика, то, при устройствѣ хотя маленькихъ траверзовъ, взрывъ не имѣлъ бы такихъ послѣдствій. Однимъ словомъ, артилерія принесла бы защитникамъ редута несомнѣнную помощь и не пришлось бы прямо начальнику отряда отказываться отъ поддержки батареи изъ резерва, которую полковникъ Паренсовъ посылалъ генералу Скобелеву. Послѣдній просилъ батареи не присылать, а прислать баталіонъ Эстляндскаго полка (1).

Теперь посмотримъ, какъ расположена была артилерія 31-го августа, около 4¹/₂ часовъ пополудни, когда началась послѣдняя атака турокъ на наши редуты и таковыя были взяты ими.

Къ попорченнымъ орудіямъ прибавились: 2-й батареи 2-й артилерійской бригады—два, 1-й батареи—одно, 4-й батареи—восемь, всѣ второй бригады. Затѣмъ 5-й батареи 3-й артилерійской бригады—три. Всего съ прежде приведенными въ негодность—27.

Остались въ резервѣ двѣ батареи 2-й артилерійской бригады и два орудія 3-й батареи 3-й артилерійской бригады были въ деревнѣ Берестовацѣ. Кромѣ того, 3-я батарея 3-й артилерійской бригады стояла за вторымъ гребнемъ, а потому всѣхъ годныхъ орудій въ резервѣ оставалось — 26, изъ которыхъ девяти-фунтовая цѣлая батарея.

Стрѣлявшихъ на дистанціяхъ, на которыхъ только бесполезно жгутъ порохъ: на артилерійской горѣ—10, конныхъ—16, на второмъ гребнѣ четырехъ-фунтовая батарея 30-й бригады одна и 6-я (тоже четырехъ-фунтовая) батарея 3-й артилерійской бригады. Всего 44 орудія. Изъ этого числа, кажется, впрочемъ, что два орудія дѣйствовало на правомъ нашемъ флангѣ, при отбитіи атаки со стороны Омаръ-бей-таби.

Наконецъ, собственно для отраженія турецкихъ атакъ пѣхота могла пользоваться двумя орудіями 1-й батареи 1-й артилерійской

(1) «Военный Сборникъ» 1883 г., № 7. А. Куропаткинъ.

бригады и тремя орудіями 5-й батареи 3-й артилерійской бригады. Эти орудія дѣйствовали съ разстоянія 850 саж., а потому для трехъ изъ нихъ четырехъ-фунт. и это разстояніе было велико.

Такимъ образомъ во время послѣдней атаки турками Скобелевскихъ редутовъ, которые ими и были тогда отняты у насъ, мы могли поддерживать обороняющихся редуты огнемъ только двухъ орудій съ дистанціи боевого дѣйствительнаго выстрѣла и изъ трехъ еще, которыя стояли на дистанціи, немного превышающей ихъ боевую дѣйствительность. Въ то же время мы подставляли дѣйствию флангового и отчасти тыльнаго огня непріятельской артилеріи на дистанціи около 750 саж. своихъ 21 орудіе и изъ 102 орудій, бывшихъ въ отрядѣ, привели въ такое состояніе, что изъ нихъ нельзя было дѣйствовать—27 орудій. Начальникъ отряда, какъ кажется, потерялъ вѣру въ пользу употребленія артилеріи въ этомъ бою, потому что отказался отъ присылки батареи изъ резерва, которая къ нему была уже направлена.

Такимъ образомъ нельзя не сознать, что 30-го августа, при атакѣ Скобелевскихъ редутовъ, артилерія не оказала почти что никакой помощи пѣхотѣ въ подготовкѣ атаки, по взятіи редутовъ, для поддержанія защитниковъ; хотя и вѣхало туда разновременно семь орудій, но направленіе ихъ было какъ бы случайное и редуты не были приспособлены къ принятію артилеріи: въ редутѣ № 1-мъ орудія не имѣли должнаго укрытія и были очень стѣснены, а потому пострадали раньше, чѣмъ при другихъ обстоятельствахъ должно было бы это случиться, а взрывомъ заряднаго ящика нанесено пораженіе своимъ. Наконецъ, при обратномъ взятіи турками редутовъ артилерія не помогала пѣхотѣ ихъ отстаивать. Въ редутѣ № 2-мъ орудія тоже не были укрыты и барбетты были на столько малы, что орудіе слетало послѣ выстрѣла при откатѣ. Все, что артилерія дѣлала въ эти два дня боя на лѣвомъ флангѣ западнаго отряда арміи, это палила съ дальнихъ дистанцій.

Причину такого неправильнаго употребленія артилеріи въ бою я нахожу во взглядѣ старшаго начальства этого отряда, что его артилерія можетъ нанести серьезное пораженіе противнику съ дальнихъ дистанцій. Еще передъ боемъ подъ Ловчей, генераль Скобелевъ требовалъ «подготовки атаки съ дальнихъ и ближнихъ позицій». Въ этомъ бою артилеріи въ его отрядѣ пришлось готовить атаку только съ дальнихъ дистанцій, сначала противъ Рыжей горы и противъ Зарѣчнаго редута, а потомъ противъ послѣдняго; задачи не по своимъ силамъ она не могла выполнить хо-

рошо и мы видимъ, что непрерывная стрѣльба, подѣ конецъ возможно частая залпами, въ продолженіи 5^{1/2} часовъ изъ 56-ти орудій противъ турецкихъ трехъ на разстояніи отъ 900 до 1,200 саж. не могла выгнать турокъ изъ верхнихъ траншей и таковыя были очищены ими уже во время атаки пѣхоты. Несмотря на довольно частый огонь такой артилерійской массы, превратившейся подѣ конецъ въ самыя частыя залпы, мы не нашли на Рыжей горѣ того количества труповъ, которые ожидали найти. Противъ Зарѣчнаго редута мы тоже стрѣляли съ разстоянія около 2,500 саж. и имѣли результатъ только одинъ: у шести орудій изъ восьми появился большой прорывъ газовъ (¹). А это вѣдь было еще первое дѣло въ кампанію, въ которомъ участвовала вторая батарея 2-й артилерійской бригады. Перейдя подѣ Плевну, батареи 27-го августа открыли огонь по Кришинскому редуту на разстояніи 2,400 саж. (²), а 28-го августа одна изъ нихъ продвинулась на 200 саж. впередъ. Что дѣлала артилерія этого отряда 30-го и 31-го августа, описано выше, и вотъ оказалось, что предъявленныя ей невозможныя требованія нанести пораженіе непріятелю съ тѣхъ дистанцій, съ которыхъ она пораженія нанести не можетъ, артилерія не выполнила. Въ результатѣ оказалось—недовѣріе къ артилеріи: солдатъ пѣхотный не хочетъ помочь артилеристу поднять сброшенную пушку съ барбета и накатить ее обратно, а старшій начальникъ отряда, въ критическую минуту боя, просить не присылать къ нему батареи, которая уже была направлена. Вотъ что выходитъ изъ поползновенія поражать непріятеля и не нести потерь. А если бы мы 30-го августа взяли въ оборотъ Кришинскій редутъ нашей артилеріей на тѣхъ дистанціяхъ, на которыхъ шестыя батареи гвардейской артилеріи приняли временно редутъ у Горняго Дубняка 12-го октября, если бы конныя батареи поддержали пѣшія на тѣхъ дистанціяхъ, на которыхъ въ отрядѣ генерала Тергукасова, 4-го юня, конная батарея при Драмъ-Дагѣ поддержала атаку траншей у Аджимаки, то съ Кришинымъ могло случиться тоже, что съ Телишемъ случилось 16-го октября, и разница была бы только въ томъ, что турки тутъ не сдались бы, а бросили редутъ. Если бы даже и этого не случилось, то дѣйствіи Кришина, во всякомъ случаѣ, были бы парализованы. Если бы мы батарею въ десять орудій поставили не на артилерійской горѣ, и не дали ей невозможной задачи громить Скобелевскіе редуты съ 1,500 саж., а поставили ее на второмъ гребнѣ на правомъ флангѣ,

(¹) Рапортъ командира батареи. «Военный Сборникъ» 1879 г., № 3.

(²) Рапорты командира бригады и командира 2-й батареи, тамъ-же.

то она легко бы защитила насъ отъ всякихъ попытокъ турокъ на пространствѣ отъ редута Омаръ-бей-таби и его траншей до Скобелевскихъ, ибо дистанція для стрѣльбы ея была бы отъ 700 до 850 саж. Наконецъ, для подготовки атаки Скобелевскихъ редутовъ необходимо было вызвать остальные три 9-ти фун. батареи на позицію, на которой показана на планѣ 4-я батарея въ 3 часа и непременно подождать результата подготовки. Тогда, хотя можетъ быть часа на полтора и позже, но Скобелевскіе редуты взяты были бы не съ такими большими потерями и войска не пришли бы въ такое страшное разстройство. Тогда и проектъ полковника Паренсова о взятіи Кришинскаго редута, если бы онъ не былъ оставленъ отъ дѣйствія одной артилеріи, имѣлъ бы другое значеніе. Но для того, чтобы все это случилось, необходимо было помнить, что боевой дѣйствительный выстрѣлъ, говоря въ смыслѣ серьезнаго пораженія противника, для нашихъ 9-ти фун. пушекъ былъ на разстояніяхъ не выше 800—900 саж., а для 4-хъ фун. не дальше 700—800 саж. Надо при томъ сознать, что нельзя бить врага, не неся потерь самимъ.

Дѣйствія артилеріи въ послѣднюю турецкую кампанію въ Забалканскомъ походѣ, на Шипкѣ, въ Закавказскомъ краѣ и гвардейской, относительно разбираемаго мною вопроса ближнихъ и дальнихъ подъѣздовъ, хорошо изложены авторомъ статьи «Артилерійскіе вопросы», а здѣсь относительно этого я добавлю слѣдующее:

Въ отрядѣ генерала Гурко одна и та же батарея полковника Ореуса дѣйствуетъ совершенно различно, смотря по тому, подъ чье начальство попадаетъ: 25-го іюня подъ Тырновымъ эта батарея выѣзжаетъ къ непріятелю на 300 саж., а 17-го и 18-го іюля⁽¹⁾, въ отрядѣ, шедшемъ изъ Ески-Загры на соединеніе съ генераломъ Гурко, не доходя Джуранли, по нѣсколько часовъ съ ряду каждый день бесполезно тратитъ снаряды. Самъ командиръ батареи говорилъ, «что, несмотря на наивысшій уголъ возвышенія, наши снаряды далеко не доносятъ до турецкихъ батарей»⁽²⁾.

Гвардейская артилерія, несмотря на то, что имѣла всѣ орудія 9-ти фун., не задавалась вовсе мыслью бить противника съ дальнихъ дистанцій; гдѣ было можно, она всегда подъѣзжала для артилерійскаго боя на дистанціи среднія. Но въ первомъ дѣлѣ подъ Горнимъ Дубнякомъ мы, кажется, нѣсколько забыли боевую обстановку и поставили для гвардейской артилеріи ту цѣль, которую она

(1) «Артилерійскіе вопросы». «Военный Сборникъ» 1875 г., № 5.

(2) «Изъ воспоминаній о турецкой войнѣ». *Депредавичъ*.

могла выполнить только при мирной полигонной стрѣльбѣ: мы заставили наши батареи съ трехъ сторонъ поражать Горній-Дубнякъ, выпустивши изъ виду, что боевая мѣткость далеко не такъ велика, какъ на полигонѣ. Снаряды стали попадать въ свои колонны, артилерія должна была прекратить огонь и не оказала поэтому своей пѣхотѣ далеко той помощи при штурмѣ Дубняка, какъ бы слѣдовало.

О дѣйствіи румынской артилеріи подъ Плевной я говорилъ выше и потому здѣсь сдѣлаю только заключеніе о ней: румынская артилерія была вся дальнобойная, прикрывалась своей пѣхотой, боевые качества которой въ прошедшую кампанію были невысоки. Дѣйствовала румынская артилерія рядомъ съ нашей, которая могла стрѣлять на значительно меньшія дистанціи, а потому эта артилерія имѣла больше нашей основанія вести бой съ непріятелемъ на дальнихъ дистанціяхъ. Но изъ дѣлъ видно, что она подѣзжала къ турецкимъ позиціямъ ближе нашей.

Въ виду того, что въ Ахаль-Текинскую экспедицію, часть орудій были дальнобойныя, скажу нѣсколько словъ и объ употребленіи артилеріи въ эту экспедицію. Во время похода отряда генерала Скобелева отъ Бами къ Геокъ-тепе, намъ часто приходилось дѣйствовать противъ текинцевъ шрапнелью съ очень большихъ разстояній, чтобы разгонять партіи. Нельзя предполагать, чтобы шрапнель на этихъ дистанціяхъ наносила текинцамъ много вреда, но дѣйствіе артилеріи надо признать вполне правильнымъ, ибо она выполняла отлично ту цѣль, которую ей ставили. Гораздо правильнѣе отогнать партію текинцевъ зарядомъ шрапнели, чѣмъ посылать казачью сотню гоняться за ними на десятки верстъ. Подъ самымъ Геокъ-тепе мы впрочемъ, кажется, нѣсколько забыли, боевую обстановку: 28-го и 30-го декабря текинцы въ ночныхъ вылазкахъ увозили у насъ по одному орудію и въ описаніяхъ этихъ дѣлъ мнѣ не приходилось читать, чтобы сами увезенныя орудія пробовали отбиваться отъ текинцевъ картечью. А вѣдь этотъ снарядъ, противъ впечатлительнаго азіятца, да еще ночью на близкой дистанціи, и очень бы пригодился. По крайней мѣрѣ, послѣ двухъ нашихъ неудачъ въ этомъ случаѣ, мы 4-го января отбивали атаки текинцевъ картечью и одинъ изъ текинцевъ, рассказывая про это дѣло уже послѣ взятія Геокъ-тепе, такъ выражается о дѣйствіи нашей картечи въ ночь 4-го января ⁽¹⁾: «Одинъ Богъ знаетъ, сколько бѣды надѣлала намъ артилерія въ эту ночь».

⁽¹⁾ «Очеркъ боевой жизни ахаль-текинскаго отряда». Гейнсъ. «Военный Сборникъ», 1882 г., № 9.

12-го января, въ день штурма Геокъ-тепе, брешь на лѣвомъ флангѣ была готова раньше, чѣмъ послѣдовалъ взрывъ мины противъ колонны генерала Куропаткина. Ожидали взрыва, какъ сигнала къ штурму, и для того, чтобы мѣшать текинцамъ исправлять пробитую брешь, приказано было съ брешь-батареи четыремъ 9-тифунтовымъ и восьми 4-хъ-фунтовымъ пушкамъ открыть огонь шрапнелью по бреши. Туда же обратили огонь 18-ти орудій, находившихся на батареяхъ сзади. По приложенному плану (въ масштабѣ 100 сажень въ дюймѣ) къ рапорту генераль-адъютанта Скобелева, разстояніе циркулемъ вымѣрено мною и оказалось отъ брешь-батареи 200 сажень, а отъ остальныхъ — 350 сажень (1). По словамъ офиціальнаго рапорта, огонь шрапнели не могъ согнать текинцевъ съ бреши. Разбирая этотъ случай, я прихожу къ тому заключенію, что мы забыли боевую обстановку: мы знали, что огонь шрапнели самый дѣйствительный противъ открытаго непріятеля, да еще на близкой дистанціи, но забыли, что шрапнель требуетъ точной и хладнокровной пристрѣлки. Тутъ на пристрѣлку не было времени, да и хладнокровія не могло быть никакого, ибо каждую минуту ожидали штурма укрѣпленія, въ которомъ оборонялся противникъ очень энергичный и превышающій насъ далеко числомъ, этому то я и приписываю неудачу стрѣльбы. Если бы по бреши открыли огонь 18 орудій съ дальнихъ батарей гранатой, а 12 — съ ближнихъ гранатой или картечью, то врядъ ли бы на бреши остался хотя одинъ текинецъ, ибо орудія пристрѣлялись уже раньше для стрѣльбы гранатой. Когда же стрѣльба шрапнелью открывается послѣ пристрѣлки и на разстояніи дѣйствительнаго выстрѣла, то огонь ея страшенъ. Въ доказательство этого приведу примѣръ дѣйствія шрапнели на среднихъ дистанціяхъ при хорошей пристрѣлкѣ. Въ статьѣ Поликарпова о дѣйствіи артилеріи на Шипкѣ говорится, что отъ центральной батареи до сѣдловины впереди стальной было 600 сажень. Лишь только турки беспорядочной толпой спустились въ сѣдловину, центральная и круглая батареи открыли огонь шрапнелью (2). «Три, четыре дѣйствительно удачно разорвавшіяся шрапнели — и изъ всей массы видна только горсть бросившихся въ стороны и назадъ... изъ табора вы видите бранные остатки, разбѣгавшіеся во всѣ стороны, а въ лоцинѣ черное пятно оставшихся. Турки посылали одну колонну за другой и судьбы всѣхъ были одинаковы: ни одна изъ нихъ,

(1) Рапортъ генераль-адъютанта Скобелева. «Воен. Сб.» 1831 г., № 4.

(2) «Артилерійскій Журналь» 1879 г., № 6.

удерживаемая огнемъ нашей шрапнели, не могла дойти къ цѣли ихъ дѣйствія—стальной батарее».

Изъ разбора всѣхъ тактическихъ примѣровъ дѣйствія артилеріи въ послѣднія кампаніи я прихожу къ слѣдующему заключенію. Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ артилерія считала себя спеціальнымъ, дорогимъ и совершеннымъ оружіемъ, имѣющимъ возможность нанести вредъ непріятелю стрѣльбою съ дальнихъ дистанцій и потому не нуждающеюся въ ближнихъ подъѣздахъ, она не наносила вреда противнику, рѣдко выполняла поставленную ей задачу, и то только тогда, когда исполненіе задачи требовало открытія огня съ дальнихъ дистанцій. Артилерія въ такихъ случаяхъ не составляла одного цѣлага со своей пѣхотой въ отрядахъ, въ которыхъ находилась; она вела бой самостоятельно одна безъ поддержки пѣхоты и не поддерживала сама послѣдней. Поэтому пѣхота мало знала свою артилерію и мало довѣряла ей, а иногда прямо тяготилась оказывать помощь артилеріи. Не то мы видимъ тамъ, гдѣ артилерія смотритъ на себя какъ на боевое оружіе, а не только какъ на дорого-стоющую машину: она, для нанесенія пораженія, подъѣзжаетъ къ противнику на тѣ дистанціи, на которыхъ наноситъ дѣйствительное пораженіе, но и сама несетъ потери. Пѣхота поддерживаетъ артилерію своимъ огнемъ, артилерія поддерживаетъ пѣхоту и нерѣдко подъѣзжаетъ на самыя близкія дистанціи въ районъ дѣйствительнаго ружейнаго огня для поддержанія атаки пѣхоты.

Но тѣмъ не менѣе, несмотря на опыты послѣднихъ кампаній, еще далеко не вездѣ военные смотрятъ на артилерію, какъ на боевой родъ оружія. Выше я указалъ, что во французской арміи преобладаетъ взглядъ, что орудіе есть очень совершенная машина, способная безъ поддержки пѣхоты бить врага одна и съ дальнихъ дистанцій. Къ сожалѣнію, не только во Франціи, но и у насъ нерѣдко слышишь тѣ же разсужденія и по преимуществу не въ средѣ артиллеристовъ. Мало того, и у насъ замѣтно поползновеніе взять примѣръ съ французовъ при маневрированіи съ артилеріей, что видно изъ статьи Е. Кобозева, доказывающаго, что артилеріи все равно стрѣлять: на 1,500 сажень или на 500 сажень.

Взглядъ на то, что артилерія можетъ нанести серьезное пораженіе противнику стрѣльбою съ дальнихъ дистанцій, въ послѣднюю турецкую кампанію не разъ портилъ намъ дѣло, а потому надо быть благодарнымъ Е. Кобозеву за то, что онъ возбудилъ этотъ вопросъ: уже появилась дѣльная замѣтка боеваго артиллериста и будемъ надеяться, что вопросъ будетъ окончательно разобранъ въ нашей

военной литературѣ, и наша армія откажется разъ навсегда бить врага съ дальнихъ дистанцій, не неся потерь.

Привода до сихъ поръ тактическіе примѣры употребленія артилеріи въ послѣднихъ кампаніяхъ, я имѣлъ въ виду по преимуществу орудія прежней конструкціи. Замѣтка Е. Кобозева написана въ этомъ году, когда вездѣ уже введена дальнобойная артилерія и во многихъ государствахъ уже вводится сильно дѣйствующій бездымный порохъ и малокалиберное оружіе. Признавая вѣрнымъ сдѣланные мною выводы изъ опытовъ послѣднихъ кампаній на счетъ употребленія въ бою полевой артилеріи прежней конструкціи, я, въ отвѣтъ на статью Е. Кобозева, приму въ расчетъ и послѣднія, указанная выше нововведенія. Но прежде попробую на время признать, что данныя для стрѣльбы на 1,500 сажень, приводимыя Е. Кобозевымъ, будутъ вѣрны и въ бою, и на стрѣльбу непріятельской батареи ничего больше вліять не будетъ. Я попробую въ такомъ случаѣ довести только разсужденія Е. Кобозева до конца, задавши себѣ вопросъ: въ состояніи ли я буду, какъ атакующій, выѣхать на позицію противъ непріятеля приблизительно въ равныхъ силахъ, даже и на 1,500 сажень? Если выводы Е. Кобозева были бы вѣрны, то приводимыя имъ цифры доказали бы, что моя батарея, выѣхавши на 1,500 сажень къ непріятелю, будетъ уничтожена имъ раньше, чѣмъ пристрѣлится, ибо непріятель, при оборонѣ, можетъ пристрѣлится къ дальнимъ возвышенностямъ заблаговременно, а на три версты отъ него невозможно выбрать позицію иначе, какъ на большой возвышенности. Ничего подобнаго не случается въ бою, и артилерія часто подѣзжаетъ къ непріятелю на очень близкія дистанціи и терпитъ сравнительно мало. Всѣ разсчеты мѣняются потому, что приходится вводить большую и совершенно неопредѣленную величину — боевую обстановку, что я и буду дѣлать, при разборѣ взгляда на дѣло Е. Кобозева.

Главная выгода новыхъ дальнобойныхъ орудій сравнительно съ нашими прежними—это довольно значительное увеличеніе начальной скорости снаряда, въ батарейной пушкѣ, сравнительно съ прежней 9-ти-фунт. на 250 футовъ въ секунду, а въ легкой, сравнительно съ прежней 4-хъ-фунт.—на 390 футовъ. Посмотримъ, на сколько это увеличеніе начальной скорости могло повліять на боевую дѣйствительность выстрѣловъ съ дальнихъ дистанцій. Боевая дѣйствительность выстрѣла изъ орудія зависитъ отъ дальности, мѣткости, разрывнаго дѣйствія, вліянія, которое оказываетъ наша артилерія на нравственное состояніе нашихъ войскъ и на противника, а равно

и того вліянiя, какое окажетъ артилерiя на маневрированіе пѣхоты, если останется далеко назади. Разберу эти вопросы отдѣльно.

Увеличеніе начальной скорости безспорно вліяетъ на дальность, т. е. на возможность добросить снарядъ дальше. Въ этомъ отношеніи дальнобойная артилерiя имѣетъ значительное преимущество передъ артилеріей прежней конструкціи. Но въ полевой войнѣ особенно большая дальность не нужна и орудiя всѣхъ системъ, принятыхъ въ европейскихъ арміяхъ, удовлетворяютъ этому требованію вполне.

Увеличеніе начальной скорости безусловно вліяетъ и на мѣткость, т. е. на возможность попасть вѣрнѣе въ точку, но при условіи, если мы точно опредѣлимъ разстояніе и возьмемъ вѣрно въ расчетъ всѣ условiя атмосферныхъ вліанiй. Однимъ словомъ, если мы точно пристрѣляемся. Я выше говорилъ по поводу этого, а потому здѣсь добавлю только слѣдующее: пристрѣлка въ мирное время при точно измѣренныхъ разстояніяхъ, при полномъ хладнокровiи и возможности принять во вниманіе все, что вліяетъ на мѣткость выстрѣла, можетъ быть очень точна, а потому, съ увеличеніемъ начальной скорости, будетъ еще долго увеличиваться то разстояніе, на которое можно стрѣлять мѣтко. Въ бою не то: увеличеніе начальной скорости снаряда не увеличиваетъ дальнозоркости человека, не увеличиваетъ способности его лучше наблюдать за атмосферными явленіями и врядъ ли повліяетъ на его хладнокровіе, а потому, за извѣстнымъ предѣломъ, боевая мѣткость на дальнія дистанціи не будетъ увеличиваться съ увеличеніемъ начальной скорости, но напротивъ, иногда можетъ даже уменьшаться, ибо орудiя, стрѣляющія мѣтко, будутъ посылать свои снаряды въ то мѣсто, куда орудіе пристрѣлено, и потому не нанесутъ никакого пораженія, если мы пристрѣлялись невѣрно, тогда какъ при стрѣльбѣ изъ орудiй, обладающихъ меньшей мѣткостью, пораженія могутъ быть хотя случайныя. Кажется, въ настоящее время уже достигли предѣла той дистанціи, на которой возможна боевая мѣткость орудiй полевой артилерiи, ибо, несмотря на принятіе дальнобойной артилерiи, а въ послѣднее время даже и бездымнаго пороха, во всѣхъ европейскихъ арміяхъ рекомендуются только среднія дистанціи для пораженія противника, а именно, около 2,000 метровъ (937 сажень). Даже французская артилерiя, не долюбливающая близкихъ подъѣздовъ, не рѣшается рекомендовать особенно дальнихъ дистанцій и ограничиваетъ раіонъ дѣйствiя артилерiи 2,500 — 1,500 метрами (т. е. 1,170 — 703 сажени). Очевидно, что при такомъ узкомъ раіонѣ

дистанцій, которыя могутъ быть избираемы въ бою французской артилеріей, ей почти что всегда придется ограничиться одной позиціей, что мы и замѣчаемъ на маневрахъ французской артилеріи. Наша инструкція, уже послѣ введенія дальнобойной артилеріи, также рекомендуетъ для пораженія противника только среднія дистанціи (900—700 сажень). Со введеніемъ бездымнаго пороха пока ни одна артилерія не рискнула еще мѣнять систему своихъ орудій и лафетовъ, чтобы воспользоваться возможностью увеличить начальную скорость снаряда, а слѣдовательно и мѣткость на дальнихъ дистанціяхъ.

Разрывное дѣйствіе гранаты и шрапнели я разсмотрю отдѣльно. Приведенными выше примѣрами, мнѣ кажется, положительно доказано, что разрывное дѣйствіе гранаты изъ орудій прежней конструкціи на разстояніяхъ, превышающихъ 1,000 саж., было совершенно ничтожно. При стрѣльбѣ гранатой изъ орудій дальнобойныхъ уголь возвышенія, который придется давать орудію, будетъ меньше, сравнительно съ тѣмъ, который давался при стрѣльбѣ изъ орудія старой системы, а потому и уголь паденія гранаты будетъ меньше; слѣдовательно, разрывное дѣйствіе гранаты, выпущенной изъ дальнобойнаго орудія, будетъ сильнѣе, сравнительно съ выпущенной изъ прежнихъ орудій на ту же дистанцію. Но, во-первыхъ, разрывное дѣйствіе гранатъ, выпущенныхъ изъ прежнихъ орудій на дистанцію, большую 1,000 сажень, было крайне ничтожно и если при новыхъ дальнобойныхъ орудіяхъ оно будетъ нѣсколько сильнѣе, то изъ этого еще нельзя вывести заключенія, что надо увеличивать дистанцію для стрѣльбы дальнобойной артилеріи, пока разрывное дѣйствіе не превратится въ нуль. Во-вторыхъ, въ зависимости отъ многихъ причинъ и при стрѣльбѣ гранатой приходится пристрѣливаться различно, такъ, напримѣръ, при твердомъ грунтѣ, удобномъ для рикошетирования осколковъ, пристрѣливаются такъ, чтобы средняя траекторія проходила впереди цѣли, а при мягкомъ, чтобы проходила черезъ цѣль; тамъ же, гдѣ степень пораженія зависитъ отъ удачи пристрѣлки, предѣлъ дальности боевого выстрѣла долженъ соображаться не съ совершенствомъ системы орудія и снаряда, а съ совершенствомъ человѣческаго зрѣнія, о чемъ я сказалъ выше. Во всякомъ случаѣ, если принять даже за доказанное, что въ бою, при стрѣльбѣ изъ дальнобойныхъ орудій на 1,500 сажень, пораженіе осколками гранаты будетъ сильно, то всетаки на 500 сажень то же пораженіе будетъ еще сильнѣе, и потому не все равно будетъ: стрѣлятъ-ли на 500 сажень или на 1,500.

О стрѣльбѣ шрапнелью и говорить нечего: если вспомнимъ, что, для успѣха стрѣльбы этимъ снарядомъ, надо, чтобы снарядъ разрывался на извѣстномъ разстояніи отъ цѣли и на извѣстной высотѣ, то согласимся, что пристрѣлка вліяетъ на результатъ пораженія въ этомъ случаѣ еще болѣе, а потому предѣльная дистанція, на которой въ бою можно достигнуть серьезнаго пораженія противника, еще больше будетъ зависѣть отъ человѣка, т. е. отъ состоянія его зрѣнія, а не отъ системы орудія.

Разбирая вопросъ относительно нравственнаго впечатлѣнія, которое огонь нашей артиллеріи произведетъ на наши войска и на противника, приведу прежде всего мнѣніе по этому вопросу одного военного писателя и участника послѣдней кампаніи, который говорить такъ: «Съ мѣткой стрѣльбой совершенно неправильно связываютъ понятіе о ея дѣйствительности. Наболѣе мѣткая стрѣльба не есть еще болѣе дѣйствительная. Таковая стрѣльба будетъ та, которая произведетъ на противника въ данную минуту наибольшее впечатлѣніе» (1).

Не согласиться съ этимъ взглядомъ на дѣло, конечно, нельзя и нельзя не сознать, что батарея, стоящая отъ непріятели на версту, и вся имъ видимая, произведетъ гораздо больше впечатлѣнія, чѣмъ очень мѣтко стрѣляющая, но гдѣ то за три версты. Гранату или шрапнель, вылетѣвшую изъ дула орудія на близкихъ дистанціяхъ, непріятель видитъ хорошо и думаетъ, что въ кого нибудь да снарядъ попадѣ; на брошенный же снарядъ съ дальнихъ дистанцій обращать вниманіе только тѣ, въ кого онъ попадетъ или ближніе къ нимъ. По справедливому замѣчанію генерала Драгомирова, гораздо страшнѣе по нравственному впечатлѣнію тотъ снарядъ, который находится еще въ дулѣ у непріятели, и выстрѣла котораго мы ожидаемъ, чѣмъ уже попавшій, ибо дѣйствительныя потери мы подсчитаемъ только послѣ боя, по результату же впечатлѣнія потерь, можетъ быть, еще и не существующихъ, мы можемъ оставить позицію и проиграемъ сраженіе. Справедливость этого взгляда подтверждалась часто въ прежнихъ бояхъ: хорошая пѣхота не разъ встрѣчала атаку противника безъ выстрѣла и бывало часто, что атакующія войска не выдерживали только этой тишины, останавливались, открывали безтолковый огонь и повертывали назадъ. Кое что въ родѣ этого подмѣчено и въ послѣднюю турецкую войну: при Гор-

(1) «Воспоминаніе офицера генеральнаго штаба о войнѣ 1877 года». *Пузмревскій*. «Воен. Сбор.». 1879 года, №№ 1—6.

номъ Бугаровѣ турки раньше открыли ружейный огонь, чѣмъ мы артилерійскій; они не понимали, почему наша цѣпь и артилерія не отвѣчаютъ ни однимъ выстрѣломъ на ихъ безтолковую трескотню съ дальнихъ дистанцій, но, наступавши сначала горячо, сильно замедлили движеніе. Мы въ этомъ бою открывали ружейный и артилерійскій огонь только съ близкихъ дистанцій. Здѣсь кстати скажу, что особенно сильную помощь въ этомъ сраженіи давала пѣхотѣ 5-я гвардейская конная батарея полковника Таля, но и сама несла довольно сильныя потери (до 10%). Случай, приведенный мною выше съ полубатареей Михайлова, которая, въ сраженіи при Чаркіоѣ, вынеслась за 150 шаговъ за цѣпь Пермскаго полка, и тѣмъ на столько опеломила турокъ, что они временно остановили атаку, доказываетъ тоже самое.

Разницу нравственнаго впечатлѣнія, которое дѣлаетъ артилерія на свои войска, когда подѣзжаетъ къ непріятелю близко и дерется локоть къ локтю со своей пѣхотой, сравнительно съ тѣмъ, когда она стрѣляетъ по преимуществу съ дальнихъ дистанцій, будетъ легко понять, если мы посмотримъ, какъ къ артилеріи относился солдатъ и начальникъ въ отрядахъ войскъ подъ Плевной и въ отрядѣ Шипкинскомъ, считая и тѣ войска, которыя были въ первомъ Забалканскомъ походѣ. 2-я батарея 2-й артилерійской бригады подъ Ловчей и Плевной, стрѣльбою съ дистанцій, больше двухъ тысячъ сажень, испортила изъ восьми орудій—шесть; затѣмъ стала въ бою въ первый разъ на дистанцію боеваго дѣйствительнаго выстрѣла (850 саж.) только къ вечеру 30-го августа на третьемъ гребнѣ Зеленыхъ горъ съ оставшимися годными двумя орудіями. Вся артилерія въ отрядѣ генерала Скобелева подъ Ловчей и Плевно вела бой до тѣхъ поръ исключительно на дальнихъ дистанціяхъ. На другой день, когда оставшіяся два орудія 2-й батареи вѣхали въ редутъ № 2-й и, поставленныя намаломъ барбетѣ, скатывались съ барбетовъ послѣ выстрѣла, пѣхота въ редутъ не помогала накатывать ихъ снова. Начальникъ отряда генералъ Скобелевъ самъ отказывается отъ присылки свѣжей батареи въ критическую минуту боя, которая въ нему была уже направлена.

Въ отрядахъ войскъ, дравшихся на Шипкѣ и въ первомъ Забалканскомъ походѣ, артилерія очень рѣдко, и то не по своей винѣ занимала дальнія позиціи, и за то тамъ взглядъ пѣхотнаго солдата и начальника на свою пушку выработался иной. Очевидецъ боя подъ Ени-Загрой рассказываетъ слѣдующее: «черезъ часъ (т. е. послѣ боя черезъ часъ) подходитъ къ батарее солдатикъ, никто не обращаетъ

на него вниманіе. Остановившись около дула, солдатъ минуты три въ какомъ-то безмолвномъ созерцаніи. Умильная, ласковая улыбка, съ которою солдатъ поглядѣлъ на орудіе, ясно говоритъ, что онъ относится къ этому орудію, какъ къ какому-то одушевленному предмету, способному замѣтить его ласковый, улыбающійся взглядъ. Вотъ чудакъ, думалось мнѣ, точно на лошадь любитъ. И какъ бы въ подтвержденіе моей мысли, солдатикъ подошелъ поближе къ орудію, потрепалъ его рукою и погладилъ казенную часть совершенно какъ лошадь» (1).

Во время боя у с. Марень, 22-го ноября, на помощь дравшемуся отряду подъ начальствомъ полковника Лермонтова спѣшилъ командиръ Орловскаго полка полковникъ Клевезаль съ двумя баталіонами своего полка. Баталіоны эти зарекомендовали себя еще раньше на Шипкѣ, зарекомендовали и въ этотъ день отчаянной, атакой на турокъ. Тѣмъ не менѣе Клевезаль обратился къ Лермонтову со словами (2): «мы васъ выручимъ, поддержите насъ только артилеріей». Этими словами полковникъ Клевезаль ясно показалъ, какимъ довѣріемъ въ его полку пользовалась артилерія, ибо, очевидно, слова сказаны не въ смыслѣ просьбы подготовить атаку артилерійскимъ огнемъ, на что не было время, а въ смыслѣ поддержки атаки огнемъ той пушки, которую солдатъ его любилъ, которой солдатъ довѣрялъ и всегда готовъ былъ погладить, какъ любимую лошадь. А Орловскій полкъ былъ не дурень относительно нравственныхъ боевыхъ качествъ и могъ бы легко обойтись безъ нравственной поддержки артилеріи. Но командиръ полка зналъ, какимъ довѣріемъ пользуется артилерія въ глазахъ солдатъ въ его полку, и зналъ, какъ сильно бьетъ она врага на ближнихъ дистанціяхъ и потому просилъ поддержать его артилеріей. Вотъ какъ, между прочимъ, полковникъ Лермонтовъ описываетъ нравственное состояніе орловцевъ, шедшихъ въ атаку съ полковникомъ Клевезалемъ и которые просили поддержать ихъ атаку артилеріей: «Люди эти красовались, кругомъ ихъ были только Балканы и смерть, но кто видѣлъ ихъ, никогда не забудетъ. При одномъ воспоминаніи ихъ дѣлается отрадно: бодрая, раскачивающаяся походка, свѣтящіеся глаза, полныя рѣшимости исполнить все безъ хитрости. Вся вина храбрыхъ орловцевъ была въ томъ, что они были храбрѣе, чѣмъ слѣдовало». И такая часть всетаки проситъ поддержки артилеріи, если сознаетъ

(1) «Артилерійскій Журналъ» 1879 г., № 1. *Политковский.*

(2) Драгунскій Военнаго Ордена полкъ подъ Маренюмъ и Еленой. *Лермонтовъ.* «Военный Сборникъ» 1880 г., № 11.

силу послѣдней и дралась прежде въ бою вмѣстѣ съ нею. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ одномъ отрядѣ солдатъ и начальникъ почти что отказываются отъ поддержки своей артилеріи, въ другомъ—прямо тяготеютъ, что имъ назначили ее въ отрядъ (осадная артилерія въ районѣ 9-го корпуса, о чемъ говорилъ выше), а въ третьемъ—безспорно молодецкая часть проситъ помощи артилеріи. Все зависило только отъ того, что въ одномъ случаѣ артилерія въ отрядѣ дѣйствуетъ только съ дальнихъ позицій, а въ другомъ—офицеръ посылаетъ выстрѣлъ за выстрѣломъ, ни сколько не обращая вниманія на то, что пули такъ и прыгали около лафетовъ (1). Слѣдовательно, для нравственной поддержки своей пѣхоты далеко не все равно: будетъ ли батарея стрѣлять на 1,500 саж. или на 500 саж.

Заканчивая разборъ вопроса о боевой дѣйствительности артилерійскаго огня, необходимо уяснить себѣ, на сколько артилерія стѣсняетъ дѣйствіе своей пѣхоты, оставаясь на дальнихъ дистанціяхъ и, въ связи съ этимъ, чтобы она могла не стѣснять это дѣйствіе, на сколько и при какихъ обстоятельствахъ возможна для артилеріи стрѣльба черезъ головы своихъ.

Боевыхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса привести я не могу. На маневрахъ участвовалъ часто и знаю, что батарея, которая остается далеко назади за пѣхотой, сильно стѣсняетъ ея дѣйствіе. Если часть расположена по обѣимъ сторонамъ батареи, а послѣдняя стрѣляетъ больше, чѣмъ на 1,000 саж., то посылка адъютанта съ приказаніемъ рысью отнять иногда не менѣе полчаса времени. Складки мѣстности, овраги, перерѣзывающіе позицію, перелѣски—все это заставитъ подать боевой порядокъ то вправо, то влѣво, чтобы имѣть возможность подойти къ непріятелю, по возможности укрываясь отъ его огня. Необходимость заставить въ это время не разъ закрыть батарею, если она останется далеко и геометрической чертежъ—треугольникъ или четырехугольникъ, представленный въ статьѣ Е. Кобозева, въ дѣлѣ построить не удастся никогда. Остается одно рѣшеніе—допустить стрѣльбу черезъ головы своихъ, а потому и надо разобрать, на сколько эта стрѣльба съ дальнихъ разстояній возможна и удобна.

Наши инструкціи для дѣйствія роты и баталіона въ бою, для дѣйствія въ бою отрядовъ изъ всѣхъ родовъ оружія и для дѣйствія артилеріи въ бою даютъ неточныя указанія въ подобномъ случаѣ. Первая изъ нихъ допускаетъ стрѣльбу черезъ головы, если артиле-

(1) «Изъ воспоминаній о русско-турецкой войнѣ». *Депредаговичъ*.

Т. ССII.—Отд. I.

рія расположена значительно выше, чѣмъ цѣль; вторая допускаетъ такую стрѣльбу, когда артилерія стрѣляетъ на 700 сажень и болѣе и, наконецъ, третья говоритъ, что гранатами возможно стрѣлять и черезъ головы своихъ войскъ, а именно, когда дѣйствія гранатъ можно хорошо наблюдать, напримѣръ: когда непріятель занимаетъ мѣстность возвышенную или, наоборотъ, долину, находящуюся значительно ниже нашихъ батарей. Въ другомъ мѣстѣ послѣдней инструкціи сказано, что, при расположеніи длинной линіи батарей, стрѣльба гранатой и шрапнелью черезъ головы своихъ необходимо должна быть допускаема. Въ третьемъ случаѣ, при описаніи момента атаки, прямо сказано, что стрѣльбу шрапнелью черезъ головы своихъ допустить нельзя, такъ какъ, при могущихъ быть преждевременныхъ разрывахъ, такая стрѣльба произведетъ весьма вредное впечатлѣніе на войска. Приведенныя выдержки не даютъ точныхъ указаній на дѣло; нельзя себѣ уяснить, допускается ли эта стрѣльба только въ исключительныхъ случаяхъ, когда артилерія не можетъ подѣхать ближе, или это удобный способъ стрѣльбы, который можетъ примѣняться всякій разъ, когда нужно.

Гофбауеръ, разбирая этотъ вопросъ уже послѣ послѣдней турецкой войны, высказывается вообще противъ дѣйствія артилеріи черезъ головы своихъ, основываясь главнымъ образомъ на томъ, что, при такомъ расположеніи артилеріи, придется прекратить огонь, по крайней мѣрѣ, за $\frac{1}{4}$ часа раньше, чѣмъ наши войска подойдутъ къ непріятелю. Вспомнимъ, что въ послѣдніе эти $\frac{1}{4}$ часа передъ атакой пѣхота пройдетъ не менѣе одной версты; вспомнимъ, что эта верста составляетъ именно то пространство, на которомъ опредѣляется окончательно пунктъ атаки и наступленіе ведется уже безповоротно, и мы придемъ къ тому заключенію, что, при стрѣльбѣ черезъ головы своихъ, артилерія не будетъ поддерживать своимъ огнемъ пѣхоту, именно въ самое горячее время.

Въ новомъ уставѣ германской артилеріи, выдержки изъ котораго я привелъ выше, вопросъ о стрѣльбѣ черезъ головы своихъ поставленъ опредѣленно; эта стрѣльба разрѣшается если, по убѣжденію артилерійскаго начальника, исключена всякая возможность опасности для своихъ. Вопросъ рѣшенъ очень толково, ибо разъ на рѣшеніе спеціалиста отдано заключеніе о томъ, есть ли опасность для своихъ, при стрѣльбѣ черезъ головы артилеріи, этотъ спеціалистъ будетъ очень остороженъ и всегда скорѣе раньше, чѣмъ позже прекратить эту стрѣльбу.

Вопросъ о стрѣльбѣ черезъ головы своихъ я разсмотрю отдѣль-

но въ зависимости отъ того, остается ли наша пѣхота на мѣстѣ или двигается въ атаку, и притомъ я буду говорить о томъ только, когда наши батареи находятся отъ непріятеля не далѣе 1,000 сажень, ибо признаю съ болѣе дальнихъ дистанцій стрѣльбу черезъ головы своихъ всегда возможною, но артилерійскій огонь мало дѣйствительнымъ. Въ первомъ случаѣ, т. е. когда идетъ только артилерійская канонада и мы выдвинули большую сплошную массу артилеріи, невозможно оставить большой интервалъ передъ фронтомъ батарей, и по необходимости впереди ихъ придется расположить пѣхотныя части, черезъ головы которыхъ артилерія будетъ стрѣлять. Въ этомъ случаѣ стрѣльба не будетъ представлять никакой опасности, ибо разстояніе между нашею цѣлью и непріятелемъ, а равно и между пѣхотными резервами и дуломъ нашихъ орудій всегда будетъ дальше указанныхъ А. Баумгартеномъ въ своей статьѣ «Артилерія въ полевомъ бою» (1), т. е. отъ дула орудій до нашей пѣхоты будетъ больше 250 сажень, а отъ нашей пѣхоты до непріятеля больше 150 сажень. Во второмъ случаѣ, когда идетъ не только артилерійская канонада, но и пѣхотный бой, или просто, когда наша пѣхота, нацѣленная уже начальникомъ, рѣшительно наступаетъ для атаки противника, положеніе дѣлъ будетъ другое. Изъ приведенныхъ выше примѣровъ подъ Ловчей мы видимъ, что въ одномъ и томъ же сраженіи мы затруднились открыть огонь на разстояніи около 1,100 сажень и не черезъ головы, а просто во флангъ турокъ, которыхъ атаковала стрѣлковая бригада генерала Добровольскаго; мы потеряли $\frac{1}{2}$ часа для того, чтобы узнать, турки или наши занимаютъ высоту № 2. Въ томъ же сраженіи мы пустили нѣсколько гранатъ по траншеямъ на Рыжей горѣ на разстояніи 930—1,050 сажень въ то время уже, когда траншеи были заняты нашими войсками, а передъ тѣмъ долго стрѣляли по нижнимъ траншеямъ послѣ того, когда послѣднія были уже брошены турками. Такіе примѣры приводятъ меня къ убѣжденію, что при разстояніи около 1,000 сажень отъ непріятеля вполне возможно стрѣлять въ него, если наша цѣль занимаетъ позицію на мѣстѣ на 150 сажень отъ непріятеля, какъ совѣтуетъ Баумгартенъ, но если идетъ бой или войска энергично наступаютъ въ атаку, то придется прекратить огонь далеко раньше, и я скорѣе въ этомъ случаѣ склоненъ согласиться съ мнѣніемъ Гофбауера.

Въ виду этого, мнѣ кажется, что нельзя вовсе рассчитывать под-

(1) «Военный Сборникъ». 1890 года, №№ 3, 4.

держатъ атаку пѣхоты стрѣльбою изъ орудій черезъ головы ея; или части артилеріи придется подѣхатъ на ближнюю дистанцію 400—500 сажень и стрѣлять въ интервалахъ или съ фланга, или подѣхатъ все-таки съ прежней позиціи на нѣсколько сотъ сажень и, продолжая стрѣльбу черезъ головы своихъ, перенести огонь также и черезъ головы непріятельской первой линіи, поражая только дальніе резервы, которые будутъ спѣшить на помощь атакуемому пункту. Подѣхатъ въ такомъ случаѣ ближе можно совершенно безъ риска, ибо въ то время огонь непріятеля весь будетъ сосредоточенъ на нашу пѣхоту, атаковую его. Наконецъ, если батарея не захочетъ дѣлать ни того, ни другого, то ей придется молчать во время атаки нашей пѣхоты, ибо стрѣльба съ прежней позиціи черезъ головы своихъ по дальнимъ резервамъ будетъ мало дѣйствительна за дальностью разстоянія.

Чтобы поддержать пѣхоту при атакѣ, при невозможности стрѣлять черезъ головы своихъ, артилеріи необходимо подѣзжать ближе, и теперь я разберу, гдѣ же будетъ предѣлъ той дистанціи, на которую артилерія можетъ приблизиться къ непріятелю. Подѣздъ артилеріи на ближнія дистанціи при извѣстныхъ условіяхъ вполне возможенъ, но между тѣмъ въ военной литературѣ по этому вопросу существуютъ крайне противоположныя взгляды на дѣло. Выше я привелъ мнѣніе командира 18-го французскаго корпуса, генерала Феррона, что артилерія никогда не должна приближаться къ пѣхотѣ ближе 1,500 метровъ. Французскій военный писатель, капитанъ Мошъ⁽¹⁾, въ своей статьѣ «*La poudre sans fumée et la tactique*» идетъ гораздо дальше и говоритъ, что, съ какой бы дистанціи огонь не былъ открытъ, надо стараться для артилерійскаго боя расположиться позднѣе на 2,500 метровъ (1,072 саж.) отъ непріятеля; но это не всегда возможно. Приближаться на болѣе близкое разстояніе—безполезно какъ для артилерійской дуэли, такъ и для подготовки атаки. Прусскій маіоръ Лайрицъ⁽²⁾ совѣтуетъ вести артилерійскій бой до дистанціи въ 500 сажень. Принцъ Гогенлоэ находитъ⁽³⁾, что разстояніе 1,000—1,200 метровъ (469—562 саж.) для артилеріи составляетъ довольно малую дистанцію, а для пѣхоты достигаетъ предѣла сферы ея дѣйствія. Онъ же говоритъ, что на этихъ

(1) «Боевое значеніе бездымнаго пороха». *А. Баумартенъ*. «Артил. Журн.» 1890 г., № 11.

(2) Тамъ же.

(3) «Полевая артилерія въ ея подчиненіи командирамъ корпусовъ». «Артил. Журн.» 1890 г., № 1.

разстояніяхъ огонь артилеріи отъ 30—50 разъ сильнѣе пѣхотнаго огня, который осиливаетъ артилерійскій огонь только на разстояніяхъ около 500 метровъ (234 сажени). Поэтому принцъ Гогенлоа совѣтуетъ, если атака пѣхотной части будетъ поддержана артилеріей, то пѣхотѣ приближаться безостановочно къ непріятелю до дистанціи 500 метровъ, предоставляя въ это время артилеріи поражать противника. Наконецъ, швейцарскій военный писатель Ротплицъ, разбирая тотъ же вопросъ, находитъ (1), что пѣхота, въ качествѣ оружія ближняго боя, должна примѣняться до дистанціи 1,000 метровъ, а артилерія, въ качествѣ оружія дальняго боя, на дистанціяхъ большихъ 1.000 метровъ. При общемъ развитіи боя, батарею, подѣхавшую на дистанцію меньше 1,000 метровъ, нельзя принудить къ отступленію, но тѣмъ не менѣе, безъ крайней надобности, не слѣдуетъ подвергать батарею пѣхотному огню на дистанціяхъ меньшихъ 600 метровъ (281 саж.) и во всякомъ случаѣ ее можно вводить въ сферу такого огня только тогда, когда непріятельская пѣхота вполне отвлечена борьбой съ нашей пѣхотой. Далѣе тотъ же авторъ говоритъ, что, при выѣздѣ батареи на 600 метровъ (281 сажень), а тѣмъ болѣе на 400—300 метровъ (187—140 саж.), надо ожидать, что батарея будетъ уничтожена пѣхотнымъ и шрапнельнымъ огнемъ, не будучи въ состояніи произвести какого нибудь дѣйствія. Наконецъ, въ заключеніи по этому вопросу авторъ говоритъ, что такой выѣздъ «долженъ быть отнесенъ къ бравадѣ, оправдываемой одной только удачей, — бравадѣ, изъ которой ни въ какомъ случаѣ нельзя выводить правила». Или далѣе: «Въ большинствѣ случаевъ, такое выбрасыванье артилеріи впередъ служитъ признакомъ того, что высшее командованіе потеряло голову».

Благодаря старымъ традиціямъ русской арміи, у насъ большинство мнѣній высказываются за необходимость допустить близкіе подѣзды. Такъ, инструкція Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, называетъ предразсудкомъ мнѣніе о бесполезности подѣздовъ къ непріятелю на очень близкія разстоянія (800—1,000 шаг.), а генераль Скобелевъ рекомендуетъ артилеріи при атакѣ обгонять пѣхоту и своимъ огнемъ, всегда страшнымъ съ близкихъ разстояній, колебать сердца противника. Наша инструкція для дѣйствія въ бою отрядовъ всѣхъ родовъ оружія также допускаетъ подѣзды артилеріи до 400 сажень и ближе къ непріятелю.

(1) «Бой полевой артилеріи». «Артил. Журн.» 1889 г., № 10.

Но и въ нашей артилеріи высказываются мнѣнія о невозможности поддерживать атаку пѣхоты огнемъ батарей, сопровождающихъ пѣхоту до самыхъ близкихъ дистанцій въ виду риска батарей быть уничтоженными въ самое короткое время. Я выше привелъ мнѣніе генерала Геймана, который не совѣтуетъ артилеріи подъѣзжать ближе 500 саж., чтобы не подвергать себя прицѣльному огню, а здѣсь приведу еще мнѣніе А. Баумгартена, высказанное имъ по этому вопросу въ статьѣ «Боевое значеніе бездымнаго пороха» (1). Авторъ статьи находитъ, что, при бездымномъ порохѣ, главный мотивъ защитниковъ ближняго подъѣзда, пресловутая «моральная поддержка», будетъ несостоятеленъ, ибо подъѣхавшая близко батарея будетъ уничтожена, а это, при отсутствіи дыма, будетъ видно пѣхотѣ, идущей въ атаку, и произведетъ на нее деморализующее впечатлѣніе. Затѣмъ онъ находитъ, что, при бездымномъ порохѣ, значительно облегчается наблюденіе за мѣстомъ паденія снарядовъ во время штурма съ батареей главной артилерійской массы, поддерживающей атакующія колонны, а потому уменьшается необходимость близкихъ подъѣздовъ. Наконецъ, онъ же говоритъ, что быстрое занятіе брошенной непріятельской позиціи батареями, сопровождающими пѣхоту въ атаку, есть полнѣйшая иллюзія, ибо эти батареи съ ближнихъ позицій, по всей вѣроятности, не будутъ въ состояніи тронуться съ мѣста за убылью лошадей. Прежде общаго заключенія по этому вопросу отвѣчу на приведенное мнѣніе А. Баумгартена. Авторъ, разбирая положеніе артилеріи въ послѣдній моментъ боя, кажется, упускаетъ изъ вида то обстоятельство, что хотя артилерійскій огонь будетъ въ это время и очень страшенъ, но главный родъ оружія будетъ тутъ все-таки пѣхота, идущая въ атаку. Поэтому плоха будетъ та непріятельская часть, которая въ это время займется разстрѣливаніемъ нашей артилеріи: этого именно и надо желать, ибо артилеріи такой непріятель не разстрѣляетъ (примѣръ шестыя батареи у Горняго-Дубняка на 300 саж. отъ редутовъ), а наша пѣхота свободно въ это время одолѣетъ противника.

Большинство приведенныхъ выше мнѣній признаетъ, что дѣйствительность артилерійскаго огня достигаетъ наибольшей силы на дистанціяхъ около 1,000 метровъ, и что пѣхотный огонь начинаетъ осиливать артилерійскій на дистанціяхъ около 500 метровъ. Это уже далеко не мнѣніе Е. Кобозева, что все равно: стрѣлять ли на

(1) «Артил. Журн.» 1890 г., № 11.

1,500 саж. или на 500. Затѣмъ, почти что всѣ признають большое значеніе моральной поддержки, которую артилерія доставляетъ своей пѣхотѣ, если подѣзжаетъ къ противнику на ближнія дистанціи. Все разногласіе въ мнѣніяхъ сводится на рѣшеніе вопроса о возможности для артилеріи выѣхать на ближнюю позицію безъ риска полного уничтоженія раньше, чѣмъ принесетъ пользу пѣхотѣ своимъ выѣздомъ, т. е. сводится къ рѣшенію вопроса о возможномъ и невозможномъ въ бою. По этому вопросу уже давно высказалъ свое мнѣніе нашъ извѣстный военный писатель генераль Драгомировъ, которое и позволю себѣ привести здѣсь: «человѣкъ иногда и самъ неспособенъ опредѣлить, что онъ можетъ сдѣлать, и эта неспособность доходить до того, что иногда, уже сдѣлавъ дѣло, онъ недоумѣваетъ, какимъ образомъ онъ могъ это сдѣлать. Способность въ командующемъ человѣкѣ довести эту измѣнчивую силу въ своихъ до наибольшаго возможнаго напряженія къ моменту окончательной схватки и подорвать ее у непріятеля играетъ роль до такой степени громадную, что уравниваетъ всѣ прочія невыгоды нашего и преимущества непріятельскаго расположенія». Тотъ же генераль Драгомировъ, бывши нашимъ военнымъ агентомъ при прусской арміи, во время Австро-Прусской войны 1866 года, хорошо характеризовалъ⁽¹⁾ одного изъ выдающихся корпусныхъ командировъ, генерала Штейнмеца, который особенно былъ способенъ добиться отъ своихъ войскъ полного напряженія силъ. Генераль Драгомировъ рассказываетъ, что Штейнмецъ, почти что 70-ти-лѣтній старикъ, обязательно пропускалъ мимо себя въ походной колоннѣ весь корпусъ на каждомъ переходѣ, а на бивакѣ прежде всего заботился накормить солдата. Но когда генераль Драгомировъ, послѣ боя подъ Скалицемъ, обратился къ Штейнмецу съ вопросомъ, какъ онъ могъ взять такую неприступную позицію и чтобы онъ сдѣлалъ, если бы войска ее не взяли, то Штейнмецъ отвѣчалъ: «послалъ бы въ другой разъ, въ третій и посылалъ бы до тѣхъ поръ, пока не взяли бы». Такой начальникъ и съ артилеріей можетъ сдѣлать, что захочетъ и тутъ все дѣло заключается именно въ томъ, что Штейнмецъ, пропуская ежедневно мимо себя корпусъ, зналъ, въ какомъ состояніи находятся его войска, а, заботясь о продовольствіи солдата, былъ увѣренъ, что силы послѣдняго не подорваны. Такой начальникъ, конечно, зналъ хорошо боевыя качества какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ своего корпуса, а тѣ были увѣрены, что

(1) «Австро-Прусская война». Драгомировъ.

приказаніе генерала Штейнмеца не исполнить нельзя. Вотъ и отвѣтъ на то, почему Штейнмецу оказалось возможнымъ взять Скалицъ.

Что касается выѣзда батареи противъ непріятели на самыя близкія дистанціи, то, по моему, выѣздъ этотъ всегда возможенъ даже безъ большихъ потерь, но при содѣйствіи другихъ частей; приведенные выше тактическіе примѣры подтверждаютъ это. Причина такой возможности, есть извѣстное свойство человѣческаго характера: положимъ, что я борюсь съ человѣкомъ довольно сильнымъ, сознаю его силу, но все-таки его одолеваяю. Въ это время его сынишка, подростокъ, дастъ мнѣ сзади хорошаго тумака или щипка. Я сознаю, что мнѣ опасенъ борець, а не его сынишка, тумакъ котораго, однако, все-таки чувствителенъ; я сознаю, что мнѣ сначала надо одолѣть борца, а потомъ уже можно наказать и сынишку, но легко могу сдѣлать и обратно: бросить борца и обратиться назадъ. Такъ и непріятельская батарея и стрѣлки, видя выѣздъ нашей батареи на ближнюю позицію и зная, что батарея будетъ имъ очень опасна, когда снимется съ передковъ и пристрѣляется, навѣрное обратятъ весь огонь на стрѣлковъ во время выѣзда батареи, если тѣ будутъ сильно допекать ихъ огнемъ въ это время. Поэтому пѣхота наша должна хорошо знать, что, пока батарея выѣзжаетъ на позицію и пристрѣливается, она есть мертвая масса и огромная цѣль—не больше; но за то, когда батарея пристрѣляется, пѣхота должна быть увѣрена, что наша артилерія есть страшная сила, способная одна одолѣть врага. Увѣренность эта пріобрѣтается боемъ совокупно вмѣстѣ; не только надо драться на одной позиціи, *но надо драться непременно вмѣстѣ*. Поэтому выраженіе, прикрытіе артилеріи, я считаю невѣрнымъ: не прикрытіе надо назначать къ артилеріи, а надо на извѣстный участокъ позиціи назначать отрядъ изъ пѣхоты и артилеріи, а иногда и изъ кавалеріи. При этомъ на участокъ долженъ быть назначенъ непремѣнно одинъ общій начальникъ, пѣхотинець, кавалеристъ или артилеристъ, смотря потому, какая главная цѣль поставлена отряду. Преслѣдуя одну, поставленную отряду, цѣль, начальникъ можетъ быть найдеть необходимымъ вызвать батарею на самую ближнюю позицію, но у него будутъ въ рукахъ средства, чтобы артилерія могла утвердиться на позиціи безъ большихъ потерь. Начальникъ въ такомъ случаѣ навѣрно распорядится направить самый сильный огонь пѣхоты на тѣ непріятельскія части, которыя могутъ поражать батарею во время выѣзда ея на позицію; можетъ быть потребуется въ этомъ случаѣ и содѣй-

ствіе кавалеріи для отвлеченія силъ противника. Когда же наша батарея утвердится на новой позиціи, то она возьметъ сама на себя заботу управиться съ огнемъ непріятельской пѣхоты, примѣръ чему представляетъ случай съ шестью батареями гвардейской артилеріи подъ Горнимъ-Дубнякомъ, которыя, утвердившись на позиціи на 300 саж. отъ редута, уже не несли потерь и не позволяли ни одному турецкому стрѣлку высунуть голову изъ редута. Если же пѣхотный начальникъ назначить специальное прикрытіе для артилеріи, то онъ навѣрное тѣмъ самымъ умоетъ руки и артилерія въ бою очутится хотя на одномъ полѣ сраженія съ пѣхотой, но дѣйствовать будетъ отдѣльно отъ нея. При такомъ положеніи дѣла артилерія не можетъ поддерживать боя на ближнихъ дистанціяхъ, что и оказалось въ бою подъ Плевной на лѣвомъ нашемъ флангѣ, а потому нельзя согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ статьѣ «Ловча, Плевна и Шейново», авторъ которой говоритъ: «Кто былъ въ горячемъ бою, тотъ знаетъ, какъ дорого цѣнить каждого частнаго начальника, если онъ не нуждается въ помочахъ, если ему не только не надо давать азбузныя указанія, когда и что дѣлать, но онъ самъ по своей инициативѣ принимаетъ мѣры сообразно общему ходу дѣла, когда онъ самъ подчасъ укажетъ и исправитъ промахи и недосмотры главнаго начальника, неизбѣжныя въ бою. Поэтому, чѣмъ съ большею самостоятельностью оказался бы начальникъ артилеріи лѣваго фланга, чѣмъ энергичнѣе и смѣлѣе дѣйствовалъ бы онъ, тѣмъ драгоцѣннѣе была бы его помощь, тѣмъ радостнѣе и сердечнѣе привѣтствовалъ бы его генераль Скобелевъ». Если въ отрядѣ генерала Скобелева не было назначено общаго начальника артилеріи и таковая не была разбита по участкамъ позиціи вмѣстѣ съ пѣхотой подъ командой начальниковъ участковъ, то значить, что генераль Скобелевъ самъ хотѣлъ управлять дѣйствіемъ артилеріи и потому отвѣтъ за ея употребленіе лежитъ на немъ, а не на командирахъ артилерійскихъ бригадъ.

Изъ всего, что я приводилъ въ подтвержденіе своего мнѣнія о необходимости для артилеріи вести бой на среднихъ и малыхъ дистанціяхъ, могутъ подумать, что я защищаю только близкіе подъѣзды къ непріятелю, въ противоположность Е. Кобозеву, который защищаетъ только одни дальніе. Нѣтъ, невѣрно ни то, ни другое: какъ Е. Кобозевъ допускаетъ ближніе подъѣзды, такъ и я допускаю батареи иногда остаться на дальнихъ дистанціяхъ и прибавлю, что дистанціи какъ первоначальнаго выѣзда, такъ и дальнѣйшихъ подъѣздовъ опредѣляется совсѣмъ другими соображеніями, а именно:

цѣлью дѣйствія и возможностью выбрать удобную позицію для артиллеріи. Но между взглядомъ на дѣло моимъ и Е. Кобозева будетъ рѣзкая противоположность: Кобозевъ говоритъ, что для артиллеріи рѣшительно все равно: стрѣлять ли на 500 саж. или на 1,500, а я скажу, что мнѣ мало и интереса знать, будетъ ли это все равно для артиллеріи. Она дерется въ составѣ отряда на участкѣ позиціи, а потому она должна стремиться туда, куда требуетъ цѣль, поставленная отряду. Такъ какъ конечная цѣль отряда—это позиція непріятели, то въ принципѣ, конечная цѣль артиллеріи—послѣдній выстрѣлъ въ упоръ; остановится же артиллерія тамъ, гдѣ того потребуютъ обстоятельства. Если она будетъ имѣть въ виду этотъ принципъ, то подъѣзды ея къ непріятелю на ближнія дистанціи будутъ часты, а если она приметъ за первую заповѣдь отдѣльный самостоятельный артиллерійскій бой, который и можно только вести на три версты, и сознаетъ при этомъ, что для нея все равно: стрѣлять ли на три версты, или на версту, то навѣрное въ большинствѣ случаевъ останется на три версты и, несмотря на дальнобойныя орудія, которыя могутъ еще усовершенствоваться, а также страшный нынѣ малодымный порохъ, будетъ на поляхъ сраженій оказывать не больше пользы, чѣмъ артиллерія подъ Плевной.

Я выше указалъ, что цѣлью, поставленною отряду для дѣйствія противъ непріятели, опредѣлится главнымъ образомъ время выѣзда артиллеріи на позицію, и дистанція, на которую она выѣдетъ первоначально противъ непріятели, а равно опредѣляются и дальнѣйшіе ея переѣзды. Очень компетентный судья въ этомъ дѣлѣ, окончившій специальное артиллерійское образованіе, долго служившій въ генеральномъ штабѣ и командовавшій армейскимъ полкомъ, а также основательно изучившій франко-германскую войну 1870—1871 годовъ, вотъ что говоритъ по этому вопросу: ⁽¹⁾ «Въ общемъ бою трехъ родовъ оружія поведеніе артиллеріи наиболѣе вліяло на исходъ боя. Ниже мы укажемъ, что вліяніе другихъ войскъ на дѣйствіе артиллеріи столь значительно, что даже такіе предметы, какъ оцѣнка позиціи, выборъ момента для выѣзда на нее, а также дистанціи стрѣльбы должны быть болѣе соображены съ общимъ ходомъ боя, нежели съ тѣмъ, что можетъ быть выгодно для одной артиллеріи. Иначе сказать, цѣлесообразное употребленіе артиллеріи именно и состоитъ въ томъ, чтобы оно было согласно съ дѣйствіемъ другихъ войскъ и общимъ положеніемъ дѣла».

⁽¹⁾ «Общія положенія, касающіяся употребленія артиллеріи въ бою». «Артиллерійскій Журналъ» 1875 г., № 6.

Въ подтвержденіе вѣрности такого взгляда на дѣло приведу два тактических примѣра, изъ которыхъ въ одномъ четыре германскія батареи выѣхали на позицію на возвышенность противъ французскаго кавалерійскаго бивака на разстояніи меньше 1,000 сажень и поступили неправильно, ибо не исполнили поставленной имъ цѣли дѣйствія. Въ другомъ случаѣ пять русскихъ батарей выѣхали на позицію противъ турецкихъ войскъ, расположенныхъ за рѣкою, при чемъ турецкая артилерія была расположена на 2,500 сажень отъ нашей, а турецкіе стрѣлки занимали опушку лѣса въ разстояніи 600 шаговъ. Наши батареи не могли нанести потерь туркамъ, сами же въ короткое время потеряли убитыми двухъ и ранеными 17, но выѣздъ былъ правильный, ибо поставленная цѣль была достигнута. Вотъ эти примѣры:

Вовремя франко-германской войны 1870 года⁽¹⁾, вторая германская армія переправлялась черезъ Мозель, чтобы обойти французскую армію, расположенную подъ Мецомъ, съ юга и отрѣзать ей путь отступленія на Парижъ. Первая прусская армія атаковала французовъ съ востока и добилась поставленной ей цѣли: задержать французовъ подъ Мецомъ возможно дальше, пока вторая германская армія не совершила переправы и не начала обходнаго движенія на западъ отъ Меца, фронтомъ къ этой крѣпости и тыломъ къ Парижу. Что дѣлаетъ въ это время французская армія, германцы не знали. Для выясненія положенія противника кавалерійской бригадѣ Реднера съ четырьмя конными батареями приказано было произвести рекогносцировку на западъ отъ Меца. Для этой бригады могло представляться три разнородныхъ случая, въ которыхъ дѣйствія ея должны были бы быть различны: 1) она могла встрѣтить сильную непріятельскую кавалерійскую завѣсу, даже поддержанную пѣхотнымъ отрядомъ, и въ такомъ случаѣ бригада Реднера со своими конными батареями должна была бы прорвать эту завѣсу во что бы то ни стало, не обращая вниманія на свои потери; 2) бригада Реднера могла бы наткнуться на колонну французовъ, отступающую отъ Меца на Парижъ, и въ такомъ случаѣ должна была бы завязать бой до прихода слѣдующихъ сзади пѣхотныхъ частей, чтобы тѣмъ самымъ задержать французскія войска и помочь 2-й германской арміи совершить обходное движеніе; 3) что и случилось: бригада наткнулась на бивакъ французской кавалерійской бригады Мюрата и ясно увидѣла, что французы стоятъ подъ Мецомъ. Начальникъ аван-

(1) «Франко-Германская война». Переводъ Ритера и Маслова.

гарда этой бригады (три эскадрона гусарь и одна батарея) вы́халъ на с-в. отъ Тронвиля на высоту и увидѣлъ французскій лагерь подъ Мецомъ. Ошибочныя распоряженія французскаго главнокомандующаго Базена дѣлали то, что французская армія исполняла желаніе германцевъ — стояла на мѣстѣ подъ Мецомъ, а потому, помня главную цѣль, бригадѣ Реднера слѣдовало отойти, французовъ не тревожить и слѣдить издали за положеніемъ вещей. Но желаніе во что бы то ни стало нанести вредъ непріятелю, не сообразуясь съ поставленною цѣлью дѣйствій, взяло свое: батарея Ширмера вы́хала на позицію на гору и съ разстоянія около 1,000 сажень, около 8¹/₂ часовъ утра, открыла огонь по биваку бригады Мюрата, которая быстро покинула бивакъ и въ большомъ безпорядкѣ исчезла къ востоку. Къ батарее Ширмера присоединились другія; всѣ онѣ пере́хали ближе къ непріятельскимъ бивакамъ на высоту около Вюнвиля, и до 9¹/₂ часовъ утра продолжали обстрѣливать французскіе биваки у Резонвиля. Что же изъ этого вышло? Конечно, бригада Мюрата должна была пострадать сильно, но она въ тотъ же день принимала уже дѣятельное участіе въ бою и, слѣдовательно, не была даже окончательно разстроена, а на французскую пѣхоту паника не распространилась вовсе. Ближайшія французскія пѣхотныя дивизіи выстроили боевой порядокъ, конная артилерія прусаковъ попала подъ огонь французскихъ стрѣлковъ и, потерявши значительно, отошла назадъ уже въ 9¹/₂ часовъ утра.

Преждевременная завязка боя, пока еще не подошли обходныя колонны, имѣла послѣдствіемъ большую убыль въ германской арміи въ этомъ сраженіи (при Марсъ-ла-Турѣ), ибо вездѣ головы колоннъ встрѣчали превосходныя силы французовъ; только въ 11¹/₂ часовъ утра 5-я дивизія ввела въ дѣло три полка, а 24-й полкъ въ центрѣ позиціи расположился по-ротно въ одну линію, для удержанія натиска непріятеля. Одинъ этотъ полкъ потерялъ 52 офицера и до 1,000 нижнихъ чиновъ. Чтобы сколько нибудь задержать наступленіе французовъ въ центрѣ, пришлось рѣшиться на отчаянную кавалерійскую атаку бригады Бредова, которая задержала наступленіе французовъ не болѣе, какъ на полъ часа, но воротилась въ самомъ разстроенномъ состояніи, потерявъ 331 человекъ и 409 лошадей. Но если бы батареи не завязали бой несвоевременно и вообще бригада Реднера не укланилась отъ выполненія поставленной ей цѣли рекогносцировать, а не завязывать бой, то сраженіе началось бы значительно позднѣе, пѣхотныя колонны германской арміи успѣли бы подойти, вся германская армія не была бы

поставлена въ этотъ день въ очень затруднительное положеніе и потери были бы гораздо меньшія.

Другой примѣръ: 3-го января 1878 года колонна графа Шувалова перешла въ бродъ рѣку Марицу во время ледохода и заночевала на бивакѣ. Бродъ былъ глубокій, выше пояса. На слѣдующій день, имѣя въ виду задержать турокъ до прибытія правой колонны генерала Вельяминова, нѣсколько отставшей, графъ Шуваловъ вступилъ въ бой съ турками, крайне для него тяжелый, какъ по тому, что онъ былъ значительно слабѣе турокъ, такъ и по причинѣ сильнаго утомленія людей, вслѣдствіе крайне тяжелой переправы въ бродъ. Колонна принца Ольденбургскаго, наступавшая по лѣвому берегу Марицы на Филиппополь, пройдя около версты отъ хана Айдакюй, выдвинула на позицію къ рѣкѣ Марицѣ батареи 1-й гв. арт. бригады противъ непріятельскихъ батарей, расположенныхъ по правому берегу рѣки Марицы въ разстояніи 2,500 саж. и противъ стрѣлковъ, занявшихъ опушку лѣса въ разстояніи около 600 шаговъ. Въ короткое время пять батарей, понесши потери убитыми двухъ и ранеными 17, конечно не могли за рѣкой потревожить турокъ при этой обстановкѣ, но выѣздъ на позицію батарей былъ правильный и цѣль дѣйствія достигнута: отрядъ принца Ольденбургскаго привлекъ на себя часть турецкихъ силъ и тѣмъ облегчилъ тяжелое положеніе графа Шувалова до прихода колонны генерала Вельяминова.

Заканчивая свое возраженіе на статью Е. Кобозева, я долженъ сказать слѣдующее: самъ авторъ пишетъ, что, не имѣя боеваго опыта, онъ говоритъ цифрами; группировка этихъ цифръ безъ ввода очень серьезной величины—боевой обстановки и привели автора къ невѣрному заключенію о возможности для артилеріи въ бою нанести серьезное пораженіе противнику съ дальнихъ дистанцій безъ поддержки пѣхоты. Только взаимная и самая крѣпкая связь въ бою артилеріи съ пѣхотой и кавалеріей дозволить первой принести всю ту огромную пользу, которую наша армія можетъ отъ нея ожидать. Драться непремѣнно надо всѣмъ вмѣстѣ, а не порознь, а для этого артилеріи въ концѣ боя часто придется стоять на позиціи подъ огнемъ непріятельской пѣхоты. Артилерія должна знать, что серьезныя потери можно только тогда нанести врагу, когда она не задумывается нести ихъ и сама. Но чтобы возможно было такое веденіе боя, надо, чтобы на извѣстномъ участкѣ позиціи всѣ роды оружія были подчинены безусловно одному начальнику, который долженъ ставить всѣмъ одну общую цѣль дѣйствія и наблюдать за ея испол-

неніемъ. Для этого начальникъ долженъ знать не только тактику полевой артилеріи, но и умѣть ее употреблять, а чтобы умѣть, надо въ мирное время возможно чаще маневрировать съ нею; офицерскія тактическія занятія вести вмѣстѣ пѣхотнымъ, кавалерійскимъ и артилерійскимъ частямъ и непременно почаще присутствовать офицерамъ другихъ родовъ оружія на практической стрѣльбѣ и на строевыхъ ученьяхъ артилеріи. Общая офицерская библіотека, въ которой обязательно были бы всѣ необходимыя сочиненія, должна быть въ порядкѣ и должно быть устроена удобно для занятій въ самой библіотекѣ. Пока мы не дадимъ полную возможность офицеру въ мирное время хорошо знакомиться со своей артилеріей, мы не имѣемъ даже права претендовать, что въ военное время онъ не умѣетъ ею распорядиться, и потому въ бою идетъ рознь между различными родами оружія, отчего артилерія иногда не приноситъ и десятой части той пользы, которую отъ нея мы имѣемъ полное право ожидать.

А. Павловъ.

УЧЕБНАЯ ПОДГОТОВКА ПРАПОРЩИКОВЪ ЗАПАСА И ЗАУРЯДЪ-ПРАПОРЩИКОВЪ.

Приказами по военному вѣдомству 1886 года № 55-й и 1891 г. № 137-й введены въ нашей арміи два новыхъ званія—прапорщика запаса—для всѣхъ родовъ оружія, и заурядъ-прапорщиковъ—для полевой, резервной, крѣпостной пѣхоты и нѣкоторыхъ вспомогательныхъ войскъ. Такимъ образомъ, къ исполненію офицерскихъ обязанностей въ военное время привлечена новая категория лицъ, изъ которыхъ, прежде, одни—за недостаткомъ специальной подготовки и военнаго воспитанія, другіе,—за отсутствіемъ общаго образованія, признавались не соотвѣтствующими для несенія офицерской службы. И та, и другая мѣры вызваны были сознаніемъ недостаточности существующихъ средствъ и способовъ замѣщенія въ мобилизованныхъ войскахъ свободныхъ офицерскихъ вакансій лицами, удовлетворяющими всѣмъ требованіямъ для производства въ офицерскій чинъ. Первоначально рѣшившись сдѣлать, введеніемъ прапорщиковъ запаса, извѣстный допускъ въ служебномъ и военно-образовательномъ цензѣ новаго офицерскаго состава, правительство приняло мѣры, которыми, болѣе или менѣе, обезпечивалась бы подготовка такихъ лицъ. Мѣрами этими явились: 1) увеличеніе срока службы для молодыхъ людей, пользующихся правами по образованію, составляющими исключительный контингентъ прапорщиковъ запаса; 2) установленіе испытанія на этотъ чинъ по особой программѣ, и 3) организація учебныхъ сборовъ.

Съ теченіемъ времени постоянно возрастало число молодыхъ людей, отбывающихъ воинскую повинность на сокращенныхъ правахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возрастало и число прапорщиковъ запаса, но тѣмъ не менѣе не на столько, чтобы устранялась бы необходимость заботиться о замѣщеніи, все же остававшихся свободными, офицерскихъ вакансій въ мобилизованныхъ частяхъ, и для этой надобности, приказомъ по военному вѣдомству № 137, была призвана но-

вая категория лицъ—заурядъ-прапорщиковъ, по отношенію какъ образовательнаго, такъ и служебнаго ценза которыхъ, сдѣланъ еще большій допускъ и при томъ безъ установленія какихъ-либо особыхъ, затрудняющихъ условій, для достиженія этого званія.

Хотя контингентъ прапорщиковъ запаса, по общимъ отзывамъ, и можетъ считаться полезнымъ для службы, но, намъ кажется, онъ оставляетъ за собою желать еще многого, и при надлежащей постановкѣ дѣла, нисколько не измѣняя основныхъ положеній объ этомъ званіи и не выходя изъ установленной программы, могъ бы быть значительно болѣе подготовленнымъ; что касается заурядъ-прапорщиковъ, то лица эти, являясь въ военное время на службу въ качествѣ офицеровъ лишь съ тѣми взглядами и съ тѣмъ запасомъ знаній, который былъ ими усвоенъ въ нижнемъ званіи, не имѣя за собою практики въ исполненіи офицерскихъ обязанностей въ теченіе учебныхъ сборовъ, не могутъ быть признаны удовлетворительными даже по сравненію съ однородной категоріей лицъ—прапорщиковъ запаса. Поэтому, если полезно было бы улучшить подготовку прапорщиковъ запаса, то это еще болѣе было бы желательно и, равнымъ образомъ, возможно, въ отношеніи заурядъ-прапорщиковъ.

Въ настоящее время, во всѣхъ почти европейскихъ арміяхъ, такъ же, какъ и въ нашей, добавочный офицерскій составъ во многомъ уступаетъ постоянному составу мирнаго времени, и съ этимъ приходится мириться, стараясь лишь принимать мѣры къ тому, чтобы составъ этотъ былъ возможно совершеннѣе и однообразнѣе въ своей подготовкѣ.

По нашему мнѣнію, одной изъ серьезныхъ мѣръ, обезпечивающихъ нашей арміи добавочный контингентъ офицеровъ, соответствующій, какъ по количеству, такъ и въ отношеніи учебной подготовки дѣйствительной потребности военнаго времени и притомъ безъ всякихъ расходовъ для казны, является *введеніе въ программу обязательныхъ занятій нижнихъ чиновъ, пользующихся правами по образованію, особой подготовки на званіе прапорщика запаса, но столько же обязательной, какъ по отношенію къ другимъ нижнимъ чинамъ строевое образованіе и знаніе извѣстныхъ теоретическихъ свѣдѣній*. Такимъ образомъ, всякій молодой человекъ, поступающій на службу на сокращенный срокъ, долженъ быть подготовленъ на званіе офицера запаса, *подъ отвѣтственностью и руководствомъ своего начальства*, и разъ такое служебное требованіе будетъ предъявлено, то оно, конечно, будетъ достигнуто, тѣмъ

болѣе, что, при надлежащей организаціи дѣла, это не представляетъ особаго затрудненія.

Постановка вопроса подготовки на званіе офицера запаса, какъ предметъ служебно-обязательный для извѣстной категоріи лицъ, является, по нашему мнѣнію, не только полезной и желательной мѣрой, но и справедливой, такъ какъ вполне правильно и даже согласно съ педагогическими приѣмами расширять требованіе соотвѣтственно развитію обучаемого, и если отъ неграмотнаго или полуграмотнаго рядоваго требуется одно, то отъ интеллигентнаго и развитаго человѣка возможно потребовать гораздо большаго.

Съ другой стороны, если признается возможнымъ изъ молодаго солдата (однолѣтка) въ теченіе семи мѣсяцевъ курса учебной команды сдѣлать весьма отвѣтственного начальника съ извѣстными правами и обязанностями, то еще болѣе вѣроятно и необходимо выработать изъ развитаго человѣка, въ тотъ же промежутокъ времени, болѣе или менѣе удовлетворительнаго офицера запаса.

Для большей систематичности и удобства подготовки, съ началомъ осеннихъ занятій (съ 15-го сентября по 1-е мая) слѣдовало бы выдѣлять въ отдѣльныя команды всѣхъ молодыхъ людей, поступившихъ на службу на сокращенные сроки, поручивъ особому офицеру вести, какъ строевое обученіе, такъ и теоретическія занятія въ командѣ, по соотвѣтственно выработанной программѣ и распisanію.

Подобное выдѣленіе молодыхъ людей разсматриваемой категоріи было бы желательно не только въ видахъ удобства занятій, но и потому, что въ настоящее время совершенно не вызывается особой служебной надобности, для лицъ, пользующихся правами по образованію, прохожденіе службы въ ротахъ наравнѣ съ прочими нижними чинами. Съ введеніемъ общеобязательной воинской повинности, при предположеніи гораздо меньшихъ офицерскихъ кадровъ, положеніе лицъ этихъ въ ротахъ, лишь, какъ привилегированныхъ нижнихъ чиновъ, отбывающихъ повинность, было вполне естественно, такъ какъ этимъ удовлетворялась идея общеобязательности службы, а войска, имѣя достаточный числомъ, и надлежаще подготовленный, кадръ офицеровъ, не ощущали никакой надобности въ молодыхъ людяхъ этихъ, тѣмъ болѣе, что они, служа по три или по шести мѣсяцевъ, не могли даже принести какой-либо пользы своимъ частямъ войскъ.

Но въ настоящее время, когда появилась такая настоятельная потребность въ добавочномъ офицерскомъ составѣ, вопросъ службы и обученія нижнихъ чиновъ, пользующихся правами по образова-

нiю, не можетъ не получить особаго значенiя, такъ какъ установленнаго для нихъ срока службы даже много, чтобы обучить ихъ какъ нижнихъ чиновъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, при существующемъ положенiи дѣла, едва лишь можетъ хватать для надлежащей учебной подготовки и военнаго воспитанiя будущихъ офицеровъ запаса, къ каковой роли въ дѣйствительности, съ объявленiемъ мобилизаци, могутъ быть призваны, согласно послѣднихъ распоряженiй, *всѣ* молодые люди, пользующiеся правами по образованiю.

Въ настоящее время въ ротахъ, какъ практическое строевое, такъ и теоретическое обученiе сокращенно-служащихъ ведется не по особой программѣ, какъ это слѣдовало бы требовать, вслѣдствiе особой образовательной подготовки лицъ этихъ, но вмѣстѣ съ прочими нижними чинами роты соответствующихъ категорiй. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что ротные командиры, по разнымъ причинамъ, предпочитаютъ не имѣть всякаго рода привилегированныхъ лицъ, и какъ непосредственно мало заинтересованные и отвѣтственные въ надлежащей подготовкѣ молодыхъ людей этихъ, очень часто сами даже отвлекаютъ ихъ отъ занятiй для исполненiя разныхъ письменныхъ работъ въ ротѣ. Понятно, лица, поставленные въ такое положенiе, даже при удовлетворительности всѣхъ прочихъ условiй, не могутъ получить сколько-нибудь удовлетворительной подготовки. Съ другой стороны, на ряду съ этимъ является недостатокъ военнаго воспитанiя, какъ слѣдствiе весьма разнообразнаго, въ зависимости отъ взглядовъ, отношенiя ближайшаго начальства, къ привилегированнымъ по образованiю лицамъ, что, конечно, влечетъ за собою разнообразiе, въ еще большей степени, во взглядахъ на службу и военныхъ привычкахъ подчиненныхъ.

Для той части молодыхъ людей, которые предполагаютъ продолжать службу, пребыванiе въ ротахъ является переходной ступенью, такъ какъ въ юнкерскихъ училищахъ они вновь начинаютъ все съ азбуки. Другая категорiя лицъ, съ окончанiемъ срока службы, уходитъ въ запасъ съ тѣми знанiями, которыя приобрѣли въ перiодъ пребыванiя подъ знаменами. Большинство изъ нихъ выдерживаетъ довольно успѣшно установленное испытанiе, конечно, благодаря снисходительности требованiй, такъ какъ изученiе всѣхъ необходимыхъ свѣдѣнiй производится на скорую руку и притомъ, безъ надлежащаго направленiя, руководства и виѣ отвѣтственности своего начальства. Поэтому молодые люди уходятъ въ запасъ со званiемъ прапорщика, оставаясь, въ большинствѣ, также чужды военной службѣ по духу, привычкамъ и знанiямъ, какъ и до поступленiя,—

и только, благодаря учебнымъ сборамъ, прапорщики запаса болѣе или менѣе знакомятся со службой и готовятся къ своей роли офицеровъ.

При современномъ напряженіи нашихъ вооруженныхъ силъ почти весь образованный контингентъ арміи призывается въ военное время къ офицерскимъ должностямъ, по этому нѣтъ основанія въ мирное время смотрѣть на контингентъ этотъ исключительно лишь, какъ на нижнихъ чиновъ; напротивъ, необходимо стараться, надлежащимъ обученіемъ, и если возможно, то и воспитаніемъ, еще въ мирное время слить лицъ этихъ съ постояннымъ офицерскимъ составомъ, и тѣмъ заручиться помощниками, если не вполне совершенно подготовленными, то во всякомъ случаѣ не чуждыми по духу офицерской корпораціи, часть которой они предназначены составлять.

Исходя изъ вышеизложенныхъ основаній, выдѣленіе всѣхъ молодыхъ людей, пользующихся правами по образованію, изъ ротъ, въ отдѣльныя команды, нисколько не подрывая дисциплины, не можетъ не отразиться благоприятно въ вышеуказанномъ направленіи, чему нагляднымъ доказательствомъ служатъ офицеры изъ военныхъ училищъ, стоящіе совершенно внѣ казармъ, и тѣмъ не менѣе являющіеся въ части войскъ вполне воспитанными въ военномъ отношеніи.

Съ другой стороны, не находя никакой пользы въ прохожденіи службы лицами, пользующимися правами по образованію, въ ротахъ, мы расположены усматривать въ настоящее время въ этомъ вредъ, такъ какъ отсутствіе работы, соотвѣтствующей развитію, порождаетъ лѣнь, апатію къ службѣ и недостатокъ серьезнаго отношенія къ ней, что вмѣстѣ представляетъ для прочихъ нижнихъ чиновъ дурной примѣръ.

Выдѣленіе же молодыхъ людей, служащихъ на сокращенныхъ правахъ, въ отдѣльныя команды, даетъ возможность начальникамъ частей руководить изъ года въ годъ равномернымъ и одинаковымъ обученіемъ людей, необходимыхъ для службы въ военное время и могущихъ быть болѣе или менѣе полезными, въ зависимости отъ степени затратъ на нихъ времени и трудовъ.

Матеріальныя расходы на организацію подобнаго рода командъ будутъ весьма незначительны, такъ какъ команда эта въ хозяйственномъ отношеніи можетъ быть соединена съ учебной, составляя лишь отдѣльный классъ, для котораго потребуются незначительныя затраты на приобрѣтеніе нѣкоторыхъ учебныхъ пособій. Расходъ кадра можетъ быть ограниченъ однимъ офицеромъ, завѣдующимъ командою, двумя унтеръ-офицерами, преимущественно

изъ числа лицъ, обучавшихся уже въ командѣ и остающихся въ службѣ на двухъ и трехъ лѣтнихъ правахъ и 2—3 рядовыми, уборщиками помѣщеній. Если бы со временемъ выяснилась необходимость увеличить этотъ расходъ, то это *необходимо и возможно* сдѣлать, нисколько не ослабляя общей подготовки частей уже потому, что въ военное время мало-мальски обученный офицеръ, конечно, гораздо важнѣе десятка обученныхъ нижнихъ чиновъ.

Общій надзоръ за веденіемъ занятій могъ бы быть ввѣренъ наблюдающему за учебной командой, съ участіемъ его по нѣкоторымъ отдѣламъ преподаванія. Кромѣ строеваго образованія и теоретической подготовки, при правильной организациі команды занятій въ нихъ, могли бы достигаться извѣстныя военно-воспитательныя цѣли, предъявляя къ обучаемымъ однѣ и тѣ же систематическія требованія, прививая къ нимъ, путемъ бесѣдъ и чтеній, воинскій духъ, приучая къ строгому порядку службы и дисциплинѣ. По окончаніи восьмимѣсячнаго курса обученія, къ 1-му мая, возможно было бы произвести испытаніе, по степени успѣшности котораго, обучаемые, съ производствомъ въ унтеръ-офицеры, считались бы кандидатами на званіе прапорщика запаса или заурядъ-прапорщика. Затѣмъ, молодые люди, поступившіе на службу лишь для отбыванія воинской повинности, *возвращаются въ свои роты для обязательнаго командованія въ строю взводами и полуротами и заведыванія этими частями въ порядкѣ внутренней службы съ правами младшаго офицера*, какъ это принято для подпрапорщиковъ.

Въ этомъ отношеніи, намъ кажется, успѣшное окончаніе особаго подготовительнаго учебнаго курса должно молодому человѣку дать право, еще въ званіи нижняго чина, занять на нѣсколько мѣсяцевъ, какъ въ строю, такъ и въ порядкѣ внутренней службы, то мѣсто, которое ему будетъ предоставлено, спустя нѣкоторый промежутокъ времени, когда онъ, въ званіи прапорщика запаса или заурядъ-прапорщика, будетъ, по своимъ знаніямъ и привычкамъ, гораздо менѣе соответствовать занимаемому положенію.

На практику, въ отношеніи офицерской дѣятельности своихъ новыхъ помощниковъ, ротные командиры обратятъ надлежащее вниманіе, если даже не въ видахъ только пользы общаго дѣла, то какъ непосредственно заинтересованные и отвѣтственные въ обученіи *своихъ* нижнихъ чиновъ, являющихся для ротъ не на столько временнымъ и приплывъ элементомъ, какъ, въ настоящее время, прапорщики запаса. По окончаніи лагернаго сбора, въ теченіе котораго молодые люди несутъ все время офицерскую службу, они подвергаются вто-

ричному *практическому* испытанію и, съ увольненіемъ въ запасъ, награждаются званіемъ прапорщика запаса или заурядь-прапорщика, по степени успѣшности выдержанныхъ испытаній, знанія службы и усердія къ ней.

Тѣ изъ обучавшихся въ командѣ, которые предполагаютъ продолжать военную службу, могли бы быть освобождаемы отъ лагерныхъ занятій, для подготовки, подъ руководствомъ завѣдующаго ими офицера, въ юнкерскія училища, чѣмъ избѣгается необходимость обращать молодыхъ людей этихъ въ нижнихъ чиновъ, послѣ того, какъ они въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ несли офицерскую службу.

Въ заключеніе, кстати будетъ сказать, что при такомъ положеніи дѣла, для удобства занятій, желательно было бы приѣмъ вольноопредѣляющихся въ части войскъ производить разъ въ годъ, съ 1-го августа по 15-е сентября, затѣмъ, чтобы въ теченіе учебнаго курса не было бы прибывающихъ, которые могли бы задерживать непрерывность обученія.

Переходимъ затѣмъ къ другой категоріи офицеровъ добавочнаго состава, заурядь-прапорщиковъ изъ числа унтеръ-офицеровъ срочно и сверхъ-срочно служащихъ и не пользующихся правами по образованію.

Нижніе чины эти, по нашему мнѣнію, должны быть назначаемы и подготовляемы къ своимъ обязанностямъ еще въ мирное время, а не съ объявленіемъ лишь мобилизаціи. Во всѣхъ частяхъ войскъ, согласно инструкціи для веденія занятій въ пѣхотѣ, ведутся баталіонными командирами особыя занятія съ унтеръ-офицерами; въ дополненіе къ занятіямъ этимъ, для унтеръ-офицеровъ, намѣченныхъ кандидатами на заурядь-прапорщиковъ, *надлежало бы организовать тѣльныя вечернія занятія*, хотя бы три раза въ недѣлю, совмѣстно и подъ общимъ руководствомъ съ сокращенно-служащими, для утвержденія въ болѣе необходимыхъ тактическихъ правилахъ и приѣмахъ, и для повѣрки другихъ отдѣловъ военныхъ свѣдѣній, усваиваемыхъ, какъ въ теченіе обязательныхъ занятій въ баталіонахъ, такъ и пріобрѣтенныхъ путемъ, надлежаще направляемой внѣ классной работы. Затѣмъ, для привлеченія унтеръ-офицеровъ къ самостоятельнымъ занятіямъ было бы очень полезно:

1) Назначать изъ средствъ части ежегодно преміи въ размѣрѣ 12—24 рублей тѣмъ изъ нихъ, которые успѣшно выдержатъ испытаніе на званіе заурядь-прапорщика.

2) Награждать такихъ унтеръ-офицеровъ, какъ обладающихъ извѣстнымъ военно-образовательнымъ цензомъ, для отличія отъ прочихъ, нашивкою трехцвѣтнаго шнура кругомъ погонъ; и

3) Фельдфебельскія вакансїи въ части замѣщать по преимуществу лицами, удостоенными права на званіе заурядъ-прапорщика.

Такимъ образомъ, громадный процентъ срочно и сверхсрочно-служащихъ унтеръ-офицеровъ, обладая достаточной служебной опытностью, при помощи и содѣйствїи начальства, вполне можетъ достигать извѣстной степени подготовки, признаваемой въ настоящее время необходимой для несенія офицерской службы и тѣмъ обеспечиваетъ достаточный контингентъ заурядъ-прапорщиковъ. Съ другой стороны, вся масса молодыхъ людей, пользующихся правами по образованію, не измѣняя коренныхъ законовъ и положеній о нихъ, можетъ дать весьма удовлетворительный контингентъ офицеровъ запаса, лишь непосредственнымъ распоряженіемъ и заботливостью начальства, безъ всякихъ расходовъ отъ казны.

В. Бафталовскій.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОФИЦЕРСКИХЪ ЗАЕМНЫХЪ КАПИТАЛАХЪ.

Въ строевыхъ частяхъ нашей арміи до 1873 года учрежденіе офицерскихъ заемныхъ и вспомогательныхъ капиталовъ было предоставлено частной инициативѣ и собственному почину офицерскихъ обществъ. Но въ этомъ году состоялось распоряженіе, по которому четверть суммы, отпускаемой на улучшение быта офицеровъ нашей арміи, назначалась исключительно на усиленіе средствъ заемныхъ капиталовъ.

Однако, общее положеніе объ этихъ капиталахъ было объявлено лишь спустя пять лѣтъ, причемъ оно, какъ не имѣющее за собою выводовъ опыта, состояло преимущественно изъ общихъ правилъ, частное и детальное развитіе которыхъ предоставлялось офицерскому обществу каждой строевой части, согласно существующимъ и выработаннымъ уже ранѣе взглядамъ.

Въ объявленномъ «Положеніи» преслѣдовалась односторонняя цѣль—*доставить возможность офицеру, въ случаѣ нужды, получить деньги въ ссуду на необременительныхъ сравнительно условіяхъ*, но совершенно было упущено изъ вида другое, не менѣе важное, условіе—*доставить возможность офицеру ежемѣсячными небольшими взносами сберечь хоть небольшой капиталъ къ концу своей службы*. Доказательствомъ этому служить то, что размѣръ вычетовъ обуславливался средствами капитала и сами вычеты могли быть прекращены, если заемный капиталъ достигалъ такой величины, что могъ удовлетворять существующей на него въ части заемной потребности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ объявленномъ «Положеніи» 1878 года правила о взиманіи процентовъ и о гарантіи ссудъ были обременительны для офицеровъ и отчасти совершенно не соответствовали тому началу, ради котораго и учреждались заемные капиталы.

«За ссуды взимается, при самомъ полученіи ихъ, изъ денегъ, причитывающихся въ ссуду, по $\frac{1}{2}$ процента въ мѣсяцъ или 6% въ годъ, за все то время, на которое сдѣланъ долгъ», — такъ требовало

«Положеніе». А это приводило къ тому, что въ дѣйствительности платимый процентъ возрасталъ до 12—15 и болѣе въ годъ, причѣмъ значительная часть ссуды отчислялась въ процентъ именно тогда, когда офицеръ нуждался въ деньгахъ. Такъ, напримѣръ, если офицеру необходимо было имѣть въ своемъ распоряженіи 200 руб., при уплатѣ въ 2¹/₂ года, то онъ долженъ былъ брать въ займы 250 руб., изъ которыхъ при полученіи ссуды удерживалось 37¹/₂ руб., т. е. *седьмая часть* всей ссуды. Съ увеличеніемъ срока для погашенія займа эта часть, отчисляемая въ проценты, значительно увеличивалась. Все это было причиною того, что въ большинствѣ заемныхъ капиталовъ практически было выработано правило, по которому процентъ брался впередъ не болѣе, какъ за годъ. При такомъ «допускѣ» въ вышеприведенномъ примѣрѣ размѣръ всего уплоченнаго процента достигаетъ лишь 25¹/₂ руб. (десятая часть всей ссуды), изъ которыхъ въ первый годъ уплачивалось 15 руб. (за 250 р.), во второй—9 руб. (за 150 руб.) и въ третій—1¹/₂ руб. (за 50 руб.), что въ общемъ все-таки составляло значительно больше 6% годовыхъ, но было тѣмъ важнымъ облегченіемъ, что уплата процента раскладывалась на нѣсколько сроковъ и хотя отчасти соответствовала размѣрамъ оставшейся ссуды.

Заемъ изъ офицерскаго капитала безъ поручителей могъ быть дѣлаемъ лишь тогда, когда уплата его обеспечивается количествомъ собственныхъ денегъ заемщика, имѣющихся въ капиталѣ. Въ противномъ же случаѣ, «за поручительствомъ *двухъ лицъ*, изъ числа состоящихъ въ той же части, въ которой числится должникъ». Это требованіе «Положенія» было причиною того, что на каждаго поручителя ложилась слишкомъ большая денежная отвѣтственность при полномъ объемѣ взятой ссуды (при поручительствѣ за штабъ-офицера—265 руб., за капитана—183 руб.). Кромѣ того, само поручительство ничѣмъ въ «Положеніи» не регулировалось, такъ что офицеръ, не желающій *по духу товарищества* отказываться въ своей подписи на «заемной запискѣ», всегда рисковалъ возможностью обременить себя чужими долгами. Тогда какъ офицеръ, не признающій принциповъ единой полковой семьи, всегда былъ свободенъ, разъ онъ не поручался, отъ всякой матеріальной отвѣтственности за того офицера, который по тѣмъ или другимъ причинамъ становился несостоятельнымъ должникомъ своего заемнаго капитала.

Подъ давленіемъ самой практики стали поэтому вырабатываться въ разныхъ частяхъ особыя правила, которыя сводились обыкно-

венно къ тому, что число поручителей значительно увеличивалось (по каждой ссудѣ отвѣтственность не болѣе какъ за 50 рублей), признавалось неблаговиднымъ отказываться отъ поручительства и даже для этого велись особыя очереди по чинамъ или общая на всѣхъ офицеровъ части.

Въ теченіи 12-ти-лѣтней практики «Положенія» 1878 года по вопросу объ офицерскихъ заемныхъ капиталахъ высказались многіе строевые начальники и накопилось значительное число замѣтокъ въ нашей военной литературѣ.

Все это дало возможность въ минувшемъ году объявить новое «Положеніе» объ офицерскихъ заемныхъ капиталахъ, которое, въ противоположность отмигнутому, обладаетъ уже болѣею опредѣленностью, детальною разработкою и положительными требованіями по частнымъ вопросамъ, разрѣшавшимся прежде самостоятельно каждымъ офицерскимъ обществомъ.

Прежде всего по новому «Положенію» заемнымъ офицерскимъ капиталамъ до нѣкоторой степени данъ характеръ сберегательный, такъ какъ, при предѣлѣ обязательнаго вклада въ 700 руб., наибольшая величина займа для штабъ-офицера опредѣлена въ 500 рублей, для капитановъ и штабсъ-капитановъ—въ 350 руб. и для поручиковъ и подпоручиковъ въ 200 руб. Главнымъ же нововведеніемъ является *круговая порука*, которая дѣйствительно одна вполне отвѣчаетъ какъ идеѣ солидарности офицерскаго общества одной и той же части, такъ и надлежащей гарантіи заемнаго капитала: каждый *обязательный участникъ* является вмѣстѣ съ тѣмъ и *поручителемъ*.

Однако, обязательными участниками заемнаго капитала каждой части признаются лишь *офицеры этой части*, всѣ же остальные лица, какъ штатныя, такъ и прикомандированныя, могутъ быть лишь *добровольными участниками*. Если это требованіе справедливо относительно послѣдней категоріи, такъ какъ нельзя же обязывать всѣхъ круговою порукою за тѣхъ лицъ, которыя лишь временно пребываютъ въ части, то относительно «штатныхъ» чиновъ едва ли такое положеніе справедливо съ точки зрѣнія внутренней жизни каждой части. Дѣйствительно, изъ штатныхъ чиновъ, напримѣръ, пѣхотнаго полка, добровольными участниками заемнаго капитала могутъ быть слѣдующія 11 лицъ: пять врачей, одинъ классный фельдшеръ, одинъ дѣлопроизводитель по хозяйственной части, два оружейныхъ мастера и музыкантскій чиновникъ, одинъ священникъ и одинъ дьяконъ.

Такимъ образомъ, $\frac{1}{3}$ штатнаго состава какъ бы выдѣляется въ

особую категорію и для такого дѣла, какъ заемный капиталъ, ставится въ особія условія. Этимъ нарушается общность и единство интересовъ, что, конечно, нельзя считать желательнымъ явленіемъ, такъ какъ лишь только тогда отъ каждаго можно ждать, въ случаѣ надобности, полного напряженія моральныхъ и физическихъ силъ и необходимой взаимной выручки, въ чемъ бы она не выражалась, когда является, кромѣ чисто служебной, еще и внутренняя связь; эта же послѣдняя вырабатывается и укрѣпляется въ мирное время. Раздѣленіе офицерскаго общества каждой строевой части на двѣ рѣзкія категоріи (офицеры и чиновники) собственно не вызывается даже исторически, такъ какъ еще и въ началѣ текущаго столѣтія офицерскіе чины сливались съ понятіемъ чиновника, чему доказательствомъ могутъ служить слѣдующія слова манифеста 1808 года, которымъ гренадерки оставлялись лейбъ-гвардіи Павловскому полку, какъ заслуженная имъ подѣ Фридландомъ награда:

«Всякій шагъ, имъ (полкомъ) въ сраженіи содѣланный, служилъ къ прославленію его и *все чиновники* оказали вообще и въ полной мѣрѣ долгъ свой, а достойный начальникъ ихъ (полковой командиръ генералъ Мазовецкій) обагрилъ кровію своею ратное поле».

Для добровольнаго участника въ значительной степени заемъ затрудненъ тѣмъ требованіемъ новаго «Положенія», по которому онъ можетъ быть совершенъ лишь «за поручительствомъ не менѣе двухъ лицъ изъ числа участвующихъ въ капиталѣ и имѣющихъ право на заемъ *не менѣе той суммы, за которую ручаются*. Поручители же *пріобрѣтаютъ право* на получение ссуды только по мѣрѣ погашенія долга и въ размѣрѣ суммы, уплоченной лицомъ, за котораго поручились». Отсюда видно, что вообще при большомъ числѣ добровольныхъ участниковъ трудно будетъ найти достаточное число поручителей, свободныхъ самихъ отъ долга. Если такіе въ части и имѣются, то будутъ затрудняться въ поручительствѣ, такъ какъ они въ этомъ случаѣ сами теряютъ право на ссуду изъ заемнаго капитала; въ случайной же необходимости сдѣлать заемъ, конечно, не гарантированъ никто, а особенно строевой офицеръ нашей арміи, у котораго самый незначительный, но не предвидѣнный расходъ, уже нарушаетъ часто равновѣсіе скуднаго бюджета.

Поэтому казалось бы рациональнѣе: 1) сдѣлать всѣхъ *штатныхъ чиновъ* каждой части обязательными участниками своего заемнаго капитала при общей круговой порукѣ, и 2) для добровольныхъ участниковъ, какими будутъ лица прикомандированныя и слу-

жація въ частяхъ, неимѣющихъ своихъ заемныхъ капиталовъ, сохраняются по прежнему поручители, но собственный заемъ послѣднихъ не стѣняется при условіи, чтобы размѣръ поручительства не превосходилъ 100 рублей.

Съ введеніемъ этихъ двухъ правилъ уничтожаются выше приведенныя неудобства и увеличится въ каждой части число обязательныхъ участниковъ, а добровольные получаютъ облегченіе въ полученіи ссудъ, причемъ все-таки не явится большая задолженность поручителей.

Новое «Положеніе» заключаетъ, между прочимъ, правило, которое не было въ прежнему, а именно: «вступающій вторично въ число участниковъ въ составленіи одного и того же капитала обязанъ внести въ капиталъ одновременно или по частямъ ту сумму, которая была ему выдана при выходѣ изъ числа участниковъ». Это требованіе, не имѣющее за собою выводовъ практики и выраженное въ общихъ чертахъ, можетъ иногда строеваго офицера поставить въ очень затруднительное положеніе. Дѣйствительно, предположимъ на десятомъ году службы офицеръ (поручикъ) получилъ, такъ называемую, постоянную командировку (въ академію, въ юнкерское училище и т. п.), причемъ его вкладъ—240 руб. выдается на руки. Въ случаѣ возвращенія обратно въ полкъ, онъ долженъ внести эти деньги, которыхъ, въ большинствѣ случаевъ, конечно, у него въ наличности уже не будетъ. Способовъ для пополненія можетъ быть лишь два: 1) эти деньги считать за офицеромъ въ ссудѣ, или 2) погашать ихъ *особыми* ежемѣсячными вычетами. Оба способа имѣютъ свои неудобства, такъ какъ при первомъ—довольно продолжительное время офицеръ будетъ лишень кредита, а при второмъ—слишкомъ большая часть содержанія пойдетъ на обязательные вычеты, что уже одно можетъ окончательнo нарушить равновѣсіе въ бюджетѣ офицера.

Поэтому, казалось бы, рациональнѣе каждаго вторичнаго участника капитала приравнять къ переводимымъ въ часть, для которыхъ и по новому «Положенію» не установлено обязательнаго вклада въ заемный капиталъ прежде сдѣланныхъ взносовъ.

Желаніе ограничить число мелкихъ ссудъ выразилось въ § 27 новаго «Положенія», по которому «воспользовавшійся ссудой въ полной нормѣ имѣетъ право на дополнительный заемъ только по уплатѣ $\frac{1}{4}$ части долга». Но по тому же параграфу «участникъ, взявшій изъ капитала ссуду *менше нормы*, соотвѣтствующей его праву на заемъ, можетъ просить о выдачѣ дополнительной ссуды»

во всякое время. Такая редакціонная форма этого параграфа дѣлаетъ то, что, напримѣръ, капитанъ, взявшій 350 рублей, долженъ сначала заплатить 87¹/₂ руб., чтобы получить дополнительную ссуду, а взявшій 345 рублей, можетъ просить таковую, когда угодно, лишь бы она была не менѣе 10 рублей. Въ виду этого, редакцію § 27 можно было бы измѣнить для уничтоженія вышеприведеннаго противорѣчія въ слѣдующемъ смыслѣ:

«Участникъ можетъ просить о выдачѣ ему дополнительной ссуды лишь тогда, когда за вычетомъ ежемѣсячныхъ погашеній оставшаяся за нимъ ссуда не превосходитъ ³/₄ опредѣленной для него нормы».

Проценты за ссуду и въ новомъ «Положеніи» оставлены тѣ же, т. е. 6⁰/₀ годовыхъ, но они удерживаются лишь *за мѣсяцъ* впередъ, по ¹/₂-процента съ суммы *дѣйствительнаго долга*. Это правило, такимъ образомъ, совершенно уничтожаетъ уже высказанное мною ранѣе неудобство требованій прежняго «Положенія» и теперь офицеръ *дѣйствительно* получаетъ ссуду изъ офицерскаго капитала на необременительныхъ для себя условіяхъ. Поэтому при займѣ тѣхъ же 250 рублей на 2¹/₂ года процентовъ будетъ уплачено уже всего около 20 рублей, причемъ взносы ихъ разложены на 30 разъ (по числу мѣсяцевъ), а размѣръ ихъ постепенно уменьшается съ 1 р. 25 коп. (для перваго мѣсяца) до нѣсколькихъ копѣекъ (за послѣдній мѣсяцъ).

Въ составную часть заемнаго капитала, кромѣ собственныхъ денегъ участниковъ съ наросшими на нихъ процентами, входитъ еще по новому «Положенію» *запасный фондъ*, носившій въ прежнемъ положеніи названіе *постояннаго фонда*.

Запасный фондъ ежегодно пополняется въ размѣрѣ 25⁰/₀ изъ денегъ, отпускаемыхъ на улучшение быта офицеровъ и остатками отъ процентовъ, полученными на капиталъ, по выдѣленіи причитающейся суммы на собственные вклады. Кромѣ этихъ, такъ сказать, постоянныхъ источниковъ, фондъ можетъ увеличиться и отъ слѣдующихъ случайныхъ причинъ: 1) отъ вкладовъ умершихъ участниковъ, не оставившихъ наслѣдниковъ; 2) отъ пожертвованій; 3) отъ поступившихъ денегъ на пополненіе долговъ, уплаченныхъ круговою порукою, когда въ теченіе 10 лѣтъ не будутъ вытребованы лицами, участвовавшими въ этой порукѣ, а также 4) отъ выигрышей, могущихъ пасть на тѣ билеты перваго, втораго и дворянскаго займа, которые, хотя и въ ограниченномъ числѣ, но почти во всякомъ заемномъ капиталѣ составляютъ часть постояннаго фонда.

Несмотря на такое большое число источниковъ, могущихъ *въ значительной степени увеличить* запасный фондъ, ему новымъ «Положеніемъ» дано очень ограниченное назначеніе, а именно: изъ него разрѣшается только производить расходы на канцелярскія потребности и если размѣръ фонда достигнетъ суммы, при раздѣленіи которой на число участниковъ получится не менѣе 30 руб. (т. е., для пѣхотнаго полка, на примѣръ, 2,100 руб.), то изъ него можетъ быть отчислена сумма на пополненіе долговъ неисправныхъ должниковъ.

Въ «Положеніи» же 1878 года постоянный фондъ (разница лишь въ названіи) имѣлъ еще другое значеніе: *оказываетъ безвозвратное пособіе отдѣльнымъ лицамъ въ исключительныхъ и особо уважительныхъ случаяхъ.* А всякому, хотя сколько-нибудь знакомому съ бытомъ нашей арміи, должно быть хорошо извѣстно, какъ часто офицеръ, онъ самъ или его семья, можетъ быть поставлена въ эти «исключительныя» и «особо уважительныя» условія, при которыхъ зачастую даже сравнительно и небольшая денежная помощь можетъ выручить въ безысходной нуждѣ или дать утѣшеніе въ понесенной потерѣ. Очевидно, что тутъ трата изъ постояннаго или запаснаго фонда вполне соотвѣтствуетъ его идеи, такъ какъ онъ самъ составляется изъ денегъ, собранныхъ съ офицеровъ же, или отпущенныхъ на улучшеніе ихъ быта. Важно и то, что пособіе изъ фонда не дѣйствуетъ тяжелымъ образомъ на офицера, его получающаго, такъ какъ въ составленіи фонда и онъ участвуетъ наравнѣ съ прочими. Между тѣмъ, въ настоящее время запасный фондъ, хотя бы и достигалъ большихъ размѣровъ, все-таки уже не можетъ въ минуту нужды принести пользу *тому обществу офицеровъ, которому всецѣло принадлежитъ.*

Поэтому нельзя не пожелать, чтобы правило прежняго «Положенія» было восстановлено. Тогда только и запасный фондъ получить вполне правильное значеніе и вполне оправдывается назначеніе на его пополненіе такого значительнаго числа источниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весь заемный капиталъ оправдываетъ тѣ цѣли, которыя имѣли въ виду при его учрежденіи.

Генеральнаго штаба капитанъ Николаевъ.

О КУХОННЫХЪ ОЧАГАХЪ ВЪ ВОЙСКАХЪ

И

О ВЪ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ ОЧАГАХЪ СИСТЕМЫ КАПИТАНА КУБАРОВСКАГО.

Кому изъ военнoслужашихъ неизвѣстны постоянныя сѣтованія на недостаточность положеннаго отпуска топлива для варки пищи, особенно же при необходимости кипятить воду для чая, а также для приготовления кваса, на что особаго отпуска топлива не положено.

Въ большинствѣ частей войскъ, даже въ крупныхъ, какъ, на-примѣръ, баталіонахъ, рѣдко имѣется экономія отъ отпуска топлива на варку пищи; обыкновенно существуетъ перерасходъ его, особенно въ малыхъ частяхъ, какъ-то: въ батареяхъ, ротахъ, эскадронахъ и командахъ. Если иногда этотъ недостатокъ не вполне сознается нѣкоторыми частями, то это происходитъ отъ того, что рѣдко гдѣ ведется особо учетъ отпуска топлива на варку пищи по артельной суммѣ; обыкновенно топливо (или деньги на него), какъ для отопленія зданій, такъ и для варки пищи и хлѣбопеченія, записывается на приходъ и выводится въ расходъ по хозяйственной суммѣ, безъ особаго раздѣленія, благодаря чему въ общей сложности хотя и получается экономія топлива, но она образуется почти исключительно отъ отпуска на отопленіе зданій.

Причина ощущаемой войсками недостаточности отпуска топлива на варку пищи заключается, главнымъ образомъ, въ несовершенной конструкціи очаговъ, употребляемыхъ въ большинствѣ частей войскъ (обыкновеннаго или нормальнаго типа), а также и въ отсутствіи точныхъ правилъ топки очаговъ, числа варокъ и нерѣдко встрѣчающейся несоразмѣрности посуды съ количествомъ варимой въ нихъ пищи. Только незначительная часть войскъ имѣетъ очаги усовершенствованныхъ системъ, неограничивающихъ, впрочемъ, произвола кашеваровъ въ расходованіи топлива, почему экономія отъ нихъ является случайною, а не вполне опредѣленною.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ войскамъ былъ рекомендованъ кухонный очагъ генераль-маіора Васмунда, дающій хорошую экономію топлива, но, къ сожалѣнію, тоже неопредѣленную, вслѣдствіе отсутствія правилъ управленія этимъ очагомъ, дороговизна же его въ Европейской Россіи 326 руб. («Инженерный Журналъ» 1884 г. № 12-й, стр. 1,198), а въ Туркестанскомъ краѣ 470 руб. и необходимость употреблять при постройкѣ огнеупорный кирпичъ, дѣлають его мало доступнымъ и почти непримѣнимымъ въ войскахъ, особенно же въ небольшихъ частяхъ; а въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ огнеупорнаго кирпича и такой же глины, даже невозможнымъ къ постройкѣ. Очаги существующихъ усовершенствованныхъ системъ устраиваются только въ казармахъ инженернымъ вѣдомствомъ, а въ лагеряхъ и при расположеніи въ помѣщеніяхъ, занимаемыхъ городомъ или земствомъ, части войскъ все-таки принуждены имѣть дѣло съ очагами примитивнаго устройства.

Въ виду сказаннаго, является настоящая необходимость въ такого рода кухонныхъ очагахъ для войскъ, которые при простотѣ конструкціи и дешевизнѣ устройства, требовали бы наименьшаго расхода топлива и которые могли бы быть общимъ типомъ для всѣхъ войскъ, какъ въ казарменномъ, такъ и внѣказарменномъ расположеніи ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ желательно было бы имѣть: опредѣленные правила топки очаговъ и варки въ нихъ пищи, а также правила выбора соотвѣтственнаго рода очага (т. е. двуротнаго или ротнаго) и посуды, сообразно съ числомъ довольствующихся людей; правила для опредѣленія числа варокъ и такъ далѣе. Нельзя не сознаться, что съ этой стороны до сихъ поръ у насъ существуетъ полное разнообразіе, весьма вредно вліяющее на дѣло. Въ настоящее время, съ изобрѣтеніемъ кухонныхъ очаговъ капитаномъ Кубаровскимъ, этотъ крупный пробѣлъ пополняется; войска получаютъ возможность ввести однообразные очаги, дающіе большую и опредѣленную экономію. Экономическіе очаги системы капитана Кубаровскаго, съ приложеніемъ инструкцій по управленію ими, одобрены комитетомъ главнаго инженернаго управленія и вполне удовлетворяють вышеупомянутымъ условіямъ. Главныя преимущества ихъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) простота конструкціи очаговъ, допускающая постройку ихъ печниками частей войскъ; 2) необходимая дешевизна очаговъ, допускающая возможность постройки ихъ для самой небольшой команды, во всякой мѣстности, на самое небольшое время и притомъ изъ имѣющихся подъ рукой матеріаловъ (огнеупорнаго кирпича и такой же глины не требуется). Стои-

мость двуротнаго очага для топки дровами, при постройкѣ его средствами части, но безъ постановки коренной трубы (обыкновенно имѣющейся въ кухонныхъ помѣщеніяхъ), составить не болѣе 25-ти рублей; при постройкѣ же очаговъ подряднымъ способомъ, съ постановкою коренной трубы, онъ обойдется около 50-ти рублей; стоимость двуротнаго очага для топки каменнымъ углемъ, при условіи постройки его средствами части, безъ постановки коренной трубы, но съ покупкою рѣшетокъ, составитъ около 40 рублей, а при постройкѣ подряднымъ способомъ, съ постановкою коренной трубы, онъ обойдется около 70-ти рублей; 3) возможность полученія громадной экономіи, въ сравненіи съ существующими до сего времени очагами, отъ топлива, отпускаемаго на варку пищи, чѣмъ открывается новый источникъ для обогащенія скудныхъ средствъ артельныхъ суммъ частей войскъ, а именно: почти до $\frac{2}{3}$ положеннаго отпуска дровъ для варки пищи и отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$ положеннаго для того же отпуска каменнаго хорошаго качества угля (¹); 4) возможность полученія болѣе вполнѣ опредѣленной экономіи топлива, благодаря подробно и обстоятельно составленнымъ инструкціямъ для кашеваровъ, т. е. правилъ топки очаговъ, управленія ими и варки въ нихъ пищи, что весьма важно, ибо этимъ устраняется вредный произволъ и злоупотребленія кашеваровъ, пріобрѣтается возможность контроля надъ дѣйствіями послѣднихъ и обезпечивается вышеупомянутая большая экономія топлива; 5) возможность имѣть постоянно горячую воду безъ особаго расхода топлива, благодаря чему устраняется необходимость имѣть запасные котлы и прачешную; 6) возможность имѣть, по мѣрѣ надобности, кипятокъ для приготовленія чая или кваса, съ самымъ небольшимъ расходомъ топлива (отъ пяти до шести полѣнъ дровъ (²) или 10 фунтовъ каменнаго угля), вслѣдствіе чего устраняется надобность въ особомъ для того значительномъ расходѣ топлива; 7) возможность сваренную въ одинъ разъ утромъ жидкую пищу оставлять до вечера въ горячемъ состояніи безъ особаго подогрѣванія; 8) возможность регулированія, по мѣрѣ надобности, жары, безъ особаго расхода на то топлива; 9) возможность, вопреки сложившемуся обычаю, производить варку крутой гречневой каши утромъ, притомъ почти безъ

(¹) «Русскій Инвалидъ» № 128-й. Выдержка изъ приказа по Одесскому округу отъ 9-го августа за № 6-мъ.

(²) Имѣются удостовѣренія частей войскъ, эксплуатировавшихъ очаги названной системы.

особаго на то расхода топлива, и 10) возможность пользоваться очагомъ, какъ печкою, для обогрѣванія кухонныхъ помѣщеній.

Всѣ эти преимущества очаговъ системы капитана Кубаровскаго провѣрены инженерными опытами и доказаны практикою, какъ въ войскахъ Туркестанскаго округа, такъ и во многихъ другихъ округахъ, гдѣ устроены эти очаги.

Описание и чертежи очаговъ составлены на столько подробно и полно, что постройка ихъ безъ затрудненія можетъ производиться частями войскъ подъ наблюденіемъ офицера, умѣющаго читать чертежъ и, кромѣ того, капитаномъ Кубаровскимъ въ описаніи очаговъ и запискѣ о нихъ, дается много выработанныхъ продолжительною практикою полезныхъ указаній относительно топки очаговъ и варки пищи, выбора соотвѣстнаго рода очага (т. е. ротнаго или двуротнаго) и посуды, сообразно съ числомъ довольствующихся людей, опредѣленію числа варокъ и тому подобныхъ полезныхъ указаній.

Первоначально капитаномъ Кубаровскимъ очагъ былъ устроенъ въ 1887 году въ кухнѣ Туркестанской конно-горной батареи (въ г. Маргеланѣ), въ которомъ расходъ дровъ на варку пищи, съ кипяченіемъ воды въ кубѣ, уменьшился почти втрое противъ такового въ очагѣ, бывшемъ до того въ батарее. Это обстоятельство обратило на себя вниманіе и, по распоряженію технического комитета главнаго инженернаго управленія, чинами Ферганской инженерной дистанціи, въ 1888 году, былъ произведенъ рядъ опытовъ варки пищи и кипяченія воды въ кубѣ въ устроенномъ капитаномъ Кубаровскимъ очагѣ, причемъ топка его и варка пищи производилась согласно составленной имъ инструкціи для кашеваровъ. Въ очагѣ помѣщался мѣдный кубъ (емкостью 28 ведеръ воды, каждое 30 ф. вѣса); пищевой чугунный котель (емкостью 18 ведеръ) и кашный чугунный (емкостью 7 ведеръ). Топливомъ служили смѣшанные тополевыя и таловыя (ивовыя) дрова (съ нагрѣвательною способностью въ 2,350 единицъ и съ 8% влажности); длина полѣна 8 вершковъ, площадь сѣченія около трехъ квадрат. верш.; вѣсъ полѣна въ среднемъ 2,8 фунт., въ мѣстной однополѣнной сажени такимъ полѣнъ около 350-ти. Во время опытовъ варились щи, картофельный супъ, рисовая и гречневая каша; мяса клали по $\frac{3}{4}$ фунта на человѣка; остальные продукты по нормальной раскладкѣ.

Произведены были нижеслѣдующіе опыты:

1) Двѣ варки въ день, каждый разъ на 200 человѣкъ, съ кипяченіемъ оба раза воды въ кубѣ для чая. Расходовалось при этомъ въ
Т. ССII.—Отд. I.

сутки 60 полѣнъ, изъ которыхъ 32 для приготовления обѣда, а 28— для ужина, съ кипяченіемъ оба раза воды въ кубѣ.

При подобной варкѣ батареею расходовалось въ мѣсяцъ 5 саженой дровъ.

2) Одна варка въ день на 100 человѣкъ (200 порцій), съ кипяченіемъ воды въ кубѣ два раза. При этомъ расходовалось въ сутки 42 полѣна, изъ которыхъ 10 употреблялось для кипяченія воды въ кубѣ послѣ обѣда. Опытъ одной варки въ день на 200 человѣкъ (400 порцій) не могъ быть произведенъ, по неимѣнію соотвѣтственной величины пищевого котла.

3) Одна варка на 100 человѣкъ (200 порцій) безъ куба и безъ подгрѣванія пищи къ ужину. При этомъ расходовалось въ сутки 18 полѣнъ и оказалось, что пища, оставленная къ ужину, сохранялась въ очагѣ въ совершенно горячемъ состояніи въ продолженіи 10 часовъ. При подобной варкѣ пищи на число отъ 100 до 140 человѣкъ въ мѣсяцъ расходуется около 2-хъ саженой.

4) Варка въ обѣдъ крутой гречневой каши одновременно съ жидкой пищей. При этомъ оказалось, что каша достаточно упрѣвала ко времени обѣда.

Въ двуротныхъ очагахъ системы капитана Кубаровскаго, устроенныхъ во многихъ частяхъ войскъ, при двухъ варкахъ въ день, съ кипяченіемъ оба раза воды въ кубѣ (въ посудахъ такой же емкости и того же метала, какъ и въ батарее) въ каждомъ очагѣ (при 300 довольствующихся людяхъ), расходуется не болѣе 60 полѣнъ ⁽¹⁾, или 8 вершковъ дровъ однополѣнной мѣры, что въ переводѣ на вѣсъ составитъ 4 пуда 8 фунт., слѣдовательно на одного человѣка придется 0,36 фунт. дровъ, изъ которыхъ 0,32 фунт. расходуется на приготовленіе два раза въ день пищи и 0,24 ф. на приготовленіе два раза въ день кипятка, что и было выражено въ запискѣ объ инженерныхъ опытахъ надъ очагами.

На основаніи этихъ опытовъ, техническій инженерный комитетъ, имѣя въ виду простоту конструкціи очага капитана Кубаровскаго, дешевизну и большую экономію въ расходованіи топлива на варку пищи, призналъ (въ журналѣ отъ 6-го іюля 1889 года за № 35) полезнымъ введеніе его въ частяхъ войскъ Туркестанскаго военнаго округа, такъ равно и примѣненіе составленныхъ имъ инструкцій для управленія очагами при приготовленіи пищи въ

⁽¹⁾ Имѣются удостовѣренія частей войскъ, вполне согласныя съ результатами опытовъ, произведенныхъ Ферганскою инженерною дистанціею.

войскахъ, что и было объявлено въ циркулярѣ окружнаго штаба Туркестанскаго военнаго округа 1889 г. за № 189.

Въ виду введенія съ 1889 г. въ Ферганской области каменнаго угля, капитанъ Кубаровскій приспособилъ свои очаги и къ этого рода топливу, причѣмъ имъ составлена также особая инструкція для кашеваровъ. Нагрѣвательная способность употребляемаго въ области для топки Нарынскаго и Наукатскаго каменнаго угля равна 5,850 единицъ сухаго и 5,434—влажнаго и однополѣнная сажень дровъ приравнена къ 16 пуд. угля. Дневной расходъ каменнаго угля въ двуротныхъ очагахъ Кубаровскаго, при двухъ варкахъ пици, съ кипяченіемъ двухъ разъ воды въ кубѣ, равенъ трѣмъ пудамъ⁽¹⁾, въ нѣкоторыхъ же частяхъ войскъ, при хорошемъ качествѣ угля, дневной расходъ угля при двухъ варкахъ, съ кипяченіемъ воды въ кубѣ, получался, отъ 2-хъ до 2¹/₂ пудовъ; тогда какъ въ очагахъ обыкновенной конструкціи дневной расходъ угля доходилъ до 7 и болѣе пудовъ, на каждый очагъ. Въ очагахъ генераль-маіора Васмунда, бывшихъ въ 6-мъ полку Оренбургскаго казачьяго войска въ г. Маргеланѣ, расходъ, какъ дровъ, такъ и каменнаго угля, былъ вдвое болѣе чѣмъ въ очагахъ капитана Кубаровскаго.

О результатѣ полезнаго дѣйствія очаговъ системы капитана Кубаровскаго можно судить изъ сравненія вышеупомянутаго расхода дровъ на одного человѣка въ день для приготовленія пици и кикятка съ таковымъ же расходомъ въ очагахъ другихъ системъ, испытанныхъ въ 1883 году въ Петербургѣ особой комисіей подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ф. Ф. Лесгафта, результаты которыхъ изложены въ статьѣ военнаго инженера полковника Иванова въ «Инженерномъ Журналѣ» 1884 года № 12, и сводятся къ слѣдующей таблицѣ (страница 1,204).

	Расходъ дровъ на одного человѣка въ одинъ день.	
	Для пригото- вленія пици съ кипяченіемъ воды для чая.	Для пригото- вленія пици безъ кипячен. воды для чая.
	Фунты.	Фунты.
1) Баталіонный очагъ полковника Бру- силова.	0,80	0,42
2) Генерала Васмунда	0,92	0,41

(1) Имѣются свидѣтельства частей войскъ, въ которыхъ показанъ дневной расходъ угля въ 6 пудовъ на весь баталіонъ въ двухъ двуротныхъ очагахъ при условіи 300 человѣкъ, довольствующихся изъ двуротнаго очага, при расходѣ трехъ пудовъ угля въ день, на одного человѣка придется 0,3 ф. каменнаго угля.

3) Ротный очагъ полковника Брусилова.	0,84	0,50
4) Нормальный	1,9	1,11
5) Обыкновенный	1,63	0,63

Въ двуротныхъ очагахъ капитана Кубаровскаго. 0,56 0,32

(въ баталіонныхъ очагахъ во время производства опытовъ было на довольствіи отъ 370 до 400 человекъ, въ ротныхъ 100).

Вслѣдствіе вышеупомянутыхъ преимуществъ очаговъ системы капитана Кубаровскаго передъ прочими, командующій войсками Ферганской области генераль-маіоръ Корольковъ, въ 1888 г., нашелъ полезнымъ разрѣшить подчиненнымъ ему войскамъ и заведеніямъ ввести ихъ у себя, почему они и были построены своими средствами во всѣхъ частяхъ войскъ и нѣкоторыхъ заведеніяхъ области. Въ 1889 году командующій войсками Туркестанскаго военнаго округа генераль-адъютантъ Розенбахъ, въ бытность свою въ Ферганской области, подробно ознакомились съ очагами капитана Кубаровскаго, также нашелъ полезнымъ въ виду большой экономіи въ топливѣ, получаемой отъ этихъ очаговъ, принять ихъ въ другихъ частяхъ войскъ округа и лечебныхъ заведеніяхъ, что и было объявлено въ приказѣ по войскамъ округа 1889 г. за № 150.

На бывшей въ 1890 году Туркестанской сельско-хозяйственной и промышленной выставкѣ капитану Кубаровскому за очаги его системы была присуждена экспертизой золотая медаль.

Въ томъ же году командующій войсками округа генераль-лейтенантъ баронъ Вревскій, убѣдившись, при посѣщеніи своемъ частей округа, въ простотѣ устройства и отличныхъ результатахъ для экономіи въ топливѣ, полученныхъ частями войскъ, примѣнившихъ очаги системы Кубаровскаго (о чемъ объявлено въ приказѣ по округу 1890 г. за № 348), предложилъ начальнику инженеровъ округа препроводить начальникамъ штабовъ всѣхъ округовъ Россіи описаніе съ чертежами очаговъ капитана Кубаровскаго, а также копію съ одобрительнаго о нихъ постановленія техническаго комитета главнаго инженернаго управленія; вслѣдствіе чего эти очаги, въ настоящее время, признаны высшими начальствующими лицами полезными къ примѣненію почти во всѣхъ округахъ, причемъ они были особо рекомендованы войскамъ въ округахъ: Московскомъ, въ приказаніи 1890 г. за № 231; Кавказскомъ, въ приказаніи 1890 г. за № 45 и Одесскомъ, въ объявленіи 1891 г. за № 6.

Приведу расчетъ количества экономіи, каковая получается частями войскъ, примѣнившихъ очаги системы капитана Кубаровскаго.

По существующимъ законоположеніямъ, большая часть войскъ получаетъ топливо на хлѣбпеченіе и варку пищи по расчету 2 сажени и 2 аршина трехполѣнныхъ дровъ на 10 человѣкъ въ мѣсяцъ, изъ которыхъ $\frac{1}{3}$ приходится на хлѣбпеченіе и $\frac{2}{3}$ собственно на варку пищи. Такимъ образомъ, отдѣльная рота или команда, въ составѣ 140 человѣкъ, получаетъ въ мѣсяцъ на варку 6 сажений дровъ, изъ которыхъ расходуетъ въ очагахъ капитана Кубаровскаго, при одной варкѣ въ день пищи, безъ кубовъ для кипяченія воды къ чаю, около 2-хъ сажений въ мѣсяцъ, а слѣдовательно получаетъ болѣе 4-хъ сажений экономіи въ мѣсяцъ, а въ годъ не менѣе 50-ти сажень. При одной же варкѣ въ день, но съ кипяченіемъ воды въ кубѣ два раза въ день, въ мѣсяцъ расходуетъ $2\frac{1}{2}$ сажени дровъ. Баталіонъ, въ составѣ 550 человѣкъ, получая въ мѣсяцъ 24 сажени на варку пищи, расходуетъ въ двухъ двуротныхъ очагахъ, при двухъ варкахъ въ день пищи, съ кипяченіемъ въ оба раза воды въ кубѣ для чая, 10 сажень въ мѣсяцъ, а слѣдовательно получаетъ 14 сажень въ мѣсяцъ экономіи, а въ годъ 168 сажень (т. е. почти $\frac{2}{3}$ положеннаго отпуска дровъ). Баталіонъ вышеупомянутаго состава, имѣя два двуротныхъ очага безъ кубовъ, можетъ расходовать, при двухъ варкахъ въ день пищи, 7 сажень въ мѣсяцъ, а слѣдовательно получить 17 сажень въ мѣсяцъ экономіи, а въ годъ 204 сажени. Столько же получить экономіи и баталіонъ, имѣющій четыре ротныхъ очага безъ кубовъ, но при одной варкѣ въ день пищи. При топкѣ очаговъ каменнымъ углемъ въ Туркестанскомъ краѣ получается экономія почти въ половину положеннаго отпуска угля на варку пищи, а въ Европейской Россіи, при употребленіи лучшаго качества угля, какъ то показали опыты, произведенные надъ очагами капитана Кубаровскаго въ Одесскомъ округѣ, экономія получается въ размѣрѣ $\frac{2}{3}$ положеннаго отпуска («Русскій Инвалидъ» 1891 г., № 128); вышеприведенныя цифры экономіи значительно увеличатся, если взять еще въ расчетъ обыкновенно существующій перерасходъ отпускаемаго топлива на варку пищи ⁽¹⁾.

Одобрительное постановленіе инженернаго комитета объ очагахъ капитана Кубаровскаго, отзывчивость, съ какой относились къ нимъ высшія начальствующія лица и интересъ къ нимъ, обнаруженный многими частями войскъ, устроившихъ эти очаги на свой счетъ, несомнѣнно доказываютъ дѣйствительную пользу и практич-

(1) На опытахъ, произведенныхъ въ Киевскомъ военномъ округѣ оказалась экономія топлива 65,66%. Одобрительные отзывы объ очагахъ получены были также и изъ Киевскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища.

ность ихъ, изъ чего слѣдуетъ, что эти очаги могутъ быть приняты, какъ общій типъ для всѣхъ войскъ. Почему въ видахъ пріобрѣтенія войсками громадной экономіи, получаемой отъ очаговъ капитана Кубаровскаго, нельзя не пожелать, чтобы они были введены во всеобщее употребленіе. Передѣлка существующихъ очаговъ и устройство новыхъ можетъ быть произведена въ счетъ экономіи, получаемой отъ очаговъ, слѣдовательно, безъ расхода для казны. Но бѣда въ томъ, что войска поставлены въ этомъ отношеніи въ затруднительное положеніе, ибо постройка очаговъ въ казармахъ находится въ вѣдѣніи инженернаго вѣдомства. По этому желательно, чтобы инженерное вѣдомство, въ настоящемъ серьезномъ дѣлѣ, пришло на помощь войскамъ по передѣлкѣ имѣющихся въ казармахъ примитивныхъ очаговъ на очаги системы капитана Кубаровскаго и по устройству таковыхъ во вновь строящихся казармахъ. Во время же лагерныхъ сборовъ подобные очаги войска и сами могутъ безпрепятственно легко и быстро ихъ построить. Что же касается помѣщеній, занимаемыхъ войсками по найму отъ казны, то въ нихъ имъ приходится имѣть дѣло съ такого рода примитивными кухонными очагами, что и думать объ экономіи нечего; поэтому казалось бы возможнымъ, помимо частныхъ сношеній, вмѣнить въ обязанность домовладѣльцамъ такихъ помѣщеній перестраивать въ нихъ кухонные очаги на очаги по системѣ капитана Кубаровскаго на счетъ войскъ, которыя будутъ пользоваться экономіей отъ топлива. Типы войсковыхъ очаговъ системы капитана Кубаровскаго (двуротные, ротные и для малыхъ командъ) могутъ быть также примѣнены въ корпусахъ, военныхъ училищахъ, госпиталяхъ, лазаретахъ, больницахъ, тюрьмахъ, а также на заводахъ и фабрикахъ, вообще тамъ, гдѣ имѣется болѣе или менѣе значительное число довольствующихся людей.

Капитаномъ Кубаровскимъ на изобрѣтенные имъ очаги испрашена привилегія отъ департамента торговли и мануфактуръ.

Описаніе съ чертежами очаговъ, инструкціями для кашеваровъ и записка объ очагахъ высылаются желающимъ капитаномъ Кубаровскимъ, проживающимъ въ г. Маргеланѣ, Ферганской области, Туркестанскаго военнаго округа.

Л. В. Григорьевъ.

КРАТКІЙ ОЦЕРКЪ ЗАНЯТІЯ АМУРСКАГО КРАЯ

и

ЕГО СОВРЕМЕННОГО АДМИНИСТРАТИВНАГО УСТРОЙСТВА.

(Окончаніе) (¹).

V.

Дѣятельность генераль-губернатора Муравьева на Амурѣ.

Успѣхъ перваго сплава по Амуру несомнѣнно составляетъ самое крупное событіе въ исторіи этого края. Этотъ сплавъ окончательно познакомилъ насъ съ берегами рѣки и показалъ намъ пригодность ея для сплава, удобство и возможность заселенія береговъ Амура, миролюбіе ея мѣстныхъ жителей и главное — слабость китайцевъ; теперь надлежало только пользоваться этимъ, вновь открытымъ, сообщеніемъ, тѣмъ болѣе, что и обстоятельства къ тому побуждали.

Дѣйствительно, продолжавшаяся Крымская война требовала поддержанія нашихъ постовъ на устьѣ Амура и снабженія провіантомъ всѣхъ командъ и судовъ нашихъ, пришедшихъ изъ Камчатки и Японіи (²); поэтому, весною 1855 г., предпринять былъ *второй сплавъ* по Амуру, раздѣленный на этотъ разъ на три отдѣленія: 1-е отдѣленіе состояло изъ 26-ти баржъ, подъ начальствомъ самаго генераль-губернатора, который въ этотъ разъ спускался по

(¹) См. «Воен. Сборн.» 1891 г., № 10-й.

(²) Фрегатъ «Діана» погибъ въ Японіи во время землетрясенія, почему адмиралъ Путятинъ выстроилъ вмѣсто него шхуну «Хеда» и, раздѣливъ команду фрегата на эту шхуну и на два зафрахтованные имъ американскіе купеческіе корабли, прибылъ въ исходѣ юня къ Николаевску; одно изъ этихъ судовъ, между прочимъ, по пути было взято въ плѣнъ непріятельскими крейсерами; да и самъ адмиралъ Путятинъ набѣжалъ плѣна только благодаря густому туману.

рѣкъ съ своею супругою Екатериною Николаевною; 2-е отдѣленіе—изъ 52-хъ баржъ, подъ начальствомъ командира 15-го линейнаго баталіона, подполковника Назимова, и 3-е—изъ 35-ти баржъ, подъ начальствомъ полковника Корсакова. Съ этимъ сплавомъ прибыли на защиту Приамурскаго края: 15-й линейный баталіонъ, полубаталіонъ 14-го баталіона, сводный казачій полубаталіонъ и взводъ горной артиллеріи — всего 3,000 человекъ; при сплавѣ находилась ученая экспедиція, снаряженная сибирскимъ отдѣломъ географическаго общества, на счетъ члена его г. Соловьева, пожертвовавшаго на изслѣдованіе Амурскаго края полпуда золота ⁽¹⁾; кромѣ того, съ этимъ же сплавомъ, подъ распоряженіемъ чиновника особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ, князя Волконскаго, прибыли первые русскіе земледѣльцы, изъ иркутскихъ и забайкальскихъ крестьянъ для поселенія по правому берегу Амура между Николаевскомъ и Маріинскомъ ⁽²⁾.

Генераль-губернаторъ, спускаясь по Амуру, между прочимъ, близъ устья рѣки Кумары встрѣтилъ китайскихъ чиновниковъ, высланныхъ ему на встрѣчу для совѣщанія о разграниченіи земель по Амуру. Муравьевъ предложилъ имъ прибыть въ Маріинскій постъ и тамъ вести переговоры, такъ какъ онъ очень занятъ и остановиться для переговоровъ въ пути своего слѣдованія не имѣетъ времени. Въ Маріинскѣ при переговорахъ, онъ предложилъ имъ, чтобы рѣка Амуръ была принята границею между Россійскою и Китайскою имперіями ⁽³⁾, отъ чего уполномоченные по обыкновению уклонились, ссылаясь въ своихъ доводахъ на листъ нашего Сената въ Пекинъ ⁽⁴⁾, въ которомъ границею признавалась р. Горбица и хребты горъ, идущіе отъ ея вершины; но Муравьевъ настаивалъ на своемъ предложеніи, а потому переговоры ни къ чему не привели, и китайскіе чиновники, уѣзжая, увезли полное убѣжденіе, что генераль-губернаторъ дѣйствуетъ на Амурѣ самовольно, безъ согласія своего правительства.

⁽¹⁾ Эта экспедиція состояла: изъ натуралиста Маака, астронома Рашкова, топографа Зончевскаго и чиновника Кочетова.

⁽²⁾ Были основаны деревни: Иркутская, Богородская, Михайловская, Ново-Михайловская, Сергіевская и Воскресенская; кромѣ того, противъ Маріинскаго поста на островѣ Сучи поселилась сотня конныхъ казаковъ, образовавъ станицу Сучи.

⁽³⁾ Этотъ фактъ указываетъ, что даже Н. Н. Муравьевъ все значеніе прибрѣтннаго края видѣлъ исключительно въ рѣкѣ Амурѣ, не придавая никакого значенія морскому побережью и бассейнамъ рѣкъ Уссури и Сунгаря.

⁽⁴⁾ Листъ этотъ былъ отправленъ въ 1853 году.

Вслѣдъ за прекращеніемъ переговоровъ Муравьевъ отдаетъ слѣдующее приказаніе:

1) Амурская экспедиція замѣняется управленіемъ Камчатскаго губернатора контръ-адмирала Завойко, мѣстопробываніемъ котораго назначается Николаевскъ.

2) Контръ-адмиралъ Невельской назначается начальникомъ штаба при главнокомандующемъ (1) всѣми морскими и сухопутными силами, сосредоточенными въ Приамурскомъ краѣ; причемъ главною квартирою назначается Маріинскій постъ.

3) Всѣ чины, состоящіе въ амурской экспедиціи, поступаютъ подъ начальство контръ-адмирала Завойко.

и 4) Всѣмъ судамъ, возможно поспѣшнѣе, слѣдовать въ рѣку Амуръ.

Кромѣ того, въ ожиданіи нападенія непріятеля на заливъ де-Кастри, Муравьевъ расположилъ тамъ 500 человекъ пѣшихъ казаковъ, подъ командою адъютанта своего, подполковника Сеславина, который, простоявъ тамъ до октября мѣсяца и не предполагая уже возможности появленія противника, возвратился въ Маріинскъ, оставивъ въ этомъ заливѣ 70 человекъ съ двумя горными орудіями. Между тѣмъ союзники, блокируя берега Татарскаго пролива, тщетно искали нашихъ судовъ и въ исходѣ сентября, не встрѣтивъ ни одного изъ нихъ, отрядили три судна въ Татарскій проливъ, съ цѣлю добыть свѣдѣнія, гдѣ находится Камчатская эскадра; вотъ эти то три судна и прибыли въ де-Кастри, тотчасъ же по уходѣ оттуда Сеславина и, замѣтивъ оставленный имъ отрядъ, немедленно спустили десантъ, который и былъ отбитъ съ значительнымъ урономъ; тѣмъ временемъ начали подходить наши подкрѣпленія и къ срединѣ октября въ заливѣ де-Кастри уже собралось до 1,500 человекъ войска. Непріятельскія суда по прежнему оставались въ заливѣ и, въ ожиданіи прихода туда нашихъ судовъ на зимовку, ежедневно бомбардировали насъ, не принося, впрочемъ, никакого вреда; наконецъ, въ концѣ октября, не дождавшись нашей эскадры, которая успѣла уже расположиться на зимовку въ устьѣ Амура, непріятель ушелъ къ югу, а за нимъ и войска наши, по льду озера Кизи, возвратились обратно въ Маріинскій постъ. Этимъ, собственно говоря, ничтожнымъ и безрезультатнымъ дѣломъ, но замѣчательнымъ по тому огромному числу войскъ, которое мы со-

(1) Этимъ главнокомандующимъ былъ самъ Н. Н. Муравьевъ.

брали для защиты пункта, въ достаточной степени уже прикрытаго самою природою, оканчиваются наши дѣйствія съ союзниками на крайнемъ востокѣ. Муравьевъ, какъ разъ передъ этимъ дѣломъ, не предвидя возможности какого либо серьезнаго столкновения, уѣхалъ на американскомъ комерческомъ суднѣ «Пальмето» (1) изъ Николаевска въ Аянъ и далѣе сухимъ путемъ черезъ Иркутскъ въ Петербургъ; вице-адмиралъ Путятинъ, также слѣдовавшій туда, избралъ для этого новый, еще ни къмъ не испробованный, путь по Амуру; онъ поднялся на паровомъ катерѣ «Надежда» и, встрѣчая по пути массу затрудненій, въ довершеніе всѣхъ бѣдствій, не доходя 300 верстъ до усть-Стрѣлки, вынужденъ былъ, за шугою (ледъ) остановиться и отсюда уже, со всѣми своими спутниками, перенося страшныя лишенія, пробираться пѣшкомъ по берегу до усть-Стрѣлочной станціи (2). По дорогѣ, между прочимъ, близъ устья рѣчки Кутоманды они встрѣтили вновь выстроенный пароходъ «Шилку», сидящій на мели и за наступленіемъ рѣкостава расположившійся тутъ на зимовку; такимъ образомъ, здѣсь былъ основанъ первый нашъ постъ въ верховьяхъ Амура—*Кутомандскій* (10 человѣкъ), просуществовавшій, правда, всего лишь только два года. Такъ окончилась навигація 1855 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ и пятилѣтняя непрерывная дѣятельность Амурской экспедиціи.

Изъ отчета, представленнаго Невельскимъ, видно, что эта экспедиція, принимая въ расчетъ и все казенное довольствіе, стоила казнѣ 64,400 руб., т. е. около 12,000 руб. (3) въ годъ; кромѣ того, за все время дѣятельности экспедиціи умерло 12 человѣкъ и не потеряно ни одного. Вотъ, что стоило Россіи утверженіе ея въ Приамурскомъ краѣ.

Здѣсь не безынтересно будетъ сдѣлать выдержку изъ приложеннаго къ этому отчету особаго мнѣнія Невельскаго, касающагося, главнымъ образомъ, дальнѣйшаго устройства этого края.

Такъ, Невельской, между прочимъ, пишетъ: «Пионерный характеръ нашихъ дѣйствій въ Приамурскомъ и Приуссурійскомъ краѣ, по обширному и пустынному его положенію и по разнообразнымъ условіямъ онаго, долженъ продолжаться еще долго. Топоръ, заступъ и плугъ должны имѣть здѣсь первенствующее мѣсто. Команды, сюда присылаемыя, должны составлять здѣсь главныхъ работниковъ.

(1) Первое иностранное судно, вошедшее съ юга въ рѣку Амуръ.

(2) При сліяніи рѣкъ Шилки и Аргуни.

(3) Жалованье и довольствіе одного Камчатскаго губернатора стоило гораздо дороже.

Военная и гражданская администраціи, въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся въ Россіи и на Кавказѣ, здѣсь рѣшительно неумѣстны. Рѣки Амуръ и Уссури, составляющія одно неразрывное цѣлое, являются только базисами нашихъ дѣйствій, отнюдь не обуславливая полнаго значенія для Россіи этого края; всю же силу края и политическую важность его для Россіи, какъ ясно указываетъ намъ настоящая война, составляетъ южное побережье Приуссурійскаго бассейна съ гаванями, изъ которыхъ суда, по первому повелѣнію, всегда могутъ выйти въ море—гаванями, счастливо расположенными относительно торговыхъ пунктовъ и торговыхъ путей по океану. Банки лимана и мели съ неправильными, быстрыми теченіями, наконецъ, пустынные, бездорожныя, лѣсистыя и гористыя побережья Приуссурійскаго и Нижне-Амурскаго края будутъ еще надолго составлять самую надежную защиту противъ всякихъ непріязненныхъ покушеній на этотъ край съ моря, и черезъ это—обезпечивать наши дѣйствія въ ономъ».

«Поэтому, нынѣ всѣ средства здѣсь должны быть употреблены отнюдь не на созданіе, совершенно бесполезной въ этомъ краѣ, организаціи съ арміею военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, или на сооруженіе какихъ либо долговременныхъ укрѣпленій и зданій, или же, наконецъ, на развитіе торговли и промышленности, которая не можетъ здѣсь идти тѣми шагами, какими она пошла въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и въ особенности въ Калифорніи, но они должны быть всецѣло употреблены на то, чтобы были въ этомъ краѣ надлежащія суда для внутреннихъ сообщеній, чтобы были военно-работчія и земледѣльческія силы и лица, могущія разъяснить богатства природы этого края; наконецъ, необходимо здѣсь всегда имѣть нѣсколько исправныхъ во всѣхъ отношеніяхъ военныхъ крейсеровъ, могущихъ, по первому повелѣнію, выйти въ океанъ. Устье рѣки Уссури здѣсь представляетъ центръ, изъ котораго должны исходить пути, обезпеченные земледѣльческими поселеніями, дабы расположенная въ краѣ военная наша сила могла быть обезпечена мѣстнымъ продовольствіемъ и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ было обезпечено сообщеніе по главнымъ путямъ края, какъ то: къ Забайкальской области, устью рѣки Амура и къ гаванямъ, лежащимъ на побережьяхъ края. Вотъ въ чемъ здѣсь и состоитъ *единственная правительственная задача*, непосредственно истекающая изъ всѣхъ фактовъ, добытыхъ Амурскою экспедиціею, какъ первымъ дѣйствующимъ пионеромъ этого края, пионеромъ, указавшимъ уже на важное значеніе онаго для Россіи въ политическомъ и экономическомъ отношеніи».

Таковъ былъ замѣчательно вѣрный взглядъ Невельскаго на этотъ край, вполне оправдавшійся впоследствии и далеко не всѣми въ то время раздѣляемый.

Между тѣмъ скопленіе значительнаго числа войскъ и въ особенности камчатскихъ жителей и служащихъ, происшедшее внезапно, сверхъ всякаго ожиданія и безъ предварительныхъ приготовленій, естественно, должно было породить многія лишенія и стѣсненія, какъ въ помѣщеніи, такъ и въ продовольствіи; въ Николаевскѣ и Маріинскѣ, имѣвшемъ къ веснѣ 1854 г. помѣщенія всего только на 38 человекъ, къ осени того же года потребовалось уже помѣстить болѣе 1,000 человекъ, а черезъ годъ не болѣе не менѣе, какъ 7,000 душъ обоюго пола. Всѣхъ надобно было пріютить и размѣстить, доставить всѣмъ средства къ жизни и изготовить теплыя помѣщенія тогда, когда непріятель блокировалъ насъ со всѣхъ сторонъ, когда намъ надобно было вводить всѣ наши суда въ рѣку, имѣть въ готовности гребную флотилію и строить батареи; а отсутствіе постовъ по Амуру для внутренняго сообщенія съ Маньчжуріей и Забайкалемъ совершенно насъ отрѣзывали отъ мѣстъ, изъ которыхъ мы могли бы восполнять наши недостатки въ продовольствіи и одеждѣ. Только благодаря необычайной энергіи, давшей возможность къ зимѣ воздвигнуть до 25-ти зданій, да туземцамъ, охотно доставлявшимъ въ изобиліи рыбу и дичь, удалось, сравнительно, легко перенести эту первую зиму.

Наступилъ, наконецъ, 1856 г., памятный въ исторіи Амурскаго края.

Начался онъ, прежде всего, затопленіемъ фрегата «Паллада», спокойно простоявшаго 17 мѣсяцевъ въ Императорской гавани; подобное дѣйствіе признавалось тогда необходимымъ изъ опасенія, чтобы фрегатъ не достался въ руки противнику, тщетно отыскивающему нашу эскадру и потому все время шнырявшему по Татарскому проливу, дѣйствіе, совершенно противное мнѣнію Невельскаго, доказывавшаго неосновательность подобной мѣры, особенно въ виду возможности скоро ожидаемаго перемирія или мира. Одновременно съ этимъ былъ снятъ, расположенный въ этой же гавани, Константиновскій постъ, просуществовавшій всего 2½ года. Послѣ двухъ Сахалинскихъ постовъ—это былъ третій постъ, постепенно снимаемый новыми хозяевами, заступившими мѣсто Амурской экспедиціи, немало потрудившейся для занятія таковыхъ. Насколько было основательно сосредоточеніе, умышленно разбросанныхъ Невельскимъ, постовъ, проводившимъ мысль о разсредоточиваніи—

служить то, что вскорѣ же пришлось ббольшую часть изъ нихъ снова занять.

Раннею весною полковникъ Корсаковъ, спустившись по Амуру до оставленнаго графомъ Путятинымъ ⁽¹⁾ парохода «Надежда», пошелъ на немъ въ Айгунь, гдѣ и объявилъ амбаню (губернатору), что нынѣшнимъ лѣтомъ будутъ спускаться по Амуру наши суда, и что по берегамъ рѣки будутъ ставиться посты для обезпеченія нашихъ войскъ, которыя будутъ возвращаться съ низовьевъ этой рѣки.

Дѣйствительно, съ открытіемъ навигаціи отправился изъ Забайкалья *третій сплавъ* подъ начальствомъ состоявшаго для особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ подполковника Буссе, въ составѣ 110 различнаго рода лодокъ, баржъ и плотовъ; съ этимъ сплавомъ прибыло 1,636 человекъ нижнихъ чиновъ 13-го и 14-го линейныхъ баталіоновъ, при 24-хъ офицерахъ и 289,750 пудахъ разнаго груза.

Подполковникъ Буссе, спускаясь по Амуру, между прочимъ, поставилъ четыре новыхъ поста: *Кумарскій* (25 человекъ), противъ устья рѣки Кумары; *Усть-Зейскій* (50 человекъ), близъ устья рѣки Зеи; *Хинганскій* (24 человекъ), при входѣ въ малый Хинганъ и *Сунгарійскій* (24 человекъ) на устьѣ рѣки Сунгари. Такое число и распредѣленіе постовъ не вполне соответствовало огромному протяженію рѣки, и особенно характеру ея, такъ какъ подъемъ по Амуру, по причинѣ большаго количества извилистыхъ и быстрыхъ протоковъ, весьма затруднителенъ, а необходимость совершать плаваніе только на легкихъ гребныхъ судахъ не позволяла имѣть всегда съ собою достаточнаго количества провизіи; необходимо было поэтому поставить еще, по крайней мѣрѣ, три поста, чтобы войска, поднимающіяся вверхъ по Амуру, особенно въ значительномъ числѣ, не очутились въ критическомъ положеніи, какъ то дѣйствительно и случилось съ однимъ изъ нашихъ отрядовъ, возвращавшихся въ концѣ лѣта изъ Маринскаго поста въ Забайкалье по случаю прекращенія военныхъ дѣйствій и заключенія нами мира. Разумѣется, при постановкѣ постовъ и не предвидѣлось даже возможности возвращенія сразу такой массы войскъ, каковая въ дѣйствительности прошла, и каковая была, между прочимъ, одною изъ причинъ той катастрофы, которая постигла нашъ послѣдне возвращавшійся отрядъ и предупредить которую, оставленіемъ отряда

(1) За дѣйствія адмирала Путятина въ Японіи даровано ему графское достоинство и 3,000 рублей пенсіона.†

на зимовку въ Николаевскѣ, гдѣ продовольствія имѣлось въ обрѣзъ, не было возможности.

Войска, предназначенныя къ возвращенію въ Забайкалье, подъ общимъ начальствомъ полковника Сеславина, на легкихъ гребныхъ судахъ, приобретенныхъ большею частію отъ туземцевъ, выступили изъ Маринскаго поста въ исходѣ Іюля тремя отрядами: *первый отрядъ*—въ составѣ двухъ ротъ 14-го линейнаго баталіона, взвода горной артилеріи и казачьей сотни, въ числѣ около 1,000 человекъ, подъ начальствомъ самого Сеславина, несмотря на массу встрѣченныхъ въ пути затрудненій, прибылъ благополучно въ Забайкалье еще до наступленія зпмняго времени; *второй отрядъ*—въ составѣ двухъ ротъ 13-го линейнаго баталіона и сотни казаковъ, въ числѣ 819 человекъ, подъ командою командира 14-го линейнаго баталіона маіора Языкова, хотя и пришелъ въ Забайкалье почти что вслѣдъ за первымъ отрядомъ, но, благодаря, главнымъ образомъ, недостатку въ пропитаніи, перенесъ много лишеній, а между Кутомандскимъ и усть-Стрѣлочнымъ постами—даже голодалъ; столь незавидное положеніе не замедлило тотчасъ же отозваться на чинахъ отряда, вызвавъ сначала болѣзненность, а затѣмъ и смертность; вслѣдствіе чего, этотъ отрядъ по приходѣ къ мѣсту своего постоянного квартированія не досчитался 96-ти человекъ.

Можно себѣ теперь представить, что пришлось перенести *третьему отряду*, выступившему въ самомъ концѣ Іюля мѣсяца на утлыхъ лодченкахъ, набранныхъ уже съ величайшимъ трудомъ и двинувшемуся въ путь по дорогѣ, пропустившей 2,000 ртовъ и обезпеченной на протяженіи 2,340 верстъ какими то пятью жалкими постами, скромные запасы которыхъ къ тому времени были почти что съѣдены. Дѣйствительно, этотъ отрядъ, въ составѣ двухъ ротъ 14-го линейнаго баталіона и полуроты 13-го баталіона, въ числѣ 370 человекъ нижнихъ чиновъ и девяти офицеровъ, подъ начальствомъ командира 13-го линейнаго баталіона полковника Облеухова, выступивъ 27-го Іюля изъ Маринскаго поста, достигъ усть-Стрѣлочнаго караула лишь только 16-го декабря, пробывъ въ пути 143 дня и выдержавъ въ теченіи этого времени, при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, сорокадневный постъ, не имѣющій себѣ равнаго въ исторіи и стоившій намъ 102-хъ жертвъ, т. е. почти цѣлой трети всего отряда.

Итакъ, этотъ первый походъ нашихъ войскъ вверхъ по Амуру ясно показалъ, что подъемъ людей, особенно въ значительныхъ мас-

сахъ безъ паровыхъ средствъ и при существующемъ числѣ постовъ, можетъ быть далеко небезопаснымъ и даже гибельнымъ.

Къ концу 1856 года, за возвращеніемъ частей войскъ въ Забайкалье, на устьѣ Амура остались: 15-й Сибирскій линейный баталіонъ, 6-я сотня вновь образуемаго Амурскаго коннаго казачьяго полка и четыре горныхъ орудія; это былъ первый военный отрядъ, который по окончаніи войны признано было необходимымъ оставить въ Нижне-Приамурскомъ краѣ, какъ доказательство того, что Россія фактически признала его своимъ. Всѣ послѣдующія распоряженія правительства должны были китайцевъ еще болѣе въ этомъ утвердить: такъ, между прочимъ, въ концѣ этого же года состоялось утвержденіе проекта положенія объ амурской линіи, которая учреждалась по лѣвому берегу р. Амура, между усть-Стрѣлочныхъ карауломъ и Маринскимъ постомъ, для связи между Забайкальской и вновь учрежденною Приморскою областями; для заселенія этой линіи предназначались конныя и пѣшія казаки Забайкальскаго казачьяго войска, а мѣстопробываніемъ начальника этой линіи, пользующагося правами бригаднаго командира и подчиненнаго военному губернатору Забайкальской области, назначалась станица ⁽¹⁾ близъ Маньчжурскаго города Сахалянъ-ула-хотонъ; утвержденіе Приморской области, въ составъ которой должны были войти Камчатка, все побережье Охотскаго моря съ Удскимъ краемъ и всѣ занятыя нами мѣста въ низовьяхъ Амура и вдоль Татарскаго пролива; причемъ, главнымъ центромъ ея назначался Николаевскій постъ, переименованный въ городъ «Николаевскъ на Амурѣ»; вмѣсто адмирала Завойко губернаторомъ области назначался капитанъ 1-го ранга Казакевичъ, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ былъ быть и командиромъ Сибирской флотиліи ⁽²⁾ и портовъ Восточнаго океана.

Такимъ образомъ, учрежденіемъ этой новой области Нижне-Приамурскій край уже официально присоединялся къ русскимъ владѣніямъ, а установленіемъ амурской линіи признавалась полная зависимость его и устья р. Амура отъ Россіи. Кромѣ того, въ видахъ установленія болѣе правильнаго сообщенія, въ этомъ же году, между Николаевскимъ и Маринскимъ, были выстроены почто-

⁽¹⁾ Гдѣ нынѣ стоитъ г. Благовѣщенскъ.

⁽²⁾ Бывшей Камчатской флотиліи, въ составъ которой фрегатъ «Аврора», корветъ «Оливуца» и транспортъ «Двина» передъ закрытіемъ навигаціи были отправлены въ Кропштадтъ.

выя станціи, а изъ Америки получены для плаванія по Амуру два рѣчные парохода, «Амуръ» и «Лена».

Этимъ собственно говоря и заканчивается знаменательный въ исторіи Амурскаго края 1856 годъ. Въ этомъ году Россія окончательно и безповоротно признала его своимъ, хотя договоровъ на этотъ счетъ еще не существовало; въ этомъ же году сошли со сцены всѣ первые амурскіе дѣятели, явившіеся сюда по своему личному почину, дѣйствовавшіе на свой страхъ, разъяснившіе намъ всю важность и все значеніе его; наконецъ, въ этомъ же году на мѣста первыхъ піонеровъ нахлынули новыя свѣжія лица, прибывшія сюда уже по назначенію правительства и положившія начало новой обширной дѣятельности административнаго устройства и заселенія края.

Для разрѣшенія нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ между Россією и Китаемъ, въ число которыхъ входилъ и вопросъ о занятіи нами Амура, былъ назначенъ графъ Путятинъ. Муравьевъ крайне не сочувствовалъ этому посольству, такъ какъ опасался, что китайцы стануть упорствовать въ несогласіи на установленіи границы по Амуру, а слѣдовательно, эти дипломатическіе переговоры лишь только повредятъ дѣлу; кромѣ того, эти переговоры невольно приостанавливали, предполагаемое имъ въ навигацію 1857 г., переселеніе трехъ казачьихъ сотенъ на Амуръ.

Излагая свои соображенія по этому поводу въ рапортѣ къ военному министру, онъ въ то же время писалъ ему письмо, гдѣ, между прочимъ, говорилъ:

«До сихъ поръ мы дѣйствовали на Амурѣ, не прерывая дружескихъ отношеній съ сосѣдями и имѣя полное на нихъ вліяніе. Въ 1850 году мы стали у устья рѣки, въ 1851 и 1852 годахъ осмотрѣлись и заняли нужные пункты вверхъ по рѣкѣ, въ 1853 г. заняли южную оконечность острова Сахалина, въ 1854 г. проплыли по всей рѣкѣ одинъ разъ, въ 1855 г. стали плавать взадъ и впередъ, въ 1856 г. продолжали плавать и разставили по всему лѣвому берегу казачьи посты. Китайцы никогда и ни на что не давали своего согласія, но никогда не смѣли дѣйствіямъ нашимъ препятствовать, а напротивъ, помогали намъ съ немаловажными для себя издержками, и я не имѣю ни малѣйшаго сомнѣнія, что мы также покойно и дружно поселили бы на избранныхъ мѣстахъ казаковъ съ ихъ семействами въ нынѣшнемъ году, если бы продолжали слѣдовать съ тою же постепенностью, не входя въ бесполезныя разсужденія съ ними, ибо многолѣтній опытъ доказалъ намъ, что съ китайцами на-

добно *дѣйствовать*, а не говорить». Такъ Муравьевъ смотрѣлъ на свои отношенія къ китайцамъ, такъ онъ съ ними и поступалъ, почему они его сильно побаивались; къ тому же, видя въ немъ начальника крайне энергичнаго, а въ случаѣ надобности и готоваго рѣшиться на все, боялись его прогнѣвить, почему также весьма часто, помимо своего желанія, и соглашались съ его требованіями.

Вслѣдъ за полученіемъ рапорта и письма въ Петербургъ⁽¹⁾ тотчасъ же послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе произвести заселеніе лѣваго берега Амура казаками нынѣ же лѣтомъ 1857 г., несмотря на то, что отвѣта отъ китайскаго правительства на наши предложенія о переговорахъ еще не послѣдовало. Такимъ образомъ, съ открытіемъ навигаціи послѣдоваль *четвертый сплавъ* по Амуру трехъ сотенъ Амурскаго казачьяго полка, въ числѣ 450 семей, предназначенныхъ для заселенія лѣваго берега Амура отъ усть-Стрѣлочнаго караула до впаденія р. Уссури, и семей 6-й сотни, поселенной еще въ 1855 г. въ станицѣ Сучи, что противъ Маринскаго поста; сплавъ же разныхъ казенныхъ грузовъ на этотъ разъ, въ видѣ опыта, произведенъ былъ съ подряда двумя иркутскими купцами⁽²⁾. Кромѣ того, съ этимъ сплавомъ было отправлено на поселеніе въ Николаевскъ еще 60 женщинъ изъ ссыльно-каторжныхъ для исполненія ими обязанностей женской прислуги, въ которой тамъ ощущался страшный недостатокъ. Наконецъ, 28-го мая, изъ Шилкинскаго завода отплылъ и самъ Муравьевъ; съ нимъ вмѣстѣ слѣдоваль графъ Путятинъ, не получившій еще до сего времени отъ китайскаго правительства разрѣшенія ѣхать въ Пекинъ, а потому ѣхавшій къ устью Амура и далѣе моремъ въ Печелійскій заливъ, чтобы попасть въ столицу Китая съ другаго конца. Вмѣстѣ съ ними слѣдовали два линейныхъ баталіона (№№ 13-й и 14-й), полевой дивизионъ и два горныхъ орудія 2-й легкой батареи, какъ мѣра предосторожности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ прикрытіе и содѣйствіе переселяющимся казакамъ при устройствѣ ими своихъ жилищъ и пашень.

Генераль-лейтенантъ Муравьевъ пробылъ все лѣто на Амурѣ, и побывалъ на устьѣ р. Буреи и въ Хинганскомъ хребтѣ, лично ука-

(1) Рапортъ Муравьева былъ отправленъ 28-го февраля, а Высочайшая резолюція на него послѣдовала уже 19-го марта. Характерный примѣръ предѣла той быстроты въ сношеніяхъ Иркутска съ Петербургомъ, котораго достигъ Муравьевъ: быстрота, почти равняющаяся средней скорости желѣзно-дорожнаго сообщенія; этой почти легендарной быстротою особенно отличался адъютантъ Муравьева, подполковникъ Корсаковъ.

(2) Серебряковымъ и Зимнымъ.

зывая мѣста для заселенія казаковъ; ко времени же возвращенія его съ Амура на пути отъ Хингана до усть-Стрѣлки стояло уже 11-ть станицъ. Одновременно съ Муравьевымъ возвратился на зимовку въ Шилкинскій заводъ и 13-й линейный баталіонъ; 14-й же баталіонъ съ дивизиономъ легкой артилеріи и двумя горными орудіями были оставлены въ усть-Зейской станицѣ, увеличивъ, такимъ образомъ, численность войскъ этого края по сравненію съ прошедшимъ годомъ вдвое.

Тѣмъ временемъ графъ Путятинъ, узнавъ, что въ Айгунѣ не получено на его имя никакихъ бумагъ изъ Пекина, прослѣдовалъ далѣе въ Николаевскъ, пересѣлъ на пароходъ «Америку» и направился къ берегамъ Китая; по пути, 14-го іюля, открылъ заливъ Св. Владимира ⁽¹⁾, отправилъ лейтенанта Рудановскаго на островъ Сахалинъ снова поставить постъ на устьѣ р. Кусунай изъ 15 человѣкъ ⁽²⁾ и 24-го іюля, достигнувъ р. Пейхо, вошелъ въ сношеніе съ китайскими властями. Китайской правительствомъ, усматривая, что мы основаніемъ нашихъ постовъ въ низовьяхъ р. Амура и по прибрежью Приамурскаго края сознали, наконецъ, права наши на этотъ край и видя, что, начиная основывать военныя поселенія по берегамъ рѣки, мы принимаемъ уже рѣшительныя мѣры къ прочному водворенію въ этомъ край и не желаемъ дѣлать ни уступокъ, ни замедленій, прислало, наконецъ, сказать, что «изъ возникшихъ недоразумѣній не приходится ему разрывать съ нами двухсотлѣтнюю дружбу». Да и другаго отвѣта нельзя было ожидать, такъ какъ, съ одной стороны, Муравьевъ, въ теченіе какихъ-нибудь семи лѣтъ, успѣлъ изъ ничего собрать и поставить на границѣ Маньчжуріи и Монголіи 22,000 войска съ 40 орудіями ⁽³⁾, готовыхъ по первому

(1) Заливъ «Св. Ольги», равно, какъ и заливъ «Посыета» были имъ открыты еще въ 1854 году на пути изъ Японіи въ Императорскую гавань.

(2) Одновременно съ этимъ въ Императорской гавани возобновленъ Константиновскій постъ. Очевидно, новые дѣятели начали уже убѣждаться въ справедливость представленій Невельскаго, что намъ отнюдь не должно ограничиваться лѣвыми берегомъ р. Амура, а непременно имѣть за собою бассейнъ рѣки Уссури съ его прибрежьями до Корейской границы, что при маломъ числѣ войскъ требовало разсредоточенія.

(3) Къ концу 1857 г. находилось на границахъ Маньчжуріи и Монголіи:
 13-й, 14-й, 15-й и 16-й линейные баталіоны. 4,000
 12 пѣшихъ баталіоновъ Забайкальскаго казачьяго войска. 12,000
 Батарейныхъ орудій 8
 Легкихъ орудій 24
 Горныхъ орудій 8

40 орудій.

6 конныхъ полковъ Забайкальскаго казачьяго войска 5,000

Всего 22,000

требованію двинуться внутрь этихъ провинцій и разорить ихъ, а съ другой стороны, стоялъ графъ Путятинъ, въ ожиданіи прибытія изъ Кронштадта семи военныхъ винтовыхъ судовъ, предназначенныхъ на службу въ Сибирскую флотилію. Китай не такое государство, съ которымъ можно было бы тогда ограничиться дипломатической перепиской: ему нужно было показать могущество, силу Россіи, и какъ только онъ провѣдалъ объ этомъ, то сейчасъ же и перемѣнилъ тонъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію дальнѣйшихъ событій, имѣвшихъ уже мѣсто въ слѣдующемъ году, должно еще упомянуть, что въ навигацію того же 1857 г. посѣтило Николаевскъ семь иностранныхъ кораблей и въ эту же навигацію, въ первый разъ по Амуру, на пароходахъ «Амуръ» и «Лена», было доставлено въ Сибирь незначительное количество товаровъ.

Съ открытіемъ же навигаціи 1858 г., раннею весною, генераль-губернаторъ Муравьевъ, въ сопровожденіи преосвященнаго архіепископа Иннокентія, отправился на Амуръ для переговоровъ съ китайскими посланцами въ г. Сахалянъ-ула-хотонъ. 21-го апрѣля онъ былъ уже въ Стрѣтенскѣ, откуда, между прочимъ, писалъ военному министру генералу Сухожанету: «Лды на рѣкахъ нашихъ вскрылись, и я сегодня отправляюсь изъ Забайкальской области на Амуръ. Генераль Корсаковъ отправится туда же, когда окончить всѣ приготовленія къ огромному сплаву нынѣшняго года и застанетъ меня, вѣроятно, еще въ усть-Зейской станицѣ, гдѣ я долженъ сдѣлать окончательныя распоряженія къ занятію вдругъ всей нашей линіи по лѣвому берегу Амура и правому берегу Уссури. Въ Айгунѣ, конечно, ждетъ меня со стороны Китая амурскій главнокомандующій, и будутъ, вѣроятно, возбуждены пограничные вопросы, судя по послѣднему «листу» изъ китайскаго трибунала въ нашу Сенатъ. Плаваніе мое по Амуру и далѣе продолжится, вѣроятно, до августа мѣсяца, въ половинѣ коего я надѣюсь быть обратно въ Иркутскѣ, но прежде того будутъ отъ меня донесенія въ С.-Петербургу, съ устья Зеи и съ устья Амура. Совершенная неизвѣстность о томъ, что дѣлается въ китайскихъ моряхъ послѣ взятія Кантона (1), много затрудняетъ меня въ предстоящихъ переговорахъ, если они должны быть въ передній путь мой по Амуру, т. е. прежде, чѣмъ я

Сверхъ того, изъ Иркутской и Енисейской губерній могло быть
двинуту, въ случаѣ надобности, за-границу еще 1,000

(1) Кантонъ былъ взятъ 30-го декабря 1857 г. союзной англо-французской эскадрой, добывавшейся открытіи Китайскихъ портовъ для торговли.

получу на устьѣ извѣстія отъ графа Путятина; почты изъ Петербурга ходять очень дурно и постоянно годъ отъ года хуже, такъ что необходимо было бы, по крайней мѣрѣ, съ важнѣйшими политическими извѣстіями, посылать ко мнѣ фельдъегерей до Иркутска, а здѣсь уже не замедлять доставлять ихъ ко мнѣ, гдѣ бы я ни находился, ибо огромныя наши пространства давно уже выучили насъ дорожить временемъ; спасеніемъ Камчатки въ 1854 году и нашей эскадры въ 1855 году обязаны мы этой наукѣ. Не дремлетъ также и Амурская компанія; она уже заказала въ Бельгій пять рѣчныхъ пароходовъ: три большихъ буксирныхъ—для себя и два почтовыхъ—для насъ; разумѣется, эти послѣдніе, на наши амурскія сумы (1); всѣ эти пароходы въ будущемъ году будутъ на Амурѣ, гдѣ, между тѣмъ, отъ Николаевска и до Усури (около 1,000 верстъ) откроется правильное почтовое сообщеніе, а отъ устья Усури до Забайкальской области оно пойдетъ по казачьимъ станицамъ; впрочемъ, и нынѣ уже извѣстія съ устья Зеи получаютъ въ Иркутскѣ (около 2,500 верстъ) въ двѣ недѣли. Кромѣ переселенія на Амуръ казаковъ, я оставляю тамъ же на постоянныхъ квартирахъ 13-й и 14-й линейные баталіоны съ легкою батареею пѣшей артилеріи; устройство ихъ и пособіе имъ для этого передвиженія дѣлаются

(1) Обремененіе государственнаго казначейства огромными расходами по случаю Восточной войны, побудило Муравьева для расходовъ по устройству вновь приобретеннаго края испросить разрѣшенія правительства изъ остатковъ, образующихся отъ сокращенія расходовъ по управленію Восточною Сибирью и частныхъ пожертвованій составить особый военный капиталъ, на что и послѣдовало 11-го января 1854 г. Высочайшее разрѣшеніе. Этотъ капиталъ и былъ главнымъ и почти единственнымъ источникомъ, изъ котораго черпалась большая часть всѣхъ расходовъ по занятію и устройству Примурскаго края. Къ 1-му января 1860 г. было въ приходѣ всего 836,588 рублей:

Израсходовано:

1) На постройку батарей и казенныхъ помѣщеній на устьѣ Амура.	43,271 руб.
2) На постройку парохода «Шилка»	41,801 »
3) Содержаніе крейсеровъ въ Охотскомъ морѣ	25,409 »
4) Переселеніе Амурскаго коннаго казачьяго полка съ полнымъ хозяйствомъ и двухлѣтнимъ продовольствіемъ.	117,725 »
5) За 6 рѣчныхъ пароходовъ.	137,065 »
6) На Усурийскую ученую экспедицію.	10,000 »
7) Подарки маньчжурскимъ чиновникамъ, прогоны лицамъ, командированнымъ на Амуръ, и на мѣстные расходы губернаторамъ Амурской и Приморской областей	195,571 »

Итого израсходовано. 570,842 руб.

Къ 1-му января 1860 года осталось 265,746 »

изъ амурскихъ суммъ, но, конечно, безъ форменныхъ проектовъ и смѣтъ на постройки, а то бы амурскія суммы не выдержали этихъ расходовъ. Амурскія же обстоятельства укажутъ мнѣ, въ какой степени будетъ необходимъ прїѣздъ въ Петербургъ въ концѣ нынѣшняго года мой или генерала Корсакова; но по положенію дѣлъ въ краѣ, вообще, я чувствую большую надобность прожить въ Восточной Сибири хоть одинъ цѣлый годъ, и, конечно, я не принесу въ жертву семейнымъ обстоятельствамъ пользу края, какъ ни тяжело мнѣ быть такъ долго въ разлукѣ съ женою».

9-го мая Муравьевъ находился уже въ усть-Зейской станицѣ, гдѣ въ этотъ день преосвященнымъ Иннокентіемъ былъ заложенъ храмъ во имя Благовѣщенія Господня. Въ виду особенныхъ выгодъ мѣстоположенія усть-Зейской станицы, при слияніи рѣкъ Амура и Зей, среди довольно густаго населенія, дѣлающихъ этотъ пунктъ важнымъ въ стратегическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ и представляющихъ всѣ условія для быстрого и успѣшнаго развитія станицы въ значительный населенный пунктъ, Муравьевъ вошелъ съ ходатайствомъ объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на образованіе изъ усть-Зейской станицы города Благовѣщенска.

На другой день, послѣ этого, генераль-губернаторъ на своемъ катерѣ, въ сопровожденіи двухъ большихъ вооруженныхъ лодокъ, все время сопровождавшихъ его по Амуру, отправился въ Айгунъ, на обѣдъ къ амбану, который за нѣсколько дней передъ тѣмъ настойчиво просилъ его отсрочить дальнѣйшее плаваніе и пожаловать къ нему, чтобы имѣть возможность переговорить съ цидикарскимъ главнокомандующимъ и уполномоченнымъ, княземъ И-Шанъ, прибывшимъ сюда по вопросу о разграниченіи земель. Маньчжуры еще заранѣе просили позволенія принять Муравьева съ подобающими высокому сановнику почестями и салютомъ, на что онъ изъявилъ свое согласіе; поэтому, при вступленіи его на берегъ, показался въ сторонѣ дымъ и послышался слабый трескъ; пушекъ, какъ видно, у нихъ небыло, но, судя по звуку, можно было предполагать, что это были маленькія мортирки. Съ нашей стороны вооруженные катера отвѣчали выстрѣлами изъ своихъ орудій, громкій звукъ которыхъ ихъ немало озадачилъ, почему впослѣдствіи, когда Муравьевъ хотѣлъ салютовать въ честь заключеннаго трактата, они просили не стрѣлять, прибавивъ при этомъ: «Мы чиновники, да и наши военные не любятъ выстрѣловъ».

По прибытіи во дворецъ амбана, причемъ Муравьевъ ѣхалъ

въ парадной одноколѣ, а свита (1) его верхами—онъ былъ встрѣченъ самимъ хозяиномъ у однихъ изъ наружныхъ воротъ дома. Послѣ обычнаго привѣтствія и обмѣна разныхъ любезностей съ находившимся уже тамъ цзянь-цзюномъ (главнокомандующій) И-Шанъ, началось угощеніе, состоявшее изъ безконечнаго числа разнообразныхъ китайскихъ блюдъ, приправляемыхъ неоднократно майгалой (теплая рисовая водка). Обѣдъ кончился въ 7-мъ часу вечера, причѣмъ сообщено было другъ другу масса новостей и наговорена куча любезностей, а о главномъ дѣлѣ ни полслова.

На другой день, 11-го мая, въ 10 часовъ утра, какъ это и было условлено наканунѣ, Муравьевъ со свитою снова прибылъ въ домъ амбана, приступивъ, на этотъ разъ, уже прямо къ переговорамъ, по окончаніи коихъ представилъ китайскому уполномоченному за-благовременно написанный проектъ пограничной черты по Амуру, Уссури и по рѣкѣ Тюмень-ула, до моря (2), предложивъ ему обсудить его на досугъ и пообѣщавъ въ то же время прислать завтра проектъ самого договора. Уѣзжая къ себѣ, онъ просилъ цзянь-цзюня посѣтить его, назначивъ для того 4 часа пополудни. Дѣйствительно, въ назначенное время князь И-Шанъ былъ принять Муравьевымъ у себя на катерѣ съ большимъ почетомъ; ему было предложено обильное угощеніе и музыка, которая, повидимому, ему

(1) Свиту составляли: приставъ духовной миссіи въ Пекинѣ Перовскій, генеральнаго штаба подполковникъ Будоговскій, секретарь по дипломатической части Бютцовъ, переводчикъ манчжурскаго языка Шишмаревъ, чиновники особыхъ порученій: Гурьевъ, Корчевскій и Карповъ и адъютантъ, поручикъ Котлубицкій.

(2) Совершенно вѣрное примѣчаніе *Невельскаго*, оправдавшееся впоследствии: «нельзя не высказать здѣсь, что подъ влияніемъ укоренившагося неправильнаго мнѣнія, что рѣки должны составлять пограничныя черты, сдѣлали здѣсь величайшую ошибку, упуская изъ вида слѣдующія весьма важныя для края обстоятельства: по праву Нерчинскаго трактата, граница наша въ при-Уссурійскомъ краѣ, о чемъ я неоднократно представлялъ и объяснялъ, должна идти по Хингану, перебрасывающемуся черезъ рѣки Амуръ и Сунгаръ и отдѣляющему весь бассейнъ рѣки Уссури въ наши владѣнія. Положить границу этимъ хребтомъ для насъ было бы весьма важно, во-первыхъ, потому, что рѣка Сунгаръ, при слияніи съ рѣкою Амуръ, составляетъ огромную низменную болотистую долину, изрѣзанную протоками, и только у упомянутыхъ горъ, входя въ свои берега, представляеть для насъ самый важный стратегическій пунктъ; во-вторыхъ, потому, что правые значительные притоки рѣки Уссури образуютъ превосходныя долины для поселеній и мѣстности, по которымъ идутъ ближайшіе береговые пути въ Манчжурію, т. е. мѣстности, представляющія для насъ важные стратегическіе пункты: въ-третьихъ, потому, что, владѣя всѣмъ бассейномъ рѣки Уссури и отклоняя границу къ хребту, мы набѣжали бы различныхъ неприятныхъ по р. Уссури береговымъ столкновеній и стѣсненій. Можно сказать съ увѣренностью, что со стороны китайцевъ не было бы при этомъ затрудненія, ибо они жалѣли только лишь о части Даурин, т. е. лѣвомъ берегу Амура до Хингана».

очень понравилась, особенно веселые мотивы русскихъ плясовыхъ пѣсень, которые, по его желанію, повторялись нѣсколько разъ.

На другой день, 12-го мая, согласно обѣщанію, былъ отправленъ цзянь-цзюню проектъ договора, состоявшій изъ пяти пунктовъ; по прочтеніи его, китайскіе уполномоченные прежде всего рѣшительно отказались отъ включенія въ договоръ пятаго пункта, которымъ назначался пересмотръ прежнихъ трактатовъ, относительно торговыхъ сношеній и сообщеній съ Пекиномъ, отправленія миссій, пословъ, курьеровъ и прочаго, ссылаясь на то, что по этимъ предметамъ они не имѣютъ полномочій. Затѣмъ, желая, по возможности, оттянуть время, начали рядъ обычныхъ увертокъ и придирокъ къ словамъ самого договора; словомъ, начался рядъ безцѣльныхъ разговоровъ и разсужденій, занявшихъ собою этотъ и весь слѣдующій день.

Муравьевъ, видя, что маньчжуры только оттягиваютъ время и что обыкновеннымъ путемъ никакого толка отъ нихъ не добьешься, рѣшилъ измѣнить характеръ переговоровъ, давъ имъ другой оборотъ. Въ этихъ видахъ онъ 14-го мая прибылъ въ Айгунъ и предложилъ имъ въ теченіе сутокъ дать свое согласіе по всѣмъ пунктамъ договора, обѣщая, въ противномъ случаѣ, прекратить всякіе переговоры и продолжать свой путь далѣе къ Николаевску.

Вслѣдствіе этого, на другой день, китайцы прибыли на баржу къ генераль-губернатору для окончательнаго соглашенія по всѣмъ договорнымъ статьямъ проекта, за исключеніемъ, впрочемъ, пятаго пункта, объ изыятіи котораго соглашеніе между обѣими сторонами состоялось уже ранѣе; при этомъ, они убѣдительно просили, чтобы слово граница въ Уссурійскомъ краѣ было вычеркнуто, и чтобы эти земли впредь до утвержденія договора въ Пекинѣ оставить безъ разграниченія ⁽¹⁾. Муравьевъ, согласившись на это, въ свою очередь, выговорилъ право свободно плавать по рѣкѣ Сунгари и про-

(1) Кроме того, китайцы выговорили себѣ право, чтобы жители маньчжуро-китайскихъ деревень, расположенныхъ на лѣвомъ берегу Амура, отъ устья Зеи до казачьей станицы Низменной (или китайской дер. Хормолдженгъ) были оставлены на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства подъ вѣдѣніемъ китайскаго правительства. Ошибка, которая постоянно служила предметомъ многихъ недоразумѣній; такъ, еще во времена Муравьева, когда ставили почтовые станки по лѣвому берегу Амура, два изъ нихъ пришлось среди означеннаго маньчжурскаго населенія, что имъ было далеко не по вкусу; поэтому одинъ станокъ вскорѣ сгорѣлъ. Муравьевъ, узнавъ объ этомъ, страшно разсердился, пригрозилъ китайцамъ и отдалъ приказъ немедленно въ теченіе одной ночи выстроить на этомъ же мѣстѣ другой. Тамъ появилась станція «Неожиданная».

изводить торговлю по берегамъ ея. Теперь оставалось только подписать этотъ трактатъ, для чего и было назначено 12 часовъ слѣдующаго дня — 16-го мая; но за перепискою бѣловыхъ экземпляровъ на русскомъ и маньчжурскомъ языкахъ время протянулось до вечера. Послѣ подписи генераль-губернаторъ и цзянь-цзюнь взяли каждый въ руку по два подписанные экземпляра на обоихъ языкахъ и въ одно время обмѣнялись ими съ взаимнымъ поздравленіемъ.

Такимъ образомъ, въ этотъ достопамятный день китайцы официально признали Приамурскій край, находившійся 169 лѣтъ во власти Китая, присоединеннымъ къ Россіи, край, который за два года передъ тѣмъ, благодаря разумнымъ и настойчивымъ дѣйствіямъ Муравьева, окончательно и безповоротно былъ уже нами занятъ.

По полученіи донесенія о заключеніи Айгунскаго договора Государь Императоръ возвелъ Николай Николаевича Муравьева въ графское достоинство, съ присовокупленіемъ къ его имени Амурскаго; кромѣ того, и всѣ сподвижники Муравьева удостоились награду орденами и пенсіями.

Спустя 15 дней послѣ этого, графомъ Путятинымъ былъ заключенъ Тянь-цзинскій трактатъ, по которому китайцы открывали намъ для торговли шесть портовъ и которымъ постановлено изслѣдовать неопредѣленныя части границы по р. Уссури и далѣе до Японскаго моря; этимъ же трактатомъ, между прочимъ, устанавливалось ежемѣсячное почтовое сообщеніе Пекина съ Кяхтою.

Покончивъ такимъ образомъ со славою этотъ вопросъ, тянувшійся болѣе 150-ти лѣтъ, Муравьевъ 21-го числа поплылъ далѣе, къ устью Амура; по пути оберъ-квартирмейстеръ Будоговскій избралъ мѣста для поселенія Амурскаго пѣшаго баталіона, который, въ числѣ 500 семей, въ этомъ же году занялъ весь остальной лѣвый берегъ Амура отъ Малаго Хингана до устья р. Уссури, раскинувъ на этомъ протяженіи 18 станицъ. Далѣе при устьѣ рѣки Уссури было основано поселеніе 13-го линейнаго баталіона, названное *Хабаровскимъ*; баталіонъ этотъ прибылъ изъ Забайкалья во главѣ *пятаго сплава*, вмѣстѣ съ дивизиономъ легкой батареи и двумя горными орудіями, по пути оставленными въ г. Благовѣщенскѣ, гдѣ такимъ образомъ и сосредоточилась вся 2-я легкая батарея. Отъ Хабаровскаго поселенія генераль-губернаторъ продолжалъ свой дальнѣйшій путь на пароходѣ «Аргунь» въ сопровожденіи прибывшаго сюда на встрѣчу военнаго губернатора Приморской области, адмирала Казакевича; прибывъ 8-го іюня въ Маріинскій постъ,

Муравьевъ осмотрѣлъ казармы, церковь и другія зданія, выстроенныя въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ его отсутствія, и 10-го іюня прибылъ въ Николаевскъ, гдѣ былъ встрѣченъ салютомъ съ береговыхъ батарей.

Николаевскъ послѣ 1855 года, когда Муравьевъ былъ въ немъ послѣдній разъ, изъ нѣсколькихъ существовавшихъ тогда домиковъ превратился въ большое село, растянувшееся на 1½ версты по берегу и въ которомъ насчитывалось тогда уже до 200 однихъ только частныхъ домовъ. Пробывъ въ Николаевскѣ нѣсколько дней, Муравьевъ тронулся въ обратный путь; 22-го іюня въ Маринскомъ посту, въ его присутствіи, былъ освященъ преосвященнымъ Иннокентіемъ, первый на берегахъ Амура, православный храмъ, затѣмъ на слѣдующій день у мыса Джай, въ 35-ти верстахъ выше Маринска, въ его же присутствіи, преосвященнымъ Иннокентіемъ былъ заложенъ новый храмъ во имя Св. Софіи (Премудрости Божіей), и тѣмъ положено основаніе будущему городу Софійску. 2-го іюля, Муравьевъ подошелъ къ устью р. Сунгари; взявъ здѣсь въ провозатые маньчжуровъ, онъ вошелъ съ пароходомъ въ устье этой рѣки и поднялся по ней на 20 верстъ. Такимъ образомъ, пароходъ «Амуръ», на которомъ генераль-губернаторъ ѣхалъ въ обратный путь, былъ первый, конечно, отъ сотворенія міра пароходъ, появившійся на Сунгари и положившій первое начало русскому судоходству и пароходству по этой рѣкѣ, на основаніи предоставленнаго Айгунскимъ трактатомъ права. Начиная съ устья р. Уссури, пароходъ ежедневно встрѣчалъ цѣлыя десятки баржъ и плотовъ, спускавшихся внизъ по рѣкѣ съ провіантомъ, казаками, переселенцами, различными тяжестями, съ рогатымъ скотомъ, лошадыми и прочимъ, такъ что рѣка, не смотря на свои пустынные берега, представляла въ то время довольно оживленное зрѣлище.

Дѣйствительно, сплавъ этого года былъ одинъ изъ самыхъ большихъ: кромѣ 500 семей казаковъ, поселившихся по Амуру внизъ отъ Малаго Хингана, почти столько же прибыло еще на приселеніе къ казакамъ, поселившимся въ 1857 году; эти приселившіеся образовали 19 новыхъ станицъ, что съ прошлогодними составило уже 30 станицъ; кромѣ того, въ этомъ же году прибыло еще 150 семей казаковъ для заселенія береговъ р. Уссури, образовавшихъ пока только четыре станицы. Вмѣстѣ съ казаками прибыло 236 человекъ штрафованныхъ солдатъ, назначенныхъ на приселеніе къ нимъ; этихъ солдатъ, въ числѣ 15,000 изъ внутреннихъ гарнизонныхъ баталіоновъ, было предположено отправить на Амуръ, про-

стять штрафы и расселить ихъ между казаками; послѣдніе дали имъ по этому весьма удачное прозвище «Сынковъ», такъ какъ, всѣ они, волей неволей, поступали къ нимъ на пропитаніе (1). 12-го августа, наконецъ, Муравьевъ прибылъ въ Стрѣтенскъ и отсюда уже прямо прослѣдовалъ въ Иркутскъ; по пути его всюду встрѣчали съ такимъ же восторгомъ и радостью, какъ четыре года тому назадъ, при первомъ отправленіи на Амуръ.

Вотъ каковы были окончательные результаты неутомимой и кипучей дѣятельности адмирала Невельскаго, котораго *«отечество никогда не забудетъ, какъ перваго дѣятеля, создавшаго то основаніе, на которомъ и воздвигнуто настоящее зданіе»* — подлинныя слова Муравьева, обращенныя къ Геннадію Ивановичу, по случаю заключенія Айгунскаго договора и сообщенныя ему письмомъ въ тотъ же достопамятный день 16-го мая.

Между прочимъ, въ концѣ этого же года, а именно, 8-го декабря, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ образованіи Амурской области и опредѣленіи границъ Приморской, въ томъ именно видѣ, въ какомъ они существуютъ и по настоящее время, а нѣсколько дней позже, 24-го декабря, состоялось переименованіе сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ въ восточно-сибирскіе (2) и тѣмъ положено первое основаніе или ядро къ образованію боевыхъ силъ Приамурскаго края.

Къ концу этого года въ Приморской и Амурской областяхъ находилось три линейныхъ баталіона, легкая батарея съ двумя горными дивизионами, шесть сотенъ Амурскаго коннаго казачьяго полка и Амурскій пѣшій баталіонъ, всего, стало быть, четыре баталіона, шесть сотенъ и 16 орудій, изъ нихъ восемь горныхъ (3).

(1) Приселеніе штрафованныхъ солдатъ продолжалось до 1862 г.; въ настоящее время изъ нихъ осталось на Амурѣ весьма немного, такъ какъ большинство, по предоставленному имъ въ 1879 году праву, возвратилось на родину. а также много поумирало. Вообще, они далеко не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя на нихъ возлагали при переселеніи, явившись только обузой, какъ для всего навачьего населенія, такъ и для самихъ себя. Не даромъ ихъ любимую поговоркою была: «Ето на Амурѣ не бываеъ—тотъ и горя не знаваеъ; кто на Амурѣ нобываеъ—тотъ и горе распознаеъ».

(2) Сибирскіе линейные баталіоны переименованы:

№ 13-й въ восточно-сибирскій	№ 3-й;
№ 14-й » » »	№ 2-й;
№ 15-й » » »	№ 4-й;
№ 16-й » » »	№ 1-й.

(3) Расположеніе войскъ было слѣдующее: линейный баталіонъ № 2-го и легкая батарея съ горнымъ дивизиономъ—въ г. Благовѣщенскъ; линейный баталіонъ № 3-го—въ п. Хабаровскомъ; линейный баталіонъ № 4-го и горный дивизионъ—

Такъ окончился 1858 г., послѣдній годъ пятилѣтней кипучей дѣятельности по занятію и первоначальному устройству этого, вновь прибрѣтеннаго и укрѣпленнаго за нами, края. Муравьевъ, своимъ личнымъ присутствіемъ ⁽¹⁾ и горячимъ участіемъ во всемъ, что касалось Амура, вносилъ ту энергію и жизнь, которая составляетъ нынѣ предметъ одного удивленія.

Но вотъ прошелъ годъ и этотъ, повидимому несокрушимый, человѣкъ почувствовалъ, наконецъ, потребность отдыха послѣ 13-ти лѣтней непрерывной дѣятельности, всецѣло посвященной на дорогую ему окраину, которую онъ вывелъ на путь новой жизни, открывъ ей врата къ Великому океану.

Въ началѣ 1861 г. Муравьевъ покинулъ тѣ мѣста, которыя навсегда обезсмертили его имя, уступивъ поле дѣятельности генералу Корсакову, котораго онъ въ теченіе 10-ти лѣтъ провелъ изъ штабсъ-капитановъ въ генералы и котораго съ любовью и заботою, какъ роднаго сына, давно уже подготавливалъ себѣ въ пріемники. Покидая эти мѣста, Муравьевъ не могъ удержаться, чтобы не побывать еще разъ на дорогомъ ему Амурѣ и вотъ, въ навигацію 1859 года, мы опять видимъ его на этой рѣкѣ; на этотъ разъ на пароходѣ «Америка» онъ объѣзжаетъ все наше южное побережье, заходитъ въ заливъ Посьета, объѣзжаетъ берега Кореи, входитъ даже въ Бэй-чжилійскій заливъ и подплываетъ къ самому устью рѣки Пей-хо, спустя только нѣсколько дней послѣ неудачной попытки англичанъ овладѣть проходомъ въ эту рѣку.

Графъ Муравьевъ, положительно восхищенный осмотромъ южнаго побережья при-Уссурійскаго бассейна, окончательно убѣждается, что вся сила и могущество Россіи лежатъ тутъ на прибрежьи Великаго океана, а не на дорогомъ для него Амурѣ—лично выбираетъ двѣ лучшія гавани—Владивостокъ и Посьетъ, и спѣшитъ ихъ занять нашими отрядами, чтобы фактически показать китайцамъ наше неоспоримое право владѣнія ими, тѣмъ болѣе въ виду тѣхъ переговоровъ, которые должны были вестись съ китайцами нашимъ посломъ въ Пекинѣ Игнатьевымъ, по окончательному опредѣленію нашей границы въ Южно-Уссурійскомъ краѣ.

въ п. Маріинскомъ и г. Николаевскѣ; Амурскій конный казачій полкъ и Амурскій пѣхотный баталіонъ—по станицамъ лѣваго берега Амура, отъ усть-Стрѣлки до усть-р. Усури.

(1) Начиная съ 1854 года, Н. Н. Муравьевъ ежегодно ѣздилъ весною изъ Иркутска на Амуръ, ватѣмъ обратно; осенью въ Петербургъ, а зимою опять въ Иркутскъ.

Черезъ годъ послѣ этого, 20-го іюля 1860 г., команда изъ 40 человѣкъ высаживается на полуостровъ имени генераль-губернатора, кладетъ основаніе Владивостоку — нашему опорному пункту на берегахъ Великаго океана, а одновременно съ этимъ ротою линейнаго баталіона № 4-го занимается заливъ Посыета. Такимъ образомъ, на южномъ побережьи вновь прибрѣтеннаго нами края мы уже занимаемъ два пункта, когда 12-го ноября 1860 г. Игнатьевъ заключаетъ съ китайскимъ правительствомъ блестящій дополнительный Пекинскій договоръ, которымъ, между прочимъ, подтверждаются всѣ статьи Айгунскаго и Тянь-цзинскаго договоровъ, и точно, въ подробностяхъ, опредѣляется граница отъ устья р. Уссури до озера Ханка и далѣе до Японскаго моря, опредѣленная еще лѣтомъ 1859 года особой экспедиціей, подъ начальствомъ оберъ-квартирмейстера подполковника Будоговскаго. Кромѣ того, въ этомъ же году были направлены первые переселенцы — крестьяне въ Уссурийскій край, и тѣмъ положено основаніе къ заселенію его; словомъ, вопросъ о занятіи нами Уссурийскаго края въ этомъ году былъ рѣшенъ окончательно и безповоротно. Между прочимъ, въ концѣ этого же года войска Амурскаго края были усилены еще однимъ баталіономъ ⁽¹⁾, направленнымъ въ г. Николаевскъ.

VI.

Славы по Амуру.

Снабженіе поселенныхъ по лѣвому берегу Амура казаковъ Забайкальскаго казачьяго войска, а также крестьянъ-переселенцевъ различными предметами сельскаго хозяйства, продовольственными запасами, лошадьми, рогатымъ скотомъ и прочимъ, равно, какъ и доставка разнаго казеннаго груза войскамъ, расположеннымъ въ Амурскомъ краѣ, производилась ежегодно изъ Забайкалья при помощи сплавовъ; эти сплавы, продолжавшіеся до 1872 года, когда доставка всякихъ грузовъ стала уже производиться на судахъ амурскаго товарищества, играли въ общественной жизни края настолько важную роль и проявлялись, при этомъ, въ такихъ своеобразныхъ формахъ, что ради интереса слѣдуетъ остановиться нѣсколько

⁽¹⁾ Линейнымъ баталіономъ № 5-го, переименованнымъ въ 1859 г. изъ енисейскаго гарнизоннаго баталіона.

подробнѣе на этомъ явленіи, сохранившемъ за собою и до сихъ поръ еще немало преданій.

Завѣдываніе, какъ снаряженіемъ, такъ и движеніемъ сплавовъ до 1862 года поручалось одному лицу, обыкновенно избираемому самимъ генераль-губернаторомъ изъ числа штабъ-офицеровъ Забайкальскаго казачьяго войска. Съ этого же года должность завѣдывающаго снаряженіемъ сплава была отдѣлена отъ должности завѣдывающаго сплавомъ, такъ какъ занятія по каждой изъ этихъ обязанностей, въ отдѣльности, представлялись настолько сложными, что одному лицу были не подъ силу; при этомъ завѣдывающему сплавомъ было присвоено званіе— «начальникъ сплава амурскихъ грузовъ». Итакъ, съ раздѣленіемъ означенныхъ обязанностей завѣдывающій снаряженіемъ сплава вѣдалъ только заготовкою матеріаловъ для постройки баржъ, приобрѣтеніемъ необходимыхъ предметовъ для оснастки ихъ, какъ то: канатовъ, якорей, цѣпей и проч., заготовленіемъ продуктовъ для сплавщиковъ на путь отъ Читы до Николаевска, наймовъ мастеровъ и рабочихъ и, наконецъ, завѣдывалъ еще всѣми нижними чинами, назначенными, какъ для работъ, такъ и для сплава, причемъ послѣдними, до открытія навигаціи, когда они передавались уже въ распоряженіе начальника сплава. Дѣлопроизводство по сплавнымъ операціямъ сосредоточивалось въ канцеляріи наказнаго атамана Забайкальскаго казачьяго войска, а у завѣдывающаго снаряженіемъ—въ особой, состоявшей при немъ, конторѣ. Мѣстопробываніе завѣдывающаго снаряженіемъ было въ г. Читѣ, а постройка баржъ производилась на берегу р. Ингоды въ $\frac{1}{2}$ -верстѣ отъ станицы Сиваковой, отстоящей отъ Читы въ 30-ти верстахъ вверхъ по означенной рѣкѣ. Обыкновенно зимою производилась заготовка матеріала, а весною, передъ открытіемъ навигаціи, начиналась самая настоящая горячая работа по постройкѣ баржъ, ежегодно изготовляемыхъ въ числѣ до 300 штукъ; кромѣ того, строилось еще для каждой баржи по одной небольшой лодкѣ, поднимающей до 10-ти человекъ и до 60-ти большихъ, такъ называемыхъ разгрузныхъ лодокъ, поднимающихъ до 500 пудовъ груза каждая; такія лодки придавались на время сплава къ каждымъ пяти баржамъ по одной, для разгрузки при посадкѣ баржъ на мель. Строеніе баржъ было далеко не одинаковое, выливаясь въ самыя разнообразныя, часто даже фантастическія формы, представляющія иногда, напримѣръ, правильныя геометрическія фигуры: квадрата, ромба и треугольника; начиная же съ 1862 года, баржи строились уже однообразной овальной формы.

Пространство, занятое подъ постройку одиѣхъ только баржъ, тянулось по правому берегу Ингоды на протяженіи болѣе трехъ верстъ, а площадь подъ помѣщеніями, службами, сараями и складомъ матеріаловъ обнимала собою до 100 десятинъ земли; для служащихъ офицеровъ имѣлся большой удобный домъ со всѣми къ нему службами, а для рабочихъ нижнихъ чиновъ — двѣ громадныя казармы, въ два этажа каждая; вольнонаемные же рабочіе и мастера помѣщались, относительно удобно, въ землянкахъ, выстроенныхъ изъ казеннаго матеріала.

Зарабѣ опредѣленнаго количества рабочихъ, какъ казенныхъ, такъ и вольнонаемныхъ, не было: все зависѣло отъ предстоящихъ работъ; цифра первыхъ доходила до 2,500 человекъ, изъ коихъ до 1,500 человекъ сибирскихъ рекрутовъ, предназначавшихся для укомплектованія войскъ, расположенныхъ въ Амурскомъ краѣ, а главнымъ образомъ, для судовъ сибирской флотиліи, и до 1,000 человекъ штрафованныхъ солдатъ изъ бывшихъ баталіоновъ внутренней стражи, также слѣдовавшихъ на укомплектованіе, но уже исключительно только линейныхъ баталіоновъ, равно какъ и для приселенія къ казакамъ, поселеннымъ по лѣвому берегу Амура. Всѣ эти люди прибывали на мѣсто постройки баржъ въ началѣ января мѣсяца и сейчасъ же принимались за работы по заготовкѣ лѣсныхъ матеріаловъ, а знавшіе какое-либо мастерство, получали работы, соотвѣтственныя ремеслу каждаго. За исполненіе работъ (преимущественно урочныхъ) плотничныхъ, кузнечныхъ и другихъ, рабочіе получали: вольнонаемные — до 30 руб., а казенные — до 8 руб. въ мѣсяцъ; чернорабочіе же, назначаемые для заготовки и вывоза лѣснаго матеріала, ухода за рабочими лошадьми и быками — въ половину меньше, причѣмъ въ обоихъ случаяхъ, какъ тѣмъ, такъ и другимъ, отпускалось казенное продовольствіе и два раза въ недѣлю винная порція. Завѣдывающій снаряженіемъ сплава, равно какъ и начальникъ такового, получали по 5 руб. суточныхъ каждый, независимо прочаго содержанія.

Построенныя, такимъ образомъ, баржи и лодки, по вскрытіи р. Ингоды, что обыкновенно бываетъ между 20-мъ и 25-мъ апрѣля, спускались на воду и по снабженіи всѣмъ необходимымъ на время дальняго плаванія, какъ то: топорами, конопатками, помпами, канатами, паклею и т. п., сдавались начальникамъ рейсовъ, назначаемыхъ наказнымъ атаманомъ Забайкальскаго казачьяго войска, по выбору и представленію начальника сплава. Такихъ начальниковъ рейсовъ назначалось отъ 10 до 15, исключительно изъ регулярныхъ и вой-

сковыхъ заурядъ-офицеровъ Забайкальскаго казачьяго войска; въ помощь каждому изъ нихъ назначались молодые офицеры, слѣдующіе въ войска, расположенныя на Амурѣ, и остававшіеся обыкновенно подѣ разными предлогами въ Читѣ до открытія навигаціи для того, чтобы попасть на сплавъ, и, въ качествѣ помощника начальника рейса, получать рубль суточныхъ денегъ, что въ концѣ концовъ давало возможность заработать офицеру въ лѣто (съ апрѣля по августъ) до 150 рублей и, кромѣ того, пріятно провести время, плывя потихоньку, не торопясь, останавливаясь въ попутныхъ казачьихъ станицахъ.

По пріемѣ начальниками рейсовъ въ свое вѣдѣніе опредѣленное каждому число баржъ (отъ 15 до 20) съ принадлежностями къ нимъ и продовольствіемъ для командъ, составъ которыхъ опредѣлялся по расчету 10 человекъ на каждую баржу, рейсы, безъ груза, отправлялись по Ингодѣ до Читы, проплывая разстояніе въ 35 верстъ при безвѣтріи въ 3—4 часа времени. Съ прибытіемъ рейсовъ въ Читу, обязанности завѣдывающаго снаряженіемъ прекращались, уступая мѣсто дальнѣйшей дѣятельности по пріему и отправленію грузовъ начальнику сплава, которому полагался еще и помощникъ съ трехрублевымъ окладомъ суточныхъ денегъ.

Обязанности начальника амурскихъ грузовъ заключались въ томъ, что въ теченіе всей зимы, предшествующей навигаціи, онъ черезъ посредство состоявшихъ въ его распоряженіи двухъ-трехъ офицеровъ и нѣсколькихъ благонадежныхъ урядниковъ, принималъ казенные грузы, доставляемые въ Читу различными подрядчиками для отправки таковыхъ на Амуръ. Весною же, какъ только прибывали баржи, принятые грузы распредѣлялись по рейсамъ, причемъ на каждую баржу грузилось отъ 4 до 4^{1/2} тысячъ пудовъ; баржи эти обыкновенно останавливались по лѣвому берегу рѣчки Ингоды отъ станицы Титовой до провіантскихъ магазиновъ. При принятіи грузовъ, передъ отплытіемъ изъ Читы, каждый начальникъ рейса приказывалъ поднять на своихъ баржахъ, въ носовой ихъ части, флаги, размѣръ и цвѣтъ которыхъ былъ произвольный—по желанію и вкусу каждаго начальника. Поднятіе флаговъ означало, что рейсъ готовъ къ отплытію. Рейсы отправлялись по одному, по два и по три въ день, смотря, кто какъ успѣвалъ. Въ хорошую погоду, въ дни отхода рейсовъ, обыкновенно, на пристани собиралась масса публики и происходило прощаніе отплывающихъ съ остающимися. Но вотъ, наконецъ, раздавалась команда начальника рейса: «снимай сходни», затѣмъ черезъ нѣсколько минутъ, когда все было готово,

слѣдовала команда: «отваливай» и баржи, подъ тяжестью груза, слегка поскрипывая, помаленьку отчаливали на середину рѣвки, а солдатики подъ этотъ скрипъ затагивали какую-нибудь пѣсенку; сплавщики же офицеры, прощаясь съ остающимися на берегу знакомыми, заключали свой послѣдній привѣтъ и до сихъ поръ еще памятными словами: «*прощай Чита въ началъ мая, а въ сентябрь прощай Амуръ*». Проводивъ рейсъ, публика, возвращавшаяся въ городъ, еще не доходя до него, слышала, обыкновенно, всѣмъ знакомую и излюбленную «дубинушку», означавшую, что которая нибудь изъ отплывшихъ баржъ уже приткнулась не подалеку отъ пристани на одну изъ находящихся здѣсь мелей.

Начальниками рейсовъ обыкновенно назначались офицеры самыя опытные, знакомые съ особенностями сплава, знающіе и изучившіе до тонкости всѣ мели, камни, перекаты и непроходимые протоки.

До 1863 г. сплавы удавались прекрасно, несмотря на то, что баржи строились безъ всякихъ желѣзныхъ скрѣпленій; грузы, за весьма малыми исключеніями, достигали мѣстъ своего назначенія; если и бывала порча и трата, то такихъ грузовъ, какъ: мука, крупа и соль; но безъ этого обойтись рѣшительно не было никакой возможности, въ виду того, что продукты эти помѣщались въ баржѣ не въ мѣшкахъ, а въ розсыпь, каковой способъ доставки, очевидно, не только давалъ много утраты, но и портилъ ихъ иногда до совершенной негодности, превращая, преимущественно отъ дождей, муку и крупу въ комки, а соль въ какую-то кашу.

Но вотъ злосчастный сплавъ 1863 года, погубившій въ какое нибудь мгновеніе массу казеннаго добра, слѣдовавшаго двумя рейсами на 32 баржахъ изъ Читы въ Николаевскъ, далъ понять, наконецъ, что эти суда нужно строить съ желѣзными скрѣпленіями внутри и что деревянные гвозди крайне необходимо замѣнить желѣзными. Этотъ страшный погромъ произошелъ 5-го августа 1863 г. въ пространствѣ между Хабаровкою и Софійскомъ, у станка № 12⁽¹⁾, гдѣ эти суда, слѣдовавшія съ грузомъ интендантскаго и морскаго вѣдомствъ, немного не доходя до указаннаго мѣста, были внезапно застигнуты ураганомъ необычайной силы, пронесшимся по всему низовью Амура; баржи, не имѣя уже возможности зайти въ какую нибудь протоку, вынуждены были причалить кое какъ къ ближайшему берегу, чтобы дать возможность спастись хотя людямъ; при-

(1) Между станціями Малмыжскою и Хунгари.

чаленныя на два каната, ударяясь безпрестанно о берегъ и не имѣя прочныхъ скрѣпленій, онѣ просто на просто расползлись, а вслѣдъ затѣмъ поплыло внизъ по Амуру все содержимое въ нихъ, какъ то: холсты, сукна, солонина въ бочкахъ, свѣчи и мыло въ ящикахъ, медикаменты и многое другое; отъ муки и крупы, бывшихъ въ росыпи, даже Амуръ побѣлѣлъ.

Въ предупрежденіе возможности повторенія подобнаго несчастья предписано баржи строить уже съ желѣзными скрѣпленіями, употребляя, гдѣ возможно, желѣзные, а не деревянные гвозди.

На сколько въ этотъ знаменательный день было сильно волненіе, даже въ среднемъ теченіи Амура, можно судить по тому, что одинъ изъ рейсовъ, находившійся въ то время въ ста верстахъ ниже г. Благовѣщенска, былъ спасенъ отъ неминуемой гибели только благодаря предусмотрительности стараго опытнаго лоцмана, который еще до урагана, въ предвидѣніи его, успѣлъ завести баржи, въ ближайшую протоку, въ которой, несмотря на сравнительно покойную стоянку, потребовалось все-таки не мало труда, чтобы отстояться спокойно. За то бывали и такіе случаи, что по винѣ плохихъ лоцмановъ баржи садились не только на мель и на камни, но иногда просто залѣзали въ невылазные протоки, вслѣдствіе чего грузъ, предназначавшійся къ сплаву въ г. Николаевскъ, не доходилъ уже во-время къ мѣсту своего назначенія.

Наконецъ, по сдачѣ грузовъ въ Николаевскѣ, тѣ сплавщики, коимъ надлежало возвратиться въ Читу, спѣшили примазаться къ одному изъ ходившихъ по Амуру казенныхъ пароходовъ, ибо въ противномъ случаѣ уже приходилось подыматься на легенькихъ лодочкахъ вверхъ по рѣкѣ, или же дожидаться зимняго пути; плыть же на частныхъ пароходахъ было далеко не по карману ⁽¹⁾; даже купцы, появлявшіеся на Амурѣ съ товарами, предпочитали баржи собственнаго издѣлія существовавшимъ пароходамъ—на столько была цѣна высока за перевозку не только пассажировъ, но даже и грузовъ. Везли преимущественно бакалейные и разные мелочные товары для казаковъ, поселенныхъ по Амуру ⁽²⁾, и для купцовъ,

(1) Первый частный пароходъ «Адмиралъ Казакевичъ» бралъ за проѣздъ отъ Николаевска до Шилкинскаго завода 200 руб.; впоследствии же частные пароходы Амурской компаніи брали въ половину меньше, между тѣмъ, какъ казенные пароходы брали за это расстояние всего 1 р. 75 коп.

(2) Эта выгодная торговля (сплавомъ) съ казаками, доставлявшая большіе барыши, продолжается и по нынѣ.

успѣвшихъ уже открыть въ нѣкоторыхъ пунктахъ лавченки, послужившія основаніемъ большинства нынѣшнихъ магазиновъ, благодаря тѣмъ неимовѣрно высокимъ цѣнамъ, какія они брали за свои товары съ первыхъ переселенцевъ Амура.

Итакъ, изъ всего вышеизложеннаго не трудно видѣть, что эти славы стоили правительству громаднхъ денегъ, отвлекали массу лицъ отъ прямыхъ ихъ обязанностей и были причиною истребленія лѣсовъ въ верховьяхъ Амура; но избѣжать всего этого, за отсутствіемъ частной предприимчивости, которая могла бы взять на себя всю операцію доставки, не представлялось возможнымъ.

VII.

Обозрѣніе событій, совершившихся на Амурѣ послѣ 1860 года.

Съ отъездомъ графа Муравьева, вновь возвращенный имъ Приамурскій край, какъ бы истомленный той необычайно кипучей и живой дѣятельностью, которая была вызвана личною энергіею этого замѣчательнаго человѣка, сталъ мало-по-малу переходить къ состоянію полнаго покоя. Дѣйствительно, амурская жизнь, почти въ теченіе всего двадцатилѣтняго періода, до назначенія генераль-губернаторомъ Восточной Сибири генерала Анучина, бѣдна событіями; Амуръ, такъ сильно возбуждавшій въ 50-хъ годахъ всеобщее вниманіе, сталъ снова забываться, а отдаленность Амурскаго края отъ центра управленія Восточной Сибирью неволью тормозила всѣ благія намѣренія и представленія мѣстной администраціи; словомъ, Амуръ сталъ жить своей особой жизнью, тихой и мирной, несмотря на то, что она была основана на началахъ, данныхъ еще графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ, началахъ, требовавшихъ дальнѣйшей энергической работы, а не одного только спокойнаго выжиданія какихъ-то результатовъ.

Муравьевъ, какъ бы предвидя все это, заранѣе, еще передъ оставленіемъ своего поста, настоятельно требовалъ новаго территориальнаго раздѣленія всей Сибири и образованія вмѣсто двухъ, — трехъ административныхъ центровъ управленія ⁽¹⁾, причемъ этотъ

(1) По проекту Н. Н. Муравьева должно было Сибирь раздѣлить на три слѣдующія части: 1) Приморская область; 2) губерніи Иркутская и области—Якутская, Амурская и Забайкальская съ кяхтинскимъ градоначальствомъ и 3) Западная Сибирь съ губерніей Енисейской.

третій центръ долженъ былъ находиться на Амурѣ въ Приамурской области. Сдѣланное по этому поводу представленіе, хотя и удостоилось Высочайшаго вниманія, но по многимъ причинамъ не получило утвержденія, а потому и осталось безъ исполненія; самая же мысль о раздѣленіи Сибири, подобно сѣмени, упавшему на добрую почву, не заглохла и получила свое осуществленіе, но не ранѣе, какъ 24 года спустя, и притомъ далеко не въ такой формѣ, какъ первоначально предполагалъ Муравьевъ.

Для полноты дальнѣйшаго изложенія слѣдуетъ бросить бѣглый взглядъ на событія этого, довольно длиннаго, періода Амурской жизни, средоточіе которой, начиная съ 60-хъ годовъ, постепенно переносится уже къ югу отъ Амура, въ при-Уссурійскій край.

Первое, что кидается въ глаза—это переселеніе, или вѣрнѣе передвиженіе, уже осѣвшихъ на Амурѣ новоселовъ на новыя, болѣе удобныя мѣста, высмотрѣнныя и избранныя ими же самими; все, что имѣло возможность, двинулось въ благословенный Южно-Уссурійскій край, гдѣ первоначально появляются три селенія ⁽¹⁾ на огромной ханкайской равнинѣ, а къ 1864 году можно уже видѣть поселенія, правда, крайне рѣдкія и небольшія, въ окрестностяхъ залива Ольги и въ нѣкоторыхъ другихъ прибрежныхъ пунктахъ. Здѣсь умѣстно замѣтить, что первые переселенцы, прибывшіе на Амуръ, въ виду необходимости возможно скорѣе занять важныя водныя пути, въ то время еще не присоединеннаго къ намъ, Амурскаго края, были посажены на мѣста, не всегда удовлетворявшія ихъ привычкамъ и вкусамъ, а потому, естественно, сразу были поставлены въ безвыходное положеніе, заставившее ихъ, вскорѣ, искать выхода въ передвиженіи на новыя мѣста, болѣе отвѣчающія ихъ потребностямъ.

Одновременно съ передвиженіемъ новоселовъ въ Южно-Уссурійскій край, наступаетъ замѣтное сокращеніе числа лицъ, ежегодно прибывающихъ на приселеніе въ край; такъ, въ 1862 году заканчивается обязательное переселеніе казаковъ изъ Забайкалья, образовавшихъ въ Амурской области всего 67 станицъ съ населеніемъ въ 11,850 душъ обоюго пола, а на Уссуріи—23 станицы, съ населеніемъ въ 5,000 душъ, также обоюго пола; это вновь поселенное войско должно было выставлять конную казачью бригаду (1-й и 2-й Амурскіе конные полки—четырехсотеннаго состава) и два пѣшихъ казачьихъ баталіона (Амурскій и Уссурійскій). Затѣмъ, съ

(1) С. Никольское на р. Суйфунѣ и селенія—Астраханка и Турій-Рогъ на западномъ берегу озера Ханка.

1868 года начинает замѣчаться уменьшеніе числа переселенцевъ и изъ крестьянъ, приливъ которыхъ, можно сказать, въ 70-хъ годахъ уже совершенно прекращается. Да оно и понятно: тѣ невзгоды и лишенія, которыя выпали на долю первыхъ переселенцевъ этого края, посаженныхъ къ тому же на мѣста не по своему выбору и желанію, постоянный недостатокъ въ хлѣбѣ первые годы по переселеніи, сильныя наводненія 1861, 1863 и особенно 1868 годовъ, разорившія и уничтожившія массу добра только что заведеннаго хозяйства, а главное—трудность и дальность пути, нерѣдко продолжавшагося два, три года, прежде чѣмъ переселенцу удавалось добраться до Амура—естественно должны были сразу охладить пылъ дальнѣйшаго переселенія на Амуръ, предоставивъ, такимъ образомъ, будущему окончательное разрѣшеніе этого вопроса первостепенной важности для края.

Кромѣ крестьянъ-переселенцевъ въ 1864 году, совершенно неожиданно, появляются въ окрестностяхъ залива Посыета первые переселенцы и изъ Кореи, наплывъ которыхъ, благодаря встрѣченному ими сочувствію, а также частымъ голодовкамъ въ Корей, сталъ на столько усиливаться, что въ началѣ 70-хъ годовъ, правительство было уже вынуждено принять мѣры къ уменьшенію дальнѣйшаго появленія въ нашихъ предѣлахъ этого уже нежелательнаго элемента. Одновременно съ этимъ начинает замѣчаться появленіе отщепенцевъ или отбросковъ Китая, такъ называемыхъ манъ (1), которые, ища спасенія вѣдъ предѣловъ своего отечества, тихо, по одиночкѣ, являются къ намъ промышлять пушнаго звѣря, добывать корень джень-шень, дубовые грибы, морскую капусту и другія естественныя произведенія этого богатаго края. Словомъ, одновременно съ появленіемъ русскихъ переселенцевъ, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ замѣчается и наплывъ чуждаго, совершенно нежелательнаго намъ, элемента, отбрасываемаго нашими сосѣдями.

Вотъ въ это-то время, замѣтнаго ослабленія вниманія къ вопросу о заселеніи сего края, единственная забота правительства направляется на устройство телеграфнаго сообщенія въ Приморской области и на установленіе связи его съ общою сѣтью телеграфовъ Европейской Россіи. Первоначально, для надобностей морскаго вѣдомства, было предпринято въ 1861 году проведеніе телеграфа между Николаевскомъ и Новгородскою гаванью, съ

(1) Манъ-ца—въ переводѣ означаетъ бѣгавъ, бродяга или выходецъ.

вѣтвью отъ Софійска до де-Кастри, законченнаго постройкою въ концѣ 1866 года и потребовавшаго на свое сооруженіе 656,864 рубля. Вслѣдъ затѣмъ, въ 1865 году, согласно условію съ американскою компаніей западныхъ телеграфовъ, предпринято было соединеніе амурско-уссурійскаго телеграфа съ общемою сѣтью телеграфовъ Имперіи, черезъ проведеніе проволоки отъ Верхнеудинска до Хабаровки къ Николаевску; для этого были заготовлены заграницею матеріалы, аппараты и прочіе инструменты, стоимость которыхъ, съ доставкою въ Николаевскъ и другими на мѣстѣ расходами, равнялась 487,352 р. Въ 1866 году работы по всей линіи были уже ведены весьма дѣятельно, а въ слѣдующемъ году, вслѣдствіе отказа американской компаніи отъ своего предпріятія, совершенно неожиданно — остановились; въ 1868 году они снова возобновились, но безъ содѣйствія компаніи, а въ 1870 г. телеграфное сообщеніе Китая съ Европейскою Россіей уже было открыто по двойному проводу, потребовавъ на это еще дополнительнаго расхода 844,000 рублей. Эта, крайне трудная и тяжелая работа, непрерывно продолжавшаяся въ теченіи 10-ти лѣтъ, почти всецѣло выпала на долю нашихъ войскъ, явившихся и въ данномъ случаѣ единственными работниками, которые, прокладывая просѣку для телеграфной линіи среди дикой и непроходимой тайги, тѣмъ самымъ сдѣлали первый твердый шагъ къ установленію прочной и неразрывной связи этой далекой окраины съ сердцемъ Россіи; къ этому умѣстно сказать, что среди офицеровъ, также принимавшихъ дѣятельное участіе въ проведеніи этой линіи, наиболѣе видное мѣсто принадлежитъ полковнику Бѣльцову и генералу Баранову (1), бывшему въ то время еще молодымъ капитаномъ генеральнаго штаба — энергія и распорядительность котораго немало способствовали быстротѣ и правильной постановкѣ этой нелегкой работы.

Въ 1861 году, одновременно съ окончаніемъ разграниченія нашихъ земель въ Южно-Уссурійскомъ краѣ съ Китаемъ, вниманіе правительства нашего было также обращено на установленіе болѣе близкихъ и прочныхъ отношеній съ этимъ сосѣдомъ, начавшимъ уже пробуждаться отъ своей вѣковой спячки, благодаря завязавшимся сношеніямъ съ европейцами. Для этого, прежде всего, воспользовались обѣщаніемъ графа Путятина, даннаго китайцамъ при заключеніи Тянь-цзинскаго договора: выслать имъ въ подарокъ

(1) Генералъ І. Г. Барановъ, нынѣ находящійся въ отставкѣ, большую часть своей службы провелъ на Амурѣ, гдѣ, между прочимъ, въ теченіи восьми лѣтъ занималъ должность военнаго губернатора Приморской области.

нѣсколько образцовъ хорошаго оружія; поэтому, посылая въ Пекинъ 10,000 литтихскихъ наръзныхъ ружей семилинейнаго калибра, 500 ракетъ двухъ-дюймоваго калибра съ двумя станками и четыре горныхъ единорога—съ ними еще отправили въ качествѣ инструкторовъ: трехъ офицеровъ ⁽¹⁾, оружейнаго и двухъ арсенальныхъ мастеровъ, кондуктора, строеваго унтеръ-офицера, двухъ гальванеровъ и 15 нижнихъ чиповъ; всѣ эти люди состояли подъ командою флигель-адъютанта полковника Балюзeka, на котораго, одновременно съ этимъ, была возложена и обязанность министра-резидента въ Пекинѣ. Происки и вмѣшательство англичанъ, предложившихъ китайцамъ своихъ инструкторовъ, были причиною того, что въ слѣдующемъ году, за отсутствіемъ дѣла, нашимъ инструкторамъ пришлось возвратиться въ Россію.

Посмотримъ теперь, какъ сказалось на боевыхъ силахъ края тихое и мирное настроеніе, которое сопровождало Амурскую жизнь въ теченіи этого 20-ти-лѣтняго періода.

До 1862 года численность и расположеніе войскъ, заповѣданныхъ еще графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ, оставалась безъ измѣненія; съ 1862 же года, когда появляются въ южной части Уссурийскаго края зачатки русской осѣдлости, начинается постепенное передвиженіе войскъ къ двумъ, уже заранѣе намѣченнымъ, прибрежнымъ пунктамъ—Владивостоку и Посѣту черезъ промежуточную станцію въ тылу—п. Камень-Рыболовъ; одновременно съ этимъ, какъ бы на замѣну частей, выбывающихъ въ Южно-Уссурийскій край, медленно и незамѣтно прибываютъ на Амуръ новыя части изъ Забайкалья. Такъ, въ 1862 г. прибылъ въ Николаевскъ 6-й Восточно-Сибирскій линейный баталіонъ ⁽²⁾ на замѣну только что ушедшаго въ Новгородскій постъ горнаго дивизіона 1-й батареи; въ 1863 году, съ уходомъ 3-го линейнаго баталіона изъ Хабаровки въ п. Камень-Рыболовъ, на его мѣсто прибылъ изъ Троицкосавска 1-й линейный баталіонъ; въ 1866 году этотъ баталіонъ былъ уже переведенъ изъ Хабаровки въ п. Новгородскій, въ виду предполагавшагося перенесенія туда Николаевскаго порта, а вмѣстѣ съ этимъ, на замѣну его, была образована Хабаровская постоянная команда; кромѣ того, для занятія наиболѣе важныхъ прибреж-

(1) Капитанъ лейбъ-гвардіи Семевскаго полка Зейфортъ, подпоручикъ гв. копейной артиллеріи Филипенко и подполковникъ горныхъ инженеровъ Давыдовичъ-Нащиповскій.

(2) Переименованный въ 1861 году изъ Иркутскаго гарнизоннаго баталіона.

ныхъ пунктовъ Уссурійскаго края были образованы еще постоянныя команды: Александровская де-Кастри, Новгородская, Ольгинская и Дуйская на островѣ Сахалинѣ; въ 1869 году изъ горныхъ дивизионовъ линейной Забайкальской артиллерійской бригады сформирована 3-я горная батарея, а бригада переименована въ Восточно-Сибирскую артиллерійскую бригаду; въ 1874 году, на замѣну 2-го линейнаго баталіона, по частямъ оттянутаго въ Забайкалье для надобностей гарнизонной службы, прибылъ изъ Иркутска въ Благовѣщенскъ 72-й резервный баталіонъ, переименованный въ томъ же году въ Благовѣщенскій губернский баталіонъ ⁽¹⁾; въ 1876 году, 2-я батарея изъ Благовѣщенска была передвинута въ село Никольское, а на ея мѣсто въ слѣдующемъ году прибыла 1-я батарея изъ города Верхнеудинска; въ 1879 г. разрозненныя части казаковъ, поселенныхъ по рѣкамъ Амуру и Уссури, были соединены въ одно казачье войско—Амурское, образовавшее собою новое—десятое казачье войско Россіи, причемъ, согласно дѣйствительной способности населенія выставлять строевыя части, переименованы: конная бригада—въ Амурскій конный полкъ, а пѣшіе баталіоны—въ Амурскій и Уссурійскій пѣшіе полубаталіоны; наконецъ, въ этомъ же году состоялось переселеніе въ Южно-Уссурійскій край 389 семей, въ числѣ 2,615 душъ обою пола, казаковъ съ Уссури, образовавшихъ 10 новыхъ станицъ между селомъ Воронежскимъ (у Турьяго-Рога) и рѣкою Суифуномъ; это переселеніе, вызванное по ходатайству командира баталіона ⁽²⁾, имѣло самыя благотворныя послѣдствія для всего казачьяго населенія; дѣйствительно, переселившіеся казаки, сѣвъ на хорошія земли, быстро поправились и уже давно избытокъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ не только что посылаютъ своимъ сородичамъ на Уссури, но даже продаютъ на сторону; казаки же, оставшіеся на старыхъ мѣстахъ, мало того, что воспользовались обработанными полями ушедшихъ, но, получая, по прежнему, весь заработокъ отъ почтовой гоньбы, поставки дровъ и другихъ промысловъ, на количество населенія уже вдвое меньшее, также не менѣе быстро оправившись, давно позабывъ горькую нужду и невзгоды первыхъ лѣтъ по заселеніи ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Въ 1876 году баталіонъ переименованъ въ Благовѣщенскій мѣстный баталіонъ.

⁽²⁾ Полковника Глена.

⁽³⁾ Для сравненія хлѣбнаго оборота настоящаго времени съ временемъ до переселенія помѣщаемъ цифры посѣва и сбора хлѣбовъ за 1878 и 1890 года. Въ 1878 г. на 6,064 души населенія посѣяно 16,740 пуд., а собрано 48,360 пуд.

Такимъ образомъ, къ началу 80-хъ годовъ мы имѣли уже въ Южно-Уссурійскомъ краѣ два линейныхъ баталіона, двѣ постовыя команды, двѣ батареи, сотню уссурійскихъ казаковъ и конную сотню, о сформированіи которой будетъ сказано ниже (1).

Изъ изложеннаго не трудно видѣть, что развитіе боевыхъ силъ этого края вполне отвѣчало тому мирному настроенію амурской жизни, которымъ отличался весь этотъ, довольно длинный, періодъ.

Одновременно съ передвиженіемъ нашихъ войскъ въ Южно-Уссурійскій край началось упроченіе нашего вліянія и на островѣ Сахалинѣ; для этого, въ 1863 году, были переведены туда двѣ роты для занятія постовъ—Косуная и вновь образованнаго Дуэ; въ 1866 году занятъ еще новый постъ Мануэ, противъ Косуная, на восточномъ берегу острова, а вмѣстѣ съ тѣмъ, общее начальство надъ всѣми постами сосредоточено въ рукахъ одного лица, подполковника де-Витте; наконецъ, въ 1868 году, когда со стороны Японіи, совмѣстно съ которой Россія владѣла этимъ островомъ, обнаружилась рѣшимость противодѣйствовать нашему водворенію въ этомъ краѣ, то Высочайше было повелѣно довести военныя силы наши на этомъ островѣ до одного линейнаго баталіона и взвода горной артилеріи, что съ находящейся тамъ Дуйской постовой командою дало намъ возможность занять наиболѣе важныя въ военномъ отношеніи пункты—въ южной части острова, гдѣ находились также и посты японцевъ. Такое увеличеніе нашихъ военныхъ силъ на островѣ Сахалинѣ и отдаленность большей части занятыхъ нами пунктовъ отъ мѣстопребыванія военнаго управленія Приморской области, побудила въ 1884 году къ образованію особаго военнаго управленія, которому было бы ввѣрено не только завѣдываніе собственно войсками, но и гражданское управленіе, какъ туземнымъ населеніемъ острова, такъ и ссыльно-каторжными, которыхъ, начиная съ 1869 года, начали направлять туда изъ Забайкалья.

Войскамъ, передвинутымъ въ Южно-Уссурійскій край, помимо тѣхъ трудовъ и лишеній, которые выпали на ихъ долю, какъ по

Въ 1890 г. на 6,614 душъ населенія посяно 50,300 пуд., а собрано 267,860 пуд. Слѣдовательно, до переселенія на душу приходилось около пяти пудовъ чистаго сбора, а спустя 10 лѣтъ послѣ переселенія, уже около 33-хъ пудовъ, т. е. въ шесть разъ больше.

(1) 1-й линейный баталіонъ стоялъ во Владивостокѣ; 3-й линейный баталіонъ и 2-я батарея въ селѣ Никольскомъ; 3-я батарея въ ур. Новокіевскомъ; постовыя команды—Новгородская и Ольгинская, по прибрежнымъ пунктамъ, а конная сотня въ п. Камень-Рыболовъ.

устройству самихъ себя, такъ равно и по благоустройству этой дикой и еще пустынной мѣстности, чуть-ли не съ первыхъ шаговъ пришлось стать въ непріязненныя отношенія къ манзовскому населенію, которое, совершенно не признавая нашего господства, занималось разными промыслами, а при случаѣ обращалось въ хунхузовъ⁽¹⁾, грабившихъ и разорявшихъ мирное населеніе этого края, преимущественно же русскихъ крестьянъ. Подобныя отношенія, разумѣется, привели вскорѣ къ вооруженному столкновенію, поводомъ къ которому послужило слѣдующее обстоятельство: въ концѣ 1867 года, шкупа «Алеутъ», слѣдуя изъ Николаевска въ заливъ Посьета, зашла, по пути, на островъ Аскольдъ; найдя тамъ китайцевъ, добывающихъ золото, капитанъ⁽²⁾ шкуны приказалъ имъ оставить островъ, а для прекращенія противозаконнаго промысла военнымъ губернаторомъ Приморской области былъ выставленъ въ бухтѣ «Стрѣлокъ» особый военный постъ, подъ командою поручика Каблукова; кромѣ того, для той же цѣли былъ усиленъ еще отрядъ, находящійся въ бухтѣ «Находка». Подобное запрещеніе, разумѣется, не могло понравиться китайскимъ выходцамъ, которые, стараясь набрать болѣе сильную и притомъ вооруженную партію, чтобы дать отпоръ, въ случаѣ возобновленія запрещенія, дѣлали воззванія къ жителямъ окрестныхъ фанзъ, приглашая ихъ присоединиться къ нимъ, произвести волненіе въ краѣ и истребить всѣхъ русскихъ, чтобы затѣмъ уже беспрепятственно пользоваться богатствами этого края; результаты этого воззванія не замедлили вскорѣ проявиться среди манзъ, живущихъ по сучанской долинѣ, которые, зимою же этого года оказали неповиновеніе и буйство противъ находящагося тамъ поста, почему для усмиренія ихъ сформированъ былъ отрядъ изъ двухъ линейныхъ ротъ и взвода горной артилеріи, подъ начальствомъ подполковника Дьяченко, который, быстро двинувшись на Сучанъ, возстановилъ тамъ порядокъ и спокойствіе.

Это, повидимому, наружное спокойствіе продолжалось только до апрѣля мѣсяца 1868 года. Въ это время шкуна «Алеутъ», зимовавшая на Владивостокскомъ рейдѣ, отправилась осмотрѣть островъ Аскольдъ, и, замѣтивъ на немъ снова нѣсколькихъ манзъ, спустила шлюпку съ небольшою командою; но едва только команда высадилась на островъ, какъ неожиданно, изъ-за кустовъ, посыпался цѣлый градъ выстрѣловъ, подъ которыми пали убитыми—

(1) Разбойникъ-грабитель.

(2) Капитанъ Этолинъ.

три матроса и были ранены: Амурскаго флотскаго экипажа лекарь Кизель, корпуса лѣсничихъ подпоручикъ Петровичъ и восемь нижнихъ чиновъ; подобравъ убитыхъ и раненыхъ, команда отступила къ шлюпкѣ и возвратилась на шкуну, которая въ продолженіи своего крейсерства у береговъ острова до 27-го апрѣля, когда недостатокъ топлива принудилъ ее вернуться въ Новгородскую гавань, успѣла истребить всѣ манзовскія шлюпки, лишивъ ихъ тѣмъ всякаго сообщенія съ материкомъ. Въ это время цимухинскіе манзы, считавшіеся намъ преданными, пользуясь малочисленностью отряда на посту «Стрѣлокъ», въ ночь на 26-е апрѣля, при густомъ туманѣ, бросились въ распахъ на команду, убили нѣсколько чело-вѣкъ и двинулись на деревню Шкотову, находящуюся въ глубинѣ Уссурійскаго залива, на устьѣ рѣки Цимухэ, напали на нее, произвели вновь убійства и затѣмъ предали ее огню; выждавъ здѣсь присоединенія манзъ съ острова Аскольда, которые, по удаленіи крейсера, перебрались на материкъ на плоткахъ и бревнахъ—двинулись главною массою къ селу Никольскому, а частью разбрелись небольшими партіями по всему краю для разбоя и грабежа. Главное же скопище, направляясь къ границѣ Маньчжуріи, достигнувъ Суйфуна, внезапно напало на село Никольское, сожгло его и вынудило жителей, подъ прикрытіемъ расположенной въ деревнѣ небольшой команды линейныхъ войскъ, отстрѣливаясь, отступить къ посту Камень-Рыболовъ.

Численность и расположеніе войскъ Уссурійскаго края въ этотъ періодъ времени было слѣдующее: *1-й линейный баталіонъ*—на рѣкѣ Янчи-хэ, занимая небольшими караулами нѣсколько пограничныхъ пунктовъ вдоль границы съ Кореей, Китаемъ и Маньчжуріей; *3-й линейный баталіонъ*, имѣя двѣ роты при штабѣ баталіона въ п. Камень-Рыболовъ, тремя ротами, въ томъ числѣ и стрѣлковой, занималъ Раздольнинскій постъ, выставляя при этомъ также нѣсколько карауловъ вдоль пограничной линіи; *горный дивизионъ* съ четырьмя орудіями, имѣя подъемныхъ лошадей всего на одинъ взводъ, въ п. Владивостокѣ; кромѣ того, въ видѣ мѣстныхъ войскъ, *Новгородская постовая команда* содержала отъ себя посты во Владивостокѣ, въ бухтѣ Находка, въ заливѣ Стрѣлокъ, въ урочищѣ Вяземскомъ и въ станицѣ Верхне-Бѣльцовой. Словомъ, численность нашихъ войскъ простиралась едва только до 1,500 штыковъ, которые были разбросаны къ тому болѣе чѣмъ на 1,500 квадр. миль—мелкими частями, раздѣленными по свойству самой мѣстности едва проходимыми горами, болотистыми долинами рѣкъ и рѣчекъ, лѣс-

ными пространствами и проч. Въ тылу этого плацдарма, верстъ за 400, находилась: въ Хабаровкѣ постоваѣ команда и стрѣлковая школа, всего до 300 человѣкъ; станицы же пѣшаго казачьяго баталіона, по правому берегу Уссури, представляли собою какъ бы вооруженную траншею къ нашимъ передовымъ колонистамъ Южно-Уссурійскаго края. Наконецъ, еще далѣе, на разстояніи 600—900 верстъ внизъ по Амуру, въ Софійскѣ, Маріинскѣ и Николаевскѣ расположены были 4-й, 5-й и 6-й линейные баталіоны и нѣкоторыя другія мѣстныя войска.

Таковы были наши силы и таково было размѣщеніе нашихъ войскъ, представлявшихъ не только стражу нашихъ владѣній, но и съ заступомъ или топоромъ въ рукахъ явившихся сюда первыми колонизаторами и піонерами этой далекой окраины.

Военный губернаторъ Приморской области контръ-адмиралъ Казакевичъ, получивъ извѣстіе о движеніи маньчжуръ, приказалъ:

1) Образовать сводный стрѣлковый полубаталіонъ, силою около 300 человѣкъ, изъ стрѣлковъ линейныхъ баталіоновъ, расположенныхъ въ низовьяхъ Амура, и изъ людей стрѣлковой школы, отправивъ его въ первыхъ числахъ мая на пароходѣ по Уссури въ п. Камень-Рыболовъ на усиленіе войскъ.

2) Въ станицѣ Буссе устроить временный провіантскій магазинъ на 10,000 пудовъ муки и соответственное количество крупъ.

3) Для единства дѣйствій и сосредоточенія всѣхъ распоряженій въ рукахъ одного лица, командировать съ этой цѣлью начальника штаба войскъ Приморской области, полковника Тихменева въ Уссурійскій край.

и 4) Сдѣлать представленіе генераль-губернатору объ объявленіи всего края отъ Хабаровки до Владивостока на военномъ положеніи.

Полковникъ Тихменевъ, хорошо изучившій край и усвоившій себѣ вѣрный взглядъ на отношенія наши къ туземному населенію, большая часть котораго находилась только въ ожиданіи перваго усцѣха со стороны мятежниковъ, остановился на рѣшительномъ образѣ дѣйствія. Еще 10-го мая, по телеграфу изъ Маріинска, имъ отдано было слѣдующее приказаніе: командиру 3-го баталіона двинуть изъ п. Камень-Рыболова роту къ с. Воронежскому (у Турьяго Рога); капитану Холевинскому съ Ситхинскимъ гарнизономъ, всего 85 человѣкъ, незадолго передъ тѣмъ прибывшему изъ Ситхи (1),

(1) Гарнизонъ этотъ прибылъ изъ Ситхи въ виду того, что американскія владѣнія наши, въ этомъ же 1868 году, были проданы американцамъ.

занять деревню Никольскую; командиру 1-го баталіона занять отрядами пограничную линію отъ Хунчунскаго караула до верховья р. Эльдогу, съ цѣлью устранить съ этой стороны возможность вторженія въ наши предѣлы новыхъ партій бродягъ, и сводному стрѣлковому полубаталіону ускорить свое движеніе, захвативъ съ собою 10,000 пудовъ провіанта, 90,000 патроновъ, 26 подъемныхъ лошадей и разные предметы для снаряженія вьючнаго и колеснаго обоза. Пока означенныя распоряженія приводились въ исполненіе, пришло извѣстіе, что отрядъ хунхузовъ, силою около 1,000 человекъ, двинулся съ верховьевъ Лефу на Даубиху, угрожая нашимъ Даубихинскимъ и даже Верхне-Уссурійскимъ поселеніямъ и, что, кромѣ того, появились шайки на р. Ула-хэ.

Въ виду этихъ извѣстій, было отдано распоряженіе сформировать немедленно роту изъ населенія Верхнихъ-Уссурійскихъ станицъ, въ составѣ 150 штыковъ, и, подъ начальствомъ командира Уссурійскаго казачьяго баталіона подполковника Маркова, немедленно двинуться на Камень-Рыболовъ, гдѣ, усилившись свободными людьми 3-го баталіона, форсированнымъ маршемъ слѣдовать къ с. Никольскому. Капитану же Флоренскому съ свободнымъ стрѣлковымъ полубаталіономъ двинуться вверхъ по Уссури и Дауби-хэ съ тѣмъ, чтобы очистить Даубихинскую долину и, обезпечивъ спокойствіе нашихъ по Уссури, перейти на Лефу и совокупно съ подполковникомъ Марковымъ тѣснить разбойниковъ со стороны Лефу и Суифуна въ опустошенныя уже ими долины Май-хэ и Циму-хэ; кромѣ того, для связи этихъ колоннъ, выдвинуть небольшіе отряды, а подполковнику Дьяченко, съ отрядомъ и двумя горными орудіями, занять ст. Лоренцову для содѣйствія двигавшимся колоннамъ.

Означенное движеніе войскъ вскорѣ привело главное скопище хунхузовъ къ окрестностямъ с. Никольскаго; въ это время полковникъ Тихменевъ, рассчитывая, что уже отрядъ подполковника Маркова долженъ быть въ тылу скопища, посылаетъ приказаніе раздольнинскому отряду (силою 70 человекъ) двинуться въ ночь съ 28-го на 29-е мая и, несмотря на разность силъ, атаковать хунхузовъ въ направленіи на Никольское, отбросивъ ихъ, такимъ образомъ, на отрядъ подполковника Маркова. Между тѣмъ, манзы, на разсвѣтѣ 29-го мая, пройдя с. Никольское, сами двинулись по рыболовской дорогѣ на встрѣчу подполковнику Маркову, не будучи атакованы раздольнинскимъ отрядомъ, нерѣшительно и медленно наступавшимъ. Хунхузы, имѣя въ головѣ конныхъ манзъ, встрѣтившись, около полудня, на 15-й верстѣ отъ с. Никольскаго, съ головными

частями отряда подполковника Маркова, довольно искусно выбрали хорошую и сильную позицію ⁽¹⁾. Подполковникъ Марковъ, не мѣшкая, тотчасъ же выслалъ стрѣлковую цѣпь, которая открыла огонь, на что манзы отвѣтили не менѣе оживленнымъ огнемъ изъ густоразсыпанной цѣпи по опушкѣ занятого ими лѣса.

Послѣ шестичасовой перестрѣлки подполковникъ Марковъ, замѣтивъ утомленіе непріятеля, приказалъ подпоручику Дубинину съ охотниками въ числѣ 40 человекъ обойти лѣвый флангъ и очистить штыками занимаемую манзами высоту, дабы затѣмъ, перемѣнивъ фронтъ, загнать ихъ въ болотистую долину р. Тудагоу, къ которой они примыкали своимъ правымъ флангомъ. Подпоручикъ Дубининъ, скрытно приблизившись къ противнику, открылъ огонь и, подаваясь понемногу впередъ, не доходя ста шаговъ до занимаемой ими высоты, бросился въ штыки. Манзы не выдержали смѣлаго молодецкаго натиска и обратились въ бѣгство. Подполковникъ Марковъ, не теряя времени, двинулся впередъ, перешелъ рѣчку, раздѣлявшую до сихъ поръ обѣ стороны, и преслѣдовалъ отступающихъ до наступленія темноты.

Съ нашей стороны принимало участіе въ этой стычкѣ до 175 человекъ, а со стороны манзъ до 400 человекъ. У насъ былъ убитъ одинъ казакъ и ранено двое: инженеръ-поручикъ Зотиковъ и барабанщикъ; манзы оставили на мѣстѣ до 50 труповъ, потеряли значекъ, часть обоза, быковъ и два ручныхъ фальконета.

Послѣ отдыха, въ теченіе слѣдующаго дня, отрядъ подполковника Маркова снова продолжалъ преслѣдованіе бѣжавшихъ манзъ уже въ теченіе 8 дней, истребляя безпощадно, раздробившіяся на мелкія шайки, скопища манзъ. Затѣмъ, въ промежутокъ времени съ 29-го мая по 7-е іюня, неутомимыя и одновременныя передвиженія цѣлаго ряда небольшихъ отрядовъ, покрывшихъ довольно густою сѣтью весь Южно-Уссурійскій край, произвели настолько сильное впечатлѣніе среди туземнаго китайскаго населенія, считавшаго во многихъ мѣстахъ себя недоступнымъ, что вскорѣ же былъ водворенъ среди нихъ полный порядокъ и жители возвращены на свои мѣста.

Энергія и благоразумныя мѣры распорядителей съ одной стороны, а пароходы и телеграфъ съ другой, дали возможность закончить съ этимъ дѣломъ въ одинъ мѣсяць, причемъ многіе разбойники были захвачены и арестованы; остальные же частью уни-

(1) Неподалеку отъ ст. Дубининской или Михайловской.

чтожены, а частью разсыяны. Для опредѣленія степени виновности всѣхъ арестованныхъ манзъ, по распоряженію генераль-губернатора, была составлена особая комисія подъ предсѣдательствомъ артилеріи подполковника Педашенко, которому, между прочимъ, было приказано:

1) Всѣхъ манзъ, признанныхъ виновными, отправить моремъ на островъ Сахалинъ, въ п. Дуэ для работъ на каменноугольныхъ копяхъ.

2) Манзъ, оставленныхъ въ подозрѣніи, отправить въ Новгородскій постъ для передачи пограничнымъ китайскимъ властямъ, но съ тѣмъ, чтобы этимъ манзамъ воспрещенъ былъ навсегда въѣздъ въ русскіе предѣлы.

и 3) Манзъ, признанныхъ невинными, освободить, предоставивъ имъ отправиться, куда пожелаютъ.

Означенное волненіе указало, между прочимъ, на необходимость усиленія войскъ Южно-Уссурійскаго края и особенно на недостатокъ артилеріи, почему въ томъ же году горный дивизионъ 2-й легкой батареи былъ передвинуть изъ г. Благовѣщенска въ п. Камень-Рыболовъ и, кромѣ того, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ, дислокація войскъ измѣнена слѣдующимъ образомъ:

1-му линейному баталіону штабъ-квартирою назначено ур. Новокіевское, причемъ, отъ него должно было выставляться шесть постовъ⁽¹⁾; кромѣ того, онъ долженъ былъ содержать людей на телеграфныхъ станціяхъ отъ Посьета до ст. Баранова.

3-му линейному баталіону штабъ и двѣ роты имѣтъ въ п. Камень-Рыболовъ, выставляя отъ нихъ посты въ Турій-Рогъ и на соедѣнныхъ станціяхъ; остальные же двѣ роты держатъ въ с. Никольскомъ и на постахъ Барановскомъ и Раздольномъ.

Горной артилеріи держатъ дивизионъ въ п. Камень-Рыболовъ, взводъ въ п. Владивостокъ и взводъ въ Посьетѣ.

Новгородской постовой командъ, по увеличеніи ея состава до 320 нижнихъ чиновъ, переводомъ изъ другихъ командъ, размѣститься въ Новгородской гавани, во Владивостокѣ, Находкѣ и Угловомъ.

Хабаровской же постовой командъ занять постъ Бѣльцова и станціи по р. Уссури до Буссе.

По возстановленіи спокойствія въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, командующій войсками округа⁽²⁾, лично посѣтившій его лѣтомъ

(1) Корейскій, Хунчунскій, Рязановскій, Монгуайскій, Ханшань и Вяземскій.

(2) Генераль-адъютантъ Корсаковъ.

того же года, призналъ необходимымъ, въ виду значительности пространства этого края, разбросанности въ немъ населенія, равно какъ и для поддержанія порядка на будущее время сдѣлать распоряженіе о раздѣленіи всего Уссурійскаго края на пять округовъ (1), подчинить населеніе каждого округа особому окружному начальнику изъ числа начальниковъ частей войскъ, тамъ находившихся, и поручить имъ произвести полную опись всѣмъ фанзамъ и живущимъ въ нихъ китайцамъ, имѣя за дѣйствіями сихъ послѣднихъ бдительный надзоръ. Одновременно съ этимъ генераль-губернаторъ представилъ свои соображенія о мѣрахъ, необходимыхъ для обезпеченія дальнѣйшаго развитія и благосостоянія этого края, касавшіяся слѣдующихъ предметовъ:

1) Перенесенія областного центра гражданскаго и военнаго управленія изъ Николаевска въ Хабаровку.

2) Раздѣленія Южно-Уссурійскаго края на округа, усиленія въ немъ русской колонизаціи и установленія правильныхъ сообщеній его съ другими частями области.

3) Обезпеченія границы Южно-Уссурійскаго края отъ внѣшнихъ вторженій, черезъ образованіе для того особаго пограничнаго коннаго дивизіона.

4) Учрежденія въ этомъ же краѣ должности пограничнаго комисара, для завѣдыванія сношеніями съ иностранными пограничными властями.

5) Учрежденія въ Хабаровкѣ областного казначейства и въ одной изъ южныхъ гаваней расходнаго отдѣленія.

и 6) Преобразованія въ составѣ Сибирской флотиліи и назначенія постоянной эскадры въ водахъ Тихаго океана.

Для разсмотрѣнія означенныхъ предположеній по устройству и управленію Приморской области была образована въ Петербургѣ особая комісія, подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта Лутковскаго, изъ лицъ, по преимуществу бывшихъ въ этомъ краю, и близко знакомыхъ съ его положеніемъ и нуждами. По зрѣломъ обсужденіи означенныхъ предположеній, разсмотрѣнныхъ еще, между прочимъ, въ особомъ совѣщаніи министровъ, было постановлено:

1) Для усиленія русской колонизаціи Уссурійскаго края переселить съ Аянскаго тракта 108 семей крестьянъ, въ числѣ 556 душъ обоюго пола, поселенныхъ тамъ еще въ 1851 году, для поддержанія почтоваго тракта.

(1) Уссурійскій, Хакайскій, Суифунскій, Сучанскій и Аввакумовскій.

2) Въ видахъ обезпеченія границы Южно-Уссурийскаго края, сформировать безотлагательно одну сводную казачью сотню, съ дополненіемъ ея пѣхотными солдатами, если не найдется достаточнаго числа казаковъ-охотниковъ.

3) Въ Южно-Уссурийскомъ краѣ учредить пограничное комиссарство.

и 4) Приступить къ устройству почтоваго сообщенія между Хабаровкою и заливомъ Посьета.

Что же касается остальныхъ предположеній генераль-адъютанта Корсакова, то рассмотрѣніе ихъ было отложено до полученія результатовъ другой комисіи, подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта Сколкова, командированной на Амуръ на два года для изученія на мѣстѣ всѣхъ потребностей и нуждъ этого края. Ближайшимъ послѣдствіемъ дѣятельности этой комисіи, доставившей, между прочимъ, массу самаго разнообразнаго матеріала объ этой малоизвѣстной странѣ, было окончательное и безповоротное рѣшеніе вопроса о переносѣ Николаевскаго порта во Владивостокъ, а не въ заливъ Посьета, какъ объ этомъ хлопоталъ генераль Корсаковъ, причемъ рѣшеніе это получило утвержденіе въ 1872 году, когда и начался переносъ порта; съ этихъ поръ Николаевскъ, имѣвшій уже болѣе 3,000 жителей и созданный не нуждами и требованіями народными, а исключительно по необходимости имѣть на первое время въ устьѣ Амура хотя какой нибудь портъ, естественно, сталъ постепенно клониться къ упадку, представляя изъ себя въ настоящее время не болѣе, какъ село ⁽¹⁾; если онъ и не утерялъ окончательно своего значенія, то лишь только благодаря тому, что до сихъ поръ это единственно удобный транзитный пунктъ для товаровъ и грузовъ, доставляемыхъ въ край морскимъ путемъ; за то, съ другой стороны, Владивостокъ, имѣвшій ко времени переноса порта всего лишь только до 600 жителей, началъ быстро развиваться, составляя въ настоящее время одинъ изъ лучшихъ городовъ Амурскаго края, общающій въ недалекомъ будущемъ занять не послѣднее мѣсто среди портовъ Тихаго океана.

Послѣдующія событія амурской жизни до 1880 года, когда возникшія недоразумѣнія съ Китаемъ снова обратили взоры всѣхъ на эту далекую окраину, на столько обыденны и невнтересны, что не заслуживаютъ вниманія; только передача Японіи въ 1875 году

(1) Въ настоящее время въ Николаевскѣ всего только 1,200 человекъ жителей, не считая войскъ.

Курильскихъ островъ, въ замѣнъ уступленнаго ею права на исключительное владѣніе нами островомъ Сахалиномъ, да постановка морскимъ вѣдомствомъ въ концѣ 1876 года гладкостѣнныхъ орудій на мысахъ: Голдобина, Эгершельда и Бурномъ, для прикрытія входа въ бухту Золотой Рогъ и защита самаго города Владивостока отъ бомбардированія со стороны Амурскаго залива, а главное, сосредоточеніе на лѣтнее время 1877 года, когда Россія была въ войнѣ съ Турціей, всѣхъ свободныхъ силъ Амурскаго края къ побережью при-Уссурийскаго бассейна, внесли нѣкоторое оживленіе въ то, какъ бы сонливое, настроеніе, въ которое начиналъ впадать Амуръ въ 70-хъ годахъ.

Сонливое настроеніе этого періода амурской жизни не замедлило также сказаться и на развитіи боевыхъ силъ этого края.

Двухсотлѣтняя дружба Россіи съ Китаемъ, основанная на искреннемъ желаніи жить въ мирѣ и согласіи съ сосѣдомъ, привела насъ съ убѣжденію, что миръ нарушенъ не будетъ и намъ нѣтъ особой необходимости сосредоточивать въ Приамурскомъ краѣ значительныхъ военныхъ силъ и принимать какія-либо особыя мѣры къ оборонѣ нашихъ, здѣшнихъ, границъ. Между тѣмъ, китайское правительство, усматривая въ этомъ, какъ бы, нашу слабость, рѣшилось въ 1879 г. на такой способъ дѣйствія противъ насъ въ средней Азій, который уже не могъ быть долѣе терпимъ. Дѣйствительно, отказъ въ ратификаціи Ливадійскаго договора по Кульджинскому вопросу, а затѣмъ начавшіеся по этому поводу переговоры невольно заставили обратить полное вниманіе на оборону государственной границы съ Китаемъ, особенно на ея крайнемъ востокѣ, гдѣ мы располагали незначительными силами. Поэтому признано было необходимымъ немедленно развить и переформировать войска не только Приамурскаго края, но и всей Восточной Сибири, а также перевооружить пѣхоту и артилерію скорострѣльными ружьями и стальными дальнобойными орудіями.

Здѣсь будетъ умѣстно, въ короткихъ словахъ, напомнить о появленіи той слабой горсти войска, которая послужила кадромъ для развитія боевыхъ силъ Приамурскаго края; развитія, имѣвшаго мѣсто въ теченіе всего послѣдняго десятилѣтія и продолжающагося еще понынѣ.

Вооруженныя силы края сложились изъ двухъ элементовъ: регулярнаго войска и казачества. До учрежденія регулярныхъ войскъ, единственную военную силу составляли казаки, которые и послѣ появленія регулярныхъ частей не исчезли, а напротивъ, постепенно

развиваясь, всегда служили важнымъ дополненіемъ боевыхъ силъ этого края, а вмѣстѣ съ тѣмъ и источникомъ для образованія новыхъ частей. Первоначально сибирскіе казаки, не имѣя своихъ отдѣльныхъ поселеній, ни промысловъ, ни вольностей, дѣлясь на пограничныхъ и городскихъ, несли службу, частью военную, а частью полицейскую, получая за это отъ казны ничтожное вознагражденіе. Въ 1822 году, одновременно съ общимъ административнымъ переустройствомъ Сибири, издается «Уставъ о Сибирскихъ городскихъ казакахъ», опредѣляющій болѣе точно права и обязанности ихъ. Въ 1851 году въ составѣ и устройствѣ казачества производятся уже болѣе значительныя измѣненія, а въ учрежденной тогда же Забайкальской области образуется особое Забайкальское казачье войско, обязанное выставять шесть конныхъ полковъ, 12 пѣшихъ казачьихъ баталіоновъ и одну конно-артилерійскую бригаду, въ составѣ двухъ батарей. Этимъ собственно говоря и кладется первое начало правильной организаціи боевыхъ силъ края.

Съ занятіемъ же Амура, когда требуются для охраненія юго-восточной границы Сибири и содержанія сообщенія по рр. Амуру и Уссури новыя силы, тогда, съ этою цѣлью, переселяются туда казаки изъ Забайкалья, образуя, такимъ образомъ, но седьмомъ году своего существованія уже новое казачье войско—Амурское; это казачье населеніе, на основаніи изданнаго въ 1860 году временнаго положенія объ Амурскомъ казачьемъ войскѣ, должно было выставять два конныхъ полка и два пѣшихъ казачьихъ баталіона. Далѣе, въ видахъ устраненія замкнутости Амурскаго и Забайкальскаго казачьихъ войскъ, въ 70-хъ годахъ, они подвергаются значительнымъ преобразованіямъ, находившимся въ тѣсной связи съ общей реформой, которую признано было необходимымъ ввести во всѣхъ казачьихъ поселеніяхъ; вводится воинская повинность, служилый составъ ограничивается извѣстнымъ числомъ казаковъ, а остальные освобождаются отъ службы и окладываются особымъ налогомъ; причемъ, одновременно съ этимъ, для Забайкальскаго войска число выставляемыхъ имъ пѣшихъ баталіоновъ уменьшается до девяти. Наконецъ, когда для всего населенія Имперіи учреждается общеобязательная воинская повинность, давшая большее развитіе нашимъ вооруженнымъ силамъ, тогда становится необходимымъ примѣнить ее и къ казачьимъ поселеніямъ. Преобразование это для Забайкальскаго войска наступаетъ въ 1878 году, а для Амурскаго въ 1880 году, причемъ число выставляемымъ ими строевыхъ частей, сообразно дѣйствительной способности населенія, уменьшается на

половину, за исключеніемъ, впрочемъ, конно-артилерійскихъ батарей, число которыхъ увеличивается еще на одну.

Переходя затѣмъ къ регулярнымъ войскамъ, можно сказать, что таковыхъ до 1851 года въ краѣ не существовало, если не считать Горнаго баталіона № 5-го, сформированнаго въ 20-хъ годахъ и состоявшаго при Нерчинскихъ заводахъ; въ 1851 же году, одновременно съ образованіемъ Забайкальскаго казачьяго войска, генераль-губернаторъ Муравьевъ, озабочиваясь своевременно сосредоточеніемъ въ Забайкальѣ достаточныхъ силъ для осуществленія своей давнишней, заветной, мечты, занятія Амурскаго края, переводитъ туда, изъ ближайшихъ мѣстъ Восточной Сибири, 4-ю бригаду 24-й пѣхотной дивизіи, состоявшую тогда изъ четырехъ Сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ №№ 13-го, 14-го, 15-го и 16-го ⁽¹⁾ и одновременно съ этимъ формируетъ 16-ю гарнизонную артилерійскую бригаду, въ составѣ двухъ ротъ съ двумя горными при нихъ взводами. Вотъ всѣ тѣ силы, съ которыми мы занимаемъ Амуръ и которыя, постепенно передвигаясь сначала къ устью Амура, а затѣмъ въ 60-хъ годахъ на югъ, къ прибрежнымъ пунктамъ Уссурійскаго края, образуютъ тотъ кадръ, изъ котораго развертывается впоследствии большинство существующихъ нынѣ частей. Но этимъ дальнѣйшее развитіе боевыхъ силъ не ограничивается; такъ, въ 1855 году формируется въ Забайкальѣ подвижной полупаркъ; въ 1857 году гарнизонная артилерійская бригада переформируется въ линейную Забайкальскую артилерійскую бригаду, въ составѣ двухъ батарей; затѣмъ, въ 1858 году Сибирскіе линейные баталіоны, составлявшіе 4-ю бригаду 24-й пѣхотной дивизіи, исключаются изъ общаго состава Сибирскихъ линейныхъ баталіоновъ, подчиняются непосредственно военнымъ губернаторамъ тѣхъ областей, въ которыхъ они были расквартированы, и образуютъ собою особые линейные баталіоны Восточной Сибири, которымъ присвоивается новая нумерація, отъ № 1-го до № 4-го. Въ 1860 и 1861 годахъ, какъ бы на замѣну частей, выбывающихъ въ Уссурійскій край, направляются на Амуръ, вновь сформированные изъ Иркут-

(1) Баталіоны эти переформированы въ 1829 году: № 13-й—изъ Иркутскаго гарнизоннаго баталіона; № 14-й—изъ Красноярскаго гарнизоннаго баталіона, переформированнаго первоначально въ Сибирскій линейный баталіонъ № 11-й, а затѣмъ только въ 1849 году уже переименованнаго въ баталіонъ № 14-й; № 15-й—изъ Горнаго № 5-го баталіона и № 16-го изъ Томскаго гарнизоннаго баталіона, переформированнаго первоначально въ Сибирскій линейный баталіонъ № 14-й, а затѣмъ переименованнаго въ 1849 году въ баталіонъ № 12-й и только уже въ 1854 г. въ баталіонъ № 16-й.

скаго и Енисейскаго гарнизонныхъ баталіоновъ, баталіоны №№ 5-го и 6-го ⁽¹⁾. Далѣе, для непосредственнаго завѣдыванія линейными баталіонами, расположенными въ Приморской области, въ томъ же 1861 году учреждается должность инспектора линейныхъ баталіоновъ и формируется въ Николаевскѣ штабъ крѣпостной артилеріи 1-го класса и крѣпостная рота, которые, однако, черезъ 14 лѣтъ, въ 1875 году, съ переносомъ Николаевскаго порта во Владивостокъ, упраздняются. Въ 1869 г. линейная Забайкальская артилерійская бригада перевооружается 4-хъ-фунтовыми мѣдными орудіями и переименовывается въ Восточно-Сибирскую, причемъ изъ горныхъ дивизионовъ ея формируется 3-я горная батарея; наконецъ, въ этомъ же году, для обезпеченія границъ Южно-Уссурійскаго края, формируется еще Уссурійская казачья конная сотня.

При введеніи военно-окружной системы въ Восточной Сибири дается новое устройство также мѣстнымъ войскамъ и ихъ управленіямъ; такъ, въ 1865 году формируется въ Забайкальѣ три мѣстныхъ и три этапныхъ команды ⁽²⁾; кромѣ того, въ Николаевскѣ крѣпостная команда и пять постовыхъ командъ, въ Приморской области ⁽³⁾; въ 1873 году, при упраздненіи всѣхъ резервныхъ баталіоновъ, находившихся въ Восточной Сибири, 72-й пѣхотный резервный баталіонъ переформируется въ губернскій баталіонъ, отправляется на Амуръ и называется 72-мъ Благовѣщенскимъ; въ 1876 г. этотъ баталіонъ, Николаевская крѣпостная и всѣ постовыя команды переименовываются въ мѣстный баталіонъ и мѣстныя команды. Наконецъ, въ 1877 году, въ Забайкальѣ вновь формируется девять конвойныхъ командъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣняется формированіе казачьихъ отрядовъ для исполненія конвойной службы.

Такимъ образомъ, къ 1880 году мы имѣли въ Приамурскомъ краѣ ⁽⁴⁾: восемь баталіоновъ, двѣ пѣшихъ сотни, семь конныхъ со-

⁽¹⁾ Баталіонъ № 5-й переименованъ въ 1859 году изъ Енисейскаго гарнизоннаго баталіона, а баталіонъ № 6-й въ 1861 году изъ Иркутскаго гарнизоннаго баталіона.

⁽²⁾ Мѣстныя команды: Верхнеудинская, Читинская и Нерчинско-Александровская; этапныя команды: Боярская, Ильинская и Кабанская, переименованная въ 1878 году въ Курбинскую этапную команду.

⁽³⁾ Постовыя команды: Хабаровская, Новгородская, Александровская, де-Бастри, Ольгинская и Дуйская на о. Сахалинѣ.

⁽⁴⁾ 1) Шесть линейныхъ баталіоновъ; 2) восточно-сибирскую артилерійскую бригаду изъ трехъ батарей; 3) подвижной полупаркъ; 4) Забайкальскаго казачьяго войска: конный полкъ (четыре сотни; двѣ сотни этого полка находились въ командировкѣ въ Западной Сибири), два пѣшихъ баталіона и двѣ конныхъ батареи (по четыре орудія каждая); 5) Амурскаго казачьяго войска: двѣ конныхъ сотни и двѣ пѣшихъ сотни, и 6) Уссурійскую казачью конную сотню.

тень и 32 орудія, въ числѣ около 8,800 человекъ⁽¹⁾; кромѣ того, еще Благовѣщенскій мѣстный баталіонъ, девять мѣстныхъ и 12 конвойныхъ командъ, въ числѣ около 2,750 человекъ, всего же около 11,550 человекъ. Вотъ всѣ силы, которыми мы могли располагать на случай войны съ Китаемъ и которыя къ тому же были разбросаны еще по всему огромному протяженію Приамурскаго края.

Необходимо было ихъ увеличить, особенно въ виду враждебнаго намъ настроенія китайскаго правительства; и вотъ, послѣ непродолжительнаго, особо назначеннаго, совѣщанія о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимо было принять для защиты Приамурскаго края, состоялось Высочайшее повелѣніе объ усиленіи боевыхъ средствъ края.

Одновременно съ этимъ признано было необходимымъ дать болѣе самостоятельное устройство управленію морскою частью, и съ этою цѣлью сдѣлано слѣдующее преобразование въ администраціи Приморской области: званіе главнаго командира портовъ Восточнаго океана было отдѣлено отъ званія военнаго губернатора области и командующаго войсками, въ ней расположенными; главный командиръ портовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Владивостока и при немъ учреждена канцелярія для завѣдыванія гражданскими и военными дѣлами, а мѣстопробываніемъ военнаго губернатора Приморской области, штаба, областного правленія и окружнаго суда, была назначена Хабаровка, которая тогда же, т. е. въ 1880 г., была возведена на степень областного города.

Этимъ дальнѣйшее развитіе боевыхъ силъ не ограничивается. Послѣ подписанія С.-Петербургскаго договора, положившаго конецъ нашимъ недоразумѣніямъ съ Китаемъ, хотя отношенія наши и приняли нормальный характеръ, но тѣмъ не менѣе въ приграничныхъ съ нами мѣстностяхъ Манчжурии китайцы настойчиво продолжали принимать мѣры къ увеличенію оборонительныхъ и наступательныхъ своихъ средствъ, направивъ, прежде всего, все свое вниманіе на заселеніе въ самыхъ широкихъ размѣрахъ пограничныхъ съ нами и дотолѣ пустынныхъ мѣстностей, затѣмъ, на переустройство управленія въ Манчжурии и на возведеніе новыхъ городовъ и укрѣпленій вблизи нашей границы.

Наконецъ, вскорѣ стали обнаруживаться уже такіе факты, что дальнѣйшее усиленіе войскъ становилось безотлагательнымъ; такъ, китайцы начали вмѣшиваться въ управленіе манзь, живущихъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, назначали и присылали туда своихъ чиновниковъ, сформировали изъ Сучанскихъ манзь вооруженную

(1) По мирному положенію.

команду изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія подъ начальствомъ чиновника Лигуя, между прочимъ, для уничтоженія которой въ апрѣлѣ 1882 года пришлось даже послать отрядъ въ составѣ роты, 1¹/₂ сотень и двухъ горныхъ орудій. Между тѣмъ, среди китайскихъ жителей стали распространяться слухи, что край этотъ только временно уступленъ Россіи, а въ заключеніе всего, при пограничныхъ сношеніяхъ, стали обнаруживать заносчивость и даже явную враждебность. Мало того, стремясь найти выходъ для Манчжуріи къ морю, начали высказываться о необходимости пересмотра границы для возвращенія части залива Посъета, будто бы нами неправильно захваченнаго и безъ котораго невозможно дальнѣйшее гражданское развитіе Манчжуріи, тѣмъ болѣе, что повсюду къ этому былъ на лицо: начальникъ новгородской постовой команды подполковникъ Савеловъ, образуя изъ корейскихъ выходцевъ деревню своего имени, поселилъ ее, вслѣдствіе недостаточно точнаго опредѣленія границы, на китайской территоріи; поэтому китайцы, домогаясь возврата этой, неправильно занятой нами, мѣстности, стали требовать одновременно съ этимъ пересмотра и исправленія всей границы. Все это вмѣстѣ взятое требовало немедленнаго увеличенія войскъ для предотвращенія прискорбныхъ случайностей, которыхъ при такомъ положеніи вещей можно было ожидать со дня на день. Въ виду этого, въ 1883 г. послѣдовало новое увеличеніе и реорганизація нашихъ боевыхъ силъ и для упроченія нашего положенія въ Приамурскомъ краѣ, съ этого же года, въ видѣ опыта, устанавливался на три года новый способъ заселенія Южно-Уссурийскаго края, состоящій въ привлеченіи туда переселенцевъ по добровольному желанію, съ отправкою кругосвѣтно во Владивостокъ на казенный счетъ и съ обезпеченіемъ имъ также средствъ для первоначальнаго устройства и обзаведенія на мѣстѣ.

Брѣпкая зависимость огромнаго Приамурскаго края отъ Иркутска, удаленнаго на нѣсколько тысячъ верстъ, особенно теперь, съ развитіемъ боевыхъ силъ, потребовавшихъ болѣе частыхъ и скорыхъ сношеній съ отдѣлами окружнаго управленія, оказывалась настолько не нормальнымъ явленіемъ, что настоятельно требовала выдѣленія изъ состава Восточной Сибири этого края въ особый административный и военный округъ. Необходимость эта, начиная еще со временъ графа Муравьева-Амурскаго, представившаго первый проектъ раздѣленія Сибири, признавалась большинствомъ высшихъ правительственныхъ учрежденій и лицъ, въ теченіи всего истекшаго двадцатилѣтія, одинаково, необходимой, какъ по поли-

тическимъ, военнымъ, такъ и административнымъ соображеніямъ. Существенное же разногласіе въ мнѣніяхъ по этому вопросу обнаруживалось лишь только относительно опредѣленія состава и границъ новаго Приамурскаго генераль-губернаторства; такъ, одни ограничивали предѣлы новаго района областями Приморской и Амурской, а другіе включали въ составъ его и Забайкалье.

Но вотъ, въ особо назначенномъ по этому вопросу совѣщаніи подъ предсѣдательствомъ генераль-адъютанта графа Баранова, было, наконецъ, признано необходимымъ, при отдѣленіи Приамурскаго края отъ Восточной Сибири въ особое генераль-губернаторство, включить въ него и Забайкалье, въ виду той тѣсной связи, которая существуетъ между этимъ краемъ и Забайкальской областью; дѣйствительно, большая часть его принадлежитъ къ Амурскому бассейну, тяготеетъ къ нему экономически и составляетъ его естественный базисъ; а необходимость, чтобы вся граница съ Монголіей и Маньчжуріей, составляющая особый театръ войны, находилась въ рукахъ одного лица, который въ мирное время могъ бы подготовить всѣ средства къ веденію войны, устанавливала еще болѣе крѣпкую и тѣсную связь между ними и въ военномъ отношеніи. Поэтому, на основаніи вышеизложенныхъ соображеній, 14-го іюня 1884 года, состоялось, давно ожидаемое, отдѣленіе Приамурскаго края въ особое генераль-губернаторство въ составѣ Забайкальской, Амурской и Приморской областей, отдѣльнаго управленія островомъ Сахалиномъ и особаго Владивостокскаго губернаторства, причемъ первымъ генераль-губернаторомъ этого, вновь образованнаго, края, былъ назначенъ генераль-адъютантъ баронъ Корфъ, на долю котораго выпало разобраться среди массы требованій и нуждъ молодаго края, отдѣлить главное отъ второстепеннаго, поднять и возбудить насущные вопросы дня, а главное, въ время помочи и не задержать того естественнаго хода амурской жизни, который былъ ей предопредѣленъ свыше.

По прибытіи въ край новому генераль-губернатору и командующему войсками на первыхъ же порахъ пришлось, помимо своего желанія, сразу стать лицомъ къ вопросу до сихъ поръ еще никѣмъ нетронутому, вопросу о боевой готовности края.

Поводомъ къ этому послужили политическія осложненія съ Англіей, обострившіяся, въ началѣ 1885 года, неожиданнымъ дѣломъ при Кушкѣ; слѣдовало ожидать разрыва съ Англіей, тѣмъ болѣе, что, по полученнымъ свѣдѣніямъ, у китайскихъ береговъ уже стояли большія торговыя англійскія суда, нанятые для перевозки десанта

на наше Южно-Уссурійское побережье, а одновременно съ этимъ англичанами былъ занятъ, принадлежащій Корей, островъ Гамильтонъ, какъ ближайшая станція къ нашимъ предѣламъ. Положеніе наше было далеко незавидное.

Вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ было еще другое, не менѣе серьезное, дѣло—пересмотра границы Южно-Уссурійскаго края съ Маньчжуріей, возбужденное китайцами по поводу Савеловки и грозившее намъ крупными недоразумѣніями, тѣмъ болѣе, что въ приграничныхъ съ нами мѣстностяхъ Маньчжуріи шла энергическая работа по усиленію войскъ, по заготовкѣ для нихъ провіанта и по строительствѣ новыхъ крѣпостей. Все это ставило насъ въ весьма тяжелое положеніе. Необходимо было приготовиться, на сколько это было возможно. Дѣйствительно, работа закипѣла и въ теченіи какихъ нибудь 20-ти сутокъ мы уже возвели новыя береговыя батареи и поставили на нихъ орудія; недостающее же число артиллеристовъ пополнили чинами. 4-й горной батареи, орудія которой роздали по два на каждый баталіонъ 2-й стрѣлковой бригады, образовавъ этимъ, какъ бы, новый видъ артилеріи—баталіонной; стрѣлки запрягли подъемныхъ лошадей, поставили свою прислугу, обучили ее, при помощи присланныхъ фейерверкеровъ, необходимымъ приемамъ, а въ іюнѣ мѣсяцѣ на смотру командующаго войсками стрѣляли уже такими молодцами, что не уступали настоящимъ артиллеристамъ. Одновременно съ этимъ было произведено сосредоточеніе 1-й стрѣлковой бригады къ Владивостоку, а 2-й бригады — къ посту Новгородскому и другимъ прибрежнымъ пунктамъ Посыетскаго участка, сосредоточеніе, произведенное, несмотря на распутицу, быстро и молодецки. Между прочимъ, нагляднымъ примѣромъ той быстроты, съ которой производилось сосредоточеніе нашихъ войскъ, можетъ служить передвиженіе Амурской конной сотни (1) изъ урочища Анучино во Владивостокъ: въ 8 часовъ вечера командующій войсками округа телеграфировалъ изъ Хабаровки въ Анучино командиру сотни выступить возможно поспѣшнѣе во Владивостокъ, гдѣ ожидается высадка англичанъ; въ 7 часовъ утра слѣдующаго дня была уже получена отвѣтная телеграмма— «выступилъ», а черезъ двое сутокъ изъ Владивостока вторая телеграмма — «прибылъ»; такимъ образомъ, сотня, въ теченіи 2¹/₂ сутокъ, успѣла собраться и сдѣлать переходъ въ 200 верстъ по страшной распутицѣ, не оставивъ при этомъ въ пути ни одного человѣка, ни одной лошади.

(1) Сотня эта была привлечена въ 1884 году на усиденіе кавалеріи Южно-Уссурійскаго края, а въ слѣдующемъ 1885 г. уже возвращена къ мѣсту своего служенія.

Итакъ, мы были готовы встрѣтить серьезное нападеніе противника; но, конечно, готовность эта была больше въ сердцахъ, нежели въ дѣйствительности. Но какъ бы тамъ ни было, а на наше счастье Кушкинское дѣло, надѣлавшее столько шуму и столь энергично поведенное, было вскорѣ кончено мирнымъ путемъ; казалось, можно было теперь обратиться къ мирнымъ занятіямъ и работамъ, которыхъ было по горло; да и въ самомъ дѣлѣ, число войскъ, начиная съ 1880 г., сильно прибавилось, а помѣщеній не было никакихъ; обыкновенно выбиралось мѣсто стоянки гдѣ нибудь въ необитаемой тайгѣ, приводился баталіонъ и подавалась команда: «Составь! рванцы—долой!» а затѣмъ начальникъ поздравлялъ всѣхъ съ новою штабъ-квартирою. Первые дни, обыкновенно, располагались бивакомъ, затѣмъ переходили въ землянки, а черезъ годъ, черезъ два, часть людей и во вновь выстроенныя собственнымъ трудомъ ⁽¹⁾ казармы; на четвертомъ же и на пятомъ году выросталъ уже на нѣкогда дикомъ и пустыннымъ мѣстѣ цѣлый городокъ съ пригородомъ изъ солдатской слободки, городокъ, который начиналъ жить своей особой замкнутой жизнью и который имѣлъ свои радости и свою горе. Впослѣдствіи новымъ баталіонамъ уже было легче: они, какъ говорится, вздваивали ряды въ помѣщеніяхъ старыхъ баталіонныхъ, или же для нихъ строились казармы инженернымъ вѣдомствомъ еще до сформирования. Вообще, должно сказать, войскамъ было крайне трудно, какъ первое время, когда зданія строились деревянные, такъ и впослѣдствіи, когда убѣдились, что здѣшній лѣсъ не проченъ и перешли къ постройкѣ кирпичныхъ помѣщеній; если при деревянныхъ постройкахъ не хватало плотниковъ и мастеровыхъ, то при переходѣ къ постройкамъ каменнымъ, каменщиковъ не оказывалось вовсе, такъ какъ въ Сибири кирпичные дома на перечетъ, а потому и мастеровъ этого дѣла немного. Но какъ ни трудна и ни тяжела была эта работа, она, все-таки, далеко не ограничивала собою всѣхъ тѣхъ заботъ и трудовъ, которыя выпадали на долю нашихъ войскъ, какъ первыхъ пионеровъ этого края. Войскамъ, одновременно съ постройкою казармъ приходилось самимъ косить сѣно, рубить дрова, отправляясь для того, нерѣдко, за нѣсколько десятковъ верстъ въ непроходимую тайгу, самимъ сажать огороды, прокладывать дороги, строить мосты, возить провіантъ и все прочее, необходимое, изъ двухъ, трехъ пунктовъ, нерѣдко уда-

(1) Вольныхъ рабочихъ не было, приходилось строить самимъ; въ видѣ омыта, выписали рабочихъ изъ Китая, но неудачно: китайцы набрали денегъ и ушли, снова оставивъ насъ безъ рабочихъ.

ленныхъ на значительное разстояніе, содержать почтовые станціи и почтовую гоньбу, обстраивать переселившихся казаковъ, сплавлять разные грузы и, въ заключеніе всего, строить еще Владивостокскія укрѣпленія. Словомъ, войскамъ приходилось, все, начиная отъ колеса и смолы для смазки обоза и кончая каменной казармою, дѣлать самимъ: поэтому неудивительно, что расходъ людей былъ постоянный и огромный, а размѣръ самихъ работъ на столько великъ, что приходилось ихъ производить даже по праздничнымъ днямъ.

Одновременно съ такими затрудненіями намъ пришлось еще кончать разграничительный вопросъ съ Китаемъ. Вопросъ этотъ, какъ уже было сказано выше, начался еще въ 1882 г.; въ 1883 г. была назначена съ обѣихъ сторонъ разграничительная комиссія, и когда нами было признано, что Савеловка дѣйствительно ошибочно занята, то тогда китайскіе чиновники открыто заявили, что они не уполномочены окончательно рѣшать этого вопроса; поэтому тотчасъ же завелась дипломатическая переписка съ Пекиномъ черезъ Петербургъ, которая привела, наконецъ, къ назначенію, въ 1886 г., новой разграничительной комисіи; съ нашей стороны, подъ предсѣдательствомъ военнаго губернатора Приморской области, генерала Баранова, а со стороны Китая—подъ предсѣдательствомъ прокурора У-да-Жена. Одновременно съ этимъ, для охлажденія той горячности и задора, который обнаруживали китайцы изъ-за пустячнаго Савеловскаго вопроса—влили въ составъ боевыхъ силъ края еще нѣсколько новыхъ частей. Это усиленіе нашихъ войскъ, было собственно говоря, отвѣтомъ на тѣ военныя приготовленія, которыя начались въ Манчжуріи непосредственно передъ началомъ самихъ переговоровъ; такъ, намъ хорошо было извѣстно, что изъ арміи Лихунчапа было прислано нѣсколько баталіоновъ, которыя послужили кадрами для манчжурскихъ регулярныхъ войскъ, что среди пограничнаго населенія Манчжуріи вводилась организація на подобіе нашей, что въ Гиринѣ строился пороховой заводъ и склады огнестрѣльнаго оружія, что пограничныя крѣпости и укрѣпленія вооружались дальнобойными орудіями большаго калибра, а въ тоже время шло и развитіе китайскаго флота. Подобный отвѣтъ съ нашей стороны на военныя приготовленія китайцевъ сразу заставилъ ихъ быть болѣе сговорчивыми; они уже не такъ настойчиво стали требовать отмежеванія Посъетскаго участка, какъ то было въ началѣ, а затѣмъ вскорѣ, благодаря умѣло поведеннымъ переговорамъ съ нашей стороны, пришли къ полному соглашенію, и граница была восстановлена согласно существующимъ трактатамъ, причемъ не было уступлено нами ни единой пяди принадлежащей намъ земли.

Повидимому, пустячный Савеловскій вопросъ, чуть было не нарушившій нашу двухвѣковую дружбу, имѣлъ гораздо болѣе серьезныя послѣдствія, чѣмъ то можно было предполагать въ началѣ; онъ далъ толчекъ Китаю къ развитію въ сосѣдней съ нами Маньчжуріи такихъ боевыхъ средствъ, которыя уже долѣе не могли быть оставляемы безъ вниманія. Такъ, къ концу 80-хъ годовъ Маньчжурія считала въ своихъ рядахъ до 86,000 человѣкъ, изъ коихъ новыхъ формированій, обученныхъ по европейскому образцу, до 48,000; если же къ нимъ прибавить 35,000 запаса новыхъ формированій и категорію восьми-знаменныхъ войскъ, численность коихъ въ населеніи всѣхъ трехъ провинцій простирается до 175,000, то окажется, что сухопутныя силы Мунчъжуріи могли быть доведены въ военное время до 296,000 человѣкъ, не считая еще неисчерпаемаго запаса всего остальнаго населенія. Хотя числительность нашихъ войскъ, по сравненію съ таковой до 1880 года, и увеличилась болѣе чѣмъ вдвое, но она, все-таки, еще далеко не отвѣчала тѣмъ боевымъ силамъ, которыя противникъ могъ каждую минуту выставить противъ насъ; очевидно, наши военныя средства въ такомъ положеніи оставаться долѣе не могли, тѣмъ болѣе, что значеніе Великаго океана въ глазахъ Европейскихъ державъ росло съ поражающей быстротою.

Еще въ 1888 году, въ виду сосредоточенія ббльшей части войскъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, а также въ виду предстоящаго ихъ усиленія, одновременно съ уничтоженіемъ Владивостокскаго губернаторства и съ переходомъ обязанностей его къ губернатору Приморской области, работы у котораго, по этому, прибавилось уже на столько, что она стала не подъ силу одному лицу, было Высочайше повелѣно: всѣ войска, до сего подчинявшіяся ему, какъ командующему войсками области, изъять изъ его вѣдѣнія, и изъ тѣхъ, которыя были расположены въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, образовать особый Южно-Уссурійскій отдѣлъ, подъ начальствомъ особаго генерала со штабомъ, а тѣ войска, которыя были расположены во Владивостокѣ, обращенномъ въ 1887 году въ крѣпость, подчинить коменданту этой крѣпости; приморскому же губернатору сохранить по прежнему званіе военнаго губернатора и подчинить ему новое 11-е казачье войско Россіи—Уссурійское (1), переименованное въ слѣдующемъ году изъ пѣшаго въ конное. Въ остальныхъ же областяхъ, въ виду того, что численность войскъ

(1) Уссурійское войско образовано въ 1889 г. изъ населенія Уссурійскаго пѣшаго казачьяго полубаталіона.

была сравнительно не велика, обязанности командующихъ войсками оставить по прежнему на губернаторахъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ было издано новое положеніе объ особыхъ преимуществахъ государственной службы по военному вѣдомству въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи, коснувшееся всѣхъ служащихъ, а не тѣхъ только, которые состояли въ штабахъ и управленіяхъ, какъ то было до сего. Въ 1889 г. положено прочное основаніе будущему Приамурскому кадетскому корпусу, образованіемъ Хабаровской пригготовительной школы, серьезно облегчившей тѣ тяжелыя условія службы этой далекой окраины, которыя ставили большинство семейныхъ офицеровъ въ безвыходное положеніе, лишая ихъ возможности давать образованіе своимъ дѣтямъ; въ этомъ же году, когда во главѣ войскъ Южно-Уссурийскаго отдѣла былъ поставленъ особый командующій войсками, получила возможность производить болѣе частые смотры, больше входить въ суть службы этого края и дѣйствительныя нужды войскъ, давать имъ соотвѣтственныя указанія, слѣдить за сложною хозяйственною частью и, наконецъ, сосредоточить всю боевую подготовку мирнаго времени въ рукахъ одного лица. Въ 1889 г., съ открытіемъ военно-окружнаго суда и, со введеніемъ въ дѣйствіе военно-судебнаго устава, практикуемаго въ войскахъ Европейской Россіи, значительно ускорено и упорядочено дѣлопроизводство по военно-судебнымъ дѣламъ этой далекой окраины, и, наконецъ, какъ результатъ глубокаго изученія всей внутренней жизни войскъ, это значительное сокращеніе денежныхъ расходовъ по всѣмъ отдѣламъ окружнаго управленія, сокращеніе, давшее возможность къ осуществленію всѣхъ мѣропріятій, какъ по улучшенію, такъ и по усиленію войскъ.

Но еще не менѣе серьезное значеніе, чѣмъ усиленіе боевыхъ силъ округа, какъ въ экономическомъ, такъ, особенно, въ военномъ отношеніи, будетъ имѣть постройка, уже Высочайше разрѣшенной, сибирской желѣзной дороги, которая свяжетъ навсегда эту далекую окраину съ центромъ Россіи, широко откроетъ врата свѣжимъ и молодымъ силамъ, въ которыхъ край такъ нуждается, сблизитъ, такъ сказать, крайніе предѣлы нашей обширной Имперіи и тѣмъ дастъ возможность, по желанію, въ любой моментъ, двинуть къ берегамъ Великаго океана такія силы, какихъ ни одно европейское государство не будетъ въ состояніи выставить на побережьяхъ его; и тогда, дѣйствительно, опредѣлается та великая мысль, которая была положена основателемъ Владивостока въ данномъ ему имени.

Генеральнаго штаба подполковникъ Рагоза.

БУХАРА.

Краткій историческій очеркъ.

Бухарскимъ ханствомъ, для котораго Бухара служитъ нынѣ главнымъ городомъ, называется страна, лежащая къ сѣверу отъ средняго теченія рѣки Аму-Дарьи или древняго Окса, носившая поэтому названіе Трансоксианы или Трансоксаниі у древнихъ географовъ и Мавераннагра ⁽¹⁾ у средневѣковыхъ. Важнѣйшую часть этой страны составляетъ полоса земли по обѣ стороны рѣки Зеравшана (Зяръ-авшанъ), орошенная ея водой. Рѣка эта носила прежде названія Политимета, Согда и др., а сама страна, по ея теченію, называлась Согдианой.

Въ своемъ очеркѣ мы будемъ говорить сначала о «Трансоксианѣ» (и о важнѣйшей части ея—Согдианѣ), затѣмъ перемѣнимъ названіе на «Мавераннагръ» (съ Бухарой и Самаркандомъ, какъ важнѣйшими пунктами) и, наконецъ, съ XVII вѣка установившуюся политическую единицу будемъ называть «Бухарскимъ ханствомъ». Не избираемъ мы изъ нихъ одного какого нибудь названія потому, что въ политическомъ смыслѣ эти понятія несомнѣстимы. Попутно мы будемъ упоминать о границахъ тѣхъ могущественныхъ Среднеазіятскихъ государствъ, которыя создавались временами изъ этой небольшой страны, служившей имъ всегда какъ бы фокусомъ и точкой опоры, но которымъ трудно давать какое нибудь названіе, кромѣ имени перемѣнныхъ создателей ихъ.

Въ глубокой древности страна эта заселена была арійцами иранской вѣтви ⁽²⁾. Греки еще задолго до похода Александра Македонскаго слышали о благоустройствѣ и благосостояніи ея. О высокой степени культуры и умственной жизни этого народа сохранились

⁽¹⁾ Арабское слово, овпачающее въ буквальномъ переводѣ: «то, что по ту сторону рѣки».

⁽²⁾ «Иранъ». *К. Риттера*, перев. *Н. Ханыкова*, стр. 26, 30, 40, 45, 175, 511, 520 и др. *А. И. Макишевъ*. «Историч. Обзоръ» и проч., стр. 2 и 3.

нѣкоторыя указанія у арабскихъ изслѣдователей среднеазиатскихъ древностей. Наконецъ, нынѣшніе таджики, сохранившіе, какъ по языку своему, такъ и по физическимъ признакамъ ⁽¹⁾ наиболѣе слѣдовъ первобытнаго иранскаго происхожденія, несмотря на наименѣе благоприятныя (какъ увидимъ далѣе) условія, даютъ основанія нѣкоторымъ ориенталистамъ полагать, что и колыбель славной въ древности персидской культуры (Зороастрово ученіе) была не только въ сѣверныхъ долинахъ Гиндукуша, но занимала и сосѣднюю плодородную долину нынѣшняго Зеравшана.

Въ доказательство высокой государственной организаціи въ древнѣйшія времена упомянемъ о могуществѣ Афросіаба, правителя той страны, который нѣкогда, по всей вѣроятности, былъ лицомъ историческимъ, но уже въ первые вѣка по Р. Х. сдѣлался мифомъ въ преданіяхъ персовъ, такъ какъ они утратили свои историческія книги ⁽²⁾. Этому Афросіабу нѣкоторыя преданія приписываютъ и постройку города Джемукента, носящаго нынѣ названіе Бухары ⁽³⁾.

Въ описаніяхъ походовъ Александра Македонскаго (въ 329—327 г. до Р. Х.) не имѣется, однако, положительныхъ данныхъ и указаній, существовалъ ли уже тогда городъ Бухара; но греки застали страну, повидимому, богатою, имѣвшую много значительныхъ укрѣпленныхъ городовъ и управляемую нѣсколькими владѣтелями или князьями, независимыми другъ отъ друга и разрозненными. Многомиліонное населеніе страны было сначала ошеломлено неожиданностью нашествія и несомнѣнно высокими воинскими качествами македонскаго 20,000—30,000-наго войска, а потому показалось покорнымъ и миролюбивымъ ⁽⁴⁾. Но затѣмъ, когда завоеватели были уже у Яксарта (Сыръ-Дарья), вокругъ и позади ихъ возстало почти все, способное носить оружіе. Такъ какъ возстаніе не было организовано, не имѣло общаго плана дѣйствій, то и было подавлено, но для этого потребовалось почти всю страну послѣдовательно обратить въ кладбище и развалины. Уцѣлѣвшіе убѣжали въ горы, а завоеватель принужденъ былъ уйти со сцены совершенныхъ подвиговъ, чтобы дать отдыхъ своимъ войскамъ и, главное, получить подкрѣпленія. За это время Согдіана тоже успѣла оправиться

(1) Г. Вямбергъ. «Исторія Бухары», т. I, стр. 7 и 8.

(2) В. В. Григорьевъ. «Карахавиды» и проч., стр. 19.

(3) Г. Вямбергъ указываетъ и на другія преданія, которыя приписываютъ постройку г. Бухары Сіашу, сыну Кейкауса (Кира?), бѣжавшему изъ Ирана.

(4) Въ описаніи похода Александра Македонскаго мы подчиняемся авторитету извѣстнаго ориенталиста, В. В. Григорьева, раздѣляя вполне его взгляды. Изъ монографіи его объ этомъ походѣ мы извлекаемъ и нижеприводимыя цитаты.

и опять возстала изъ конца въ конецъ. Потребовалась та же беспощадная энергія, новые потоки крови и еще большее опустошеніе страны; часть женъ и дѣтей, оставшихся въ живыхъ, въ видахъ колонизаціи, отдана была въ рабство раненымъ и инвалидамъ-воинамъ. Пожарище, казалось, было залито и потушено. Но македонцамъ пришлось и въ третій разъ обжечься объ вспыхнувшіе во многихъ мѣстахъ огоньки сопротивленія. И вотъ, наконецъ, они остались въ безопасной странѣ; но уйти въ дальнѣйшій походъ, въ Индію, не представилось пока возможности: обширныя окраины подавленной страны укрыли непокорившихся и сами ожидали только ухода завоевателя. Для нихъ Великій Александръ принужденъ былъ испытать другое средство: бросившись за непокорною знатью на востокъ въ горныя трущобы—въ нынѣшнюю юго-восточную часть Бухарскаго ханства, при первой же удачѣ и расправѣ, гдѣ-то въ районѣ нынѣшнихъ Дербента, Ширабада и Термеда, онъ встрѣчаетъ красавицу (?), плѣнницу, Роксану, дочь одного изъ туземныхъ бѣглыхъ князьковъ, Оксіатра, и къ удивленію всѣхъ вступаетъ съ ней въ законный бракъ. «Такая невообразимая честь, выпавшая на долю туземной княжны, когда гордый побѣдитель не удостоилъ взять за себя ни одной изъ красивыхъ дочерей бывшаго царя царей, Дарія, приводитъ въ восторгъ мѣстную аристократію, примиряетъ ее съ завоевателемъ, обращаетъ въ покорныхъ его слугъ. Отношенія измѣняются, какъ бы чудомъ». Въ дальнѣйшемъ завоевательномъ движеніи Александру ставить преграду только единственно природа: однажды онъ погибъ бы отъ лишеній, но его спасаютъ на этотъ разъ не отвага и военный геній, а добрыя услуги вчерашнихъ еще враговъ его, туземныхъ владѣльцевъ. Наконецъ, завоеватель покидаетъ опустошенную и разоренную страну съ полной увѣренностью, что совершилъ великія дѣла. Однако, послѣдствія похода Александра Великаго за Оксъ по меньшей мѣрѣ ничтожны: «черезъ три вѣка послѣ Македонскаго разгрома не осталось уже въ странѣ никакихъ слѣдовъ греческаго владычества». Замѣтимъ, однако, что въ западныхъ предгоріяхъ Памира есть мелкіе владѣльцы, которые до нашихъ дней считаютъ себя родственниками и потомками Искандера Дзюлькарнейна (1).

Слѣдующій періодъ исторіи Трансоксианы вплоть до конца VII вѣка чрезвычайно бѣденъ источниками и остается темнымъ. Можно отмѣтить лишь, что съ начала II вѣка до Р. Х. эту страну стали

(1) *Алекс. Борисъ*. «Путешествіе въ Бухару», т. II, стр. 367.

наводнятъ съ сѣверо-востока народы, общеизвѣстные подъ названіемъ скифовъ, тѣснимые гуннами (1), и прежде всего изъ нихъ саки (2).

Вслѣдъ за ними за столѣтіе до Р. Х. ее подчинили себѣ китайцы для обезпеченія своихъ караванныхъ сообщеній съ западными странами и Византіей отъ гунновъ (3), причемъ послѣднихъ оттѣснили мало-по-малу къ сѣверу, въ Джунгарію, и удерживали эти владѣнія съ перерывами до II вѣка послѣ Р. Х. Затѣмъ на воздѣланныя и плодородныя земли Трансоксианы стали дѣлать съ сѣвера и съ сѣвера-востока же постоянныя нападенія турки или турки-кочевники монгольскаго племени (4), постепенно распространявшіе свое господство и твердо водворявшіеся въ то время въ пограничныхъ степныхъ областяхъ. Будучи народомъ воинственнымъ по преимуществу, турки, вѣроятно, очень рано уже захватили власть въ свои руки, дали своихъ правителей или князей, и переименовали множество названій и именъ, въ томъ числѣ, вѣроятно, и древній иранскій городъ Джемукентъ получилъ монгольское имя — Бухара (5). Изъ византійскихъ историческихъ источниковъ мы узнаемъ, что въ V и VI столѣтіяхъ по Р. Х. обитатели Бухары и Согдіаны воевали большіе караваны шелка черезъ царство сасанидовъ въ восточную имперію; но это были, вѣроятно, не турки, а иранцы-аборигены. Свободному развитію культуры послѣднихъ всегда мѣшало соседство грабительскихъ турецкихъ ордъ, которыя все больше и больше наводняли эти страны, а въ VI вѣкѣ производили уже вторженія въ самую Персію. Въ VI вѣкѣ въ оазисахъ края начало вновь усиливаться вліяніе китайцевъ (6), проводниками котораго были, вѣроятно, тѣ же турки, находившіеся подъ сильнымъ культурнымъ вліяніемъ Китая и бывшіе будистами. Борьба между турками и иранцами въ Трансоксианѣ была не только племенною, но и религіозною, борьбою буддизма и парсизма, и подготовила удобную почву для пропаганды христіанскаго ученія. И въ самомъ дѣлѣ,

(1) В. В. Григорьевъ. «Кабулистанъ» и проч. (К. Риттера), стр. 781 и 782.

(2) Въ виду археологическихъ изысканій послѣдняго времени, мы не рѣшаемся признавать скифовъ арийцами и слѣдовать предположеніямъ В. В. Григорьева, что саки были славяне и между ними колѣно Русь. («О скифскомъ народѣ сакахъ», стр. 186—192, 284 и др. «Труды восточ. отдѣл. Император. Археологическ. общ.», ч. 16. Сиб. 1872 г.).

(3) А. И. Махшеевъ. «Историческій обзоръ Туркестана», стр. 12 и 13.

(4) В. В. Григорьевъ. «Караханнды» и проч., стр. 19 и 20.

(5) «Бухарь» и теперь оупакаетъ по монгольски буддійскій храмъ или монастырь (Г. Вямбергъ. «Исторія Бухары», т. I, стр. 15).

(6) А. И. Махшеевъ, стр. 13; тамъ же.

ученіе Несторія имѣло большой успѣхъ въ этихъ странахъ; послѣдователи его пользовались всеобщимъ уваженіемъ, по словамъ арабскихъ историковъ, и основали въ то время (VI и VII вѣка) нѣсколько епархій. Въ такомъ видѣ застали эти страны въ половинѣ VII вѣка арабы, историки коихъ, не зная древней исторіи края и найдя правителями и князьями его тюрокъ или турокъ, утвердили, поэтому, ошибочное мнѣніе, что за Оксомъ искони властвовали турки (1).

Первые отряды арабскихъ искателей приключеній, жадные къ добычѣ, дойдя до Балха, были соблазнены молвой о богатствѣ сосѣдней Согдіаны и вторглись въ нее (въ 666 году) безъ всякаго систематическаго плана и только пограбили ее. Но добыча оказалась такъ богата, а успѣхъ такъ заманчивъ, что вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ второй походъ, уже болѣе серьезный, и въ результатъ его—несмѣтныя сокровища, драгоценное оружіе и одежды (2), которые возбуждали удивленіе простыхъ обитателей Аравійской пустыни. Однако, г. Бухара и въ этотъ разъ не былъ взятъ мусульманами; они потерпѣли при немъ, кажется, даже неудачу. Миръ былъ заключенъ съ миліонной денежной данью. Но это, разумѣется, не помѣшало арабамъ ограбить все, что лежало на обратномъ ихъ пути, а черезъ два года вновь явиться за добычей во имя пророка. Царица, видя страну свою истощенной предъидущими войнами и желая избѣжать кровопролитія, заключила миръ и сдала г. Бухару; арабы, однако, потребовали знатныхъ заложниковъ и, утвердившись здѣсь, продолжили свой грабительскій походъ до Самарканда. Возвратившись же въ Медину, они соблазнились оружіемъ и драгоценностями своихъ заложниковъ и ограбили ихъ до-гола. Гордые вельможи не перенесли этого позорнаго дѣла, бросились на побѣдителя (Саида) въ его же дворцѣ, убили его, а затѣмъ и себя самихъ. Тутъ Бухара возстала противъ арабскаго владычества, призвавъ къ себѣ на помощь большія силы сосѣдей, турокъ (до 120,000). Но союзники были разбиты, Бухара досталась въ руки побѣдителей, а добыча была такъ велика, что на долю каждаго воина досталось 10,000 диремъ. Миръ былъ предписанъ покореннымъ. Но этимъ не кончились бѣдствія разоренной страны: арабы явились въ пятый разъ подъ предводительствомъ

(1) Они же и мифическаго Афросіаба, о которомъ упомянуто выше, не могли себѣ представить иначе, какъ туркомъ. (*В. В. Григорьевъ*. «Караханиды», стр. 20).

(2) Сохранилось описаніе сапогъ царицы бухарской, осыпанныхъ драгоценными камнями, которые стояли 20,000 диремъ. Это кстати указываетъ, какая допускалась роскошь и какъ богата была страна.

Кутейбе (въ 705 году), полководца, который своей энергіей, искусствомъ и способностями сумѣлъ не только побѣдить хорошо организованное сопротивленіе и неоднократныя частныя возстанія, но погасилъ послѣдніе очаги древней персидской цивилизаціи въ ея бывшей колыбели и насадилъ ученіе арабскаго пророка до самыхъ восточныхъ долинъ Тянь-шаня. Систематически и неуклонно онъ завоевывалъ всѣ страны, занятыя осѣдлыми иранцами, и дошелъ черезъ Фергану (въ 711 году) до Кашгара, Хотана и Турфана. Все это, само собой, сопровождалось грабежемъ, причемъ турецкіе князья и жители частью какъ сограждане, частью какъ союзники побѣжденныхъ, раздѣляли общую участь съ иранцами. Какова была добыча, можно судить, напр., по тому, что по взятіи Байкенда, одного изъ важнѣйшихъ городовъ, изъ одного капища были взяты идолы массивнаго золота, вѣсомъ въ 40,000 драхмъ, а у одного изъ нихъ глазами служили двѣ жемчужины, величиною съ голубиное яйцо, по поводу которыхъ выразилъ удивленіе даже самъ калифъ, получившій ихъ въ подарокъ. Наконецъ, вслѣдствіе возникшихъ неблагопріятныхъ отношеній Кутейбе къ калифату, у этого талантливаго завоевателя возникла, кажется, мысль основать независимое государство, но онъ ошибся въ своей арміи и погибъ отъ руки заговорщиковъ⁽¹⁾.

Изъ этого очерка завоеваній арабовъ видно, что они въ началѣ обращали вниманіе прежде всего на грабежъ богатой страны; послѣ же, насильно навязанный культурнымъ обитателямъ страны, съ большимъ трудомъ водворялся между ними: г. Бухара, три раза обращенный вмѣстѣ съ князьями своими въ исламъ, каждый разъ въ тайнѣ, или явно возвращался къ своей національной религіи и только въ четвертый разъ Кутейбе сумѣлъ укоренить его въ этомъ городѣ навсегда. Для этого приняты были, напр., слѣдующія мѣры: каждый бухарецъ уступалъ половину своего дома арабу, который наблюдалъ за поведеніемъ прозелитовъ, училъ ихъ обрядамъ ислама и доносилъ, въ случаяхъ надобности, по начальству; усердіе къ новой вѣрѣ награждалось деньгами; даже коранъ, чтобы быть понятнымъ, читался въ началѣ публично на Ригистанѣ по персидски, а не по арабски. Вообще же внутренняя борьба съ исламомъ была продолжительна и чрезвычайно упорна⁽²⁾.

(1) О водвореніи ислама въ Мавераннегръ заимствовано у Г. Вамбери «Исторія Бухары» и проч., т. I, стр. 21—37.

(2) Въ Бухарѣ до сихъ поръ существуетъ подземная мечеть, павываемая Масджиди-Моганъ (мечеть огнепоклонниковъ); приверженцы этого культа, для служенія ему, долго собирались въ потаенныхъ мѣстахъ или въ ночной тишинѣ.

Все, что было завоевано Кутейбе и предыдущими арабскими отрядами за Оксомъ, въ томъ числѣ и Бухара, составило часть Хорасанской провинціи съ намѣстникомъ калифа во главѣ, имѣвшимъ резиденцію въ Мервѣ. Правители же, назначавшіеся въ Бухару и Самаркандъ, были не болѣе какъ слуги хорасанскаго намѣстника. При послѣдующихъ за Кутейбе намѣстникахъ странѣ этой не пришлось, однако, пользоваться благами мира еще въ продолженіи болѣе 150 лѣтъ. Этотъ періодъ полонъ замѣшательствъ, возмущеній, борьбы честолюбцевъ, внутреннихъ партій, набѣговъ извнѣ и проч. Съ одной стороны, безграничное любостязаніе, то для собственнаго обогащенія, то для упроченія за собой богатыми дарами расположенія при дворцѣ калифа, доставляло въ короткое время намѣстникамъ калифа и его слугамъ въ Трансоксаніи колоссальныя богатства (1), а значительное удаленіе отъ центра скоро пробудило въ нихъ стремленіе и попытки къ приобрѣтенію полной независимости. Съ другой стороны, воинственные турки во все это время по прежнему то же не покладали рукъ, легко переходя въ качествѣ добровольныхъ наемниковъ, слѣдовательно и грабителей, то на ту, то на другую сторону; они въ началѣ доставляли особенно много хлопотъ, потерь и огорченій хорасанскимъ намѣстникамъ. Въ третьихъ, наконецъ, подавленная народность, иранцы, въ лицѣ своихъ безпокойныхъ элементовъ, поднимала иногда голову и пробовала ниспровергнуть иго арабовъ, то подъ видомъ возмущенія, вспыхнувшаго въ Бухарѣ въ пользу шиитской секты съ Шерикомъ во главѣ, то въ видѣ поддержки туманнаго ученія Моканны, доставивъ этой странной личности такія силы, которыя чуть не разрушили всего зданія ислама въ Трансоксаніи. Всякій преслѣдовалъ свои цѣли на этой интересующей насъ аренѣ, но никому не было дѣла до того, что всѣ эти спекуляціи жестоко отражались на ничѣмъ неповинной странѣ и ея мирномъ, трудолюбивомъ населеніи.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока правителями городовъ Мавераннегра калифъ не назначилъ (въ 820 г. по Р. Х.) *саманидовъ* (2). Они остались правителями же при смѣнѣ хорасанскихъ намѣстниковъ, причемъ въ слѣдующемъ поколѣніи ихъ власть сосредоточи-

(1) Напр., бунтовщики, ограбившіе домъ самаркандскаго правителя во время повстанія Рафига, нашли въ немъ до 3 миліоновъ драхмъ.

(2) Саманъ производилъ свой родъ отъ персидскаго полководца, сасанида Беграма Чубина, принявъ пеламъ добровольно въ благодарность за услугу арабовъ. Потомки также оставались преданы арабамъ съ непоколебимой вѣрностью. Г. Вамбери; т. I, стр. 60 и В. А. Тизенгаузенъ „(1) саманидскихъ монетахъ“, стр. 20).

лась въ рукахъ способнѣйшаго и лучшаго представителя этой фамилии— *Измаила*. Онъ снискалъ такое довѣріе калифа (Мутадеда), что послѣдній ввѣрилъ ему управленіе не только Мавераннегромъ и Хорасаномъ, но и Мазандераномъ и городами Реемъ и Исфаганомъ⁽¹⁾. Вскорѣ Измаиль присоединилъ еще Табаристанъ и Джорджанъ, а затѣмъ, при содѣйствіи Багдада, гдѣ дѣлалъ воззванія ко всѣмъ правовѣрнымъ, онъ отразилъ нападенія турокъ съ сѣвера и занялъ часть ихъ областей. Такимъ образомъ, владѣнія Измаила простирались отъ юго-западныхъ береговъ Каспійскаго моря до р. Сейхуна или Сыръ-Дарьи, а на югъ до Персидскаго залива и границъ Индіи. Хотя главенство калифа признавалось всѣми явно и неоспоримо, но власть его стала уже только номинальной признаваемой лишь добровольно. Государство же имѣло всѣ признаки самостоятельности. Резиденціей своей эмиръ Измаиль избралъ г. Бухару. Иранецъ по происхожденію, онъ первый соединилъ въ одно государство иранцевъ Запада и Востока, которое оказалось съ болѣе прочными основами, чѣмъ царство арабовъ, державшееся только кровью религіозныхъ войнъ. Исламъ не совершенно еще подавилъ національное чувство иранскаго народа: арабскихъ чиновниковъ калифа такъ же ненавидѣли, какъ любили и поддерживали туземныхъ сановниковъ. Арабы съ того времени ступиваются постепенно на нѣтъ. Городъ Бухара, бывшее «мѣсто-пробываніе наукъ» еще во времена парсизма, удержалъ свою прежнюю знаменитость и сталъ центромъ духовныхъ стремленій того времени: кое-гдѣ тлѣвшія слабыя искры старой иранской культуры были раздуты саманидами въ благотворное пламя, хотя окраска и направленіе были уже строго въ духъ ислама.

Національныя стремленія выразились въ возрожденіи иранскаго языка, который преслѣдовался арабскими правителями болѣе 200 лѣтъ. Языкъ того времени отличается строгимъ туризмомъ, составляющимъ главную красоту твореній Рудеки и Фирдоуси.

Измаиль (обыкновенно называемый— Эмиръ Измаиль) есть единственный великій государь иранскаго происхожденія; онъ обладалъ еще рѣдкими нравственными качествами, а потому имя его и теперѣ почитается бухарскими таджиками наравнѣ съ именами святыхъ.

Къ его времени относится перестройка кремля съ возвышеніемъ холма, на которомъ онъ расположенъ⁽²⁾, расширеніе и укрѣпленіе

(1) В. А. *Тизенгаузенъ* *ibid.*, стр. 21, 22 и даѣе.

(2) В. В. *Григорьевъ*. «Записки Мирзы Шемса» и проч., стр. 55.

городской стѣны ⁽¹⁾, а также улучшение системы орошенія и обдѣлка каналовъ камнемъ.

По смерти Измаила (въ 908 г.) калифъ (Муктефи) не только не принялъ мѣръ къ ослабленію явно возрастающаго могущества саманидовъ, но самъ утвердилъ за сыномъ Измаила всѣ области, находившіяся подъ властью отца его. Династія саманидовъ продержалась въ Мавераннегрѣ около 150 лѣтъ; послѣ Измаила она рѣшительно клонится къ паденію.

Отмѣтимъ здѣсь, что Бухара, Самаркандъ и Балхъ, будучи подъ властью саманидовъ, начали служить убѣжищемъ для строгихъ ревнителей вѣры и въ отношеніи богословія и правовѣдѣнія оспаривали даже авторитетъ Мекки и Медины. Тогда же создано было то государственное первенство, которое Бухара имѣла надъ народами Средней Азій во всѣ времена, и которое могло быть сохранено государями на Зеравшанѣ даже до новѣйшаго времени.

Дальнѣйшая судьба этой страны представляетъ въ общемъ повтореніе того же, что было до Измаила, а именно: всегда служить театромъ политической борьбы иноплеменниковъ, сопутствующей грабежамъ и жестокимъ эксплуатированіемъ народа.

Выше мы сказали, что въ этой странѣ давно обозначились два главныхъ національныхъ элемента: *уранцы*, аборигены, мало измѣнили свои культурныя стремленія и характеръ съ принятіемъ ислама: они всегда были преданы земледѣлію, торговлѣ, наукамъ и вообще мирнымъ занятіямъ. Военное же дѣло составляло достояніе и привилегію воинственныхъ пришельцевъ — *турокъ*: они составляли всегда главную силу армій, часто занимали высокія должности и, наконецъ, постепенно сами выступили главными политическими дѣятелями. Таковы же были и другіе турки или тюрки, монгольскіе соплеменники ихъ на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ; разрастаясь вслѣдствіе благопріятныхъ условій на своихъ родныхъ мѣстахъ, они не вступали въ культурную борьбу съ природой; какъ кочевники и лѣнтяя въ общепринятомъ смыслѣ, они даже презирали такой трудъ, но за то, какъ кочевники, легко подымались со своихъ мѣстъ и пускались въ политическую борьбу, на путь завоеваній и грабежей; для этого приходилось подвигаться на западъ и югъ. Такія волны съ большими и меньшими промежутками и слѣдуютъ съ сѣ-

⁽¹⁾ Первая городская стѣна построена въ 830 г. по Р. Х., вслѣдствіе частыхъ вторженій и грабежей турокъ. Большая исправленія до Измаила были сдѣланы въ 849 году. (*Г. Вамбери*, тамъ же, стр. 78).

вера и сѣверо-востока одна за другой на благодатную страну, въ бассейнѣ Зеравшана.

И вотъ вся дальнѣйшая судьба этой страны,—Мавераннегра— вслѣдствіе ея несчастнаго географическаго положенія, заключается въ томъ, чтобы служить театромъ не столько культурной, сколько грубой политической борьбы: налетаетъ съ сѣвера или востока потокъ «суровыхъ воиновъ или дѣтей пустыни», какъ называется ихъ г. Вамбери, прежде всего грабитъ и сметааетъ все, что попадаетъ на пути, затѣмъ производитъ переворотъ, сообразный съ количествомъ и качествомъ своихъ силъ и въ политической же борьбѣ отдѣльныхъ личностей, предводителей своихъ, осѣдаетъ. Само собой понятно, сколько силъ тратилось на то, чтобы кочевника заставить осѣсть и что должна вынести страна и народъ прежде, чѣмъ побѣдитель не сроднится съ ними. Затѣмъ при счастіи и способности правителей и государей начинается мирная работа и если только власть тверда и надежна, то въ короткое время благодатная страна воскресаетъ и результаты культурной дѣятельности являются поразительные. Этимъ короткимъ годамъ Средняя Азія обязана всей своей славой. Но вотъ съ сѣвера слѣдуетъ уже на то же мѣсто новая волна, грабитъ и разрушаетъ накопленія предъидущихъ родовъ и т. д., и т. д., до тѣхъ поръ, пока запасъ «суровыхъ воиновъ» въ *officina gentium* ⁽¹⁾ не сталъ понемногу истощаться. Тогда, казалось, настало время свободному развитію и благоденствію страны..., но къ тому времени, увы, стало уже не хватать жизнотворныхъ соковъ и у самаго ислама, служившаго важнѣйшимъ ассимилирующимъ факторомъ и съ высоты престола народу провозглашенъ былъ тезисъ: «всѣ земныя цѣли ничтожны» и отъ самаго государственнаго организма стало отзывать трупомъ.

Послѣднимъ актомъ является нашествіе съ сѣвера людей Бѣлаго царя (Акь-падшаха). Какое знамя несутъ эти послѣдніе, можетъ быть, видно будетъ изъ послѣдующаго.

Подтвердимъ сказанное краткимъ изложеніемъ событій.

Въ концѣ X вѣка съ востока черезъ Фергану явился народъ турко-монгольскаго происхожденія и, послѣ шести кровавыхъ вторженій въ государство саманидовъ, утвердился на Зеравшанѣ и далъ свою династію *караханидовъ* ⁽²⁾. Этимъ послѣднимъ не удалось рас-

⁽¹⁾ Кладовая пародовъ.

⁽²⁾ По имени перваго государя, которому приписывается припятіе ислама (В. В. Григорьевъ. «Караханиды», стр. 6). Коренныя владѣнія караханидовъ были по ту сторону Тянь-шаня въ нынѣшнихъ китайскихъ предѣлахъ; Мавераннегръ

пространить своего господства далеко на югъ и востокъ: съ юга имъ данъ былъ отпоръ могуществомъ газневидовъ, съ сѣверо-запада харезмскими правителями (нынѣшняя Хива), наконецъ, на юго-западѣ утвердились и выступили на сцену сельджуки; не удалось караханидамъ поэтому сдѣлать здѣсь ничего великаго въ политическомъ смыслѣ. Однако, у исторіографовъ описываются съ уваженіемъ и похвалой правленія нѣсколькихъ хановъ этой династіи, а гробница одного изъ нихъ (Шемсъ-Эль-Мулькъ-Насра) и теперь посѣщается съ благоговѣніемъ.

За караханидами въ качествѣ политической волны съ сѣвера слѣдуютъ *сельджуки*, тоже «суровые дѣти пустыни» и турецкаго происхожденія. Но имъ не удалось осѣсть въ Мавераннегрѣ: попавши, какъ въ тиски, между караханидами и харезмомъ, они проскользнули между ними, и въ своемъ стремленіи на югъ и западъ принуждены были миновать на этотъ разъ долину Зеравшана и утвердились къ западу отъ Мерва (нынѣшній Ахаль). Сельджукамъ, благодаря генію и долговѣчности трехъ своихъ правителей сряду, скоро удалось распространить свои владѣнія и могущество до береговъ Средиземнаго моря и играть важную роль въ исторіи Европы (первыя побѣды турокъ надъ Византіей, позже войны съ крестоносцами). Въ то же время караханиды ослабѣли на столько, что и Мавераннегръ подпалъ подъ протекторатъ сельджуковъ ⁽¹⁾; они сдѣлали хаповъ (все же караханидовъ), смѣняли ихъ и чувствовали себя поэтому обязанными и защищать ихъ, когда на Мавераннегръ налетѣлъ съ сѣверо-востока новый потокъ. Въ 1137 г. «изъ Чина съ несмѣтной ратью» сдѣлалъ вторженіе Гурханъ ⁽²⁾, занялъ Фергану, затѣмъ Самаркандъ, а въ 1141 г. произошло кровопролитное столкновение: войска Санджара (славнаго, но послѣдняго сельджукида Средней Азіи), никогда до сихъ поръ не подвергавшіяся пораженію, были разбиты на голову: 30,000 сельджуковъ легло на мѣстѣ и новая турецко-монгольская рать нахлынула на Мавераннегръ. Главенство Гурхана призналъ и Харезмъ (нынѣшнее Хивин-

же былъ для нихъ провинціей. (Тамъ же, стр. 7 и 41). Въ изложеніи исторіи «Караханидовъ» мы слѣдуемъ В. В. Григорьеву, отъ котораго принимаемъ и названіе этой династіи. Народъ, приведенный ею, были турки-харлухи, а не уйгуры, какъ то принимается ипогymi.

(1) «Караханиды», стр. 14.

(2) По *О. Такинфу*—Юлюй-даши, у *М. И. Иванкина*—Елю-Тайши, считается основателемъ Каракитайской имперіи. *А. И. Махшеевъ* и другіе (см. его источники) называютъ народъ, предводительствованный Гурханомъ, каракидаями, монгольскаго племени.

ское ханство), бывший въ то время уже довольно сильнымъ государствомъ. Однако, побѣдители, покоривъ почти весь нынѣшній Туркестанъ, оставили въ немъ старыхъ правителей (на Зеравшанѣ—караханидовъ), обусловили уплату себѣ опредѣленной необременительной дани и сами болѣею частью ушли въ мѣста коренныхъ своихъ владѣній, за Тянь-шань.

Государи Херазма сначала исправно платили дань, въ тоже время «собирали» земли и постепенно усиливались. Наконецъ, честолюбивый Харезмъ-Шахъ, султанъ Мухаммедъ Кутебѣдинъ, распространившій свои владѣнія до границъ Индіи и на всю нынѣшнюю Персію, прекратилъ уплату дани, занялъ Бухару и Самаркандъ (1), разбилъ войска Гурхана и образовалъ независимое и громадное государство, хотя и очень разноплеменное. Счастіе ему пока благоприятствовало, потому что Гурханъ (90-ти-лѣтній старецъ) не могъ уже въ то время усмирить своего вассала; кровопролитное возстаніе въ коренныхъ его владѣніяхъ (съ немусульманиномъ, Гушлукъ-ханомъ, во главѣ) скоро затѣмъ привело и его самага къ потерѣ престола (2).

Оставшись, казалось, безъ достойныхъ соперниковъ, султанъ Мухаммедъ, Харезмъ-Шахъ, уже не полагалъ предѣловъ своему высокоумію: собирався смѣнить халифа въ Багдадѣ, умертвилъ ни за что нѣсколько сотъ человекъ, составлявшихъ монгольскій купеческій караванъ, и наконецъ, казнилъ посла Чингизханова. Тутъ послѣдовалъ новый потокъ съ сѣвера и востока, равнаго которому еще не было и не будетъ въ нашемъ повѣствованіи. Тѣмъ ужаснѣе было паденіе Мухаммеда: счастливый и могущественный государь до 1219 года, онъ умеръ два года спустя въ нищетѣ, оставленный всѣми, скрываясь на маленькомъ островѣ Каспійскаго моря.

Культурная жизнь Средней Азіи во времена харезмскаго владычества стояла на высокомъ уровнѣ: «съ Бухарой и Самаркандомъ вели борьбу благороднаго соревнованія на почвѣ культуры, наукъ, торговли и проч.» Ургенчъ, Нишабуръ, Мервъ и др. (3).

Мы не будемъ подробно описывать нашествія монголовъ, для

(1) Послѣдній караханидъ, Осмаиъ Ханъ, женатый на дочери Харезмъ-Шаха, возсталъ потомъ противъ него и произвелъ избиеніе харезмійцевъ въ Самаркандѣ, за что и былъ казненъ. «Караханиды», стр. 18.

(2) Замѣтимъ кстати, ссылаясь вмѣстѣ съ *М. И. Неволинимъ* (стр. 56) на d'Obson'a (Т. I, р. 172, 174, 207, 208), что въ Каракитайской имперіи процвѣтали тогда торговля, земледѣліе и механическія искусства.

(3) Передъ самымъ нашествіемъ Харезмъ посѣтилъ и восторженно описалъ арабскій путешественникъ Якутъ. (*А. И. Махисевъ*, стр. 15).

нашихъ цѣлей достаточно сказать, что это былъ потокъ лавы, несшій гибель и разрушеніе всему, что лежало на его пути; а въ началѣ этого то пути лежали благодатныя страны по Сыру, Аму и Зеравшану: онѣ должны были выдержать первый напоръ новыхъ «суровыхъ воиновъ степей» и своимъ цвѣтущимъ состояніемъ впервые утолить жажду ихъ къ хищничеству и разрушенію. Если у этого, неизвѣстнаго до сихъ поръ, народа хватило силъ пройти и завоевать въ продолженіи какихъ нибудь 20—30 лѣтъ страны отъ Японскаго и Китайскаго моря до Адриатическаго, то каково было выносить тяжесть первыхъ ударовъ!

Городъ Бухара, оказавшій геройское сопротивленіе, обратился въ груды развалинъ и труповъ. Одному бѣглецу приписывается слѣдующій, прославившійся въ стихахъ, лаконическій отвѣтъ: «они пришли, разрушили, сожгли, умертвили, ограбили и ушли» (1).

Послѣ монгольскаго погрома духовная жизнь въ Средней Азіи погасла. «Главной причиной этого несчастія, говоритъ Вамбери, естественно, было то обстоятельство, что монголы истребленіемъ первобытнаго иранскаго населенія въ городахъ, или уводомъ его большими массами, уменьшили число собственно главныхъ представителей культуры и мирной жизни въ той мѣрѣ, въ какой взяли перевѣсъ турецкіе элементы, враждебные просвѣщенію...» Въ другомъ мѣстѣ: «Трансоксіана въ продолженіе владычества чингизидовъ, представляетъ ужасную картину жертвы, истекающей кровью. Дикое безначаліе, разнузданное своеволие грубыхъ тирановъ, убійства и опустошенія смѣняють другъ друга...»

Городъ Бухара за это время раза четыре подвергался разграбленію, разрушенію и избіеніямъ.

Отмѣтимъ одну характерную черту изъ культурной жизни этой эпохи; принципъ полной вѣротерпимости, отличавшій всегда монголовъ, и уваженіе къ духовному сану доставили и мусульманскому духовенству извѣстную защиту и неприкосновенность. Такъ какъ духовнаго сана въ строгомъ смыслѣ у мусульманъ не существуетъ, то подъ это поднятіе подведены были, т. е. стали считаться духовными лицами, всѣ, имѣющіе какое нибудь касательство къ религій, т. е. судьи, ученые, всякіе книжники, каждый мулла—наемный исполнитель требъ. Но всѣ они, пользуясь сравнительной неприкосновенностью, доставляли многимъ убѣжище и защиту, а потому получили въ это время большое значеніе, а когда и сами

(1) Г. Вамбери, тамъ же, стр. 144.

чагатаиды, коимъ досталась въ наслѣдіе Средняя Азія, приняли исламъ, то принцпигъ этотъ получилъ еще большее развитіе—до уродливости: ревнители вѣры пріобрѣтали иной разъ вліяніе, ни чѣмъ неограниченное; случалось, что сами владѣтельные потомки Чингизъ-хана въ мечети, въ присутствіи народа, выслушивали въ проповѣди выговоръ отъ фанатическаго муллы и съ раскаяніемъ просили прощенія.

Чагатаиды, видимо, питали отвращеніе къ остаткамъ и признакамъ древне-иранской культуры и жили охотнѣе на крайнемъ сѣверѣ или востокѣ наслѣдственной земли. Правителями же, намѣстниками и уполномоченными ихъ въ Мавераннегрѣ оставались обыкновенно турки, которыхъ они частью привели съ собой, какъ помощниковъ и союзниковъ, частью же здѣсь застали, болѣе или менѣе ассимилировавшимися съ прежнимъ мѣстнымъ элементомъ. Вновь пришедшіе нашли въ ранѣе утвердившихся соплеменникахъ отличную почву для упроченія своей популярности и вліянія, — вторые нашли въ завоевателяхъ удобный путь для возвышенія изъ покоренныхъ въ «господствующую расу». Естественно поэтому, что возставшими и свергнувшими владычество монголовъ являются турки. Отъ нихъ и народу можно было ожидать больше, чѣмъ отъ «варваровъ» монголовъ, ибо большая часть ихъ, ассимилированная, уже усвоила себѣ культурныя стремленія недавняго прошедшаго.

Эффектнымъ выразителемъ турецкихъ стремленій и даже олицетвореніемъ всей этой эпохи является столь прославленный *Тимуръ* (1363—1405 гг.). Мы опять не будемъ подробно останавливаться на завоеваніяхъ, побѣдахъ и военной славѣ Тимура. Замѣтимъ лишь, что много пришлось вынести Мавераннегру въ началѣ его бурной карьеры; но за то этому краю было возвращено сторицей потомъ, когда армія его много разъ возвращалась изъ счастливыхъ всегда походовъ, обремененная добычей и богатствами, такъ или иначе остававшимися въ странѣ. Личность Тимура необыкновенно выдающаяся: онъ былъ ревностнѣйшимъ мусульманиномъ и объявилъ себя таковымъ въ самомъ началѣ своей политической дѣятельности, но это доказываетъ лишь, что онъ отлично понималъ свое время: принимая во вниманіе вышесказанное о вліяніи и значеніи въ народѣ въ то время духовенства, становится яснымъ, почему Тимуръ такъ скоро пріобрѣлъ не только сторонниковъ, но и популярность. Однако, несмотря на свое постоянное и примѣрное усердіе къ исламу, онъ былъ большой почитатель чингизоваго кодекса — «Яса» или

«Язау», какъ болѣе приспособленнаго къ социальнымъ и политическимъ отношеніямъ турецкихъ народовъ, чѣмъ учрежденія въ чисто семитическомъ духѣ, возникшія изъ корана и сунны; въ военной же организаціи онъ строго слѣдовалъ законоположеніямъ Чингизь-хана, за что заслужилъ даже несправедливый упрекъ, что «Яса» цѣнить выше корана. На знаменитыхъ празднествахъ и пирахъ тимуровыхъ послѣ ѣды слѣдовали грандіозныя попойки, на которыхъ всему прочему предпочиталось *вино*.

Самъ Тамерланъ слѣдовалъ обычаю, чисто монгольскому—носить большія и дорогія серьги, а голову покрывалъ всегда не тюрбаномъ, а длинной конической войлочной шляпой съ драгоценными камнями на верхушкѣ (1).

Турецкая натура Тимура очень рельефно сказывается въ томъ предпочтеніи, какое онъ оказывалъ жизни въ палаткахъ, въ лагерѣ, передъ дворцовой; у него и дворца то настоящаго своего, кажется, не было, а если приходилось жить, то, вѣроятно, въ чужихъ, занятыхъ. За то дошедшія до насъ подробныя описанія лагеря на Канигульской равнинѣ въ окрестностяхъ Самарканда, празднествъ въ немъ, роскоши, красоты, величины и количества шатровъ и палатокъ (или юртъ) представляютъ намъ настоящія чудеса. Присовокупимъ къ этому еще одну историческую справку: въ лагерѣ Тамерлана у г. Дели (въ Индіи) набралось болѣе 100,000 плѣнныхъ индійцевъ, хотя, разумѣется, ихъ не копили; такое количество крайне стѣсняло свободу арміи. Къ тому же Тамерлану донесено было, что, когда индійскія войска со слонами во главѣ вышли для сраженія изъ г. Дели, то на лицахъ плѣнныхъ изобразилась радость. Это невольное выраженіе надежды на освобожденіе было сочтено преступленіемъ и послужило причиной гибели плѣнныхъ: Тамерланъ приказалъ всѣхъ ихъ умертвить, что и было исполнено немедленно и въ точности (2). Такое отношеніе къ человѣческой жизни не въ духѣ арійцевъ, но между ними не явилось еще и такого всемірнаго завоевателя, какъ Чингизъ или Тимуръ. Въ описанномъ дѣлѣ Тимуру помогло, вѣроятно, еще и то, что эти 100,000 человѣкъ были невѣрные—идолопоклонники и гебры.

Что касается вліянія Тимура на культурную жизнь того времени, то ему приписывается поднятіе турецкой народности изъ воинствующей по преимуществу на степень культурной; онъ далъ

(1) Г. Вамбери, тамъ же, 218—226 стр.

(2) М. И. Ивановъ. «О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ» и проч., стр. 211.

будто начало духовному и научному стремленіямъ въ турецкомъ національномъ направленіи и, олицетворяя собою побѣду турокъ надъ монголо-китайскимъ міромъ, выдвинулъ на первый планъ турецкую народность, чего не сдѣлали ни сельджуки, ни харезмцы, хотя и турки по происхожденію, но всегдашніе поклонники ирано-исламской культуры. Официальнымъ языкомъ страны со времени Тимура сталъ турецкій; письма были удержаны монголо-югурскія, ненавидимыя фанатическими мусульманами, какъ остатокъ буддистскаго невѣрія (1).

Торговля сношенія приобрѣли полную безопасность вездѣ, куда только доходила тѣнь Тимурова владычества. Лучшія тому доказательства представляетъ испанское посольство, спокойно путешествовавшее отъ Трапезунда до Самарканда, почти безъ конвоя, большимъ караваномъ, навьюченнымъ драгоценностями запада (2). Глава этого посольства, христіанскій рыцарь, испанскій гидальго, донъ Рюи Гонзалецъ де-Клавихо, заслуживающій полнѣйшаго довѣрія въ своихъ описаніяхъ, говоритъ о пышности и богатствѣ тимурова двора такія вещи, которыя кажутся по истинѣ маловѣроятными (3). Но, разумѣется, все это было награблено или «взято въ открытомъ бою» отъ другихъ людей. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что сдѣлано было многое для культуры, наконецъ, и турками, если не при самомъ Тимурѣ, то при его пріемникахъ. Хотя эти послѣдніе удержали свои наслѣдственныя владѣнія меньше, чѣмъ одно столѣтіе и хотя раздоры и борьба за престолонаслѣдіе, начиная со смерти Тимура, не прекращались все время, но государство, основанное Тимуромъ, по организациіи своей было сильно, популярно и возбуждало къ себѣ довѣріе; если не власть, то обаяніе личности великаго покойника было еще твердо и надежно: страна воскресла, разбогатѣла и продолжала развиваться съ полнымъ блескомъ даже по распаденіи его громаднаго государства, избравъ себѣ нѣсколько духовныхъ центровъ (Герать, Мервъ, Бухара, Самаркандъ) въ зависмости отъ средоточія политической власти.

Между тимуридами, несмотря на ихъ жестокость во взаимной враждѣ, было нѣсколько человекъ, отличавшихся блестящими дарованіями и благородствомъ души (4), по наибольшаго вниманія

(1) *Г. Вямбери*, тамъ же, стр. 234.

(2) «Иранъ» *К. Риттера*. Перев. и допозв. *Н. В. Ханьковъ*. Спб. 1874 г., стр. 580—625.

(3) *Г. Вямбери*, тамъ же, стр. 221—232.

(4) Французскій ученый *М. Белезъ* замѣчаетъ по этому поводу: «удивительно, о чему любовь къ литературѣ (*des lettres*) не оказывала благотворнаго вліянія

заслуживаетъ *Улуг-бегъ*, сынъ достойнаго отца — Шахъ-руха-Мирзы. Хотя онъ былъ принуждаемъ вести постоянныя войны противъ новыхъ набѣговъ турокъ же съ сѣвера и востока и противъ родственныхъ претендентовъ, но слава его заключается въ высококомъ подъемѣ науки и образованія, обязанныхъ своимъ процвѣтаніемъ его покровительству и личному участию: работы его обсерватори стали достояніемъ Европейской науки только въ XVII вѣкѣ, но отъ этого не потеряли ничего въ своей цѣнности. Стоитъ себѣ представить, отъ какихъ отраслей знаній и техники зависятъ удовлетворительныя астрономическія работы, чтобы сдѣлать правильное заключеніе о степени состоянія культуры и механическихъ производствъ въ странѣ. Онъ былъ казнень (въ 1449 г.) своимъ роднымъ сыномъ.

Турецкіе принцы, тимуриды, не только оказывали щедрую поддержку представителямъ литературы и искусства, но очень многіе изъ нихъ и сами становились въ ихъ ряды и не стыдились занимать второстепенное мѣсто; длинный списокъ ихъ можетъ быть увѣнчанъ Баберомъ Мирзою, знаменитымъ основателемъ «династіи Могола» въ Индіи, мемуары котораго заслужили названіе комментаріевъ Цезаря Востока.

Духовныя стремленія этого вѣка, слѣдуя первоначальному толчку, усиленному затѣмъ ревнительствомъ самаго Тимура, къ сожалѣнію, получили нѣкоторую наклонность къ богословскимъ умозрѣніямъ и мистицизму, что въ будущемъ и развилось въ лицемѣрное ханжество и религиозное изуверство.

Эпоха тимуридовъ славилась также процвѣтаніемъ искусствъ; въ это время возведены многія тысячи различныхъ общественныхъ построекъ, коллегій, караванъ-сараявъ, мостовъ, мечетей, больницъ, читаленъ и проч. Замѣтимъ здѣсь кстати, что, по свидѣтельству Бабера, Бухара еще въ эпоху Тимура была знаменитѣйшею школою живописи на мусульманскомъ востокѣ, а лучшія зданія всюду украшались скульптурными изваяніями и картинами альфреско, па которыхъ были не только арабески или неодушевленные предметы, но изображенія и портреты знаменитыхъ князей, воиновъ, даже святыхъ и проч. (1). 200—300 лѣтъ спустя и до нынѣ, въ той же Бухарѣ, мусульманинъ, изображающій людей и животныхъ, подвергъ бы свою жизнь опасности.

Тимуриды въ своихъ постоянныхъ братоубійственныхъ войнахъ

на грубость и животную жестокость этихъ принцевъ, которые находились подъ влияніемъ известнаго рода религиозной философіи».

(1) Г. *Вамбери*, тамъ же, стр. 272 и 273.

не разъ находили убѣжище къ сѣверу за Яксартомъ (Сырѣ-Дарьей); оттуда же, изъ этой «запасной кладовой воинственныхъ элементовъ», они приводили себѣ помощь и союзниковъ, въ видѣ отрядовъ узбекскихъ наѣзтниковъ, которые служили безразлично то той, то другой сторонѣ, но всегда возвращались съ тяжелымъ грузомъ добычи. Узбеки въ числѣ другихъ отступили къ югу, тѣснимые съ сѣверо-запада успѣхами Россіи; это были тоже «суровые войны пустыни», нищіе, голодные, грубые, способные перенести всякія лишения, труды и опасности, но дѣйствовавшіе всегда въ духѣ своей народной пословицы: «если врагъ нападаетъ на палатку твоего отца, то ты пристань къ нему и грабь вмѣстѣ». Сначала узбеки были только орудіемъ, но, когда, наконецъ, у нихъ нашелся свой вождь, «способный и честолюбивый, и сталъ во главѣ племени, то оно и двинулось потокомъ (новымъ) на югъ, на поприще завоеваній. Въ 1499 г. узбеки, подъ предводительствомъ *Мухаммеда Шейбани*, заняли г. Бухару, затѣмъ въ 1500 году Самаркандъ, потеряли ихъ, затѣмъ опять взяли, разграбили и разорили оба города въ конецъ и свергли, такимъ образомъ, господство тимуридовъ въ Мавераннегрѣ. Резиденціей своей Шейбани избралъ г. Бухару. Появилась въ это время съ сѣверо-востока новая небольшая волна калмыковъ и монголовъ, стремившихся слѣдомъ за узбеками и могущихъ, пожалуй, уничтожить всѣ планы честолюбиваго Мухаммеда Шейбани въ только что завоеванной странѣ. Но послѣ рѣшительнаго столкновенія онъ съумѣлъ во-время и остановить ее, и обезвредить. Въ дальнѣйшемъ движеніи узбековъ за добычей Шейбани пришлось еще выдержать ожесточенную борьбу (съ Хосру-шахомъ) на юго-востокѣ и съ правителями Хорезма на сѣверо-западѣ; остался, наконецъ, на юго-западѣ послѣдній, но и самый могущественный врагъ, старикъ султанъ Гуссейнъ-Мирза (Байкара), тимуридъ, основатель цвѣтущаго государства въ Хорасапѣ; но онъ не дожилъ до своего паденія; сборныя же войска его наслѣдниковъ и союзниковъ были разбиты сначала на голову у Меручака (въ 1505 году), а удѣлѣвшія части были разсѣяны или уничтожены военными начальниками Шейбани вмѣстѣ съ принцами тимурова дома, коихъ погибло тогда 12 человекъ. Въ то же время узбекамъ пришлось восстанавливать порядокъ и спокойствіе въ занятыхъ уже странахъ, усмирять непокорныхъ, обезпечивать границы и пр. И однако, въ какихъ нибудь 5—8 лѣтъ Мухаммедъ Шейбани основалъ могущественную имперію, утвердилъ свою династію и мечталъ о славѣ Чингиза и Тимура. А его узбеки, бѣдные и кутавшіеся въ овчины еще передъ

взятіемъ Самарканда, были теперь завалены драгоценностями и богатствомъ, награбленными въ покоренныхъ странахъ, причѣмъ алчность ихъ была впервые удовлетворена опять же Бухарой и Самаркандомъ. Шейбани не думалъ удовольствоваться достигнутымъ: управленіе различными областями поручено было имъ разнымъ заслуженнымъ воинамъ, а за собой онъ удержалъ только власть верховнаго главнокомандующаго арміей, готовясь употребить послѣднюю въ дѣло; поводъ тотчасъ же представился, но Шейбани встрѣтилъ достойнаго соперника въ лицѣ Шахъ-Измаила и погибъ, сдѣлавшись жертвой излишней самоувѣренности и пренебреженія къ противнику: онъ умеръ въ бою смертію героя въ 1510 г. съ тысячами своихъ сподвижниковъ. Нужно сказать, что Шахъ-Измаилъ, повелитель въ то время большей части Ирана и Арабистана, прославился въ особенности тѣмъ, что знаменемъ своимъ поставилъ дѣло шиитской религіозной секты, подавляемой до сихъ поръ, и возвысилъ ее на степенъ національнаго культа иранцевъ. Шиизмъ имѣлъ всегда много послѣдователей между иранцами, потому что своей сектантской ненавистью къ суннитамъ онъ удобно служилъ выраженіемъ національнаго чувства ихъ, оскорбленнаго своеволіемъ семитическихъ завоевателей ⁽¹⁾.

Окрѣпшее со времени Шахъ-Измаила внутри состояніе Ирана и усердіе къ вѣрѣ шиитовъ, преемниковъ Шаха-Измаила, образовало преграду между исламомъ востока и запада, преграду, которая потомъ никогда уже не была поборена или уничтожена, и *Средняя Азія обособилась*; а имперія Шейбани, созданная въ нѣсколько лѣтъ потокомъ полудикихъ степныхъ завоевателей, представляетъ уже послѣдній этого рода случай: новой, всеокрушающей волны съ сѣвера или съ сѣверо-востока уже не будетъ въ нашемъ очеркѣ. Было много большихъ разбойничьихъ набѣговъ: «калмыковъ, казаковъ, кипчаковъ, киргизь» и проч. ⁽²⁾, все это получало свою ленту и терзало несчастную страну между Сыромъ и Аму, но этнографическаго переворота съ того времени и до нашихъ дней не было; киргизы начали было «служить орудіемъ», но, вслѣдствіе неблагоприятныхъ для нихъ условій развитія въ родныхъ степяхъ, до «руководительства» такъ и не дозрѣли ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Наблюдалось это много разъ, начиная съ возмущенія Шерика во время арабскаго господства въ Бухарѣ.

⁽²⁾ Названія эти мы беремъ, какъ нарицательныя и общеупотребительныя, не придавая имъ этнографическаго значенія.

⁽³⁾ Для полноты мы должны, однако, отмѣтить, что русскія войска въ 50-хъ, 60-хъ и 70-хъ годахъ при движеніи своемъ въ предѣлы бывшаго Копандскаго

Русскіе застали въ Средней Азіи положеніе, въ общемъ мало измѣнившимся съ того времени: застали узбековъ въ качествѣ «господствующей расы» и таджиковъ (иранцевъ) аборигеновъ. Съ того времени сохранилась даже и взаимная характеристика обѣихъ сторонъ; таджики издревле заклеяны были прозвищемъ трусовъ, у иранцевъ же Бухары до сихъ поръ «узбекъ» есть синонимъ грубо-сти и варварства (¹). Личность Шейбани, впрочемъ, и тогда была исключеніемъ; это былъ образованнѣйшій чело-вѣкъ своего времени, самъ писатель, покровитель и поклонникъ ученыхъ, между которыми преобладали богословы.

Династія Шейбани продержалась лишь 100 лѣтъ. Она дала еще двухъ замѣчательныхъ дѣятелей. Первый *Уббей-дуллахъ*, который, то въ качествѣ главноначальствующаго военными силами, то самостоятельно на тронѣ заправлялъ судьбами государства въ продолженіи безъ малаго 30 лѣтъ. Это былъ настоящій узбекъ: онъ съ горстью отчаянныхъ храбрецовъ и старыхъ воиновъ Шейбани разбилъ на голову большую армію Бабера (²) между Бухарой и Самаркандомъ; а затѣмъ со своими наѣздниками сдѣлалъ шесть набѣговъ на Иранъ, но цѣль то ихъ была не завоеваніе странъ, а лишь грабежъ. Наводя всюду ужасъ, онъ держалъ сосѣдей въ страхѣ и границы въ безопасности. Нужно подозрѣвать, впрочемъ, что выборъ времени для нашествій этихъ дѣлался по соглашенію съ османами, такъ какъ каждый разъ имъ предшествовало начало военныхъ дѣйствій со стороны государей Константинополя противъ возникавшаго могущества шиитовъ (³).

Вторымъ былъ *Абдулла-Ханъ*, имя котораго извѣстно и до сихъ поръ каждому простолюдину Средней Азіи и воспоминается съ уваженіемъ.

Съ самаго начала своей дѣятельности ему пришлось очищать страну отъ наводнившихъ ее съ сѣвера калмыковъ и «киргизъ» (⁴), занявшихъ было уже Бухару и Самаркандъ, т. е. начинать почти

ханства застали тамъ «дѣйствующими лицами и руководителями» именно представителей кочевниковъ, каковы: Мусульманкулъ, Алимкулъ, Автобачи и проч.

(¹) Если то и другое имѣло разумное основаніе въ то давнее время, то теперь оба эпитета излишни.

(²) Баберъ основалъ уже въ то время новое сильное мусульманское государство, прославившееся потомъ подъ названіемъ Индійской имперіи Великаго Могола. Это сраженіе (въ 1512 г.) было послѣдней его попыткой вернуть престолъ и резиденцію предковъ.

(³) Г. *Вамбергъ*, тамъ же, т. II, стр. 37.

(⁴) Они потомъ еще три раза нападали на Мавераннегръ.

все сначала, и однако, онъ успѣлъ не только возстановить старыя границы имперіи Шейбани, но и раздвинуть ихъ во всѣ стороны далѣе, чѣмъ удавалось предшественникамъ. Абдулла-ханъ также, то въ качествѣ главноначальствующаго арміей и регента, то какъ самодержавный государь, правилъ въ Мавераннегрѣ болѣе чѣмъ 40 лѣтъ, и хотя ему всю жизнь пришлось воевать и хотя слава его къ концу жизни была помрачена многими неудачами, но подвластные ему страны давно уже такъ не процвѣтали: торговля, земледѣліе и науки находили въ немъ могущественнаго и умѣлаго покровителя; при немъ возведено большое количество монументальныхъ сооружений, всѣ важнѣйшія дороги были снабжены столбами (ташъ), сообщеніе производилось совершенно безопасно и проч. Нужно удивляться, какъ Абдулла-ханъ находилъ время столько заботиться о процвѣтаніи культуры и о счастіи своихъ подданныхъ. По справедливости, онъ заслужилъ свою популярность и названіе «благодѣтеля своего народа».

Послѣ печальной кончины Абдулла-хана (въ 1598 г.) престолъ занялъ очень способный, честолюбивый, но недостойный сынъ его Абдуль-Муминъ⁽¹⁾, убитый черезъ нѣсколько мѣсяцевъ заговорщиками, которымъ не трудно было достигнуть своей цѣли, въ виду общей ненависти къ Абдуль-Мумину за его кровожадность и жестокость. Съ нимъ прекратилась династія шейбанидовъ.

Въ эту эпоху (XVI вѣкъ) Средняя Азія обособилась не только территоріально, о чемъ замѣтили мы раньше, но и въ религіозномъ отношеніи. Восточно-исламскій міръ потерялъ не только непосредственную связь, но и всякую общность стремленій и интересовъ съ исламомъ запада — съ калифатомъ. Эта, такъ сказать, самостоятельность придала новыя силы упомянутому нами выше богословско-суфическому направленію, начавшемуся еще до тимуридовъ; теперь оно окрѣпло и стало пріобрѣтать все большее и большее вліяніе на духовную жизнь всего народа. Государя и принцы соперничали на счетъ религіозной благонадежности и благонамѣренности, унижались передъ разными аскетами, чудотворцами, а можетъ быть и юридами. Къ этому же времени относится очень много памятниковъ зодчества, существующихъ до нынѣ, такъ какъ не являлось для нихъ разрушителей; въ зависимости отъ направленія эпохи все это — мечети, медрессы и мавзолеи надъ могилами подвижниковъ,

(1) Онъ ранѣе прославился во главѣ орды узбековъ взятіемъ Мешхеда и страшнымъ разграбленіемъ гробницы и сокровищъ Имама Ризы.

Т. ССII.—Отд. I.

святыхъ, ученыхъ богослововъ и проч. (¹). Направленіе это получило уже полное свое развитіе въ слѣдующую эпоху, когда Бухарскимъ ханствомъ правила династія *аштарханидовъ* (²) въ XVII и XVIII вѣкахъ. Имамы, шейхи, улемы и ученые толкователи священныхъ писаній не только получили всеобъемлющее вліяніе, но многіе изъ нихъ при жизни еще удостоивались поклоненія, приличествующаго святымъ; заболѣлъ ханъ (Баки-Мухаммедъ) въ критическую для страны минуту,—всѣ взоры обращаются къ святому шейху (Алимъ-Азизамъ) и ожидаютъ отъ него чудотворнаго исцѣленія (³); угрожаетъ непріятель—обратились за совѣтомъ къ благочестивому мужу (Ходжа-Мухаммедъ-Аминъ), и тотъ и въ самомъ дѣлѣ помогаетъ одержать побѣду нафанатизированнымъ вѣрующимъ (⁴).

Три государя этой династіи къ ряду, подъ конецъ своей жизни, мѣняли скипетръ на посохъ пилигрима и какъ благочестивые, примѣрные мусульмане отправлялись въ Мекку. Четвертый (Субханкули) тоже избѣгалъ браннаго поля, лучше всего чувствовалъ себя въ обществѣ богослововъ, писалъ стихи, занимался медициной и оставилъ послѣ себя подробный лечебникъ на турецкомъ языкѣ. Династія эта просуществовала почти два вѣка (1599—1796); между государями ея было нѣсколько человекъ, безъ сомнѣнія, талантливыхъ и хорошихъ; правленіе ихъ отличалось миромъ, справедливостью и, пожалуй, внѣшнимъ блескомъ. Но чего благотворнаго и живаго можно ожидать отъ эпохи, когда представители ея, призванные судьбою устраивать и направлять земную жизнь народовъ и *дѣйствовать*, поставили девизомъ своимъ, что «всѣ земныя дѣла ничтожны». Къ тому же они были люди убѣжденные въ этой истинѣ, послѣдовательные, и шли избраннымъ путемъ до возможнаго предѣла, т. е. иногда даже до абсурда, и старались, чтобы «слово сходилось съ дѣломъ». Мы это видѣли на пилигримахъ, и кстати расскажемъ слѣдующій характерный эпизодъ. Имамъ-Кули-ханъ въ

(¹) Простой народъ приписываетъ большинство монументальныхъ сооружений Средней Азіи своему любимому герою, Абдулла-хану; на вопросъ, когда построено то или другое, чаще всего слѣдуетъ стереотипный, но не всегда вѣрный отвѣтъ: «при Абдулла-ханѣ» или «Абдулла-ханомъ».

(²) Или вначе, *Астраганская династія*, происходитъ отъ Джучи, сына Чингизъ-хана. Въ XV столѣтіи потомки его бѣжали въ низовья Волги; вѣдь избраны были съ теченіемъ времени въ князья номадами этой страны; названіе династіи получила по мѣсту жительства; тѣсняемые русскими царями, князья бѣжали на берега Зеравшана, породнились съ домою Шейбани, а по смерти Абдуль-Муина избраны были знатью въ государи страны. Нѣкоторые называютъ эту династію «джанидами» по имени Джани-хана, отца первыхъ трехъ хановъ Бухары.

(³) *Г. Вамбери*, тамъ же, т. II, стр. 73.

(⁴) *Г. Вамбери*, тамъ же, стр. 75.

раздраженіи поклялся, что не остановитъ своего мщенія противъ убійць своего сына, ташкентскихъ бунтовщиковъ, пока «кровь ихъ не будетъ доходить до стремени его лошади». Когда же пришло къ дѣлу, то чтобы избавить своего благочестиваго государя отъ нарушенія клятвы, а дѣтей и стариковъ Ташкента отъ напраснаго избиенія, улемы придумали слѣдующее: была вырыта яма и въ нее спускалась кровь всѣхъ убитыхъ; когда она дошла до стремени въѣхавшаго въ нее хана, то прекращены были убійства и казни (1).

Достойно замѣчанія, что благосостояніе народа начало сильно падать именно въ это время; оно и понятно, если «всѣ земныя цѣли ничтожны». А такъ какъ жизнь шла своимъ чередомъ, т. е. нападали по прежнему съ сѣвера десятки разъ и грабили страну киргизы и казаки; дѣлали нашествія съ переменнымъ успѣхомъ хивинцы, возставали братья и родственники, являлись претенденты на престоль, бунтовали вассалы и проч., то приходилось или явно уклоняться отъ живаго дѣла и отвѣтственности, или соблюдать лишь форму, не заботясь о сущности. То и другое является въ полной мѣрѣ: государи или передаютъ скипетръ преемникамъ, а сами отправляются въ «хаджъ», или отличаютъ особымъ довѣріемъ кого-либо изъ своихъ вельможъ, которые занимаются всѣми земными дѣлами и творятъ судъ и расправу отъ лица хана, а сами ханы погружаются въ богомысліе и богословіе. Недостатокъ дѣйствительныхъ силъ и могущества долго и удобно покрывался блескомъ пріемовъ, торжественными церемоніями, придворнымъ этикетомъ и вообще соблюденіемъ внѣшнихъ формъ жизни. Неподдѣльный блескъ прошедшаго ослѣплялъ еще всѣхъ на столько, что Бухара пользовалась у суннито-мухаммеданскихъ князей и государей того времени (2) большимъ уваженіемъ и почетомъ: никто не замѣчалъ еще начавшагося разложенія и гнилости подъ покровомъ блестящихъ внѣшнихъ формъ. Ханы эти, съ привилегіей праздномыслія и ничегонедѣланія, разумѣется, скоро потеряли свое почетное положеніе, но формализмъ и лицемѣріе, надолго водворившіеся у престола, оказали развращающее вліяніе на строй жизни всего ханства. Соблюденіе внѣшней формы и приличій, детальная разработка ихъ и охраненіе, стало задачей всѣхъ и во всемъ—своего рода цѣлью. Никому не было дѣла, между прочимъ, и до искренности религіознаго чувства: цѣнилось лишь его проявленіе, а потому ханжество и религіозное изуверство

(1) Г. Вамбери, тамъ же, стр. 77.

(2) Ко двору Субханкули еще приходили почетныя посольства съ дорогими подарками изъ Хотана и Кашгара, изъ Крыма, изъ Индіи, изъ Константинополя и проч.

получили свободное, ничѣмъ необуздываемое распространеніе, принимались толпою, какъ примѣры, достойныя подражанія, какъ сама истина, и никто изъ лучшихъ людей той среды и времени не замѣчалъ въ этомъ лжи и тлетворности. Страна же постепенно такъ отдѣлилась пустынями, степями и полудикими врагами отъ всего прогрессирующаго міра, что новой струѣ не откуда было попасть туда и не кому было открыть глаза увлекшимся.

Именно эту эпоху мы имѣли въ виду, когда упомянули выше, что въ самомъ ученіи, въ исламѣ, составляющемъ основу и сущность государственнаго (теократическаго) устройства Бухарскаго ханства, стало въ это время не доставать животворныхъ силъ и духовной пищи для лучшихъ умовъ.

Это особенно наглядно обнаружилось при первомъ и славнѣйшемъ представителѣ слѣдующей династіи *Шахъ-Мурадъ-Мангитъ*, которому нельзя отказать ни въ талантливости, ни въ энергій, ни въ добрыхъ намѣреніяхъ, но которому не удалось сдѣлать ничего прочнаго и долговѣчнаго изъ того матеріала, который предоставленъ былъ ему судьбою.

Обычай поручать защиту своихъ интересовъ и всѣ хлопоты и заботы по управленію государствомъ особо-довѣреннымъ лицамъ началъ постоянно практиковаться при послѣднихъ ханахъ Астраханской династіи, которые при этомъ естественно обратились въ манекеновъ, а управители съ титуломъ «аталыкка» или «намба» ⁽¹⁾ и съ дѣйствительной властью въ рукахъ, стали ихъ смѣщать, сажать на тронъ, при надобности умерщвлять, или позволять имъ жить, награждать матеріально и проч. Одинъ такой управитель, узбекъ изъ рода Мангитъ, породнился съ династіей аштарханидовъ. Затѣмъ уже не трудно было подготовить почву такимъ образомъ, чтобы по смерти послѣдняго аштарханида дѣйствительность освятить приличествующей внѣшней формой; и вотъ, въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія ⁽²⁾ на престолъ Бухары вступила династія *Мангитъ* въ лицѣ Шахъ-Мурада, принявшаго по этому случаю названіе Эмиръ-Маасумъ-Гази изъ желанія придать правленію своему

(1) «Аталыкъ» значить буквально: «батъка» или «дядька»; «наибъ» — намѣстникъ, помощникъ.

(2) Когда именно Шахъ-Мурадъ вступилъ юридически на престолъ, невѣдомо. Онъ долгое время, съ 1784 г., управлялъ ханствомъ, довольствуясь титуломъ намба; ханомъ же бухарскимъ номинально считался Абуль-Гази, послѣдній, кажется, аштарханидъ. Есть доказательства, что Абуль-Гази умеръ не ранѣе 1796 г., и тогда только Шахъ-Мурадъ принялъ титулъ эмира. (В. В. Григорьевъ. «Записки Мирзы-Шемъ и пр.», стр. 42 и 43).

характеръ религіозный ⁽¹⁾. Воспоминанія объ этой личности на столько еще свѣжи въ г. Бухарѣ, и сама она на столько типична и замѣчательна, что мы остановимся на ней болѣе подробно ⁽²⁾. Кстати, полагаемъ, получить нѣкоторое освѣщеніе и та атмосфера, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Шахъ-Мурадъ.

Первая молодость Шахъ-Мурада прошла далеко не назидательно; благочестію и отшельничеству началъ предаваться онъ не ранѣе, какъ достигнувъ 25-ти-лѣтняго возраста. Вскорѣ затѣмъ умеръ отецъ его, Даніяль, объявивъ его своимъ преемникомъ; но Шахъ-Мурадъ надѣлъ дервишскую рясу, заперся въ одной изъ мечетей Бухары, и не хотѣлъ слышать ни о чемъ, чтобы мѣшало ему погружаться въ богомысліе. Онъ отказался даже отъ доли своей въ оставшихся послѣ отца богатствахъ: «никогда не соглашусь я, сказалъ онъ, осквернить руки мои деньгами, пріобрѣтенными насиліемъ и несправедливостями». И мало того, что отказался; одѣвшись въ рубище, повѣсивъ саблю на шею, отправился онъ въ такомъ видѣ по улицамъ Бухары, слезно умоляя жителей, чтобы они простили преступленія и проступки покойнаго отца его, и предлагая въ искупленіе ихъ собственную жизнь. Между учеными и святошами Шахъ-Мурадъ успѣлъ уже пріобрѣсти себѣ уваженіе, какъ благочестіемъ, такъ ученостью и нѣсколькими отличными богословскими сочиненіями; но народъ не зналъ еще его, и теперь пришелъ въ удивленіе и умиленіе, видя въ такомъ знатномъ молодомъ человѣкѣ столько святости и самоуничженія. Послѣ этого, Шахъ-Мурадъ заключился въ главной мечети города, и цѣлый годъ провелъ въ молитвахъ и созерцаніи, не допуская до себя никого, кромѣ нѣсколькихъ любимыхъ учениковъ; въ это именно время написалъ онъ замѣчательнѣйшее изъ своихъ сочиненій Айль-Эль-Хикметъ, «Источникъ Мудрости». Слава его какъ совершеннаго суфи, росла и распространялась между тѣмъ. Утомленный честолюбіемъ и распрами его братьевъ, народъ сталъ умолять его принять бразды правленія, но

(1) Эмиръ въ этомъ случаѣ употреблено въ сокращенномъ видѣ; полный титулъ — Эмиръ-Эль-Муменинъ, «повелитель вѣрующихъ», который носила до того только калифы. Принятіе такого титула является естественнымъ послѣдствіемъ изолированнаго положенія сунито-мусульманской Средней Азіи, которая нуждалась въ духовномъ главѣ. Этотъ фактъ заслуживаетъ вниманія потому, что Бухара съ того времени стала себя считать и признавалась весьма многими политическимъ и, такъ сказать, іерархическимъ центромъ мусульманства внутренней Азіи. Это вошло въ большой степени и въ сознание народное. (В. В. Григорьевъ. «Записки Мирзы-Шемсъ-Бухари и пр.», стр. 41 и 42).

(2) В. В. Григорьевъ. «Записки Мирзы-Шемсъ-Бухари». Примѣчаніе 1-е (изъ Малькольма); цитируемъ почти дословно.

напрасно: поставленный созерцательною жизнью превыше всѣхъ приманокъ и обольщеній мірскихъ, восторженный суфи, если снисходилъ до дѣятельности, то не иначе, какъ религіозной: съ толпами народа, постоянно окружавшими его каждый разъ, какъ выходилъ онъ изъ своего заключенія, Шахъ-Мурадъ отправлялся разорять игорные дома или убѣжища разврата, которыхъ, говорятъ, было въ Бухарѣ нѣсколько тысячъ. Между тѣмъ, беспорядки въ управленіи увеличивались со дня на день. Произошло волненіе, жертвою котораго сдѣлалось болѣе 1,000 человекъ. Самъ ханъ, Абуль-Гази, и вся знать бухарская отправились въ мечеть къ Шахъ-Мураду, повели его оттуда на могилу отца, и здѣсь торжественно умоляли его принять на себя завѣдываніе дѣлами ханства. Шахъ-Мурадъ, тронутый бѣдственнымъ положеніемъ соотечественниковъ, и неотступными просьбами, поддался, но еще не совсѣмъ: общалъ принять участіе въ управленіи лишь совѣтами и указаніями, и ограничивался этимъ въ дѣйствительности, пока правитель Шагрисябза не простеръ дерзости своей до вторженія въ самые бухарскіе предѣлы. Тогда Шахъ-Мурадъ принялъ титулъ «наиба», и съ тѣхъ поръ сталъ править ханствомъ самовластно, оставивъ за Абуль-Гази-ханомъ, какъ замѣчено выше, только одинъ титулъ ханскій.

Первымъ дѣломъ его было устроить отправленіе правосудія, взиманіе налоговъ и содержаніе войска въ точной сообразности съ религіозными постановленіями ислама по симъ предметамъ. Затѣмъ и все остальное повелъ онъ порядкомъ, напоминавшемъ времена первыхъ халифовъ съ примѣсю суфизма, явилъ себя, однимъ словомъ, отшельникомъ на престолѣ. Весь блескъ придворной обстановки предшественниковъ его былъ уничтоженъ. Дворецъ обратился въ судебную палату, гдѣ председательствовали онъ съ сорока избранными законовѣдцами, оказывая всѣмъ и каждому самое нелицепріятное правосудіе. По уголовно-полицейской расправѣ предписанія корона стали соблюдаться съ величайшею строгостью: разбойниковъ казнили смертию, ворами отрубали правую руку, пьяницъ сѣкли публично; воспрещено было куреніе табаку и предписано всѣмъ классамъ народонаселенія точное исполненіе религіозныхъ обязанностей; нерадивыхъ полицейскимъ чиновникамъ разрѣшено было побуждать къ тому плетью. Изъ веселой, разгульной, распущенной, Бухара обратилась въ монастырь. Всѣ желавшіе посвятить себя изученію религіи принимались въ медресы безъ малѣйшаго затрудненія, и получали пищу даромъ; говорятъ, что въ одно время число студентовъ доходило въ Бухарѣ до 30,000 (?).

Собственною жизнью подавая примѣръ воздержности и умѣренности, Шахъ-Мурадъ бралъ на содержаніе свое изъ государственной казны по одной тенгэ (20 к. с.) въ день, не болѣе того, сколько выдавалось бѣднѣйшимъ изъ студентовъ. Семейство его жило во дворцѣ, самъ же онъ помѣщался въ одной голой комнаткѣ, куда входъ былъ открытъ всякому, во всякое время дня: носилъ одежду изъ самой грубой ткани, и, какъ истинный суфи, считалъ излишествомъ даже опрятность.

Всѣмъ этимъ внушилъ онъ къ себѣ такое благоговѣйное уваженіе, что народъ считалъ его за человѣка вдохновеннаго свыше, чуть не за пророка и повиновался безпрекословно и безропотно всякой его волѣ.

Въ походамъ онъ жилъ въ маленькой дурнаго вида палаткѣ, ѣлъ изъ одной чашки со своимъ нищимъ полуслѣпымъ поваромъ, а пища состояла изъ отвратительной похлебки, куда клалось немного зеренъ риса и вяленаго мяса, иногда протухлаго.

За всѣмъ тѣмъ въ своихъ военныхъ предпріятіяхъ онъ пользовался почти всегда успѣхомъ; въ политикѣ заслужилъ репутацію искуснѣйшаго дипломата, а такъ какъ и счастье его не покидало, то онъ успѣлъ раздвинуть границы своего государства, унаслѣдовавшаго отъ аптарханидовъ въ очень плохомъ состояніи, во всѣ стороны; доставилъ ему относительное благоденствіе и сумѣлъ сохранить въ народѣ воспоминаніе не только о необыкновенной религіозной строгости, но и о мягкости и справедливости своего управленія.

Эмиръ Маасумъ былъ вѣрнымъ олицетвореніемъ высшихъ стремленій своей эпохи. Онъ умеръ въ 1803 году.

Итакъ, если мусульмане запада остановились въ развитіи и быстро отстали отъ сильно прогрессирующихъ своихъ, болѣе западныхъ, сосѣдей, то этого мы не въ правѣ сказать о мусульманахъ востока: они продолжали развиваться и идти по избранному пути, на сколько только позволяло само ученіе ислама. Въ своей послѣдовательности и добросовѣстности они дошли до границы «всѣхъ земныхъ цѣлей», дальше идти уже некуда... Жаль, что путь оказался ложнымъ и гибельнымъ.

Пріемникомъ эмира Маасума былъ сынъ его Миръ, Хайдеръ. Онъ наслѣдовалъ отъ отца всѣ его недостатки и пороки съ излишкомъ, но, кажется, ни одного его достоинства: черезъ два года по восшествіи на престолъ онъ сталъ подражать смиренію и религіозности своего отца, но, будучи по внѣшности только ретивымъ муллой, на самомъ дѣлѣ былъ жестоко распутень, любилъ пьянствовать и отличался недовѣріемъ ко всѣмъ и крайнею подозрительностью

Мирь Хайдеру наслѣдовали: Мирь Хусейнъ, отравленный черезъ три мѣсяца приверженцами Насръ-Улла-хана, затѣмъ Омаръ-ханъ, свергнутый имъ же, а затѣмъ самъ *Насръ-Улла-ханъ* (въ 1827 г.). Воцарившись, онъ сейчасъ распорядился для обезпеченія себя убить ещѣ трехъ братьевъ съ ихъ семьями и затѣмъ предавалъ казни отъ 50 до 100 человѣкъ ежедневно въ теченіе мѣсяца; послѣ того, онъ «сталъ» добрымъ, смиреннымъ, справедливымъ и даже безопаснымъ (¹). Это не помѣшало, однако, ему исподволь въ продолженіи 6—7 лѣтъ предательски истребить всѣхъ выдающихся чиновниковъ и военныхъ, бывшихъ изъ рода въ родъ, въ продолженіи столѣтій, постоянными слугами бухарскихъ государей, причемъ имущества ихъ были присвоены эмиромъ. Той же участи подверглись и главные пособники и сподвижники его самого по воцаренію. Потомъ уже любостыжательный эмиръ не стѣснялся и съ купечествомъ, особенно иностраннымъ, которое изъ страха смерти и конфискаціи всего имущества отъ времени до времени покупало расположение своего государя дорогими подарками. Мирзы и шпіоны проникали повсюду, сообщая обо всемъ, что могло служить корыстолюбію и противоестественному сладострастію ихъ господина. Красивыхъ дѣтей обоего пола увлекали въ «Аркъ» насильно, а въ случаѣ упрямства, ихъ подвергали наказанію за неповиновеніе «повелителю правовѣрныхъ», а «кстати» отнимали въ его собственность имущество послѣднихъ. Не былъ пощаженъ даже Султанъ Джанъ, 14-лѣтній сынъ Достъ Мухаммеда, эмира авганскаго, искавшаго въ Бухарѣ убѣжища послѣ пораженія англичанами; Насръ-Улла-ханъ не задумался попрасть всѣ законы и святость гостеприимства....

Вообще трудно перечислить всѣ злодѣянія этого тирана; повторимъ слова Г. Вамбери: «Насръ-Улла-ханъ въ продолженіи 34-хъ-лѣтняго правленія представлялъ міру примѣръ, какъ много мерзостей способенъ совершить мухаммеданскій государь въ Азіи и какое тиранство въ состояніи выносить народъ, поработенный ханжествомъ».

Политическая обстановка сложилась, какъ нарочно, для Насръ-Улла-хана замѣчательно счастливо: ему удалось подчинить опять отторгнувшійся было Шагрисябъ и лѣвый берегъ Аму-Дарьи — Чар-вилайетъ, занять Кокандъ и дѣлать удачныя набѣги на Хивинское ханство; онъ позволялъ себѣ съ пренебреженіемъ относиться къ Персіи, 20,000 подданныхъ которой томились въ рабствѣ въ Бухарскомъ ханствѣ. У него не оказалось ни одного мало-мальски силь-

(¹) Такимъ нашель его Александръ Борпсъ, посѣтившій Бухару въ 1832 г. («Путешествіе въ Бухару», т. II, стр. 417—419; т. III, стр. 469 и 473).

наго сосѣда, могущаго дать отпоръ завоевательнымъ стремленіямъ и хотя нѣсколько смирить его высокомеріе и дерзость. Напротивъ того, начавшееся тогда политическое соревнованіе Англіи и Россіи у бухарскаго престола при полномъ невѣжествѣ Насръ-Улла-хана о томъ, что дѣлается за степями и пустынями, сопредѣльными съ его государствомъ, дало новую пиццу его тщеславію: облеченныхъ до-вѣриемъ и значительными полномочіями представителей этихъ государствъ онъ третировалъ при всемъ народѣ такъ, какъ будто имѣлъ дѣло съ посланцами Хивы и Коканда, даже хуже; полковника Стод-дарта и капитана Конолли, двухъ официальныхъ агентоѡвъ Англіи, посланныхъ то-ли для созданія союза Хивы, Бухары и Коканда, то-ли «съ гуманными стремленіями къ просвѣщенію центральной Азіи» (1), онъ приказалъ казнить публично на Ригистанѣ въ 1842 г., продержавъ перваго изъ нихъ предварительно въ неволѣ четыре года и подвергая иногда страшнымъ пыткамъ и издѣвательствамъ (2), а втораго захвативъ въ свои руки предательствомъ. По этому одному нарушенію самыхъ первыхъ международныхъ правъ и отношеній, нарушенію, преступному и по мусульманскимъ міровоззрѣніямъ, можно судить, на сколько онъ считалъ себя безнаказаннымъ. Подобной участи, безпричинному умерщвленію, подверглось еще нѣ-сколько европейцевъ, въ томъ числѣ и турецкій инструкторъ, при-знанный недостаточно религіознымъ. Эта свобода дѣйствій и смѣлость Насръ-Улла-хана, безъ сомнѣнія, производили впечатлѣніе на толпу и на тѣхъ, кто въ нее попадалъ случайно со стороны: онѣ всемъ ка-зались показателями силы и могущества, а на самомъ дѣлѣ это была не свобода дѣйствій, а только произволъ распушенной натуры и смѣлость счастливаго невѣжды. Да и гдѣ же было Насръ-Улла-хану знать Европу, Россію или Англію, когда Англія и Россія сами не имѣли о Бухарѣ надлежащаго понятія. То и другое составлялось или на основаніи свѣдѣній рѣдкихъ миссій и посольствъ, или на основаніи рассказовъ купцовъ, случайныхъ путешественниковъ и искателей приключеній. Пребываніе первыхъ (миссій) было боль-шею частью кратковременно, а, главное, условія жизни ихъ въ Бу-харѣ—подъ болѣе или менѣе приличнымъ арестомъ—совершенно не благоприятствовали приобрѣтенію свѣдѣній и знакомству съ истин-нымъ положеніемъ дѣла. Вторые же, безъ сомнѣнія, находились всегда подъ гнетомъ того обоянія, которое Бухара продолжала имѣть

(1) *Вамбери*. «Исторія Бухары»; т. II, стр. 163.

(2) Стоддарта не сласло и тѣ, что онъ принялъ, кажется, мусульманство. Нужно имѣть въ виду, что къ этому времени относится и кабульская катастрофа, т. е. изгнаніе и истребленіе англійскаго отряда подъ начальствомъ Эльзингтона.

на массы (1): при всемъ своемъ внутреннемъ разложеніи она все еще была руководительницей для прочихъ средне-азиатскихъ народовъ; что Бухара одобряла и любила, одобрялось и было любимо всѣми; туда стремился всякій молодой мусульманинъ, алчущій пищи духовной и жаждущій правды, такъ какъ здѣсь религіозный культъ (съ внѣшней стороны) достигъ необыкновенной разработки, а о чистотѣ его заботились десятки популярныхъ между мусульманами всего міра учителей и наставниковъ; «отсюда, говоритъ Вамбери, почерпали живительную силу для своего религіознаго фанатизма ревностные мусульмане изъ всѣхъ частей Оттоманской имперіи, Египта, Фецца и Марокко»; здѣсь и теперь можно найти много учениковъ изъ Турціи и Константинополя, Кавказа, Крыма, Казани (2), Сибири, Кульджи, Кашгара, Индіи, Явы, Авганистана, Аравіи и проч.

О томъ, насколько далеки отъ дѣйствительности были наши представленія о Бухарѣ и ея государяхъ, можно судить по нижеслѣдующему образцу официальной переписки нашей въ сороковыхъ годахъ. Предварительно замѣтимъ, что это письмо Оренбургскаго генераль-губернатора графа Перовскаго, человѣка безспорно умнаго, стоявшаго на высотѣ своего положенія и имѣвшаго отличныхъ помощниковъ и исполнителей приказаній по сношенію съ Азіей. Вотъ какъ титуруется Бухарскій эмиръ въ переводѣ (3): «Истолкователю всей мудрости и законовъ, высокопочтенному, совершеннѣйшему, славному и великому эмиру; этому отростку благотворительнаго Хакана, средоточію учености, порядка и славы, разсудителю всякаго благополучія представляемъ наше искренное уваженіе и преданность. Да сохранить его всевышній и всемогущій Богъ на престолѣ владычества и счастья отъ всѣхъ бурь и напастей и да дасть ему долгоденствіе».

Насрѣ-Улла-ханъ умеръ въ 1860 году отъ яда, успѣвъ казнить заподозрѣнныхъ въ отравленіи: любимую жену свою, ея родственниковъ и сообщниковъ.

Ему наслѣдовалъ сынъ Миръ-Музаффаръ-Эддинъ, отецъ нынѣшняго эмира, Сейидъ-Абдуль-Ахадъ-Багадуръ-хана, благопо-

(1) Весьма поучительны въ этомъ отношеніи стр. 470, 471, 472, 489 и др.; т. III, изъ «Путешествія Александра Борнса въ Бухару».

(2) Намъ лично пришлось познакомиться съ нѣкоторыми такими юношами, крымскими и казанскими татарами, отлично владѣющими русскимъ явкомъ. Пслѣднее обстоятельство неожиданно поставило насъ однажды даже въ очень затруднительное положеніе: постороннимъ не слѣдовало понимать нашихъ разговоровъ.

(3) Г. Вамбери, тамъ же, т. II, стр. 153. Можно, разумѣется, найти много документовъ, болѣе современныхъ, чѣмъ приведенный, въ которыхъ мы оказываемся болѣе краснорѣчивыми въ выраженіяхъ Азіатской вѣжливости, чѣмъ сами азіаты.

лучно правящаго ханствомъ съ 1885 года. Всѣ, кто помнитъ покойнаго, отзываются о немъ съ похвалою, какъ о человѣкѣ. Какъ правителя, его можно признать лишь несчастливымъ; можетъ быть, за грѣхи отца ему первому пришлось почувствовать на себѣ мощную руку новыхъ завоевателей съ сѣвера. Ему же довелось быть и послѣднимъ независимымъ государемъ этой страны, до 1868 года.

Однако, по сравненію со всѣми предъидущими новыхъ завоевателей нельзя не признать, по меньшей мѣрѣ, великодушными. Никого они не грабили и не разоряли, населенія не истребляли и этнографическаго переворота не производили; весь религіозный міръ туземцевъ и большей частью юридическій оставили не прикосновеннымъ даже въ ущербъ своимъ кровнымъ интересамъ; не только не получали и не извлекали никакой пользы изъ завоеванныхъ странъ, а всегда приплачивали изъ своей государственной казны для водворенія въ нихъ порядка, спокойствія и благоденствія. Они, искренніе носители лучшихъ современныхъ идеаловъ, стараются всѣми мѣрами пріобрѣсть расположеніе и любовь невидящихъ ихъ. И происходитъ это не по чьему нибудь личному почину, не составляетъ политики какого нибудь одного начальника или администратора, а дѣлается всѣми стихійно, такъ же стихійно, какъ само движеніе русскихъ на югъ, всегда останавливаемое и задерживаемое властью, но неустанно и неопределимо продолжающееся по волѣ неисповѣдимыхъ судебъ. Также остановлены были войска въ 1868 году и передъ Бухарой на половинѣ Зеравшанской долины послѣ побѣдъ у Ирджара, Самарканда и Зерабулака. Мы склонны, впрочемъ, думать, что на это неестественное и неопредѣленное рѣшеніе повліяло, въ свое время, не столько указаніе свыше, сколько все еще сильное обаяніе имени «Бухара»; на мѣстѣ мало кто отдавалъ себѣ отчетъ объ истинномъ положеніи дѣла, а знанія наши современныя о Бухарѣ были крайне сбивчивы, или преувеличены въ ея пользу. Во главѣ же войскъ не оказалось такого вдохновеннаго человѣка, какъ тотъ, что съ 2,000 штыковъ атаковалъ 100,000-ный городъ съ организованной обороною. Наконецъ, побѣдныхъ лавровъ и трофеевъ было въ то время такъ много (одинъ Самаркандъ и «гробница Тамерлана» чего стоятъ?), что не влекло этихъ отличныхъ и нечестолюбивыхъ людей на новые подвиги. Мало того, когда побѣжденная Бухара оказалась, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и политическаго разложенія на краю гибели, то эти же великодушные завоеватели спасли ее (Каршинская экспедиція въ 1868 году) и водворили на престолѣ предковъ законнаго государя.

Къ сожалѣнiю, едва ли сыщется въ средней Азiи мусульманинъ, который могъ бы правильно оцѣнить этотъ поступокъ. У бухарцевъ, особенно у сторонниковъ эмира, вселилось убѣжденiе, что наша поддержка и защита, оказанная джанаби-али—это только дружеская услуга государю, съ которымъ хотятъ жить въ мирѣ, считывая при нуждѣ на взаимность и съ его стороны (1).

Главной цѣлью настоящаго историческаго очерка было дать возможно ясное представленiе о томъ, что такое нынѣшняя Бухара предъ глазами исторiи и насколько не случайно ея настоящее состоянiе.

Попутно мы имѣли въ виду показать, какого благосостоянiя достигала эта страна въ тѣ короткiе годы мира, когда водворялась, наконецъ, въ ней твердая власть и когда народъ могъ съ нѣкоторымъ довѣрiемъ глядѣть въ будущее. Теперешняя земля и люди представляютъ по прежнему богатѣйшiй материалъ; есть на горизонтѣ ея и твердая власть, а о довѣрiи къ послѣдней будетъ рѣчь впереди.

Затѣмъ мы видѣли, какую службу сослужилъ исламъ для ассимиляцiи всѣхъ этихъ «суровыхъ воиновъ и дѣтей пустыни» съ мирными и культурными аборигенами и для обращенiя ихъ изъ кочевниковъ-грабителей въ земледѣльцевъ-производителей. Но мы, русскiе, не «суровые дѣти пустыни» и не кочевники, и ассимилировать насъ исламу уже не приходится. Напротивъ того, намъ предстоитъ приобщить туземцевъ къ европейской культурѣ и христiанскимъ идеаламъ; а съ этой точки зрѣнiя исламъ въ Средней Азiи, глубоко проникшiй здѣсь во всѣ мелочи жизни народной, можетъ служить только помѣхой. За то можно прибавить съ увѣренностью, что помѣха эта—единственная.

Изъ этого же историческаго очерка становится яснымъ, почему въ Средней Азiи осталось такъ мало памятниковъ ея прежней, несомнѣнно, высокой культуры; если было что замѣчательное, то, вѣроятно, обратило на себя своевременно вниманiе «суровыхъ дѣтей», и съ того времени лежитъ подъ мусоромъ развалинъ или покрылось песками пустыни. Все, болѣе или менѣе грандиозное или достойное нашего вниманiя изъ существующаго въ настоящее время, имѣетъ за собой не болѣе трехъ, четырехъ столѣтiй и создано притомъ только что осѣдавшими кочевниками. П. Пославскiй.

(Продолженiе будетъ).

(1) Кому изъ русскiхъ «гостей» эмира за послѣднее 20-ти-лѣтiе не памятна симпатичная фигура всегда веселаго и савовитаго старца, покойнаго Кунъ-беги? Каждому, вѣроятно, вспомнится и разсужденiе его, неизмѣненное для перваго знакомства, о томъ что «Россия и Бухара—это вотъ»... (прикладываетъ два указательныхъ пальца своихъ рукъ влотивую одинъ къ другому).

I.

132979/2

ЭРИВАНСКІИ ОТРЯДЪ. въ кампанію 1877—1878 гг.

(Статья десятая) (1)

IX.

**Значеніе Зевинской операціи по отношенію выручки Эриванскаго отряда
и событія подъ Даяромъ съ 10-го по 15-е іюня.**

(Со схемой).

Общее и частное значеніе Зевинской операціи.—Свѣдѣнія подъ Карсомъ о критическомъ положеніи отряда генералъ-лейтенанта Тергукасова.—Маршъ-маневръ 9-го саганлугскаго отряда.—Бивакъ Мухтара и лагерь эриванскаго отряда въ ночь послѣ боя 9-го іюня.—Рѣшеніе генералъ-лейтенанта Тергукасова отойти къ Драмдагу и ждать здѣсь до 15-го іюня.—Отступленіе къ Драмдагу.—Занятіе Мухтаромъ нашей позиціи подъ Даяромъ и распоряженія его по сосредоточенію у Даяра 27-ми баталіоновъ, 25-ти эскадроновъ и 18-ти орудій.—Переходъ саганлугскаго отряда 10-го и 11-го къ Сарыкамышу.—Данныя о положеніи дѣлъ на Саганлугѣ и въ Пассинѣ.—Намѣренія командира корпуса.—Приготовленія Мухтара къ обходу и атакѣ эриванскаго отряда.—Ложное извѣстіе о появленіи кавалеріи князя Чавчавадзе на Араксѣ.—Значеніе этого ложнаго слуха.—Общее положеніе дѣлъ въ участкѣ Саганлуга, Пассина и переваловъ.—Наша задача и способы ея рѣшенія.—Атака Зевинскаго лагеря.—Дни 13-го и 14-го подъ Даяромъ.—Распоряженія Мухтара и его отбытіе въ Зевинъ.—Извѣстія изъ Баязета и изъ подт. Зевина.—Оцѣнка, выводы и заключенія о Зевинской операціи и пятидневныхъ вообще операціи на Саганлугѣ, въ Пассинѣ и перевалахъ изъ послѣдняго въ Алашкертъ.

Зевинская операція, т. е. первый походъ генерала Геймана на Саганлугъ, имѣла первостепенное значеніе на ходъ кампаніи въ Азіи вообще и на главномъ театрѣ въ частности. Въ этой опера-

(1) См. «Военный Сборникъ» 1890 года, № 8-й.
Т. ССІІІ—Отд. I.

ціи лежалъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ какъ бы внезапно явившихся на театрѣ войны осложненій и затрудненій; въ частности же походъ этотъ, каковъ бы не былъ его исходъ по отношенію къ общему положенію дѣлъ, долженъ былъ бы, казалось, обязательно поддержать и выручить эриванскій отрядъ, поставленный указаніями корпусной квартиры, медленностью и неуспѣхомъ дѣйствій подъ Карсомъ, въ невозможно трудное положеніе (1).

Изъ депеши и письма командира корпуса генералу Тергукасову отъ 4-го іюня мы видѣли что генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, запрашивая мнѣніе начальника эриванскаго отряда о направленіи отряда генерала Геймана на Тихнисъ, Гечеванъ и Армутлю, имѣлъ въ виду направить этого послѣдняго въ ближайшіи дѣйствіямъ генерала Тергукасова районъ, т. е. на правый берегъ Аракса (2). 5-го и 6-го іюня въ штабѣ корпуса подъ Карсомъ, между прочими соображеніями похода на Саганлугъ, собирались свѣдѣнія и изучался кратчайшій путь отъ Карса даже прямо къ Драмдагу, на Гечеванъ, Армутлю и далѣе горными проходами (3). Хотя мысль о движеніи по этому пути и была вскорѣ оставлена, такъ какъ по свѣдѣніямъ онъ мало годился для слѣдованія войскъ, особенно обозовъ, но для цѣлей нашего изслѣдованія важно, что первоначально, въ основѣ приготовленій похода на Саганлугъ, лежала идея выручки генерала Тергукасова и притомъ такимъ простымъ, естественнымъ и непосредственнымъ способомъ, какъ движеніе кратчайшимъ путемъ отъ Карса къ Драмдагу.

При дальнѣйшихъ обсужденіяхъ окончательно остановились на направленіи операциі на Сарыкамышъ-Меджипгерть съ тѣмъ, чтобы далѣе дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ: или въ тылъ войскамъ Мухтара на Делибаба (съ переправой у Алиджакрокъ) или въ обходъ Зевинской позиціи—на Хорасанъ (4).

(1) Для оцѣнки того, что было сдѣлано саганлугскимъ отрядомъ въ смыслѣ выручки эриванскаго отряда, считаемъ необходимымъ, параллельно описанію дѣйствій противныхъ сторонъ подъ Даяромъ, привести краткій очеркъ дѣйствій перваго, касаясь лишь только того, что прямо или косвенно вліяло на движенія, дѣйствія и положеніе отряда генерала Тергукасова.

(2) Статья седьмая нашего труда.

(3) Войновъ. «Бой подъ Зевиномъ», стр. 158. «Русская Старина» 1888 годъ; іюль.

(4) Тамъ же, стр. 159, 160, Войновъ говоритъ: «зная, что посылаемый отрядъ предназначается для облегченія критическаго положенія Тергукасова, онъ, совмѣстно съ полковникомъ Милома, предложилъ это направленіе начальнику корпуснаго штаба, котораго застали за разсмотрѣніемъ карты (Саганлуга и переваловъ Карадербентъ—Драмдагъ. Во время доклада въ палатку вошелъ командиръ корпуса,

Такое направление въ долину Аракса было утверждено и Августѣйшимъ Главнокомандующимъ кавказской арміею (1), изъ чего слѣдуетъ, что Его Высочество цѣлью движенія саганлугскаго отряда ставилъ, въ томъ или другомъ случаѣ, выручку генерала Тергукасова. Принятое рѣшеніе идти на Меджингерть и далѣе по обстоятельствамъ на Делибаба или Хорасанъ нельзя не признать наилучшимъ, приводившимъ къ цѣлесообразному рѣшенію предстоявшей задачи. Тѣмъ не менѣе, у нѣкоторыхъ старшихъ начальниковъ, на примѣръ генерала Геймана, совѣщательный голосъ котораго, какъ боеваго авторитета, имѣлъ большое вліяніе на предположенія и рѣшенія командира корпуса, уже зарождалась идея о возможности совмѣщенія задачи выручки эриванскаго отряда съ производствомъ удара на Зевинскій укрѣпленный лагерь, идея, которая понемногу и постепенно назрѣвала въ обособленное движеніе прямо къ Зевину (2). По словамъ начальника колонновожатыхъ «о передвиженіяхъ, происходившихъ въ анатолійской арміи, подъ Карсомъ знали еще 6-го іюня отъ лазутчиковъ». «Изъ полученныхъ свѣдѣній», говоритъ Кишмишевъ, «оказывалось, что противъ эриванскаго отряда отпавлены турками значительныя подкрѣпленія и *не было сомнѣнія, что положеніе генерала Тергукасова, выдвинувагося далеко впередъ, должно быть затруднительно*. Въ этомъ мы убѣждались еще болѣе потому, что не получали отъ него болѣе недѣли никакихъ извѣстій, и наши къ нему гонцы не возвращались» (3). «Выступая къ Саганлугу», говоритъ далѣе Кишмишевъ, «мы все еще находились въ невѣдѣннй участи, постигшей отрядъ. Всѣ наши свѣдѣнія ограничивались слухами, которые одинаково подтверждали *критическое положеніе генерала Тергукасова*» (4).

Если дѣйствительно ходили такіе зловѣщіе слухи, и судьба отряда такъ заботила корпусную квартиру, то казалось, что первая поддержка отряду будетъ оказана кавалеріею, предшествовавшей колоннѣ генерала Геймана, она же и выяснитъ 9-го или 10-го обстановку, и что, наконецъ, съ наступленіемъ самаго отряда будутъ приняты всѣ мѣры для выручки генерала Тергукасова. Между тѣмъ, въ дѣйствительности, въ сторону района дѣйствій генерала Тергука-

впервые выразившій желаніе и возможность атаки Зевина. Тѣмъ не менѣе, въ результатѣ осталось направленіе Сарыкамышъ-Меджингерть.

(1) Тамъ же, стр. 160.

(2) Какъ это видно, прослѣдивъ источники за дни съ 6-го по 12-е іюня.

(3) Кишмишевъ. «Война въ Арменіи», стр. 154.

(4) Тамъ же, стр. 155.

сова, также и къ Саганлугу изъ состава многочисленной и блестящей конницы ничего не было выслано, хотя лазутчики не брались добыть свѣдѣній объ эриванскомъ отрядѣ «ни за какія деньги». Только наканунѣ сраженія у Даяра, 8-го іюня саганлугскій отрядъ окончилъ свое сосредоточеніе у исходнаго пункта операціи, сс. Когалы и Араваратанъ. Въ тотъ же день получены были новыя тревожныя свѣдѣнія объ участи Баязета, вызвавшія было даже намѣреніе двинуть на подкрѣпленіе эриванскаго отряда 18 сотенъ казаковъ черезъ Кагызманъ и Кульпы, намѣреніе, впрочемъ, почему то не приведенное въ исполненіе.

Наконецъ, 9-го, въ день боя у Даяра, колонна генерала Геймана выступила на Саганлугъ, выдвинувъ часть кавалеріи на сѣверные пути въ Эрзерумъ, на Безирганъ и часть впередъ, по пути слѣдованія, но, опять-таки, къ сожалѣнію, ничего влѣво и къ югу, въ сторону района дѣйствій, столь всѣхъ безпокоившаго эриванскаго отряда (1). Въ то время, какъ генераль Тергукасовъ съ 26-ю ротами цѣлый день бился съ главными силами Мухтара-паши, колонна генерала Геймана достигла ночлега у сс. Бегли-Ахмета и Б. Котанлы, въ трехъ переходахъ отъ Зевина и четырехъ — отъ Даяра (2). Между тѣмъ, о Тергукасовѣ по прежнему не было рѣшительно никакихъ извѣстій. «Мы томились» говоритъ Кишмишевъ, «судьбой эриванскаго отряда. Командиръ корпуса давалъ 2,000 р. тому изъ мѣстныхъ жителей, кто доставитъ генералу Тергукасову увѣдомленіе о нашемъ движеніи. По слухамъ, всѣ наши гонцы были казнены».

Какъ подобныя обстоятельства не кажутся странными, при условіи нашего господства на главномъ театрѣ войны помощью многочисленной кавалеріи, какъ ни плохо вяжется это безсиліе въ сборѣ свѣдѣній объ эриванскомъ отрядѣ и противникѣ и вообще по выясненію обстановки съ представленіемъ о 12,000—15,000-ной отличной конницѣ вообще и 6,000-ной конницѣ саганлугскаго отряда въ частности, и ничтожныхъ сравнительно кавалерійскихъ средствахъ Мухтара-паши, но тѣмъ не менѣе, къ сожалѣнію, такъ оно было въ дѣйствительности!

Такимъ образомъ, въ теченіе труднаго дня боя эриванскаго отряда у Даяра 9-го числа и ночи съ 9-го по 10-е, наша многочисленная и прекрасная кавалерія ничего не сдѣлала въ этомъ отношеніи.

Обратимся теперь къ событіямъ у Даяра послѣ сраженія 9-го числа.

(1) Напр., на Башкейское плато.

(2) Кишмишевъ. «Война въ Арменіи», стр. 157.

Съ наступленіемъ ночи, съ 9-го на 10-е іюня, отбитыя подъ Даяромъ 9-го іюня войска корпуса Мухтара, начиная съ лѣваго фланга, отошли всей массой къ сел. Эшакъ-Эльясь, расположившись какъ близъ этого селенія, такъ и на окружающихъ высотахъ ⁽¹⁾. Кавалерія стала за пѣхотой, оставивъ часть эскадроновъ въ долину р. Шаріанъ для развѣдывательной службы.

По словамъ очевидцевъ (Шлуга и офицеровъ-англичанъ), турецкія войска находились въ состояніи сильнѣйшаго разстройства, будучи въ значительной степени деморализованы и дезорганизованы. Сознаніе серьезной неудачи, жестокія потери, особенно масса убитыхъ, полная деморализація кавалеріи, громадный расходъ боевыхъ запасовъ, приведшій къ полному ихъ истощенію, перемѣшанность частей и внезапно наступившая темнота, таковы были обстоятельства, при которыхъ отбитыя войска кое-какъ и гдѣ попало расположились на бивакѣ.

Безпорядочный по расположенію и мрачный по духу войскъ, бивакъ этотъ представлялъ, сверхъ того, картину самыхъ разнообразныхъ лишеній. Ночь была холодная, до 3^о мороза, и сильно забшіе и непривычные къ холоду люди, оставаясь въ полномъ мракѣ, не пользовались даже кострами, такъ какъ не имѣлось топлива; люди оставались безъ пищи и безъ воды, лошади безъ фуража.

По словамъ Шлуга, на бивакѣ господствовалъ полный мракъ и тишина, и только у самага селенія Эшакъ-Эльясь, кое-гдѣ, свѣтились небольшіе бивачные огни (изъ кизяковъ). Въ главной квартирѣ Мухтара, съ нетерпѣніемъ ожидавшаго утра, подъ впечатлѣніемъ жестокаго отпора, господствовало убѣжденіе, что у Тергукасова превосходящія Мухтара силы, и что не разсчитываетъ-ли уже начальникъ эриванскаго отряда здѣсь, у Даяра, придержать турецкаго главнокомандующаго до прибытія главныхъ русскихъ силъ изъ-подъ Карса ⁽²⁾.

Не довѣряя лазутчику, давшему наканунѣ точныя свѣдѣнія о силахъ эриванскаго отряда, Мухтаръ-паша приказалъ его повѣсить.

Тѣмъ не менѣе, будучи свидѣтелемъ достаточнаго мужества своей пѣхоты, не имѣя еще никакихъ свѣдѣній о движеніи части нашихъ главныхъ силъ изъ-подъ Карса, и зная одновременно объ осадѣ Баязета и захватѣ Фаикъ-пашей сообщеній эриванскаго отряда, понимая вообще всѣ стратегическія (и тактическія) выгоды сво-

(1) Schluga, p. 54.

(2) Schluga, p. 55.

его расположенія, Мухтаръ-паша, по словамъ Шлуга, не оставлялъ намѣренія продолжать свою операцію, полагая обойти правый флангъ расположенія генерала Тергукасова.

Съ первымъ свѣтомъ Мухтаръ получилъ рядъ донесеній своей кавалеріи, что она имѣла въ долинѣ р. Шаріана нѣсколько стычекъ, и что русскіе, видимо, остаются у Даяра (¹).

Въ то время, какъ войска эриванскаго отряда ночевали въ боевомъ расположеніи на позиціи, лагерь отряда, въ эту памятную ночь съ 9-го на 10-е іюня, представлялъ, по рассказамъ очевидцевъ, картину унынія, запустѣнія и страданія раненыхъ. Онъ былъ совершенно пустъ отъ войскъ, и въ немъ не было даже деньщиковъ, ушедшихъ, какъ мы видѣли, тоже сражаться на позицію, но за то онъ былъ наполненъ тяжелыми хлопотами и трудами врачей и сестеръ милосердія, проявившихъ около раненыхъ страдальцевъ неусыпныя заботы и попеченія. Наступившая холодная ночь до самаго утра оглашалась столами нашихъ раненыхъ.

Въ палаткѣ начальника отряда, вернувшася въ лагерь еще въ 9 часовъ вечера, всю ночь горѣлъ огонь, и всю ночь шло обсужденіе настоящаго положенія дѣлъ; одновременно писались донесенія и приказанія. Маститый генералъ, находясь въ сознаніи выграннаго, уже втораго въ теченіи пяти дней, сраженія, тѣмъ не менѣе, былъ преисполненъ тяжелыхъ заботъ и тревогъ, порождаемыхъ обстоятельствами и отвѣтственностью. Съ одной стороны, Тергукасовъ, очевидецъ и участникъ многихъ тяжелыхъ и славныхъ событій, совершенныхъ войсками кавказской арміи, эпизодовъ стойкости и мужества «старога кавказскаго солдата», въ этотъ героическій день Даяра, былъ восхищенъ и глубоко тронутъ необычайною стойкостью и мужествомъ молодыхъ солдатъ своего эриванскаго отряда, а съ другой стороны—сравнительно большія потери (450 нижнихъ чиновъ и 23 офицера), крайній недостатокъ продовольствія и боевыхъ запасовъ, при условіи значительнаго удаленія отъ всѣхъ источниковъ пополненія, опасеніе за свой тылъ и Баязеть, и вообще громаднхъ стратегическихъ и административныхъ затрудненій и неудобствъ, и, наконецъ, полного недоумѣнія о движеніи и дѣйствіи нашихъ главныхъ силъ подъ Карсомъ, — все это, въ общей совокупности, представляло начальнику эриванскаго отряда всю безвыходность его положенія. Кто могъ поручиться, что

(¹) Свидѣтельство генераль-маіора Филипова, генераль-маіора Зеленаго и другихъ участниковъ.

Мухтаръ, усиленный еще болѣе, не атакуетъ завтра снова? Дѣйствія и намѣренія нашихъ главныхъ силъ подѣ Карсомъ, допустившія уже во всякомъ случаѣ обрушиться главнымъ силамъ Мухтара на малочисленный эриванскій отрядъ, казались необъяснимою загадкой. Каждый изъ чиновъ отряда естественно задавалъ себѣ вопросъ: да гдѣ же отрядъ генерала Геймана, выступившій еще 7-го изъ-подъ Карса?.. Тѣмъ не менѣе, *на общемъ совѣщаніи было рѣшено остаться въ горахъ перевала, въ крайности, до 15-го іюня, и если окажется, что 14-го генералъ Гейманъ не будетъ на Араксѣ, то отступить въ Алашкертъ и дальше въ Эриванскую губернію.* Какъ ни важно было пребываніе эриванскаго отряда въ горахъ перевала, но это становилось ему уже не подѣ силу, и недостатокъ продовольствія, боевыхъ запасовъ, небезопасность тыла и, главное—его малочисленность, рѣшительно не допускали возможности оставаться здѣсь долѣе. Собственно же держаться на настоящей (на водораздѣлѣ) позиціи рѣшено было только до утра 10-го іюня, когда генералъ Тергукасовъ рѣшилъ отойти назадъ на бывшую позицію турокъ 4-го іюня, гдѣ оборона слабымъ отрядомъ была обставлена весьма благопріятными условіями, какъ стратегическими (позиція непосредственно перехватывала оба пути въ Зейдеканъ), такъ и особенно тактическими ⁽¹⁾.

За тѣмъ, въ случаѣ крайности, если бы Мухтаръ сильно потѣснилъ отрядъ съ разсвѣтомъ 10-го, то начальникъ отряда рѣшилъ бросить лагерь, захвативъ лишь раненыхъ, продовольствіе, снаряды и т. п. ⁽²⁾.

Одновременно о настоящемъ положеніи дѣлъ и рѣшеніи ждаль лишь до 15-го было постановлено сообщить командиру корпуса. При неизвѣстности мѣстонахожденія генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова и занятіи непріателемъ всѣхъ переваловъ и проходовъ въ долину Аракса, при необходимомъ условіи направить донесеніе кратчайшимъ путемъ и въ направленіи предполагаемаго движенія части главныхъ силъ отъ Карса въ долину Аракса, — задача эта представляла въ своемъ выполненіи громадныя затрудненія. О направленіи донесенія на Зейдеканъ и оттуда на Кагызманъ или дальше на Баязетъ и Игдырь, по несомнѣнно позднему доставленію до-

⁽¹⁾ Въ тылу этого расположенія находилась еще и крѣпкая Драмдагская позиція, за которой и помѣстились всѣ лагерныя учрежденія и тяжести. Эта вторая позиція составляла расположеніе отряда передъ атакой 4-го іюня.

⁽²⁾ Свидѣтельство генераль-маіора Зеленаго, полковника Барановскаго, капитана Волковицкаго и др.

несенія, нечего было и думать. При обсужденіи этого дѣла остановились окончательно на направленіи чрезъ непріятельское расположеніе и по пути предполагаемаго наступательнаго движенія генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова четырехъ экземпляровъ одного и того же донесенія четырьмя надежными и ловкими курдами-охотниками, съ обѣщаніемъ уплаты тому изъ нихъ, кто доставитъ донесеніе въ собственныя руки командира корпуса, 200 имперіаловъ золотыхъ (или 2,000 рублей). Курды-охотники нашлись. Въ 9 часовъ вечера на крошечныхъ продолговатыхъ листикахъ восковой бумаги было написано шифромъ слѣдующее: «Выдержалъ атаку главныхъ силъ; непріятель отбитъ съ большимъ урономъ; буду ждать васъ до 15-го, затѣмъ, если 14-го не будете въ Хорасанѣ, отступлю по недостатку патроновъ, провіанта и фуража» (1).

Четыре листика съ этими донесеніями были тщательно сложены въ пакетики въ четверть дюйма ширины и длины и заключены въ четыре восковыхъ шарика, врученныхъ каждому изъ посылаемыхъ курдовъ. Шарикъ эти были спрятаны курдами въ густой шерсти ихъ папахъ и курдамъ было строжайше вѣнено, въ случаѣ опасности достаться непріятелю, шарикъ эти проглотить. Съ первымъ свѣтомъ 10-го курды выѣхали по назначенію.

Какъ увидимъ далѣе, изъ четырехъ курдовъ только одинъ доставилъ свой шарикъ въ собственныя руки генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова 13-го іюня уже подъ самымъ Зевиномъ; одинъ курдъ попался Мухтару, овладѣвшему шарикомъ, но, по неимѣнію ключа, не доискавшемуся содержанія, и двое вернулись обратно (2).

Одновременно было написано и отправлено казаками чрезъ Игдырь подробное донесеніе (3). Нѣсколько позднѣе и уже раннимъ утромъ 10-го іюня были отправлены еще два донесенія, одно командиру корпуса, другое—генералу Гейману. Первое, отъ 4-хъ часовъ утра 10-го, заключало слѣдующее: «Непріятель, значительно подкрѣпленный, атаковалъ вчера отрядъ; бой продолжался до глубокой темноты; непріятель отбитъ на всѣхъ пунктахъ позиціи.

(1) Копія съ подлинной шифрованной записочки, обязательно предоставленной намъ для нашего изслѣдованія бывшимъ начальникомъ штаба отряда полковникомъ (нынѣ генераль-маіоръ) Владиміромъ Николаевичемъ Филиповымъ.

(2) Генераль-маіоръ Филиповъ видѣлъ въ Константинополѣ у Мухтара въ 1883 году одну такую подлинную записочку, которую турки не разобрали.

(3) Въ этомъ донесеніи Тергукасовъ свидѣтельствуетъ о «блистательныхъ дѣйствіяхъ войскъ вообще», особенно указывая на спѣшныхъ хоперцевъ и сунженцевъ, роты стрѣлковаго баталіона и искусное и самоотверженное дѣйствіе артиллеріи.

Сегодня бой, вѣроятно, возобновится; прошу о скоромъ наступленіи генерала Геймана, присылкѣ подкрѣпленій». Другое, отъ 11 часовъ 30 минутъ утра: «Когда переправитесь черезъ Араксъ? Могу ждать до 15-го вечеромъ, потомъ отступлю по недостатку провіанта и патроновъ» (1).

Кончивъ съ отправленіемъ донесеній, генераль-лейтенантъ Тергукасовъ потребовалъ свѣдѣній о количествѣ оставшихся боевыхъ запасовъ, и вопросъ этотъ представлялся въ слѣдующемъ видѣ:

1) *Снарядовъ и зарядовъ артилеріи*: а) *въ батареяхъ*—полный комплектъ обыкновенныхъ и картечныхъ гранатъ (собственно говоря, по полученіи его изъ парка); б) *въ паркѣ*—за выдачей упомянутого комплекта батареямъ, оставалось всего: 72 обыкновенныя гранаты и половина комплекта картечныхъ гранатъ на всѣ 30 орудій (2).

2) *Патроновъ въ пѣхотѣ*: а) *на людяхъ*: а) въ крымскихъ и ставропольскихъ ротахъ, среднимъ числомъ отъ 40—50 на человека, б) въ ротахъ стрѣлковаго баталіона по 30 на винтовку; б) *въ паркѣ*—ни одного патрона (за выдачей въ части передъ боемъ 9-го, въ теченіе боя и послѣ боя) (3).

Такимъ образомъ, каждая винтовка отряда на всѣ послѣдующія операциі имѣла отъ 30 до 45 патроновъ, бывшихъ на людяхъ, и затѣмъ уже рѣшительно ни одного патрона (4) въ запасѣ.

О кавалеріи не имѣется свѣдѣній, но, въ виду продолжительнаго дѣйствія въ спѣшенномъ строѣ большинства частей, полагаемъ, что и кавалерія въ этомъ отношеніи была обставлена приблизительно одинаково съ пѣхотой.

Такое состояніе боевыхъ запасовъ, которыхъ могло хватить много если на одно сраженіе, ужаснуло генерала Тергукасова и онъ, несмотря даже на отправленное донесеніе и на настоянія ближайшихъ своихъ сподвижниковъ и лицъ отряднаго штаба, рѣшительно отказался отъ прежде принятаго намѣренія ждать въ горахъ перевала (между Даяромъ и Драмдагомъ) до 15-го и рѣшительно объявилъ свое намѣреніе сблизиться съ тыломъ, для чего, отойдя 10-го къ Драмдагу, «въ ночь съ 10-го на 11-е отой-

(1) Не беремся точно указать, какъ и какимъ путемъ были отправлены донесенія.

(2) Штабсъ-капитанъ Юдинъ. «Боевая жизнь 19-й артилерійской бригады», стр. 58.

(3) Юдинъ, 58 стр. и Цезарскій, стр. 81.

(4) На промежуточныхъ базисахъ боевыхъ запасовъ вплоть до Игдыра не было.

ти и въ Зейдеканъ и затѣмъ далѣе отходитъ уже въ Эриванскую губернію».

Нѣкоторые изъ ближайшихъ начальниковъ и лицъ отряднаго штаба продолжали отстаивать первое рѣшеніе и указывали на несомнѣнность скорого прибытія въ Хорасанъ командира корпуса. Но генераль Тергукасовъ оставался при своемъ намѣреніи, основывая его, главнымъ образомъ, на недостатокѣ патроновъ. Оспаривая свое рѣшеніе, взволнованный начальникъ эриванскаго отряда замѣтилъ, между прочимъ: «Я еще могу перетерпѣть съ такимъ количествомъ раненыхъ, но оставаться съ одними палками не могу. Я отхожу въ Эриванскую губернію!» (1).

На этомъ временно и кончилось обсужденіе положенія дѣлъ и рѣшеній, и начались распоряженія по передвиженію раненыхъ и тяжестей къ новому лагерю и позиціи. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ ближайшихъ сподвижниковъ и лицъ штаба приняли намѣреніе убѣдить и отговорить генерала Тергукасова отъ рѣшенія отходить 10-го же къ Зейдекану и далѣе и вновь обратились къ нему, указывая на крайнее неудовольствіе командира корпуса, когда онъ узнаетъ объ отступленіи отряда. Мало надѣявшійся на согласованіе дѣйствій съ главными силами изъ-подъ Карса, опытный знаніемъ людей, ихъ страстей и несовершенства человѣческой природы, глубоко взволнованный событіями дня и подавляемой тяжелой отвѣтственностью, какъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, такъ и передъ своею совѣстью, генераль Тергукасовъ возразилъ оспаривая: «что мнѣ Лорисъ-Меликовъ, я отвѣчаю передъ Богомъ и Государемъ за 6,000 человекъ, мнѣ вѣранныхъ!» (2).

Наконецъ, послѣ неоднократныхъ обсужденій, начальникъ эриванскаго отряда все же согласился ждать у Драмдага до 15-го іюня. Въ виду же крайняго недостатка боевыхъ запасовъ, начальникъ артилеріи генераль-маіоръ Барсовъ предложилъ начальнику отряда сообщить это обстоятельство начальникамъ частей, съ приказаніемъ возможно бережливо и тщательно расходовать снаряды и патроны (3).

Изъ немногихъ и отрывочныхъ свѣдѣній источниковъ видно, что отступленіе отряда со всѣмъ лагеремъ было организовано на слѣдующихъ общихъ основаніяхъ:

(1) Свидѣтельство генераль-маіора Зеленаго и др.

(2) Тамъ же. (Тоже свидѣтельство).

(3) Свидѣтельство генераль-маіора Барсова, начальника артилеріи эриванскаго отряда.

1) Перевозку тяжестей рейсами обоза начать еще ночью. Первымъ рейсомъ доставить лазаретъ и часть раненыхъ, затѣмъ остальныхъ раненыхъ ⁽¹⁾, и затѣмъ послѣдующими рейсами перевезти наиболѣе важные предметы отряднаго и войсковаго хозяйства, оставивъ собственно лагерь для послѣдняго рейса. Въ случаѣ энергичнаго напора турокъ, въ крайности — лагерь рѣшено даже бросить ⁽²⁾.

2) Войска, какъ для совершенія самаго отступленія, такъ и его прикрытія, должны были раздѣлиться на двѣ группы, какъ бы два главныхъ эшелона: войска бывшаго центра (полковникъ фонъ-Шакъ съ 1-мъ и 3-мъ баталіонами ставропольцевъ, стрѣлки и 5-я батарея) и лѣваго фланга (князь Амилахвари съ большинствомъ конницы и конною батареей) остаются на старыхъ позиціяхъ 9-го числа и составляютъ передовой, ближній къ непріятелю, эшелонъ, который отходить послѣднимъ и уже прямо къ новому расположенію и лагерю у Драмдага; другая часть войска бывшаго праваго фланга (отрядъ полковника Медвѣдовскаго и генераль-маіора Броневскаго) съ частью артилеріи и конницы рано утромъ отходятъ на бывшую позицію турокъ 4-го іюня и занимаютъ передовую позицію общаго предполагаемаго расположенія у Драмдага, прикрывая перевозку тяжестей и составивъ основу новаго расположенія, на которомъ совершится все отступленіе. Кромѣ того, часть войскъ оставляется въ самомъ лагерѣ до окончательной его уборки и прослѣдованія послѣдняго рейса.

3) Войска передоваго уступа (полковникъ фонъ-Шакъ) должны были начать отступленіе одновременно съ движеніемъ послѣдняго рейса обоза, причеиъ ядро этого уступа — баталіоны ставропольцевъ съ 5-ю батареей — прикрывалось бы: справа — ротами 3-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона (подполковникъ Борделіусъ), а слѣва — большинствомъ кавалеріи, подъ начальствомъ полковника Шипшіева. Отступленіе этого эшелона (такъ сказать, арьергарда, передоваго и виѣстѣ лѣваго крыла) должно было быть исполнено уступами, занимая послѣдовательно позиціи въ тылу.

Нельзя не признать, что по идеѣ отступленіе уступами и начинаемая правымъ флангомъ было совершенно дѣлесообразно и отлично примѣнено къ обстоятельствамъ вообще и къ мѣстности въ частности. Въ самомъ дѣлѣ, отодвигая правый флангъ и захватывая сѣверный путь на Зейдеканъ, мы лишали Даярское ущелье всего его вред-

(1) Маіоръ Цезарскій. «Боевая жизнь 3-го Кавказ. стрѣлк. бат.», стр. 82.

(2) Тамъ же, стр. 81, и свидѣтельство очевидцевъ-участниковъ.

наго для насъ значенія, и ударъ турокъ въ этомъ направленіи не приводилъ ихъ уже ни къ чему существенному; отступленіе же лагеря совершилось по южной дорогѣ, наиболѣе удаленной и прикрытой лѣвѣмъ уступомъ.

Между тѣмъ принятое Тергукасовымъ рѣшеніе начало немедленно приводиться въ исполненіе и около еще полуночи начались приготовленія и движеніе обоза къ мѣсту новаго лагеря. Очевидецъ (докторъ Любимскій) такъ описываетъ эти минуты въ лагерѣ отряда: «Тяжелую ночь пришлось намъ провести послѣ этого сраженія. Усталыя, истощенныя войска должны были ночью оставаться на позиціи во избѣжаніе внезапнаго нападенія на лагерь. Проведя цѣлый день въ страшно напряженномъ состояніи, не имѣя во рту ни крохи хлѣба, солдаты наши спали. Чтобы подкрѣпить измученныхъ людей, изъ лагеря на позицію носилась пища. Богъ спасъ и защитилъ насъ въ эту ночь; каждую минуту дружный напоръ непріятеля могъ стоптать и прорвать эту обезсилѣвшую, ничтожную горсть удалцевъ. Ночью вышло приказаніе: немедленно укладывать обозы и раненыхъ и до разсвѣта перебраться опять на ту позицію, съ которой наканунѣ мы только-что пришли. Лагерь оставался на мѣстѣ съ цѣлью обмануть турокъ, заставивъ ихъ думать, что отрядъ не двинулся съ мѣста. Перевезти только-что прибывшихъ раненыхъ, хотя и за четыре версты, было дѣло далеко не легкое. Цѣлую ночь, не переставая, двигались фургоны съ ранеными въ приготовленный уже лазаретъ на прежнемъ мѣстѣ лагеря. Я былъ утомленъ до нельзя, перевязавъ около 80-ти раненыхъ, а потому, выбившись изъ силъ и едва найдя свою палатку, заснулъ богатырскимъ сномъ. Едва стало свѣтать, я проснулся отъ холода и отъ шума. Несмотря на 10-е іюня, морозъ былъ очень ощутителенъ и окрасилъ всѣ палатки своимъ характеристическимъ блескомъ. Вблизи палатки медленно тянулся обозъ. Оказалось, что въ ночь было невозможно незамѣтно провезти всѣ тяжести и утро обнаружило начавшееся подъ покровомъ темноты отступленіе. Войска еще оставались на позиціи. Каждую минуту ожидалось, что вотъ-вотъ начнется вновь наступленіе турокъ, и теперь уже Богъ знаетъ, хватило-ли бы у обезсилѣвшихъ людей еще новаго героизма, стойкости и усилій, чтобы въ другой разъ отразить напоръ превосходнаго противника» (1).

На лѣвомъ флангѣ князь Амилахвари отправилъ 1-ю и 2-ю роты стрѣлковъ въ лагерь, гдѣ роты подкрѣпились пищей и питьемъ, а

(1) Любимскій. «Отъ горъ Кавказа до фортовъ Эрзерума», «Русскій Вѣстникъ» 1879 года, декабрь, стр. 737.

къ 6-ти часамъ утра были уже опять на позиціи. Наконецъ, незадолго до разсвѣта получено приказаніе всѣмъ войскамъ праваго фланга отойти въ лагерь.

Настало раннее утро памятнаго дня 10-го іюня. Съ первымъ свѣтомъ, на лѣвомъ флангѣ, между казаками и черкесами загорѣлась перестрѣлка. Какъ начальники, такъ и войска ожидали возобновленія боя, но все дѣло ограничилось перестрѣлкой. Въ сторонѣ бивака Мухтара все было тихо и мы безъ помѣхи убирали свой хвостъ.

Одновременно генераль Тергукасовъ посѣтилъ часть раненыхъ и, обходя ихъ, обнималъ, цѣловалъ солдатъ и плакалъ: «Это не люди! это не люди!.. это герои, это святые!..», обращался онъ къ окружавшему штабу (¹). Первый разъ войска и приближенные увидали его въ такомъ высокомъ душевномъ умиленіи, которое, впрочемъ, раздѣляли и всѣ окружающіе.

Тѣмъ же раннимъ утромъ, но уже безъ всякихъ почестей, отрядъ предалъ погребенію всѣхъ своихъ убитыхъ (²).

Между тѣмъ отступленіе, занятіе новой въ тылу позиціи и расположеніе на ней лагеря шло своимъ чередомъ. Въ 9 час. 30 мин. утра, въ тылу, между Даяромъ и Драмдагомъ, указанная позиція была занята войсками бывшаго праваго фланга (³), и полковникъ Медвѣдовскій, временно замѣнившій заболѣвшаго полковника Филипова, писалъ полковникъ фонъ-Шаку отъ 9 час. 30 минутъ утра: «Въ виду того, что уже занята новая позиція, начинайте послѣдовательно отступленіе на бивакъ. Кавалерія полковника Шипшіева должна покровительствовать вашему отступленію и занять дѣльпъ постовъ. Сообщите полковнику Шипшіеву» (⁴).

Получивъ такое распоряженіе, полковникъ фонъ-Шакъ отдавалъ свои распоряженія по отступленію, и, между прочимъ, писалъ полковнику Шипшіеву: «Я начинаю отступленіе, справа отъ меня на горѣ прикрываетъ Борделіусъ (стрѣлки), а слѣва прошу васъ. Если можете, пріѣзжайте сами на дорогу, когда я самъ спущусь». Оставивъ еще часть людей въ ложементахъ, полковникъ фонъ-Шакъ съ другой частью и батареей началъ отходить въ 11-мъ часу, причемъ орудія 5-й батареи спускали на рукахъ. Между тѣмъ отрядный обозъ, совершивъ нѣсколько рейсовъ, перевезъ раненыхъ, часть имущества и уже занялся перевозкою лагеря, который былъ

(¹) М. Цеварскій, стр. 80.

(²) Подполковникъ Протасовъ, стр. 131.

(³) Журналъ военныхъ дѣйствій.

(⁴) Рукопись Ставропольскаго полка.

снять уже въ 11 часовъ (¹), захвативъ и оставленные войсками въ лагерь ранцы (²).

Пока совершалась нами эта опасная операція перенесенія лагеря и постепеннаго отступленія частями, и отрядъ находился въ постоянномъ опасеніи движенія турокъ, Мухтаръ прислалъ въ лагерь парламентаря, прося разрѣшенія убрать своихъ убитыхъ и раненыхъ (³). Тергукасовъ изъявилъ на эту просьбу полное свое согласіе. Эта посылка парламентаря краснорѣчиво доказываетъ, какъ относился Мухтаръ къ грозному для него эриванскому отряду.

По словамъ очевидцевъ и участниковъ, отступление было совершено въ образцовомъ и грозномъ порядкѣ. Полная тишина и спокойствіе, самообладаніе начальниковъ и войскъ, своевременность каждой мѣры и отличное примѣненіе къ мѣстности составляли характеристическія особенности этой деликатной операціи перемѣны мѣста лагеря и позиціи въ виду, почти подъ выстрѣлами, вчетверо превосходнаго противника. Отступление, разумѣется, не имѣло веселаго характера и, несмотря на образцовый порядокъ, носило печать извѣстнаго унынія. «Не было слышно ни говора, ни смѣха, ни пѣсенъ», говорятъ очевидцы. «У всякаго на душѣ было тяжело до боли, и каждый въ то же время сознавалъ, что отступление это необходимость, и что держаться долѣе нѣтъ силъ» (⁴).

Послѣднею отступившею частью были стрѣлки подполковника Борделіуса, присоединившіеся къ отряду окончательно лишь въ 2 часа дня. Турки, сами признававшіе отступление «образцовымъ», не преслѣдовали. Только черкесы вели съ казаками незначительную и непродолжительную перестрѣлку (⁵).

Трудная операція была блестяще исполнена и эриванскій отрядъ былъ выведенъ своимъ мудрымъ вождемъ и его достойными помощниками изъ критическаго положенія, въ которомъ находился болѣе сутокъ. Положеніе, принятое генераломъ Тергукасовымъ, надежно обезпечивало его отъ всякихъ случайностей и атаки превосходнаго противника. Части войскъ можно было дать необходимый отдыхъ. Чины же отряда были горды сознаніемъ, что не оставили въ рукахъ непріятеля ни щепки, ни тряпки.

(¹) Юдинъ, 59 стр., и друг. войсковые источники.

(²) Цезарскій, стр. 82.

(³) Юдинъ, 59 стр. Цезарскій, 82, и свидѣтельство очевидцевъ.

(⁴) Любимскій. «Отъ горъ Кавказа до фортовъ Эрзерума». «Русскій Вѣстникъ», 1879 года, декабрь. стр. 738.

(⁵) Юдинъ, стр. 59.

Съ первымъ свѣтомъ того же памятнаго дня 10-го юня турецкія войска начали разбираться и приводиться въ порядокъ и вообще оправляться. Въ главной квартирѣ Мухтара начали получаться свѣдѣнія, указывавшія на нѣкоторые признаки отступленія русскихъ. Но Мухтаръ пока еще не придавалъ имъ особаго значенія. Сильный туманъ, нависшій надъ полемъ боя, мѣшаль наблюденіямъ Мухтара. Всѣ вершины, бывшія наканунѣ опорными пунктами боя, были плотно окутаны туманомъ. Но вотъ туманъ началъ разсѣиваться и съ вершины «Топъ-дата» можно было констатировать отступленіе русскихъ.

Извѣстіе объ отступленіи эриванскаго отряда произвело на турецкія войска ободряющее впечатлѣніе, значительно способствовавшее поднятію ихъ духа, но, тѣмъ не менѣе, даже по сознанію такого туркофила, какъ баронъ «Schluga», Мухтару нечего было и мечтать о какомъ-либо преслѣдованіи. Ни духъ турецкаго корпуса, ни дезорганизация и чувство страха къ молодецкому противнику, а также слабая по качествамъ кавалерія, не допускали ничего подобнаго. «Упорная оборона русскими ихъ позиціи», говоритъ Шлуга, «въ сраженіи у Даяра, вызвала значительныя измѣненія въ первоначальныхъ планахъ турецкаго главнокомандующаго. Почти всѣ имѣвшіяся у него войска употреблены были для атаки русскихъ съ фронта, а потому успѣхъ обходнаго движенія на Зейдеканъ потребовалъ бы ихъ новаго сформированія, до такой степени пострадали они въ бою наканунѣ. Наконецъ, ихъ необходимо было снабдить боевыми запасами и продовольствіемъ, такъ какъ до сихъ поръ войска имѣли только сухари» (1).

Между тѣмъ, положеніе корпуса Мухтара, которому оставалось только созерцать стройное отступленіе грознаго эриванскаго отряда, слабо провожая его робкою кавалеріей, начинаетъ прогрессивно улучшаться. Не говоря уже объ ободряющемъ значеніи нашего отступленія и приведеніи въ порядокъ сильно перемѣшанныхъ частей, вскорѣ послѣ полудня, войска Мухтара получаютъ патроны и снаряды, доставленные посланною кавалеріей, и турецкій главнокомандующій, надѣясь на испытанное уже мужество своей пѣхоты, все болѣе укрѣпляется въ намѣреніи обойти правый флангъ Тергукасова и попытаться произвести еще разъ рѣшительный ударъ (2). Еще около полудня Мухтаромъ были отданы приказанія: 1) всѣмъ

(1) Schluga, p. 56 и 57.

(2) Schluga, p. 55.

транспортамъ и всему вьючному обозу быть въ полной готовности къ движенію (1); 2) отряду Мехмета-Али (ардаганскому—остатки гарнизона)—тремъ баталіонамъ, стоявшимъ въ Кепри-кѣѣ, немедленно выступить изъ послѣдняго пункта и, присоединивъ къ себѣ по пути одинъ баталіонъ и сотню изъ Делибаба, возможно поспѣшнѣе идти къ Даяру, на присоединеніе съ сосредоточенными здѣсь силами.

По словамъ Шлуга, Мухтаръ рассчитывалъ 10-го же іюня сосредоточить у Даяра 27 баталіоновъ, 25 эскадроновъ и сотенъ и 18 орудій и съ этими силами продолжать операцію противъ Тергукасова.

Къ полудню 10-го іюня войска Мухтара были расположены, исключая войскъ Зевинскаго укрѣпленнаго лагеря:

	Баталіон.	Эскадр.	Орудій.
1) У Даяра на полѣ сраженія	21	24	12
2) У Гайдаркюя, въ 8-ми вер. отъ Даяра.	2	—	6
3) У Делибабы	1	1	—
4) На пути изъ Кепри-кѣя къ Даяру.	3	—	—
5) Въ Гассанъ-Кале	1	—	—
6) Въ Хорасанѣ (выступившіе изъ Даяра въ ночь 9-го—10-го)	1	2	—
Итого	29	27	18

За оставленіемъ войскъ въ Хорасанѣ и Гассанъ-Кала, Мухтаръ къ раннему утру 11-го могъ рассчитывать на сосредоточеніе у Даяра 27-ми баталіоновъ, 25-ти эскадроновъ (2). Пока же онъ далъ эриванскому отряду отступить совершенно безпрепятственно и продвинулся впередъ только по занятіи имъ новой позиціи (3).

Къ вечеру того же 10-го іюня Мухтаръ занялъ наши позиціи и с. Даяра и расположился отъ с. Агулли на с. Даяръ до Шаріана. Турецкія войска немедленно приступили къ укрѣпленію своей новой позиціи и въ одну ночь изрыли ее траншеями и ложе-ментами.

Обѣ стороны стали такимъ образомъ другъ противъ друга, занявъ сильныя отъ природы и усиленныя искусственно оборонительныя позиціи и простояли въ этомъ положеніи вплоть до 15-го іюня.

Между тѣмъ саганлугскій отрядъ, ни мало не разъясняя обста-

(1) Видлемсь.

(2) 9—2-й дивизіи, 12—3-й, 4—отр. Зовербея и 2 или 3—Мехметъ-бей.

(3) Шлуга и наши войсковые источники.

новки и ничего не выдвинувъ къ Араксу, продолжаетъ свое наступательное движеніе, и 10-го достигаетъ подошвы Саганлуга, расположившись въ ночь на 11-е у Сарыкамыша, въ двухъ переходахъ отъ Зевина и двухъ же отъ Делибабы. «Въ Сарыкамышѣ», пишетъ Кишмишевъ, «мы нашли, наконецъ, куртина, стараго знакомаго, который за обѣщанное вознагражденіе брался доставить записку генерала Геймана генералу Тергукасову. Отъ него мы узнали, что близъ Каракурта находится небольшой отрядъ» (1).

Только отсюда въ сторону дѣйствій генерала Тергукасова былъ высланъ въ 9 час. вечера генеральнаго штаба подполковникъ Немировичъ-Данченко съ сотнею казаковъ, но, *къ сожалѣнію, только до Каракурта и только съ цѣлью «собрать свѣдѣнія о численности турокъ, находящихся у Каракурта, стараясь проникнуть какъ можно ближе къ Каракурту».*

Затѣмъ подполковникъ Войновъ съ эскадрономъ и сотнею былъ высланъ къ Зевину на рекогносцировку, съ цѣлью «опредѣленія турецкихъ войскъ, занимавшихъ дорогу изъ Карса въ Эрзерумъ и, главное, о силахъ турокъ у Зевина и Делибабы».

Такимъ образомъ видимъ, что ни къ Араксу, ни Алиджакраку, ни Хорасану, ни даже къ Тикнису не было послано ни крупной кавалерійской части, ни рекогносцировъ, ни разъѣзда, и даже для сбора свѣдѣній о силахъ турокъ у Делибабы Войновъ высланъ въ противоположную сторону, къ Зевину.

Между тѣмъ 10-го, въ Сарыкамышѣ, обстановка начала понемногу разясняться, хотя и на половину случайно. Такъ, при разспросахъ командиромъ корпуса жителей въ Сарыкамышѣ, они «на отрѣзъ отказались что-либо сообщить объ эриванскомъ отрядѣ, но одинъ изъ нихъ проболтался, что *войсками въ Зевинѣ командуетъ Измаиль-паша, а въ Делибаба и самъ Мухтарг-паша*» (2). Свѣдѣніе это было большой важности и служило первой данной по выясненію обстановки, косвенно, какъ бы указывая и на расположеніе главныхъ силъ у Делибабы, т. е. съ самимъ Мухтаромъ-пашею. 11-го саганлугскій отрядъ продолжаетъ движеніе. Колонна, поднявшись на Саганлугъ, вышла къ Мелидюзу и, протянувшись по пути къ Делибабы и оставляя Зевинъ вправо, расположилась на ночлегъ: пѣхота — у Верхняго Меджингерта, кавалерія — у Нижняго.

(1) Кишмишевъ. «Война въ Арменіи», стр. 158.

(2) Кишмишевъ. «Война въ Арменіи», стр. 159.

Съ прибытіемъ отряда на Саганлугъ обстановка продолжала разясняться.

Еще при совершеніи перехода, на привалѣ у «Каны-чай» были добыты новыя весьма существенныя данныя, все болѣе и болѣе разсѣивавшія мракъ, въ которомъ совершалась Зевинская операція, а именно:

1) Подполковникъ Войновъ сообщалъ изъ Сырбасана, т. е. изъ подъ Зевина: «что въ Зевинѣ насъ не ждали, что въ Зевинѣ войсками командуетъ Измаиль-паша, что Мухтаръ-паша находится противъ Тергукасова, куда ушелъ уже нѣсколько дней тому назадъ, взявъ съ собою часть войскъ изъ Зевина, и что подъ Зевиною всего 10 баталіоновъ и 12 орудій, кавалеріи мало, и что, наконецъ, есть еще войска вблизи Зевина, но сколько — неизвѣстно» (1).

2) «Пастухи, пасшіе стада въ ущельѣ Ханы-чая, показали, что третьяго дня, т. е. 9-го іюня, съ ранняго утра до поздней ночи, имъ слышны были орудійныя выстрѣлы, но въ какомъ именно мѣстѣ, они не могли разгадать. Такъ какъ опросъ происходилъ въ ущельѣ, то штабъ-офицеръ надъ вожатыми взялъ пастуховъ на сосѣдную гору и просилъ оттуда указать направленіе, гдѣ были слышны выстрѣлы. Всѣ пастухи единогласно указали на дѣшъ горъ, тянувшихся съ востока на западъ, пояснивъ, что стрѣльба происходила все на одномъ и томъ же мѣстѣ, не удаляясь и не приближаясь. По справкѣ съ картой оказалось, что видѣвшіяся горы были Драмдагъ, за которыми по предположенію долженъ былъ находиться отрядъ генерала Тергукасова» (2). Таковы были первыя свѣдѣнія о Даярскомъ сраженіи 9-го іюня.

3) «Задержанный на аванпостахъ горецъ подтвердилъ показаніе пастуховъ и объяснилъ, что бой происходилъ 9-го іюня у Даяра, что обѣ стороны послѣ боя сохранили свое расположеніе, оставаясь на своихъ позиціяхъ, и сраженіе на другой день не возобновлялось».

4) Наконецъ, поднявшись на Мелидюзское плато, передъ войсками отряда открылся громадный горизонтъ и на синѣвшихъ скатахъ горной цѣпи, лежавшей къ югу отъ Мелидюза, видѣлась группа бѣлыхъ точекъ, ярко освѣщенныхъ лучами заходящаго солнца. Точки эти, по наведеніи на нихъ подзорной трубы, оказались палатками на скатахъ Делибабскихъ высотъ, т. е. лагеремъ Мухтара-паши (какъ намъ извѣстно пустынь и охраняемымъ лишь баталіо-

(1) Войновъ, стр. 163.

(2) Кншмишевъ. «Война въ Арменіи», стр. 160.

номъ и сотней). Другая группа, виднѣвшаяся къ западу, была укрѣпленный лагерь Зевинской позиціи.

5) Вечеромъ 11-го же числа карапахи захватили еще одного горца (наканунѣ представлялся генераль-адъютанту Лорисъ-Меликову въ Сарыкамышѣ), «сознавагося, что онъ ѣздилъ въ Зевинъ, что тамъ уже знаютъ о нашемъ прибытіи и туда двинуты войска, такъ что на этой позиціи турками собрано теперь 14 баталіоновъ, 18 орудій и пять или шесть сотенъ кавалеріи, и что тамъ будто бы ожидаются также войска изъ Делибабы (?)» (1).

Добытыя такимъ образомъ, въ теченіе дня 11-го свѣдѣнія разъясняли обстановку въ значительной степени и давали много существенныхъ данныхъ, и, хотя, разумѣется, многое еще не было выяснено, а также многое еще необходимо было провѣрить, но, тѣмъ не менѣе, къ вечеру 11-го числа, можно было съ достаточной достовѣрностью констатировать:

1) Что главные силы турокъ въ числѣ болѣе 20-ти баталіоновъ и съ болѣею частью кавалеріи, имѣя лагерь у Делибабы, сосредоточены подъ личнымъ начальствомъ мушира Мухтара-паши противъ Тергукасова, находящагося гдѣ-то у Драмдага.

2) Съ этими большими превосходившими его втрое силами генераль Тергукасовъ выдержалъ со слабыми своими силами бой 9-го числа, оставшійся нерѣшеннымъ для обѣихъ сторонъ.

3) Меньшая часть силъ противника въ числѣ примѣрно 15—18 баталіоновъ (2), 14—16 орудій и шесть сотенъ, подъ начальствомъ эрзерумскаго губернатора Измаила-паши, расположены въ Зевинскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, на высотахъ, извѣстныхъ своей недоступностью.

4) Что положеніе малочисленнаго эриванскаго отряда, не говоря уже о событіяхъ у него въ тылу, должно быть весьма труднымъ, а то и совсѣмъ критическимъ.

5) Появленіе наше на Саганлугъ было совершенно неожиданно для турокъ и сдѣлалось извѣстнымъ нашему противнику только послѣ полудня 11-го числа.

Несмотря на всю очевидную необходимость, на основаніи добытыхъ данныхъ, оказать возможно быстрѣе и чѣмъ бы то ни было непосредственную поддержку эриванскому отряду, соблазнъ движенія къ Зевину, казавшемуся вѣрной и славной, на подобіе Арда-

(1) Кишмишевъ, стр. 161. Войновъ.

(2) Въ сущности, какъ намъ извѣстно, 21 бат., по 9 очень слабого состава.

гана, добычей, все болѣе и болѣе овладѣваетъ начальствующимъ персоналомъ и, что было особенно существенно важно, что въ своихъ первоначальныхъ рѣшеніяхъ начинаетъ колебаться и самъ командиръ корпуса, и, какъ бы, склоняться на сторону предложеній двинуться прямо къ Зевину, минуя даже обходъ на Хорасанъ.

Пока войска располагались на бивакъ, командиръ корпуса, лично разспрашивая подполковника Войнова о переправѣ Аракса, при докладѣ ему послѣдняго о свойствахъ дороги изъ Меджингерта на Алиджакракъ въ Делибабу ⁽¹⁾, выразилъ предположеніе, «*что бродъ въ юнѣ долженъ быть глубокъ и что подъ рукою не будетъ матеріаловъ для устройства моста*»; на что подполковникъ Войновъ доложилъ, «*что у жителей сел. Нижній Меджингертъ можно будетъ за плату достать матеріалъ для моста и свезти его на арбахъ; самое же устройство моста исполнять съ успѣхомъ роты 1-го Кавказскаго сапернаго баталіона*». Командиръ корпуса продолжалъ высказывать затрудненія переправы Аракса, особенно въ виду нахождения у Делибабы турецкаго лагеря (пустаго, какъ намъ извѣстно) и выразилъ предположеніе о томъ, не лучше ли, вмѣсто затруднительнаго обхода Зевинской позиціи, обратить наши силы на атаку ея ⁽²⁾.

Къ ночи на 12-е войска расположились, какъ указано, эшелонами и фронтомъ къ Делибабѣ и флангомъ къ Зевину, поджидая отставшихъ обозовъ. Расположеніе было приурочено въ общемъ къ движенію къ Араксу, на Алиджакракъ.

На слѣдующій день 12-го войскамъ рѣшено было дать дневку. Затѣмъ, ни къ Делибабѣ, ни къ Алиджакраку и Хорасану, ни вообще къ Араксу, не было выслано даже разъѣзда.

Между тѣмъ Мухтаръ-паша, до вечера 11-го ничего еще не знавшій о наступленіи къ Саганлугу части главныхъ силъ изъ подъ Карса, простоявъ подъ Даяромъ на бывшихъ позиціяхъ генерала Тергукасова весь день 10-го совершенно пассивно, принимаетъ рѣшеніе, усилившись еще шестью свѣжими баталіонами и доведя даярскій отрядъ до 26-ти—27-ми баталіоновъ, 25-ти эскадроновъ и 18-ти орудій, 11-го обойти правый флангъ Тергукасова и атаковать его гдѣ-либо между Драмдагомъ и Зейдекияномъ, или у Зейдекияна, или, наконецъ, тѣснить его на Файкъ-пашу, и, поставивъ его между двухъ огней, рѣшительно кончить съ нимъ гдѣ нибудь въ долину Алашкерта.

⁽¹⁾ Планъ дороги и брода съ описаніемъ былъ оставленъ въ Тифлисъ, въ окружномъ штабѣ.

⁽²⁾ Войновъ, стр. 165 и 166. «Русская Старина» 1888 г., июль.

Во исполненіе предпринимаемаго обхода и въ ожиданіи прибытія къ Даяру подкрѣпленій и снабженій всякаго рода, Мухтаръ-паша, съ цѣлью пріурочить расположеніе войскъ къ предпринимаемому обходу, указываетъ сосредоточеніе даярскаго корпуса на 11-е на лѣвомъ флангѣ расположенія, оставивъ на правомъ для наблюденія лишь одну кавалерію, а именно:

1) 3-й дивизіи (Рейсъ-Ахмета) Фазиль-пашѣ, занять общее расположеніе у с. Даяръ и къ востоку отъ него.

2) 3-й бригадѣ 2-й дивизіи Шахима-паши стать въ резервѣ за 3-й дивизіей.

3) Изъ состава 3-й дивизіи 6-я бригада Акифъ-бея (пять бат.), усиленная еще двумя баталіонами Шахима-паши, а всего семь баталіоновъ съ двумя горными орудіями, составитъ лѣвую обходную колонну, при которой будетъ и главная квартира главнокомандующаго.

По словамъ Шлуга, произведенная Мухтаромъ-пашею рекогносцировка указала, «что русскіе укрѣпились на Драмдагской позиціи, дабы дать возможность протянуться въ тылу своимъ многочисленнымъ обозамъ и многимъ семействамъ армянъ, связавшихъ свою судьбу съ судьбой эриванскаго отряда.

Наконецъ, 11-го вечеромъ, подъ Даяромъ было получено свѣдѣніе о движеніи генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова къ Саганлугу, сосредоточеніи этого отряда, исчислявшагося турками въ 20 баталіоновъ, 5,000 кавалеріи и 32 орудія, — 9-го у Кекача и о прибытіи его къ вечеру 10-го къ Сарыкамышу (1).

По nepостижимымъ обстоятельствамъ, извѣстіе это не влечетъ немедленнаго отступленія Мухтара-паши по ту сторону хребтовъ, въ долину Аракса, для прикрытія Эрзерума и сближенія съ Зевинской группой. Чѣмъ руководствовался Мухтаръ-паша, оставаясь у Даяра, и оставляя въ тылу 17,000 генерала Геймана на Саганлугѣ, увѣренностью ли въ ударъ нами на крѣпкій Зевинъ, или намѣреніемъ успѣть кончить съ эриванскимъ отрядомъ до оказанія ему содѣйствія, или другими соображеніями, остается необъяснимымъ. Во всякомъ случаѣ, Мухтаръ-паша принимаетъ смѣлое, почти рискованное, намѣреніе, оставаясь у Даяра, продолжать операцію противъ Тергукасова и не приводитъ его въ исполненіе ни 11-го, ни 12-го, ни 13-го, лишь вслѣдствіе ложнаго слуха о появленіи нашей кавалеріи на Араксѣ. «Я бы обошелъ вашъ правый флангъ», гово-

(1) Schluga, p. 57.

рилъ онъ впослѣдствіи генераль-маіору Филипову, «но ложное извѣстіе о появленіи кавалеріи князя Чавчавадзе на Араксѣ остановило меня. Я отдалъ подѣ судѣ баталіоннаго командира, давшего эти невѣрные свѣдѣнія» (1).

Такъ или иначе, но обходное движеніе Мухтара-паши, 11-го, войсками даярскаго корпуса, не состоялось и на 11-е имъ сдѣланы распоряженія:

1) О приостановкѣ присоединенія къ нему трехъ баталіоновъ изъ Кебрикея и одного—изъ Хорасана.

2) Объ отправленіи части конницы (5—10 эскадроновъ) съ Кундуковымъ въ Хорасанъ.

3) О прикрытіи тремя баталіонами въ Кебрикеѣ этого пункта и поддержаніи Кундуковымъ связи съ Зевиномъ (2).

4) Лагерь у Делибабы убрать (направивъ его, какъ кажется, въ Кебрикею). Такимъ образомъ, на 12-е іюня войска Мухтара-паши приняли слѣдующее расположеніе:

1-я групп., Зевинская—21 бат. 6 эскадр. 12 ор. (1-я див. и Ольгинская) въ Зевинѣ.
2-я » і промежут.— 4 » 7—12 » 3 » (черк. и страт. рез.) у Кебрик. и Хорас.
3-я » Даярская—23 » 14—20 » 18 » (2-я, 3-я дивизіи и отрядъ Зиверъ-бея).

Кромѣ того, одинъ баталіонъ съ сотней—у Делибабы для охраны лагеря, откуда утромъ 12-го онъ перешелъ съ лагеремъ въ Кебрикей. Въ Кебрикеѣ образовался 5-ти-баталіонный отрядъ Муштафы-паши. Самъ Мухтаръ-паша съ своей главной квартирой расположился на высотахъ Кіэзе-дагъ съ обходной колонной Акифъ-бея, «чтобы», какъ говоритъ Шлуга, «быть ближе къ событіямъ у Зевина».

Такое расположеніе, исключая отступленія Мусы-Кундукова со всей кавалеріею изъ Хорасана за Кебрикей, турецкія войска сохранили и въ день боя у Зевина, который Мухтаръ-паша наблюдалъ съ высотъ Кіэзе-дага (3).

Въ то время, какъ съ 11-го числа 17,000 генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова располагаются на Саганлукѣ въ виду Делибабы и Зевина, а Мухтаръ-паша принимаетъ рѣшеніе продолжать тѣснить эриванскій отрядъ, генераль-лейтенантъ Тергукасовъ, несмотря на цѣлый рядъ административныхъ неудобствъ и связанныхъ съ ними лишеній, изолированнаго положенія въ пустынныхъ горахъ перевала и крайнюю необходимость сблизиться съ тыломъ, продолжаетъ стоять со своимъ отрядомъ у Драмдага, выжидая хода

(1) Свидѣтельство генераль-маіора Филипова.

(2) Schluga, p. 59.

(3) Schluga, p. 66.

событій на Саганлугъ и Араксъ и придерживая половину полевыхъ силъ Мухтара-паши у Даяра. На позиціи, находившейся въ 1½ верстахъ впереди лагера, и постепенно усиливаемой укрѣпленіями, постоянно дежурила въ полной боевой готовности почти половина всей пѣхоты и постоянно 1-я и 5-я батареи, имѣвшія лошадей все время заамуниченными и прислугу у орудій.

Такъ прошли покойно дни 10-го и 11-го іюня. Лишь 11-го послѣ обѣда въ цѣпи было завязалась перестрѣлка и войска встрепенулись, ожидая атаки, но дѣло скоро кончилось и черкесы, потерявъ нѣсколько человекъ, скоро скрылись (¹). Очевидны такъ описываютъ эти дни неопредѣленнаго ожиданія: «положеніе отряда было не радостное. Изъ Россіи ни извѣстій, ни ожидаемыхъ транспортовъ, а боевыхъ и продовольственныхъ запасовъ оставалось немного. Вновь стали доходить смутные слухи, что сообщеніе наше прервано, что въ тылу господствуютъ шайки курдовъ, грабя и вырѣзывая все, попадающее на пути. Приходилось вѣрить этому, такъ какъ иначе нельзя было объяснить себѣ отсутствіе извѣстій съ нашей границы. О предпринятомъ будто бы движеніи генерала Геймана на помощь и соединеніе съ нами ничего не слышно и въ концѣ концовъ мы стали думать, что это движеніе есть вымыселъ, придуманный для нашего ободренія» (²). По словамъ Цезарскаго, извѣстіе о блокадѣ Баязета и захватѣ сообщеній получены въ отрядѣ 11-го, когда прибыло извѣстіе о разграбленіи почты на Чингильскомъ перевалѣ и нападеніи будто бы на Сурпъ-Оганесь.

Погода эти дни стояла хорошая и больныхъ почти не было (³). Только въ частяхъ, оставшихся безъ соли, которую уже нельзя было достать, люди страдали поносомъ. По словамъ очевидцевъ-участниковъ, въ отрядѣ вовсе не было хлѣба, сухарей было мало и ихъ берегли, а горячей пищи не было даже въ штабѣ (⁴). Пользуясь свободнымъ временемъ, люди обчистились и оправались (⁵).

Несмотря на довольно чувствительныя лишенія, войска отряда болѣе всего тяготились неизвѣстностью, гдѣ находится генераль Гейманъ.

Въ ночь съ 11-го на 12-е Крымскій полкъ получилъ приказа-

(¹) Юдинъ, стр. 59 и др. войсковые источники.

(²) Любимскій. «Русскій Вѣстникъ», стр. 739, декабрь 1879 г.

(³) Штабсъ-капитанъ Юдинъ, стр. 59 и 60.

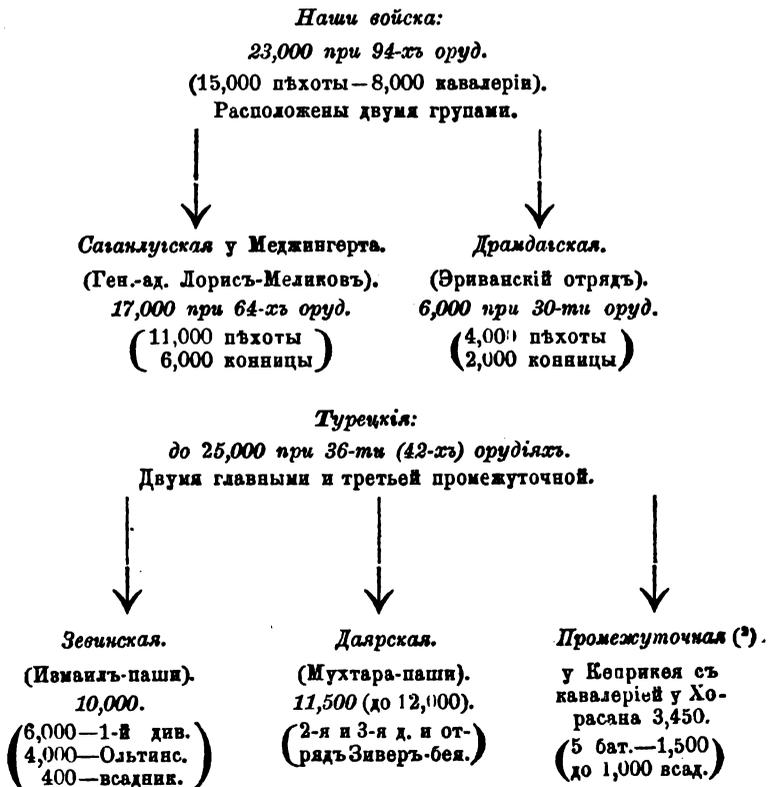
(⁴) Свидѣтельство поручика (нынѣ капитана) 3-й гвард. грен. арт. бригады В. И. Волковицкаго.

(⁵) Штабсъ-капитанъ Юдинъ, стр. 59 и 60.

ніе возвести еще окопы и тамъ, гдѣ это признается нужнымъ. При свѣтѣ луны 1-й и 4-й баталіоны, подъ руководствомъ единственнаго оставшагося въ строю штабъ-офицера маіора Гурова, возвели два ложемента, каждый на роту, правѣ транзитной дороги и на совершенно открытомъ скатѣ и, сверхъ того, вырыли 20 стрѣлковыхъ ровиковъ (1).

Усиливая, такимъ образомъ, 10-го и 11-го свои позиціи, передохнувшій эриванскій отрядъ къ днямъ 12-го и 13-го сталъ твердой ногой на занятыхъ имъ позиціяхъ, выжидая событій.

Къ утру 12-го іюня, въ участкѣ Саганлуга, Пассина и переваловъ изъ послѣдняго въ Алашкертъ, на площади неправильнаго четырехугольника Зевинъ, Меджингертъ, Даяръ, Кепрікей (въ 1,200 кв. вер. примѣрно) численность, группировка и вообще положеніе дѣль представляло слѣдующее: (см. схема).

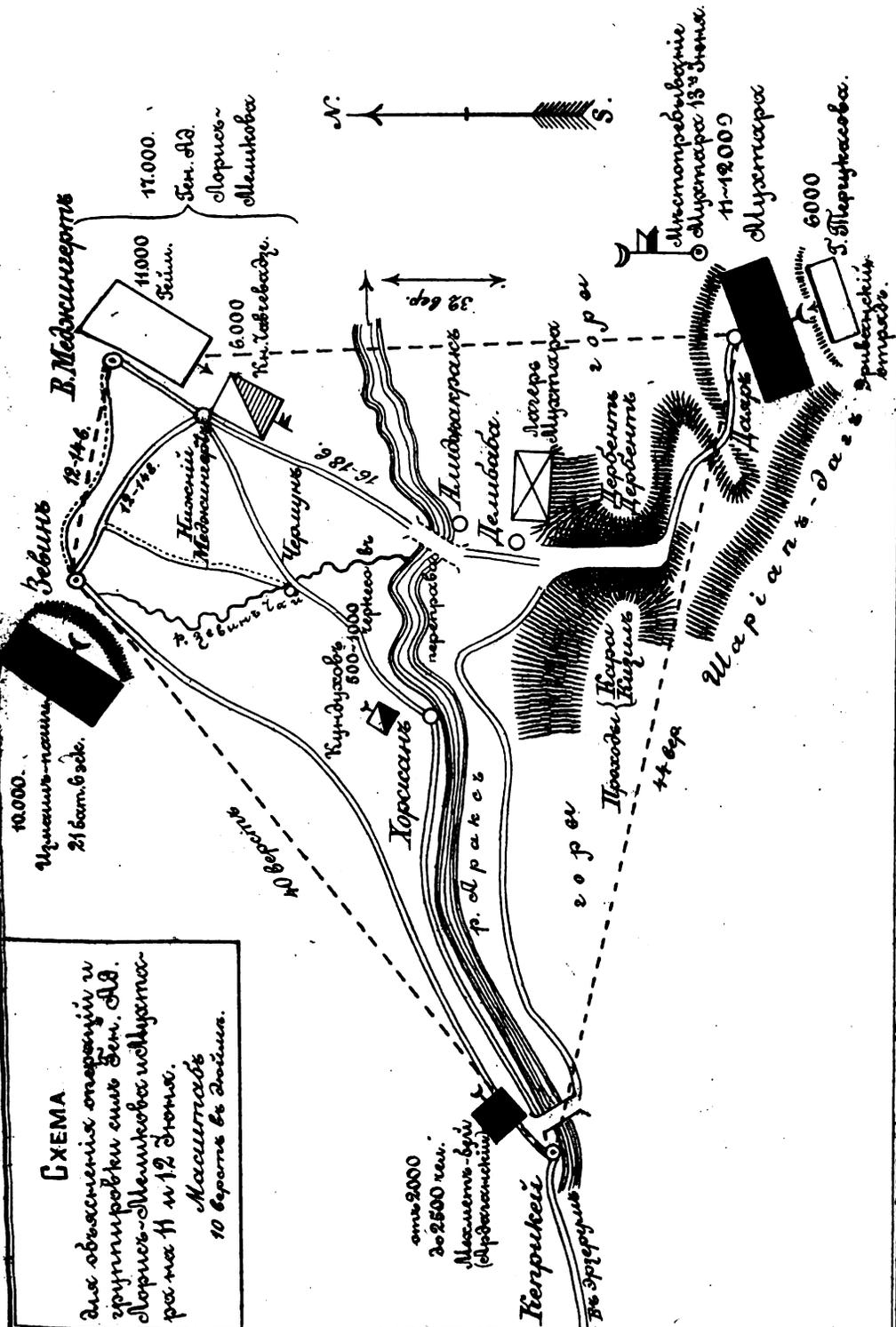

(1) Подполковникъ Протасовъ. «Исторія Крымскаго полка», стр. 132.

(2) Норман, стр. 148 и 155.

СХЕМА

Две обратные операции и
примирительные сев. фр. Аб.
Сорус-Менковская война
по мая 11 и 12 июня.
Масштаб 1:10
10 верст в дюйм.

Дир. Г. С. Уланова, Кемары. и. Карпачава. ч. 31.

Сравненіе силъ и средствъ противныхъ сторонъ приводитъ къ заключеніямъ:

1) При равной почти числительности войскъ, мы имѣли въ частности значительное превосходство въ кавалеріи и артилеріи.

2) Неизмѣримо превосходя нашего противника въ моральномъ отношеніи вообще, мы, въ частности, въ этомъ отношеніи имѣли еще и слѣдующіе шансы:

а) Съ наступленіемъ саганлугскаго отряда инициатива дѣйствій перешла опять въ наши руки.

б) Этотъ отборный отрядъ появился на Саганлугѣ внезапно.

в) Наконецъ, $\frac{2}{3}$ силъ Мухтара-паши, его Даярская группа, были уже биты и распатаны генераломъ Тергукасовымъ 9-го, а $\frac{1}{3}$ имъ же 4-го и 9-го же, причѣмъ духъ бившаго ихъ эриванскаго отряда только возвышался.

Такимъ образомъ, въ общей совокупности всѣхъ обстоятельствъ, мы обладали бѣльшими силами и средствами.

Изъ взаимнаго положенія сторонъ и группировки видно:

1) Главная наша масса—17,000 генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова, превосходившая любую изъ турецкихъ группъ на цѣлыхъ 6,000—7,000 бойцевъ, т. е. почти вдвое, расположена между обѣими турецкими группами, упреждала ихъ соединеніе и занимала узелъ дорогъ въ Делибаба, Хорасанъ, Кеприкей (т. е. Эрзерумъ) и Зевинъ.

2) Въ то время, какъ зевинская группа прикована къ позиціи укрѣпленнаго лагеря, гдѣ она чувствуетъ себя въ безопасности и который потому и не оставитъ, а даярская группа придержана неуступчивымъ и неотвязнымъ эриванскимъ отрядомъ, 17,000-ный саганлугскій отрядъ совершенно свободенъ и независимъ для любой операціи и въ любую сторону (сравнительно значительная численность обезпечиваетъ его и заслономъ къ любой изъ группъ, напримѣръ, къ Зевину, въ случаѣ движенія къ Делибабѣ).

3) Мухтаръ-паша съ половиной своихъ силъ, съ битой даярской группой, какъ отъ Зевина, такъ путей въ Эрзерумъ, и вообще отъ долины рѣки Аракса (Пассина) отрѣзанъ цѣлой системой хребтовъ, сообщающихся съ упомянутой долиной—длиннымъ и узкимъ коридоромъ—тѣснинами Кара и Кизиль-дербента и расположенъ у южнаго выхода коридора, имѣя сѣверный выходъ у Делибабы, гдѣ его тылъ, обращенный къ 17,000-ной отборной массѣ Лорисъ-Меликова, и въ 18-ти всего верстахъ отъ 6,000-ной кавалерійской массы князя Чавчавадзе. Выходило, слѣдовательно, что Лорисъ-Меликовъ уже какъ бы вышелъ въ тылъ Мухтару-пашѣ.

Таковы были громадныя, столь рѣдко представляемыя военной исторіей, стратегическія выгоды нашего расположенія.

Общая задача для насъ заключалась въ разгромъ Мухтара на Саганлугъ и въ долину Аракса, въ частности же, что составляло и нравственную обязанность, — въ выручку эриванскаго отряда генерала Тергукасова.

Для выполненія этихъ задачъ мы располагали весьма значительными выгодами превосходства силы, духа и особенно стратегическаго положенія.

Способъ рѣшенія задачи неизбежно сводился принципиально къ рѣшенію битъ Мухтара по частямъ. Въ данныхъ условіяхъ обстановки, и, главнымъ образомъ, потому, что выручить генерала Тергукасова нужно было возможно быстрѣе, рѣшено начать съ Даярской группы, ставившей генерала Тергукасова, по вѣзмъ признакамъ, въ критическое положеніе, и подставившей вдобавокъ свой тылъ подъ удары нашей 17,000-ной массы отборныхъ бойцовъ.

Съ разгромомъ Даярской группы саганлугскій отрядъ исполнял свою нравственную обязанность — выручку товарищей и, по соединеніи съ Тергукасовымъ, ставилъ насъ въ такое выгодное стратегическое положеніе, что обезпечивалъ наше господство на главномъ театрѣ и дѣйствія подъ Карсомъ, — если уже это ставилось цѣлью кампаніи, — самымъ надежнымъ образомъ.

Слѣдовательно, какъ нравственное чувство, такъ и чисто стратегическія соображенія, ставили первоначальной задачей — разгромъ Даярской группы, разгромъ совмѣстно съ эриванскимъ отрядомъ и въ томъ даярскомъ мѣстѣ, въ которомъ, расположеніемъ на Саганлугъ Лорисъ-Меликова, Мухтаръ очутился какъ бы запертымъ. Закупорить Мухтару выходъ изъ тѣснинъ потребовало бы 2—3 часа для нашей кавалеріи и 6—7 для пѣхоты. Если же бы Мухтаръ и успѣлъ прослѣдовать проходы, что едва вѣроятно, то мы били бы его у Делибабы или въ долину Аракса, опять же совмѣстно съ Тергукасовымъ.

Такое рѣшеніе требовало выбора первоначальнымъ предметомъ дѣйствій Делибабу, куда направиться можно было двояко:

1) Прямо съ мѣста расположенія на Алиджакракъ (переправа), къ чему и былъ приуроченъ весь маршъ-маневръ саганлугскаго отряда и самое расположеніе отряда съ 11-го до вечера 12-го іюня. Такое направленіе было бы самымъ естественнымъ, наипростѣйшимъ по замыслу и вело къ быстрѣйшей и надежнѣйшей выручкѣ эриванскаго отряда (1).

(1) Араксъ, какъ преграда для наступленія, имѣлъ ничтожное значеніе.

2) Направленіемъ еще болѣе въ разрѣзъ двухъ турецкихъ группъ, движеніемъ къ Хорасану и уже оттуда, по овладѣніи переправами, конечномъ раздѣленіи обѣихъ группъ и угрозѣ беззащитному Эрзеруму,—двинуться въ тылъ Мухтара къ Делибабѣ.

Со стороны Мухтара задача заключалась въ томъ, чтобы возможно быстрѣе выскочить изъ этого мѣшка, выиграть снова свои сообщенія, стать тыломъ къ Эрзеруму, прикрыть его и войти одновременно въ связь съ Зевинской группой.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, обѣ стороны, какъ увидимъ, преслѣдуютъ одновременно совершенно другія цѣли и задачи и принимаютъ соотвѣтствующія имъ рѣшенія.

Какъ мы видѣли, на 12-е, исключая появленія у Хорасана незначительнаго отряда Мусы-паши Кундукова (1), обѣ стороны во всѣхъ группахъ сохранили положеніе, занятое ими 11-го числа. Также, что особенно важно, и нашъ саганлугскій отрядъ, одинъ державшій въ своихъ рукахъ инициативу предстоявшихъ дѣйствій, остался на дневкѣ у Меджингерта.

Въ теченіе дня 12-го саганлугскій отрядъ рѣшительно ничего не предпринялъ для разъясненія результатовъ боя 9-го, также и для выясненія вообще положенія дѣлъ у Даяра и Делибабы.

Наша молодецкая 6,000-ная конница съ 11-го іюня и весь свободный день 12-го лишь созерцала съ высотъ Мелидюза пустой лагерь Мухтара у Делибабы, ограничиваясь лишь выставленіемъ къ Делибабѣ цѣпи конныхъ постовъ и высылкою разѣзда, не доходившаго даже до Аракса (2).

Еще съ разсвѣтомъ 12-го числа лагерь у Делибабы сталъ быстро исчезать, и вмѣсто него, на нашихъ глазахъ, появились длинныя вереницы व्यюковъ по дорогѣ отъ Делибабы къ Кебрикею. Обстоятельство это, извѣстная намъ уборка лагеря, вызвало въ корпусной квартирѣ предположеніе о возможности наступательнаго движенія со стороны Мухтара (3), но, не будучи, какъ и всѣ получавшіяся до сихъ поръ данныя, проверено, осталось предположеніемъ и совершенно гадательнымъ.

Наконецъ, на совѣщаніи, состоявшемся въ палаткѣ командира

(1) Норманъ очевидецъ и свидѣтель паническаго бѣгства этого отряда 13-го изъ Хорасана далеко за Кебрикею, говоритъ, что это была толпа, грабившая по пути и распространявшая при своемъ поспѣшномъ отступленіи лишь панику въ долину.

(2) А. М. Войновъ. «Русская Старина», 1888 г. августъ, стр. 405.

(3) Войновъ. «Русская Старина», 1888 г. іюль, стр. 170.

корпуса и подь его предѣдательствомъ, *принято было безповоротное рѣшеніе идти 13-го іюня къ Зевину* и обсуждалось лишь направленіе, въ обходъ-ли на Хорасанъ, чего держался одно время командиръ корпуса (¹), или прямо—кратчайшимъ путемъ къ фронту, на чемъ настаивалъ генераль Гейманъ, встрѣтившій упорную оппозицію только въ начальникѣ кавказской гренадерской дивизіи—Д. В. Комаровъ (²). Мнѣніе генерала Геймана взяло верхъ.

Движеніе къ Зевину на Хорасанъ, растревоживъ Мухтара, оказало бы еще, хотя и условную, поддержку эриванскому отряду, и въ Хорасанѣ обстановка могла бы еще и настолько выясниться, что, кто знаетъ, можетъ быть и вся операція была бы повернута на Делибабу; но уже съ движеніемъ прямо къ Зевину никакой поддержки или выручки генерала Тергукасова, какъ мы видѣли, не могло было быть оказано.

Подъ Даяромъ день 12-го прошелъ для обѣихъ сторонъ совершенно покойно и эриванскій отрядъ по прежнему оставался безъ всякихъ извѣстій. Но вотъ въ ночь съ 12-го на 13-е къ генералу Тергукасову прибылъ курдь отъ генерала Геймана, доставившій свѣдѣнія о движеніи саганлугскаго отряда съ 9-го іюня. Записка генерала Геймана была немедленно разослана начальникамъ частей для ободренія отряда. Въ отрядѣ все заликовало (³). Тотъ же курдь взялся доставить обратно записку Тергукасова Гейману.

Насталъ и день 13-го іюня, день, богатый событіями на театрѣ войны въ Арменіи, день Зевинскаго сраженія,—поворотная точка первой половины нашей кампаніи въ Азіи.

Не останавливаясь на описаніи и разборѣ Зевинскаго сраженія, какъ не составляющаго предметъ нашего изслѣдованія, замѣтимъ лишь, что во время движенія къ Зевину (⁴) командиръ корпуса получилъ чрезъ упомянутаго нами, посланнаго Тергукасовымъ, курда первое официальное извѣстіе изъ эриванскаго отряда,—шифрованную депешу въ восковомъ шарикѣ. Донесеніе это объясняло очень многое и, во всякомъ случаѣ, о сосредоточеніи на 9-е и 10-е у Даяра главныхъ силъ анатолійской арміи, подь начальствомъ самаго Мухтара.

Движенія и дѣйствія противъ Зевина, тѣмъ не менѣе, продолжались своимъ чередомъ. Истинное мѣстопробываніе Мухтара продолжало оставаться неизвѣстнымъ...

(¹) Тамъ же. «Русская Старина», 1888 г. іюль, стр. 170, и августъ, стр. 403.

(²) Тамъ же. «Русская Старина», 1888 г. августъ, стр. 408.

(³) Любимскій. «Отъ горъ Кавказа до фортовъ Эрверума».

(⁴) Кишмишевъ, стр. 174.

По словамъ Войнова (1), утромъ въ день боя, командиръ корпуса сказалъ ему, между прочимъ: «чего бы я не далъ, только бы знать, гдѣ теперь находится Мухтаръ!». На что Войновъ выразилъ предположеніе, «что, вѣроятно, Мухтаръ предпринялъ соединеніе съ зевинскими войсками».

Зевинское сраженіе кончается затѣмъ полною неудачей и отрядъ простоялъ еще затѣмъ подъ Зевиномъ и весь день 14-го.

Отсюда командиръ корпуса отправилъ генералу Тергукасову сообщеніе о неудачѣ подъ Зевиномъ, о своемъ намѣреніи отойти къ Мелидьюзу 15-го и о разрѣшеніи эриванскому отряду отойти 15-го къ Зейдекану и далѣе и въ Эриванскую губернію.

Подъ Даяромъ войска Мухтара и эриванскаго отряда простояли другъ противъ друга и совершенно пассивно и весь день сраженія 13-го іюня, который Мухтаръ наблюдалъ съ «Кіёзе-дага». 14-го утромъ войска Мухтара производили даже обыкновенное ученіе (2); но вотъ въ тотъ же день 14-го (вѣроятно, послѣ полудня) Мухтаръ получилъ извѣстіе объ исходѣ Зевинскаго сраженія (3) и немедленно принялъ рѣшеніе ѣхать лично и съ главною квартирой въ Зевинъ, вызвавъ въ Даяръ для общаго начальствованія алашкертскимъ отрядомъ Измаиль-пашу изъ Зевина. Впредь до прибытія Измаиль-паши, начальство надъ отрядомъ принялъ Рейсъ-Ахмедъ-Фазиль-паша—начальникъ 3-й дивизіи, и этому послѣднему Мухтаръ указалъ въ тотъ же день 14-го атаковать эриванскій отрядъ (4). Одновременно Файкъ-пашѣ послано приказаніе дѣйствовать болѣе энергично противъ осажденной Баязетской цитадели, направивъ курдовъ въ Эриванскую губернію (5). Въ тотъ же день, послѣ полудня, Мухтаръ-паша выѣхалъ въ Зевинъ, куда прибылъ утромъ 15-го, не заставъ уже генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова подъ Зевиномъ.

Съ отъѣздомъ Мухтара, въ расположеніи у с. Даяра былъ произведенъ рядъ перемѣненій, сводившихся къ еще болѣшему сосредоточенію силъ турокъ на своемъ лѣвомъ флангѣ, т. е. приуроченію

(1) «Русская Старина», августъ 1888 года, стр. 403.

(2) Виллемсъ.

(3) Schluga, p. 66.

(4) Такъ говоритъ Виллемсъ, бывший очевидцемъ событій подъ Даяромъ 13-го, 14-го и 15-го іюня, но Шлуга говоритъ объ этомъ иначе, указывая, что Мухтаръ-паша хотѣлъ лично руководить операціей втораго нападенія на генерала Тергукасова, и, узнавъ о его отступленіи, рѣшилъ ѣхать въ Зевинъ, куда и прибылъ 15-го. Полагая, что 14-го еще не было признаковъ отступленія, думаемъ, что правъ болѣе Виллемсъ.

(5) Процессъ Фанка-паши.

всего расположенія для совершенія обходнаго движенія. Обозы и транспорты были навьючены съ утра ⁽¹⁾ и цѣлый день находились въ полной готовности къ движенію.

Послѣ отъѣзда Мухтара Рейсъ-Ахмедъ-Фазиль-паша произвелъ, будто бы, по Виллемсу, всѣми силами рекогносцировку (?) расположенія эриванскаго отряда на Драмдагъ, изъ которой будто убѣдился «въ полномъ его отступленіи къ Зейдекину» ⁽²⁾. О подобной рекогносцировкѣ ни слова не упоминаютъ наши источники, указывающіе, что «турки все это время сидѣли смирно». Такъ или иначе, но 14-го и то развѣ къ вечеру турки могли замѣтить лишь нѣкоторые признаки, указывавшіе на готовящееся отступленіе генерала Тергукасова къ Зейдекину и осторожный Фазиль-паша 14-го ничего не предпринялъ противъ грознаго эриванскаго отряда.

Въ войскахъ эриванскаго отряда день 13-го былъ ознаменованъ чтеніемъ глубоко прочувственнаго и характернаго приказа Тергукасова по отряду отъ 12-го іюня, за № 102-мъ, слѣдующаго содержанія:

«Сподвижники мои, гг. генералы, штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины эриванскаго отряда!

«Вѣреннѣйшій мнѣ отрядъ предназначался для содѣйствія главному корпусу, облегчая ему трудности въ преодолѣніи непріятеля, защищающаго главныя преграды турецкой Арменіи, искусственныя и природныя. Вы надѣялись дать бой тотчасъ по оставленіи любезнаго отечества, но непріятель, несмотря на похвальбу оказать упорное сопротивленіе близъ границы, послѣшно отступалъ, а Баязетъ сдался развѣзду. Вы шли дальше, вездѣ встрѣчая возведенныя непріятелемъ укрѣпленія, которыя онъ, однако, покидалъ по однимъ слухамъ о вашемъ приближеніи.

«Наконецъ, онъ укрѣпился за высокими горами Драмдага, надѣясь остановить васъ предъ недоступными позиціями, повсемѣстно укрѣпленными, и здѣсь поразить тѣмъ вѣрнѣе, что вы уже далеко ушли въ глубь Турціи. Ни недоступность горъ, ни сила укрѣпленій, ни стойкость почти втрое многочисленнаго противника не остановили васъ. Послѣ шестичасоваго боя (4-го іюня), турецкій корпусъ бѣжалъ предъ малочисленнымъ, но крѣпкимъ духомъ, эриванскимъ отрядомъ. Но этимъ славнымъ дѣломъ еще не закончились ваши обязанности: непріятель, зная, какія послѣдствія будетъ имѣть ваша побѣда, смѣнилъ разбитый отрядъ свѣжимъ и еще болѣе сильнымъ корпусомъ, въ числѣ 22-хъ баталіоновъ, съ многочисленною

(1) Виллемсъ.

(2) Schluga, p. 66.

кавалеріей, подъ личнымъ предводительствомъ самого главнокомандующаго анатолійскою арміею Мухтаръ-паши, надѣясь раздавить васъ своею многочисленностью. .

«Такъ наступилъ бой 9-го іюня. Непрiятель, пользуясь тѣмъ, что былъ почти вчетверо сильнѣе васъ, хотѣлъ обойти оба фланга, и потому нужно было растянуть позицію слишкомъ на пять верстъ и противопоставить его баталіонамъ наши роты. Я сдѣлалъ это потому, что былъ увѣренъ въ геройской стойкости моего отряда — и не ошибся: въ теченіе десятичасоваго упорнаго боя вы отбили всѣ приступы непрiятеля и показали себя такими же стойкими въ оборонѣ этого дня, какъ непреодолимыми въ наступленіи предшествующаго боя 4-го іюня. Отброшенный со всѣхъ пунктовъ, непрiятель на другой день просилъ позволенія взять своихъ убитыхъ и раненыхъ съ поля битвы, усѣяннаго его тѣлами.

«Горы турецкой Арменіи, прославленныя побѣдами нашихъ предшественниковъ, старыхъ закаленныхъ кавказскихъ войскъ, предводимыхъ посѣдѣлыми въ бояхъ начальниками, теперь были свидѣтелями дивныхъ подвиговъ молодыхъ солдатъ. Войска эриванскаго отряда! Вы достойно поддержали славу вашихъ боевыхъ предшественниковъ. Пѣхота, артилерія и кавалерія, соревнующая въ усердіи и во взаимной помощи, явили себя одинаково достойными. Я любовался спокойнымъ огнемъ нашей пѣхоты предъ суетливою стрѣльбой турокъ. Стойкость и хладнокровіе пѣхоты не уступали искусству и достойному удивленію самоотверженію артилеріи, лихости и бдительности кавалеріи. Драгуны и казаки показали себя такими же лихими наѣздниками, какъ и ловкими пѣхотинцами. Я счастливъ, командуя такими войсками, я счастливъ, что могу донести нашему Августѣйшему Главнокомандующему о ихъ мужествѣ, и о доблести и распорядительности ихъ достойныхъ начальниковъ. Врачи, фельдшера и санитары эриванскаго отряда! Чины общества «Краснаго Креста» и сестры милосердія! Выражаю вамъ мою глубокую, сердечную благодарность въ дѣлѣ братолюбивой помощи раненымъ. Вы достойно соревновали съ доблестными подвигами вашихъ боевыхъ товарищей. Войска эриванскаго отряда! Ваши славные подвиги, порадуя нашего возлюбленнаго Государя и Отечество, возлагаютъ на васъ обязанность и впредь быть столь же достойными имени русскихъ и столь же грозными противнику».

Приказъ этотъ произвелъ на войска глубоко радостное впечатлѣніе. Лагерь мгновенно преобразился: весь день 13-го въ лагерѣ

отряда, ничего еще не зная о событіяхъ подъ Зевиномъ, гремѣла музыка и пѣли пѣсенники.

14-е іюня было ознаменовано полученіемъ двухъ высокой важности извѣщеній, рѣшившихъ дальнѣйшую судьбу отряда, а вмѣстѣ и судьбу первой половины нашей кампаніи въ Азіи.

Первое сообщеніе заключало въ себѣ официальное донесеніе коменданта Баязетской цитадели о событіяхъ 6-го іюня, о ея блокадѣ и сопряженныхъ съ ней лишеніяхъ и трудностяхъ. Сообщеніе это было доставлено милиціонеромъ-армяниномъ изъ состава гарнизона, выбравшимся или вѣрнѣе спущеннымъ ночью на 10-е іюня, т. е. на пятый день осады со стѣны Баязетской цитадели съ казакомъ Хоперскаго полка Кирильчукомъ (1). Казакъ пропалъ безслѣдно (2), а армянинъ добрался до генерала Тергукасова, за что и былъ удостоенъ награжденіемъ знакомъ военнаго ордена 1-й степени и сотней полуимперіаловъ (3).

Нечего и говорить о тягостномъ впечатлѣніи, произведенномъ этимъ извѣстіемъ. Теперь уже не было никакихъ сомнѣній о печальныхъ событіяхъ въ тылу и послѣдствія ихъ по отношенію операціи отряда были болѣе, чѣмъ очевидны. Съ этимъ же армяниномъ начальникъ эриванскаго отряда рѣшилъ послать увѣдомленіе гарнизону на словахъ и запиской, писанной рукой начальника штаба и карандашемъ слѣдующаго содержанія: «держитесь крѣпко, идемъ на помощь»; далѣе слѣдовала собственноручная подпись полковника Филипова.

Второе сообщеніе было отъ командира корпуса изъ подъ Зевина и заключало въ себѣ шифромъ слѣдующее:

«Лагерь подъ Зевиномъ. 7 часовъ утра 14-го іюня».

«Записку вашу 13-го числа (4) получилъ. Произведенная вчера попытка занять съ боя Зевинскій укрѣпленный лагерь оказалась безуспѣшна. Потери большія и войска отвожу на позицію, занятую нами передъ Зевиномъ. По недостатку патроновъ и снарядовъ атаку возобновить нельзя. Поэтому намѣренъ отойти къ вагенбургу на Мелидюзѣ. Полагаю, что привлеку на себя большую часть силъ мушира и потому будетъ возможно отойти вамъ согласно со-

(1) Гейнсъ. «Баязетское сидѣніе».

(2) Исчезновеніе казака загадочно, такъ какъ онъ шелъ вмѣстѣ съ армяниномъ и обстоятельство это такъ и осталось не выясненнымъ.

(3) Свидѣтельство полковника Филипова (нынѣ генералъ-маіора).

(4) Не отъ 10-го ил, или ошибка въ текстѣ, а слѣдовало: «записку 13-го получилъ»; это упоминается о запискѣ, отправленной 13-го, текста которой мы не имѣли въ нашемъ распоряженіи.

общеннаго въ запискѣ вашей предположенія 15-го сего іюня изъ Даяра; увѣдомьте, гдѣ остановитесь и какія имѣете свѣдѣнія о Баязетѣ». *Лорисъ-Меликовъ.*

Извѣстіе о неудачѣ подъ Зевиномъ столь значительнаго и отборнаго отряда, на который малочисленный эриванскій отрядъ возлагалъ столько надеждъ, и особенно его отступление къ Мелидюзу, произвело болѣе, чѣмъ удручающее впечатлѣніе. Падала не только увѣренность въ хорошемъ исходѣ первой половины кампаніи, но исчезала и всякая на то надежда. Безднадежность критическаго положенія, въ которомъ очутился такимъ образомъ эриванскій отрядъ, была болѣе, чѣмъ очевидна. Больше всѣхъ огорченъ и удрученъ былъ самъ начальникъ отряда.

По прочтеніи депеши, объясняя выраженіе: «отходя къ Мелидюзу, полагаю, что привлеку на себя большую часть силъ мушира и потому будетъ возможно отойти вамъ» (т. е. иначе, для вашего спасенія отхожу къ Мелидюзу), взволнованный генераль Тергукасовъ обратился къ старшимъ начальникамъ, собравшимся у него въ палаткѣ, и чинамъ штаба съ восклицаніемъ: *«много читалъ я военныхъ исторій, но нигдѣ не встрѣчалъ, чтобы для спасенія отступали, для спасенія обыкновенно наступаютъ!»* (1).

Въ тотъ же день вечеромъ генераль Тергукасовъ отдалъ всѣ распоряженія по отступленію 15-го къ Зейдекану.

При изслѣдованіи Зевинской операціи по отношенію выручки эриванскаго отряда и пятидневныхъ съ 10-го по 15-е іюня операцій противныхъ сторонъ въ участкѣ Саганлуга, Пассива и переваловъ, мы видимъ слѣдующее:

1) Указанія, «произвести энергическую демонстрацію на непріятеля, сосредоточеннаго на Саганлугѣ», не стѣсняясь никакими потерями, блистательно исполнены эриванскимъ отрядомъ; но самое исполненіе ставитъ его сначала въ рискованное, а потомъ, съ опозданіемъ выступленія саганлугскаго отряда на двое сутокъ позже обѣщаннаго,—и въ критическое положеніе. Самыя критическія минуты отрядъ переживаетъ 9-го, въ ночь съ 9-го на 10-е и утромъ 10-го.

2) Прекрасный по направленію и быстротѣ выполненія трехдневный маршъ-маневръ генераль-адъютанта Лорисъ-Меликова на Саганлугъ и внезапное появленіе у Меджингерта 17,000 отборныхъ войскъ мгновенно ставитъ насъ въ чрезвычайно выгодное положеніе.

(1) Свидѣтельство очевидцевъ-участниковъ засѣданія въ палаткѣ генерала Тергукасова.

3) Но, не освѣщая помощью своей многочисленной кавалеріи района предстоявшихъ дѣйствій и особенно системы переваловъ у Делибабы—Дааръ, саганлугскій отрядъ не выясняетъ обстановки и ограничивается сборомъ случайныхъ свѣдѣній исключительно у мѣстныхъ жителей, не провѣряя ихъ помощью 6,000-ной конной массы ни 11-го, ни цѣлый свободный день 12-го, оставаясь при гадательныхъ предположеніяхъ (напримѣръ, о движеніи Мухтара-паши на соединеніе съ Зевиномъ).

Даже при этихъ условіяхъ можно было констатировать рядъ положеній, настойчиво указывавшихъ на необходимость движенія къ Делибабѣ или хотя бы къ Хорасану.

4) Не желая, или не умѣя затѣмъ воспользоваться результатами боевой дѣятельности эриванскаго отряда, а также разброской силъ Мухтара-паши, очутившагося съ половиной своихъ силъ какъ бы въ мѣшкѣ и подставившаго единственный выходъ изъ этого мѣшка и одновременно свой тылъ подъ удары 17,000-наго саганлугскаго отряда, мы, подобно выбору на театрѣ войны первоначальнымъ предметомъ дѣйствій Карса, самой сильной и единственно готовой части застигнутаго врасплохъ противника, и здѣсь выбираемъ сильнѣйшую и готовую насъ принять часть стратегическаго фронта Мухтара-паши—труднодоступную отъ природы и усиленную искусственно—Зевинскую позицію.

5) Потерпѣвъ затѣмъ частную неудачу подъ Зевиномъ, саганлугскій отрядъ бросаетъ веденіе какихъ либо дальнѣйшихъ операцій, бросаетъ затѣмъ всякую мысль о выручкѣ и содѣйствіи эриванскому отряду, такъ много и славно потрудившагося для общихъ цѣлей войны, и принимаетъ рѣшеніе отойти къ Мелидюзу и, не сдѣлавъ отсюда даже какой либо диверсіи къ Делибабѣ, отойти и далѣе къ Карсу. Такимъ образомъ, частная неудача поспѣшно обращается имъ въ общую и малочисленный эриванскій отрядъ окончательно предоставляется исключительно своимъ собственнымъ силамъ и средствамъ.

6) Начальникъ эриванскаго отряда, искусно отойдя 10-го къ Драмдагу, выводитъ свой отрядъ изъ критическаго положенія, въ которомъ онъ находился болѣе сутокъ и, несмотря на событія у себя въ тылу и громадныя административныя затрудненія, остается въ принятомъ имъ у Драмдага положеніи, и придерживая 25 батал. Мухтара-паши, цѣлыхъ пять сутокъ, т. е. до 15-го числа.

7) Мухтаръ-паша, въ свою очередь, приведя 10-го въ порядокъ свой, разстроенный боемъ, 9-го корпусъ и, рассчитывая на событія

въ Баязетской долині и содѣйствіе Файка-паши въ тылъ эриванскому отряду, принимаетъ правильное рѣшеніе порѣшить съ эриванскимъ отрядомъ, дѣйствуя, что опять таки правильно въ данныхъ условіяхъ и въ горахъ,—въ обходъ праваго фланга и въ тылъ отряда генераль-лейтенанта Тергукасова.

8) Съ полученіемъ извѣстія о прибытіи на Саганлугъ отряда изъ-подъ Карса Мухтаръ-паша не только что не бросаетъ вовсе эриванскаго отряда и не отходитъ по ту сторону горъ, но принимаетъ смѣлое и рискованное рѣшеніе оставаться въ даярскомъ мѣсткѣ и продолжать свои операціи противъ генерала Тергукасова, рѣшеніе, оправдавшееся только неискуснымъ веденіемъ Зевинской операціи.

Вторичная атака эриванскаго отряда не приводится въ исполненіе ни 11-го, ни 12-го лишь вслѣдствіе ложнаго извѣстія о появленіи кавалеріи князя Чавчавадзе на Араксѣ. 14-го Мухтаръ-паша ѣдетъ въ Зевинъ лично, а оставленный имъ осторожный и нерѣшительный Фазиль-паша не рѣшается обходить и атаковать Тергукасова ни 14-го, ни утромъ 15-го, что составляетъ большую ошибку нашего противника, а послѣ полудня 15-го генераль Тергукасовъ находится уже на пути къ Зейдекяну.

Такъ кончилась «Зевинская операція» или первый походъ генерала Геймана на Саганлугъ съ цѣлью разгрома Мухтара-паши и выручки эриванскаго отряда генераль-лейтенанта Тергукасова.

Съ прекращеніемъ этой операціи мы лишились инициативы дѣйствій на главномъ театрѣ и большинства прибрѣтенныхъ до сихъ поръ успѣховъ, поставивъ одновременно малочисленный эриванскій отрядъ въ невозможно трудное положеніе, изъ котораго онъ вышеть только благодаря талантамъ своего достойнаго вождя, распорядительности его ближайшихъ помощниковъ и высокому воинскому духу и порядку частей и чиновъ ввѣреннаго ему отряда.

Б. Колюбакинъ.

(Продолженіе будетъ).

О Ч Е Р К Ъ
ДѢЙСТВІЙ ЗАПАДНАГО ОТРЯДА ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТА ГУРКО.

Часть I.

Н о я б р ь 1877 г о д а.

(Статья четвертая) (¹).

С ъ п л а н о м ъ.

IX. Бой у Арабъ-конака 21-го ноября.

Послѣ дѣла 16-го и 17-го ноября, на врачешскомъ перевалѣ и на Шандорникѣ, главнокомандующій турецкими войсками полагалъ необходимымъ ограничиться обороною занятой его войсками позиціи, не считая возможнымъ наступательныя дѣйствія въ виду той энергіи, которую наши войска выказали въ этихъ дѣлахъ. Онъ полагалъ, что дѣйствія авангарда г. Дандевила только начало общей атаки турецката расположенія и потому рѣшилъ возможно надежнѣе обезпечить оборону важнѣйшей части своей позиціи, тактическаго ключа ея, т. е. Шандорника.

Съ этой цѣлью, ожидая нашей атаки 18-го ноября, онъ поручилъ оборону Гюльдизъ-таби восьми отборнымъ баталіонамъ своей арміи, частью участвовавшимъ въ дѣлѣ 17-го числа, частью вызваннымъ въ ночь на 18-е ноября изъ резервнаго лагеря, у Д. Комарцовъ. Увеличивать гарнизонъ этого редута онъ считалъ излишнимъ, въ виду довольно тѣснаго внутренняго пространства его, а эти восемь баталіоновъ считалъ достаточно сильными, чтобы отразить атаку вдвое сильнѣйшаго непріятеля.

Въ то время, какъ самъ Мехмедъ-Али не считалъ возможнымъ

(¹) См. «Военный Сборникъ» 1891 г., № 11-й.

предпринять наступательныя дѣйствія, въ штабѣ его господствовала другой взглядъ. Главнокомандующій основывалъ свое рѣшеніе на томъ, что о силахъ русскихъ войскъ онъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній, что онъ не располагалъ необходимымъ числомъ офицеровъ и что, наконецъ, армія его не имѣла правильной организаціи, такъ какъ баталіоны не были сведены въ крупныя тактическія единицы.

Въ штабѣ главнокомандующаго, напротивъ того, полагали, что каждый часъ потеряннаго времени ухудшаетъ положеніе заключенной въ Плевнѣ арміи Османа-паши, освобожденіе которой было единственной цѣлью сформированія арміи Мехмедъ-Али. Совѣтники главнокомандующаго указывали, что, оставаясь пассивно на позиціяхъ, въ этропольскихъ Балканахъ, невозможно исполнить такого назначенія, а потому считали необходимымъ держаться наступательнаго образа дѣйствій и, воспользовавшись неизбежной разброской русскихъ войскъ при подъемѣ по труднодоступнымъ сѣвернымъ скатамъ горъ, совѣтовали разбить ихъ по частямъ. Опасаясь, что со всякимъ промедленіемъ непріятельскія силы увеличиваются, что русскіе успѣютъ сосредоточить достаточно войскъ для овладѣнія столь важнымъ въ тактическомъ отношеніи пунктомъ, какъ Шандорникъ, и указывая, что съ занятіемъ его вся позиція неминуемо перейдетъ въ руки атакующаго—сторонники наступательнаго образа дѣйствій считали необходимымъ немедленно атаковать русскія войска, не выжидая прибытія подкрѣпленій, которыхъ нельзя было ждать скоро и качество которыхъ было ненадежно. По мнѣнію совѣтниковъ Мехмедъ-Али, если бы 18-го ноября двинуть отъ Гюльдизъ-табіи противъ нашихъ войскъ къ сѣверу отъ этого редута 15 баталіоновъ и 20 баталіоновъ подъ начальствомъ Шакира отъ Арабъ-конака направить въ долину Сухой рѣчки, то концентрическое наступленіе этихъ колоннъ могло бы имѣть много шансовъ на успѣхъ. При этомъ наступленіи всѣ войска должны были направляться на Этрополь и, двигаясь болѣе близкою дорогою, по долинѣ Сухой рѣчки, турки могли угрожать тылу русскихъ войскъ, расположенныхъ на позиціи къ сѣверо-востоку отъ Гюльдизъ-табіи. Наконецъ, сторонники рѣшительнаго образа дѣйствій указывали на необходимость воспользоваться нравственнымъ возбужденіемъ турецкихъ войскъ, гордыхъ успѣхами, одержанными надъ русскими при отраженіи атаки ихъ 17-го ноября на Гюльдизъ-табію, и выставляли на видъ, что турецкія войска, даже при недостаткѣ въ офицерахъ,

дерутся толково и съ воодушевленіемъ, въ подтвержденіе чего приводили, какъ примѣръ, бой при Чаприкиюѣ, на р. Ломѣ.

Мехмедъ-Али спокойно выслушивалъ всѣ совѣты и возраженія, но не измѣнялъ своего рѣшенія, состоявшаго въ томъ, чтобы оставаться въ выжидательномъ положеніи на Арабь-конакской позиціи. Отличаясь нерѣшительнымъ характеромъ, Мехмедъ-Али былъ еще поставленъ въ крайне неудобное положеніе вслѣдствіе зависимости отъ генералиссимуса (сердарь-экрема) Сулеймана-паши и отъ константинопольскаго военнаго совѣта, которые, не оказывая ему необходимой поддержки, своимъ неумѣстнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла его отряда и желаніемъ руководить имъ изъ-далека, до крайности стѣсняли главнокомандующаго арабь-конакской арміей.

Иногда онъ до такой степени былъ занятъ перепискою съ военнымъ совѣтомъ, что на это уходило все его время. Тревожимый и днемъ, и ночью, онъ не могъ успокоиться и собраться съ мыслями, а среди ближайшихъ подчиненныхъ онъ почти не имѣлъ такихъ, на совѣты которыхъ могъ положиться. Неджибъ-паша, мнѣніями котораго онъ такъ дорожилъ, не могъ прибыть къ нему, будучи задержанъ въ Константинополѣ военнымъ совѣтомъ, а замѣнь того въ главной квартирѣ слонялись разные искатели приключеній, какъ, напримѣръ, Кюзере, бывший генераль парижскихъ комунаровъ, Бекеръ-паша, исключенный изъ англійской службы, и проч.

Наконецъ, весьма возможно, что Мехмедъ-Али не полагалъ умѣстнымъ перейти къ наступательнымъ дѣйствіямъ, считая, что благоприятное время для этого уже упущено. И, дѣйствительно, наступательныя затѣи турокъ едва-ли могли окончиться успѣшно. 18-го ноября, въ день, когда предположено было атаковать наши войска, турки встрѣтили бы у ген. Рауха непосредственно 7 баталіоновъ въ укрѣпленной позиціи, да еще могъ подойти Преображенскій полкъ, итого 11 баталіоновъ; затѣмъ, въ отрядѣ ген. Дадевиля въ это время было 5 баталіоновъ и могли быть притянуты еще 2 баталіона измайловцевъ и 4 баталіона финляндцевъ, слѣдовательно всего 22 баталіона. Что касается 20-ти таборовъ Шакира, то они имѣли бы, вѣроятно, дѣло со всѣми тѣми войсками, которыя находились у насъ на софійскомъ шоссе и которыя могли бы ударить ему во флангъ, съ западной стороны. Несмотря на нѣкоторыя невыгоды нашихъ позицій, напримѣръ, позиціи ген. Рауха, которая находилась значительно ниже турецкой, нѣтъ сомнѣній, что войска, ихъ занимавшія, удержали бы натискъ турокъ до прибытія подкрѣпленій, послѣ чего мы могли бы сосредоточить всѣ наши 43 баталіона.

Пока войска Мехмеда-Али оставались въ бездѣйствіи, наши войска на шандорникъ-арабь-конакской позиціи постепенно усиливались прибывавшими подкрѣпленіями. Наша артилерія ежедневно громила турецкія позиціи, приче́мъ въ первые дни огонь производился довольно разрозненно. Впослѣдствіи было приславо изъ штаба отряда росписаніе относительно порядка производства стрѣльбы, по которому огонь слѣдовало вести залпами съ точно опредѣленными промежутками во времени. Но такой порядокъ стрѣльбы оказался неудобнымъ въ томъ отношеніи, что турки легко къ нему примѣнялись и, укрываясь отъ залповъ, свободно пользовались промежутками между ними для исправленія произведенныхъ пашею артилеріею разрушеній. По словамъ «очевидца», огонь нашихъ орудій противъ Гюльдиъ-таби такъ мало повредилъ этому укрѣпленію, что даже не потребовалось исправленія бруствера. Необходимо замѣтить, что батареи лѣваго фланга нашихъ позицій, въ отрядѣ генерала Рауха, находились значительно ниже непріятельскихъ укрѣпленій (батареи Геринга на 500 фѳт., а батарея Ореуса на 1,100 фѳтовъ), что составляло весьма неблагопріятное условіе для производства стрѣльбы. Что же касается до нашихъ батарей, расположенныхъ западнѣе, т. е. на позиціяхъ генерала Дандевилля и особенно генерала Эллиса, то огонь ихъ орудій производилъ страшныя разрушенія въ редутахъ у Арабь-конака, внутренность одного изъ которыхъ такъ пострадала отъ снарядовъ, что, по словамъ Бекера, она имѣла видъ бойни.

19-го ноября Мехмедъ-Али, лично осмотрѣвъ мѣстность къ сѣверу отъ редута № 7-го, приказалъ начальнику своего штаба Муссаферъ-бею на разсвѣтъ слѣдующаго дня занять тремя баталіонами лежавшіе впереди редута перелѣски, еще не занятые русскими, дабы включить ихъ во что бы то ни стало въ турецкую оборонительную линію; пунктъ этотъ былъ особенно важенъ потому, что значительно командовалъ турецкимъ расположеніемъ. 20-го ноября на разсвѣтъ Мехмедъ-Али отправился къ софійскому шоссе мимо редута № 7-го, около котораго встрѣтилъ Муссаферъ-бея, доложившаго ему, что перелѣски уже заняты русскими и что ввѣренныя ему три баталіона, пытавшіеся войти туда, встрѣчены были такимъ сильнымъ огнемъ, что не рѣшились продолжать атаку. Приказавъ бригадѣ Нассира-паши, состоявшей изъ четырехъ баталіоновъ, занять позиціи къ западу отъ софійскаго шоссе для прикрытія лѣваго крыла турецкой позиціи, Мехмедъ-Али отправился въ большой лагерь и послѣ краткаго совѣщанія съ Шакиромъ-пашею приказалъ

ему атаковать на другой день правый флангъ русскихъ, для чего назначилъ въ его распоряженіе 18 баталіоновъ.

20-го ноября, съ утра, на высотѣ, занятой 2-мъ баталіономъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка (западнѣе шоссе) начаты были работы по укрѣпленію позиціи и въ то же время поднимались на эту гору шесть орудій; работы производились безпрепятственно, подъ прикрытіемъ воткнутыхъ въ землю небольшихъ деревьевъ, но около четырехъ часовъ дня, когда во время смѣны нашихъ часовыхъ, полковникъ Ляпуновъ, желая лучше обезпечить наши работы, приказалъ цѣпи продвинуться впередъ, то москвичи наткнулись на турецкую цѣпь.

Выстрѣлъ, произведенный въ нашей цѣпи, вызвалъ огонь со стороны турокъ и работу пришлось на время прекратить. 6-я рота, люди которой наткнулись на непріятельскую цѣпь, сначала отвѣчала на огонь турокъ, но скоро, вслѣдствіе незначительности цѣпи, огонь былъ прекращенъ; турки продолжали стрѣлять, но уже значительно рѣже, такъ что работы у насъ возобновились и окончились около 10-ти часовъ вечера. Къ утру 21-го ноября на гору были втащены съ величайшими усиліями на рукахъ шесть орудій, которыя и были совершенно скрытно поставлены на батарею. Такимъ образомъ, къ утру 21-го ноября москвичи прочно утвердились на высотахъ западнѣе софійскаго шоссе.

Вечеромъ 20-го ноября была получена полковникомъ Гриппенбергомъ отъ генерала Дандевилля диспозиція для бомбардированія всѣхъ турецкихъ укрѣпленій, назначеннаго на 21-е ноября, причемъ огонь слѣдовало открыть въ 8 часовъ утра. Диспозиція эта была прочитана всѣмъ офицерамъ отряда полковника Гриппенберга; сущность ея заключалась въ слѣдующемъ: въ 8 часовъ утра долженъ былъ послѣдовать съ позиціи генерала Дандевилля сигнальный выстрѣлъ, по которому всѣ начальники прочихъ позицій должны были поставить часы и открыть стрѣльбу съ батарей—первые два часа гранатой, полчаса отдыха, затѣмъ два часа шрапнель и т. д. въ продолженіе двухъ дней.

Утромъ 21-го ноября, войска, бывшія подъ общимъ начальствомъ свиты Его Величества генераль-маіора Эллиса, расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-й баталіонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка съ четырьмя девяти-фунтовыми орудіями 5-й батареи лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады (штабсъ-капитана Мейбаума) стояли на горѣ лѣвѣе софійскаго шоссе; по флангамъ орудій было расположено въ окопахъ по одному взводу, а остальные роты

ГОЛОВА АРАБЪ КОЧАКОВЪ
1910
100

№ 12
8р. П. Б. Морков. п.
8р.
8р.
8р.
8р.

Улыбка

Арабъ Кочакъ

Майор-гвардіи 2-й артилерійской бригады (штабсъ-капитана Мей-
аума) стояли на горѣ лѣвѣе софійскаго шоссе; по флангамъ орудій
было расположено въ окопахъ по одному взводу, а остальныя роты

1-го баталіона стояли вмѣстѣ позади, прикрываясь скатомъ горы. Для наблюденія за дѣйствіемъ нашихъ снарядовъ и за движеніями непріятели были назначены Московскаго полка подпоручики Заркевичъ и Штубендорфъ, которымъ было поручено въ теченіе сутокъ находиться на флангахъ позиціи баталіона и о всемъ заслуживающемъ вниманія доносить командиру его. Вправо отъ шоссе, на позиціи, выбранной флигель-адъютантомъ полковникомъ Гриппенбергомъ, находилась батарея въ четыре орудія 5-й батареи лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады (полковника Гермеса) на самой высокой точкѣ горы, а 100 шаговъ правѣ этихъ орудій—два орудія 2-й батареи лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады; лѣвѣе четырехъ-орудійной батареи и между ею и двухъ-орудійною было расположено по полуротѣ 9-й роты лейбъ-гвардіи Московскаго полка, причеиъ отъ каждой полуроты было разсыпано по взводу передъ батареями. Почти подъ прямымъ угломъ къ фронту батарей (назадъ) были расположены въ ложементлахъ всѣ четыре роты 2-го баталіона, вмѣвшія впереди себя въ цѣпи по полуротѣ отъ 5-й и 8-й ротъ; пятая рота, бывшая на лѣвомъ флангѣ баталіона, составляла почти прямой уголъ съ фронтомъ двухъ-орудійной батареи, 6-я рота стояла за 5-й, 7-я и 8-я—уступомъ вправо. Остальныя роты 3-го баталіона расположились въ резервѣ: 11-я и 12-я за правымъ флангомъ позиціи 2-го баталіона, уступомъ вправо и назадъ въ двухъ-взводныхъ колоннахъ, а первая полурота 10-й роты была выдвинута нѣсколько впередъ, составляя, такимъ образомъ, крайній правый флангъ отряда. Такимъ образомъ, роты 3-го баталіона оказались какъ разъ за батареями, лѣвымъ флангомъ къ нимъ. Вторая полурота 10-й роты находилась при обозахъ полка въ Орханіэ. Батареи и окопы на нашей позиціи были весьма слабой профили, такъ какъ каменистая почва чрезвычайно затрудняла земляныя работы.

Для охраненія праваго фланга и тыла отряда полковника Гриппенберга были направлены 2-я рота и полурота 4-й роты лейбъ-гвардіи 4-го стрѣлковаго Императорской Фамилии баталіона въ первое правѣе шоссе ущелье, съ приказаніемъ выдвинуться какъ можно далѣе впередъ для наблюденія за непріятелемъ; затѣмъ, для воспрепятствованія движенію турокъ по шоссе, была разсыпана 1-я рота 1-го стрѣлковаго Его Величества баталіона по гребню высотъ правѣе шоссе, 3-я рота того же баталіона стояла за 1-й въ резервѣ, а 1-я рота 4-го стрѣлковаго баталіона была назначена генераломъ Эллисомъ для обстрѣливанія шоссе и редута № 7-го.

Флигель-адъютантъ полковникъ Гриппенбергъ, замѣтивъ 20-го

ноября, что турки укрѣпились на высотахъ, лежащихъ на нашемъ правомъ флангѣ и въ тылу нашего расположенія, просилъ генерала Эллиса усилить его отрядъ еще однимъ баталіономъ; вслѣдствіе этой просьбы генераломъ Эллисомъ былъ отправленъ въ распоряженіе полковника Гриппенберга лейбъ-гвардіи 2-й стрѣлковый баталіонъ, который началъ подниматься на позицію около 5-ти часовъ утра 21-го ноября; баталіонъ этотъ велъ генеральнаго штаба подполковникъ Ставровскій, остановившій его около 8-ми часовъ утра въ разстояніи приблизительно 1,000 шаговъ сзади расположенія 2-го и 3-го баталіоновъ Московскаго полка; такимъ образомъ, лейбъ-гвардіи 2-й стрѣлковый баталіонъ составилъ общій резервъ отряда полковника Гриппенберга. Всего въ 7½ ротахъ 2-го и 3-го баталіоновъ Московскаго полка состояло 1,100 человекъ, а лейбъ-гвардіи во 2-мъ стрѣлковомъ баталіонѣ—600. Перевязочный пунктъ былъ устроенъ сзади и внизу, на шоссе. Начальникъ отряда, полковникъ Гриппенбергъ, командиръ 5-й батареи лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады, полковникъ Гермесъ, и генеральнаго штаба подполковникъ Ставровскій находились на четырехъ-орудійной батарее (западнѣе шоссе). Итакъ, вслѣдствіе расположенія укрѣпленій подъ угломъ, фронтъ позиціи имѣлъ видъ исходящаго угла, лѣвый фась составляли батареи и 9-я рота, а правый—роты 2-го баталіона. Мѣстность къ востоку и югу спускалась весьма крутыми и трудно-доступными скатами, покрытыми кустарниками и мелко-лѣсьемъ; западнѣе, впереди фронта 2-го баталіона, мѣстность была болѣе открытой; сообщеніе съ тыломъ, съ шоссе, было чрезвычайно затруднительно—необходимо было два часа карабкаться по кручамъ горъ, чтобы подняться съ шоссе на позицію.

Согласно распоряженію, полученному полковникомъ Гриппенбергомъ, 21-го ноября должно было производиться обстрѣливаніе артиллерійскимъ огнемъ турецкихъ позицій подъ Баба-конакомъ. Въ 8 часовъ утра, хворость, закрывавшій амбразуры, былъ снятъ и 2-я батарея лейбъ-гвардіи 2-й артиллерійской бригады открыла огонь; пристрѣлка, благодаря незначительности разстоянія до ближайшаго редута (650 сажень) и до слѣдующаго (750 сажень), а также ясной погодѣ и хорошо видимой цѣли, окончилась очень скоро, послѣ чего, согласно диспозиціи, началась весьма рѣдкая стрѣльба по редуту № 7-го и по большому лагерю. Турки тотчасъ же начали отвѣчать на нашъ огонь и завязалась общая канонада по всей линіи отъ Арабъ-конака до Шандорника. Непріятельскіе снаряды ложились кучею вокругъ нашихъ батарей, большая часть ихъ засѣдала въ

брустверѣ, перелетавшіе попадали въ роты 3-го баталіона московцевъ, которыя, во избѣжаніе потерь, пришлось выдвинуть впередъ шаговъ на 50, такъ что онѣ очутились почти на одной линіи съ ротами 2-го баталіона, но правѣе ихъ.

Съ началомъ канонады Шакиръ-папа началъ наступленіе съ семью баталіонами редифовъ въ направленіи прямо на сѣверъ отъ редута № 7-го; за этими баталіонами наступали во второй линіи остальные 11 баталіоновъ (мустахфизовъ). Войска Шакира, встрѣтивъ на пути своемъ густое мелколѣсье и кустарникъ, приняли нѣсколько влѣво и начали, пользуясь закрытой мѣстностью, близко подходить къ правому флангу нашего расположенія. Въ 10 часовъ утра съ позиціи генерала Дандевилля на Врачешкѣ было замѣчено наступленіе непріятельской пѣхоты и приказано открыть по ней огонь первой полубатарей 4-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артиллерійской бригады. Мѣткій огонь этихъ орудій и былъ, повидимому, главною причиною, почему турки измѣнили направленіе своего наступленія, какъ это и видно изъ словъ «очевидца».

Около 10-ти часовъ утра отъ портупей-юнкера Гавемана, командовавшаго первою полуротою 10-й роты, расположенной правѣе ротъ 2-го баталіона, было получено слѣдующее донесеніе: «въ лощинѣ виднѣются турки; судя по массѣ фесокъ, это значительный отрядъ; они подвигаются въ обходъ праваго фланга». Получивъ это донесеніе и желая лично убѣдиться въ его справедливости, командующій 3-мъ баталіономъ, капитанъ Красовскій, направился къ первой полуротѣ 10-й роты, но не успѣлъ онъ дойти до нея, какъ турки, находившіеся въ лощинѣ, открыли огонь и бросились впередъ.

Въ 11 часовъ утра командиръ 2-го баталіона московцевъ, полковникъ Ляпуновъ, донесъ флигель-адъютанту полковнику Гриппенбергу, что турки большими массами обходятъ нашъ правый флангъ и что другая масса непріятелей спускается по направленію къ ложементамъ, занятымъ ротами 2-го баталіона. Получивъ это донесеніе, полковникъ Гриппенбергъ направилъ полуроту 10-й роты, а также 11-ю и 12-ю роты на правый флангъ 2-го баталіона, а двѣ роты 2-го стрѣлковаго баталіона въ обходъ лѣваго фланга наступавшихъ турокъ. Едва было отдано это приказаніе, какъ густыя массы непріятеля, открывъ частый ружейный огонь съ близкаго разстоянія, яростно атаковали наши ложементы и, несмотря на учащенный огонь нашей пѣхоты, производимый почти въ упоръ, подошли къ самымъ ложементамъ. Тогда роты 2-го баталіона, поддерживаемыя полуротою 10-й роты, а также 11-ю и 12-ю ротами, только

что подоспѣвшими изъ резерва, выскочивъ изъ ложементовъ, штыками опрокинули турокъ, на лѣвый флангъ которыхъ бросились роты 2-го стрѣлковаго баталіона.

Боемъ со стороны турокъ руководилъ ихъ главнокомандующій, Мехмедъ-Али, съ начала дѣла бывшій у Арабъ-конака; найдя, что огонь орудій редута № 7-го недостаточно силенъ, онъ приказалъ вызвать изъ резервнаго лагеря одну батарею, которая, занявъ позицію сѣвернѣе редута, открыла бѣглый огонь противъ нашей артилеріи; во время этой канонады у насъ было подбито одно орудіе и убиты 2-й батареи лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады поручикъ Типольдъ и одинъ нижній чинъ и ранено четыре нижнихъ чина той же батареи. Между тѣмъ, семь баталіоновъ Шакира, бывшихъ въ первой линіи, продвинулись впередъ и начали атаку русской позиціи, но въ это время удачнымъ выстрѣломъ 2-й батареи лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады были взорваны въ редутъ № 7-го два передка; этотъ взрывъ распространилъ сильное смятеніе среди бывшихъ во второй линіи баталіоновъ мустахфизовъ и, вообразивъ себя атакованными съ тыла, они открыли огонь по сражавшимся впереди ихъ баталіонамъ редифовъ. Эти послѣдніе, потерпѣвъ неудачу при атакѣ позиціи полковника Гриппенберга и взятыя во флангъ гвардейскими стрѣлками и москвочами, начали съ большимъ урономъ отступать къ редуту № 7-го.

Съ нашей стороны, около 11-ти часовъ утра, 5-я батарея прекратила огонь, вслѣдствіе загрозненія замковъ и каналовъ орудій отъ пороховаго нагара, между тѣмъ какъ необходимой для промывки воды ихъ по близости не было. Кромѣ того, одно орудіе во 2-й батарее было подбито, такъ что почти въ самомъ началѣ дѣла пѣхота была лишена содѣйствія артилеріи. Что касается турокъ, то они продолжали дѣятельно обстрѣливать нашу позицію артилерійскимъ огнемъ и одною изъ гранатъ былъ смертельно раненъ въ голову командовавшій 6-ю ротою подпоручикъ Войницкій.

Послѣ незначительнаго промежутка, приблизительно около получаса, турки, оправившись послѣ первой неудачи и поддержавъ передовыя части резервами, вновь повели энергическую атаку на нашъ правый флангъ, подготавливая ее частою ружейною пальбой, звуки которой сливались въ потрясающій гулъ, среди котораго слышались яростные крики наступающихъ и звуки сигнальныхъ рожковъ.

Клубы пороховаго дыма и частый кустарникъ затрудняли наблюденіе за непріятелемъ, который, подойдя ближе, участилъ огонь до крайняго напряженія и съ геройскою неустрашимостью бросился

на наши правофланговые ложементы, потрясая воздухъ яростными кликами «аллахъ, аллахъ». Подъ натискомъ этой, чрезвычайно энергически веденной, атаки нашъ правый флангъ подался назадъ, но полковникъ Гриппенбергъ, замѣтивъ это, выслалъ противъ лѣваго фланга турокъ остальные двѣ роты 2-го стрѣлковаго баталіона, а 2-й баталіонъ московцевъ, полурота 10-й роты, 11-я и 12-я роты бросились въ штыки съ фронта; этою контръ-атакой непріятель вновь былъ отброшенъ и преслѣдуемъ до его ложементовъ, искусно маскированныхъ дерномъ и хворостомъ; но здѣсь войска наши были встрѣчены такимъ бѣшенымъ огнемъ, что отошли на свою позицію. Во время этой контръ-атаки подпоручикъ Ерофѣевъ съ нѣсколькими людьми 6-й роты, опередивъ остальные части, ворвался въ ложементъ, защитники котораго были уничтожены, но подоспѣвшій непріятельскій резервъ заставилъ подпоручика Ерофѣева отойти назадъ.

Такъ какъ 9-я рота, прикрывавшая батареи, участія въ отраженіи турецкой атаки не принимала, а между тѣмъ несла потери отъ непріятельскаго огня, то командиръ ея, капитанъ Сахаровъ, перемѣнилъ мѣсто, которое занималъ, и послалъ донесеніе командиру 3-го баталіона; но посланный съ этимъ донесеніемъ унтеръ-офицеръ скоро вернулся и доложилъ, что турки находятся на нашихъ батареяхъ. Тогда капитанъ Сахаровъ, взявъ первую полуроту и приказавъ подпоручику Антипенко со второю полуротою оставаться на мѣстѣ, бѣгомъ направился къ четырехъ-орудійной батарее, но, не найдя здѣсь турокъ и видя батарею покинутою артиллеристами, онъ рѣшилъ, что полученное имъ извѣстіе касалось двухъ-орудійной батареи, а потому двинулся къ ней и вышелъ къ лѣвому флангу 5-й роты. Не найдя и здѣсь непріятеля, онъ сталъ между батареею и лѣвымъ флангомъ 5-й роты, немного впереди ихъ. По отбитіи второй атаки, полковникъ Ляпуновъ приказалъ резервной полуротѣ 8-й роты подать лѣвое плечо впередъ и рассыпаться подъ угломъ къ фронту нашего расположенія, чтобы лучше обезпечить флангъ отъ охвата.

Въ это время флигель-адъютантъ полковникъ Гриппенбергъ, видя настойчивость, съ которою турки вели атаку его позиціи, обратился къ генералу Эллису съ просьбою о присылкѣ подкрѣпленій.

Около 2-хъ часовъ генералъ Эллисъ получилъ записку отъ генерала Дандевилля, который сообщалъ, что, замѣтивъ наступленіе непріятеля на нашъ правый флангъ, онъ послалъ на подкрѣпленіе два баталіона Финляндскаго полка.

Выславъ на помощь полковнику Гриппенбергу 2-ю и 4-ю роты 1-го стрѣлковаго баталіона и 3-ю роту 4-го стрѣлковаго баталіона, генераль Эллисъ послалъ графу Шувалову офицера съ просьбой о скорѣйшемъ прибытіи Павловскаго полка, такъ какъ въ резервѣ оставался только 3-й финскій стрѣлковый баталіонъ и полурота 4-й роты 4-го стрѣлковаго баталіона.

Вслѣдъ затѣмъ съ обѣихъ сторонъ открылась неумолкаемая ружейная пальба; запасъ патроновъ на людяхъ началъ у насъ истощаться и, въ ожиданіи подвоза ихъ, пришлось отбирать ихъ отъ убитыхъ и раненыхъ. Между тѣмъ, въ началѣ 3-го часа пополудни турки вновь двинулись въ атаку; въ это время расположеніе нашихъ войскъ на позиціи было слѣдующее: роты 2-го баталіона занимали свои ложементы, причѣмъ полурота 8-й роты находилась въ цѣпи подъ угломъ къ фронту расположенія баталіона (для фланкированія лощины огнемъ), 1-я полурота 9-й роты впереди лѣваго фланга 5-й роты и лѣвѣе всего расположенія 2-го баталіона, а полурота 10-й роты, 11-я и 12-я роты правѣе и впереди этого баталіона. Интервалъ между правымъ флангомъ 1-й полуроты 9-й роты, и лѣвымъ флангомъ полуроты 10-й роты, т. е. все пространство передъ фронтомъ 2-го баталіона заполнилось цѣпью отъ всѣхъ ротъ этого баталіона. На самомъ правомъ флангѣ находились двѣ роты 2-го стрѣлковаго баталіона.

Между тѣмъ, густыя массы турокъ храбро подавались впередъ и огонь нашихъ стрѣлковъ оказался слишкомъ слабымъ, чтобы остановить это наступленіе, произведенное съ замѣчательною стремительностью и съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ; во время этого движенія непріятельскіе горнисты, сидя на деревьяхъ, высматривали наше расположеніе и трубили атаку.

Подкрѣпленіе, которое просилъ полковникъ Гриппенбергъ, еще не прибыло, а между тѣмъ наступила рѣшительная минута; подустивъ турокъ на близкое разстояніе, полковникъ Гриппенбергъ подалъ сигналъ общей атаки — храбрые москвцы и стрѣлки бросаются въ штыки, опрокидываютъ турокъ и преслѣдуютъ до самыхъ ложементовъ, причѣмъ нѣкоторые изъ нихъ берутъ съ боя; но и на этотъ разъ, вслѣдствіе своей малочисленности, наша пѣхота принуждена была вскорѣ прекратить преслѣдованіе и возвратиться на свою позицію. Положеніе небольшого отряда полковника Гриппенберга, лишеннаго содѣйствія артилеріи и не имѣвшаго достаточнаго запаса патроновъ, было весьма затруднительно, но послѣ отбитія 3-й атаки, часть патронныхъ выюковъ, благодаря распорядитель-

ности подпоручика Самгина, была доставлена на позицію, хотя и съ чрезвычайными затрудненіями. Правда, отчаянныя усилія турокъ обратились въ ничто, благодаря изумительной стойкости нашихъ войскъ, но войска эти усталыя, голодныя, находившіяся съ ранняго утра подъ огнемъ, нуждались въ приливъ свѣжихъ силъ. Къ тому же позиція находилась подъ сильнымъ артилерійскимъ и ружейнымъ огнемъ турокъ и представляла ужасающее зрѣлище: масса убитыхъ и раненыхъ нашихъ и особенно турокъ покрывали ее почти сплошь, крики «ура» и «аллахъ» сливались въ одинъ общій гулъ, смѣшиваясь со свистомъ пуль и шумомъ артилерійскихъ выстрѣловъ. Управление людьми крайне затруднялось, такъ какъ послѣ третьей атаки перемѣшались части разныхъ ротъ.

Между тѣмъ турки, уже три раза отбитые, продолжали, однако, настойчиво бросаться на насъ по частямъ, такъ что въ промежутокъ между общими атаками производился цѣлый рядъ частныхъ.

Видя троекратную неудачу атаки нашего праваго фланга, турки собираютъ войска противъ лѣваго фланга и ведутъ новую, четвертую, атаку въ этомъ направленіи, при этомъ часть турокъ, энергично подаваясь впередъ, подошла такъ близко къ нашимъ орудіямъ, что почти нахлынула на нихъ. Тогда полковникъ Гриппенбергъ, взявъ 11-ю роту и собравъ все, что было подъ рукою, въ томъ числѣ барабанщиковъ и горнистовъ, приказалъ бить атаку и съ обнаженной саблей, бросившись впередъ, опрокинулъ турокъ; въ это же время подоспѣли, высланные генераломъ Эллисомъ, 2-я и 4-я роты 1-го стрѣлковаго баталіона и 3-я рота 4-го стрѣлковаго баталіона, которыя, примкнувъ къ лѣвому флангу московцевъ, удержали натискъ турокъ; вслѣдъ затѣмъ непріятель сталъ отступать,—было около 4-хъ часовъ пополудни и вскорѣ начались сумерки, и потому флигель-адъютантъ полковникъ Гриппенбергъ приказалъ прекратить огонь и занять прежнія позиціи.

По свидѣтельству полковника Гриппенберга, а также по показаніямъ нѣкоторыхъ нашихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, настойчивость и необыкновенное воодушевленіе, съ которыми непріятель велъ атаку, можно объяснить тѣмъ, что турки были въ состояніи опьяненія, вслѣдствіе пріема водки съ опиумомъ, остатки котораго были найдены въ турецкихъ ложементяхъ.

Около 5-ти часовъ пополудни, когда дѣло уже было кончено, прибыли высланныя подкрѣпленія, а именно, три баталіона Финляндскаго полка и лейбъ-гвардіи Павловскій полкъ. Финляндцы смѣнили московцевъ, которые отошли за батарею.

Такъ кончилось это дѣло, гдѣ менѣе пяти нашихъ баталіоновъ (2-й и 3-й Московскаго полка, 1-й стрѣлковый, 2-й стрѣлковый и часть 4-го стрѣлковаго баталіона) отбили 18 турецкихъ таборовъ, сражавшихся съ замѣчательнымъ мужествомъ и ходившихъ въ атаку съ необыкновенною рѣшительностью. Несмотря на значительное, численное, превосходство непріятеля, Московскій полкъ и стрѣлки стойко выдерживали цѣлый рядъ бѣшеныхъ атакъ и весь день сражались почти безъ всякой поддержки, такъ какъ имѣвшіеся на позиціи резервы пришлось израсходовать въ самомъ началѣ дѣла.

1-й баталіонъ Московскаго полка весь день 21-го ноября простоялъ на позиціи восточнѣе шоссе и, будучи хорошо укрытъ, не терпѣлъ отъ непріятельскаго огня. Съ самаго утра былъ слышанъ на позиціи 2-го и 3-го баталіоновъ сильный артилерійскій и ружейный огонь, и послѣ 10-ти часовъ послышались крики «ура» и «аллахъ». Желая знать, что такое тамъ происходитъ, командиръ 1-го баталіона полковникъ Мессарошъ послалъ баталіоннаго адъютанта подпоручика Хвастунова, который, спустившись на шоссе и встрѣтивъ здѣсь генерала Эллиса, получилъ приказаніе направить 1-й баталіонъ, по смѣнѣ его съ позиціи, другими частями, на соединеніе съ 2-мъ и 3-мъ баталіонами. Приказаніе это было передано полковнику Мессарошъ, но когда баталіонъ былъ смѣненъ баталіономъ Финляндскаго полка и спустился на шоссе, было уже около 10-ти часовъ вечера. Будучи встрѣченъ на шоссе генераломъ Эллисомъ, полковникъ Мессарошъ получилъ приказаніе ночевать на шоссе, а утромъ подняться на Московскую гору. Ночью на 22-е ноября и утромъ въ этотъ день два раза поднималась ложная тревога въ расположеніи Финляндскаго полка. Во время второй тревоги 2-й и 3-й баталіоны Московскаго полка были высланы генераломъ Эллисомъ на позицію, причемъ людямъ пришлось вылить на землю уже приготовленную пищу, но вскорѣ части этого полка вернулись обратно.

Потери наши за все время боя состояли изъ двухъ офицеровъ убитыхъ, трехъ раненыхъ и одного контуженнаго и 45-ти убитыхъ и 130 раненыхъ нижнихъ чиновъ. Убиты 2-й батареи лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады поручикъ Типольдъ и Московскаго полка портупей-юнкеръ Гавеманъ, ранены: Московскаго полка капитанъ Дела-Валь-Велькъ, поручикъ Дмитріевъ и подпоручикъ Войницкій, умершій отъ ранъ въ тотъ же день, и контуженъ 2-го стрѣлковаго баталіона Геннингсъ.

Послѣ этого дѣла турки уже ни разу не предпринимали серьез-

ныхъ наступательныхъ операцій и обѣ стороны продолжали занимать свои позиціи, до прибытія къ намъ подкрѣпленій послѣ паденія Плевны, когда явилась возможность перейти въ рѣшительное наступленіе.

Такимъ образомъ, къ двадцатымъ числамъ ноября вся линія Балканъ отъ Златицы до Арабъ-конака была прочно занята нами.

На другой день послѣ арабъ-конакского дѣла, 22-го ноября, Мехмедъ-Али былъ смѣненъ и вмѣсто его главнокомандующимъ комарційской арміей назначенъ Шакирь-паша.

Къ этому времени турецкая армія получила новыя подкрѣпленія изъ Босніи и состояла изъ 52-хъ баталіоновъ, 10-ти эскадроновъ регулярной конницы, 500 черкесовъ и 10-ти батарей, т. е. до 25,000 пѣхоты, 1,300 всадниковъ и 60-ти орудій.

Въ отрядѣ генерала Гурко въ это же время состояло: 43 баталіона, 174 орудія и 5,000 сабель; считая наши баталіоны силою около 700 человѣкъ, получимъ, что у насъ пѣхоты было около 30,000 противъ 25,000 турецкой пѣхоты, количествомъ орудій мы превосходили турокъ безъ малаго въ три раза (174 орудія противъ 60-ти) и, наконецъ, конницы мы имѣли почти въ четыре раза больше (5,000 противъ 1,300), чѣмъ наши противники. Что касается организаціи войскъ, то всѣ преимущества въ этомъ отношеніи были на нашей сторонѣ, такъ какъ у турокъ баталіоны не были сведены въ высшія единицы и они ощущали сильный недостатокъ въ офицерахъ. Правда, нѣкоторыя части турецкой арміи, именно, редифы и баталіоны, прибывшіе изъ Босніи, въ дѣлахъ 16-го, 17-го и 21-го ноября показали себя доблестными воинами; за то войска, состоявшія изъ мустахфизовъ, далеко не проявили должныхъ воинскихъ доблестей, а арабскій мустахфизъ въ дѣлѣ 16-го ноября только при помощи фухтелей былъ выведенъ изъ-за закрытій, въ которыя, впрочемъ, онъ вскорѣ и вернулся. Такимъ образомъ и въ нравственномъ отношеніи перевѣсъ былъ на нашей сторонѣ; наши войска, гордя одержанными успѣхами надъ турками, хотя иногда и купленными слишкомъ дорогою цѣною, были воодушевлены наилучшимъ образомъ, и съ такими войсками можно было рѣшиться на самое смѣлое предпріятіе. Большая часть отряда состояла изъ гвардейскихъ войскъ, превосходно вооруженныхъ и имѣвшихъ отличную тяжелую артилерію, армейскія же части, входившія въ составъ отряда, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ могли быть поставлены на-

Т. ССІІ.—Отд. I.

равнѣ съ гвардіей. Наконецъ, войска, какъ гвардейскія, такъ и армейскія, имѣли превосходный составъ офицеровъ.

Что касается выгодъ мѣстности, то они находились на сторонѣ турокъ, занимавшихъ сильныя и хорошо укрѣпленныя позиціи, фронтальныя атаки которыхъ, разумѣется, не могли обѣщать успѣха. Изъ всѣхъ другихъ способовъ наилучшимъ казалось бы, сосредоточивъ значительныя силы противъ важнѣйшей части непріятельской позиціи, овладѣть этой частью открытой силой.

Въ смыслѣ сравнительной важности, турецкая позиція раздѣлялась на двѣ части: лѣвый флангъ, ближе къ шоссе, хотя и былъ занятъ сильнымъ редутомъ, дававшимъ многоярусную оборону впереди лежавшей мѣстности, но за то наши позиціи на этомъ мѣстѣ командовали непріятельскимъ расположеніемъ, такъ что подготовка атаки артилерійскимъ огнемъ съ нашей стороны представляла многія выгоды, но самый штурмъ былъ бы затруднителенъ, а по занятіи этого участка наши войска очутились бы подъ фланговымъ огнемъ съ сильно командовавшего всею мѣстностью Шандорника.

Правый флангъ турецкой позиціи, укрѣпленный не менѣе сильно, чѣмъ лѣвый, составлялъ тактический ключъ всей ихъ линіи, такъ какъ съ захватомъ Шандорника открывалась внутренность всѣхъ турецкихъ укрѣпленій, гдѣ, такимъ образомъ, трудно было бы держаться послѣ занятія его нашими войсками. Конечно, атака Шандорника было предпріятіе не легкое, но позиція эта, хотя и очень сильная, имѣла и свои слабыя стороны. Крутыя скаты высотъ хотя и затрудняли наступленіе, но за то уменьшали дѣйствіе огня, а густыя облака, почти постоянно окружавшія вершину Шандорника и мѣшавшія наблюденію за дѣйствіями наступающихъ, давали возможность скрытно подойти къ укрѣпленію. Сообщение редута съ тыломъ позиціи происходило по краю обрыва, было неудобно и затрудняло энергическое содѣйствіе резерва. Наконецъ, атака трехъ слабыхъ ротъ псковцевъ 17-го ноября показала нѣкоторыя неудобства расположенія Гюльдизъ-таби. Съ другой стороны, надо было предполагать, что турки, зная важность этого пункта, безъ сомнѣнія, употребятъ всѣ усилія, чтобы удержать его въ своихъ рукахъ, и дѣйствительно, по показаніямъ турецкаго автора, къ 20-му ноября турки сосредоточили для обороны редута до 10-ти лучшихъ баталіоновъ; наконецъ, надо замѣтить, что подготовка атаки артилеріей была крайне затруднительна, такъ какъ наши батареи были всѣ расположены значительно ниже Гильдизъ-таби. Такимъ образомъ, взвѣсивая условія за и противъ успѣха штурма

Шандорника, нельзя не сказать, что это вопросъ весьма спорный, но ясно, что въ теченіе стоянки на горахъ зачастую представлялся случай овладѣть имъ врасплохъ, воспользовавшись густымъ туманомъ, подъ прикрытіемъ котораго войска могли близко подойти къ непріятелю безъ особыхъ потерь.

Что касается до дѣйствій на сообщенія турокъ, то съ нашими силами едва-ли возможно было предпринять дальній обходъ, рискуя раздробить свои силы и подвергнуть ихъ отдѣльнымъ неудачамъ.

Наконецъ, въ хозяйственномъ отношеніи выгоды безусловно находились на сторонѣ турокъ, имѣвшихъ у Баба-конака, въ Златицѣ и въ Софіи обширные склады всевозможныхъ запасовъ, наши же войска нуждались почти во всемъ (кромя мяса).

Подвозъ и сборъ запасовъ затруднялся для насъ дурными дорогами по крайне пересѣченной мѣстности и, если бы не запасы, брошенные турками во Врачешкѣ, то трудно сказать, чѣмъ продовольствовались бы наши войска.

Сводя все сказанное выше, нельзя не замѣтить, что успѣшный переходъ черезъ Балканы былъ бы весьма выгоденъ, если бы даже не удалось развить дальнѣйшія дѣйствія. Во-первыхъ, наши войска избавились бы отъ необходимости провести цѣлый мѣсяцъ на вершинахъ горъ въ суровое зимнее время, что сохранило бы силы отряда и уменьшило число заболѣвшихъ и пострадавшихъ отъ морозовъ, во-вторыхъ, войска приобрѣли бы обширный районъ для довольствія, квартирнаго расположенія и проч.

Но согласно общихъ соображеній, отряду генерала Гурко приказано было приостановить наступленіе и дѣйствовать осторожнѣе въ ожиданіи паденія Плевны; тогда то началась продолжительная, около мѣсяца, стоянка на вершинахъ Балканъ въ суровое зимнее время.

Время остановки отряда не было временемъ отдыха, напротивъ, войскамъ пришлось испытать множество лишеній и перенести не мало трудовъ.

Къ очерку этого періода мы теперь и обратимся.

Х. Стоянка на Балканахъ.

Приказомъ по отряду отъ 23-го ноября, позиція противъ Шандорника и Арабъ-конака была раздѣлена на два участка: правый,

къ западу отъ шоссе, и лѣвый, къ востоку отъ него. Начальникомъ перваго участка былъ назначенъ свиты Его Величества генераль-маіоръ Этеръ, а начальникомъ втораго—генераль-маіоръ Дандевиль. Общее командованіе возложено на генераль-адъютанта графа Шувалова.

Позицію предписано было занять слѣдующимъ образомъ: правый флангъ войсками 2-й бригады 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, при двухъ батареяхъ лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады; лѣвый флангъ—2-й бригадой 3-й пѣхотной дивизіи и лейбъ-гвардіи Измаиловскимъ полкомъ, при трехъ батареяхъ лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, при одной батарее лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады и четырехъ орудіяхъ 16-й конной батареи. Такимъ образомъ, вся позиція была занята 18-ю баталіонами, 48-ю девятифунтовыми и четырьмя конными орудіями.

4-й драгунскій Екатеринославскій полкъ съ двумя конными орудіями и лейбъ-гвардіи Сапернымъ баталіономъ, оставлялись въ распоряженіи графа Шувалова; отъ войскъ лѣваго фланга приказано было держать постоянно въ Этрополѣ гарнизонъ изъ одной роты. Въ общій резервъ отдѣлялись: 1-я бригада 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, гвардейская стрѣлковая бригада; три батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, три батареи лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады, двѣ батареи 3-й артилерійской бригады. Четыре полка 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи при трехъ гвардейскихъ конныхъ батареяхъ, Астраханскій драгунскій полкъ, 15-я донская казачья батарея, 8-я донская казачья батарея и конно-горная батарея; всего: 20 баталіоновъ, 64 пѣшихъ орудія, 20 эскадроновъ, 36 конныхъ орудій (въ приказѣ 23-го ноября указано 34 орудія). Общій резервъ подъ начальствомъ генерала Рауха сосредоточивался въ городѣ Орханіэ.

Затѣмъ, лейбъ-гвардіи Гренадерскій полкъ, семь сотенъ казачьихъ и два орудія, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника Любовицкаго, занимали Златицкій переваль.

Главная квартира отряда была въ Орханіэ.

Необходимо замѣтить, что составъ войскъ на позиціяхъ и въ резервѣ за время стоянки на Балканахъ не былъ постояннымъ и нѣсколько разъ измѣнялся; такъ, 2-я бригада 3-й пѣхотной дивизіи въ началѣ декабря была смѣнена на позиціи противъ Шандорника лейбъ-гвардіи Семеновскимъ и Егерскимъ полками, Преображенскій полкъ уже 8-го декабря былъ выдвинутъ изъ резерва, т. е. изъ

Орханіэ, для разработки дороги на Чурьякъ; одинъ баталіонъ Московскаго полка былъ назначенъ на позицію, противъ Шандорника, и проч.

Итакъ, мѣньшая часть отряда занимала позиціи на горахъ, а остальные войска находились въ резервѣ, и ни съ нашей, ни съ непріятельской стороны, въ теченіе почти цѣлаго мѣсяца не предпринималось никакихъ наступательныхъ дѣйствій; такимъ образомъ, можно думать, что стоянка на горахъ была временемъ отдыха для войскъ. Но такое представленіе о «сидѣннѣ» на Балканахъ, какъ о спокойномъ пребываніи, въ ожиданіи возможности спуска съ горъ, было бы совершенно ошибочнымъ. Стоянка эта была пассивна только въ стратегическомъ смыслѣ, что же касается дѣятельности войскъ, то она въ это время была весьма значительна и подчасъ развивалась до крайнихъ предѣловъ, да еще притомъ при условіяхъ чрезвычайно затруднительныхъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Во время подъема на горы и въ первые дни стоянки на нихъ снѣгъ и морозъ появлялись рѣже, хотя первый разъ снѣгъ можно было замѣтить на вершинахъ горъ 6-го—8-го ноября, во время стоянки нашего отряда въ Яблоницѣ; 16-го ноября, послѣ занятія Этрополя, снѣгъ выпалъ ночью повсемѣстно, но, пролежавъ одинъ день, растаялъ; за это же время морозы бывали только по ночамъ и были небольшіе. Но за то почти весь ноябрь стояла туманная и дождливая погода; вѣчная мгла окутывала горы, и солнце рѣдко показывалось изъ-за тучъ. Платье на людяхъ, палатки, запасныя вещи, все это пропитывалось сыростью и почти не было возможности ихъ высушить; почва сочилась подъ ногами и за отсутствіемъ подстилки, людямъ приходилось ложиться прямо въ грязь, состоящую изъ размягченной глины и буковыхъ листьевъ. Нерѣдко можно было видѣть, какъ офицерская прислуга сгребала прогнившіе, опавшіе листья и устраивала изъ нихъ какъ бы тюфяки, и такое ложе считалось весьма удобнымъ, за неимѣніемъ другаго. Трудно себѣ представить, до чего доходила всепроницающая сырость на вершинахъ Балканъ въ глубокую осень. Солнце въ южныхъ странахъ, въ описываемое время, дѣйствуетъ весьма сильно на равнинахъ, въ низменныхъ мѣстахъ и, такимъ образомъ, вслѣдствіе нагрѣванія почвы тамъ, въ долинахъ, образуется значительное количество паровъ. Ночью и утромъ небо ясно, но уже съ 10—11 часовъ дня тучи закрываютъ его. Вершины горъ, сильно охлаждааясь въ ясныя ночи отъ лучеиспусканія, приходятъ въ соприкосновеніе съ теплыми парами, поднимающимися изъ долинъ; отъ этого проис-

ходить чрезвычайно сильное охлажденіе паровъ, образующихъ обильную росу, покрывающую горы и лѣса крупными каплями. Вслѣдствіе этого замѣчалось нерѣдко явленіе дождя въ лѣсу и надъ лѣсомъ, въ то время, какъ рядомъ, на его опушкѣ, былъ только туманъ. Въ сущности и здѣсь, и тамъ происходило одно и тоже явленіе, съ тою разницею, что въ лѣсу охлажденіе паровъ шло энергичнѣе и начиналось уже на высотѣ охлаждавшихся верхушекъ деревьевъ, тогда какъ на открытыхъ мѣстахъ оно происходило на самой поверхности земли и потому не проявлялось въ видѣ дождя. Такое явленіе намъ пришлось испытать лично, во время стоянки на Преображенской горѣ съ 22-го по 28-е ноября.

Такимъ образомъ, нѣсколько разъ въ день войска испытывали своеобразное ощущеніе, находясь въ самомъ средоточіи образованія дождя: съ cadaго листа, съ каждой вѣтки падали громадныя водяныя капли; приходилось постоянно дышать паромъ, который осаждался на всемъ—на платьѣ, усахъ, бородѣ и держалъ ихъ въ состояніи обильной влажности. Изрѣдка, къ утру, земля покрывалась слоемъ снѣга, который днемъ таялъ, что окончательно превращало биваки въ сплошныя, грязныя пространства. Къ этому необходимо прибавить, что вслѣдствіе болѣе сильнаго нагрѣванія южныхъ склоновъ сравнительно съ сѣверными, пары, нагоняемые сѣверными вѣтрами, сгущались на сѣверномъ склонѣ, т. е. тамъ, гдѣ находились наши биваки. Часто недостаточно было весьма сильнаго вѣтра, чтобы прогнать тучи на южный склонъ, а когда онѣ туда попадали, то почти немедленно исчезали отъ соприкосновенія съ теплымъ потокомъ воздуха, обращавшимъ ихъ въ неуловимый паръ. Сырая и дождливая погода съ сильнымъ, пронзительнымъ вѣтромъ, господствовавшая почти весь ноябрь, въ концѣ его смѣнилась морозами; настала зима, начались въ горахъ морозы, снѣжныя метели и бури, и войскамъ пришлось испытать всѣ ужасы и невзгоды суроваго зимняго времени на вершинахъ дикихъ, неприютныхъ горъ.

Всѣ позиціи были занесены снѣгомъ, обильно выпадавшимъ и мало по малу покрывшимъ горы толстымъ слоемъ, мѣстами до сажени. Глубокій снѣгъ, морозы, метели, ясныя морозныя ночи—вотъ та обстановка, въ которой оказались наши войска съ конца ноября.

Изрѣдка, сквозь низкоходившія тучи, пробивался солнечный лучъ, чаще же царили непроглядные туманы и солнце обрисовывалось на небѣ краснымъ дискомъ. Деревья были покрыты такими массами инея, такъ что мѣстами, въ ясную погоду, бросали густую тѣнь. При этомъ войска нерѣдко испытывали рѣзкія перемены въ

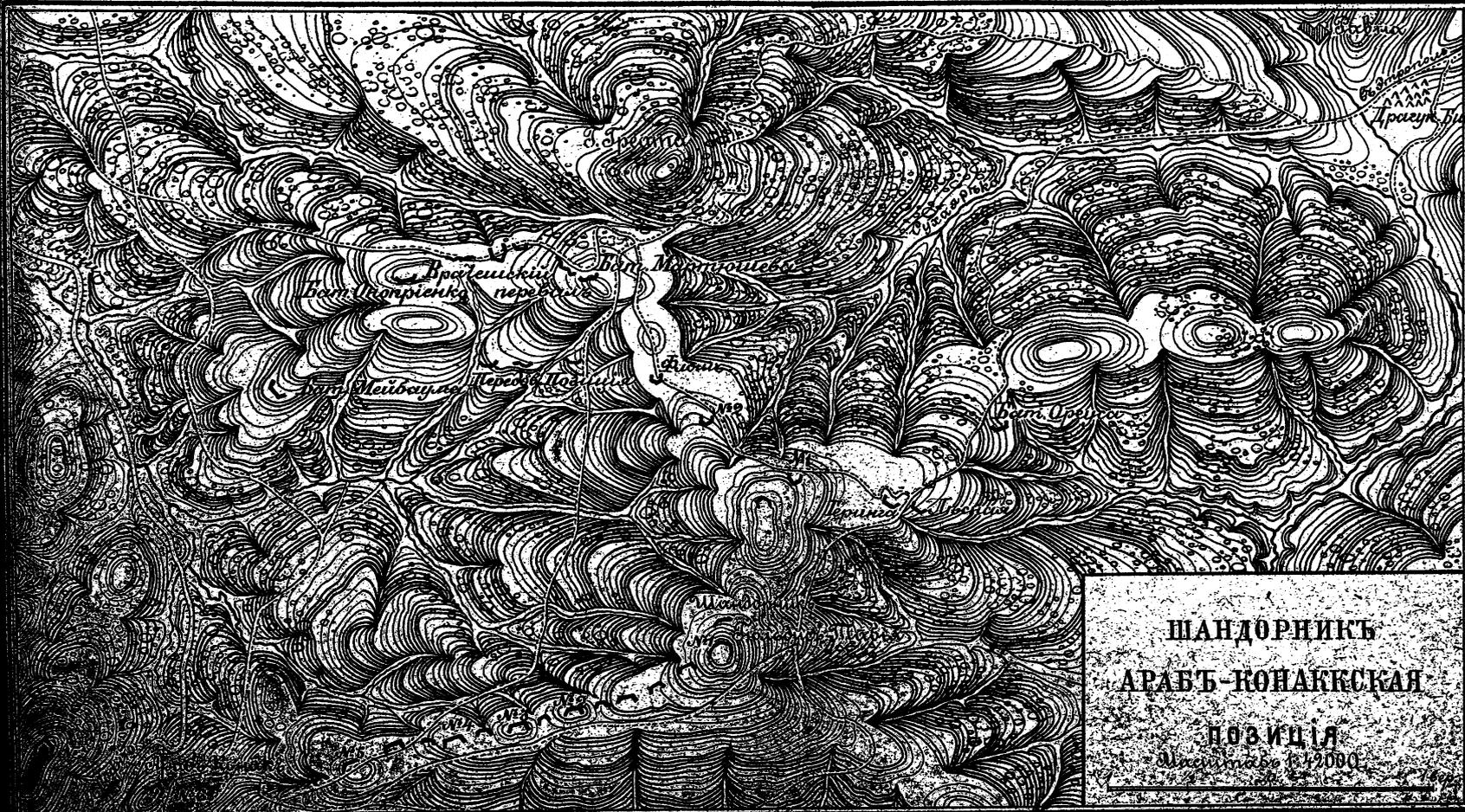
состояніи воздуха, зависѣвшія отъ исключительныхъ свойствъ горной мѣстности: до какой степени были рѣзки эти перемѣны, видно изъ слѣдующаго примѣра. У подошвы подъема на Врачешку со стороны Этрополя, у такъ называемаго драгунскаго бивака, были разбиты коновязи 4-й и 5-й батарей лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, а лошади 2-й батареи той же бригады стояли на небольшой площадкѣ, въ разстояніи менѣе версты отъ драгунскаго бивака, но значительно выше его, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога, ведущая на Шандорникъ. Случалось, что на коновязяхъ 4-й и 5-й батарей таялъ снѣгъ, тогда какъ на коновязяхъ 2-й батареи, въ то же время, ощущался морозъ.

Нерѣдко приходилось наблюдать замѣчательное явленіе, собственное горамъ, именно, испытывать нестерпимую духоту и жару на склонахъ, обращенныхъ къ солнцу, несмотря на ихъ снѣжный покровъ. При этомъ снѣгъ сыпался совершенно сухимъ, онъ только отражалъ тепловые лучи солнца и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно быстро исчезалъ. Интересъ явленія состоялъ именно въ томъ, что снѣгъ не таялъ, а прямо испарялся; это-то быстрое испареніе до того понижало температуру самаго снѣга, что послѣдній, несмотря, на слой теплаго воздуха, образующагося надъ нимъ, оставался сухимъ и рыхлымъ и весь исчезалъ безъ малѣйшаго образованія воды и даже сырости. За то присутствіе значительнаго количества водянаго пара въ воздухѣ дѣлало его чрезвычайно прозрачнымъ, отчего мельчайшія подробности были видны на огромномъ разстояніи. Что касается морозовъ, то они были вообще весьма чувствительны и даже нерѣдко доходили до 20°. Наконецъ, къ этимъ невздамъ прибавились снѣжныя метели и бури, причемъ явленіе это въ горахъ имѣло иногда грандіозно-угрожающій характеръ, какъ это было напри мѣръ, 17-го декабря, на Бабъ-горѣ, во время нахождения на ней отряда генерала Дандевиля. Особенностью этихъ бурь являлось то обстоятельство, что онѣ имѣли совершенно мѣстный характеръ, такъ что даже въ ближайшемъ сосѣдствѣ дѣйствіе бури было иногда мало ощутительно. Такъ, тѣ отряды, которые стояли на высокихъ, открытыхъ мѣстахъ, испытывали поистинѣ ужасныя мученія, а тѣ, которые были въ долинахъ или лѣсахъ, терпѣли отъ дѣйствія метели значительно меньше. Во время этихъ снѣжныхъ метелей невозможно было видѣть что-либо даже въ нѣсколькихъ шагахъ; цѣлое снѣжное море волнуется кругомъ и въ нѣсколько секундъ образуются высокіе сугробы, которые постоянно мѣняютъ свои мѣста и

наружныя формы подъ напоромъ вѣтра. При этомъ ужаснѣ всего непрерывные вихри, появляющіеся, то тутъ, то тамъ, поднимающіе огромныя массы снѣга и образующіе снѣжные смерчи, отъ которыхъ невозможно укрѣться.

Во время этихъ метелей особенно страдали люди, бывшіе въ нарядахъ и на позиціяхъ, въ дежурныхъ частяхъ, при орудіяхъ; они сильно страдали отъ стужи и вьюги, и чтобы дать имъ обогрѣться и пообѣдать, ихъ обыкновенно раздѣляли на двѣ смѣны, которыя поочередно спускались на бивакъ. Иногда метели продолжались болѣе сутокъ и тогда положеніе войска было ужасающее. Такъ, ночью съ 16-го на 17-е декабря и въ теченіе всего дня 17-го декабря свирѣпствовалъ снѣжный буранъ, длившійся 30 часовъ. Онъ особенно былъ ощутителенъ на Бабѣ-горѣ и на позиціи противъ Шандорника. На этой послѣдней, палатки, прикрѣпленныя на скалистой почвѣ, были сорваны порывомъ бури. Люди, лишившіяся крова, искали убѣжища въ тѣсныхъ и переполненныхъ уже и безъ того землянкахъ; не было возможности разводять огней, а потому 17-го декабря пища не варилась. Между тѣмъ, съ вечера 16-го декабря было отдано приказаніе, вслѣдствіе котораго съ утра 17-го декабря батареи должны были продолжать обстрѣливаніе непріятельской позиціи. Но утромъ оказалось, что исполненіе этого приказанія невозможно, такъ какъ метель не позволяла различать ничего на самомъ близкомъ разстояніи, а орудія вмѣстѣ съ ложементомъ занесло снѣгомъ. Тогда, во избѣжаніе крайней опасности, которой подвергались люди, рѣшено было снять даже дежурные взводы, что и было исполнено.

Около 12-ти часовъ дня Его Высочество принцъ Ольденбургскій, имѣя въ виду точное исполненіе полученной имъ наканунѣ диспозиціи, приказалъ 4-й батареей лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады попытаться дѣйствовать или, по крайней мѣрѣ, выпустить тѣ снаряды, которыми орудія были заряжены наканунѣ. По окончаніи стрѣльбы 16-го декабря, орудія были наведены на одну изъ непріятельскихъ амбразуръ, слѣдовательно оставалось только сдѣлать выстрѣлъ, а для исполненія этого необходимъ былъ только одинъ человекъ. Иззябшіе люди, прижимаясь другъ къ другу, укрывались отъ жестокой стужи и пронизывающаго вѣтра въ землянкахъ и чтобы не тревожить ихъ, одинъ изъ офицеровъ вызвался подняться на переваль и сдѣлать по одному выстрѣлу изъ каждаго орудія. Долго прислушивались оставшіеся на бивакѣ къ звуку выстрѣловъ, но слышался только ревъ бури, колебавшей вѣковыя де-

ШАНДОРНИКЪ
АРАБЪ-КОНАКСКАЯ
ПОЗИЦІЯ
Шкала 1:2000

наружныя формы подъ напоромъ вѣтра. При этомъ ужаснѣ всего непрерывные вихри, появляющіеся, то тутъ, то тамъ, поднимающіе огромныя массы снѣга и образующіе снѣжные смерчи, отъ ко-

отъ жестокой стужи и пронизывающаго вѣтра въ земляни и чтобы не тревожить ихъ, одинъ изъ офицеровъ вызвался подняться на переваль и сдѣлать по одному выстрѣлу изъ каждаго ружья. Долго прислушивались оставшіеся на бивакѣ къ звуку выстрѣловъ, но слышался только ревъ бури, колебавшей вѣковыя де-

ревья буковаго лѣса. Наконецъ, офицеръ вернулся и оказалось, что онъ успѣлъ сдѣлать пять выстрѣловъ, звукъ которыхъ былъ заглушенъ бурей настолько, что ничего не было слышно на бивакѣ.

Въ это же время метель эта погубила въ отрядѣ генерала Дандевилля 13 офицеровъ и 813 нижнихъ чиновъ, частью замерзшихъ, частью обмороженныхъ.

Всѣ эти неблагоприятныя условія дѣлали жизнь на горахъ крайне трудною, тѣмъ болѣе, что, при усиленномъ трудѣ, организмъ требовалъ и усиленной пищи, между тѣмъ какъ доставка продовольствія, въ особенности фуража для лошадей, была сопряжена съ значительными проволочками, затрудненіями и неправильностями, такъ что въ этомъ отношеніи положеніе бѣльшей части отряда было весьма печальное. Несмотря на ужасную погоду и скудное питаніе, отъ людей требовались огромныя усилія для исполненія множества работъ.

Приказомъ по отряду отъ 23-го ноября предписано было немедленно, не теряя ни минуты, приступить къ укрѣпленію позицій такимъ образомъ, чтобы онѣ сдѣлались неприступными; общее наблюденіе за работами возлагалось на командира лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона флигель-адъютанта полковника Скалона. При возведеніи укрѣпленій предписывалось руководствоваться слѣдующими основаніями: на каждомъ участкѣ позиціи имѣть, въ видѣ главныхъ опорныхъ пунктовъ, нѣсколько редутовъ, въ особенности на флангахъ. Батареи и ложементы на главной позиціи, составлявшей главную оборонительную линію, должны имѣть сильныя профили и такую высоту, чтобы люди могли ходить за брустверомъ, не наклоняясь. Впереди главной линіи должны были быть вынесены ложементы для стрѣлковъ, расположенныхъ не звеньями, а группами, т. е. взводами; ложементы слѣдовало вынести довольно далеко, смотря по мѣстности и по разстоянію между главною оборонительною линіею и укрѣпленіями непріятеля. Если ложементы для стрѣлковъ будутъ вынесены впередъ отъ главной оборонительной линіи на разстояніи 300 шаговъ, то позади ихъ устроить ложементы для поддержки цѣпи.

Въ мѣстахъ, гдѣ укрѣпленія проходятъ въ лѣсахъ, предписано было устроить застѣки и завалы.

Для баталіона, стоявшаго 23-го ноября между правымъ флангомъ позиціи генерала Дандевилля и софійскимъ шоссе, предписано было непременно устроить обширный редутъ съ большою профилію и внутренними траверсами. Между всѣми участками позиціи устроить внѣ выстрѣловъ и, по возможности, скрытно отъ взоровъ

непріятеля удобные пути сообщенія, по которымъ можно было бы возить даже орудія, въ особенности устроить хорошіе вѣзды на позиціи отъ шоссе, такъ какъ по нимъ предполагалось направлять на позицію снаряды, продовольствіе и поддержки.

Для производства всѣхъ этихъ работъ назначались 23-е, 24-е и 25-е ноября и во всѣ эти дни войска, назначенныя въ резервъ, должны были остаться на позиціяхъ и принять участіе въ прикрытіи работъ и въ производствѣ ихъ.

Уже изъ одного перечня работъ видно, что онѣ должны были потребовать много усилій, но къ этому необходимо еще прибавить, что въ перечень этотъ не вошло устройство землянокъ для войскъ. Большая часть земляныхъ работъ легла на пѣхоту и хотя главныя должны были окончиться 25-го ноября, но и послѣ того, почти безпрерывно, производились разныя дополнительныя работы, то поправка сдѣланнаго, то возведеніе новыхъ укрѣпленій, то устройство новыхъ дорогъ и т. д. Затѣмъ вскорѣ начали готовиться къ переходу черезъ Балканы и вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось приступить къ новымъ работамъ, вызваннымъ этой операціей. Большую часть всѣхъ работъ пришлось производить весьма спѣшно, въ самое неблагоприятное время года, въ сырую осень и суровое зимнее время, пришлось работать и сражаться въ перемежку, возводить укрѣпленія или въ туманъ или ночью и нерѣдко подъ непріятельскимъ огнемъ, притомъ не имѣя не только достаточнаго, но даже необходимаго шанцеваго инструмента. Отсюда понятно, что наши укрѣпленія далеко не всегда отличались правильностью разбивки и тщательностью отдѣлки, а иной разъ скорѣе походили на безобразныя груды земли.

Тѣмъ не менѣе, эти укрѣпленія сослужили намъ службу и были надежнымъ оплотомъ, давшимъ намъ возможность твердою ногою дѣлать мѣсяцъ выстоять противъ турецкой позиціи. При этомъ нельзя умолчать, что энергія и неутомимость нашихъ саперныхъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ по истинѣ были замѣчательны. Цѣлые дни, а нерѣдко и ночи, они проводили на работахъ, руководя общимъ ихъ веденіемъ; но наиболѣе достойно вниманія это — незнаніе нашими саперами никакихъ преградъ для исполненія дѣла. Никакая круча, никакіе утесы ихъ не останавливали и дороги прокладывались въ такихъ мѣстахъ, которыя представляли величайшія опасности для движенія даже одиночныхъ путниковъ.

Что касается самаго производства работъ, то, кромѣ вышесказанныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, онѣ затруднялись часто качествомъ грунта: подъ тонкимъ слоемъ земли обыкновенно ока-

ывалась скала или хрящевый грунтъ, такъ что часто приходилось складывать бруствера изъ одного дерна, приносимаго за нѣсколько сотъ шаговъ.

Кромѣ того, постоянно ощущался недостатокъ въ шанцевомъ инструментѣ, особенно при устройствѣ въ лѣсу заваловъ и засѣкъ. Топоровъ было совершенно для этого недостаточно, а потому пришлось обращаться къ тесакамъ, но послѣдніе оказывались весьма плохимъ инструментомъ для рубки толстыхъ и замѣчательно крѣпкихъ буковыхъ деревьевъ. Однако, за недостаткомъ лучшаго инструмента и тесаки оказались весьма полезными: нерѣдко днемъ и ночью звенѣли они на позиціяхъ и бивакахъ: ими перерубали корни деревьевъ и кустовъ, мѣшавшихъ рытью ложементовъ, или же кололи дрова, очищали хворостъ для плетней, дѣлили мясо на порціи и т. д. И хотя тесаки далеко не были удобнымъ для всѣхъ этихъ работъ инструментомъ, но все же они сослужили большую службу; къ сожалѣнію, не всѣ части войскъ ихъ имѣли: положеніе армейскихъ полковъ и четвертыхъ баталіоновъ гвардейской пѣхоты, не вооруженныхъ тесаками, было въ этомъ отношеніи незавиднымъ.

Иногда болѣе толстые стволы опрокидывались съ помощью динамита; для этого на опредѣленной высотѣ они обвѣшивались динамитными патронами, въ одинъ изъ которыхъ вставлялся фитиль и производилось воспламененіе. Вѣковой, въ $1\frac{1}{2}$ аршина въ объѣмѣ, букъ не всегда поддавался дѣйствию динамита и можно было расщепить могучій стволъ только зарядомъ, доходившимъ до 15-ти и болѣе фунтовъ.

Приходилось иногда работать и подъ непріятельскимъ огнемъ; такъ, напримѣръ, 23-го ноября 1877 года, при прокладкѣ дороги съ позиціи генерала Дандевилля къ позиціи графа Шувалова, саперы и саперы почти цѣлый день работали подъ гранатами; 28-го ноября, утромъ, во время тумана, заложенъ былъ редуть на правомъ флангѣ позиціи генерала Рауха. Когда къ объѣду туманъ разсѣялся, то по рабочимъ былъ открытъ сильный артилерійскій огонь.

Устройство сообщеній тоже сопряжено было съ большими трудностями: приходилось дѣлать просѣки, работать въ скалѣ, выворачивать громадные камни, дѣлать ступеньки въ гололедицу и т. п.

Дороги должны были имѣть достаточную ширину для передвиженія, какъ пѣхоты, такъ и орудій, необходимую пологость и, наконецъ, должны были быть, по возможности, скрыты отъ взоровъ непріятели.

Разумѣется, каждое изъ приведенныхъ условій удовлетворялось

лишь по столько, по сколько это было возможно въ данной обстановкѣ. Примѣромъ быстраго, чисто боеваго, устройства пути можетъ служить прокладка дороги, 20-го ноября, отъ «Лѣсной» батареи на высоту противъ Шандорника, считавшуюся почти недоступною.

Полковникъ Скалонъ и капитанъ князь Аргутинскій-Долгоруковъ, осмотрѣвъ эту высоту, немедленно приступили къ разстановкѣ саперъ, изъ которыхъ образовалась какъ бы живая лента, опредѣлившая направленіе пути. Затѣмъ между саперами были поставлены двѣ роты Великолукскаго полка, началась работа и черезъ три часа дорога была готова. Вмѣстѣ съ этимъ штабсъ-капитанъ Ренгартенъ былъ посланъ со своею ротой на верхъ; тамъ засвѣтло была протрассирована батарея, а къ утру она была уже готова. Кромѣ инженерныхъ работъ войска имѣли еще множество занятій, такъ что для отдыха бѣльшею частью оставалось очень мало времени, примѣрно около восьми часовъ въ сутки.

Работы эти заключались въ посылкѣ командъ за сухарями, снарядами, патронами и проч., въ рубкѣ для костровъ лѣса, разведеніи и поддержаніи костровъ, оцѣпленіи пригнаннаго на убой скота и т. д., а съ конца ноября и въ очисткѣ биваковъ, дорогъ и позицій отъ снѣга, толстыми слоями покрывавшаго горы, затѣмъ уже остальное время посвящалось отдыху, но не беззаботному, а съ извѣстными предосторожностями, чтобы не замерзнуть или не промокнуть отъ обильно выпадавшихъ дождей и таявшаго снѣга.

Чтобы дать понятіе о массѣ труда, потраченнаго на инженерныя работы, приведемъ очеркъ этихъ работъ, произведенныхъ на позиціи противъ Шандорника и на такъ называемой Финляндской горѣ.

24-го ноября, по приказанію генераль-адъютанта Гурко, сверхъ уже существовавшихъ на позиціи противъ Шандорника укрѣпленій, было приступлено къ постройкѣ еще новаго укрѣпленія, а именно, редута на одинъ баталіонъ и два орудія правѣе и футовъ на 200 выше батареи Геринга; постройка этого редута сопряжена была съ огромными затрудненіями, такъ какъ изъ-подъ почвы мѣстами выступала скала, вслѣдствіе чего рыть ровъ не оказалось никакой возможности и пришлось весь редуть сложить изъ приноснаго дерна. Кромѣ этой чрезвычайно утомительной работы часть людей Семёновскаго полка была занята устройствомъ засѣки на заднемъ фасѣ редута, а также передъ фронтомъ и на лѣвомъ флангѣ позиціи. Вся работа 24-го, 25-го и 26-го ноября производилась въ густомъ туманѣ, ориентироваться было весьма трудно, что и имѣло вліяніе на самую постройку укрѣпленія, фасы котораго оказались не совсѣмъ

вѣрно направленными, когда, наконецъ, погода разъяснилась и позволила видѣть расположеніе верховъ противника.

Ожесточенная атака турокъ на Финляндскую гору, въ теченіе боя 21-го ноября, показала, что они придавали большое значеніе захвату этого мѣста, а потому и съ нашей стороны необходимо было обратить особое вниманіе на прочное удержаніе ея въ нашихъ рукахъ. Прежде всего нужно было увеличить размѣръ батареи, устроенной еще лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ, такъ какъ 24-го ноября ожидалась доставка на гору еще шести орудій; необходимъ былъ высокій боковой траверсъ при ней, для прикрытія орудій отъ тыльных выстрѣловъ; далѣе предстояло вооружить батарею, усилить профили ложементовъ, мѣстами вырубить лѣсъ и кусты, сдѣлать засѣки, построить для батареи пороховой погребъ и т. д. Вся эта програма работъ была выполнена, но весьма постепенно, вслѣдствіе крайняго недостатка въ шанцевомъ инструментѣ, каменистаго грунта, проливныхъ дождей, а потомъ и морозовъ. Еще въ ночь на 24-е ноября доставлено было на гору шесть орудій, такъ что ихъ всего оказалось 10. Изъ нихъ восемь употреблены были на вооруженіе батареи, оконченной 26-го ноября, а остальные два оставались въ резервѣ.

При первоначальномъ занятіи горы лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ предположено было возвести еще одну батарею на два орудія на самой выдававшейся впередъ точкѣ высоты. Къ 24-му ноября эта батарея дѣйствительно была окончена, но осталась не вооруженною, такъ какъ командующій лейбъ-гвардіи Финляндскимъ полкомъ, полковникъ Шмидтъ, признавалъ положеніе ея слишкомъ рискованнымъ—она приходилась всего въ 150-ти шагахъ позади ложементовъ, наиболѣе подверженныхъ внезапнымъ атакамъ непріятеля, слѣдовательно малѣйшее колебаніе цѣпи, случайный ея прорывъ, могли поставить батарею въ опасное положеніе. Прибѣгнувъ, для лучшаго обезпеченія батареи къ дальнему выдвиженію ложементовъ впередъ было невозможно, потому что они и такъ уже были въ 180-ти шагахъ отъ непріятельскихъ окоповъ. Батарея эта впоследствии была передѣлана въ траверсъ для люнета. Возведеніе этой батареи не обошлось безъ потерь: едва выведена была первая сѣна рабочихъ и раздались удары лопать для разрыхленія мерзлой почвы, какъ непріятель пустилъ двѣ гранаты и изъ 20-ти рабочихъ 8 было убито и ранено.

Ложементы на горѣ, вырытые, какъ уже сказано было, лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ, спѣшно, почти во время боя, были

недостаточной профили. Поэтому, начиная съ 24-го ноября и до 8-го декабря, роты, назначаемыя на службу, брали съ собою весь имѣвшійся въ полку шанцевый инструментъ и, по указанію командующаго полкомъ, исправляли какъ направленіе линіи ложементовъ, такъ и профили ихъ.

Къ 8-му декабря на Финляндской горѣ исполнены были слѣдующія фортификаціонныя работы: линія ложементовъ длиною 1,000 шаговъ; въ 75-ти шагахъ за исходящимъ угломъ, который образовала эта линія,—окопъ для резерва на роту (фланги этого окопа упирались въ ложементы фасовъ); шаговъ 100 за окопомъ—люнетъ съ флангами на двѣ роты; въ 200 шагахъ за люнетомъ, фронтомъ къ юго-востоку,—батарея на восемь орудій съ блиндажемъ и высокимъ траверсомъ; на правомъ флангѣ: невдалекѣ отъ батареи и укрыто—блиндированный накатникомъ и землю пороховой погребъ; на фасахъ, шагахъ въ 20—30 впереди ложементовъ,—мѣстныя засѣки; въ промежуткахъ между ложементами—переносныя.

Не удалось только сдѣлать засѣки впереди исходящаго угла, вслѣдствіе невозможности работать въ такой близи отъ непріятеля. Вообще засѣки были незначительны и не могли быть выдвинуты вперёдъ болѣе 30-ти шаговъ, такъ какъ далѣе начинались кручи. Впослѣдствіи, когда выпалъ снѣгъ и наступили вьюги, засѣки совершенно занесло и образовались большіе сугробы снѣга, совершенно обезпечившіе отъ атакъ. Къ дальнѣйшимъ работамъ слѣдуетъ отнести очищеніе отъ лѣса и кустарника площадокъ впереди резервнаго окопа, люнета, батареи и прорубку двухъ засѣкъ, по которымъ вели дорожки съ бивака къ крайнимъ флангамъ ложементовъ.

Работать одною лопатой, при хрящевомъ грунтѣ, сначала размягченномъ дождемъ, потомъ промерзшемъ, было крайне трудно: ломовъ совсѣмъ не было, кирокъ мало и поэтому для земляныхъ работъ пускались въ ходъ топоры и тесаки. Каждый комъ земли приходилось сперва отбивать и потомъ руками перебрасывать или переносить. Дерна почти не было, такъ что внутренности брустверовъ одѣвались плетнемъ; жерди и хворостъ для него рубились тесаками, потому что топоровъ въ полку было не болѣе 50-ти, да и тѣ совершенно затупились и зазубрились, при работахъ въ хрящевой землѣ, наполненной корнями кустовъ и деревьевъ; тесаки ломались. Понятно, что при такихъ условіяхъ работы не могли двигаться быстро; сравнительно, онѣ шли успѣшнѣе въ туманные дни, когда была увѣренность въ томъ, что турки своими выстрѣлами не будутъ мѣшать рабочимъ.

Перечислимъ главныя изъ устроенныхъ нами укрѣпленій и начнемъ съ лѣваго фланга. Къ концу ноября позиціи противъ Шандорника—Арабь-конака были нами укрѣплены весьма сильно и на этомъ протяженіи мы имѣли слѣдующія постройки:

1) На крайнемъ лѣвомъ флангѣ и уступомъ за нимъ стояла батарея Ореуса, она предназначалась исключительно для защиты дороги въ городъ Этрополь и была расположена на неприступномъ съ трехъ сторонъ уступѣ скалы. Вооруженіе ея состояло изъ двухъ 4-хъ-фунтовыхъ орудій 16-й конной батареи, при одной ротѣ Семеновскаго полка; батарея эта могла дѣйствовать и по Шандорнику на разстояніи до 1,500 сажень.

2) Батарея *Льсная* стояла на краю глубокаго оврага и предназначалась исключительно для фланкированія подступовъ къ батареѣ Геринга, правѣе ея расположенной; вооружена она была: двумя 4-хъ-фунтовыми орудіями 16-й конной батареи и при нихъ находились три роты лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

3) Батарея Геринга—шесть орудій 9-ти-фунтовыхъ 2-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, сильной профили, съ граншеями для ружейной обороны съ обѣихъ сторонъ; при батареѣ находился цѣлый баталіонъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Батарея дѣйствовала по Шандорнику на 650 сажень, но при условіяхъ, довольно невыгодныхъ для стрѣльбы снизу вверхъ, на высоту, превышающую ее, по крайней мѣрѣ, на 500 футовъ.

4) Семеновскій редутъ № 1-го, вооруженный двумя 9-ти-фунтовыми орудіями той же батареи и занимавшійся однимъ баталіономъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Редутъ имѣлъ сильную профиль съ фронта и съ фланговъ; съ тылу же онъ былъ прикрытъ засѣкою и находился на пологомъ гребнѣ, спускавшемся съ Шандорника и дѣйствовалъ по немъ на разстояніи 600 сажень, при нѣсколько лучшихъ условіяхъ, чѣмъ батарея Геринга, такъ какъ самъ находился на 200 футъ выше ея.

5) Семеновскій редутъ № 2-го, занятый двумя ротами Семеновскаго полка, и

6) Семеновская флешъ, расположенная правѣе этого редута. Оба укрѣпленія находились на совершенно открытой опушкѣ лѣса и охраняли довольно значительное открытое пространство, отдѣлявшее нашъ лѣвый флангъ отъ такъ называемой право-фланговой позиціи у горы Врачешки; слѣдовательно, они служили связью между обѣими частями нашей позиціи восточнѣе шоссе, т. е. между

отрядомъ генерала Рауха (въ послѣдствіи) его высочества принца Ольденбургскаго, и генерала Дандевилля.

Въ оврагѣ впереди нашего лѣваго фланга на протяженіи до двухъ верстѣ были устроены засѣки и завалы. Право-фланговая позиція состояла изъ слѣдующихъ укрѣпленій:

7) Батарея Мартюшева — восемь 9-ти-фунтовыхъ орудій 5-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, за сильнымъ эполементомъ, къ которому справа примыкаль.

8) Редуть, занимавшійся двумя ротами лейбъ-гвардіи Егерскаго полка. Батарея дѣйствовала по всѣмъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ, стрѣляя на разстояніе отъ 1,500 до 1,700 сажень.

9) Далѣе, вправо слѣдоваль длинный рядъ ложементовъ и между ними одинъ люнетъ, занимавшійся частями лейбъ-гвардіи Егерскаго полка.

10) Впереди этихъ ложементовъ на уступѣ горы находились выдвинутые впередъ на 200 сажень ложементы нашей передовой позиціи, занимавшей однимъ баталіономъ егерей.

11) Батарея Онопріенко — восемь 9-ти-фунтовыхъ орудій 4-й батареи лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады, и по обѣимъ сторонамъ стрѣлковые ложементы, занимаемые однимъ баталіономъ егерей; батарея эта, такъ же какъ и батарея Мартюшева, могла дѣйствовать по всѣмъ турецкимъ укрѣпленіямъ, бросая снаряды на 1,700—2,100 сажень.

12) Наконецъ, на крайнемъ правомъ флангѣ, близъ софійскаго шоссе, выступомъ впередъ и до 1,000 футовъ ниже предъидущей батареи, построень былъ Московскій редуть или батарея Мейбаума, занятая четырьмя 9-ти-фунтовыми орудіями лейбъ-гвардіи 2-й артилерійской бригады и при нихъ 4-й баталіонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Батарея эта дѣйствовала исключительно по Арабь-конаку, стрѣляя на 1,700 сажень и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на болѣе близкое разстояніе, обстрѣливая софійское шоссе и доступы къ нему. Что касается до укрѣпленій праваго фланга нашей позиціи, то объ этомъ уже сказано выше.

Перейдемъ теперь къ вопросу о продовольствіи отряда. Въ деревнѣ Врачешкѣ, при отступленіи оттуда Шакира, найдено было въ турецкихъ складахъ около 20,000 пудовъ пшеничной муки. Этотъ запасъ оказался чрезвычайно полезнымъ для обезпеченія продовольствія отряда, скудно снабжавшагося интендантствомъ. Прежде всего генераль-адъютантъ Гурко приказаль войскамъ приступить немедленно къ устройству хлѣбопекарныхъ печей въ Орхайнѣ, для

чего назначены были особыя команды, при штабъ и оберъ-офицерахъ отъ частей войскъ отрядовъ графа Шувалова и генерала Рауха. Отряды генерала Дандовиля и златицкій, а также Кавказская казачья бригада должны были получать сухари отъ отряднаго интенданта въ деревнѣ Осиково; кавалерія — изъ Врацы. Что касается мяса, то, во-первыхъ, приказано было гвардейской конницѣ пригнать изъ Врацы и окрестностей 300 головъ для раздачи войскамъ, за установленную цѣну, а кромѣ того предписывалось коменданту города Этрополя войти съ требованіемъ къ мѣстнымъ властямъ о непрерывной доставкѣ скота за извѣстное, заранѣе опредѣленное вознагражденіе. Завѣдующимъ всѣмъ тыломъ назначенъ былъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка полковникъ Доманіевскій. Обязанности его заключались въ направленіи всѣхъ транспортовъ и обозовъ, отправкѣ раненыхъ и больныхъ и въ наблюденіи за всѣми лазаретами и другими тыловыми учрежденіями. Онъ также долженъ былъ устроить въ тылу этапные пункты и завѣдывать всѣми комендантскими управленіями. Но, несмотря на невѣроятныя усилія отряднаго штаба, пищею войска были обеспечены далеко не въ достаточной степени.

Замѣтимъ, прежде всего, что эта пища варилась каждымъ солдатомъ въ отдѣльности, въ котелкахъ, которые хотя и обладали превосходными походными качествами, но были неудобны, какъ и, понятно, тѣмъ, что пища въ нихъ не могла имѣть хорошаго навару. Затѣмъ очень часто соли или вовсе не имѣлось или отпускалось ея недостаточно, а поэтому во вкусовомъ отношеніи пища была неудовлетворительна и мясо пріѣдалось до такой степени, что нѣкоторые люди не могли его въ ротъ взять. Въ количественномъ отношеніи продуктовъ тоже было недостаточно. Такъ, главнѣйшаго изъ предметовъ продовольствія солдата — сухарей, которые часто замѣнялись непривычными турецкими галетами, выдавалось сначала по 1½ фунта, а съ 8-го декабря 1877 года лишь по фунту на человѣка въ сутки. Не говоря о томъ, что при усиленной работѣ этого количества было совершенно недостаточно, надо еще замѣтить, что люди, вслѣдствіе отчасти безпечности, отчасти голода, а также томительной службы на аванпостахъ, съѣдали свои сухари неразсчетливо, забывая о времени, на которое они были выданы, и что не всегда удавалось предупредить, несмотря на частый контроль начальниковъ; тогда обыкновенно наступало состояніе настоящаго голода, при которомъ солдатъ жертвовалъ послѣднею копѣйкой или самымъ дорогимъ своимъ достояніемъ, чтобы пріобрѣсти галету у артиле-

риста (который легче могъ хранить и перевозить запасы) или лепешку хлѣба у болгарина. Меньшій недостатокъ ощущался въ мясѣ; по крайней мѣрѣ его отпускали бѣльшею частью вдоволь, хотя доставлялся скотъ не всегда акуратно. При недостаткѣ соли, неискусной, частой спѣшной варкѣ и маломъ количествѣ хлѣба, говядина не могла удовлетворить потребностей солдата, и, какъ сказано выше, нерѣдко претила людямъ.

Водка (жидкій спиртъ) выдавалась не часто, по полчарки на человѣка, причеиъ была разбавлена на половину водой; солдаты предпочитали пить въ чистомъ видѣ по $\frac{1}{4}$ чарки. Вскорѣ офицеры замѣтили, что крѣпкая водка была часто причиною обмороживаній, такъ какъ люди съ ослабленнымъ организмомъ скоро засыпали подѣ влиянiемъ выпитаго спирта, а потому, по совѣту врачей, стали его разбавлять двойнымъ и тройнымъ количествомъ воды и выдавали его сами ротные командиры послѣ обѣда. Впрочемъ, отъ водки нерѣдко люди сами отказывались, такъ какъ румынскiй спиртъ, изъ котораго ее дѣлали, разбавляя его водой, былъ отвратительнаго вкуса. Поэтому, если было возможно, то спиртъ охотно замѣняли чаемъ.

Что касается фуража, то въ немъ ощущался большой недостатокъ: купить негдѣ и не у кого, а за добычей приходилось посылать за цѣлыя десятки верстъ, причеиъ всякая посылка сопровождалась огромною работою спуска съ горъ и подъема лошадей на верхъ съ тяжелою пошей, а кромѣ того нерѣдко фуражиры подвергались нападенiю баши-бузуковъ. Бывали и такiе случаи, что поднявшаяся вьюга, застававшая команду въ горахъ, срывала все собранное со спицъ лошадей и фуражиры возвращались съ пустыми руками. Найденный во Врачешкѣ ячмень нѣсколько пособилъ довольствию лошадей.

Насколько затруднительно было сообщенiе войскъ, стоявшихъ на позицiяхъ съ тыломъ, видно изъ слѣдующаго примѣра: съ 16-го ноября обозъ и все хозяйство Финляндскаго полка оставались въ Этрополѣ, между тѣмъ какъ полкъ съ 23-го ноября занималъ Финляндскую гору; единственно возможное сообщенiе, черезъ Правецъ и Орханiэ по шоссе, было заграждено двигавшимися по немъ транспортами, артилерiею и обозами другихъ частей. Только 28-го ноября настала очередь облегченному обозу изъ Этрополя пройти по шоссе и остановиться у Орханiэ, слѣдовательно въ 10-ти верстахъ отъ позицiи. Пользуясь этимъ, внизу на шоссе подѣ Финляндскою горой, у перевязочнаго пункта, устроенъ былъ полковой складъ продовольствiя, куда, на облегченныхъ повозкахъ, привозилось все

принятое изъ интендантскихъ транспортовъ, стоявшихъ у Орханіа, Правца и Осикова.

Въ началѣ декабря, обозъ 3-го разряда и хлѣбопеченіе были переведены изъ Радомирць въ Орханіа и хотя тамъ выпекали много хлѣба, но войска его не получали, потому что онъ предназначался для раздачи подкрѣпленіямъ, ожидавшимся изъ-подъ Плевны.

Галеты, отбитые у турокъ, получались въ мѣшкахъ и принимались, конечно, безъ брака и сортировки, а между тѣмъ часть ихъ оказывалась всегда прогнившюю и покрытою плѣсенью. Отпускъ ограничивался иногда одною галетою вѣсомъ около 20-ти золотниковъ въ день на человѣка. Сдѣлана была попытка доставки сухарей на вьючныхъ лошадяхъ и пригонка скота, съ тѣмъ, чтобы бить его на горѣ, но попытка эта совсѣмъ не удалась; изнуренныя голодомъ животныя падали отъ изнеможенія, не пройдя и половины пути, такъ что торопились прирѣзать быковъ, чтобы они не пропали даромъ. Изрѣдка отпускался чай, по расчету отъ двухъ до трехъ манерокъ въ роту на двѣ недѣли. При этомъ каждый разъ предписывалось расходовать его бережно. Но такъ какъ, по неимѣнію помѣщенія для храненія, все принятое количество раздавалось людямъ на руки, немедленно по пріемѣ, то, конечно, уже черезъ нѣсколько дней ни у кого чая не оказывалось. Его также варили въ котелкахъ и жадно пили въ прикуску съ галетою, такъ какъ сахара было немного.

Воды на горахъ не было, первые дни черпали ее изъ лужъ, образовавшихся отъ дождей, а когда отъ густыхъ тумановъ и начавшихся заморозковъ на кустахъ и деревьяхъ показался иней, то онъ давалъ уже лучшую воду. Потомъ стали пользоваться огромными ледяными сосульками, образовавшимися на деревьяхъ; при сильномъ вѣтрѣ онѣ обламывались и съ грохотомъ падали, засыпая палатки. Услышавъ этотъ шумъ, люди сбѣгались и манерками собирали эту благодать. Наконецъ, когда выпалъ снѣгъ, то его начали употреблять вмѣсто воды. Добытая названными средствами вода шла преимущественно на питье и варку, такъ какъ въ теченіе всего пребыванія на горахъ мало кто мылся, по неимѣнію воды и въ виду того, что послѣ мытья кожа отъ холода растрескивалась и причиняла страшную боль; бѣлье также мыли очень рѣдко.

Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивались затрудненія по продовольствію отряда; такъ, на примѣръ, когда Семеновскій полкъ нуждался въ сухаряхъ, то приказано было поднять ихъ къ Шандорнику на лошадяхъ Екатеринославскаго драгунскаго полка,

но люди послѣдняго всѣ были въ расходѣ, а потому сухари были доставлены на рукахъ болгарами изъ Этрополя. Здѣсь должно замѣтить, что продовольствіе нѣкоторыхъ очень немногихъ частей было отряднымъ исключеніемъ изъ общаго числа. Такъ, въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку, благодаря заботливости и распорядительности офицеровъ, завѣдывавшихъ хозяйствомъ (квартирмейстера капитана Оберучева и казначея поручика Кутепова), люди ежедневно получали по манеркѣ сухарей (около фунта), по 2—3 фунта мяса и по чаркѣ водки.

Точно также и въ батареяхъ лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады люди не испытывали ни малѣйшаго лишенія относительно продовольствія; благодаря достаточнымъ перевозочнымъ средствамъ, представлялась полная возможность доставить на горы сухари и галеты изъ складовъ, сосредоточенныхъ въ Этрополь и Врачешкѣ.

Въ началѣ декабря съ особою настойчивостью принимались мѣры для накопленія сухарныхъ запасовъ: приказомъ по отряду генерала Рауха во Врачешкахъ 3-го декабря (пункты 1, 3, 4, 5) и 8-го декабря было предписано всѣмъ частямъ доставить прямо въ штабъ генерала Гурко свѣдѣнія объ имѣющемся количествѣ сухарей, какъ на людяхъ, такъ и въ складахъ. Сухари можно было получать только изъ Осикова, крупу—изъ Орханіа и Правца. Частямъ, стоявшимъ на горахъ, разрѣшалось расходовать на продовольствіе лошадей консервы.

Всѣ части артилеріи, которыя по какимъ бы то ни было причинамъ израсходовали свои конскіе консервы, пополняли свои запасы до размѣра четырехъ-суточной дачи.

Проявившаяся въ войскахъ недостаточная бережливость въ расходованіи сухарей и необходимость во что бы то ни стало найти средство для обезпеченія продовольствія войскъ, вызвали слѣдующіе приказы генераль-адъютанта Гурко:

«1) Замѣчено мною, что, несмотря на неоднократныя подтвержденія, многія части относятся съ крайнею небрежностью къ правильному расходованію сухарнаго запаса, вслѣдствіе чего отпускаемое количество сухарей выходитъ гораздо скорѣе, чѣмъ бы то слѣдовало. Подобное небрежное обращеніе съ сухарями разстраиваетъ всѣ расчеты и грозитъ поставить войска почти въ безвыходное положеніе. Еще разъ обращаю вниманіе всѣхъ начальниковъ, а въ особенности ротныхъ командировъ, на этотъ до крайности важный предметъ. Предупреждаю, что если войска съѣдятъ отпускаемую порцію сухарей раньше положеннаго времени, то, несмотря на на

какія просьбы, ранѣе положеннаго времени сухарей они не получаютъ и будутъ вовсе безъ нихъ. Еще съ бѣльшею небрежностью войска обращаются съ галетами. Галеты эти должны идти взамѣнъ сухарей, а не въ прибавку, должны показываться къ зачету по отчетнымъ листамъ и выдаваться въ той же порціи, какъ и сухари.

«2) Предписываю всѣмъ ротнымъ и батарейнымъ командирамъ дѣлать утромъ и вечеромъ переключки людямъ, при этомъ лично осматривать ружья, одежду, обувь и запасъ сухарей. Если окажется, что какой-либо нижній чинъ потерялъ или съѣлъ свои сухари раньше срока, то оставлять его безъ сухарей до слѣдующей порціи. Предписываю приучить людей къ правильному расходованію сухарей и отнюдь не давать имъ въ этомъ отношеніи потачки. Предписываю быть осмотрительнымъ къ требованіямъ на предметы довольствія и не требовать излишняго количества сухарей, а только на наличное количество чиновъ, въ противномъ случаѣ виновные подвергнутся начету и взысканію».

Вмѣстѣ съ этимъ начальникъ отряда приказалъ: 1) полученные изъ складовъ въ деревнѣ Врачешкѣ муку, галеты, сухари, ячмень и овесъ записывать на приходъ по отчетнымъ листамъ и всѣ требованія войскъ на названные продукты препровождать въ интендантство для учета. Начиная съ 8-го декабря, войска снова начали расходовать не по 1^{1/2} фунта сухарей въ день, а по 1 фунту и вмѣстѣ съ тѣмъ мясная дача увеличилась до 2-хъ фунтовъ въ день на человѣка.

Что касается артилеріи, то прикованные къ боевымъ позиціямъ, батарейные командиры не имѣли возможности непосредственно слѣдить за благосостояніемъ лошадей, оставшихся, какъ сказано выше, у начала подъема, ведущаго на переваль. Условія, въ которыхъ находились лошади, были весьма тяжелы. Среди суровой зимы, на коновязяхъ, по большей части безъ попонъ, попадабившихся людямъ, онѣ сильно страдали отъ холода. Добываніе фуража встрѣчало затрудненія. Партіи ѣздоковъ, подъ командою фейерверкеровъ, отправлявшіяся за фуражемъ до зари, нерѣдко возвращались только къ ночи. Обыкновенно привозились въ вьюкахъ, сѣно и немолоченный ячмень, которые находились въ деревняхъ, покинутыхъ жителями. Чтобы привезти вязанку сѣна, приходилось дѣлать иногда версты до 40; ближайшія деревни были опустошены, а запасы, оказавшіеся у болгаръ, скоро истощились.

Въ такомъ положеніи находилось продовольствіе отряда генерала Гурко; съ теченіемъ времени обезпеченіе войскъ пищей все болѣе затруднялось, а силы людей между тѣмъ уменьшались и тре-

бовали усиленнаго питанія; къ тому же и морозы давали себя крѣпко чувствовать. Лишенія и невзгоды, которыя войска испытали отъ недостатка пищи, еще чувствительнѣе были потому, что они недостаточно были обезпечены отъ вліянія холода и непогоды, такъ какъ одежда войскъ находилась въ самомъ жалкомъ состояніи, а жилищемъ людей большею частью служили палатки.

Войска выступили въ походъ, почти вовсе не имѣя съ собой теплой одежды, если не считать теплыхъ фуфаяекъ, которыя были выданы въ гвардейскихъ частяхъ передъ походомъ и которыя нижніе чины во время балканскаго сидѣнья успѣли износить; ни теплыхъ носковъ, ни валенокъ не было. Полушубки были получены въ декабрѣ въ очень небольшомъ количествѣ и то не всѣми частями. Но были части и въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, такъ, лейбъ-гвардіи 2-я артилерійская бригада въ декабрѣ получила столько полушубковъ, что могла изъ числа ихъ уступить лейбъ-гвардіи Финляндскому полку дюжину. Когда обнаружилось, что войскамъ предстоитъ зимняя кампанія, то изъ Россіи стали посылать и выписывать теплыя вещи, но онѣ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе затруднительности сообщеній, далеко не всегда доходили по назначенію своевременно.

Кромѣ того, запасныхъ вещей при войскахъ не было, такъ какъ ранцы остались подъ Плевною (въ д. Беглишъ) и при нихъ, къ сожалѣнію, остались и запасные сапоги; за ними нѣкоторыя части также командировали пріемщиковъ, но сапоги были подвезены большею частью уже послѣ перехода черезъ Балканы.

Между тѣмъ, условія службы на горахъ не только не способствовали береженію одежды, но и мѣшали своевременно и должнымъ образомъ починить ее. Нижнимъ чинамъ постоянно приходилось, то пробираться по колючимъ кустамъ, то по густому лѣсу, то ползти по горамъ, то скатываться съ нихъ, спать, не раздѣваясь по нѣскольку недѣль подърядъ, тащить орудія, производить разныя работы, поднимать на горы тяжести, мокнуть подъ дождемъ, проводить цѣлыя дни и ночи, то въ грязи, то въ морозы и метели, сидя и лежа у костровъ. Запасъ бѣлья тоже находился позади, а потому люди оставались въ одномъ и томъ же бѣльѣ, совершенно оборвавшимся отъ постоянной носки. «Раздѣвая однажды раненаго, говорить одинъ изъ участниковъ похода, пришлось увидѣть, что отъ рубахи остался только одинъ воротъ, удержанный галстухомъ, и локмотья у плечъ; вся остальная часть представляла отвалившіеся и истертые куски».

Болѣе всего люди страдали отъ недостатка обуви. Сапоги силь-

но изнашивались въ горахъ; размягченные въ грязи, они сушились у костровъ, трескались и у нихъ отваливались подошвы. Сушить приходилось сапоги только у костровъ, вслѣдствіе этого нерѣдко ихъ прожигали, а затѣмъ небольшія прорѣхи за невозможностью ихъ своевременно чинить все болѣе и болѣе уширялись. Чтобы хотя нѣсколько поправить дѣло, люди обертывали ноги кускомъ бараньихъ или воловьихъ шкуръ, но подобныя опанки держались, однако, не болѣе 2—3 дней, чрезвычайно затрудняли ходьбу, быстро промокали, сползали съ ногъ и т. д.

Нѣкоторое количество вещеыхъ запасовъ было захвачено у турокъ, именно, въ складѣ у деревни Врачешъ, но ихъ было очень немного и части войскъ получили весьма ограниченное количество этихъ предметовъ. Такъ, напримѣръ, Павловскій полкъ могъ получить изъ склада только 60 мундировъ, брюкъ и жилетовъ, 200 локтей сѣраго сукна и нѣсколько кусковъ турецкихъ палатокъ на портянки. Нѣкоторую помощь войскамъ оказалъ и «Красный Крестъ», но и эта помощь не могла быть велика. Такъ, напримѣръ, Финляндскій полкъ получилъ въ разное время 10 паръ теплыхъ носковъ, дюжину болгарскихъ суконныхъ шапокъ и нѣсколько аршиновъ флаanelи для обертки ногъ.

Мало-по-малу, подъ вліяніемъ всѣхъ вышеприведенныхъ причинъ, одежда людей пришла въ совершенную негодность и жалкій видъ. Это были не войны въ походномъ снаряженіи, а нищіе въ лохмотьяхъ. Фуражки безъ козырьковъ, изрѣдка замѣненные болгарскими мѣховыми шапками или турецкими фесками, прожженные и оборванные шинели, зачиненныя разноцвѣтными заплатами, продырявленныя брюки, масса наверхъ на ноги вмѣсто сапогъ всякой дряни, обросшія и закоптѣлыя лица и отросшія волосы на головѣ, все это придавало людямъ неприглядную и угрюмую внѣшность. Голову люди закутывали въ башлыки, а уходя съ бивака, накидывали поверхъ шинели на плечи полотнища походныхъ палатокъ. Въ такомъ одѣяніи люди болѣе всего походили на самыхъ жалкихъ нищихъ, а не на блестящихъ гвардейцевъ. Но опытный и внимательный взглядъ, несмотря на эту печальную внѣшность, не могъ не замѣтить, что это дѣйствительно были войны, имѣвшіе хотя и совершенно непривычный, но безспорно почтенный, бывалый и внушительный видъ. Это были лучшіе люди изъ тѣхъ, которые выступили въ походъ, это были люди наиболѣе сильные духомъ и тѣломъ, наиболѣе сильныя той нравственной мощью, благодаря которой они могли не только жить, но еще и служить въ этой, без-

спорно ужасной обстановкѣ. Пройдутъ года и многому изъ того, что войска испытали во время стоянки на горахъ, не повѣрятъ наши потомки. Да и трудно повѣрить, когда читаешь описаніе всѣхъ ужасовъ, которымъ войска подвергались. Судя по личному опыту, мы убѣждены, что даже многимъ участникамъ этихъ событій кажется теперь, много лѣтъ спустя, почти невѣроятнымъ, какъ они могли перенести всѣ эти ужасы, которымъ подвергались во время стоянки на горахъ.

Жилищемъ для солдатъ во время отдыха служили палатки. Последнія, уже порядочно подгнившія, рвались отъ частаго складыванія и разстановки ихъ на морозѣ. Палатки подгнили еще осенью, когда на походѣ люди, поднимаясь съ зарею, должны были складывать ихъ сырыми и въ такомъ видѣ нести на себѣ въ теченіе дня подъ солнечными лучами. Затѣмъ каждая смѣна, заступая въ ложементы, брала съ собою часть палатокъ, такъ какъ онѣ нужны были для переноски земли и камня; въ нихъ же приносили на гору галеты, рисъ и мясо. Прорванная палатка еще не составляла наибольшаго неудобства; гораздо хуже было то, что людямъ приходилось спать на голой землѣ, безъ всякой подстилки; обыкновенно, обитатели палатки ложились вплотную другъ къ другу и мѣнялись мѣстами, чтобы дать возможность согрѣться крайнимъ.

При этомъ ноги все-таки сильно промерзали и чтобы согрѣть ихъ, люди, или цѣлой палатки, или по одиночкѣ, шли къ костру и потомъ снова ложились, но уже въ новомъ порядкѣ. Часто на бивакѣ раздавался крикъ, предупреждавшій, что въ такой-то ротѣ солдатъ замерзаетъ; это происходило отъ того, что онъ проспалъ и не вышелъ погрѣться, или же незамѣтно уснулъ у костра, который постепенно погасъ. Такихъ людей заставляли бѣгать, пока они не согрѣются.

Для улучшенія солдатскаго жилища, предписывалось ставить палатки надъ продолговатыми ямами, или же строить землянки. Первые устраивались такимъ образомъ, что подъ навѣсомъ вырывалась земля не менѣе какъ на одинъ футъ глубиною. Въ такой палаткѣ вѣтеръ не обхватывалъ лежащихъ по краямъ, да и рвалась она менѣе отъ толчковъ. Что касается до землянокъ, то онѣ состояли изъ ямъ съ деревянной (бревенчатой) крышей, покрытой дерномъ; внутри вырывалась еще яма, сообщавшаяся особо съ внѣшнимъ воздухомъ и служившая очагомъ. Но многіе начальники избѣгали такихъ жилищъ и не приказывали ихъ строить по слѣдующимъ причинамъ. Зимой необходимо было имѣть очень солидныя

крыши и для этого рубить толстыя бревна, что вообще, при недостаткѣ шанцевого инструмента, сопряжено было съ весьма значительными трудностями. Кромѣ того, землянка хороша, когда она вырыта лѣтомъ или осенью и успѣла къ зимѣ высохнуть; въ противномъ случаѣ, будучи построенной изъ мерзлой земли, она отъ огня и даже отъ дыханія, осаживается, даетъ течь и осыпается. Иной разъ для высушки такой землянки пытались ее сильно и непрерывно топить, послѣ чего большею частью она обрушивалась.

Нѣкоторыя части, надѣясь на скорую смѣну или окончаніе балканскаго сидѣнья, все время употребили на усиленіе работъ по укрѣпленію позицій и отлагали работы по устройству шалашей и землянокъ. Между тѣмъ нерѣдко, по измѣнившимся обстоятельствамъ, смѣна не могла состояться и войска оставались тогда въ крайне неприглядной обстановкѣ. Тѣ войска, которыя были назначены въ резервъ, были въ лучшихъ условіяхъ, но далеко нельзя сказать, что стоянка въ полуразрушенныхъ мѣстечкахъ и деревняхъ представляла бы необходимыя удобства. Такъ, на примѣръ, большая часть города Орханіэ такъ была разрушена, что отъ строеній оставались, нерѣдко, только части стѣнъ и крышъ, но и здѣсь люди находили себѣ болѣе удобный пріютъ, чѣмъ въ открытомъ полѣ, гдѣ лежалъ снѣгъ по колѣно.

Вдобавокъ, къ такимъ тяжелымъ условіямъ войскамъ пришлось нести весьма утомительную сторожевую службу. Смѣнялись, обыкновенно, въ часъ дня, чтобы люди успѣли пообѣдать до выступленія на сторожевые посты. Иногда смѣна производилась только въ сумерки, чтобы избѣжать потерь, такъ какъ непріятель, замѣтивъ двигавшихся людей, открывалъ по нимъ огонь; такъ дѣлали въ Финляндскомъ полку, за все время стоянки на горахъ. Затѣмъ, когда морозы усилились, то смѣну производили два раза въ сутки, утромъ и вечеромъ, такъ что одна часть заступала на ночь, а другая—на день. Прежде отправки на службу нужно было снять палатки, убрать все на бивакъ, отогрѣть затворы ружей, которые промерзали, вслѣдствіе обильнаго смазыванія дурнымъ масломъ, заключавшимъ частички воды, и не дѣйствовали, какъ слѣдуетъ; затѣмъ нужно было построиться для разчета и т. п., все это требовало около 2—3 часовъ. На самую смѣну нужно было еще болѣе времени: движеніе по ледянымъ или снѣжнымъ кручамъ могло производиться лишь крайне медленно и съ соблюденіемъ разныхъ предосторожностей; далѣе смѣнившіеся люди должны были собраться къ главному караулу, а затѣмъ уже вернуться къ биваку, на это уxo-

дило около 5-ти часовъ, а въ общемъ итогѣ—8 часовъ. Въ аванпостной цѣпи, обыкновенно, раскладывались, вопреки уставнымъ правиламъ, костры, безъ чего люди, стоя по колѣно въ снѣгу, замерзли бы.

Впрочемъ, разведеніе огней не представляло особой опасности, такъ какъ при постоянномъ почти господствѣ тумана, костры въ нѣсколькихъ шагахъ уже не были видны; обыкновенно, часовой стоялъ шагахъ въ 5—10 передъ огнемъ, а прочіе люди грѣлись у тлѣвшихъ головешекъ. При выступленіи на аванпосты, нѣкоторые изъ людей насаживали для растопки костровъ дымящіяся головни на штыки ружей и такъ отправлялись на службу. Тутъ они принимали отъ смѣняемыхъ потухавшій костеръ, подкладывали дрова, разставляли манерки, наполненныя снѣгомъ, вмѣсто воды, и начинали варку пищи, поочереды исполняя службу часовыхъ. Даже секреты замѣнены были наблюдательными постами, которые выдвигались приблизительно на версту впередъ, стояли тамъ цѣлыя сутки и имѣли разведенные костры. Само собою разумѣется, что офицеры, въ качествѣ начальниковъ и руководителей, несли такую же службу, какъ и нижніе чины.

Наряды на службу охраненія были очень велики, такъ, напри- мѣръ, на Финляндской горѣ до 28-го ноября въ ложементы заступало по два баталіона, оставаясь въ нихъ цѣлыя сутки; послѣ этого числа, по случаю выпавшаго снѣга и наступившихъ морозовъ, а также имѣя въ виду, что важнѣйшія саперныя работы были уже закончены, ложементы занимались однимъ баталіономъ, за которымъ, сверхъ того, еще наряжалась рота въ резервъ. Не менѣе были утомительны наряды на позиціяхъ, противъ Шандорника и на Врачешкѣ; на первой при значительномъ протяженіи сторожевой цѣпи, до четырехъ верстъ длиною, которая притомъ пролегала ббльшую частью по горнымъ трупобамъ и густому лѣсу, ежедневно требовался на передовые посты нарядъ цѣлыхъ двухъ баталіоновъ; три баталіона постоянно находились въ дежурной части, а вся остальная часть отряда была распределена по инженернымъ работамъ.

Въ заключеніе намъ остается сказать о состояніи здоровья войскъ. Болѣзненность, вслѣдствіе неблагоприятныхъ климатическихъ условій, а также дурнаго питанія и утомительной службы, значительно развилась въ отрядѣ: обмороживаніе, простудныя болѣзни, катарры, десентерія и пр., все это сильно ослабило ряды нашихъ войскъ.

Согласно приказа по отряду отъ 28-го ноября, въ Орханіэ и

Этрополѣ были устроены приемные покои для больныхъ и раненыхъ, въ первомъ пунктѣ на 300 человекъ, а во второмъ — на 200. Такъ какъ больныхъ въ скоромъ времени накопилось очень много, то старались пользоваться всякимъ случаемъ для ихъ эвакуаціи. Надо замѣтить, что вслѣдствіе отсутствія сколько нибудь порядочныхъ сообщеній, невозможно было устроить перевозку больныхъ съ позиціи въ приемные покои, а пришлось собирать ихъ въ команды и отправлять въ Орханіэ и Этрополь пѣшкомъ. Такъ какъ при этомъ заболѣвшіе люди не могли прибывать въ одинъ день въ Орханіэ, то, по приказанію генераль-адъютанта Гурко, на бивакѣ Астраханскаго драгунскаго полка (около половины разстоянія отъ шоссе), устроены были 11-го декабря этапный лазаретъ отъ «Краснаго Креста», гдѣ люди могли переночевать, получить пищу и медицинское пособіе. Несмотря на эти мѣры, все же положеніе заболѣвшихъ было ужасное; постоянно можно было видѣть цѣлые ряды едва двигавшихся обмороженныхъ и заболѣвшихъ людей, рисковавшихъ каждое мгновение погибнуть, не дойдя до приемнаго покоя. Въ видахъ облегченія леченія больныхъ, нѣкоторыя части сами принимали соотвѣтственныя мѣры. Такъ, на примѣръ, съ разрѣшенія графа Шувалова, для л.-гв. Павловскаго полка былъ устроены въ Орханіэ полковой околодокъ. Завѣдываніе имъ возложено было на врача, а въ помощь назначано нѣсколько фельдшеровъ и лазаретныхъ служителей. Околодокъ помѣщался въ двухъ избахъ, гдѣ были устроены для больныхъ нары. Каждый больной получалъ ежедневно супъ, фунтъ мяса и 1½ фунта сухарей, которые впослѣдствіи были замѣнены хлѣбомъ. Болѣе тяжело больные, а также страдавшіе поносомъ, получали пшеничный хлѣбъ, приготовленный изъ муки врачешскихъ складовъ. Кромѣ того всѣмъ выдавался чай, а кому слѣдовало — водка. Лазаретные служителя приготовляли больнымъ обувь изъ бараньихъ шкуръ, а ротные сапожники такой же обдѣланной шкурой починали имъ сапоги. Изъ этого же матеріала изготовлялись одѣяла для больныхъ, находившихся въ околодокѣ, а также для эвакуируемыхъ. Для починки платья, чего въ горахъ, при холодѣ, невозможно было исполнить, выдавались сукно и нитки. Мѣры эти имѣли для полка весьма благодѣтельныя послѣдствія.

Помимо уже перечисленныхъ болѣзней, вскорѣ въ войскахъ появилось много больныхъ глазами. Обиліе деревьевъ на горѣ вполне обезпечивало топливо, но сырой, только что срубленный лѣсъ горѣлъ плохо и требовалось не мало усилій, чтобы развести костеръ, да кромѣ того, отъ сыраго лѣса распространялся густой дымъ, ко-

торый, разстилаясь по землѣ, ѣлъ глаза до такой степени, что рѣдко у кого они были совершенно здоровы. Во многихъ ротахъ почти не было человѣка, который бы отъ этого не страдалъ куриною слѣпотой; можно себѣ представить, что было, когда подобная рота ночью занимала ложементъ: съ трудомъ можно было выбрать нѣсколькихъ зрячихъ, чтобы ставить въ секреты. Когда выпалъ снѣгъ, то явилась новая причина глазныхъ болѣзней; южное солнце такъ сильно освѣщало бѣлую пелену снѣга, что только съ трудомъ можно было смотрѣть, прикрывая глаза руками. И противъ этого горя также пытались бороться; такъ, во избѣжаніе воспаленія глазъ, Его Высочество принцъ Ольденбургскій приказалъ войскамъ его отряда, на позиціи противъ Шандорника, вымазать углемъ носъ и вѣки, что придавало людямъ весьма оригинальный видъ.

До 1-го декабря въ ложементахъ не допускалось разведеніе огня, но когда начались морозы и были случаи обмораживанія и замерзанія, костры поддерживались постоянно. Видно было, что у турокъ дѣлалось тоже самое. Грустную картину представляли въ это время биваки войскъ: люди жались къ кострамъ безмолвно и въ какомъ-то оцѣненіи смотрѣли на огонь; между тѣмъ густой, душливый дымъ, при непроглядныхъ туманахъ, стоялъ въ воздухѣ и затруднялъ дыханіе; при вѣтрѣ, дымъ съ пепломъ, попадая въ глаза, производилъ воспаленіе. Эти крайне тяжелыя условія жизни на горахъ, конечно, не давали возможности соблюдать въ должной мѣрѣ чистоплотность; мало кто могъ мыться достаточно часто и трудно было имѣть чистое бѣлье.

Труднѣе, однако, всего и неприятнѣе было то, что вслѣдствіе немытья бѣлья или мытья его въ холодной, не кипяченой водѣ, завелись насѣкомыя. Онѣ въ такой степени расплодились не только у солдатъ, но и у офицеровъ, что отъ нихъ не было покоя и никакія средства не помогали. Солдаты въ бытность на горахъ нерѣдко до того страдали отъ насѣкомыхъ, что, снявъ съ себя бѣлье, жарили ихъ въ дыму костровъ, оставаясь все это время голыми, несмотря на морозъ. Всѣ же вообще чины отряда могли освободиться отъ этихъ непрошенныхъ спутниковъ только во время стоянки въ Адриано-полѣ и подъ Константинополемъ, когда удалось посѣщать неоднократно горячія бани.

Тѣ врачи, которые были вмѣстѣ съ войсками на позиціяхъ, несмотря на все желаніе, не имѣли никакой возможности, какъ слѣдуетъ, заботиться объ удобствахъ заболѣвавшихъ. Такъ, напримѣръ, въ Финляндскомъ полку медикаментовъ иногда почти не было ни-

какихъ. Ежедневно въ 8 часовъ утра являлось къ врачу до сотни людей съ отмороженными членами, воспаленными отъ дыма и вѣтра глазами, кашлемъ и ревматизмомъ. Ихъ принимали на воздухъ, потому что никакихъ закрытыхъ помѣщеній не было. Можно себѣ представить положеніе больныхъ, которые на морозѣ, во вьюгу, въ дырявыхъ сапогахъ, тонкихъ и прогорѣвшихъ оборванныхъ шинеляхъ, цѣлые часы ожидали своей очереди показаться доктору. Ознобленіе ногъ требовало смазки саломъ, ревматизмъ—натиранія летучею мазью, и это исполнялось тутъ же на морозѣ и вѣтрѣ.

Только отмороженіе, грозившее гангреною, и простуда дыхательныхъ органовъ признавались серьезными болѣзнями; одержимыхъ ими отправляли внизъ на такъ называемый перевязочный пунктъ, при которомъ находилось только два врача. Но и здѣсь средства были далеко недостаточны; десятокъ солдатскихъ палатокъ, врытыхъ въ скатъ горы, занесенныхъ снѣгомъ, представлялъ полковой околודокъ. Осмотръ больныхъ и здѣсь производился во всякую погоду на воздухъ. При малѣйшей возможности, больного удерживали при полку, такъ какъ иначе боевая численность могла сильно уменьшиться. Только очень трудно больныхъ отправляли за 10 верстъ, въ подвижной лазаретъ въ Орханіэ. Удерживались при полку и присылались на верхъ съ перевязочнаго пункта иногда явно больные, полукальки, съ отмороженными на рукахъ и ногахъ пальцами; былъ даже случай, что вернувшійся снизу на гору солдатъ умеръ на слѣдующую же ночь.

Наличный составъ ротъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, несмотря на прибывшее 10-го декабря второе укомплектованіе, въ числѣ 166 нижнихъ чиновъ подъ командою поручика Святополкъ-Мирскаго, не превышала 60—70 человекъ.

На сколько трудна была служба на горахъ, видно изъ того, что Финляндскій полкъ, изъ состава 3,107 нижнихъ чиновъ, бывшихъ 17-го ноября въ строю, потерялъ ко времени перехода черезъ Балканы, т. е. по 20-е декабря, 1,068 человекъ.

Въ виду предстоявшаго перехода черезъ Балканы, необходимо было смѣнить войска, находившіяся на позиціи противъ Шандорника, гдѣ съ самаго занятія ея стояли лейбъ-гвардіи Измайловскій, Великолукскій и Псковскій полки. Продолжительная стоянка на на горахъ противъ Шандорника и Арабъ-конака въ грязи, а потомъ въ глубокомъ снѣгу и при морозахъ, нерѣдко доходившихъ до 12° Р., до того изнурила людей, что части эти какъ бы таяли на глазахъ своего начальства, теряя до 200 человекъ въ день большими

и обмороженными. Поэтому еще 5-го декабря лейбъ-гвардіи Егерскому полку было приказано выступить изъ деревни Скривень (близъ Орханіэ) и подняться на позицію генерала Дандевиля съ тѣмъ, чтобы смѣнить лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ; 9-го же декабря, на позицію противъ Шандорника поднялся лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ (уже во второй разъ) на смѣну Великолукскаго и Псковскаго полковъ, отъ которыхъ въ это время остались самые жалкіе остатки — были роты, въ которыхъ число людей не превышало 20-ти человѣкъ. Съ перваго же дня пребыванія на горахъ морозы дали себя почувствовать. Лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, поднявшійся на горы 5-го декабря, успѣлъ потерять обмороженными нѣсколько сотъ человѣкъ, а 9-го и 10-го декабря въ полку заболѣло 269 человѣкъ. Лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ во время самаго подъема потерялъ много людей отсталыми, также бѣльшую часть отмороженными. Больные и отмороженные нигдѣ не могли пріютиться и на всемъ протяженіи отъ позиціи до города Орханіэ (25 верстъ) должны были протаптывать себѣ путь въ глубокомъ, чрезвычайно рыхломъ снѣгу, заматавшимъ почти мгновенно дорогу и всѣ ея слѣды. При такихъ условіяхъ не могло обходиться безъ несчастныхъ случаевъ; больные иногда теряли дорогу, лишались силъ и, наконецъ, замерзали безъ всякой помощи. Войскамъ пужно было помочь во что бы то ни стало и, наконецъ, 11-го декабря получена была записка отъ генерала Рауха, изъ Врачеша, о томъ, что на бивакѣ Астраханскаго драгунскаго полка устроенъ этапный лазаретъ, на половинѣ дороги въ Орханіэ. 11-го декабря, вечеромъ, Его Высочество принцъ Ольденбургскій, между прочимъ, писалъ генералу Гурко, что въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку состоитъ всего 1,600 штыковъ и что полкъ этотъ 9-го декабря потерялъ 176 человѣкъ, а 10-го декабря — 93. вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Высочество доносилъ, что вслѣдствіе сильнаго мороза (10°) убыль въ людяхъ можетъ еще болѣе увеличиться. Въ такомъ положеніи Егерскій полкъ простоялъ на Балканахъ до 20-го декабря, когда начался спускъ въ долину и наступленіе къ Софіи. Въ теченіе этого времени число приходившихъ больныхъ въ полку доходило до 304, причемъ не мало было и отмораживаній. Тяжело было смотрѣть на этихъ полудѣтыхъ, въ оборванной обуви людей, кое какъ отогрѣвавшихся въ сырой и наполненной дымомъ землянкѣ; по просьбѣ полковаго врача, доктора Гримма, людямъ стали выдавать шкуру убитой скотины, которою они обматывали себѣ ноги; кромѣ того, приказано было смазывать ноги и руки жиромъ, остававшимся въ манеркахъ. Тяжело больные

спускались внизъ и затѣмъ отправлялись въ Орханіэ; но люди неохотно шли туда и просились остаться въ полку, такъ какъ разнесся слухъ о плохой обстановкѣ, въ которой находились больные въ Орханіа. Дѣйствительно, двумъ дивизионнымъ лазаретамъ гвардейскихъ дивизій и этапному лазарету Государыни Цесаревны, расположенныхъ въ Орханіэ, работа была не подъ силу.

Общая потеря отряда во время стоянки на горахъ была огромная, одинъ только Егерскій полкъ за время стоянки противъ Шандорника (16 дней) потерялъ больными 555 человекъ, въ томъ числѣ 333 пострадало отъ мороза. Между тѣмъ, съ 25-го ноября, произошла рѣзкая перемена погоды. Температура сильно понизилась, выпалъ снѣгъ. Все покрылось туманомъ и холодною мглою. Подобное измѣненіе температуры одновременно съ уменьшеніемъ численности войскъ, оставшихся на позиціи, и при значительности служебныхъ нарядовъ вслѣдствіе отвода значительной части въ резервъ, повлекло за собою увеличеніе болѣзненности. Впрочемъ, усиленное заболѣваніе замѣчалось почти исключительно въ пѣхотѣ, на которую пала вся тяжесть аванпостной службы. Съ каждымъ днемъ морозы усиливались и вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшалось санитарное состояніе войскъ. Съ 1-го декабря генералъ Дандевиль вынужденъ былъ обратить на это обстоятельство особое вниманіе начальства. Въ донесеніяхъ его, начиная съ 1-го декабря, стали приводиться цифры, показывавшія ежедневное уменьшеніе боевой силы вѣрснаго ему отряда. 1-го декабря заболѣло 35 человекъ; боевая сила въ трехъ полкахъ пѣхоты состояла изъ 5,477 штыковъ. 2-го декабря заболѣло 78 человекъ; боевая сила отряда уменьшилась до 5,399 штыковъ. 3-го декабря заболѣло 95 человекъ; боевая сила отряда усилилась до 5,717 человекъ, вслѣдствіе прибытія запасныхъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. 4-го декабря заболѣло 99 человекъ, въ отрядѣ оставалось 5,618 штыковъ. 5-го декабря въ отрядѣ заболѣло 134 человека, осталось 5,484 штыка. 6-го декабря морозъ значительно усилился и простудныя болѣзни стали развиваться еще въ большей степени. Заболѣло 114 человекъ, осталось 5,370 штыковъ. 7-го декабря морозъ усилился до 10° Реомюра; съ утра поднялся сильный сѣверный вѣтеръ и вьюга, продолжавшаяся цѣлый день. На самомъ близкомъ разстояніи ничего не было видно. Въ отрядѣ заболѣло 340 человекъ, осталось 5,030 штыковъ. 8-го декабря морозъ еще болѣе усилился и по прежнему сильный туманъ не позволялъ видѣть непріятельской позиціи, со стороны которой доносились частые сигналы и слышалась рубка

лѣса. Убыль достигла громаднѣхъ размѣровъ 735 человекъ въ день; изъ нихъ 70 оказались съ обмороженными оконечностями. Столь бѣдственное состояніе здоровья людей, переносившихъ съ удивительнымъ мужествомъ борьбу съ непріятелемъ и природою, вынудило генерала Дандевилля просить о смѣнѣ полковъ Великолукскаго и Псковскаго, хотя на нѣкоторое время, чтобы дать людямъ возможность обогрѣться, отдохнуть и починить обувь и одежду.

Санитарное состояніе людей въ артилеріи сравнительно съ пѣхотой было значительно лучше, что, главнымъ образомъ, можно объяснить менѣе изнурительнымъ трудомъ при подъемѣ на горы, меньшимъ нарядомъ на различныя работы, наконецъ, обиліемъ свободныхъ артилерійскихъ лошадей, дававшимъ возможность подвозить на позиціи всѣ необходимые для людей запасы.

Итакъ, въ общемъ санитарное положеніе войскъ во время стоянки было безотрадное и силы ихъ мало-по-малу таяли, а между тѣмъ войскамъ предстоялъ еще гигантскій трудъ перехода черезъ Балканы.

Кромѣ перечисленныхъ выше инженерныхъ работъ войскъ должны были исполнить цѣлый рядъ работъ хозяйственныхъ и боевыхъ. Подъемъ всѣхъ запасовъ на горы, устройство землянокъ, расчистка позицій отъ снѣга, подносъ снарядовъ и втаскиваніе орудій на горы, все это дѣлалось людьми почти безъ помощи лошадей. Когда выпалъ снѣгъ, то приходилось ежедневно наряжать значительныя команды для расчистки дорогъ, укрѣпленій и биваковъ; нерѣдко снѣгу выпадало такъ много, что онъ совершенно засыпалъ орудія, которыя для стрѣльбы нужно было откапывать. Для подноса запасовъ также наряжались большія команды, которыя съ значительнымъ трудомъ исполняли эти тяжелыя работы. Затѣмъ не мало было хлопотъ и трудовъ при доставкѣ на позиціи снарядовъ; если прослѣдить путь, который должны были сдѣлать боевые припасы прежде чѣмъ они попадали на позиціи батарей, то окажется слѣдующее: боевые припасы, полученные изъ парковъ, расположенныхъ у подножія горъ, т. е. у Этрополя, Орханіз, попадали ѣздовымъ, которые, связавъ ихъ по два снаряда, что дѣлалось безъ всякихъ приспособленій, импровизированными средствами, брали ихъ, по четыре или по два къ себѣ на лошадь, заряды клали къ себѣ въ карманы и такимъ порядкомъ привозили ихъ на драгунскій бивакъ (въ шести верстахъ отъ Этрополя по дорогѣ на Шандорникъ). Здѣсь снаряды попадали въ руки пѣхотныхъ солдатъ или болгаръ, причемъ каждый солдатъ долженъ былъ нести и свое ружье. Не имѣя

возможности удобно приспособиться къ носкѣ снарядовъ, солдатъ попеременно несъ его, то въ одной, то въ другой рукѣ; при каждой такой перемѣнѣ, а также и для отдыха снарядъ клался на землю или въ снѣгъ.

Принявъ въ расчетъ крутые и обрывистые подъемы, на каждомъ шагу встрѣчающіеся камни и пни, наконецъ, неблагоприятныя условія погоды, сдѣлается яснымъ, что команды переносчиковъ или партіи болгаръ, обращались въ длинныя вереницы, медленно ползущихъ по кручамъ людей. Не говоря уже о трудности подобной работы, нельзя не указать и на то, что всѣ эти условія должны были крайне неблагоприятно отозваться на качествахъ снарядовъ и, слѣдовательно, на успѣхъ стрѣльбы. Подъемъ орудій на позиціи требовалъ тоже огромныхъ усилій и тяжелой работы, о чемъ уже сказано раньше. Но и тогда, когда орудія уже были доставлены на горы, приходилось иногда перемѣщать ихъ съ одного мѣста на другое, что также требовало не мало труда; такъ, напримѣръ, въ ночь съ 22-го на 23-е ноября два орудія Лѣсной батареи были перевезены на верхнюю, на разстояніи около $\frac{1}{2}$ версты. Работа эта была чрезвычайно утомительна; темно, люди ничего не видятъ, а развести по пути костры было опасно, чтобы не привлекать огонь турокъ. Отъ сырости почва и склоны горъ размокли, люди скользили и не могли удержаться на ногахъ, что при трудной работѣ, при втаскиваніи тяжелыхъ орудій, было не только изнурительно, но и сопряжено съ большою опасностью; ежеминутно орудіе могло сорваться и тогда задавило бы многихъ.

Тяжело было положеніе нижнихъ чиновъ, но и офицерамъ было не многимъ легче, такъ какъ громадное большинство, даже многіе высшіе начальники, находились въ отношеніи службы, одежды, пищи и помѣщенія, такъ сказать, на солдатскомъ положеніи. Конечно, денежные средства оказывали офицерамъ нѣкоторую помощь, но строго говоря, очень незначительную, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ, несмотря ни на какія деньги, нельзя было добыть предметовъ даже первой необходимости. Гораздо ббльшую помощь оказали офицерамъ подчиненные имъ нижніе чины, которые, не взирая на крайне затруднительное положеніе, охотно оказывали офицерамъ множество мелкихъ, но весьма важныхъ въ томъ положеніи услугъ: первыми разставлялись офицерскія палатки, первое полѣно дровъ шло въ офицерскій костеръ и часто послѣдній кусокъ сахара или послѣдняя щепотка соли великодушно предлагалась офицерамъ совершенно безвозмездно и притомъ безъ всякой надежды на скорое

вознагражденіе. Тѣ сердечныя, братскія отношенія, которыя издавна существуютъ въ нашей арміи между офицеромъ и солдатомъ, получили наибольшее развитіе во время балканскаго сидѣнья и, конечно, составляютъ одно изъ лучшихъ воспоминаній всѣхъ участниковъ минувшаго похода

Офицеры тоже помѣщались, или въ землянкахъ, или въ палаткахъ; послѣднія—двускатныя, солдатскаго образца, но были немного выше, хотя не настолько, чтобы позволили стоять во весь ростъ. Оцѣнить эту выгоду можно лишь тогда, когда жизнь въ палаткѣ становится обязательной въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени: постоянно согнутое положеніе въ нашей палаткѣ, гдѣ можно было лежать или сидѣть—до крайности утомительно. Затѣмъ слѣдующей неизбѣжной принадлежностью обстановки офицера была кровать, или деревянная, или въ видѣ гутаперчеваго мѣшка; преимущество первой заключалось въ томъ, что она могла служить сидѣньемъ, письменнымъ столомъ и т. п., и при ней избѣгалось соприкосновеніе съ холодной и грязной почвой; за то вторая—была легче и укладистѣе. Желѣзныя кровати, вслѣдствіе своей тяжести, были доступны только для немногихъ лицъ, преимущественно старшихъ чиновъ, менѣе стѣснявшихся перевозочными средствами. Необходимо еще замѣтить, что хотя большинство офицеровъ имѣло походныя кровати, но онѣ далеко не всегда находились на боевыхъ позиціяхъ, по трудности доставки туда изъ обозовъ, остававшихся въ Орханіэ; такимъ образомъ, большая часть офицеровъ спали на землѣ, также какъ и солдаты.

Одежда офицеровъ тоже сильно износилась, особенно брюки и сапоги отъ постоянной ходьбы по каменистой и грязной почвѣ.

Въ быту офицеровъ во время стоянки на горахъ весьма полезными оказались, между прочимъ, два продукта новѣйшей промышленности, а именно, кожанныя пальто и шведскія куртки. Первые, хотя тяжелы, но прочны и отлично предохраняли отъ холода, а вторые—не пропускали вѣтра. Нѣкоторую помощь получили офицеры изъ отдѣла Цесаревны «Краснаго Креста». Уполномоченные «Общества» охотно предоставляли въ распоряженіе офицеровъ всѣ свои запасы и снабжали ихъ шапками башлычнаго сукна, набрюшниками и т. д. Также не мало помощи было оказано какъ офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ со стороны принцессы Евгеніи Максимилиановны Ольденбургской и полковыхъ дамъ частей гвардейскаго корпуса, выславшихъ изъ Петербурга разныя теплыя вещи. До какой степени офицеры были оборваны, можетъ служить доказательствомъ,

напримѣръ, такой фактъ, что одинъ изъ офицеровъ долженъ былъ обвязывать свои ноги полотенцемъ, чтобы прикрыть дырью брюкъ.

Что касается пищи, то она, главнымъ образомъ, была такой же, какъ и у нижнихъ чиновъ; сухари, галеты, говядина, баранина, рисъ и т. п., но нѣсколько въ большемъ количествѣ. Сюда еще слѣдуетъ прибавить кое-какіе припасы, которые въ первое время возможно было добывать у единственнаго маркитанта гвардейскаго корпуса Львова, въ Орханіэ, по огромнымъ цѣнамъ. У немногихъ сохранились также нѣкоторые консервы, запасенные еще въ Россіи. Наилучшими изъ нихъ оказались, между прочимъ, слѣдующіе: такъ называемые «офицерскія галеты», онѣ хотя не особенно были вкусны и уступаютъ другимъ видамъ такихъ же консервовъ, но приготовленные безъ сахара и сливокъ, отлично сохранялись; затѣмъ галеты, приготовленные изъ муки съ отрубями; далѣе сливки—консервы, которые сохранялись превосходно, придавали пріятный вкусъ чаю, приготовленному на плохой водѣ. Но особенно любимымъ консервомъ былъ кофе; на стаканъ горячей воды достаточно было небольшой чайной ложки состава и два куса сахара, причѣмъ немедленно получался отличный, питательный кофе. Всѣ виды мясныхъ консервовъ оказались болѣе или менѣе неудовлетворительными и были нерѣдкіе случаи заболѣванія отъ ихъ употребленія.

Кто былъ такъ предусмотрителенъ, что взялъ съ собою изъ обо-за теплое платье или пальто, тотъ еще кое-какъ существовалъ, но были и такіе, которые не имѣли ничего, кромѣ лѣтняго пальто, обманувшись надеждою, что они сразу перевалятъ за Балканы, гдѣ, по ихъ мнѣнію, въ теплой одеждѣ не встрѣтятся надобности.

Таково было положеніе офицеровъ во время стоянки на горахъ; при создавшихся тогда условіяхъ почти исчезло различіе между старшими начальниками и младшими въ отношеніи удобствъ жизни, да, строго говоря, не было существенной разницы въ положеніи офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Многіе начальники по своей волѣ не хотѣли ничѣмъ особеннымъ отличатся отъ нижнихъ чиновъ и сами давали имъ примѣръ выносливости. Такъ, графъ Шуваловъ до конца ноября жилъ въ палаткѣ, пока, наконецъ, генераль Гурко, посѣтивъ, однажды, позиціи, приказалъ полковнику Скалону выстроить землянку, въ которую, однако, графъ перебрался не раньше того, какъ были окончены всѣ работы по устройству укрѣпленій; принцъ Александръ Петровичъ Ольденбургскій, командовавшій войсками на позиціи противъ Шандорника, всю зиму до конца декабря жилъ въ палаткѣ, въ которой оставался даже несмотря на сильную про-

студу. Насколько высоко было нравственное настроеніе въ офицерахъ, видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго: въ артилеріи, въ виду тяжелыхъ условій службы на горахъ предполагалось смѣнить личный составъ, оставивъ на позиціяхъ всю матеріальную часть. Такая смѣна, казалась, возможною потому, что всѣ шесть батарей лейбъ-гвардіи 1-й артилерійской бригады имѣли орудія девяти-фунтоваго калибра, а слѣдовательно, и вся матеріальная часть во всѣхъ шести батареяхъ была совершенно одинаковою. Командиры и офицеры этихъ батарей, узнавъ, что предполагается весь личный составъ смѣнить свѣжими людьми своей же бригады, взятыми изъ батарей резерва, обратились къ генералу Дандевиллю, прося ходатайства о позволеніи остаться на боевыхъ позиціяхъ. Генераль Дандевиль взялъ на себя это ходатайство и личному составу батарей разрѣшено было не смѣняться. Въ этой единодушной готовности артилеристовъ исполнить свой долгъ до конца выразилось присущее имъ понятіе о неразрывности связи, соединяющей въ одно цѣлое орудія съ имѣющимися при нихъ личнымъ составомъ.

Не легко было примѣниться къ тѣмъ суровымъ условіямъ, въ которыхъ очутились войска на Балканахъ.

Для борьбы съ холодомъ придумывались различныя средства; такъ, напримѣръ, нѣкоторые начальники приказывали имѣть въ ротахъ опредѣленное число костровъ, причѣмъ дневальные должны были слѣдить, чтобы люди постоянно поддерживали огонь, заставляли бѣгать солдатъ, которыхъ замѣчали сжавшимися и страдающими отъ холода; офицеры вызывали изъ палатокъ наиболѣе безопасныхъ или лѣнивыхъ нижнихъ чиновъ, и заставляли ихъ работать, бѣгать, или, собравши нѣсколько такихъ, устраивали маршировку въ теченіи минутъ 20-ти, получаса и т. п.

Въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ проходилъ день за днемъ. Морозы крѣпли и сильно донимали людей. По утрамъ, часовъ до 10—11, обыкновенно, держались густые туманы; когда они разсѣвались, открывалась канонада. Холодъ, голодъ, вьюги, тяжелыя работы, бессонныя ночи и постоянное напряженіе замѣтно изнуряли людей. Ни громкаго говора, ни тѣмъ болѣе пѣсенъ на горахъ не было и допустить не было возможности. Каждый дѣлалъ свое дѣло молча, хмуро, мрачно, сосредоточившись. Гробовая тишина нарушалась только звонкими ударами тесаковъ при рубкѣ лѣса, хриплымъ кашлемъ простуженныхъ и, по временамъ, одиночными выстрѣлами, вслѣдъ за которыми слышались стоны: несли раненаго, при смѣнѣ въ ложементахъ.

Изъ приказа, отданнаго 23-го ноября, по войскамъ западнаго отряда, хотя и не выяснялся плашъ предстоявшихъ дѣйствій, тѣмъ не менѣе было видно, что войскамъ, остающимся на вершинахъ Балканъ, необходимо было принять мѣры для улучшенія бивачной обстановки, среди которой, само собой, должна была создаться своего рода домашняя жизнь. Появившись на вершинахъ Балканъ и расположившись на боевыхъ позиціяхъ, войска тутъ же, невдалекѣ за ними, приютили свои биваки. Найти вблизи мѣстность, защищенную отъ непріятельскаго огня, было невозможно, и войскамъ пришлось разбить свои походныя палатки на скатахъ, большею частью подъ непріятельскимъ огнемъ. Тѣмъ не менѣе, войска скоро примѣнились къ обстановкѣ, поняли значеніе мертвыхъ пространствъ и привыкли къ спокойному исполненію своихъ обязанностей подъ непріятельскимъ огнемъ; иногда, во время самага разгара канонады можно было видѣть людей, занятыхъ приготовленіемъ пищи подъ прикрытіемъ большаго камня, толстаго дерева, или отвѣсной отлогости.

Положеніе людей артилеріи было во многомъ лучше, чѣмъ въ пѣхотѣ, гдѣ служба была гораздо тяжелѣе; такъ, напримѣръ, когда состояніе пѣхоты, достигнувшей крайняго изнеможенія, вынудило генерала Дандевилля ходатайствовать о смѣнѣ ввѣренныхъ ему частей, въ батареяхъ, остававшихся на боевыхъ позиціяхъ, сохранилась въ людяхъ достаточная физическая и нравственная бодрость. Такое удовлетворительное состояніе артилеристовъ объясняется благоприятными условіями, въ которыхъ они находились сравнительно съ людьми пѣхоты, силы которыхъ были окончательно надломлены неимоверными трудностями сторожевой службы.

Каждая ночь на аванпостахъ, какъ видно изъ донесенія генерала Дандевилля, стоила многочисленныхъ жертвъ. Безъ теплой одежды, въ изношенныхъ шинеляхъ и мундирахъ, въ обуви, пришедшей въ совершенную негодность, люди въ пѣхотѣ нерѣдко замерзали на постахъ. Состояніе обмундированія въ артилеріи едва ли было лучше, но служба, которую несли артилеристы, была несравненно легче. Она заключалась въ содержаніи постояннаго дежурнаго взвода на позиціи каждой батареи. Близость биваковъ давала возможность поддерживать тѣснѣйшую связь съ дежурными взводами, въ которыхъ, въ случаѣ надобности, могла производиться частая смѣна людей. На боевыхъ позиціяхъ, у самыхъ ложементовъ были сложены высокіе бруствера съ приспособленіями, защищавшими отъ непогоды людей дежурныхъ взводовъ.

Въ приказѣ генерала Дандевила по лѣвому флангу передоваго отряда отъ 30-го ноября говорится, что нижніе чины нѣкоторыхъ полковъ заходятъ въ офицерскія палатки и землянки, и просятъ накормить ихъ. Явленіе это, не вдаваясь въ изслѣдованіе причинъ, его вызывающихъ, во всякомъ случаѣ даетъ понятіе о лишеніяхъ, претерпѣваемыхъ людьми.

Хорошая погода имѣла самое благопріятное вліяніе на здоровье людей, и заболѣвшихъ въ эти дни было меньше; къ сожалѣнію, большею частью господствовали, или ненастье и морозы, или свирѣпствовали метели.

Продолжительные морозы вредно дѣйствовали, между прочимъ, и на оружіе: было замѣчено, что масло стынетъ въ запирающемъ механизмѣ ружей, вслѣдствіе чего боевая пружина теряла силу и не могла воспламенять капсюль патрона. Для устраненія этого важнаго неудобства, Его Высочествомъ принцемъ Ольденбургскимъ было сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ пружины, обогрѣтыя предварительно на кострѣ, были тщательно вытерты и очищены отъ застывшаго масла.

Для болѣе наглядной обрисовки условій, въ которыхъ находились наши войска во время стоянки на горахъ, быть можетъ, окажется не лишнимъ привести нѣсколько выдержекъ изъ дневника доктора Гримма, веденнаго въ теченіе кампаніи.

«Ночью съ 4-го на 5-е декабря 1877 года лейбъ-гвардіи Егерскій полкъ, занимавшій въ то время позицію у деревни Скривень, противъ турецкой Лютаковской позиціи, получилъ приказаніе немедленно выступить для смѣны лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, находившагося на Балканахъ противъ турецкихъ позицій у Шандорника. Полкъ выступилъ въ 9 часовъ утра. Погода ужасная: мелкій дождь со снѣгомъ; до Врачешки—около 10-ти верстъ—приходилось идти по проселочнымъ грязнымъ дорогамъ, причемъ пришлось пересѣкать три раза въ бродъ рѣчку. Отъ Врачешки (привалъ два часа подъ открытымъ небомъ, при проливномъ дождѣ) до позиціи графа Шувалова противъ Арабъ-конака дорога шла по шоссе, которое находилось въ такомъ состояніи, что солдаты предпочитали идти по пахотнымъ полямъ и лугамъ, лежавшимъ по сторонамъ шоссе. Съ половины дороги, когда уже стемнѣло, начало морозить, образовалась гололедица, такъ что движеніе еще болѣе затруднилось.

«Въ 7 часовъ вечера полкъ прибылъ къ позиціи графа Шувалова, откуда отходила тропинка на Шандорникъ. Здѣсь снѣгъ ле-

жалъ до колѣна и свирѣпствовала вьюга, не позволявшая разводить костровъ; морозъ не очень великъ, солдатамъ роздали по фунту мяса. Привалъ дѣлается до полуночи. Въ полночь полкъ выступаетъ дальше. Метель утихаетъ, ночь безлунная, только снѣгъ, покрывающій всю окрестность, освѣщаетъ намъ путь. Всѣ офицеры, по причинѣ плохой дороги и гололедицы, идутъ пѣшкомъ на своихъ мѣстахъ; дорога такъ узка, что возможно двигаться только двумъ въ рядъ.

«Еще въ началѣ пути, близъ позиціи графа Шувалова, полкъ переходитъ въ бродъ рѣчку, глубиною въ 1—1½ фута, покрытую льдомъ (впослѣдствіи эту же рѣчку полкъ перешелъ еще семь разъ), мостовъ на ней нѣтъ, а брусья, переброшенные черезъ рѣчку, покрыты льдомъ, вслѣдствіе чего крайне трудно держаться на нихъ. Если такія переправы чувствительны для офицеровъ, снабженныхъ хорошими сапогами и чулками, то можно себѣ представить, какъ трудна она была для солдатъ, при ихъ оборванной обуви.

«Часа черезъ два мы подошли къ высокой горѣ съ крутыми скалами (болѣе 45°), подняться на которую было возможно только благодаря кореньямъ деревьевъ, служившихъ ступеньками. На вершинѣ этой горы, на небольшой площадкѣ, покрытой снѣгомъ, данъ былъ привалъ на полтора часа, чтобы подтянуть баталіоны, а затѣмъ колонна продолжала движеніе и въ 6 часовъ утра пришла къ мѣсту назначенія; хвостъ подтянулся въ 7¾ часовъ, а остальные и вьючныя лошади—въ 10 часовъ утра. Такимъ образомъ, переходъ продолжался свыше 24-хъ часовъ.

«Тотчасъ по прибытіи полка три роты 1-го баталіона высылаются на аванпосты, а въ 12 часовъ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ оставляетъ позицію въ нашихъ рукахъ. На позиціи были выстроены отдѣльныя маленькія землянки для офицеровъ, а для солдатъ такія же, но большаго размѣра, частью неоконченныя. Для 3-го баталіона землянокъ не хватило, такъ что люди размѣстились въ ямахъ, покрытыхъ полотномъ переносныхъ щатровъ (впослѣдствіи оказалось, что въ такихъ ямахъ жить лучше, чѣмъ въ землянкахъ). Въ землянкахъ и ямахъ устроены были печи; топлива было достаточно, такъ какъ рядомъ съ позиціей былъ большой буковый лѣсъ, но недостатокъ топоровъ и отсутствіе пилъ значительно затрудняли рубку дровъ».

Обростія, закоптѣлыя отъ дыма лица, слезящіяся отъ воспаленія глаза, дырявыя, прогорѣлыя шинели, уродливыя закорузлыя опанки на ногахъ,—все это придавало людямъ неутѣшительную внѣшность. При сильномъ вѣтрѣ и во вьюгу люди закутывались въ

полотнища палатокъ и ходили, медленно выступая, какъ тѣни въ саванахъ. Вся эта обстановка производила тяжелое впечатлѣніе. Извѣстіе о томъ, что вообще происходило на театрѣ войны, рѣдко доходило до войскъ. Кругомъ все какъ будто замерло; всѣ были какъ бы одинокими, какъ бы оставленными, забытыми, предназначенными стоять, терпѣть и умирать. Составъ ротъ, ослабленный убылью больныхъ и обмороженныхъ, заставилъ постепенно уменьшать число людей въ каждомъ ложементѣ, такъ, на примѣръ, въ Финляндскомъ полку вмѣсто 8—10 человекъ съ унтеръ-офицеромъ назначалось въ каждый 4—5 человекъ. Съ 8-го декабря и это, по числу рядовъ въ ротахъ, оказалось невозможнымъ.

Въ вышеочерченныхъ условіяхъ проходила изо дня въ день жизнь нашихъ войскъ на Балканахъ. Постройка укрѣпленій, сторожевая служба, проложеніе дорогъ, борьба со снѣжными метелями и заносами, наполняли дни томительнаго ожиданія, когда можно будетъ спуститься, наконецъ, съ непривѣтливыхъ горъ. Изрѣдка, лишь въ ясные дни, обычное теченіе жизни нарушалось перестрѣлкою съ турецкими укрѣпленіями, причемъ всѣ оживленно и внимательно слѣдили какъ за общимъ ходомъ канонады, такъ и за дѣйствіемъ отдѣльныхъ снарядовъ. По временамъ начальники позицій, а также генераль-адъютантъ Гурко, объѣзжали войска и это служило предметомъ многочисленныхъ разговоровъ. При такой обстановкѣ стало въ довольно замѣтной степени развиваться мучительное чувство тоски по родинѣ. Удрученный духъ обращался къ воспоминаніямъ прошлаго и раздражалъ воображеніе картинами спокойнаго и тихаго существованія среди условій привычной обстановки. Жадно прислушивались ко всему тому, что шло съ родины. Частныя письма и извѣстія становились достояніемъ общимъ: всѣ чувствовали себя одною общою семьей среди чуждой и суровой обстановки и сплочивались дружище; чувство тѣснаго боеваго товарищества развилось въ такой степени, достиженіе которой возможно только въ тяжкихъ условіяхъ военнаго времени.

Письма, газеты, случайно найденные листы старыхъ книгъ жадно перечитывались и переходили изъ рукъ въ руки. Офицеры дѣлились съ нижними чинами своими свѣдѣніями, а нижніе чины охотно повѣряли свои предположенія, думы и надежды офицерамъ. Несмотря на всѣ ужасы обстановки, нравственное настроеніе войскъ было превосходное; всѣ невзгоды и лишенія войска переносили съ по истинѣ геройскимъ мужествомъ, съ удивительною безропотностью и замѣчательною выносливостью; смѣло можно сказать, что нерѣдко

борьба съ природой дѣлалась выше силъ человѣческихъ, но и изъ этой сверхъестественной борьбы побѣдителями вышло наше терпѣніемъ изумляющее войско.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ и на положеніе турокъ за время стоянки на горахъ.

Турецкій лагерь, находившійся на южномъ склонѣ горъ, состоялъ изъ большихъ турецкихъ палатокъ и хорошо устроенныхъ землянокъ. Укрѣпленія были хорошей работы, но не отличались обычною щеголеватостью; въ нихъ были большіе склады артиллерійскихъ снарядовъ и патроновъ. Внутри землянокъ и палатокъ къ тому времени, когда турки очистили позиціи, было сыро и грязно, но почти вездѣ были печи; землянки были устроены на 30—40 человѣкъ.

Въ долинѣ у шоссе былъ устроенъ англійскими врачами полный подвижной лазаретъ; въ д. Стригль также была отдѣленія англійскаго общества «Краснаго Креста» и турецкой луны.

При осмотрѣ брошеннаго турками лагеря найдено было множество палатокъ, патроновъ, гранатъ и дистанціонныхъ трубокъ. Вдоль всѣхъ фасовъ укрѣпленій и внутри было построено болѣе 800 землянокъ и шалашей. Всѣмъ этимъ работамъ мѣшали тотъ же каменистый грунтъ, тѣ же пни и корни, которые затрудняли и наши работы. Были, однако, у нихъ и цѣлые фасы въ 200—300 шаговъ съ выдѣлаемыми бойницами и батарея, въ формѣ круглой башни, на одно орудіе, но съ тремя амбразурами. Подробное описаніе турецкихъ позиціи дано уже раньше, но, разумѣется, такихъ свѣдѣній войска наши въ то время не имѣли, а могли составить себѣ понятіе объ этой позиціи только изъ осмотровъ и развѣдокъ.

Въ теченіе долгой стоянки на горахъ войска наши, а въ особенности артиллеристы, примѣняясь отчасти къ наружной формѣ, отчасти къ характеру дѣйствій непріятельскихъ верковъ, дали всѣмъ имъ особыя названія, которыя до того утвердились въ устахъ всѣхъ, что неоднократно повторялись даже въ официальной перепискѣ. Такимъ образомъ, самыя замѣчательныя укрѣпленія, начиная съ праваго фланга противника, кромѣ Шандорника, были: «Сахарная голова» — сильный ложементъ, приспособленный исключительно къ ружейной оборонѣ и расположенный на отвѣсной, совершенно недоступной съ фронта, скаль; «Двухъ-ярусный редуть» — отлично и чрезвычайно отчетливо построенное укрѣпленіе, вооруженное двумя дальнобойными орудіями и окруженное, немного ниже его подошвы, сильною трапшеею для ружейной обороны; «Редуть веселый» — также чрезвычайно сильная постройка съ фронта, имѣвшая бастион-

ное расположение и вооруженная двумя дальнобойными орудиями. Наконецъ, весьма сильное укрѣпленіе, вооруженное 5-ю—10-ю орудиями дальняго боя, представлялъ Арабъ-конакъ, расположенный между раздвоеніемъ софійскаго шоссе и на самомъ перевалѣ черезъ главный хребетъ. Арабъ-конакъ состоялъ изъ высокаго кавальера, вооруженнаго сильною артилеріею, и окруженъ былъ со стороны подъема по шоссе двумя ярусами ложементовъ, также отчасти приспособленныхъ къ артилерійской оборонѣ.

Такимъ образомъ, правый флангъ Шандорника представлялъ самую высокую часть позиціи, значительно командовавшую надъ всѣми остальными верками, расположенными какъ бы на терасахъ гребня. Всего лучше представить себѣ рельефъ этой позиціи, если принять въ соображеніе, что Шандорникъ возвышается на 5,000 футовъ, а Арабъ-конакъ всего около 3,500 фут., изъ чего слѣдуетъ, что относительное превышеніе праваго фланга надъ лѣвымъ доходило на гребнѣ горы до 1,500 футовъ. Западнѣе Арабъ-конака находилось еще на гребнѣ горъ нѣсколько батарей, значительно превышавшихъ Арабъ-конакъ, который представлялъ самую низкую часть непріятельскаго расположенія.

Тяжело было нашимъ войскамъ, но положеніе турокъ было также нелегкое, они также сильно страдали отъ стужи и непогоды и въ особенности печально было въ этомъ отношеніи положеніе арабовъ и жителей южно-турецкихъ областей, входившихъ въ составъ арміи Мехмеда-Али и Шакира. Правда, турки были лучше снабжены продовольствіемъ и лучше размѣщены; на всѣхъ ихъ позиціяхъ было достаточное число землянокъ, устроенныхъ заблаговременно руками болгаръ, а огромные склады различныхъ продовольственныхъ запасовъ были не только достаточны для удовлетворенія потребностямъ турокъ, но еще и значительные остатки ихъ достались въ наши руки. Что касается до вліянія погоды, то въ этомъ отношеніи, до наступленія морозовъ, положеніе турокъ, занимавшихъ южные склоны, болѣе открытыя дѣйствию солнечныхъ лучей, было лучше, чѣмъ положеніе нашихъ войскъ, стоявшихъ на сѣверныхъ склонахъ Балканъ. Съ наступленіемъ морозовъ и метелей положеніе обѣихъ сторонъ въ этомъ отношеніи сравнялось. Въ морозныя ночи турки несли значительныя потери пострадавшими отъ холода: на однихъ только сторожевыхъ постахъ замерзало въ ночь до 40 человѣкъ и силы турецкой арміи начали быстро таять: болѣзненность и смертность развились въ обширныхъ размѣрахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, явился полный упадокъ духа. Но въ то время, какъ всѣ

испытанныя невзгоды и лишенія нисколько не поколебали въ нашихъ войскахъ внутренняго порядка и дисциплины, за нѣкоторыми незначительными и всегда возможными исключеніями, въ арміи Шакира далеко не всѣ люди оказались способными съ должнымъ терпѣніемъ перенести тѣтяжелыя испытанія, которыя имъ послала судьба.

Въ турецкой арміи открылось бѣгство въ обширныхъ размѣрахъ и пришлось прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости: такъ, однажды разстрѣлено было 14 пойманныхъ бѣглецовъ. Между тѣмъ, силы турецкой арміи мало по малу уменьшались, главнымъ образомъ, отъ болѣзней и холода: изъ 25,000 человѣкъ, бывшихъ въ строю 22-го ноября, къ 15-му декабря осталось 12,000—13,000 человѣкъ, остальные погибли въ борьбѣ съ различнаго рода лишеніями или наполни лазареты въ окрестныхъ госпиталяхъ.

Итакъ, крайне тяжело было положеніе обѣихъ сторонъ во время такъ называемаго балкапскаго сидѣнія и мы правы были, сказавъ въ началѣ этой главы, что это было время наибольшаго напряженія силъ и дѣятельности войскъ. Однако, конецъ этого сидѣнія приближался: 28-го ноября пала Плевна и тогда-то рѣшительно и энергично было приведено въ исполненіе то предпріятіе, — переходъ черезъ Балканы зимою, — которое было обдуманно еще до плѣненія арміи Османа-паши и которое по своей грандіозности представлялось многимъ едва-ли возможнымъ; но войска наши исполнили и эту задачу, доказавъ еще разъ, что на войнѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ для нихъ, ничего невозможнаго.

Генеральнаго штаба подполковникъ Епанчинъ.

(Продолженіе будетъ).

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ЧАСТНЫХЪ НАЧАЛЬНИКОВЪ НА ВОЙНѢ.

(Статья четвертая) (1).

V.

Распознаніе и пониманіе обстановки. Связь между сосѣдями.

«Самостоятельность въ военномъ человѣкѣ, какъ уже сказано, есть то свойство или свойства, которыя дѣлають его способнымъ быстро схватывать обстановку, сообразно ей принимать свои рѣшенія и исполнять послѣднія на свою отвѣтственность».

Такимъ образомъ, основаніемъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій и дѣйствій каждаго начальника должно быть, прежде всего, возможно точное распознаніе обстановки.

Но что такое «обстановка»?

Обстановка на войнѣ есть сумма всѣхъ тѣхъ условій, среди коихъ приходится жить и дѣйствовать въ данный моментъ времени. Условія эти чрезвычайно разнообразны и многочисленны, обнимая собою одинаково данныя матеріальныя, какъ и начала нравственныя. Впрочемъ, разбирая «обстановку» съ точки зрѣнія частнаго начальника, обязаннаго принаравливать свои дѣйствія къ приказаніямъ старшаго, достаточно коснуться только главныхъ условій обстановки, предполагая, что остальные, такъ сказать, нормальны.

Въ условія «обстановки» входятъ условія мѣстности, на которой приходится дѣйствовать въ соединеніи, пожалуй, съ условіями погоды и времени года; сверхъ того, расположеніе, состояніе и намѣренія войскъ своей стороны, а также расположеніе, состояніе и намѣренія противника.

Условія мѣстности изучаются по картамъ, дополняемымъ «описаніями», и ближайше—развѣдками. Свѣдѣнія о непріятелѣ соби-

(1) См. «Военный Сборникъ» 1891 г., № 11-й.

раются различными путями. Они концентрируются въ рукахъ старшаго начальника. Сличая всѣ эти свѣдѣнія между собою, онъ выводитъ заключеніе о дѣйствительномъ расположеніи противника, его состояніи и разгадываетъ его намѣренія.

Передавая затѣмъ свои приказанія, старшій начальникъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обязанъ подѣлиться съ подчиненными имѣемыми свѣдѣніями, своими взглядами на обстановку и видами, на коихъ основаны его приказанія. Только этимъ старшій начальникъ обезпечить «сознательное», а слѣдовательно и «толковое» исполненіе своихъ приказаній. Изъ свѣдѣній, передаваемыхъ старшимъ начальникомъ своимъ подчиненнымъ, самыя точныя извѣстія могутъ быть тѣ, которыя касаются расположенія, состоянія и предпринимаемыхъ передвиженій своей стороны. Что касается противника, то старшій можетъ изложить только свои заключенія, взглядъ и цѣли.

Но если старшій начальникъ обязанъ разъяснить младшему «общую обстановку», то предъявленная послѣднему картина должна послужить ему не болѣе какъ только исходною точкой, отъ которой самъ онъ долженъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ событій, то есть изучать перемѣны какъ въ общей обстановкѣ, такъ и въ частной, ближе всего его касающейся.

Нельзя упускать изъ вида, что перемѣны въ «обстановкѣ» далеко не всегда выказываются частному начальнику сами собою; еще менѣе можно рассчитывать на своевременныя дополнительныя разъясненія свыше, а потому каждый частный начальникъ самъ обязанъ принять мѣры для разъясненія себѣ обстановки. Онъ долженъ «идти на встрѣчу дѣлу»; иначе начальникъ рискуетъ, что событія вдругъ бросятъ ему въ лице роковое «запоздалъ!» День Шпихернскаго боя представляетъ тому разительные примѣры какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ.

Къ вечеру 5-го августа 1870 года войска 1-й нѣмецкой арміи, генерала Штейнмеда, опередивъ въ общемъ колонны 2-й арміи, наступавшей лѣвѣе (восточнѣе) ея, расположены были слѣдующимъ образомъ. Корпусъ генерала Цастрова, 7-й, у Лебаха и Бетингена (версть 20 не доходя пограничной рѣки Саары). Лѣвѣе его (восточнѣе) находился 8-й корпусъ, генерала Гебена, у Штейнвейлера (версть 20 отъ Саарбрюкена, лежащаго на р. Саарѣ). Ближайшій затѣмъ прусскій корпусъ, 3-й, генерала Альвенслебена, отъ 2-й нѣмецкой арміи находился лѣвѣе (восточнѣе) 8-го, на главномъ пути, ведущемъ черезъ Саарбрюкенъ къ Мецу, имѣя передовую свою дивизію, 5-ю, у Фридрихстала, версть 16—18 не доходя Саарбрюке-

на. Впереди всѣхъ этихъ войскъ, въ видѣ общаго заслона, находилась конница генерала Рейнбабена (5-я и 6-я кавалерійскія дивизіи), версты три не доходя р. Саары.

Въ то же время передовой французскій корпусъ, генерала Фросара, очистилъ въ теченіе 5-го числа Саарбрюкенъ и отошелъ на Шпихернскія высоты, неподалеку отъ поименованнаго города.

Генераль Штейнмецъ приказалъ Цастрову выдвинуть 6-го августа утромъ два авангарда на самую р. Саару: одинъ къ Фельклингену (западнѣе Саарбрюкена), а другой къ Саарбрюкену. Главныя силы корпуса должны были тоже подвинуться впередъ къ Пютлингену. Корпусу же Гебена приказано было подвинуться къ Гюишенбаху и Лебаху, какъ будто въ резервъ корпусу Цастрова. Въ то же время авангардъ 3-го корпуса отъ 2-й арміи принца Фридриха-Карла, бригада генерала Деринга, получила приказаніе перейти 6-го числа къ Дудвейлеру, версты 6—7 не доходя Саарбрюкена.

Казалось бы, что поименованные прусскіе начальники могли бы довольствоваться точнымъ исполненіемъ полученныхъ приказаній и не заботясь о томъ, что дѣлается впереди ихъ, спокойно слѣдовать при своихъ частяхъ, тѣмъ болѣе, что они прикрыты были кавалерією Рейнбабена. Но не такъ понимаютъ свои обязанности прусскіе генералы.

Раннее утро 6-го августа застаютъ генераловъ: Гебена, Деринга и Камеке (начальникъ 14-й пѣхотной дивизіи, выдѣлившій авангардъ къ Саарбрюкену) въ окрестностяхъ Саарбрюкена, далеко впереди своихъ войскъ. Каждый изъ нихъ, предвидя возможность столкновенія съ противникомъ на оборонительной для послѣдняго чертѣ р. Саары, спѣшитъ ознакомиться съ обстановкою. Послѣдствіемъ этихъ наблюденій было со стороны Камеке намѣреніе завладѣть находившимися за р. Саарою Шпихернскими высотами, которые показались ему занятыми слабо. Такъ какъ времени до прибытія авангарда отъ дивизіи Камеке оставалось достаточно, то генераль этотъ по поводу своихъ предположеній успѣлъ еще снестись съ командирами корпуса и арміи и послать остальной части своей дивизіи приказаніе поспѣшать за авангардомъ. Гебенъ, съ своей стороны, узнавъ, что Саарбрюкенъ оставленъ французами, хотѣлъ было занять его своимъ авангардомъ, но, встрѣтивъ Камеке, освѣдомился о его намѣреніяхъ и объщалъ помощь, въ случаѣ надобности. Гебенъ сдержалъ свое слово. Что касается Деринга, то тотъ вѣрнѣе Камеке разгадалъ истинное положеніе дѣлъ. Дерингъ замѣтилъ, что французы находятся тутъ въ большихъ силахъ и заключилъ, что

Камеке затѣиваетъ дѣло не по средствамъ. Поэтому Дерингъ немедленно, еще въ 9 часовъ утра, послалъ своей бригадѣ приказаніе идти къ Саарбрюкену и обо всемъ донести по начальству.

Если бы Дерингъ не шелъ «на встрѣчу дѣлу», то свѣдѣніе о сраженіи онъ могъ получить только послѣ того, какъ оно разыгралось. Въ такомъ случаѣ бригада его, подавшая Камеке первую, крайне нужную помощь, конечно, значительно бы запоздала, прочія же подкрѣпленія отъ другихъ частей 3-го корпуса, двинутыя вслѣдствіе извѣщенія Деринга о предстоящемъ сраженіи, вѣроятно, вовсе не попали бы въ дѣло. Точно такъ же могли запоздать и поддержки со стороны войскъ Гебена, если бы послѣдній лично не рекогносцировалъ окрестностей Саарбрюкена далеко впереди своихъ войскъ. Впрочемъ, вопросъ идетъ тутъ собственно не о практическихъ послѣдствіяхъ дѣятельности сказанныхъ прусскихъ генераловъ, а только о констатированіи факта, что три независимыхъ другъ отъ друга начальника, точно сговорившись, стремятся сами къ изученію обстановки, и что изученіе это принесло пользу общему дѣлу.

Совершеннѣйшій контрастъ поименованнымъ прусскимъ генераламъ представляютъ противостоявшіе имъ французскіе начальники именно въ день Шпихернскаго боя.

Начальники трехъ пѣхотныхъ дивизій, направленныхъ маршаломъ Базеномъ для поддержки Фросара (правда, съ недостаточно точными приказаніями), такъ сказать, сидѣли на своихъ частяхъ. Ни одинъ изъ нихъ не опередилъ своихъ войскъ, никто не ознакомился съ обстановкою лично, никто не выслалъ даже съ этою цѣлью довѣренныхъ офицеровъ, никто и не вошелъ хотя бы въ связь съ генераломъ Фросаромъ, по крайней мѣрѣ, своевременно.

Окончательный результатъ былъ тотъ, что прусскіе генералы, по собственному почину, ознакомившіеся съ обстановкою, успѣли поддержать своихъ во-время и одержать побѣду общими усиліями, между тѣмъ какъ ничего не зпавшіе и, какъ будто, ничего знать не хотѣвшіе, французскіе генералы допустили пораженіе своихъ при обстановкѣ, сулившей французамъ несомнѣнную побѣду (1),

Стремленіе нѣмецкихъ начальниковъ къ тому, чтобы точнѣе зна-

(1) Виповны французскіе генералы въ бѣдѣйствіи какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, не столько лично, сколько въ качествѣ воспитанниковъ ложной французской централизованной системы; это въ общемъ выяснено въ сочиненіи «Побѣды и пораженія въ войнѣ 1870 г. и проч.», а въ частности въ главѣ V тома I.

комитъся съ обстановкою, высказалось не въ одномъ лишь Шпихернскомъ бою; оно, напротивъ, проявлялось у нѣмцевъ вездѣ и всегда, выражаясь то въ той, то въ иной формѣ. Привожу на поддержку еще нѣсколько примѣровъ.

Во время дѣла при Вейсенбургѣ командиръ 5-го прусскаго корпуса, генераль Кирхбахъ, заслыша на походѣ канонаду со стороны этого пункта, немедля отправилъ туда офицера генеральнаго штаба для сбора свѣдѣній, а затѣмъ, опереживая свои войска, явился на поле сраженія. Ознакомившись съ обстановкою, онъ ободрилъ сражавшихся тамъ баварцевъ обѣщаніемъ скорой помощи и условился съ ихъ начальникомъ, генераломъ Ботмеромъ, въ какомъ направленіи дѣйствовать войскамъ 5-го корпуса.

Черезъ день послѣ Вейсенбургскаго боя, во время сраженія у Верта, командиръ 1-го баварскаго корпуса, генераль фонъ-деръ-Таннъ, опередивъ свои войска, лично ознакомился съ обстановкою и условился съ бывшимъ уже въ бою Кирхбахомъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ.

Въ день боя у Марсъ-ла-Тура, 16-го августа, командиръ 20-й прусской дивизіи, генераль Краацъ (при которой находилась и корпусная артилерія), послѣшая на выручку 3-му корпусу, Альвенслебена, выслалъ впередъ офицера генеральнаго штаба, который, ознакомившись съ обстановкою, указалъ мѣсто артилеріи, опередившей пѣхоту. Самъ Краацъ тоже выѣхалъ впередъ, опереживая свою дивизію; разъяснивъ себѣ положеніе дѣлъ, онъ, по собственному почину, поддержалъ центръ Альвенслебена частью своихъ силъ, а съ остальными направился къ его лѣвому флангу, находившемуся въ то время въ опасномъ положеніи.

Въ тотъ самый день сраженія при Марсъ-ла-Турѣ въ прусскомъ гвардейскомъ корпусѣ, принца Виртембергскаго, слѣдовавшемъ южнѣе 10-го корпуса, слышана была отдаленная канонада съ сѣверной стороны. Отправивъ въ ту сторону двухъ офицеровъ, принцъ, въ предвидѣніи возможности перемѣны направленія своего корпуса, приказалъ войскамъ своимъ «стануться болѣе къ сѣверу и, не продолжая на другой день движенія въ прежнемъ, западномъ направленіи, ожидать особыхъ приказаній». Посланные принцемъ офицеры вернулись ночью и доложили ему объ обстановкѣ видѣннаго ими боя. Когда же дѣйствительно къ гвардейскому корпусу послѣло приказаніе идти на другой день, 17-го августа, къ Марсъ-ла-Туру, то, благодаря предупредительнымъ распоряженіямъ принца, исполненіе было вполне подготовлено и самъ онъ ориентированъ относи-

тельно опаснаго положенія дѣлъ. Дѣйствительно, гвардейскій прусскій корпусъ послѣ усиленнаго передвиженія показался у Марсъ-ла-Тура на столько благовременно, что головныя части его могли бы вступить въ бой уже около часа пополудни, въ случаѣ, если бы сраженіе возобновилось.

Иными, хотя все столь же раціональными, мѣрами разъяснили себѣ обстановку командиръ 10-го прусскаго корпуса, генераль Фохтсъ-Рецъ, утромъ 16-го августа, до сраженія при Марсъ-ла-Турѣ. Фохтсъ-Рецъ, видимо, чувствовалъ всю шаткость основаній, на которыхъ построена была диспозиція по 2-й нѣмецкой арміи на 16-е число августа.

Извѣстно, что командиръ 2-й нѣмецкой арміи, принцъ Фридрихъ-Карль, отдавая свои распоряженія на 16-е августа, предполагалъ, что французы находятся въ полномъ отступленіи отъ Меца и, что они ушли уже довольно далеко отъ этой крѣпости. Ближайшая затѣмъ задача нѣмцевъ, по мнѣнію принца, состояла въ томъ, чтобы преслѣдовать французовъ параллельнымъ маршемъ и настигнуть ихъ хотя бы уже за р. Мезою. А между тѣмъ положительныхъ доказательствъ въ пользу предположеній начальства 2-й нѣмецкой арміи не было въ сущности никакихъ. Французы на дѣлѣ находились еще непосредственно западнѣе Меца; вполне сосредоточенная ихъ армія очутилась теперь на флангѣ нѣмецкихъ силъ, растянутыхъ на нѣсколько переходовъ въ глубину и по фронту. Эта разброска нѣмцевъ усиливалась еще предположенными на 16-е число передвиженіями.

Итакъ, какъ сказано, генераль Фохтсъ-Рецъ, видимо, чувствуя всю шаткость предположеній начальства арміи, рѣшилъ разъяснить истинное положеніе дѣлъ совершенно на свою руку. Съ этою цѣлью онъ приказалъ: произвести утромъ 16-го числа усиленную развѣдку къ сторонѣ Меца, для чего назначена вся 5-я кавалерійская дивизія, подкрѣпленная четырьмя конными батареями корпусной артилеріи и опирающаяся на бригаду пѣхоты. При кавалеріи слѣдовалъ и начальникъ штаба корпуса, полковникъ Каприви. Самъ Фохтсъ-Рецъ, утромъ 16-го числа, лично направился къ сторонѣ 5-й кавалерійской дивизіи (1). Это вполне сознательное рѣшеніе разъяснить себѣ обстановку, настойчиво приведенное въ исполне-

(1) Извѣстно, что 5-я прусская кавалерійская дивизія наткнулась на французовъ и тѣмъ предварила Фохтсъ-Рецъ, что необходимо ему спѣшить на выручку сосѣднему корпусу Альвенслебена, случайно натѣлеванному прямо на всю армію Базена.

ніе, достойно вниманія тѣмъ болѣе, что правѣ Фохтсъ-Реца, то есть ближе къ Мецу, слѣдовалъ 3-й корпусъ Альвенслебена, предшествуемый 6-ю кавалерійскою дивизіею, на которыхъ, казалось бы, и лежала ближайшая обязанность освѣтить мѣстность къ сторонѣ Меца. Но дѣло въ томъ, что нѣмецкіе начальники не довольствовались ближайше поставленными имъ задачами; они, напротивъ того, старались выяснитъ себѣ и общее положеніе дѣлъ, для того, чтобы принимать свои рѣшенія на основаніи дѣйствительной общей обстановки.

Впрочемъ, подобный широкій взглядъ на дѣло не есть, конечно, исключительное свойство или принадлежность нѣмцевъ нашего времени. Имъ, напротивъ того, во всѣ времена отличались начальники тѣхъ армій, въ которыхъ настоящій живой военный духъ не былъ подавленъ рутинною формалистикой и мертвящею централизаціей. Такою могучею духомъ силою была и русская армія, вышедшая изъ школы Суворова. Потому именно она была страшна врагамъ тогда даже, когда общее надъ нею командованіе было далеко неудовлетворительно. Младшіе, то есть частные, въ ней начальники перѣдко обходились безъ приказаній и отлично умѣли дѣйствовать на свой собственный страхъ и отвѣтственность. Исторія, хотя прежде игнорировавшая подобныя проявленія, тѣмъ не менѣе сохранила намъ нѣкоторые подходящіе примѣры.

Въ сраженіи при Прейсисъ-Эйлау графъ Кутайсовъ, тогда еще 23-хъ-лѣтній юноша, назначенъ былъ начальникомъ артилеріи праваго крыла русской арміи, Бенигсена. Французы ограничивались тутъ только канонадою; русскія войска тоже наступать не намѣревались. Кутайсовъ видѣлъ, что болѣе рѣшительныя дѣйствія тутъ не предстоятъ; отыскивая себѣ затѣмъ дѣло, Кутайсовъ для изученія обстановки отправился къ центру расположенія русской арміи. Прибывъ туда, онъ увидѣлъ, что французы сильно потѣснили лѣвое крыло русскихъ войскъ, бывшее подъ командой графа Остермана. Кутайсовъ, немедля, приказалъ перевести три конно-артилерійскія роты (36 орудій) съ праваго крыла на лѣвое. Картечь этихъ въ-время вскачь прибывшихъ орудій отбила грозную атаку французовъ. Остерманъ и Сакенъ (командовавшій центромъ) привели свои войска въ порядокъ, дѣло возстановилось. Извѣстно, что съ прибытіемъ прусско-русскаго отряда Лестока французскій корпусъ маршала Даву, охватившій было лѣвый флангъ Бенигсена, былъ окончательно отбитъ и затѣянный Наполеономъ маневръ окончательно разстроенъ.

Придерживаясь предѣловъ ближайше разбираемаго вопроса,

подчеркиваю тутъ, главнымъ образомъ, стремленіе Кутайсова «выяснить себѣ общую обстановку». Это стремленіе и есть первый признакъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неотъемлемая принадлежность истинной самостоятельности. Это есть, такъ сказать, первое звено, за которыми тянутся всѣ послѣдующія соображенія, рѣшенія и дѣйствія. Мы видѣли, что Кутайсовъ не ограничился однимъ только созерцаніемъ; онъ, напротивъ того, немедленно задался вопросомъ: что онъ можетъ сдѣлать для общаго блага, и тутъ же приступилъ къ исполненію. Подобною же самостоятельностью отличались тогда и другіе русскіе начальники, вышедшіе прямо изъ школы Суворова, или же послѣдователи его преданій.

Въ зимнюю кампанію съ 1806 на 1807 годъ русскіе начальники: Бенегсенъ, Багговуть, Голицынъ и другіе, «несмотря на безпримѣрную запутанность распоряженій фельдмаршала Каменскаго, вступая самовольно въ бой, не дали Наполеону восторжествовать», такъ говоритъ Михайловскій-Данилевскій въ своей исторіи этой войны по поводу сраженій при Пултускѣ и Голоминѣ. Нечего, кажется, добавлять, что эти «самовольные» (какъ говоритъ историкъ войны) поступки русскихъ вождей именуется теперь просто «самостоятельностью», которая составляетъ неотъемлемую принадлежность современной рациональной командной системы.

Уклонившись разъ отъ очереднаго вопроса (стремленіе къ разъясненію обстановки), позволю себѣ еще одно замѣчаніе.

Достойно вниманія то, что въ послѣдующихъ войнахъ самостоятельность частныхъ начальниковъ слабѣетъ съ удаленіемъ отъ эпохи Суворова. Самостоятельность эта, видимо, выработалась только эмпирически и поддерживалась личными свойствами талантливыхъ вождей, выдвинутыхъ впередъ практическою школою войны. Но затѣмъ «самостоятельность», не вошедшая въ общепризнанную командную систему въ теченіе мирной службы, постепенно ступшевывается.

Въ извѣстномъ трудѣ «Польско-Русская война 1831 года» встрѣчаемъ описаніе многихъ отличныхъ дѣйствій русскихъ начальниковъ, дѣйствовавшихъ въ отдѣлѣ, но какъ то не встрѣчается примѣровъ исполненія приказаній въ смыслѣ современной самостоятельности, а между тѣмъ авторъ сочиненія едва-ли могъ пропустить подобныя проявленія, если бы они случались на дѣлѣ, такъ какъ изъ неоднократныхъ замѣчаній его видно, что онъ по данному вопросу стоитъ на точкѣ зрѣнія, намъ современной. Наконецъ, свидѣтель и участникъ послѣдней восточной войны, генераль Куропаткинъ, въ заключеніяхъ своихъ о причинахъ неудачнато штур-

ма 30-го августа 1877 года подъ Плевной, говорить, между прочимъ, слѣдующее: «Многими частными начальниками всѣхъ родовъ оружія проявлено слишкомъ мало инициативы. Многие начальники дожидались не только приказанія, что и когда дѣлать, но и какъ дѣлать. Справедливые упреки въ бездѣйствіи и неоказаніи помощи отражались фразою: «я не получилъ приказанія».

Болѣе выгодно отличались, всегда, въ этомъ отношеніи войска кавказскія. Рѣзкое различіе, замѣчавшееся въ особенности въ первое время между коренными кавказскими частями и вновь прибывшими на Кавказъ изъ мирныхъ стоянокъ (къ невыгодѣ послѣднихъ), едва ли не обуславливалось, главнымъ образомъ, привычкою кавказцевъ къ самостоятельности, начиная съ младшихъ чиновъ, выработанной дѣйствіями мелкихъ отрядовъ въ борьбѣ съ воинственными горами.

Возвращаюсь къ ближайше разбираемому вопросу.

Отмѣчено было выше, что ни одни только нѣмецкіе начальники въ послѣднихъ войнахъ проявляли стремленіе къ ознакомленію съ общей обстановкой. Не чуждо оно было и начальникамъ французскимъ, даже въ войну 1870 года. Какъ примѣръ, можно привести, что въ сраженіи при Марсъ-ля-Турѣ командиръ 4-го французскаго корпуса подоспѣлъ на поле битвы со своею кавалерійскою дивизіею около полудня, задолго до прибытія своей пѣхоты. Ознакомившись съ положеніемъ, генераль Лямиро, сообразно со своимъ пониманіемъ дѣла, по прибытіи головной дивизіи пѣхоты, вошелъ одною бригадою въ связь съ ближайшимъ французскимъ корпусомъ, маршала Капробера, а другою—оберегалъ правый флангъ общаго боеваго расположенія французской арміи. Тутъ онъ отбилъ атаку прусской бригады Веделя, отброшенной съ громаднымъ для нея урономъ. Вполнѣ достигнувъ намѣченной себѣ цѣли, пассивной обороны, генераль Лямиро не понялъ, однако, и не исполнилъ стратегической задачи, поставленной ему обстоятельствами.

Извѣстно, что положеніе дѣлъ въ день Марсъ-ля-Тура требовало отъ французовъ самаго энергическаго наступленія, для того, чтобы разбить и отбросить слабѣйшія силы нѣмцевъ, преграждавшихъ путь отступленія французской арміи, маршала Базена. Эта задача въ особенности представлялась поименованному корпусу генерала Лямиро, который, съ прибытіемъ другой еще пѣхотной дивизіи своего корпуса имѣлъ полную возможность довершить пораженіе лѣваго крыла нѣмцевъ и рѣшить участь дня въ пользу французовъ. Однако, французскій начальникъ не разрѣшилъ поставленной ему

судьбою задачи; разительное доказательство тому, что начальнику болѣе крупной части войскъ не «довольно ознакомиться съ ближайшей частной обстановкой», но необходимо ему еще «умѣть обнять и вѣрно оцѣнить обстановку общую» и къ ней примѣнить свои частныя дѣйствія. Такой широкій и вѣрный взглядъ на дѣло не разъ проявляли начальники нѣмецкіе.

Изъ вышесказаннаго выведено заключеніе, что частные начальники должны не только стремиться къ выясненію себѣ общей обстановки, но «умѣть» обнять ее и оцѣнить надлежащимъ образомъ.

Нижеприведенные примѣры наглядно доказываютъ и поясняютъ поставленную тезу.

При Вертѣ 6-го августа 1870 года 2-я баварская пѣшая дивизія, Ботмера, вслѣдствіе сбивчиваго приказанія, полученнаго наканунѣ изъ штаба 3-й нѣмецкой арміи, одна одинешенько атаковала лѣвое крыло французской арміи, маршала Макъ-Магона. Баварцы были, конечно, отброшены и отошли въ полномъ разстройствѣ. Бой баварцевъ подалъ поводъ ближайшему (центръ нѣмецкаго расположенія) 5-му прусскому корпусу, Кирхбахъ, ввязаться въ дѣло для облегченія сосѣда. Одновременно съ этимъ передовыя части подходившаго лѣвофланговаго нѣмецкаго, 11-го, корпуса поддержали у Гунштета небольшой отрядъ, оберегавшій лѣвый флангъ 5-го корпуса, находившійся въ перестрѣлкѣ съ наступавшими для развѣдки французами. Такимъ образомъ бой загорѣлся по всей линіи.

Командиръ 3-й нѣмецкой арміи, кронпринцъ прусскій не желалъ атаковать французовъ въ тотъ день. Находясь позади, онъ не зналъ, что сраженіе приняло уже обширные размѣры и считалъ еще возможнымъ прекратить дѣло. На этомъ основаніи кронпринцъ разослалъ приказаніе «прекратить бой». Однако, генераль Кирхбахъ, находившійся въ центрѣ боеваго расположенія, оцѣнилъ обстановку совершенно иначе и, надо признать, вполне вѣрно.

Кирхбахъ видѣлъ, что изъ пяти корпусовъ, составлявшихъ наличныя силы арміи кронпринца, три довольно значительными силами ввязались уже въ бой, пока для нѣмцевъ безуспѣшный. Кирхбахъ сознавалъ, что прекращеніе боя при такой обстановкѣ, когда принесенныя жертвы не окупилась еще никакими положительными результатами, повлечетъ за собою всѣ матеріальныя и нравственныя послѣдствія довольно серьезной неудачи. Въ арміи кронпринца находился одинъ только корпусъ старой прусской формаци, а именно 3-й, да и тотъ состоялъ преимущественно изъ поляковъ. Изъ

остальныхъ войскъ большинство состояло изъ недавнихъ противниковъ Пруссіи въ междоусобной войнѣ 1866 года. Такая разношерстная армія легко могла пасть духомъ и потерять самоувѣренность и чувство единства, вынесенное изъ, по правдѣ сказать, слишкомъ легкой побѣды, одержанной за день до того при Вейсенбургѣ.

Далѣе извѣстно было, что французы, вообще, не вполне еще готовы и не сосредоточены, а потому всякая отсрочка рѣшенія была въ ихъ только пользу. Неудача нѣмцевъ 6-го августа, хотя бы и частная, должна была настолько же возвысить духъ войскъ Макъ-Магона, на сколько ослабить нравственныя силы арміи кронпринца прусскаго. Наконецъ, и два остальные корпуса кронпринца находились недалеко позади и въ тотъ еще день могли поспѣть на поле сраженія.

Видимо, принявъ въ расчетъ всѣ эти данныя, иными словами «общую вѣрно оцѣненную обстановку», Кирхбахъ рѣшилъ продолжать сраженіе, о чемъ донесъ кронпринцу и попросилъ поддержки у сосѣднихъ корпусовъ, рассчитывая на то, что два задніе сами поспѣшатъ на выстрѣлы.

Извѣстно, что, прибывшій впоследствии на поле сраженія кронпринцъ прусскій вполне одобрилъ рѣшеніе Кирхбаха, даровавшее нѣмцамъ цѣнную побѣду, которая иначе легко могла отъ нихъ ускользнуть, хотя бы вслѣдствіе вполне возможнаго и вѣроятнаго отступленія Макъ-Магона, въ особенности по полученіи имъ свѣденія о пораженіи французскаго корпуса, Фросара, у Шпихерна⁽¹⁾.

Такое же широкое пониманіе дѣла и вѣрную оцѣнку общей обстановки обнаружили и прусскіе дѣятели въ день боя 14-го августа, предъ Мецомъ въ помянутомъ уже выше сраженіи при Колебэ-Нуйли, въ особенности генераль Гольцъ и Мантейфель. Выказалось это слѣдующимъ образомъ.

Послѣ побѣды, одержанной нѣмцами 6-го августа при Шпихернъ-Форбахѣ, какъ уже разъ сказано, 1-я и 2-я ихъ арміи вторглись въ предѣлы Франціи. Къ 14-му августа 1-я нѣмецкая армія приблизилась къ Мецу, наблюдая за отошедшими къ нему французами. Между тѣмъ, 2-я армія, прикрываемая 1-й, довершала свое довольно длин-

(1) Нелишне прибавить, что, въ сущности, нѣмцы вообще не имѣли никакихъ уважительныхъ причинъ откладывать дѣло. Если сраженіе разыгралось, какъ говорится, «случайно», если нѣмцы далеко не воспользовались въ немъ своимъ громаднымъ превосходствомъ силъ, то вина въ томъ лежитъ всецѣло на начальствѣ арміи, что подробно разобрано и доказано въ сочиненіи: «Побѣды и пораженія въ войнѣ 1870 г. и проч.», т. I, гл. VII.

ное фланговое передвиженіе къ переправамъ черезъ р. Мозель, выше, т. е. южнѣе крѣпости Меца, съ цѣлью, перейдя на ту сторону рѣки, по возможности, настигнуть и разбить французскую армію. Основывалось это на предположеніи, что французы, перейдя за Мозель, будутъ продолжать свое отступленіе отъ Меца къ Вердену и далѣе.

Съ утра 14-го августа, съ аванпостовъ 1-го и 7-го прусскихъ корпусовъ (входившихъ въ составъ 1-й арміи) стали поступать донесенія, что французы снимаются съ позиціи, занимаемой ими впереди (восточнѣе) Меца. Со стороны авангарда генерала Гольца отъ 7-го корпуса замѣтно было, что французы просто отступаютъ къ Мецу. Съ пункта же наблюденія командира 1-го прусскаго корпуса, генерала Мантейфеля, можно было предполагать, что противникъ или отходитъ назадъ, или направляется для удара во флангъ 2-й нѣмецкой арміи. По мнѣнію поименованныхъ прусскихъ генераловъ, какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, лежало въ интересѣ нѣмцевъ, по возможности, остановить или хотя замедлить движеніе французовъ путемъ непосредственной на нихъ атаки.

Результатомъ этихъ соображеній и убѣжденій, видимо раздѣляемыхъ и другими прусскими начальниками, была атака, поведенная прусаками сравнительно весьма слабыми силами въ особенности въ началѣ дѣла, но тѣмъ не менѣе вполне достигшая цѣли. Безъ того беспорядочная и мѣшкотная отступательная переправа французовъ замедлилась еще больше. Такимъ образомъ, сраженіе 14-го августа, передъ Мецомъ, плодъ вѣрной оцѣнки общей обстановки со стороны частныхъ прусскихъ начальниковъ, сдѣлалось первымъ звеномъ въ ряду нѣмецкихъ операцій, окончательно погубившихъ французскую армію, маршала Базена.

Впрочемъ, проявленія дѣльной оцѣнки общей обстановки, съ принятіемъ по ней надлежащихъ рациональныхъ рѣшеній, не должны ограничиваться лишь краткими періодами боевыхъ столкновеній. Истинная самостоятельность со всѣми ея послѣдствіями никакъ не можетъ заявлять о себѣ единичными лишь, такъ сказать, прерывчатыми порывами. Она, напротивъ того, основана на постоянной непрерывной умственной работѣ; поэтому она воплощается и въ разумныя соотвѣтствующія обстановкѣ пригготовительныя военныя операціи, безъ коихъ немислимы крупныя тактическіе успѣхи. Вотъ тому примѣры.

Въ помянутую выше эпоху подхода 2-й нѣмецкой арміи къ р. Мозелю, командиръ 10-го прусскаго корпуса, сознавая, какъ важно

для нѣмцевъ скорѣе захватить переправы на р. Мозелѣ, двинулъ усиленнымъ маршемъ свою головную, 19-ю, дивизию, которая уже 13-го августа захватила весьма важныя переправы у Понтъ-а-Муссонъ и Діелюаръ. Точно также командиръ 3-го прусскаго корпуса, генераль Альвенслебенъ, въ полномъ сознаниіи общей обстановки, по собственному почину, дошелъ до самаго Мозеля уже 15-го августа, захватилъ тамъ переправу у Дельмъ и ночью перешелъ за рѣку. Правильная оцѣнка общей обстановки со стороны поименованныхъ генераловъ и быстрое энергичное по ней исполненіе дали имъ возможность захватить переправы, даже непопорченныя французами, видимо, не ожидавшими столь сораго появленія противника. Въ свою очередь, быстрый захватъ переправъ далъ нѣмцамъ возможность настичь армию маршала Базена на томъ (лѣвомъ) берегу рѣки Мозеля и, задержавъ сраженіемъ при Марсъ-ля-Турфъ, вынудить его вернуться въ Мецъ.

Подобныхъ примѣровъ должной оцѣнки общей обстановки и правильныхъ сообразно съ нею дѣйствій со стороны нѣмецкихъ начальниковъ можно бы привести гораздо больше; но и приведенные достаточно поясняютъ и подтверждаютъ положеніе, что частный начальникъ на войнѣ не можетъ ограничивать свой кругозоръ разъясненіемъ ближайшей лишь обстановки, т. е. частныхъ; онъ, напротивъ того, обязанъ не упускать изъ вида крупнаго цѣлаго, иными словами— «общей обстановки». Нечего, кажется, прибавлять, что тотъ же частный начальникъ долженъ «быть способенъ» уяснить себѣ общую обстановку, и въ рѣшительную минуту стать на высотѣ представшей предъ нимъ роковой задачи.

Все сказанное можно развѣ дополнить еще примѣрами отрицательными; а гдѣ же ихъ искать, если, къ сожалѣнію, не въ дѣйствіяхъ французскихъ начальниковъ въ несчастную для нихъ войну 1870 г.

Выше уже упомянуто, что командиръ 4-го французскаго корпуса, исполняя ходячее правило, т. е. «поспѣшая на выстрѣлы и выручку своимъ», 14-го августа перевелъ обратно за Мозель двѣ свои пѣшія дивизіи, только что успѣвшія переправиться, чѣмъ, на сколько отъ него зависѣло, вполне замедлилъ главную очередную стратегическую задачу французской арміи: отступательную переправу за Мозель. Точно также и въ сраженіи при Марсъ-ля-Турфъ тотъ же французскій генераль не обличилъ сознания общей обстановки, ограничившись пассивною обороною въ то время, когда требовалось самое рѣшительное наступленіе; о чемъ, впрочемъ, сказано уже выше.

Подобное же игнорированіе общей обстановки обличили французскіе частные начальники въ день Шпихернскаго боя.

Припомнимъ, что 2-й французскій корпусъ генерала Фросара, находясь въ окрестностяхъ Шпихернь-Форбаха, ввязался 6-го августа въ оборонительное сраженіе противъ прусаковъ. Маршалъ Базенъ, командиръ, находившагося позади Фросара, 3-го корпуса, хотя и нѣсколько поздно, двинулъ на поддержку своимъ съ разныхъ пунктовъ три изъ своихъ пѣхотныхъ дивизій. Между тѣмъ, Фросаръ, считая положеніе свое опаснымъ и боясь совершеннаго охвата своего лѣваго фланга, началъ вечеромъ свое отступленіе въ противоположную сторону (вправо), къ Сааргемюнду. Такимъ образомъ, Фросаръ совершенно оголялъ и передавалъ противнику кратчайшій путь, ведущій къ Мецу; но подходившія три дивизіи Базена, по ходу своего движенія, очутились поздно вечеромъ какъ разъ за бывшею позиціею Фросара (на коей стояла еще одна изъ дивизій послѣдняго). Казалось, что дивизіи эти замѣнятъ собою отошедшія французскія войска и прикроютъ важный путь отъ Саарбрюкена на Мець. Это было необходимо еще по тому, что Фросаръ уклонился вправо и долженъ былъ выиграть направленіе на Мець фланговымъ движеніемъ. Однако, французскіе генералы вмѣсто представлявшей имъ задачи «замѣнить Фросара» на пути въ Мець, напротивъ того, бросились въ сторону для «присоединенія къ Фросару». Не поддерживавъ своихъ въ бою, они сумѣли только участвовать въ стремительномъ отступленіи. Тутъ видимъ примѣръ совершеннаго игнорированія, чтобы не сказать — непониманія общей обстановки. Это непониманіе могло быть причиною полнаго погрома двухъ французскихъ корпусовъ (Фросара и Базена), которые могли быть отрѣзаны отъ Меца и отброшены на армію кронпринца прусскаго (наступившаго изъ Эльзаса), если бы сраженіе у Шпихерна не было для нѣмцевъ совершенно случайнымъ, веденнымъ только немногими, такъ сказать, выскочившими впередъ войсками, за которыми не могли поспѣть достаточныя свѣжія силы, способныя, не медля, двинуться кратчайшимъ путемъ по направленію къ Мецу.

Доказано уже, что каждому частному начальнику на войнѣ необходимо изучать окружающую его обстановку. Однимъ изъ важнѣйшихъ и легче другихъ доступнымъ элементомъ этой обстановки будетъ: положеніе и состояніе сосѣднихъ войскъ своей стороны, равно и виды и намѣренія ихъ начальниковъ.

Изъ сказаннаго само собою проистекаетъ необходимость постоянной между сосѣдами «связи», понимая связь въ смыслѣ постоянного обмена свѣдѣній и видовъ. Понятно, впрочемъ, что подобная связь возможна тогда только, когда имѣется обоюдное желаніе служить общему дѣлу, ставя его интересы выше собственныхъ личныхъ, эгоистическихъ видовъ, хотя бы и воплощаемыхъ въ форму одиночныхъ удачныхъ дѣйствій.

А потому связи фактической должна предшествовать связь нравственная, основанная на вполне добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, на чувствѣ товарищеской солидарности и взаимной выручки. Но всегда-ли такъ бываетъ?

Сильныя и слабыя, возвышенныя и дурныя свойства человѣческой природы высказываются на войнѣ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, хотя и не въ одинаковомъ взаимномъ соотношеніи.

Нѣмцы справедливо вправѣ гордиться постоянными проявленіями у нихъ чувства долга и добраго товарищескаго согласія во время послѣднихъ ихъ войнъ; однако, и у нихъ даже не обошлось безъ явленій противоположныхъ.

Извѣстно, что въ періодъ приближенія 1-й и 2-й нѣмецкихъ армій къ пограничной рѣкѣ Саарѣ, въ самомъ началѣ кампаніи 1870 года, командиръ 1-й арміи, генераль Штейнмецъ, 5-го августа, «случайно», посредствомъ разѣзда, добылъ изъ штаба сосѣдняго 3-го корпуса, Альвенслебена, отъ 2-й арміи, диспозицію по той арміи на 6-е августа, а также и частную диспозицію по 3-му корпусу. Узнавъ изъ послѣдней, что авангардъ 3-го корпуса долженъ 6-го августа подойти близко къ Саарбрюкену (на р. Саарѣ), Штейнмецъ немедленно распорядился скорѣйшимъ занятіемъ именованнаго пункта частями своей арміи, такъ сказать, подъ носомъ сосѣда, несмотря на то, что, согласно полученному наканунѣ (4-го августа) королевскому приказанію, путь на Саарбрюкенъ принадлежалъ исключительно 2-й арміи.

За то и Альвенслебенъ, уже послѣ сраженія при Шпихернѣ, точно въ отместку Штейнмecu, «тайно» отъ послѣдняго занялъ 9-го августа оставленный французами Сенъ-Авольдъ, выдвигаясь значительно передъ фронтъ 1-й арміи (1).

Приведенные примѣры ненормальныхъ отношеній между сосѣдними войсками доказываютъ, между прочимъ, и то, что у нѣм-

(1) Справедливость требуетъ добавить, что собственно въ бою у Шпихерна Альвенслебенъ поддержалъ войска изъ арміи Штейнмеца всѣми, бывшими въ его распоряженіи, силами.

цевъ, въ то время, не была установлена система надлежащей «связи» между сосѣдями. Дѣйствительно, изъ указанныхъ выше въ своемъ мѣстѣ примѣровъ «изученія обстановки» видно, что «связь» эта, или вѣрнѣе, сознательное къ ней стремленіе, въ видѣ обмѣна мыслей посредствомъ ординарцевъ или личными свиданіями, является и у нѣмецкихъ начальниковъ тогда только, «когда громъ загремѣлъ», т. е. когда уже разыгралось сраженіе. Между тѣмъ какъ связь предварительная (т. е. въ сущности, постоянная) не разъ могла дать событіямъ ходъ иной, для нѣмцевъ гораздо болѣе благоприятный.

Вертскій бой, безусловно выигранный единственно распорядительностью частныхъ вѣмецкихъ начальниковъ, единодушными, въ мѣрѣ возможности, ихъ дѣйствіями, обличаетъ тѣмъ не менѣе полное отсутствіе предварительной между ними связи. Если бы подобная связь существовала, то въ 5-мъ корпусѣ Кирхбаха извѣстно было бы объ особомъ приказаніи, данномъ 2-му баварскому корпусу («атаковать одною дивизіею по направленіи на Фрѣшвилеръ, когда у Верта послышится канонада»). Нѣтъ сомнѣнія, что, при существованіи «предварительной связи», начальникъ авангарда 5-го корпуса, генералъ Вольтеръ, не затѣялъ бы своей усиленной развѣдки, не предваривъ заранѣе баварцевъ, а послѣдніе не пошли бы въ атаку по поводу канонады Вольтера.

Далѣе не можетъ подлежать сомнѣнію, что Альвенслебенъ (изнемогавшій въ неравномъ бою) при Марсъ-ля-Турѣ, собственно только изъ-за «отсутствія связи» съ сосѣдями, не получилъ никакой своевременной поддержки со стороны 9-го прусскаго корпуса, Манштейна.

Наконецъ, и гвардейскій прусскій корпусъ не предпринялъ бы 18-го августа своей кровавой, неудачной, преждевременной въ лобъ атаки на Сень-Прива, если бы онъ находился «въ связи» съ саксонцами и зналъ, что воздѣйствіе обходнаго движенія послѣднихъ въ то время еще созрѣть не могло.

Эти немногія на выдержку причины достаточно доказываютъ необходимость постоянной между сосѣдями связи, въ смыслѣ обмѣна видовъ и свѣдѣній. Этому пониманію «связи» не лишне противопоставить общепринятое, такъ сказать, заурядное ея толкованіе.

И въ самомъ дѣлѣ, что такое «связь» въ заурядномъ толкованіи?

«Связь» это прежде всего заурядно употребляемое выраженіе, также туманное и неопредѣленное, какъ и зачастую мысль употребляющихъ тотъ терминъ разговорно или даже въ приказаніяхъ.

Принято, напримѣръ, между болѣе крупными отдѣлами (отрядами) войскъ (все равно въ движеніи они, или на мѣстѣ) двигать небольшіе отряды, часто только кавалерійскіе, какъ говорится «для связи».

Если вопросъ идетъ собственно «о наблюденіи» пространства между крупными отрядами, т. е. о продолженіи и соединеніи наблюдательныхъ и охранительныхъ мѣропріятій послѣднихъ (крупныхъ отрядовъ), то мелкіе промежуточные отряды вполнѣ могутъ удовлетворять этой цѣли. Но вѣдь «наблюденіе за промежуткомъ» составляетъ задачу совершенно особую, не имѣющую ничего общаго со «связью» между предполагаемыми крупными отрядами. Такимъ образомъ, вопросъ объ этой «связи» все еще ожидаетъ своего рѣшенія.

Промежуточный отрядъ, конечно, облегчить обмѣнъ развѣдковъ; можно допустить, что, пользуясь ими, войска обмѣняются кой какими отрывочными свѣдѣніями. Но будутъ ли эти свѣдѣнія какъ разъ тѣ, которыя для получающаго именно интересны, а главное: поступать ли они своевременно? Очевидно, что все будетъ тутъ зависѣть не только отъ доброй воли и сообразительности начальника и его штаба, но и отъ возможности исполненія.

Нельзя упускать изъ виду, что въ самое критическое время, т. е. тогда именно, когда всего болѣе нужны другому свѣдѣнія, всякій начальникъ, а съ нимъ и его подчиненные, слишкомъ поглощены своимъ ближайшимъ дѣломъ, и далеко не всегда найдутъ время, а главное—свободную мысль, чтобы исполнить задачу «связи», т. е. дѣло сообщенія свѣдѣній надлежащимъ образомъ и, притомъ какъ уже замѣчено, «своевременно».

Всякія взаимныя сообщенія можно подраздѣлить на два разряда, во-первыхъ, тѣ, въ которыхъ заинтересованъ самъ отправитель (напримѣръ, просьба о поддержкѣ и т. п.), и во-вторыхъ, тѣ, въ которыхъ нуждается сосѣдъ. Не трудно понять, что сношенія по первому изъ этихъ отрядовъ будутъ довольно исправны; но чемъ гарантированъ второй разрядъ?

Вообще, можно сказать, что слабый начальникъ гораздо болѣе заинтересованъ въ томъ, чтобы знать, что дѣлается у сосѣда, нежели послѣдній въ сообщеніи о себѣ свѣдѣній. Иными словами, что каждый начальникъ болѣе заинтересованъ «въ получкѣ», нежели въ «сообщеніи» свѣдѣній. Всякое полученное извѣстіе разъясняетъ обстановку. Умъ начальника получаетъ для дѣятельности своей матеріаль фактической, реальный; между тѣмъ какъ отъ неизвѣстности легко болѣзненно разыгривается фантазія, лишая начальника

спокойствія и бодрости духа, столь необходимыхъ въ рѣшительныя минуты «добывать» нужныя ему свѣдѣнія. Исполнимо это посредствомъ благовременной высылки въ сосѣдную колонну «довѣреннаго офицера».

На войнѣ и въ бою, гдѣ заразъ налетаетъ на человѣка столько разнородныхъ впечатлѣній и ощущеній, способныхъ затѣмнить его умъ и ослабить прозорливость, дѣло тогда только идетъ успѣшно, если всякому дано «возможно менѣе сложное», но непремѣнно «отвѣтственное порученіе». Кажется, что этому вполне соответствуетъ роль «довѣреннаго офицера». Только этимъ путемъ дѣло «связи» будетъ поставлено на твердую почву рациональной, постоянно дѣйствующей системы, замѣняя собой зыбкую и прерывчатую вереницу капризныхъ импровизацій.

О «средствахъ» исполненія поговоримъ дополнительно.

Генералъ-лейтенантъ Н. Войде.

(Продолженіе будетъ).

ИЗСЛѢДОВАНИЕ ЛѢСНЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

(Статья пятая) (1).

III. Теорія лѣсныхъ дѣйствій.

в) *Бой (продолженіе)*. При всѣхъ трудностяхъ въ ориентированіи, управленіи, сохраненіи связи въ глубину и по фронту, лѣсъ, говоря вообще, является ареною для борьбы *неудобною*, затрудняющею, при извѣстныхъ условіяхъ, наблюденіе за флангами, оказывающею разлагающее вліяніе какъ на весь боевой порядокъ, такъ равно и на каждую изъ войсковыхъ единицъ въ частности. Подобныя *общія* свойства лѣса исключаютъ употребленіе въ лѣсной мѣстности такъ называемыхъ *нормальныхъ* боевыхъ порядковъ и *маневренной* или *эволюціонной* тактики. По поводу сраженія при Головчинѣ (1708 году), гдѣ русскія войска занимали позицію *впереди* лѣса, мы въ Военно-Энциклопедическомъ лексиконѣ читаемъ: «Въ то время лѣса считались не только *невыгодными* для обороны, но даже *непроходимыми препятствіями*... *Тогдашній строй вовсе не былъ приспособленъ къ оборонѣ лѣсовъ*». Слѣдовательно, господство нормальныхъ боевыхъ порядковъ естественно должно было приводить къ отрицанію лѣса на полѣ сраженія и признанію за нимъ во всѣхъ случаяхъ свойствъ *преграды*, вполне обезпечивающей тотъ или другой участокъ боеваго порядка, — преграды, которую не было надобности ни занимать, ни даже наблюдать. Тѣ немногіе случаи, когда лѣсъ не выполнилъ этой роли (Аркъ, Сооръ, Гохкирхъ и друг.), не могли измѣнить установившагося *условнаго* взгляда, ибо признать лѣсъ доступнымъ для маневрированія можно было только отрѣшась отъ господствовавшей рутинной тактики. Въ сущности, разъ какъ фиктивная недоступность лѣса признавалась обѣими воюющими сторонами, при-

(1) См. «Военный Сборникъ» 1891 года, № 11-8.

мѣры, подобныя тремъ вышеприведеннымъ, — чистая случайность, исключеніе изъ цѣлой массы противоположныхъ. Очень поучительнымъ примѣромъ въ этомъ смыслѣ является сраженіе при Полтавѣ (1709 г.).

Укрѣпленный лагерь русской арміи упирался тыломъ въ рѣку Ворсклу, лѣвымъ флангомъ—въ густой лѣсѣ; передъ его фронтомъ тянулась открытая равнина, замыкаемая другимъ лѣсомъ, который отъ перваго отдѣлялся промежуткомъ въ одну версту. Петръ I приказалъ преградить эту полосу шестью редутами, *не занявъ*, однако, лѣса, составляющаго опору лѣваго фланга и арміи, и редутовъ. Что этотъ лѣсъ былъ *не недоступенъ*, доказываетъ борьба Меншикова съ колонною Росса, которая была отброшена въ глубь лѣса, *настигнута здѣсь драгунами* и почти вся истреблена, причемъ русская пѣхота, *пройдя лѣсъ*, овладѣла шведскимъ лагеремъ и отрѣзала разбитой арміи Карла XII путь отступленія. Шведскій король могъ воспользоваться этимъ лѣсомъ съ двоякою цѣлью: обойти линію редутовъ, скрытно приблизиться къ лагерю русскихъ. Очевидно, Петръ не могъ игнорировать такой возможности и, если, все-таки, поступаетъ вопреки ей, то только потому, что въ этомъ случаѣ онъ дѣйствуетъ какъ *ученикъ*, знавшій слабость своего учителя, и *воспринявшій отъ него всю традицію европейской тактики съ ея условнымъ взглядомъ на лѣсъ, какъ преграду*. Насколько онъ былъ правъ, показываетъ весь ходъ боя: вмѣсто скрытнаго обхода черезъ лѣсъ, его противникъ форсируетъ линію редутовъ и тѣмъ разстраиваетъ свою армію хуже, чѣмъ это сдѣлало бы движеніе лѣсомъ; затѣмъ, подъ огнемъ русскихъ, совершаетъ сложную перемѣну фронта и только тогда начинается рѣшительный бой. Могъ-ли, однако, Карлъ XII поступить иначе? Очевидно, нѣтъ, ибо вся сила его заключалась въ тактическо-маневренномъ превосходствѣ войскъ, въ стройности эволюцій, въ моральномъ, наконецъ, значеніи его личности героя-полководца,—и все это лѣсъ парализуетъ. Эволюціонная тактика отрицаетъ лѣсъ; лѣсъ отрицаетъ эволюціонную тактику.

Въ свое время лѣсъ былъ одною изъ причинъ перехода отъ сплошнаго боеваго порядка къ прерывчатому, отъ линейной тактики къ перпендикулярной, отъ сомкнутыхъ боевыхъ строевъ къ разсыпному; а такъ какъ въ настоящую эпоху, вмѣстѣ съ расширеніемъ на полѣ сраженія сферы огнестрѣльнаго дѣйствія, даже и на открытой мѣстности, преобладаютъ разсыпной и тонкіе строи совмѣстно съ крайнею прерывчатостью боевыхъ порядковъ по фронту и въ глубину, то, очевидно, что тактическое значеніе лѣса, какъ опорнаго

пункта и какъ подступа, должно несомнѣнно возрасти, причемъ, если вначалѣ лѣсъ заставлялъ *естественную разброску и разложение замкнуть искусственной* (переходъ къ прерывчатому боевому порядку), то теперь, какъ закрытое и скрывающее отъ огня пространство, *допускаетъ, напротивъ, болѣе сосредоточеніе, сравнительно съ открытымъ полемъ боя*: на открытомъ мѣстѣ баталіонъ, на примѣръ, въ строю по-ротно занимаетъ (возьмемъ норму) 500 шаговъ по фронту и 1,000 шаг. въ глубину; въ лѣсу же, при средней густотѣ послѣдняго, размѣры эти уменьшаются *minimum* въ полтора раза по фронту и вдвое по глубинѣ и, слѣдовательно, при данныхъ размѣрахъ фронта лѣсъ потребуетъ болѣе войскъ для обороны.

Неудобства лѣса, какъ поля сраженія, относятся, главнымъ образомъ, къ тому случаю, когда шансы успѣха обусловлены численнымъ превосходствомъ одного изъ противниковъ и потому даже теперь, въ періодъ глубокой тактики, когда войска воспитываются въ духѣ инициативы, для значительныхъ массъ лѣсъ, уравнивающій силы, невыгоденъ; но для войскъ при слабости численной сильныхъ духомъ, способныхъ къ борьбѣ малыми частями и въ одиночку, онъ является всегда желательнымъ поприщемъ.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ лѣснаго боя нетрудно видѣть, что вліяніе лѣса на *боевой порядокъ* при наступленіи и оборонѣ, а также на *способъ дѣйствій* сторонъ зависитъ отъ положенія лѣсной площади относительно фронтальной линіи борьбы, которая можетъ быть или *по наружной опушкѣ*, или *внутри лѣса*, или *за лѣсомъ*. Каждый изъ этихъ частныхъ случаевъ имѣетъ спеціальныя особенности и потому представляетъ совершенно отдѣльный видъ лѣснаго боя. Бой за опушку и за выходъ изъ лѣса, говоря теоретически, болѣе выгоденъ для обороны: въ первомъ случаѣ на сторонѣ обороняющагося преимущество и въ закрытіи, и въ огнестрѣльномъ дѣйствіи, — это, по выраженію Клаузевица, борьба слѣпаго съ зрячимъ; во второмъ — преимущество въ возможности дѣйствовать всѣмъ родамъ оружія, тогда какъ атакующій, по крайней мѣрѣ, въ началѣ, можетъ противопоставить только одну пѣхоту, уже разстроенную боемъ и движеніемъ по лѣсу. Бой внутри лѣса — борьба съ болѣе или менѣе равными шансами на успѣхъ.

Въ дѣйствительности лѣсной бой, однако, не всегда представляетъ совокупность всѣхъ этихъ видовъ. Если наружная опушка по своему положенію относительно впередилежащей мѣстности не даетъ преимуществъ огнестрѣльнаго дѣйствія (лѣсъ рѣдкій и на

скатѣ позади командующаго гребня), то линия обороны относится назадъ въ глубь лѣса и тогда, очевидно, первый видъ борьбы—бой за опушку—исчезаетъ (Гифертъ и Пфафенъ-вальдъ подъ Шпихерномъ, Лапгензульцбахскій лѣсъ подъ Вертомъ); равнымъ образомъ, если обороняющійся не придаетъ лѣсу значеніе опорнаго пункта, обладаніе которымъ упрочиваетъ его положеніе на всей позиціи, какъ это мы видимъ при Катръ-бра (лѣсъ Босю), при Гроховѣ (Ольховая роща), Чашникахъ, Седанѣ (Гареннскій лѣсъ), Оверзее и друг., то онъ воспользуется лишь выгодами опушки и не проявитъ сопротивленія внутри (лѣсъ Живодо при Бомонѣ); далѣе, если линия обороны находится позади лѣса, который играетъ, такимъ образомъ, роль подступа, бой выражается лишь борьбою за выходъ (Штирингъ-вальдъ подъ Шпихерномъ; лѣсъ Гола подъ Кенигсгредемъ и другія).

Мы, полагаемъ, не ошибемся, если скажемъ, что лѣсной бой по существу представляетъ нѣчто среднее между боемъ за населенные пункты и боемъ ночнымъ: уступая первому въ смыслѣ ориентированія и управленія, онъ отдаетъ послѣдному преимущество скрытности.

Лѣсъ даетъ укрытіе отъ взоровъ извнѣ лучшее, чѣмъ населенные пункты; его труднѣе рекогносцировать противнику и, наоборотъ, давая естественныя и незамѣтныя, слѣдовательно безопасныя вышки, лѣсъ содѣйствуетъ лучшему наблюденію за силами и нѣмреніями наступающаго; въ противность населеннымъ пунктамъ, лѣсъ, когда почва его достаточно влажна, невозможно зажечь снарядами, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда снарядъ упадетъ внѣ непосредственнаго расположенія войскъ, на сухой надпочвенный слой изъ листьевъ, валежника, лишаевъ, можетъ произойти лѣсной пожаръ; рѣдкій лѣсъ даетъ больше, чѣмъ селеніе, выгодъ, въ смыслѣ поддержки, ибо допускаетъ движеніе сомкнутыхъ частей не только по дорогамъ, но и цѣликомъ, тогда какъ въ селеніи оно возможно лишь по улицамъ; съ другой стороны, такъ какъ въ селеніяхъ строенія даютъ много опорныхъ пунктовъ, уличный бой, при необходимости брать эти пункты одинъ за другимъ, долженъ, очевидно, отличаться бѣльшимъ упорствомъ, чѣмъ борьба внутри лѣса; далѣе, хотя внутри селенія тактической порядокъ менѣе нарушается, чѣмъ въ лѣсу, но за то утвердиться на противоположной окраинѣ труднѣе при томъ условіи, что улицы представляютъ рядъ узкихъ дефиле, которыя могутъ обстрѣливаться продольно. Такимъ образомъ, имѣя въ опушкѣ хорошую стрѣлковую позицію (окраина

деревни будетъ таковою только тогда, когда окружена валикомъ или прочною оградю), лѣсъ даетъ оборонѣ большія преимущества въ первый періодъ борьбы; разъ же послѣдняя перешла въ глубь, выгоды, переходятъ на сторону населенныхъ пунктовъ, что даетъ основаніе нѣкоторымъ писателямъ даже совершенно отрицать борьбу внутри лѣса. (1) Бой внутри лѣса, особенно если онъ густъ, имѣетъ много сходственныхъ чертъ съ ночнымъ боемъ: та же ограниченность кругозора и, какъ результатъ ея, то же морально-угнетенное состояніе, приводящее къ преувеличенію опасности; та же *необходимость избѣгать растяжекъ и разброски*, побуждающая дѣйствовать сомкнутыми частями (въ лѣсу *небольшими*), *связывая ихъ патрулями* по фронту и въ глубину; то же, наконецъ, значеніе цѣпи, которая въ обоихъ случаяхъ нужна не столько для огневой борьбы, сколько *для охраны сомкнутыхъ частей* (въ ночномъ бою послѣднее единственное назначеніе цѣпи).

Какъ закрытое пространство, лѣсъ способствуетъ *приближенію резервовъ* къ боевой линіи и содѣйствуетъ *сгущенію цѣпи*; короче, *уменьшаетъ размѣры боеваго порядка* по фронту и въ глубину, *усиливая при этомъ значеніе фланговъ*. Такимъ образомъ, при данной длинѣ фронта, лѣсъ, въ сравненіи съ открытымъ мѣстомъ, требуетъ *больше войскъ въ боевой линіи*.

Передняя опушка Ольховой рощи въ Гроховскомъ сраженіи, около 1,000 шаговъ длиною, раздѣлена была на три баталіонныхъ участка, тогда какъ на открытомъ мѣстѣ тѣ же 1,000 шаг. требуютъ для занятія только двухъ баталіоновъ (по 500 шаг. на каждый).

Свиенскій лѣсъ (Кенигсгрець) къ сторонѣ Чистовеси и Масло-вѣда представляетъ выпуклую опушку, длиною въ 3,000 шаговъ, которая по нормѣ даетъ шесть баталіонныхъ участковъ; между тѣмъ передъ атакою бригадъ Пека и Флейшгакера эта опушка занята была семью прусскими баталіонами, а передъ атакою бригадъ Сафрана и Виртембергскаго — десятью баталіонами.

Если оборонительный фронтъ лѣса менѣе фронта всего боеваго порядка, то влияніе его на послѣдній выразится двояко: когда лѣсъ по внутреннимъ свойствамъ можетъ служить или опорнымъ пунктомъ (оборона), или подступомъ (наступленіе), онъ будетъ содѣйствовать *сгущенію войскъ* на соответственномъ участкѣ боевой линіи; наоборотъ, когда, по недоступности внутренней площади, лѣсъ не можетъ эксплуатироваться въ указанномъ выше смыслѣ, то онъ

(1) «Прикладная тактика» Перещоніусъ.

является разобщающею преградою, *растягивающею линію фронта, затрудняющею связь и взаимодействие между участками боевого порядка.* Такое положеніе крайне неблагоприятно отражается на исходѣ борьбы и потому необходимо съ *большою осторожностію* дѣлать заключенія о тактическихъ свойствахъ данной лѣсной площади и, во всякомъ случаѣ, *не оставлять лѣсъ безъ наблюденія.* Въ 1807 году лѣсъ Баумвальдъ между Тильзитомъ и Кенигсбергомъ считался непроходимымъ, и прусаки думали, что противникъ будетъ держаться главной дороги; но *оказалось*, что французы прошли *сквозь* чащу и одновременно атаковали оба фланга прусаковъ (¹).

Если лѣсъ находится въ сосѣдствѣ съ боевымъ порядкомъ, то влияніе его будетъ, конечно, зависѣть отъ относительнаго положенія ихъ. Находясь *впереди* оборонительнаго фронта, лѣсъ, какъ скрытый подступъ, побуждаетъ *осадить боевой порядокъ* на столько назадъ, чтобы линія борьбы находилась отъ опушки въ разстояніи хорошаго обстрѣла.

При Саалфельдѣ (1806 г.) позиція прусаковъ отъ впередилежащаго лѣса отстояла на 700 саж. (лѣвый флангъ — генер. Рабенау) и 500 саж. (правый флангъ — принцъ Людовикъ-Фердинандъ).

При Гроховѣ (1831 г.) фронтъ позиціи польской арміи находился позади лѣса, въ разстояніи отъ 300 саж. (лѣвый флангъ) до 750 саж. (правый флангъ).

При Скалицѣ (1866 г.) Фазанья роща побудила лѣвый флангъ австрійцевъ отодвинуться на 400 саженъ.

Въ Кенигсгрецкомъ сраженіи позиція III австрійскаго корпуса отстояла отъ лѣса «Голый» въ 450—500 саж., а позиція IV корпуса на высотахъ Хлума и Масловѣда отъ опушки Свіенскаго лѣса находилась въ разстояніи 350—700 саженъ.

При Марсъ-ла-Турѣ лѣвый флангъ арміи Базена былъ отъ Віонвильскаго лѣса отодвинутъ на 250 саженъ.

Въ Гравелотскомъ сраженіи фронтъ позиціи французовъ отстоялъ: лѣвый флангъ (II корпусъ) — отъ лѣса де-Во въ 300 саженяхъ; центръ (III и IV корпуса) — отъ лѣса Жениво въ 350 саж. и въ 500 шагахъ (роща ла-Фоли), отъ лѣса де-ла-Кюсъ — въ 500 саж.

(¹) Мы уже не упоминаемъ о примѣрахъ изъ той эпохи, когда недоступность лѣса считалась непреложнымъ закономъ (Аркъ, Гохгаузенъ, Сооръ, Гохкирхъ и друг.).

Въ сраженіи при Бомонѣ позиція французскаго корпуса (V) генерала Фальи отъ лѣсовъ, простирающихся къ югу, была отодвинута на 500 саж.

При всемъ томъ, не ограничиваясь отодвиганіемъ боеваго порядка, слѣдуетъ, кромѣ обязательнаго наблюденія за флангами организовывать наблюденіе и *впередѣ* фронта или занимая лѣсъ частью пѣхоты (Торгау—1760 г.; лѣсъ Жениво при Гравелотѣ—1870 г.), или высылая впередъ развѣзды; въ противномъ случаѣ можно подвергнуться неожиданному нападенію (Гросъ-Бееренъ—1813 г.; Бомонъ—1870 г.). Небольшой и удобный для обороны лѣсъ впереди фронта можетъ служить передовымъ опорнымъ пунктомъ, авангардною позиціею (таковымъ опорнымъ пунктомъ могла бы служить Фазанья роща при Скалицѣ, если бы австрійцы *въ-время* ее заняли: двинутый туда баталіонъ не успѣлъ еще дойти до опушки, какъ уже прусаки ворвались).

Находясь на *флангѣ* боеваго порядка, лѣсъ только тогда можетъ служить обезпеченіемъ послѣдняго, когда *совершенно недоступенъ* для крупныхъ частей войскъ; въ такомъ случаѣ боевой порядокъ можно *прислонить* къ лѣсу и резервъ держать за открытымъ флангомъ (7-й боевой порядокъ Вегедія). Въ сраженіи при Азинкурфѣ—1415 г. (эпоха отрицанія пѣхоты, какъ рода оружія) англичане упирали свои фланги въ Трамекурскій и Авинкурскій лѣса, для кавалеріи *фактически* недоступные. Наоборотъ, при *проходимости* лѣса, ближайшій къ нему флангъ долженъ или *занять* лѣсъ (Верть, Мюленбахъ—1848 г., Катръ-Бра—1815 г.), или *отодвинуться* на дистанцію хорошаго выстрѣла (лѣвый флангъ французовъ при Марсъ-ла-Турѣ и Гравелотѣ), причѣмъ резервъ долженъ быть ближе къ послѣднему, если, конечно, стратегическій ключъ боеваго расположенія будетъ близокъ къ опасному флангу (Верть); иначе вліяніе лѣса на положеніе резерва ничтожно (Гравелотъ и Марсъ-ла-Туръ: стратегическій ключъ французской арміи—правый флангъ, а резервъ стоялъ за лѣвымъ). И здѣсь слѣпое довѣріе на недоступность лѣса и отсутствіе мѣръ наблюденія можетъ привести къ неожиданному удару во флангъ—удару, болѣе чѣмъ фронтальный, опасному (Гохкирхъ, Городечна—1812 г., Вадо—1795 г., Фольдкирхъ—1799 г., Шпихернъ—1870 г.).

Наиболѣе неблагоприятною обстановкою для боя слѣдуетъ, разумеется, признать ту, когда лѣсъ, кромѣ фланговъ, охватываетъ также и *тылъ* боеваго порядка (Сальми—1809 г., Вронувъ—1831 г.,

Бренди—1863 г., Верть—1870 г. и друг.); въ этомъ случаѣ необходимо организовать наблюдение и за тыломъ (Гохгаузенъ—1629 г., Корсунъ—1648 г., Бухарестъ—1771 г.).

При Шампоберѣ 1814 г. французы атакуютъ отрядъ генерала Олсуфьева. Когда обнаружилось движеніе противника черезъ лѣсъ на шоссе къ Этожу, Олсуфьевъ двинулъ туда большую часть отряда, оставя у Шампобера бригаду генерала Полторацкаго. Послѣдній, атакованный превосходными силами, потянулся къ лѣсу; но французы успѣли предупредить и, занявъ опушку стрѣлками, встрѣтили русскихъ сильнымъ огнемъ. Почти весь отрядъ, со всѣхъ сторонъ окруженный, былъ уничтоженъ.

Такимъ образомъ, независимо наблюденія, боевой порядокъ впереди лѣса слѣдуетъ обезпечивать отъ возможности быть *отрѣзаннымъ* отъ послѣдняго, для чего можно рекомендовать, какъ норму, удаленіе фронта отъ лѣса не далѣе нормальной глубины боеваго порядка такъ, чтобы резервъ находился у опушки.

Фронтъ позиціи англійской арміи при Ватерлоо (1815 г.) около пяти верстѣ, отстоялъ отъ Суаньскаго лѣса (въ тылу) на 25 верстѣ. И слишкомъ далеко, и слишкомъ близко—одинаково опасно: въ первомъ случаѣ, какъ мы видѣли, легко быть отрѣзаннымъ; во второмъ—боевой порядокъ, при малой глубинѣ, пріобрѣтаетъ всѣ невыгодныя свойства линейнаго.

Въ дѣлѣ при д. Ленка (19-го февраля 1863 г.) шайка мятежниковъ, подъ начальствомъ Оксинскаго, занимала селеніе впереди лѣса. Настигнутые отрядомъ маіора Писанко, поляки, послѣ непродолжительной перестрѣлки, начали отступать къ лѣсу; но къ этому времени эсаулъ Кальнинъ съ полусотнею, обскакавъ селеніе, *отрѣзалъ* мятежниковъ отъ лѣса и заставилъ ихъ искать спасенія въ кустарникѣ, гдѣ ихъ и приняла пѣхота Писанки. Шайка была разсѣяна.

При Головчинѣ (1708 г.) позиція русскихъ, прислоненная въ тылу къ густому лѣсу, имѣла слишкомъ ничтожную глубину, что, впрочемъ, и не шло въ разрѣзъ съ принципами линейной тактики; вслѣдствіе чего, Карлъ XII прорвалъ центръ и, изолировавъ корпусъ Репнина, отбросилъ его на лѣсъ, гдѣ нанесъ рѣшительное пораженіе.

Боевой порядокъ арміи Макъ-Магона подъ Вертомъ, упирившійся тыломъ въ лѣсъ Гроссъ-вальдъ, имѣлъ пять верстѣ по фронту и одну версту въ глубину. Нѣтъ ничего удивительнаго, что французы несутъ большія потери, не могутъ парировать обходовъ II ба-

варскаго и XI корпусовъ и съ первыми ударами начинаютъ опасаться за свои фланги и тылъ. Бой окончился въ 5 часовъ дня, а уже около 2¹/₂ часовъ части 32-го прусскаго полка вступили въ лѣсъ Гроссъ-вальдъ; ко времени же отступленія французовъ въ тылу ихъ двигались къ Рейсгофену и Гундерсгофену 11 германскихъ эскадроновъ съ двумя конными батареями.

Въ общемъ, слѣдовательно, присутствіе лѣса въ сосѣдствѣ съ боевымъ порядкомъ вліяетъ на послѣдній, главнымъ образомъ, въ смыслѣ *организации болѣе широкой развѣдки и наблюденія*; если же близлежащій лѣсъ удобенъ для обороны, какъ опорный пунктъ, то его слѣдуетъ и *занять*.

«Не подходите никогда къ лѣсамъ, чтобы не занять ихъ цѣликомъ». (Ллойдъ).

«Выгода обладанія лѣсомъ въ сосѣдствѣ съ боевымъ порядкомъ неоспорима». (Жомини).

«Никогда не слѣдуетъ оставлять лѣсъ не занятымъ». (Милютинъ).

Помимо такого вліянія на чисто *внѣшній* видъ боеваго порядка, лѣсъ предъявляетъ серьезныя требованія и къ *качественному* составу войскъ: трудности въ сохраненіи связи, порядка и управленія приводятъ къ необходимости имѣть для лѣснаго боя войска, обученныя лѣснымъ дѣйствіямъ, способныя къ самостоятельной, изолированной борьбѣ, безъ непосредственнаго руководства главнаго начальника; войска, способныя выдерживать сильное моральное напряженіе, столь естественное при обстановкѣ лѣснаго боя.

«Только войска, привычныя къ самостоятельной борьбѣ малыми отрядами, являются способными къ лѣсному бою, котораго слѣдуетъ избѣгать войскамъ, къ нему не подготовленнымъ, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, полнаго разложенія». (Деккеръ).

«Для лѣснаго боя, который обыкновенно состоитъ изъ множества частныхъ боевъ, нужны войска опытыя; неопытныхъ и умѣющихъ драться только въ сомкнутыхъ массахъ лучше держать за лѣсомъ для обороны выхода». (Воен. Энциклоп. лексиконъ).

Разъ какъ лѣсной бой не всегда представляетъ совокупность борьбы за опушку, за внутреннюю площадь и за выходъ, то при изслѣдованіи его мы будемъ придерживаться традиціонной системы рассмотрѣнія каждаго изъ этихъ видовъ боя въ отдѣльности.

а) *Бой за опушку*. Тактическое значеніе лѣса, какъ *опорнаго пункта*, зависитъ, очевидно, отъ его частныхъ свойствъ, сообразно коимъ производится, какъ расчетъ о количествѣ войскъ, необходимомъ для обороны даннаго лѣса, такъ равно и распределеніе этихъ силъ; вслѣдствіе чего тактической эксплуатаціи лѣсной площади должна предшествовать самая *тщательная рекогносцировка* послѣдней.

Рекогносцировка, предпринятая съ цѣлью обороны, должна дать отвѣтъ на слѣдующія частныя особенности, значеніе которыхъ въ этомъ смыслѣ нами уже выяснено (см. отдѣлъ о военномъ значеніи лѣса): *величина и фигура лѣсной площади; очертаніе и свойства наружной опушки; рельефъ и топографическій характеръ мѣстности подъ лѣсомъ и внѣ его на пушечный выстрѣлъ* съ указаніемъ удобныхъ къ нему подступовъ и артилерійскихъ позицій, коими противникъ можетъ воспользоваться; *характеръ лѣсной площади въ смыслъ проходимости*: густота заросли, грунтъ, дороги, прогалины, просѣки и ихъ направленія, вырубки, поляны и горѣлыя мѣста; *оборонительныя свойства внутренней площади лѣса*: высота и толщина деревьевъ, какъ закрытія отъ огня; присутствіе въ лѣсу большихъ камней (Куортане—1808 г.) или сложенныхъ въ сажени дровъ и бревенъ (Свіенскій лѣсъ при Кенигсгрецѣ—1866 г.); овраги, ручьи, всякаго рода рубежи и ихъ направленіе относительно фронта; присутствіе внутри лѣса селеній, хуторовъ и отдѣльныхъ строеній.

1) *Занятіе лѣса*. Основываясь на данныхъ рекогносцировки, начальникъ назначаетъ соразмѣрный величинѣ лѣса отрядъ и дѣлаетъ распоряженіе о занятіи, сообразно свойствамъ и фигурѣ, лѣсной площади.

При рѣшеніи вопроса о *силѣ отряда* не слѣдуетъ забывать, что для обороны равно невыгодны, какъ излишне слабый, такъ и чрезчуръ сильный отряды. Въ первомъ случаѣ отрядъ или совсѣмъ не будетъ въ состояніи занять *всю* опушку (Мальпляке—1709 г.; корпусъ Палена подъ Вавромъ—1831 г.), или займетъ ее *на счетъ резерва* главнаго регулятора боя, столь богатаго случайностями (Рачевскій лѣсъ у Хотина—1769 г.); наоборотъ, при слишкомъ сильномъ отрядѣ и невозможности развивать свои дѣйствія внѣ лѣса внутри послѣдняго можетъ образоваться значительная скученность массъ, которая, вслѣдствіе трудности управленія, предоставленныя сами себѣ, будутъ въ то же время нести большія потери, безъ всякій для обороны пользы (лѣсъ Живодо при Бомонѣ Гареннскій

лѣсъ при Седанѣ—1870 г.). Скажемъ болѣе: лучше меньше войскъ, чѣмъ больше. Лѣсъ скрываетъ силы (Фрейбургъ—1644 г.) и потому нѣтъ надобности вводить для его занятія сразу много войскъ: выгоднѣе для пользы дѣлу ограничиваться *строго необходимымъ* количествомъ частей, оставляя въ рукахъ начальника внѣ лѣса сильный резервъ. «Внутри лѣса, говоритъ Деккеръ, малые отряды дѣйствуютъ иногда съ большимъ успѣхомъ, ибо противникъ не можетъ освѣщать свой путь кавалеріею».

Въ сраженіи при Лубинѣ 1812 г. отрядъ Тучкова 3-го (8,000), прикрывающій выходъ колоннъ 1-й арміи на Московскую дорогу, блистательно отразилъ всѣ атаки французовъ. На фронтѣ позиціи русскихъ въ числѣ опорныхъ пунктовъ были: Грейчшкскій лѣсъ (правый флангъ) и небольшая роща (лѣвый флангъ). Последняя была занята *двумя баталіонами* съ внѣшнимъ резервомъ позади, силою въ одинъ баталіонъ съ кавалеріею. Около 5-ти часовъ начались атаки Нея: *цѣлая дивизія* Разу бросилась на рощу, выбила ея защитниковъ и отгѣснила стоявшіе правѣе въ кустарникѣ другіе два баталіона; но была опрокинута *внѣшнимъ резервомъ*. Съ подходомъ *корпуса* Жюно французы вновь атакуютъ рощу и вновь отбиты *резервомъ*.

Въ сраженіи при Катръ-Бра 1815 г. опорный пунктъ праваго фланга англо-голандцевъ, лѣсъ Боссю былъ занятъ только *четырьмя баталіонами* нассаусцевъ. Съ 2-хъ часовъ дня лѣсъ этотъ атакованъ *бригадою* Жамена; но, подкрѣпленные *однимъ баталіономъ*, нассаусцы стойко держались. Въ 3 часа въ лѣсъ двинута *цѣлая дивизія* Гильемино; однако, послѣ упорнаго боя внутри лѣса — боя, *истощившаго всѣ резервы* Нея, послѣдній долженъ былъ отказать-ся отъ атакъ.

При распредѣленіи войскъ для занятія лѣса необходимо, кромѣ частныхъ его свойствъ, всегда имѣть въ виду и *основную цѣль*. Если лѣсъ играетъ роль передоваго опорнаго пункта и, слѣдовательно, занимая его, мы намѣрены затруднить лишь противнику рекогносцировку главной позиціи, задержать и заставить послѣдняго ранѣе развернуться, то, очевидно, упорная оборона внутри лѣса не можетъ здѣсь имѣть мѣста; скажемъ болѣе: она вредна, ибо вовлекаетъ въ борьбу часть войскъ, предназначенныхъ дѣйствовать въ періодъ рѣшительнаго боя на флангѣ позиціи (Свиенскій лѣсъ подъ Кенигсгрецемъ). При такомъ условіи достаточно сосредоточить оборону на опушкѣ и, какъ совѣтуетъ Перидоніусъ («При-

кладная тактика»), съ потерю послѣдней быстро отойти на главную позицію, если, прибавимъ, отсутствіе поперечныхъ рубежей не дастъ возможности организовать внутренней обороны (лѣсъ «Голый» подъ Кенигсгредемъ).

Но разъ какъ лѣсъ является опорнымъ пунктомъ фронта позиціи, ея тактическимъ ключемъ, необходимо сдѣлать все возможное для упорной, продолжительной борьбы за опушку, за внутреннюю площадь, за выходъ. Съ этою цѣлью отрядъ долженъ быть распределенъ такимъ образомъ, чтобы могъ причинять атакующему матеріальный и моральный вредъ въ періодъ наступленія и при атакѣ; выбивать ворвавшася и разстроенаго въ лѣсу противника свѣжими сомкнутыми частями; продолжать упорный бой внутри лѣса въ томъ случаѣ, когда контръ-атаки на опушкѣ будутъ неудачны; препятствовать обходу лѣса; преслѣдовать отступающаго противника и прикрывать выходъ своихъ войскъ изъ лѣса, проводя въ то же время попытку атакующаго дебушировать.

Наибольшій вредъ противникъ понесетъ, очевидно, тогда, когда колонны его, слѣдуя по открытой мѣстности къ лѣсу, поражаются огнемъ обороняющася, укрытаго деревьями. Этотъ періодъ боя наиболѣе благоприятенъ для послѣдняго и, слѣдовательно, къ продолжительности его необходимо направить наибольшія усилія, а такъ какъ здѣсь главное преимущество обороны заключается въ огнѣ, то и надо силу такового развить въ наивозможныхъ предѣлахъ, — задача первой линіи боеваго порядка (*цѣль съ поддержками и артилерія*). Встрѣча противника, ворвавшася въ лѣсъ, и веденіе упорной обороны внутри, задача второй линіи (*частные резервы*). Наконецъ, регулированіе боя внутри, обезпеченіе отъ обхода и принятіе отступающихъ войскъ составляетъ задачу третьей линіи (*общій резервъ*).

Количество войскъ первой линіи обусловливается, очевидно, длиною фронта лѣса и густотою его по опушкѣ, послѣднее потому, что дерево, даже при значительной толщинѣ, можетъ укрыть много двухъ стрѣлковъ; а слѣдовательно, *чѣмъ рѣже опушка, тѣмъ рѣже цѣль и на оборотъ*. Естественно, стало быть, что установленіе какой-либо *спеціальной* нормы для ширины ротныхъ участковъ по опушкѣ, при крайнемъ разнообразіи ея свойствъ, совершенно невозможно; вслѣдствіе чего расчетъ силы войскъ первой линіи слѣдуетъ, полагаемъ, основывать на нормѣ *уставной*, видоизмѣняя густоту расположенія и, слѣдовательно, ширину участка, сообразно густотѣ, и контуру опушки.

Передняя опушка Ольховой роши въ Гроховскомъ сраженіи, около 1,000 шаговъ, раздѣлена была на три баталіонныхъ участка, т. е. около *350 шаговъ* на баталіонъ. При Голыминѣ 1806 г. роша на лѣвомъ флангѣ русскихъ, около 1,500 шаговъ по опушкѣ, занята была тремя баталіонами отряда князя Щербатова: *500 шаговъ* на баталіонъ.

Если отрядъ малъ, то стремленіе занять опушку *непрѣменно всю* можетъ, очевидно, привести къ излишней, весьма опасной *растянутости* (отрядъ Брюсса въ Рачевскомъ лѣсу); въ такомъ случаѣ лучше ограничиться занятіемъ *выдающихся угловъ* опушки и наиболѣе *доступныхъ ея участковъ*, какъ вѣроятнѣйшихъ пунктовъ атаки.

Равномѣрная густота цѣпи и приблизительно одинаковая ширина ротныхъ участковъ возможна лишь при прямолинейномъ очертаніи опушки и единствѣ ея свойствъ по всему протяженію фронта; если же контуръ опушки образуетъ извилины и переломы, при различной густотѣ заросли, то цѣпь будетъ сгущаться къ исходящимъ частямъ и болѣе густымъ участкамъ (послѣднее вызывается необходимостью болѣе тѣсной связи); наконецъ, тѣ участки, гдѣ лѣсъ образуетъ непролазную чащу, могутъ совсѣмъ *не занимать*: достаточно одного наблюденія.

При всѣхъ выгодахъ, которыя даетъ обороняющемуся опушка, какъ стрѣлковая позиція, занятіе ее обусловливается также и характеромъ впередилежащей мѣстности въ смыслѣ обстрѣла.

Если впереди опушки имѣются пункты, занятіе которыхъ даетъ противнику нѣкоторыя выгоды, то ихъ слѣдуетъ занять; равнымъ образомъ, если обстрѣлъ съ опушки стѣсненъ, напримѣръ, близлежащимъ командующимъ гребнемъ, то цѣпь полезно выдвинуть *впередъ*: занимая его, мы обезпечиваемъ положеніе резервовъ въ лѣсу отъ огня непріятельской артилеріи, которая не будетъ въ состояніи подготовить огнемъ атаку скрытой за гребнемъ опушки.

При обложеніи Парижа (1870—1871 гг.) въ числѣ опорныхъ пунктовъ позиціи Виртембергской дивизіи былъ Вильерскій паркъ, окруженный каменною стѣнкою, впереди которой въ 450—500 шагахъ находилось стѣснявшее обстрѣлъ холмистое возвышеніе; вслѣдствіе чего, при атакѣ парка французами (30-го ноября), занимавшій его 7-й Виртембергскій полкъ выдвинулъ цѣпь *впередъ*. Благодаря этому, французы не могли подготовить штурма артилерійскимъ огнемъ, что отразилось на исходѣ атакъ. Не видя за гребнемъ холма стѣнъ парка, три батареи дивизіи Моссіана, должны

были подняться на плато Бри; но едва онѣ тамъ показались, какъ, осыпанныя градомъ пуль и снарядовъ, потерявъ половину прислуги и лошадей, снова спустились въ долину Марны. Между тѣмъ, не выждавъ дѣйствія артилеріи, баталіоны дивизіи Моссіана, предшествуемые франкирерами, идутъ на паркъ; виртембергскіе стрѣлки отступаютъ на фланги и открываютъ длинную стѣну парка. Страшный огонь встрѣчаетъ французовъ; потери растутъ съ каждымъ шагомъ; духъ падаетъ и въ 150 шагахъ отъ стѣны атакующей поворачивается назадъ.

Въ томъ, наконецъ, случаѣ, когда стѣсняющая обстрѣлъ впереди-лежащая мѣстность состоитъ изъ ряда параллельныхъ фронту складокъ съ ограничекою сферою огня и наоборотъ, внутри лѣса имѣется выгодная позиція (Гифертъ-вальдъ подъ Шпихерномъ), цѣпь можетъ быть осажена *внутри* лѣса. И то и другое расположеніе цѣпи имѣетъ свои выгоды; но выгоды эти, очевидно, условны и потому, до сихъ поръ, расположеніе *по опушкѣ* предпочиталось всякому другому.

Одинъ изъ участниковъ лѣснаго боя (Jahrbücher für die deutsche Armee... 1873 г., № 8-й) пользу опушки, какъ стрѣлковой позиціи, совершенно отрицаетъ и рекомендуетъ цѣпь всегда *выдвигать впередъ, оставляя поддержки на опушкѣ*, на томъ, между прочимъ, основаніи, что деревья защищаютъ только отъ фронтальнаго, но не боковаго огня и что расположеніе по опушкѣ опредѣляетъ дѣйствіе непріятельскаго огня и потому уже съ самаго начала боя цѣпь является мишенью. Съ такимъ *общимъ* правиломъ едва ли можно согласиться, хотя, *какъ частный случай*, оно можетъ быть справедливымъ; еще менѣе можно согласиться съ приведенными авторомъ основаніями: если цѣпь на опушкѣ необезпечена отъ огня боковаго, то *впереди необезпечена и отъ фронтальнаго*; если цѣпь — мишень на опушкѣ, то она *еще болѣе мишень на открытомъ мѣстѣ*; въ первомъ случаѣ, стрѣлки находятъ въ деревьяхъ и ширму, и закрытіе отъ огня; во второмъ — ни того, ни другаго; въ первомъ случаѣ поддержки обезпечены отъ огня *вполнѣ*; во второмъ — только отчасти.

Въ будущемъ, со введеніемъ бездымнаго пороха, когда маскировка цѣпи будетъ обусловлена отсутствіемъ предательскаго дыма стрѣльбы, расположеніе стрѣлковъ *впереди* опушки можетъ получить болѣе широкое примѣненіе, ибо подобное расположеніе очень важно въ смыслѣ *лучшаго управленія огнемъ*, по отношенію къ которому вопросъ объ укрытіи стрѣлковъ занимаетъ подчиненное мѣ-

сто. Повторительное оружіе, какъ нельзя болѣе, содѣйствуетъ вполнѣ естественному при боевой обстановкѣ стремленію людей заглушать голосъ самохраненія шумомъ стрѣльбы и искать моральной поддержки въ непрерывной пальбѣ, обусловливающей огромную трату патроновъ въ подготовительномъ фазисѣ боя съ явнымъ ущербомъ относительно дѣйствительности огня. Располагая же цѣпь по опушкѣ, мы, при трудности управления, тѣмъ самымъ отдаемъ огонь въ руки стрѣлковъ со всѣми невыгодными послѣдствіями этого; къ тому же и сама опушка, какъ рѣзко обозначенный фронтъ, парализуетъ маскирующее свойство новаго пороха въ первый періодъ боя. При подобныхъ условіяхъ вышеприведенное мнѣніе участника лѣснаго боя, *не вѣрное для 1873 года*, въ будущности можетъ оказаться *вполнѣ рациональнымъ*.

Если по условію обстановки цѣпь будетъ занимать или опушку, или какой-либо рубежъ внутри лѣса, то *ротные резервы* безъ особаго для нихъ вреда въ смыслѣ безопасности можно и *должно* держать ближе къ цѣпи, шагахъ въ 50—100; причемъ, въ видахъ наилучшей поддержки и связи съ цѣпью, резервы эти слѣдуетъ дѣлать ни столько сильными—что, какъ мы видѣли, въ лѣсу далеко не первое условіе, сколько *частыми*.

Разъ какъ лѣсъ является однимъ изъ опорныхъ пунктовъ на линіи фронта (Голыминъ—1806 г., Чашники, Гроховъ, Вертъ и друг.), артилерійское содѣйствіе оборонѣ возможно съ главной артилерійской позиціи; но если лѣсъ самъ по себѣ соотвѣтственная отряду позиція, или если, по его величинѣ, трудно рассчитывать на содѣйствіе сосѣднихъ артилерійскихъ массъ, то необходимо организовать *спеціальную* артилерійскую поддержку обороняющей лѣсъ пѣхотѣ. Назначенная съ этою цѣлью артилерія, по возможности, вся входитъ въ составъ первой линіи боеваго порядка. Когда лѣсъ небольшой и мѣстность по сторонамъ его достаточно благоприятна, слѣдуетъ артилерійскую оборону сосредоточить *по флангамъ* (Гроховъ, Оверзее, Кенигсгрець: лѣсъ «Голый») и только при полной невозможности этого можно располагать артилерію небольшими группами вдоль опушки близъ выходящихъ изъ лѣса дорогъ и менѣе опасныхъ ея пунктовъ, преимущественно во входящихъ частяхъ, гдѣ орудія обезпечены отъ фланговаго огня, при условіи свободнаго отступленія, во избѣжаніе потери послѣднихъ (Кулевча, Брага, лѣсъ Живодо при Бомонѣ).

При Гроссъ-Эгернсдорфѣ 1757 г. артилерія русскихъ была расположена *по флангамъ* Норкитенскаго лѣса.

Въ бою при Голыминѣ 1806 г., лѣвое крыло русскихъ (князь Щербатовъ) занимало небольшой лѣсъ, а состоящія при отрядѣ четыре орудія стояли *правѣ* близъ 14-ти орудій центра (Голицынъ). Атака корпуса Ожеро отбита артилерійскимъ огнемъ и только съ прибытіемъ корпуса Даву, Щербатовъ, послѣ упорнаго лѣснаго боя, принужденъ отступить.

Въ сраженіи подъ Данцигомъ (3-го мая 1807 г.) французы занимали лѣсъ на островѣ Гольмъ, причемъ ихъ артилерія въ *двухъ групахъ* (три и четыре орудія) была расположена *у опушки*. Русскіе въ 4 часа начинаютъ атаки тремя колоннами: средняя — съ фронта, фланговая — въ охватъ. Разбросанный огонь орудій не остановилъ среднюю колонну, которая ворвалась въ лѣсъ и овладѣла двумя укрѣпленіями; правая — ударила во флангъ и взяла два орудія. Съ переменнымъ успѣхомъ бой длился до 2¹/₂ часовъ дня, т. е. 10¹/₂ часовъ. Французы, усиливаясь подходившими подкрѣпленіями все болѣе и болѣе, заставили, наконецъ, отказаться отъ атакъ.

Въ бою при С.-Регенѣ (1849 г.) секлеры занимали четырьмя баталіонами Фричскую рошу, имѣя на высотахъ *правѣ* и *лѣвѣ* ее сильныя батареи. Атакованная русскими (Гротенгельмъ), роша была взята только тогда, когда огонь русской артилеріи заставилъ замолчать венгерскую.

Не слѣдуетъ, однако, забывать, что артилерія, расположенная на флангѣ лѣса, должна обезпечиваться *фланговымъ прикрытіемъ*, иначе, при открытомъ флангѣ, она легко можетъ быть потеряна.

Въ сраженіи при Коа-тсунѣ (18-го сентября 1860 г.) позиція китайцевъ была растянута на фронтъ въ 6—7 верстъ вдоль канала Чангъ-киа-уангъ. Подступы къ правому флангу были совершенно открыты; къ лѣвому — близко подходитъ значительная площадь кустарника. Здѣсь, на высотѣ у Лио-танга китайцы выставили артилерійскую массу въ 84 орудія, *не занявъ* при этомъ примыкающую къ флангу ивовую рошу. Во время атаки Коа-тсунской позиціи англо-французами, одному французскому стрѣлковому баталіону удалось, благодаря рошѣ, скрытно подойти, внезапно атаковать китайскую батарею и *овладѣть всеми орудіями*.

Если внутри лѣса имѣются возвышенныя поляны, то, при возможности наблюдать за паденіемъ снарядовъ и корректировать стрѣльбу, можно артилерію располагать *внутри* лѣса (Флавье-Жизаръ при Бомонѣ). Равнымъ образомъ, если позади лѣса имѣются командующія высоты (Кенигсгрецъ) или въ лѣсу есть достаточно широкіе въ направленіи выстрѣловъ просвѣты (Гравелотъ), артилерія

можетъ быть расположена и *за* лѣсомъ. То и другое расположеніе особенно *теперь*, при бездымномъ порохѣ, имѣютъ свои выгоды; но такъ какъ въ такомъ случаѣ возможенъ только дальній огонь, то для артиллерійскаго содѣйствія въ послѣдній періодъ атаки не мѣшаетъ имѣть нѣсколько орудій *у опушки*.

Въ дѣлѣ у с. Рудки (1831 г.) два русскихъ орудія выводились на опушку только въ минуту движенія поляковъ въ атаку.

Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что въ лѣсномъ бою маневрированіе артилеріи, по извѣстнымъ уже свойствамъ лѣса, если совсѣмъ не невозможно, то во всякомъ случаѣ сопряжено съ большими затрудненіями; поэтому пункты артиллерійскихъ позицій надо *избирать тщательно* и строго обдуманно, помня, что артилеріи придется оставаться на одномъ мѣстѣ, быть можетъ, все время, пока противникъ не ворвется въ лѣсъ.

Вторая линія боеваго порядка (частные резервы), предназначенная по роду задачъ къ дѣйствию внутри лѣса, можетъ состоять исключительно изъ *одной пѣхоты*. Войска этой линіи, какъ увидимъ ниже, оказываютъ содѣйствіе передовымъ частямъ двояко: или, двинувшись впередъ, встрѣчаютъ ворвавшася въ лѣсъ противника энергичною контръ-атакою; или, занимая удобный для обороны рубежъ, принимаютъ на себя отступающія части, встрѣчаютъ противника огнемъ и, пользуясь его разстройствомъ, переходятъ въ наступленіе (Гроховъ).

Въ указанномъ выше дѣлѣ при с. Рудки генераль Поleshко съ двумя баталіонами егерей и двумя орудіями шесть часовъ (съ 4-хъ до 10-ти послѣ полудня) оборонялся въ лѣсу противъ превосходныхъ силъ (цѣлая армія Скржинецкаго) путемъ энергичныхъ *контръ-атакъ*. Вначалѣ съ польской стороны направлень только одинъ баталіонъ (1-й 2-го полка), который ворвался въ лѣсъ; но здѣсь Поleshко усилилъ стрѣлковъ двумя ротами резерва, *атаковалъ противника штыками* и выбилъ изъ лѣса. Подкрѣпленные свѣжимъ баталіономъ того же 2-го полка и подляхскими стрѣлками, поляки вновь атакуютъ лѣсъ; русскіе егеря, *отступая, навели ихъ на резервы*, которые приняли непріятели въ штыки и вновь вытѣснили за опушку. Только послѣ долгой борьбы и лишь по полученіи положительнаго приказанія, Поleshко отошелъ къ Менженину.

Какой бы способъ дѣйствій по условію обстановки ни былъ избранъ, очевидно, что сосредоточеніе частныхъ резервовъ должно отвѣчать вѣроятнѣйшему направленію атаки, при возможности дѣйствовать и въ сторону сосѣднихъ участковъ (въ лѣсномъ бою под-

держка съ тыла не всегда можетъ оказаться своевременною); конечно, резервы эти слѣдуетъ располагать на *узлахъ дорогъ* и на *полянахъ*, словомъ, тамъ, гдѣ будутъ *удобныя сообщенія* съ опушкою. Слѣдовательно о *равномѣрномъ* распредѣленіи резервовъ по всему фронту, каждый за своимъ участкомъ, не можетъ быть и рѣчи: мѣстами ихъ не будетъ совсѣмъ; мѣстами—по нѣсколько вмѣстѣ. Однако, надо смотрѣть на такой порядокъ распредѣленія резервовъ какъ на *крайность*, которая усиливаетъ неизбѣжную въ бою перемѣшку частей.

Фланговые участки боеваго порядка въ лѣсу, при томъ условіи, что они болѣе другихъ удалены отъ главнаго резерва и къ тому же подвергаются кромѣ фронтальной атаки обыкновенно и охвату, должны быть *обезпечены резервами во всякомъ случаѣ*, ибо въ лѣсу, какъ мы сказали выше, достигнуть *своевременной* поддержки затруднительно. Расположеніе частныхъ резервовъ въ *узлахъ протѣкъ* нѣкоторыми (Военно-Энциклопедическій лексиконъ) признается неудобнымъ на томъ основаніи, что въ такомъ разѣ противникъ можетъ поражать ихъ концентрическимъ огнемъ. Пусть такъ; но, разумѣется, это не можетъ служить предлогомъ избѣгать подобнаго расположенія, разъ какъ сказанное неудобство окупается выгодами сообщенія съ опушкою и связи съ сосѣдними участками.

Войска третьей линіи (общій резервъ), въ составъ которыхъ, кромѣ *пѣхоты*, входитъ вся, или почти вся, наличная *кавалерія* и остальная *артилерія*, при неглубокомъ и легко обходимомъ лѣсѣ слѣдуетъ ставить *позади* таковаго (Лубино—1812 г., Гроховъ).

Въ сраженіи при Рейнфельденѣ 1633 года, имперцы (генераль Вертъ) были сосредоточены на позиціи у Бюкена между р. Рейномъ и Ноллингерскимъ лѣсомъ, который былъ занятъ пѣхотою полковника Валя. Атакованные войсками герцога Бернгарда Саксен-Веймарнскаго, имперцы упорно обороняются въ лѣсу; но, когда веймарнская кавалерія, опрокинувъ имперскую конницу, заняла всѣ выходы изъ лѣса и отрѣзала его защитниковъ (*резерва за лѣсомъ не было*), то генераль Вертъ съ остатками корпуса капитулировалъ.

При Мальпляке французы, оборонявшіе Бланжійскій лѣсъ, были обойдены и атакованы во флангъ и тылъ (см. выше). Это обстоятельство заставило ихъ очистить лѣсъ; но такъ какъ маршаль Вилларъ успѣлъ изъ нѣсколькихъ баталіоновъ центра организовать *резервъ позади* лѣса, то противникъ не могъ развить своего успѣха: дебушируя въ безпорядкѣ, онъ былъ встрѣченъ атакою свѣжихъ ча-

стей и отброшенъ въ лѣсъ, который вслѣдъ за симъ французы заняли вновь.

При глубокомъ лѣсѣ, при всѣхъ невыгодахъ расположенія резерва *enutри*, избѣгнуть этого, очевидно, невозможно. Въ такомъ случаѣ для него слѣдуетъ искать болѣе или менѣе удобныхъ и достаточно просторныхъ *полянкъ*, преимущественно *узловыхъ*, что очень важно, между прочимъ, тогда, когда лѣсъ трудно доступенъ и лѣсные пути представляются въ видѣ дефиле (Рудки—1831 г.).

Такъ какъ лѣсной бой требуетъ малыхъ тактическихъ единицъ, то пѣхотные резервы и частные, и общій, должны находиться въ *ротныхъ колоннахъ* (Перидониусъ).

Кавалерія, при всей ограниченности ея роли собственно въ лѣсномъ бою, ограниченности тѣмъ болѣе, чѣмъ больше и гуще лѣсъ, можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ оказать существенныя услуги оборонѣ. Когда лѣсъ по величинѣ допускаетъ развивать боевыя дѣйствія на флангахъ, по сторонамъ его, на кавалерію возлагаются задачи по наблюденію, охраненію, обезпеченію отъ обходовъ; равнымъ образомъ, она можетъ составлять фланговое прикрытіе для артиллеріи, расположенной внѣ лѣса; можетъ, наконецъ, путемъ атакъ изъ-за лѣса задерживать атакующія колонны подъ огнемъ съ опушки (Вертъ, Брага); а при недостаткѣ пѣхоты можно иногда поручать также и оборону, *менѣе важныхъ*, конечно, участковъ *стѣпеной* кавалеріи (Энцигеймъ—1674 г.).

Въ сраженіи при Лубинѣ (см. выше) лѣвый флангъ отряда Тучкова 3-го упирался въ рошу, занятую двумя баталіонами, причемъ для обезпеченія этого фланга *за рощей* были расположены 26 эскадроновъ съ четырьмя конными орудіями.

Въ бою при м. Крынки (16-го августа 1831 г.) пѣхота VI корпуса (Розена) занимала лѣсъ впереди мѣстечка, а кавалерія—частью *на флангъ* лѣса (Татарскій уланскій полкъ и казаки), частью въ резервѣ *за лѣсомъ* (два эскадрона Волинскаго уланскаго полка). Во время атаки лѣса корпусомъ Ромарино польская кавалерія двинулась въ обходъ лѣса, но была отброшена татарскими уланами.

Такимъ образомъ, кавалерія можетъ располагаться и *за флангами*, и *сзади* лѣса въ зависимости отъ обстановки и свойствъ его. При большихъ лѣсахъ, гдѣ дѣятельность ея парализована, она обыкновенно полностью идетъ въ резервъ и дѣйствуетъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ небольшими частями на удобныхъ для этого открытыхъ мѣстахъ внутри лѣса.

Занятіе войсками лѣса и разстановка ихъ — операція довольно

медленная и сложная. Необходимо *заблаговременно* указать каждой части, *куда и какими путями*, въ случаѣ тревоги, слѣдовать ей къ своему участку.

Если лѣсъ неглубокъ и негустъ, то, какъ совѣтуетъ Карцовъ («Тактика»), лучше боевой порядокъ *выстроить за лѣсомъ* и затѣмъ двинуть его впередъ до встрѣчи цѣпи съ оборонительною опушкою; въ обратномъ случаѣ, удобнѣе части первой линіи разводить или *по дорогамъ*, или *по наружной опушкѣ*, а затѣмъ уже развертывать, наблюдая, чтобы между сосѣдними ротами не было разрыва и стрѣлковыя цѣпи находились въ связи. При этомъ колонны второй и третьей линій внутри лѣса должны имѣть фронтъ, параллельный фронту линіи; на это надо обращать вниманіе, потому что иначе при движеніи впередъ или назадъ колонны будутъ или сталкиваться, или расходиться.

Въ первой атакѣ Гифертъ-вальда (Шпихернъ) участвовали семь ротъ 39-го полка, которыя двигались къ лѣсу въ слѣдующемъ порядкѣ: въ первой линіи—7-я, 6-я и 5-я роты; во второй—4-я и 1-я; въ третьей — 3-я и 2-я роты (порядокъ №№ съ праваго фланга). Въ лѣсу роты, частью задержанныя, частью *потерявшія направленіе*, перемѣшались, и къ 2½ часамъ порядокъ былъ такой: 6-я рота изъ первой линіи оказалась во второй; остальные вытянулись въ одну линію, причѣмъ 3-я и 2-я роты (изъ третьей линіи) оказались лѣвѣе ротъ 2-го баталіона, еще лѣвѣе—1-я рота и на крайнемъ лѣвомъ флангѣ—4-я рота, т. е. обѣ заднія роты 1-го баталіона при движеніи лѣсомъ *скрестились*.

Въ сраженіи при Гравелотѣ—С.-Прива для обезпеченія батарей IX корпуса генераль Врангель выслалъ двѣ роты 36-го полка въ лѣсъ де-ла-Кюсъ. Лѣсъ этотъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ большихъ и малыхъ группъ съ молодою густою зарослью, препятствующею держать вѣрно направленіе; вслѣдствіе чего, часть 2-й роты *оторвалась, приняла вправо* и попала въ перелѣсокъ къ сторонѣ Аманвилле. Когда затѣмъ, около 12½ часовъ, въ лѣсъ этотъ были двинуты два баталіона, то одна изъ ротъ потеряла въ лѣсу связь съ остальными ротами баталіона и уже не воротилась къ нему въ теченіе всего боя.

Подобныхъ случаевъ, какъ мы видѣли, было не мало въ бою за лѣсъ Жениво въ томъ же сраженіи и въ лѣсу Живодо при Бомонѣ.

Въ сущности надлежащее *направленіе фронта* на мѣстѣ не обезпечиваетъ того, что оно сохранится и въ движеніи, особенно въ

густомъ лѣсу; поэтому, разъ есть достаточное время, не лишне это направленіе обозначать *замѣтками* на деревьяхъ.

Введеніе повсюду повторительнаго оружія, обусловливающаго огромную трату патроновъ, поднимаетъ значеніе вопроса о питаніи ими стрѣлковъ, вопроса, рѣшеніе котораго въ лѣсномъ бою всегда сопряжено было съ извѣстными затрудненіями. Этого не слѣдуетъ упускать изъ вида при занятіи лѣса. Какъ будетъ организована подобная операція—зависитъ отъ многихъ причинъ; но, полагаемъ, близость къ боевой линіи источниковъ питанія—*патронныхъ двуколокъ*, во всякомъ случаѣ необходима и вполне возможна. Сосредоточеніе двуколокъ при баталіонныхъ резервахъ въ лѣсу, говоря вообще, непрактично: лучше или держать ихъ *при ротныхъ резервахъ*, или, если невозможно это, снабдить роты достаточнымъ запасомъ патроновъ въ ящикахъ, хотя бы съ рискомъ потерять ихъ при отступленіи.

Равнымъ образомъ необходимы серьезныя мѣры къ *уборкѣ раненыхъ*, безъ чего многіе изъ нихъ могутъ въ лѣсной чащѣ пропадать. Въ этомъ отношеніи значительную пользу могутъ оказать дрессированныя собаки. Произведенныя недавно въ одномъ прусскомъ егерскомъ баталіонѣ испытанія доказали, что эти собаки—прекрасное подспорье санитарамъ въ дѣлѣ отыскиванія раненыхъ.

2) *Бой*. Насколько обороняющемуся надо знать лѣсъ для его занятія, настолько же необходимо знать и атакующему, какъ данную для соображенія приблизительно силы и расположенія противника; короче, дѣйствіямъ атакующаго также должна предшествовать *рекогносцировка* съ тою, однако, разницею, что здѣсь она будетъ сопряжена, при условіи противодѣйствія со стороны противника, съ значительными, подчасъ неодолимыми затрудненіями, заставляющими ограничиться *поверхностнымъ* обзоромъ. Очертаніе до нѣкоторой степени свойства наружной опушки и выходы изъ лѣса, т. е. все, что даетъ *перспективный видъ* послѣдняго, могутъ быть изслѣдованы съ достаточною точностью при посредствѣ бинокля съ нѣсколькихъ пунктовъ; но что касается внутренности лѣса, то такая совершенно недоступна наблюденію, которое даже въ лучшемъ случаѣ дастъ обманчивый результатъ.

Въ сраженіи при Куртене (18-го сентября 1828 г.), не имѣя для артилеріи другой позиціи, кромѣ тѣсной, возвышенной поляны въ 2,000 шаговъ отъ турецкаго лагеря, принцъ Евгений Виртембергскій, дабы облегчить дѣйствія пѣхоты поддержкою артилеріи, рѣшилъ перевести послѣднюю на замѣченную имъ внутри лѣса вие-

реди высоты, для занятія которой выслалъ предварительно два баталіона Азовскаго полка. Однако, высота оказалась *мнимой*: это была лишь группа болѣе высокихъ деревьевъ, и азовцы, не найдя высоты, наткнулись на турокъ.

Знакомство съ внутреннею площадью лѣса въ извѣстной степени пріобрѣтается частью по *распросамъ мѣстныхъ жителей*, частью, и притомъ главнымъ образомъ, по *картамъ*; послѣднее, при повсемѣстномъ существованіи въ Европѣ подробныхъ и точныхъ военно-топографическихъ съемокъ, даетъ часто весьма хорошій матеріаль. Оба эти средства, къ сожалѣнію, единственныя въ рукахъ атакующаго, и безъ нихъ послѣднему приходится дѣйствовать въ полномъ смыслѣ слова на авось.

За всѣмъ тѣмъ составленіе того или инаго плана атаки обуславливается не только топографическими свойствами лѣса, но и положеніемъ въ немъ войскъ, что возможно выяснитъ только *боемъ*. Необходимо, слѣдовательно, усиленная рекогносцировка и притомъ достаточно энергичная, иначе, разъ какъ лѣсъ скрываетъ силы, можно при оцѣнкѣ силъ впасть въ грубую ошибку (Фрейбургъ, Фонтенуа—1745 г.).

Въ 1813 году, при отступленіи англійскихъ войскъ генерала Гильса отъ Мадрида къ Аревало, тыльный отрядъ (22 человекъ гусарь), подъ начальствомъ лейтенанта Грана, для задержанія наступающаго противника, расположился въ балкѣ между лѣсистыми высотами, позади брода на р. Адахъ. Подойдя къ броду, передовая французская кавалерія построила сомкнутую колонну въ 12—15 эскадроновъ. Видя такое превосходство силъ, Гранъ разсыпалъ свои 22 человекъ по опушкѣ и, когда одинъ французскій эскадронъ, перейдя бродъ, ворвался въ дефиле, встрѣтилъ его убійственнымъ огнемъ. Это навело на французовъ такой страхъ, что они отказались отъ намѣренія форсировать балку, а это было *такъ легко и такъ возможно*.

Усиленная рекогносцировка, предшествующая главной атакѣ, должна, очевидно, состоять изъ ряда *частныхъ* (фальшивыхъ) атакъ, безъ которыхъ трудно, если не невозможно, сообразить, сколько силъ надо употребить для главнаго удара: слишкомъ много—ослабляется резервъ, является разложеніе большей части отряда и тѣснота (Катръ-Бра, Брага, Живодо); слишкомъ мало—затягивается бой, атаки повторяются одна за другой, отрядъ разстраивается морально и матеріально, дѣлается менѣе способнымъ къ борьбѣ внутри лѣса (Гроховъ, Шпихернъ, Кенигсгрець). Разумѣется, эти частныя ата-

ки не есть нѣчто независимое: главная атака должна слѣдовать *тотчасъ же* въ томъ направленіи, гдѣ окажется болѣе слабый пунктъ непріятельскаго расположенія и тогда фальшивая атака обращается въ дѣйствительную. Подобный же результатъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, когда частныя атаки ведутся съ *полною энергіей и значительными силами*; разъ этого нѣтъ, цѣль ихъ достигается столь поздно, что противникъ успѣетъ получить подкрѣпленія и усилить тѣ пункты, слабость которыхъ въ этотъ періодъ выяснилась (Бородино—1812 г.).

Усиленная рекогносцировка выясняетъ достаточно вѣрно силу и расположеніе войскъ первой линіи, общаго резерва и съ болѣею или меньшею степенью достовѣрности—положеніе частныхъ резервовъ внутри лѣса. Расположеніе войскъ первой и второй линій опредѣляется *частными атаками пѣхоты и артилерійскою рекогносцировкой* (1), причемъ присутствіе артилеріи на опушкѣ можетъ служить и указаніемъ на существованіе въ данномъ мѣстѣ дороги въ глубь лѣса. Положеніе общаго резерва можно выяснитъ высылкою *кавалеріи* въ обходъ.

Въ сраженіи подъ Прагою 18-го и 20-го іюля 1656 г. общій резервъ арміи Карла X шведскаго (генераль Горнъ) былъ расположенъ за Бялоленскимъ лѣсомъ. Когда началась канонада, то со стороны польской арміи (Янъ Казиміръ) 6,000-ная масса конныхъ татаръ, обскакавъ лѣсъ, ударила на Горна и, хотя была отброшена, однако, не только *узнала мѣсто и силу резерва*, но, наткнувшись на вышедшихъ изъ лѣса бранденбургцевъ, *замѣтила и обходный маневръ* шведскаго короля.

При опредѣленіи силы отрядовъ, назначенныхъ для частныхъ атакъ, имѣя въ виду, въ случаѣ успѣха, какъ сказано выше, обра-

(1) Въ какой степени извѣняется значеніе артилерійской рекогносцировки при новомъ порохѣ и чѣмъ таковая замѣняется—во всякомъ случаѣ дѣло опыта; въ сущности, обстановка далеко не такъ безнадежна, какъ кажется на первый взглядъ: разъ какъ частныя атаки будутъ вестись энергично, противникъ не заставитъ свою артилерію бездѣйствовать и присутствіе ея *обнаружится*; вопросъ лишь въ томъ, *идеъ она и какой силы?* Новый порохъ не есть безусловно бездымный: онъ *малодымный*; слѣдовательно, возможность *видѣть*, откуда стрѣляютъ, не исчезла, тѣмъ болѣе, что полетъ артилерійскихъ снарядовъ, особенно подъ большими углами возвышенія, возможно прослѣдить (*звукъ выстрѣла* тоже можетъ служить данною для оцѣнки направленія; но въ лѣсномъ бою, при существованіи эхо, этотъ факторъ предательскій). Разъ направленіе извѣстно, остальное дастъ *бинокль* въ связи съ естественными или искусственными *вышками*; да притомъ для плана атаки важно знанъ не столько *силу*, сколько *расположеніе* непріятельской артилеріи.

тить ихъ въ дѣйствительныя, приходится, очевидно, руководиться лишь топографическими данными относительно лѣса и лишь болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями относительно противника, вслѣдствіе чего, намѣтивъ въ принципѣ пунктъ главной атаки и поручивъ усиленную развѣдку въ этомъ направленіи болѣе значительному отряду, необходимо быть готовымъ, если окажется нужнымъ, и измѣнить направленіе главнаго удара, т. е. имѣть всегда въ рукахъ достаточной силы резервъ.

Наиболѣе удобными пунктами для атаки, говоря теоретически, слѣдуетъ признать:

1) *Исходящіе углы*, которые даютъ для атакующаго выгоды охватывающаго огня и охватывающей атаки, при извѣстной слабости такого угла въ оборонительномъ смыслѣ (роща Борни въ дѣлѣ при Коломбей-Нульи 1870 г.).

2) Пункты, гдѣ *лѣсъ рѣже* и куда *входятъ широкія дороги и просѣки*, дабы при движеніи лѣсомъ менѣе нарушался порядокъ (Нидервальдъ подъ Вертомъ); гдѣ по занятіи опушки можно *занять часть лѣса, безопасно собрать и устроить войска* (лѣсъ Жениво съ оврагомъ Манса при Гравелотѣ); гдѣ имѣются *узлы* и можно *продольно обстрѣливать пути*; гдѣ, наконецъ, имѣются болѣе *скрытые и удобныя подступы*.

Данныя о положеніи противника могутъ при окончательномъ выборѣ рѣшительнаго пункта атаки ввести существенныя поправки въ принципиальномъ рѣшеніи вопроса. Главный ударъ долженъ быть направленъ на такой пунктъ, гдѣ противникъ *меньше ожидаетъ атаки и слабѣе занялъ*; гдѣ, наконецъ, наступленіе болѣе *обезпечено отъ огня* непріятельской артилеріи, чтѣ, при трудности послѣдней маневрировать, вполне возможно (атака Гифертъ-вальда при Шпихернѣ).

Передовыя пункты, занятыя противникомъ, лучше *избѣгать*, направляя атаку на другіе участки, ибо при удачѣ они падутъ сами собою.

При Шпихернѣ въ числѣ *передовыхъ* опорныхъ пунктовъ праваго фланга французской позиціи имѣлась высота Ротебергъ, фланкирующая подступы къ Шпихернскому плато и Штирингъ-Вендею и представляющая собою скалистый выступъ, затруднительный для штурма. Несомнѣнно, что занятіе ея давало нѣмцамъ большія выгоды въ періодъ наступленія; но стоило-ли это занятіе тѣхъ жертвъ и усилій, которыя потрачены были нѣмцами, — вопросъ открытый.

Атака Ротеберга началась одновременно съ атакою Гифертъ-вальда и атакою лѣваго фланга. Обѣ послѣднія были, несмотря на Ротебергъ, до нѣкоторой степени удачны; первая же, долженствующая быть *вспомогательною* относительно другихъ, окончилась неудачею. Въ теченіе всего боя, посылая подкрѣпленія фланговымъ колоннамъ, нѣмцы упорно остаются при желаніи овладѣть Ротебергомъ даже и тогда, когда успѣшныя дѣйствія на флангахъ выяснили слабую сторону этого пункта. Въ первой атакѣ Ротеберга участвуютъ семь ротъ; во второй — тѣ же части при содѣйствіи одной роты изъ Гифертъ-вальда; къ 4 часамъ двинуты къ Ротебергу шесть ротъ и два баталіона; только къ шести часамъ вечера нѣмцамъ послѣ долгаго, упорнаго боя удалось, наконецъ, овладѣть Ротебергомъ, хотя лишь отчасти. Такимъ образомъ, передовой этотъ пунктъ былъ ареною шести-часовой борьбы и притянулъ къ себѣ 22 роты безъ всякой пользы для дѣла, ибо со взятіемъ его нѣмцы *очень мало выиграли* въ дѣлѣ форсированія Шпихернскаго плато и только обходя этой позиціи черезъ Шпихерскій лѣсъ тремя баталіонами полковника Л'Естока отдалъ въ руки нѣмцевъ и Ротебергъ, южный гребень котораго до сихъ поръ оставался въ рукахъ французовъ, и Шпихернское плато.

Если лѣсъ небольшой или роца, то наилучшій видъ атаки, конечно, атака охватывающая, *концентрическая* (Чашники, Оверзее, Высоковъ—1866 г., Гроховъ, Кенигсгрець, Коломбей-Нульи, Седанъ, Данцигъ—1807 и друг.) (1).

Разъ какъ избранъ пунктъ главной атаки, необходимо, при открытомъ нападеніи, конечно, приготовить таковую *артилерійскимъ огнемъ* съ цѣлью заставить противника очистить опушку (шрапнель и картечь) (Гроховъ, Кенигсгрець, Чашники, Седанъ, роца ла-Фоли при Гравелотъ—примѣръ отрицательный) и замолчать непріятельскія орудія (С.-Регенъ). Очень хорошо, если при этомъ съ артилерійской позиціи возможно анфилировать опушку и подступы къ ней (Гунштеттская позиція подъ Вертомъ), ибо въ такомъ случаѣ артилерія не будетъ вынуждена прекратить огонь въ моментъ штурма.

Въ дѣлѣ при м. Файславице, 9-го августа 1863 года, мятежни-

(1) Наоборотъ, при длинномъ фронтѣ опушки и невозможности согласовать ударъ фронтальный съ фланговымъ, слѣдуетъ стараться *прорвать линію обороны* и бить во флангъ и тылъ разобщенныя части обороняющагося (Рачевскій лѣсъ при Брагъ). «Если, говорить Роканкуръ, атакующему удастся гдѣ-либо прорваться, то опасность, будучи скрытою, покажется всегда болѣе дѣйствительною. Не надо забывать, что въ гѣсу обороняющемуся трудно согласовать равные участки обороны».

ки занимали лѣсъ между мѣстечками Файславице и Бискупине. Русскіе, подъ начальствомъ полковника Еманова, производятъ охватывающую атаку: майоръ Владычко съ четырьмя ротами Архангелогородскаго полка атакуетъ лѣсъ съ юга; майоръ Оголинъ съ тремя ротами того же полка и двумя орудіями угрожаетъ атакою съ запада и преграждаетъ выходъ полякамъ въ этомъ направленіи; два орудія Донской № 1-го батареи, подъ прикрытіемъ двухъ сотенъ казаковъ, располагаются съ тою же цѣлью къ востоку отъ лѣса. Благодаря этимъ мѣрамъ, атака увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Обстрѣливаніе внутренней площади лѣса гранатами можетъ служить также прекраснымъ подготовительнымъ для атаки средствомъ, особенно, если гарнизонъ лѣса несоразмѣрно великъ сравнительно съ величиною послѣдняго (Седанъ), если лѣсъ рѣдокъ (Гроховъ) или мѣсто расположенія резервовъ будетъ извѣстно.

Съ тѣхъ поръ, какъ задачею артилеріи будетъ подготовка атаки, она должна *весь огонь сосредоточить на избранномъ пунктѣ*, чѣмъ иногда можно достигнуть отличныхъ результатовъ; къ тому же, разъ главный пунктъ взятъ, линія обороны прорвана и противникъ, угрожаемый во флангъ и тылъ, едва-ли въ состояніи держаться на опушкѣ.

Въ сраженіи при Кулевчи, 1829 г., послѣ неудачной атаки генерала Отрошенко и отбитіи турецкой контръ-атаки, Дибичъ вновь переходитъ въ наступленіе, поручивъ атаку генералу Толю съ 5-ю пѣхотною дивизіей. Несмотря на пушечный огонь изъ лѣса, Толь перевелъ свою артилерію черезъ оврагъ и установилъ батарею на близкой дистанціи отъ опушки. Удачнымъ выстрѣломъ взорвано у турокъ нѣсколько зарядныхъ ящиковъ и это произвело среди нихъ такое смятеніе, что они, не выждавъ самой атаки, начали отступленіе.

Въ дѣлѣ при Любиче (13-го августа 1863 г.) мятежники занимали лѣсъ впереди д. Пузновки по обѣимъ сторонамъ шоссе. Русскіе (генераль Меллеръ-Закомельскій), отогнавъ польскую кавалерію, завязали сильную перестрѣлку съ повстанцами и, съ прибытіемъ двухъ орудій нарѣзной № 3-го батареи, дѣло было скоро рѣшено: двумя удачными выстрѣлами, направленными въ промежутокъ между участками лѣса у шоссе, артилерія *разрѣзала банду на двѣ части* ⁽¹⁾, изъ коихъ лѣвая бросилась къ Вислѣ, а правая — къ Гуть-Староградской.

Извѣстно, что атака всякаго сильно занятаго мѣстнаго предме-

(1) Журналъ дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ. Августъ 1863 г., № 38-я.

та, стало быть и лѣса, сопряжена съ огромными, подчасъ неодолимыми трудностями, требуетъ высокаго подъема духа и крайняго моральнаго напряженія, что вызываетъ необходимость *моральной подготовки*. Въ этомъ смыслѣ, если не единственное, то во всякомъ случаѣ радикальное средство, есть *личный примѣръ* начальника (Дибичъ и Хлопицкій при атакѣ Ольховой рощи; эрцъ-герцогъ Карлъ при Ваграмѣ; Будрицкій при атакѣ дер. ле-Бурже—1870 г.; генераль Франсуа при атакѣ Ротеберга и друг.).

Равнымъ образомъ, необходимо принять и всѣ другія мѣры, служащія къ облегченію атаки и обезпеченію ея успѣха.

1) Сразу назначить для главнаго удара *достаточныя силы*. Если лѣсъ играетъ на позиціи роль опорнаго пункта, то, очевидно, занятіе его противникомъ будетъ соотвѣтствовать фигурѣ и размѣрамъ площади и потому силу обороняющагося возможно предвидѣть съ большою степенью вѣроятности; во всѣхъ иныхъ случаяхъ сила обороняющагося—гадательная данная, опредѣляемая съ достаточною точностью только путемъ усиленной развѣдки. Не отрицая возможности успѣха и при относительно слабыхъ силахъ, мы считаемъ, однако, это обстоятельствомъ *исключительнымъ*: атакующій несетъ несравненно большія потери, сравнительно съ обороняющимся, и потому, чтобы въ минуту удара быть въ состояніи сломить сопротивленіе послѣдняго, надо имѣть *перевѣсъ въ силахъ*, тѣмъ болѣе, что только при этомъ условіи возможна *охватывающая* атака. Постепенное введеніе войскъ въ бой затягиваетъ послѣдній, увеличиваетъ потери и содѣйствуетъ матеріальному разложенію.

Ольховая роща при Гроховѣ была атакована пять разъ, что *затянуло бой* на пять часовъ и вывело изъ строя около 8,000 *человѣкъ* съ обѣихъ сторонъ. При Чашникахъ, когда первая атака убѣдила русскихъ въ слабости атакующаго отряда, для второй назначены *сразу достаточныя силы* и роща была взята. При Катръ-Бра Ней, *постепенно* вводя въ бой за лѣсъ Боссю свои войска, безъ пользы истощилъ резервы и отказался отъ атакъ.

При Коломбей-Нульи—1870 г., противъ еловой рощи между Коломбей и Белькроа, изъ рѣдкаго, высокаго лѣса, сильно занятой французами, нѣмцы первый разъ двинули только одинъ баталіонъ, который съ помощью частей 26-й бригады хотя и ворвался въ лѣсъ, но удержаться не могъ. Только съ подходомъ другихъ двухъ баталіоновъ 25-й бригады роща была взята.

Въ дѣлѣ при Рудки—1831 г., цѣлая армія Скржинецкаго атакуетъ слабый отрядъ генерала Полешки (два баталіона и два ору-

дія), занимавшій лѣсъ; но такъ какъ атаки ведутся *разновременно и малыми силами*, то всѣ отбиты и Полешко *шесть часовъ* удерживается противъ превосходныхъ численно силъ.

2) Дать штурмовымъ колоннамъ надлежащее *направленіе* (маневрированіе).

Наилучшій видъ атаки, какъ мы сказали, есть атака *охватывающая*, при которой получается возможность продольно обстрѣливать опушку (деревья закрываютъ только съ одной стороны) и усложняется роль общаго резерва обороняющагося. Если опушка занята не вся, слѣдуетъ, ограничиваясь съ фронта демонстраціями, направить главный ударъ черезъ незанятый участокъ во флангъ и тылъ противника (Мальпляке, Вавръ—1831 г., 32-й полкъ въ бою за Нидервальдъ подъ Вертомъ).

Въ дѣлѣ у д. Клинки (11-го апрѣля 1863 г.) подполковникъ Фофановъ, выславъ кавалерію къ лѣсу, занимаемому польскими мятежниками, двинулъ 12-ю роту Костромскаго полка черезъ незанятый участокъ лѣса въ обходъ. Казаки, встрѣченные огнемъ, остановились внѣ выстрѣла; а пѣхота, подойдя къ флангу противника, сдѣлала залпъ и бросилась въ штыки. Поляки обратились въ бѣгство.

Въ сраженіи при Находѣ—1866 г., прусаки занимали Венцельсбергскую рощу 4^{1/2} ротами. Части эти были слишкомъ слабы для занятія всей опушки и потому всѣ развернулись на южной и западной опушкахъ, не имѣя резерва. Пока бой шелъ только въ *одномъ* направленіи, прусаки отбивали огнемъ всѣ атаки бригадъ Гартвега и Ионака; но когда подошли части бригады Розенцвейга (17-й егерскій баталіонъ) и вмѣстѣ съ частями Ионака ворвались въ *незанятый* сѣверо-западный участокъ лѣса, *угрожая тылу* прусскихъ ротъ, то послѣднія вынуждены были поспѣшно отступить и роща была взята.

При противникѣ малочисленномъ или уже потрясенномъ неудачею, можно достигнуть цѣли однимъ лишь обходомъ лѣса (Фокшаны—1789 г.).

Въ бою при Мюнхенгрецѣ—1866 г., лѣсъ на сѣверномъ склонѣ горы Мусска былъ занятъ австрійскимъ баталіономъ съ двумя батареями, огонь которыхъ затруднялъ 8-й прусской дивизіи дебушировать черезъ р. Изаръ у Бржезины; но когда для обезпеченія движенія 7-й дивизіи отъ Ждьяра въ Мюнхенгрецъ были на эту гору выдвинуты четыре баталіона, то положеніе измѣнилось: баталіоны поднялись на гору со стороны Пишграса и Днебаха, *обошли оба*

фланга австрійскихъ егерей и заставили послѣднихъ быстро отступить, едва не потерявъ орудій.

3) Пользоваться всѣми возможными средствами для *внезапности*: ночью, туманомъ и проч., причемъ, очевидно, въ такомъ случаѣ огневая подготовка не имѣеть мѣста.

Подъ Бельфоромъ въ *ночь* на 21-е января 1871 г. колонна маіора Шрама атакуеть лѣсъ Тальи и овладѣваетъ имъ съ перваго удара.

Подъ Парижемъ послѣ неудачной вылазки парижской арміи противъ позиціи Виртембергской дивизіи, французы были, 2-го декабря, въ свою очередь, атакованы войсками генерала Франсецкаго. На разсвѣтѣ двумя колоннами, подъ прикрытіемъ *тумана*, нѣмцы совершенно неожиданно появились передъ французскими постами. Первая колонна (три баталіона) безъ труда овладѣла паркомъ Девинкъ и ворвалась въ дер. Бри; вторая (баталіонъ и шесть ротъ) безпрепятственно заняла паркъ и лѣсъ Шампиньи.

Какъ бы хорошо ни была подготовлена атака лѣса, она, однако, сопряжена съ большими потерями, тѣмъ болѣе, что взятіе опушки еще не есть гарантія дальнѣйшаго успѣха, для достиженія котораго предстоитъ упорный бой внутри и овладѣніе выходною окраиною. Не слѣдуетъ забывать, что это средство крайнее и обоюдоострое. Желательно поэтому, чтобы цѣль была достигнута съ менѣе сомнительными шансами, меньшими усиліями и потерями, вслѣдствіе чего лучше, если возможно, *выманить противника изъ лѣса* и, разбивъ его въ открытомъ полѣ, отбросить въ чащу и *ворваться на плечахъ*.

Во время обложенія города Казани — 1552 г. — армією Царя Іоанна IV Грознаго русскіе часто были тревожимы конницею князя Япанчи со стороны Арскаго лѣса, отдѣленнаго отъ русскихъ оврагомъ и укрѣпленнаго засѣками. 30-го августа, *выманивъ* Япанчу изъ лѣса *притворнымъ отступленіемъ*, русскіе напали на него со всѣхъ сторонъ и, *ворвавшись въ лѣсъ*, тѣснили татаръ до укрѣпленнаго острога, гдѣ, 6-го сентября, остатки отряда Япанчи были истреблены княземъ Горбатымъ-Шуйскимъ.

Въ дѣлѣ при м. Рудка (5-го февраля 1863 г.) шайки Багдановича и Радзѣвскаго (около 1,000 человекъ), занимавшія лѣсъ, были атакованы отрядомъ маіора Ракузы (шесть ротъ и $\frac{1}{2}$ сотни казаковъ). Чтобы *выманить* поляковъ изъ лѣса, Ракуза скрылъ отрядъ и выслалъ къ лѣсу только разсыпанный полувзводъ (теперь взводъ). Одушевленные кажущеюся слабостью русскихъ, поляки въ трехъ массахъ вышли изъ лѣса; но Ракуза быстро развернулъ свой отрядъ,

отбросилъ мятежниковъ къ лѣсу и, *ворвавшись на ихъ плечахъ*, безостановочно тѣснилъ до полного разсѣянія бандъ.

Въ дѣлѣ у Красноброда (12-го марта 1863 г.) шайка Лелевеля была расположена въ густомъ лѣсу за засѣками. Авангардъ отряда, преслѣдовавшаго шайку (маіоръ Оголинъ), былъ встрѣченъ огнемъ. Тогда Оголинъ приказалъ авангарду (кавалерія) отойти назадъ на пѣхоту (двѣ роты), успѣвшую развернуться. Мятежники, *принявъ это за отступленіе*, съ крикомъ «ура» бросились впередъ изъ лѣса. Русскіе отбросили ихъ залпами, *на плечахъ ихъ ворвались* въ лѣсъ и овладѣли завалами.

Когда ударъ будетъ достаточно подготовленъ и колонны нацѣлены, пѣхота, которая къ этому моменту приблизится на дистанцію дѣйствительнаго выстрѣла, послѣ непродолжительнаго, но сильнаго огня, двигается впередъ. При отсутствіи артилеріи слѣдуетъ съ этой дистанціи, если мѣстность не позволитъ ближе, обстрѣлять опушку *ружейнымъ* огнемъ съ большою тщательностью.

Въ дѣлѣ при м. Гоздь-Липинскій (8-го марта 1863 г.) мятежники занимали Ладавскій лѣсъ за рѣкою Таневъ съ полуразобранномъ мостомъ. Русская кавалерія частью вбродъ, частью вплавь, частью по доскамъ моста, быстро перешла рѣку и бросилась къ лѣсу; но, встрѣченная огнемъ, повернула назадъ и увлекла за собою переправившуюся часть стрѣлковъ. Не имѣя артилеріи, начальникъ отряда, полковникъ Мѣдниковъ, рѣшилъ ограничиться *перестрѣлкою*, которая продолжалась *три часа* и, нанеся противнику сильный уронъ, заставила послѣдняго отступить. Но, конечно, подобный случай есть исключительный, крайне неблагоприятный для атакующаго, если только на сторонѣ послѣдняго нѣтъ превосходства въ вооруженіи (русскіе и союзники въ Крымскую войну; прусаки и австрійцы въ 1866 г.). Напротивъ, атакующему продолжительной перестрѣлки слѣдуетъ *избѣгать*, а *быстро и рѣшительно* двигаться впередъ, не только не увлекаясь огнемъ, но, если можно, *безъ выстрѣла* (Гроховъ—атака карабинеровъ).

Подъ Бельфоромъ 13-го декабря 1870 года нѣмцы атакуютъ Бомонскій лѣсъ. Подготовивъ атаку пяти-часовою канонадою, колонна полковника фонъ-Островскаго двинулась впередъ, причемъ находившійся въ 1-й линіи полубаталіонъ Deutsche Krone *безъ выстрѣла*, отгнѣснивъ французскіе посты на опушкѣ, ворвался въ лѣсъ.

При атакѣ лѣса Тальи, несмотря на бѣглый огонь французовъ съ опушки, колонна маіора Шрама *безъ выстрѣла* бросилась на

штурмъ опушки и овладѣла ею съ перваго удара. Подъ Данцигомъ русскіе атаквали лѣсъ на островѣ Гольмъ также *безъ выстрѣла*.

Отрицательнымъ примѣромъ въ этомъ смыслѣ можетъ служить бой при Гагельбергѣ 1813 года. Вслѣдствіе страннаго маневра генерала Гиршфельда, который, случайно оказавшись въ тылу французскаго корпуса Жерара, вмѣсто немедленной атаки въ тылъ началъ маневрировать противъ лѣваго фланга французовъ (традиціонный Фридриховскій ударъ во флангъ), Жераръ успѣлъ переменить фронтъ и занялъ правымъ флангомъ Бельцигскую рощу. Гиршфельдъ двинулъ противъ послѣдней двѣ бригады. Прусская пѣхота, приблизясь къ рощѣ, *стройно развернулась* и открыла *безвредный батальонный огонь*, на который цѣпь французскихъ стрѣлковъ съ опушки отвѣчала *редкимъ*, но *убійственнымъ* огнемъ. Только появленіе въ тылу русскаго отряда Чернышова заставило французовъ очистить позицію.

Въ настоящее время, со введеніемъ многозарядныхъ ружей уменьшеннаго калибра, послѣдствіемъ чего является бѣльшая скорость и мѣткость огня—быстрота наступленія приобрѣла столь великое значеніе, что нѣкоторые изъ писателей для *кавалеріи*, какъ представителя быстроты, предсказываютъ новую эру на поляхъ сраженій. Не вдаваясь по этому вопросу въ полемику, смѣемъ думать, однако, что въ дѣлѣ атаки мѣстныхъ предметовъ вопросъ не измѣняется и главная роль всегда останется за пѣхотою.

Разъ какъ бой внутри лѣса требуетъ небольшихъ сомкнутыхъ частей, то штурмовыя колонны должны быть въ *строю по-ротно съ густою*, но *не растянутою* цѣпью стрѣлковъ впереди.

Бюжо совѣтуетъ вести атаку опушки *двумя* цѣпями послѣдовательно, поддерживая другъ друга огнемъ. Полагаемъ, что подобное желаніе достаточно удовлетворяется *перебѣжками* частей цѣпи, а двойная цѣпь есть ничто иное, какъ преждевременное разложеніе боеваго порядка—обстоятельство, съ которымъ въ лѣсу надо *бороться*, а не искусственно создавать; съ другой стороны, это и не отвѣчаетъ требованію *быстроты*, столь важной при атакѣ опушки.

Вторая линія боеваго порядка (роты баталіоннаго резерва) должна слѣдовать *непосредственно* за первую съ тѣмъ, чтобы возможно было быстро *повторить ударъ*, быстро пользоваться каждымъ удачнымъ моментомъ; наконецъ, въ случаѣ успѣха атаки, быстро *укрѣпиться* на занятомъ участкѣ опушки (Грисгеймъ).

«При атакѣ лѣса, говоритъ Раканкуръ⁽¹⁾, вторая линія суще-

(1) «Cours d'art et d'histoire militaire».

ственно необходима, такъ какъ здѣсь, кромѣ другихъ условій, надо бороться и съ моральными условіями спеціально лѣснаго боя: при шумѣ ружейнаго огня, усиленнаго эхомъ, стрѣлки часто приходятъ въ смятеніе и робко прячутся за деревья. Въ густомъ лѣсу, разъ въ него ворвались, сила въ стрѣлкахъ и боевой порядокъ долженъ естественно обратиться въ *двойную цѣпь* на дистанціи, допускающей своевременную поддержку (не далѣе 100—150 шаговъ), что вполне допустимо, разъ какъ вторая линія, разбросанная и прикрытая лѣсомъ, почти безопасна отъ пуль. Въ рѣдкомъ случаѣ вторая линія ⁽¹⁾ можетъ двигаться небольшими *сомкнутыми* частями».

Въ дѣлѣ при Будзаново (7-го февраля 1863 г.) инсургенты занимали лѣсъ позади этой деревни. Для атаки лѣса полковникъ Шильдеръ-Шульднеръ выстроилъ свой отрядъ въ двѣ линіи подъ прикрытіемъ цѣпи съ казаками за флангами. *Обстрѣлявъ* опушку, русскіе ворвались въ лѣсъ; но здѣсь поляки, собравшись въ густыя толпы, перешли въ наступленіе. Встрѣченные съ 200 шаговъ огнемъ стрѣлковой цѣпи и пальбою рядами выдвинутой изъ второй линіи ротной колонны, толпы инсургентовъ повернули назадъ.

Къ перечисленнымъ выгодамъ второй линіи прибавимъ и то, что такая облегчаетъ маневрированіе боеваго порядка, какъ и всякій резервъ.

Въ дѣлѣ у м. Пяскова Скала (20-го февраля 1863 г.) отрядъ князя Шаховскаго атакуетъ лѣсъ къ сѣверу отъ замка двумя линіями: въ первой—1-я и 3-я стрѣлковыя роты Витебскаго полка; во второй—12-я рота. Ворвавшись въ лѣсъ и желая охватить правый флангъ поляковъ, Шаховской передвинулъ боевой порядокъ влѣво такимъ образомъ: 12-я рота направлена изъ резерва на лѣвый флангъ первой линіи, а 1-я стрѣлковая рота, бывшая на правомъ флангѣ и не встрѣтившая сопротивленія, отведена въ резервъ.

По мѣрѣ того, какъ штурмовыя колонны двигаются къ опушкѣ, артилерія усиленно обстрѣливаетъ послѣднюю до тѣхъ поръ, пока пѣхота не закроетъ цѣли. Съ этого же момента, если не окажется возможнымъ переимѣнить позицію, огонь направляется на внутреннюю площадь въ тѣ мѣста, гдѣ будетъ замѣчено скопленіе непріятельскихъ резервовъ или по другимъ открывающимся цѣлямъ; причемъ весьма не лишне *часть орудій направить съ пѣхотой* для непосредственнаго содѣйствія штурму *близкимъ*, картечнымъ огнемъ. (Кулевча).

(1) Очевидно, тутъ подразумеваются *роты баталіоннаго резерва*, ибо поддержки сливаются съ цѣпью при атакѣ.

Въ дѣлѣ при м. Жилинѣ (9-го февраля 1863 г.), состоявшія при отрядѣ подполковника Рынскаго два орудія подѣхали къ опушкѣ, занятой мятежниками, на 100 сажень и картечнымъ огнемъ облегчили атаку пѣхотѣ.

Если лѣсъ атакуется нѣсколькими колоннами съ разныхъ сторонъ, надо не упускать изъ вида, что, при всѣхъ выгодахъ охватывающей атаки, это есть ничто иное, какъ *раздѣленіе силъ* тѣмъ болѣе опасное, что внутри лѣса колонны становятся вполнѣ *изолированными* и могутъ быть разбиты по частямъ. Въ этихъ соображеніяхъ слѣдуетъ, предпринимая охватывающую атаку, приложить особыя заботы относительно *связи между колоннами*.

Въ дѣлѣ у д. Галлювъ (6-го марта 1863 г.) мы имѣемъ образчикъ самаго, повидимому, благопріятнаго случая охватывающей со *всѣхъ* сторонъ атаки, завершившейся, однако, катастрофой для одной изъ колоннъ. Русскіе атакуютъ занятый мятежниками лѣсъ первоначально въ трехъ направленіяхъ: полковникъ Ченгери — съ сѣвера; майоръ Яблонскій — съ запада; майоръ Бентковскій — съ юга. Послѣдній съ боемъ прошелъ сквозь весь лѣсъ и вошелъ въ связь съ остальными колоннами. Мятежники, тѣснимые отовсюду, столпились въ восточномъ участкѣ лѣса, что по причинѣ наступавшихъ сумерекъ и падающаго густыми хлопьями снѣга своевременно замѣчено русскими не было. Между тѣмъ, находившійся въ м. Бусскѣ майоръ Загряжскій, услыхавъ гулъ пальбы, выслалъ одного казачьяго офицера къ Ченгери узнать, въ чемъ дѣло; но офицеръ этотъ *наткнулся* на толпы инсургентовъ, *вернулся назадъ* и, не выяснивъ обстановки, доложилъ, что отрядъ Ченгери въ опасности. Загряжскій съ одною ротой и эскадрономъ драгунъ двинулся на выручку къ лѣсу и атаковалъ послѣдній съ четвертой (восточной) стороны. Рота со стрѣлками впереди вступила въ лѣсъ; но здѣсь неожиданно наткнулась на огромныя массы мятежниковъ. Пѣхота стремительно бросается впередъ; *резервъ слился съ цѣпью* и въ такомъ видѣ пришлось отражать атаки польской конницы. Люди собрались въ кучки и стали отбиваться, сначала отъ ударовъ конницы, затѣмъ отъ атакъ пѣхоты и косиньеровъ. Въ этомъ неравномъ бою только фланговымъ кучкамъ удалось отступить — все остальное погибло. Другія колонны не могли оказать помощи въ *темнотѣ*, тѣмъ болѣе, что и стрѣльбы въ отрядѣ Загряжскаго *почти не было*: бой съ начала до конца рукопашный.

Когда первая линія ворвется въ лѣсъ, слѣдуетъ прежде движенія вглубь, утвердиться на занятомъ участкѣ, что подъ прикры-

тіемъ первой линіи составляетъ задачу баталіоннаго резерва. Безъ этой предосторожности можно не только *потерять взятое* (Гроховъ, Вертъ, Кенигсгрець), но и оказаться въ *критическомъ положеніи* (атака турками второй линіи засѣкъ въ Рачевскомъ лѣсу, не утвердившись на первой). «Ворвавшись въ лѣсъ, говорить Деккеръ, на всѣхъ взятыхъ подступахъ слѣдуетъ тотчасъ *утвердиться*, усиливъ оборону этихъ участковъ легкими орудіями ⁽¹⁾, въ виду того, что въ лѣсу атака постоянно мѣняется съ обороною, бой колеблется».

Въ Венгерскую войну 1848—1849 гг. подъ Коморномъ происходитъ (29-го іюня 1849 г.) бой за Ачскій (Гаркальскій) лѣсъ, занятый войсками I австрійскаго корпуса ген. Шликка и атакованный войсками Гергея. 14 венгерскихъ баталіоновъ, направленные въ лѣсъ, ворвались и потѣснили австрійцевъ; но, по мѣрѣ движенія впередъ, баталіоны эти мало-по-малу *развернулись и разбрелись*. Когда къ австрійцамъ подошли подкрѣпленія, то венгерцы были *не въ состояніи сопротивляться* контръ-атакѣ свѣжихъ силъ и были выбиты.

Полагаемъ, однако, что подобный *строго методическій* способъ дѣйствій не *всегда* умѣстенъ, конечно, если лѣсъ былъ занятъ обороняющимся заблаговременно, отлично ему извѣстенъ и есть основаніе предполагать упорное сопротивленіе внутри, осторожность и методизмъ *обязательны* (говоримъ теоретически); но если противникъ былъ уже разстроены или лѣсъ былъ занятъ имъ случайно по ходу боя (Нидервальдъ подъ Вертомъ, Живодо при Бомонѣ и друг.), рациональнѣе развить успѣхъ неотступнымъ преслѣдованіемъ по лѣсу: задержка на опушкѣ даетъ противнику время опомниться и возможность эксплуатировать для обороны внутренніе рубежи, не говоря уже о томъ, что, выйдя изъ подъ ударовъ, онъ успѣетъ своевременно занять тыловую позицію для противодействия дебушированию (Бомонѣ).

Въ сраженіи при Штокахѣ 1799 г. колонна Сульта, отгѣснивъ австрійскій отрядъ Мерфельда въ Липтингенскій лѣсъ, *неотступно* преслѣдовала отступающаго противника и *на плечахъ его* достигла противоположной опушки. Разъ какъ на главномъ пунктѣ послѣдуетъ удача, необходимо развить ее *общеою* атакою по всей опушкѣ,

(1) Еще лучше — *огнями*, ибо здѣсь нѣтъ дальней стрѣльбы и присутствіе артилеріи важно въ *моральномъ* смыслѣ (грохотъ пальбы, трескъ догорающихъ сучьевъ и разрывающихся снарядовъ).

ибо, въ противномъ случаѣ, противникъ можетъ съ второстепенныхъ участковъ направить всѣ силы къ главному (Брага).

Если при отрядѣ имѣется *кавалерія*, то эксплуатировать ее для атаки лѣса возможно только въ *исключительныхъ* случаяхъ (Ландскрона, Островна, Цыганка), и то не всегда удачно (Брага, Гозд-Липицскій и друг.); вообще же говоря, ея главная и вполнѣ отвѣчающая свойствамъ роль будетъ заключаться въ *обезпеченіи фланговъ* боеваго порядка отъ вѣроятныхъ кавалерійскихъ атакъ противника съ цѣлью задержать наступающія колонны подъ огнемъ съ опушки; въ обходѣ лѣса, частью въ видахъ *развѣдки* (Прага 1656 г.), частью для *тревоженія резерва* (Чашники) и, если такового нѣтъ, для *отрѣзанія* защитникамъ лѣса выходовъ ихъ него (Ольдендорфъ—1633 г., Рейнфельденъ—1633 г.). Въ очень *рѣдкихъ* случаяхъ, при недостаткѣ пѣхоты, можно поручать атаку менѣе важныхъ участковъ *спѣшенной* кавалеріи (Дебродъ—1849 г.); но это, очевидно, *крайность*.

Въ дѣлѣ при м. Пабяница (29-го января 1863 г.) майоръ Нелидовъ *обезпечилъ фланги* своего боеваго порядка кавалеріею. Когда пѣхота ворвалась въ лѣсъ, то поляки двинули часть кавалеріи во флангъ русскимъ; но подоспѣли казаки и польская кавалерія была *отпрокинута*.

Въ дѣлѣ у м. Краснобродъ когда отрядъ Оголина тѣснилъ мятежниковъ въ лѣсу, кавалерія (полусотня донскаго № 10-го полка и полуэскадронъ харьковскихъ уланъ) обскакала лѣсъ и ударила во флангъ *выходившимъ изъ лѣсу* толпамъ, которыя были частью истреблены, частью разсѣяны.

Въ дѣлѣ у д. Буды-Забаровска (2-го апрѣля 1863 г.) казаки, подъ начальствомъ поручика Цеймерна и эсаула Кулешова, дѣйствуя *въ обходѣ лѣса*, фланговыми атаками облегчали работу пѣхоты генерала Крюденера.

Савуа («Уставъ о службѣ армій въ полѣ») совѣтуетъ въ томъ случаѣ, когда лѣсъ прорѣзывается широкая дорога, двигать по ней кавалерію *галопомъ*. Трудно представить себѣ такую обстановку, при которой подобное форсированіе лѣса кавалеріею было *возможно и нужно*: обыкновенно всякія дороги, тѣмъ болѣе широкія, являются ареною борьбы сомкнутыхъ частей пѣхоты (частные резервы) и для кавалеріи даютъ слишкомъ узкое и опасное поле дѣйствій (ГюнERVассеръ); но, *какъ частный случай*, и этотъ образъ дѣйствій кавалеріи мы охотно признаемъ.

Въ сраженіи при Иружинѣ (28-го іюня 1795 г.) колонна пол-

ковника Гариффа, предшествуемая стрѣлками-басками, двигалась на Эжкорбъ и отбросила отрядъ каталонцевъ, оборонявшихъ высоту у этого пункта. Баски, преслѣдуя, были атакованы тремя эскадронами и должны были искать убѣжища *въ лѣсахъ по сторонамъ дороги*. Когда кастильская кавалерія (ген. Гарказить) бросилась къ лѣсу, то, встрѣченная огнемъ басковъ, *должна* была отступить.

Когда первая линія потерпитъ неудачу, ударъ повторяетъ вторая линія; резервъ же во всякомъ случаѣ надо *беречь* и расходовать *умѣренно*, помня, что внутри лѣса не столько значить сила, сколько духъ и умѣнье эксплуатировать съ пользою свойства лѣса, а потому, даже при успѣшномъ ходѣ боя, резервъ лучше держать *за лѣсомъ*, пока послѣдній не будетъ совершенно во власти войскъ боевой линіи, ибо въ противномъ случаѣ, при трудности сохранить въ лѣсной чащѣ порядокъ и управленіе, мы лишаемся единственнаго регулятора боя (Брага). Такъ какъ первый штурмъ обнаруживаетъ противнику истинное направленіе атаки и заставляетъ къ пункту главнаго удара подтянуть резервы и подкрѣпленія, то, очевидно, для второй и послѣдующихъ атакъ не лишне выбрать, если можно, *другой* пунктъ.

При колеблющемся характерѣ боя весьма не рѣдко случается рядомъ съ неудачею въ одномъ мѣстѣ удача—въ другомъ. Разъ—успѣхъ на главномъ пунктѣ, всѣ остальные неудачи имѣютъ чисто эпизодическое значеніе и въ очень малой степени отражаются на общемъ положеніи дѣлъ; но при обратномъ случаѣ обстановка измѣняется, ибо надо много искусства и благопріятныхъ обстоятельствъ, чтобы успѣхъ *частной* атаки развить въ положительномъ смыслѣ, обративъ ее въ *главную* при посредствѣ *резерва*. Въ большинствѣ случаевъ, неудача главной атаки ведетъ къ отступленію всей боевой линіи, подъ присмотромъ резерва и артилеріи. Крайне важно *задержать* преслѣдующаго противника, дабы дать время всѣмъ войскамъ выйти изъ лѣса: въ противномъ случаѣ они легко могутъ быть отрѣзаны.

«Эти положенія боя—говорить Перидониусъ — очень опасны, ибо переходъ отъ атаки къ оборонѣ—дѣло минуты, когда бѣольшая часть войскъ наступающаго введена въ дѣло; къ тому же бой за опушку заставляетъ резервы держать *ближе* обыкновеннаго и, при внезапномъ оборотѣ боя, они не имѣютъ достаточно мѣста для занятія прикрывающей позиціи».

Очень хорошо, когда артилерія можетъ *фланкировать* подсту-

пы къ опушкѣ: въ такомъ случаѣ отступающія войска не маскируютъ огня и содѣйствіе артилеріи будетъ болѣе полнымъ (Верть).

Пока у атакующаго есть сильный резервъ, дѣло такъ или иначе *поправимо*, особенно, если противникъ, увлеченный успѣхомъ, *сдѣлаетъ вылазку* изъ лѣса для преслѣдованія; тогда, встрѣтивъ его артилерійскимъ огнемъ, стараются или *отрѣзать* отъ лѣса, или опрокинуть на лѣсъ и *ворваться на плечахъ* (дубовая роща подъ Вертомъ).

Въ бою у Вавра, 1815 г., прусскій корпусъ Тильмана, правымъ флангомъ занималъ Риксанарскій лѣсъ. Узнавъ объ участи Наполеона при Ватерлоо, Тильманъ, накануне потерпѣвшій неудачу, рѣшилъ 19-го іюня перейти въ наступленіе. На разсвѣтѣ прусаки открыли огонь противъ лѣваго фланга французскаго корпуса Груши и двинули впередъ 12 эскадроновъ; но *огонь* французскихъ батарей остановилъ это наступленіе и заставилъ отойти за лѣсъ, занятый тремя баталіонами Штульпнагеля. *По слѣдамъ* отступающаго, пѣхота Гюло ворвалась въ лѣсъ, и, послѣ упорнаго боя, овладѣла послѣднимъ.

Въ дѣлѣ при м. Слаболодзѣ (29-го мая 1863 г.) шайка Калье и Рачковскаго укрѣпилась въ Слесинскомъ лѣсу и была атакована генераломъ Краснокутскимъ, который, двинувшись въ обходъ, направилъ въ лѣсъ со стороны Слаболодзя отрядъ маіора Нелидова. Шедшіе впереди этого отряда казаки вступили въ лѣсъ, и въ 100 шагахъ отъ опушки наткнулись на завалы и встрѣчены огнемъ; тогда Нелидовъ двинулъ впередъ пѣхоту. Поляки, не выждавъ атаки, *выдвинули навстрѣчу* сильную колонну косиньеровъ. Цѣпь, отступая, открыла мѣсто артилеріи, которая обдала косиньеровъ картечью. Тѣ бросились назадъ, а за ними *на плечахъ* ворвались и русскіе.

Въ дѣлѣ у м. Шуги (4-го іюля 1863 г.) отрядъ полковника Валуева (двѣ роты, полувзводъ ракетной батареи, 2¹/₂ сотни) атакуетъ значительную, до 3,000 человекъ, банду мятежниковъ подъ начальствомъ Тромбчинскаго. Съ 12-ти до 2-хъ часовъ дня длилась оживленная перестрѣлка, и мятежники, видя слабость противника, *выступили изъ лѣса* для атаки. Стрѣлки начали медленно отступать, отстрѣливаясь, и поляки, не выдержавъ огня — особенно ракетнаго, который въ густыхъ толпахъ производилъ страшное дѣйствіе, быстро повернули въ лѣсъ; тогда русскіе ударили въ штыки, *на плечахъ* противника ворвались въ лѣсъ и вытѣснили мятежниковъ.

Активныя дѣйствія на полѣ сраженія противъ лѣса не ограничиваются тѣмъ случаемъ, когда лѣсъ имѣетъ значеніе опорнаго пункта и ключа позиціи: *занятіе* лѣса всегда для атакующаго полезно — въ видахъ-ли *демонстраціи*, въ видахъ-ли *обезпеченія фланга* наступающей линіи войскъ; въ видахъ-ли, наконецъ, *прорыва* боеваго порядка обороняющагося (Верть).

Въ сраженіи при Находѣ 1866 года, послѣ неудачныхъ атакъ Венцельсбергской роши, генераль Гартвегъ, боясь за свой тылъ, отвелъ свою бригаду къ Шонову. Эта *боязнь*, говоритъ Драгомировъ ⁽¹⁾ возникла вслѣдствіе того, что нѣсколько десятковъ стрѣлковъ, застрѣвшихъ въ лѣсу правѣе дороги, сдѣлали 1—2 залпа по правофланговымъ частямъ австрійцевъ, шедшихъ *мимо*, не позаботясь не только *занять*, но даже и осмотрѣть его.

Въ сраженіи при Рейхенбергѣ (1757 г.) герцогъ Бевернскій атакуетъ австрійскій корпусъ Кенигсека на позиціи между рѣкою Нейссою и лѣсистыми отрогами горъ. Правое крыло австрійцевъ занимало укрѣпленія; центръ состоялъ изъ кавалеріи; лѣвый флангъ (гренадеры) имѣлъ опорнымъ пунктомъ небольшую рошу съ неоконченною засѣкою, Два раза съ успѣхомъ прусскіе драгуны опрокидываютъ австрійскую конницу; но всякій разъ изъ роши выступали гренадеры и поражали драгунъ сильнымъ огнемъ въ тылъ, и тѣмъ заставляли ихъ поспѣшно возвращаться назадъ. Только со *взятіемъ роши* и укрѣпленій австрійцы должны были отступить.

Способъ дѣйствій обороняющагося въ бою за лѣсъ обусловливается *прежде всего* обстановкою.

Если противникъ имѣетъ значительное численное превосходство, обороняющійся же располагаетъ войсками, при слабости численной, еще и неопытными въ лѣсномъ бою; если, наконецъ, оборонительная сила опушки находится въ связи съ прилегающею мѣстностью, лѣсъ окруженъ рвомъ, валомъ (рвы въ Ольховой рошѣ при Гроховѣ; кинки на опушкѣ лѣса при Оверзее), болотистыми лугами и проч., то можно, особенно при невыгодныхъ для обороны свойствахъ внутренней площади (лѣсъ Жениво при Гравелотѣ, Живодо при Бомонѣ), ограничиться обороною *одной опушки*. Такой *пассивный* образъ дѣйствій примѣнимъ и въ томъ случаѣ, когда обороняющійся желаетъ только выиграть время (Бомонѣ), скрыть

(1) «Очерки Австро-Прусской войны 1866 года».

свою численную слабость чащею лѣса и, имѣя недостатокъ въ кавалеріи и артилеріи, менѣе способенъ къ самостоятельному бою на открытой мѣстности. Но если съ подходомъ подкрѣпленій или, благодаря большимъ потерямъ наступающаго, на сторонѣ обороняющагося окажется численное превосходство; если противникъ, принимая дальніе обходы, раздѣлилъ свои силы; если резервъ ослабленъ выдѣленіемъ частей въ боевую линію, а у обороняющагося имѣются свѣжія силы и численно превосходная кавалерія; словомъ, все, что обусловливаетъ успѣхъ наступательнаго боя, обороняющійся не долженъ ограничиваться неблагоприятною ролью пассивнаго отраженія ударовъ, а долженъ искать рѣшительнаго успѣха въ активной оборонѣ. Въ этомъ случаѣ лѣсомъ пользуются только, какъ средствомъ вовлечь противника въ бой, чтобы до момента столкновенія имѣть на своей сторонѣ и выгоды закрытія, и выгоды огня.

Какой бы въ окончательномъ видѣ способъ дѣйствій не былъ принятъ, очевидно въ періодъ подготовки атаки и затѣмъ самаго наступленія обороняющійся долженъ развить *всю силу огня*.

Какъ только получено будетъ донесеніе о приближеніи противника, слѣдуетъ немедленное распоряженіе о занятіи лѣса, дабы ко времени подхода непріятельской колонны къ линіи перестроенія резервнаго порядка, никакъ не позже, лѣсъ былъ занятъ и обороняющійся готовъ къ встрѣчѣ; въ противномъ случаѣ, легко быть предупрежденнымъ (см. отдѣлъ объ отдыхѣ и охраненіи). Находящаяся для наблюденія впереди лѣса кавалерія отходить къ резерву.

Когда противникъ войдетъ въ сферу артилерійскаго дѣйствія, артилерія, сосредоточенная въ массы, открываетъ огонь съ цѣлью заставить непріятельскія колонны развернуться; а когда орудія атакующаго начнутъ *артилерійскій бой*, то стараться сбить ихъ съ позиціи сосредоточеннымъ огнемъ. Если батареи не собраны въ массы, но разбросаны частями по опушкѣ, лучше избѣгать артилерійской борьбы и *беречь огонь* до подхода штурмовыхъ колоннъ на дистанцію шрапнельнаго или картечнаго дѣйствія; также слѣдуетъ поступать и въ томъ случаѣ, когда противникъ значительно превосходитъ артилерію (Гроховъ).

Въ бою за Стаховскій лѣсъ (Березина—1812 г.) корпуса Нея, Удино и Гвардія противодействовали дебушированію арміи Чичагова къ д. Брилямъ. Выставивъ противъ выхода изъ лѣса сильную батарею, французы парализовали дѣйствіе русской артилеріи, которая могла дѣйствовать *только* двумя орудіями, *снѣгьюшимися*

каждые полчаса другими (въ дѣлѣ со стороны русскихъ участвовали такимъ образомъ четыре артилерійскія роты, около 50-ти орудій).

Въ дѣлѣ у мѣстечка Рудки 1831 году въ распоряженіи генерала Полешко имѣлись только два орудія, которыя не могли бы бороться съ многочисленной польской артилеріею. Вслѣдствіе этого, Полешко держалъ орудія *скрытно* въ лѣсу и выдвигалъ только въ *моментъ атаки*, по отбитіи которой они вновь скрывались, а опушка вновь занималась цѣпью. Въ періодъ усиленной рекогносцировки обороняющемуся нужно быть очень осмотрительнымъ въ своихъ мѣропріятіяхъ: не слѣдуетъ забывать, что изъ цѣлага ряда фальшивыхъ атакъ только одна болѣе или менѣе дѣйствительная. Относясь серьезно къ этому моменту боя, обороняющійся играетъ въ руку противника, ранѣе обнаруживая свои силы и облегчая ему трудную задачу оцѣнки обстановки. Конечно, нельзя позволять атакующему безнаказанно ощупывать свое положеніе; но для противодѣйствія этой операціи слѣдуетъ выказывать только *строго необходимое* количество войскъ. *Стрѣлковый огонь* съ опушки и *огонь артилеріи*—вотъ что, главнымъ образомъ, играетъ роль въ этотъ періодъ и если до сихъ поръ обороняющійся избѣгалъ дальняго артилерійскаго огня, дабы не слишкомъ рано обнаружить расположеніе своихъ батарей, то теперь, при малодымномъ порохѣ съ его маскирующимъ свойствомъ, можно безъ боязни открывать огонь съ *дальнихъ* дистанцій, если цѣль того будетъ стоять. Охраненіе фланговъ и тыла отъ обхода, если лѣсъ не будетъ обезпеченъ расположеніемъ другихъ войскъ на сосѣднихъ участкахъ позиціи—задача главнымъ образомъ *кавалеріи*, такъ какъ и со стороны противника внѣ лѣса будетъ дѣйствовать въ этотъ періодъ (рекогносцировка) кавалерія же. Въ то же время, пользуясь открытымъ кругозоромъ и *естественными вышками*, обороняющійся *зорко слѣдитъ* за противникомъ и маневрированіемъ послѣдняго съ цѣлью разгадать его намѣренія и приготовиться къ рѣшительной борьбѣ. По мѣрѣ приближенія противника цѣпь открываетъ огонь и, постепенно сгущаясь, все болѣе учащаетъ стрѣльбу,—положеніе для открыто идущаго непріятеля крайне тяжелое, вызывающее страшное нервное напряженіе, которое, подобно сильно натянутой струнѣ, нерѣдко лопается и низводится къ нулю прежде достиженія опушки.

Въ дѣлѣ при Находѣ бригада Гартвега атаквала треугольную рожицу, занятую четырьмя ротами 37-го полка; но, встрѣченная въ 120-ти шагахъ отъ опушки убійственнымъ *огнемъ*, повернула назадъ. Въ томъ же бою два раза атакванная, сначала 25-мъ Егер-

скимъ баталіономъ, затѣмъ двумя баталіонами полка Гарицуги — Венцельсбергская роща была сохранена прусаками, благодаря огню 4^{1/2} ротъ, занимавшихъ опушку.

Въ виду такого значенія огня, прямой интересъ обороняющагося продлить этотъ періодъ атаки и задержать противника *подъ разстрѣломъ*, и эта задача — дѣло кавалеріи, которая *атаками изъ-за тѣса* или даже угрозою атаки можетъ принести существенную пользу: она повліяетъ на моральную сторону атакующаго, заставитъ его остановиться для встрѣчи (Верть — атака бригады Мишеля), что и требуется.

По взятіи Венцельсбергской рощи (Находъ), австрійцы двинулись къ большому лѣсу, покрывавшему скаты плато къ р. Метавъ; но, встрѣченные убійственнымъ огнемъ съ опушки и *подъ этимъ огнемъ* атакующие кавалеріею генерала Внука, поспѣшно отступили къ рощѣ.

Когда противникъ уже близокъ, ротныя поддержки входятъ на линію цѣпи и къ учащенному огню послѣдней присоединяется огонь *залпами* изъ сомкнутаго строя и *картечный огонь* находящихся на опушкѣ орудій. Наступаетъ моментъ наибольшаго развитія огнестрѣльнаго дѣйствія, въ которомъ принимаютъ участіе и артилерійскія массы съ фланговыхъ позицій, направляя весь огонь противъ штурмовыхъ колоннъ. Частные резервы къ этому времени должны приблизиться къ опушкѣ для *встрѣчи атаки*.

Пока у противника есть свѣжія части, не слѣдуетъ увлекаться его кажущеюся слабостью и встрѣчать атаку *"впереди"*: мы видѣли, къ какимъ это можетъ повести послѣдствіямъ (Верть); лучше дать атакующему *ворваться* и уже разстроеннаго, потерявшаго порядокъ и сомкнутость, встрѣтить *контръ-атакою* свѣжихъ частей (Гроховъ, Оверзее, Рудки — 1831 г.)

Въ періодъ развитія боя заднія части слѣдуетъ, сообразно ходу дѣла и обстановкѣ, вводить въ боевую линію *постепенно* (Гроховъ, Кенигсгрець, Катръ-Бра), ибо въ лѣсу важно не число войскъ, а порядокъ и хладнокровіе; причемъ иногда бываетъ возможнымъ отзывать части съ тѣхъ пунктовъ, противъ которыхъ нѣтъ атаки, прибѣгая къ этому, разумѣется, съ надлежащею осмотрительностью и при полной очевидности въ безопасности оголяемыхъ участковъ. При Мальпляке французы, не имѣя за Бланжійскимъ лѣсомъ резерва, должны были для сформированія послѣдняго употребить часть баталіоновъ центра, и это обстоятельство позволило Евгенію Савой-

скому через образовавшійся промежутокъ *прорвать* боевой порядокъ ихъ.

Во всякомъ случаѣ, *резервъ* надо сохранять на сколько возможно, ибо въ немъ единственное средство возстановлять колеблющійся бой, обезпечивать фланги боевой линіи, прикрывать отступление при неудачѣ и развивать успѣхъ рѣшительнымъ ударомъ (активная оборона).

Когда противникъ ворвется въ лѣсъ, войска второй линіи или встрѣчаютъ его контръ-атакою тотчасъ же *у опушки*, или ожидаютъ *въ глубинѣ лѣса* на выгодныхъ позиціяхъ съ тѣмъ, чтобы, воспользовавшись его разстройствомъ, атаковать съ большими шансами на успѣхъ. И тотъ и другой способъ дѣйствій имѣютъ свои *raison d'être*; но, говоря теоретически, предпочтительнѣй, очевидно, первый: отказываясь отъ борьбы на опушкѣ, мы даемъ противнику возможность ввести много войскъ, утвердиться на ней, устроиться и продолжать наступленіе обновленными силами, и если бы практика не давала намъ примѣровъ отсутствія методизма въ дѣйствіи атакующаго, ворвавшагося въ лѣсъ, то контръ-атаки на опушкѣ слѣдовало бы признать *единственнымъ* способомъ дѣйствій частныхъ резервовъ. Въ дѣйствительности, мы видимъ, что рекомендуемый теоріею методизмъ является положительнымъ *исключеніемъ*: разгоряченные боемъ, вырвавшіеся изъ рукъ начальниковъ войска не только привести въ порядокъ, но и остановить трудно — почти невозможно: здѣсь въ полной мѣрѣ царитъ табунное начало и неудержимый порывъ; вслѣдствіе чего, неожиданный залпъ *внутри* лѣса и контръ-атака свѣжими силами могутъ привести къ поразительнымъ результатамъ.

Участки обороны должны поддерживать самую тѣсную другъ съ другомъ связь, чтобы, при *прорывѣ* противникомъ линіи обороны въ одномъ пунктѣ, остальные войска, во избѣжаніе удара во флангъ и тылъ, или *своевременно отступили*, или, если противникъ замедлитъ общею атакою, *сжали въ клещи* ворвавшіяся части (Брага). Во всякомъ случаѣ, при неудачѣ слѣдуетъ очищать лѣсъ *своевременно* и такъ, чтобы ни одна часть не была отрѣзана.

Въ сраженіи при Ольдендорфѣ 1633 г. шведо-гесенскія войска герцога Георга Люнебургскаго занимали позицію, лѣвый флангъ которой упирался въ р. Везеръ, а правый — терялся на пространствѣ, покрытомъ лѣсами. Полагая, что лѣсъ слабо занять, имперскій генераль Мероде направляетъ сюда главный ударъ, приказавъ своей пѣхотѣ вторгнуться по всѣмъ тропинкамъ; но занимавшая

лѣсъ шведская бригада генерала Капе упорно, въ течение 2-хъ часовъ, обороняется. Имперцы до того разсыпались въ лѣсу, что герцогъ Георгъ рѣшилъ ихъ отрѣзать. Съ этою цѣлью онъ двинулъ лѣсомъ въ тылъ отрядъ Книппгаузена, который безпрепятственно прошелъ лѣсъ и овладѣлъ сел. Зегельгорсть. Къ этому времени имперская пѣхота, тѣсняемая шведами, очищаетъ лѣсъ; но выходы изъ него *уже заняты противникомъ*. Имперцы понесли полное пораженіе.

Въ дѣлѣ при Головчицахъ 1812 г. дивизія Вердье, преслѣдуя Кульнева, наткнулась на весь корпусъ Витгенштейна и отброшена. Для прикрытія отступленія французы заняли небольшой лѣсъ; но, обойденные справа и атакованные съ фронта, начали поспѣшно отступать; причемъ одна изъ колоннъ, оставшаяся въ лѣсу долѣе другихъ, была отрѣзана и частью истреблена, частью положила оружіе.

Въ сраженіи при Бородинѣ 1812 г. съ паденіемъ центральной батареи лѣвое крыло русской арміи отошло на пушечный выстрѣлъ отъ Семеновскихъ флешей, упираясь флангомъ въ большой лѣсъ; въ то же время II корпусъ Багговута, подкрѣпившій Тучкова, тѣснить войска Понятовскаго къ д. Утицѣ на крайнемъ лѣвомъ флангѣ. Войска генерала Жюно въ 10 часовъ вели бой съ частями корпуса Тучкова, занимавшими кустарникъ; но когда французамъ удалось этимъ кустарникомъ *прорваться* между главной арміею и Багговутомъ, послѣдній *постышилъ отступить*.

Когда атака отбита, первая линія вновь занимаетъ опушку и провожаетъ противника *огнемъ*, отнюдь не увлекаясь успѣхомъ для преслѣдованія впереди опушки, пока у непріятели имѣются свѣжія силы и онъ не потрясенъ морально. Разъ какъ по условію обстановки моментъ для *общей контръ-атаки* не наступилъ, преслѣдованіе составляетъ задачу кавалеріи, которая фланговыми атаками изъ-за лѣса усиливаетъ моральное впечатлѣніе неудачи и мѣшаетъ противнику скоро оправиться и приготовиться къ новому штурму. Если при этомъ противникъ не повсюду выбитъ изъ лѣса и, слѣдовательно, произошелъ *прорывъ* его боеваго порядка, слѣдуетъ этимъ воспользоваться, съ цѣлью захватить тѣ части, которыя еще не вышли изъ лѣса. Когда, наконецъ, послѣ ряда кровопролитныхъ атакъ, противникъ придетъ въ окончательное матеріальное и моральное разстройство, или когда по другимъ причинамъ минута окажется удобною, успѣхъ обороны долженъ завершиться переходомъ въ наступленіе — *общей контръ-атакою*.

Въ періодъ боевыхъ дѣйствій обороняющійся не долженъ игно-

ривать *наблюдеіемъ* за тѣми участками, которые почему либо не заняты (Мальпляке), или служить опоромъ фланговъ (обходъ Занкельмарнскаго озера при Оверзее).

Въ сраженіи при Куортанѣ 1809 г. армія Клингспора занимала лѣсъ, упираясь правымъ флангомъ въ Куортанское озеро, въ обходъ котораго Каменскимъ былъ посланъ отрядъ Козачковскаго. Тѣснимые русскими, шведы отступили къ Сальми; но когда во время боя въ тылу ихъ у Курси появился Козачковскій, Клингспоръ началъ отступление далѣе.

Равнымъ образомъ, занимая лѣсъ въ виду противника, слѣдуетъ обезпечить себя отъ нечаянныхъ нападеній ночью и въ туманъ *выдвиганіемъ впередъ цѣпи*.

Подполковникъ Рѣщиковъ.

(Продолженіе будетъ).

О РУБКѢ ВЪ НАШЕЙ КОННИЦѢ.

Въ настоящее время на страницахъ «Русскаго Инвалида» появился рядъ статей Н. Сухотина, доказывающихъ необходимость обученія конницы стрѣльбѣ съ коня.

Мы не будемъ касаться вопроса о цѣлесообразности подобнаго рода боевой дѣятельности конницы, но обращаемъ вниманіе лишь на то, что такое требованіе внести еще новый, и весьма трудный отдѣлъ обученія въ настоящую програму обученія конницы, весьма разнообразную и обширную. Поэтому, прежде чѣмъ вводить новый отдѣлъ обученія, посмотримъ, насколько наша конница справляется съ важнѣйшими отдѣлами обученія существующей програмы? Къ сожалѣнію, на этотъ вопросъ мы должны отвѣтить отрицательно. Правда, важнѣйшій отдѣлъ—ѣзда искони вѣковъ находится у насъ на должной высотѣ; упражненія въ развѣдывательной службѣ съ каждымъ годомъ становятся болѣе и болѣе на прочную ногу; стрѣльба ведется толково; но важнѣйшій, послѣ ѣзды, отдѣлъ—рубка, у насъ и по сіе время остается въ неудовлетворительномъ положеніи. Полагаю, что всѣмъ еще памятенъ приказъ по кавалеріи отъ 29-го ноября 1888 г., за № 14-мъ, гдѣ указано неудовлетворительное состояніе рубки во всѣхъ частяхъ нашей конницы. Но чтѣ было сдѣлано затѣмъ, чтобы поставить этотъ отдѣлъ обученія конницы на должную высоту? Были подтверждены строго прежніе приказы и предписано обратить вниманіе на этотъ отдѣлъ обученія; но этимъ дѣло и ограничилось: къ рубкѣ не были предъявлены новыя требованія, отчего дѣло осталось въ прежнемъ состояніи.

Между тѣмъ, не слѣдуетъ забывать, что для конницы, представительницы холоднаго оружія, это важнѣйшій отдѣлъ обученія. Даже тѣ, которые требуютъ отъ конницы умѣнья стрѣлять съ коня, отдають все-таки на конѣ первенствующее значеніе холодному оружію. Неправильная постановка рубки въ конницѣ происходитъ, по нашему мнѣнію, отъ того, что, констатируя плохое состояніе ея въ частяхъ, не задались вопросомъ: почему же другіе отдѣлы обученія,

болѣе второстепенные, напримѣръ: стрѣльба, маршировка, ружейные приемы — процвѣтають, а рубить шашкой никто не умѣетъ? Отвѣтъ простъ: для прочихъ отдѣловъ существуютъ спеціальныя смотры; прочіе отдѣлы поощряють и наружными знаками отличія, и денежными призами, а рубка остается, такъ сказать, домашнимъ отдѣломъ обученія.

Въ предвидѣніи смотра стрѣльбы, курсъ ея проходится тщательно; лучшіе стрѣлки украшаются знакомъ. Недавно введенъ знакъ отличія и для лучшихъ развѣдчиковъ. За ѣзду ежегодно назначаются призы въ видѣ часовъ, которые разрѣшено носить съ цѣпочкою на выпускъ. Одна рубка остается не только безъ всякаго поощренія знакомъ или деньгами, но даже для повѣрки ея не установлено спеціальнаго смотра, а всякій, кто знакомъ со службой, знаетъ, что учать обыкновенно только тому, что начальство смотреть.

Необходимость обратить серьезное вниманіе на этотъ отдѣлъ обученія и поставить рубку на должное мѣсто, явствуетъ изъ того, что всадникъ, не владѣющій мастерски своею шашкой, еще не воинъ, а просто ѣздокъ, почти безвредный для противника.

Намъ кажется, что этотъ пробѣлъ можно было бы заполнить слѣдующимъ образомъ: 1) ввести рациональный способъ обученія не маханію шашкой по воздуху, а дѣйствительной рубкѣ; 2) назначить спеціальныя смотрѣнья рубкѣ, подобно стрѣльбѣ; 3) установить наружное отличіе въ видѣ знака лучшимъ рубакамъ, подобно лучшимъ стрѣлкамъ и развѣдчикамъ; 4) поощрить рубку призами, подобно ѣздѣ. Чтобы не вызвать новыхъ расходовъ для поощренія спеціально рубки, мы предложили бы: средствами, назначаемыми ежегодно для поощренія манежной ѣзды, поощрить одновременно *лихую полевую ѣзду и рубку*. Намъ кажется болѣе цѣлесообразнымъ призы выдавать не любителямъ тонкой манежной ѣзды, а лихимъ всадникамъ, которые на быстромъ аллюрѣ будутъ ловко рубить глиняные конусы, прутья и прочее. Полагаемъ, что призы «за *лихость*» будутъ болѣе соответствовать духу конницы, чѣмъ поощреніе манежной ѣзды, какъ это дѣлается въ настоящее время.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, какъ должно быть поставлено въ конницѣ обученіе рубкѣ?

Намъ кажется, что и здѣсь, какъ и въ прочихъ отдѣлахъ, необходимо азбуку и склады отдѣлить отъ упражненій въ чтеніи; не приступать къ обученію чтенія до азбуки и складовъ и, разъ выучившись читать, не возвращаться снова къ азбукѣ; или, по выраженію одного изъ приказовъ генерала Драгомирова: сдѣлавши шагъ

впередъ, не дѣлать затѣмъ шагъ назадъ, иначе дѣло никогда не по-
двинется впередъ. Поэтому рассмотримъ сперва обученіе новобран-
ца, затѣмъ старослужащихъ (послѣ перваго лагеря) и въ концѣ
скажемъ нѣсколько словъ объ упражненіяхъ гг. офицеровъ въ руб-
кѣ и фехтованіи.

Новобранецъ долженъ получить на руки острую, какъ бритва,
шашку; ему съ перваго же дня слѣдуетъ показать не только уходъ
за ней съ цѣлью предохраненія отъ ржавчины и зазубринъ, но также
способъ точенія клинка, чтобы постоянно поддерживать остроту его.

Отточенное, какъ бритва, оружіе съ непривычки внушаетъ къ
себѣ нѣкоторый страхъ, подобно заряженному ружью; необходимо
время, чтобы освоиться съ этимъ чувствомъ и приобрести снаровку,
чтобы, владѣя шашкой, не поранить себя или лошадь.

Въ настоящее время вопросъ объ отточенномъ оружіи у насъ
не рѣшенъ окончательно; хотя циркуляръ главнаго штаба 18-го
сентября сего года, за № 157-мъ, исключаетъ изъ мобилизаціонныхъ
работъ отточку оружія, передавая право точить оружіе усмотрѣнію
командировъ отдѣльныхъ частей, но вмѣстѣ съ тѣмъ ограничиваетъ
время отточки оружія, именно: точить оружіе разрѣшается ежегод-
но только по окончаніи періода зимнихъ занятій; значить, въ осталь-
ное время оружіе можетъ оставаться затупленнымъ; такое рѣшеніе
намъ кажется только шагомъ впередъ, но не можетъ быть признано
окончательнымъ.

Итакъ, въ настоящее время точить оружіе въ періодъ мобили-
заціи не полагается; категорическаго приказанія имѣть постоянно
вполнѣ отточенымъ оружіе — нѣтъ, почему мы рискуемъ выступить
въ походъ съ тупымъ оружіемъ. Намъ кажется напраснымъ опасе-
ніе возложить на каждого нижняго чина заботу о поддержаніи
остроты своей шашки, подобно исправному уходу за лошадью или
прочей амуниціей. Здѣсь проглядываетъ опасеніе, чтобы шашки не
сточились еще въ мирное время. Врядъ-ли справедливо это опасе-
ніе: всякому, я думаю, случалось видѣть клинки, бывшіе въ упо-
требленіи столѣтія и оставшіеся въ настоящее время вполнѣ годными
къ употребленію. Нашъ простолюдинъ, привыкшій съ малолѣтства
править и точить свою косу, легко съумѣетъ острить и шашку.

Обученію новобранца рубкѣ должно предшествовать развитіе
мускуловъ плеча и руки; указанные для этого въ уставѣ приемы
вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію. Затѣмъ слѣдуетъ перейти
къ примѣрнымъ (по воздуху) ударамъ и уколамъ, тоже согласно
уставу, пѣшкомъ и на деревянной лошади.

Усвоивши эту азбуку дѣла, должно перейти къ рубкѣ дѣйствительныхъ предметовъ учебною шашкой, сначала пѣшкомъ, потомъ на деревянной лошади.

Лучшимъ и самымъ дешевымъ предметомъ для рубки—глина, какъ это дѣлается въ офицерской кавалерійской школѣ; берутъ глину, очищенную отъ мелкихъ камней и песка, круто замѣшиваютъ ее съ водой и изъ этой массы выдѣлываютъ родъ столбиковъ, или, правильнѣе, усѣченныхъ конусовъ, аршина полтора высоты. Изрубивъ шашкой этотъ конусъ, глину снова мѣсятъ и конусъ восстанавливаютъ и т. д. Зимой глина можетъ быть замѣнена бабами изъ снѣга. На упражненіи рубки глины и снѣга пѣшкомъ и на деревянной лошади мы полагали бы закончить обученіе новобранцевъ, такъ какъ требовать отъ нихъ рубку на лошади острою шашкой, полагаемъ, опаснымъ для лошади.

Обученіе старослужащихъ (и новобранцевъ осенью послѣ перваго лагеря) начать съ пріемовъ для фехтованія и продолжать упражненія въ рубкѣ глины, показать рубку лозы. Затѣмъ перейти къ рубкѣ глины на настоящей лошади на мѣстѣ; къ двухстороннему фехтованію пѣшкомъ; къ рубкѣ глины на ходу верхомъ.

Вѣнцомъ обученія владѣнію холоднымъ оружіемъ будетъ двухстороннее фехтованіе верхомъ и рубка глины и лозы на быстромъ алюрѣ. Чтобы всадникъ усвоилъ себѣ рубку *своей* шашкой, а не учебной, рубку лозы, какъ не могущей испортить клинокъ, можно допустить своей шашкой.

Мы предлагаемъ ввести двухстороннее фехтованіе на коняхъ. Для нашей конницы подобное требованіе не было бы новостью, а только возвращеніемъ къ старымъ требованіямъ 40-хъ или 50-хъ годовъ.

Итакъ, мы предлагаемъ обширную и, по нашему мнѣнію, необходимую програму, чтобы шашка въ рукахъ всадника была дѣйствительнымъ оружіемъ. Только пройдя такой серьезный курсъ, солдатъ почувствуетъ довѣріе къ своему оружію, безъ котораго самая лучшая шашка будетъ только лишнею для него обузой.

Если къ концу службы нижніе чины усвоятъ себѣ въ совершенствѣ наши требованія, и затѣмъ останется свободное время, то только это время мы допускаемъ возможнымъ употребить на обученіе стрѣльбѣ съ коня.

Что касается гг. офицеровъ, то мы должны подтвердить заключеніе упомянутаго приказа по кавалеріи 1888 года, № 14-й, что гг. офицеры не упражняются ни въ рубкѣ, ни въ фехтованіи, и опять

по тѣмъ же причинамъ, почему рубка у насъ вообще находится въ неудовлетворительномъ состояніи.

Чтобы поощрить занятія рубкой и фехтованіемъ въ средѣ гг. офицеровъ, кромѣ мѣръ, указанныхъ для нижнихъ чиновъ, мы можемъ прибавить слѣдующее. Всѣ военныя собранія, наравнѣ съ библіотечкой, пособіями для тактическихъ занятій и военной *игры, должны быть обязательно снабжены принадлежностями для фехтованія и рубки, а также для стрѣльбы въ цѣль изъ пистолета, хотя бы Монтекристо. Не должно забывать, что кавалерійскій офицеръ, стоящій впереди фронта своей части, есть не только вожакъ ея, но и перъвый рубака.

Ротмистръ Коломейцовъ.

О КАЛИБРАХЪ ВЪ ПОЛЕВОЙ АРТИЛЕРІИ.

Въ ряду цѣлой массы современныхъ вопросовъ, касающихся наиболѣе рациональнаго вооруженія и организациі полевой артилеріи, вопросъ объ однообразіи калибра орудій занимаетъ, безспорно, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Въ виду этого мы съ большимъ интересомъ отнеслись къ статьѣ г. Поликарпова: «Къ вопросу о калибрахъ полевыхъ орудій» (1), рассчитывая найти въ ней соображенія, могущія способствовать разсѣянію нѣкоторыхъ сомнѣній, существующихъ по этому предмету.

На дѣлѣ же оказалось, что вышеозначенная статья, не проливая желательнаго свѣта на основныя положенія, ограничивается обсужденіемъ нѣкоторыхъ деталей, имѣющихъ въ частности извѣстное значеніе, но мало вліяющихъ на существенную часть дѣла.

Хотя г. Поликарповъ и заявляетъ, что онъ не имѣетъ претензій на рѣшеніе вопроса, а хочетъ лишь сказать нѣсколько словъ о батарейномъ орудіи сравнительно съ другими полевыми орудіями, тѣмъ не менѣе нельзя не поставить ему на счетъ нѣкоторой поверхностности взгляда, проявленной имъ при проведеніи своей основной мысли.

Такимъ образомъ мы, между прочимъ, читаемъ: «Первое, что говорится противъ батарейнаго орудія, это то, что оно тяжело. Отъ полеваго орудія, какъ извѣстно, требуется подвижность, причемъ допускается помощь людей въ исключительныхъ случаяхъ. Понятно, что такая помощь нежелательна, но она допускается въ предвидѣніи тѣхъ случаевъ, когда безъ нея обойтись невозможно. Чтобы примириться съ этимъ, вспомнимъ, что даже наши старыя мѣдныя пушки, даже четырехъ-фунтовыя, весьма легкія пушки и тѣ требовали во многихъ случаяхъ помощи людей. Слѣдовательно, даже при идеальной, такъ сказать, легкости, орудіямъ безъ помощи людей въ исключительныхъ случаяхъ обойтись нельзя. Итакъ, съ устраненіемъ батарейной пушки не устранятся случаи необходимости помогать полевой артилеріи людьми, если того потребуютъ обстоятельства».

«Сравнивая батарейное орудіе съ легкимъ и говоря, что оно менѣе подвижно—сравненіе это дѣлаютъ не при одинаковыхъ

(1) «Русскій Инвалидъ» № 190.

обстоятельствахъ. Если тщательно выбрать лошадей для батарейнаго орудія, а не давать ему лошадей одинаковаго сорта, какъ и для легкихъ, дать этимъ лошадямъ соотвѣтственный кормъ, отработать ихъ какъ слѣдуетъ, словомъ, выбрать лошадь соотвѣтственно предстоящей ей работѣ, какъ это вездѣ и всегда должно быть, и такимъ образомъ поставить батарейное орудіе въ одинаковыя условія съ легкимъ, то только тогда справедливо было бы вывести заключеніе о сравнительной подвижности того и другаго... «Можно смѣло сказать, что если мы будемъ внимательны къ подбору лошадей, ихъ отработкѣ и корму, а также къ обученію ѣздовыхъ, то батарейное орудіе дастъ тотъ же элементъ подвижности, какъ и легкое».

Изъ смысла приведенной выдержки, очевидно, вытекаетъ: во-первыхъ, что если батарейное орудіе, какъ болѣе тяжелое, требуетъ помощи людей въ исключительныхъ случаяхъ, то съ этимъ слѣдуетъ примириться, такъ какъ и легкое орудіе необходимо безъ этого въ исключительныхъ случаяхъ, и во-вторыхъ, что если подборомъ и отработкой лошадей поставить батарейное орудіе въ одинаковыя условія съ легкимъ, то батарейное орудіе сдѣлается на столько же подвижнымъ, какъ и легкое.

Для насъ, однако, въ дѣйствительности, дѣло представляется вовсе не такъ, какъ объ этомъ говоритъ авторъ.

Какъ кажется, прежде чѣмъ говорить объ *исключительныхъ случаяхъ*, не слѣдовало упускать изъ виду тѣхъ существенныхъ данныхъ, въ силу которыхъ батарейное орудіе является безусловно невыгоднымъ въ полевомъ бою.

Извѣстно, что на долю каждой лошади, запряженной въ батарейное орудіе, приходится по три лишнихъ пуда. Если въ кавалеріи, при обсужденіи максимальнаго вѣса нагрузки, приходящейся на лошадь, берется въ соображеніе всякая лишняя металлическая пуговица, то полагаемъ, что трехъ пудовый грузъ составляетъ такую крупную разницу, устранить каковую безсильны всѣ мѣры, предлагаемыя авторомъ разсматриваемой статьи.

Конечно, при движеніи по хорошимъ твердымъ дорогамъ трехъ пудовая разница въ нагрузкѣ лошади дѣйствительно какъ будто незамѣтна. Но если дороги плохи, или приходится двигаться по пахоти или пескамъ, можно безошибочно сказать, что если при этихъ условіяхъ, для легкаго орудія затрудненія возрастаютъ, примѣрно, въ арифметической прогрессіи, то для батарейнаго — они возрастаютъ въ геометрической. Но и съ этимъ можно было бы, пожалуй, примириться, если бы полевые батареи имѣли въ мирное

время въ своемъ распоряженіи болѣе или менѣе значительный контингентъ лошадей, которыхъ онѣ могли бы готовить къ предстоящимъ боевымъ трудностямъ.

Но такъ какъ извѣстно, что въ большинствѣ полевыхъ батарей въ мирное время имѣется лишь $\frac{1}{6}$ часть того же числа лошадей, которыя пойдутъ въ военный походъ, то невольно рождается вопросъ: какъ же дѣлать надлежащій подборъ лошадей? Какъ же ихъ втягивать въ работу?

Затѣмъ слѣдуетъ также помнить, что при томъ невыгодномъ положеніи, въ которомъ наши полевые батареи находятся относительно конскаго состава въ мирное время, не приходится увлекаться хотя и заманчивыми, но трудно осуществимыми проектами. Равно бесполезно имѣть въ виду, что современныя условія боя ставятъ артилеріи, по отношенію подвижности, весьма трудныя и сложныя задачи, которыя выполнимы лишь при томъ условіи, если лошади необременены непосильнымъ грузомъ. Въ противномъ случаѣ артилерія рискуетъ являться всегда слишкомъ поздно на поля сраженій, а разъ какъ получится нѣчто подобное, то существованіе артилеріи естественно утратить смыслъ.

Не менѣе важнымъ является еще то обстоятельство, что при современномъ развитіи культуры на вѣроятныхъ театрахъ войны, занятіе позиціи на воздѣланныхъ поляхъ представляется совершенно нормальнымъ явленіемъ. Вотъ тутъ въ полной мѣрѣ обнаружится тяжелая работа, выпадающая въ такихъ случаяхъ на долю прислуги батарейныхъ батарей, вынужденной не только накатывать орудія при условіи углубленія колесъ въ почву до половины спиць, но кромѣ того вырывать хобота лафетовъ изъ ямъ, въ которыя они зарываются послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ; не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что работа прислуги становится совершенно непосильной, если, вслѣдствіе убыли ранеными и убитыми, ей приходится дѣйствовать съ неполнымъ числомъ номеровъ.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такой обстановки является крайне медленная стрѣльба, т. е. пораженіе противника сравнительно небольшимъ числомъ снарядовъ въ то время, когда послѣдній, пользуясь легкостью своихъ орудій, можетъ развить скорость стрѣльбы до крайнихъ предѣловъ, т. е. засыпать неприятеля массою осколковъ и пуль.

Г. Полицарповъ пытается далѣе доказать превосходство батарейнаго орудія передъ легкимъ во всѣхъ отношеніяхъ, однако, при условіи..., если оба орудія будутъ одинаково подвижны.

Спора нѣтъ, что если бы дѣйствительно было такъ легко поставить оба орудія въ одинаковыя условія въ смыслѣ подвижности, какъ это говоритъ авторъ, то подобное небреженіе не заслуживало бы никакого снисхожденія. Но въ томъ то и дѣло, что предложенія автора разсматриваемой статьи представляютъ собою теоретическое разсужденіе, имѣющее мало шансовъ быть когда либо проведенными въ жизнь, такъ какъ важнѣйшій аргументъ въ пользу батарейнаго орудія — превосходство въ средствахъ къ пораженію, къ сожалѣнію, почти совсѣмъ парализуется.

Начнемъ съ того, что если разрывной зарядъ батарейной гранаты вдвое больше такового же заряда легкой гранаты, то обстоятельство это не имѣетъ ровно никакого значенія, такъ какъ извѣстно, что вслѣдствіе ничтожнаго фугаснаго дѣйствія гранатъ, какъ легкихъ, такъ и батарейныхъ, полевая артилерія признается на столько неспособной къ разрушенію земляныхъ насыпей, т. е. тѣхъ закрытій, съ которыми приходится имѣть главнымъ образомъ дѣло въ полевомъ бою, что ей вмѣняется въ непремѣнную обязанность дѣйствовать, при подготовкѣ штурма укрѣпленій, исключительно по войскамъ.

Затѣмъ укажемъ на то, что дѣйствительность стрѣльбы, всецѣло зависящая: 1) отъ мѣткости выстрѣловъ (1); 2) разрушительности выстрѣловъ (2); 3) отлогости траекторіи (3), и 4) отъ скорости

(1) Среднія квадратическія отклоненія на дистанціи, заключающейся между 800 и 1,200 сажень, т. е. въ предѣлахъ специально артилерійскаго боя, выражаются слѣдующими цифровыми данными:

Дистанція въ сажен.	Батарейная пушка.				Легкая пушка.			
	Среднія квадратныя отклоненія.		Среднія квадратныя отклоненія.		Среднія квадратныя отклоненія.		Среднія квадратныя отклоненія.	
	Боковое.	Вертикал.	Въ дальност.	Сажени.	Боковое.	Вертикал.	Въ дальност.	Сажени.
800	2,9	4,0	6,2	2,2	3,7	8,0		
1,000	4,6	7,0	7,5	3,5	5,6	8,5		
1,200	6,7	11,9	9,2	5,2	7,9	9,0		

(2) Окончательная скорость выражается:

Дальность въ саженьхъ.	Для батарейной пушки.	Для легкой пушки.
	фт. ск.	фт. ск.
800	901	939
1,000	857	880
1,200	818	830

(3) Углы паденія для тѣхъ же дистанцій выражаются:

Дистанція въ саженьхъ.	Для батарейной пушки.	Для легкой пушки.
800	5 гр. 24 мин.	3 гр. 48 мин.
1,000	7 » 34 »	5 » 24 »
1,200	10 » 9 »	7 » 26 »

стрѣльбы (1), находится, какъ видно изъ нижеприводимыхъ выносокъ, на сторонѣ легкихъ орудій.

Наконецъ, несомнѣнно и то, что, при существующей организаціи нашей полевой артилеріи, при легкихъ орудіяхъ возится по 150 снарядовъ, а при батарейныхъ—всего по 108 снарядовъ на каждое; короче, каждое легкое орудіе имѣетъ въ своемъ распоряженіи на цѣлую треть больше снарядовъ, чѣмъ батарейное. Если же принять въ соображеніе, что всѣ 1,200 легкихъ снарядовъ, составляющіе батарейный боевой комплектъ, возятся въ 8-ми орудійныхъ передкахъ и 12-ти зарядныхъ ящикахъ, а всѣ 864 батарейныхъ снаряда возятся въ тѣхъ же 8-ми орудійныхъ передкахъ и 16-ти зарядныхъ ящикахъ, т. е. въ четырехъ лишнихъ батарейныхъ зарядныхъ ящикахъ съ передками могло бы номѣститься еще 320 легкихъ снарядовъ (по 30-ти въ передкахъ и по 50-ти въ заднихъ ходахъ), почему на каждое легкое орудіе пришлось бы по 190 снарядовъ, то окажется, что при тѣхъ же перевозочныхъ средствахъ каждое легкое орудіе имѣло бы почти вдвое больше снарядовъ, чѣмъ таковыхъ имѣетъ въ настоящее время батарейное орудіе.

Смѣемъ думать, что приведенные аргументы на столько вѣски, что передъ ними ступшевываются тѣ соображенія, при посредствѣ коихъ г. Поликарповъ стремится доказать, что батарейное орудіе дѣйствительно можетъ равноправно состязаться съ легкимъ въ полевомъ бою.

Въ заключеніе не можемъ обойти молчаніемъ еще слѣдующихъ выводовъ г. Поликарпова, а именно: въ концѣ своей статьи онъ говоритъ, что два полевыхъ калибра установились въ нашей артилеріи исторически. Между тѣмъ, со временъ Наполеоновскихъ войнъ, вплоть до 50-хъ годовъ, въ нашей полевой артилеріи существовало четыре калибра, а именно: тяжелыя орудія имѣли своихъ представителей въ видѣ 12-ти-фунтовыхъ пушекъ и $\frac{1}{2}$ пудовыхъ единороговъ (2), а легкія—въ видѣ 6-ти фунтовыхъ пушекъ и $\frac{1}{4}$ пудовыхъ единороговъ.

Неудобство имѣть нѣсколько калибровъ, сознаваемое уже въ то время, привело къ такъ называемой облегченной системѣ, причемъ вся наша полевая артилерія вооружалась 12-ти-фунтовыми облегченными пушками и только въ 60-хъ годахъ, со введеніемъ нарѣзныхъ орудій, остановились на двухъ калибрахъ 9-ти и 4-хъ-фунто-

(1) О скорости сказано выше.

(2) Единороги введены еще при Елизаветѣ Петровнѣ.

выхъ, которые, какъ извѣстно, замѣнены въ концѣ 70-хъ годовъ дальнобойными батарейными и легкими орудіями.

Кромѣ того, не можемъ также согласиться съ мотивами, приводимыми г. Поликарповымъ для выясненія, почему нашъ личный составъ не можетъ воспользоваться въ полной мѣрѣ превосходными баллистическими качествами дальнобойныхъ орудій. Если съ одной стороны онъ отчасти правъ, утверждая, что личный составъ батарей долженъ для этого еще много совершенствоваться, то съ другой— онъ сильно грѣшитъ, упуская изъ вида наиболѣе существенныя и трудно поборимыя причины, кроющіяся, во-первыхъ, въ существующемъ у насъ прицѣлѣ, представляющемъ сравнительно грубый приборъ, не допускающій достаточно точной наводки, и во-вторыхъ, въ затруднительности наблюденій за дѣйствіемъ снарядовъ, обусловливаемой дымомъ, пылью и прочими естественными явленіями въ полевомъ бою, а также слабостью нашего зрительнаго аппарата, который даже при содѣйствіи бинокля становится за извѣстнымъ предѣломъ несостоятельнымъ.

Если ко всему изложенному прибавимъ: 1) что разнообразныя калибры затрудняютъ въ значительной степени организацію парковъ и питаніе батарей снарядами, доказательствомъ чему служатъ многіе примѣры прошлой войны, свидѣтельствующіе, что 4-хъ-фунтовые снаряды попадали на 9-ти-фунтовыя батареи, и на оборотъ, и что при современномъ массивованіи артилеріи въ бою, исключившемъ почти вовсе самостоятельную стрѣльбу отдѣльныхъ батарей, пристрѣлка группами значительно затрудняется наличностью двухъ калибровъ въ батареяхъ, входящихъ въ составъ этихъ группъ, то станетъ до очевидности яснымъ, почему въ настоящее время Франція и Германія поспѣшили покончить счеты съ двойственностью калибровъ въ полевой артилеріи, принявъ: первая 9-ти-сантим., а вторая— 8,5 сантим. пушки, калибры коихъ мало разнятся отъ калибра нашей легкой пушки. Сдается намъ, что примѣръ этотъ назидателенъ и достоинъ подражанія.

Н. Дворжицкій.

ПОЛЕВЫЯ МОРТИРЫ

И ИХЪ ПРИМѢНЕНІЕ ВЪ БОЮ (¹).

При бѣгломъ обзорѣ историческаго хода развитія артилеріи легко замѣтить, что мортира, какъ представительница навѣснаго огня, всегда считалась цѣннымъ орудіемъ въ полевомъ бою (мы не говоримъ объ осадной войнѣ, гдѣ она всегда составляла существенную часть парковъ). Но ея тяжесть, малоподвижность, необходимость дѣйствія съ особаго станка, а не съ колеснаго лафета, были причиною того, что она нерѣдко была исключается изъ состава полевой артилеріи. Значеніе мортиръ и ихъ количество въ составѣ армій находилось въ прямой зависимости отъ способовъ веденія войны и боя: при медленномъ веденіи войны, при большомъ числѣ закрытій, встрѣчавшихся въ полевомъ бою, число мортиръ въ составѣ полевой артилеріи увеличивалось; при обратныхъ условіяхъ онѣ вовсе исчезали съ полей сраженія. Со введеніемъ нарѣзнаго, а впослѣдствіи и скорострѣльнаго оружія, войска стали искать и возводить во множествѣ закрытія на полѣ сраженія, и потребность въ навѣсномъ огнѣ и въ мортирѣ появилась вновь; необходимо было только придать ей подвижность, потребную для полевыхъ дѣйствій.

Въ настоящее время почти всѣ государства ввели у себя и примѣняли къ полевой артилеріи орудія съ сильнымъ навѣснымъ дѣйствіемъ. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ Круппу. Еще въ 1879 году въ Меппенѣ, на его собственномъ полигонѣ, была испытана 15-ти-сантиметровая мортира (почти 5 д. 8 л.) вѣсомъ 22 пуда. Опыты дали прекрасные результаты относительно мѣткости орудій и производились на разстояніи 1,600 сажень. Въ виду этихъ свѣдѣній, нашимъ артилерійскимъ комитетомъ были заказаны четыре мортиры со станками и снарядами къ нимъ; мортиры эти были испы-

(¹) Изъ сообщенія, читаннаго въ собраніи гг. офицеровъ генеральнаго штаба Московскаго военнаго округа.

таны на четырехъ полигонахъ. Испытаніе ихъ наглядно доказало, что собственно мортира, какъ орудіе, даетъ прекрасные результаты по поражению закрытыхъ цѣлей, но полевымъ орудіемъ быть не можетъ, такъ какъ стрѣляетъ со станка на платформѣ. Для приведенія мортиры изъ походнаго въ боевой порядокъ, т. е. для постановки ея на станокъ, потребовалась бы прислуга на одно орудіе отъ всей полубатареи и не менѣе 15-ти минутъ времени, а вся восьмиорудійная батарея могла бы открыть огонь спустя часъ по выѣздѣ на позицію. Естественно, что такая батарея полевой считается не можетъ. Слѣдовательно, введеніе мортиры въ число полевыхъ орудій находилось въ зависимости отъ выработки для нея такого полевого лафета, съ котораго она могла бы стрѣлять какъ обыкновенное орудіе, т. е. на колесахъ. Первая попытка этого рода была сдѣлана въ Швейцаріи. Десяти-сантиметровая мортира (вѣсъ снаряда 43 фун.) возилась на лафетѣ, но для стрѣльбы имѣлась платформа, которую устанавливали на землѣ, между колесами лафета. Затѣмъ мѣсто, гдѣ стояли колеса, подрывали до тѣхъ поръ, пока лафетъ не ложился на платформу. Но это орудіе, по малому вѣсу снаряда, не представляло особыхъ удобствъ, а на пересѣченной и волнистой мѣстности установка платформы представляла не мало затрудненій, такъ какъ приходилось выравнивать землю, а на каменистой почвѣ вырваніе ровиковъ для колесъ и совѣмъ невозможно.

Предложенный генераль-маіоромъ Энгельгардтомъ полевой лафетъ, при условіи стрѣльбы прямо со станка и колесъ, ввелъ мортиру прямо въ полевую артилерію, пополнивъ ея слабыя стороны т. е. увеличивъ поражение за закрытіями. На Охтенскомъ полигонѣ произведенъ былъ опытъ паралельной стрѣльбы изъ двухъ 9-ти-фунтовыхъ пушекъ и двухъ 6-ти-дюймовыхъ полевыхъ мортиръ, по земляному редуту съ гарнизономъ, изображеннымъ 380 болванками въ 3 ф. высоты. Изъ каждаго орудія было сдѣлано по 100 выстрѣловъ; 200-ми выстрѣлами изъ батарейныхъ пушекъ было поражено 25 болванокъ, а 200-ми выстрѣлами изъ 6-ти-дюймовыхъ полевыхъ мортиръ было поражено 270 болванокъ, изъ которыхъ 61 были разбиты совершенно. Послѣ этого опыта мортиры на предложенномъ генераломъ Энгельгардтомъ лафетѣ были переданы для дальнѣйшаго детальнаго испытанія на Московскій полигонъ.

Созданіе лафета для 6-ти-дюйм. калибра, для стрѣльбы прямо съ лафета, представляло огромныя техническія затрудненія. До сихъ поръ вѣсъ полевыхъ снарядовъ колебался между 10 ф. (въ Англіи) и 30 ф. (наша 9-ти-фунт.). Снарядъ 6-ти-дюймовой мортиры вѣситъ

71 ф., т. е. въ $2\frac{1}{2}$ раза тяжелѣе всѣхъ употребляемыхъ въ настоящее время въ полевой артилеріи снарядовъ. Отношеніе вѣсовъ всей системы къ вѣсамъ снарядовъ колеблется между 190 (Франція) и 93 (наша 9-ти-фунт. пушка); слѣдовательно, вѣсъ системы 6-ти-дюймовой мортиры долженъ былъ бы быть, взявъ самое малое отношеніе $71 \times 93 = 165$ пуд.; а такой вѣсъ немислимъ для полевого орудія. Вѣсъ всей системы должно было приравнять къ вѣсу нашей 9-ти-фунт. пушки, т. е. создать систему не тяжелѣе 70 пуд. Относительно самого орудія вопросъ этотъ рѣшался весьма просто, а именно: была отлита не пушка, а гаубица въ 28 пуд. вѣсу, начальная скорость которой при полномъ зарядѣ въ $4\frac{1}{4}$ ф. пороха получилась въ 750 фут. Но относительно лафета техническія затрудненія казались непреодолимыми.

Отношеніе вѣсовъ орудій къ вѣсамъ снарядовъ въ полевой артилеріи представляется въ слѣдующихъ цифрахъ: 102 австрійская 9-ти-фунт. пушка и 50 наша 9-ти-фунт. При вѣсѣ мортиръ въ 28 пуд. вѣсъ ея къ вѣсу снаряда относится какъ 16:1. А извѣстно, что это отношеніе состоитъ въ прямой зависимости къ силѣ и скорости отдачи; слѣдовательно, при данномъ отношеніи разрушительное дѣйствіе выстрѣла на лафетъ громадно. Наибольшая живая сила отдачи изъ всѣхъ употребляемыхъ нынѣ полевыхъ орудій естественно приходится на нашу 9-ти-фунт. пушку и составляетъ 347 пудо-футъ; живая сила отдачи полевой мортиры, вѣсомъ въ 28 пуд., равняется 966 пудо-футамъ, т. е. въ $2\frac{3}{4}$ раза болѣе наибольшей живой силы орудія, допускаемой нынѣшнею конструкціей лафетовъ. Извѣстно, что разрушительное дѣйствіе орудія на лафетъ выражается разностью живыхъ силъ орудія и системы. Наибольшая таковая разность приходится на нашу 9-ти-фунт. пушку и выражается цифрою въ 160 пудо-футъ. Таковая же разность для мортиры выражается цифрою въ 546 пудо-футъ, т. е. въ $3\frac{1}{2}$ раза болѣе. Разрушительное дѣйствіе на лафетъ въ мортирѣ увеличивается еще тѣмъ, что она должна стрѣлять навѣсно. Наибольшій уголъ возвышенія, даваемый нашей 9-ти-фунт. пушкѣ — 19° , и уже при этомъ углѣ на твердой мѣстности, а зимою очень часто, ось даетъ погибы. Мортира на лафетѣ генерала Энгельгардта стрѣляетъ полнымъ зарядомъ при углѣ возвышенія въ 49° ; при этомъ углѣ $\frac{3}{4}$ всего удара, т. е. около 400 пуд., приходится на ось и колеса. Никакія полевые колеса и оси такового удара выдержать не въ состояніи. Изъ всего здѣсь сказаннаго выясняются тѣ техническія затрудненія, какія нужно было преодолѣть при созданіи лафета для 6-ти-дюймовой по-

левой мортиры, и они были преодолены только благодаря удачно придуманной совершенно новой системѣ лафетовъ.

Лафетъ генераль-маіора Энгельгардта можетъ быть примѣненъ какъ къ полевой, такъ и къ осадной артилеріямъ; въ осадной артилеріи онъ даетъ намъ возможность стрѣлять прицѣльно не только изъ пушекъ, но и изъ мортиръ, имѣя общій лафетъ; а въ полевыхъ орудіяхъ можно будетъ увеличивать начальную скорость, не измѣняя вѣса системы.

Главныя основанія устройства лафета генераль-маіора Энгельгардта за границею извѣстны, но до сихъ поръ, къ удивленію, его идея не вызвала подражанія. Въ каждомъ изъ государствъ принятъ свой лафетъ; такъ, въ Швейцаріи существуетъ лафетъ съ сбрусчатой складной дубовой платформой; въ Германіи—установка мортиръ на станкѣ Круппа съ его приспособленіями.

При испытаніи 12-ти лафетовъ, состоящихъ въ двухъ батареяхъ, каждый выдержалъ болѣе 200 выстрѣловъ. Замѣчены были детальныя, легко устранимыя, недостатки, но въ общемъ лафеты, какъ и тумбы, выдержали испытаніе превосходно.

Въ виду того, что мортиры введены въ составъ нашей полевой артилеріи, а также въ виду отсутствія всякихъ о нихъ свѣдѣній въ нашей литературѣ, мы, пользуясь личнымъ опытомъ, считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ товарищей по оружію, въ самыхъ общихъ чертахъ, съ этимъ орудіемъ, и намѣтить нѣсколько вопросовъ относительно боеваго его употребленія.

Передокъ. При проектированіи передка и заряднаго ящика все вниманіе генерала Энгельгардта было обращено, въ виду тяжести снарядовъ, на полезный грузъ, приходящійся на каждую лошадь. Новый передокъ устроенъ такимъ образомъ, что въ немъ возится полезнаго груза 22 пуда, при вѣсѣ всей системы въ 119 пуд., которая на 8¹/₂ пуд. легче системы 9-ти-фунт. пушки; при этомъ въ мортирномъ передкѣ полезнаго груза въ снарядахъ возится на 6 пуд. болѣе. Этотъ передокъ, примѣненный къ полевой артилеріи, даетъ возможность или увеличить число возимыхъ при орудіи снарядовъ, или уменьшить чувствительно количество груза, приходящагося на лошадь.

Зарядный ящикъ. Наши ящики устроены такимъ образомъ, что имѣютъ передки, тождественныя съ орудійными передками. Это требованіе обращаетъ зарядный ящикъ въ весьма невыгодную повозку, въ которой полезный грузъ не превышаетъ 7⁵/₆ пуд. (наша 9-ти-фунт. пушка) и доходитъ до 4²/₃ пуд. (шведская конная пушка).

Грузъ же на лошадей, въ общемъ, въ ящикахъ приходится: 15 пуд. во французской конной пушкѣ (калибръ 2,95 д.) и въ нашей конной пушкѣ 16 пуд.; въ остальныхъ—отъ 20 до 22 пуд. Облегчить передокъ, въ виду предъявленнаго требованія, невозможно, ибо онъ составляетъ часть орудійной системы.

Зарядный ящикъ для мортиръ устроенъ такимъ образомъ, что онъ, кромѣ мѣстъ для лотковъ съ зарядами и снарядами, ничего съ передкомъ общаго не имѣетъ. Питаніе орудій снарядами производится посредствомъ двуколокъ, которыя имѣютъ гнѣзда для снарядовъ и зарядовъ. Это рѣшеніе дало возможность построить весьма легкую специальную повозку для перевозки снарядовъ. При новой системѣ заряднаго ящика, можно будетъ, не уменьшая количества снарядовъ, значительно облегчить грузъ, приходящійся на каждую лошадь, и сдѣлать ящикъ весьма подвижнымъ.

Возится снарядовъ: въ передкѣ — 12 шрапнелей, въ каждомъ изъ ящиковъ—10 бомбъ и 16 шрапнелей, въ одномъ изъ трехъ зарядныхъ ящиковъ—10 бомбъ и 18 шрапнелей; всего 30 бомбъ и 62 шрапнели, т. е. 92 снаряда на мортиру. Ящикъ возится четверкою лошадей (9-ти-фунт. шестью лошадьми), вѣсъ нагруженнаго мортирнаго заряднаго ящика 88 пуд. (9-ти-фунт.—131 пуд.), вѣсъ полезнаго груза 51 пуд. 9 ф. (9-ти-фунт. пушки—47 пуд.).

Двуколка. Подноска тяжелыхъ снарядовъ къ орудіямъ, въ виду большаго ихъ вѣса, весьма затруднительна. Для отстраненія этого затрудненія проектирована двуколка, съ помощью которой на батарею подвозятся снаряды. Конструкція двуколки близко подходитъ къ конструкціи передняго хода заряднаго ящика и отличается отъ него только размѣрами; дышло ящика замѣнено въ двуколкѣ оглоблями.

Снаряды. Фугасная бомба вѣситъ около 60 фун., корпусъ ея сдѣланъ изъ фосфористаго желѣза, дно и головная часть отлиты изъ чугуна, дно привинтное, головная часть приставная, на шурупахъ, разрывной зарядъ 13 фун. ружейнаго пороха. Для того, чтобы бомба имѣла болѣе вмѣстимости и выдерживала лучше силу пороховыхъ газовъ при выстрѣлѣ и ударѣ, выбранъ болѣе тягучій металлъ, именно фосфористое желѣзо. Но, вслѣдствіе тягучести металла, бомба, несмотря на огромный разрывной зарядъ, уподобляющій ее небольшому переносному фугасу, разрывается на весьма небольшое количество кусковъ; вѣрнѣе, большая часть оболочки разворачивается силою пороховыхъ газовъ и отбрасывается въ сторону на весьма небольшое разстояніе отъ мѣста разрыва снаряда. Дно от-

брасывается цѣликомъ, головная часть разбивается, но большая часть ея остается цѣлой и отбрасывается до 100 саж. въ правую сторону. Отдѣльныя части оболочки иногда отбрасываются весьма далеко.

Шрапнель. Шрапнель состоитъ изъ стального сплошнаго корпуса и приставной чугунной головки, соединенной съ корпусомъ четырьмя шурупами, вѣсить около 71 фун. и вмѣщаетъ въ себѣ до 600 пуль 6¹/₄-лин. діаметромъ, снабжена 28'-ной трубкой двойнаго дѣйствія; она устроена, въ общемъ, такъ же, какъ и пушечная.

Дѣйствіе снарядовъ. Полный зарядъ подъ снаряды, 4¹/₄ фун. крупнозернистаго пороха, сообщаетъ бомбѣ начальную скорость въ 750 футовъ въ секунду, фугасное дѣйствіе бомбъ поразительное. Такъ, на одной изъ стрѣльбъ, съ дистанціи до 600 саж., бомба попала прямо въ щитъ, изображающій орудіе — и щитъ исчезъ, онъ былъ разнесенъ въ щепки; слѣдующій выстрѣлъ — тоже самое со вторымъ щитомъ; стрѣльба съ этой дистанціи была прекращена во избѣжаніе напрасной траты снарядовъ. При осмотрѣ мишеней оказалось, что первый снарядъ попалъ въ самую мишень, внизъ и, разорвавшись, разметалъ щитъ. Второй снарядъ упалъ шагахъ въ пяти впереди щита и силою газовъ не только опрокинулъ, но и разметалъ щитъ. Конечно, дѣйствіе бомбы будетъ еще болѣе дѣйствительнымъ, если, вмѣсто пороха, она будетъ заряжена сильнымъ взрывчатымъ веществомъ. Бомба, попадая въ земляной брустверъ въ 12 фут. толщины, съ разстоянія около 800 саж., на ¹/₂ сажени ниже гребня, образуетъ въ брустверѣ сквозное отверстіе, шириною въ верху до 5 фут. При одномъ изъ испытаній, три удачно попавшія бомбы прорыли въ брустверѣ изъ неплотной глинистой земли отверстіе въ ¹/₂ сажени глубиною и до 2-хъ шириною. Отъ дѣйствія даже одной бомбы свѣже насыпанные траверсы обваливались. Бомбы, брошенныя подъ угломъ въ 42°, полнымъ зарядомъ, на дистанцію около 1,600 саж., образовали, въ среднемъ грунтѣ, воронки около двухъ аршинъ глубиною и до четырехъ діаметромъ. Бомба, брошенная подъ угломъ въ 26°, зарядомъ 2 ф. 26 зол., на дистанцію около 750 саж. (начальная скорость до 450 фут.), образовала воронки отъ 1¹/₂ до 3 ф. глубиною и отъ 3 до 5 ф. въ діаметрѣ. Для разрушенія брустверовъ стрѣльба полнымъ зарядомъ предпочтительнѣе, потому что при этой стрѣльбѣ мѣткость, а слѣдовательно и число снарядовъ, попадающихъ въ брустверъ, больше, и притомъ дѣйствіе послѣднихъ обнаруживается болѣе выгоднымъ образомъ, именно, сквознымъ проицаніемъ сквозь брустверъ. Большое

количество дыма, получаемого при разрывѣ фугасной бомбы, дѣлающей ее удобною для пристрѣлки, сильное дѣйствіе по насыпямъ и малая способность къ поражению осколками, — вотъ свойства, которыми опредѣляется примѣненіе этого снаряда.

Полный зарядъ въ $4\frac{1}{4}$ ф. сообщаетъ шрапнели начальную скорость около 720 фут. въ секунду, предѣльная дальность около 1,500 саж. Стрѣльба полнымъ зарядомъ на очень малыхъ дистанціяхъ сохраняетъ свойство прицѣльной стрѣльбы; съ возрастаніемъ же дистанцій стрѣльба полнымъ зарядомъ переходитъ въ навѣсную. Для обстрѣливанія открытыхъ цѣлей полный зарядъ есть наилучшій, для обстрѣливанія фронтальныхъ фасовъ укрѣпленій съ цѣлью пораженія людей, стрѣляющихъ изъ-за бруствера, — тоже. Но для пораженія резервовъ, укрытыхъ за тыльными траверсами, въ горжевыхъ рвахъ и т. п., необходимы уменьшенные заряды, при которыхъ траекторія шрапнели получаетъ достаточную крутизну. Такъ, для дистанціи до 800 саж. употребляется половинный зарядъ, до 1,200 — $\frac{3}{4}$, а далѣе полный; но это только примѣрные грани.

Подвижность мортиръ. По своей подвижности 6-ти-дюймовыя полевыя мортiry нисколько не уступаютъ 4-хъ-фунтовымъ пушкамъ, а 9-ти-фунтовыя положительно превосходятъ. При многократныхъ проѣздкахъ, которыя производились не только по дорогамъ, но и по полямъ, выбирая топкія и болотистыя дороги въ дождливое лѣто 1888 года, мортiry прекрасно преодолевали всѣ затрудненія. Предназначенно батарея была заведена въ торфяное болото; лошади въ ящикахъ и орудіяхъ легли, а прислуга отъ взвода свободно вытащила орудія и ящики. Въ августѣ мѣсяцѣ обѣ батареи выступили изъ Клементьевскаго лагеря въ 7 часовъ утра съ тѣмъ, чтобы слѣдуя черезъ Можайскъ, быть въ 11 часовъ утра въ с. Бородинѣ, что составляетъ около 30-ти верстъ; батареи прибыли минутъ за 15 до назначеннаго срока. Лошадей выпрягли, выкормили и въ $3\frac{1}{2}$ часа (можно было и раньше) выступили обратно; но батарея предназначенно была ведена по узкой, гористой, изрытой промоинами дорогѣ. Чтобы испытать прочность колесъ, гдѣ можно, вели орудія и ящики такъ, чтобы одно колесо шло либо по промоинамъ, либо по канавѣ; словомъ, на обратномъ пути вели по весьма невыгодной мѣстности. Къ 8-ми часамъ батареи прибыли въ лагерь, въ совершенной темнотѣ, слѣдуя напрямикъ по Можайскому практическому полю. Такимъ образомъ, въ теченіе 13-ти часовъ (похода $8\frac{1}{2}$ часовъ) было сдѣлано батареями $55\frac{1}{2}$ верстъ; ни одной лошади набитой и намятой не было. Эти цифры и данныя, свидѣтельствую-

щія о подвижности, были блестяще подтверждены маневрами подъ Луцкомъ.

Употребленіе мортиръ въ бою. Всматриваясь въ исторію мортиръ, нельзя не замѣтить, что ихъ появленіе на поляхъ сраженій, исчезновеніе и обратное явленіе какъ полевого орудія, тѣсно связано съ тактическимъ употребленіемъ на поляхъ сраженій, земляныхъ закрытій или полевыхъ укрѣпленій. Эта связь, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно намъ указываетъ и на употребленіе мортиръ, какъ орудія, навѣсное дѣйствіе снарядовъ котораго только и можетъ успѣшно поражать войска, укрытыя за укрѣпленіями. Хотя, съ одной стороны, нѣкоторыя сраженія прошедшей турецкой войны (Ловча и въ особенности Телишъ) ясно доказываютъ, что полевые укрѣпленія, обстрѣливаемая многочисленной артилеріей, не выдержать продолжительнаго и сосредоточеннаго прицѣльнаго огня, но за то, съ другой стороны, нѣкоторыя дѣла на Балканахъ и въ особенности Плевна, доказываютъ, что обороняющійся немного несетъ потерь отъ артилерійскаго огня. Укрытыя въ глубокихъ траншеяхъ турки, имѣя хороша сообщенія, успѣшно выдерживали нашъ артилерійскій прицѣльный огонь, вслѣдствіе отлогой траекторіи; вслѣдствіе той же причины и у насъ въ траншеяхъ потери были незначительны. Но какъ у насъ, такъ и у турокъ, подъ Плевною не было мортиръ, причемъ отсутствіе ихъ въ нашей осадной артилеріи было замѣтнымъ пробѣломъ. Въ то время, какъ подъ Плевною турки почти не страдали отъ нашего артилерійскаго огня, вотъ какіе отзывы намъ приходилось слышать отъ участниковъ обороны Шипки. Турецкая мортирная батарея была расположена внизу, мѣсто ея расположенія намъ даже приблизительно не было извѣстно. Мортирный огонь двухпудовыхъ сферическихъ бомбъ былъ настолько губителенъ, что защитники Шипки нигдѣ буквально не находили безопаснаго убѣжища. Бомбы послѣ паденія скатывались въ ложементы, траншеи и овраги, и тамъ, разрываясь, наносили громадныя потери. Какъ только мортирная батарея открывала огонь, пѣхотныя части присылали на батареи просьбы о направленіи огня на предполагаемое мѣсто расположенія турецкой мортирной батареи, чтобы скольконибудь отвлечь и ослабить огонь мортиръ, снарядовъ которыхъ турки не жалѣли. Когда, наконецъ, на Шипку были привезены мортиры, то пѣхотные солдаты положительно съ восторгомъ втаскивали ихъ на вооруженіе. Частый огонь турецкихъ мортиръ, говорить другой изъ участниковъ обороны, былъ дѣйствительно убійственнымъ какъ по пораженію, такъ и по нравственному впечатлѣ-

нію. Солдаты, положительно пренебрегавшіе всякой опасностью, когда турки открывали огонь изъ мортиръ, терялись, шутки, разговоръ и смѣхъ въ траншеяхъ прекращался, являлось подавленное нравственное состояніе духа. По инициативѣ войскъ, изъ среды ихъ, вызвались охотники идти на явную смерть, но съ той увѣренностью, что имъ удастся уничтожить ненавистныя орудія. Генераль Радецкій сперва разрѣшилъ эту экспедицію, ее уже стали организовать, а масса вызвавшихся охотниковъ среди пѣхоты и артилеріи доказывала, какъ были ненавистны мортиры, какъ охотно шли люди, не зная даже куда именно, противъ какихъ опасностей и преградъ. Но именно неизвѣстность расположенія мортиръ и преградъ для доступа къ нимъ была причиною отмѣны генераломъ Радецкимъ разрѣшенной имъ попытки.

Итакъ, мортиры должны быть употребляемы преимущественно противъ укрѣпленій и расположенныхъ въ нихъ войскъ. Разметавъ своими фугасными бомбами бруствера и траверсы, онѣ дадутъ возможность обстрѣливать эти уже отчасти открытыя укрѣпленія полевымъ батареямъ; либо сами своею шрапнелью будутъ поражать нигдѣ не находящія укрытія войска, такъ какъ въ укрѣпленіяхъ дѣйствительно нѣтъ закрытія, безъ блиндажей, отъ мортирной шрапнели. Слѣдовательно, мортиры, хотя подвижностью нисколько не уступаютъ полевымъ орудіямъ, стрѣляя какъ и полевыя орудія прямо съ лафета, представляютъ собою орудіе, предназначенное исключительно для навѣсной стрѣльбы по полевымъ укрѣпленіямъ и закрытіямъ, но могущее, въ случаѣ крайности, дѣйствовать и по открыто стоящимъ войскамъ.

Что касается до подробностей употребленія мортиръ въ бою, то должно замѣтить, что какъ выѣздъ ихъ на позицію, такъ и открытіе огня, должны быть обставлены извѣстными условіями. Надо имѣть въ виду, что мортиры, при появленіи ихъ на позиціи, будутъ непременно обстрѣливаемы сосредоточеннымъ огнемъ непріятели, какъ орудія, слишкомъ его беспокоящія; кромѣ того, эти орудія, столь цѣнныя въ извѣстную минуту, должно, по возможности, беречь, имѣя въ виду, что ихъ передки неодинаковы съ ящичнымъ передкомъ и замѣняемы имъ быть не могутъ; слѣдовательно, на укрытіе и сбереженіе мортирныхъ передковъ должно быть обращено особое вниманіе. Вообще, какъ время, такъ и мѣсто выѣзда мортиръ на позицію, должны быть тщательно выбраны.

Полевыя укрѣпленія, противъ которыхъ употребляемы будутъ мортиры, не являются мгновенно; они устраиваются либо заранѣе,

въ тылу дѣйствующей арміи, съ тѣмъ, чтобы отступающая слабѣйшая армія могла бы за ними найти защиту и устроиться, либо та же армія, пользуясь временемъ, на выяснившихся тактическихъ и стратегическихъ пунктахъ возведетъ болѣе или менѣе сильныхъ профилей полевыхъ укрѣпленія. Такъ, въ прошлую кампанію явилась Ловча со своимъ сильнымъ редутомъ и траншеями впереди его. Такъ организована была оборона Плевны, надолго задержавшая наступленіе нашей арміи; подобныя же укрѣпленія возведены были въ Этрополь и Правцѣ, подъ Адрианополемъ и Константинополемъ, а также на Шипкѣ. Такія укрѣпленія не являются вдругъ, и бросаться на нихъ опротивею нельзя. Даже наша гвардія, такъ героически шедшая подъ Горнимъ-Дубнякомъ на штурмъ этого укрѣпленія и покрывшая себя тамъ славой, временно была остановлена этимъ небольшимъ землянымъ брустверомъ. А лейбъ-егеря подъ Телишемъ, потерявшіе болѣе $\frac{1}{4}$ наличнаго состава выбывшими изъ строя въ первый штурмъ; а вторая и третья Плевна, гдѣ наши войска такъ безстрашно и честно шли на штурмы, не ясно ли доказали силу, при скорострѣльномъ нарѣзномъ оружіи, земляныхъ укрѣпленій. Съ магазиннымъ ружьемъ, съ его болѣею досягаемостью и болѣе отлогой траекторіей, съ ускоренной и упорядоченной стрѣльбою, полевые укрѣпленія станутъ еще болѣе надежными защитниками слабѣйшаго обороняющагося. Все вышесказанное приводитъ къ тому, что атака укрѣпленій должна быть усиленно подготовлена артиллерійскимъ огнемъ.

При предварительной рекогносцировкѣ должны быть определены и указаны мѣста для батарей атакующаго, въ особенности для его мортирныхъ батарей. Если полевые батареи, во избѣжаніе бесполезныхъ потерь, должны прикрывать себя при всякомъ случаѣ земляными закрытіями, то для мортиръ это условіе получаетъ еще большее значеніе.

Съ полевой батареей открыто стоящая мортирная батарея состязаться не можетъ. Мортирная батарея, при самой усиленной скорой стрѣльбѣ, не можетъ выступить, при полномъ числѣ прислуги, считая, что только будетъ въ огнѣ часъ, на кругъ, болѣе двухъ выстрѣловъ въ минуту (я беру дистанцію отъ 800 до 900 сажень). Въ этотъ же промежутокъ времени полевая батарея выпуститъ, допустимъ, только по четыре выстрѣла въ минуту. Такимъ образомъ, по числу вышущеннаго чугуна и свинцу, преимущество будетъ на сторонѣ мортиръ (и то только противъ 4-хъ-фунтовыхъ орудій), но по поражаемости дѣло представится въ иномъ свѣтѣ. Въ то время,

когда полевая батарея уже перейдетъ на пораженіе, мортирная едва захватить четырехлинейную вилку.

Кромѣ того, потеря въ прислугѣ, при подноскѣ тяжелыхъ снарядовъ, еще болѣе замедлитъ и утомитъ прислугу, между тѣмъ, потеря одного, даже двухъ нумеровъ, если снарядные ящики поднесены къ орудіямъ, не будетъ имѣть ощутительнаго вліянія на скорость огня полевой батареи. Мортиры имѣютъ всего только 180 бомбъ и 372 шрапнели съ собою на батарею; немногимъ болѣе у нихъ въ паркахъ. Изъ этихъ цифръ видно, какъ слѣдуетъ дорожить и беречь эти, прекрасно дѣйствующія на своемъ мѣстѣ и въ удобное время, орудія и снаряды. Между тѣмъ, весь огонь артилеріи противника будетъ сосредоточенъ на выдвинутыхъ въ дѣло мортирныхъ батареяхъ, но онѣ на этотъ огонь отвѣчать не будутъ, это не ихъ дѣло, онѣ весь свой огонь паправятъ на атакуемый пунктъ.

Разъ выдвинутыя на позицію мортиры, стрѣляя по укрѣпленнымъ пунктамъ, едва ли будутъ перемѣнять позицію, это для нихъ совершенно лишнее, если же и перемѣнять, то весьма рѣдко, но зато на значительное разстояніе, слѣдовательно въ передкахъ для быстрой перемѣны позиціи онѣ надобности не имѣютъ. Поэтому, на укрытіе и закрытое размѣщеніе передковъ и притомъ на болѣе удаленное, во избѣжаніе напрасныхъ потерь, на расположеніе ихъ должно быть обращено особенное вниманіе. Размѣщены зарядные ящики, вслѣдствіе службы двуколокъ, могутъ быть значительно дальше, чѣмъ въ полевыхъ батареяхъ. Мортирная батарея можетъ выпустить два выстрѣла въ минуту, какъ уже было сказано. Каждая двуколка можетъ подвозить по шести снарядовъ, безъ особаго утомленія лошади, т. е. въ часъ она должна съѣздить къ мѣсту расположенія 1-го эшелона ящиковъ $2\frac{1}{3}$ раза, т. е. на этотъ путь туда и обратно она имѣетъ 25 минутъ времени. По этому расчету 1-й эшелонъ ящиковъ нѣтъ надобности располагать ближе 200 сажень. Кромѣ того, ящики поочередно могутъ быть выдвигаемы по одному изъ эшелона на болѣе близкое разстояніе къ орудіямъ, причемъ двуколки могутъ получать изъ него снаряды.

Итакъ, мортиры должны быть, во избѣжаніе излишнихъ потерь, помѣщаемы за закрытіями, передки въ сторонѣ отъ орудій, либо также за закрытіями. Первый эшелонъ зарядныхъ ящиковъ долженъ быть размѣщенъ, въ виду службы двуколокъ, значительно далѣе отъ батареи, чѣмъ пушечный.

Все изложенное выше подтверждаетъ высказанное уже мнѣніе, что главное назначеніе мортиры заключается въ разрушеніи земля-

ныхъ насыпей, для дѣйствія вообще по такимъ закрытіямъ, противъ которыхъ дѣйствіе полевыхъ пушекъ оказывается слабымъ, и для пораженія находящихся за закрытіями войскъ, и только въ крайнемъ случаѣ она можетъ быть употреблена для дѣйствія по открыто стоящимъ войскамъ. На это, казалось бы, при изданіи правилъ употребленія мортиръ въ бою должно обратить особое вниманіе. Во время послѣднихъ маневровъ подъ Луцкомъ мортирные батареи нерѣдко употреблялись какъ полевая батарея. Самооборона мортиръ при шестистахъ пуляхъ въ шрапнели прекрасна, но все-таки мортиры для дѣйствія по подвижной цѣли, т. е. противъ войскъ въ полѣ, едва-ли могутъ быть употреблены. Пораженіе отъ бомбъ незначительно, о чемъ говорено выше; приходится рассчитывать на нравственное ихъ дѣйствіе, но къ этому можно привыкнуть. Разсѣиваніе паденій бомбъ въ дальности весьма значительно; вотъ данныя, добытыя при полномъ зарядѣ въ 1888 году.

Высота прицѣла.	Дистанція въ саженьяхъ.	Число выстрѣловъ.	Разсѣиваніе паденій бомбъ въ дальности въ саженьяхъ.
30	700	14	60
32	700	31	40
67	1,238	24	70
46	925	39	80
62	1,168	6	60

Вслѣдствіе столь большаго разсѣиванія бомбъ стрѣльба залпомъ шрапнелью, по паденію бомбъ, едва-ли будетъ дѣйствительной. Не то будетъ, когда непріятель войдетъ въ сферу дѣйствія мортирной шрапнели, при установкѣ дистанціонной трубки на близкую дистанцію, — здѣсь пораженіе громадно. Вотъ причины, почему мортиры не должны быть выдвигаемы для самостоятельнаго дѣйствія въ полевыхъ сраженіяхъ.

Для укрытія мортиръ долженъ быть выработанъ и испытанъ особый типъ полевыхъ закрытій, такъ какъ земляныя закрытія, проектированныя для полевыхъ орудій, для мортиръ непригодны. Мортира, при выстрѣлѣ полнымъ зарядомъ на ровной и твердой мѣстности, откатывается не менѣе 15-ти шаговъ. Уменьшить откатъ, дѣлая упоръ для хобота, невозможно, такъ какъ живая сила отдачи такъ велика, что при этомъ условіи орудія опрокидываются. Для уменьшенія отката, подъ колеса подкладываютъ простѣйшаго вида деревянные клинья, чтобы этимъ средством нѣсколько уменьшить откатъ, а слѣдовательно увеличить скорость стрѣльбы и уменьшить

утомленіе прислуги. Во всякомъ случаѣ откатъ у мортиръ такъ великъ, что, при небольшихъ профиляхъ закрытій, мортира послѣ выстрѣла будетъ совершенно открыта, а при сосредоточеніи по ней огня, не только артилерійскаго, но, быть можетъ, и залповаго пѣхотнаго, прислуга при накатываніи мортиры можетъ быть сильно поражаема.

При испытаніи мортиръ предполагалось испытать попутно и круглый ложементъ, проектируемый для пушекъ, но онъ, вслѣдствіе значительности отката мортиры, оказался малъ.

Конечно, на болѣе детальное употребленіе мортиръ укажетъ только опытъ войны. Вслѣдствіе спеціальнаго назначенія мортиръ, естественно, что не въ каждомъ сраженіи окажется въ нихъ надобность, а потому ихъ должно беречь и стараться не употреблять безъ крайней необходимости (въ тѣхъ случаяхъ, когда полевая артилерія, безъ участія мортиръ, можетъ выполнить задачу), въ виду незамѣнимости этихъ орудій и малаго при нихъ количества снарядовъ (всего 180 бомбъ и 372 шрапнели на всю батарею).

Единое управление въ бою массивованнымъ огнемъ — для пушекъ вопросъ рѣшенный; для мортиръ же вопросъ этотъ представляется въ другомъ видѣ. Для нихъ въ теченіе боя представится одна, много двѣ задачи, и то заблаговременно намѣченныя—это бомбардированіе и стрѣльба шрапнелью по укрѣпленнымъ пунктамъ, болѣею частью составляющимъ ключи позиціи. Поэтому для мортиръ является полная возможность предварительно, если для нихъ не будетъ заблаговременно устроено земляныхъ закрытій, выбрать укрытыя позиціи, чтѣ исполнить тѣмъ легче, чѣмъ менѣе мортирные батареи будутъ стѣснены выборомъ мѣстъ для своего расположенія. Здѣсь надо принять во вниманіе, что стрѣльба изъ мортиръ черезъ головы своихъ войскъ вполне безопасна и должна производиться въ мирное время. Слѣдовательно, стрѣльба нисколько не стѣснитъ дѣйствіе и расположеніе войскъ, находящихся впереди батареи. Такимъ образомъ, быть можетъ, не только полкъ, но даже двѣ батареи, вызванныя на позицію, не будутъ составлять одну непрерывную батарею, а займутъ каждый для себя отдѣльную, болѣе выгодную, по мѣстнымъ условіямъ, позицію. Пристрѣлка для мортирныхъ батарей будетъ облегчена данными, добытыми полевыми батареями, цѣль же для нихъ почти всегда неподвижна, ясно видима, и не только переѣзды, а даже переносъ огня едва-ли будетъ сдѣланъ ранѣе окончанія задачи, возложенной на мортирную батарею.

Мортирные части въ военное время, приданныя къ арміи или корпусу, составляютъ то, что называютъ въ Германіи корпусною артиллеріей и, вѣроятно, будутъ въ личномъ распоряженіи начальника артиллеріи арміи или корпуса. Мортиры могутъ быть выдвинуты изъ резерва и употреблены въ бою только съ вѣдома начальника артиллеріи. Начальникъ артиллеріи, получивъ отъ корпуснаго командира приказаніе относительно направленія атаки и движенія войскъ, приказываетъ выдвинуться на обрекогносцированную мѣстность начальникамъ мортирныхъ частей и занять мортирамъ либо болѣе удобныя по закрытію отъ непріятельскаго огня позиціи, либо предварительно подготовленныя земляныя укрытія.

Полковникъ Маевскій.

ЗАМѢТКИ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ:

„ПО ВОПРОСУ О ПЕРЕМѢНѢ ПОЗИЦІИ АРТИЛЛЕРІИ (‘)“.

Въ статьѣ г. А. Павлова «По вопросу о перемѣнѣ позиціи артиллеріи», въ разборѣ дѣйствій горныхъ батарей въ минувшую Турецкую войну въ Европейской Россіи, авторъ, между прочимъ, говоритъ, что «положеніе отряда Скобелева утромъ 28-го декабря было, во всякомъ случаѣ, не изъ легкихъ, и требовало веденія энергическаго наступленія, а не демонстративнаго боя» и далѣе прибавляетъ: «Но пользуется ли тутъ начальникъ отряда довольно значительной силой, бывшей у него подъ руками—боевой, горной батареи? Въ отвѣтъ приходится сказать—нѣтъ, ибо, по его приказанію, батарея подрыла хобота лафетовъ, и стрѣляла на очень большія разстоянія и проч.»

Какъ бывшій командиръ 2-й горной батареи, въ интересахъ истины, я долженъ замѣтить, что свѣдѣніе это, неизвѣстно мнѣ, откуда авторомъ полученное—невѣрно. Если же оно взято изъ донесенія генерала Скобелева, то, надо полагать, тутъ произошла, почему-либо, ошибка. Эпизодъ, на который указываетъ авторъ, дѣйствительно имѣлъ мѣсто, но не въ день шейновскаго сраженія 28-го декабря, а наканунѣ, 27-го числа; да и случай съ полковникомъ Панютинымъ должно быть произошелъ въ этотъ же день и именно, во время демонстративнаго дѣйствія, когда генераль Скобелевъ, дабы отвлечь часть турецкихъ силъ отъ князя Святополкъ-Мирскаго, около 12-ти часовъ дня, спустилъ съ горъ въ долину, имѣвшіеся у него подъ руками, Углицкій пѣхотный полкъ и восемь орудій горной батареи. Когда отрядъ, выдвинувшись въ боевомъ порядкѣ, сталъ на позиціи и батарея снялась съ передковъ, то противъ праваго фланга показалась непріятельская кавалерія и въ тоже время турки съ курганной батареи у дер. Шейново открыли огонь гранатами. Генераль Скобелевъ, подѣхавшій къ батарее, приказалъ начать стрѣльбу по кавалеріи. Первые выстрѣлы, сдѣ-

(‘) См. «Военный Сборникъ» 1891 г., № 10-й.

ланные при прицѣлѣ предѣльной дистанціи для бывшихъ горныхъ пушекъ, дали недолеты (¹). На представленіе мое разрѣшить батареѣ подъѣхать ближе—такъ, чтобы можно было отвѣчать и на огонь турецкой артилеріи, генералъ Скобелевъ сказалъ: «Не надо. Снаряды понадобятся на завтра. Подвойте хобота и сдѣлайте нѣсколько выстрѣловъ». Такимъ образомъ съ подрывными хоботами лафетовъ было произведено по кавалеріи всего девять выстрѣловъ, послѣ чего непріятельская кавалерія скрылась и батарея прекратила стрѣльбу; тѣмъ въ этотъ день дѣйствіе отряда (полка пѣхоты и горной батареи) и окончилось.

На другой день, т. е. 28-го декабря, день шейновскаго сраженія, батарея хоботовъ не подрывала, да и надобности въ этомъ не было, такъ какъ первая позиція, съ которой батарея открыла огонь по Шейнову, была въ разстояніи около 670 саж., но на этой позиціи батарея простояла не болѣе 20-ти минутъ и была двинута Скобелевымъ впередъ; а затѣмъ во время всего боя, постепенно продвигаясь, вмѣстѣ съ пѣхотными частями батарея послѣдовательно имѣла четыре позиціи и послѣдняя была около 200 саж. отъ непріятельскихъ окоповъ.

Не вдаваясь въ болѣе детальныя подробности, я и ограничусь только этой, строго фактической стороною дѣла, имѣющей отношеніе къ той части статьи, гдѣ указывается на дѣйствіе горной батареи. Такимъ образомъ выводъ, сдѣланный авторомъ и выраженный въ нижеслѣдующемъ:

«Разницу въ способахъ употребленія этихъ двухъ батарей я могу приписать только тому, что первая батарея дѣйствовала въ отрядѣ шипкинскихъ войскъ, гдѣ артилеріи вѣрили и ждали отъ нея серьезной помощи, а вторая—съ войсками, прибывшими изъ подъ Плевны, гдѣ привыкли видѣть, что артилерія стрѣляетъ издалека, считали такое положеніе дѣлъ нормальнымъ и на боевую дѣйствительность артилерійскаго огня не рассчитывали», какъ къ распоряженіямъ Скобелева 28-го декабря, такъ и къ дѣйствію батареи въ этотъ день, относиться не можетъ.

Полковникъ Орловъ.

(¹) Прицѣльная дистанція для 3-хъ-фунтовой горной пушки при самомъ большомъ углѣ прицѣлыванія, который допускается системою 11° 35', равняется 700 саж.; опустивши казенную часть на станины, можно было увеличить дальность на 100 сажень; подрывши хоботъ лафета, можно было достигнуть до 1,000 сажень съ небольшимъ, но и то рискуя разбить колеса и испортить лафетъ. Стрѣлять же, какъ сказано у автора на 304 стр., на 2,000 сажень, горная пушка была рѣшительно неспособна.

ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ СТАТЬИ:

**«ОЧЕРКЪ ДѢЙСТВІЙ ЗАПАДНАГО ОТРЯДА ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮ-
ТАНТА ГУРКО» (¹).**

Въ октябрьской книжкѣ «Военнаго Сборника», въ статьѣ «Очеркъ дѣйствій западнаго отряда генераль-адъютанта Гурко» (стр. 218) сказано: «Около 5 часовъ дня на позицію Московскаго полка прибылъ ординарецъ графа Шувалова съ приказаніемъ атаковать правецкую позицію съ правой стороны. Тогда полковникъ Грипенбергъ приказалъ вызвать изъ 1-го баталіона 200 человекъ охотниковъ, которые и поступили подъ начальство штабсъ-капитана Дубровы 1-го; за охотниками двинулись 1-й и 4-й баталіоны и 5-я и 7-я роты; движеніе на штурмъ началось уже съ наступленіемъ темноты, и когда москвичи достигли позиціи, то она оказалась занятою уже семеновцами и измайловцами».

Какъ участникъ этого дѣла, въ интересахъ возстановленія точности событія, считаю небезполезнымъ изложить, какъ было дѣло въ дѣйствительности.

Для атаки правецкой укрѣпленной позиціи со стороны Орханійской долины командиромъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка флигель-адъютантомъ полковникомъ Грипенбергомъ были вызваны отъ 1-го баталіона охотники въ числѣ 200 человекъ нижнихъ чиновъ и трехъ офицеровъ. На меня, какъ старшаго, было возложено командиромъ полка командованіе охотниками.

Въ сумеркахъ, получивъ отъ командира полка весьма точную словесную инструкцію съ объясненіемъ топографическаго абриса мѣстности, команда двинулась къ непріятельской позиціи и на софійской дорогѣ наткнулась на караулку, занятую турецкимъ патрулемъ. Для осмотра ея высланъ былъ унтеръ-офицеръ Шмидтъ съ нѣсколькими рядовыми. Ему, безъ большаго сопротивленія, удалось

(¹) См. «Военный Сборникъ» 1891 года, № 10-й.

очистить караулку и захватить часоваго. Прочіе люди турецкаго патруля тотчасъ бѣжали по направленію къ г. Орханіэ. Не встрѣтивъ болѣе никакихъ препятствій и соблюдая величайшую тишину, команда взобралась на гребень покатоги, обращенной къ ущелью, по которому пролегала софійская дорога. Достигши этого гребня, переднимъ людямъ было приказано прилечь, чтобы подошли оттянувшіе, но въ это время раздался залпъ и градъ пуль пролетѣлъ надъ головами. Тотчасъ было приказано 1-му взводу охотниковъ броситься въ ложементъ, причемъ турки въ разсыпную побѣжали по всѣмъ направленіямъ, такъ что въ темнотѣ было достигнуто и приколото лишь нѣсколько человѣкъ. Подойдя ко второй линіи ложементовъ, охотники заняли ихъ безъ боя. Здѣсь была встрѣчена команда охотниковъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка съ поручикомъ Головковымъ во главѣ. Поручикъ Головковъ сообщилъ, что команда охотниковъ Измайловскаго полка вытѣснила турокъ изъ встрѣченныхъ ложементовъ и при этомъ подаль мысль, что главную позицію слѣдуетъ атаковать соединенными силами обѣихъ командъ, почему для единства дѣйствій онъ, какъ младшій, поступаетъ подъ команду начальника охотниковъ Московскаго полка. Тутъ же присоединился адъютантъ 1-го баталіона Московскаго полка подпоручикъ Хвастуновъ съ четырьмя нижними чинами.

Далѣе обѣ команды двинулись вмѣстѣ: измайловцы атаковали лѣвый флангъ турокъ, московцы охватывали правый флангъ. Для этого были посланы цѣпи стрѣлковъ отъ обѣихъ командъ: Московскаго полка подъ командою подпоручика Заркевича. По всему пути наступленія, со стороны турокъ, выстрѣловъ не было, а потому и охотники безъ выстрѣла заняли главную позицію и, слѣдуя далѣе, подошли къ биваку двухъ ротъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка. Чтобы не поднять тревогу и не вызвать въ темнотѣ перестрѣлку по своимъ, а равно, чтобы выяснить, дѣйствительно-ли это свои, такъ какъ у костровъ были замѣтны люди въ фескахъ, охотники крикнули «ура», на что семеновцы отвѣтили тѣмъ же. Убѣдясь, что это свои, обѣ команды охотниковъ были остановлены и командовавшій московцами подошелъ къ офицеру, вышедшему на встрѣчу. Этотъ офицеръ, оказавшійся командиромъ 14-й роты лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка шт.-кап. Домерщиковымъ, заявилъ, что они только что встрѣтили отступавшую, человѣкъ въ 40, команду турокъ съ офицеромъ во главѣ и взяли ее въ плѣнъ, и что, вѣроятно, это послѣдняя турецкая команда на позиціи. Изъ словъ шт.-кап. Домерщикова выяснилось, что семеновцами позиція не изслѣдована, а блин-

дированные ложементы и пороховые погреба, расположенные по скату на лѣвомъ флангѣ турецкой позиціи, противъ софійской дороги, не осмотрѣны, что неподалеку сзади бивакируетъ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ, а за охотниками слѣдуетъ Московскій полкъ. Последнее сообщилъ подпоручикъ Хвастуновъ. Принимая во вниманіе, что, при занятіи ложементовъ первой линіи, турки разбѣжались по направленію блиндированныхъ ложементовъ, было рѣшено, что, во избѣжаніе опасности для нашихъ войскъ, если бы разбѣжавшіеся турки произвели взрывъ, осмотрѣть погреба и ложементы. Для этого изъ команды охотниковъ Московскаго полка были вызваны желающіе въ числѣ 11-ти человекъ. На время осмотра ложементовъ, начальство надъ командою оставшихся охотниковъ Московскаго полка принялъ подпоручикъ Штубендорфъ. Эти 11 человекъ подъ начальствомъ командовавшаго охотниками штабсъ-капитана, вмѣстѣ съ присоединившимся подпоручикомъ Хвастуновымъ, осмотрѣли пороховые погреба, причемъ подпоручикъ въ сопровожденіи рядовыхъ Аверьянова и Дурнайкина съ зажженными тряпками входили въ погреба, а прочая команда оставалась возлѣ въ резервѣ. Найденный порохъ въ зарядахъ былъ спущенъ въ ручей, такъ какъ тлѣвшіе ложементы могли произвести взрывъ помимо намѣреній разбѣжавшихся турокъ. По окончаніи осмотра, команда возвратилась и, узнавъ, что Московскій полкъ спустился для ночлега въ долину, присоединилась къ полку.

Изъ этого видно, что турецкіе ложементы лишь послѣ залпа заняты охотниками лейбъ-гвардіи Московскаго и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полковъ, а двѣ роты Семеновскаго полка, какъ надо полагать, взяли въ плѣнъ отступившую сомкнутую часть, послѣ взятія охотниками ложементовъ, откуда были вытѣснены непріятельскіе стрѣлки.

Н. Д.

БУХАРА.

Топографическій очеркъ.

(Съ планомъ).

(Окончаніе). (1).

а) *Городъ*. Городъ Бухара своей серединой занимаетъ небольшую возвышенность естественнаго происхожденія, на которой обособилось нѣсколько плоскихъ холмовъ. Изъ нихъ одинъ, на которомъ расположена цитадель или кремль, рѣзко отдѣленъ отъ общаго массива упомянутой возвышенности и ограниченъ со всѣхъ сторонъ высокими (8—10 сажень) почти отвѣсными обрывами, сдѣланными, безъ сомнѣнія, искусственно, причемъ большая масса отрытой земли пошла на поднятіе плоской вершины самаго холма и частью на образованіе стѣнъ, башенъ и построекъ (2) на немъ.

Не умѣщаясь на упомянутой возвышенности, городъ неправильно и беспорядочно сползаетъ съ нея во всѣ стороны и, будучи, наконецъ, ограниченъ крѣпостной оградой, очень рѣзко отдѣляется и отличается отъ непосредственно прилегающихъ къ нему, сравнительно низменныхъ, окрестностей. Такимъ образомъ крѣпостная ограда—высокая и толстая глинобитная стѣна съ башнями и воротами, расположена ниже внутренности города, а многими участками, какъ, напр., юго-западнымъ, даже значительно ниже, и потому средняя возвышенная часть съ лучшими и важнѣйшими зданіями съ цитаделью, со всѣми базарами, голубыми куполами и съ главенствующей надъ всѣми башней «Катта Минаромъ», хорошо видна изъ-далека (см. планъ) съ разныхъ бугровъ и кургановъ, разбросанныхъ по мѣстности, если этому обзорнѣю не препятствуютъ,

(1) См. «Военный Сборникъ» 1890 года, № 11-й.

(2) Грунтъ—обыкновенный туркестанскій лѣсъ, т. е. хорошая глина.

разумѣтся, сады и деревья, которыми обсажены всѣ поля. Замѣтимъ кстати, что нѣсколько такихъ кургановъ, сравнительно, впрочемъ небольшихъ, попали и во внутрь города.

Къ возвышенности, на которой расположенъ городъ, съ востока подходит вода большаго, но единственнаго для города оросительнаго канала, называющагося Шарудъ; она течетъ по искусственному, насыпному руслу, значительно возвышающемуся надъ прилежащей мѣстностью; насыпное русло тянется отъ города вверхъ по теченію на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Вступая въ городъ, Шарудъ течетъ все время углубленной профилью въ толщѣ материка, имѣя мѣстами дно до двухъ саженъ ниже прилежащей поверхности земли. Периодически текущая вода этого канала расходится въ городѣ почти вся безъ остатка, а потому выходъ его изъ города за стѣну съ противоположной, западной, стороны представляеть ничтожную канавку.

На упомянутые выше холмы вода, однако, не можетъ дойти: она ихъ всѣхъ вмѣстѣ обходитъ съ юга и составляетъ по этому среднюю (возвышенную) часть города, почти совершенно лишенную растительности. Въ этой части имѣется лишь нѣсколько прудовъ— «хауз»-овъ, очень углубленныхъ, питаемыхъ глубокими же и узкими арыками или трубами изъ Шаруда; по берегамъ этихъ хаузовъ внизу у спусковъ къ нимъ растутъ нѣсколько деревьевъ, обыкновенно тутовыхъ, вершинами своими мало поднимающихся надъ мѣстнымъ горизонтомъ и со всѣмъ невидимыхъ изъ за окружающихъ строеній. Чтобы кончить о распространеніи растительности въ городѣ, замѣтимъ здѣсь, что ею сопровождаются почти сплошь берега Шаруда и всѣхъ хаузовъ. Садовъ внутри города очень мало; все пространство, включенное въ обводъ городской стѣны, почти сплошь покрыто туземными постройками съ плоскими земляными крышами, поднимающимися уступами отъ наружной стѣны къ центру сообразно изгибамъ мѣстности. Эта общая картина горизонтальныхъ крышъ въ немногихъ лишь мѣстахъ закрывается группами деревьевъ или высокими щитами и куполами старыхъ, монументальныхъ мечетей и мадраса. Самый большой и лучшій садъ въ городѣ, безъ сомнѣнія, тотъ, что принадлежитъ «ильчи-ханѣ» — посольскому дому, мѣсту теперешняго ⁽¹⁾ расположенія Императорскаго Россійскаго политическаго агенства въ Бухарѣ. Вообще растительности больше въ западной и сѣверо-восточной частяхъ города. Обѣ онѣ настолько сравнительно низменны, что въ двухъ-трехъ мѣстахъ, изъ арыковъ

(1) Съ 1886 по 1891 годъ.

Захкешъ и Наумитанъ, протекающихъ съ наружной стороны крѣпостной ограды, вода проведена маленькими канавками и трубами подъ городской стѣной во внутрь города.

Площадь, окруженная стѣной и занимаемая городомъ, вытянута нѣсколько съ востока на западъ и имѣетъ неправильную сомкнутую фигуру со входящими и исходящими углами и съ 11-ю воротами, отъ которыхъ къ срединѣ города идутъ лучшія улицы; однако, онѣ настолько узки, что двѣ встрѣчныя арбы или два каравана навьюченныхъ верблюдовъ могутъ безпрепятственно разойтись въ очень немногихъ мѣстахъ. Обыкновенно же одной сторонѣ приходится или вернуться вспять или сойти въ ближайшее уширение улицы или въ переулочъ и переждать очищенія пути.

Съ внутренней стороны городской стѣны, вдоль ея, существуетъ дорога, которая на большей части протяженія своего придерживается банкета, но мѣстами она непроходима для артилеріи, будучи сужена разными жилыми постройками, примкнутыми къ стѣнѣ, а мѣстами совершенно преграждена, а такія мѣста приходится обходить по ближайшимъ къ стѣнѣ улицамъ и переулкамъ. Длина городского обвода равна приблизительно 12-ти верстамъ; площадь слишкомъ 8 квадр. версть.

б) *Ограда*. Крѣпостную ограду г. Бухары составляетъ высокая глинобитная стѣна, равномерно окружающая городъ со всѣхъ сторонъ, имѣющая 11 воротъ и приспособленная для ружейной обороны съ фланкирующими полукруглыми выступами-полубашнями. Наружныхъ верковъ или внутреннихъ усиленій никакихъ нѣтъ; нѣтъ даже наружнаго рва. Такой составъ ограды въ европейскомъ смыслѣ не заслуживаетъ, пожалуй, названія крѣпостной, но мы удержимъ его потому, что службу таковой она выполняла въ продолженіи нѣсколькихъ столѣтій.

Начертаніе ея въ планѣ, или что тоже, фигура площади, занимаемой городомъ, совершенно неправильна: она имѣетъ входящіе и исходящіе углы, входящія закругленія, сильно выдвинутые изъ общаго очертанія участки, каковъ юго-западный; но все это не вызывается на нашъ взглядъ никакими топографическими или тактическими требованіями. Вообще, въ расположеніи ограды г. Бухары въ планѣ мы не усмотрѣли никакого военнаго характера и склонны считать его въ военномъ смыслѣ случайнымъ и сложившимися постепенно, путемъ, такъ сказать, историческимъ.

Детали въ планѣ и въ разрѣзахъ показаны на приложенныхъ чертежахъ; тутъ же показанъ и общій видъ ограды снаружи. Высота

стѣны отъ земли до вершины зубцовъ равна въ среднемъ около 5-ти сажень или 35 фут.; высота до банкета 25 футъ.

Толщина весьма различна, у подошвы она всегда значительно больше, чѣмъ на высотѣ банкета; на высотѣ примѣрно 2-хъ саж. отъ земли средняя толщина ея составляетъ отъ одной до двухъ сажень.

Надъ площадью банкета, для образованія его самаго, стѣна значительно тоньше, образуя родъ парапета, толщиной внизу до трехъ, а вверху до двухъ футовъ. Парапетъ этотъ вѣнчается на всемъ протяженіи стѣны кругомъ города зубцами, неимѣющими, впрочемъ, никакого оборонительнаго значенія, такъ какъ они возвышаются надъ банкетами не меньше 7—8 футъ. Для ружейной же обороны въ толщѣ парапета на высотѣ грудной облокоты оставлены неправильныя, закругленнаго очертанія, отверстія—бойницы, причѣмъ крупнѣйшія изъ нихъ закрыты съ внѣшней стороны чѣмъ-то въ родѣ козырьковъ (показано на чертежѣ), состоящихъ изъ глины же на полочкахъ и очень хорошо прилѣпленныхъ къ стѣнѣ. Они боеваго значенія не могутъ имѣть ровно никакого, ибо по недостаточной толщинѣ легко будутъ пробиваться ружейной пулей. Козырьки эти, какъ и зубцы на верху, устроены только для вида; впрочемъ, какъ тѣ, такъ и другіе, стоятъ на первой очереди къ разрушенію, чтѣ мѣстами и наблюдается.

Фланкирующихъ полукруглыхъ выступовъ или полубашень въ оградѣ 116, не считая 11 паръ башень при воротахъ. Разстояніе ихъ другъ отъ друга неодинаково, измѣняясь постепенно отъ 50 до 200 шаговъ, причѣмъ въ сѣверо-восточной сторонѣ ограды онѣ расположены замѣтно чаще, чѣмъ на остальномъ протяженіи.

Полубашни имѣютъ также далеко не одинаковый діаметръ, а именно: отъ одной до пяти сажень между входящими углами парапета. А такъ какъ внутренняя крутость стѣны не слѣдуетъ за выпуклостью полубашни, не паралельна ей, то въ большихъ полубашняхъ образуются площадки, достаточныя для помѣщенія одного, а иногда и двухъ орудій, но въѣздовъ туда, или какихъ либо приспособленій для поднятія орудій не имѣется и не организовано, и потому бухарскую городскую стѣну можно считать вовсе неимѣющей артилерійской обороны. Кстати замѣтимъ, что не только нѣтъ никакихъ въѣздовъ на эти высокія площадки-барбеты, но нѣтъ никакихъ входовъ на банкеты: тѣ, которые были (слѣды замѣчаются во многихъ мѣстахъ), срѣзаны и уничтожены въ тѣхъ единственно видахъ, что съ высоты стѣны обнаруживаются для нескромныхъ

взоровъ внутренніе двory прилежащихъ къ стѣнѣ домовъ. По той же причинѣ на стѣнѣ нѣтъ, разумѣется, никакихъ часовыхъ или караульныхъ.

Длина стѣны, повторимъ здѣсь, составляетъ около 12 верстѣ.

Всѣхъ воротъ въ оградѣ, какъ сказано выше, 11 (1), а именно: 1) Имамъ, 2) Угланъ, 3) Талипачъ, 4) Ширгаранъ, 5) Каракуль, 6) Шахъ-джалаль, 7) Намазга, 8) Салли-ханэ, 9) Карпи или Кавалая, по которымъ производится сообщеніе съ желѣзно-дорожной станціей, 10) Мазаръ, выйдя за которыя дорога сейчасъ же дѣлится на двѣ: одну въ Мазаръ-Багаудинъ (2), отчего ворота получили свое названіе, другую къ сѣверо-востоку, въ Самаркандъ черезъ Гурбунъ, и 11) Самаркандскія. Всѣ ворота защищаются (каждая) парю кирпичныхъ башенъ, соединенныхъ кирпичнымъ же простѣнкомъ, который и заключаетъ въ себѣ ворота. Парапетъ съ банкетомъ, бойницами и зубцами продолжается всюду и надъ воротами, не прерывая общаго фасада стѣны и линіи огня. Но въ этихъ башняхъ у воротъ и въ простѣнкахъ бойницы расположены обыкновенно въ два и три яруса. Ворота двухстворчатыя, деревянныя; высотой около 13-ти фут., шириной около 10-ти футовъ, полотна собраны изъ вертикальныхъ брусевъ, толщиной около трехъ вершковъ. Оковка весьма недостаточна. Запираются большими засовами и рѣдкой величины замками, ключи отъ которыхъ (счетомъ 11) послѣ намаза Ахшамъ относятся въ кремль, будто, къ Кушъ-беги (3) и лежать у него всю ночь «подъ подушкой». Утромъ открываются очень рано, а именно, сейчасъ послѣ Азана, т. е. до разсвѣта. Прежде, говорятъ, опоздавшимъ приходилось постоянно ночевать за воротами. За послѣднее время привратники, разные старички, живущіе тутъ же въ башняхъ—за «силау» (на чай), общенное изъ-за воротъ, охотно бѣгутъ къ Кушъ-беги за ключами и открываютъ ворота; впрочемъ, на это требуется не меньше часа времени. Но если, уѣзжая изъ города, предупредить привратника о

(1) Прежде было, говорятъ, 12 воротъ; одинъ теперь уничтоженъ, но гдѣ они были расположены, мнѣ не удалось узнать.

(2) Могла очень почитаемаго святаго по имени Багаудинъ, прямые и не прямые потомки котораго образовали цѣлый городъ кругомъ могилы и хорошо живутъ на счетъ своего святаго предка, обирая пилигримовъ, въ массѣ стелющихся сюда на поклоненіе. Ходжа Багаудинъ, великій мистикъ своего времени, умеръ въ 1388 г., современникъ Тимура. Г. Вамбери называетъ его «національнымъ сватымъ Бухары», хотя нельзя признать, чтобы такое опредѣленіе было здѣсь у мѣста.

(3) *Кушъ-беги*—высшій сановникъ ханства, въ родѣ великаго визиря.

позднемъ возвращеніи, то ключи задерживаются на мѣстѣ и ворота открываются немедленно. Разумѣется, порядочный мусульманинъ не ѣздитъ по ночамъ и всѣ эти отступленія дѣлаютъ почетные и безпокойные «гости» — мы русскіе, нарушающіе подчасъ всякія правила и приличія, къ крайнему соблазну правовѣрныхъ. |

Изъ сдѣланнаго описанія ограда г. Бухары становится яснымъ, что свойственное ей прежде военное значеніе, значеніе крѣпостной ограда, она уже потеряла совсѣмъ; и это потому, что въ политическомъ смыслѣ она является чистымъ анахронизмомъ. Впрочемъ, по размѣрамъ своимъ она несомнѣнно сохранила значеніе довольно трудно преодолимой преграды. Другими словами: для насъ теперь она имѣетъ значеніе мѣстное, такъ сказать, топографическое; для городского же населенія, вслѣдствіе особаго склада его жизни — административно-полицейское; она хороша для порядка, устанавливая всегда рѣзкую и наглядную черту между городомъ и окрестностями. Нужно, однако, замѣтить, что большинство городского населенія, ничего, можетъ быть, не видавшаго, кромѣ своей «Бухары-и-шерифъ», искренно убѣждено въ совершенной своей безопасности за этой городской стѣной: эти простые люди спокойно засыпаютъ, разъ городскія ворота заперты своими огромными замками.

Въ заключеніе о городской стѣнѣ скажемъ, что для правительства Бухарскаго, казалось бы, не можетъ быть не ясно истинное значеніе городской стѣны, однако, надлежитъ констатировать, что она содержится въ большей, пожалуй, исправности, чѣмъ, напримѣръ, мечети, мадраса, каменная одежда хаузовъ и проч. Общее-то впечатлѣніе, пожалуй, одинаковое: т. е. и стѣна приходитъ къ упадку, но ремонтируется зачѣмъ-то.

в) *Кремль* ⁽¹⁾. О кремлѣ мы можемъ сказать лишь нѣсколько словъ въ добавокъ къ тому, что уже сказали въ началѣ, но, въ виду важности этого пункта, говоримъ о немъ отдѣльно. Обособленный высокій холмъ, на которомъ расположенъ кремль, называется Ну-мишкендъ ⁽²⁾; онъ находится не по срединѣ города, а приближенъ къ сѣверо-западной сторонѣ на разстояніе около 200 саж. отъ го-

⁽¹⁾ Цядатель въ г. Бухарѣ называется обыкновенно персидскимъ словомъ — аркъ. Переводя его словомъ «кремль», мы слѣдуемъ В. В. Григорьеву. (Прим. 7 къ Запискамъ и проч. Мирзы-Шемса-Бухари), считающему, что арки въ азіатскихъ городахъ суть тоже самое, что кремли въ старыхъ русскихъ городахъ.

⁽²⁾ В. В. Григорьевъ въ томъ же 7-мъ примѣчаніи ссылается въ своемъ описаніи бухарскаго кремля на Мейендорфа (Voyage d'Orenbourg à Boukhara, fait en 1820. Paris. 1826), у котораго и заимствуетъ названіе холма, намъ неизвѣстное.

родской стѣны. На верху, вдоль гребня, расположена такая же по внѣшнему виду глинобитная стѣна, какъ и городская; въ ней замѣчено нами шесть полукруглыхъ фланкирующихъ выступовъ и двѣ кирпичныя башни, расположенныя по обѣ стороны единственныхъ воротъ. Высота стѣны неодинакова, вслѣдствіе неправильныхъ очертаній гребня обрывовъ, но линия верхнихъ зубцовъ стѣны приближается къ горизонтальной, а сложная высота обрывовъ и стѣны достигаетъ 10-ти, а мѣстами даже 12-ти сажень. Эскалада этой кручи въ настоящемъ видѣ почти невозможна; несмотря на дурное качество матеріала (необожженная глина) и работъ этихъ сооружений, эффектъ при приближеніи къ подножью кремля получается очень сильный отъ однихъ размѣровъ.

Длина обвода стѣны составляетъ около 300 сажень.

Ворота брусчатая, деревянныя, находятся на западномъ фасѣ, со стороны важнѣйшей въ городѣ площади, называемой Ригистаномъ. Хотя онѣ (ворота) значительно понижены противъ вершины холма и вмѣстѣ съ подъемомъ отъ нихъ въ гору значительно врѣзаны въ толщу земли холма, но подниматься къ нимъ со стороны Ригистана приходится по широкой и длинной аппарели, занимающей не малую часть самой площади. За воротами подъемъ продолжается большимъ, наклоннымъ и изогнутымъ въ планѣ коридоромъ со сводами, который и выводитъ на плоскую вершину холма ⁽¹⁾. Здѣсь находятся: дворецъ эмира со службами, часть гарема, мечеть, домъ, гдѣ Кушъ-беги принимаетъ «гостей» эмира, квартира Кушъ-беги, помѣщеніе стражи, монетный дворъ, казнохранилище, разныя тайныя помѣщенія и проч. Все это скучено на пространствѣ въ 4,000 квадр. саж. ⁽²⁾, или около 1²/₃ десятины.

Никакой площади, мало-мальски заслуживающей это названіе, ни сада, ни даже группы деревьевъ внутри кремля, нами не замѣчено; можно быть увѣреннымъ также, что тамъ нѣтъ и конюшенъ,

⁽¹⁾ Подъ сводами коридора, въ нишахъ по сторонамъ его, сидятъ всегда нѣсколько важныхъ мирвъ—подъячихъ, тутъ же на колѣнѣхъ пишущихъ за всзнагражденіе краснорѣчивыя просьбы (арвъ) на имя Джанаби-Ала (эмира), Кушъ-беги и проч. Всѣ они считаются дворцовыми чиновниками, отъ того и видъ имѣютъ очень важный.

⁽²⁾ Хотя мнѣ, разумѣется, не было никакой возможности сдѣлать «обходъ» стѣны кремля, но я рѣшалось утверждать, что этотъ размѣръ площади, а равно расположеніе стѣны въ планѣ весьма близки къ дѣйствительности, ибо крайнія выступающія точки кремлевой стѣны провѣрны мною десятками азимутовъ (бусолью Шмалькальдера) съ различныхъ точекъ окрестностей.

удовлетворяющихъ дворцовой потребности (1): съ другой стороны, почти навѣрно, въ кремлѣ существуютъ колодезь, или иное обезпеченное водоснабженіе, хотя намъ и не удалось подтвердить этого распросами. Рядомъ съ этимъ очень вѣроятно существованіе тайнаго подземнаго выхода въ городъ.

г) *Окрестности*. Съ наружной стороны городской стѣны, вдоль ея, существуетъ сообщеніе—грунтовая дорога, различныхъ по участкамъ свойствъ; по ней можно проѣхать верхомъ и пройти пѣшкомъ кругомъ всего города, не удаляясь отъ стѣны, кромѣ небольшого участка отъ воротъ Салли-ханэ до самаго выдающагося юго-восточнаго исходящаго угла, гдѣ дорога значительно удаляется отъ стѣны. Поэтому сообщенію кругомъ города можетъ пройти и артилерія, кромѣ участковъ: 1) отъ воротъ Талипачъ до воротъ Угланъ (сѣв.-зап.), гдѣ нужно сдѣлать объѣздъ, удалившись отъ стѣны, и 2) по обѣ стороны воротъ Шахъ-Джаляль (ю), гдѣ артилеріи почти нельзя пройти, вслѣдствіе тѣсноты тропинки, прижатой къ крутымъ наружнымъ откосамъ городской стѣны, прилегающими, сильно болотистыми низменностями.

Такія же низменности, но ббльшихъ размѣровъ, расположены за воротами Угланъ и Имамъ (съ сѣв.) и всѣ покрыты густымъ камышемъ. Онѣ съ одной стороны являются, приемниками «сброшенной» воды съ полей, а съ другой—доставляютъ каждую осень большой запасъ камыша, столь необходимаго для построекъ туземной конструкціи въ городѣ, и каждую зиму—значительные запасы льда.

Въ противоположность городу, окрестности его по количеству деревьевъ, виноградниковъ и проч. представляютъ собой почти сплошные сады. Вообще, мѣстность кругомъ города является чрезвычайно пересѣченной и закрытой еще вслѣдствіе очень большого количества глинобитныхъ заборовъ, построекъ и оросительныхъ канавъ-арыковъ, болѣе или менѣе углубленныхъ. Относительно послѣднихъ нужно замѣтить, что при обособленности орошенія самаго города, получающаго воду только изъ Шаруда, всѣ остальные арыки, въ большомъ количествѣ пересѣкающіе мѣстность, должны быть оттѣснены въ сторону этой громадной площадью города, для нихъ недоступной. И въ самомъ дѣлѣ: арыки, головы которыхъ находятся вообще въ сѣверо-восточномъ отъ г. Бухары направленіи, собираются къ сѣверу отъ города на неширокой полосѣ въ 150—

(1) Эти примѣчанія мы дѣлаемъ въ опроверженіе упомянутаго выше (въ выноскахъ) описанія бухарскаго кремля В. В. Григорьева, гдѣ, впрочемъ, преувеличена въ нѣсколько разъ и площадь, занимаемая кремлемъ.

200 саж. въ числѣ 13-ти отдѣльныхъ наименованій; выйдя за меридіанъ города, они скоро опять расходятся, покрывая собой и своими развѣтвленіями всю мѣстность. Упомянутыя арыки, текущія полосой, на большомъ протяженіи почти параллельно другъ другу, имѣютъ совершенно различную ширину, глубину и уровень воды, причемъ, расходясь по разнымъ направленіямъ, часто пересѣкаютъ другъ друга, пропуская воду (встрѣчнаго арыка) подъ, или надъ собой при помощи различныхъ простыхъ и несовершенныхъ сооружений (¹). Разительный тому примѣръ представляетъ пересѣченіе арыкомъ Наумитаномъ, къ сѣверо-западу отъ города, семи другихъ отдѣльныхъ арыковъ съ сильно разнящимися другъ отъ друга уровнями воды, или развѣтвленіе, встрѣчаемое на дорогѣ отъ с. Базарчи (сѣв.) къ Самаркандскимъ воротамъ. При томъ строгомъ и систематическомъ пользованіи водой, которое практикуется въ Бухарѣ и вызывается общимъ недостаткомъ воды въ р. Зеравшанѣ, нѣтъ сомнѣній, что всѣ эти арыки и сооружения при нихъ будутъ всегда содержаться жителями въ надлежащей исправности, а въ такомъ случаѣ пересѣчь эту полосу арыковъ иначе, какъ по существующимъ дорогамъ, является совершенно невозможнымъ для артилеріи и кавалеріи и крайне труднымъ и рискованнымъ для пѣхоты, такъ какъ всякая часть разстроится и непременно потеряетъ взаимную связь. Съ другой стороны, большое количество лѣса, растущаго тутъ же, по берегамъ арыковъ въ нѣсколько рядовъ, позволяетъ легко устроить широкіе и удобные переѣзды (²).

Дороги пересѣкаютъ окрестности города Бухары въ различныхъ направленіяхъ и ихъ очень много. Показанныя на планѣ, почти всѣ онѣ пригодны для арбенаго (³) движенія; но деревянные маленькіе мостики на нихъ находятся большею частью въ очень неудовлетворительномъ состояніи; туземцы даже на главнѣйшихъ путяхъ заботятся лишь о томъ, чтобы былъ проѣздъ верховому и чтобы прошла, слѣдовательно, лошадь арбакеша (⁴), при этомъ большія ко-

(¹) Матеріалами служатъ лишь глина и дерево; первая отличныхъ качествъ, второе очень плохихъ мѣстныхъ породъ—не смолистыхъ.

(²) Къ сказанному объ арыкахъ мы можемъ прибавить вообще, что, ознаменованіе съ орошеніемъ окрестностей г. Бухары приводитъ къ несомнѣнному убѣжденію, что оно устроилось въ настоящемъ видѣ не сразу, развивалось, накоплялось и улучшалось постепенно въ продолженіи многихъ вѣковъ и представляетъ систему очень сложную, хотя во многихъ отношеніяхъ и очень несовершенную; однако, будучи, безъ сомнѣнія, столь же древней, какъ и сама Бухара, требуетъ къ себѣ крайне осторожнаго отношенія и прикосновенія.

(³) Арба—туземная общеупотребительная двухколесная повозка; діаметръ колеса—около семи футовъ.

(⁴) Арбакешъ—возница, ѣдущій большею частью верхомъ.

ПЛАНЪ

г. БУХАРЫ СЪ ОКРЕСТНОСТЯМИ

ГЛАЗАМЪРНО СНИМАТЬ ВЪ 1886 ГОДУ.

ВОЕННЫЙ ИНЖЕНЕРЪ КАПИТАНЪ ПОСЛАВСКИЙ

Профили:

Мѣстѣ воротъ Тамтара и Улюта.

у воротъ Намара.

По сѣрбѣ у Мелеградской станицы.

Мѣстѣ воротъ Тамтара и Улюта.

у воротъ Намара.

Арбакашъ—возница, ѣдущій большею частью верхомъ.

леса арбъ легко переходять и безъ всякихъ мостиковъ обыкновенные арбки, гдѣ, однако, артилерійское колесо можетъ застрять. Всѣ дороги грунтовыя, а въ ненастное время тяжелыми колесами бухарскихъ арбъ выбиваются настолько глубокіе колеи и ухабы, что радіуса обыкновенныхъ колесъ часто недостаточно, чтобы идти этими выбитыми колеями: колесо ложится на ступицу; въ то же время лошади, попадающія въ эти глубокія узкія колеи, легко ломають себѣ ноги, что на самомъ дѣлѣ случается нерѣдко. Если прибавить, что всѣ почти дороги имѣють углубленную профиль и потому представляютъ собой для многихъ мѣстностей резервуары, куда стекаетъ вода, неудерживающаяся на окружающихъ поляхъ, и гдѣ она въ колеяхъ составляетъ глубину, часто превосходящую аршинъ, то не покажется преувеличеннымъ утверждение, что въ ненастное время эти дороги являются почти непроходимыми для артилеріи и обозовъ съ обыкновенными колесами, чего нельзя сказать объ арбахъ, движеніе которыхъ, хотя и сокращается въ это время до minimum'a, но не прекращается и удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ. Замѣтимъ еще, что двигаться внѣ дорогъ представляется уже положительно невозможнымъ.

Вообще, при обсужденіи военныхъ операцій въ окрестностяхъ г. Бухары необходимо должно быть принято во вниманіе время года и состояніе погоды, которыя, вслѣдствіе особенностей почвы и ея культуры, будутъ имѣть очень большое вліяніе на состояніе путей сообщенія и, слѣдовательно, на успѣхъ самыхъ операцій.

Арбяныя дороги, пролегающія внутри города отъ воротъ къ центру, о которыхъ мы говорили выше, имѣють почти всѣ прямое продолженіе за воротами. Это суть магистральные пути сообщенія города со всей страной, а потому въ общемъ лучшіе и исправнѣйшіе. Три дороги, идущія въ южномъ направленіи отъ воротъ: Шахъ-джаляль, Намазга и Салли-ханэ, неполнѣй отвѣчаютъ этой характеристикѣ, такъ какъ съ одной стороны въ южномъ отъ города направленіи нѣтъ пункта значительной важности, съ которымъ бы городъ поддерживалъ оживленное сообщеніе, а съ другой — культурная страна — оазисъ — кончается въ южномъ отъ города направленіи черезъ нѣсколько верстъ, а потому эти три пути имѣють значеніе мѣстныхъ проселочныхъ дорогъ.

Къ описанію окрестностей города Бухары мы должны прибавить нѣсколько словъ о курганахъ или буграхъ, разбросанныхъ по мѣстности, о которыхъ упоминали выше, и о кирпичныхъ заводахъ. Первые расположены въ различныхъ разстояніяхъ отъ крѣпостной

ограды и имѣютъ разную величину и высоту. Нѣкоторые занимаютъ значительныя поверхности, какова, напримѣръ, группа бугровъ, почти примыкающая къ восточной сторонѣ городской стѣны у Каршинскихъ и Мазарскихъ воротъ. Слѣдуетъ еще обратить вниманіе въ этомъ отношеніи на большой и высокій бугоръ съ сѣверной стороны города близъ Имамскихъ воротъ съ двумя меньшими узкими и длинными, вытянутыми отъ перваго вдоль арыковъ къ западу. Высшія точки обѣихъ этихъ групп командуютъ нѣсколько крѣпостной стѣной. Всѣ эти бугры и курганы безъ исключенія, какъ находящіяся внутри города, такъ и ближайшіе къ нему, наружные, заняты кладбищами; быть похороненнымъ на одномъ изъ нихъ составляетъ мечту многихъ правовѣрныхъ старцевъ.

Нѣсколько кирпичныхъ заводовъ, удовлетворяющихъ потребностямъ города, расположены къ югу и востоку отъ него и въ очень близкомъ разстояніи. Конструкція мѣстныхъ кирпичеобжигательныхъ печей, въ зависимости отъ употребляемаго топлива, требуетъ устройства глубокихъ ямъ подъ сводами, на которыхъ насаживается сырецъ; но такъ какъ высокія грунтовыя воды мѣшаютъ углубленію топливника въ почву, то устраивается искусственный небольшой бугоръ, въ которомъ вырывается яма и надъ которымъ уже устраиваются стѣны печи. Со временемъ, параллельно дѣятельности печи, увеличивается и насыпь этого бугра на счетъ шлаковъ, золы, щебня и прочихъ отбросковъ производства; такимъ образомъ, кирпичеобжигательныя печи представляютъ собой, какъ и упомянутыя выше кладбища, пункты, большею частію возвышающіяся надъ окружающею мѣстностью и занимающіе иной разъ значительную поверхность.

Водоснабженіе. Въ началѣ уже сказано, что городъ Бухара получаетъ воду изъ особаго капала Шаруда, но дѣло въ томъ, что вода течетъ въ немъ только два раза въ мѣсяць. Воды въ рѣкѣ Зеравшанѣ часто бываетъ такъ мало, что, если бы дать право выше сидящимъ по теченію расходовать ее въ волю, то на большую площадь земли, ниже расположенную и нынѣ обрабатываемую, вода бы не доходила, или доходила бы очень рѣдко, напримѣръ, въ половодіе; тоже должно было бы случиться и съ Бухарой. При такихъ условіяхъ жить тамъ было бы совершенно невозможно, а потому установлена очередь: каждый пользуется водой (сколько далъ Богъ и русскіе у Самарканда) въ продолженіе извѣстнаго промежутка времени, напримѣръ, двухъ сутокъ, затѣмъ ожидаетъ, пока къ нему

опять придет очередь (1). Когда ожидаемая съ нетерпѣніемъ вода входитъ въ городъ, то немедленно и автоматически распредѣляется арыками по всему городу, наполняетъ всѣ пруды-хаузы, орошаетъ, сколько есть, садовъ и огородовъ, обильно расходуется на поливку улицъ и проч.; излишекъ, если есть, выпускается въ запасный арыкъ-Захкешъ, текущій внѣ города. Съ прекращеніемъ притока воды арыки и Шарудъ пересыхаютъ; вода остается только въ хаузахъ, гдѣ скоро приобрѣтаетъ зеленоватый цвѣтъ и на вкусъ становится неприятной. Замѣтимъ здѣсь, что средняя часть Шаруда (пересѣкающая базары), а также большинство хаузовъ, расположенныхъ въ средней части города, имѣютъ берега, одѣтые естественнымъ камнемъ, большими, грубоотесанными глыбами, но, повидимому, безъ раствора, или иныхъ связей. Берега канала сложены вертикально, а у хаузовъ спускаются большими ступенями къ срединѣ. Но кладка большею частью уже потеряла свою правильность: много камней сдвинуто съ мѣста, а мѣстами ихъ и совсѣмъ нѣтъ. Эта средняя часть Шаруды перекрыта большимъ количествомъ каменныхъ же мостовъ, мѣстами сплошь настолько, что каналъ становится невидимымъ на большомъ протяженіи; на этихъ мостахъ, съ виду безразлично, какъ и на землѣ, возведены кое-гдѣ постройки, устроены лавки и проч. Во всемъ объемѣ всѣ эти сооруженія нужно признать дѣломъ весьма крупнымъ, но они, видимо, приходятъ въ упадокъ и разрушеніе.

Вода въ хаузахъ, одѣтыхъ камнемъ, портится не такъ скоро, какъ въ другихъ, имѣющихъ простые земляные откосы. Въ послѣднихъ лѣтомъ, подъ палящими лучами солнца, черезъ два, три дня она загниваетъ и буквально кишитъ мириадами видимыхъ простымъ глазомъ организмовъ, а къ концу двухъ недѣль становится отвратительной и издаетъ такой запахъ, что отбиваетъ охоту отвѣдать. Однако, большинство бухарцевъ принуждено пить такую воду, и пьютъ спокойно, ибо это нормальное положеніе вещей. Тѣмъ болѣе трудно представить себѣ положеніе жителей Бухары, когда и этотъ нормальный порядокъ вещей нарушается. Случается, однако, почти ежегодно весной (обыкновенно въ началѣ мая, между весеннимъ и

(1) Дѣленіе воды Зеравшана для Самаркандской области и Бухарскаго ханства производится на меридіанѣ Самарканда нѣсколькими простыми загрязженіями, собирающими воду этой рѣки, текущей многими протоками по розсыпи, въ два русла Акъ-Дарью и Кара-Дарью. У этого мѣста поставленъ столбъ съ надписью «Водораздѣль»; нельзя, разумѣется, признать правильнымъ употребленіе этого топографическаго термина въ данномъ случаѣ, но назначеніе столба понятно.

лѣтнимъ половодіемъ), что приходитъ очередь города получить воду, но не приходитъ по Шаруду вода, ибо нѣтъ ея и въ Зеравшанѣ иногда до самаго Самарканда. Хаузы, разумѣется, очень скоро изсякаютъ, и жители роютъ со дна ихъ колодцы, углубляя постепенно и эти послѣдніе по мѣрѣ изсяканія. Добываніе воды становится все труднѣе, у cadaго колодца стоитъ толпа ожидающихъ очереди, а жара въ городѣ усиливается изо дня въ день...

Естественно послѣ того, съ какой радостью, шумомъ и оживленіемъ встрѣчается въ Бухарѣ новая вода. Хотя она совершенно желтая отъ мути и ила, хотя она несетъ съ собой весь тотъ соръ, грязь и мерзость, которыя выбрасываются или попадаютъ въ Шарудъ и арыки за время ихъ бездѣйствія, но приходъ новой воды—это настоящій праздникъ въ Бухарѣ, повторяющійся два раза въ мѣсяцъ. Всѣ мужчины выходятъ тогда къ хаузамъ, садятся на ихъ ступени и съ наслажденіемъ опускаютъ свои голыя ноги въ волнующуюся воду, а на водѣ съ крикомъ и смѣхомъ плещается масса голыхъ (всегда, впрочемъ, въ короткихъ штанишкахъ) ребятъ; а такъ какъ они на этотъ разъ съ непокрытыми головами, то представляется случай убѣдиться, что всѣ они «поголовно» паршивые: кто съ облѣзлой пятнами головой, кто со струпами, кто полусѣдой и проч. Но это все ни мало не смущаетъ веселую, постоянно мѣняющуюся толпу, тутъ же пьющую воду изъ хауза и наполняющую сосуды, чтобы подѣлиться съ домашними—женщинами. Особенно достается въ это время специалистамъ водносамъ, наливающимъ безсчетное число разъ свои большіе бурдюки, посредствомъ особаго устройства кожаныхъ же плоскихъ висячихъ ковшей.

Ни о какихъ фильтрахъ или иныхъ приспособленіяхъ для очистки воды бухарцы, разумѣется, и понятія не имѣютъ. Безъ сомнѣнія, это не можетъ не отражаться въ той или другой степени на здоровьи жителей; достаточно напомнить о всегдашнемъ существованіи въ Бухарѣ большаго количества больныхъ *риштой* (1); но все-таки

(1) *Dracunculus medinensis*—круглая глиста развивается подъ кожей у чело-
вѣка до одного аршина длины и толщиной въ басовую струну; бываетъ ихъ
часто и по нѣсколько въ разъ (до 8 и 10 штукъ). Они производятъ сильныя
болевыя ощущенія, сведенія членовъ, истощеніе и проч. Обнаруживаются не-
большой извочкой, изъ которой начинаетъ сочиться бѣловатая жидкость, пред-
ставляющая миллиарды яичекъ, выпускаемыхъ самкой. При омовеніяхъ мусульманъ
яички легко попадаютъ въ воду, гдѣ скоро вылупляются въ личинки; черезъ
нѣсколько дней послѣднія сами зазѣзаютъ подъ кожу цыклопа (*Cyclops*—название
рода; тоже микроорганизмъ, полупрозрачный и едва замѣчаемый глазомъ въ
чистой водѣ); съ нимъ попадаютъ въ желудокъ челоука съ выпитой водой, гдѣ,

приходится невольно удивляться, какъ можетъ существовать цѣлые вѣка и процвѣтать городъ съ такимъ невѣроятно дурнымъ удовлетвореніемъ пасущнѣйшей потребности человѣка—въ водѣ!

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы постараемся освѣтить нѣсколько этотъ вопросъ въ связи съ описаніемъ общаго санитарнаго состоянія города. Здѣсь же скажемъ нѣсколько словъ о колодцахъ, такъ какъ читающему наше описаніе, безъ сомнѣнія, приходила въ голову мысль о нихъ. Въ Бухарѣ имѣется довольно много колодцевъ и намъ приходилось пробовать воду болѣе или менѣе горько-соленую; немногіе употребляются для поенія лошадей и скота, жители же съ этою водою, повидному, никакъ не могутъ освоиться: они не прибѣгаютъ, кажется, къ ней даже во время истощенія воды въ хаузахъ. Причина столь дурнаго качества воды въ колодцахъ обща не только для города Бухары, но и для всѣхъ окрестностей, а именно: сильно солонцеватый составъ почвы (1). Приходилось слышать отъ опытныхъ туземцевъ, что вновь отрываемые колодцы если и давали иногда сначала прѣсную воду, то затѣмъ обыкновенно портились, обращаясь въ горько-соленые.

Это свойство почвы, оставляющее мало шансовъ на существованіе хорошаго колодца съ прѣсною водою, можетъ быть отбиваетъ охоту у жителей искать ихъ. Въ заключеніе, однако, слѣдуетъ сказать, что намъ извѣстенъ въ городѣ Бухарѣ одинъ прѣсный колодецъ, расположенный близъ Мазарскихъ воротъ, во дворѣ телеграфной станціи: вода изъ него на вкусъ весьма хороша и, насколько извѣстно, не вліяетъ дурно на состояніе здоровья пользующихся ею. Вслѣдствіе того, что этотъ колодецъ очень неглубокъ (къ сожалѣнію, цифра не удержалась въ памяти), мы склонны приписать существованіе его близости Шаруда, вода изъ котораго, просачиваясь въ почву, можетъ быть образуетъ въ нѣкоторомъ родѣ подземный

вѣроятно, оплодотворяются; затѣмъ самцы погибаютъ, а самки проникаютъ стѣнки желудка и постепенно достигаютъ подъ кожу, гдѣ и развиваются (Изложено по Федченкѣ).

(1) Въ хорошо культивированныхъ мѣстахъ это незамѣтно, такъ какъ поверхность земли опрѣснена въ значительной степени и опрѣсняется постоянно орошеніемъ—водой Зеравшана, но стоитъ только забросить пашню на два, на три года и она опять покроется бѣлой солонцеватой корой, т. е. влага, тѣмъ или инымъ путемъ попавшая въ почву, растворяетъ нѣкоторое количество солей изъ почвы, подымаетъ ихъ въ растворѣ на поверхность и, испаряясь, осаждастъ тутъ. Отчего солевыхъ отложеній всегда больше у подошвы кургановъ, въ канавкахъ, впадинахъ и вообще въ болѣе низменныхъ мѣстахъ, куда скопляется больше воды.

басейнъ, изъ котораго имѣется выходъ (дренажъ) въ упомянутый колодець.

Мы подробно остановились на описаніи водоснабженія города Бухары по той причинѣ, что на первый взглядъ можетъ показаться, что вопросъ о принужденіи города Бухары къ сдачѣ равносилень отведенію воды Шаруда. Это не совсѣмъ такъ: не пустить воду въ Шарудъ, когда придетъ одна, да и другая очередь ея, безъ сомнѣнія, представить большое бѣдствіе для города; но, во-первыхъ, бухарцы въ значительной мѣрѣ приспособились къ нему; во-вторыхъ, можетъ быть есть еще, или будетъ отыскано, нѣсколько колодецевъ, въ родѣ упомянутаго у Мазарскихъ воротъ; въ-третьихъ, можно рыть колодцы на днѣ хаузовъ до нѣкоторой глубины, т. е. пока они не приобретутъ горько-соленаго вкуса изъ почвы; наконецъ, можно пользоваться нѣкоторыми лучшими изъ существующихъ солонцеватыхъ, — все это, вмѣстѣ взятое, можетъ оттянуть на значительное время сдачу города; а потому на отведеніе воды Шаруда нужно смотрѣть какъ на сильное вспомогательное средство при тѣсной блокадѣ, если для этой послѣдней есть время и средства, какъ на очень дѣйствительную репресію при случаѣ и надобности, но во всякомъ случаѣ не какъ на *conditio, sine qua non* немедленной сдачи города при какихъ бы то ни было условіяхъ.

Санитарный очеркъ. Для полноты картины отрицательныхъ сторонъ санитарнаго состоянія города Бухары къ описанію условія пользованія водой нужно прибавить еще, что онъ населенъ очень густо и тѣсно, что въ городѣ содержится очень много лошадей, что высокая стѣна представляетъ большую преграду для обмѣна и протеканія воздуха, образуя нѣчто въ родѣ ящика, что въ городѣ сравнительно очень мало растительности, что водостоковъ, разумѣется, никакихъ нѣтъ, кромѣ тѣхъ же арыковъ и каналовъ, приносящихъ воду для питья, что нѣтъ почти никакой наружной или явной полиціи, а потому по улицамъ ходитъ постоянно много ужасныхъ по своему опаршивѣлому виду собакъ, часто встрѣчается падаль и проч., что въ срединѣ города, подъ арками мечети Гаукушанъ, выходящими на набережную Шаруда, и на этой набережной (преграждаемой съ одного конца минаретомъ) нашли себѣ пріютъ прокаженные, выходящіе со своими деревянными чашками за милостыней на другую сторону того же Шаруда, на большую улицу и т. д. Если ко всему этому принять во вниманіе образъ жизни туземцевъ, примитивный и во многихъ отношеніяхъ негигіеничный самъ по себѣ, то естественно ожидать въ городѣ Бухарѣ особенной болѣзненности и

смертности. Однако, это далеко не замѣчается; даже, наоборотъ, жители низменныхъ окрестностей страдаютъ несравненно въ большей степени отъ лихорадки, чѣмъ въ городѣ. Воздерживаемся сказать что нибудь положительное объ эпидеміяхъ, однако, что касается до послѣдней (инфлюэнцы), то, во-первыхъ, она появилась въ городѣ Бухарѣ много времени спустя послѣ того, какъ уже свирѣпствовала въ городахъ и селеніяхъ къ сѣверу, къ востоку и къ югу и, во-вторыхъ, не произвела, повидимому, тѣхъ опустошеній, какъ, напри- мѣръ, въ городѣ Карши, и какъ тѣ, что были въ нѣкоторыхъ селе- ніяхъ между Бухарой и Ката-Курганомъ, судя по размѣрамъ видѣн- ныхъ нами свѣже насыпанныхъ кладбищъ и по рассказамъ жителей.

Разгадка такого явленія заключается въ постоянной системати- ческой очисткѣ города отъ навоза, нечистотъ, уличнаго мусора и прочихъ отбросовъ. Такъ какъ вся, рѣзко очерченная, площадь го- рода представляетъ собою большого паразита, питающагося на счетъ окрестностей, то жители этихъ окрестностей должны были довести производительность своей земли до возможно высокой степени, для чего естественно нуждались и нуждаются въ громадныхъ количе- ствахъ удобренія, которое въ разныхъ видахъ и доставляетъ городъ. Наземъ поэтому является цѣннымъ предметомъ необходимости. Въ городской стѣны, въ нѣсколькихъ мѣстахъ существуютъ большія или меньшія площади, куда онъ свозится, гдѣ сортируется и рас- предѣляется въ кучки и въ высокія правильныя грядки, и откуда продается землевладѣльцамъ, садоводамъ и проч., представляя сво- его рода базары съ мелочной и оптовой торговлей. Никто не вы- брасываетъ назема зря, но систематически занимаются этимъ дѣ- ломъ, разумѣется, люди бѣднѣйшаго класса населенія, которые еже- дневно, обыкновенно утромъ, тщательно подметають улицы, скла- дываютъ эти кучки сора, пыли и назема въ плетеные мѣшки на иша- ковъ и увозятъ за городъ. Также увозится большею частью еже- дневно соръ съ дворовъ, подметаемый лишь жильцами въ кучки. Соображаясь, вѣроятно, съ таковою потребностью, устраиваются въ городѣ Бухарѣ почти всѣ отхожія мѣста: они представляютъ собою обыкновенно длинныя (3—5 фут.) ямки, шириною не больше 1 фут., глубиною до 2 фут. (часто всѣ размѣры много меньше), вырывае- мыя въ назначенныхъ для сего помѣщеніяхъ просто въ землѣ безъ всякихъ почти приспособленій: содержимое этихъ ямокъ раза два въ недѣлю засыпается подметаемымъ соромъ. Одна изъ каркасныхъ стѣнокъ такого помѣщенія обыкновенно выходитъ или въ общій (не внутренній) дворъ или даже на улицу; въ этой стѣнкѣ имѣется

или дверка или иное отверстие, легко открываемое и закладываемое; через эти-то отверстия являются, смотря по надобности, упомянутые очистители съ запасомъ уличнаго сора и пыли, смѣшиваютъ его съ нечистотами, образуя компостъ—массу очень густую и совершенно безъ запаха, — накладываютъ ее, уже какъ обыкновенно, на ишаковъ и увозятъ. На всю эту процедуру требуется не больше одного часа, причемъ не распространяется никакого зловонія и не доставляется никакого безпокойства жителямъ.

Встрѣчаются еще отхожія мѣста, гдѣ площадка съ отверстиемъ, на которой становятся, возвышена надъ ямкой, а эта послѣдняя по просту открыта съ улицы; оттуда же засыпается и очищается (1).

Такой способъ очистки и дезинфекціи города практикуется, по видимому, очень давно—уже вѣка—и вошелъ въ плоть и кровь населенія; а будучи и по происхожденію своему естественнымъ и непринудительнымъ, онъ почти не подверженъ неисправностямъ и не требуетъ никакой инспекціи.

Доказательствомъ давности примѣненія этихъ порядковъ въ городѣ Бухарѣ, кромѣ словесныхъ показаній, служить, съ одной стороны, то общее всему городу явленіе, что полотно его улицъ болѣе или менѣе понижено противъ поверхности земли; въ срединѣ города это пониженіе значительно больше, чѣмъ у окраинъ; въ центрѣ города мѣстами оно настолько значительно, что участки между двухъ смежныхъ улицъ превращаются нѣчто въ родѣ отдѣльных бугровъ. Мы полагаемъ, что это результатъ почти ежедневнаго въ продолженіе столѣтій подметанія улицъ (2). Съ другой стороны, эта вогнутая естественная поверхность улицъ очень тверда и прочна несмотря на чрезвычайно оживленное движеніе по улицамъ, въ самое ненастное время года лошади, верблюды и арбы не дѣлаютъ въ городѣ Бухарѣ такихъ выбоинъ, колеи, ступеней и проч.; какъ всюду въ средне-азиатскихъ городахъ. Намъ почти не приходилось также встрѣчать на улицахъ зловонныхъ лужъ и никогда не просыхающей грязи. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ низ-

(1) Замѣтимъ здѣсь кстати, что мусульмане въ Средней Азійи вмѣсто бумаги употребляютъ комочки сухой глянью; сухая же земля, какъ извѣстно, отличается прекрасными дезинфекцирующими свойствами. Чрезвычайно интересна паралель между описаннымъ нами здѣсь примитивнымъ способомъ устройства ретгарадовъ и новѣйшими усовершенствованіями ихъ (земляной системы) въ западной Европѣ (система Муля и др.).

(2) Этому же обстоятельству мы приписываемъ отчасти легко видимое дѣленіе средней возвышенной части города на нѣсколько холмовъ, о чемъ сказано въ самомъ началѣ.

менные еврейскіе кварталы, гдѣ въ иныхъ мѣстахъ хватаешься за нось и погоняешь лошадь, чтобы выбраться скорѣе изъ душливой атмосферы. Оправданіемъ и здѣсь въ большей степени служить преобладаніе тамъ красильнаго ремесла. Нужно упомянуть еще, пожалуй, о ямахъ, куда стекаетъ грязная вода изъ бань: онѣ всегда вонючи, немного превосходя въ этомъ отношеніи самыя бани. Вообще же, въ городѣ запаховъ разныхъ и вони сравнительно очень мало. Мы замѣтили раньше, при описаніи водоснабженія, что хаузы, арыки и Шарудъ къ концу ожиданія новой воды, издають (особенно лѣтомъ) вредный и непріятный запахъ: ну, тогда, дѣйствительно, во всей Бухарѣ дышать трудно.

Итакъ, при суммѣ тѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, которыя свойственны городу Бухарѣ, санитарное состояніе ея можно признать, пожалуй, даже удовлетворительнымъ и приписать это нужно, прежде всего, постоянной и систематической очисткѣ города и естественному участию въ этомъ дѣлѣ всего населенія. Другой причиной, хорошо влияющей на санитарное состояніе города Бухары, является возвышенное положеніе его середины.

Заключая этотъ очеркъ, отмѣтимъ, что бичъ большихъ городовъ—отхожія мѣста—здѣсь служитъ источникомъ благосостоянія окрестнаго населенія, возвышая качество и стоимость земли его до необычайно высокихъ предѣловъ, напримѣръ, до 2,000 руб. и даже до 3,000 руб. за десятину поля. На эти цѣны, можетъ быть, имѣетъ еще влияніе большое, изъ года въ годъ увеличивающееся, количество кладбищъ кругомъ города, о которыхъ мы говорили раньше, постепенно стѣсняющихъ пашни: тутъ за нѣсколько квадратныхъ аршинъ священнаго мѣста платятся будущими покойниками иногда большія деньги.

Народонаселеніе. Такъ какъ улицы города Бухары очень узки, нѣтъ почти площадей и садовъ, двory очень маленькіе, то оказывается, что въ немъ бѣлая, чѣмъ въ другихъ городахъ, часть площади города занята жилыми постройками. Если къ этому прибавить, что въ городѣ Бухарѣ замѣчается особенно много двухъ, трехъ-этажныхъ построекъ, занимающихъ мѣстами цѣлыя улицы и лошади, то это даетъ право сдѣлать заключеніе, что городъ Бухара, по сравненію съ другими городами, особенно Средней Азіи, населенъ очень густо. Мы не имѣли, разумѣется, никакой возможности получить свѣдѣнія о числительности этого населенія, такъ какъ считать правовѣрный народъ (слѣдовательно и женщинъ, и дѣтей) по

меньшей мѣрѣ предосудительно и неприлично кому бы то ни было (1). Однако, на основаніи собранныхъ нами матеріаловъ, мы опредѣляемъ число жителей въ городѣ Бухарѣ около 50,000 человекъ и ни какъ не болѣе 70,000 человекъ (2). Населеніе города преимущественно торговое, а потому по внѣшнему впечатлѣнію на базарѣ чрезвычайно разнообразно. Главную массу составляютъ узбеки и таджики (иранцы); хотя они и перемѣшаны, но, кажется, узбеками заселена преимущественно восточная часть, а иранцами—западная. Глухой антагонизмъ между воинственными пришельцами—узбеками (монгольскаго племени) и культурными аборигенами иранцами (арійскаго) не прекращается до сихъ поръ; а приглушила его не общая религія—исламъ, а общая опасность и общій врагъ—мы, русскіе. Въ городѣ Бухарѣ еще очень много евреевъ, но не европейскихъ, а своихъ собственныхъ. Занимаютъ они кварталы города, прилегающіе преимущественно къ южнымъ участкамъ городской стѣны, отъ воротъ Салли-ханэ до Каракульскихъ. Большинство занимается красильнымъ ремесломъ, уступая пальму первенства въ мелкомъ ростовщичествѣ индѣйцамъ, которые поголовно имѣютъ реномэ кровопійцъ. Тѣ и другіе пользуются большимъ презрѣніемъ у туземцевъ-мусульманъ, первые же, т. е. евреи, до послѣдняго времени были, видимо, даже подъ нѣкоторымъ гнетомъ; до сихъ поръ для евреевъ въ Бухарѣ существуетъ особый костюмъ, состоящій изъ плохонькой черной барашковой шапки съ четырехъ-угольнымъ сѣраго коленкора приподнятымъ верхомъ, такого же сѣраго въ мелкія полоски длиннаго халата и веревки вмѣсто пояса. Отъ этого ни

(1) Одинъ бывалый бухарецъ, очень много путешествовавшій, заявилъ, что самый большой городъ въ свѣтѣ—Константинополь (Истамбуль), въ немъ и жителей больше всего, а второй затѣмъ Бухара-и-шерифъ и что жителей въ немъ три ляка, пожалуй, будетъ. Лякъ=100,000.

(2) Намъ представилась возможность опредѣлять приблизительно: 1) площадь и населеніе участка, занятаго постройками и внутренними двориками, гдѣ жила семейная прислуга «Ильчи-ханэ» посольскаго дома, пользовавшаяся весьма различнымъ общественнымъ положеніемъ и достаткомъ; 2) площадь и число обитателей въ домѣ одного знакомаго бухарца средняго общественнаго положенія и 3) площадь и число обитателей въ одномъ ближайшемъ мадраса и въ двухъ большихъ караванъ-сараяхъ. Кроме того, для опредѣленія количества населенія въ г. Бухарѣ мы пользовались нѣкоторыми приблизительными опредѣленіями на глазъ, распросными матеріалами, сравненіемъ съ плотностью населенія другихъ городовъ Средней Азіи и проч. Впрочемъ, должны упомянуть, что полученный результатъ для насъ самихъ явился весьма неожиданнымъ: цифра 50,000 человекъ показалась крайне малой; какъ уступку такому впечатлѣнію, мы даемъ другой максимальный предѣлъ—въ 70,000 человекъ. Подъ городомъ мы, разумѣется, имѣемъ въ виду только площадь, ограниченную городской стѣной.

одинъ еврей не смѣетъ отступить и до сихъ поръ; много между ними есть людей очень богатыхъ, купцовъ, особенно занимающихся торговлей деньгами, комисіонерствомъ и проч.; они имѣютъ лучшія частныя дачи (къ востоку отъ воротъ Салли-ханэ), пользуются большимъ вліяніемъ въ торговомъ мірѣ, однако и они, разодѣтые дома въ шелкъ или дорогіе мѣха (зимою), надѣваютъ, выходя на улицу, легкій, но тягостный костюмъ и опоясываются веревкой; а если ѣдутъ верхомъ, то должны слѣзать съ лошади при встрѣчѣ со всякимъ бухарскимъ чиновникомъ или почетнымъ лицомъ. Они по этому, кажется, всегда ходятъ пѣшкомъ. Можетъ быть, впрочемъ, имъ и совсѣмъ запрещена ѣзда верхомъ.

Еврей въ глазахъ бухарцевъ представляютъ элементъ неблагонадежный; безъ сомнѣнія, они желаютъ и ждутъ замѣны настоящаго правительства въ Бухарѣ русскимъ; можетъ быть, готовы были бы даже на активное содѣйствіе...

Въ средѣ торговцевъ, космополитовъ, есть много людей очень бывалыхъ, умныхъ и многознающихъ; они лучше, чѣмъ кто бы то ни было знаютъ истинную цѣну не только вещамъ, но и дѣламъ, и обстоятельствамъ. Мы полагаемъ, что лучшій матеріалъ для рѣшенія, какъ поступить и что дѣлать съ городомъ Бухарой въ томъ или другомъ случаѣ, могутъ дать именно они; они, вѣроятно, и не будутъ оставлять своихъ мнѣній при себѣ, если умѣло ихъ спрашивать.

Общій внѣшній видъ города. Всего вышеизложеннаго, однако, далеко недостаточно для того, чтобы составить себѣ надлежащее представленіе о томъ, что такое городъ Бухара. Мы поэтому считаемъ необходимымъ передать, по возможности, то общее по внѣшности впечатлѣніе, какое, по нашему мнѣнію, онъ долженъ дѣлать на путешественника или изслѣдователя, предполагая, что эта часть работы нашей не будетъ лишней даже въ интересахъ спеціальной стороны нашей задачи.

Городъ Бухара по своему внѣшнему виду очень близокъ къ типу средне-азіятскаго большаго города. Вслѣдствіе его мѣстныхъ и историческихъ условій всѣ особенности большихъ городовъ Средней Азіи ⁽¹⁾ являются здѣсь особенно яркими, усиленными въ томъ или другомъ направленіи, или въ особенно чистомъ видѣ, а именно: улицы такія же узкія и кривыя, но мѣстами масса переулковъ производитъ такой лабиринтъ, какой едва-ли гдѣ можно встрѣтить, и

(1) Пишущему эти строки привелось быть почти во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Кульджинскаго района, Сыръ-Дарьинской, Самаръченской, Ферганской и Самаркандской областей и Бухарскаго ханства по Зеравшану.

откуда выбраться безъ провожатаго очень трудно. Жилые дома, какъ и въ другихъ туземныхъ городахъ, тоже безъ оконъ на улицу и съ рѣдкими маленькими калитками, но вслѣдствіе большой скученности населенія встрѣчаются длинныя улицы, ограниченныя съ обѣихъ сторонъ двухъ и даже трехъ-этажными мертвыми стѣнами и производящія при своей узкости гнетущее впечатлѣніе на непри-вычнаго путника. О плоскихъ крышахъ мы упоминали. Крытые базары здѣсь встрѣчаются не только короткими участками, а занимаютъ въ срединѣ города цѣлыя квадратныя версты, а по высотѣ и прочности перекрытій, мѣстами сводчатыхъ, представляютъ сооруженія незаурядныя. Содержимое этихъ базаровъ является также во многихъ отношеніяхъ типическимъ для всей Средней Азіи: шелковые ряды отличаются единственнымъ въ своемъ родѣ разнообразіемъ и качествомъ издѣлій. Въ мѣдныхъ рядахъ можно найти много оригинальныхъ и красивыхъ вещей и для европейца, а оглушающій стукъ и звонъ отъ работы, производящейся тутъ же, вполне соответствуетъ громкой славѣ мастеровъ. Халатнымъ рядамъ, напротивъ того, свойственна всегдашняя тишина, спокойствіе и даже торжественность; къ этому приводитъ, можетъ быть, уже одинъ видъ халатовъ, надѣваемыхъ самыми высшими сановниками ханства; потребность въ такихъ халатахъ, различныхъ на десятки чиновъ и ранговъ, имѣющаяся только въ городѣ Бухарѣ, дѣлаетъ эти ряды не похожими на однородные во всякомъ другомъ мѣстѣ. Ряды сладостей и лакомствъ мѣстнаго производства удивляютъ своей величиной и количествомъ; невольно думается, кто съѣстъ всю эту гадость, состоящую преимущественно изъ сахара и сала, ибо она требуетъ частаго обновленія, чтобы не испортиться!? Въ оружейныхъ и ножевыхъ рядахъ большое разнообразіе и смѣшеніе старыхъ и новыхъ издѣлій, между которыми много нашель бы интереснаго для себя археологъ и коллекторъ. А мѣнялы-сарафы съ цѣлыми горками мелкаго серебра, сидящія съ поджатыми ногами на кошмахъ подъ сводами Чарсу, на распутіи среди базара: они составляютъ особый институтъ, вполне организованный, нѣчто въ родѣ европейскихъ биржъ, устанавливають ежедневный курсъ и проч. А чайные ряды у Ляби-хауза, мануфактурные и проч.— всего не перечестъ...

Такого количества бѣлыхъ чалмъ въ толпѣ на улицѣ и на базарахъ нельзя увидѣть ни въ одномъ городѣ восточнаго и западнаго Туркестана, какъ въ г. Бухарѣ; провѣрить это впечатлѣніе легко, взглянувъ на любую изъ фотографій, снимаемыхъ въ большомъ ко-

личествѣ за послѣднее время и привлекающихъ въ поле зрѣнія толпу зѣвакъ.

Мастерскія разныя, какъ и въ другихъ городахъ Средней Азiи, всѣ выходятъ на улицу, въ томъ числѣ и мельницы съ лошадиными приводами (которыхъ очень много въ г. Бухарѣ), маслوبيни, чайханэ, ашъ-ханэ (кухмистерскія) и проч. Уличная жизнь на базарахъ и около нихъ, вслѣдствіе большаго скопленія народа, отличается какъ будто еще бѣльшимъ шумомъ и напряженностью, чѣмъ въ другихъ городахъ, и тѣмъ бѣльшій и разительный контрастъ представляетъ совершенная пустота улицъ и прекращеніе всякой жизни и дѣятельности на нихъ послѣ «намазъ-шамъ» (съ наступленіемъ темноты), тогда запираются городскія ворота; а послѣ «намазъ-куфтанъ», т. е. примѣрно въ 9 часовъ, въ городѣ уже всѣ должны спать: закрыты лавки и двери, темнота и тишина, нарушаемая мѣрными ударами уличныхъ сторожей въ бубны особаго рода.

Всякій, подѣзжающій къ г. Бухарѣ, въ первый разъ замѣтитъ еще издалека одну странность: всѣ купола, высокіе передніе шиты мечетей, верхушки минаретовъ, однимъ словомъ, всѣ высокія точки города увѣнчаны довольно однообразно чѣмъ-то сѣрымъ и безформеннымъ, въ родѣ гигантскихъ лепешекъ. Это аистовы гнѣзда. Намъ нигдѣ не приходилось видѣть ни такихъ размѣровъ, ни такого количества этихъ гнѣздъ, какъ тѣ, что висятъ надъ священной Бухарой. На голубомъ куполѣ главнѣйшей мечети города, «Масджиди-Келянъ», ихъ цѣлая колонія съ уступами отъ вершинъ свода, занимающая площадь, вѣроятно, съ добрый десятокъ квадратныхъ сажень. Причину такого явленія мы склонны видѣть въ томъ, что едва ли есть на свѣтѣ мѣсто, гдѣ бы гнѣзда этой благородной птицы были въ такой безопасности, какъ въ г. Бухарѣ; во-первыхъ, вѣроятно уже столѣтія прошли, что ни купола эти, ни минареты не ремонтировались; то-ли некому теперь за это взяться, то-ли аистовъ не хотятъ потревожить, а то, можетъ быть, никто изъ теперешнихъ мастеровъ и архитекторовъ бухарскихъ не знаетъ, какъ и попасть то на эти купола... и во-вторыхъ, въ обезпеченіе внутреннихъ жилыхъ дворовъ отъ нескромнаго взора сверху, въ Бухарѣ строжайше запрещается подыматься кому бы то ни было надъ крышами жилыхъ домовъ, и послѣдовательность бухарцевъ въ этомъ отношеніи по истинѣ замѣчательна; есть въ г. Бухарѣ нѣсколько высокіхъ минаретовъ, построенныхъ въ свое время, разумѣется, для того, чтобы съ высоты ихъ призывать правовѣрныхъ къ молитвѣ; однако, теперь

азанчи ⁽¹⁾ поднимаются только на ближайшую къ своей мечети невысокую крышу и оттуда вытягиваютъ только свои шеи, чтобы дальше слышенъ былъ ихъ призывъ; минареты же, какъ и многое другое въ Бухарѣ, стоятъ лишь нѣмыми свидѣтелями лучшаго прошедшаго. Такое ревнивое охраненіе надкрышнаго, такъ сказать, пространства, разумѣется, на руку умнымъ аистамъ, такъ какъ къ ихъ гнѣздамъ и близко никто не смѣетъ подойти.

Къ типическимъ особенностямъ города нужно отнести также большое количество мадраса и мечетей, отличающихся монументальнымъ характеромъ. Онѣ не составляютъ принадлежности какой нибудь одной части, а разбросаны по всему городу и почти всѣ болѣе или менѣе старинной постройки. Только двѣ, три изъ нихъ принадлежатъ нынѣшнему столѣтію, таково, напримѣръ, мадраса Рашидъ, имѣющее очень исправный по внѣшности видъ. Большинство же видимо клонится къ упаду, какъ и въ г. Самаркандѣ, будучи оставляемо безъ капитальной поддержки. Можно еще замѣтить, что грандіознѣйшія и важнѣйшія сооруженія въ г. Бухарѣ, какъ, напримѣръ, Мечеть-и-Келянъ ⁽²⁾ и Катта-Минарь, въ противоположность древнимъ самаркандскимъ постройкамъ, не отличаются такой красотой отдѣлки и блестящей орнаментацией, но построены несравненно прочнѣе и съ большимъ знаніемъ строительнаго дѣла; громадный куполь мечети Келянъ, несмотря на неблагоприятныя условія содержанія, до сихъ поръ совершенно цѣль, а башня Катта-Минарь въ много разъ большая, чѣмъ самаркандскіе минареты (сильно наклонившіеся), строго сохранила свое вертикальное положеніе и совершенно исправный внѣшній видъ. Въ свое время мадраса бухарскія были хорошо одарены вакуфами, но теперь доходовъ ихъ едва хватаетъ для нищенскаго содержанія учениковъ. При каждой мечети и мадраса, какъ и всюду, есть прудъ—необходимая принадлежность мѣста молитвы мусульманина. Всѣ эти мечети и мадраса, хотя и возведены исключительно изъ обожженнаго кирпича и имѣютъ много сводчатыхъ помѣщеній, и, несмотря на свои иногда громадные размѣры и оригинальность замысла, въ общемъ, какъ постройки, довольно плохи, но тамъ, говорятъ, обращается по рукамъ много книгъ прекрасныхъ, а въ этихъ книгахъ много «учености» въ классическомъ духѣ, много интересныхъ и «правдивыхъ» сказаній о блестящемъ, почти сказачномъ прошедшемъ страны и города...

(1) Призывающіе къ молитвѣ; то же, что мурзаны.

(2) Келянъ въ буквальномъ переводѣ значитъ большой или главный.

По наружной отделкѣ и количеству изразцовъ заслуживаютъ большаго передъ другими вниманія мадраса: Абдулла-ханъ и Мадара-ханъ, расположенныя другъ противъ друга, и Заргаранъ; по величинѣ и славѣ пользуются извѣстностью: мадраса Миръ-арабъ ⁽¹⁾, Кугальдашъ и друг. Есть еще хорошее мадраса, построенное на средства (40,000 руб.), подаренныя въ концѣ прошлаго столѣтія императрицей Екатериной II, извѣстное подъ названіе Мадраса-и-Назаръ-Ильчи по имени лица, правившаго посольство.

Говоря о постройкахъ, нельзя умолчать о караванъ-сараяхъ и «Чарсу», ими къ тому же еще характеризуется упомянутая типичность города Бухары. Караванъ-сарай представляютъ по характеру своему учрежденіе, имѣющее, вѣроятно, очень большое, если неполное, сходство съ московскими подворьями недавняго прошлаго, до желѣзнодорожнаго періода; идея-то, несомнѣнно, одна и та же. Занимаютъ они постройками обыкновенно большую площадь съ единственными воротами, съ дворомъ по срединѣ, нагромождены по периметру въ нѣсколько этажей и имѣютъ массу разнообразныхъ помѣщеній. Нижніе, одинъ или два этажа построены, обыкновенно, изъ обожженнаго кирпича со сводами и въ общемъ представляютъ сооруженія весьма удовлетворительныя, даже лучше, чѣмъ большинство такихъ же помѣщеній мадраса ⁽²⁾. Такъ какъ большіе караванъ-сарай расположены преимущественно среди базаровъ и не всегда имѣютъ по сосѣдству жилия помѣщенія, то на крышахъ ихъ можно часто замѣтить еще шалаши, палатки и открыто стоящія кровати, куда жильцы являються только къ вечеру съ закатомъ солнца, а съ восходомъ отъ лучей его бѣгутъ опять внизъ.

Караванъ-сараявъ (большихъ) въ городѣ Бухарѣ около 20-ти. Большинство изъ нихъ очень специализировано по своему назначенію, а именно: тутъ есть хивинскій караванъ-сарай для каравановъ и приѣзжихъ изъ Хивы и обратно; тамъ всегда у воротъ и во дворѣ можно увидѣть много большихъ бараньихъ шапокъ и красноватыхъ въ мелкія полоски халатовъ, характеризующихъ внѣшность хивинца. Есть Гинду-сарай, гдѣ живутъ исключительно индѣйцы — не мусульмане; Ногай-сарай для татаръ; Пахта-сарай для хлопка и проч.

(1) Названа по имени жертвователя, богача въ г. Бухарѣ, но частнаго человека; построена, кажется, въ прошломъ столѣтіи.

(2) Общее замѣчаніе, относящееся до всѣхъ кирпичныхъ сооружений, заключается въ томъ, что сложены они не на извести: для большинства растворомъ служилъ мѣстный нечистый алебастръ съ примѣсью песка и глины.

«Чарсу» (1) представляет собой группу сводовъ, лежащую на нѣсколькихъ большихъ столбахъ или пилонахъ и всегда расположенную на перекресткѣ, или раздорожіи. Такихъ сооружений въ городѣ, кажется, только четыре, кои и показаны на планѣ. По разрѣзкѣ своды могутъ быть названы полными парусными; средняя же часть группы сводовъ, такъ называемая «скуфья», оканчивается всегда на верху небольшимъ барабаномъ, служащимъ и фонаремъ и отдушиной. Промежутки между наружными столбами забраны стѣнками и образуютъ ниши, въ которыхъ, а равно кругомъ внутреннихъ столбовъ, устроены различныя лавки, производится открытая торговля, сидятъ мѣнялы и проч. Все это составляетъ очень пеструю картину, а съ крытыми коридорами (улицами) лавокъ, уходящими вдаль, во всѣ стороны, и наполненными шумящимъ и волнующимся народомъ, при умѣренномъ освѣщеніи сверху, Чарсу производить очень оригинальное и неизгладимое впечатлѣніе.

Непривычнаго посѣтителя города Бухары могутъ еще иногда поразить странные, скрипучіе, трубные звуки, раздающіеся вдругъ на высотѣ крыши безъ всякой видимой причины и послѣдствій. Это своеобразное объявленіе о томъ, что баня сейчасъ истоплена и приглашаетъ посѣтителей. Но самыя бани бухарскія столь плохи, а иногда и отвратительны, что не стоятъ описанія; какъ постройки, они тоже ниже всякой критики, а потому часто портятся, что также объявляется упомянутыми трубными звуками, но на этотъ разъ въ нѣсколько рожковъ или пицалокъ, создающихъ такую ужасную какофонію, что и безъ объясненія можно догадаться, что случилось глѣ-то, что-то неладное, хоть и неважное.

Выше мы сказали, что всѣ безъ исключенія бугры и курганы, какъ въ городѣ, такъ и окрестные, ближайшіе къ нему, заняты кладбищами, но этого мало: cadaго, кто внимательно осматривалъ городъ Бухару и заглядывалъ въ открытыя иногда двери и ворота наружныхъ дворовъ, поражаетъ необыкновенно большое количество кладбищъ въ городѣ и, кромѣ того, отдѣльныхъ могилъ во дворахъ. Прежде, когда-то, говорятъ, фамильная усыпальница почтеннаго рода всегда находилась во дворѣ собственнаго дома; но накопленіе этихъ домашнихъ кладбищъ принудило, наконецъ, правительство запретить хоронить кого бы то ни было въ чертѣ города; съ того времени всѣ городскія кладбища заглохли и прекратили свою

(1) Чарсу — персидское слово, въ буквальномъ переводѣ значить четыре стороны.

дѣятельность (1). Но домовыя могилы и безъ новыхъ покойниковъ служили иногда предметомъ нѣкоторой заботливости добрыхъ родственниковъ, а затѣмъ иныя изъ нихъ понемногу съ того времени украсились и «туками» (2), чѣмъ еще больше увеличили святость самаго города, вмѣщающаго въ нѣдрахъ своихъ столько праведниковъ. Если около такой могилы, по счастливому ея положенію, циркулируетъ толпа, то являются постепенно на ней рога барановъ и козловъ, безчисленныя тряпки на осѣняющихъ деревьяхъ, затѣмъ шейхъ, поборы и проч... все, «какъ слѣдуетъ по шаріату».

Есть еще, помнится, въ Бухарѣ гдѣ-то цѣлебный ключъ, или вода; вѣроятно есть еще священный камень и проч. Но ни монументовъ, ни памятниковъ, ни чудотворныхъ изображеній никакихъ не имѣется; они не въ духѣ чистаго мусульманства Средней Азіи.

До сихъ поръ мы описывали такія черты города Бухары, которыя въ большей или меньшей степени могутъ быть свойственны городамъ Туркестана, находящимся подъ непосредственной русской властью и управленіемъ. Только краткое описаніе кремля, упоминаніе о бухарской монетѣ и ея курсѣ, о бухарскихъ чинахъ и рангахъ и о порядкахъ при городскихъ воротахъ несомнѣстимы съ понятіемъ о русской власти.

Намъ слѣдуетъ перейти теперь къ описанію главной особенности города Бухары, зависящей отъ того, что ею править своя высшая, мусульманская власть—эмиръ, «повелитель правовѣрныхъ», а закономъ служить «шаріатъ». Это обстоятельство въ общемъ, пожалуй, мало измѣняетъ знакомый намъ внѣшній видъ туземной городской жизни, но придаетъ всему особую краску и отпечатокъ, совершенно незнакомые тому, кто не наблюдалъ и не испыталъ этого лично.

Въ этой части описанія мы коснемся нѣкоторыхъ духовныхъ сторонъ теперешней жизни бухарскаго народа; съ краткой характеристикой въ этомъ направленіи и начинаемъ.

Въ бухарскомъ *кремль* отъ прежняго могущества и величія остался лишь титулованный эмиръ—обломокъ бывшей блестящей оболочки, а съ нимъ и за нимъ десятки чиновъ и ранговъ, столько же званій и должностей (3), парчевые халаты, дворцовый этикетъ и проч.

(1) Покойный эмиръ Музаффаръ-Эддинъ похороненъ, однако, какъ и его предки, внутри города на кладбищѣ, почти примыкающемъ къ Ильчи-ханѣ съ юго-востока.

(2) Тукъ—пестъ съ хвостомъ (лошадинымъ), воздвужаемый надъ могилами святыхъ и праведниковъ, мусульманъ.

(3) Интересующійся табелью о бухарскихъ рангахъ найдетъ много свѣдѣній у Н. Ханыкова, въ «Описаніи Бухарскаго ханства». Мы съ своей стороны могли бы сообщить весьма мало сверхъ того, а потому не повторяемъ этихъ данныхъ.

Въ бухарскомъ *народѣ* отъ того же прошедшаго остались до-рогія преданія, которыя, то въ устныхъ разсказахъ, то въ книгахъ, бережно сохраняются и распространяются радѣтелями ислама и, естественно при этомъ, въ облагороженномъ и преувеличенномъ видѣ.

Мы выяснили уже въ историческомъ очеркѣ, какую счастливую почву для своего развитія и, такъ сказать, усовершенствованія нашелъ исламъ въ Средней Азіи, особенно за послѣдніе три вѣка, свободные отъ нашествія. Мы видѣли, съ какимъ необыкновеннымъ увлеченіемъ и искренностью изучались и рѣшались здѣсь всѣ вопросы моральнаго разряда, можно сказать даже, что они здѣсь уже рѣшены всѣ съ возможной полнотой и окончательно. На всѣ вопросы житейскіе и нравственные имѣются готовые отвѣты; пытливость не возбуждается; внѣшнія всѣ детали, какъ государственной и дворцовой жизни, такъ и частной, разработаны до мельчайшихъ подробностей. Результаты всей этой работы, несмущаемой и нетревожимой внѣшними вліяніями въ продолженіи многихъ лѣтъ, проникли глубоко въ сознаніе всего населенія, какъ правящагося, такъ и управляемаго, вошла въ плоть и кровь его и составляютъ ту своеобразную его культуру, съ которой постоянно нужно считаться, какъ съ силой, которой многіе и во многомъ невольно подчиняются и которой могутъ не замѣтить только тѣ поверхностные наблюдатели, которые бухарскаго, ходжентскаго или кокандскаго земледѣльца, заурядъ со всѣми, называютъ «дикими азіатами». Правящіе классы, безъ сомнѣнія, подавлены сознаниемъ нашей силы, поражены во многихъ отношеніяхъ нашими знаніями и умѣніями; это для нихъ большею частью новые вопросы, но и только: нравственнаго превосходства нашего они въ душѣ не признаютъ, ибо не чувствуютъ.

Безъ сомнѣнія, всякая напыщенная внѣшность, если она не соотвѣтствуетъ содержанію, смѣшна, но въ данномъ случаѣ нужно помнить, что сознаніе этого несоотвѣтствія проникло въ весьма еще немногія головы бухарскихъ «сановниковъ». Смѣшенъ по этому важный видъ большинства ихъ, привѣтствія, банальныя фразы о здоровьи и проч., но этого уже никакъ нельзя сказать о необыкновенной выдержкѣ и самообладаніи этихъ самыхъ сановниковъ, о ихъ своеобразномъ воспитаніи, если они захотятъ, или если должны быть вѣжливыми. Серьезность и искренность участниковъ всѣхъ церемоній и вліяніе этой обстановки настолько сильно, что всякій официальный «гость», попавшій въ нее съ переѣзда границы за Катта-Курганомъ, терялъ какъ-то свою самостоятельность и

инициативу и безпрекословно подчинялся установившемуся ритуалу. Чѣмъ ближе дѣло подходитъ къ городу Бухарѣ и къ представленію самому эмиру, тѣмъ увеличивается серьезность на лицахъ и въ дѣйствіяхъ гг. чиновниковъ и сановниковъ тѣмъ невольнo напряженнѣе становится отношеніе къ окружающему и вниманіе самаго гостя; во дворцѣ разговоры ведутся уже шопотомъ; наконецъ, на пути торжественнаго слѣдованія отъ послѣдней остановки, уже почти предъ лицомъ самаго Джанаби-али два «удайчи» (сановника) подхватываютъ неуспѣвающаго опомниться «гостя» подъ руки, увлекаютъ его по коврамъ въ быстро открывающіяся двери предъ лицо его высокостепенства и тутъ произносятъ цвѣтистое и льстивое привѣтствіе отъ имени представляющагося... По этикету такъ и полагается, что «гость» ошеломленъ и не можетъ слова вымолвить. Потомъ, нѣсколько времени спустя, многое изъ того, что приходилось продѣлать, представлялось смѣшнымъ, а кое-что, можетъ быть, и обиднымъ для самолюбія и нравственнаго чувства, но, странное дѣло, по этой скользкой колеѣ катились одинаково безъ запинки люди, завѣдомо самостоятельные и непосредственные.

Постепенно весь этотъ этикетъ и дикіе на нашъ взглядъ порядки упрощались: не стали удайчи подхватывать гостей подъ руки, перестали сами гости черезъ всѣ залы и дворы пятиться задомъ, перестали, наконецъ, получать и пресловутые «халаты» и проч., но для этого требовалось много времени и нравственныхъ усилій массы слѣдующихъ одинъ за другимъ русскихъ представителей, требовалось постепенно отвоевывать разныя уступки; отдѣльно же никому изъ нихъ при всемъ добромъ желаніи и энергіи пожалуй не удалось бы достигнуть этого сразу; а насилія не допускалось.

Встрѣчаются, хотя и рѣдко, мнѣнія, что бухарцы относятся дружественно къ намъ русскимъ, очень преданы, или ждутъ замѣны своего правительства русскою властью и т. п. Такого рода сужденія совершенно ошибочны. О настроеніи ихъ въ отношеніи насъ можетъ дать понятіе слѣдующее примѣрное описаніе той обстановки на улицахъ города, въ которой приходилось, безъ сомнѣнія и безъ исключенія, бывать много разъ «гостямъ» эмира. Мы будемъ имѣть въ виду лишь почетныхъ гостей, т. е. лицъ, офиціально командированныхъ русскими властями въ городъ Бухару, которые находились въ привилегированномъ положеніи, которыхъ постоянно сопровождали и охраняли отъ всякой непріятности особо приставленные чиновники и проч.

Вотъ, впереди ѣдетъ верхомъ какой нибудь джевачи или чуга-

расы (въ важныхъ случаяхъ ихъ нѣсколько и чины выше), расчищаетъ словомъ и дѣломъ (пагайкой) дорогу и заботится, чтобы ничто не остановило кортежа почетнаго «гостя». Въ нѣсколькихъ саженьяхъ за этимъ провожатымъ слѣдуетъ самъ «гость» съ переводчикомъ и ассистентами, если есть, а за ними свита сановниковъ, назначенная по этикету эмиромъ. Въ концѣ ѣдетъ казачій конвой и джигиты. Такая «тамаша» (1) случается на улицѣ не каждый день, а потому обращаетъ на себя вниманіе всего люда, встрѣчаемаго или сидящаго въ лавкахъ и мастерскихъ по сторонамъ. При этомъ на каждомъ шагу повторяется одна и та же сцена: съ приближеніемъ передняго провожатаго всѣ встаютъ съ мѣста (онъ вѣдь чиновникъ), или останавливаются и привѣтствуютъ его съ обычными поклонами и «селямъ-алейкумъ», съ приближеніемъ «почетнаго гостя» всѣ также согласно садятся или принимаютъ самыя непочтительныя позы; но, какъ только проѣхали мимо «урусы» и стали приближаться халатные сановники, такъ мгновенно преобразуются и позы и выраженія лицъ и вновь громко сыпятся привѣтствія. Сановники, съ высоты своихъ коней, разумѣется, не обращаютъ никакого вниманія на толпу и ея привѣтствія, можетъ быть, для вящаго поддержанія своей важности и достоинства. Русскіе всякихъ служебныхъ положеній, напротивъ, охотно отвѣчаютъ на поклоны рѣдкихъ и случайныхъ встрѣчныхъ туземцевъ русскаго подданства и лично извѣстныхъ; только упоминаемые раньше бухарскіе евреи рѣшаются иногда кланяться намъ на базарѣ, не будучи даже знакомыми. Привѣтливое отношеніе русскихъ, обставленныхъ иной разъ даже весьма пышно, не служитъ соблазномъ для этой толпы: она явно жаждетъ вниманія своихъ, самыхъ мелкихъ представителей власти и высказываетъ столь же явно и наглядно свое неуваженіе и, можно сказать, презрѣніе къ русскимъ «гостямъ эмира». Можно быть увѣреннымъ, что такой ретивости, явнаго пренебреженія—отъ толпы никто не требуетъ: она (ретивость) часто доставляетъ даже большія хлопоты и непріятности властямъ, если перейдетъ границы терпѣнія и списхожденія русскаго гостя. Описанныя сцены повторяются такъ постоянно и повсемѣстно, что не оставляютъ сомнѣній для правильнаго ихъ толкованія. Можемъ еще прибавить, что частнымъ лицамъ, попадавшимъ еще очень недавно въ городъ Бухару и не пользовавшимся болѣе или менѣе внушительной охраной туземныхъ властей, часто приходилось переживать

(1) Тамаша—развлеченіе, врѣлище, гуляніе и т. п.

на улицахъ Бухары весьма тяжелыя минуты, не говоря о такихъ пустякахъ, какъ комки грязи съ крышъ, ругань мальчишекъ, плевки на голову и въ экипажъ и т. п.

Нынешнее положеніе, разумѣется, представляетъ уже большой успѣхъ по сравненію съ тѣмъ, что было 10 лѣтъ тому назадъ; тогда, смѣшно сказать, русскій не рѣшался показываться на улицѣ безъ особыхъ предосторожностей или официальныхъ провожатыхъ, а дамы должны были надѣвать «паранчи» на голову (женскій халатъ верхній) и волосяную сѣтку на лицо.

Въ pendant къ сказанному опишемъ еще сцену изъ уличной жизни города Бухары. На смиренной и кровной лошади ѣдетъ верхомъ ветхій старецъ почтеннаго вида съ большой бѣлой чалмой на головѣ; онъ придерживается за луку сѣдла, а лошадь, покрытую яркой, расшитой попоной, ведетъ подъ узцы молодой конюхъ; впереди, въ нѣсколькихъ шагахъ идетъ другой провожатый, который держать въ рукахъ близко передъ собою наискосокъ (отъ праваго плеча къ лѣвому бедру) трость, длиною 1½—2 аршина. Люди идутъ пѣшкомъ очень быстро, но передній провожатый ни разу не требовалъ очищенія дороги, а тѣмъ болѣе не употреблялъ въ дѣло своей палки (да она и не для этого, видимо, у него): толпа быстро разступается по сторонамъ, даже базарный шумъ съ приближеніемъ этой молчаливой группы затихаетъ и отовсюду слышатся негромкія, почтительныя привѣтствія. Старикъ непрерывно отвѣчаетъ поклонами по обѣ стороны. Вся сцена имѣетъ, если можно такъ выразиться, домашній характеръ, совсѣмъ другой, чѣмъ тотъ, что мы описали выше, и здѣсь ужъ въ искренности этой толпы нельзя сомнѣваться. На вопросъ, кто этотъ старецъ, говорятъ, что это бывшій казіи и очень «умный» человѣкъ.

Намъ пришлось, между прочимъ, прочесть одинъ официальный документъ, начинающійся словами: «Высокое судилище могущественной и благородной Бухары»... такъ титуруется собраніе казіевъ и для нихъ самихъ это не кажется комичнымъ, не говоря уже о тѣхъ многихъ единицахъ изъ народа, въ руки которыхъ попадаютъ подобные документы.

На базарѣ случилось встрѣтить такое шествіе: на носилкахъ дюжіе молодцы несутъ неподвижно лежащаго человѣка, покрытаго иногда съ головой плохенькимъ простымъ халатомъ, а впереди идетъ глашатай, бьетъ въ бубенъ и громко выкрикиваетъ, сколько паялокъ получилъ полуживой несомый и за какое именно преступленіе, дабы и другимъ повадно не было.

Для прелюбодѣевъ въ недавнее время, говорятъ, почти специально служила башня «Катта-Минаръ», рельефно возвышающаяся надъ всею Бухарой, съ верхняго яруса которой, изъ окна, выбрасывали преступниковъ на небольшую твердую площадку между мадраса Миръ-арабъ и мечетью Келянъ. По рассказамъ, осужденнаго предварительно завязывали въ мѣшокъ, клали его на особую доску и затѣмъ съ размаха выдвигали за окно, такъ что эта безформенная масса падала далеко отъ основанія башни, чуть-ли не на середину площадки, отскакивала, говорятъ, еще аршина на два отъ земли и затѣмъ оставалась на мѣстѣ до ночи къ ужасу всегда толпящагося здѣсь народа и сотенъ воспитанниковъ сосѣдняго мадраса. Къ этой казни за послѣднія нѣсколько лѣтъ не прибѣгали, и въ то время, о которомъ мы говоримъ, т. е. въ 1886—1888 годахъ, прелюбодѣевъ, кажется, просто рѣзали на Ригистанѣ⁽¹⁾. Намъ, по крайней мѣрѣ, пришлось видѣть тамъ большую лужу свѣжей крови и получить объясненіе, что въ тотъ день утромъ именно казнили посредствомъ перерѣзанія горла двухъ или трехъ прелюбодѣевъ. Послѣ этого казненныхъ, говорятъ, всегда подвѣшиваютъ тутъ же на висѣлицу.

Что касается до выше выраженнаго сомнѣнія нашего относительно «смягченія нравовъ», то это можно подтвердить упоминаніемъ о той жестокой пыткѣ, которой подвергся въ мартѣ мѣсяцѣ 1888 г. убійца одного изъ высшихъ сановниковъ ханства, Мухамедъ-Шерифа-диванъ-беги. Эмиръ, говорятъ, былъ очень огорченъ смертью своего любимца и наперсника, а потому придумалъ такое рѣшеніе: отдать убійцу для наказанія въ полное распоряженіе и усмотрѣніе ближайшихъ подчиненныхъ, слугъ и домочадцевъ покойнаго сановника. Расчетъ оказался вѣрнымъ: тутъ и ноздри рвали, и глаза выкалывали, и ремни изъ кожи вырѣзывали, и подпаливали, и всю «подноготную» проходили, и долго это продолжалось...; наконецъ, привязали его за ноги къ хвосту ишака и выволокли по улицамъ города за ворота, гдѣ бросили вмѣстѣ съ падалью на съденіе бродячимъ собакамъ. Есть тутъ и доля оправданія такому невѣроятному ожесточенію со смертію могущественнаго патрона прекращалось не только ихъ привилегированное положеніе, но, вѣроятно, и средства къ жизни. Въ этомъ эпизодѣ заслуживаетъ вниманіе то обстоятельство, что всѣ эти участвовавшіе въ истязаніяхъ, осквернившіе, казалось, себя добровольнымъ испол-

(1) Площадь передъ кремлемъ.

неніемъ презрѣнныхъ обязанностей заплечныхъ мастеровъ, на слѣдующій же день вращались въ кругу своихъ сослуживцевъ, знакомыхъ и проч. и всѣми были принимаемы совершенно такъ, какъ и раньше, какъ будто ничего дурнаго они не сдѣлали.

Опишемъ еще одну картинку изъ официальной жизни г. Бухары, какихъ скоро, можетъ быть, не придется уже увидѣть. Яркій лѣтній день; весь Ригистанъ занятъ ларями, торговцами и всякимъ народомъ, дѣловымъ и празднымъ; только апарель, ведущая въ аркъ (кремль), остается свободной и видна всѣмъ, какъ на ладони; у воротъ, открытыхъ настежь, толпится нѣсколько мирзъ и яркихъ чиновныхъ халатовъ. Вотъ изъ темной глубины коридора изъ-за воротъ выступаетъ горделивая фигура въ новомъ, не смятомъ еще и блестящемъ халатѣ; за нимъ небольшая свита, тоже сіяющая халатами, пожалованными самимъ Джанаби-али (эмиромъ); на головѣ счастливца въ складкахъ бѣлаго тюбана развѣвается узкій лоскутокъ бумаги—доказательство высшаго назначенія или чина, съ печатью эмира же. Онъ важно и медленно, на виду всей площади, спускается пѣшкомъ по апарели ⁽¹⁾, внизу садится верхомъ, принимаетъ поздравленія и со своими приспѣшниками или свитой отъѣзжаетъ прочь, сопровождаемый и по улицамъ соответствующими замѣчаніями и негромкими разговорами о послѣдней политической новости, въ которой онъ является дѣйствующимъ лицомъ. Упомянутая бумажка въ тюбанѣ носится въ продолженіе нѣсколькихъ дней, дабы всѣ знали и видѣли, что и замѣняетъ собой приказы, объявленія и т. п.

Прежде военная служба въ Бухарскомъ ханствѣ составляла удѣлъ высшаго сословія, «господствующей расы» по преимуществу ⁽²⁾; она была дѣломъ чести и патриотизма и никакого «присвоеннаго отъ казны» содержанія не полагалось. Жили же эти воины-галябатыри, хасабардары, наукары и проч. или на счетъ эмира, жаловавшаго по усмотрѣнію, или на счетъ добычи, приобретаемой на войнѣ, или, наконецъ, на свой собственный счетъ, если были средства. Эти послѣднія добывались, впрочемъ, большею частью тоже на войнѣ или поборами съ управляемаго подвластнаго народа (низшей расы)—земледѣльцевъ и торговцевъ. Но такъ какъ въ мирное время никто, изъ власть имѣющихъ, ратнымъ дѣломъ не зани-

⁽¹⁾ На эту апарель не вѣзжали верхомъ до послѣдняго времени почти всѣ даже самые почтенные русскіе «гости» эмира. Говоримъ «почти всѣ», потому что намъ извѣстно исключеніе.

⁽²⁾ Всѣ эти воины, храня завѣтъ славныхъ предковъ, всегда были ковыми

мался и не имѣлъ о немъ надлежащаго по времени понятія, то естественно, что эта *толпа отдѣльныхъ воиновъ* оказалась несостоятельной при первомъ серьезномъ столкновеніи съ нашимъ *войскомъ*. Но не они въ этомъ виноваты. Едва ли кто изъ бухарцевъ понимаетъ истинное положеніе дѣла, но за политическія несчастія, постигшія отечество, никогда и никто въ Бухарѣ не упрекнетъ свое военное сословіе; на нихъ не лежитъ ни пятна пренебреженія, презрѣнія и т. п.; даже, напротивъ: несмотря на то, что большая часть изъ нихъ уже обнищала, они все еще стараются поддерживать свое достоинство, берегутъ хорошихъ лошадей, оружіе, не поддаются иной разъ свосволю эмировыхъ чиновниковъ, часто составляютъ глухую оппозицію распоряженіямъ даже самаго эмира и проч., и по всему этому служатъ въ глазахъ народа скорѣе образцомъ для подражанія или предметомъ сочувствія, чѣмъ пренебреженія. Мы тутъ должны оговориться, что это не значитъ еще, что народъ ихъ любитъ, такъ какъ это суть естественные его грабители, недопускаемые лишь эмиромъ къ этому и замѣненные болѣе покладистыми выскочками, отпущенными на волю недавними рабами, выходцами изъ сосѣднихъ странъ и проч. Когда вообще говорятъ и пишутъ о войскахъ бухарскихъ, то объ этихъ естественныхъ войнахъ обыкновенно не упоминаютъ, или относятъ ихъ къ прошедшему, что, кстати сказать, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ правильно. Обыкновенно же говорится, что у Бухарскаго эмира имѣется постоянное войско или «армія», численностью въ 10,000—15,000 человекъ, такъ называемыхъ, сарбазовъ. Войска эти наемныя, получаютъ опредѣленное содержаніе отъ эмира (нижніе чины по нѣскольکو рублей въ мѣсяцъ), обучаются кое какимъ воинскимъ артикуламъ на гладкомъ учебномъ плацу съ палками у «эсауловъ» вмѣсто учебныхъ пособій и являются какъ по составу, такъ и по своему внѣшнему виду учрежденіемъ смѣхотворнымъ для всякаго посторонняго наблюдателя. Набираются они изъ лицъ, неимѣющихъ опредѣленныхъ занятій, бездомныхъ бобылей, бѣглецовъ, отпущенныхъ рабовъ и вообще отбросовъ населенія (¹). Есть между ними правда и семейные, т. е. не бросившіе своей семьи, но живутъ они въ особыхъ поселеніяхъ въ окрестностяхъ города Бухары, носящихъ по этому и названіе «Сарбазъ-ханэ». Оттуда они каждый день (пять или шесть разъ въ недѣлю) ходятъ или ѣздятъ на ишакахъ на ученье на плацъ къ сѣверу отъ Самаркандскихъ воротъ, гдѣ безъ толку и смыслу

(¹) Личная гвардія эмира носитъ названіе *кульбатча*, что должно быть переведено: рабы-дѣти, но не ребята.

утрамбовываютъ площадь своей комической «церемоніалкой». Стоитъ въ это время русскому гостю, обыкновенно носящему какую нибудь официальную «форму», появиться верхомъ на краю площади, какъ въ войскѣ происходитъ сильнѣйшій переполохъ: слышатся сигналы, усиленно работаютъ палки, выкрикиваются какія то командныя слова и наконецъ, «на карауль!», послѣ чего водворяется во фронтѣ нѣкоторое спокойствіе, а непривычный «гость» смущенъ оказаннымъ почетомъ. Но стоитъ лишь присмотрѣться къ этимъ комическимъ фигурамъ съ растопыренными ногами и раскрытыми ртами, съ поломанными и перевязанными тряпичей ружьями, иногда даже съ ложами и шомпалами вмѣсто ружей, чтобы смущеніе прошло: этотъ фронтъ ничего уваженія къ себѣ возбудить не можетъ.

Нѣтъ въ этомъ войскѣ офицеровъ, хотя есть офицерскіе мундиры съ разрозненными русскими эполетами; нѣтъ въ немъ военнаго воспитанія и дисциплины и нѣтъ никакихъ преданій, потому что учреждена эта пѣхота лишь около 25-ти лѣтъ тому назадъ отцомъ нынѣшняго эмира, когда тотъ испыталъ на себѣ удары нашихъ славныхъ туркестанскихъ баталіоновъ.

Покойный эмиръ завелъ пѣхоту въ подражаніе русскимъ, а нынѣшній часто любитъ ея «шагистикой» изъ окошечка, выходящаго на плацъ изъ его новаго лѣтняго дома за Самаркандскими воротами. Этимъ и ограничиваются пока занятія «военнымъ дѣломъ» людей, ничего не понимающихъ ни въ немъ самомъ, ни въ *historia rerum gestarum*.

Остается сказать нѣсколько словъ объ артилеріи бухарской. «Замбаракмызы», т. е. наши пушки, это гордость всякаго бухарца. Нужно видѣть, съ какимъ восторгомъ прислушивается населеніе къ гулу двухъ, трехъ выстрѣловъ, оповѣщающихъ, что на небѣ замѣчена (1), наконецъ, новая луна послѣ мѣсяца Рамазана и что насталь праздникъ Курбанъ-байрамъ. Артилеристы уважаются несравненно больше, чѣмъ пѣхотинцы, во-первыхъ, потому, что они не боятся такого происшествія, какъ выстрѣлъ изъ орудія и даже сами заряжаютъ орудіе и подпаливаютъ фитиль, а во-вторыхъ, пушки, это не новшество въ бухарскомъ военномъ дѣлѣ: предки добывали себѣ съ ними и славу и добычу и покоряли всѣхъ кяфировъ (или гяуровъ). Между двумя, тремя десятками пушекъ, лежащихъ на землѣ и на какихъ-то колесницахъ у воротъ кремля и внутри его, есть, говорить,

(1) Для этого требуется, кажется, удостовѣреніе двухъ надежныхъ и почтенныхъ муллъ, что своими, молъ, глазами замѣтили новую луну.

даже свидѣтельница и участница этого славнаго прошедшаго. Представляется поэтому судить о ихъ теперешней боевой пригодности...

Боевой стрѣльбѣ изъ орудій артиллеристы (какъ и пѣхота изъ ружей) не обучаются вовсе: едва ли между ними найдется нѣсколько стариковъ, которые въ дни молодости закладывали еще ядра и гранаты въ дула своихъ орудій. Употреблялись въ послѣднее время артиллеристы исключительно для перевозки почетныхъ гостей эмира и самаго его высокостепенства въ тарантасахъ, коляскахъ, каретахъ и другихъ. Возять они обыкновенно уносами или цугомъ: если экипажъ троечный, то первый уносъ въ одну лошадь въ оглобляхъ; на каждой лошади сидитъ верховой, такъ что на трехъ, на примѣръ, уносахъ по двѣ лошади сидитъ шесть фореиторовъ. Однако, стоитъ одинъ разъ проѣхать съ бухарскими артиллеристами въ деликатномъ ресорномъ экипажѣ по ужаснымъ дорогамъ ханства и по извилистымъ и узкимъ улицамъ благородной Бухары, стоитъ посмотрѣть со вниманіемъ, какъ они ловко умѣютъ преодолевать и обходить различныя препятствія и опасности, чтобы признать за ними безспорно высокую степень совершенства въ этомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, съ проведеніемъ желѣзной дороги вдоль главнаго направленія бывшаго движенія русскихъ въ Бухару и эта практика, достойная бухарскихъ артиллеристовъ, должна была значительно сократиться. Остается пока участокъ дороги въ 12 верстъ отъ желѣзнодорожной станціи «Бухара» до города и по улицамъ его.

Спрашивается затѣмъ, чѣмъ можетъ быть оправдано въ настоящее время существованіе этого 10,000 — 15,000-наго бухарскаго войска? Пользы оно (кромѣ развѣ артиллеристовъ) не можетъ принести никакой не только намъ, но и самому эмиру, ни въ случаѣ военныхъ дѣйствій, ни даже въ случаѣ возмущенія внутри ханства. Для обезпеченія его высокостепенства все равно потребуются наши войска. Для эмира содержаніе этого собственнаго постоянного войска есть, безъ сомнѣнія, вопросъ самолюбія, а не сознанія пользы или необходимости; или же нужно допустить, что онъ совершенно не понимаетъ своего положенія и не знаетъ своего войска.

Въ глазахъ всего населенія сарбазы какъ по виду своему, — въ пестрыхъ курткахъ и узкихъ штанахъ, — такъ въ особенности по сбродному составу, не пользуются никакими симпатіями; никто не боится и не уважаетъ этихъ «шотовъ гороховыхъ».

Нынѣшняя бухарская армія является еще бѣльшимъ анахронизмомъ, чѣмъ самая бухарская стѣна.

П. Пославскій.

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И ВОСПОМИНАНІЙ ГЕНЕРАЛЬ-ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА ГЕЛЬМУТА ФОНЬ-МОЛЬКЕ.

(«Gesammelte Schriften und Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Grafen Helmuth von Moltke. Dritter Band. Berlin 1891»).

Выпускъ собранія сочиненій графа Мольке съ III тома объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что томъ этотъ, содержащій въ себѣ описаніе войны 1870—1871 гг., оставленъ покойнымъ авторомъ въ совершенно готовомъ къ печати видѣ. Въ предисловіи ко всему сочиненію высказана мысль, что цѣлью предполагаемаго изданія было дать возможно полную характеристику фельдмаршала, на основаніи разнаго рода заявленій, на основаніи произведеній покойнаго, его писемъ, жизнеописанія, воспоминаній друзей; при этомъ, значеніе покойнаго, какъ военнаго дѣятеля, рѣшено положительно игнорировать, вслѣдствіе чего всѣ труды его спеціальнаго, а въ особенности служебнаго характера, въ собраніе не войдутъ.

Въ предисловіи къ появившемуся нынѣ III тому замѣтъкъ племянника покойнаго фельдмаршала читаемъ, что хотя графъ Мольке не признавалъ необходимости подѣлиться съ публикою своими воспоминаніями о войнѣ 1870—1871 гг., ссылаясь на то, что въ исторіи этой войны, составленной генеральнымъ штабомъ, находятся всѣ необходимыя свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе, въ виду слишкомъ спеціальнаго значенія и изложенія сочиненія генеральнаго штаба, онъ не отвергалъ пользы переработки этой исторіи, въ видѣ выдержекъ и въ болѣе доступной для большинства читателей формѣ. Приступивъ за симъ къ осуществленію этой мысли, намѣреніе покойнаго фельдмаршала, по заявленію флигель-адъютанта маіора фонь-Мольке, было дать сжатое описаніе войны, причемъ невольно и неиз-

Объясно событія оцѣнивались съ его точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія начальника генеральнаго штаба, такъ что и отдѣльные эпизоды распределены въ зависимости отъ той общей идеи, которая исходила и могла быть извѣстна только высшимъ руководящимъ сферамъ. Такимъ образомъ, говорится въ замѣткѣ, этотъ въ популярной формѣ, ради поученія народа, предпринятый трудъ представляетъ, во всей своей послѣдовательности, разборъ кампаніи самимъ генераль-фельдмаршаломъ.

Во вступленіи къ своему труду графъ Мольтке высказываетъ мысль, что миновали тѣ времена, когда незначительныя арміи солдатъ по профессіи выступали въ поле, ради династическихъ интересовъ, съ цѣлью завоевать городъ или кусокъ земли, а затѣмъ вернуться на зимнія квартиры или заключить миръ. Современныя войны призываютъ къ оружію весь народъ; почти нѣтъ семьи, которая оставалась бы при этомъ безучастною. Всѣ финансовыя средства государства приходятъ въ напряженіе и никакое время года не ставятъ преграды непрерывности военныхъ дѣйствій. Пока существуютъ отдѣльныя націи, до тѣхъ поръ будутъ возникать недоразумѣнія, разрѣшеніе которыхъ можетъ принадлежать только оружію; но въ интересахъ челоуѣчества слѣдуетъ надѣяться, что войны сдѣлаются на столько же рѣже, на сколько онѣ стали ужаснѣе.

Вообще, угрозою мира является уже не честолюбіе владѣтелей, а настроеніе народовъ, недовольство внутреннимъ состояніемъ, образъ дѣйствій политическихъ партій и въ особенности ихъ вожаковъ. Тяжелое по послѣдствіямъ рѣшеніе на войну легче можетъ быть принято правительственнымъ собраніемъ, гдѣ никто не несетъ полной ответственности, нежели отдѣльною личностью, какъ бы высоко она не была поставлена; чаще можно встрѣтить миролюбиваго главу государства, чѣмъ обладающее мудростью народное представительство! Величайшія войны новѣйшаго времени возгорались вопреки желаніямъ и намѣреніямъ правителей. Биржа пріобрѣла въ наши дни такое вліяніе, что ради своихъ интересовъ можетъ заставить вооруженную силу выступить въ поле. Появленіе европейскихъ армій въ Мексикѣ и Египтѣ вызвано было высшими финансовыми соображеніями. Въ настоящее время не въ томъ суть: обладаетъ ли государство средствами для веденія войны, а въ томъ — достаточно ли сильно его правительство, чтобы воспрепятствовать оной. Такъ, объединенная Германія пользовалась до сего времени своею силою лишь для сохраненія въ Европѣ мира, тогда какъ слабое правительство сосѣда представляетъ величайшую опасность въ

смыслъ его нарушенія. При подобныхъ же условіяхъ возникла и война 1870—1871 гг. Водворившемуся на престолѣ Франціи Наполеону необходимо было поддержать свои притязанія политическими и военными успѣхами.

Война, которую Франція преимущественно изъ-за финансовыхъ интересовъ вела по ту сторону океана, стоила ужасныхъ денегъ и поколебала внутренній строй арміи. Государство нисколько не было «*archiprêt*» для большой войны, тѣмъ не менѣе вопросъ объ испанскомъ престолонаслѣдіи долженъ былъ послужить поводомъ къ таковой. 15-го іюля были созваны французскіе резервисты и, какъ будто ради того, чтобы не упустить удобнаго случая, четыре дня спустя въ Берлинѣ было получено объявленіе Франціею войны.

Переходя затѣмъ къ первоначальнымъ распоряженіямъ и распределенію армій обѣихъ сторонъ, авторъ касается плана кампаніи со стороны Германіи и говоритъ по этому поводу, что было бы заблужденіемъ думать, что подобный планъ можетъ быть установленъ на значительный періодъ времени впередъ и что онъ можетъ быть осуществленъ до конца. Первое же столкновеніе съ главными силами противника, говоритъ графъ Мольтке, создаетъ, смотря по исходу, новое положеніе вещей. Многое становится неосуществимымъ, на что могли разсчитывать, иное же дѣлается возможнымъ, чего прежде нельзя было предполагать. Правильно оцѣнить измѣнившіяся условія, принять, согласно сему, соотвѣтствующія рѣшенія на подлежащей предусмотрѣнію срокъ и рѣшительно осуществить ихъ — вотъ все, что въ состояніи выполнить высшее управленіе арміею.

Указавъ за симъ на бездѣятельность французской арміи до 2-го августа, авторъ говоритъ, что Франція давно уже ждала извѣстій о побѣдѣ, съ нетерпѣніемъ публики приходилось считаться и вообще необходимо было что-либо предпринять; въ виду этого рѣшено было, какъ обыкновенно случается въ подобныхъ обстоятельствахъ произвести усиленную рекогносцировку подъ Саарбрюкеномъ, съ обыкновеннымъ же при такого рода предпріятіяхъ исходомъ.

Разсмотрѣвъ послѣ этого въ хронологической постепенности всѣ бои, происходившіе между воюющими сторонами втеченіи августа мѣсяца, графъ Мольтке съ особою подробностью останавливается на описаніи Седанскаго сраженія, заканчивающаго первый періодъ кампаніи.

Расположеніе французовъ подъ Седаномъ, говоритъ авторъ, было

прикрыто съ тылу крѣпостью. Рѣка Маасъ и долины Живонны и Флуанъ представляли значительныя препятствія, но это виѣшнее прикрытие необходимо было упорно оборонять. Важнымъ пунктомъ являлась при этомъ со стороны Илли гора Кальварія, усиливаемая лежащимъ позади нея Гареннскимъ лѣсомъ, откуда до Базейля тянется горный хребетъ со многими, доставляющими укрытіе, понижающимися лощинами. Черезъ Илли пришлось бы направляться, если бы въ крайнемъ случаѣ потребовалось отступить на нейтральную территорию. Базейль же, напротивъ того, весьма крѣпкій опорный пунктъ фронта по Живоннѣ, представлялъ собою исходящую вершину, доступную нападенію, послѣ потери мостовъ на Маасѣ, съ двухъ сторонъ.

Съ германской стороны думали о движеніи на Мезьеръ; Мааской арміи было поручено, для задержанія противника ⁽¹⁾, атаковать его на занятой имъ позиціи, 3-й же арміи, оставивъ одинъ корпусъ на лѣвомъ берегу Мааса, переправиться на правый.

Для совмѣстныхъ дѣйствій съ Мааскою арміей, генераль фонъ-дербъ-Таннъ направилъ, въ 4 часа утра, 1-ю свою бригаду черезъ понтонные мосты къ Базейлю. Бригада проникла въ мѣстечко, но, найдя улицы баррикадированными, подверглась обстрѣливанію изъ домовъ. Въ виду подкрѣпленій съ обѣихъ сторонъ, жестокій бой, съ переменнымъ успѣхомъ, длился въ теченіе долгаго времени, въ особенности за виллу Бейрманнъ, лежащую при выходѣ изъ мѣстечка и господствующую надъ большою дорогою.

Значительная артилерія, сосредоточившаяся на лѣвомъ берегу долины Мааса, не могла естественно дѣйствовать противъ переполненнаго и отчасти горячаго мѣстечка. Послѣ того, какъ въ 8 часовъ, 8-я прусская дивизія подошла къ Ремилли, генераль фонъ-дербъ-Таннъ ввелъ въ дѣло свои послѣднія бригады. Въ 9 часовъ артилерія переправилась черезъ мостъ, а 8-я дивизія приняла участіе въ бою, который завязался также и на правомъ флангѣ баварцевъ, южнѣ Базейля, у Монсель.

Въ этомъ направленіи, уже въ 5 часовъ утра, принцъ Георгъ Саксонскій выслалъ, въ видѣ авангарда, семь баталіоновъ, которые, вытѣснивъ французовъ, заняли жилыя постройки на противоположномъ берегу Живонны, приспособивъ ихъ тотчасъ же для обороны.

(1) Сосредоточивая свою армію подъ Седаномъ, Макъ-Магонъ не имѣлъ въ виду дать здѣсь сраженіе, а хотѣлъ только доставить войскамъ отдыхъ и снабдить ихъ необходимыми припасами.

Связь съ баварцамі была установлена, но дальнѣйшая поддержка пѣхотою пока не могла быть оказана.

Маршалъ Макъ-Магонъ уже въ 6 часовъ утра былъ раненъ осколкомъ гранаты у Монсель; командованіе арміею онъ передалъ генералу Дюкро, обойдя двухъ старшихъ корпусныхъ командировъ. Дюкро, извѣщенный объ этомъ въ 7 часовъ, отдалъ необходимыя приказанія о сосредоточеніи арміи при Илли и объ отступленіи за сими тотчасъ же на Мезьеръ. Дивизію Лартига, своего корпуса, онъ направилъ для обезпеченія переправы при Дэнъи, а дивизіямъ Лакретелля и Вассуанъ приказалъ перейти въ наступленіе противъ баварцевъ и саксонцевъ, чтобы выиграть время для отступленія прочихъ частей. Дивизія, находившаяся во второй линіи, немедленно двинулась въ сѣверномъ направленіи.

Между тѣмъ, военный министръ передалъ командованіе 5-мъ корпусомъ, вмѣсто генерала де-Файлли, только что вернувшемуся изъ Алжира генералу фонъ-Вимпфену, съ полномочіемъ вступить въ командованіе арміею, въ случаѣ выбитія маршала изъ строя. Зная, что войска кронпринца занимали мѣстность вплоть до Доншери, Вимпфенъ считалъ отступленіе на Мезьеръ совершенно невыполнимымъ и хотѣлъ пробиться въ обратномъ направленіи на Кариньянъ, не сомнѣваясь опрокинуть баварцевъ и саксонцевъ, и пройти, такимъ образомъ, на соединеніе съ Базеномъ. Узнавъ, поэтому, о распоряженіяхъ Дюкро и въ виду казавшагося благопріятнымъ исхода атаки на Монсель, онъ, къ своему несчастію, рѣшился воспользоваться даннымъ ему полномочіемъ, чему генералъ Дюкро безъ возраженій подчинился, можетъ быть радуясь втайнѣ, что избавился отъ тяжелой отвѣтственности. Тотчасъ же отступившія дивизіи второй линіи получили приказаніе вернуться и подъ натискомъ уже перешедшихъ въ наступленіе передовыхъ дивизій, далеко продвинувшихся впередъ, слабыя силы баварцевъ и саксонцевъ очутились въ тяжеломъ положеніи. Благодаря, однако, содѣйствію 12-ти батарей артилеріи и подоспѣвшему подкрѣпленію со стороны 24-й дивизіи, незначительному успѣху дивизіи Вассуанъ у Монсель былъ положенъ предѣлъ, а на правомъ флангѣ нѣмцы перешли въ наступленіе, отбросивъ французовъ на Дэнъи, взяли это мѣстечко, мость и строенія въ ла-Рапэль. Въ это время, въ 10 часовъ, на верховьяхъ Живонны появился гвардейскій корпусъ.

Возвратившіяся назадъ, по приказанію генерала Дюкро, дивизіи только что заняли прежнюю свою позицію на западномъ склонѣ долины, какъ съ восточнаго склона открыли по нимъ огонь 14-тъ

гвардейскихъ батарей. Къ этому же времени, въ 10 часовъ—прибыль къ Базейлю IV корпусъ, дойдя 7-ю дивизією до Ламекуръ, а 8-ю до Ремиллы, причемъ голова послѣдней выдвинулась до станціи желѣзной дороги.

Первая попытка французовъ, пробиться въ восточномъ направленіи на Кариньянъ, не удалась, а отступление къ западу на Мезьеръ было уже отмѣнено. V и XI корпуса 3-й арміи были двинуты сначала въ направленіи на Мезьеръ, но когда сильная канонада со стороны Базейль заставила предполагать, что французы приняли бой на позиціи подъ Седаномъ, то кронпринцъ направилъ оба корпуса вправо на С.-Манжъ, а виртембергскую дивизію оставилъ для наблюденія къ сторонѣ Мезьера. Дефиле между горою и рѣкою, длиною въ 2,000 шаговъ, по которому идетъ дорога въ С.-Альбертъ, было оставлено французами незанятымъ и безъ наблюденія. Только при вступленіи въ С.-Манжъ авангардъ наткнулся на непріятельскій отрядъ, вскорѣ отступившій; авангардъ развернулся за симъ противъ Илли. Положеніе прибывшихъ вначалѣ прусскихъ батарей было затруднительно, въ виду превосходнаго числа французской артилеріи, расположившейся у Илли. Прикрытая сперва только кавалерією и немногими ротами, по мѣрѣ прохожденія послѣдними С.-Альбертовскаго дефиле, прусскія батареи представляли собою заманчивую цѣль для находившейся на вышеназванной высотѣ кавалерійской дивизіи Маргерита. Было 9 часовъ, когда генераль Галиффэ предпринялъ атаку тремя полками африканскихъ конно-егерей и двумя эскадронами уланъ, построеными въ три линіи. Атакующій натывается сначала на двѣ роты 87-го полка, которыя встрѣчаютъ его бѣглымъ огнемъ съ дистанціи въ 60 шаговъ. Первая линія проскакиваетъ еще нѣкоторое разстояніе, но затѣмъ поворачиваетъ, изъ середины, въ обѣ стороны и попадаетъ подъ огонь засѣвшихъ въ кускахъ поддержекъ. Прусскія батареи осыпаютъ гранатами сбившихся въ кучу французскихъ всадниковъ, которые, потерпѣвъ значительныя потери, поворачиваютъ, наконецъ, кругомъ и ищутъ укрытія въ Гареннскомъ лѣсу.

Въ 10 часовъ, слѣдовательно, около того времени, когда были отбиты атаки французовъ у Базейль и Дэнъи, 14-тъ батарей XI корпуса заняли позицію на хребтѣ и около него, юго-восточнѣе С.-Манжъ; къ нимъ присоединились затѣмъ и батареи V корпуса. Сильныя пѣхотныя колонны подвигались къ Флейнѣ и, такимъ образомъ, въ это время кольцо вокругъ Седана было почти уже сомкнуто. Одного баварскаго корпуса съ резервомъ артилеріи, на лѣвомъ бе-

регу Мааса, было достаточно, чтобы воспрепятствовать всякой попыткѣ прорыва непріятеля въ этомъ направленіи; на правомъ же берегу сосредоточилось уже пять корпусовъ для концентрической атаки.

Послѣ часа пополудни, 5-я баварская бригада, поддержанная 6-ю, овладѣла мѣстечкомъ Баланъ и продвинулась до самыхъ крѣпостныхъ валовъ. Между тѣмъ, саксонскій корпусъ расположился по долинѣ къ сѣверу противъ Живонны; сюда подошли къ этому времени и головныя части гвардейскаго корпуса. Прусская артилерія принудила къ отступленію нѣсколько французскихъ батарей, остальные же вынуждены были неоднократно мѣнять позиціи. Чтобы нѣсколько расчистить себѣ поле дѣйствій, французы неоднократно переходили въ наступленіе, предшествуемые сильными стрѣлковыми кучками, причемъ, однако, десять орудій, вѣхавшія въ занятую уже Живонну, были взяты въ плѣнъ, прежде чѣмъ успѣли сняться съ передковъ. Прусскія гранаты, хотя и съ дальняго разстоянія, но вполне успѣшно поражали уже Гаренскій лѣсъ, гдѣ замѣтно было движеніе сильныхъ войсковыхъ частей.

Послѣ того, какъ парижскіе франкतिеры были прогнаны изъ Шапель, гвардейская кавалерія направилась черезъ Живонну вверхъ по долинѣ и, около полудня, гусары вошли въ непосредственное соприкосновеніе съ лѣвымъ крыломъ 3-й арміи.

47-я бригада этого корпуса спустилась изъ Флейнбѣ въ верхнюю долину Живонны и французы начали уже отступать отъ Илли въ южномъ направленіи. Въ направленіи на Флуанъ французы пытались было тоже прорваться, но находившіяся тамъ вначалѣ слабыя пѣхотныя части были, мало по малу, усилены и ворвавшійся въ мѣстечко непріятель былъ опрокинутъ. Наконецъ, огонь 26-ти батарей Мааской арміи скрестился съ выстрѣлами гвардейскихъ батарей, занявшихъ восточный склонъ долины Живонны; дѣйствіе артилеріи было подавляющее; французскія орудія были уничтожены и много зарядныхъ ящиковъ взлетѣло на воздухъ.

Наступленіе германцевъ съ сѣвера, генераль Вимпфенъ считалъ сначала за демонстрацію, но около полудня онъ лично убѣдился въ серьезности атаки. Онъ приказалъ, поэтому, двумъ дивизіямъ I корпуса, находившимся во второй линіи позади фронта, обращеннаго къ Живоннѣ, снова направиться къ Илли на подкрѣпленіе генерала Дуэ. Когда онъ вернулся затѣмъ къ XII корпусу, то засталъ его въ полномъ отступленіи къ Седану и настоятельно потребовалъ отъ Дуэ двинуть подкрѣпленіе въ направленіи на Базейль. Дѣй-

ствительно, бригада Моссьона и даже дивизія Дюмона были туда направлены, причеъ послѣдняя была замѣнена въ передней линіи дивизіею Консейль Дюмениля. Всѣ эти перекрещивающіеся между собою марши были исполнены на пространствѣ, обстрѣливаемомъ съ двухъ сторонъ германскою артилеріею, къ югу отъ Гареннскаго лѣса. Отступающая кавалерія увеличила замѣшательство и нѣкоторые баталіоны вернулись подъ сомнительное укрытіе лѣса. Генераль Дуэ, покрѣпленный частями V корпуса, овладѣлъ, правда, вновь Кальверомъ, но вынужденъ былъ, около 2 часовъ, очистить его, послѣ чего находящійся позади лѣсъ былъ занятъ подъ прикрытіемъ 60-ти гвардейскихъ орудій.

Только дивизія Либера удержалась до этого времени на своей сильной позиціи, на высотахъ сѣвернѣе Казаля. Лишь мало по малу удалось германцамъ сосредоточить достаточныя силы противъ Флуана изъ частей V и XI корпусовъ. Но только черезъ часъ силы эти частью непосредственно поднялись на противоположный склонъ, частью же направились южнѣе на Голье и Казаль, тогда какъ остальные части войскъ наступали изъ Фленъё. Сильное перемѣшиваніе войсковыхъ частей исключало всякую возможность однообразнаго управленія и долгое время кровопролитный бой велся то тамъ, то сямъ. Тѣсняемая съ двухъ сторонъ и осыпаемая гранатами, французская дивизія утратила, наконецъ, силу сопротивленія и такъ какъ резервы VII корпуса уже были отозваны на другой участокъ поля сраженія, то и здѣсь французская кавалерія снова ринулась самоотверженно въ бой.

Съ двумя легкими и двумя уланскими полками генераль Маргеритъ послѣшилъ на помощь изъ Гареннскаго лѣса; послѣ полученной имъ вначалѣ тяжелой раны, командованіе переходитъ къ генералу Галиффѣ. Наступленіе пришлось вести бѣльшею частью по неудобной мѣстности и ранѣе перехода собственно къ атакѣ внутренняя связь была скоро уже нарушена, вслѣдствіе сильнаго фланкирующаго огня прусскихъ батарей. Съ порѣдѣвшими рядами, но съ полной отвагой бросились эскадроны порознь на часть лежавшую укрыто, частью стоявшую открыто на склонахъ, въ видѣ стрѣлковыхъ кучекъ, 43-ю пѣхотную бригаду, а также на подхотившія изъ Фленъё подкрѣпленія. Передняя линія помянутой бригады во многихъ пунктахъ прорвана; по направленію изъ Казаля, храбрые кавалеристы проскакали между восемью стрѣлявшими по нимъ картечью орудіями, но находившіяся позади роты положили предѣлъ дальнѣйшему движенію. Изъ Голье появляются кирасиры,

атакуютъ врага съ тыла, но, наткнувшисьъ въ долину Мааса на прусскихъ гусарь, устремляются далѣе къ сѣверу. Другія части проскакиваютъ черезъ пѣхоту до С.-Альбертскаго дефиле, гдѣ ихъ встрѣчаютъ дебуширующие оттуда баталіоны; нѣкоторые проникаютъ во Флуанъ и дѣлаются жертвою огня 5-го егерскаго полка, вынужденнаго выстроить фронтъ на двѣ стороны. Атака французовъ возобновляется на различныхъ участкахъ боевыхъ линій, полчаса продолжается ужасная сумятица, но успѣхъ становится все слабѣе и слабѣе. Дѣйствительный огонь пѣхоты съ близкихъ разстояній покрываетъ все поле ранеными и убитыми всадниками. Многіе попадали въ каменоломни или низринулись съ крутыхъ скатовъ, небольшому числу удалось быть можетъ перебраться вплавь черезъ Маасъ и едва ли болѣе половины храбрецовъ успѣло укрыться въ лѣсу.

Но и подобныя громадныя жертвы отважной храбрости французской кавалеріи не могли уже измѣнить участи дня. Прусская пѣхота мало пострадала во время единоборства отъ ударовъ и уколовъ, и тотчасъ же снова повела атаку противъ дивизіи Либера. Наступленіе ея стоило большихъ жертвъ, такъ, напримѣръ, всѣ три баталіона 6-го полка очутились въ командованіи поручиковъ. По взятіи Казаля, французы послѣ энергичнаго сопротивленія отступили, въ 3 часа, къ своему послѣднему убѣжищу — Гареннскому лѣсу.

Въ то время, какъ между 1-мъ и 2-мъ часами бой при Базейль принялъ было вначалѣ благопріятный исходъ, генераль фонъ-Вимпфенъ вернулся снова къ своему первоначальному плану — опрокинуть утомленныхъ боевъ баварцевъ и пробить себѣ, съ I, V и XII корпусами дорогу на Кариньянъ, между тѣмъ какъ VII корпусъ долженъ былъ прикрывать движеніе съ тыла. Но отданныя въ этомъ смыслѣ распоряженія отчасти вовсе не дошли по назначенію, отчасти же были получены при такихъ обстоятельствахъ, когда выполнение ихъ было невозможно.

Въ виду упомянутыхъ уже выше распоряженій, кромѣ дивизіи Вассуанъ можно было еще воспользоваться дивизіями Гоце и Граншамъ. Обѣ эти дивизіи, въ 3-мъ часу дня, направились изъ лоцины Живонны къ востоку черезъ высоты, такъ что поднимавшаяся по долину саксонская 23-я дивизія была неожиданно атакована сомкнутыми баталіонами и батареями. Поддержанная лѣвымъ крыломъ гвардейскаго корпуса и артилерійскимъ огнемъ съ восточныхъ склоновъ, она вскорѣ потѣснила, однако, непріятельскія массы и даже сама проникла на время въ лоцину Живонны. Казалось, силы

французовъ были совершенно надломлены — ихъ забирали въ плѣнь сотнями. Какъ только удалось прочно овладѣть высотами западнѣе Живонны, туда прибыла артилерія и, около 3-хъ часовъ, 21 батарея образовала линію огня отъ Базейля вплоть до Эйбъ.

Оставалось еще овладѣть Гареннскимъ лѣсомъ, въ которомъ бродили части всѣхъ корпусовъ и всѣхъ родовъ оружія. Послѣ залпа изъ орудій, 1-я гвардейская дивизія поднялась изъ Живонны на высоту, къ ней примкнули саксонскіе баталіоны, отъ Илли же двигалось лѣвое крыло 3-й арміи. Наступила полная сумятица — нѣкоторыя французскія части энергично оборонялись, другія сдавались тысячами и только въ 5 часовъ нѣмцамъ удалось совершенно овладѣть лѣсомъ.

Между тѣмъ, виднѣлись уже длинныя линіи войскъ, устремлявшіяся съ высотъ, со всѣхъ сторонъ, къ Седану. Въ этомъ послѣднемъ и вокругъ него сгруппировывались все болѣе густыя, безпорядочныя толпы войсковыхъ частей и эту то плотную массу стали теперь поражать гранаты нѣмецкихъ батарей, расположенныхъ на обоихъ берегахъ Мааса. Вскорѣ въ городѣ показались огненные столбы и баварскіе стрѣлки, пробравшіеся черезъ Торси, готовились уже было перелѣзть черезъ палисадъ у воротъ, какъ около половины пятого усмотрѣны были на башняхъ бѣлые флаги.

Императоръ Наполеонъ не согласился слѣдовать за генераломъ фонъ-Вимпфеномъ въ его попыткѣ прорваться, онъ, напротивъ, потребовалъ, чтобы тотъ вступилъ въ переговоры съ противникомъ. Послѣ повтореннаго приказанія, огонь французовъ внезапно смолкъ.

На высотѣ, къ югу отъ Френуа, откуда король съ ранняго утра наблюдалъ за ходомъ сраженія, появился генералъ Рейлль съ собственноручнымъ письмомъ императора, о пребываніи котораго въ Седанѣ до той поры не было извѣстно. Императоръ вручалъ свою шпагу королю, но такъ какъ онъ этимъ объявлялъ военноплѣннымъ только лично себя, въ отвѣтъ была потребована присылка уполномоченнаго, съ которымъ генералъ фонъ-Мольтке долженъ былъ условиться относительно капитуляціи французской арміи.

Это печальное порученіе выпало на долю генерала фонъ-Вимпфена, который вовсе не былъ причастнымъ тому отчаянному положенію, въ какое была поставлена французская армія.

Переговоры велись въ ночь на 2-е сентября въ Доншери. Нѣмцамъ приходилось твердо помнить, что въ виду такого сильнаго врага, какъ Франція, необходимо воспользоваться всѣми приобрѣтенными выгодами. Если побѣду германскаго оружія надъ нефранцу-

зами французы почитали уже за обиду, то никакое неумѣстное великодушіе не заставило бы ихъ позабыть собственное поражение. Ничего болѣе не оставалось, какъ настоять на томъ, чтобы вся армія положила оружіе и сдалась въ плѣнъ, уступка въ видѣ освобожденія офицеровъ на честное слово была, однако, сдѣлана.

Генераль фонъ-Вимпфенъ объявилъ, что онъ не приметъ столь суровыхъ условій; переговоры были прерваны и французскіе офицеры около 1 часу вернулись въ Седанъ, причѣмъ имъ было, однако, заявлено, что если до 9-ти часовъ утра не послѣдуетъ соглашенія, то артилерія возобновитъ огонь.

Такимъ образомъ, при очевидной невозможности дальнѣйшаго сопротивленія, капитуляція была подписана генераломъ фонъ-Вимпфеномъ до полудня 2-го сентября.

Для маршала Макъ-Магона было особенно счастливою случайностью, что онъ былъ раненъ уже вначалѣ сраженія, иначе ему неминуемо пришлось бы подписать капитуляцію, и хотя онъ былъ только исполнителемъ распоряженій, которыя ему навязывались изъ Парижа, ему врядъ ли пришлось бы впоследствии засѣдать въ судѣ надъ сотоварищемъ по оружію, освобожденіе котораго ему не удалось.

Трудно понять, почему нѣмцы празднуютъ *второе* сентября, въ теченіе котораго не случилось ничего достопримѣчательнаго, что не было бы неминуемымъ послѣдствіемъ истиннаго торжества арміи въ день *перваго* сентября.

Блестящая побѣда въ этотъ день стоила германской арміи 460 офицеровъ и 8,500 нижнихъ чиновъ. Потери же французовъ, 17,000 человѣкъ, были гораздо значительнѣе, причина чему заключалась, главнымъ образомъ, въ широкомъ развитіи дѣйствій артилеріи. Уже во время боя взято въ плѣнъ 21,000 челов., а вслѣдствіе капитуляціи число это увеличилось еще на 83,000 челов.; всего 104,000 плѣнныхъ.

Всѣ плѣнные были сгруппированы сначала на образуемомъ теченіемъ Мааса полуостровѣ Ижъ. Препровожденіе и охраненіе ихъ во время пути было возложено на два армейскіе корпуса. Отправка производилась отрядами по 2,000 человѣкъ, по двумъ дорогамъ, на Этенъ и черезъ Клермонъ на Понтъ-а-Муссонъ, гдѣ плѣнные принимались мецкою арміею обложенія и препровождались далѣе въ различныя части Германіи.

На бельгійской территоріи было обезоружено 3,000 человѣкъ. Въ видѣ военныхъ трофеевъ, побѣдителю досталось: три знамени, 419

полевыхъ и 139 крѣпостныхъ орудій, 66,000 ружей, болѣе 1,000 повозокъ и 6,000 еще годныхъ къ употребленію лошадей.

Съ совершеннымъ уничтоженіемъ этой арміи пала и имперія во Франціи.

Когда въ ночь на 4-е сентября, въ Парижѣ было получено извѣстіе о пораженіи при Седанѣ и о плѣненіи императора, законодательный корпусъ имѣлъ нѣсколько быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ засѣданій, съ цѣлью назначить составъ правленія. Врывающіяся толпы народа положили предѣлъ этимъ совѣщаніямъ, причѣмъ народъ какъ здѣсь, такъ и въ городской ратушѣ, при ликованіяхъ большинства, превозгласилъ республику. Хотя войска находились въ казармахъ на-готовѣ, но никакого сопротивленія со стороны стоявшихъ до сего времени у кормила правленія лицъ не послѣдовало; императрица покинула Парижъ. Генералъ Трошю и нѣкоторые члены меньшинства палаты составили правительство, назвавшее себя «правительствомъ національной обороны и войны». «Борьба до крайности» была провозглашена лозунгомъ и вся нація была призвана къ оружію. Ни одной пяди земли, ни одного камня крѣпостныхъ сооружений не должно было быть уступлено врагу. Правительству, лишенному всякой законной почвы, необходимы были успѣхъ, и оно не могло быть склонно окончить войну миромъ.

Несмотря на неблагополучный до того времени исходъ кампаніи, столь богатая источниками для веденія войны Франція вовсе не была беззащитна. Въ полѣ находился еще генералъ Винуа. Къ нему могли присоединиться остатки всѣхъ корпусовъ, части морскихъ войскъ и жандармерія. Предусмотрительной, но только слишкомъ рано прерванной реорганизаціи маршала Ніэля, страна обязана была територіальною милиціею въ 468,000 человекъ. Можно было воспользоваться также новымъ призывомъ новобранцевъ въ 100,000 человекъ и національною гвардіею. Если даже не считать франктиреровъ и вольныя дружины, оказывается, что Франція въ состояніи была выставить еще до миліона человекъ. Запасъ въ 2,000 орудій и въ 400,000 ружей Шасспо обезпечивалъ вооруженіе, изъ усовершенствованія коего мастерскія нейтральной Англіи охотно постарались извлечь выгоды.

Подобныя боевыя силы, въ связи съ любовью къ родинѣ, воодушевлявшей народъ, могли оказать продолжительное сопротивленіе при условіи сильной воли, которая руководила бы ими. Такого рода руководитель явился въ лицѣ Гамбетты. По существующему во Франціи порядку, ему, какъ военному министру, принадлежало

вмѣстѣ съ тѣмъ, право руководить военными операціями и, конечно, онъ не могъ выпустить изъ рукъ главнаго начальствованія, такъ какъ при республиканской формѣ правленія, побѣдоносный генералъ во главѣ войска вскорѣ замѣстилъ бы его какъ диктатора. Послѣ него функционировалъ, до извѣстной степени въ качествѣ начальника генеральнаго штаба, второй не военный человѣкъ, г. де-Фрейзинэ, и дорого обошлось Франціи ихъ энергичное, но дилетантское управленіе арміею. Съ рѣдкою энергіею и непоколебимою настойчивостью сѣумѣлъ Гамбетта призвать къ оружію все населеніе, но не сѣумѣлъ съ надлежащимъ единодушіемъ руководить созданными полчищами. Не давъ имъ времени сформироваться въ сплоченно-войсковыя части, съ беспощадною суровостью возлагалъ онъ на эти недостаточно снаряженныя силы, не имѣвшія общей связи, порученія противъ врага, о твердое руководство которымъ должна была разбиться ихъ храбрость и самопожертвованіе. Онъ продлилъ войну при условіи всевозможныхъ жертвъ съ той и съ другой стороны, не измѣнивъ къ лучшему участи Франціи.

Но во всякомъ случаѣ германской арміи предстояло преодолѣть еще громадныя затрудненія.

По вышеизложенному описанію боя подъ Седаномъ и послѣдовавшей затѣмъ перемѣны правительства въ Парижѣ, приведеннаго нами почти въ дословномъ переводѣ, можно съ достаточною ясностью судить, какъ о характерѣ изложенія разсматриваемаго сочиненія, такъ и объ отношеніи автора къ разбираемому имъ вопросу. Описывая преимущественно фактическую сторону различныхъ эпизодовъ войны 1870—1871 гг., графъ Мольтке почти не даетъ освѣщенія этимъ событіямъ и весьма рѣдко, и то вскользь, приводитъ критическую оцѣнку того или другаго факта.

Такъ, упоминая вообще весьма часто о недостаточной энергіи германцевъ въ преслѣдованіи противника послѣ боя, графъ Мольтке, по поводу сраженія при С.-Кентенѣ, объясняетъ этотъ недостатокъ слѣдующимъ разсужденіемъ: по теоріи, говоритъ онъ, непосредственно за побѣдою должно идти преслѣдованіе; это такого рода требованіе, которое высказывается всѣми, даже не военными, и тѣмъ не менѣе на практикѣ оказывается не то. Военная исторія даетъ мало примѣровъ, подобныхъ прекрасному примѣру при Белль-Аллиансѣ. Необходима сильная, безжалостная воля, чтобы часть войскъ, двигавшуюся, сражавшуюся или голодавшую втеченіи 10—12 часовъ, вмѣсто желаемаго покоя и насыщенія, снова подвергнуть опасностямъ и напряженіямъ. Но даже предполагая налич-

ность подобной воли, преслѣдованіе зависитъ еще отъ того способа, которымъ побѣда приобрѣтена. Преслѣдованіе весьма затрудняется, если всѣ находящіяся на полѣ сраженія войсковыя части перемѣшаются между собою такъ, какъ напримѣръ, подъ Кенигрецомъ, что потребны цѣлые часы, чтобы снова возстановить ихъ тактическую связь, или когда, какъ при С.-Кентенѣ, въ бою принимали участіе всѣ части до послѣдней, такъ что въ распоряженіи не осталось ни одной свѣжей пѣхотной единицы. Безъ поддержки же пѣхоты, дѣйствія кавалеріи ночью будутъ совершенно парализованы всякаго рода мѣстными препятствіями и каждымъ незначительнымъ отрядомъ непріятели; одной кавалеріи рѣдко удастся выполнить эту задачу.

Разбирая состояніе Парижа въ концѣ января 1871 г., авторъ обрисовываетъ положеніе правительственныхъ сферъ того времени и говоритъ, что правительство 4-го сентября, будучи вообще слабымъ, какъ зависѣвшее исключительно отъ произвола народныхъ страстей, оказалось въ тискахъ между невыполнимыми требованіями безразсудныхъ массъ и неумолимою серьезностью дѣйствительнаго положенія вещей. Въ Парижѣ, говоритъ графъ Мольтке, имѣлся многочисленный классъ населенія, мало обращающій вниманія на общее бѣдствіе. Избранные изъ гражданскаго населенія и вооруженные защитники отечества получали отъ правительства пропитаніе и щедрое вознагражденіе, не подвергаясь при этомъ особымъ опасностямъ. Къ нимъ примкнули всѣ сомнительные элементы, извлекавшіе пользу изъ неопредѣленнаго положенія вещей. Эти послѣдніе были вполне довольны созданнымъ 4-го сентября положеніемъ и немного позже они явились дѣятелями чудовищной комуны. Уже ранѣе этого, народныя сборища могли быть разсѣваемы только при помощи оружія и даже часть національной гвардіи не осталась чуждою мятежнымъ демонстраціямъ. Клубы демагоговъ, поддержанные прессой, требовали еще и теперь новыхъ предпріятій и даже общей вылазки всѣхъ жителей Парижа.

Въ концѣ III тома приложена замѣтка покойнаго фельдмаршала о мнимыхъ военныхъ совѣтахъ во время войнъ короля Вильгельма I. Цѣль этой замѣтки опровергнуть укоренившееся мнѣніе о созывавшихся будто бы военныхъ совѣтахъ во время кампаній 1866 и 1870—1871 гг. По этому поводу графъ Мольтке говоритъ, что въ описаніяхъ историческихъ событій, въ томъ видѣ, какъ они переходятъ къ потомству, заблужденія вырастаютъ въ легенды, истинное значеніе которыхъ трудно бываетъ опредѣлить впоследствии.

Къ такого рода легендамъ принадлежать, между прочимъ, по заявленію автора, рассказы, въ силу которыхъ огромные успѣхи послѣднихъ войнъ Германіи, съ особою предпочтительностью и на основаніи прежнихъ примѣровъ, приписываются рѣшеніямъ собиравшихся предварительно военныхъ совѣтовъ. Такъ было будто бы въ сраженіи подъ Кенигредомъ. «Я постараюсь, говоритъ графъ Мольтке, въ короткихъ словахъ очертить это богатое послѣдствіями событіе».

Коснувшись затѣмъ, коротко, предшествовавшихъ сраженію операцій австрійскаго главнокомандующаго, гр. Мольтке высказываетъ удивленіе, что прусакамъ оставалось совершенно неизвѣстнымъ, какъ наступленіе непріятельской арміи къ Дубенетцъ, такъ и отступленіе ея къ Линѣ.

«Отъ 2-й арміи, говоритъ онъ, движенія эти скрывала Эльба, а въ 1-й—масса кавалеріи въ 8,000 коней оставалась безъ всякаго употребленія. Состоявшіе при пѣхотныхъ дивизіяхъ эскадроны, по четыре при каждой, не могли, конечно, нести развѣдывательную службу въ той мѣрѣ, какъ это было впоследствии, въ 1870 году, при болѣе цѣлесообразномъ распредѣленіи кавалеріи.

«Въ главной квартирѣ короля, въ Гичинѣ, не имѣлось, такимъ образомъ, точныхъ свѣдѣній. На основаніи же установившихся предположеній, на кронпринца было возложено, оставаясь на лѣвомъ берегу Эльбы, обрекогносцировать Аупу и Метау и устранить препятствія, которыя могли бы встрѣтиться въ случаѣ переправы въ томъ или другомъ направленіи. Принцу же Фридриху-Карлу, еще 2-го іюля, было отдано приказаніе немедленно атаковать противника, если бы значительныя силы его оказались впереди Эльбы. Но уже вечеромъ того же дня принцу сдѣлалось извѣстнымъ, что вся непріятельская армія расположилась на Быстрицѣ, въ силу чего онъ тотчасъ же распорядился сосредоточить, къ раннему утру слѣдующаго дня, 1-ю и Эльбскую арміи вблизи противника, противъ него.

«Съ извѣстіемъ объ этомъ, въ 11 часовъ утра, прибылъ въ Гичинъ, къ королю, генераль Фохтсъ-Рецъ, котораго государь послалъ ко мнѣ.

«Это сообщеніе устраняло всѣ сомнѣнія и у меня свалилась какъ гора съ плечъ. Съ восклицаніемъ «слава Богу», я спрыгнулъ съ кровати и тотчасъ же поспѣшилъ къ королю, жившему напротивъ.

«Его величество тоже только что улегся на своей низенькой походной кровати. Послѣ краткаго изложенія дѣла, онъ вполне согласился дать на слѣдующій день сраженіе, по сосредоточеніи всѣхъ

трехъ армій и приказалъ мнѣ послать соотвѣтствующія распоряженія кронпринцу, которому теперь приходилось уже переправиться черезъ Эльбу. Весь разговоръ съ государемъ длился едва ли болѣе 10-ти минутъ; присутствующихъ кромѣ меня никого не было. Таковъ былъ «военный совѣтъ» подъ Кенигрецомъ.

«Вторая легенда подобнаго рода воспѣта въ стихахъ и притомъ въ очень хорошихъ стихахъ. Мѣстомъ дѣйствіемъ является тутъ уже Версаль. Французы произвели вылазку изъ Парижа, и генералы, вмѣсто того, чтобы отправиться къ сражающимся войскамъ, собрались будто бы для обсужденія вопроса: можно ли рѣшиться и на будущее время оставить главную квартиру въ Версали. Мнѣнія раздѣлились, никто не рѣшается высказаться, начальникъ генеральнаго штаба, которому, конечно, предоставлено слово первому, молчитъ. Смущеніе было, повидимому, велико. Только военный министръ встаетъ и со всею энергіею протестуетъ противъ подобной, вредной какъ въ политическомъ, такъ и въ военномъ отношеніи мѣры, противъ очищенія Версаля. Король горячо благодаритъ его, какъ единственнаго человѣка, отважившагося высказать правду прямо и безбоязненно.

«На дѣлѣ же было такъ: въ то время, какъ король со всею своею свитою направился къ V корпусу, оставшійся гофмаршалъ, вслѣдствіе излишней заботливости, распорядился запретъ придворные экипажи, что не могло ускользнуть отъ вниманія жителей и, въ виду сангвиническаго темперамента населенія могло возбудить въ немъ разнаго рода надежды. Охраною Версаля служили четыре армейскіе корпуса; никому и въ голову не приходило очищать городъ.

«Я могу увѣрить, что ни въ 1866, ни въ 1870—1871 гг. ни разу военный совѣтъ не былъ собираемъ.

«Кромѣ дней маршей и сраженій, я регулярно въ 10 час. утра, въ сопровожденіи генераль-квартирмейстера, являлся съ докладомъ къ государю, причемъ излагалъ полученные сообщенія и донесенія, и на основаніи ихъ проектировалъ новыя предположенія. Присутствовали при этомъ начальникъ военнаго кабинета, военный министръ и, пока въ Версали была расположена главная квартира 3-й арміи, также и кронпринцъ; но всѣ эти лица находились лишь въ качествѣ слушателей. Король спрашивалъ иногда ихъ мнѣніе относительно того или другаго вопроса, но я не помню, чтобы онъ когда нибудь обращался къ нимъ за совѣтомъ по поводу военныхъ операцій или дѣлаемыхъ мною предположеній.

«Эти послѣднія, всегда обсуждавшіяся мною предварительно съ моими офицерами, его величество подвергалъ самъ весьма часто очень подробному разсмотрѣнію. При этомъ всѣ, могущія возникнуть, при исполненіи, сомнѣнія, оцѣнивались имъ съ истинно военной точки зрѣнія и постоянно соотвѣтственно дѣйствительному положенію вещей; но такъ какъ въ войнѣ каждый шагъ связанъ съ опасностью, то всегда, безъ исключенія, сдѣланныя предложенія въ концѣ концовъ принимались».

В. А.

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Отчетъ о дѣйствіяхъ эмеритальной кассы военно-сухопутнаго вѣдомства въ 1889 годъ.—Избранныя рѣшенія главнаго военнаго суда за 1891 году.

О Т Ч Е Т Ъ

О ДѢЙСТВІЯХЪ ЭМЕРИТАЛЬНОЙ КАССЫ ВОЕННО-СУХОПУТНАГО ВѢДОМСТВА
ВЪ 1889 ГОДУ.

На основаніи 102 ст. (1) Высочайше утвержденнаго 19-го февраля 1880 г. положенія объ эмеритальной кассѣ военно-сухопутнаго вѣдомства, по окончаніи каждаго года составляется годовой отчетъ о приходѣ, расходѣ, и наличномъ состояніи эмеритальнаго капитала, о прибыли, убыли и наличномъ числѣ пенсіонеровъ, съ показаніемъ суммы, назначенной въ отчетномъ году на производство имъ пенсій. Въ томъ же отчетѣ излагается сравненіе его результатовъ съ тѣми проектными расчетами о денежныхъ оборотахъ эмеритальной кассы, которые приняты въ основаніе при составленіи положенія о сей кассѣ. Независимо сего, въ отчетѣ заявляется о тѣхъ законодательныхъ мѣрахъ, какія послѣдовали въ отчетномъ году по военной эмеритурѣ, и объ административныхъ по ней занятіяхъ эмеритальнаго отдѣла канцеляріи военнаго министерства.

Разработанный такимъ образомъ отчетъ за 1889 годъ раздѣляется на слѣдующія части:

- I. По высшему управленію эмеритальною кассою.
- II. По внутренней администраціи.
- III. Общій сводъ денежныхъ оборотовъ, а именно:
 - A. Обороты капитала.
 - B. > наличныхъ денегъ.
 - B. > процентныхъ денегъ.
 - Г. > арендныхъ денегъ.

(1) С. В. П. 1869 г. кн. VIII, ст. 524 (изд. 1889 года).

Д. и Е. Сравненіе дѣйствительныхъ оборотовъ эмеритальнаго капитала за 1889 годъ со смѣтными о немъ предположеніями и теоретическими расчетами 1880 года.

IV. Краткія статистическія свѣдѣнія о пенсіяхъ.

Приложенія.

I. По высшему управленію эмеритальной кассою.

Дѣятельность Военнаго Совѣта.

A. По законодательной части.

Въ теченіе 1889 года въ общее собраніе военнаго совѣта не было внесено законодательныхъ вопросовъ по дѣламъ эмеритуры.

B. По частнымъ вопросамъ.

Въ 1889 г. въ общемъ собраніи военнаго совѣта были рассмотрѣны:

1) Отчетъ о дѣйствіяхъ эмеритальной кассы военно-сухопутнаго вѣдомства за 1888 годъ.

2) Объ опредѣленіи на 1890 годъ суммы на канцелярскіе и типографскіе расходы эмеритальнаго отдѣла (назначено по примѣру прежнихъ лѣтъ 8,000 руб.).

3) Объ увеличеніи смѣтнаго кредита на производство эмеритальныхъ пенсій на 300,000 руб.

и 4) По претензіи одного лица за неправильное назначеніе ему пенсіи изъ военной эмеритуры (отклонено).

Въ частномъ присутствіи военнаго совѣта было обсуждено 186 представленій, въ томъ числѣ:

О назначеніи эмеритальныхъ пенсій по сокращенному сроку	131
О возобновленіи эмеритальныхъ пенсій, назначенныхъ въ прежніе годы, за раны и тяжкія болѣзни, на два года	32
Объ отказѣ въ назначеніи пенсій	5
По просьбамъ разныхъ лицъ (удовлетворено 17 ходатайствъ и отклонено 1 ходатайство).	18

186

II. По внутренней администраціи.

Движеніе дѣлопроизводства эмеритальнаго отдѣла въ отчетномъ 1889 г. выразилось въ слѣдующемъ:

Поступило входящихъ бумагъ	7,360
Получено оправдательныхъ документовъ о приѣмѣ въ кассы министерства финансовъ эмеритальныхъ вычетовъ	11,543

По этимъ бумагамъ и по инициативѣ эмеритальнаго отдѣла:

Отправлено исходящихъ бумагъ 3,124

Въ числѣ 3,124 исходящихъ бумагъ заключается 69 номеровъ объ асигнованіи всѣхъ 2,031 пенсій, такъ какъ составленные для сего вѣдомости выпускаются подъ однимъ и тѣмъ же номеромъ.

Составлено:

Представленій въ военный совѣтъ 190

Докладовъ начальнику канцеляріи 231

Сравнивая эти цифры за отчетный годъ съ средними цифрами предшествующихъ 10 лѣтъ, оказывается, что число входящихъ бумагъ увеличилось на 35 номеровъ или на $\frac{1}{2}\%$, а исходящихъ уменьшилось на 97 номеровъ или на 1% .

Кромѣ того, къ занятіямъ эмеритальнаго отдѣла должна быть отнесена повѣрка въ кладовыхъ государственнаго банка процентныхъ бумагъ, состоявшихъ въ капиталѣ военной эмеритуры къ 1-му января 1889 года; при чемъ было найдено, что наличность сихъ бумагъ вполне сходится съ книгами и счетами эмеритальной кассы (приложеніе № 2), о чемъ и былъ составленъ особый актъ.

Затѣмъ канцелярская дѣятельность по эмеритальной кассѣ можетъ быть охарактеризована нижеслѣдующими данными.

По пенсіонной части.

Въ теченіи отчетнаго 1889 г. провѣрены права на эмеритальныя пенсіи: а) вновь прибывшихъ 1,687 пенсіонеровъ и ихъ семействъ и б) 163 (¹) раненыхъ и тяжело больныхъ.

Произведено дополнительныхъ асигнованій и единовременныхъ выдачъ 181 лицу.

При асигнованіи означенныхъ пенсій назначено къ единовременному удержанію 6% и 3% вычетовъ съ 442 лицъ на сумму 37,889 р. 78 коп.

Составлены и напечатаны годовые списки, въ кои вошли 23,557 пенсіонеровъ, имѣющихъ получить эмеритальныя пенсіи въ 1890 г. по всѣмъ казначействамъ Имперіи.

I. Ежегодное это изданіе, составлявшее въ 1889 году томъ въ 2,459 печатныхъ страницъ большаго формата, потребовало для его составленія: а) подробнаго и точнаго разнесенія по старымъ спискамъ всѣхъ указанныхъ выше назначеній; б) отмітокъ о переводахъ пенсій изъ одного казначейства въ другое 2,358; в) исключеніе выбывшихъ пенсіонеровъ (970) и г) соединеніе и раздѣленіе пенсій нѣкоторыхъ семействъ (1,032 случая).

II. Въ печатный списокъ эмеритальныхъ пенсіонеровъ на 1890 г. вошло отдѣльныхъ асигнованій:

Самыхъ пенсіонеровъ 9,496

Семействъ , 14,061

23,557

(¹) Въ числѣ 163 заключаются восемь тяжело-больныхъ сыновей участникова эмеритуры.

Въ составѣ указаннаго числа семействъ находилось:

Малолѣтнихъ сыновей.	6,874
Дочерей	10,154
	17,028

По бухгалтеріи.

Слѣдующія къ поступленію въ капиталъ эмеритальной кассы суммы, какъ по приходнымъ статьямъ смѣты 1889 г., такъ и по вышедшимъ въ этомъ году въ тиражъ билетамъ и по уступленнымъ до 1881 г. эмеритальной кассѣ арендамъ причислены въ капиталъ эмеритурѣ по государственному банку и главному казначейству въ свое время и обращены на процентный текущій счетъ, съ начетомъ процентовъ по оному по 1-е іюня 1889 г.; начиная же съ сего послѣдняго срока, согласно распоряженію министерства финансовъ, опубликованному въ «Вѣстникѣ Финансовъ», за 1889 г., наличныя деньги эмеритурѣ помѣщались въ государственномъ банкѣ на безпроцентный текущій счетъ.

До 1-го іюня 1889 г. по текущему счету эмеритальной кассы начислены въ пользу эмеритурѣ проценты 1,205 р. 40 к. и за исключеніемъ 5% налога, 60 р. 27 к.—1,145 р. 13 к., которые, какъ поступившіе по окончаніи года, будутъ показаны по отчету за 1890 годъ.

Въ отчетномъ же 1889 г. поступило подобнаго дохода за 1888 годъ—6,782 руб. 93 коп.

По провѣркѣ расчетовъ.

Въ 1889 г. были провѣрены расчеты:

а) по 33 отдѣльнымъ покупкамъ для эмеритальной кассы государственныхъ процентныхъ бумагъ, произведенныхъ черезъ государственный банкъ, по номинальной стоимости на сумму 4.944,750 руб.

б) по остаткамъ эмеритальныхъ пенсій, оказавшимся невыданными по разнымъ случаямъ, изъ числа асигнованій и переводовъ въ 1888 г., съ возвращеніемъ въ капиталъ эмеритальной кассы 337,947 руб. 68 коп.

в) по поступленію 3% вычетовъ за службу внѣ военного вѣдомства 131 лица на 20,051 руб. 51 коп.

г) по возврату изъ эмеритальной кассы неправильно поступившихъ въ нее вычетовъ 6,251 руб. 46 коп.

д) по возобновленію эмеритальныхъ пенсій, прекращенныхъ по разнымъ случаямъ, на 27,273 р. 96 к.

и е) по 6% вычетамъ изъ содержанія офицерскихъ чиновъ казачьихъ войскъ на 81,110 руб. 10 коп.

Общій сводъ оборотовъ эмеритальной кассы 1889 г.

А. Оборотъ капитала.

Въ теченіи 1889 г. въ общемъ капиталѣ эмеритальной кассы произошли слѣдующіе обороты:

НАИМЕНОВАНИЕ ДОХОДОВЪ.	Наличными деньгами по главному казначейству.	Наличными деньгами по государственному банку.	Арендъ.	Процентныхъ бумагъ.	ИТОГИ
	Руб. коп.	Руб. коп.	Руб. коп.	Руб. коп.	Руб. коп.
Оставалось отъ 1888 года	63,047 8 ¹ / ₄	1,010,538 50	89,138 28	7,500,000 —	94,361,633 86 ³ / ₄
<i>Въ теченіе 1889 года поступило:</i>					
Пропентовъ на Всемигостивѣйше пожелованное пособіе	300,000 —				
6 ⁰ / ₀ и 3 ⁰ / ₀ вычетовъ	2,927,855 72 ¹ / ₂				
Остатки эмеритальныхъ пенсій	337,947 68				
Прибыли отъ выдачи ссудъ подъ аренды	25,353 20				
Остатокъ не выданныхъ пособій дѣлять офицеровъ, служившихъ по бышему военному поселенію	3,397 93				
Процентъ по фондамъ эмеритальной кассы		4,332,946 50			
Прибыли отъ полученія 0 ⁰ / ₀ по фондамъ въ металлической валютѣ		314,784 35			
Прибыли отъ полученія капиталныхъ суммъ по фондамъ, вышедшимъ въ тиражъ въ металлической валютѣ		17,562 60			
Прибыль отъ полученія 6 ⁰ / ₀ и 3 ⁰ / ₀ вычетовъ въ металлической валютѣ		2,194 11			
Прибыль отъ тиража 5 ⁰ / ₀ билетовъ 1-го внутрен. займа съ выигрышами		50 —			
Проценты по текущему счету за 1888 г.		6,782 93			
Фонды, приобретенные за наличныя деньги эмеритальной кассы				4,944,750 —	
<i>Обороты изъ суммъ:</i>					
Въ уплату капиталныхъ суммъ по арендамъ	36,097 48				
Изъ государственнаго банка на услаженіе наличности	5,458,000 —				
Капиталь по фондамъ, вышедшимъ въ тиражъ		3,149,000 —			
Изъ главнаго казначейства на текущій счетъ эмеритальной кассы		1,804,557 1			
	9,151,699 10 ¹ / ₄	10,638,476 —			4,953,557 1
					122,913 38 ¹ / ₄

НАИМЕНОВАНИЕ РАСХОДОВЪ.	НАЛИЧНЫЯ ДЕНЕГѢ ПО ГЛАВНОМУ КВАРТАРЪСВѢТУ.		НАЛИЧНЫЯ ДЕНЕГѢ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ БАНКУ.		Арендъ.	Процентныхъ бумагъ.		ИТОГИ
	РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.	РУБ.	КОП.
<i>Въ теченіе 1889 года израсходовано:</i>								
На выдачу эмеритальныхъ пенсій	6,237,660	83						
На содержаніе администрации эмеритальной кассы и въ пособіе министерству финансовъ и государственному контролю	86,135	41						
На почтовые расходы	14	71						
На выдачу пособій дѣтямъ офицеровъ, служившихъ по бышему военному поселенію	33,000	—						
Въ возвратъ вычетовъ, неправильно поступившихъ въ эмеритальную кассу	6,251	46						
На приобрѣтеніе процентныхъ бумагъ			4,859,111	78				6,363,062 41
На уплату комисіи и куртажныхъ при покупкѣ фондовъ, а также за обмѣнъ и храненіе ихъ			6,879	12				
На уплату нарощенныхъ процентовъ при покупкѣ фондовъ			69,148	50				
На уплату государственнаго налога			189,784	95				5,124,924 35
<i>Оборотныя суммы:</i>								
На текущій счетъ въ государственный банкъ	1,804,557	1						1,804,557 1
На увеличеніе наличности по главному казначейству			5,458,000	—				5,458,000 —
На погашеніе капитальныхъ суммъ по арендѣ					36,097	48		36,097 48
На погашеніе фондовъ, вышедшихъ въ тиражъ							3,149,000	3,149,000 —
Остатокъ на 31-е декабря 1889 г.	984,079	68 ¹ / ₄	55,491	65	53,040	80	7,500,000	96,087,272 13 ¹ / ₄
	9,151,699	10 ¹ / ₄	10,638,416	—	89,138	28	87,494,660	118,023,913 38 ¹ / ₄

Б. Обороты наличныхъ денегъ.

Изъ вышеприведенной вѣдомости видно, что капиталъ эмеритальной кассы съ 94.361,633 руб. 86³/₄ коп., состоявшихъ въ 1 января 1889 года, возросъ въ теченіи отчетнаго года до 96.087,272 руб. 13¹/₄ коп., т. е. увеличился на 1.725,638 руб. 26¹/₂ коп.

Къ объясненію такового приращенія представляются слѣдующія данныя:

Поступили:

Проценты на Всемилоствѣйше пожалованный капиталъ въ 7.500,000 руб.	300,000 р.
Проценты по фондамъ, принадлежащимъ эмеритальной кассѣ	4.332,946 р. 50 к.
Отъ продажи звонкой монеты, полученной:	
а) въ видѣ процентовъ по фондамъ въ металлической валютѣ	314,784 р. 35 к.
б) въ видѣ капитала по вышедшимъ въ тиражъ фондамъ въ металлической валютѣ	17,562 > 60 >
в) въ видѣ 6 ^o / _o вычетовъ съ чиновъ финскихъ войскъ и Финляндскаго калетскаго корпуса	2,194 > 11 >
	<hr/>
	334,541 р. 6 к.
Прибыль отъ выхода въ тиражъ 5 ^o / _o билетовъ 1-го внутренняго займа съ выигрышами	50 р. >
Проценты по текущему счету эмеритальной кассы въ государственномъ банкѣ за 1888 годъ	6,782 > 93 >
Годовая прибыль отъ прибрѣтенныхъ до 1881 года арендъ	25,353 > 20 >
6 ^o / _o вычетовъ: изъ содержанія обязательныхъ участниковъ	2.653,723 р. 73 к.
Изъ содержанія добровольныхъ участниковъ	226,317 р. 33 ¹ / ₂ к.
Изъ арендъ и пенсій, получаемыхъ участниками кассы	34,848 > 71 >
	<hr/>
	2.914,889 > 77 ¹ / ₂
3 ^o / _o вычетовъ: за службу въ военнаго вѣдомства	12,965 > 95 >
Остатковъ эмеритальныхъ пенсій за убылью по разнымъ случаямъ въ 1888 году пенсіонеровъ, а также и переводы на главное казначейство	337,947 > 68 >

Остатокъ невыданныхъ по-
собій дѣтямъ офицеровъ, слу-
жившихъ по бывшему воен-
ному поселенію 3,397 р. 93 к.

8.268,875 р. 2¹/₂ к.

Произведено расходовъ:

На выдачу эмеритальныхъ
пенсій 6.237,660 р. 83 к.

въ томъ числѣ:

а) асигновано пенсіоне-
рамъ прежняго времени, про-
живающимъ внѣ Петербурга
(по печатнымъ годовымъ спи-
скамъ) 4.344,194 > 27 >

б) асигновано вновь при-
бывшимъ въ теченіи 1889 года
иногороднымъ пенсіонерамъ (по
дополнительнымъ спискамъ) 642,000 > 12 >

в) выдано эмеритальныхъ
пенсій въ С.-Петербургѣ (по
главному казначейству). 1.206,054 > 69 >

г) переведено пенсій изъ
главнаго казначейства на казен-
ныя палаты. 45,411 > 75 >

6.237,660 > 83 >

На содержаніе администраціи эмеритальной кассы 85,135 > 41 >

Въ томъ числѣ:

На содержаніе эмериталь-
наго отдѣла канцеляріи воен-
наго министерства 45,882 р. к.

На канцелярскіе расходы 2,254 > 26

На типографскіе расходы 3,999 > 15

На вознагражденіе за заня-
тія по эмеритальной кассѣ уч-
режденіямъ:

Министерства финансовъ 30,100 > >

Государственнаго контроля 3,900 > >

86,135 > 41 >

На пересылку по почтѣ 6%
вычетовъ съ офицеровъ фин-
скихъ войскъ

14 > 71 >

Въ возвратъ вычетовъ, неправильно зачисленныхъ въ эмеритальную кассу военно-супружескаго вѣдомства 625 р. 46 к.

На выдачу постоянныхъ и единовременныхъ пособій для воспитанія дѣтей офицеровъ, служившихъ по бывшему военному поселенію. 33,000 > — >

Буртажъ, комисія и за храненіе фондовъ эмеритальной кассы въ государственномъ банкѣ , 6,879 > 12 >

Наросшихъ процентовъ по фондамъ, приобретеннымъ въ теченіи года черезъ государственный банкъ 69,148 > 50 >

5⁰/₀ государственный налогъ 189,784 > 95 >

6.628,874 р. 98 к.

Превышеніе дохода на 1.640,000 > 4¹/₂ >

Для опредѣленія общаго превышенія дохода эмеритальной кассы 1889 года, противъ расхода, слѣдуетъ прибавить превышеніе номинальной стоимости вновь приобретенныхъ процентныхъ бумагъ противъ ихъ покупной цѣны по курсу 85,638 > 22 >

Чистая прибыль 1.725,638 > 26¹/₂ >

В. Оборота процентныхъ бумагъ.

31-го декабря 1888 года въ эмеритальной кассѣ состояло процентныхъ бумагъ на 85.698,910 > — >

Въ отчетномъ году изъ свободныхъ суммъ эмеритальной кассы приобретено процентныхъ бумагъ по номинальной стоимости на 4.944,750 > -- >

Всего въ теченіе 1889 г. было процентныхъ бумагъ на 90.643,660 > — >

Вышло въ тиражъ, какъ подробно объяснено въ прилагаемой вѣдомости 3.149,000 > — >

(Приложеніе № 1, см. табл., стр. 28—31).

Затѣмъ въ 31-му декабря 1889 году фондовый портфель представлялъ стоимость 87.494,660 р. — к.

Г. Обороты арендныхъ денегъ.

На 31-е декабря 1888 г. арендъ, уступленныхъ кассъ, состояло 89,138 > — 28 >

Исключая отсюда суммы, поступившія въ отчетномъ 1889 году въ возвратъ выданныхъ ссудъ. 36,097 > 48 >

На 31-е декабря 1889 г. арендный портфель представлялъ стоимость 53,040 > 80 >

Д. Сравненіе оборотовъ капитала эмеритальной кассы въ отчетномъ году съ предположеніями, нанесенными въ смѣту на этотъ же годъ.

Сравненіе это представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Всѣхъ суммъ поступило . 8.388,366 р. 61¹/₂ к.

Ожидалось по смѣтѣ 1889 г. 8.247,548 > — >

Въ дѣйствительности поступило болѣе на 140,818 р. 61¹/₂ к.

Расходовъ произведено въ теченіи года 6.559,711 > 77 >

Предполагалось по смѣтѣ 1889 г. 6.312,753 р. — к.

Дополнительно асигновано въ теченіи 1889 г. 300,000 > — > 6.612,753 > — >

Въ дѣйствительности израсходовано менѣе 53,041 > 23 >

Такимъ образомъ капиталъ эмеритальной кассы въ дѣйствительности увеличился противъ смѣтнаго исчисленія на 193,859 > 84¹/₂ >

и Е. Сравненіе результатовъ отчетнаго года съ проектными расчетами денежныхъ оборотовъ эмеритальной кассы, принятыми въ основаніе при составленіи эмеритальнаго положенія 1880 года.

Сравненіе это даетъ слѣдующіе выводы:

а) *По доходамъ:*

Въ 1889 году поступило валоваго дохода 8.269,000 р. — к.

В Ъ Д О

о движеніи въ 1889 году фондовъ, принадлежа вѣдом

НАИМЕНОВАНИЕ ФОНДОВЪ.	Остатокъ на 31-е декабря 1888 года по номинальной стоимости.	Движеніе въ
		Прибыло (куплено на биржѣ).
Въ кредитныхъ рубляхъ.		
6 ⁰ / ₀ бил. госуд. ком. погаш. долговъ	587,320	—
5 ¹ / ₂ ⁰ / ₀ свидѣтельства по выкупу	6.560,400	—
5 ¹ / ₂ ⁰ / ₀ » крестьянск. поземельн. бавка	460,000	—
5 ⁰ / ₀ закладные листы дворянскаго земельного банка	3.244,700	4.041,400
5 ⁰ / ₀ бил. госуд. ком. погаш. долговъ	283,800	—
5 ⁰ / ₀ билеты государственнаго банка 1-го выпуска	2.302,200	903,350
5 ⁰ / ₀ » » » 2-го »	22.770,850	—
5 ⁰ / ₀ » » » 3-го »	77,400	—
5 ⁰ / ₀ » » » 4-го »	4.194,500	—
5 ⁰ / ₀ » » » 5-го »	1.822,900	—
5 ⁰ / ₀ желѣзнодорожная рента	4.128,800	—
5 ⁰ / ₀ бил. 1-го внутр. займа съ выигрышами	12,000	—
5 ⁰ / ₀ облиг. 1-го восточнаго займа	7.365,550	—
5 ⁰ / ₀ » 2-го » »	7.330,500	—
5 ⁰ / ₀ » 3-го » »	8.008,400	—
4 ⁰ / ₀ билеты государственной комисіи погашенія долговъ	2,000	—
4 ⁰ / ₀ непрерывно-доходные билеты	2.255,250	—
Итого	71.406,570	4.944,750

О С Т Ъ

ОСТАТКОВЪ ЭМЕРИТАЛЬНОЙ КАССЫ ВОЕННО-СУХОПУТНАГО ФЛОТА.

Фондовъ 59 г.	Остатокъ фондовъ на 31-е декабря 1889 г.	Опись роспискамъ государственнаго банка въ принятіи на храненіе фондовъ эмеритальной кассы.			
		Номинальная стоимость фондовъ, принятыхъ на храненіе.	Число билетовъ.	№ № росписокъ.	Срокъ возобновленія росписокъ.
—	587,320	587,320	117	373,792	23-го декабря 1890 года
		2.545,000	148	520,573	1-го февраля » »
		2.621,600	110	543,779	1-го ноября » »
25,900	6.534,500	809,800	63	508,522	26-го юля » »
		558,100	57	287,595	2-го декабря » »
10,000	450,000	450,000			
30,000	7.256,100	7.256,100	1,050	518,595	2-го января 1891 года
		225,800	6,994	546,736	20-го декабря 1890 года
—	283,800	8,000	6	430,870	21-го » » »
		50,000	1	344,602	4-го » » »
965,050	2.240,500	2.240,500	1	344,601	4-го » » »
1.906,650	20.864,200	20.864,200	131	546,933	21-го декабря 1890 »
			1,619	538,357	1-го августа » »
5,000	72,400	72,400	84	542,018	2-го октября » »
			2,680	542,633	10-го » » »
152,400	4.042,100	4.042,100	3,116	539,916	1-го сентября » »
19,300	1.803,600	1.803,600	3,737	488,322	11-го декабря » »
—	4.128,500	4.128,800	118	525,284	1-го апрѣля » »
200	11,800	11,800	31,934	517,739	21-го декабря » »
—	7.365,550	7.365,550	7,497	517,736	21-го » » »
—	7.330,500	7.330,500	46,703	517,737	21-го » » »
—	8.008,400	8.008,400	—	—	
2,000	—	—	25	401,784	15-го декабря » »
—	2.255,250	2.255,250			
3.116,500	73.234,820				

НАИМЕНОВАНИЕ ФОНДОВЪ.	Остатокъ на 31-е декабря 1888 года по номинальной стоимости.	Движеніе
		Прибыль (куплено на биржѣ).
Переносъ	71.406,570	4.944,750
Въ металлической валютѣ.		
5% вкладные листы центр. банка русскаго поземельнаго кредита 22,690 листовъ по 500 франковъ каждый, что составитъ 11.345,000 фр.; считая же по нормальному курсу 25 коп. за 1 франкъ, будетъ	2.836,250	—
4 ¹ / ₂ % облигации главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ 1,540 облигаций по 200 фр. каждая, что составитъ 2.680,000 фр.; считая же по нормальному курсу 25 коп. за 1 фр., будетъ	670,000	—
4 ¹ / ₂ % консолидиров. облигаций россійск. желѣзныхъ дорогъ V вып. 5,281 облиг. по 100 стерлин. каждая, что составитъ 528,100 стер; считая же по нормальному курсу 6 р. 40 коп. за 1 стер., будетъ	3.379,840	—
4% консолидиров. облигаций россійск. желѣзныхъ дорогъ VI вып. 59,250 облигаций въ 500 фр.; считая же по нормальному курсу 25 коп. за 1 франкъ, будетъ	7.406,250	—
	85.698,910	4.944,750

	По курсу.	Кредитными рублями.
5% вакл. лист. центр. банка русск. поз. кред.	р. к. 37 53 за 100 ф. 38 66 » 100 ф.	11,259 7,732
4 ¹ / ₂ % облиг. глав. общ. россійск. желѣзн. дор. I вып.	95 90 » 10 ф. ст.	31,071 » 60 к.
	—	50,062 60

Фондовъ 89 г.	Остатокъ фондовъ на 31-е декабря 1889 г.	Опись роспискамъ государственнаго банка въ принятіи на храненіе фондовъ эмеритальной кассы.			
		Номинальная стоимость фондовъ, принятыхъ на храненіе.	Число билетовъ.	№ № росписокъ.	Срокъ возобновленія росписокъ.
3.116,500	73.234,820				
12,500	2.823,750	2.823,750	22,590	537,621	20-го іюля 1890 года.
20,000	650,000	650,000	1,300	542,201	3-го октября » »
—	3.379,840	3.379,840	5,281	511,825	20-го сентября » »
—	7.406,250	7.406,250	59,250	514,437	1-го ноября » »
3.149,000	87.494,660		194,642		

Вписано въ расходъ по мѣн. стоим.	Прибыль отъ уплаты звонкою монетою.
7,500	3,759
5,000	2,732
20,000	11,071 60
32,500	17,562 60

Исключая отсюда остатки
отъ асигнованныхъ пенсій, со-
ставляющіе одинъ бухгалтер-
скій оборотъ 338,000 р. — к.

Дѣйствительно поступило
дохода 7.931,000 » — »

По теоретическимъ разсче-
тамъ исчисленъ доходъ 1889 г. 7.396,000 » — »

Поступило *болѣе* 535,000 » — »
или . . . 7, 15⁰/₀

б) *По расходамъ:*

Въ 1889 г. было асигно-
вано эмеритальныхъ пенсій . 6.238,000 » — »
а за исключеніемъ:

1) суммы, поступившей об-
ратно за убылью пенсионеровъ 338,000 » — »

2) суммы расходовъ на пен-
сіи въ сентябрьской трети въ
потребность 1890 года. 226,000 » — »

564,000 р. — к.

Такимъ образомъ на произ-
водство эмеритальныхъ пенсій
въ 1889 г. было израсходовано 5.674,000 » — »

По теоретическимъ разсче-
тамъ исчислено расходовъ для
1889 года 4.280,000 » — »

Израсходовано болѣе на 1.394,000 р. — »
или 32, 57⁰/₀

и в) *По состоянію капитала:*

Въ 31-му декабря 1889 года капиталъ эмеритальной
кассы представлялъ стоимость 96.087,272 р.

Для сравненія приведенной выше цифры съ теорети-
ческимъ ожиданіемъ эмеритальной наличности, необходимо
ее капитализировать по тому же проценту, по которому
было выведено это ожиданіе, а именно 5¹/₄⁰/₀.

Согласно сему и принимая стоимость полученнаго до-
хода по процентнымъ бумагамъ въ металлической валютѣ
по среднему курсу 1889 г. 7 р. 50 к. за полуимперіаль,
капиталъ эмеритальной кассы на 31-е декабря 1889 года
будетъ равенъ 93.954,000 »

По теоретическимъ исчисленіямъ онъ долженъ былъ
бы составлять 99.305,000 »

Такимъ образомъ капиталъ уменьшился на . . . 5.351,000 р.
или на 5, 39%.

Краткія статистическія свѣдѣнія объ эмеритальныхъ пенсіяхъ.

Сжатый выводъ изъ статистическихъ данныхъ представляетъ слѣдующее:

	Самимъ пен- сіонерамъ.	Семействамъ пенсіонеровъ.	Итого.
Начиная съ 1865 г., когда первый разъ были назначены эмеритальныя пенсіи за пер- выя 5 лѣтъ участія въ кассѣ, и до отчетнаго 1889 г. было асиг- новано пенсій	19,449	14,872	34,321
Вновь асигновано въ 1889 г.	915	935	1,850
Всего въ теченіе 25-ти лѣтъ асигновано пенсій	— 20,364	— 15,807	36,171
Изъ этого числа выбыло до отчетнаго года	9,977	2,097	
въ отчетномъ году	719	251	2,348
Затѣмъ къ 31-му декабря 1889 г. оставалось въ налич- ности		9,668	13,459 = 23,127

Послѣднее число пенсіонеровъ—23,127 (1), а за раздѣленіемъ пенсій
нѣкоторыхъ семействъ по разнымъ казначействамъ, всего 23,557 отдѣль-
ныхъ асигнованій, вошло въ годовые печатные списки эмеритальнымъ пенсіо-
нерамъ на 1890 г., по 71 казенной палатѣ и главному казначейству.

Какъ показываетъ подробная вѣдомость по губерніямъ, для производ-
ства эмеритальныхъ пенсій указаннымъ выше 23,557 пенсіонерамъ потре-
бовалось асигновать:

для самихъ пенсіонеровъ (9,496)	3.082,400 р. 97 к.
> семействъ > (14,061)	2.710,900 > 07 »
Всего	5.793,301 р. 04 к.

Въ частности назначеніе указанныхъ выше 36,171 пенсій было сдѣлано:

По отношенію къ лѣтамъ общей государственной службы:

	Самимъ пен- сіонерамъ	Семействамъ пенсіонеровъ.	Итого.
За 35 лѣтъ (на общемъ основаніи).	8,314	5,885	14,199

(1) За исключеніемъ изъ него пенсіонеровъ вновь прибывшихъ во время пе-
чатанія списка (въ сентябрьской трети 1889 г.).

По сокращенному сроку	2,936	759	3,695
За 25 лѣтъ (на общемъ основаніи)	9,114	9,163	18,277
	20,364	15,807	36,171

По отношенію къ числу платныхъ лѣтъ:

За 5 лѣтъ	8,008	7,491	15,499
> 12 >	5,480	4,838	10,318
> 19 >	4,599	2,601	7,200
> 25 >	2,057	862	2,919
> 30 <	220	15	235
	20,364	15,807	36,171

Изъ общаго числа 20,364 пенсіонеровъ состояло:

Въ военныхъ чинахъ			14,806
Изъ коихъ наибольшее число капитановъ	2,871		
И наименьшее число полныхъ генераловъ	39		
Въ гражданскихъ чинахъ			5,511
Изъ коихъ наибольшее число надворныхъ со- вѣтниковъ	1,235		
И наименьшее число дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ	3		
Въ духовномъ санѣ			47
			20,364

Изъ нихъ было лицъ семейныхъ 15,376

Холостыхъ и вдовыхъ 4,988 20,364

Въ общемъ числѣ 15,807 семействъ состояло:

изъ вдовъ безъ дѣтей	5,481		
> > съ дѣтьми	9,025		
семействъ изъ круглыхъ сиротъ	1,210		
вдовыхъ матерей участниковъ кассы	91		15,807

Выше было приведено, что съ 1865 г. по 1890 г. назначеній эмеритальныхъ пенсій по сокращенному сроку было 3,695 случаевъ, изъ коихъ:

Самимъ участникамъ эмеритальной кассы	2,904		
Семействамъ	767		
			3,671

Таковыя пенсіи были назначены:

Участникамъ кассы:

Страдающимъ параличемъ	1,197
> умопомѣшательствомъ	1,048
> потерю зрѣнія	277

Причисленнымъ:

Бъ раненымъ I класса.	106	
» » II »	276	
		————— 2,904 (').

Семействамъ пенсіонеровъ:

Вдовамъ, мужья коихъ умерли отъ тяжелыхъ болѣзней.	477	
Вдовамъ, мужья коихъ умерли отъ ранъ и увѣчій.	248	
Сыновьямъ, согласно п. 2 ст. 474, кн. VIII, Св. В. П. 1869 г. (изд. 1889 г.).	42	
		————— 767

По причинамъ выбытія, эмеритальные пенсіонеры раздѣляются:

За смертью.	8,356	
» поступленіемъ на службу.	928	
» неявкою болѣе 2-хъ лѣтъ.	1,378	
и истеченіемъ 2-хъ лѣтъ для пенсіонеровъ сокращеннаго срока.	34	
		————— 10,696

Перехода отъ назначенія эмеритальныхъ пенсій за прежніе годы къ ихъ асигнованію въ отчетномъ 1889 г., оказываются слѣдующіе главнѣйшіе результаты:

	Число случаевъ:	На сумму:
Новыхъ пенсій было назначено:		
За выслугу лѣтъ.	1,695	
По сокращенному сроку.	155	
	————— 1,850	708,106 р. 28 к.

Дополнительныхъ асигнованій и единовременныхъ выдачъ (²) пенсій было	181	28,795 р. 98 к.
Итого	2,031	736,902 р. 26 к.

Статистика вновь дарованныхъ въ 1880 году льготъ представляетъ слѣдующіе выводы:

а) *Назначены эмеритальныя пенсіи 14-ти раненымъ II класса, уволеннымъ въ отставку до выслуги 25-ти лѣтъ.*

Сумма годовыхъ окладовъ этихъ пенсій составила 1,866 р.

Изъ числа сихъ пенсіонеровъ было: лицъ семейныхъ 9 и холостыхъ 5.

Подробное распредѣленіе указанныхъ пенсій по отношенію къ лѣтамъ

(¹) Кромѣ того, возобновлено 32 эмеритальныя пенсіи.

(²) За прежнее время.

отъ роду и службы, къ числу платныхъ лѣтъ и чинамъ пенсіонеровъ, представлено въ отдѣльныхъ вѣдомостяхъ.

б) *Назначены эмеритальныя пенсіи 13-ти лицамъ, подвергнувшимся на службу тяжкимъ болѣзнямъ до выслуги 5-ти оплаченныхъ лѣтъ.*

Подобныхъ пенсій всѣмъ упомянутымъ лицамъ было асигновано на сумму 2,636 р. 35 к.

Изъ числа этихъ лицъ было: семейныхъ 5, холостыхъ 8.

Въ томъ числѣ: въ военныхъ чинахъ 9, въ гражданскихъ 4.

Распределение вышеозначенныхъ пенсій по отношенію къ лѣтамъ отъ роду и чинамъ пенсіонеровъ, представлено въ особой вѣдомости.

в) *Назначены эмеритальныя пенсіи 385 лицамъ по тѣмъ чинамъ, въ которые они были произведены при увольненіи въ отставку.*

Если бы этимъ лицамъ были назначены эмеритальныя пенсіи по чинамъ, въ которыхъ они состояли на службѣ, то сумма годовыхъ окладовъ эмеритальныхъ пенсій составляла бы. 185,376 р.

При назначеніи же имъ эмеритальныхъ пенсій по чинамъ, въ которые они произведены при увольненіи въ отставку, та же сумма составляетъ. 255.730 »

т. е. назначено болѣе на 70,354 р.

При асигнованіи этихъ пенсій наложено единовременное взысканіе 6% изъ окладовъ жалованья по новымъ чинамъ всего 19,891 р. 77 к.

г) *Назначено 140 пожизненныхъ эмеритальныхъ пенсій незамужнимъ дочерямъ, имѣющимъ болѣе 25 лѣтъ отъ роду.*

Высшій годовой окладъ пенсій составлялъ. 644 р.

Наименьшій. 10 » 75 к.

Годовой расходъ на означенныя 140 лицъ составляетъ 14,399 » 69 к.

д) *Назначено эмеритальныхъ пенсій 44 семействамъ лицъ, умершихъ на службѣ до выслуги 5-ти оплаченныхъ лѣтъ.*

Годовой расходъ составляетъ 22,589 р. 87 к.

Приложеніе 2-е.

О П И С Ъ

нумерамъ 5% билетовъ 1-го внутренняго займа съ выигрышами, состоявшихъ въ эмеритальной кассѣ военно-сухопутнаго вѣдомства къ 31-му декабря 1889 года.

№№ серій.	№№ билетовъ.	Число листовъ.	Номинальная стоимость билетовъ. Руб. серебр.
1,485	съ 24 по 49	26	2,600
15,159	47	1	100
съ 15,162 по 15,172 . . .	47	11	1,100
» 15,174 » 15,175 . . .	47	2	200
» 15,177 » 15,185 . . .	47	9	900
» 15,187 » 15,188 . . .	47	2	200
» 18,251 » 18,256 . . .	29	6	600
» 18,258 » 18,270 . . .	29	13	1,300
18,272	29	1	100
» 18,274 по 18,276 . . .	29	3	300
» 18,278 » 18,286 . . .	29	9	900
» 18,289 » 18,300 . . .	29	12	1,200
» 18,451 » 18,459 . . .	29	9	900
» 18,461 » 18,463 . . .	29	3	300
18,465	29	1	100
» 18,467 по 18,473 . . .	29	7	700
18,476	29	1	100
» 18,478 по 18,479 . . .	29	2	200
Всего.		118	11,800

При повѣркѣ въ юнѣ 1890 года въ кладовыхъ государственнаго банка наличія эмеритальнаго капитала, особливо, ежегодно назначаемую для этой цѣли комисією, нумера эти, при сличеніи ихъ съ напечатанными на подлинныхъ билетахъ, оказались вѣрными.

ИЗБРАННЫЯ РѢШЕНІЯ ГЛАВНАГО ВОЕННАГО СУДА ЗА 1891 Г.

4-го іюля, № 70-й. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло по касационной жалобѣ подсудимаго рядоваго 174-го пѣхотнаго резервнаго Сѣдлецкаго полка (бывшаго 34-го резервнаго пѣхотнаго баталіона) Василя Горбатенко на состоявшійся о немъ и рядовомъ того же полка Ефіимъ Шевченко приговоръ варшавскаго военно-окружнаго суда. Изъ дѣла видно, что означенный судъ призналъ подсудимыхъ виновными: рядоваго Горбатенко въ томъ, что, находясь на базарной площади, на которой производилась продажа печенаго хлѣба, сговорился съ бывшимъ тамъ же другимъ нижнимъ чиномъ тайно похитить булку съ лотка торговки Вейсбергъ, для чего оба подошли къ ея столу и когда товарищъ, согласно состоявшемуся уговору, съ цѣлью отвлечь вниманія продавщицы, нарочно сталъ приторговывать у нея три фунта хлѣба, то онъ, Горбатенко, взялъ со стола, на глазахъ хозяйки Вейсбергъ, одну булку, но такъ какъ Вейсбергъ сказала ему: «не тронь, это не твое», то Горбатенко положилъ булку обратно на столъ; затѣмъ, однако же, выждавъ удобную минуту, когда Вейсбергъ стала отвѣшивать хлѣбъ для упомянутаго товарища, онъ, Горбатенко, снова схватилъ ту же булку и бросился съ нею бѣжать къ казармамъ, а торговавшій рядомъ съ Вейсбергъ еврей Мильгралинъ, видѣвшій совершенное Горбатенко похищеніе, погнался за убѣгавшимъ подсудимымъ; впоследствии же спрятанная обвиняемымъ въ подвалѣ казармъ означенная булка была найдена и возвращена потерпѣвшей, и рядоваго Шевченко въ томъ, что, войдя съ Горбатенко въ предварительное соглашеніе на похищеніе булки, онъ, согласно уговору, старался отвлечь вниманіе торговки, но, запятый разговоромъ съ нею, не видѣлъ, какимъ способомъ была похищена съ лотка булка, а догадался объ учиненной Горбатенко кражѣ лишь тогда, когда торговецъ Мильгралинъ погнался за Горбатенко, причемъ онъ, Шевченко, пользуясь происшедшимъ замѣшательствомъ, убѣжалъ съ мѣста преступленія. Обращаясь къ опредѣленію наказаній по закону, судъ, относительно рядоваго Горбатенко нашелъ, что, условившись съ рядовымъ Шевченко тайно похитить на базарѣ булку, онъ впоследствии, въ виду неудавшейся попытки, не входя въ дополнительное соглашеніе, по собственному побужденію, рѣшился измѣнить условленный способъ похищенія, перейдя отъ тайнаго къ открытому похищенію, почему за это послѣднее дѣяніе, какъ не бывшее предметомъ соглашенія, только онъ одинъ и подлежитъ соответственному наказанію; хотя же собственница похищеннаго и не видѣла, какъ Горбатенко завладѣлъ булкой, но какъ торговавшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея еврей Мильгралинъ не только видѣлъ все происшедшее, но и сознавалъ, что похититель взялъ хлѣбъ, не заплативъ денегъ, то, согласно ст. 1637 Улож. о наказ., дѣяніе Горбатенко является грабежемъ, учиненнымъ на городской площади, за что виновный, на основаніи ст. 1643 Улож., подлежитъ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія по 3 степени, съ возвышеніемъ на одну степень; принявъ засимъ во вниманіе уменьшающія вину Горбатенко обстоятельства, судъ смягчилъ наказаніе на двѣ степени. Дѣяніе же рядоваго Шевченко, уговорившагося

на простую кражу, составляет соучастіе въ этой кражѣ и подвергается наказанію, на основаніи ст. 169 и 5 п. 170 Мир. Устава. Посему судъ приговорилъ подсудимаго рядоваго Горбатенко, по лишеніи воинскаго званія и всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ и службою пріобрѣтенныхъ, правъ и преимуществъ, къ заключенію изъ службы и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на два съ половиною года, съ послѣдствіями, въ ст. 43, 45, 46 и 48 уложенія указанными, и съ замѣною, на случай надобности, согласно 77 ст. того же Улож., и подсудимаго Шевченко, взамѣнъ заключенія въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства на одинъ годъ, по лишеніи нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, къ одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ на три мѣсяца, съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ и съ послѣдствіями по 52 ст. XII и съ замѣною сего арестомъ на хлѣбъ и водѣ въ теченіе трехъ недѣль, съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ и увеличеніемъ обязательнаго пребыванія въ немъ до двухъ лѣтъ. На этотъ приговоръ подсудимый рядовой Горбатенко принесъ касационную жалобу, въ которой проситъ о смягченіи наказанія. Сообразивъ эту жалобу съ приговоромъ суда и законами и выслушавъ заключеніе помощника главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находитъ, что признаніе уменьшающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ и смягченіе, при наличности таковыхъ, опредѣленнаго въ законѣ наказанія въ мѣрѣ, на одну или двѣ степени, на основаніи 906 ст. Воен.-Суд. Уст., зависить не отъ главнаго военнаго суда, а отъ суда, рассматривающаго дѣло по существу. Но за всѣмъ тѣмъ наказаніе, опредѣленное подсудимому, представляется несоотвѣтствующимъ, по своей строгости, совершенному имъ преступному дѣянію. Согласно неоднократнымъ разъясненіямъ главнаго военнаго суда и уголовного касационнаго департамента правительствующаго сената, а также общаго Собранія перваго и касационныхъ департаментовъ въ рѣшеніи 1874 г. № 19, похищеніе чужаго имущества въ присутствіи хозяина или постороннихъ лицъ признается грабежомъ и подвергаетъ виновнаго болѣе строгому наказанію, чѣмъ за простую кражу, въ виду особой дерзости, обнаруживаемой преступникомъ, совершающимъ преступленіе явно на глазахъ хозяина или свидѣтелей. Посему для понятія грабежа необходимо, чтобы образъ дѣйствій похитителя имѣлъ характеръ явнаго похищенія, т. е. чтобы онъ сознавалъ, что похищеніе не можетъ остаться не замѣченнымъ во время самаго совершенія преступленія. Между тѣмъ по настоящему дѣлу судъ призналъ подсудимаго рядоваго Горбатенко виновнымъ въ томъ, что, находясь на базарной площади, сговорился съ бывшимъ тамъ же другимъ нижнимъ чиномъ тайно похитить булку съ лотка торговки еврейки Вейсбергъ, во исполненіе чего оба подошли къ ея столу и, когда товарищъ, съ цѣлью отвлечь вниманіе продавщицы, сталъ приторговывать три фунта хлѣба, подсудимый взялъ со стола на глазахъ хозяйки одну булку, но такъ какъ Вейсбергъ сказала ему: «не тронь, это не твое», то Горбатенко положилъ булку обратно на столъ, затѣмъ, выждавъ удобную минуту, когда Вейсбергъ стала отвѣшивать хлѣбъ для товарища, Горбатенко снова схватилъ булку и бросился бѣжать, а торговавшая рядомъ съ Вейсбергъ еврей Мильградинъ, видѣвшій совершенное Горбатенко похищеніе, погнался за нимъ. Такая виновность Горбатенко вовсе не заключаетъ въ себя указанныхъ выше признаковъ грабежа, за неустановленіемъ судомъ того обстоятельства, чтобы подсудимый, во время похищенія булки, сознавалъ, что это его дѣяніе будетъ замѣчено или хозяйкой, или кѣмъ либо

изъ постороннихъ. Напротивъ, образъ дѣйствій подсудимаго, уговорившагося съ товарищемъ скрытно похитить булку, съ самаго начала и до конца совершенія имъ преступленія, имѣлъ характеръ тайнаго присвоенія. Тоже обстоятельство, что тайное, какъ намѣревался совершить подсудимый, похищеніе булки было замѣчено торговавшимъ рядомъ евреемъ, недостаточно для признанія этого преступленія совершеннымъ открыто. Посему виновность подсудимаго Горбатенко вполне подходитъ подъ понятіе простой кражи, совершенной по предварительному соглашенію съ другимъ подсудимымъ. т. е. составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 169 и 5 п. 170 ст. Уст. о наказ., налаг. мир. суд. На основаніи изложеннаго, главный военный судъ опредѣляетъ: приговоръ варшавскаго военно-окружнаго суда о рядовыхъ Горбатенко и Шевченко исправить въ томъ, чтобы изъ рядоваго Горбатенко, какъ признаннаго виновнымъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 169 и 5 п. 170 ст. Уст. о наказ., налаг. мир. суд., при уменьшающихъ вину его обстоятельствахъ, взамѣнъ опредѣленнаго судомъ наказанія, а равно взамѣнъ заключенія въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства на шесть мѣсяцевъ, на основаніи прилож. I къ ст. 8 С. В. П. XXII, лишивъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, подвергнуть одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ, по средней мѣрѣ 3 степен. 51 ст. С. В. П. XXII, на два мѣсяца и одну недѣлю, съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ и другими послѣдствіями, опредѣленными въ 52 ст. С. В. П. XXII; въ случаѣ же неимѣнія мѣстъ въ военной тюрьмѣ, наказаніе это замѣнить содержаніемъ подъ арестомъ на хлѣбъ и водѣ на 2^{1/2} недѣли, съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ и съ увеличеніемъ обязательнаго пребыванія въ немъ на одинъ годъ и три мѣсяца, со всѣми вышеизложенными правоприличеніями и послѣдствіями; въ остальныхъ частяхъ приговоръ суда оставить въ своей силѣ.

4-ю іюля, № 71-й. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло по касационной жалобѣ подсудимаго рядоваго 92-го резервнаго пѣхотнаго (кадроваго) баталіона Исламетдина *Махмутдинова* на приговоръ о немъ временнаго военного суда въ г. Саратовѣ. Изъ дѣла видно, что означенный судъ призналъ подсудимаго Махмутдинова виновнымъ въ томъ: 1) что, будучи казенной прислугой у полковника Слуга, онъ изъ незапертаго помѣщенія тайно похитилъ у него, съ цѣлью присвоенія, золотую монету, стоимостью менѣе 300 руб.; 2) что тайно похитилъ, съ цѣлью присвоенія, изъ незапертаго помѣщенія у полковника Слуга серебрянный поясъ, стоимостью менѣе 300 руб.; 3) что у того же полковника тайно похитилъ, съ цѣлью присвоенія, изъ незапертаго помѣщенія офицерскій шарфъ, стоимостью менѣе 300 руб., и 4) что отперъ подобраннымъ ключемъ запертый ящикъ письменнаго стола полковника Слуга и тайно похитилъ оттуда, съ цѣлью присвоенія, сторублевый кредитный билетъ. Обращаясь къ назначенію наказанія, судъ нашелъ, что проступки, означенные въ 1, 2 и 3 пунктахъ, составляютъ, каждый въ отдѣльности, простую кражу на сумму менѣе 300 руб., учиненную у лица, у коего подсудимый былъ казенной прислугой, и предусмотрѣны 169 и п. 7 ст. 170 Уст. о наказ., налаг. мир. суд., по коимъ виновные подвергаются тюремному заключенію отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года и шести мѣсяцевъ, соотвѣтствующему одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ по первымъ четыремъ степенямъ. Проступокъ же, изложенный въ 4 пунктѣ, составляетъ кражу изъ запертаго хранилища посредствомъ подобранныаго ключа, учиненную у лица, у коего подсудимый находился въ услуженіи,

предусмотрѣнъ 1649 ст. Улож. о наказ., а самый характеръ взлома предусмотрѣнъ 1659¹ ст. того же Улож. Руководствуясь этими законами, судъ приговорилъ подсудимаго рядоваго Махмутдинова, по исключеніи изъ службы съ лишеніемъ воинскаго званія и всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ, правъ преимуществъ, къ отдачѣ въ арестантскія отдѣленія на два съ половиною года, съ послѣдствіями въ 43, 45, 46 и 48 ст. Уложенія указанными, а въ случаѣ неимѣнія въ сихъ отдѣленіяхъ свободныхъ мѣстъ, къ заключенію на тотъ же срокъ въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства, съ употребленіемъ на самую тяжкую работы и съ тѣми же послѣдствіями и праволишеніями. На этотъ приговоръ подсудимый Махмутдиновъ принесъ касационную жалобу, въ которой указываетъ на неправильное примѣненіе къ винѣ его законовъ о наказаніи. Сообразивъ эту жалобу съ приговоромъ суда, протоколомъ судебного засѣданія и законами и выслушавъ заключеніе помощника главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находитъ, что, согласно разъясненію сего суда въ рѣшеніяхъ 1887 г. № 125 и 1888 г. № 118, основанныхъ на рѣшеніи уголов. касац. департам. правит. сената 1882 г. № 46 и объяснительной записки къ закону 18-го мая 1882 г., кража изъ хранилищъ съ оторваніемъ находящихся на нихъ печатей, кража запертыхъ хранилищъ, кража съ найденными или украденными ключами, а равно съ поддѣльными или подобранными ключами, не принесенными виновнымъ съ собою, утратили значеніе кражи со взломомъ, или кражи съ особо увеличивающими вину обстоятельствами и наказываются, какъ простыя кражи, по 169 ст. Уст. о наказ., налаг. миров. суд. Посему, при совершеніи подобнаго рода кражъ слугою, работникомъ, подмастерьемъ или другимъ лицомъ, проживающимъ у того, чье имущество украдено, опредѣляемое 169 ст. того же Устава наказаніе— тюремное заключеніе отъ трехъ до шести мѣсяцевъ, можетъ быть, по силѣ 7 п. з. а 170 ст. Устава, лишь увеличено до одного года. Заслуживъ, на основаніи послѣдней части 1649 и 3 п. 1659¹ ст. Улож. о наказ. угол. и исправ., подлежать наказанію за кражу слуги, работники, подмастерья или другія лица, проживающія у того, чье имущество украдено, но лишь при томъ условіи, если виновные отомкнули, съ цѣлью похищенія, на препятствующихъ доступу преградахъ замки, посредствомъ отмычекъ или инаго орудія, или же посредствомъ принесенныхъ, или поддѣльныхъ, или подобранныхъ ключей, а также, если виновные отперли такимъ же способомъ, т. е. посредствомъ отмычекъ или инаго орудія, принесенныхъ ими, поддѣльныхъ или подобранныхъ ключей, на самомъ мѣстѣ преступленія, запертыя хранилища движимаго имущества (объясненіе къ закону 18-го мая 1882 г. стр. 59 пунктъ 4-й). Между тѣмъ, по настоящему дѣлу, временный военный судъ въ г. Саратовѣ призналъ подсудимаго Махмутдинова виновнымъ, по 4 пун. приговора, въ томъ, что онъ, будучи казенной прислугой у подполковника Спуга, отперъ подобраннымъ ключемъ запертый ящикъ письменнаго стола поименованнаго штабъ-офицера и тайно похитилъ оттуда, съ цѣлью присвоенія, принадлежащій подполковнику Спугу сторублевый кредитный билетъ. Такая виновность подсудимаго, за неустановленіемъ судомъ того существеннаго обстоятельства, чтобы подобранный ключъ былъ принесенъ Махмутдиновымъ, не соответствуетъ признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго 1649 и 3 п. 1659¹ ст. Улож. о наказ. Вслѣдствіе сего, жалоба поименованнаго нижняго чина на неправильное примѣненіе къ вышеизложенной виновности его законовъ о наказаніи представляется заслуживающею уваженія. Независимо отъ жалобы, главный военный судъ находитъ, что

при изложеніи соображеній о примѣненіи законовъ о наказаніи за преступленія подсудимаго Махмутдинова, признанныя 1, 2 и 3 пунктами приговора, судъ неправильно указалъ, что, согласно 169 и п. 7 лит. а 170 ст. Уст. о наказ., налаг. миров. суд., виновные подвергаются тюремному заключенію отъ трехъ мѣсяцевъ до одного и шести мѣсяцевъ, тогда какъ по 7 пун. лит. а 170 ст. Уст. тюремное заключеніе опредѣляется лишь до одного года. На основаніи изложеннаго, главный военный судъ опредѣляетъ: приговоръ временнаго военного суда въ г. Саратовѣ о рядовомъ Махмутдиновѣ отмѣнить, предписавъ казанскому военно-окружному суду вновь рассмотретьъ настоящее дѣло въ другомъ составѣ присутствія и сдѣлать немедленно распоряженіе объ освобожденіи рядоваго Махмутдинова изъ подъ ареста, съ отдачею его подъ надзоръ начальства, если только онъ въ настоящее время содержится по сему дѣлу подъ арестомъ.

25-го июля, № 79-й. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло объ исправленіи приговора полковаго суда Донскаго казачьяго № 11-го полка о казакѣ того полка Иванѣ Калашниковѣ. Полковой судъ Донскаго казачьяго № 11-го полка призналъ казака Калашникова виновнымъ въ томъ, что, будучи прислугою у хоруужаго Полухина, похитилъ изъ корзины бѣлье: двѣ сорочки и двое подштаниковъ, стоящихъ 6 руб. 50 коп., находившееся у него на сбереженіи, и, будучи переведенъ въ услуженіе къ подьесаулу Каргашову, не передалъ такового по принадлежности, а оставилъ у себя, возвративъ лишь тогда, когда былъ произведенъ обыскъ. Находя, что означенное дѣяніе составляетъ кражу, предусмотрѣнную 7 п. 170 ст. Уст. о наказ., налаг. мир. судьями, судъ избралъ за оную заключеніе въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства на восемь мѣсяцевъ и, по замѣнѣ сего наказанія, на основаніи прил. къ 8 ст. В. У. о наказаніяхъ, приговорилъ подсудимаго казака Калашникова къ одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ по низшей мѣрѣ 1-й степени — на три мѣсяца, съ замѣною, на случай неимѣнія свободнаго мѣста въ военной тюрьмѣ, арестомъ на хлѣбѣ и водѣ на три недѣли съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ и съ увеличеніемъ обязательнаго пребыванія въ немъ въ теченіе двухъ лѣтъ. По утвержденіи этого приговора, военный прокуроръ кievскаго военно-окружнаго суда донесъ начальнику 11-й кавалерійской дивизіи, что, согласно прилож. къ ст. 8 XXII, избранное судомъ тюремное заключеніе на восемь мѣсяцевъ составляетъ низшую мѣру 1-й степени и соответствовуетъ одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ второй степени въ низшей мѣрѣ на два мѣсяца и двѣ недѣли, а не низшей мѣрѣ 1-й степени, какъ это признано судомъ. Поэтому судъ обязанъ былъ назначить подсудимому Калашникову содержаніе подъ арестомъ на хлѣбѣ и водѣ и увеличеніе обязательнаго пребыванія въ разрядѣ штрафованныхъ не по низшей мѣрѣ 1-й степени, а по низшей мѣрѣ 2-й степени. Независимо сего, судъ не имѣлъ законнаго основанія признавать дѣяніе подсудимаго Калашникова простою кражею, такъ какъ судомъ признано, что похищеніе подсудимымъ бѣлья у хоруужаго Полухина было произведено въ то время, когда подсудимый, будучи прислугою у названнаго офицера, имѣлъ вышеупомянутое бѣлье у себя на сбереженіи и не передалъ этого бѣлья по принадлежности, при переводѣ въ услуженіе къ другому офицеру, каковое дѣяніе составляетъ не кражу, а присвоеніе чужаго движимаго имущества, предусмотрѣнное 177 ст. уст. мир. Вслѣдствіе сего, военное начальство вошло съ ходатайствомъ объ исправленіи приговора. Сообразивъ представленіе военнаго начальства съ законами и выслушавъ заключеніе помощника

главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находить, что полковой судъ, назначивъ казаку Калашникову тюремное заключеніе на восемь мѣсяцевъ, долженъ былъ, согласно прил. къ 8 ст. С. В. П. XXII, замѣнить это наказаніе не низшей мѣрой 1 степ. военной тюрьмы, а низшей же мѣрой 2 степени, вслѣдствіе чего, въ силу прил. къ 59 ст. С. В. П. XXII, срокъ увеличенія обязательнаго пребыванія подсудимаго въ разрядѣ штрафованныхъ ограничивался однимъ годомъ и шестью мѣсяцами, а не двумя годами. Затѣмъ, что касается указанія на неправильное признаніе подсудимаго казака Калашникова виновнымъ въ кражѣ, вмѣсто присвоенія имъ, какъ слугою, движимаго имущества хорунжаго Полухина, то изложенное по сему предмету соображеніе военнаго прокурора нельзя признать основательнымъ по слѣдующему соображенію: согласно разъясненію уголовнаго касационнаго департамента правительствующаго сената въ рѣшеніи 1870 г. № 509, домашняя прислуга, по тѣмъ особымъ отношеніямъ, въ которыхъ она стоитъ къ нанимателю и тому положенію, которое она занимаетъ въ домѣ, обязана особымъ попеченіемъ объ охраненіи имущества хозяина, но изъ этого положенія прислуги вовсе не слѣдуетъ, чтобы означенную выше обязанность ея можно было-бы приравнять къ той, которая истекаетъ изъ принятія на сохраненіе или для извѣстнаго употребленія чужаго движимаго имущества. Въ послѣднемъ случаѣ обязанность принявшаго чужое движимое имущество опредѣляется условіемъ или соглашеніемъ, состоявшимся между имъ и лицомъ, ввѣрившимъ ему извѣстное имущество для опредѣленной цѣли, тогда какъ обязанность прислуги къ хозяйскому имуществу есть обязанность общая, распространяющаяся на все это имущество и истекающая изъ свойства существующихъ вездѣ и всегда отношеній прислуги къ нанимателю, немислимыхъ безъ довѣрія въ честность лицъ, прислугу составляющихъ. Такъ понимаетъ эту обязанность и наше законодательство, возлагая на прислугу попеченіе о хозяйскомъ имуществѣ и признавая воровствомъ всякое нарушеніе довѣрія, выразившееся въ умысленной растратѣ хозяйскаго имущества (т. X ч. 1 Св. закон. граж. ст. 2233 и 2234). Въ виду сего ст. 177 Уст. о наказ., налаг. мир. судьями, не можетъ имѣть примѣненія къ слугѣ, нарушившему довѣріе хозяина присвоеніемъ, растратой или утайкою хозяйскаго имущества, потому что, въ силу приведенной выше 2234 ст. т. X ч. 1 Св. закон. граж., подобное противозаконное дѣяніе признается похищеніемъ чужаго движимаго имущества, влекущимъ за собою наказаніе, какъ за кражу (рѣшенія уголов. касац. департам. правит. сената 1870 г. №№ 509, 1465 и др.). Такимъ образомъ, очевидно, что полковой судъ Донскаго казачьяго № 11-го полка вполне правильно усмотрѣлъ въ преступленіи, совершенномъ казакомъ Калашниковымъ, кражу, а не присвоеніе чужаго движимаго имущества, ввѣреннаго ему, какъ прислугѣ хорунжаго Полухина, симъ послѣднимъ оберъ-офицеромъ. По изложеннымъ основаніямъ и принимая во вниманіе, что подсудимый казакъ Калашниковъ уже отбылъ назначенный ему арестъ, главный военный судъ опредѣляетъ: приговоръ полковаго суда о казакѣ Калашниковѣ исправить лишь въ томъ, чтобы считать Калашникова осужденнымъ къ переводу въ разрядъ штрафованныхъ съ увеличеніемъ пребыванія въ семь разрядѣ не на два года, какъ постановлено полковымъ судомъ, а на одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ; во всѣхъ же прочихъ частяхъ означенный приговоръ оставить въ своей силѣ.

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

БОЛЬШІЕ МАНЕВРЫ ГЕРМАНСКОЙ, АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІЙ ВЪ ТЕКУЩЕМЪ ГОДУ.

Двухсторонніе маневры 4-го, 11-го, 1-го и 2-го баварскихъ корпусовъ германской арміи.—Участіе въ маневрахъ 4-й резервной пѣхотной дивизіи.—Спеціальные маневры.—Корпусные маневры 2-го и 8-го корпусовъ австро-венгерской арміи.—Кавалерійскіе сборы.—Крѣпостные маневры у Коморна.—Маневры армій и группы армій во Франціи.—Спеціальные кавалерійскіе и артилерійскіе сборы.

Большіе маневры *германской арміи* состояли въ текущемъ году изъ двухстороннихъ корпусныхъ маневровъ и спеціальныхъ сборовъ кавалеріи, артилеріи и инженерныхъ войскъ.

Двухсторонніе корпусные маневры производили 4-й и 11-й прусскіе армейскіе корпуса и оба баварскихъ армейскихъ корпуса. 4-й армейскій корпусъ, управление котораго помѣщается въ Магдебургѣ, состоитъ изъ 7-й и 8-й пѣхотныхъ дивизій и имѣетъ 24 баталіона, 20 эскадроновъ, 18 ѣздящихъ и двѣ конныхъ батареи, два крѣпостныхъ артилерійскихъ баталіона, піонерный и обозный баталіоны. Въ составъ 11-го корпуса входятъ три пѣхотныхъ дивизіи: 21-я, 22-я и 25-я и онъ имѣетъ 37 баталіоновъ, 30 эскадроновъ, 24 ѣздящихъ и четыре конныхъ батареи, два крѣпостныхъ артилерійскихъ баталіона и по одному піонерному и обозному баталіону. Управление корпуса помѣщается въ Кассельѣ. Округа 4-го и 11-го корпусовъ—смѣжны. Обычный составъ этихъ корпусовъ былъ усиленъ кавалерійскими дивизіями, приданными, по одной, каждому армейскому корпусу. Затѣмъ, для участія въ маневрахъ въ составъ 4-го армейскаго корпуса была сформирована 4-я резервная дивизія. Составъ баварскихъ армейскихъ корпусовъ слѣдующій: 1-й корпусъ—двѣ пѣхотныхъ дивизіи: 25 баталіоновъ, 20 эскадроновъ, 18 ѣздящихъ и двѣ конныхъ батареи, два крѣпостныхъ артилерійскихъ баталіона, піонерный баталіонъ и обозный баталіонъ;

2-й корпусъ—три пѣхотныхъ дивизіи: 37 баталіоновъ, 30 эскадроновъ, 24 ѣздящихъ и двѣ конныхъ батареи, крѣпостной артилерійскій баталіонъ, и по одному піонерному и обозному баталіону. Вслѣдствіе постояннаго расположенія одной изъ баварскихъ пѣхотныхъ дивизій въ Пфальцѣ и въ Эльзась-Лотарингія, 2-й баварскій корпусъ маневрировалъ въ составѣ двухъ дивизій.

Корпусные двухсторонніе маневры происходили по группамъ. Въ первой группѣ маневрировали 4-й и 11-й армейскіе корпуса. Усиленные призывомъ резервистовъ, корпуса эти вывели въ поле до 55,000 человекъ и около 11,000 лошадей. Въ составѣ 4-го корпуса, какъ было сказано, находилась 4-я резервная дивизія, такъ что каждый корпусъ имѣлъ по три пѣхотныхъ дивизіи. Резервная дивизія состояла изъ четырехъ резервныхъ пѣхотныхъ полковъ, кавалерійскаго полка, сформированнаго изъ четырехъ эскадроновъ постоянной арміи, резервнаго артилерійскаго отдѣленія и резервной піонерной роты. Каждый пѣхотный полкъ имѣлъ три баталіона, причемъ сформированіе баталіоновъ происходило по ландвернымъ округамъ. Баталіоны имѣли по 807 человекъ и командованіе ими было ввѣрено штабъ-офицерамъ постоянной арміи, занимающимъ должности, такъ называемыхъ, 13-хъ капитановъ. Баталіонные адъютанты были то же взяты изъ числа субалтернъ-офицеровъ постоянной службы. Изъ четырехъ ротъ каждаго баталіона, тремя ротами командовали офицеры не постоянной службы, а одной—капитанъ постоянной службы. Роты, во главѣ которыхъ находились офицеры не постоянной службы, имѣли по одному поручику постоянной службы и по три субалтернъ-офицера не постоянной службы; въ остальныхъ ротахъ всѣ субалтернъ-офицеры были не постоянной службы. Согласно сдѣланному заблаговременно объявленію о призывѣ, резервисты собрались въ призывные пункты и 7-го сентября баталіоны были сформированы. Люди принадлежали исключительно къ возрастнымъ классамъ 1879—1882 гг., слѣдовательно, состояли въ ландверѣ перваго призыва и въ прошломъ году были привлекаемы къ строевымъ упражненіямъ, во время которыхъ ознакомились съ ружьями новаго образца. Въ день явки на сборные пункты они были снабжены предметами обмундированія, снаряженія и вооруженія по табелямъ военнаго времени. Врачебный и хозяйственный персоналъ доставила постоянная армія. Въ ротахъ находилось по одному фельдфебелю постоянной службы и по 11 унтеръ-офицеровъ военно-отпускнаго сословія. Въ теченіе четырехъ дней роты и баталіоны резервныхъ полковъ упражнялись въ

пунктахъ формировація, а затѣмъ были доставлены по желѣзнымъ дорогамъ въ районъ маневровъ, гдѣ и сформированы въ полки.

Кавалерійскій полкъ резервной дивизіи былъ своднымъ полкомъ постоянной арміи и, слѣдовательно, не принадлежалъ къ составу резервовъ. Напротивъ, артилерійское отдѣленіе было сформировано изъ нижнихъ чиновъ ландвера. Подробностей формировація резервныхъ артилерійскихъ частей мѣстная военная печать не приводитъ, хотя онѣ представляли бы выдающійся интересъ, такъ какъ формировація новыхъ артилерійскихъ частей всегда составляло трудную задачу. Газеты ограничились замѣчаніемъ, что лошади для артилеріи были наняты въ Берлинѣ, съ уплатой по 12 марокъ въ день за упряжную и по 9 марокъ за верховую лошадь. Резервная піонерная рота была сформирована изъ нижнихъ чиновъ ландвера, принадлежащихъ къ названному роду оружія. Ротой командовалъ капитанъ постоянной службы и она имѣла четырехъ субалтернъ-офицеровъ: двухъ постоянной службы и двухъ ландвера. Рота была снабжена по образцу инженерныхъ ротъ дѣйствующей арміи.

По поводу формировація резервной дивизіи мѣстная военная печать сдѣлала нѣсколько практическихъ замѣчаній. Интересно, прежде всего, что мундиры оказались узки для большинства людей ландвера старшихъ возрастовъ, и что новая обувь стирала ноги; въ нѣкоторыхъ баталіонахъ число людей со стертими ногами было весьма значительно. Вслѣдствіе этого, мѣстная военная печать высказывала желаніе, чтобы обмундировація хранилось не въ готовомъ, а въ полуготовомъ видѣ и чтобы на изготовленіе обуви обращено было особое вниманіе. Нынѣшній прусскій мундиръ не одобряется многими практиками и они настаиваютъ какъ на измѣненіи покроя, такъ и на измѣненіи цвѣта мундировъ. Мундиры оказались узки по преимуществу ландверистамъ промышленныхъ классовъ; напротивъ, ландверисты земледѣльческихъ классовъ не страдали отъ этого обстоятельства. Объясненіе этого факта кроется въ излпшнемъ потребленіи пива промышленными классами и, кромѣ толстоты, злоупотребленіе спиртными напитками ведетъ также къ потери энергіи, что, по словамъ газетъ, ясно обнаружилось во время маневровъ резервной дивизіи.

Военная печать указывала, далѣе, на не цѣлесообразность обученія резервной дивизіи. Большинство ландвера предназначается для боевыхъ дѣйствій въ военное время; поэтому производство маршей и веденіе боя должны служить главными сторонами обученія людей ландвера. Между тѣмъ, резервная дивизія занималась съ 8-го

по 11-е сентября преимущественно церемоніальнымъ маршемъ. Выработка дисциплины не вызвала необходимости въ этихъ именно занятіяхъ, такъ какъ войска могли быть дисциплинированы и посредствомъ упражненій въ маневрированіи и въ веденіи боя. Настоящая причина упражненій въ церемоніальномъ маршѣ заключалась въ томъ, что резервная дивизія должна была участвовать на смотре 4-го корпуса. Для ландверистовъ, говорила по этому поводу берлинская «Deutsche Heeres Zeitung», смотры не составляютъ важнѣйшаго; церемоніальный маршъ и все связанное съ нимъ отнимаетъ слишкомъ много времени; слѣдовало бы принять за общее правило, что резервныя дивизіи не должны появляться на смотрахъ; день смотра могъ бы быть употребленъ съ бѣльшей пользой. Газета высказываетъ пожеланіе, чтобы резервныя дивизіи ежегодно были привлекаемы къ участию въ большихъ маневрахъ, но чтобы служба этихъ дивизій была регулирована иначе, чѣмъ дѣлалось въ призывѣ текущаго года, а, главное, чтобы ни въ какомъ случаѣ резервныя дивизіи въ парадахъ не участвовали. Сравнивая системы подготовки ландвера, принятыя въ Германіи и Австро-Венгріи, берлинская военная газета вполне справедливо отдаетъ предпочтеніе германской системѣ, такъ какъ германскій ландверъ сплошь состоитъ изъ людей, отбывшихъ полный срокъ службы подъ знаменами, въ то время какъ большинство австрійскихъ ландверистовъ получили лишь первоначальное обученіе. Поэтому, германскій ландверъ долженъ былъ бы стоять выше австрійскаго. Между тѣмъ, газета съ сожалѣніемъ признаетъ, что въ текущемъ году австрійскій ландверъ какъ въ бою, такъ и при маневрированіи производилъ лучшее впечатлѣніе, чѣмъ германскій. Газета мирится съ тѣмъ, что ландверныя дивизіи уступаютъ дивизіямъ постоянной арміи и по отношенію строевой подготовки и относительно дисциплины, но настаиваетъ на необходимости сдѣлать все, чтобы уменьшить это различіе. Съ объявленіемъ войны не будетъ времени постепенно втянуть ландверистовъ въ работу и тѣмъ заботливѣе слѣдуетъ въ мирное время готовить ихъ къ перенесенію трудностей боевой дѣятельности, иначе уже въ первые дни кампаніи ландверисты переполнятъ лазареты.

Неблагопріятенъ также отзывъ мѣстной военной печати и объ офицерахъ резерва и ландвера, участвовавшихъ на маневрахъ. Безспорно, съ 1871 г. было многое сдѣлано для теоретическаго и практическаго обученія офицеровъ этой категоріи, но все-таки рѣдко кому изъ нихъ удалось привить искусство командованія и управле-

нія войсками. Ротные командиры изъ офицеровъ не постоянной службы, въ большинствѣ случаевъ, были неудовлетворительны, и всегда можно было тотчасъ же узнать, какой ротой командуетъ офицеръ постоянной службы. Опытъ маневровъ далъ одной изъ мѣстныхъ военныхъ газетъ основаніе высказать по этому предмету слѣдующія пожеланія: 1) назначать въ военное время на должности ротныхъ командировъ въ резервныхъ дивизіяхъ исключительно офицеровъ постоянной службы, а старшимъ ландвернымъ офицерамъ давать другія назначенія; 2) обратить еще большее вниманіе на обученіе офицеровъ ландвера; 3) озаботиться увеличеніемъ числа офицеровъ постоянной службы съ тѣмъ, чтобы полки имѣли возможность отдавать резервамъ большее число офицеровъ. Формулируя эти требованія, газета оговаривается, однако, что новыя правила объ обученіи кандидатовъ на званіе офицеровъ резерва дѣйствуютъ недавно и поэтому не могли оказать вліянія на подготовку старшихъ офицеровъ ландвера, какъ и выяснилось вполне на маневрахъ 4-й резервной дивизіи.

Общій ходъ маневровъ 4-го и 11-го корпусовъ, за нѣкоторыми исключеніями, былъ обычный. Обоимъ корпусамъ былъ произведенъ императоромъ смотръ. Въ 11-мъ корпусѣ были отмѣнены слѣдующіе по уставу о полевой службѣ корпусные маневры противъ обозначеннаго противника, а въ 4-мъ корпусѣ вмѣсто этого рода маневровъ состоялись маневры на двѣ стороны. Затѣмъ послѣдовали трехдневные двухсторонніе корпусные маневры обоихъ корпусовъ. Кавалерійскія дивизіи, по окончаніи установленныхъ уставомъ отдѣльныхъ кавалерійскихъ упражненій, вошли въ составъ соответствующихъ армейскихъ корпусовъ на время императорскихъ маневровъ. Собственно корпусные маневры начались производствомъ маршей, затѣмъ два дня разыгрывались бои, послѣ чего корпуса были сведены и маневрировали вмѣстѣ противъ обозначеннаго противника. Вечеромъ послѣдняго дня маневровъ резервная дивизія была перевезена по желѣзной дорогѣ въ пункты своего формированія.

Маневры баварскихъ корпусовъ, на которыхъ то же присутствовалъ императоръ, происходили по той же программѣ. Окончивъ дивизіонные маневры, корпуса сосредоточились и представились верховному вождю германской арміи. Затѣмъ, одинъ день былъ посвященъ двухстороннимъ корпуснымъ маневрамъ, послѣ чего вся баварская армія, исключая 5-й дивизіи, въ составѣ 50-ти баталіо-

новъ, 40 эскадроновъ и 42-хъ батарей, была сведена въ одну группу и произвела маневръ противъ обозначеннаго противника.

Спеціальныя кавалерійскіе сборы происходили, кромѣ 4-го и 11-го армейскихъ корпусовъ, еще въ 2-мъ и 17-мъ корпусахъ, гдѣ было тоже сформировано по одной кавалерійской дивизіи. По окончаніи спеціальныхъ упражненій, дивизіи произвели трехдневные двухсторонніе дивизионныя маневры.

Въ остальныхъ армейскихъ корпусахъ осеннія упражненія произошли согласно общимъ постановленіямъ устава о полевой службѣ. Поѣздки офицеровъ генеральнаго штаба состоялись въ девяти армейскихъ корпусахъ, а въ 17-мъ корпусѣ была произведена крѣпостная поѣздка. Наконецъ, въ Мецѣ состоялись большія упражненія крѣпостной артиллеріи въ вооруженіи крѣпостей, а у Грауденца—большія піонерныя упражненія.

Большіе маневры *австро-венгерской арміи* происходили въ текущемъ году съ 1-го по 7-е сентября на мѣстности между Вайдгофеномъ и Шварценау, въ такъ называемомъ «лѣсномъ четырехугольникѣ». Мѣстность эта находится на линіи желѣзной дороги, ведущей изъ Вѣны въ Эгеръ. Въ топографическомъ отношеніи раіонъ маневровъ былъ удобенъ для движенія большихъ войсковыхъ массъ, хотя и не одинаковой степени для всѣхъ родовъ оружія. Возвышенность «лѣснаго четырехугольника» медленно поднимается съ востока на западъ и ограничена съ сѣвера желѣзнодорожной линіей Франца-Иосифа и р. Тафабахъ. Водные потоки имѣютъ выдающееся военное значеніе на этой мѣстности, равно какъ и многочисленныя лѣсныя участки. Пути сообщенія—хорошо содержимыя шоссированныя дороги, направляющіяся съ сѣвера на югъ. Для дѣйствій пѣхоты мѣстность была вполне пригодна и если въ нѣкоторыхъ случаяхъ обстрѣлъ былъ ограниченъ, то, съ другой стороны, пѣхота не разъ имѣла возможность дѣйствовать скрытно. Кавалерія хотя не встрѣчала обширныхъ полей для атакъ, но условія для производства развѣдывательной службы дѣлали особенно поучительными этого рода упражненія. Артиллеріи представлялась возможность выказать все свое искусство въ выборѣ позицій, такъ какъ зачастую правильное разрѣшеніе этой задачи являлось дѣломъ не легкимъ. Обозныя войска нашли въ этой богатой и хорошо культивированной мѣстности обильныя мѣстныя перевозочныя средства, что существенно облегчило выполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей. Продовольственныя средства раіона маневровъ служили большимъ подспорьемъ при удовлетвореніи надобностей

войскъ, хотя и не исключили необходимости для интендантства заблаговременно сосредоточить въ извѣстныхъ пунктахъ продовольственные запасы и принять особыя мѣры къ обезпеченію снабженія войскъ хлѣбомъ. Часто расположенные населенные пункты представляли хорошія помѣщенія для войскъ при расквартированіи ихъ на театрѣ маневровъ, все-таки спросъ превысилъ предложеніе и войскамъ приходилось также прибѣгать и къ бивачному расположенію, причѣмъ они пользовались уже испытанными въ прошломъ году походными палатками.

Маневры были двухсторонніе, корпусные. Къ участію въ маневрахъ были привлечены 2-й и 8-й армейскіе корпуса. 2-й армейскій корпусъ, управленіе котораго помѣщается въ Вѣнѣ, вышелъ на маневры въ составѣ трехъ пѣхотныхъ дивизій: 4-й, 13-й и 25-й, 1-й кавалерійской дивизіи и четырехъ отдѣленій корпусной артилеріи, каждое отдѣленіе по четыре батареи. Въ составѣ 13-й дивизіи находился боснійскій пѣхотный полкъ. Каждая пѣхотная дивизія имѣла по три батареи и по два эскадрона ландверной кавалеріи. Кавалерійская дивизія состояла изъ 22 $\frac{1}{2}$ эскадроновъ, двухъ стрѣлковыхъ баталіоновъ, конной батареи и телеграфнаго отдѣленія. Въ общемъ 2-й корпусъ имѣлъ 46 $\frac{1}{4}$ баталіоновъ, 28 $\frac{1}{2}$ эскадроновъ и 78 орудій. 8-й армейскій корпусъ, управленіе котораго находится въ Прагѣ, состоялъ въ первые два дня маневровъ только изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій, 9-й и 19-й, изъ 2-й кавалерійской дивизіи и изъ девяти батарей корпусной артилеріи. На третій день маневровъ, въ составъ корпуса вошла 21-я ландверная дивизія, а въ послѣдній день—еще и 3-я пѣхотная дивизія. Каждая изъ пѣхотныхъ дивизій 8-го корпуса имѣла по три батареи и по два эскадрона постоянной арміи. Всего въ 8-мъ армейскомъ корпусѣ, въ послѣдній день маневра, находилось 54 баталіона, 30 эскадроновъ и 84 орудія. Пѣхотныя роты богемскаго армейскаго корпуса, а равно часть ротъ 2-го корпуса содержатся въ обыкновенномъ мирномъ составѣ, т. е. имѣютъ по 64 человѣка, но на время маневровъ онѣ были усилены резервистами до 130 человѣкъ въ ротѣ. Эскадроны имѣли по 14 рядовъ во взводѣ, а батареи, кромѣ конныхъ, по четыре орудія. Общая численность маневрировавшихъ войскъ доходила до 70,000 человѣкъ и 10,000 лошадей. Войска получили по 100 зарядовъ на ружье и орудіе, и по 20-ти зарядовъ на карабинъ; кромѣ того, каждая дивизія имѣла запасъ въ 38,000 патроновъ. Ружейные патроны и орудійные заряды были изготовлены изъ малодымнаго пороха.

Главное руководство маневрами было ввѣрено генераль-инспектору арміи, эрцгерцогу Альбрехту, при которомъ находился начальникъ генеральнаго штаба, многочисленный штабъ и посредники. На маневрахъ присутствовали австрійскій императоръ, германскій императоръ и саксонскій король.

Войска маневрировавшихъ корпусовъ походнымъ порядкомъ сосредоточивались въ районѣ маневровъ. Для большинства частей сосредоточеніе было комбинировано съ производствомъ предварительныхъ строевыхъ упражненій, дивизионныхъ маневровъ. По общему правилу, длина перехода не превышала 15—20 верстъ, а въ дни маневрированія—еще менѣе. Войска располагались на отдыхъ исключительно по квартирамъ и продовольствовались чрезъ поставщиковъ, имѣя съ собой повозки для мяса. Утромъ войска получали супъ изъ растительныхъ консервовъ, а на обѣдъ—супъ, 280 граммовъ свѣжей говядины и 840 граммовъ хлѣба. Съ началомъ собственно корпусныхъ маневровъ войска продовольствовались изъ магазиновъ, которые были открыты въ Горнѣ, гдѣ кромѣ запасовъ провіанта и фуража, находились также подвижныя хлѣбопекарни и депо бойнаго скота. Проходя чрезъ Горнь, войска брали съ собой на пять дней мяса въ живомъ скотѣ, такъ что вполнѣ были обезпечены мяснымъ довольствіемъ.

3-го сентября маневры начались кавалерійскимъ боемъ. Въ этотъ день западный корпусъ повелъ наступленіе и стороны вошли въ соприкосновеніе. По диспозиціи на 4-е сентября, западный корпусъ продолжалъ наступленіе, а восточный корпусъ, съ своей стороны, рѣшилъ атаковать противника. 5-го сентября западный корпусъ, усиленный ландверной и 3-й пѣхотной дивизіями, продолжалъ рѣшительно развивать наступательныя дѣйствія, которымъ противная сторона оказывала энергичный отпоръ. Наконецъ, 7-го сентября, въ послѣдній день маневровъ, восточный корпусъ занялъ оборонительную позицію, съ намѣреніемъ, однако, перейти въ наступленіе въ подходящій моментъ, а западный корпусъ атаковалъ противника.

Въ 3-мъ корпусѣ каждая изъ двухъ дивизій выполнила отдѣльно упражненія въ производствѣ маршей, а затѣмъ съ участіемъ войскъ ландвера—двухдневный дивизионный маневръ. Большія упражненія войскъ 5-го и 12-го корпусовъ произошли въ той же постепенности и съ участіемъ войскъ венгерскаго ландвера. На укомплектованіе пѣхоты трехъ послѣднихъ корпусовъ поступило въ линейныя роты по 56, а въ стрѣлковыя—по 46 резервистовъ. Въ 1-мъ,

4-мъ, 6-мъ, 7-мъ, 9-мъ, 10-мъ, 11-мъ и 13-мъ армейскихъ корпусахъ войска маневрировали въ составѣ пѣхотныхъ дивизій и кавалерійскихъ бригадъ. Каждая рота получила по 36 резервистовъ. Въ 14-мъ корпусѣ 3-я пѣхотная дивизія произвела, съ участіемъ войскъ ландвера, дивизионные маневры, а остальные войска корпуса упражнялись въ составѣ бригадъ. Большія строевыя упражненія 15-го корпуса состояли изъ дивизионныхъ маневровъ, которые окончились двухсторонними операціями, а войска Зараскаго военнаго отдѣла произвели совокупныя упражненія, получивъ на каждую роту по 36 человекъ резервистовъ.

Продолжительность призыва чиновъ резерва была опредѣлена въ 20—25 дней во 2-мъ и 8-мъ корпусахъ, въ 20 дней—въ 3-мъ, 5-мъ и 12-мъ корпусахъ, въ 16 дней—въ 1-мъ, 4-мъ, 6-мъ, 7-мъ, 9-мъ, 10-мъ, 11-мъ и 13-мъ корпусахъ и въ Зараскомъ военномъ отдѣлѣ, а въ 14-мъ корпусѣ—въ 16—21 день.

Кромѣ этихъ общихъ упражненій были произведены слѣдующія спеціальныя упражненія: въ 1-мъ корпусѣ (штабъ Краковъ)—отдѣльные дивизионные кавалерійскіе маневры; въ 5-мъ корпусѣ—крѣпостные маневры у Коморна; на Дунаѣ, у Линца—большія упражненія въ наводкѣ мостовъ и въ переправѣ на понтонахъ; на Дравѣ, у Петау—упраженія въ устройствѣ мостовъ изъ имѣющихся подъ рукой матеріаловъ и, наконецъ, большія упражненія въ постройкѣ и пользованіи полевыми телеграфными линіями.

Вѣнская военная газета «Reichswehr», дѣлая общую оцѣнку маневровъ текущаго года, указала на коренное различіе, существующее между прежней и нынѣшней обстановкой этого рода строевыхъ упражненій. Безспорно, всѣ преимущества на сторонѣ современной маневренной практики, но все-таки еще немало остается сдѣлать, чтобы маневры давали начальникамъ и войскамъ все то, что они могутъ дать. Бросается въ глаза, прежде всего, полное игнорированіе того параграфа устава, который обязываетъ упражнять войска въ преслѣдованіи. Въ то время, какъ дѣятельность войскъ носить вполне законченный характеръ при подготовкѣ къ бою и при веденіи боя, маневры тотчасъ же прекращаются, какъ только бой доводится до разрѣшенія. Никто никогда не видалъ, чтобы разбитыя войска энергично преслѣдовались, или чтобы высшіе начальники дѣлали распоряженія по окончаніи боя; между тѣмъ, и то и другое неизбѣжно будетъ происходить въ военное время. Равнымъ образомъ, со стороны войскъ никогда не проявляется та разносторонняя дѣятельность относительно продоволь-

ствія, пополненія огнестрѣльныхъ припасовъ и т. д., которая требуется уставомъ. Въ мирное время войска не упражняются, такимъ образомъ, въ томъ, что они должны будутъ дѣлать на войнѣ. Далѣе газета замѣчаетъ, что въ высокой степени законченная оружейная техника и какъ слѣдствіе ея — крайнее развитіе огня вызываютъ постоянно наблюдаемое у наступающаго стремленіе къ обхвату противника съ обоихъ, или, по крайней мѣрѣ, съ одного фланга. Стремленіе это приводитъ къ производству обширныхъ движеній, нерѣдко выполняемыхъ подъ огнемъ противника; оно настолько сильно и такъ глубоко вкоренилось, что зачастую наступающій начинаетъ обходныя движенія, что называется, съ мѣста, не составивъ даже представленія о положеніи непріятеля, и нерѣдко теряетъ случай прорвать линію расположенія противника, то же выполняющаго планъ обхода. По поводу этого увлеченія газета справедливо замѣчаетъ, что обхватывающая атака имѣетъ безспорныя преимущества передъ фронтальной, но она можетъ быть выполнена лишь въ томъ случаѣ, если атакующая часть дѣйствуетъ самостоятельно, а поэтому свободно распоряжается на своихъ флангахъ, или если она находится на крайнемъ внѣшнемъ флангѣ боевой линіи. Включенная въ боевую линію, находясь по обѣимъ сторонамъ въ связи съ другими войсками, она можетъ и должна атаковать превосходными силами флангъ того участка оборонительной позиціи, противъ котораго она находится, но никоимъ образомъ не можетъ обхватить этотъ участокъ. Между тѣмъ, на маневрахъ, обхваты при такой обстановкѣ составляютъ обычное явленіе и въ результатъ бой разыгрывается съ нарушеніемъ основныхъ уставныхъ правилъ.

Уставъ рѣзко нарушается также и въ другомъ отношеніи. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ на маневрахъ не соблюдается установленное отношеніе между величиной маневрирующей части и временемъ, потребнымъ для выполненія боя въ той постепенности, которая признается необходимой. Обыкновенно, ходъ маневра бываетъ вдвое быстрѣе, чѣмъ бы слѣдовало при соблюденіи устава. При такой поспѣшности, всѣ фазисы боя неестественно быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ и нерѣдко тотъ или другой изъ нихъ совсѣмъ опускаются. На исполненіе развѣдывательной службы во время боя обращается очень мало вниманія. Наконецъ, газета не одобряетъ принятаго въ Австріи способа разбора маневровъ. Обыкновенно, разборъ состоитъ въ слѣдующемъ: каждый изъ начальниковъ сторонъ созываетъ командировъ частей, читаетъ заданія маневровъ и затѣмъ рассказываетъ, какъ его сторона разыгрывала

Т. ССII.—Отд. II.

бой, упоминая при этомъ о главнѣйшихъ дѣйствіяхъ противной стороны; потомъ выслушиваются наблюденія старшаго изъ подчиненныхъ начальниковъ, а въ заключеніе главный начальникъ высказываетъ свое мнѣніе о замѣченномъ имъ. Подобный разговоръ, говоритъ газета, всегда утомительно однообразенъ и безплоденъ. Почти каждый изъ присутствующихъ самъ видѣлъ весь ходъ боя и знаетъ отдѣльные его фазисы, быть можетъ, также хорошо, какъ и начальникъ отряда. По мнѣнію газеты, этому послѣднему слѣдовало бы, прочитавъ заданія, ограничиться рассказомъ тѣхъ явленій боя, которые явились результатомъ его собственныхъ распоряженій, были продуктомъ его духовной дѣятельности, именно: его диспозиціи къ бою и тѣхъ распоряженій, вызванныхъ мѣропріятіями противной стороны, которыми онъ разрѣшилъ, или пытался разрѣшить предстоящую ему задачу. Если затѣмъ одинъ изъ командировъ, старшій, или другой, изложить свое собственное рѣшеніе задачи, подробно обоснованное, то цѣль разбора маневра будетъ, по мнѣнію газеты, вполнѣ достигнута. При такомъ разборѣ, чуждомъ всякой критики, многому могутъ научиться, какъ начальники сторонъ, такъ и всѣ командиры частей.

На маневрахъ текущаго года желѣзныя дороги, по обыкновенію, имѣли возможность показать, насколько оборудованіе ихъ отвѣчаетъ требованіямъ военнаго времени. Наибольшія требованія были предъявлены тому участку желѣзнодорожной сѣти, который находится въ районѣ бывшихъ корпусныхъ маневрахъ. Изъ Горна и ближайшихъ къ нему станцій было отправлено въ теченіе 36 часовъ и 38 минутъ 74 воинскихъ поѣзда, которые перевезли 2,322 офицера, 56,648 нижнихъ чиновъ, 1,122 лошади и 200 повозовъ. Всѣ линіи, по которымъ происходило усиленное военное движеніе — одноклейныя, и только на одной имѣется небольшой участокъ въ двѣ колени. Кромѣ специальныхъ воинскихъ поѣздовъ было отправлено въ три дня 27 обыкновенныхъ пассажирскихъ поѣздовъ и прибыло 65 поѣздовъ съ необходимымъ для воинскаго движенія подвижнымъ составомъ. На одной изъ промежуточныхъ станцій былъ организованъ для опыта продовольственный пунктъ, накормившій до 6,500 человекъ горячей пищей.

Изъ числа специальныхъ упражненій общее вниманіе обратили на себя крѣпостныя маневры подъ Коморномъ. Маневры продолжались пять дней. Атакующій отрядъ состоялъ изъ восьми баталіоновъ пѣхоты, двухъ эскадроновъ кавалеріи, 36 полевыхъ орудій, 12 орудій подвижнаго осаднаго парка, восьми тяжелыхъ орудій осаднаго артилерійскаго парка, трехъ баталіоновъ крѣпостной

артилеріи, баталіона инженерныхъ войскъ, двухъ піонерныхъ ротъ и 12 обозныхъ эскадроновъ. Составъ обороняющагося отряда: три баталіона пѣхоты, эскадронъ кавалеріи, 12 орудій, баталіонъ крѣпостной артилеріи, двѣ роты инженерныхъ и двѣ роты піонерныхъ войскъ. При каждомъ изъ начальниковъ отрядовъ находилось нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба. Руководилъ маневрами генераль-инспекторъ артилеріи эрцъ-герцогъ Вильгельмъ, при которомъ состоялъ генераль-инспекторъ инженеровъ. Въ основу маневровъ было положено слѣдующее общее задание: отрядъ, снабженный подвижными осадными орудіями, двигается по правому берегу Дуная, чрезъ Раабъ, къ Коморну съ приказаніемъ рѣшительно атаковать эту крѣпость, чтобы воспрепятствовать наступательнымъ дѣйствіямъ изъ этой крѣпости противъ войскъ, посланныхъ для занятія Буда-Пешта. Военное снабженіе Коморна еще не окончено, равно какъ и передовыхъ укрѣпленій.

Въ первый день маневра, какъ видно изъ описанія маневра, помѣщеннаго въ № 196 «Русскаго Инвалида», атакующій, отгѣснивъ войска обороняющагося къ крѣпостнымъ фортамъ, устроилъ батареи осаднаго парка, повелъ атаку на фортъ Игмандъ, а на фортъ Занбергъ направилъ сильный огонь осадной артилеріи. Рекогносцировка форта Игмандъ показала, что его оборонительныя средства еще не готовы и что со стороны горжи фортъ не защищенъ. Артилерія начала поражать фортъ Игмандъ, кавалерійскія части осаждающаго оберегали фланги, а рота саперъ получила приказаніе разрушить мостъ на судахъ въ Коморнѣ, помощію разныхъ плавучихъ разрушительныхъ средствъ; пѣхота выжидала удобнаго момента атаки на фортъ Игмандъ. Занятіемъ форта закончилось задание, поставленное войскамъ атакующаго на 11-е августа. На слѣдующій день была произведена рекогносцировка форта Зандбергъ и заложены батареи первой линіи осаждающаго, которыя и открыли сильный огонь по форту. Въ этихъ батареяхъ размѣстились орудія 1-го отдѣленія осаднаго парка, а именно: два—12 сант., два—15 сант., два—18 сант. осадныхъ орудія и двѣ—21 сант. мортиры, образца 1880 года. Въ ночь на 13-е августа было возведено нѣсколько батарей для орудій подвижной осадной артилеріи. Двѣ изъ этихъ батарей были скрытыя, углубленныя, исполненныя по проекту капитана Ремъ. Въ постройкѣ батарей принимали, между прочимъ, участіе 460 нижнихъ чиновъ пѣхоты. Ночью на 13-е августа предположено было выполнить вооруженіе этихъ батарей орудіями и снарядами, но, вслѣдствіе оказавшейся малой пригодности пѣхотныхъ

нижнихъ чиновъ (необученныхъ землекопнымъ работамъ) къ возведенію батарей, а также слишкомъ твердаго грунта, батареи могли начать вооруженіе только утромъ и лишь къ 9 часамъ утра начать стрѣльбу. 14-го августа изъ послѣдней, ближайшей паралели былъ произведенъ штурмъ форта Зандбергъ. Всего маневры продолжались 5 дней и 4 ночи.

Изъ числа вспомогательныхъ приспособленій и средствъ, испытанныхъ во время маневра, можно отмѣтить земляной буравъ, названный «электроминеръ», который, работая помощью электричества, доставляетъ миннымъ галереямъ свѣтъ, вентилируетъ галереи, буравитъ землю, быстро отбрасывая ее и камни назадъ и значительно ускоряетъ свою работою веденіе галерей. Означенный буравъ «электроминеръ» предложенъ инженеръ-капитаномъ фонъ-Глазернъ. Буравъ даетъ отверстіе въ минной галереѣ діаметромъ въ 1,5 метра. Результаты примѣненія этого бурава на маневрахъ показали, что въ настоящемъ его видѣ онъ еще не вполне пригоденъ къ дѣлу и требуетъ нѣкоторыхъ усовершенствованій. Случалось, что буравъ отказывался дѣйствовать и были случаи обвала земли въ произведенной буравомъ галереѣ; послѣдній случай былъ при работѣ «электроминера» близъ форта Зандбергъ. Хорошіе результаты достигнуты примѣненіемъ на гласисѣ форта Зандбергъ проволочной сѣти, усѣянной острыми и укрѣпленной въ землѣ особыми желѣзными кольями. Какъ извѣстно, такое искусственное препятствіе весьма въ малой степени уязвимо артилерійскими снарядами и отъ нихъ очень мало страдаетъ. Проволочная сѣть съ острыми иглами, укрѣпленная въ грунтъ желѣзными кольями, было очень трудно разрушить и освободить отъ нихъ путь для движенія атакующей пѣхоты; этой послѣдней пришлось примѣнять спеціальныя клещи, чтобы высвободить колья сѣти, и вообще производить продолжительную и опасную работу, почти невыполнимую въ дѣйствительномъ бою подъ сильнымъ огнемъ пѣхоты обороняющагося, вооруженнаго магазинными ружьями уменьшеннаго калибра и стрѣляющаго бездымнымъ порохомъ. Рискованными и едва выполнимыми оказались попытки забросать такую сѣть и устроить на козлахъ путь поверхъ ея. Мысль воспользоваться проволочною сѣтью, для пропуска по проволокамъ сильнаго электрическаго тока, который былъ бы въ состояніи убивать каждаго прикоснувагося къ такой проволоцѣ, по мнѣнію военныхъ австрійскихъ газетъ, слишкомъ ребяческая и не заслуживаетъ вниманія.

При переходѣ по глубокому рву и при подъемѣ изъ него, у форта Зандбергъ, были также удачно примѣнены новыя приспособ-

ленія въ видѣ длинныхъ цилиндрическихъ жердей или мачтъ, по которымъ солдаты атакующаго спускались, какъ по гимнастической мачтѣ, въ ровъ вдоль контръ-эскарпа, затѣмъ войска пользовались легкими лѣстницами для взлѣзанія по эскарпу на брустверь. По повѣркѣ, однако, оказалось, что быстрый и смѣлый переходъ черезъ ровъ форта Зандбергъ, при помощи только что названныхъ приспособленій, безъ задержекъ и замѣшательствъ исполненный саперами и одною ротой пѣхоты, объяснялся тщательною и продолжительною подготовкою и практикою въ такой гимнастикѣ именно только тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые и выполнили означенный переходъ. Остальные же нижніе чины этому не обучались, да и вообще сомнительно, чтобы въ дѣйствительной войнѣ удалось заранѣе обучить всѣ части штурмующихъ колоннъ такой гимнастикѣ, въ полномъ боевомъ снаряженіи. Упомянутымъ выше скрытымъ углубленнымъ батареямъ капитана Ремъ свойственны также нѣкоторыя недостатки. Ввозъ и установка въ нихъ осадныхъ орудій затруднительны; для равномернаго разбрасыванія вынутой земли по большому пространству, близъ батареи, требуется очень много времени и работа эта на виду у обороняющагося; малѣйшая неровность впередилежащей мѣстности затрудняетъ стрѣльбу и наблюденіе за дѣйствіемъ снарядовъ; стѣны такихъ батарей легко обсыпаются, время на ихъ возведеніе значительно и т. д. Батареи эти вырываются прямо въ землѣ, онѣ не защищены насыпнымъ брустверомъ и хорошо скрыты отъ непріятеля. Наконецъ, на маневрахъ въ первый разъ были практически испытаны переносные стальные щиты, способные противостоять удару пули уменьшеннаго калибра. Солдатъ долженъ нести такой щитъ передъ собою лѣвою рукою. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ долженъ открыть огонь, солдатъ ставитъ щитъ передъ собою, укрѣпляя его въ грунтъ и затѣмъ, просунувъ переднюю часть ружья сквозь щель въ щитѣ, стрѣляетъ, оставаясь прикрытымъ щитомъ. Идея пользованія при атакѣ переносными стальными щитами не нова и самое средство непрактично; недостатки щитовъ (большой вѣсъ, неудобная переноска, утомленіе солдата, медленность его движеній) подтвердились и на маневрахъ подъ Коморномъ. Ни электрическое освѣщеніе мѣстности ночью со стороны обороняющагося, ни воздушные шары на маневрахъ подъ Коморномъ примѣнены не были. Электрическое освѣщеніе мѣстности ночью и стрѣльба при такомъ освѣщеніи практиковались на малыхъ крѣпостныхъ маневрахъ у Кракова и Перемышля.

Во *Франціи* большіе маневры производили въ текущемъ году: 5-й, 6-й, 7-й и 8-й армейскіе корпуса, 1-я и 5-я отдѣльные кавал-

лерійскія дивизіи. Войска эти формировали двѣ маневренныхъ арміи: западную, подъ командою генерала Галифе, въ составѣ 5-го и 6-го армейскихъ корпусовъ, и 1-й кавалерійской дивизіи и восточную, образованную изъ 7-го и 8-го армейскихъ корпусовъ и 5-й кавалерійской дивизіи; командованіе этой арміей было ввѣрено генералу Даву. Общее руководство маневрами принялъ парижскій генераль-губернаторъ, генераль Сосье. Кромѣ перечисленныхъ войскъ, въ составъ сторонъ входили: западной — бригада морской пѣхоты въ шесть баталіоновъ и два стрѣлковыхъ баталіона; восточной — стрѣлковая бригада въ шесть баталіоновъ и два отдѣльныхъ стрѣлковыхъ баталіона. Каждая армія состояла изъ 56-ти баталіоновъ пѣхоты, 40 эскадроновъ и 46-ти батарей. Призывомъ резервистовъ роты были пополнены до 180 человекъ; эскадронамъ приказано было выступить на маневры, имѣя по 125 строевыхъ нижнихъ чиновъ, а батареи запрягли по шести орудій. Боевая численность каждой арміи опредѣлилась, такимъ образомъ, въ 40,320 ружей, 5,000 сабель и 276 орудій, а включая чиновъ полевой артиллеріи, инженерныхъ войскъ, обоза и другихъ войскъ вспомогательнаго назначенія, въ каждой арміи на продовольствіи находилось, въ круглыхъ цифрахъ, до 60,000 человекъ, а въ обѣихъ арміяхъ — до 120,000 человекъ и 15,000 лошадей.

При устройствѣ французскихъ большихъ маневровъ текущаго года, кромѣ общей цѣли, обыкновенно преслѣдуемой на этого рода строевыхъ упражненіяхъ, имѣлись въ виду и спеціальныя задачи. Маневры должны были выяснитъ, отвѣчаетъ ли практическимъ требованіямъ выработанное недавно во Франціи устройство высшаго командованія. Какъ извѣстно, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ организація этого командованія служила предметомъ постоянныхъ заботъ французскаго военнаго министерства. Разрѣшая эту задачу, г. Фрейсинэ постепенно приближался къ достиженію поставленной имъ цѣли, опредѣляя всѣ подробности устройства высшаго военнаго совѣта, члены котораго должны были стать во главѣ частныхъ армій, создавая должность начальника штаба арміи, реорганизуя генеральный штабъ. Въ прошломъ году, высшее командованіе войсками было, въ главныхъ чертахъ, совершенно опредѣлено. Оставалось, однако, выяснитъ, не возникнутъ ли на практикѣ какія нибудь неожиданныя затрудненія. Надо было убѣдиться, всѣ ли колеса сложнаго механизма будутъ дѣйствовать за одно, безъ толчковъ и слишкомъ сильнаго тренія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возникалъ вопросъ, будетъ ли управленіе значительными массами войскъ воз-

можно при употребленіи пріемовъ, практикуемыхъ въ мирное время, и окажутся ли различныя вѣдомства на высотѣ своего назначенія.

Общій ходъ маневровъ былъ регулированъ сообразно изложеннымъ специальнымъ задачамъ. Маневры были подраздѣлены на три періода. Первый обнималъ операціи одного армейскаго корпуса противъ другаго; второй—операцій частныхъ армій и третій—операціи группы частныхъ армій противъ обозначеннаго противника.

Сосредоточеніе войскъ на маневры было произведено походнымъ порядкомъ. Это дало возможность нѣкоторымъ частямъ выполнить продолжительныя марши, которые послужили хорошей подготовкой къ перенесенію предстоящихъ трудностей. Резервисты, по краткости срока, установленнаго закономъ для ихъ призыва, не могли принять участія въ походныхъ движеніяхъ во время сосредоточенія и были доставлены на сборные пункты театра маневровъ по желѣзнымъ дорогамъ. 5-й корпусъ передвинулся изъ Орлеана и Парижа къ Труа, въ долину Сены; 6-й корпусъ сосредоточился у Витри-ле-Франсуа, въ долину Марны; 7-й корпусъ занялъ окрестности Шомона, въ верховьяхъ Марны, а 8-й корпусъ собрался у Монтиньи-сюр-Объ. Такимъ образомъ, театръ корпусныхъ маневровъ обнималъ пространство между рр. Сеной и Марной. 5-й корпусъ оперировалъ противъ 6-го, а 7-й корпусъ—противъ 8-го; кавалерійскія дивизіи въ корпусныхъ маневрахъ не участвовали. Ко 2-му сентября войска окончили сосредоточеніе и были пополнены резервистами. Корпусные маневры продолжались два дня; ходъ маневровъ былъ обычный и сошедшіяся стороны сформировали вечеромъ 7-го сентября частныя арміи, къ которымъ присоединились и кавалерійскія дивизіи.

Общее заданіе для маневровъ армій состояло въ слѣдующемъ: непріятельская армія перешла французскую границу и вторглась въ Шампанью; она направляется къ Парижу по долину Марни. Достигнувъ Витри-ле-Франсуа, непріятельская армія получаетъ свѣдѣніе, что французская армія сосредоточилась у Лангра, и что она выдѣлила два корпуса—восточную армію—съ цѣлью угрожать лѣвому флангу вторгнувшейся арміи. Эта послѣдняя, съ своей стороны, отдѣлила два армейскихъ корпуса—западную армію—чтобы прикрыться съ юга. Маневры начались движеніемъ сторонъ на встрѣчу другъ къ другу; кавалерійскія дивизіи шли впереди фронта армій. 5-го сентября противники вошли въ соприкосновеніе и послѣдоваль авангардный бой кавалеріи. Къ концу этого дня, каждая армія, пройдя около 18 верстъ, расположилась на квартирахъ, въ разстояніи четырехъ верстъ одна отъ другой. 6-го сентября вой-

скамъ данъ былъ отдыхъ. 7-го сентября послѣдовалъ бой у Коломбеи.

Восточная армія, давша бой, поставила себѣ задачей отбросить западную армію на лѣвый берегъ р. Обь, къ которой армія эта примыкала. Западная армія задалась цѣлью отбросить восточную армію отъ ея линіи отступленія (дорога изъ Баръ-сюръ-Оби на Шамонъ) и отбросить къ востоку. Занятіе Коломбеи позволяло западной арміи достигнуть поставленной цѣли. Поле сраженія представляло холмистую мѣстность, спускающуюся уступами къ р. Обь. Сраженіе началось рано утромъ аванпостнымъ боемъ въ долиніѣ Оба. Въ восточной арміи, 8-й корпусъ занялъ оборонительную позицію, усиленную полевыми фортификаціонными укрѣпленіями, а 7-й корпусъ, отдѣливъ бригаду пѣхоты въ общій резервъ, расположился правѣе 8-го корпуса, имѣя въ виду вести энергичное наступленіе. Въ западной арміи, 5-й корпусъ съ ранняго утра подготовилъ наступленіе на лѣвый флангъ восточной арміи. Корпусъ наступалъ двумя колоннами. Въ 6-мъ корпусѣ, часть артилеріи поддерживала наступленіе 5-го корпуса, а остальные войска занимали оборонительную позицію, готовясь встрѣтить на ней атаку 7-го корпуса.

Наступленіе главныхъ силъ 5-го корпуса на дер. Линьоль, поддержанное атакой 8-й кавалерійской бригады на правомъ флангѣ, увѣнчалось успѣхомъ. Занявъ Линьоль, 5-й корпусъ продолжалъ наступленіе, но вскорѣ былъ остановленъ, по рѣшенію посредниковъ, признавшихъ, что эта часть фронта восточной арміи, занятая семью пѣхотными полками и многочисленной артилеріей, очень сильна. Тѣмъ временемъ, артилерія 7-го корпуса, образовавъ три главныхъ группы, вела бой съ артилеріей 6-го корпуса, готовя атаку пѣхоты. 7-й корпусъ велъ наступленіе то же двумя колоннами, которыя, построившись въ тонкія линіи, двигались впередъ подъ огнемъ артилеріи противника. Когда ведшія фронтальную атаку колонны достигли извѣстныхъ пунктовъ, то командующій восточною арміей двинулъ впередъ резервы съ такимъ расчетомъ, чтобы комбинировать фронтальную атаку съ обхватомъ фланговъ. Въ наступленіи 7-го корпуса участвовало 39 баталіоновъ. Для отраженія этой атаки, командиръ 6-го корпуса собралъ всѣ свободныя силы своего корпуса и двинулъ ихъ на противника, отвѣчая на атаку энергичной контръ-атакой. Когда движенія сторонъ вполне опредѣлились, главный руководитель маневровъ приказалъ дать отбой.

Результатомъ боя 7-го сентября было отступленіе западной

арміи, которая рѣшила перейти р. Объ, чтобы прикрыть свой тылъ. Въ томъ направленіи, по которому отступала западная армія, она могла воспользоваться для переправы на лѣвый берегъ рѣки только тремя постоянными мостами, причемъ, чтобы достигнуть одного изъ нихъ, приходилось пройти черезъ городъ съ узкими улицами и самый мостъ былъ не широкъ. Для ускоренія переправы, западная армія устроила четвертый мостъ, на судахъ. Переправа происходила отчасти подъ огнемъ непріятельской артиллеріи, и была совершена весьма быстро и въ полномъ порядкѣ. Въ устройствѣ этой переправы и въ наступленіи восточной арміи до праваго берега Оба состояли операціи 8-го корпуса. На слѣдующій день западная армія приняла бой, который начался атакой 7-го корпуса на 6-й корпусъ, а затѣмъ слѣдовала атака 8-го корпуса на 5-й. Не успѣвъ остановить противника, западная армія продолжала отступленіе.

10-го сентября, изъ состава обѣихъ армій были выдѣлены 12 баталіоновъ, 20 эскадроновъ и 12 батарей, чтобы служить обозначеннымъ противникомъ. Затѣмъ, обѣ арміи были сведены подъ общее начальство генерала Сосье и на слѣдующій день начались маневры группы армій. По своему заданію, операціи соединенныхъ армій являлись продолженіемъ операцій предыдущаго періода маневровъ. По прежнему предполагалось, что французская армія угрожаетъ флангу непріятельской арміи, двигающейся къ Парижу, чрезъ Витри-ле-Франсуа. 11-го сентября арміи совершили маршъ изъ долины Оба въ долину Сены. Каждый корпусъ двигался двумя дивизіонными колоннами; разстояніе между хвостами колоннъ первой линіи и головами колоннъ второй линіи было опредѣлено въ одну версту. Съ тѣмъ, чтобы имѣть колонны приблизительно на одной высотѣ, главнокомандующій назначилъ всѣмъ колоннамъ пройти въ извѣстный часъ чрезъ извѣстные пункты. Маршъ продолжался и на слѣдующій день; онъ былъ совершенъ въ полномъ порядкѣ. Въ теченіе перваго дня были произведены рекогноспировки на флангахъ. На второй день арміи вошли въ соприкосновеніе съ непріятелемъ, который былъ обнаруженъ въ иномъ направленіи, чѣмъ предполагалось. Обстоятельство это вызвало необходимость перемѣны фронта къ западу, что и было исполнено колоннами по распоряженію главнокомандующаго, причемъ 6-й корпусъ имѣлъ дѣло съ непріятелемъ и заставилъ его отступить. Въ ночь на 13-е сентября произошелъ ночной бой, который, начавшись въ 3 часа пополудни, окончился въ 6 часовъ утра. 13-го сентября войскамъ данъ былъ отдыхъ и въ слѣдующіе два дня разыгралось сраженіе

въ окрестностяхъ Витри-ле-Франсуа. Отдохнувъ 16-го сентября, войска представились 17-го сентября президенту республики.

Таковъ былъ, въ главныхъ чертахъ, ходъ французскихъ большихъ маневровъ текущаго года. По вопросу о томъ, насколько они достигли цѣли, поставленной при выработкѣ плана маневровъ, имѣются авторитетныя заявленія военнаго министра и главнокомандующаго маневренными арміями. Г. Фрейсинэ, на банкетѣ въ Вандеврѣ, призналъ вполне доказаннымъ, что командованіе арміями и группами армій организовано теперь во Франціи такъ же хорошо, какъ и командованіе дивизіями и корпусами. Съ своей стороны, генераль Сосье, въ приказѣ по маневреннымъ арміямъ, отозвался съ большой похвалой о дѣятельности войскъ и учреждений. По словамъ приказа, штабъ арміи внушилъ увѣренность, что подъ искуснымъ управленіемъ своего выдающагося начальника онъ готовъ къ дѣятельности при всѣхъ случайностяхъ военнаго времени. Пѣхота переносила тягости маневровъ, иногда весьма значительныя, съ энергіей и силой сопротивленія, выяснившими блестящія ея качества. Кавалерія доказала, что она обладаетъ всѣми требуемыми качествами для исполненія развѣдывательной и охранительной службы. Артилерія выдавалась блестящимъ внѣшнимъ видомъ, подвижностью и, въ общемъ, искуснымъ выборомъ позицій. Инженерныя войска, устраивая оборонительныя позиціи, выполняя желѣзнодорожныя работы, быстро наводя металлическіе мосты, добывая цѣнныя свѣдѣнія съ помощью привязныхъ шаровъ—доказали, насколько они могутъ быть полезны на поляхъ битвъ. Интенданство, благодаря самоотверженнымъ усиліямъ, а также и плодотворному принципу, соединившему въ однѣхъ рукахъ командную и хозяйственную часть, всегда было въ состояніи удовлетворить потребностямъ войскъ. Санитарная служба исполнялась хорошо. Полевой телеграфъ, полевая почта и полевое казначейство дѣйствовали съ безукоризненной точностью.

Французскіе большіе маневры прошли, такимъ образомъ, вполне удовлетворительно, по крайней мѣрѣ, въ общемъ. Что касается подробностей, то были, конечно, нѣкоторыя шереховатости, показавшія, на какія стороны военнаго устройства слѣдуетъ обратить вниманіе. Доставка резервистовъ прямо на пункты сосредоточенія была выполнена успѣшно, но, разумѣется, какъ это и признаетъ мѣстная военная печать, такой порядокъ не можетъ быть примѣненъ въ военное время и войсковыя части ни въ какомъ случаѣ не должны являться въ область сосредоточенія въ составѣ мирнаго времени. Интересно, что для перевозки резервистовъ Восточная желѣзнодоро-

рожная компанія пустила до 30 специальныхъ поѣздовъ, которые были вставлены въ графикъ обыкновеннаго движенія, оставшагося безъ измѣненія. Возвращеніе войскъ на постоянныя квартиры вызвало болѣе значительныя усилія со стороны желѣзныхъ дорогъ, но и на этотъ разъ Восточная компанія съ полнымъ успѣхомъ поборола всѣ трудности. Было рѣшено перезти по желѣзнымъ дорогамъ всю пѣхоту, кромѣ двухъ полковъ, квартирующихъ вблизи Витриле-Франсуа, а также баталіоны и батареи морскихъ войскъ. Это составило 60,000—65,000 челов., которыхъ надо было отправить въ 24 часа. Всѣ конныя войска и обозы возвратились походнымъ порядкомъ. Компанія заблаговременно приняла мѣры къ разрѣшенію предстоящей ей задачи. Число постоянно находящихся въ работѣ локомотивовъ было увеличено на 140, такъ что всего въ распоряженіи начальниковъ движенія оказалось 1,240 локомотивовъ. Уже 5-го сентября добавочные локомотивы были взяты изъ депо и испытывались на линіяхъ; на нихъ были назначены машинисты и качегары изъ числа личнаго состава, заранѣе подготавливаемаго къ исполненію этихъ обязанностей. Весь подвижной составъ былъ сгруппированъ въ трехъ пунктахъ, центромъ которыхъ служилъ Витри, гдѣ находился главный руководитель всей операціи. Графикъ сохранилъ всѣ обычные пассажирскіе и товарные поѣзда. Всего было отправлено 85 воинскихъ поѣздовъ, по 1½ баталіона въ каждомъ. Вообще, вся эта операція выставила въ блестящемъ видѣ какъ желѣзныя дороги, такъ и желѣзнодорожный отдѣлъ главнаго штаба.

Тактическая сторона маневровъ послужила предметомъ тщательнаго регулированія въ особыхъ инструкціяхъ, изданныхъ главнокомандующимъ. Во многихъ существенныхъ пунктахъ, правила, преподанныя генераломъ Сосье, отличаются отъ дѣйствующихъ постановленій устава. По поводу этого обстоятельства, мѣстная военная печать справедливо указывала, прежде всего, на недостатокъ времени для маневрировавшихъ войскъ къ усвоенію тактическихъ теорій главнокомандующаго. Войска не успѣли освоиться заблаговременно со взглядами главнокомандующаго, и это отразилось на ходѣ многихъ операцій. Затѣмъ, сама по себѣ мысль объ обученіи части арміи новымъ тактическимъ приемамъ, въ то время, какъ остальная армія обучается по другимъ теоріямъ, мысль эта, справедливо, не была одобрена мѣстной военной печатью. Обученіе арміи, безспорно, должно быть однообразное. Возможность появленія фактовъ, нарушающихъ это однообразіе, указываетъ на существенный недостатокъ организаціи. Дѣло въ томъ, что будущій главнокомандующій арміей, въ мирное время, не оказываетъ ника-

кого вліянія на обученіе войскъ, а начальникъ штаба арміи — весьма слабое. Дѣло обученія находится всецѣло въ рукахъ военнаго министра, а такъ какъ постъ этотъ можетъ занимать и лицо гражданскаго званія, то отсюда понятно желаніе военной печати, чтобы строевая подготовка арміи была обставлена большими гарантіями.

Тактическія указанія генерала Сосье относились, во-первыхъ, до сторожевой службы, на тщательное исполненіе которой главнокомандующій рекомендовалъ обратить особое вниманіе. Новое вооруженіе и пользованіе малодымнымъ порохомъ, читаемъ далѣе въ инструкціяхъ, запрещаютъ впредь кавалеріи выяснять съ близкихъ разстояній намѣренія противника, между тѣмъ, кавалерійскія рекогносцировки теперъ болѣе необходимы, чѣмъ когда либо, для принятія наиболѣе соотвѣтствующихъ данной обстановкѣ мѣръ. Когда кавалерія окажется вынужденной демаскировать фронтъ войскъ, для которыхъ она производитъ развѣдку, то слѣдуетъ замѣщать ея пѣхотными частями, специально организованными и обученными для исполненія названной обязанности. Относительно боеваго фронта въ инструкціяхъ говорится, что новыя условія боя обязываютъ принять, въ особенности при наступленіи, глубокія построенія, позволяющія послѣдовательность усилій, способныхъ обезпечить успѣхъ. Боевой фронтъ баталіона, опредѣляемый его числительностью, не долженъ превышать 300 метровъ. Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, правило это не обязательно; такъ, баталіонъ авангарда, прикрывающій главныя силы, баталіонъ, производящій демонстрацію на непріятельскій флангъ, и т. д.—эти баталіоны могутъ занимать по фронту и большее пространство. Производство атаки опредѣлено инструкціями съ наибольшей подробностью. Исходъ боя рѣшается пѣхотой; войска первой и второй линій, ослабленныя потерями и утомленныя подготовительнымъ боемъ, обыкновенно, не могутъ быть ведены въ атаку. Прогонять непріятеля съ позиціи почти всегда придется войскамъ третьей линіи, т. е. резервамъ, которыя, пользуясь всѣми мѣстными закрытіями, по возможности ближе подходить къ объекту своихъ дѣйствій. Для производства атаки войска строятся или въ ротныя колонны, достаточно удаленныя одна отъ другой, но имѣющія одинъ и тотъ же предметъ дѣйствій, или въ баталіонныя колонны, или въ двойныя открытыя колонны и т. д. Атаку никогда не слѣдуетъ начинать съ слишкомъ большой дистанціи, чтобы не утомлять людей и не сдѣлать ихъ неспособными къ тѣмъ усиліямъ, которыя потребуются отъ нихъ, когда они достигнутъ непріятельской позиціи. Не рѣдко, проще и лучше всего будетъ воспользоваться почнымъ временемъ для занятія передовой по-

зиці, съ которыхъ рѣшительная атака можетъ быть подготовлена и выполнена при благоприятныхъ условіяхъ. Во всякомъ случаѣ, надо принять, что двинутыя въ атаку войска будутъ находиться въ извѣстномъ разстояніи отъ тѣхъ войскъ, которыя должны готовить ударъ учащенной стрѣльбой. Войска, обороняющія позицію, не должны очищать ее слишкомъ рано; на войнѣ, какъ бы ни была слаба часть, по сравненію съ атакующимъ, она не можетъ покидать вѣрнѣннй ея оборонѣ пунктъ, не получивъ приказаніе. Далѣе, генералъ Сосье настаивалъ, чтобы каждый начальникъ, ведущій бой, оставлялъ въ своемъ распоряженіи резервъ, но обязательно пользовался имъ въ надлежащее время. Наконецъ, относительно дистанцій между линіями войскъ, главнокомандующій указывалъ на вызываемую отлогостью траекторій новыхъ ружей и малодымностью пороха необходимость не сближать въ началѣ боя различныя линіи войскъ и всячески пользоваться мѣстностью для маскировки резервовъ, какъ при движеніи, такъ и во время остановокъ. На маневрахъ каждой изъ трехъ линій указано было строиться на дистанціи въ 600 метровъ одна отъ другой съ тѣмъ, чтобы постепенно сближаться въ различные періоды боя.

Продовольствіе войскъ на маневрахъ было устроено весьма заботливо. Основныя указанія по этому предмету были выработаны начальникомъ штаба арміи и утверждены главнокомандующимъ.

Войска выступали на маневры, имѣя на себѣ двухдневный неприкосновенный запасъ, и, кромѣ того, хлѣба и овса на одинъ день. Въ полковомъ обозѣ возилось на два дня говядины, на одинъ день хлѣба и овса и на нѣсколько дней кофе и сахару. Въ каждомъ пѣхотномъ полку три повозки грузились хлѣбомъ, одна—овсомъ, кофе и сахаромъ и одна—мясомъ. Соотвѣтственное количество казенныхъ провіантскихъ повозокъ было придано другимъ войсковымъ частямъ. Въ исключительныхъ случаяхъ войскамъ разрѣшалось принимать обывательскія повозки.

Войсковые продовольственные запасы пополнялись: мѣстными средствами, хлѣбомъ, выпекаемымъ подвижными хлѣбопекарнями, и запасами тыла. Сборъ мѣстныхъ средствъ производился чинами войсковыхъ хозяйственныхъ управленій и чинами интендантства. Подвижныя хлѣбопекарни находились въ вѣдѣніи корпусныхъ интендантовъ, на которыхъ было возложено принятіе мѣръ къ снабженію ихъ мукой и солью. Обыкновенно онѣ размѣщались по близости желѣзнодорожной станціи и съ такимъ расчетомъ, чтобы, оставаясь въ зонѣ расположенія корпусовъ, или вблизи, онѣ рѣдко перевозились съ одного мѣста на другое. Подвозъ съ тыла требовался еже-

дневно, такъ какъ ни мѣстныя средства, ни хлѣбопекарни не могли вполне удовлетворить надобности въ хлѣбѣ и овсѣ. Въ тылу, въ четырехъ пунктахъ, заранѣе намѣченныхъ, были, поэтому, заблаговременно собраны продовольственные запасы и маневрировавшія войска были расписаны на довольствіе по этимъ четыремъ магазинамъ, которые получили значеніе главныхъ. Всѣ избранные пункты лежали на рельсовыхъ путяхъ. Отсюда продовольственные запасы перевозились по кратчайшимъ путямъ на головныя этапныя станціи, которыя тоже были соотвѣтственно устроены заблаговременно. Если, вслѣдствіе передвиженія войскъ, можно было доставить продовольствіе по желѣзнымъ дорогамъ далѣе головныхъ этапныхъ станцій, то образовывались добавочныя станціи. Перевозка запасовъ отъ названныхъ станцій къ войскамъ лежала на обязанности полковаго обоза, а если это оказывалось почему либо невозможнымъ, то доставка производилась наемнымъ или реквизиціоннымъ обозомъ, но только до тѣхъ пунктовъ, гдѣ можно было перегрузить запасы на повозки казеннаго обоза.

Затѣмъ, въ трехъ пунктахъ, находящихся въ центральной полосѣ театра операцій, были образованы подвижныя продовольственные запасы на тотъ случай, если по какимъ-либо причинамъ нарушится непрерывность доставки продовольствія указаннымъ выше общимъ порядкомъ. Запасы эти состояли изъ муки на одинъ день, приварочныхъ припасовъ, прессованнаго сѣна и овса на все количество маневрировавшихъ войскъ.

Мясо, обыкновенно, покупалось непосредственно чинами хозяйственныхъ управленій. На случай недостатка мѣстнаго бойнаго скота, въ войсковомъ обозѣ возился однодневный запасъ мясныхъ консервовъ и, кромѣ того, каждому корпусу было разрѣшено имѣть при себѣ небольшой гуртъ бойнаго скота, въ размѣрѣ однодневной потребности въ мясѣ, причемъ гурты эти были образованы не на счетъ мѣстныхъ средствъ. Корпусный гуртъ состоялъ изъ трехъ отдѣленій: по одному на пѣхотную дивизію и одинъ — на войска, не входящія въ составъ дивизій. Кавалерія не имѣла гуртовъ бойнаго скота. Гурты держались по близости пунктовъ квартирнаго расположенія войскъ.

Кофе и сахаръ выдавались два раза недѣльными пропорціями и одинъ разъ — на обратный путь.

Свѣдѣнія о мѣстныхъ средствахъ были собраны заблаговременно и, основываясь на нихъ, корпусные интенданты опредѣляли, какое, приблизительно, количество хлѣба и овса должны доставлять ежедневно подвижныя хлѣбопекарни и продовольственныя учреж-

денія тыла. Пункты выдачи продовольствія сообщались ежедневно корпуснымъ управленіямъ, по распоряженію которыхъ войска посылали обозы.

Ранцевый неприкосновенный запасъ и особый, упомянутый выше подвижной запасъ, равно и гурты бойнаго скота были израсходованы въ извѣстные дни, по приказанію главнаго руководителя маневровъ.

Войска получали горячую пищу одинъ или два раза въ день; повозки съ мясомъ всегда слѣдовали вмѣстѣ со своими войсковыми частями. Когда войска выступали рано, то утромъ пили кофе, на большомъ привалѣ получали холодную говядину, а на ужинъ варили горячую пищу.

Изложенное устройство продовольственной части дало хорошіе результаты: снабженіе войскъ пищевыми продуктами было всегда обезпечено. При всемъ томъ, компетентными лицами высказывалось сожалѣніе, что продовольственная часть была организована не по арміямъ, а руководство ею было сосредоточено въ рукахъ главнаго интенданта, состоящаго при главной квартирѣ. Если бы восточная и западная арміи имѣли каждая своего полеваго интенданта, то такой порядокъ вполне отвѣчалъ бы обстановкѣ военнаго времени.

Организація санитарной части на маневрахъ состояла въ устройствѣ полевыхъ лазаретовъ, по одному на корпусъ, и по одному полевому госпиталю на два армейскихъ корпуса. Кромѣ того, войска имѣли положенныя имъ войсковыя врачевныя заведенія.

Военный телеграфъ получилъ на маневрахъ широкое примѣненіе. Въ теченіи всѣхъ 15-ти дней квартира главнокомандующаго была соединена телеграфомъ съ управленіями армій, а эти послѣднія—съ корпусными управленіями. При расположеніи войскъ на квартирахъ, главнокомандующій пользовался, когда было возможно, для сношеній съ командующими арміями, также и телефономъ. Всѣ эти сообщенія были устраиваемы военно-телеграфными отдѣленіями. Наконецъ, въ извѣстные дни оптический телеграфъ дублировалъ электрическій и то же служилъ средствомъ сообщенія между главнокомандующимъ и командующими арміями.

Маневрировавшія войска были снабжены полевыми казначействами и полевыми почтовыми учрежденіями. Въ теченіи 15-ти дней казначейства уплатили 3.890,000 франковъ, причемъ 3.440,000 франковъ составляли жалованіе войскъ и прогонныя деньги, а 450,000 франковъ были уплачены по почтовымъ переводамъ, число которыхъ достигло 43,000.

Наконецъ, остается сказать, что во время маневровъ были испытаны новыя переносныя палатки, новый головной уборъ для кавалеріи, пѣхотныя шинели, небольшіе ящики для подвоза патроновъ на линію огня, новые образцы полевыхъ хлѣбопекаренъ, особыя повозки для военнаго телеграфа и телефона и т. д.

Спеціальныя кавалерійскіе сборы происходили въ текущемъ году, по обыкновенію, въ Шалонскомъ лагерѣ, гдѣ въ продолженіи 12-ти дней были собраны 2-я и 6-я кавалерійскія дивизіи, имѣвшія каждая по шести полковъ и по три конныхъ батареи. Дивизіи сосредоточивались въ лагерь походнымъ порядкомъ, а такъ какъ мѣста постояннаго квартированія нѣкоторыхъ полковъ находятся въ значительномъ разстояніи отъ лагеря, то части эти находились въ походѣ по нѣсколько дней. Согласно заранѣ составленной программѣ сборовъ, два дня были посвящены полковымъ маневрамъ, два дня бригаднымъ и три дня дивизионнымъ. Всѣ эти маневры происходили въ сферѣ лагеря. Затѣмъ, дивизіи были выведены изъ лагернаго района и упражнялись въ производствѣ рекогносцировокъ, въ маневрированіи и въ разыгрываніи кавалерійскихъ боевъ.

Въ спеціальныхъ артилерійскихъ сборахъ, происходившихъ то же въ Шалонскомъ лагерѣ, участвовали полки 7-й и 19-й артилерійскихъ бригадъ, равно какъ конныя батареи 2-й и 3-й кавалерійскихъ дивизій, такъ что маневрировавшія части изображали артилерію армейскаго корпуса въ полномъ составѣ орудій въ батареяхъ, съ шестью зарядными ящиками на батарею и съ тремя отдѣленіями летучаго артилерійскаго парка. Маневры состояли въ производствѣ маршей, въ выборѣ и занятіи позицій, въ производствѣ стрѣльбы и въ упражненіяхъ относительно доставки снарядовъ на боевыя позиціи. Отдѣльныя артилерійскіе сборы продолжались 10 дней.

Въ общемъ, французскіе большіе маневры текущаго года представляли выдающійся интересъ, какъ въ строевомъ, такъ и въ организаціонномъ отношеніи. При устройствѣ 'большихъ маневровъ французское военное министерство идетъ во многомъ впереди другихъ военныхъ министерствъ западно-европейскихъ государствъ, но въ одномъ отношеніи Франція отстала и отъ Германіи, и отъ Австріи, именно, въ привлеченіи къ участию на маневрахъ резервовъ. По заявленію военнаго министра, недочетъ этотъ будетъ пополненъ въ 1892 г., когда рѣшено мобилизовать часть резервовъ и включить ихъ въ составъ маневрирующихъ войскъ.

В. Недзвѣцкій.

II.

БИБЛІОГРАФІЯ.

ЗАМѢТКИ ОБЪ АВСТРІЙСКОЙ АРМІИ.

По офіціальнымъ источникамъ и путевымъ записямъ составилъ *Н. Меддерсъ*.

Въ «Русскомъ Инвалидѣ» данъ былъ краткій отчетъ о книгѣ г. Меддерса, составленной какъ бы въ соотвѣтствіе извѣстнымъ замѣткамъ о германской арміи, которыми въ свое время подарилъ нашу военную литературу генераль-маіоръ баронъ Каульбарсъ.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду подробнѣе ознакомить читателей съ содержаніемъ книги г. Меддерса.

Прежде всего авторъ приводитъ краткія свѣдѣнія объ устройствѣ и составѣ австрійской арміи, которая въ военное время достигаетъ числительности въ 27,297 офицеровъ, 1.054,965 нижнихъ чиновъ и 2,072 полевыхъ орудій.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи сообщаются подробныя свѣдѣнія объ обученіи австрійскихъ войскъ по родамъ оружія, причемъ попутно авторъ входитъ въ различныя подробности бытоваго характера, на которыхъ мы и остановимся по преимуществу.

По числу пѣхотныхъ полковъ вся территория Австро-Венгрии раздѣляется на 103 округа пополненія, изъ коихъ каждый даетъ людей въ соотвѣтствующій по номеру полкъ; излишекъ рекрутъ распредѣляется между егерями и частями войскъ другихъ родовъ оружія. Всѣ молодые люди, долженствующие поступить на службу, являются заблаговременно къ соотвѣтствующимъ начальникамъ

округовъ пополненія, въ Австріи—съ 1-го апрѣля по 31-е мая, а въ Венгріи—съ 15-го января по 15-е марта. Начальникъ округа распредѣляетъ всѣхъ людей по соотвѣтствующимъ частямъ войскъ и выдаетъ каждому письменный приказъ явиться къ 1-му октября того же года въ такой-то полкъ, квартирующій тамъ-то, а затѣмъ увольняетъ людей по домамъ. Далѣе, въ теченіе лѣта начальникъ округа высылаетъ полкамъ подробныя письменныя свѣдѣнія о всѣхъ людяхъ, назначенныхъ въ каждый изъ нихъ, причѣмъ обозначается имя, мѣсто родины, ростъ, описаніе личности, лѣта, профессія и предшествовавшія занятія рекрута. Получивъ эти документы, командиръ полка заочно распредѣляетъ рекрутъ по баталіонамъ, а командиры сихъ послѣднихъ по ротамъ. Такимъ образомъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до поступленія новобранцевъ въ части войскъ послѣднія успѣваютъ уже закончить наиболѣе существенную часть неизбѣжной переписки по этому предмету.

Всякій, проѣзжавшій по Австріи около первыхъ чиселъ октября долженъ былъ замѣтить на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ необычайное движеніе по перевозкѣ новобранцевъ. Прежде, когда войска располагались вдали отъ своихъ округовъ пополненія, движеніе это было столь оживленно, что положительно походило на мобилизацію. Въ настоящее время, съ переходомъ австрійской арміи къ територіальной системѣ, движеніе это значительно уменьшилось, ибо большинство новобранцевъ прибываетъ въ пѣхотные полки изъ ближайшихъ окрестностей и частью не по желѣзнымъ дорогамъ, а все же оно замѣтно, и характеръ рекрутскихъ поѣздовъ не измѣнился. Подъѣзжая къ станціи, уже издали замѣчаешь необычное столпленіе публики, шумъ и крикъ. Всѣ тѣнятся къ группѣ новобранцевъ, поспѣшно садящихся въ вагоны и почти съ ногъ до головы разукрашенныхъ цвѣтами, лентами и даже небольшими образами. Между предметами, прикрѣпляемыми повсюду, часто замѣчаются небольшіе, въ родѣ конфеточныхъ, портреты императора, императрицы, или когонибудь изъ эрцъ-герцоговъ, будущихъ начальниковъ, смотря по роду оружія рекрута. Многіе изъ молодыхъ людей до того разукрашены названными предметами, что производятъ самое комическое впечатлѣніе. Само собою разумѣется, что вся эта компанія, особенно сами новобранцы, на-веселѣ и несчастные кондуктора желѣзной дороги изъ силъ выбиваются, чтобы усадить команду въ поѣздъ. Наконецъ, энергія начальника станціи превозмогла, всѣ усажены и вагоны насильно, не безъ сопротивленія, заперты; раздается свистокъ и поѣздъ, съ значительнымъ опозданіемъ, продолжаетъ движеніе. Въ

эту минуту какъ изъ вагоновъ, такъ и съ платформы поднимается до того неистовый шумъ, что его трудно описать. Ревъ, свистъ, визги, пѣніе подъ акомпаниментъ плохой мѣстной музыки, также явившейся на проводы, оглашаютъ воздухъ, превозмогая даже шумъ поѣзда. Сравнительная тишина наступаетъ лишь, когда станція скрылась изъ глазъ; но и въ пути время отъ времени раздаются крики рекрутъ, особенно изъ горныхъ мѣстностей, въ которыхъ такъ называемое *Jodeln* (выкрикиваніе) въ большомъ ходу. На слѣдующей станціи повторяются тѣ же сцены, причемъ шумъ удваивается, ибо въ поѣздъ садится новая партія новобранцевъ.

Въ полкъ рекруты являются въ собственномъ партикулярномъ платьѣ, а потому первая забота командира роты состоитъ въ томъ, чтобы очистить помѣщеніе новобранцевъ отъ всего лишняго скарба, приносимаго ими съ собою. Въ этихъ видахъ новобранцевъ заставляютъ хорошенько вычистить собственное платье и всѣ другія вещи, затѣмъ все это зашивается въ отдѣльный для каждаго чело-вѣка тюкъ, который помѣчается фамиліею и номеромъ новобранца и сдается въ полковой цейхгаузъ для храненія во все время его службы. Хотя затѣмъ владѣльца и заставляютъ время отъ времени чистить и выколачивать его вещи, но нельзя не признать изложенный порядокъ крайне непрактичнымъ (въ Германіи собственныя вещи новобранцевъ немедленно сдаются на почту и отправляются на мѣсто родины), ибо, не говоря уже о загроможденіи цейхгаузовъ, присутствіе въ нихъ старыхъ и большею частью неопрятныхъ вещей, представляетъ опасность зараженія молью казеннаго обмундированія.

Для обученія новобранцевъ распредѣляютъ на отдѣленія и каждое изъ нихъ поручается одному изъ младшихъ офицеровъ, или, какъ это бываетъ часто, даже кадету. Какъ смотрятъ въ Австріи на этотъ важный періодъ въ дѣлѣ образованія солдата, видно изъ отвѣтовъ, даваемыхъ старыми и, повидимому, опытными полковыми командирами именно по поводу того, что обученіе новобранцевъ поручается самымъ младшимъ чинамъ; если вѣрить этимъ лицамъ, то это дѣлается съ умысломъ, чтобы дать хорошую практику офицерской молодежи и кадетамъ. Безспорно, что обученіе новобранцевъ даетъ отличную практику молодому офицеру, но вѣдь новобранцы поступаютъ въ войска вовсе не для того, чтобы служить матеріаломъ для обученія офицеровъ, а чтобы удовлетворить потребности государства въ хорошихъ и дѣльно обученныхъ солдатахъ. А чего же, спрашивается, можно ожидать въ этомъ отноше-

ни отъ учителя-кадета, который и самъ ничто иное, какъ нѣсколько болѣе развитый новобранецъ.

«И дѣйствительно, говоритъ авторъ, неоднократно случалось, проходя мимо, останавливаться, чтобы посмотрѣть, какъ такой кадетъ учитъ. Нѣкоторые молодые люди при обученіи держали въ рукахъ рекрутскій уставъ и передъ каждою командой справлялись въ своей книжкѣ. Частная публика, въ военномъ дѣлѣ ничего не смыслящая, одобряла такой способъ, причѣмъ одинъ господинъ выразился: «Удивительно, какъ нынѣ трудятся наши молодые люди, — безъ книжки и инструкціи ни шагу! Какъ это похвально». На свѣдущихъ людей видѣнное, однако, производитъ противоположное впечатлѣніе и ничего нѣтъ печальнѣе, какъ видѣть передъ фронтомъ инструктора, который столь слабъ въ самыхъ элементарныхъ вопросахъ военного дѣла, что безпрестанно долженъ справляться въ книжкѣ, или совѣтоваться, какъ это часто бываетъ, со стоящимъ тутъ же рядомъ унтеръ-офицеромъ».

Рекрутскій періодъ обученія продолжается восемь недѣль, въ теченіе которыхъ имъ исполнѣ и подъ личною отвѣтственностью руководитъ назначенное для обученія лицо. Въ концѣ этого срока рекрутамъ производятъ смотры ротные, баталіонные, полковые и бригадные командиры, а иногда и высшее начальство. При этомъ, однако, строго соблюдается правило, что начальство, кромѣ командира части, не назначаетъ отдѣльнаго смотра, а является на то или другое ученіе и такимъ путемъ получаетъ понятіе о степени подготовки новобранцевъ къ переходу въ строй, въ который ихъ и переводятъ по окончаніи восьми недѣль. Съ этого дня они наравнѣ со старослужащими участвуютъ въ исполненіи всякаго рода службы.

Исходя изъ того принципа, что при короткихъ срокахъ службы главное вниманіе должно быть обращено на личное развитіе каждаго отдѣльнаго нижняго чина, австрійцы отдають большую часть года въ полное распоряженіе ротныхъ командировъ, которые съ 1-го октября и по 20-е іюня совершенно самостоятельно распоряжаются всѣми занятіями въ своихъ ротахъ. Въ теченіе всего этого времени, почти девять мѣсяцевъ, начальство не вмѣшивается въ обученіе, желая этимъ развить принципъ личной инициативы у подчиненныхъ и въ то же время дать имъ возможность примѣнять и испытывать на практикѣ ту или другую, лично имъ болѣе симпатичную систему обученія. За то по окончаніи этого срока ротный командиръ исполнѣ отвѣчаетъ за успѣхъ обученія роты, которая къ 20-му іюня должна быть готова во всѣхъ отношеніяхъ и исполнѣ

отвѣчать тѣмъ требованіямъ, которыя ставятъ ротѣ, какъ боевой единицѣ.

При этихъ условіяхъ весьма трудно объяснить тотъ крайне непродолжительный срокъ, который предоставляется на обученіе новобранцевъ, имѣющее столь важное значеніе въ образованіи солдата; можно предположить, что это вызывается только стремленіемъ возможно скорѣе довести роты до нормальнаго штатнаго состава, ради потребностей гарнизонной службы. Тутъ кстаті замѣтить, что караульный нарядъ въ Австріи сокращенъ до послѣдней степени; даже въ столичномъ городѣ, Вѣнѣ, съ миліоннымъ населеніемъ, ежедневный нарядъ въ карауль отвлекаетъ отъ занятій не болѣе 240 людей, причемъ на ночь снимаются даже почетные посты у дворцовъ и двери этихъ послѣднихъ, послѣ 10-ти часовъ вечера, запираются на ключи подобно тому, какъ и во всѣхъ частныхъ домахъ города.

Нельзя не обратить вниманія на то, что въ Австріи, какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ другихъ родахъ оружія, всѣхъ людей обучаютъ плаванію. Это занятіе входитъ въ кругъ обученія наравнѣ съ гимнастикой и фехтованіемъ и командиры частей пользуются всякимъ случаемъ, чтобы на практикѣ обучать плаванію своихъ людей. Для этого въ теченіе всей зимы преподаются уроки плаванія, или, вѣрнѣе, движенія рукъ и ногъ, для чего существуютъ особыя приспособленія. Лѣтомъ же каждая часть старается устроить школу плаванія сообразно мѣстнымъ условіямъ и гдѣ нѣтъ достаточно глубокой воды въ рѣкахъ, озерахъ или прудахъ, тамъ устраиваютъ слѣдующее весьма практическое приспособленіе, которое позволяетъ цѣлому полку плавать и купаться въ теченіе всего лѣта, если только въ мѣстахъ квартированія части существуетъ незначительный ручей, въ нѣсколько дюймовъ глубиною. Въ непосредственной близости ручья вынимается четырехугольный бассейнъ такой глубины, чтобы уровень его воды былъ на одной высотѣ съ водою въ ручьѣ, изъ котораго бассейнъ и наполняется. Глубина воды въ бассейнѣ съ одной стороны 8 футовъ, съ другой—3—4; для схода въ бассейнъ устраивается одна или нѣсколько лѣстницъ, а съ глубокой стороны—трамплинъ. Такой бассейнъ имѣетъ до 15 саж. длины и до 10 саж. ширины и вымощенъ булыжникомъ, кирпичемъ или цементированъ. Для того, чтобы вода не застаивалась, бассейнъ соединенъ съ ручьемъ въ двухъ мѣстахъ канавками, изъ коихъ въ одну втекаетъ вода ручья и наполняетъ бассейнъ, а изъ другой вытекаетъ обратно въ ручей. Приспособленіе это настолько просто, что исполняется, обыкновенно, самими нижними чинами, а потому и стоитъ дешево.

Говоря о зимнихъ занятіяхъ австрійской пѣхоты, нельзя не упомянуть о характерныхъ для нея маршахъ-маневрахъ, которые каждая часть должна непременно продѣлать до двухъ разъ въ мѣсяцъ. Климатическія условія страны, а главное отсутствіе глубокаго снѣжнаго покрова, всюду, за исключеніемъ Галиціи, благоприятствуютъ этимъ занятіямъ, которымъ въ Австріи придаютъ весьма важное значеніе. Такая, какъ у насъ выражаются, военная прогулка предпринимается обыкновенно утромъ и продолжается пять часовъ, а иногда и гораздо долѣе, причѣмъ полки выходятъ въ походномъ порядкѣ со всѣми военными предосторожностями и всегда исполняютъ какое нибудь тактическое предположеніе. Австрійцы особенно охотно продѣлываютъ эти занятія зимою, такъ какъ лѣтомъ весьма распространенная культура полей почти нигдѣ не позволяетъ войскамъ сойти съ дороги. Потопки же полей на такихъ домашнихъ занятіяхъ не допускаются и если бы случились, то за нихъ отвѣчаетъ командиръ части.

По поводу теоретическаго обученія нижнихъ чиновъ необходимо сказать нѣсколько словъ о грамотности въ австрійскихъ войскахъ, такъ какъ отъ ея состоянія прежде всего зависитъ успѣхъ этого обученія.

Грамотность въ Австріи есть понятіе условное, ибо при значительномъ числѣ различныхъ народностей въ имперіи, поступающій въ полкъ новобранецъ можетъ быть вполне грамотнымъ на своемъ языкѣ и ни слова не понимать по нѣмецки, т. е. на официальномъ языкѣ арміи. Это обстоятельство до крайности затрудняетъ какъ обученіе, такъ и самихъ обучающихся, въ виду того, что австрійскіе офицеры не всегда бывають той же національности, какъ и нижніе чины. Въ этомъ случаѣ отъ офицеровъ требуютъ знанія пароднаго языка полка, а достигнуть этого трудно, особенно при принятой въ Австріи системѣ частыхъ переводовъ офицеровъ изъ части въ часть.

Затрудненія, съ которыми офицеру приходится бороться, дѣйствительно очень велики. Принципъ требуетъ, чтобы всѣ команды, а также наименованія всѣхъ частей солдатскаго вооруженія, снаряженія и многое другое произносились и были извѣстны нижнимъ чинамъ по нѣмецки; съ другой стороны, всѣ толкованія и объясненія по необходимости должны дѣлаться на языкѣ той народности, къ которой принадлежитъ полкъ. Вслѣдствіе этого на практикѣ возникаетъ множество различныхъ недоразумѣній. Напримѣръ, на маневрахъ: разъѣздъ полка, говорящаго по польски, прислалъ донесеніе на постъ, выставленный отъ венгерскаго полка; около часа вре-

мени проходить въ ни къ чему не ведущихъ стараніяхъ объясниться другъ съ другомъ. Наконецъ, случайно подъѣзжаетъ офицеръ генеральнаго штаба изъ числа посредниковъ, понимающій оба языка, и объясняетъ обѣимъ сторонамъ, что слѣдуетъ.

Офицеры часто жалуются, что имъ приходится тратить много драгоцѣннаго времени на изученіе какого нибудь языка, въ обществѣ или вовсе не нужнаго и не приносящаго никакой пользы. Многіе молодые офицеры охотнѣе приняли бы за изученіе французскаго или англійскаго языковъ, вмѣсто какого нибудь мадьярскаго, сербскаго и т. п.

Такое положеніе вещей по необходимости отражается не только на теоретическихъ занятіяхъ въ войсковыхъ частяхъ, но и на всемъ остальной обученіи, придавая послѣднему въ одномъ полку совершенно иной характеръ, чѣмъ въ другомъ. Такъ, на примѣръ, въ полку, комплектуемомъ изъ окрестностей города Брюнна, изъ 600 человѣкъ новобранцевъ неграмотныхъ оказалось всего 10 человѣкъ, поэтому никакихъ занятій по грамотности въ этомъ полку не производилось; техническія же названія и команды по нѣмецки люди скоро усваивали на практикѣ. Нѣсколькихъ неграмотныхъ новобранцевъ, поступившихъ въ эту часть, никто и не обучалъ и ихъ просто предназначили на такія должности, исполненіе которыхъ не требовало твердаго знанія чтенія и письма. Напротивъ, другой полкъ, получившій рекрутъ изъ Галиціи, съ первыхъ же дней ихъ прибытія вынужденъ былъ устроить систематическое преподаваніе грамотности, въ виду того, что изъ поступившихъ молодыхъ солдатъ всего 10% умѣли читать и писать. При короткомъ срокѣ службы, да притомъ въ чисто польской средѣ, разумѣется, и думать было нечего выучить этихъ людей грамотности по нѣмецки, а потому волей не-волей пришлось учить ихъ читать и писать по польски, да кромѣ того, тутъ же прилетать нѣмецкія команды и техническія названія. Легко себѣ представить, насколько это трудно и какъ весь характеръ занятій полка отличался отъ занятій перваго. Затрудненія эти не ограничиваются простыми рядовыми и еще ощутительнѣе проявляются въ унтеръ-офицерскихъ школахъ, въ которыхъ по необходимости принимается въ соображеніе одна только грамотность на нѣмецкомъ языкѣ. Такъ, въ одномъ пѣхотномъ полку оказалось, что люди, поступающіе изъ окрестностей города Лайбаха, почти всѣ безъ исключенія ловко владѣютъ перомъ на кроато-сербскомъ языкѣ, за то почти никто о нѣмецкомъ и понятія не имѣлъ.

Изъ изложеннаго видно, что занятія грамотностью въ австрій-

скихъ войскахъ играютъ весьма важную роль и притомъ крайне неравномѣрно ложатся на различныя части этой арміи. Въ то время, какъ одни, особенно нѣмецкіе полки, совершенно пренебрегаютъ ею и прямо приступаютъ къ обученію по инструкціи, другіе трудятся и теряютъ время, чтобы кой-какъ подготовить своихъ людей къ такому обученію.

Теоретическое обученіе нижнихъ чиновъ пѣхоты ведется въ различныхъ войсковыхъ школахъ, коихъ имѣется нѣсколько степеней, а именно: школа рядовыхъ (Mannschafts-Schule), унтеръ-офицерская школа (Unter-Offiziers Bildungs-Schule), должностная школа (Schergen-Schule) и, наконецъ, школа счетчиковъ (Rechnungs-Feldfebel-Schule). Кстати замѣтить, что тѣ же школы существуютъ и въ остальныхъ родахъ оружія, но, сверхъ того, въ артилеріи имѣется еще школа наводчиковъ (Vormeister-Schule), въ инженерныхъ войскахъ—рисовальная и столярная школы, а въ обозныхъ войскахъ—курсы вагенмейстровъ, шорниковъ и кузнецовъ. Учебныя занятія войскъ provѣряются смотрами какъ ближайшаго, такъ и высшаго начальства, причемъ послѣднему предоставлено право производить такіе смотры во всякое время. Но кромѣ такихъ чисто строевыхъ повѣрокъ, въ австрійской арміи производятся еще административные смотры въ каждой отдѣльной части арміи одинъ разъ въ два года. Во время этихъ смотровъ provѣряется хозяйственная часть и всѣ запасы, штаты людей и лошадей, состояніе оружія, обоза и проч.

Основнымъ правиломъ производства административныхъ смотровъ въ австрійской арміи служить полная внезапность появленія инспектирующаго лица въ подлежащей войсковой части. Это условіе смотровъ заставляетъ командировъ частей и всѣхъ офицеровъ, завѣдывающихъ разными отдѣлами полковаго хозяйства, быть круглый годъ на чеку и въ каждую данную минуту держать все въ полнѣйшемъ порядкѣ. Дѣйствительно, неоднократно бывало, что утромъ, вставая, чины полка узнавали, что въ теченіе ночи прибылъ инспектирующій генераль со свитой. Утромъ этотъ послѣдній предъявлялъ предписаніе о производствѣ административнаго смотра и вслѣдъ затѣмъ начиналась самая подробная поштучная повѣрка всего полковаго имущества, производимая опытными знатоками дѣла, отъ вниманія которыхъ не ускользнетъ ни одна пуговица. На исправность матеріальной части, отъ которой зависитъ въ значительной степени мобилизаціонная готовность войскъ, въ Австріи обращаютъ гораздо болѣе серьезное вниманіе, чѣмъ на недостатки строеваго образованія. Строгимъ, постояннымъ и повсемѣстнымъ соблюденіемъ

этого принципа и объясняется замѣчательный порядокъ австрійскихъ войскъ въ матеріальномъ и административномъ отношеніяхъ, порядокъ, тщательно проведенный и постоянно, среди глубокаго мира поддерживаемый, даже въ самыхъ послѣднихъ тыловыхъ учрежденіяхъ, гдѣ почти ничего нѣтъ недодѣланнаго и непредвидѣннаго.

Для полной внезапности смотровъ сами инспектора предупреждаютъ о предстоящемъ отъѣздѣ всего за нѣсколько дней, причѣмъ имъ сообщается и о тѣхъ чиновникахъ разныхъ вѣдомствъ, которыхъ они должны взять съ собой для провѣрки разныхъ специальныхъ отдѣловъ войсковаго хозяйства; о томъ же, куда ѣхать и какой части произвести смотръ, они узнаютъ только изъ секретнаго запечатаннаго конверта, который имъ передается въ день отъѣзда. Этимъ путемъ предупреждается даже случайная возможность для подлежащей войсковой части узнать о предстоящемъ смотрѣ. Затѣмъ, само собою разумѣется, что инспекторами всегда назначаются лица, совершенно непричастныя, въ командномъ отношеніи, къ тѣмъ войскамъ, которыя они провѣряютъ.

Ограничиваясь, пока, вышеизложеннымъ по части обученія австрійскихъ войскъ, о которомъ авторъ сообщаетъ весьма подробныя и систематическія свѣдѣнія, перейдемъ къ порядку ремонтаванія австрійской кавалеріи, заслуживающему полнаго вниманія по своей цѣлесообразности и прекраснымъ результатамъ.

Для пополненія лошадьми австрійской кавалеріи существуютъ три ремонтныя комісія, въ Пештѣ, Лембергѣ и Сегединѣ, которыя подчиняются одному генераль-инспектору ремонтовъ. Каждая комісія состоитъ изъ предсѣдателя — штабъ-офицера, двухъ ротмистровъ, одного младшаго офицера и ветеринарнаго врача. По цѣнѣ, которая ежегодно устанавливается военнымъ министерствомъ, каждая комісія закупаетъ въ своемъ районѣ и для опредѣленныхъ войсковыхъ частей, то число лошадей, которое для нихъ назначено, причѣмъ части получаютъ ежегодно около 12% верховыхъ и около 10% упряжныхъ лошадей своего штатнаго состава. Лошади покупаются въ возрастѣ отъ 5-ти до 7-ми лѣтъ.

Рядомъ съ этимъ существуетъ и принимаетъ все большее и большее развитіе другой способъ ремонтаванія, особенно цѣнный въ томъ отношеніи, что имъ достигается не только полное обезпеченіе войскъ лошадьми, но притомъ лошадьми, съ юнаго возраста специально подготовляемыми къ требованіямъ военной службы. Дѣло идетъ о такъ называемыхъ конскихъ ремонтныхъ депо; въ настоящее время ихъ имѣется только три, но правительство принимаетъ

всѣ мѣры къ тому, чтобы развить это полезное учрежденіе, совершенно отказаться отъ покупки взрослыхъ лошадей и скупая только жеребятъ, воспитывать и готовить въ депо все число лошадей, потребное войскамъ. Организация этого дѣла въ настоящее время такова. На ремонтныя комисіи возлагается, между прочимъ, покупка извѣстнаго числа молодняка въ возрастѣ отъ 2¹/₂ до 3-хъ лѣтъ, который и передается въ ремонтное депо для дальнѣйшей выдержки.

Молодые лошади по происхожденію, сорту и складу должны вполнѣ удовлетворять своему назначенію кавалерійскаго коня и остаются въ депо до достиженія полного возраста, а затѣмъ осенью поступаютъ въ соотвѣтствующія части, въ счетъ ежегоднаго ремонта. Главная обязанность и забота начальника депо заключается въ правильномъ и цѣлесообразномъ воспитаніи лошадей, которыя должны поступить въ часть безпорочными, сильными, вполнѣ развитыми и способными къ немедленной выѣздкѣ. Особенное вниманіе должно быть обращено на подготовку хорошихъ, такъ называемыхъ, должностныхъ лошадей (*Chargen-Pferde*), назначаемыхъ подъ офицерское сѣдло. Тутъ кстати будетъ замѣтить, что правомъ на безвозмездное полученіе казенной верховой лошади пользуются: поручики и подпоручики кавалеріи, всѣ оберъ-офицеры артилеріи, всѣ оберъ-офицеры обозныхъ частей и всѣ штабъ и оберъ-офицеры пѣхоты, которымъ полагается быть верхомъ. Кто въ теченіе восьми лѣтъ сохранилъ свою лошадь въ цѣлости, можетъ получить новую, причемъ старая обращается въ полную его собственность; тѣмъ же правомъ пользуется офицеръ, потерявшій лошадь послѣ пяти лѣтъ, если лошадь пала не по его винѣ.

Въ депо лошади воспитываются два года, въ теченіе которыхъ, при достаточномъ движеніи и правильномъ уходѣ, хорошо развиваютъ свои физическія силы. Во время пребыванія въ депо всѣхъ лошадей раздѣляютъ на первый возрастъ, состоящій изъ младшихъ, и второй возрастъ, — болѣе старшихъ особей. Ежегодно осенью лошади втораго возраста поступаютъ на службу, а перваго — переводятся во второй; сами же замѣняются вновь купленными молодыми лошадьми. Всѣ лошади воспитываются на подножномъ корму и сухомъ фуражѣ. Для управленія ремонтнымъ депо въ 400 лошадей считается достаточнымъ слѣдующій личный составъ: начальникъ депо — штабъ-офицеръ или ротмистръ; офицеръ-счетчикъ и двое нижнихъ чиновъ-счетчиковъ, ветеринарный врачъ, ученый кузнецъ, два вахмистра, четыре унтеръ-офицера, 30 нижнихъ чиновъ и два денщика; для хозяйственныхъ нуждъ депо имѣеть че-

тыре бракованныя кавалерійскія лошади. Въ депо главное вниманіе и заботы обращены на возможно большее укрѣпленіе тѣла, костей, развитіе мускуловъ и гигиену лошадей; достигается же все это хорошимъ кормомъ, свѣтлыми, просторными и высокими, снабженными большимъ количествомъ воздуха конюшнями и, особенно, движеніемъ. Последнее составляетъ необходимую и крайне полезную гимнастику, способствуетъ правильному пищеваренію, предупреждаетъ накопленіе жира и лучше всего другаго развиваетъ и укрѣпляетъ мускулы. Лошади, находящіяся въ полѣ, на подножномъ корму, предоставлены относительно движенія самимъ себѣ; стоящія же въ конюшняхъ, на сухомъ фуражѣ, подвергаются систематически правильному движенію; это достигается, выгоня лошадей на дворъ, въ окруженное оградю пространство, или въ особо устроенные крытые манежи, причемъ послѣднее дозволяется, однако, только въ очень дурную погоду. Означенныя ограды устроены такимъ образомъ, чтобы 50—60 лошадей могли свободно бѣгать и играть въ нихъ. Первое время, около получаса, ихъ предоставляютъ самимъ себѣ, чѣмъ лошади живаго характера пользуются, чтобы, играя съ другими, побѣгать на свободѣ, тогда какъ болѣе вялыя предпочитаютъ стоять на мѣстѣ. Черезъ нѣкоторое время, когда табунъ нѣсколько успокоится, два или три солдата входятъ въ ограду, послѣ чего одинъ изъ нихъ съ хлыстомъ, котораго лошади не должны никогда бояться, сзываетъ лошадей, громко повторяя одно и то же слово; другой солдатъ старается согнать лошадей къ одной сторонѣ барьера, а третій слѣдуетъ за табунномъ и слегка подгоняетъ болѣе вялыхъ лошадей. Вскорѣ весь табунъ начинаетъ двигаться вдоль ограды въ одномъ направленіи; лошади легко къ этому приучаются и черезъ нѣкоторое время до того привыкають, что начинаютъ бѣгать по одному голосу своего надзира-теля. Гнать лошадей насильно, бить кнутомъ и пугать строго запрещено, такъ какъ опытомъ дознано, что однимъ терпѣніемъ можно достигнуть самыхъ лучшихъ результатовъ. Описаное движеніе лошадей производится два раза въ день и каждый разъ продолжается не менѣе часа; въ остальное время лошади въ оградѣ предоставлены самимъ себѣ. Тоже самое дѣлается и въ крытыхъ помѣщеніяхъ, причемъ ихъ разбивають на отдѣльные квадраты и лошадей заставляютъ бѣгать въ каждомъ изъ нихъ. При нѣкоторомъ навыкѣ одному солдату легко заставить бѣгать въ такой оградѣ 20—25 лошадей въ желаемомъ направленіи и любимъ аллюромъ. Продолжительное пребываніе и движеніе лошадей на чистомъ воздухѣ лучше

всего развиваетъ ихъ силы и подготовливаетъ къ будущей службѣ въ кавалерійской части. Первый дневной кормъ лошадямъ задается въ мартѣ и апрѣлѣ въ 5 часовъ утра, съ мая по сентябрь въ 4 часа и съ сентября до марта въ 6 часовъ; при этомъ лошади привязываются на недоузкахъ, полчаса спустя ведутся на водопой, а затѣмъ выгоняются въ поле или загонъ, гдѣ остаются до полудня. Послѣ полуденной дачи ихъ опять поятъ и снова выгоняютъ на воздухъ до вечерней дачи. Послѣ каждаго пребыванія въ загонѣ и не менѣе двухъ разъ въ день всѣхъ лошадей обтираютъ соломой, что признается весьма полезнымъ для гигиеническихъ отправленияхъ кожи и поддерживаетъ необходимую чистоту. Вообще, въ гигиеническомъ отношеніи за лошадьми установленъ самый строгій надзоръ, и при появленіи на какой нибудь изъ нихъ малѣйшаго признака заразной болѣзни, инструкція строжайше предписываетъ немедленно убивать лошадь, а о результатѣ вскрытія тотчасъ же доносить военному министру. Осенью, передъ передачей лошадей второго возраста въ полки, ихъ обыкновенно осматриваетъ генераль-инспекторъ ремонтвъ или генераль-инспекторъ кавалеріи; къ этому времени начальникъ депо обязанъ разбить лошадей втораго возраста на группы, по числу кавалерійскихъ частей, ремонтирующихся изъ депо, причемъ верховыя лошади распредѣляются, по возможности, равномерно между группами по росту, масти и полу. Изъ числа систематически практикующихся въ частяхъ кавалеріи приѣмовъ по части ѣзды достойны вниманія слѣдующіе. Если дозволяетъ состояніе погоды, то какъ можно чаще производятся упражненія въ свободной ѣздѣ въ полѣ, причемъ каждому всаднику предоставляется избирать любой путь, лишь бы люди отдѣленія не слишкомъ удалялись отъ своего начальника, который наблюдаетъ за ѣздой и руководитъ аллюромъ. При этомъ стараются проводить лошадей по всякой мѣстности, заставляють подниматься по крутымъ скатамъ и спускаться съ нихъ и преодолевать самыя разнообразныя естественныя препятствія. Эта ѣзда продолжается не менѣе двухъ часовъ заразъ.

Для того, чтобы приучить лошадей пробѣгать большія разстоянія одинаковымъ аллюромъ, или какъ выражаются австрійцы «втянуть лошадей въ дыханіе», употребляется слѣдующій приѣмъ. На довольно ровной мѣстности отмѣчается вѣхами большой квадратъ или четырехугольникъ, причемъ общая длина всей сомкнутой линіи доходитъ до 3,000 шаговъ, а разстоянія въ 300 и 500 шаговъ отмѣчаются особыми, замѣтными знаками. Передъ каждымъ уче-

нѣмъ заставляють весь взводъ ѣздить около 15—20 минутъ вдоль провѣшенной линіи; люди ѣздятъ группами, по 5—6 человекъ въ каждой, и группа отъ группы въ разстояніи около 50-ти шаговъ, при чемъ наблюдается, чтобы лошади шли возможно ровнымъ аллюромъ, не суетясь, и проходили рысью 300 шаговъ и галопомъ 500 шаговъ въ минуту. Постепенно увеличивая продолжительность каждаго алюра, доводятъ ихъ, наконецъ, до того, что лошади проходятъ ровнымъ, не суетливымъ галопомъ всѣ провѣшенные 3,000 шаговъ. Вдоль длинныхъ сторонъ четырехугольника обучаютъ и прохожденію въ карьеръ.

Относительно австрійской артилеріи авторъ замѣчаетъ, что изъ всѣхъ родовъ оружія она болѣе другихъ находится на высотѣ своего назначенія, отлично обучена и обладаетъ очень хорошимъ корпусомъ офицеровъ, а матеріальная часть и конскій составъ не оставляють желать ничего лучшаго. Единственный крупный недостатокъ артилеріи состоитъ въ томъ, что она слишкомъ малочисленна по отношенію къ составу арміи; это невыгодное отношеніе не измѣнилось къ лучшему и при новой ея организаціи, основаніемъ которой служатъ, повидимому, поговорка «малъ золотникъ, да дорогъ». Притомъ же въ Австріи, за недостаткомъ средствъ, экономія во всѣхъ потребностяхъ арміи достигаетъ самыхъ крайнихъ размѣровъ, что, разумѣется, очень невыгодно отражается на войскахъ. Такъ, напримѣръ, даже въ вѣнскомъ артилерійскомъ гарнизонѣ ощущается большой недостатокъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ въ батареяхъ; почти половина батарей имѣетъ только батарейнаго командира и ни одного младшаго офицера. Происходитъ это не потому, чтобы по штату въ батареяхъ вовсе не полагалось младшихъ офицеровъ, а потому, что изъ экономическихъ соображеній штаты недостаточны въ высшихъ инстанціяхъ. Такимъ образомъ, командиръ дивизіона не имѣетъ ни одного офицера для громадной переписки по своей части и потому или долженъ вести ее лично, или же поручить ея веденіе частнымъ образомъ одному изъ офицеровъ, котораго отрываетъ для этого отъ строевыхъ занятій. Всѣ офицеры, находящіеся въ постоянной командировки при военныхъ училищахъ, на полигонахъ и даже въ военно-географическомъ институтѣ, занимаютъ штатныя вакансіи въ строевыхъ частяхъ, въ которыхъ по этой причинѣ никѣмъ не замѣщаются. Экономія въ нѣкоторыхъ случаяхъ доходитъ до поразительныхъ размѣровъ; такъ, одинъ батарейный командиръ жаловался на крайній недостатокъ унтеръ-офицеровъ въ его батареѣ и на вопросъ о причинѣ объяс-

нилъ, что по спискамъ у него состоятъ нѣсколько учениковъ артилерійскаго училища, которыхъ начальство этого заведенія произвело въ унтеръ-офицеры; въ батареѣ же имѣются нижніе чины, вполне достойные этого званія, но произведены быть не могутъ, такъ какъ вышеозначенные ученики унтеръ-офицеры входятъ въ штатный составъ батареи. Въ настоящее время жалобы артилеристовъ достигли крайнихъ предѣловъ, ибо для формировація установленныхъ новою организаціею частей, люди и лошади брались изъ существующихъ батареи, что совершенно разстроило ихъ составъ, тѣмъ болѣе, что для образованія кадровъ новыхъ частей потребовались лучшіе люди.

Дабы покончить съ обширнымъ и интереснымъ, въ изложеніи автора, отдѣломъ обученія австрійскихъ войскъ, приведемъ еще сообщаемыя имъ свѣдѣнія объ отпускѣ боевыхъ припасовъ на прохожденіе учебнаго курса стрѣльбы, чѣмъ въ извѣстной мѣрѣ характеризуется самая постановка этого отдѣла обученія.

Въ *пѣхотѣ* ежегодно отпускается патроновъ: на cadaго офицера, состоящаго на дѣйствительной службѣ, 60 патроновъ; на офицера, призваннаго въ учебный сборъ—15 патроновъ; на нижняго чина пѣхоты—110 патр.; егерей—150 патр.; кромѣ того, на всѣхъ солдатъ въ первый годъ ихъ службы еще по 12-ти патр.; на cadaго нижняго чина резерва или ландвера, призваннаго къ участию въ учебномъ сборѣ—60 патроновъ. Изъ отпускаемыхъ патроновъ расходуется на боевую стрѣльбу въ пѣхотѣ 70, у егерей—100 штукъ.

Въ *кавалеріи*—на cadaго офицера или кадета 30 карабинныхъ и столько же револьверныхъ патроновъ; на нижняго чина въ драгунахъ и гусарахъ—80 карабинныхъ и 30 револьверныхъ патроновъ, а въ уланахъ—50 карабинныхъ и 70 револьверныхъ патроновъ. Сверхъ того, на cadaго солдата въ первый годъ службы по девяти патроновъ. На нижняго чина, призваннаго въ учебный сборъ—15 карабинныхъ и столько же револьверныхъ патроновъ.

Въ *артилеріи* отпускается зарядовъ и снарядовъ: на горную батарею 128 штукъ, на пѣшую—158 шт., на конную—170 шт., на крѣпостную роту сухопутной крѣпости—223 шт., приморской крѣпости—197 шт. и на артилерійское кадетское училище—461 штука.

Переходя къ корпусу офицеровъ австрійской арміи, авторъ замѣчаетъ, что при настоящихъ короткихъ срокахъ службы въ огромномъ большинствѣ нижнихъ чиновъ вовсе не развивается любви къ своему оружію, привязанности къ части, однимъ словомъ—тотъ нравственный закалъ, которымъ отличаются полки конца прошлаго

и начала нынѣшняго вѣка. Солдаты нашихъ дней, по общей воинской повинности, случайно сгруппированные въ части и на сравнительно короткое время, за рѣдкими исключеніями уходятъ съ чѣмъ пришли, унося съ собою только признаки нѣкоторой личной выправки, безъ малѣйшей привязанности къ части, въ которой они служили, и мечтая объ одномъ, какъ бы вторично не попасть на службу. При такихъ условіяхъ, какъ бы хорошо нижніе чины обучены ни были, ихъ нравственные качества далеко не имѣютъ того значенія для части, какого многіе отъ нихъ ожидаютъ, и болѣе чѣмъ когда-либо нельзя не сознаться, что все достоинство современной войсковой части почти исключительно держится нравственными качествами ея офицерскаго общества. Вотъ почему вопросъ о пополненіи корпуса офицеровъ и объ устройствѣ быта офицерскаго общества долженъ составлять краеугольный камень заботъ правительства и начальства въ каждой благоустроенной современной арміи.

Австрійскій корпусъ офицеровъ пополняется производствомъ изъ *кадетъ* и выпускомъ изъ военныхъ училищъ, носящихъ въ Австріи названіе «военныхъ академій».

Для подготовленія кадетъ существуютъ, такъ называемые, *Sadeten-Schulen*, которыхъ въ разныхъ частяхъ имперіи въ настоящее время 16; изъ нихъ 12 пѣхотныхъ, а остальные четыре назначены для специальныхъ родовъ оружія. Въ эти школы, соотвѣтствующія нашимъ юнкерскимъ училищамъ, можетъ поступать каждый молодой человѣкъ, въ возрастѣ отъ 14-ти лѣтъ, выдержавшій вступительный экзамень, не исключая и нижнихъ чиновъ, поступившихъ на службу по набору. Курсъ продолжается четыре года, послѣ чего воспитанники поступаютъ въ строевыя части кадетами и тамъ, по удостоенію ближайшаго начальства, производятся въ портупей-юнкера (*Offiziers-Stellvertreter*, т. е. *офицерскіе замѣстители*). Для производства въ офицеры необходимо удостоиться одобренія общества офицеровъ части и прослужить въ ней портупей-юнкеромъ не менѣе одного года. Воспитаніе въ кадетской школѣ связано съ обязательствомъ прослужить въ строю, сверхъ общаго срока службы, по одному году за каждый годъ, проведенный въ училищѣ. Этимъ путемъ австрійская армія получаетъ ежегодно слишкомъ 500 офицеровъ.

Военныхъ академій только двѣ, въ Вѣнѣ и Винеръ-Нейштадтѣ. Сюда принимаютъ молодыхъ людей въ возрастѣ 19-ти лѣтъ. Курсъ двухлѣтній и соотвѣтствуетъ, приблизительно, курсу нашихъ военныхъ училищъ. Окончившіе курсъ по 1-му разряду производятся

въ подпоручики, а окончившіе по 2-му разряду выпускаются въ войска кадетами и производятся въ офицеры на общемъ основаніи, для кадетъ установленномъ. За полученное образованіе воспитанники академій также должны отслужить въ строю по одному году за каждый годъ пребыванія въ академіи. Этимъ путемъ австрійская армія пріобрѣтаетъ ежегодно около 150 офицеровъ. Изъ изложеннаго видно, что корпусъ офицеровъ пополняется ежегодно 600 — 700 молодыми людьми, получившими надежное образованіе и воспитаніе, ибо требованія, которымъ они должны удовлетворить, весьма серьезны, что вполне возможно въ странѣ, гдѣ на полученіе перваго офицерскаго чина на каждую вакансію является до 16-ти соискателей, а слѣдовательно, каждый подпоручикъ является, такъ сказать, результатомъ выбора одного изъ 16-ти. Сверхъ того, однолѣтніе вольноопредѣляющіеся даютъ австрійской арміи слишкомъ 800 резервныхъ офицеровъ въ годъ, для удовлетворенія потребностей военнаго времени.

Во всѣхъ благоустроенныхъ большихъ казармахъ полковой командиръ и почти всѣ офицеры полка имѣютъ казенныя квартиры. Окладъ квартирныхъ денегъ въ Вѣнѣ и въ другихъ большихъ городахъ такъ великъ, что многіе офицеры предпочитаютъ жить на частной квартирѣ, но это не всѣмъ разрѣшается. Квартиры въ казармахъ существуютъ только на строевой составъ офицеровъ полка; офицеры же генеральнаго штаба, а равно занимающіе штабныя должности, казенныхъ квартиръ не имѣютъ; впрочемъ, начальники дивизионныхъ штабовъ иногда живутъ на казенныхъ квартирахъ въ казармахъ, при одномъ изъ полковъ своей дивизіи, но только въ такомъ случаѣ, если почему-либо въ полку имѣется незапаятая квартира. Командиры бригадъ, начальники дивизій и всѣ высшіе начальники, какъ войскъ, такъ и военныхъ управленій, за исключеніемъ имперскаго военнаго министра, казенныхъ квартиръ не имѣютъ. При казарменномъ расположеніи части почти всегда устраивается и офицерское собраніе; нельзя, однако, сказать, чтобы въ Австріи относились къ этому учрежденію съ тѣмъ вниманіемъ и придавали ему то значеніе, которымъ офицерскія собранія пользуются, на примѣръ, хотя въ германскихъ войскахъ. Если офицерскія казино, устроенныя въ самихъ частяхъ, часто оставляютъ желать весьма многого, то нельзя сказать того же про большія общія для всего гарнизона казино, особенно хорошо устроенныя въ большихъ городахъ и столицахъ и занимающія иногда великолѣпное и обширное помѣщеніе. Въ этихъ казино собираются въ опредѣленные дни

офицеры всѣхъ родовъ оружія; остальное время распредѣлено между частями войскъ различныхъ родовъ оружія. Тутъ читаютъ лекціи на всевозможныя темы военнаго, историческаго и техническаго содержанія, занимаются военной игрой и проч., сюда же весьма часто является и самое высшее начальство; наконецъ, устраиваются иногда вечера съ танцами.

Бытовая сторона большинства австрійскихъ офицеровъ до крайности проста, ибо цѣлый день они проводятъ на разныхъ занятіяхъ въ своей части. Въ этомъ отношеніи отличный примѣръ подають высшіе начальники, даже эрцъ-герцоги, которые всѣ отправляются ежедневно въ свои, съ большою простотою обставленныя служебныя бюро и проводятъ тамъ многіе часы, принимая доклады и всѣхъ лицъ, имѣющихъ къ нимъ какое нибудь дѣло. Принимать доклады и представляющихся у себя дома или на частной квартирѣ не принято даже у высшихъ чиновъ военной іерархіи.

Между австрійскими военными, особенно въ одинаковыхъ чинахъ, приято быть на «ты»; «вы» говорятъ только начальствующимъ лицамъ. Съ перваго взгляда могло бы показаться, что такое обращеніе ведетъ къ излишней безцеремонности, но на дѣлѣ этого нѣтъ и всѣ австрійскіе военные отличаются изысканно вѣжливыми отношеніями другъ къ другу. Рядомъ съ этимъ, невольно бросаются въ глаза иногда излишне почтительныя отношенія младшаго къ старшему, ничего общаго съ дисциплиной не имѣющія, и какъ бы противорѣчація принципу развитія инициативы въ каждомъ, которому въ Австріи такъ сочувствуютъ на почвѣ обученія войскъ.

Дуэль, вопросъ почти неизбѣжный въ военномъ обществѣ, очень удачно рѣшенъ въ австрійской арміи. Сознвая, что бороться съ обычаемъ, обусловленнымъ духомъ времени, бесполезно, правительство узаконило дуэль въ томъ случаѣ, если предварительно собранная *судъ чести* постановилъ приговоръ о ея необходимости. Въ противномъ случаѣ, дуэль признается простымъ убійствомъ и карается на общемъ основаніи. Въ виду такого порядка, большинство вызововъ оканчивается примиреніемъ противниковъ.

Нѣсколько странно поражаетъ всякаго побывавшаго въ Австріи то обстоятельство, что въ салонахъ, особенно высшаго общества, австрійскій военный муциръ составляетъ совершенно исключительное явленіе, тогда какъ казалось бы, что военные, какъ охранители цѣлости имперіи и порядка, должны были бы, какъ то водится въ Германіи, всюду въ обществѣ играть первую роль. Къ сожалѣнію, австрійское высшее общество еще до такой степени про-

вигнуто средневѣковыми родовыми понятіями, что ко всякому, не могущему доказать своего стариннаго дворянскаго происхожденія, относится съ какимъ-то пренебреженіемъ и извѣстная фраза «Der Mensch fängt erst mit dem Baron an» (человѣкъ начинается только съ барона) все еще продолжаетъ сохранять практическую силу и значеніе. Послѣдствія такого положенія вещей состоятъ въ томъ, что молодой человѣкъ даже въ столичномъ городѣ рѣдко пользуется благодѣтельнымъ вліяніемъ приличнаго дамскаго общества и обреченъ на трактирную жизнь со всѣми ея дурными вліяніями. Отчасти виновато въ этомъ и само начальство, которое часто относится недоброжелательно къ молодому человѣку, проникающему въ салоны, особенно въ кругъ дипломатовъ, обойти которыхъ очень трудно тому, кто посѣщаетъ высшее общество столицы. Такъ какъ дипломаты всѣхъ странъ обыкновенно довольно разборчивы въ выборѣ своихъ знакомыхъ, то казалось бы, что если молодой человѣкъ принять въ ихъ обществѣ, то заслужитъ хорошую оцѣнку даже со стороны ближайшаго своего начальства; между тѣмъ, въ Австріи совершенно наоборотъ, и военные, особенно молодые офицеры, тщательно избѣгаютъ знакомства и связей съ дипломатическимъ корпусомъ. Ходятъ слухи, что сношенія съ дипломатами, за исключеніемъ нѣкоторыхъ официальныхъ случаевъ, просто воспрещены австрійскимъ офицерамъ, и во всякомъ случаѣ они могутъ быть увѣренными, что частое посѣщеніе дипломатическихъ и вообще иностранныхъ кружковъ, отразилось бы самымъ печальнымъ образомъ на служебной ихъ карьерѣ.

Понятно, что такой взглядъ австрійскаго военнаго начальства прямо отражается на офицерахъ, которые проявляютъ иногда какія-то странныя отношенія ко всѣмъ лицамъ, не принадлежащимъ къ ихъ кругу. Контроль, основанный на недоувѣрїи, ведетъ къ тому, что большинство начальниковъ въ Австріи вовсе не соответствуетъ тому идеальному представленію, согласно которому начальникъ долженъ быть въ отношеніи подчиненныхъ заботливымъ отцомъ и первымъ товарищемъ, а напротивъ, обращается съ подчиненными свысока и надменно, не допуская даже внѣ службы непринужденнаго обращенія и притомъ не только лично, но часто и къ своимъ семействамъ, по отношенію къ членамъ коихъ даже проявленіе общепринятой любезности, если такая любезность была оказана безъ прямаго на то приглашенія свыше, считается дерзостью. Неумѣстное стояніе на вытяжку передъ начальствомъ внѣ службы поражаетъ каждаго, не привыкшаго къ такимъ отношеніямъ.

Говоря объ офицерахъ, нельзя обойти молчаніемъ весьма полезнаго учрежденія въ австрійской арміи, а именно, *офицерскихъ курсовъ*, облегчающихъ офицерамъ держаніе установленнаго экзамена для пріобрѣтенія права на штабъ-офицерскій чинъ. На эти курсы, учрежденные въ Вѣнѣ, поступаютъ на одинъ годъ капитаны и ротмистры, которымъ предстоитъ производство въ штабъ-офицеры. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ курсы эти находились подъ ближайшимъ руководствомъ бывшаго эрцъ-герцога Іоанна и въ это время получили особенное развитіе во всѣхъ отношеніяхъ.

Къ этому времени относится, между прочимъ, разрѣшеніе держать по истеченіи года вторичный экзаменъ лицамъ, не выдержавшимъ его въ первый годъ. Дѣло въ томъ, что для всѣхъ невыдержавшихъ первый экзаменъ военная карьера заканчивалась капитанскимъ чиномъ, а такъ какъ успѣшный экзаменъ составляетъ, отчасти, дѣло случая и, вообще, не можетъ служить оцѣнкою человѣка, то и бывало, что многіе дѣльные офицеры не выдерживали его въ первомъ году и, возвращаясь въ войска, представляли недовольный, а потому и вредный элементъ. Для того, чтобы дать такимъ лицамъ возможность еще разъ испытать свои силы и былъ установленъ вторичный экзаменъ. Эта льгота принесла большую пользу, ибо, по всеобщему заявленію, офицеры, не выдержавшіе первый экзаменъ, старались рвеніемъ къ службѣ загладить произведенное этою неудачею дурное впечатлѣніе.

Къ занятіямъ офицеровъ необходимо причислить полевые поѣздки, которыхъ производится до шести въ году въ разныхъ частяхъ имперіи, причемъ въ нихъ принимаютъ участіе офицеры генеральнаго штаба совмѣстно со строевыми офицерами.

Въ отношеніи обученія ввѣренныхъ имъ частей австрійскіе офицеры пользуются, какъ кажется, большою самостоятельностью и многіе высшіе начальники высказываютъ убѣжденіе, что развитіе и охраненіе личной инициативы въ ротныхъ, эскадронныхъ и батальонныхъ командирахъ составляетъ ихъ первостепенную заботу. Если въ мирное время это признается полезнымъ и необходимымъ, то въ военное безъ инициативы всѣхъ и cadaго управленіе арміею становится просто невозможнымъ. Поэтому высшее военное управленіе относится очень неодобрительно къ тѣмъ начальникамъ, которые, по старой привычкѣ, требуютъ, чтобы все, даже подробности cadaго дѣла, исполнялось по ихъ желанію, справедливо приписывая такія требованія исключительно личнымъ цѣлямъ и различнымъ соображеніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ военнымъ дѣломъ.

Крайне интересныя въ бытовомъ отношеніи свѣдѣнія сообщаются авторомъ о мѣрахъ для поддержанія порядка и дисциплины, практикуемыхъ въ австрійскихъ войскахъ.

Австрійскій дисциплинарный уставъ и власть начальниковъ соображены такимъ образомъ, чтобы въ примѣненіи перваго и въ приложеніи второй, ни въ казармѣ, ни въ полѣ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, не встрѣчалось никакихъ затрудненій. Это достигается довольно широкимъ правомъ замѣнять по обстоятельствамъ одно наказаніе другимъ, причемъ отвѣтственность падаетъ на начальника только въ томъ случаѣ, если окажется, что имъ не было примѣнено взысканіе, вполне возможное при данныхъ условіяхъ. Буквальное примѣненіе нѣкоторыхъ наказаній въ полѣ не всегда возможно, а потому офицеровъ въ этомъ и не стѣсняють, предоставляя имъ свободу въ замѣнѣ одного наказанія другимъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда и замѣна невозможна,—придумать наказаніе, соответствующее времени и мѣсту. Самое обыкновенное наказаніе въ походѣ и на бивакѣ состоитъ въ нарядѣ не въ очередь на службу, или «на хлѣбъ и на воду», но не болѣе одного дня, причемъ солдатъ сохраняетъ свободу и только по отношенію къ пищѣ остается подъ контролемъ, а потому не имѣетъ права отлучиться изъ ближайшаго расположенія своей части. Кромѣ того, въ австрійскихъ войскахъ въ мирное и военное время, особенно въ походѣ, существуютъ какъ дисциплинарныя взысканія *заковываніе въ кандалы* и, такъ называемое, *привязываніе*. Первое состоитъ въ томъ, что солдата заковываютъ въ кандалы и въ такомъ видѣ водятъ за свою часть; для сего при каждой ротѣ, эскадронѣ или батареѣ, возятъ опредѣленное число легкихъ кандаловъ, устроенныхъ такъ, что закованный въ нихъ солдатъ можетъ безъ особаго затрудненія слѣдовать за частью. Привязываніе же состоитъ въ томъ, что нижняго чина просто привязываютъ къ дереву, столбу, телѣгѣ, крючку въ стѣнѣ или другому подходящему предмету, лицомъ наружу и притомъ такъ, чтобы онъ не могъ спать. Тѣлесное наказаніе въ собственномъ смыслѣ этого слова, хотя въ принципѣ и воспрещено, тѣмъ не менѣе, по отзыву многихъ военныхъ, съ успѣхомъ примѣнялось въ военное время, и случаи, когда офицеры привлекались къ отвѣтственности за его примѣненіе, были сравнительно рѣдки.

Какъ болѣе строгая мѣра наказанія учреждены, такъ называемые, *гарнизонныя аресты*, существующіе во всѣхъ главныхъ центрахъ государства; всѣ они предназначаются специально для военныхъ арестантовъ и организованы на одинаковыхъ началахъ, а по-

тому достаточно будетъ сказать нѣсколько словъ о Вѣнскомъ гарнизонномъ арестѣ. Онъ устроенъ на 600 человекъ и дѣлится на три отдѣленія, послѣднее только потому, что въ городѣ нѣтъ зданія, которое могло бы быть приспособлено къ общей для всѣхъ тюремъ, поэтому одно изъ его отдѣленій устроено въ одной изъ городскихъ казармъ, занятой войсками. Отдѣленіе это приспособлено для 250 человекъ и подраздѣляется на двѣ части: одна — для людей, находящихся подъ судомъ и слѣдствіемъ, а другая—значительно большая—для присужденныхъ уже къ тюремному заключенію арестантовъ, на срокъ не болѣе трехъ лѣтъ, такъ какъ осужденные на болѣе длинный срокъ исключаются изъ списковъ военнаго вѣдомства и передаются гражданскому начальству для заключенія въ общихъ государственныхъ тюрьмахъ. Тутъ же устроены камеры для офицеровъ, находящихся подъ строгимъ арестомъ или судомъ.

Люди, находящіеся подъ судомъ и слѣдствіемъ, получаютъ провантъ и приварокъ па общемъ для нижнихъ чиновъ установленномъ положеніи; присужденные же къ тюремному заключенію—уменьшенную арестантскую дачу. Какъ тѣ, такъ и другіе принуждены работать, для чего въ тюрьмѣ устроены различныя мастерскія, куда изъ города приглашаются частные мастера для обученія заключенныхъ мастерствамъ. Сюда же, разъ или два въ недѣлю, командируютъ унтеръ-офицеровъ отъ войскъ для занятій съ арестантами грамотностью, дисциплинарнымъ и другими воинскими уставами, а по воскресеньямъ являются духовныя лица всѣхъ исповѣданій и по очереди служатъ обѣдню въ томъ же помѣщеніи. Въ концѣ концовъ гарнизонный арестъ въ Вѣнѣ гораздо больше похожъ на огромную мастерскую, чѣмъ на тюрьму. Эта мастерская даетъ правительству большой доходъ, достигающій 5,000 и даже 7,000 гульденовъ въ годъ, причемъ дѣло организовано такимъ образомъ, чтобы и сами арестанты были заинтересованы въ производствѣ, отъ продажной цѣны котораго отчисляется извѣстный процентъ въ ихъ пользу. На руки арестантамъ ничего не даютъ, за то при выпускѣ изъ заключенія многіе изъ нихъ уносятъ съ собою довольно значительныя суммы денегъ. Если къ этому прибавить еще выгоду отъ изученія того или другаго мастерства, то и оказывается, что арестантъ, 2—3 года просидѣвшій въ тюрьмѣ, находится въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ солдатъ, безпорочно прослужившій это время въ полку.

На этомъ мы заканчиваемъ извлеченіе изъ крайне интереснаго и богатаго содержащемъ труда г. Меддерса, такъ какъ ограничи-

ваемся передачей только тѣхъ его частей, въ которыхъ идетъ рѣчь по преимуществу о бытовой сторонѣ австрійской арміи.

Тѣмъ не менѣе, трудъ этотъ заключаетъ въ себѣ не мало другихъ интересныхъ статей, какъ, напримѣръ, устройство голубиной почты и воздухоплаванія, ландштурмъ, казармы, конская повинность и проч., для ближайшаго ознакомленія съ которыми рекомендуемъ читателямъ обратиться къ самому источнику.

Въ заключеніе своихъ замѣтокъ авторъ даетъ нижеслѣдующій общій отзывъ объ австрійской арміи.

Обученіе ведется рационально и въполнѣ соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ военнаго дѣла. Въ этомъ отношеніи замѣтенъ скорѣе излишекъ, чѣмъ недостаточность требованій, особенно въ специальныхъ и техническихъ войскахъ, гдѣ число и разнообразіе войсковыхъ школъ до того велико, что невольно является вопросъ, не достигается-ли все это въ ущербъ основательности изученія основныхъ началъ по каждому предмету. Опасеніе это тѣмъ болѣе возможно, что многочисленныя національности имперіи, говоряція на разныхъ языкахъ, представляютъ немаловажное затрудненіе при обученіи, увеличивающееся еще болѣе отъ общаго недостатка офицеровъ во всѣхъ родахъ оружія, причемъ даже въ специальныхъ войскахъ ихъ замѣняютъ неопытные кадеты, сами еще не въполнѣ усвоившіе то, чему они учатъ.

Странно было бы отрицать, что постоянная внутренняя политическая борьба, которую съ такимъ ожесточеніемъ ведутъ между собою различныя національности въ имперіи, не находитъ себѣ отголоска въ рядахъ арміи; но столь же ошибочно было бы думать, что вліяніе ея на войска такъ велико, чтобы способно было разстроить ихъ внутреннюю органическую связь. Напротивъ, при офицерахъ, проникнутымъ долгомъ службы и чести, австрійская армія является прочнымъ организмомъ, проникнутымъ чувствомъ товарищества и дружной взаимной поддержки. Быть можетъ разнородные ея элементы и не устоятъ въ тяжелую минуту погрома; за то можно быть увѣреннымъ, что они дружно двинутся на любого врага, пока за ними будетъ побѣда.

Послѣ войны 1866 года правительство дѣятельно приступило къ ряду самыхъ капитальныхъ преобразованій, направленныхъ къ тому, чтобы ускорить мобилизацію войскъ и создать средства къ возможно быстрому сосредоточенію ихъ въ угрожаемомъ направленіи. Совокупность всѣхъ принятыхъ мѣръ привела къ тому, что пѣхота закачиваетъ свою мобилизацію на пятый день, кавалерія—на

второй, артиллерія и техническія войска—на седьмой, а всѣ тыловыя учрежденія дивизій, корпусовъ и даже всей арміи выступаютъ въ походъ въ полной готовности на девятый день. Если къ этому прибавить отличное состояніе дорогъ во всѣхъ частяхъ государства, большое число рельсовыхъ путей и особенно построенныя въ послѣднее время стратегическія линіи, то мобилизація австрійской арміи представится, въ общихъ чертахъ, въ слѣдующемъ видѣ.

Подъ прикрытіемъ выдвинутой впередъ на второй день кавалеріи пограничныхъ округовъ, быстро начнутъ сосредоточиваться остальные массы конницы; на шестой день къ нимъ начнутъ подходить и подъѣзжать со всѣхъ сторонъ значительныя пѣхотныя подкрѣпленія, вслѣдъ за которыми на восьмой день начнутъ прибывать артиллерійскія части, а на десятый—даже и тыловыя учрежденія. При значительномъ числѣ желѣзныхъ дорогъ, всесторонне подготовленныхъ къ самой быстрой перевозкѣ войскъ и при сравнительно незначительныхъ разстояніяхъ въ Австріи, можно съ увѣренностью сказать, что къ вечеру десятаго дня въ любой части ея территоріи можетъ быть сосредоточена значительная часть арміи, вполне способная къ самостоятельному и рѣшительному открытію военныхъ дѣйствій, а въ послѣдующіе дни столь же быстро соберется и остальная часть арміи.

Таково общее заключеніе автора объ австрійской арміи, заключеніе, безъ сомнѣнія, весьма для нея лестное.

Съ своей стороны, мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что боевая готовность этой арміи, насколько она зависитъ отъ матеріальныхъ причинъ и условій, находится именно на этой высотѣ, на которую ставитъ ее авторъ. Не можемъ, однакоже, не выразить нѣкотораго сомнѣнія въ столь же полной боевой готовности австрійской арміи въ томъ, что касается военнаго ея духа и образованія, причемъ сомнѣнія эти возникаютъ вовсе не потому, что мы желали бы во что бы то ни стало найти какіе нибудь недостатки въ австрійской военной системѣ, а просто потому, что изъ тѣхъ же замѣтокъ г. Меддеса внимательный читатель долженъ почерпнуть немало аргументовъ, указывающихъ на то, что австрійская армія далека отъ того превосходнаго внутренняго состоянія, на которое указываетъ почтенный авторъ замѣтокъ въ своемъ заключеніи.

И въ самомъ дѣлѣ: крайняя слабость и краткость рекрутскаго воспитанія и образованія; поразительное разноязычье австрійскихъ войскъ, поставляющее это образованіе въ совершенно ненормальныя условія; огромный недостатокъ офицеровъ, получающихъ въ

массѣ весьма невысокаго уровня военную подготовку въ кадетскихъ школахъ; недовѣріе къ корпусу офицеровъ со стороны высшаго начальства, которое сказывается, между прочимъ, въ подозрительномъ отношеніи къ офицерамъ, посѣщающимъ членовъ дипломатическаго корпуса; то нѣсколько презрительное, даже, отношеніе начальства къ офицерамъ, о которомъ говоритъ авторъ; наконецъ, унижительныя и жестокія тѣлесныя наказанія, практикующіяся въ арміи, въ родѣ заковыванія въ кандалы и привязыванія нижнихъ чиновъ,— все это далеко не такія данныя, на основаніи которыхъ можно придти къ заключенію, выражаемому авторомъ.

Повторяемъ, мы нисколько не предубѣждены противъ австрійской арміи и желали бы вполне согласиться съ заключеніемъ автора о ея достоинствахъ, но только не видимъ достаточныхъ къ тому основаній въ его замѣткахъ. Мы бы охотно готовы были предположить, что всѣ тѣ темныя пятнышки, на которыя только-что указано, нисколько не вредятъ достоинствамъ австрійской арміи, и что, несмотря на ихъ существованіе, она все-таки находится на высотѣ своего призванія, но тогда, спрашивается, гдѣ же та сила, которая способна при сказанныхъ условіяхъ силотить австрійскія войска и придать имъ необходимый военный духъ и воспитаніе, въ чемъ состоитъ эта сила и какимъ образомъ проявляется? Отвѣта на эти вопросы у автора мы не находимъ, а потому въ правѣ заключить, что если столь тонкій наблюдатель и знатокъ австрійской арміи не замѣтилъ этой связующей силы, то ея и нѣтъ въ дѣйствительности.

Вообще, намъ кажется, что, насколько въ замѣткахъ г. Меддерса тщательно и правдиво отмѣчаются и характеризуются всѣ слабыя стороны австрійской арміи, настолько же его общее о ней заключеніе не соответствуетъ духу и смыслу передаваемыхъ имъ фактовъ.

Что нибудь одно, или вѣрны факты и не вполне точно заключеніе, на нихъ основанное, или не вѣрны факты, чего, однакоже, мы не можемъ допустить въ виду полного спокойствія и безпристрастія автора, которое проявляется на каждомъ шагу его труда.

Е. У.

РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Положеніе о военно-юридической академіи.—О кадрахъ государственнаго ополченія.—О составѣ и устройствѣ инженерныхъ войскъ.—Объ охотничьихъ командахъ.—Избранныя рѣшенія главнаго военнаго суда за 1891 годъ.

ПОЛОЖЕНІЕ О ВОЕННО-ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

Приказъ по военному вѣдомству 17-го іюня 1891 г., № 179-й.

Военный совѣтъ, разсмотрѣвъ представленіе главнаго военносуднаго управленія съ проектами нормальнаго положенія и штата военно-юридической академіи, а равно табели мундирнымъ и прочимъ вещамъ для писарей академіи, положилъ:

Проекты положенія, а равно штата и табели для военно-юридической академіи ввести въ дѣйствіе взаимно нынѣ дѣйствующаго временнаго положенія, вошедшаго во 2-е продолженіе къ С. В. П. 1869 г. со всѣми послѣдовавшими измѣненіями и дополненіями.

Положеніе это Высочайше утверждено 3-го сего іюня.

Объявляется о семъ по военному вѣдомству для свѣдѣнія и надлежащаго, до кого касается, руководства.

Подписаль: Военный Министръ,
Генералъ-Адъютантъ *Ванновскій*.

Положеніе о военно-юридической академіи.

I. Цѣль и составъ академіи.

1. Военно-юридическая академія имѣетъ цѣлью доставлять высшее военно-юридическое образованіе офицерамъ, поступающимъ на службу по военно-судебному вѣдомству.
2. Академія состоитъ изъ трехъ классовъ: младшаго, средняго и старшаго.
3. Личный составъ академіи и суммы на ея содержаніе опредѣляются штатомъ и табелью.

II. Управленіе академію.

4. Военно-юридическая академія состоитъ при главномъ военно-судномъ управленіи и подчиняется начальнику сего управленія.
5. Непосредственное управленіе академію ввѣряется ея начальнику.
6. Инспектированіе академіи производится по распоряженію военнаго министра или начальника главнаго военно-суднаго управленія.
7. Для обсужденія вопросовъ по частямъ ученой и учебной состоятъ при академіи конференціи.
8. Академія имѣетъ свою библіотеку.

III. Пріемъ въ академію.

9. Къ пріему въ академію допускаются офицеры до чина штабсъ-капитана гвардіи и капитана прочихъ родовъ войскъ включительно, прослужившіе въ офицерскомъ званіи въ строю не менѣе четырехъ лѣтъ и притомъ окончившіе полный курсъ въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, или имѣющіе свидѣтельство о выдержаніи въ оныхъ окончательнаго экзамена.

Примѣчаніе 1-е. Разсчетъ службы, обязательной для поступленія въ академію, дѣлается къ 1-му сентября года поступленія. Время, проведенное въ отпускахъ, исключается изъ разсчета, если въ сложности превышаетъ шесть мѣсяцевъ. Офицеръ, желающій поступить въ академію изъ отставки, или изъ запаса, обязанъ прослужить въ строю не менѣе года послѣ возвращенія на дѣйствительную службу, даже и въ томъ случаѣ, если бы до своего увольненія прослужилъ четырехлѣтній срокъ.

Примѣчаніе 2-е. Для офицеровъ казачьихъ войскъ время состоянія на льготѣ не принимается въ разсчетъ обязательной службы для поступленія въ академію.

Примѣчаніе 3-е. Офицеры, бывшіе въ одной изъ военныхъ академій, имѣютъ право на поступленіе въ военно-юридическую академію не ранѣе, какъ по выслугѣ обязательнаго срока за пребываніе въ другой академіи.

10. Обучающіеся въ академіи раздѣляются на штатныхъ и сверхштатныхъ. Въ академію принимаются ежегодно не болѣе 15-ти штатныхъ слушателей: опредѣленіе же числа сверхштатныхъ слушателей, порядка приема ихъ въ академію и перечисленія въ штатные слушатели предоставляется военному министру.

11. Приемъ допускается только въ младшій и старшій классы на слѣдующихъ основаніяхъ: а) въ младшій классъ: 1) по экзамену изъ всѣхъ предметовъ на основаніи установленныхъ для сего программъ—для офицеровъ, окончившихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ или въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не по юридическому разряду наукъ, и 2) по экзамену лишь по военной администраціи и уставамъ о внутренней и гарнизонной службѣ, на основаніи программъ приемнаго экзамена по этимъ предметамъ для офицеровъ, имѣющихъ дипломы или свидѣтельства объ окончаніи полнаго курса юридическихъ наукъ въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; б) прямо въ старшій классъ—для офицеровъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ по юридическому разряду наукъ, по повѣрочному экзамену изъ главныхъ предметовъ, по программамъ младшаго и средняго классовъ академіи, и экзамену по военной администраціи и уставамъ о внутренней и гарнизонной службѣ, на основаніи программъ приемнаго экзамена по этимъ предметамъ.

Примѣчаніе 1-е. Офицеры, имѣющіе по образованію право на поступленіе прямо въ старшій классъ, принимаются не иначе, какъ въ штатный комплектъ обучающихся.

Примѣчаніе 2-е. Тѣ изъ офицеровъ, поступившихъ прямо въ старшій классъ, въ дипломахъ и свидѣтельствахъ которыхъ не значится о прохожденіи ими курса судебной медицины, обязаны, до выпуска изъ академіи, выдержать по этому предмету экзаменъ, въ объемѣ академической программы.

12. Не допускаются къ приему въ академію: а) офицеры, два раза экзаменовавшіеся для поступленія въ какую-либо изъ академій или геодезическое отдѣленіе академіи генеральнаго штаба, или же по одному разу въ двухъ изъ означенныхъ заведеній, но не принятые въ оныя по невыдержанію экзамена или за неокончаніемъ его не по болѣзни. Тѣ же офицеры, которые два раза экзаменовались для поступленія въ академію или геодезическое отдѣленіе, но не поступили въ оныя единственно за неимѣніемъ вакансій или за неокончаніемъ экзамена по болѣзни, могутъ быть допускаемы къ экзамену, но не болѣе, какъ въ третій разъ; б) офицеры, бывшіе два раза въ одной изъ академій, или въ геодезическомъ отдѣленіи, или по одному разу въ двухъ изъ означенныхъ заведеній и выбывшіе изъ оныхъ до окончанія курса; в) офицеры, отчисленные отъ одной изъ академій, или геодезическаго отдѣленія, по распоряженію начальства за неодобрительные поступки; г) офицеры, бывшіе подъ судомъ и онымъ неоправданные, и д) косноязычные, заикающіеся, или одержимые гаухотой.

Примѣчаніе. Офицеры, прибывшіе въ Петербургъ для держанія прием-

наго экзамена на поступленіе въ академію изъ округовъ: Иркутскаго, Омскаго, Приамурскаго и Туркестанскаго, въ случаѣ невыдержанія экзамена, вторично къ оному не допускаются, если находятся на службѣ въ одномъ изъ сихъ округовъ.

13. Офицеры, желающіе поступить въ академію, просятъ о томъ по командѣ. Ближайшее начальство избираетъ изъ нихъ только тѣхъ, объ отличномъ поведеніи и усердіи къ службѣ коихъ можетъ свидѣтельствовать. Въ удостовѣреніе такой оцѣнки означеннымъ офицерамъ выдаются свидѣтельства отъ начальниковъ дивизій и лицъ, равную съ ними власть имѣющихъ.

Примѣчаніе. Офицеры, находящіеся на службѣ въ отдаленныхъ округахъ и получившіе при назначеніи туда на службу особыя пособія, могутъ быть командированы въ академію при соблюденіи прочихъ установленныхъ правилъ лишь по прослуженіи въ тѣхъ округахъ обязательнаго трехлѣтняго срока, иначе они должны возвратитъ въ казну сполна все выданное имъ пособіе.

14. Офицеры, которымъ разрѣшено прибыть на экзамень, освобождаются отъ исполненія служебныхъ обязанностей предъ началомъ лѣтнихъ занятій въ войскахъ. Льгота эта не распространяется на тѣхъ изъ офицеровъ, которые, согласно п. а, ст. 12, допускаются къ экзамену въ третій разъ.

15. Офицеры, избранные ближайшимъ начальствомъ для поступленія въ академію, собираются въ военно-окружные штабы, гдѣ подвергаются испытанію по установленнымъ программамъ. Отъ предварительнаго испытанія въ военно-окружныхъ штабахъ освобождаются: а) всѣ офицеры, допускаемые къ экзамену въ третій разъ (п. а, ст. 12); б) офицеры, служащіе въ частяхъ войскъ Петербургскаго военнаго округа, и в) офицеры, имѣющіе аттестаты объ окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Примѣчаніе. Офицеры, находящіеся въ С.-Петербургѣ въ отпуску и не подвергшіеся предварительному испытанію въ окружныхъ штабахъ, къ приемному экзамену въ академію не допускаются.

16. Испытанія въ военно-окружныхъ штабахъ производятся особыми комисіями, составляемыми по назначенію главнаго начальника военнаго округа, подъ предсѣдательствомъ начальника окружнаго штаба и при участіи военнаго прокурора.

17. Объ офицерахъ, удостоиваемыхъ отпращенія въ академію, сообщается академическому начальству не позже какъ къ 15-му августа, причѣмъ прилагаются: а) экзаменные списки офицеровъ; б) послужные ихъ списки; в) аттестаты или свидѣтельства объ окончаніи ими курса въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, или же свидѣтельства о выдержаніи ими испытанія въ означенныхъ заведеніяхъ изъ всѣхъ предметовъ ихъ курса, и г) свидѣтельства, о коихъ упоминается въ ст. 13.

18. На проѣздъ офицеровъ отъ мѣстъ ихъ служенія до военно-окружныхъ штабовъ, для предварительнаго испытанія, и оттуда въ С.-Петербургъ для экзамена, а также на обратный путь до мѣста служенія тѣмъ изъ нихъ,

которые не выдержать испытанія въ окружномъ штабѣ, или не будутъ приняты въ академію, выдаются прогонныя деньги по положенію. Право на полученіе прогонныхъ денегъ не имѣютъ только тѣ изъ офицеровъ, которые допускаются къ экзамену въ третій разъ (п. а, ст. 12).

19. Аттестаты о довольствіи допускаемыхъ къ экзамену офицеровъ и состоящей при нихъ казенной прислуги и объ удовлетвореніи офицеровъ содержаніемъ отъ своихъ частей по 1-е сентября текущаго года выдаются на руки офицерамъ при отправленіи ихъ въ академію.

20. Офицеры, допускаемые къ держанію экзамена въ академіи, должны явиться къ начальнику академіи не позже 20-го августа.

21. Офицеры, прибывшіе въ С-Петербургъ для держанія экзамена, остаются, до зачисленія въ академію, въ вѣдѣніи главнаго штаба.

22. Приемный экзамень въ академіи производится въ сентябрь, по распоряженію начальника академіи, особою комисією, назначаемою конференціей.

Примѣчаніе. Экзаменаторы въ академію командированы отъ военно-учебныхъ заведеній, по сношенію главнаго военно-суднаго управленія съ главнымъ управленіемъ сихъ заведеній.

23. Для офицеровъ, поступающихъ въ младшій классъ академіи, обязательны экзамены изъ слѣдующихъ предметовъ: а) русскаго языка, б) политической исторіи, в) географіи, г) физики и начальныхъ основаній химіи, д) начальной военной администраціи, е) уставовъ о внутренней и гарнизонной службѣ, ж) французскаго языка и з) нѣмецкаго языка. Испытанія по этимъ предметамъ производятся по особо установленнымъ программамъ въ объемъ курса кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ. Для поступленія же прямо въ старшій классъ академіи (п. б, ст. 11) повѣрочныя испытанія производятся по уголовному праву и судопроизводству, государственному и гражданскому праву по принятымъ въ академіи программамъ и экзамень по военной администраціи и уставовъ о внутренней и гарнизонной службѣ, по программамъ приемнаго экзамена.

24. Измѣненія въ програмахъ приемнаго экзамена объявляются во всеобщее свѣдѣніе не позже января мѣсяца, предшествующаго приему.

25. Оцѣнки экзаменныхъ отвѣтовъ, какъ на предварительныхъ испытаніяхъ въ военно-окружныхъ штабахъ, такъ и на приемныхъ и повѣрочныхъ испытаніяхъ въ академіи, производится по 12-ти-балльной системѣ.

26. Для приѣма въ академію требуется получить на экзаменѣ не менѣе восьми балловъ въ среднемъ выводѣ и притомъ въ отдѣльности не менѣе десяти балловъ по русскому языку, и не менѣе шести балловъ по каждому изъ прочихъ предметовъ.

27. Офицеры, допускаемые, на основаніи п. 2, ст. 11, къ приему прямо въ старшій классъ, должны получить на повѣрочномъ испытаніи по каждому предмету не менѣе десяти балловъ.

28. Если число выдержавшихъ приемный экзамень превышаетъ число, назначенное къ приему, то право на поступленіе въ академію опредѣляется

старшинствомъ общаго средняго балла, выведеннаго изъ суммы балловъ, полученныхъ на экзаменѣ по всѣмъ предметамъ, кромѣ иностранныхъ языковъ; при равенствѣ средняго балла, старшинство опредѣляется баллами по иностраннымъ языкамъ.

29. Экзаменные списки разсматриваются въ конференціи академіи, заключеніе которой о пріемѣ офицеровъ представляется начальникомъ главнаго военно-суднаго управленія на утвержденіе военнаго министра.

30. Офицеры, принятые въ академію, поступаая въ полное распоряженіе академическаго начальства, считаются въ мѣстахъ прежняго служенія сверхкомплектными и въ командировкѣ отъ оныхъ и въ случаѣ дошедшей до нихъ очереди, производятся въ чины на вакансіи, на общемъ основаніи.

IV. *Внутренній порядокъ въ академіи.*

31. Обучающіеся въ академіи офицеры обязаны являться во всѣ дни и часы, назначенные для лекцій и практическихъ занятій, и другихъ служебныхъ обязанностей не несутъ.

32. Обучающіеся офицеры находятся въ ближайшемъ вѣдѣніи особаго штабъ-офицера.

33. Мѣры взысканій за нарушеніе общихъ требованій воинской службы и дисциплины, равно какъ и постановленій, принятыхъ въ академіи, опредѣляются особою инструкціею начальника главнаго военно-суднаго управленія, основаніемъ которой служить Дисциплинарный уставъ.

V. *Обученіе и испытаніе въ наукахъ.*

34. Полный курсъ въ академіи продолжается три года.

35. Курсъ преподаванія въ академіи начинается по окончаніи пріемныхъ экзаменовъ и раздѣляется на два семестра: первый семестръ начинается въ сентябрѣ, второй—въ январѣ. Въ лѣтніе же мѣсяцы, обучающіеся въ младшемъ классѣ пользуются каникулярнымъ временемъ, а въ среднемъ—прикомандировываются къ строевымъ частямъ армейской пѣхоты, отправляющимъ караулы въ Петербургъ, на основаніяхъ, указанныхъ въ Высочайше утвержденномъ 29-го марта 1891 г. Положеніи военнаго совѣта.

Примѣчаніе. Офицерамъ гвардіи предоставляется, въ случаѣ ихъ желанія, прикомандировываться къ частямъ гвардейской пѣхоты, находящимся въ лагерныхъ сборахъ.

36. Предметы преподаванія въ академіи раздѣляются на главные и вспомогательные. Къ главнымъ предметамъ принадлежать: военно-уголовные законы; военно-уголовное судопроизводство; военно-административные законы; уголовное право и уголовное судопроизводство; государственное право и гражданское право. Къ вспомогательнымъ предметамъ принадлежать: исторія русскаго права; энциклопедія права; финансовое право; полицейское право; церковное право; международное право; гражданское судопроизводство; судебная медицина и психологія и логика.

Примѣчаніе. Кромѣ того, въ академіи могутъ читаться курсы необязательные.

37. Въ академіи производятся практическія занятія: а) по военно-уголовному судопроизводству и б) упражненія въ языкахъ: русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ.

38. Въ академіи экзамены производятся по окончаніи учебнаго года или же по окончаніи каждаго семестра. Отъ обучающихся офицеровъ, не имѣющихъ степени кандидата правъ, или свидетельства первой степени объ окончаніи курса юридическихъ наукъ въ университетахъ, требуется представленіе, во время прохожденія курса, письменной работы на заданную тему по одному изъ главныхъ предметовъ.

Примѣчаніе. Отъ представленія письменной работы освобождаются также лица, окончившія по первому разряду курсъ въ Императорскомъ Александровскомъ лицѣѣ, въ Императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія и въ Демидовскомъ юридическомъ лицѣѣ.

VI. *Переводъ изъ одного класса въ другой; выпускъ изъ академіи; права по выпуску и отчисленіе отъ академіи.*

39. Оцѣнка отвѣтовъ на испытанія въ академіи, а равно и письменныхъ работъ производится по двѣнадцатибальной системѣ.

40. Для перевода изъ класса въ классъ экзаменуемый долженъ имѣть въ среднемъ выводъ по всѣмъ предметамъ девять балловъ и притомъ получить на каждомъ экзаменѣ по главнымъ предметамъ не менѣе восьми, по вспомогательнымъ предметамъ и по языкамъ не менѣе шести. Офицеры, не удовлетворившіе означеннымъ условіямъ, отчисляются отъ академіи.

41. Для выпуска изъ академіи принимаются въ расчетъ баллы, полученные на выпускномъ и переводныхъ экзаменахъ и за письменную работу и атестация за практическія занятія. Для офицеровъ же, поступившихъ прямо въ старшій классъ, принимаются въ расчетъ баллы, полученные на повѣрочномъ испытаніи.

42. При выпускѣ изъ академіи офицеры раздѣляются на два разряда: а) къ первому разряду относятся получившіе въ среднемъ выводъ изъ всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ языковъ, не менѣе десяти балловъ и въ частности по каждому изъ главныхъ предметовъ и за письменную работу не менѣе десяти балловъ, по каждому изъ вспомогательныхъ предметовъ не менѣе девяти и по языкамъ не менѣе шести; б) ко второму разряду принадлежатъ получившіе въ среднемъ выводъ изъ всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ языковъ, не менѣе девяти балловъ и притомъ по каждому изъ главныхъ предметовъ не менѣе восьми балловъ, а по каждому изъ вспомогательныхъ предметовъ, за письменную работу и по языкамъ — не менѣе шести. Офицеры, не удовлетворяющіе вышеозначеннымъ условіямъ, считаются неокончившими курса и отчисляются отъ академіи.

43. Старшинство офицеровъ въ каждомъ разрядѣ опредѣляется суммою балловъ по главнымъ предметамъ, со включеніемъ балла за письменную работу; въ случаѣ равенства ея принимается въ соображеніе сумма балловъ по предметамъ вспомогательнымъ, при равенствѣ и этой суммы—сумма балловъ по языкамъ; при равенствѣ же всѣхъ суммъ балловъ—старшинство въ чинахъ.

44. Офицеры, окончившіе курсъ академіи, поступаютъ въ распоряженіе главнаго военно-суднаго управленія, которымъ прикомандировываются на одинъ годъ къ окружнымъ военно-судебнымъ учрежденіямъ для практическаго ознакомленія съ военно-судебною частью. Со дня отчисленія отъ академіи, во все время состоянія при главномъ военно-судномъ управленіи и прикомандированія къ окружнымъ военно-судебнымъ учрежденіямъ, офицеры эти продолжаютъ считаться въ мѣстахъ прежняго служенія сверхкомплектными и въ командировкѣ отъ оныхъ и сохраняютъ право на производство, въ случаѣ дошедшей до нихъ очереди, въ чины на вакансіи, на основаніи существующихъ постановленій.

Примѣчаніе. Всѣмъ означеннымъ офицерамъ производится: жалованіе по чинамъ, квартирныя деньги по разрядамъ мѣстностей и добавочное содержаніе, въ видѣ порціоновъ, по 183 руб. въ годъ и прочее довольствіе по положенію.

45. Всѣ офицеры, обучавшіеся въ академіи, обязаны прослужить по полтора года за каждый годъ пребыванія въ оной, причемъ время пребыванія въ академіи свыше шести мѣсяцевъ считается за цѣлый годъ, а время менѣе шести мѣсяцевъ въ расчетъ не принимается. Означенный обязательный срокъ обучавшіеся въ академіи должны выслужить: назначенный на службу по военно-судебному вѣдомству—въ семь вѣдомствъ; тѣ же, которые въ военно-судебное вѣдомство переведены не будутъ—въ военномъ вѣдомствѣ вообще, причемъ принимается въ зачетъ и время, проведенное каждымъ выпускаемымъ изъ академіи, непосредственно послѣ выпуска, въ прикомандированіи къ окружнымъ военно-судебнымъ установленіямъ (ст. 44).

Примѣчаніе 1-е. Началомъ обязательнаго срока службы за обученіе въ академіи считается первый день мѣсяца, слѣдующаго за выпускомъ или отчисленіемъ отъ академіи.

Примѣчаніе 2-е. Офицеры, которые поступаютъ въ академію, не пробывъ на дѣйствительной службѣ всего обязательнаго срока, за обученіе въ военномъ училищѣ, обязаны дослужить этотъ срокъ по выходѣ изъ академіи, сверхъ обязательнаго для нихъ срока службы за обученіе въ академіи.

46. Офицеры, окончившіе курсъ, получаютъ аттестатъ и право на академическій знакъ, причемъ удостоенные правъ перваго разряда представляются къ производству въ слѣдующіе чины: по штабсъ-капитана гвардіи и капитана прочихъ родовъ войскъ включительно.

Примѣчаніе 1-е. Взаимнѣ награжденія при выпускѣ чиномъ подполковника и соответственнымъ ему чиномъ капитана гвардіи, выдается годовое жалованіе по обыкновенному окладу изъ суммъ интендантства.

Примѣчаніе 2-е. Полученіе чина за успѣхи въ наукахъ не служитъ препятствіемъ къ наградамъ въ общеустановленномъ порядкѣ.

Примѣчаніе 3-е. Двумъ достойнѣйшимъ изъ числа штатныхъ слушателей, окончившихъ курсъ въ академіи выдаются ежегодно, по присужденію конференціи академіи, двѣ преміи (въ 150 и 125 руб.) имени статс-секретаря Философова, на основаніи особаго положенія, объявленнаго при приказѣ по военному вѣдомству 1879 г. № 334.

47. Офицеры, окончившіе курсъ въ академіи, имѣютъ право на увольненіе въ четырехтысячный отпускъ съ сохраненіемъ жалованія и столовыхъ денегъ, но правомъ этимъ они могутъ воспользоваться: не желающіе перейти на службу по военно-судебному вѣдомству—тотчасъ по выпускѣ или въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ выпуска, а желающіе поступить на означенную службу—лишь по истеченіи установленнаго выше (ст. 44) годичнаго срока прикомандированія къ окружнымъ военно-судебнымъ учрежденіямъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ, если за это время не будутъ опредѣлены на штатныя военно-судебныя должности.

48. Обучающіеся офицеры отчисляются отъ академіи до окончанія курса во всякое время по собственному желанію. Безъ собственной просьбы офицеры отчисляются отъ академіи, съ разрѣшенія военнаго министра, въ слѣдующихъ случаяхъ: а) если они, бывъ преданы суду, онимъ не оправданы; б) если они замѣчены въ неодобрительномъ поведеніи; в) если они уволены въ отпускъ на четыре мѣсяца и болѣе; г) если они замѣчены въ неисправномъ посѣщеніи лекцій и практическихъ занятій безъ уважительныхъ причинъ, и д) если они оказались слабыми по успѣхамъ въ наукахъ на экзаменахъ (ст. 40 и 42), или уклоняются отъ экзаменовъ. Въ случаѣ, указанномъ въ послѣднемъ пунктѣ, отчисленіе производится не иначе, какъ по предварительному о томъ постановленію конференціи.

VII. О чинахъ академіи.

а) О начальникѣ академіи.

49. Начальникъ академіи избирается военнымъ министромъ изъ генераловъ, окончившихъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній и назначается Высочайшимъ приказомъ.

50. Начальнику академіи подчиняются всѣ служащіе въ академіи и обучающіеся въ ней офицеры. Въ порядкѣ службы онъ пользуется правами начальника дивизіи, а въ сношеніяхъ съ разными учрежденіями и лицами—правами помощника начальника главнаго управленія военнаго министерства.

Примѣчаніе. Начальникъ академіи скрѣпляетъ тѣ исполнительныя бу-

маги по академіи, которыя исходятъ за подписью начальника главнаго военно-суднаго управленія.

51. Начальникъ академіи направляетъ всѣ дѣйствія свои и подчиненныхъ ему лицъ къ достиженію цѣли повѣдомственнаго ему учрежденія, наблюдая, чтобы правила дисциплины и подчиненности были строго исполняемы какъ служащими, такъ и обучающимися, и чтобы преподаваніе наукъ, руководство практическими занятіями и экзамены производились согласно установленнымъ правиламъ.

52. Начальнику академіи предоставляются слѣдующія права: а) избирать должностныхъ лицъ академіи; б) допускать къ отправленію обязанностей и увольнять всѣхъ лицъ, которыя, не поступая въ академію на дѣйствительную службу, исполняютъ при ней различныя должности по условію и назначать имъ жалованье изъ общей суммы, опредѣленной по штату; в) опредѣлять и увольнять вольнонаемныхъ служителей и писцовъ и назначать имъ жалованье изъ общей суммы, назначенной по штату; г) увольнять въ отпускъ лицъ учебной службы на каникулярное время и всѣхъ вообще чиновъ на 28 дней, и д) представлять подчиненныхъ ему лицъ къ наградамъ.

53. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія начальника академіи, должность его замѣщается по особому распоряженію военнаго министра.

54. Пріемъ и сдача академіи производится на общемъ основаніи.

б) Штабъ-офицеръ, завѣдывающій обучающимися въ академіи.

55. Для непосредственнаго завѣдыванія обучающимися назначается въ помощь начальнику академіи одинъ штабъ-офицеръ, преимущественно изъ лицъ, окончившихъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ военно-учебныхъ заведеній, который и утверждается въ должности Высочайшимъ приказомъ.

56. Въ порядкѣ службы штабъ-офицеръ пользуется правами командира неотдѣльнаго баталіона и, наблюдая за исполненіемъ обучающимися требованій службы и дисциплины, а равно принятыхъ въ академіи постановленій, онъ дѣйствуетъ на основаніи особой инструкціи, утверждаемой начальникомъ главнаго военно-суднаго управленія (ст. 33).

Примѣчаніе. Для наблюденія за порядкомъ во время лекцій и класныхъ занятій въ помощь штабъ-офицеру ежедневно назначается по каждому классу одинъ дежурный изъ обучающихся офицеровъ по очереди.

в) Профессорахъ и преподавателяхъ.

57. Преподаваніе наукъ производится ординарными и экстраординарными профессорами, штатными и нештатными преподавателями. Профессора утверждаются въ должности Высочайшимъ приказомъ, штатные преподаватели назначаются начальникомъ главнаго военно-суднаго управленія. Не-

штатные преподаватели опредѣляются начальникомъ академіи, согласно п. 6, ст. 52.

58. Профессора ординарные и экстраординарные полагаются въ числѣ, опредѣленномъ штатомъ по каждому изъ означенныхъ двухъ разрядовъ, безъ приуроченія того или другаго званія къ извѣстному преподаваемому предмету, причемъ профессорскія кафедры допускаются только по главнымъ предметамъ.

59. Въ случаѣ открытія вакансіи въ общемъ числѣ ординарныхъ профессоровъ, званіе ординарнаго профессора предоставляется, съ разрѣшенія военнаго министра, одному изъ экстраординарныхъ профессоровъ по представленію начальства академіи.

60. На должности экстраординарнаго профессора могутъ быть избираемы: а) по военно-уголовнымъ законамъ, военно-уголовному судопроизводству и военно-административнымъ законамъ—офицеры, окончившіе курсъ военно-юридической академіи по 1-му разряду, подъ условіемъ представленія ими диссертация, и б) по уголовному праву съ уголовнымъ судопроизводствомъ, государственному праву и гражданскому праву—лица, не ниже получившихъ дипломъ 1-го разряда по соответствующимъ предметамъ.

61. На должности преподавателей штатныхъ или нештатныхъ могутъ быть избираемы: а) по предметамъ юридическимъ—лица, не ниже получившихъ дипломъ 1-го разряда по соответствующему предмету или званіе приватъ-доцента юридическаго факультета; б) по судебной медицинѣ—лица, имѣющія степень доктора-медицины, и в) по русскому и иностраннымъ языкамъ—лица, имѣющія право на преподаваніе сихъ предметовъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ.

62. Лица, удовлетворяющія условіямъ для занятія должностей экстраординарнаго профессора или преподавателя, не занимавшіяся преподаваніемъ соответствующихъ предметовъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, должны, предварительно избранія на должности въ академіи, прочесть двѣ пробныя лекціи: одну—на тему по собственному выбору, а другую—на тему, данную отъ конференціи.

63. При открытіи вакансіи экстраординарнаго профессора или преподавателя, если не имѣется въ виду достойнаго лица для замѣщенія открывшейся вакансіи, дѣлается посредствомъ публикаціи вызовъ желающихъ.

64. Желающіе занять вакантное мѣсто заявляютъ объ этомъ начальнику академіи не позже какъ черезъ два мѣсяца по объявленіи вызова, причемъ обязанные представить диссертацию должны указать одну или нѣсколько темъ, или тотъ отдѣлъ науки, изъ котораго желали бы получить тему для диссертации. Списокъ лицамъ, изъявившимъ желаніе занять вакантное мѣсто, вносится въ конференцію.

65. Темы для диссертации утверждаются конференціей. Срокъ же для представленія диссертации назначается не свыше восьми мѣсяцевъ со дня выдачи темы.

66. Диссертация представляется начальнику академіи и вносится имъ на разсмотрѣніе конференціи, которая опредѣляетъ: можетъ ли диссертация быть допущена къ защитѣ, или же подлежитъ возвращенію автору. Диссертация, допущенная къ защитѣ, печатается и раздается всѣмъ членамъ конференціи и лицамъ, которыя будутъ присутствовать при защитѣ по приглашенію или назначенію военнаго министра.

67. Защита диссертации производится въ собраніи конференціи, которая назначаетъ изъ лицъ учебнаго состава академіи двухъ опонентовъ. Послѣ нихъ могутъ быть дѣлаемы возраженія и другими лицами, присутствующими при защитѣ.

68. По выслушаніи возраженій и отвѣтовъ на оныя, конференція опредѣляетъ, признается ли защита диссертации удовлетворительной и слѣдуетъ ли требовать прочтенія пробной лекціи (ст. 62).

69. Кандидаты на вакантную должность профессора или преподавателя, удовлетворившіе указаннымъ въ статьяхъ 60—68 условіямъ, подвергаются избранію въ собраніи конференціи, посредствомъ закрытой подачи голосовъ.

70. Въ случаѣ полученія нѣсколькими конкурентами одинаковаго числа голосовъ, начальникъ академіи представляетъ о томъ начальнику главнаго военно-суднаго управленія для избранія одного изъ нихъ на штатную вакантную должность. Прочія же лица сохраняютъ въ теченіе трехъ лѣтъ, со дня объявленія имъ о результатѣ испытанія, право быть призванными къ замѣщенію открывающихся вакансій безъ новаго испытанія.

71. Если по сдѣланному, на основаніи 63 и 64 статей, вызову желающихъ подвергнуться испытанію не явится, или испытаніе явившихся окажется неудовлетворительнымъ, то начальникъ академіи, по соглашенію съ конференціею, приглашаетъ къ временному занятію вакантной должности кого-либо изъ лицъ, извѣстныхъ ему своими познаніями и способностями. Въ случаѣ, если на вакантную должность будетъ приглашено лицо, не имѣющее права на преподаваніе въ академіи, то оно можетъ быть утверждено въ должности не ранѣе, какъ черезъ годъ, если въ теченіе этого времени преподаваніе его будетъ одобрено конференціею.

72. Ординарные и экстраординарные профессора и штатные преподаватели академіи, по выслугѣ срока на полную пенсію, могутъ быть оставляемы на службѣ не иначе, какъ по удостоенію начальника академіи и баллотированію въ конференціи. Это избраніе имѣетъ силу на пять лѣтъ, по прошествіи которыхъ они больше оставаться въ должности не могутъ, но если ко времени истеченія пятилѣтія, на которое лицо учебнаго состава оставляется въ академіи, не исполнится 35 лѣтъ общей службы его, то оно можетъ быть, съ разрѣшенія военнаго министра, оставлено въ должности впредь до выслуги этого срока.

73. Профессора, получившіе право на полную пенсію по учебной службѣ и прослужившіе притомъ не менѣе десяти лѣтъ въ званіи профессора, получаютъ званіе заслуженнаго профессора.

74. На обязанности профессора и преподавателей академіи возлагается: а) чтеніе лекцій въ томъ числѣ и объемѣ, какіе необходимы для выполненія академическихъ программъ; б) руководство какъ въ теченіе курса, такъ и въ лѣтніе мѣсяцы, практическими занятіями офицеровъ, обучающихся въ академіи; в) производство экзаменовъ и присутствованіе, по назначенію начальства, на приемныхъ экзаменахъ и на прочихъ академическихъ испытаніяхъ; г) составленіе, исправленіе и пополненіе учебныхъ записокъ и руководствъ; д) чтеніе публичныхъ лекцій, когда начальство признаетъ нужнымъ распространить этимъ путемъ для военно-служащихъ тѣ или другія полезныя свѣдѣнія, и е) содѣйствіе, по порученію высшаго начальства, въ научной разработкѣ вопросовъ, имѣющихъ соотношеніе къ преподаваемому предмету.

г) О завѣдывающемъ бібліотекою.

75. Завѣдывающій бібліотекою академіи назначается начальникомъ академіи изъ лицъ, принадлежащихъ къ учебному составу оной.

76. Завѣдывающій бібліотекою заботится объ исправномъ изготѣвленіи учебныхъ пособій, отвѣтствуетъ за исправность каталоговъ и описей и за цѣлость ввѣряемаго ему имущества и дѣйствуетъ на основаніи данной отъ начальника академіи инструкціи.

VIII. *Общая права и преимущества чиновъ академіи.*

77. Начальникъ и всѣ служащіе въ академіи штабъ и оберъ-офицеры числятся по тому роду оружія, въ которому принадлежали до поступленія въ академію. Тѣ же изъ нихъ, которые удовлетворяютъ условіямъ службы по военно-судебному вѣдомству, переводятся въ это вѣдомство.

78. Профессора и штатные преподаватели академіи пользуются правами и преимуществами учебной службы по военному вѣдомству. Гражданскіе чины учебнаго состава академіи, при опредѣленіи ихъ въ должности, утверждаются въ чинахъ, соответствующихъ классамъ ихъ должностей и могутъ быть производимы въ чины двумя классами выше класса занимаемой ими должности. Заслуженные профессора академіи сохраняютъ право на полученіе пенсіи не только на службѣ въ академіи, но и при переходѣ во всякій другой родъ службы.

79. Штатнымъ чинамъ учебной службы зачитается въ дѣйствительную учебную службу все время преподаванія ихъ въ академіи въ званіи нештатныхъ преподавателей въ томъ случаѣ, когда означенныя лица прослужать въ учебномъ составѣ академіи не менѣе десяти лѣтъ.

80. Служащіе по учебной части въ академіи могутъ быть назначаемы, съ разрѣшенія военнаго министра, или по соглашенію его съ другими министрами, по принадлежности, на службу по военному и другимъ вѣдомствамъ съ полученіемъ содержанія, съ тѣмъ однако, чтобы отъ дозволенія этого ни въ преподаваніи, ни въ исполненіи лежащихъ на нихъ обязанностей, не происходило затрудненій или остановки.

81. Начальникъ академіи и всѣ прочіе штатныя чины оной, равно какъ и всѣ обучающіеся въ академіи, при увольненіи въ отпускъ на каникулярное время, сохраняютъ получаемое ими содержаніе и квартирное довольствіе.

Примѣчаніе. На каникулярное время увольняются лишь лица, свободныя отъ занятій въ теченіе сего времени, или такія, которымъ отпускъ будетъ признанъ необходимымъ по разстроенному здоровью или по особо уважительнымъ обстоятельствамъ.

IX. Особыя учрежденія, при академіи состоящія.

а) Канцелярія.

82. Канцелярія академіи состоитъ въ вѣдѣніи правителя канцеляріи, который избирается начальникомъ академіи изъ военныхъ или гражданскихъ чиновъ и утверждается въ должности начальникомъ главнаго военно-суднаго управленія.

83. На правителя канцеляріи возлагается дѣлопроизводство по канцеляріи и хозяйству академіи, а также и завѣдываніе архивомъ.

84. Бухгалтеръ академіи избирается начальникомъ академіи и утверждается въ должности начальникомъ главнаго военно-суднаго управленія.

85. Обязанности казначея исполняются однимъ изъ служащихъ по назначенію начальника академіи, съ производствомъ ему за это вознагражденія, указаннаго въ штатѣ.

б) Конференція.

86. Конференція, подъ предѣлательствомъ начальника академіи, состоитъ изъ всѣхъ профессоровъ: ординарныхъ и экстраординарныхъ. Сверхъ того, по избранію начальника главнаго военно-суднаго управленія и съ утвержденія военнаго министра могутъ быть членами конференціи и другія лица, извѣстныя своею служебною по военно-судебному вѣдомству дѣятельностью, или своими спеціальными свѣдѣніями по предметамъ, преподаваемымъ въ академіи.

Примѣчаніе 1-е. Экстраординарные профессора не принимаютъ участія въ засѣданіяхъ конференціи при рѣшеніи вопроса объ оставленіи на пятилѣтіе выслужившихъ срокъ на пенсію по учебной службѣ (ст. 72) профессоровъ какъ ординарныхъ, такъ и экстраординарныхъ.

Примѣчаніе 2-е. Штабъ-офицеръ, завѣдывающій обучающимися въ академіи, приглашается въ засѣданія конференціи съ правомъ лишь совѣщательнаго голоса въ тѣхъ случаяхъ, когда разсмотрѣнію конференціи предлагаются вопросы, касающіеся круга его обязанностей.

87. Дѣлопроизводство по конференціи и веденіе экзаменныхъ списковъ возлагается начальникомъ академіи на кого либо изъ чиновъ административнаго или учебнаго состава академіи.

88. Военно-юридическая академія можетъ имѣть, съ Высочайшаго соизволенія, почетнаго президента и почетныхъ членовъ. Конференціи академіи предоставляется право ходатайствовать о назначеніи почетными членами академіи бывшихъ профессоровъ академіи и лицъ, извѣстныхъ своими заслугами или учеными трудами, имѣющими связь съ спеціальнымъ назначеніемъ академіи.

89. Въ засѣданія конференціи могутъ быть приглашаемы начальникомъ академіи лица, не состоящія членами конференціи, но правомъ голоса при рѣшеніи тѣхъ вопросовъ, къ обсужденію которыхъ они были приглашены, лица эти не пользуются.

90. Засѣданія конференціи назначаются начальникомъ академіи въ свободное отъ преподаванія время. Передъ каждымъ засѣданіемъ членамъ конференціи рассылаются, отъ имени начальника академіи, составляемые дѣлопроизводителемъ конференціи, повѣстки, съ обозначеніемъ въ нихъ предметовъ, подлежащихъ обсужденію. Въ каждомъ засѣданіи могутъ быть рѣшаемы тѣ только дѣла, которыя означены въ повѣсткахъ.

91. Всѣ члены конференціи обязаны присутствовать въ ея засѣданіяхъ. Въ случаѣ невозможности къ тому, они извѣщаютъ предсѣдателя о причинахъ своего отсутствія, о чемъ вносятся въ журналъ конференціи.

92. Для рѣшенія дѣлъ въ засѣданіяхъ конференцій необходимо присутствіе не менѣе двухъ третей наличнаго числа ея членовъ. Въ каникулярное время засѣданія конференціи признаются законно состоявшимися даже и при меньшемъ составѣ членовъ, но въ такихъ засѣданіяхъ могутъ быть разрѣшаемы только дѣла, не терпящія отлагательства, причемъ производство выборовъ въ какія либо должности вовсе не допускается.

93. Дѣла къ слушанію въ конференціи предлагаются начальникомъ академіи. Членамъ конференціи предоставляется также право вносить на ея обсужденіе вопросы, подлежащіе ея вѣдѣнію, но не иначе, какъ съ согласія начальника академіи, особыми записками. Начальникъ академіи имѣетъ право предложить представленный вопросъ на обсужденіе конференціи, или не передавать его на ея разсмотрѣніе, но въ семъ послѣднемъ случаѣ, сообщивъ конференціи о причинахъ къ тому, обязавъ представить подлинную записку съ своимъ мнѣніемъ, черезъ начальника главнаго военно-суднаго управленія, на разсмотрѣніе военнаго министра.

94. Дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ; при равенствѣ ихъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. Въ случаѣ разногласія въ мнѣніяхъ при разсмотрѣніи дѣла, окончательное рѣшеніе коего предоставлено конференціи, если голоса раздѣлятся такъ, что ни одно мнѣніе не будетъ мнѣніемъ большинства, то дѣло представляется на рѣшеніе начальника главнаго военно-суднаго управленія. По всѣмъ личнымъ вопросамъ производится закрытая баллотировка.

95. Члены, несогласные съ большинствомъ, заявляютъ о томъ въ засѣ-

даніи и подписываютъ журналъ съ особымъ мнѣніемъ, которое должно быть представлено предсѣдателю не позже трехъ дней послѣ подписанія журнала.

96. Поданное въ конференціи особое мнѣніе не можетъ остановить приведенія въ исполненіе мнѣнія большинства по дѣлу, подлежащему окончательному рѣшенію конференціи, но доводится до свѣдѣнія начальника главнаго военно-суднаго управленія; въ случаѣ же несогласія предсѣдателя съ мнѣніемъ большинства — дѣло представляется начальнику главнаго военно-суднаго управленія безъ приведенія въ исполненіе мнѣнія конференціи.

97. Когда обсуждаемое дѣло требуетъ предварительныхъ соображеній, то конференція или предсѣдатель оной, назначаетъ для того особую комисію изъ своихъ членовъ. Сверхъ того, въ составъ комисіи могутъ быть приглашаемы начальникомъ академіи и другія лица, состоящіе на службѣ въ академіи, и даже постороннія лица; въ таковыхъ случаяхъ лица эти приглашаются къ обсужденію предложенныхъ имъ вопросовъ въ конференцію академіи, но правомъ голоса при рѣшеніи дѣлъ не пользуются.

Примѣчаніе. Назначеніе конференціей особой комисіи обязательно для рассмотрѣнія трудовъ, представляемыхъ чинами учебнаго состава академіи для печатанія на казенный счетъ.

98. Журналы конференціи подписываются предсѣдателемъ и всѣми присутствовавшими въ засѣданіи лицами и свѣрѣляются дѣлопроизводителемъ конференціи.

99. Конференція академіи имѣетъ право окончательнаго рѣшенія по слѣдующимъ предметамъ: а) по опредѣленію права на преподаваніе въ академіи лицъ, принимаемыхъ въ число штатныхъ преподавателей; б) по рассмотрѣнію учебныхъ программъ и частныхъ въ нихъ измѣненій, по установленію методовъ преподаванія и по выбору учебныхъ руководствъ; в) по установленію порядка и правилъ для производства экзаменовъ; г) по утвержденію инструкціи для практическихъ занятій и рассмотрѣнію отчетовъ по онымъ; д) по опредѣленію способа оцѣнки успѣховъ обучающихся въ отдѣльныхъ предметахъ академическаго курса и въ практическихъ занятіяхъ, и е) по составленію правилъ для пользованія академическою библіотекой. Рѣшенія конференціи по упомянутымъ предметамъ приводятся въ исполненіе властью начальника академіи. Всѣ прочія постановленія конференціи представляются имъ начальнику главнаго военно-суднаго управленія.

100. Дѣла по постановленіямъ конференціи, представляемымъ начальнику главнаго военно-суднаго управленія, получаютъ окончательное рѣшеніе въ слѣдующемъ порядкѣ:

Рѣшаются властью начальника главнаго военно-суднаго управленія: а) переводъ обучающихся въ академіи изъ одного класса въ другой; б) утвержденіе въ должностяхъ штатныхъ преподавателей, и в) вопросы рассмотрѣніе которыхъ было поручено конференціи начальникомъ главнаго военно-суднаго управленія.

Рѣшаются властью военнаго министра: а) приемъ въ академію офи-

церовъ на основаніи вступительнаго экзамена; б) отчисленіе офицеровъ отъ академіи, согласно ст. 48; в) назначеніе въ должности ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ; г) оставленіе лицъ учебнаго состава на пятилѣтіе на службѣ при академіи; д) измѣненіе программъ пріемнаго въ академіи экзамена; е) назначеніе числа лекцій на каждый учебный предметъ, равно распредѣленіе преподаваемыхъ предметовъ по классамъ; ж) соединеніе и раздѣленіе преподаванія учебныхъ предметовъ между преподающими; з) утвержденіе главныхъ основаній программъ преподаваемыхъ предметовъ; и) вопросы о напечатаніи на казенный счетъ трудовъ лицъ учебнаго состава академіи; і) назначеніе предметовъ и избраніе лицъ для чтенія необязательныхъ курсовъ, и к) вопросы, порученные разсмотрѣнію конференціи военнымъ министромъ.

Представляется военнымъ министромъ на Высочайшее благоумертвѣніе дѣла: а) по удостоенію профессоровъ званія заслуженнаго профессора и б) по выпуску изъ академіи офицеровъ.

Примѣчаніе. Конференціи академіи предоставляется право, большинствомъ не менѣе трехъ четвертей голосовъ присутствующихъ членовъ, постановлять о ходатайствѣ относительно перевода изъ одного класса въ другой и въ высшій разрядъ по выпуску офицеровъ, хотя и не воплѣтъ удовлетворяющихъ установленнымъ для сего условіямъ, но заслуживающимъ снисхожденія въ виду особо-уважительныхъ причинъ, которыя должны быть указаны въ самомъ журналѣ конференціи по сему предмету.

101. Въ конференціи академіи производятся испытанія лицамъ, желающимъ занимать мѣста преподавателей законовѣдѣнія въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ и въ военныхъ училищахъ, причѣмъ постановленія конференціи относительно предоставленія права занимать означенныя мѣста приводятся въ исполненіе начальникомъ академіи, согласно ст. 99.

X. О хозяйствѣ академіи.

102. Хозяйство академіи ввѣряется начальнику оной, а дѣлопроизводство по дѣламъ хозяйственнымъ сосредоточивается въ канцеляріи; ближайшее же завѣдываніе хозяйственною частью, а также прислугою и нижними чинами, возлагается на одного изъ штатныхъ чиновъ академіи, по усмотрѣнію начальника оной.

103. Начальникъ академіи по дѣламъ хозяйственнымъ пользуется лично тѣми же правами и несетъ тѣ же обязанности, какія опредѣлены существующими законами для хозяйственныхъ комитетовъ тѣхъ военно-учебныхъ заведеній, начальники коихъ пользуются правами полковаго командира. Въ случаяхъ, превышающихъ эту власть, начальникъ академіи представляетъ дѣло на разсмотрѣніе начальника главнаго военно-суднаго управленія.

104. Для ежегодной повѣрки наличности матеріальнаго имущества академіи, а также денежной и матеріальной отчетности, для освидѣтельствованія поступающаго въ академію имущества, равно пришедшаго въ негод-

ность къ употребленію, для производства торговъ на заготовленіе потребныхъ для академіи припасовъ и матеріаловъ, на продажу негоднаго имущества и въ другихъ случаяхъ, когда требуется kolegialное обсужденіе дѣла, можетъ быть назначаема временная комісія изъ чиновъ академіи, по усмотрѣнію начальника оной.

XI. *Особья положенія.*

105. Военно-юридической академіи предоставляется право бесплатно выписывать изъ за границы книги и всякаго рода учебныя пособія. Кипы и ящики, адресованные въ академію, въ пограничныхъ таможахъ не вскрываются, а только пломбируются и, по доставленіи въ академію, свидѣтельствуются въ присутствіи таможеннаго чиновника.

106. Книги, рукописи, поврежденные и другія изданія ученаго содержанія, получаемыя академіею изъ за границы, не подлежатъ разсмотрѣнію иностранной цензуры.

107. Для усиленія бібліотеки, академія получаетъ бесплатно изъ типографіи главнаго штаба по одному экземпляру Свода Военныхъ Постановленій и прочихъ издаваемыхъ отъ военнаго министерства узаконеній и распоряженій.

108. Для производства практическихъ занятій, академія пользуется рѣшенными военно-судными дѣлами, на основаніи инструкціи, утвержденной начальникомъ главнаго военно-суднаго управленія.

109. Служащіе, равно и обучающіеся въ академіи, по предварительному сношенію начальника академіи съ подлежащими мѣстами и лицами, допускаются: а) къ посѣщенію мѣстъ заключенія военно-сухопутнаго, морскаго и гражданскаго вѣдомствъ и б) къ присутствованію при вскрытіи труповъ въ военныхъ госпиталяхъ.

110. Командировки съ ученою цѣлью чиновъ учебнаго состава академіи производятся на тѣхъ основаніяхъ, какія для сего установлены для академіи: Николаевской генеральнаго штаба, Михайловской артилерійской и Николаевской инженерной.

О КАДРАХЪ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОПОЛЧЕНІЯ.

Приказъ по военному вѣдомству 10-го ноября 1891 г., № 315-й.

Объявляется при семъ для свѣдѣнія и руководства Высочайше утвержденное 4-го сего ноября Положеніе о кадрахъ государственнаго ополченія, взамѣнъ временныхъ правилъ объ образованіи кадровъ государственнаго ополченія, объявленныхъ при приказѣ по военному вѣдомству 1890 года № 41-й.

Подписаль: Военный Министръ,
Генераль-Адъютантъ *Ванновскій*.

Положеніе о кадрахъ государственнаго ополченія.

1. Назначеніе и составъ кадровъ.

1. Кадры государственнаго ополченія въ мирное время назначаются для присмотра за имуществомъ ополченныхъ частей, состоящимъ на храненіи при управленіяхъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ, а равно для обученія ратниковъ ополченія 1-го разряда, призываемыхъ въ учебные сборы.

2. Кадры государственнаго ополченія образуютъ нижніе чины, въ числѣ не менѣе двухъ на каждую предположенную къ формированію ополченную роту, батарею и сотню.

3. Нижніе чины кадра государственнаго ополченія состоятъ при управленіяхъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ; число сихъ чиновъ при каждомъ управленіи опредѣляется росписаніемъ, составляемымъ главнымъ штабомъ.

4. Кадровые нижніе чины унтеръ-офицерскаго званія пользуются правами и преимуществами, установленными въ ст. ст. 1—3, 4, ип. а¹—д ст. 7-й, ст. ст. 8, 12, 13, 15—18, 22 и 23 Положенія о нижнихъ чинахъ

унтеръ-офицерскаго званія, остающихся добровольно на сверхсрочной дѣйствительной службѣ, объявленнаго при приказѣ по военному вѣдомству 1890 г. за № 172, и добавочнымъ окладомъ жалованья, установленнымъ для сверхсрочнослужащихъ взводныхъ унтеръ-офицеровъ армейской пѣхоты. Кадровые нижніе чины рядоваго званія пользуются добавочнымъ окладомъ жалованья въ размѣрѣ 36 руб. въ годъ.

5. Уѣздные воинскіе начальники ведутъ отчетность о кадровыхъ нижнихъ чинахъ по общимъ правиламъ, показывая ихъ отдѣльною графюю.

II. Комплектованіе кадровъ.

6. Пополненіе убыли въ кадрахъ государственнаго ополченія производится: а) пріемомъ уѣздными воинскими начальниками, подъ личную ихъ отвѣтственность, нижнихъ чиновъ унтеръ-офицерскаго званія изъ запаса, но пробывшихъ въ ономъ не болѣе трехъ лѣтъ и преимущественно мѣстныхъ уроженцевъ и б) въ случаѣ недостатка желающихъ поступить на службу изъ запаса,—назначеніемъ строевыхъ нижнихъ чиновъ старшаго срока службы изъ войсковыхъ частей пѣхоты, по распоряженію главнаго штаба.

7. Выборъ въ частяхъ войскъ нижнихъ чиновъ въ кадры ополченія производится начальниками сихъ частей изъ лучшихъ по строю и по нравственнымъ качествамъ унтеръ-офицеровъ или рядовыхъ, въ послѣднемъ случаѣ, по преимуществу, изъ прошедшихъ черезъ полковую учебную команду.

8. По выслуженіи кадровыми нижними чинами, назначенными изъ войскъ, полнаго по Уставу о воинской повинности срока дѣйствительной службы, тѣ изъ нихъ, которые будутъ признаны начальствомъ вполне полезными, въ отношеніи служебной опытности и знанія дѣла, оставляются, съ ихъ согласія, въ кадрахъ для дальнѣйшей службы, причемъ рядовые удостоиваются производства въ унтеръ-офицеры, а остальные перечисляются въ запасъ арміи.

9. Для расчетовъ и соображеній главнаго штаба о пополненіи кадровъ начальники мѣстныхъ бригадъ представляютъ въ оный ежегодно къ 1-му іюля свѣдѣнія о нижнихъ чинахъ кадровъ государственнаго ополченія въ районѣ ихъ бригадъ, по составляемой главнымъ штабомъ формѣ.

III. Довольствіе и служба кадровъ.

10. Обмундированіе, снаряженіе и вооруженіе кадровыхъ нижнихъ чиновъ определяется Высочайше утвержденными описаніями и табелями.

11. При перечисленіи въ запасъ арміи кадровые нижніе чины получаютъ въ полную собственность всѣ состоящія на нихъ срочныя мундирныя вещи.

12. Кадровымъ нижнимъ чинамъ отпускается кормовое довольствіе по мѣстнымъ окладамъ, квартирное по положенію и жалованье: унтеръ-офи-

церамъ—по штатному окладу взводныхъ унтеръ-офицеровъ армейской пѣхоты, а рядовымъ—по штатному окладу рядовыхъ армейской пѣхоты, независимо установленнаго добавочнаго оклада (ст. 4).

13. Кадровые нижніе чины могутъ быть командируемы распоряженіемъ командующихъ войсками въ округахъ, въѣ времени учебныхъ сборовъ ратниковъ, въ ближайшія войсковыя части, въ видахъ освѣженія ихъ строевой подготовки.

14. Кадровые нижніе чины, въѣ времени учебныхъ сборовъ ратниковъ, могутъ быть увольняемы уѣздными воинскими начальниками въ отпускъ, на сроки, опредѣляемые распоряженіемъ начальниковъ мѣстныхъ бригадъ, причемъ сохраняютъ присвоенный имъ окладъ жалованья, какъ штатнаго, такъ и добавочнаго.

О СОСТАВѢ И УСТРОЙСТВѢ ИНЖЕНЕРНЫХЪ ВОЙСКЪ.

Приказъ по военному вѣдомству 8-го ноября 1891 г., № 314-й.

Военный совѣтъ, по представленію главнаго инженернаго управленія, положилъ: 1) содержать впредь саперные баталіоны: гвардейскій, гренадерскій, 1-й, 5-й, 6-й, 7-й, 11-й, 12-й, 13-й и 1-й и 2-й Кавказскіе, принадлежащіе къ составу 1-й, 3-й, 5-й и Кавказской саперныхъ бригадъ, по штату пятиротнаго баталіона, а 2-й, 3-й, 4-й, 8-й, 9-й и 10-й, входящіе въ составъ 2-й и 4-й саперныхъ бригадъ, по штату четырехротнаго баталіона; 2) пятія роты 2-го, 3-го, 4-го, 8-го, 9-го и 10-го саперныхъ баталіоновъ выдѣлить изъ состава баталіоновъ и образовать изъ нихъ: Динабургскую, Ковенскую, Осовецкую, Новогеоргіевскую, Варшавскую и Ивангородскую крѣпостныя саперныя роты по прилагаемому штату (¹), 3) сформировать вновь, по прилагаемымъ штатамъ (¹): изъ 1-й саперной бригады—Кронштадтскую крѣпостную саперную роту и Выборгскую крѣпостную саперную кадровую команду; изъ 3-й саперной бригады—Брестъ-Литовскую крѣпостную саперную роту и Дубенскую крѣпостную саперную кадровую команду; изъ 5-й саперной бригады—Севастопольскую крѣпостную саперную роту и изъ Кавказской саперной бригады—Очаковскую и Керченскую крѣпостныя саперныя кадровыя команды; 4) крѣпостныя саперныя части въ хозяйственномъ и дисциплинарномъ отношеніяхъ подчинить коменданту и начальнику крѣпостнаго инженернаго управленія, а по технической и специальной части—непосредственно главному инженерному управленію, съ предоставленіемъ для сего правъ первому изъ названныхъ лицъ—начальника дивизіи, а второму—командира полка; 5) всѣ распоряженія по выдѣленію и сформированію ротъ и командъ и по заготовленію и снабженію ихъ инженернымъ имуществомъ возложить на главное инженерное управленіе; 6) вышеиз-

(¹) Штаты разосланы по военному вѣдомству.

ложенныя предпріятія привести въ исполненіе съ 1-го января 1892 года, а потребныя на это денежныя расходы вносить ежегодно, начиная съ 1892 года, въ соотвѣтствующія подраздѣленія смѣтъ военнаго министерства.

Положеніе это, а равно проекты: измѣненія Отдѣла I Положенія о составѣ и устройствѣ инженерныхъ войскъ, приложеннаго къ приказу по военному вѣдомству 1884 года № 210, и штатовъ: а) дѣйствующаго пятиротнаго сапернаго баталіона; б) дѣйствующаго четырехротнаго сапернаго баталіона; в) крѣпостной саперной роты, и г) кадровой крѣпостной саперной команды, Высочайше утверждены 20-го октября сего года.

Объявляю объ этомъ по военному вѣдомству для свѣдѣнія и должнаго, до кого касается, исполненія.

Подписаль: Военный Министръ,
Генераль-Адъютантъ *Ванновскій*.

ИЗМѢНЕНІЕ ОТДѢЛА I

Положенія о составѣ и устройствѣ инженерныхъ войскъ,

Приложеннаго къ приказу по военному вѣдомству 1884 года, № 210.

I. О саперныхъ и понтонныхъ частяхъ.

1) Въ мирное время содержатся: 17 саперныхъ и восемь понтонныхъ баталіоновъ, Туркестанскій саперный полубаталіонъ, Восточно-Сибирская, Западно-Сибирская и Закаспійская саперныя роты, девять крѣпостныхъ саперныхъ ротъ: Кронштадтская, Динабургская, Ковенская, Осовецкая, Варшавская, Новогеоргіевская, Брестъ-Литовская, Ивангородская и Севастопольская; четыре кадровыя крѣпостныя саперныя команды: Выборгская, Дубенская, Очаковская, Керченская и Электротехническая рота.

2) Означенныя выше саперныя и понтонныя части, за исключеніемъ Туркестанскаго полубаталіона и отдѣльных ротъ и командъ, вмѣстѣ съ военно-телеграфными и полевыми инженерными парками, соединяются въ саперныя бригады, согласно росписанію.

3) Въ мирное время саперныя баталіоны, принадлежащія къ составу 1-й, 3-й, 5-й и Кавказской саперныхъ бригадъ, имѣютъ каждый по пяти ротъ, баталіоны же 2-й и 4-й бригадъ по четыре роты. Понтонныя баталіоны и Туркестанскій саперный полубаталіонъ имѣютъ, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, по двѣ роты каждый.

4) При приведеніи войскъ на военное положеніе, пятая рота баталіоновъ, имѣющихъ пятиротный составъ, формируютъ каждая по двѣ резервныхъ саперныхъ роты, за исключеніемъ ротъ 1-го и 13-го баталіоновъ, которыя формируютъ каждая по одной резервной ротѣ и по одной крѣпостной (*), а всего 20 ротъ резервныхъ и двѣ крѣпостныя; крѣпостныя саперныя роты развертываются каждая въ двѣ крѣпостныя саперныя роты, а кадровыя крѣпостныя саперныя команды образуютъ крѣпостныя саперныя полуроты.

Для сформированія запасныхъ саперныхъ частей, тотчасъ по объявленіи мобилизаци, выдѣляются изъ общаго состава 1-й, 2-й, 3-й и 5-й саперныхъ бригадъ кадры офицеровъ и нижнихъ чиновъ для образованія четырехъ запасныхъ саперныхъ баталіоновъ, въ составѣ четырехъ ротъ каждый, для чего въ мирное время въ штабахъ означенныхъ бригадъ ведутся списки всѣмъ чинамъ, долженствующимъ поступить въ кадры запасныхъ баталіоновъ.

Въ каждый понтонный баталіонъ назначаются на военное время ѣздовые, въ опредѣленномъ штатомъ числѣ, изъ запаса нижнихъ чиновъ, служившихъ въ кавалеріи.

5) Формируемыя на военное время части именуется: резервныя роты лейбъ-гвардіи Сапернаго баталіона—1-ю и 2-ю гвардейскими, гренадерскаго—1-ю и 2-ю гренадерскими, 1-го баталіона—1-ю, 5-го баталіона—2-ю и 3-ю, 6-го баталіона—4-ю и 5-ю, 7-го баталіона—6-ю и 7-ю, 11-го баталіона—8-ю и 9-ю, 12-го баталіона—10-ю и 11-ю, 13-го баталіона—12-ю, 1-го и 2-го Кавказскихъ баталіоновъ—1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю Кавказскими резервными саперными ротами; крѣпостныя саперныя роты—по названію крѣпости, съ прибавленіемъ № 1 и № 2 для тѣхъ крѣпостей, въ коихъ формируются по двѣ роты, за исключеніемъ второй роты, формируемой въ Динабургѣ, которая на военное время переходитъ въ Динаминде и именуется Динаминдской; запасныя саперныя баталіоны—по номерамъ бригадъ, при коихъ они формируются, за исключеніемъ формируемаго при 5-й саперной бригадѣ, именуемаго 4-мъ.

6) Запасныя саперныя баталіоны имѣютъ два состава: постоянный и перемѣнный. Постоянный—составляютъ чины кадровъ, выдѣляемыхъ изъ бригадъ съ добавляемыми къ нимъ на военное время, согласно штату баталіона, чинами изъ запаса инженерныхъ войскъ, а перемѣнный—тѣ чины, которые поступаютъ въ баталіоны для обученія.

7) Резервныя саперныя роты въ военное время придаются къ резервнымъ пѣхотнымъ дивизіямъ или назначаются для дѣйствія на сообщеніяхъ въ тылу армій и при осадахъ крѣпостей; запасныя саперныя баталіоны служатъ для образованія нижнихъ чиновъ, предназначенныхъ въ составъ маршевыхъ командъ, на пополненіе убыли въ дѣйствующихъ, резервныхъ и

(*) Рота 1-го баталіона—Свеаборгскую крѣпостную, а рота 13-го баталіона—Бендерскую крѣпостную.

крѣпостныхъ частяхъ инженерныхъ войскъ; крѣпостныя саперныя роты и полуроты назначаются для содѣйствія гарнизонамъ крѣпостей въ производствѣ сложныхъ саперныхъ и минныхъ работъ при оборонѣ укрѣпленныхъ пунктовъ.

8) Крѣпостныя саперныя роты, полуроты и кадровыя команды въ хозяйственномъ и дисциплинарномъ отношеніи подчиняются комендантамъ, которые, по отношенію къ подвѣдомственнымъ имъ чинамъ ротъ, полуротъ и командъ, пользуются правами начальника дивизіи, и начальникамъ крѣпостныхъ инженерныхъ управленій, коимъ предоставляются права командира полка, а по технической и специальной части—непосредственно главному инженерному управленію.

9) Въ періодъ общихъ крѣпостныхъ практическихъ занятій, маневровъ и работъ—въ мирное время и въ теченіе всего срока состоянія крѣпости на военномъ положеніи—крѣпостныя саперныя части поступаютъ въ полное во всѣхъ отношеніяхъ подчиненіе комендантамъ.

10) Въ мирное время саперныя и понтонныя баталіоны и отдѣльныя роты и команды комплектуются новобранцами роста не менѣе трехъ вершковъ, здороваго тѣлосложенія, преимущественно грамотными и развитыми, знающими мастерства: плотничное, слесарное и кузнечное, бывшими на механическихъ заводахъ или въ мастерскихъ.

11) Въ военное время саперныя и понтонныя части комплектуются нижними чинами изъ запаса, служившими въ инженерныхъ войскахъ, а въ случаѣ недостатка такихъ—новобранцами изъ запасныхъ саперныхъ баталіоновъ, прошедшими установленный для нихъ курсъ обученія.

12) Дѣйствующіе саперныя и понтонныя баталіоны и отдѣльныя саперныя роты имѣютъ все опредѣленное табелью инженерное имущество и обозъ; запасные саперныя баталіоны—только одинъ носимый шанцевый инструментъ. Резервныя саперныя роты снабжаются инженернымъ имуществомъ и обозомъ, положеннымъ по табели для ротъ дѣйствующихъ саперныхъ баталіоновъ; крѣпостныя же роты и полуроты имѣютъ одинъ только носимый шанцевый инструментъ. Все инженерное имущество, инструментъ и обозъ для частей инженерныхъ войскъ, формируемыхъ на военное время, хранится въ мирное время при частяхъ, изъ коихъ формируются резервныя и крѣпостныя роты и полуроты и запасные баталіоны при мобилизаціи.

ОБЪ ОХОТНИЧЬИХЪ КОМАНДАХЪ.

Циркуляръ главнаго штаба 7-го ноября 1891 г., № 202-й.

По рассмотрѣніи отчетовъ о дѣятельности охотничьихъ командъ за 1889 годъ, его высокопревосходительству военному министру благоугодно было дать войсковымъ частямъ, въ развитіе приказа по военному вѣдомству 1886 г., № 260-й, нижеслѣдующія указанія:

Цѣль образованія командъ и назначеніе охотниковъ въ военное время въ войскахъ исполнѣ правильно поняты и усвоены.

Въ отношеніи же подробностей комплектованія, организаціи, службы, довольствія и обученія охотниковъ усматриваются нѣкоторыя уклоненія, которыя желательно устранить на будущее время.

1. *Числительность.* Опредѣленный приказомъ по военному вѣдомству 1886 г., за № 260-мъ, численный составъ командъ—не болѣе *четырехъ* человекъ на роту (сотню), признается совершенно достаточнымъ. Въ виду этого, число охотниковъ въ ротахъ не должно превышать его; точно также не слѣдуетъ назначать въ команды *менше двухъ* человекъ съ роты.

2. *Комплектованіе* охотничьихъ командъ очень разнообразно, что до извѣстной степени является естественнымъ слѣдствіемъ затрудненія разобратъ среди множества условій, желательныхъ для охотника; тѣмъ не менѣе нельзя не отмѣтить цѣлаго ряда отступленій отъ опредѣленныхъ приказомъ по военному вѣдомству 1886 г., за № 260-мъ, указаній по сему вопросу, а именно: во многихъ частяхъ ставилось непрежѣннымъ условіемъ выбора въ охотники знаніе грамоты, добровольное желаніе, занятія охотою до службы, принадлежность къ 1-му разряду во стрѣльбѣ и гимнастикѣ; въ нѣкоторыхъ считаютъ необходимымъ избирать въ охотники людей высокой нравственности, съ хорошимъ зрѣніемъ, не горожанъ, дружныхъ между собою и т. п. Наконецъ, были части, въ которыхъ избирались только нижніе чины 2-го и 3-го разряда по стрѣльбѣ или преимущественно окончившіе учебную команду.

Въ дѣйствительности ни одному изъ поименованныхъ качествъ не должно отдавать преимуществъ, а выбирать людей, обращая вниманіе на тѣ стороны ихъ характера, которыя наиболѣе необходимы для охотника, какъ-то: смѣлость, твердость, рѣшительность и смѣтливость, при физическомъ здоровьи.

Въ особености не слѣдуетъ ставить препятствіемъ избранія въ охот-

ники незнаніе грамоты,—это устранило бы изъ состава командъ нерѣдко встрѣчающихся среди крестьянъ людей съ природною смѣткой, энергичныхъ, ловкихъ, которые именно и составляютъ прекрасный матеріалъ для образованія охотничьихъ командъ. Точно также не должно назначать въ охотники окончившихъ учебную команду, чтобы не отвлекать ихъ отъ прямого назначенія.

Равнымъ образомъ слѣдуетъ избѣгать избраніе стрѣлковъ 3-го разряда.

Пополненіе командъ выборомъ нѣкотораго числа людей изъ *новобранцевъ* можетъ быть допущено лишь какъ исключеніе, если новобранецъ вполне извѣстенъ, или сразу поражаетъ своею ловкостью, бойкостью и т. п. качествами.

Пополненіе убыли въ командахъ должно производить два раза въ годъ: послѣ ухода запасныхъ—передъ началомъ зимнихъ занятій, и весной—передъ началомъ лѣтнихъ занятій.

Завѣдывающими охотничьими командами должно назначать лицъ предприимчивыхъ, энергичныхъ, отличныхъ въ строевомъ отношеніи, крѣпкихъ здоровьемъ и вполне способныхъ дѣйствовать по собственному почину.

Назначеніе на эту должность «любителей и знатоковъ охоты» легко можетъ повести за собою одностороннее увлеченіе охотою.

При недостаткѣ офицеровъ, начальниками охотниковъ въ мѣстныхъ командахъ могутъ назначаться унтеръ-офицеры, но въ этомъ случаѣ всѣ занятія съ охотниками слѣдуетъ вести подъ наблюденіемъ начальниковъ мѣстныхъ командъ или уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ.

3. Организация. Во многихъ войскахъ, преимущественно изъ числа квартирующихъ широко, совершенно согласно съ требованіемъ приказа по военному вѣдомству 1886 г., за № 260-мъ, охотники, для надлежащей подготовки, собирались на нѣсколько мѣсяцевъ въ отдѣльныя команды для своихъ спеціальныхъ занятій; съ началомъ лѣтнихъ сборовъ команды эти почти во всѣхъ войскахъ распускались и охотники проходили занятія частныхъ и общихъ сборовъ въ ротахъ, только иногда собираясь для своихъ спеціальныхъ занятій. Но въ нѣкоторыхъ войскахъ, преслѣдуя цѣль возможно совершенной подготовки охотниковъ ихъ дѣлу на войнѣ, сводили охотниковъ въ команды, имѣющія особое помѣщеніе и хозяйство, и проходили самостоятельно общія и спеціальныя занятія въ теченіе всего года.

Послѣдняя организація охотничьихъ командъ противорѣчитъ основаніямъ вышеупомянутаго приказа 1886 г., за № 260-мъ, ведетъ къ крайне нежелательному отчужденію охотниковъ отъ своихъ ротъ, а также созданію изъ нихъ какихъ-то постоянныхъ отборныхъ ротъ, а потому и не должна быть допускаема.

Практикующееся нынѣ назначеніе въ команды сигналистовъ, барабанщиковъ и сапожниковъ, какъ излишнее, должно быть прекращено.

4. Караульную службу и наряды въ большинствѣ частей охотники несутъ наравнѣ съ прочими нижними чинами и только въ очень немногихъ

войскахъ они освобождаются отъ нѣкоторыхъ нарядовъ или наряжаются черезъ нѣсколько очередей.

Въ виду усиленныхъ трудовъ охотниковъ, при возможности, желательно предоставить имъ нѣкоторыя льготы, по усмотрѣнію начальниковъ дивизій и лицъ, равныхъ имъ по власти, но это не должно вести за собою полного освобожденія охотниковъ отъ караульнаго наряда. Можно сократить имъ число очередей, но ставить ихъ на болѣе отвѣтственные и трудные посты.

5. *Матеріальная часть.* Для удовлетворенія текущихъ хозяйственныхъ нуждъ командъ, согласно § 57 Положенія объ управленіи хозяйствомъ (прик. по воен. вѣд. 1887 г., № 17-й), каждая часть войскъ расходуетъ изъ полковыхъ или соотвѣтственныхъ имъ суммъ отъ 50 до 300 руб. Въ нѣкоторыхъ войскахъ на упомянутыя нужды расходуются даже ротныя суммы. Въ виду спеціальнаго назначенія и ограниченности послѣднихъ, никакіе расходы изъ ротныхъ суммъ на указанные надобности не должны производиться.

Большинство охотничьихъ командъ уже снабжено въ достаточномъ количествѣ необходимыми предметами для охоты и другихъ спеціальныхъ занятій охотниковъ, какъ-то: ружьями, ножами, топорами, картами, компасами, геліографами, собаками, лодками и т. п. Дальнѣйшіе въ этомъ отношеніи расходы могутъ производиться, съ разрѣшенія начальниковъ дивизій, изъ хозяйственныхъ суммъ частей, но при этомъ необходимо имѣть въ виду настоятельность заводимыхъ предметовъ.

Улучшеніе пищи охотниковъ въ дни охоты и другихъ продолжительныхъ занятій и экскурсій признается необходимымъ въ очень многихъ частяхъ, но при этомъ расходы покрываются, какъ изъ хозяйственныхъ, такъ и изъ ротныхъ суммъ.

Въ виду изложеннаго выше, расходовъ на это изъ ротныхъ суммъ производить не слѣдуетъ вовсе, а лишь изъ хозяйственныхъ суммъ, причемъ отпускъ денегъ на улучшеніе пищи во время перечисленныхъ занятій ограничить 16—25 коп. въ сутки на человѣка, въ зависимости отъ обстановки.

На время полевыхъ занятій, экскурсій и маневровъ для возки вещей, продуктовъ и т. п. полезно придавать охотничьимъ командамъ артельную повозку съ лошадей, а завѣдывающимъ командами предоставлять верховыхъ лошадей.

Отчетность велась согласно названному приказу 1886 г., за № 260-мъ.

6. *Занятія съ охотниками.* Занятія охотою получили надлежащее развитіе только въ отдаленныхъ округахъ: на Кавказѣ и на сѣверѣ Европейской Россіи; во всѣхъ же остальныхъ мѣстностяхъ, вслѣдствіе почти полного отсутствія звѣря, а часто и лѣсовъ, въ которыхъ разрѣшается охота, упражненія въ послѣдней практиковались мало.

Въ виду этого, совершенно согласно съ указаніями приказа по военному вѣдомству 1886 г. за № 260, во всѣхъ почти войскахъ было обращено

особое вниманіе на развитіе другихъ упражненій, которыя наиболѣе способствовали бы выработкѣ ловкаго, сильнаго, смѣлаго охотника-развѣдчика.

Система занятій съ охотниками и выборъ специальныхъ для нихъ упражненій были крайне разнообразны, но производство продолжительныхъ переходовъ, упражненія гимнастикой, стрѣльбою, а также занятія сторожевою и развѣдывательною службою преобладали. Къ этимъ занятіямъ слѣдуетъ добавить: приученіе охотниковъ къ совершенію большихъ и быстрыхъ переходовъ; къ ночнымъ движеніямъ съ сохраненіемъ связи, преодоленіемъ мѣстныхъ преградъ и пр. Въ войскахъ, расположенныхъ въ пограничныхъ или крѣпостныхъ районахъ, должно упражнять охотниковъ въ изученіи окрестной мѣстности.

Теоретическое обученіе допускается лишь въ предѣлахъ самой крайней необходимости. Въ виду этого, занятія черченіемъ плановъ, крокировкой, а также съемками маршрутовъ и участковъ мѣстности должны быть совершенно исключены изъ предметовъ обученія охотниковъ. Всѣ требованія въ этомъ отношеніи слѣдуетъ ограничить умѣньемъ читать планъ (обязательно только для грамотныхъ, легко выучиваются и неграмотные) и развитіемъ способности запоминать пройденную мѣстность. Не слѣдуетъ также увлекаться обученіемъ грамотѣ. Slѣдуетъ постоянно имѣть въ виду, что охотничьи команды, по приказу 1886 г. № 260, должны приготовить въ частяхъ людей, способныхъ выполнить порученія, соединенныя съ особою опасностью и требующія личной находчивости.

Спеціальныя занятія съ охотниками, только въ очень небольшомъ числѣ войскъ, велись наканунѣ праздниковъ и въ праздничные дни, какъ определено приказомъ за № 260.

Въ большинствѣ частей на эти занятія удѣлялось нѣсколько часовъ или даже дней въ недѣлю, такъ какъ, по заявленію начальствующихъ лицъ, непрерывное привлеченіе охотниковъ къ общимъ занятіямъ въ будни, а къ специальнымъ въ праздники—вредно вліяетъ на ихъ энергію, бодрость и вниманіе къ занятіямъ. Военный Министръ призвалъ поэтому необходимымъ удѣлять для специальныхъ занятій охотниковъ два дня въ недѣлю.

Объ изложенномъ объявляется для руководства въ войскахъ.

ИЗБРАННЫЯ РѢШЕНІЯ

ГЛАВНАГО ВОЕННАГО СУДА ЗА 1891 Г.

14-го августа, № 84-й. По указу Его Императорскаго Величества главный военный судъ слушалъ: дѣло по протесту помощника военнаго прокурора на приговоръ временнаго военнаго суда въ городѣ Берчи о рядовомъ Берченскаго крѣпостнаго пѣхотнаго баталіона Дмитріѣ Поповѣ. Изъ дѣла видно, что означенный судъ, выслушавъ дѣло, призналъ подсудимаго Попова, по возбужденному противъ него обвиненію въ томъ, что 19-го января сего года, при опросѣ претензій командиромъ баталіона, онъ заявилъ ему завѣдомо ложную жалобу на своего фельдфебеля Кононова, сказавъ, что фельдфебель будить роту въ 3 часа утра, тогда какъ зналъ, что рота никогда такъ не будится, невиннымъ, по недоказанности этого обвиненія, а потому постановилъ: подсудимаго рядоваго Попова считать по суду оправданнымъ. На этотъ приговоръ помощникъ военнаго прокурора, капитанъ Афанасьевъ, представилъ протестъ, въ которомъ излагаетъ, что: 1) признавъ по первому вопросу доказаннымъ, что подсудимый заявилъ жалобу на своего фельдфебеля, сказавъ, что послѣдній будить роту въ 3 часа утра и установивъ при этомъ, что подсудимый сдѣлалъ такое заявленіе ошибочно, судъ не въ правѣ былъ вполнѣ оправдывать подсудимаго, а долженъ былъ, согласно рѣшенія главнаго военнаго суда 1890 г., за № 131-мъ, примѣнить 171 ст. XXII, такъ какъ означенное дѣяніе заключаетъ въ себѣ всѣ признаки обремененія начальства неосновательными жалобами, и 2) признавъ по 1-му вопросу доказаннымъ, что подсудимый заявилъ жалобу ошибочно, а по 3-му вопросу недоказаннымъ, чтобы жалоба была неосновательною, судъ допустилъ полное противорѣчіе, ибо признаніе жалобы ошибочною исключаетъ всякую возможность признанія ея основательною. Посему помощникъ прокурора просить объ отмѣнѣ приговора. На разрѣшеніе суда были предложены слѣдующіе вопросы: 1) доказано-ли, что подсудимый Поповъ 19-го января сего года, при опросѣ претензій командиромъ баталіона, заявилъ ему жалобу на своего фельдфебеля Кононова, что послѣдній будить роту въ 3 часа утра? Отвѣтъ суда: «да, доказано, причеиъ судомъ признано, что подсудимый сдѣлалъ такое заявленіе ошибочно, вмѣсто четырехъ часовъ, сказать три часа»; 2) доказано-ли, что означенная жалоба была завѣдомо ложна, такъ какъ подсудимый зналъ, что рота никогда такъ не будится? Отвѣтъ суда: «нѣтъ, не доказано»; 3) если не доказано, что жалоба подсудимаго Попова о томъ, что роту будили ранѣе шести часовъ, а именно, въ 4 или 4½, была завѣдомо ложна, то не доказано-ли, что таковая жалоба была неосновательною? Отвѣтъ суда: «нѣтъ, не доказано» Сообразивъ про-

тестъ помощника военнаго прокурора съ приговоромъ суда, вопроснымъ листомъ и законами и выслушавъ заключеніе помощника главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находить, что отвѣтомъ на первый вопросъ судомъ установленъ тотъ фактъ, что, при опросѣ командиромъ батальона претензій, подсудимый рядовой Поповъ заявилъ жалобу на фельдфебеля, приказавшаго будто бы будить роту въ 3 часа утра, причемъ, кромѣ того, признано, что Поповымъ ошибочно было сказано, вмѣсто 4 часа утра 3 часа утра. Затѣмъ отвѣтами на послѣдующіе вопросы судъ отвергъ виновность подсудимаго въ заявленіи имъ завѣдомо ложной, а также и неосновательной жалобы и потому постановилъ считать подсудимаго оправданнымъ по недоказанности событія преступления. Такимъ образомъ, изъ вышеизложеннаго, дѣйствительно, усматривается указываемое въ протестѣ противорѣчіе между разрѣшенными судомъ вопросами, такъ какъ, если рядовой Поповъ въ заявленной имъ жалобѣ допустилъ ошибку, то очевидно, что жалоба его не можетъ быть признана основательной и слѣдовательно постановленіе о немъ оправдательнаго приговора, по недоказанности факта подачи неосновательной жалобы, представляется неправильнымъ. Посему главный военный судъ, находя, что приговоръ временнаго военнаго суда въ городѣ Керчи о рядовомъ Поповѣ, какъ постановленный съ существеннымъ нарушеніемъ 896 ст. Военно-Судебнаго Устава, не можетъ признаваться въ силѣ судебнаго рѣшенія, опредѣляетъ: означенный приговоръ отмѣнить, предоставивъ одесскому военно-окружному суду вновь разсмотрѣть настоящее дѣло въ другомъ составѣ присутствія.

22-го августа, № 85-й. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло по протесту помощника военнаго прокурора и касационной жалобѣ подсудимаго состоящаго въ запасѣ полевой конной артиллеріи подпоручика Александра *Тромбецкаго* на приговоръ о немъ одесскаго военно-окружнаго суда. Изъ дѣла видно, что означенный судъ призналъ подпоручика Тромбецкаго виновнымъ: 1) въ томъ, что, состоя въ запасѣ арміи на учетѣ по Елисаветградскому уѣзду и отбывъ лагерный сборъ 1890 г., послѣ откомандированія его отъ войскъ 8-го сентября того же года, продолжалъ носить военную форму одежды; 2) въ томъ, что когда, 18-го февраля 1891 года, ему было предъявлено полиціею отношеніе Елисаветградскаго уѣзднаго воинскаго начальника, которымъ предлагалось объявить подпоручику Тромбецкому прекратитъ ношеніе военной формы подъ страхомъ дисциплинарнаго взыскація, то подсудимый, находясь въ полицейскомъ участкѣ въ военной формѣ, позволилъ себѣ въ надписи такія выраженія: «по поводу превышенія власти вашимъ высокоблагородіемъ 17-го февраля, во время антракта въ театрѣ при постороннихъ лицахъ, мною будетъ черезъ губернатора донесено начальнику 10-й мѣстной бригады; относительно же всѣхъ совершенно незаслуженныхъ и ничѣмъ невызванныхъ дерзостей, сдѣланныхъ вами мнѣ, долженъ довести до свѣдѣнія вашего, что мною будетъ возбуждено дѣло у мирового судьи»; 3) въ томъ, что, находясь въ военной формѣ 19-го февраля 1891 г. въ театрѣ въ г. Елисаветградѣ и получивъ приказаніе уѣзднаго воинскаго начальника выйти изъ театра, умышленно не исполнилъ этого приказанія, отвѣтивъ «расъ я пришелъ, то не уйду», причемъ не исполнилъ упомянутаго приказанія потому, что не считалъ воинскаго начальника въ правѣ отдавать такое приказаніе, полагая, что послѣдній не могъ быть, въ данномъ случаѣ, признаваемъ начальникомъ его, подсудимаго; 4) въ томъ, что 21-го того же февраля въ управ-

Т. ССII.—Отд. II.

леніи уѣзднаго воинскаго начальника, будучи одѣтъ въ военную форму, онъ, подсудимый, на приказаніе сего начальника отдать шашку и идти подъ арестъ, отказался исполнить это приказаніе, ссылаясь на болѣзнь, тогда какъ состояніе здоровья не могло препятствовать исполненію этого приказанія, и 5) въ томъ, что 22-го февраля, получивъ то же приказаніе чрезъ штабсъ-капитана Гранова, явившагося къ нему, подсудимому, на квартиру, подъ тѣмъ же предлогомъ отказался исполнить это приказаніе, тогда какъ состояніе здоровья подсудимаго не могло препятствовать исполненію приказанія уѣзднаго воинскаго начальника. Назначивъ подсудимому Тромбецкому, за ношеніе военной формы, вопреки 43 ст. полож. объ офицерскихъ чинахъ запаса арміи, дисциплинарное взысканіе, согласно 106 ст. и 107 ст. того же положенія, и обращаясь къ опредѣленію свойствъ остальныхъ преступленій, судъ нашель, что виновность подпоручика Тромбецкаго по 2 пункту приговора составляетъ оскорбленіе на письмѣ начальника, предусмотрѣнное 1 ч. 97 ст. С. В. П. XXII. Засимъ дѣяніе его, изложенное въ 3-мъ пунктѣ, въ виду того, что подсудимый считалъ, хотя и ошибочно, что уѣздный воинскій начальникъ не имѣетъ права отдавать ему приказаній, подходитъ подъ опредѣленіе 104 ст. XXII и, наконецъ, признанная въ 4-мъ и 5-мъ пунктахъ виновность составляетъ одно преступленіе—неисполненіе приказанія, навазуемое по той же 104 ст., такъ какъ подсудимый не исполнилъ приказанія не вслѣдствіе преступной рѣшимости не подчиниться волѣ начальника, а вслѣдствіе того, что, считая себя дѣйствительно больнымъ, заявлялъ о своей болѣзни въ надеждѣ на острочку наказанія или на замѣну такового, на самомъ же дѣлѣ состояніе здоровья подсудимаго не могло препятствовать ему отправиться подъ арестъ. На основаніи приведенныхъ законовъ судъ постановилъ: подсудимаго подпоручика Тромбецкаго считать отставленнымъ отъ службы съ послѣдствіями, указанными въ 44 ст. С. В. П. XXII. Съ этимъ приговоромъ не согласились председатель суда генералъ-маіоръ Адамовичъ и военный судья полковникъ Домбровский, полагая, что виновность подпоручика Тромбецкаго, указанная въ 3-мъ пунктѣ приговора, подходитъ, подъ 105 ст. С. В. П. XXII. На приговоръ суда помощникъ военного прокурора подполковникъ Полегаевъ представилъ протестъ, а подсудимый подпоручикъ Тромбецкій принесъ касационную жалобу. Въ протестѣ изложено, что: 1) надпись, заключающая въ себѣ дерскія по отношенію къ воинскому начальнику выраженія, сдѣлана подпоручикомъ Тромбецкимъ на отношеніи воинскаго начальника, въ коемъ ему, подпоручику Тромбецкому, предлагалось прекратить ношеніе военной формы подъ страхомъ дисциплинарнаго взысканія, и воинскій начальникъ, предъявляя подобное требованіе, исполнялъ ту служебную обязанность, которая возложена на него закономъ, то посему судъ, признавая подпоручика Тромбецкаго виновнымъ въ оскорбленіи воинскаго начальника на письмѣ, долженъ былъ примѣнить къ сему дѣянію не 1-ю, а 2-ю часть 97 ст. С. В. П. XXII. 2) Если подпоручикъ Тромбецкій ошибочно не признавалъ воинскаго начальника имѣвшимъ право отдавать ему приказаніе, то это обстоятельство не давало суду права не признавать умышленнаго неисполненія подпоручикомъ Тромбецкимъ приказанія начальника—во 1-хъ, потому, что подпоручикъ Тромбецкій, состоя въ запасѣ арміи, обязанъ былъ знать опредѣленія закона, изложенныя въ положеніи объ офицерскихъ чинахъ запаса, въ силу коихъ онъ при ношеніи военной формы былъ подчиненъ воинскому начальнику, въ вѣдѣніи коего состоялъ, и, во 2-хъ, воинскій

начальникъ, отдавая приказаніе подпоручику Тромбецкому, во всякомъ случаѣ, являлся старшимъ по отношенію къ нему; умышенное же неисполненіе приказанія, отданнаго старшимъ младшему, согласно 52 устава дисциплинарнаго (изд. 1890 г.), одинаково наказывается, какъ и умышенное неисполненіе приказанія, отданнаго начальникомъ. 3) Равнымъ образомъ судъ долженъ былъ примѣнить не 104, а 105 ст. и къ дѣянію подпоручика Тромбецкаго, изложенному въ пп. 4 и 5, такъ какъ хотя судъ призналъ, что подпоручикъ Тромбецкій двукратно отказался исполнить приказанія воинскаго начальника—отдать ему шашку и идти подъ арестъ потому, что считалъ себя больнымъ, но, съ другой стороны, судъ призналъ, что состояніе здоровья подсудимаго не могло препятствовать исполненію имъ приказанія, которое притомъ подсудимый, въ силу требованія военной службы, обязанъ былъ безусловно исполнить, хотя бы находилъ, что арестъ можетъ вредно отразиться на его здоровьи. На основаніи изложеннаго, помощникъ военнаго прокурора просить объ отмѣнѣ приговора. Въ жалобѣ своей подсудимый подпоручикъ Тромбецкій объясняетъ, что: 1) написать на отношеніи уѣзднаго воинскаго начальника къ Елисаветградскому полиціимейстеру нельзя признать оскорбленіемъ начальника изъ писемъ, ибо въ ней нѣтъ ничего оскорбительнаго, и надпись эта, сдѣланная имъ въ полиціи, не была адресована вовсе къ уѣздному воинскому начальнику. Согласно рѣш. глав. воен. суда, неумѣстныя обсужденія дѣйствій начальника и даже прямое указаніе на превышеніе имъ власти, свидѣлствуютъ лишь о пренебреженіи къ личности начальника и составляютъ дѣяніе, предусмотрѣнное 96 ст. С. В. П. XXII, помѣщеніе же даже оскорбительныхъ выраженій для начальника въ бумагахъ или письмахъ, подаваемыхъ не лично оскорбленному начальнику, а другому лицу, подходитъ подъ 96 ст., слѣдовательно надпись его заключаетъ въ себѣ лишь неокazanіе начальнику должнаго уваженія; 2) судъ призналъ его виновнымъ въ неисполненіи приказаній уѣзднаго воинскаго начальника, но въ данномъ поступкѣ нѣтъ вовсе состава преступнаго дѣянія, ибо исполненіе приказаній уѣзднаго воинскаго начальника не можетъ быть обязательнымъ для офицера, состоящаго въ запасѣ, который ни въ какихъ отношеніяхъ подчиненности къ воинскому начальнику не находится, и 3) дѣло о немъ является неподсуднымъ военному суду, ибо хотя въ 245 ст. Воен.-Судеб. Устава сказано, что чины запаса арміи подлежатъ военному суду за нарушеніе обязанностей дисциплины и воинскаго чинопочитанія во время ношенія ими форменной военной одежды, но подъ «временемъ ношенія форменной военной одежды» законъ разумѣетъ то время, когда чины запаса не только могутъ, но и обязаны, согласно положенія о запасныхъ, быть одѣтыми въ военную форму и только во время такого законнаго и обязательнаго ношенія военной формы, за нарушенія дисциплины, чины запаса подлежатъ военному суду. Если же запасный чинъ носить военную форму противозаконно, то этотъ вишній признакъ не мѣняетъ подсудности, такъ какъ, по существу, лицо, носящее противозаконно военную форму, не перестаетъ быть лицомъ гражданскимъ, подсуднымъ общимъ гражданскимъ судамъ, къ которому могутъ быть примѣняемы только общіе уголовные законы. По симъ соображеніямъ подсудимый находитъ, что во всѣхъ дѣяніяхъ, признанныхъ за нимъ судомъ, нѣтъ состава преступныхъ дѣяній, такъ какъ онъ является лицомъ гражданскимъ, для котораго воинская дисциплина не можетъ быть обязательна и нарушить которую, какъ лицо гражданское, онъ не могъ и слѣдовательно

никакой ответственности не подлежитъ. По соображеніи протеста помощника военного прокурора и кассационной жалобы подсудимаго подпоручика запаса полевой конной артиллеріи Тромбецкаго съ приговоромъ суда и законами и по выслушаніи заключенія помощника главнаго военного прокурора, главный военный судъ находитъ, что, на основаніи 105 ст. положенія объ офицерскихъ чинахъ запаса арміи (приказъ по военному вѣдомству 1882 г. № 211), офицеры запаса, за нарушеніе ими, во время ношенія форменной одежды, обязанностей воинскаго чинопочитанія и дисциплины или же правилъ о формѣ одежды, подлежатъ ответственности на одинаковомъ основаніи съ состоящими на дѣйствительной военной службѣ. Обязанность состоящихъ въ запасѣ офицеровъ, во время ношенія ими военной формы, подчиняться требованіямъ воинскаго чинопочитанія и подчиненности вовсе не поставлена въ зависимость отъ того—законно или незаконно помянутые офицеры носятъ военное платье, какъ то ошибочно полагаетъ подсудимый Тромбекій, а за незаконное ношеніе форменной военной одежды, они, по силѣ 106 ст. положенія, подлежатъ самостоятельному наказанію. Затѣмъ, согласно 107 и 108 ст. того же положенія, уѣздные воинскіе начальники, въ отношеніи состоящихъ въ ихъ вѣдѣніи оберъ-офицеровъ запаса, носящихъ форменную военную одежду, по наложенію на нихъ взысканій за нарушенія, означенныя въ 105 и 106 ст. положенія, пользуются правами командировъ неотдѣльных баталіоновъ и слѣдовательно въ этомъ отношеніи являются ихъ начальниками. Въ виду сего подсудимый, состоящій въ запасѣ полевой конной артиллеріи на учетѣ по Елисаветградскому уѣзду, подпоручикъ Тромбекій за оскорбленіе на письмѣ, во время ношенія имъ форменной военной одежды, Елисаветградскаго уѣзднаго воинскаго начальника и за неповиновеніе ему при тѣхъ же условіяхъ, совершенно правильно и согласно съ точнымъ смысломъ 245 ст. В.-С. У. преданъ военно-окружному суду. Вслѣдствіе изложеннаго всѣ объясненія подсудимаго какъ о томъ, что Елисаветградскій уѣздный воинскій начальникъ не былъ его начальникомъ, такъ и о неподсудности настоящаго дѣла военному суду не заслуживаютъ уваженія. Обращаясь затѣмъ къ рассмотрѣнію свойствъ признанныхъ за подпоручикомъ Тромбецкимъ дѣяній, главный военный судъ находитъ, что: 1) изложенная во второмъ пунктѣ приговора виновность подсудимаго, согласно разъясненію главнаго военного суда въ рѣшеніи 1875 г. № 183, 1880 г. № 121 и друг., заключаетъ въ себѣ всѣ признаки оскорбленія начальника на письмѣ, такъ какъ подсудимый, состоя въ запасѣ на учетѣ по Елисаветградскому уѣзду, позволилъ себѣ, во время ношенія форменной военной одежды, въ надписи, адресованной Елисаветградскому уѣздному воинскому начальнику, допустить выраженія, въ которыхъ обсуждая дѣйствія этого начальника по отношенію къ нему, называлъ ихъ превышеніемъ власти, грозилъ жалобой на него начальству, а затѣмъ, обвиняя воинскаго начальника въ сдѣланныхъ будто бы ему, подпоручику Тромбецкому, дерзостяхъ, угрожалъ возбудить противъ него дѣло у мирового судьи. Посему заявленіе подсудимаго Тромбецкаго, что въ изложенной виновности заключается лишь неоказаніе должнаго начальнику уваженія, оказывается несомнѣтельнымъ; указаніе же въ жалобѣ на то, что сдѣланная подсудимымъ надпись не была адресована уѣздному воинскому начальнику, опровергается самымъ содержаніемъ надписи, въ которой помѣщены, между прочимъ, выраженія: «по поводу превышенія власти вашимъ высокоблагородіемъ во время антракта въ театрѣ при постороннихъ лицахъ»... «относительно же всѣхъ совершенно

незаслуженныхъ и ничѣмъ не вызванныхъ дорзостей, сдѣланныхъ вами мнѣ,—долженъ довести до свѣдѣнія вашего.... «Такимъ образомъ примѣненіе судомъ къ указанной виновности подпоручика Тромбецкаго 97 ст. С. В. П. XXII оказывается совершенно правильнымъ. Но затѣмъ протестъ помощника военнаго прокурора на то, что къ изложенной виновности подпоручика Тромбецкаго слѣдовало примѣнить не 1, а 2 часть 97 ст. XXII—не можетъ быть признанъ уважительнымъ. На основаніи соображеній, изложенныхъ въ сборникѣ законодательныхъ работъ по составленію Воин. Уст. о нак. (ст. 648—651) и согласно разъясненію главнаго военнаго суда въ рѣш. 1875 г. № 183, 1880 г. № 121 и друг., примѣненіе вторыхъ частей 96—98 ст. С. В. П. XXII допускается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣянія, предусматриваемыя этими статьями, учинены во время исполненія начальниками обязанностей службы, а не по дѣлу, касающемуся службы или по поводу какого либо служебнаго дѣйствія. Между тѣмъ по настоящему дѣлу уѣздный воинскій начальникъ былъ оскорбленъ подсудимымъ подпоручикомъ Тромбецкимъ на письмѣ лишь по поводу служебныхъ дѣйствій сего начальника, а не во время исполненія имъ обязанностей службы. 2) Протестъ помощника военнаго прокурора на неправильное примѣненіе судомъ къ виновности подпоручика Тромбецкаго указанной въ третьемъ пунктѣ приговора, 104 ст., вмѣсто 105 ст. XXII, оказывается основательнымъ; ст. 104 С. В. П. XXII предусматриваетъ неисполненіе приказанія по нерадѣнію или невнимательности, между тѣмъ подпоручикъ Тромбецкій признанъ виновнымъ въ томъ, что, будучи одѣтъ въ военную форму и получивъ приказаніе уѣзднаго воинскаго начальника выйти изъ театра, умышленно не исполнилъ этого приказанія, отвѣтивъ: «разъ я пришелъ, то не уйду». Такая виновность содержитъ въ себѣ всѣ признаки преступленія, наказуемаго по 105 ст. С. В. П. XXII. Соображеніе суда о томъ, что подпоручикъ Тромбецкій не исполнилъ приказанія воинскаго начальника, ошибочно считая названнаго начальника неимѣющимъ права отдавать ему, подпоручику Тромбецкому, подобныя приказанія, не служитъ основаніемъ къ измѣненію состава совершеннаго подсудимымъ преступленія, такъ какъ подсудимый, состоя въ запасѣ арміи, не можетъ отговариваться незнаніемъ закона объ офицерскихъ чинахъ запаса, а слѣдовательно и незнаніемъ § 108 этого закона, въ силу котораго Елисаветградскій уѣздный воинскій начальникъ являлся начальникомъ его, подпоручика Тромбецкаго, во время ношенія имъ военной формы; и 3) равнымъ образомъ правильнымъ представляется и указаніе въ протестѣ на то, что къ дѣяніямъ подпоручика Тромбецкаго, изложеннымъ въ 4 и 5 п. фактической части приговора, слѣдовало примѣнить не 104, а 105 ст. С. В. П. XXII, такъ какъ судомъ вполнѣ точно установлено, что подсудимый не исполнилъ отданныхъ ему воинскимъ начальникомъ приказаній отправиться подъ арестъ не по невнимательности или нерадѣнію, а умышленно, ссылаясь на болѣзнь, тогда какъ состояніе его здоровья, какъ удостовѣряетъ судъ, не могло препятствовать исполненію этого приказанія. Въ виду изложенныхъ соображеній главный военный судъ опредѣляетъ: приговоръ суда о состоящемъ въ запасѣ полевой кочной артилеріи подпоручикѣ Александрѣ Тромбецкомъ исправить въ томъ, чтобы этого оберъ-офицера, какъ признаннаго виновнымъ въ оскорбленіи начальника на письмѣ и въ нѣсколькихъ случаяхъ умышленнаго неисполненія приказанія начальника, взамѣнъ опредѣленнаго судомъ наказанія, на основаніи 97 и 105 ст. XXII С. В. П. 1869 г. изд. 2, подверг-

нуть заключенію въ крѣпости по низшей мѣрѣ 2-й степени 24 ст. XXII кн., на одинъ годъ и четыре мѣсяца, съ исключеніемъ изъ службы и послѣдствіями, въ 24 и 26 ст. той же книги, указанными. Затѣмъ, во всѣхъ прочихъ частяхъ, приговоръ о подпоручикѣ Тромбецкомъ оставить въ своей силѣ, а касационную жалобу означеннаго оберъ-офицера—безъ послѣдствій.

28-го августа, № 89-й. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло по протесту помощника военного прокурора на приговоръ кавказскаго военно-окружнаго суда объ унтеръ-офицерѣ михайловской крѣпостной жандармской команды Иванѣ *Полетаевѣ*. Изъ дѣла видно, что означенный судъ призналъ подсудимаго Полетаева виновнымъ въ томъ, что 11-го февраля сего года, когда у него родилась дочь Марія отъ незаконнаго сожителства его съ крестьянкой Курановой, онъ 18-го того же февраля заявилъ священнику, что названная дочь родилась отъ законной его жены, вслѣдствіе чего и послѣдовала запись въ метрическую книгу о рожденіи и крещеніи Маріи отъ законныхъ родителей, а потомъ, 10-го марта онъ, подсудимый, представилъ своему начальству выписъ изъ метрической книги о законномъ рожденіи у него, 11-го февраля 1891 года и крещеніи 18-го того же февраля, дочери для внесенія объ этомъ въ выписку изъ алфавита его; при этомъ судомъ признано, что 1-го апрѣля подсудимый, явившись къ своему начальнику съ раскаяніемъ и повинною, сознался ему въ совершеніи сего дѣянія, чѣмъ и предупредилъ всякое вредное послѣдствіе сдѣланнаго имъ подлога. Обращаясь къ опредѣленію наказанія по закону, судъ нашелъ, что всякій подлогъ въ актахъ о рожденіи согласно рѣшеній уголов. касацион. департамента правительствующаго сената 1875 г. № 554, 1870 г. № 1082 и Высочайше утвержд. 3-го октября 1851 г. мнѣнія государственнаго совѣта, предусмѣрѣвъ 1441 ст. улож. о наказ., опредѣляющей наказаніе по 294 ст. того же улож.; принимая во вниманіе, что хотя подсудимый и представилъ начальству, по требованію послѣдняго, подложное метрическое свидѣтельство, но, вслѣдствіе его сознанія въ семь преступленіи и явки съ повинною, вредное послѣдствіе подлога было уничтожено,—судъ нашелъ возможнымъ примѣнить къ дѣянію подсудимаго послѣднюю часть 294 ст., по силѣ которой приговорилъ къ простому аресту на одинъ мѣсяць. Предсѣдательствовавшій по дѣлу генералъ-маіоръ Любавскій 1-й остался при особомъ мнѣніи, полагая, что подсудимый подлежитъ наказанію не по 3-й, а по 1-й части 294 ст. улож. На приговоръ суда помощникъ военного прокурора полковникъ Шмерлингъ представлялъ протестъ, въ которомъ объясняетъ, что: 1) 1441 ст. улож. о наказ. предусматриваетъ только случаи подлоговъ въ актахъ о рожденіи уже существующихъ, между тѣмъ Полетаевъ обвиненъ въ составленіи подложнаго документа, для доставленія своей незаконной дочери правъ состоянія, къ какому дѣянію подходитъ 1414 ст. улож. о нак. и 2) судъ, признавъ, что Полетаевъ 10-го марта 1891 года представилъ своему начальству выписъ изъ метрической книги для внесенія о законномъ рожденіи у него дочери въ выписку изъ алфавита, не имѣлъ права опредѣлять ему наказаніе по послѣдней части 294 ст. улож., а обязанъ былъ, на основаніи рѣшенія касационнаго департамента сената 1873 года за № 629, назначить наказаніе по 1-й части той же статьи. Вслѣдствіе сего помощникъ военного прокурора ходатайствуетъ объ отмѣнѣ приговора. По соображеніи протеста съ приговоромъ суда и законами и по выслушаніи

заключенія помощника главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находить, что дѣяніе подсудимаго унтеръ-офицера Полетаева, въ томъ видѣ, какъ оно установлено по вопросу листу и фактической части приговора, правильно отнесено судомъ подъ дѣйствіе 1441, а не 1414 ст. улож. о наказ. угол. и испр. Поименованный унтеръ-офицеръ признанъ виновнымъ въ томъ, что 11-го февраля сего года, когда отъ незаконнаго его сожителства съ крестьянкой Бураповой родилась дочь Марія, то онъ 18-го числа того же мѣсяца заявилъ священнику, что означенная дѣвочка родилась отъ законной жены его, Полетаева, вслѣдствіе чего она и была записана въ метрическую книгу о рожденіи и крещеніи, какъ законнорожденная. Затѣмъ 10-го марта подсудимый представилъ своему начальству выписку изъ метрической книги о рожденіи 11-го и крещеніи 18-го февраля дочери его Маріи для внесенія въ выписку изъ его алфавита, а 1-го апрѣля, явившись къ своему начальству съ раскаяніемъ и повинною, сознался въ совершеніи имъ означеннаго выше преступленія, чѣмъ предупредилъ всякое вредное послѣдствіе сдѣланнаго имъ подлога. Такая виновность подсудимаго Полетаева, хотя и служить прямымъ доказательствомъ совершенія имъ преступленія съ исключительною цѣлью предоставленія незаконнорожденной дочери права законнорожденной, но это обстоятельство не обязывало вовсе судъ примѣнять къ винѣ Полетаева 1414 ст. улож. о наказ., такъ какъ, согласно Высочайше утвержденнаго 28-го декабря 1849 г. мнѣнія государственнаго совѣта по дѣлу отставнаго губернскаго секретаря Глаголева, подлоги въ актахъ рожденія, бракосочетанія и смерти предусматриваются спеціальною статьею уголовнаго закона, а именно, 1441 ст. улож. о наказ. угол. и испр. Затѣмъ хотя унтеръ-офицеръ Полетаевъ въ подложномъ измѣненіи акта о рожденіи и крещеніи незаконной его дочери Маріи и не признанъ виновнымъ, но такъ какъ подлогъ въ означенномъ выше актѣ былъ совершенъ вслѣдствіе умысленно принятыхъ Полетаевымъ мѣръ, то этотъ именно фактъ, въ силу Высочайше утвержденнаго 3-го октября 1851 года мнѣнія государственнаго совѣта, по дѣлу коллежскаго регистратора Нарбута, и даетъ вполне законное основаніе для примѣненія къ винѣ подсудимаго 1441 ст. улож. о наказ. Посему протестъ помощника военнаго прокурора въ этомъ отношеніи не заслуживаетъ уваженія. Обращаясь къ разсмотрѣнію второй части протеста, главный военный судъ находить, что, согласно точнаго смысла 3-й части 294 ст. улож. о наказ. уголов. и испр., примѣненіе этого закона обуславливается явкою съ повинною ранѣе употребленія подложнаго документа для достиженія какихъ либо цѣлей. Между тѣмъ по настоящему дѣлу судомъ признано, что унтеръ-офицеръ Полетаевъ представилъ подложную выписку изъ метрической книги о рожденіи у него дочери для внесенія сего въ выписку изъ его алфавита. Такимъ образомъ очевидно, что подсудимый явился къ начальству съ раскаяніемъ въ совершенномъ имъ преступленіи уже послѣ того, когда документъ былъ употребленъ имъ для достиженія извѣстной цѣли. Въ виду сего, сознание подсудимаго и явка съ повинною является лишь общими уменьшающими вину обстоятельствами, предусмотрѣнными 134 ст. улож. о наказ. уголов. и испр. По изложеннымъ основаніямъ главный военный судъ, принимая во вниманіе явку подсудимаго унтеръ-офицера Полетаева съ повинною въ совершенномъ имъ преступленіи, а равно прежнюю его долговременную вполне безпорочную службу, опредѣляетъ: приговоръ суда о поименованномъ нижнемъ чинѣ измѣнить въ томъ,

чтобы его, Полетаева, за преступленіе, предусмотрѣнное 1-й ч. 294 и 1441 ст. улож. о наказ., взаимно опредѣленнаго судомъ наказанія, по лишеніи унтеръ-офицерскаго и воинскаго званій, шеврона изъ узкаго серебрянаго голуна, а также всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію ему присвоенныхъ, равно и службою приобретенныхъ, правъ и преимуществъ, по исключеніи изъ военной службы, отдать въ исправительныя арестантскія отдѣленія гражданскаго вѣдомства срокомъ на одинъ годъ, съ послѣдствіями въ 43, 45, 46 и 48 ст. улож. о наказ. уголов. и испр. указанными; въ случаѣ же немѣня въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ мѣста или отдаленности ихъ, заключить его, Полетаева, въ тюрьмѣ гражданскаго вѣдомства на тотъ же годичный срокъ и съ тѣми же вышеперечисленными правоприлишеніями и послѣдствіями и съ употребленіемъ въ тюрьмѣ на самыя тяжкія установленныя въ семь мѣстъ заключенія работы. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ приговоръ суда оставить въ своей силѣ.

28-го августа, № 90-й. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло объ отміѣ приговора полковаго суда 36-го Драгунскаго Ахтырскаго полка о нижнихъ чинахъ того полка: ефрейторѣ Василю *Агафоновѣ* и рядовыхъ Кузьмѣ *Гусевѣ*, Андрѣ *Никитинѣ*, Федорѣ *Кущенко*, Филипѣ *Индыченко* (онъ же Индюченко), Юльянѣ *Мазурѣ* и Хаймѣ *Ширѣ*. Изъ дѣла видно, что ефрейторъ Агафоновъ и рядовые: Мазуръ, Никитинъ, Гусевъ, Ширъ, Кущенко и Индыченко (онъ же Индюченко) были преданы суду за преступленіе, предусмотрѣнное 169 ст. Уст. о наказ., налаг. миров. суд. Полковой судъ призналъ рядовыхъ: Мазура и Шира оправданными, а ефрейтора Агафоновѣ и рядовыхъ: Никитина, Гусева, Кущенко и Индыченко виновными въ кражѣ у мѣщанина Дреля муки, керасина и пива. Посему судъ постановилъ: на основаніи 169 и 170 ст. Уст. о наказ., налаг. миров. суд., и прил. къ ст. 8 и 59 С. В. П. XXII, подсудимыхъ Агафопова и Никитина, какъ вопліѣ сознавшихся, выдержать подѣ арестомъ на хлѣбѣ и водѣ по 5 степен. въ теченіе двухъ недѣль, съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ и увеличеніемъ обязательнаго пребыванія въ немъ на три мѣсяца, съ лишеніемъ Агафопова ефрейторскаго званія, а рядовыхъ: Гусева, Кущенко и Индыченко выдержать подѣ арестомъ на хлѣбѣ и водѣ по 3 степ. въ теченіе трехъ недѣль, съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ и увеличеніемъ обязательнаго пребыванія въ немъ на одинъ годъ. Командиръ полка утвердилъ приговоръ суда съ тѣмъ, чтобы рядового Гусева, какъ состоящаго въ разрядѣ штрафованныхъ, подвергнуть наказанію 50 ударами розогъ. Засимъ военный прокуроръ кievскаго военно-окружнаго суда донесъ начальнику 12-й кавалерійской дивизіи, что ни при отданіи приказа о преданіи подсудимыхъ суду, ни при разсмотрѣніи дѣла въ полковомъ судѣ не приняты во вниманіе данныя, добытыя полицейскимъ дознаніемъ и приложенныя къ дѣлу, тогда какъ изъ этихъ данныхъ видно, что кража у еврея Дреля была совершена со взломомъ окна изъ обитаемаго строенія, что похититель, при побѣгѣ изъ означенной квартиры, оставилъ послѣ себя колы и что похититель былъ не одинъ, а ихъ было нѣсколько человекъ. Посему къ дѣянію подсудимыхъ имѣли примѣненіе 1647, 1653 или 1654 ст. улож. о наказ. уголов. и исправ. и дѣло подлежало разсмотрѣнію военно-окружнаго суда. Вслѣдствіе сего военное начальство вошло съ ходатайствомъ объ отміѣ приговора. Сообразивъ представленіе военнаго начальства съ законами и

выслушавъ заключеніе помощника главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находить, что подсудимые, въ числѣ семи человекъ, были преданы полковому суду за простую кражу, причемъ въ приказѣ о преданіи ихъ суду указывалось только на 169 ст. Устава о наказ., налаг. миров. суд. Посему полковой судъ, разсматривая настоящее дѣло, въ предѣлахъ предъявленнаго къ подсудимымъ обвиненія, и не обнаруживъ во время судебного слѣдствія тѣхъ обстоятельствъ, на которыя имѣлись указанія во время дознанія, а именно, что для совершенія кражи былъ сдѣланъ взломъ въ жилищѣ потерпѣвшаго такого рода, который предусматривается 1647 ст. улож. о наказ., и что одинъ изъ совершителей кражи былъ вооруженъ коломъ, не имѣлъ основанія возбуждать вопроса о подсудности настоящаго дѣла военно-окружному суду. Но за всѣмъ тѣмъ полковымъ судомъ, при постановленіи приговора по настоящему дѣлу, допущены слѣдующія неправо-вильности: 1) въ приговорѣ не указаны нормальныя наказанія, избранныя для каждаго подсудимаго по 169 и 170 ст. миров. уст., а сдѣлана лишь замѣна по прил. къ 59 ст. С. В. П. XXII. Между тѣмъ, если подсудимымъ Агафонову и Никитину судъ не только не признавалъ нужнымъ увеличивать срокъ тюремнаго заключенія по 170 ст. миров. уст., но даже назначилъ кратчайшій трехъ-мѣсячный по 160 ст. уст., то и въ такомъ случаѣ долженъ былъ приговорить ихъ къ военной тюрьмѣ по средней мѣрѣ 4 степ., а не по низшей мѣрѣ 5 степ. Вслѣдствіе сего, поименованные нижніе чины подлежали аресту на хлѣбъ и водѣ на 2½ недѣли, съ увеличеніемъ обязательнаго пребыванія въ разрядѣ штрафованныхъ на девять мѣсяцевъ; смягчать же этимъ подсудимымъ наказаніе на одну степень, въ виду сдѣланнаго ими сознанія въ преступленіи, полковой судъ, согласно точнаго смысла 668 ст. В.-С. Уст., не имѣлъ права; 2) присуждая рядовыхъ: Гусева, Куценко и Индюченко къ наказанію, замѣняющему 3 степ. военной тюрьмы и назначая имъ арестъ на три недѣли, т. е. въ высшей мѣрѣ, судъ долженъ былъ опредѣлить имъ въ высшей же мѣрѣ и срокъ увеличенія обязательнаго пребыванія въ разрядѣ штрафованныхъ, т. е. 1½ года, а не одинъ годъ, и 3) судомъ не опредѣлены для подсудимыхъ тѣ послѣдствія, которыя указаны въ 52 ст. С. В. П. XXII. Принимая же во вниманіе, что приговоръ о подсудимыхъ уже вошелъ въ законную силу и увеличеніе имъ въ настоящее время срока обязательнаго пребыванія въ разрядѣ штрафованныхъ не согласовалось бы со смысломъ 700—702 ст. Воен. Судеб. Устава, главный военный судъ опредѣляетъ: приговоръ полковаго суда дополнить лишь тѣмъ, чтобы подсудимыхъ: Агафорова, Никитина, Гусева, Куценко и Индюченко (онъ же Индюченко) считать осужденными къ опредѣленному имъ наказанію, но съ потерей нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ и послѣдствіями, указанными въ 52 ст. XXII С. В. П. 1869 г., изд. 2.

28-го августа, № 91-й. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло по протесту помощника военнаго прокурора на приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Конскѣ объ объѣзчикѣ Сандомирской бригады пограничной стражи Егорѣ Сидоровѣ. Изъ дѣла видно, что объѣзчикъ Сидоровъ былъ преданъ бригадному суду по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 105 ст. С. В. П. XXII. Бригадный судъ призналъ стражника Сидорова виновнымъ въ томъ, что, будучи поставленъ, взамѣнъ ареста, подъ ружье, онъ самовольно бросилъ ружье на землю и ушелъ въ казарму. Отнеся это дѣяніе подъ 105 ст. XXII, судъ

приговорилъ подсудимаго Сидорова, по лишеніи нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ по службѣ, къ отдачѣ въ дисциплинарный баталіонъ на два года съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ и съ послѣдствіями, указанными въ 52 ст. той же книги и въ 4-мъ п. приказа по военному вѣдомству отъ 19-го марта 1884 г. за № 83. Судебныя по дѣлу вздержки, на основаніи 668 и 708 ст. В.-С. У., взыскать съ имущества подсудимаго Сидорова, а въ случаѣ несостоятельности его, согласно 709 ст. того же устава, принять на счетъ казны. Командующій бригадою не согласился съ этимъ приговоромъ и представилъ дѣло въ варшавскій военно-окружный судъ, объясняя: 1) изъ показанія подсудимаго на дознаніи видно, что онъ совершилъ преступленіе въ пьяномъ видѣ. Такое заявленіе его подтвердили четыре свидѣтеля, которые, однако, судомъ не вызывались и не допрошены, не смотря на то, что показанія ихъ даютъ право заключить, что въ преступленіи Сидорова не было умысла, въ виду чего оно, по свойству своему, скорѣе подходитъ подъ 104 ст. С. В. П. XXII; 2) аттестация, данная о Сидоровѣ его начальникомъ, говоритъ въ его пользу и также возбуждаетъ сомнѣніе съ предумышленности совершеннаго имъ преступленія, и 3) въ виду того, что Сидоровъ былъ поставленъ подъ ружье, взявъ ареста, казалось бы болѣе справедливымъ самовольный уходъ его подеста подъ 2 ч. 129 ст. XXII. Военно-окружный судъ, въ распорядительномъ засѣданіи, постановилъ: рассмотреть дѣло по существу съ вызовомъ подсудимаго и свидѣтелей. Рассмотрѣвъ дѣло, временный военный судъ въ г. Конскѣ призналъ доказаннымъ, что 3-го марта 1891 года, будучи поставленнымъ, взявъ ареста, подъ ружье, подсудимый Сидоровъ, не отстоявъ опредѣленнаго времени, бросилъ ружье въ грязь и ушелъ въ помѣщеніе команды. Находя примѣненіе къ виновности подсудимаго 105 ст. С. В. П. XXII правильнымъ и самый размѣръ опредѣленнаго бригаднымъ судомъ наказанія справедливымъ, временный военный судъ, въ силу 910, 962, 963, 974, 1128 и 1155 ст. В.-С. У., опредѣляетъ: состоявшійся 27-го марта 1891 года приговоръ бригаднаго суда объ объѣзчикѣ Сидоровѣ во всѣхъ его частяхъ утвердить. На этотъ приговоръ помощникъ военнаго прокурора капитанъ Дубле представилъ протестъ, въ которомъ объясняетъ, что редакція приговора временнаго военнаго суда является несогласною съ требованіемъ 3 п. 910 и 974 ст. В.-С. У. въ виду слѣдующихъ соображеній: рассмотрѣніе дѣла по существу возможно въ военно-окружныхъ или временныхъ военныхъ судахъ лишь въ томъ случаѣ, когда дѣла эти вносятся въ судъ или при обвинительныхъ актахъ (ст. 720 В.-С. У.), или въ порядкѣ ст. 680 того же устава. Результатомъ такого самостоятельнаго рассмотрѣнія дѣла военно-окружнымъ судомъ является его приговоръ, постановляемый, согласно точнаго смысла и содержанія 910 ст. В.-С. У., съ соблюденіемъ лишь, по дѣламъ второй категоріи, правила, изложеннаго въ ст. 974 того же Устава. Изъ сопоставленія же ст. 910 и 974 слѣдуетъ, что статьи эти лишь взаимно дополняютъ одна другую, указывая, съ одной стороны, какъ именно долженъ поступить судъ въ томъ случаѣ, когда приговоръ полковаго суда окажется правильнымъ, и съ другой—на необходимость постановки военно-окружнымъ судомъ самостоятельнаго по дѣлу приговора, т. е. признанія или непризнанія обвиняемаго виновнымъ и точнаго опредѣленія, какому именно наказанію подлежитъ онъ по закону за совершенное и вмѣненное ему въ вину дѣяніе его, что, между прочимъ, признано

отчасти и временнымъ военнымъ судомъ изъ имѣющагося въ приговорѣ его указація на 910 ст. В.-С. У., требованія которой, однако, судъ не выполнилъ, не опредѣливъ Сидорову наказанія за совершенный имъ проступокъ; сославшись же на приговоръ бригаднаго суда съ изложеніемъ его краткаго содержанія, утвердилъ его и такимъ образомъ исполнилъ лишь требованіе 974 ст. того же Устава. Сообразивъ этотъ протестъ съ приговоромъ суда и законами и выслушавъ заключеніе помощника главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находитъ, что приведенныя въ протестѣ соображенія помощника военнаго прокурора являются основательными: временный военный судъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло по существу, долженъ былъ постановить приговоръ по правиламъ, указаннымъ въ 910 ст. В.-С. У. т. е. не ограничиваться простымъ утвержденіемъ приговора бригаднаго суда, но изложить виновность подсудимаго въ томъ видѣ, какъ она установлена судебнымъ слѣдствіемъ, а также соображенія по примѣненію закона о наказаніи и самое наказаніе, къ которому приговаривается подсудимый. Между тѣмъ судъ, хотя и сослался въ своемъ приговорѣ на 910 ст. В.-С. У., но требованія этого закона не выполнилъ и даже не указалъ опредѣленнаго подсудимому наказанія. Но означенное нарушеніе въ данномъ случаѣ не имѣетъ особаго значенія въ виду неправильности приговора по существу. Въ установленной судомъ виновности стражника Сидорова не заключается признаковъ умышленнаго неисполненія приказанія начальства, такъ какъ онъ подчинился отданному приказанію и сталъ подъ ружье, но, простоявъ нѣкоторое время, бросилъ ружье въ грязь и ушелъ въ команду. Такая виновность подсудимаго заключаетъ въ себѣ два преступленія: самовольную отлучку при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ (рѣшеніе глав. воен. суда 1886 г. № 182) и умышленное покинутіе ружья въ такомъ мѣстѣ, которое не назначено для его храненія. Посему временный военный судъ, въ отиѣну приговора бригаднаго суда, долженъ былъ признать Сидорова виновнымъ въ этихъ двухъ преступленіяхъ и приговорить его къ наказанію по 2 ч. 129 и 165 ст. С. В. П. XXII. По изложеннымъ соображеніямъ, признавая, что и съ примѣненіемъ къ винѣ стражника Сидорова 2 ч. 129 и 165 ст. XXII, онъ могъ подлежать тому же самому наказанію, которое опредѣлено ему за неповиновеніе по 105 ст. той же книги Свода, главный военный судъ опредѣляетъ: приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Конскѣ о стражникѣ Сидоровѣ исправить лишь въ томъ, чтобы считать его приговореннымъ къ отдачѣ въ дисциплинарный баталіонъ срокомъ на два года, не за преступленіе, предусмотрѣнное 105 ст. С. В. П. XXII, а за самовольную отлучку, совершенную при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ и умышленное покинутіе ружья, т. е. по 2 ч. 129 и 165 ст. той же XXII книги; во всѣхъ прочихъ частяхъ приговоръ суда оставить въ своей силѣ.

12-го сентября, № 98-й. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло по протесту помощника военнаго прокурора на приговоръ кавказскаго военно-окружнаго суда о рядовомъ 2-го кавказскаго сапернаго баталіона Григоріи *Большатовѣ*. По выводамъ обвинительнаго акта рядовой Большатовъ обвинялся въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 191, 162, 232 ст. С. В. П. XXII и 177 ст. мир. уст. Въ этомъ актѣ, между прочимъ, значится, что во время производства предварительнаго слѣдствія командиръ 2-го кавказскаго сапернаго баталіона уведомилъ слѣдователя, что рядовой Большатовъ въ ночь на 23-е января виновъ

самовольно отлучился и, совмѣстно съ лицами гражданскаго вѣдомства, совершилъ кражу, о чемъ составленъ протоколъ и переданъ мировому судѣ Казахскаго уѣзда. Военный прокуроръ, внося дѣло съ обвинительнымъ актомъ въ судъ, въ предложеніи своемъ упомянулъ, что о рядовомъ Больбатовѣ имѣется дѣло у мирового судьи Казахскаго уѣзда, отъ котораго затребованы свѣдѣнія о положеніи дѣла. Кавказскій военно-окружный судъ, выслушавъ дѣло, призналъ рядоваго Больбатова виновнымъ, согласно обвинительному акту: 1) въ томъ, что онъ, будучи шесть разъ наказанъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, 25-го мая 1890 года вновь самовольно отлучился изъ казармы, напился пьянымъ и возвратился въ роту на другой день; 2) что тогда же продалъ состоявшую на немъ казенную шинель; 3) что, получивъ въ началѣ 1890 года, какъ сапожникъ, для шитья сапоговъ въ баталіонѣ, казенный сапожный товаръ, продалъ его и деньги обратилъ въ свою пользу, но, по обнаруженіи сего, добровольно представилъ стоимость растроченнаго; 4) въ томъ, что, получивъ отъ разныхъ лицъ для шитья и починки сапоговъ товаръ и деньги за работу, онъ, Больбатовъ, не возвратилъ ни товара, ни денегъ; 5) въ томъ, что, будучи неоднократно наказанъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, вновь самовольно отлучился изъ казармы въ ночь на 23-е января 1891 года и пробылъ въ этой отлучкѣ нѣсколько часовъ. Руководствуясь 1 ч. 162, 1 ч. 191, 2 ч. 232 ст. Св. Воен. Пост. XXII и 177 ст. мир. уст., судъ постановилъ: подсудимаго рядоваго Больбатова, взявъ въ одиночнаго заключенія въ военной тюрьмѣ по 2-й степени, выдержать подъ арестомъ на хлѣбѣ и водѣ двѣ недѣли, съ переводомъ въ разрядъ штрафовавшихся и съ увеличеніемъ обязательнаго въ ономъ пребыванія на одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ и съ другими послѣдствіями, въ ст. 52 Св. В. П. XXII указанными, и, независимо отъ сего, обложить его денежнымъ взыскаціемъ въ размѣрѣ 50 коп. сер., каковыя деньги отправить для присоединенія къ капиталамъ Александровскаго комитета о раненыхъ. Въ виду же возбужденнаго противъ Больбатова новаго обвиненія въ кражѣ со взломомъ при участіи лицъ гражданскихъ, приостановить исполненіе настоящаго приговора впредь до полученія затребованныхъ свѣдѣній отъ мирового судьи Казахскаго уѣзда. На этотъ приговоръ помощникъ военнаго прокурора, полковникъ Волковъ, представилъ протестъ съ приложеніемъ копии съ отвѣтной телеграммы мирового судьи, что дѣло о Больбатовѣ назначено имъ къ разбору на 16-е августа. Въ протестѣ изложено, что, въ виду 1271 ст. В.-С. У., военно-прокурорскій надзоръ, внося въ судъ обвинительный актъ по воинскимъ преступленіямъ рядоваго Больбатова, совершившаго, независимо сего, съ лицами гражданскаго вѣдомства общее преступленіе, подсудное мировому судѣ и еще не бывшее на разсмотрѣніи, помѣстилъ свѣдѣнія объ этомъ преступленіи какъ въ обвинительномъ актѣ, такъ и въ предложеніи. Между тѣмъ судъ, не выждавъ окончанія дѣла у мирового судьи Казахскаго уѣзда, разсмотрѣлъ настоящее дѣло и постановилъ приговоръ. Посему помощникъ военнаго прокурора ходатайствуетъ объ отміаніи приговора. Сообразивъ этотъ протестъ съ обстоятельствами дѣла и законами и выслушавъ заключеніе исправляющаго должность главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находитъ, что такъ какъ настоящему дѣлу былъ данъ ходъ по постановленію распорядительнаго засѣданія военно-окружнаго суда, состоявшемуся согласно съ заключеніемъ военнаго прокурора, и засимъ, по открытіи судебнаго по дѣлу засѣданія, присутствовавшей на судѣ помощникъ военнаго про-

курора не сдѣлалъ заявленія о несвоевременности разсмотрѣнія дѣла, то протестъ помощника прокурора, за силою 1006 ст. Воен.-Суд. Уст., не подлежитъ разсмотрѣнію. Но за всѣмъ тѣмъ главный военный судъ не могъ оставить безъ вниманія допущенное по настоящему дѣлу прямое нарушеніе закона. На основаніи 1269—1272 ст. Воен.-Суд. Уст., при совершеніи подсудимымъ нѣсколькихъ преступленій, подсудныхъ одному или разнымъ судамъ, постановляется одинъ общій приговоръ по совокупности всѣхъ преступленій, тѣмъ именно судомъ, которому подсудно важнѣйшее преступленіе. Въ настоящемъ случаѣ военно-окружный судъ, имѣя свѣдѣніе, что, независимо отъ указанныхъ въ обвинительномъ актѣ преступленій, о рядовомъ Большатовѣ производится дѣло у мирового судьи по обвиненію его, вмѣстѣ съ лицами гражданскаго вѣдомства, въ общемъ преступленіи и будучи обязанъ, въ силу 1271 ст. Воен.-Суд. Уст., выждать окончаніе этого дѣла, чтобы затѣмъ постановить о Большатовѣ приговоръ по совокупности съ приговоромъ мирового судьи, приступилъ ранѣе сего къ разсмотрѣнію дѣла по обвинительному акту и чрезъ то допустилъ возможность одновременнаго существованія о Большатовѣ двухъ самостоятельныхъ приговоровъ военного суда и мирового судьи, чего законъ не допускаетъ. Посему и руководствуясь 4 ст. Воен.-Суд. Уст., главный военный судъ опредѣляетъ: приговоръ кавказскаго военно-окружнаго суда о рядовомъ Большатовѣ отмѣнить, предписать означенному суду, въ другомъ составѣ присутствія, постановить объ этомъ рядовомъ новый приговоръ по совокупности съ приговоромъ мирового судьи.

12-го сентября, № 99. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло объ исправленіи приговора полковаго суда 37-го пѣхотнаго Екатеринбургскаго полка о молодомъ солдатѣ 87-го пѣхотнаго Нейшотскаго полка Янкелѣ *Урбахъ* (онъ же *Аурбахъ*). Молодой солдатъ *Урбахъ* 3-го января 1891 г. бѣжалъ и, по задержаніи въ Новгородѣ 23-го того же января, былъ отправленъ этапнымъ порядкомъ, но съ пути слѣдованія къ г. Бронницы бѣжалъ отъ конвойныхъ полицейскихъ и задержанъ въ Калишской губерніи, причѣмъ скрывалъ свое имя и званіе до 6-го марта, за что, по распоряженію Лодзинскаго уѣзднаго воинскаго начальника, былъ преданъ полковому суду. Полковой судъ 37-го пѣхотнаго Екатеринбургскаго полка, признавъ подсудимаго *Урбаха* виновнымъ въ томъ, что 3-го января сего года онъ самовольно отлучился отъ команды и находился въ отлучкѣ до 6-го марта, нашель, что таковая отлучка составляетъ первый изъ службы побѣгъ, а потому, въ силу 79 и 131 ст. С. В. П. XXII, приговорилъ молодого солдата *Урбаха* къ одиночному заключенію въ военной тюрьмѣ на одинъ мѣсяць, съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ и съ другими послѣдствіями, въ 52 ст. XXII указанными, и съ замѣною сего, на случай надобности, арестомъ на хлѣбъ и водѣ въ теченіе двухъ недѣль, съ увеличеніемъ обязательнаго пребыванія въ разрядѣ штрафованныхъ до трехъ мѣсяцевъ. По утвержденіи сего приговора, военный прокуроръ варшавскаго военно-окружнаго суда усмотрѣлъ, что въ нарушеніе 134 ст. С. В. П. XXII, *Урбахъ* признанъ виновнымъ только въ первомъ побѣгѣ, тогда какъ имъ совершенно два побѣга и слѣдовательно онъ долженъ подлежать наказанію по 2 ч. 131 ст. XXII. Вслѣдствіе сего военное начальство вошло съ ходатайствомъ объ исправленіи приговора. Собразивъ представленіе военнаго начальства съ законами и выслушавъ за-

ключеніе исправляющаго должность главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находить, что изъ подлиннаго дѣла полковаго суда о молодомъ солдатѣ Урбахѣ дѣйствительно усматривается, что въ теченіе того времени, которое по приговору полковаго суда приурочено къ побѣгу Урбаха изъ службы, подсудимый совершилъ два таковыхъ побѣга, въ виду чего и согласно 134 ст. С. В. П. XXII, подлежалъ сужденію и наказанію, не по первой, а по второй части 131 ст. С. В. П. XXII. Принимая же во вниманіе, что увеличеніе подсудимому наказанія въ настоящее время не согласовалось бы со смысломъ 700 — 702 ст. В.-С. У., главный военный судъ опредѣляетъ: приговоръ полковаго суда о молодомъ солдатѣ Урбахѣ (онъ же Аурбахъ) оставить въ силѣ.

19-го сентября, № 100. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло по протесту помощника военнаго прокурора на приговоръ варшавскаго военно-окружнаго суда о сверхсрочно-служащемъ старшемъ унтеръ-офицерѣ 8-го пѣхотнаго Эстляндскаго полка Гарифуллѣ *Серазетдиновѣ* (по выпискѣ изъ алфавита Сиразетдиновъ). Изъ дѣла видно, что означенный судъ призналъ подсудимаго унтеръ-офицера Серазетдинова виновнымъ въ томъ: 1) что, будучи начальникомъ караула на заднемъ редантѣ у арестованныхъ, вслѣдствіе невнимательности къ службѣ, выпустилъ изъ карцера, безъ конвоя, арестованнаго въ дисциплинарномъ порядкѣ унтеръ-офицера Бушкова за естественною надобностію, но при этомъ дозволялъ ему отойти отъ карцера всего на два шага, такъ что Бушковъ, все время, пока мочился, находился въ виду часоваго и нижнихъ чиновъ караула, причемъ и онъ, Серазетдиновъ, самъ наблюдалъ за Бушковымъ, и 2) что тогда же дозволилъ унтеръ-офицеру Бушкову зайти напиться воды въ палатку караульныхъ нижнихъ чиновъ, гдѣ Бушковъ и пробылъ не болѣе двухъ минутъ. Находя, что оба дѣянія подходятъ подъ дѣйствіе 153 ст. С. В. П. XXII, предусматривающей несоблюденіе общихъ правилъ караульной службы, судъ, въ виду чисто-сердечнаго съ раскаяніемъ признанія подсудимаго и его безпорочной службы въ теченіе болѣе четырехъ лѣтъ, приговорилъ подсудимаго сверхсрочно-служащаго старшаго унтеръ-офицера Серазетдинова къ простому аресту на одинъ мѣсяць. Предсѣдательствовавшій по дѣлу полковникъ Рике остался при особомъ мнѣніи, полагая, что второе дѣяніе Серазетдинова ближе подходитъ подъ дѣйствіе 154 ст. С. В. П. XXII. На приговоръ суда помощникъ военнаго прокурора подполковникъ Руденко представилъ протестъ, въ которомъ объясняетъ, что къ обоимъ дѣяніямъ подсудимаго Серазетдинова слѣдовало примѣнить 154, а не 153 ст. XXII кн. По соображеніи протеста съ приговоромъ суда и законами и по выслушаніи заключенія исправляющаго должность главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находить, что: 1) по силѣ § 471 устава о внутренней службѣ въ пѣхотныхъ войскахъ, содержащіеся подъ арестомъ нижніе чины выпускаются въ отхожее мѣсто по одиночкѣ при двухъ конвойныхъ съ ружьями; наблюденіе за исполненіемъ этого требованія устава, по точному смыслу §§ 453—478, возложено на начальника караула. Посему въ виновности подсудимаго унтеръ-офицера Саразетдинова, заключающейся въ томъ, что, въ бытность начальникомъ караула у арестованныхъ въ лагерѣ на заднемъ редантѣ, онъ, вслѣдствіе невнимательности къ службѣ, выпустилъ изъ карцера безъ конвоя арестованнаго въ дисциплинарномъ порядкѣ унтеръ-офицера Бушкова

за естественной надобностью, причемъ дозволилъ ему отойти отъ карцера на два шага, такъ что Бушковъ, пока мочился, былъ въ виду часового, караульныхъ нижнихъ чиновъ и подъ наблюдениемъ самого Серазетдинова, — заключаются всѣ признаки нарушенія особыхъ обязанностей караульной службы, такъ какъ подсудимымъ нарушено прямое требованіе § 471 устава о внутренней службѣ. Засимъ то обстоятельство, что означенное нарушеніе допущено по отношенію къ содержащемуся подъ арестомъ въ дисциплинарномъ порядкѣ, по силѣ циркуляра главнаго штаба 1869 г. № 88 и рѣшенія главнаго военнаго суда 1890 г. № 127, нисколько не измѣняетъ ответственности подсудимаго, такъ какъ и арестованные дисциплинарно признаются арестантами и въ отношеніи охраны ихъ должны быть соблюдаемы всѣ правила караульной службы. Что же касается другихъ обстоятельствъ, установленныхъ судомъ, что унтеръ-офицеръ Бушковъ былъ выпущенъ изъ карцера на недалекое разстояніе и былъ на глазахъ у часового и самого начальника караула, но тѣмъ не менѣе не охранялся конвойными съ ружьями, вопреки требованія § 471, то обстоятельства эти, не измѣняя существа преступленія, могли вліять лишь на мѣру наказанія. Наконецъ, установленная судомъ невнимательность унтеръ-офицера Серазетдинова къ службѣ только въ такомъ случаѣ могла вліять на ответственность его по 153 ст. С. В. П. XXII, если бы имъ были соблюдены всѣ предписанныя закономъ правила для охраны арестантовъ; между тѣмъ, въ данномъ случаѣ, нарушено правило, указанное въ § 471 устава о внутренней службѣ въ пѣхотныхъ войскахъ. Такимъ образомъ протестъ помощника военнаго прокурора по сему предмету оказывается правильнымъ. 2) Равнымъ образомъ правильно указаніе въ протестѣ, что и ко второму пункту виновности унтеръ-офицера Серазетдинова, заключающейся въ томъ, что онъ позволялъ арестанту унтеръ-офицеру Бушкову зайти въ палатку караульныхъ нижнихъ чиновъ напиться воды и пребыть тамъ не болѣе двухъ минутъ, слѣдуетъ примѣнить 154, а не 153 ст. С. В. П. XXII, такъ какъ дозволеніе это было сдѣлано караульнымъ начальникомъ Серазетдиновымъ, вопреки точнаго указанія, изложеннаго въ § 459 устава о внутренней службѣ въ пѣхотныхъ войскахъ—о воспрещеніи арестантамъ имѣть какія либо сношенія не только съ посторонними лицами, но и съ караульными. По изложеннымъ основаніямъ главный военный судъ опредѣляетъ: приговоръ варшавскаго военно-окружнаго суда о сверхсрочно-служащемъ старшемъ унтеръ-офицерѣ Серазетдиновѣ (онъ же Сиразетдиновѣ) отмѣнить, предоставивъ тому же суду постановить о названномъ подсудимомъ новый приговоръ въ другомъ составѣ присутствія.

19-го сентября, № 101-й. По указу Его Императорскаго Величества, главный военный судъ слушалъ: дѣло по касационной жалобѣ подсудимаго рядоваго 50-го пѣхотнаго Бѣлостокскаго полка Осипа Чупруна на состоявшейся о немъ и ефрейторѣ того же полка Громчаковѣ приговорѣ временнаго военнаго суда въ г. Севастополѣ. Означенный судъ призналъ подсудимаго Чупруна виновнымъ въ томъ, что, выдавая себя за патрульнаго, каковымъ на самомъ дѣлѣ не былъ, задержалъ рядовыхъ Штембока и Клевота, у которыхъ не оказалось билетовъ, и, подъ угрозою представить ихъ дежурному по полку, вынудилъ Штембока отдать ему, Чупруну, свой мундиръ, послѣ чего отпустилъ задержанныхъ, оставивъ мундиръ Штембока себѣ. Отнеся дѣяніе это подъ мошенничество, для учиненія коего подсуди-

мый присвоилъ себѣ не принадлежащее ему званіе, т. е. преступленіе, предусмотрѣнное 1668 ст. улож. о наказ., судъ постановилъ: 1) подсудимаго Чупруна, по лишеніи всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію ему присвоенныхъ и службою приобретенныхъ правъ и преимуществъ, воинскаго званія, исключить изъ службы и отдать въ арестантское отдѣленіе на одинъ годъ, съ замѣною этого наказанія, при невозможности приведенія такового въ исполненіе, заключеніемъ въ тюрьму на тотъ же срокъ, съ употребленіемъ на самыя тяжкія работы и съ послѣдствіями, указанными въ 43, 45, 46 и 48 ст. улож. о наказ.; 2) вещественное по дѣлу доказательство, мундиръ, возвратить, по вступленіи приговора въ законную силу, потерпѣвшему Штембоку, и 3) по обвиненію Громчакова и Чупруна въ вымогательствѣ считать по суду оправданными. На этотъ приговоръ подсудимый Чупрунъ принесъ кассационную жалобу, въ которой объясняетъ, что подъ мошенничествомъ разумѣется приобретеніе имущества посредствомъ обмана, причемъ обманъ долженъ быть такого рода, что владѣлецъ, считая похитителя имѣющимъ право на полученіе вещи, передаетъ ему имущество добровольно; при этомъ переданное имущество должно принадлежать потерпѣвшему, а самая сдѣлка должна быть такова, чтобы не влекла за собой отвѣтственности потерпѣвшаго. Кромѣ того, не всякій обманъ считается средствомъ для приобретенія имущества, а лишь такой, противъ котораго потерпѣвшій не могъ оградить себя обыкновенными мѣрами житейской предусмотрительности. Между тѣмъ, передача ему мундира Штембокомъ совершена не добровольно, а вслѣдствіе угрозы представить его дежурному по полку; засимъ, переданный ему мундиръ былъ казенный, а не Штембока, и послѣдній, передавая его, не могъ не знать, что онъ совершаетъ преступленіе, и, наконецъ, обманъ, употребленный имъ для похищенія мундира, никакъ не могъ ввести въ заблужденіе Штембока, что онъ имѣлъ, въ качествѣ патрульнаго, право на его мундиръ, такъ какъ Штембокъ не могъ не знать, что патрульные на имущество задержанныхъ нижнихъ чиновъ правъ никакихъ не имѣютъ. Вслѣдствіе сего въ дѣяніи его нѣтъ состава мошенничества. Посему подсудимый просить объ отмѣнѣ приговора. Сообразивъ эту жалобу подсудимаго рядоваго Чупруна съ приговоромъ суда и законами и выслушавъ заключеніе исправляющаго должность главнаго военнаго прокурора, главный военный судъ находить, что, согласно рѣшенію уголовного кассационнаго департамента правительствующаго сената 1871 г. № 91, полученіе денегъ вслѣдствіе угрозы донести о преступленіи, совершенномъ даннымъ лицомъ, если при томъ лицо, угрожающее, не имѣло права возбудить преслѣдованія, подходитъ подъ обманное похищеніе чужаго имущества. Въ виду сего временный военный судъ, признавъ подсудимаго Чупруна виновнымъ въ томъ, что, выдавая себя за патрульнаго, каковымъ на самомъ дѣлѣ не былъ, задержалъ рядовыхъ Штембока и Клекота, у которыхъ не оказалось билетовъ, и, подъ угрозою представить задержанныхъ дежурному по полку, вынудилъ Штембока отдать ему, Чупруну, свой мундиръ, послѣ чего отпустилъ задержанныхъ, оставивъ мундиръ Штембока себѣ, правильно подвелъ означенное дѣяніе подъ одинъ изъ видовъ мошенничества и именно того квалифицированнаго мошенничества, въ которомъ обманъ состоитъ въ присвоеніи себѣ виновнымъ служебнаго положенія и права, дѣлающаго его угрозу особенно дѣйствительною для потерпѣвшихъ, и которое предусмотрѣно 1668 ст. улож. о наказ. Засимъ, хотя мундиръ, отобранный подсудимымъ у рядоваго Штембока, былъ казенный, но это

обстоятельство не видоизмѣняетъ свойства преступленія, такъ какъ, согласно разъясненію уголовнаго касационнаго департамента правительствующаго сената въ рѣшеніи 1871 г. № 1406, для понятія мошенничества вовсе не требуется, чтобы обманъ, послужившій для завладѣнія вещью, былъ направленъ именно противъ законнаго владѣльца вещи. Такое положеніе подтверждается и рѣшеніемъ главнаго военнаго суда 1884 г. № 145, въ которомъ разобранъ аналогичный случай мошенничества, объектомъ котораго была сумма денегъ, принадлежавшая не обманутому лицу, а казнѣ. На основаніи изложеннаго главный военный судъ опредѣляетъ: приговоръ временнаго военнаго суда въ г. Севастополѣ о подсудимомъ рядовомъ Чупрунѣ оставить въ своей силѣ, а касационную жалобу подсудимаго безъ уваженія.

ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ ВЪ ГЕРМАНСКОЙ, АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ АРМІЯХЪ.

Общій порядокъ продовольствія германскихъ войскъ въ мирное и въ военное время.—Вопросъ о хлѣбпеченіи.—Изготовленіе горячей пищи.—Недостаточность австрійской суточной дачи военнаго времени.—Увеличеніе запаса консервовъ.—Заблаговременная подготовка продовольственнаго базиса во Франціи.—Крѣпостные продовольственные запасы для гражданскаго населенія.

Въ западно-европейскихъ арміяхъ прочно установился выработанный продолжительнымъ опытомъ порядокъ продовольствія войскъ въ мирное время. Если, въ общемъ, порядокъ этотъ, имѣющій въ каждой арміи свои особенности, признается удовлетворяющимъ основнымъ требованіямъ, то нельзя сказать, чтобы подробности его не вызвали въ близко стоящихъ къ этому дѣлу лицахъ желанія улучшеній, перемѣнъ. Продовольственные вопросы мирнаго времени, по большей части, однако, вопросы подробностей, мелочей и большинство изъ нихъ настолько тѣсно связано съ общимъ бытомъ войскъ, что ихъ невозможно выдѣлить изъ группы другихъ вопросовъ. Совершенно иной характеръ носятъ продовольственные вопросы военнаго времени. Снабженіе полевыхъ войскъ во время кампаніи нигдѣ не можетъ считаться вполне регулируемымъ. Многія части этой сложной задачи еще нуждаются въ разработкѣ. Въ области продовольствія въ военное время много открытых, не рѣшенныхъ вопросовъ.

Нижніе чины *германской арміи* получаютъ въ день по 750 граммовъ хлѣба и, въ среднемъ, по 27 пфениговъ приварочныхъ денегъ, Хлѣбъ до сихъ поръ выдавался ржаной, готовый, четырехдневными порціями. Размѣръ приварочныхъ денегъ назначается съ такимъ

разчетомъ, чтобы люди получали обыкновенную суточную дачу: 150 грам. говядины, 90 грам. риса (или 120 грам. крупы, 230 грам. гороха, 1,500 грам. картофеля) и 25 грам. соли. Хозяйство по приварочному довольствію общее для баталіона въ пѣхотѣ, полка въ кавалеріи, отдѣленія въ артилеріи. Продовольствіемъ завѣдываетъ особая хозяйственная комисія. Съѣстные припасы доставляются преимущественно подрядчиками. Для варки пищи назначается необходимое число нижнихъ чиновъ подъ присмотромъ особаго унтеръ-офицера. Пища дается три раза въ день: на завтракъ—супъ или молочный кофе; на обѣдъ—супъ (или горохъ, бобы, чечевица, рисовая каша, картофель) и 150 граммовъ говядины; на ужинъ—супъ или каша.

Въ военное время суточная дача состоитъ изъ порціи хлѣба въ 750 грам., или 500 грам. сухарей и порціи приварочныхъ припасовъ: 375 грам. свѣжаго мяса или солонины, или 200 грам. копченаго мяса, баранины, свинины, говяжей колбасы, копченой колбасы, сала и мясныхъ консервовъ; 125 грам. риса, крупы перловой или гречневой, или 250 грам. гороха, или 1,500 грам. картофеля, или 150 грам. растительныхъ консервовъ; 25 грам. жаренаго кофе, или 3 грам. чаю съ 17 грам. сахара, и 25 грам. соли. Если обстоятельства позволятъ, то выдаются также спиртные напитки и табакъ.

Согласно «Устава полевой службы», продовольствіе людей и лошадей въ военное время можетъ быть обезпечено довольствіемъ отъ домохозяевъ, изъ магазиновъ, изъ возимыхъ за войсками запасовъ, или при помощи реквизицій. Первый способъ примѣнимъ лишь при расположеніи войскъ по бытательскимъ квартирамъ. Непосредственное довольствіе изъ магазиновъ можетъ происходить лишь во время пріостановки военныхъ дѣйствій; во всѣхъ другихъ случаяхъ магазины служатъ для пополненія возимыхъ за войсками запасовъ. Подвижные запасы опредѣлены въ слѣдующемъ размѣрѣ: на людяхъ—на три дня (въ кавалеріи на одинъ день); въ полковомъ обозѣ—на одинъ день (чаю на три дня); въ корпусномъ обозѣ—на четыре дня и въ провіантскомъ транспортѣ—на шесть дней; всего на 14 дней.

Таковы основныя положенія, регулирующія порядокъ продовольствія германскихъ войскъ въ мирное и въ военное время. Первый изъ продовольственныхъ вопросовъ, занимающихъ въ настоящее время германскія военныя сферы состоитъ въ томъ, что принятый до сихъ поръ порядокъ довольствія войскъ хлѣбомъ нѣсколько измѣненъ, въ слѣдствіе значительнаго вздорожанія ржи на

мѣстныхъ рынкахъ. Взамѣнъ ржаного хлѣба, войска получаютъ теперь хлѣбъ, изготовленный изъ смѣси ржаной и пшеничной муки пополамъ. Такъ какъ мѣра эта не вызвала особыхъ расходовъ, потому что цѣны ржи почти сравнялись съ цѣнами пшеницы, то она могла быть выполнена въ силу простаго распоряженія по военному вѣдомству. Хлѣбъ выдается двухдневными порціями, вмѣсто четырехдневныхъ, какъ практиковалось до сихъ поръ; онъ очень вкусенъ и вовсе не имѣетъ той кислоты, которая присуща ржаному хлѣбу. По словамъ мѣстныхъ военныхъ газетъ, еще въ началѣ 70-хъ годовъ была сдѣлана попытка замѣнить въ войскахъ ржаной хлѣбъ другимъ сортомъ хлѣба и были испытаны смѣшанные сорта хлѣба изъ ржаной и пшеничной муки. Войска дали единогласно благопріятные отзывы объ испытываемыхъ сортахъ, но при всемъ томъ ржаной хлѣбъ остался на довольствіи войскъ. Въ то время, слѣдовательно, вопросъ разсматривался принципиально, между тѣмъ какъ теперь онъ разрѣшенъ подъ вліяніемъ необходимости. Мѣстная военная печать полагаетъ, что и въ настоящее время слѣдовало бы дать вопросу принципиальное значеніе, а не ставить его въ связь съ рыночными цѣнами на рожь. Германія, говорятъ военныя газеты, не производитъ ни ржи, ни пшеницы въ количествѣ, достаточномъ для прокормленія населенія; даже оба хлѣба вмѣстѣ не покрываютъ потребности. Но, если привозный хлѣбъ безусловно необходимъ для Германіи, то слѣдуетъ, по возможности, ограничить размѣръ этой необходимости, вводя въ повсемѣстное употребленіе пшеничный хлѣбъ. На сѣверѣ и востокѣ Германіи населеніе потребляетъ исключительно ржаной хлѣбъ, а на западѣ и югѣ—пшеничный, хотя въ Вестфалии и на Рейнѣ многіе отдають предпочтеніе ржаному хлѣбу. Переходъ отъ нынѣшняго способа довольствія хлѣбомъ къ новому можетъ быть выполненъ двоякимъ путемъ: можно отпускать ржаной хлѣбъ съ добавкою пшеничнаго, какъ это уже практикуется въ Германіи, или же можно изготовлять смѣшанный ржано-пшеничный хлѣбъ. Газеты высказываются въ пользу послѣдняго способа, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что весьма многіе изъ новобранцевъ, не привыкшихъ съ малолѣтства къ ржаному хлѣбу, не переносятъ казеннаго хлѣба. Такимъ образомъ, по мнѣнію военныхъ газетъ, вздорожаніе ржи въ Германіи можетъ до нѣкоторой степени облегчить военному управленію переходъ къ улучшенному продовольствію нижнихъ чиновъ. Когда цѣны на рожь сдѣлаются нормальными, то будетъ уже пріобрѣтена извѣстная привычка къ смѣшанному хлѣбу и министерству легче будетъ отстоять въ законода-

тельныхъ учрежденіяхъ существующій фактъ, убѣдивъ народныхъ представителей въ необходимости увеличить соотвѣтственно интендантскую смѣту.

Если снабженіе войскъ хлѣбомъ имѣетъ первостепенное значеніе въ мирное время, то еще болѣе оно важно въ военное время, когда хлѣбъ, въ свѣжемъ видѣ, или въ видѣ сухарей, составляетъ нерѣдко единственный продовольственный продуктъ полевыхъ войскъ. По этому вопросу германскій уставъ полевой службы говоритъ, что изъ всѣхъ съѣстныхъ припасовъ хлѣбъ представляетъ важнѣйшій продуктъ, но въ то же время заготовленіе хлѣба сопряжено сравнительно съ наибольшими трудностями, такъ какъ обыкновенно у жителей можно найти лишь дневную его потребность, а печеніе хлѣба всегда требуетъ извѣстнаго времени. Существенный интересъ представляетъ, вслѣдствіе этого, напечатанная въ «*Militär-Wochenblatt*» статья «*Die Brotverpflegung im Kriege*», въ которой авторъ, указавъ на постоянную заботливость всѣхъ выдающихся полководцевъ о продовольствіи войскъ въ военное время, настаиваетъ на трудностяхъ разрѣшенія этой задачи при современныхъ условіяхъ и обращаетъ вниманіе на одинъ способъ хлѣбопеченія въ полѣ, испытанный французскими войсками и давшій хорошіе результаты. Оцѣнивая вліяніе новѣйшихъ факторовъ военнаго искусства на вопросъ о продовольствіи войскъ во время кампаніи, авторъ говоритъ, что рельсовые пути во всѣхъ отношеніяхъ способствуютъ снабженію продовольствіемъ современныхъ массовыхъ армій во время ихъ сосредоточенія. Но на этого рода перевозочныя средства въ иныхъ случаяхъ можно разсчитывать лишь въ незначительной степени, или даже совсѣмъ нельзя основывать на нихъ разсчетовъ. Доставлять легко портящійся хлѣбъ войскамъ, въ большинствѣ случаевъ, окажется невозможнымъ. Въ 1866 году прусскія войска не получали хлѣба ни въ день Кенигсгрецкаго сраженія, ни нѣсколько дней подъ рядъ послѣ этой битвы. Точно также, въ первое время по обложеніи Меца нельзя было доставлять хлѣбъ на участки линіи обложенія, удаленные отъ конечныхъ станцій. Перерывъ въ снабженіи хлѣбомъ случался и при движеніи къ Седану и во время сосредоточенія 3-й и мааской армій. Вслѣдствіи массы раздробились, а средства страны оказались весьма значительными. Авторъ по личному опыту могъ судить о послѣднемъ обстоятельствѣ и приводитъ примѣры настоящаго изобилія мѣстныхъ средствъ, причемъ войска не имѣли недостатка не только въ продуктахъ, но и въ хлѣ-

бопекарняхъ. Существенную помощь оказывали также брошенные непріателемъ сухарные запасы.

Къ участію въ будущей войнѣ, продолжаетъ авторъ, привлекутся болѣе значительныя силы, чѣмъ арміи 1870—1871 гг.; театромъ военныхъ дѣйствій можетъ быть не столь богатая страна, какъ Франція. Если даже при войскахъ и будутъ необходимыя полевыя пекарни, то все-таки нельзя отпускать на довольствіе войскъ свѣже испеченный черный хлѣбъ, такъ какъ въ такомъ видѣ онъ очень вреденъ. Въ провіантскихъ повозкахъ положено возить только однодневную дачу хлѣба. Вести въ войсковомъ обозѣ, вмѣстѣ съ парной говядиной, также еще не остывшій хлѣбъ, значило бы слишкомъ увеличивать размѣръ продовольственнаго обоза. Когда цѣлому армейскому корпусу придется двигаться по одной дорогѣ и вблизи непріателя, то объ увеличеніи обозовъ нечего и думать. Подвижныя пекарни, давшія на опытахъ хорошіе результаты, окажутся ненужными, если нельзя будетъ своевременно доставить войскамъ выпеченный хлѣбъ. Возможно также, что перевозка полевыхъ пекаренъ задержится дурными дорогами, и что по другимъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ онѣ отдѣлятся отъ войскъ. На эти исключительныя случаи хотя имѣется на людяхъ неприкосновенный запасъ, но и при самомъ строгомъ контролѣ нельзя быть увѣреннымъ, что запасъ этотъ будетъ находиться на лицо, когда въ немъ окажется настоятельная надобность; наконецъ, размѣръ неприкосновеннаго запаса ограниченъ въ пѣхотѣ и артилеріи тремя порціями, а въ кавалеріи даже одной. Благодаря успѣхамъ, достигнутымъ съ 1870 г. въ изготовленіи консервовъ, неприкосновенный запасъ на людяхъ сталъ болѣе питательнымъ и удобнѣе переносимымъ. Въ особенности удачна замѣна ржаныхъ, легко крошившихся, сухарей пшеничными галетами, удобными по своей формѣ для переноски въ ранцахъ, хотя контроль надъ запасами сталъ труднѣе. Слѣдуетъ упомянуть также, что, несмотря на уменьшеніе вѣса консервовъ и сухарей, они содержатъ прежнее количество питательныхъ веществъ; при всемъ томъ, при употребленіи ихъ, малый объемъ продуктовъ не наполняетъ желудка и человекъ не испытываетъ, поэтому, чувства насыщенія. Вообще, практика вовсе не подтверждаетъ въ этомъ дѣлѣ теорію. Привычка къ извѣстному достатку играетъ здѣсь большую роль. Стоитъ только вспомнить китайцевъ, довольствующихся однимъ рисомъ, и обитателей Массовы, въ Африкѣ, которые берутъ съ собой исключительно мясо. Если этихъ послѣднихъ сразу перевести на довольствіе рисомъ, питаюсь которымъ сильныя кули

исполняютъ тяжелыя работы, то они будутъ голодать. Извѣстно, далѣе, что привыкшіе къ бѣлому хлѣбу плѣнные французы не могли переносить германскаго солдатскаго хлѣба. Существенное значеніе для питанія имѣеть, равнымъ образомъ, форма, въ которой пища поступаетъ въ желудокъ. Питательныя составныя части сухарей, хлѣба и супа однѣ и тѣ же, но удобоваримость этихъ пищевыхъ продуктовъ различна.

Основываясь на всемъ сказанномъ, авторъ заключаетъ, что принятая до сихъ поръ германскимъ военнымъ управленіемъ мѣры къ обезпеченію продовольствія войскъ въ военное время могутъ оказаться, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, недостаточными и что, поэтому, желательно было бы дополнить эти мѣропріятія. По мнѣнію автора, практика нѣкоторыхъ французскихъ генераловъ во время ихъ многочисленныхъ походовъ можетъ дать весьма полезныя по этому предмету указанія. Одинъ изъ названныхъ генераловъ даетъ такой совѣтъ: «если есть мука, попытайся спечь хлѣбъ. Если это не удастся, то сдѣлай тѣсто, прибавивъ къ мукѣ соли и воды, или спеки изъ него въ золѣ лепешки, или свари его въ водѣ». Испытавъ этотъ совѣтъ, авторъ получилъ слѣдующіе результаты. Выпеченныя въ золѣ лепешки были хотя удобоваримы, но невкусны, такъ какъ на нихъ оставалась зола. Тѣ же самыя лепешки, спеченныя на крышкахъ положенной въ войскахъ кухонной посуды, были чисты и вслѣдствіе этого болѣе вкусны. Лепешки оказались въ полномъ смыслѣ слова отличными, когда дно крышки предварительно смазывали жиромъ, а тѣсто замѣшивали жидко. Слегка подрумяненные, лепешки имѣли аппетитный видъ и, по мнѣнію автора, вполне удобоваримы какъ въ мягкомъ, такъ и въ твердомъ состояніи, такъ что могутъ замѣнять и хлѣбъ, и сухари. Жиръ для смазки брали изъ мясныхъ консервовъ, отпускаемыхъ войскамъ въ походъ. Авторъ полагаетъ, что полученные имъ результаты заслуживаютъ вниманія. Опытъ сразу удался ему и поэтому процессъ изготовленія лепешекъ легко можетъ быть усвоенъ солдатами. Практика можетъ дать и другія полезныя указанія. Авторъ считаетъ необходимымъ, чтобы на маневрахъ, войска, при расположеніи бивакомъ, получали не хлѣбъ, а муку, которую сами и выпекали бы. Дѣло идетъ, въ данномъ случаѣ, не только о томъ, чтобы выучить людей печь лепешки, но чтобы люди заблаговременно знакомились съ обстановкой военнаго времени, на сколько это возможно. Дѣйствительность представить такъ много новаго, способнаго удручить молодыхъ солдатъ, что нельзя терять ни одного случая подготовить его въ этомъ на-

правленіи. Въ заключеніе авторъ касается вопроса о перемолѣ зерна въ муку, при посредствѣ войсковыхъ подвижныхъ мельницъ.

Въ другой статьѣ той же газеты разсматривается вопросъ о приготовленіи горячей пищи въ военное время. Дѣло въ томъ, что какъ бы не была велика заботливость высшаго военнаго управленія относительно снабженія войскъ продовольственными припасами, цѣль останется недостигнутой, если войска не воспользуются всѣми питательными веществами, заключающимися въ этихъ продуктахъ. Мало имѣть, слѣдовательно, съѣстные припасы, надо умѣть изготовить изъ нихъ удобоваримыя, питательныя, вкусныя и разнообразныя кушанья. Практикуемый въ германской арміи порядокъ варки пищи не удовлетворяетъ, по увѣренію автора статьи, ни въ какомъ отношеніи указаннымъ требованіямъ. Какъ только устроены очаги и привезены съѣстные припасы, говоритъ авторъ, каждый продирается къ огню и старается захватить хотя самое, маленькое мѣстечко. За порядкомъ въ это время никто не слѣдитъ. Каждый варитъ самъ себѣ горячую пищу и испытываетъ при этомъ всевозможныя неудобства. Никто не знаетъ, какъ собственно слѣдуетъ готовить пищу. Дома солдатъ, самое большее, если научился варить картофель; на службѣ онъ, обыкновенно, ничему въ этомъ отношеніи не научается, и если на маневрахъ ему приходится иногда самому готовить горячую пищу, то онъ поступаетъ при этомъ вполнѣ первобытнымъ способомъ и у него никогда не хватаетъ терпѣнія дождаться, чтобы супъ сварился какъ слѣдуетъ. Онъ ѣстъ не сварившуюся говядину, а если, вмѣсто картофеля, ему выдадутъ рисъ или крупу, то онъ просто не знаетъ, что съ ними дѣлать. Между тѣмъ, въ походѣ, солдатъ готовить пищу также, какъ онъ привыкъ дѣлать это на маневрахъ, даже хуже, потому что онъ больше устаетъ. Въ военное время у солдата нѣтъ подъ рукой маркитанта, у котораго на маневрахъ онъ обыкновенно покупаетъ и завтракъ, и ужинъ. Голодный доходить онъ до слѣдующаго бивака, гдѣ то же не наѣдается до-сыта. Офицеры, при всемъ желаніи мало могутъ помочь солдатамъ, потому что сами не знаютъ, какъ слѣдуетъ готовить пищу. Въ результатъ, при усиленной работѣ и недостаточномъ питаніи, солдаты быстро слабѣютъ, появляются эпидеміи, которыя уносятъ болѣе жертвъ, чѣмъ непріятельскій огонь.

Авторъ личнымъ опытомъ въ кампанію 1866 г. убѣдился, насколько необходимо солдатамъ умѣть самимъ готовить пищу. Отрядъ, въ составъ котораго находился авторъ, двигался по богатой странѣ, мало пострадавшей отъ войны, находилъ столько бойнаго скота,

сколько ему было нужно, и въ изобиліи муки и зерноваго хлѣба. По счастливому случаю, баталіонъ, въ которомъ служилъ авторъ, захватилъ вскорѣ по вступленіи въ Богемію двѣ повозки, въ которыхъ и везъ битое мясо и хлѣбъ, выпекаемый ночью въ хлѣбопекарныхъ печахъ ближайшихъ деревень. Тѣмъ не менѣе, продовольствіе баталіона было весьма неудовлетворительно, такъ какъ горячая пища готовилась плохо. Послѣдствія дурнаго питанія не замедлили обнаружиться. Спустя недѣлю всѣ почти заболѣли діареей. Съ каждымъ днемъ люди теряли силы и даже, когда, наконецъ, расположились на квартирахъ и стали получать хорошую пищу, то и она была имъ не впрокъ. Холера быстро развивалась среди отряда. 2-го августа, рота, которой командовалъ авторъ, выступивъ изъ деревни, куда она пришла лишь наканунѣ, оставила 13 человекъ больныхъ холерой.

Основной выводъ, дѣлаемый авторомъ изъ изложенныхъ фактовъ, тотъ, что солдатъ необходимо учить въ мирное время приготовленію горячей пищи. Тактическія упражненія мирнаго времени, говоритъ онъ, никогда не будутъ походить на дѣйствительный бой. Варка пищи, напротивъ, можетъ производиться вполне при той же обстановкѣ, какая случается въ военное время, и этому можно вполне научиться заблаговременно. Обученіе слѣдуетъ распространить и на офицеровъ, которые должны быть знакомы съ дѣломъ и теоритически, и на практикѣ, такъ, чтобы они могли всегда помочь солдатамъ.

Обыкновенно, когда разбирается вопросъ о продовольствіи войскъ въ военное время, то желаемымъ ставится, чтобы люди получали никакъ не менѣе того, что полагается имъ въ мирное время, а, по возможности, даже и болѣе. Невозможность достигнуть этой цѣли, особенно, когда театромъ военныхъ дѣйствій будетъ бѣдная страна, вызвала оригинальное предложеніе: сократить отпускъ мирнаго времени и постепенно пріучить людей къ воздержанію, чтобы они безъ потери силъ могли переносить лишенія военнаго времени. Мысль эта была высказана дармштадтской «Allgemeine Militär-Zeitung». Газета припоминаетъ опытъ продовольствія людей сухарями и консервами, произведенный нѣкоторое время тому назадъ въ войскахъ вюрцбургскаго и мюнхенскаго гарнизоновъ, съ цѣлью опредѣленія, какъ люди будутъ переносить нормальное продовольствіе военнаго времени. Для опыта было назначено по 50 человекъ, которыхъ помѣстили въ особыхъ залахъ мѣстныхъ казармъ и въ теченіе 13-ти дней заставляли заниматься по девяти часовъ въ день полевыми упражненіями и строго слѣдили, чтобы они продоволь-

стывались только тѣмъ, что имъ отпускалось отъ казны. Въ первый день опыта люди получили: на завтракъ: 10 граммъ пресованнаго кофе и 1½ плитки испытываемыхъ сухарей, болѣе питательныхъ, чѣмъ обыкновенные; на обѣдъ: порцію мясорастительныхъ консервовъ, плитку сухарей и 10 граммовъ кофе; на ужинъ: 1½ плитки сухарей. На второй день отпускъ былъ тотъ же, а на третій день выдавалась дача военного времени, именно: 750 граммовъ хлѣба, 375 граммовъ мяса, 1,500 граммовъ картофеля, 25 граммовъ кофе, 25 граммовъ соли, табакъ и ½ литра краснаго вина. Въ такомъ порядкѣ шло продовольствіе въ теченіе всѣхъ 13-ти дней. Цѣль опыта состояла въ томъ, чтобы опредѣлить: могутъ ли люди переносить тяжелую службу военного времени при непривычной для нихъ, или невкусной, пищи. Результатъ опыта былъ неудовлетворителенъ. Изъ Вюрцбурга, на примѣръ, сообщали, что люди слабѣли и теряли въ вѣсѣ, а четверыхъ пришлось даже отправить въ лазаретъ. Фактъ этотъ послужилъ для газеты аргументомъ въ доказательство необходимости «тренировки» людей въ продовольственномъ отношеніи и она возводитъ «воздержаніе» въ пищѣ въ число военныхъ доблестей, которыя обязательно должны быть развиваемы въ мирное время.

Предложеніе газеты не встрѣтило сочувствіе въ мѣстной военной печати, что совершенно понятно, но, развивая его, «Allgemeine Militär-Zeitung» привела еще нѣкоторые интересные факты, относящіеся до продовольствія германскихъ войскъ. Было время, писала, между прочимъ, газета, когда нижніе чины получали пищу только разъ въ день. Суточная дача состояла изъ ½ фунта мяса, мучнаго супа и 1½ фунта чернаго хлѣба. Только въ большіе праздники полагался добавочный отпускъ денегъ на улучшеніе пищи. Солдаты должны были сами заботиться о завтракѣ и ужинѣ, и лишь на осеннихъ маневрахъ ихъ кормили по-утрамъ горячей пищей. Въ настоящее время, во многихъ войсковыхъ частяхъ, находящихся въ хорошихъ хозяйственныхъ условіяхъ, продовольствіе не оставляетъ желать ничего лучшаго. Люди получаютъ утромъ кофе, иногда съ молокомъ и бѣлымъ хлѣбомъ, на обѣдъ—супъ, зелень и мясо, на ужинъ—супъ; ко всему этому надо прибавить 500 граммовъ ржанаго хлѣба изъ мелко смелотой муки; по воскресеньямъ и праздникамъ людямъ дается жаркое съ салатомъ, а въ большіе праздники—вино, табакъ и сигары. Получая, по большей части, деньги изъ дома, люди могутъ приобрѣтать въ солдатскихъ буфетахъ кушанья и напитки за дешевую цѣну, что также оказываетъ извѣстное вліяніе на улучшеніе продовольствія. Газета соглашается, что молодой, сильный

человѣкъ, работающій цѣлый день, можетъ съѣсть и болѣе того, что дается германскому солдату, но, сравнивая нынѣшнюю дачу съ прежней, она не находитъ, чтобы улучшение продовольствія было пропорціонально увеличенію работы, такъ какъ и прежде войска работали много. Газета убѣждена, что, когда привыкшіе и на службѣ, и въ частной жизни къ хорошему продовольствію войска пойдутъ въ походъ, то продолжительные марши по дурнымъ дорогамъ и при неблагоприятныхъ климатическихъ условіяхъ, ночи, проведенныя на бивакахъ, и т. д. вмѣстѣ съ скудной, или необычной пищей, окажутъ крайне вредное вліяніе на боевую годность войскъ и процентъ убыли отъ болѣзней будетъ весьма значителенъ.

Въ *Австро-Венгріи* вниманіе мѣстной военной печати обратилось, преимущественно, на недостаточность установленной суточной дачи военного времени. Доказано, говоритъ газета «*Agneebblatt*», что для возстановленія силъ, расходуемыхъ при легкой работѣ, человѣкъ долженъ потреблять въ сутки 118 граммовъ бѣлковины, 50 граммовъ жира и 500 граммовъ растительныхъ веществъ, а для возмѣщенія траты при усиленной работѣ, каковой несомнѣнно является служба военного времени—145 граммовъ бѣлковины, 100 граммовъ жира и 500 граммовъ растительныхъ веществъ. Между тѣмъ, составъ нормальной дачи военного времени и дачи неприкосновеннаго запаса таковъ:

<i>Нормальной дачи:</i>	Бѣлковины.	Жира.	Растительныхъ веществъ.
300 грам. говядины, въ среднемъ.	63	16,5	—
840 » хлѣба изъ $\frac{1}{2}$ пшеничной и $\frac{2}{3}$ ржаной муки . . .	51	4,2	422,5
100 граммовъ риса	11,2	1,4	107,1
36 грам. растительн. консервовъ.	7,3	0,7	18,7
20 » жира	1	15,6	—
20 » сахара къ чаю	—	—	19,9
Всего.	133,5	38,5	568,2
Вмѣсто 300 грам. говядины	63	16,5	—
» 200 » вареныхъ мясныхъ консервовъ	84	6	—
или 400 грам. баранины	68	24	—
» 450 » свинины	90	31,5	—
Вмѣсто 840 » хлѣба	51	4,2	422,5

»	500	»	пшен. сухарей.	44	12	400
»	140	»	риса.	11,2	1,4	107,1
»	140	»	гречн. крупы.	10	1,4	106
или	140	»	манной крупы.	15,2	1,7	100

Неприкосновеннаго запаса:

	200	грам.	мясныхъ консервовъ	84	6	—
	500	грам.	пшен. сухарей.	44	12	400
			Всего.	128	18	400
На замѣну	840	грам.	хлѣба	51	4,2	422,5
»	300	»	говядины	63	16,5	—
или	400	»	риса, крупъ, въ среднемъ.	35,2	4,4	299,2
»	560	»	пшен. муки.	56	5,6	424,5
»	560	»	кукур. мук.	88	21	392
»	1,500	»	картофеля	30	—	310,5
На замѣну	300	»	говядины	63	16,5	—
»	180	»	гороховой муки съ 30 гр. жира	42,5	27	96
На замѣну	140	»	зелени, въ среднемъ	12,1	1,5	104,2
На замѣну	100	»	говядины	21	5,5	—
или	100	»	свинины	20	7	—
»	100	»	баранины	17	6	—

Таблица эта показываетъ, что количество бѣлковины и жировъ абсолютно недостаточно въ нормальной суточной дачи военного времени, равно какъ и въ продуктахъ, которыми можно замѣнять нормальную дачу, и что излишекъ углеводовъ (растительныхъ веществъ) не покрываетъ недостатка жировъ (1 часть жира возмѣщается 2,4 частями углеводовъ). Главной твердой составной частью мускуловъ служить бѣлковина, образующая $\frac{5}{6}$ всего состава твердыхъ мускуловъ. Поэтому, при опредѣленіи состава суточной дачи рѣшающее значеніе имѣетъ то обстоятельство, что необходимая для питанія мускуловъ бѣлковина не можетъ быть замѣнена никакимъ другимъ пищевымъ продуктомъ. Потребляемые въ пищу жиры уменьшаютъ трату бѣлковыхъ веществъ тѣла. Если мясо съѣдается вмѣстѣ съ жиромъ, то можно довольствоваться почти четвертой частью тѣхъ бѣлковыхъ веществъ, которыя были бы необхо-

димы при исключительномъ питаніи однимъ мясомъ, безъ жира. При работѣ человѣкъ въ значительномъ количествѣ расходуетъ жиръ и воду; поэтому работающему усиленно въ военное время солдату необходимо для поддержанія себя въ прежнемъ тѣлѣ гораздо болѣе жира, чѣмъ при обыкновенной работѣ мирнаго времени. Опытъ выяснилъ, что лишній расходъ жира составляетъ 8,2 грама въ часъ, слѣдовательно, при 10-ти-часовомъ движеніи — 82 грама.

Необходимость жировъ для питанія обуславливается также и тѣмъ, что жиры легче перевариваются, чѣмъ потребное для замѣны ихъ количество углеводовъ, что они питательнѣе почти втрое, чѣмъ хлѣбъ и рисъ, и что жиры способствуютъ надлежащему усвоенію бѣлковыхъ и углеводородныхъ веществъ. Чѣмъ человѣкъ худѣе, тѣмъ хуже переноситъ недостатокъ пищи. Фактъ этотъ даетъ газетѣ основаніе высказаться за необходимость увеличенія дачи неприкосновеннаго запаса. Газета относится сочувственно къ мысли изготовлять для неприкосновеннаго запаса мясорастительные консервы, которые, къ тому же, вкуснѣе мясныхъ консервовъ. Напротивъ, сухари съ говядиной, такъ называемые, мясные сухари, оказались неудовлетворительными, судя по результатамъ произведенныхъ надъ ними опытовъ. Пшеничные сухари, принятые въ настоящее время для военного времени, настолько лучше мясныхъ сухарей, что жаль было бы замѣнять ихъ. По мнѣнію газеты, имѣя въ неприкосновенномъ запасѣ пшеничные сухари, мясные и растительные консервы, солдаты могутъ столь же хорошо поддерживать питаніе, какъ и при нормальной суточной дачи военного времени. Кофе въ консервахъ, по словамъ газеты, очень хорошъ и, благодаря большой порціи сахара, можетъ служить питательнымъ продуктомъ. При всемъ томъ, въ походѣ желательно было бы отпускать людямъ исключительно чай и побольше сахара. Чай, говоритъ газета, несравненно лучше освѣжаетъ усталыхъ солдатъ, чѣмъ кофе; выпитый на привалѣ съ сухарями, чай дастъ даже измученнымъ людямъ силы къ дальнѣйшей работѣ. Къ тому же, австро-венгерскіе солдаты любятъ чай и предпочитаютъ его при усталости другимъ пищевымъ продуктамъ.

Изложенныя соображенія газета кладетъ въ основу предлагаемой ею суточной дачи военного времени, какъ нормальной, такъ и образующей неприкосновенный запасъ. Газета утверждаетъ, что въ военномъ министерствѣ вопросъ о продовольствіи войскъ въ военное время подвергнутъ всестороннему пересмотру и надѣется, что ея предложенія могутъ помочь выясненію дѣла. Предлагаемая газетой дачи таковы:

*Нормальная суточная дача
военнаго времени:*

	Бѣлковины.		Жировъ.	Углеводовъ.
	Г	р		
(безъ спиртныхъ напитковъ)				
350 грам. говядины, въ среднемъ.	73,50	19,20	—	
840 » ржано-пшеничн. хлѣба	51	4,20	422,50	
140 » риса или крупы . . .	12,10	1,50	104,30	
40 » растителън. консерв.	8,10	0,78	20,78	
50 » шпеку или друг. жир.	4,36	37,87	—	
40 » сахара къ чаю . . .	—	—	39,80	

Соль и перецъ.

Всего. . .	149,56	63,55	587,38
Излишекъ въ 87,38 грам. углево- дородовъ замѣщаетъ . . .	—	36,41	—
Всего. . .	149,56	99,96	500

При усиленной физической дѣя-
тельности необходимо. . .

Дача неприкосновеннаго запаса:

(безъ спиртныхъ напитковъ)

150 грам. мясныхъ консервовъ.	63	5	—
500 » пшеничныхъ сухарей или пресованнаго хлѣба . . .	44	12	400
100 грам. крупы	36	41,75	52
съ 50-ю грам. говяд. или свинины			
съ 50-ю грам. шпека			
40 грам. растителън. консервовъ	8,10	0,78	20,78
80 » сахара къ чаю . . .	—	—	79,60

Соли и перцу.

Всего. . .	151,10	59,53	552,38
Излишекъ въ 52,38 грам. углево- дородовъ замѣщаетъ . . .	—	21,80	—
Всего. . .	151,10	59,33	500

Говядина, хлѣбъ и рисъ могутъ
быть замѣнены:

350 грам. говядины.	73,50	19,20	—
400 » баранины	68	24	—
или 350 грам. свинины.	70	24,50	—
300 грам. копченой говядины. . .	81,60	46,05	—
300 » сыра	81,60	71,10	4,50

840 » хлѣба	51	4,20	422,50
600 » пшеничныхъ сухарей.	52,80	14,40	480
или 750 грам. пшеничнаго хлѣба.	52,50	3,70	413
» 560 » пшеничной муки .	56	5,60	424,50
140 грам. риса	12,10	1,50	104,30
140 » кукурузной муки . .	19,60	5,30	98
или 140 грам. пшеничной муки.	14	1,40	106,10
» 600 » картофеля	12	—	124,20

Относительно нѣкоторыхъ продовольственныхъ продуктовъ газета высказываетъ еще слѣдующія замѣчанія. Такъ какъ люди очень любятъ свинину и жиры безусловно необходимы въ составѣ полевой дачи, то можно на ряду съ говяжьими консервами ввести въ употребленіе консервы изъ свинины. Желательно было бы также заготовлять жиръ въ жестянкахъ. Для приготовленія пищи изъ растительныхъ консервовъ очень полезно прибавлять жира. Въ особенности можно рекомендовать для этой цѣли масло, потому что его можно ѣсть съ хлѣбомъ. Изготовленіе искусственнаго масла, превосходнаго по своимъ качествамъ, настолько распространено, что не встрѣтится затрудненій въ удовлетвореніи требованій военнаго вѣдомства. Кукурузная и пшеничная мука питательнѣе риса, поэтому противъ введенія ихъ въ составъ продовольственныхъ продуктовъ военнаго времени ничего нельзя возразить. Мучныя клецки приготовляются легко и быстро; ихъ можно класть въ супъ, или варить отдѣльно. Относительно спиртныхъ напитковъ газета высказываетъ пожеланіе, чтобы вино выдавалось людямъ регулярно, а въ исключительныхъ случаяхъ и водка. Наконецъ, она настаиваетъ на необходимости готовить пищу въ походѣ непременно два раза, давая людямъ на ужинъ хотя бы треть нормальной суточной дачи.

Авторъ брошюры «Das gegenwärtige Lage Europas und das Kriegsbudget Oesterreichs-Ungarn», произведшей извѣстное впечатленіе въ Австро-Венгріи, такъ какъ въ брошюрѣ этой выражаются, по общему мнѣнію, пожеланія самаго имперскаго военнаго министерства, смотритъ на вопросъ о продовольствіи войскъ съ болѣе практической точки зрѣнія, чѣмъ газета «Armeeblatt». По мнѣнію автора, въ будущую кампанію нельзя разчитывать на снабженіе массовыхъ армій печенымъ хлѣбомъ и свѣжимъ мясомъ; продукты эти придется замѣнить сухарями и мясными консервами. Если къ нимъ прибавить растительные консервы, то этими продуктами исчерпывается обыкновенная пищевая табель военнаго вре-

мени, а все остальное: хлѣбъ, свѣжее мясо, чай, кофе, спиртъ и т. д. можно будетъ доставлять только случайно и тѣмъ или другимъ войсковымъ частямъ, но не всей арміи. Тѣмъ настоятельнѣе, говоритъ онъ, необходимость заблаговременно обезпечить непрерывность снабженія войскъ продуктами обыкновенной пищевой табели. Нынѣшніе консервы, принятые въ австро-венгерской арміи, признаются неудовлетворительными; они недостаточно питательны, скоро прѣдаются и изготовленіе ихъ требуетъ много времени; замѣна нынѣшнихъ консервовъ болѣе подходящими къ условіямъ военнаго времени, признается весьма желательной. Авторъ настаиваетъ также на замѣнѣ тяжелыхъ провіантскихъ повозокъ болѣе легкими и болѣе подходящими къ топографическому характеру вѣроятныхъ театровъ войнъ. На помощь колеснымъ перевозочнымъ средствамъ должны придти въ широкомъ размѣрѣ полевые переносныя желѣзныя дороги, для чего слѣдуетъ заблаговременно заготовить необходимую матеріальную часть и дать этимъ перевозочнымъ средствамъ соотвѣтствующую организацію.

Въ проектѣ военной росписи на будущій годъ находимъ указанія на то, что военное министерство дѣйствительно раздѣляетъ, до нѣкоторой степени, взгляды автора брошюры, по крайней мѣрѣ, что касается продовольственныхъ вопросовъ. Въ роспись внесены довольно значительныя суммы на заготовку продовольственныхъ запасовъ военнаго времени, именно, сухарей и мясныхъ консервовъ. Признавая необходимымъ освѣжить первую партію этихъ запасовъ, изготовленныхъ въ 1887 г. на средства особаго кредита, военное управленіе предполагаетъ выдать и на продовольствіе войскъ и заготовить, вмѣсто израсходованныхъ, новую партію. Освѣженіе сухарей и консервовъ обойдется 858,000 гульденовъ. Кромѣ того, продовольственные запасы будутъ увеличены, на что требуется 1.705,000 гульд.; сумма эта будетъ расходоваться по частямъ. Затѣмъ, военное министерство испрашиваетъ 130,000 гульденовъ для начала массовой заготовки добавочныхъ консервовъ, включенныхъ въ составъ продовольственнаго обоза по новому положенію.

Положеніе объ обозѣ полевой арміи издаю 4-го ноября текущаго года и ввело многія существенныя перемѣны въ дѣйствовавшемъ устройствѣ этой категоріи вспомогательныхъ войскъ. Впредь, продовольственный обозъ каждой дивизіи будетъ состоять изъ четырехъ обозныхъ взводовъ; штатъ взвода: субалтернъ-офицеръ, 12 человекъ нижнихъ чиновъ, восемь казенныхъ лошадей и 82 обывательскихъ подводы. Взводъ образуетъ эшелонъ дивизионной про-

довольственной колонны и поднимает однодневный запас на 17,700 человекъ, 22,000 казенныхъ и 1,300 обывательскихъ лошадей дивизионнаго штаба, 15 баталіоновъ, кавалерійскаго и артилерійскаго дивизионовъ, летучаго артилерійскаго парка и санитарныхъ учреждений. Въсь суточной дачи продовольствія принять въ 900 граммовъ; дача овса казеннымъ лошадямъ въ пять килограммовъ, а обывательскимъ—въ три килограмма. Шестой взводъ обознаго эскадрона, придаваемаго каждой пѣхотной дивизіи, образуетъ резервный эшелонъ продовольственной колонны. Штатъ взвода: субалтернъ-офицеръ, 34 человекъ нижнихъ чиновъ, 16 казенныхъ лошадей и 152 обывательскихъ подводы. Шестой взводъ поднимаетъ трехдневный запасъ консервовъ на пѣхотную дивизію и то же подраздѣленъ на три эшелона, по однодневному запасу въ каждомъ. Въсь порціи людскихъ консервовъ принять въ 706 граммовъ, а конскихъ—въ 2,500 граммовъ. На тѣхъ же основаніяхъ организованы и продовольственныя колонны кавалерійскихъ дивизій. Каждый изъ четырехъ продовольственныхъ эшелоновъ имѣетъ по 94 обывательскихъ подводы, а шестой взводъ—153 обывательскихъ подводы. Продовольственный дивизионный обозъ корпусныхъ управленій состоитъ изъ четырехъ эшелоновъ, по 42 повозки въ каждомъ и трехъ эшелоновъ съ консервами, по 21-й повозки. Управленія арміями сохранили по два эшелона съ двухдневнымъ запасомъ продовольствія.

Такимъ образомъ, обозъ, который везетъ въ военное время третью категорію продовольственныхъ запасовъ, получилъ новое устройство, существенно отличающееся отъ прежняго. До сихъ поръ каждой пѣхотной и кавалерійской дивизіи полагалось придавать по двѣ продовольственныхъ колонны и каждая колонна должна была поднимать двухдневный запасъ. Теперь число эшелоновъ возросло до семи на каждую дивизію, но запасъ продовольствія въ каждомъ эшелонѣ сокращенъ съ двухдневнаго на однодневный. Дивизионный обозъ сталъ почти вдвое богаче продовольственными средствами, но эшелоны стали меньше, и, слѣдовательно, подвижнѣе, поворотливѣе. Тѣ же основныя начала примѣнены къ продовольственному обозу корпусныхъ управленій, но управленія арміями сохранили прежнее устройство продовольственнаго обоза.

Число продовольственныхъ транспортовъ, служащихъ подвижными продовольственными магазинами, осталось прежнее, т. е. 14. Они распредѣляются по одному между первыми по порядку 14 армейскими корпусами. Каждый транспортъ подраздѣленъ на 15 эшелоновъ и каждой изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій армейскаго кор-

пуca назначено по пяти эшелонѣ. Первые четыре изъ этихъ эшелонѣ возятъ по однодневному продовольственному запасу на дивизию, а пятый эшелонъ—трехдневный запасъ консервовъ. Такимъ образомъ, въ каждомъ транспортѣ первые 12 эшелонѣ возятъ обыкновенные продовольственные запасы, а три эшелона—запасъ консервовъ. Затѣмъ, въ извѣстныхъ эшелонахъ находится по однодневному запасу провіанта и фуража и по трехдневному запасу консервовъ для корпусныхъ управленій и для войскъ, не входящихъ въ составъ дивизій.

Если подсчитать общее количество подвижныхъ продовольственныхъ запасовъ, которыми полагается, въ настоящее время, обезпечить австро-венгерскія войска въ военное время, то окажется, что ихъ достанетъ уже не на 15 дней, какъ было установлено до сихъ поръ, а на 19—20 дней. Ранцевый запасъ остался трехдневный; запасъ полковаго обоза 2—3 дневный; въ продовольственныхъ колоннахъ—семидневный и въ продовольственныхъ транспортахъ—то же семидневный запасъ. Эшелонъ—эта единица продовольственнаго обоза—сдѣланъ болѣе подвижнымъ. Однако, организациа соединенныхъ продовольственныхъ колоннъ, формируемыхъ изъ полковаго провіантскаго обоза, осталась прежняя, т. е. онѣ поднимаютъ двухдневный запасъ и образуютъ въ каждой дивизіи одинъ эшелонъ.

До сихъ поръ по табелямъ продовольственныхъ учрежденій базиса не полагалось особаго обоза. Лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ коммуникаціонныхъ линій предусмотрѣно было формирование этапныхъ продовольственныхъ обозовъ. По новому положенію, въ случаѣ мобилизациа, должно быть сформировано 67 этапныхъ продовольственныхъ транспортовъ, каждый въ составѣ субалтернъ-офицера, ветеринара, 175 человекъ нижнихъ чиновъ, 290 лошадей и 66 повозокъ. Транспорты эти перевозятъ продовольствіе отъ конечныхъ желѣзнодорожныхъ станцій или рѣчныхъ пристаней въ постоянныя продовольственныя учрежденія, устраиваемыя вблизи расположенія операционной арміи. Порядокъ снабженія этапныхъ транспортовъ продовольственными запасами будетъ опредѣленъ впоследствии. Число повозокъ этихъ транспортовъ разсчитано такъ, что они могутъ поднять двухдневный запасъ на дивизию. Въ случаѣ, если казенныхъ повозокъ не достанетъ для этого, разрѣшается формировать этапные транспорты изъ обывательскихъ подводъ.

Во Франціи изъ числа продовольственныхъ вопросовъ обсуждались въ послѣднее время слѣдующіе: вопросъ объ общихъ продо-

вольственныхъ запасахъ военнаго времени и вопросъ о крѣпостныхъ продовольственныхъ запасахъ для гражданскаго населенія.

О выполняемой французскимъ военнымъ министерствомъ заблаговременной подготовки продовольственнаго базиса на случай войны военная печать сообщаетъ, что признано необходимымъ имѣть на-готовѣ 30-ти-дневный запасъ продовольствія на все штатное число частей полевыхъ войскъ. Запасъ этотъ распредѣляется такъ: выступая въ походъ, каждый человекъ несетъ на себѣ двухдневный неприкосновенный запасъ; на тотъ же срокъ запасы собраны въ извѣстныхъ пунктахъ на линіяхъ сосредоточенія; войсковою обозъ везетъ двухдневный запасъ, а дивизионный обозъ — четырехдневный. Въ большихъ магазинахъ района сосредоточенія (въ Эпиналь, Туль, Вердюнъ и т. д.) собранъ пятидневный запасъ. Наконецъ, въ резервныхъ магазинахъ находится 15-ти-дневный запасъ; подвозъ изъ этихъ магазиновъ будетъ производиться продовольственными транспортами. Магазины эти устроены въ Неверѣ, Дижонѣ, Шомонѣ и Труа. Образование запасовъ овса въ надлежащемъ количествѣ сопряжено съ особыми затрудненіями и, по свѣдѣніямъ журнала, еще не окончено.

Что касается до поднятаго во Франціи еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ вопроса о необходимости заблаговременнаго принятія мѣръ къ обезпеченію продовольствіемъ, въ военное время, гражданскаго населенія крѣпостей, то онъ принадлежитъ, безспорно, къ числу вопросовъ, которые должны озабочивать каждое изъ государствъ, располагающихъ большими крѣпостями съ многочисленнымъ населеніемъ. Французское военное министерство и парламентъ подвергли его весьма тщательной разработкѣ и послѣдовательное развитіе подготовительныхъ работъ, приведшихъ къ окончательному рѣшенію, представляетъ, несомнѣнно, много поучительнаго.

Во Франціи вопросъ возникъ вслѣдствіе сознанія невозможности выполнить ту статью положенія о полевомъ управленіи войскъ, которая обязывала, съ нѣкоторыми оговорками, комендантовъ крѣпостей, объявленныхъ въ осадномъ положеніи, очистить вѣрныя имъ укрѣпленные пункты отъ «безполезныхъ ртовъ». Если вспомнить, что въ числѣ французскихъ крѣпостей значатся такіе города, какъ Парижъ и Ліонъ, то станеть совершенно понятнымъ, отчего г. Фрейсинэ счелъ, что упомянутая выше статья останется мертвою буквой. Кромѣ того, возникало сомнѣніе, кого считать «безполезными ртами», такъ какъ во время осады многіе изъ лицъ гражданскаго населенія могли оказать существенныя услуги. По этимъ со-

ображеніямъ приходилось заранѣе примириться съ необходимостью кормить гражданское населеніе осажденныхъ крѣпостей и заблаговременно принять мѣры къ разрѣшенію этой задачи.

Военное министерство занялось этимъ дѣломъ и законъ 5-го марта 1890 года съ декретомъ 12-го марта показываетъ, къ какимъ основнымъ заключеніямъ оно въ то время пришло. На правительство возлагалась обязанность образовать продовольственные запасы для населенія крѣпостей какъ посредствомъ покупокъ и реквизицій, производимыхъ въ моментъ необходимости, такъ и образованіемъ въ мирное время неприкосновенныхъ запасовъ, въ размѣрѣ разрѣшаемыхъ парламентомъ кредитовъ. Такая постановка дѣла оказалась, однако, несоотвѣтствующей дѣйствительному положенію вещей. Не замедлило выясниться, что изъ всѣхъ указанныхъ способовъ заготовки продовольственныхъ запасовъ только на одинъ можно разсчитывать съ полною достовѣрностью, именно, на образованіе неприкосновеннаго запаса. Въ большихъ населенныхъ центрахъ Франціи торговцы все болѣе и болѣе усваиваютъ обыкновеніе доставлять нужные для населенія съѣстные припасы изо дня въ день. Въ Парижѣ, напримѣръ, въ сентябрѣ прошлаго года одновременно доставлялось 49,000 центнеровъ муки (122,500 пудовъ) и 5,000 центнеровъ зерна (12,600 пудовъ), между тѣмъ какъ 20 лѣтъ тому назадъ, въ 1870 году, одновременная доставка доходила до 266,000 центнеровъ (665,000 пудовъ) муки и 70,000 центнеровъ (175,000 пудовъ) зерна. Въ августѣ прошлаго года, въ Парижѣ, наличность продовольственныхъ запасовъ не превышала пятидневной потребности и такъ продолжалось нѣсколько недѣль, потому что запасы въ провинціяхъ были истощены и въ портахъ не было привознаго хлѣба.

Въ виду этихъ новыхъ фактовъ правительство признало законъ 5-го марта и декретъ 12-го марта недостаточными для достиженія поставленной цѣли. Кромѣ того, оно увидало, что муниципалитеты слишкомъ близко заинтересованы въ вопросѣ, чтобы не принять участія въ его разрѣшеніи. Вслѣдствіе этого, 20-го ноября прошлаго года былъ представленъ новый законопроектъ, которымъ предусматривалась совмѣстная дѣятельность правительства и органовъ городского и общиннаго управленія по разсматриваемому вопросу. Законопроектъ возлагалъ на муниципалитеты и общинные совѣты городовъ и общинъ, включенныхъ въ крѣпостные районы, обязанность заготовить и всегда содержать въ наличности запасы муки въ размѣрѣ требованій первоначальнаго продовольствія населенія осаж-

денныхъ крѣпостей. Опредѣленіе сроковъ, на которые должны заготовляться запасы, предоставлялось военному министру, но съ условіемъ, чтобы они не превышали двухъ мѣсяцевъ. Заботы о продовольствіи населенія по истеченіи этихъ сроковъ и до конца осады предоставлялись уже исключительно правительству. Половина продовольственныхъ запасовъ могла быть въ зернѣ, по расчету 27 килограммъ (64,8 фунта) зерна на 20 килограммъ (48 фунтовъ) муки, если крѣпостные районы обладаютъ достаточными средствами для перемола. Расходы по образованію неприкосновенныхъ запасовъ и по устройству мукомоленъ падаютъ на города и общины и составляютъ обязательные для нихъ расходы.

Комисія по военнымъ дѣламъ палаты депутатовъ, куда законопроектъ поступилъ на разсмотрѣніе, признала нужнымъ сдѣлать въ немъ существенныя измѣненія. Комисія безусловно признала необходимость этого рода неприкосновенныхъ продовольственныхъ запасовъ; она полагала даже болѣе благоразумнымъ предоставить исключительно военному министру образованіе запасовъ, но, съ другой стороны, сочла, что расходы, въ производствѣ которыхъ заинтересовано все государство, должны покрываться, по крайней мѣрѣ въ извѣстной степени, средствами государственнаго казначейства и поэтому несправедливо возлагать ихъ въ полномъ размѣрѣ на муниципалитеты. Кромѣ того, комисія находила, что общины съ небольшимъ населеніемъ даже не въ состояніи покрыть расходовъ, по неимѣнію источниковъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, контрпроектъ комисіи обусловливаетъ, чтобы къ участію въ расходахъ на заготовленіе неприкосновенныхъ продовольственныхъ запасовъ привлекались только тѣ изъ городовъ и общинъ, численность населенія которыхъ доходитъ до 40,000 человѣкъ и болѣе, и притомъ, чтобы они уплачивали только половину всей необходимой суммы, а другая половина вносилась бы государствомъ. Во всѣхъ остальныхъ городахъ и общинахъ запасы заготовляются исключительно на казенныя средства.

Изъ доклада комисіи видно, что въ числѣ населенныхъ пунктовъ крѣпостныхъ районовъ Франціи только 11 имѣютъ 40,000 человѣкъ и болѣе, именно: Парижъ, С.-Дени, Версаль, Калэ, Лиль, Безансонъ, Дижонъ, Лионъ, Гренобль, Ница и Тулонъ. Общая численность населенія этихъ городовъ — 3.409,032 человѣка. Первоначальные расходы на образованіе неприкосновенныхъ продовольственныхъ запасовъ для гражданскаго населенія указанной численности опредѣлены комисіей въ 29.328,630 франковъ, а расходы по храненію,

освѣженію и т. д. въ 2.850,057 франковъ. Суммы эти должны быть раздѣлены пополамъ между казной и муниципалитетами. Городовъ и общинъ, имѣющихъ менѣе 40,000 человѣкъ, находится въ крѣпостныхъ районахъ 681; общая численность ихъ населенія 1.583,562 человѣка. Единовременный расходъ для этихъ городовъ исчисленъ въ размѣръ 13.768,580 франковъ, а ежегодные расходы—въ размѣръ 1.337,350 франковъ. Обѣ эти суммы покрываются исключительно средствами государственнаго казначейства. Такимъ образомъ, по обезпеченію первоначальнаго продовольствія гражданскаго населенія крѣпостныхъ районовъ государство должно нести слѣдующіе расходы: 28.432,890 франковъ единовременныхъ и 2.762,378 франковъ ежегодныхъ.

27-го мая палата депутатовъ приступила къ первому чтенію правительственнаго законопроекта, измѣненнаго согласно указаніямъ комисіи. Общія пренія сосредоточились на вопросѣ о томъ, не слѣдуетъ-ли принять всѣхъ расходовъ по обезпеченію первоначальнаго продовольствія гражданскаго населенія крѣпостей на счетъ государства. По окончаніи этихъ преній, палата признала законопроектъ неотложнымъ, что давало ей право окончательно высказаться относительно законопроекта въ томъ же засѣданіи, и затѣмъ приняла проектъ въ редакціи комисіи.

В. Недзвѣцкій.

II.

УКРѢПЛЕНІЕ БУКАРЕСТА.

Въ «*Militär-Wochenblatt*» (№ 52-й) помѣщены слѣдующія выдержки изъ сообщенія полковника Volteanu «о Букарестскихъ укрѣпленіяхъ». Сообщеніе это было сдѣлано въ Букарестскомъ военномъ собраніи въ присутствіи наслѣдника престола и напечатано въ «*Revista armatei*» (№№ 6-й и 7-й текущаго года).

Первоначальныя работы по укрѣпленію Букареста—разбивка отдѣльныхъ фортовъ и постройка окружной желѣзной дороги, относятся къ 1885 г. Положено было построить форты въ разстояніи 12-ти кил. отъ центра города (діаметръ котораго 6—8 кил.) и въ 7—9 кил. отъ крѣпостной ограды. Такое удаленіе фортовъ можно считать вполне достаточнымъ для обезпеченія города отъ бомбардированія, если принять во вниманіе, что противникъ вынужденъ будетъ расположить свои батареи въ нѣсколькихъ километрахъ отъ фортовъ. Разстояніе между послѣдними опредѣлено было въ 4 кил., причемъ по серединѣ между каждыми двумя сосѣдними фортами положено было построить долговременныя батареи. Позади этой первой оборонительной линіи проектирована была другая линія временныхъ батарей, которая должна была быть построена лишь по приступленіи къ вооруженію крѣпости и притомъ только позади атакованнаго фронта; затѣмъ, третью линію должна была составить городская крѣпостная ограда, полигональнаго начертанія, предназначавшаяся для обезпеченія города отъ нечаяннаго нападенія и штурма.

Соотвѣтственно тогдашнему состоянію инженернаго искусства и способу веденія осадъ, первоначально построенные форты имѣли глубокіе рвы съ каменными эскарпами и контръ-эскарпами; гарнизонъ каждаго форта состоялъ изъ двухъ ротъ пѣхоты (500 чел.), а артилерійское вооруженіе изъ 20—30 орудій, изъ числа которыхъ

$\frac{1}{2}$ состояла изъ 15-ти-сант. пушекъ, расположенныхъ открыто за земляными брустверами.

Къ счастью для Румыніи, что изъ числа 36-ти проектированныхъ укрѣпленій (фортовъ и батарей) приступлено было къ постройкѣ лишь четырехъ, когда опыты стрѣльбы во Франціи, произведенные въ 1886 г. съ новыми разрушительными снарядами по форту Мальмезонъ у ла-Фера, совершенно уничтожали всѣ существовавшія до сего времени основанія по постройкѣ крѣпостей.

Румынское правительство убѣдилось въ необходимости укрыть крѣпостную артилерію отъ губительнаго дѣйствія новыхъ снарядовъ наступающаго, и именно, помѣщая ее въ броневыхъ башняхъ, причемъ двѣ различнаго типа башни были немедленно заказаны: одна на заводъ Грюзона въ Букау, а другая—въ С.-Шамонѣ. По объѣмъ этимъ башнямъ были произведены опыты стрѣльбы подъ Котрочени, причемъ оказалось, что ни одна изъ нихъ не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ; тѣмъ не менѣе опыты эти имѣли большое значеніе при проектированіи новыхъ башенъ. Французская цилиндрическая башня была признана никуда негодной: уже послѣ 30-ти попавшихъ снарядовъ, при стрѣльбѣ изъ 15-ти-сант. пушки съ разстоянія 1,000 метр., башня была демонтирована. За то круглыя вращающіяся нѣмецкія башни, системы Грюзона, оказались вполнѣ хорошими. Съ другой же стороны, опытная комисія высказалась въ пользу французской идеи о независимости орудійныхъ платформъ отъ башни, совершенно противоположной нѣмецкой. Принимая во вниманіе и результаты стрѣльбы по броневымъ башнямъ въ другихъ государствахъ, румынское правительство выработало особый типъ башни, преимущества которой заключаются въ слѣдующемъ:

1) Дула орудій едва замѣтно выступаютъ внаружу и представляютъ собою цѣль лишь въ моментъ выстрѣла, такъ какъ они, при помощи вращенія башни, вслѣдъ за симъ скрываются отъ взоровъ противника.

2) Внутреннее пространство башни не такъ стѣснено, вслѣдствіе отсутствія поворотной рамы.

3) Усовершенствованіемъ механизма удалось уменьшить на половину противъ прежняго время, потребное на вращеніе башни, т. е. съ 2 минутъ на 1 минуту.

4) Подвижная часть башни совершенно отдѣлена отъ неподвижной стальной плитой. При откатѣ орудій амбразуры закрываются особыми мѣдными цилиндрами; вслѣдствіе сего, во внутренность

башни попадаетъ только то незначительное количество пороховаго дыма, которое выдѣляется изъ канала орудія при открытіи запирающаго механизма; но и этотъ пороховой дымъ можетъ быть удаленъ устройствомъ цѣлесообразной вентиляціи.

5) Принятіемъ болѣе усовершенствованнаго вращательнаго механизма достигнута вполнѣ точная и быстрая боковая наводка орудій.

6) Обшивкою брони двумя слоями мягкой стали, каждый толщиной въ 2 сант., уменьшилось сотрясеніе башни отъ непріятельскихъ выстрѣловъ.

7) Хотя опыты, произведенные Грюзономъ подъ Магдебургомъ, доказали возможность полного уничтоженія отката орудій послѣ выстрѣловъ, тѣмъ не менѣе, ради ббльшей простоты и прочности, рѣшено было лишь уменьшить откатъ орудій до возможности, и именно, на нѣсколько сантиметровъ, для чего прекраснѣйшимъ средствомъ являлись гидравлическіе тормазы, за послѣднее время значительно усовершенствованные.

Въ подобныхъ, какъ выше изложено, броневыхъ башняхъ помѣщаются всѣ тяжелыя орудія; каждый фортъ вооружается шестью 15-ти-сант. пушками и тремя-четырьмя 21-сант. гаубицами, которыя, при углѣ возвышенія въ 25° , обстрѣливаютъ всю впередилежащую мѣстность на 7 километровъ. Для наводки этихъ орудій (при перекидной стрѣльбѣ) принятъ способъ Перихона, для чего опредѣлены разстоянія отъ каждаго форта до всѣхъ болѣе или менѣе замѣтныхъ мѣстныхъ предметовъ на разстояніи 10 кил., и, соотвѣтственно симъ разстояніямъ, опредѣлены углы возвышенія. Въ каждомъ фортѣ имѣется бронированная обсерваторія, снабженная лучшими оптическими приборами. Базою для дальномѣрныхъ инструментовъ служатъ точно измѣренныя разстоянія между отдѣльными обсерваторіями, соединенными между собою телеграфомъ и телефономъ. Для производства наблюденій ночью служатъ электрическія солнца, есвѣщающія мѣстность на разстояніи 4 кил. Кромѣ упомянутыхъ тяжелыхъ орудій каждый фортъ вооруженъ еще 4—6 скорострѣльными пушками 57-мил. калибра, могущими сдѣлать въ 1 минуту до 30-ти выстрѣловъ, а также четыре подвижными орудіями для стрѣльбы картечью; послѣднія орудія обыкновенно хранятся въ крытыхъ помѣщеніяхъ и устанавливаются на валахъ лишь передъ самымъ штурмомъ. Гарнизонъ каждаго форта состоитъ изъ 200 человекъ пѣхоты и помѣщается въ помѣщеніяхъ, обезпеченныхъ отъ навѣсныхъ выстрѣловъ бетоннымъ сводомъ, толщиной въ 3 метра; всѣ пути сообщенія внутри каждаго форта крытыя. Орудія

средняго калибра предположено помѣстить между фортами, не устраивая для нихъ особыхъ закрытій. Для укрытія же ихъ отъ взоръ противника должны служить нарочно насаженныя деревья, а для быстраго передвиженія съ одного мѣста на другое, какъ только непріятель пристрѣляется, — окружная желѣзная дорога.

На укрѣпленіе Букареста всего асигновано 60.000,000 франковъ. По плану, составленному генераломъ Бриальмономъ, должно быть построено 18 отдѣльныхъ фортовъ, изъ коихъ два большихъ, два средней величины и 14 небольшихъ размѣровъ. Въ настоящее время находятся въ постройкѣ 10 фортовъ, причемъ два большіе форта — Оторепи и Ghitila — должны быть вскорѣ готовы, шесть другихъ — въ теченіе текущаго года, а два — не позже весны 1892 г.

Л. Ш.

СОДЕРЖАНІЕ ДВѢСТИ ВТОРАГО ТОМА.

№ 11-й (Ноябрь).

I.

	СТРАН.
I. Самостоятельность частныхъ начальниковъ на войнѣ. (Статья третья). <i>Генералъ-лейтенантъ К. Войде</i>	5
II. Очеркъ дѣйствій западнаго отряда генералъ-адъютанта Гурко. (Часть I). Ноябрь 1877 года. (Статья третья). (Съ планомъ). <i>Генеральнаго штаба подполковникъ Епанчинъ</i>	35
III. Исслѣдованіе лѣсныхъ дѣйствій. III. Теорія лѣсныхъ дѣйствій. (Статья четвертая). <i>Подполковникъ Рѣшиковъ</i>	85
IV. Замѣтка о карьерѣ. <i>Е. Вольфъ</i>	111
V. По вопросу о перемѣнѣ позіціи артилеріи. (Окончаніе). <i>А. Павловъ</i>	116
VI. Учебная подготовка прапорщиковъ запаса и заурядъ-прапорщиковъ. <i>В. Вафталовскій</i>	159
VII. Къ вопросу объ офицерскихъ заемныхъ капиталахъ. <i>Генеральнаго штаба капитанъ Николаевъ</i>	167
VIII. О кухонныхъ очагахъ въ войскахъ и объ экономическихъ очагахъ системы капитана Кубаровскаго. <i>Д. В. Григорьевъ</i>	174
IX. Краткій очеркъ занятія Амурскаго края и его современнаго административнаго устройства. (Окончаніе). <i>Генеральнаго штаба подполковникъ Рагова</i>	183
X. Бухара. (Статья первая). (Краткій историческій очеркъ). <i>П. Поставскій</i>	237

II.

I. БИБЛИОГРАФІЯ. Собраній сочиненій и воспоминаній генералъ-фельдмаршала графа Гельмута фонъ-Мольте. («Gesammelte Schriften und Denkwürdigkeiten des General-Feldmarschalls Grafen Helmuth von Moltke. Dritter Band. Berlin 1891»). <i>В. А.</i>	1
II. РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Отчетъ о дѣйствіяхъ эмеритальной кассы военно-сухопутнаго вѣдомства въ 1889 г.	18
Избранныя рѣшенія главнаго военнаго суда за 1891 годъ, №№ 70-й, 71-й и 79-й.	38
III. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Большіе маневры германской, австро-венгерской и французской армій въ текущемъ году.—Двухсторонніе маневры 4-го, 11-го, 1-го и 2-го баварскихъ корпусовъ германской арміи.—Участіе въ маневрахъ 4-й резервной пѣхотной дивизіи.—Спеціальныя маневры.—Корпусныя маневры 2-го и 8-го корпусовъ австро-венгерской арміи.—Кавалерійскіе сборы.—Брѣвостные маневры у Коморна.—Маневры армій и группы армій во Франціи.—Спеціальныя кавалерійскіе и артилерійскіе сборы. <i>В. Недзвѣцкій</i>	44

№ 12-й (Декабрь).

I.

	СТРАН.
I. Эриванскій отрядъ въ кампанію 1877—1878 гг. (Со схемой). (Статья десятая). В. Колубакинъ.	269
II. Очеркъ дѣйствій западнаго отряда генераль-адъютанта Гурко. (Часть I.) Ноябрь 1877 года. (Статья четвертая). (Съ планами). Генеральнаго штаба подполковникъ Епанчинъ.	304
III. Самостоятельность частныхъ начальниковъ на войнѣ. Статья четвертая. Генераль лейтенантъ Вожде.	360
IV. Исслѣдованіе лѣсныхъ дѣйствій. (Статья пятая). Подполковникъ Рѣшниковъ.	378
V. О рубкѣ въ нашей конницѣ. Ротмистръ Коломейцовъ	422
VI. О калибрахъ въ полевой артилеріи. Е. Дворжицкій.	427
VII. Полевые мортиры и ихъ примѣненіе въ бою. Полковникъ Маевскій.	433
VIII. Замятка по поводу статьи: «По вопросу о перемѣнѣ позиціи артилеріи». Полковникъ Орловъ.	447
IX. Замятка по поводу статьи: «Очеркъ дѣйствій западнаго отряда генераль-адъютанта Гурко». Н. Д.	449
X. Бухара. (Топографической очеркъ). (Съ планомъ). (Окончаніе). П. Пославскій.	452

II.

I. БИБЛИОГРАФІЯ. Замятки объ австрійской арміи. По официальнымъ источникамъ и путевымъ запискамъ составилъ Н. Меддерсъ. Е. У.	69
II. РУССКОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Положеніе о военно-юридической академіи.	93
О кадрахъ государственнаго ополченія	111
О составѣ и устройствѣ инженерныхъ войскъ	114
Объ охотничьихъ командахъ	118
Избранныя рѣшенія главнаго военнаго суда за 1891 годъ, №№ 84-й, 85-й, 89-й, 90-й, 91-й, 98-й, 99-й, 100-й и 101-й.	122
III. ИНОСТРАННОЕ ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. 1) Продовольственные просы въ германской, австро-венгерской и французской арміяхъ.—Общій порядокъ продовольствія германскихъ войскъ въ мирное и военное время.—Вопросъ о хлѣбопеченіи.—Изготовление горячей пищи.—Недостаточность австрійской суточной дачи для военнаго времени.—Увеличеніе запаса консервовъ.—Заблаговременная подготовка продовольственнаго базиса во Франціи.—Крѣпостные продовольственные запасы для гражданскаго исчисленія. В. Недзвѣцкій.	140
2) Укрѣпленіе Бухареста. Д. Ш.	161

ПРИЛОЖЕНІЕ:

«Систематическій указатель «Военнаго Сборника» за 1858—1890 гг.».
(Отдѣльная книжка).

ОБЪЯВЛЕНІЕ
ОБЪ ИЗДАНИИ
ЖУРНАЛА
ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ
ВМѢСТѢ СЪ ГАЗЕТОЮ
РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ
ВЪ 1892 ГОДУ.

Съ Высочайшаго соизволенія, въ 1892 году „**Русскій Инвалидъ**“, издаваемый подъ одною общою редакціею съ „**Военный Сборникъ**“, будетъ выходить, по прежнему **ежедневно**, кромѣ дней, слѣдующихъ за праздниками, а „**Военный Сборникъ**“ — **ежемесячно**, книжками до 20 листовъ каждая.

Оба изданія, „**Русскій Инвалидъ**“ и „**Военный Сборникъ**“, служа другъ другу необходимыми дополненіемъ, будутъ: *ежедневная* газета — сообщать главные официальные извѣстія и слѣдить за многосторонними текущими событіями въ военномъ мірѣ, а также за явленіями, имѣющими соотношеніе къ военному дѣлу; *ежемесячный* журналъ — посвятить свои страницы всесторонней разработкѣ собственно военнаго дѣла въ болѣе обширномъ значеніи этой отрасли знаній.

Высочайше утвержденныя программы обоихъ изданій остаются прежнія.

ПРОГРАМА «ВОЕННОГО СБОРНИКА».

I. **Отдѣлъ военныхъ наукъ и литературный:** а) тактика; б) военная исторія; в) военная администрація; г) военная статистика и географія; д) фортификація и артилерія и е) литературныя статьи.

По **тактикѣ** будутъ помѣщаемы преимущественно статьи, относящіяся къ разрѣшенію вопросовъ, возбужденныхъ событиями послѣднихъ войнъ.

По **военной исторіи** будутъ помѣщаемы преимущественно описанія и разборы гдѣхъ войнъ и сраженій, въ которыхъ принимали участіе русскія войска. Къ каждому описанію будутъ прилагаемы, если понадобится, соотвѣтствующіе карты и планы.

По **военной администраціи**—все относящееся до управленія и хозяйства войскъ, какъ нашихъ, такъ и иностранныхъ.

По **военной статистикѣ и географіи**—обзоръ вооруженныхъ силъ различныхъ государствъ; описанія замѣчательнѣйшихъ театровъ войны.

По **фортификаціи и артилеріи** будутъ помѣщаемы изслѣдованія различныхъ вопросовъ по отношенію ихъ къ дѣйствию войскъ, по возможности безъ техническихъ подробностей, для обсужденія которыхъ существуютъ у насъ спеціальныя журналы.

Литературныя статьи: а) рассказы изъ военного быта; б) записки военныхъ людей (мемуары); в) путешествія, имѣющія военный интересъ; г) жизнеописанія замѣчательнѣйшихъ военныхъ людей.

II. **Современное обозрѣніе.** Отдѣлъ этотъ будетъ состоять изъ:

1) **Библиографія**, въ которой помѣщаются: библиографическіе разборы русскихъ и иностранныхъ періодическихъ военныхъ изданій; извлеченія изъ иностранныхъ военныхъ журналовъ; разборы военныхъ книгъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, а также сочиненій, имѣющихъ по своему содержанію прямую связь съ военнымъ дѣломъ. 2) **Русское военное обозрѣніе**—предположенія и главнѣйшія постановленія правительства по военной части; свѣдѣнія о нашей арміи въ ея служебной и боевой дѣятельности. Рѣшенія главнаго военного суда. 3) **Иностранное военное обозрѣніе**—свѣдѣнія о ходѣ военного дѣла въ иностранныхъ государствахъ и о военныхъ дѣйствіяхъ иностранныхъ армій.

ПРОГРАМА «РУССКАГО ИНВАЛИДА».

I. **Правительственныя извѣстія.** Сюда войдутъ: Высочайшіе приказы, повелѣнія и манифесты; приказы по военному вѣдомству, главнокомандующихъ и командующихъ войсками, циркуляры главнаго штаба и другихъ главныхъ управленій; извлеченія изъ главнѣйшихъ распоряженій по другимъ министерствамъ и управленіямъ, имѣющихъ соотношеніе съ военной частью, и проч.

II. **Объяснительныя статьи по военнымъ вопросамъ.** Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться статьи, имѣющія цѣлью разъяснить главныя правительственныя постановленія по военной части.

III. **Военныя статьи и корреспонденціи.** Сюда войдутъ: извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ русской и иностранныхъ армій; свѣдѣнія о занятіяхъ и о бытѣ войскъ свѣдѣнія о разнаго рода улучшеніяхъ и нововведеніяхъ въ устройствѣ русской и иностранныхъ армій; краткія извлеченія изъ отчетовъ военныхъ управленій и войсковыхъ начальниковъ; статьи по различнымъ военнымъ вопросамъ, представляющія текущій интересъ и требующія безотлагательнаго сообщенія читателямъ для вызова ихъ мнѣній.

IV. **Телеграммы и извѣстія о замѣчательныхъ происшествіяхъ, отечественныхъ и заграничныхъ.**

При телеграмахъ будутъ помѣщаемы необходимыя объясненія; извѣстія же будутъ преимущественно помѣщаться такія, которыя могутъ интересовать военное сословіе.

V. Библиографическіе отзывы о книгахъ в статьяхъ, заслуживающихъ вниманія въ смыслѣ обще-военнаго образованія.

VI. Казенныя и частныя объявленія.

Вполнѣ сознавая всю важность задачи, возложенной на журналъ „**Военный Сборникъ**“ и соединенную съ нимъ газету „**Русскій Инвалидъ**“, главная редакція этихъ изданій, принимая всѣ зависящія отъ нея мѣры для возможно лучшаго выполненія Высочайше утвержденныхъ программъ, въ то же время надѣется на дружное содѣйствіе членовъ военнаго общества, безъ котораго усилія редакціи не вполнѣ достигли бы своей цѣли.

Желающіе помѣщать свои статьи въ „**Военномъ Сборникѣ**“ и въ „**Русскомъ Инвалидѣ**“ благоволятъ доставлять ихъ въ редакцію журнала. Въ случаѣ одобренія статья, онѣ будутъ напечатаны при первой возможности. Въ случаѣ же неодобренія — возвращаются автору, *по его личному востребованію, или доверенному отъ него лицу; безъ всякихъ объясненій.*

При этомъ редакція проситъ: въ статьяхъ переводныхъ или составленныхъ по нѣсколькимъ сочиненіямъ обозначать источники; подъ статьями *четко* подписывать свои имена и адреса; причемъ, по желанію авторовъ, имена ихъ могутъ быть скрыты отъ публики и останутся извѣстны только редакціи; статьи-же и письма *неподписанныя* редакція печатать не можетъ.

Вознагражденіе за статьи, помѣщаемыя въ „**Военномъ Сборникѣ**“, определено: за переводы отъ 12 до 20 руб. съ печатнаго листа; за извлеченія и компиляціи до 30 руб., а за оригинальныя статьи до 50 руб. и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, болѣе. Вознагражденіе за статьи, помѣщаемыя въ „**Русскомъ Инвалидѣ**“, будетъ основываться на вышеприведенномъ разсчетѣ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на „Военный Сборник“ и „Русскій Инвалидъ“ на 1892 годъ принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи означенныхъ изданій: на Надеждинской, домъ Трута, № 48.

Военно-служащіе и войсковыя части, подписывающіеся на „Русскій Инвалидъ“ и „Военный Сборникъ“, т. е. на оба изданія вмѣстѣ, платятъ съ доставкой и пересылкою тринадцать рублей.

Отдѣльная подписка на журналъ и газету для всѣхъ безъ различія назначается:

За годовой экземпляръ журнала „Военный Сборникъ“ девять рублей, съ пересылкою и доставкой въ Петербургѣ на домъ. Заграничная подписка двѣнадцать рублей. На мѣсячные сроки подписка на журналъ «Военный Сборникъ» не принимается.

За годовой экземпляръ газеты „Русскій Инвалидъ“ девять рублей, съ пересылкою и доставкой въ Петербургѣ на домъ.

Подписная цѣна на газету „Русскій Инвалидъ“ на сроки:

ВЪ РОССИИ:				ЗА ГРАНИЦЕЙ:					
На годъ	9	р.	—	к.	На годъ	15	р.	—	к.
„ 11 мѣсяцевъ	8	»	50	»	„ 11 мѣсяцевъ	14	»	—	»
„ 10 „	8	»	—	»	„ 10 „	13	»	—	»
„ 9 „	7	»	50	»	„ 9 „	12	»	—	»
„ 8 „	7	»	—	»	„ 8 „	11	»	—	»
„ 7 „	6	»	50	»	„ 7 „	10	»	—	»
„ 6 „	6	»	—	»	„ 6 „	9	»	—	»
„ 5 „	5	»	—	»	„ 5 „	8	»	—	»
„ 4 „	4	»	—	»	„ 4 „	7	»	—	»
„ 3 „	3	»	50	»	„ 3 „	6	»	—	»
„ 2 „	3	»	—	»	„ 2 „	4	»	—	»
„ 1 „	1	»	50	»	„ 1 „	3	»	—	»

главный редакторъ журнала „Военный Сборникъ“ и военной газеты „Русскій Инвалидъ“

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ ЛАВРЕНТЬЕВЪ.

Помощникъ Главнаго Редактора, Генералъ-Маіоръ ЛАЧИНОВЪ.

ВЪ КОНТОРЪ РЕДАКЦІИ «ВОЕННАГО СБОРНИКА»

МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ЖУРНАЛЪ «ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ»,

ОСТАВШИЙСЯ ВЪ КРАЙНЕ ОГРАНИЧЕННОМЪ ЧИСЛѢ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ ТОЛЬКО ЗА СЛѢДУЮЩІЕ ГОДЫ:

1862, 1864, 1865, 1866, 1867, 1868, 1869, 1880, 1882, 1883, 1884,
1885, 1886 и 1887 гг.

ЦѢна годоваго изданія шесть руб.

За 1888, 1889 и 1890 года цѣна годоваго изданія семь рублей.

За пересылку слѣдуетъ высылать по почтовому положенію,
за 12 фунтовъ.

Географическіе и статистическіе очерки Царства Польскаго съ раскрашенною картою. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Черты изъ жизни и царствованія Императора Николая I. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 25 к.

Русская армія въ вѣкъ Императрицы Екаторины II. Цѣна 50 к., съ пересылкою 75 к.

Требованія книгъ, не означенныхъ выше, не могутъ быть удовлетворяемы, равно какъ и другія порученія, не относящіяся прямо до редакціи.

При большемъ числѣ статей, присылаемыхъ въ редакцію „**Военнаго Сборника**“, возвращеніе авторамъ статей, не предназначенныхъ къ напечатанію, съ объявленіемъ причинъ, почему онѣ не могли быть помѣщены въ этомъ журналѣ, весьма неудобно по многимъ причинамъ. Вслѣдствіе этого, редакція „**Сборника**“ проситъ авторовъ обратить вниманіе на слѣдующія слова объявленія объ изданіи журнала на 1891 годъ:

«Желающіе помѣщать свои статьи въ «Военномъ Сборникѣ» благоволятъ доставлять ихъ въ редакцію «Сборника». Въ случаѣ одобренія, статьи будутъ напечатаны въ «Сборникѣ» при первой возможности. Въ случаѣ же неодобренія—возвращаются автору, по его личному востребованію, или довѣренному отъ него лицу, безъ всякихъ объясненій.»

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Подписка на „Военный Сборник“ и „Русскій Инвалидъ“ на 1892 годъ принимается въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ редакціи означенныхъ изданій: на Надеждинской, домъ Трута, № 48.

Военно-служащіе и войсковыя части, подписывающіеся на „Русскій Инвалидъ“ и „Военный Сборникъ“, т. е. на оба изданія вмѣстѣ, платятъ съ доставкой и пересылкою тринадцать рублей.

Отдѣльная подписка на журналъ и газету для всѣхъ безъ различія назначается:

За годовой экземпляръ журнала „Военный Сборникъ“ девять рублей, съ пересылкою и доставкой въ Петербургѣ на домъ. Заграничная подписка двѣнадцать рублей. На мѣсячные сроки подписка на журналъ «Военный Сборникъ» не принимается.

За годовой экземпляръ газеты „Русскій Инвалидъ“ девять рублей, съ пересылкою и доставкой въ Петербургѣ на домъ.

Подписная цѣна на газету „Русскій Инвалидъ“ на сроки:

ВЪ РОССІИ:				ЗА ГРАНИЦЕЙ:			
На годъ . . .	9 р.	—	к.	На годъ . . .	15 р.	—	к.
„ 11 мѣсяцевъ	8	50	„	„ 11 мѣсяцевъ	14	—	„
„ 10 „	8	—	„	„ 10 „	13	—	„
„ 9 „	7	50	„	„ 9 „	12	—	„
„ 8 „	7	—	„	„ 8 „	11	—	„
„ 7 „	6	50	„	„ 7 „	10	—	„
„ 6 „	6	—	„	„ 6 „	9	—	„
„ 5 „	5	—	„	„ 5 „	8	—	„
„ 4 „	4	—	„	„ 4 „	7	—	„
„ 3 „	3	50	„	„ 3 „	6	—	„
„ 2 „	3	—	„	„ 2 „	4	—	„
„ 1 „	1	50	„	„ 1 „	3	—	„

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОРЪ ЖУРНАЛА „ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ“ И ВОЕННОЙ ГАЗЕТЫ „РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ“

Генеральнаго Штаба Генераль-Лейтенантъ ЛАВРЕНТЬЕВЪ.

Помощникъ Главнаго Редактора, Генераль-Майоръ ЛАЧИНОВЪ.

